

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

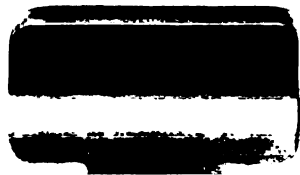
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

63

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лѣт., № 12.

1897.

UCD LIBRARY
KRAUS REPERTORIUM
Niedeln, Steyermark
66
Digitized by Google

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1897 года.
Непрѣмѣнный секретарь, Академикъ *И. Дубровский*.**

**Printed in Germany
Lessing-Druckerei – Wiesbaden**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1894 годъ:	
I. За январь — май 1894 г.	I—XV
II. » сентябрь — декабрь 1894 г.	XV—XIX
Приложенія къ протоколамъ:	
I. Объ ученыхъ трудахъ доктора русскаго языка и словесности А. А. Шахматова. — Записка орд. акад. А. Ф. Бычкова.	XX—XXIV
II. Краткій отчетъ о завѣтихъ за-границей доцента Императорскаго Санктпетербургскаго университета П. А. Сирку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг.	XXV—LXI
Приложенія:	
Отчетъ о десятомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 году.	№ 1. 1—74
1. Отчетъ, въ извлеченіи читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1894 г. председательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордн. акад. А. Ф. Бычковымъ.	1—74
2. Рецензія «Сочиненій гр. А. А. Голицынова-Кутузова. Т. I—II (Спб. 1894)», написанная чл.-корр. Н. Н. Страховымъ.	2—20
3. Разборъ романа К. Баранцевича «Двѣ жены (Семейный очагъ)» (Спб. 1894), составленный А. С. Сувориннымъ.	20—35
4. Разборъ сочиненія А. В. Лонгинова: «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго кн. Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г. (Одесса, 1892 г.).	35—74

Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1894 годъ, составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и читанный въ засѣданіи 29 декабря 1894 г.	№ 2. 1—9
Алфавитный указатель именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. яз. и словесн. Императорской Акад. Наукъ за январь — декабрь 1894 г. и въ приложеніяхъ № 1—2.	I—XXII
Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. — Составилъ П. А. Ровинскій. — Томъ II. Часть I: Этнографія.	№ 3. IV, XXIV и 778
Оглавленіе.	I—IV
Введеніе.	I—XXIV
Глава I. Племенной составъ Черногоріи. . .	1—128
» II. Племя.	128—191
» III. Семья или домъ и жизнь въ семьѣ. .	191—288
» IV. Черногорецъ, какъ отдѣльная единица, и его индивидуальныя свойства	288—434
» V. Жилище со всею внутреннею и вѣшною обстановкой.	434—492
» VI. Народный костюмъ и относящееся къ нему домашнее (женское) производство	492—531
» VII. Пища, питье и употребленіе табаку. .	531—558
» VIII. Счетъ, мѣра, вѣсъ и монета	558—571
» IX. Земледѣліе.	571—634
» X. Скотоводство.	634—693
» XI. Обработывающая промышленность. .	693—702
» XII. Пути сообщенія и средства передвиженій.	702—715
» XIII. Охота на звѣрей и птицъ и рыбная ловля.	715—737
» XIV. Досугъ (игра, пляска, пѣнье и другія забавы).	737—770
Дополненіе къ гл. XI.	770—778
Рисунки къ стр. 458—9. Опечатки и мелкіе недосмотры.	

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ЗА 1894 ГОДЪ.

I. за январь — май 1894 г.

По поводу вопроса объ окончаніи „Фонвизинскаго сборника“, начатаго печатаніемъ покойнымъ академикомъ Н. С. Тихонравовымъ и остановившагося за его смертію на 20-мъ листѣ, въ засѣданіи Отдѣленія 11 декабря прошлаго года было рѣшено навести справки въ академической типографіи: было ли что-нибудь набрано на 21-й листъ и не былъ ли доставленъ отъ покойнаго академика оригиналъ для продолженія. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ академической типографіи, по отпечатаніи 20 листа, было набрано нѣсколько гранокъ 21-го и въ одной изъ первыхъ корректуръ были въ свое время возвращены отъ Николая Саввича съ его поправками, и что, за остающимся еще на нѣсколько гранокъ матеріаломъ, дальнѣйшаго въ ней оригинала не имѣется. Покойный академикъ намѣренъ былъ помѣстить въ слѣдующихъ листахъ еще нѣсколько переводныхъ трудовъ Фонвизина, но въ виду неизвѣстности источниковъ, откуда предполагалось ихъ извлечь, едва ли не придется отказаться отъ продолженія Сборника и ограничиться выпускомъ въ свѣтъ только того, что уже отпечатано или сохранилось въ наборѣ. При этомъ академикъ Л. Н. Майковъ предложилъ Отдѣленію приостановить выпускъ въ свѣтъ Фонвизинскаго сборника до описи назначенными опекунами рукописей и бумагъ Н. С. Тихонравова, такъ какъ, быть можетъ, между послѣдними найдутся такія, которыя могли бы войти въ составъ Сборника, и во всякомъ случаѣ помѣстить въ немъ, кромѣ предисловія, весьма замѣчательную біографію Фонвизина, написанную академикомъ Тихонравовымъ и напечатанную въ невыпущенномъ въ свѣтъ Словарѣ питомцевъ

Императорскаго Московскаго университета.—Предложеніе одобрено и разрѣшено Л. Н. Майкову сдѣлать распоряженіе о снятіи копій съ біографіи Фонвизина.

Академикъ Л. Н. Майковъ предложилъ Отдѣленію присоединить къ Фонвизинскому сборнику двѣ пьесы, которыя приписываются по тѣмъ или другимъ основаніямъ Д. И. Фонвизину и которыя покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ предполагалъ включить въ свое изданіе, именно: „Повѣствованіе мнимаго глухаго и нѣмаго“ и „Чортикъ на дрожжахъ“— и исключить по представленнымъ имъ соображеніямъ статью носящую заглавіе: „Аввакумовскій скитникъ“, выдержавшую въ свое время нѣсколько изданій (1780, 81, 90 и 91 гг.).— Отдѣленіе одобрило это предложеніе.

Тотъ же академикъ прочиталъ составленное имъ предисловіе къ сборнику сочиненій Фонвизина, предпринятому покойнымъ академикомъ Н. С. Тихонравовымъ. Предисловіе одобрено и положено, присоединивъ его къ указанному изданію Отдѣленія, выпустить его отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“.

Доложено письмо Е. Р. Романова, въ которомъ онъ проситъ Отдѣленіе, не найдетъ ли оно возможнымъ притти ему на помощь для изданія VI и VII выпусковъ Бѣлорусскаго сборника, которые будутъ заключать въ себѣ 160 бѣлорусскихъ сказокъ, — или выдачею субсидіи въ два года (1894 и 1895) въ размѣрѣ тысячи рублей, или безмезднымъ напечатаніемъ собранныхъ имъ сказокъ типографіею Академіи или, наконецъ, исходатайствованіемъ просимой имъ субсидіи въ два указанные года у Министерства Народнаго Просвѣщенія. При этомъ г. Романовъ сообщилъ, что при разборѣ имъ сказокъ выяснилась невозможность издать всѣ имѣющіяся у него произведенія даже одного этого рода и онъ долженъ былъ отказаться отъ печатанія сказокъ животнаго эпоса и бытовыхъ, и даже легендъ и преданій. Затѣмъ, при выборѣ сказокъ, такъ называемыхъ мнѣческихъ, оказалось, что ихъ, кромѣ вариантовъ, имѣется у него 160 №№ (почти всѣ его записи). Положено предварительно войти въ сношеніе съ г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и просить его назначить, если возможно, изъ имѣющихся у него средствъ какое-либо пособіе г. Романову для изданія его труда.

Представленъ г. предсѣдательствующимъ трудъ покойнаго

академика И. И. Срезневскаго „Обозрѣніе древнихъ русскихъ кормчихъ книгъ“. Этотъ трудъ распадается на слѣдующія составныя части: 1) Введеніе (о кормчей книгѣ Православной Церкви), 2) Описаніе каждой кормчей, какъ памятника языка и письменности, 3) Сравнительное разсмотрѣніе кормчихъ книгъ по содержанію, 4) Сравнительное разсмотрѣніе разныхъ переводовъ статей въ нихъ помѣщенныхъ, 5) Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ русскихъ статей, помѣщенныхъ въ древнихъ спискахъ кормчей книги, 6) Приложенія, заключающія въ себѣ выдержки изъ нѣкоторыхъ статей кормчей книги по древнимъ спискамъ русскаго письма. Трудъ Исаиила Ивановича приготовленъ къ печати и въ отношеніи къ приводимымъ текстамъ сличенъ вновь по рукописямъ сыномъ его, В. И. Срезневскимъ. Положено „Обозрѣніе древнихъ русскихъ кормчихъ книгъ“ помѣстить въ Сборникъ Отдѣленія.

Академикъ И. В. Ягичъ сообщилъ, по просьбѣ предсѣдательствующаго, копію съ слѣдующаго сдѣланнаго имъ въ свое время отзыва о рукописныхъ матеріалахъ А. Л. Петрова, который вновь обратился въ Отдѣленіе съ ходатайствомъ о напечатаніи ихъ:

„Мнѣ кажется, что при скудости источниковъ для исторіи языка и внутренняго быта угорскихъ Русскихъ матеріалъ, собранный г. Петровымъ, представляетъ значительный интересъ. Въ рукописи, содержащей „Толкованіе Евангелій“ сохранилось, при довольно слабой традиціи церковно-славянскои очень много чертъ мѣстнаго говора, такъ что языкъ этой рукописи можетъ быть прямо названъ угорско-русскимъ XVII столѣтія съ извѣстной долей примѣси языка литературнаго. По-моему было бы полезно для исторіи русскаго языка напечатать часть этой рукописи цѣликомъ, часть же въ извлеченіяхъ. Рукопись, заключающая въ себѣ статью противъ уніи, не представляетъ большого филологическаго значенія, но изъ нея можно бы тоже напечатать частичку, хотя бы для образца, какъ уже тогда мадыарскій языкъ вліялъ на славянскій.

„Гораздо замѣчательнѣе тетрадки, въ которыхъ заключаются апокрифическія молитвы и заговоры. Изъ нихъ надо бы напечатать почти все.

„Лѣчебникъ — сочиненіе неважное. Изъ него было бы достаточно извлечь лексикографическія данныя — названія травъ и лѣварствъ.

„Выписки лѣтописнаго характера, точно также подборъ различныхъ послѣсловій — все это важно какъ матеріалъ для освѣщенія исторіи тѣхъ мѣстностей не то политической, не то литературной. И эти мелочи не мѣшало бы напечатать.

„Само собою разумѣется, что къ этимъ текстамъ желательно имѣть введеніе автора, въ которомъ онъ распространился бы какъ о содержаніи, такъ и о формѣ собранныхъ имъ матеріаловъ“.

Положено сообщить этотъ отзывъ г. Петрову и просить его доставить въ Отдѣленіе собранные имъ матеріалы для новаго ихъ пересмотра.

Читана записка помощника Пріамурскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Гродекова, въ которой онъ, сообщая объ открывающемся Пріамурскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (съ филиальными отдѣленіями въ Читѣ, Нерчинскѣ и Владивостокѣ), просить снабдить бібліотеку Отдѣла изданіями Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, выславъ ихъ на его, генерала Гродекова, имя, въ Хабаровскѣ. Положено просьбу эту уважить, выславъ воѣ изданія Отдѣленія, въ томъ числѣ и имѣющіеся на лицо томы Ученыхъ Записокъ и Извѣстій.

Читано переданное изъ Правленія Академіи отношеніе С.-Петербургской Городской Управы (отъ 11 февраля сего года за № 1209), съ просьбою увѣдомить — въ виду состоявшагося постановленія Городской Думы о постановкѣ на домѣ, въ которомъ скончался М. В. Ломоносовъ, доски съ надписью, — не имѣется ли точныхъ свѣдѣній, гдѣ и въ какомъ именно домѣ скончался Ломоносовъ? Положено означенную просьбу С.-Петербургской Городской Управы передать академику М. И. Сухомлинову и просить его сообщить Отдѣленію — не находится ли у него свѣдѣній: въ какомъ домѣ скончался М. В. Ломоносовъ, для доставленія ихъ въ С.-Петербургскую Городскую Управу.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, по поводу просьбы Отдѣленія дать необходимыя для С.-Петербургской Городской Управы указанія о томъ, въ какомъ именно домѣ скончался М. В. Ломоносовъ, заявилъ, что по имѣющимся у него даннымъ онъ можетъ пока сообщить, что Ломоносовъ скончался 4 апрѣля 1765 г. въ собственномъ домѣ, находившемся, какъ извѣстно, въ приходѣ Исаакіевскаго собора и приблизительно, по

преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построенъ домъ Е. И. Ламанскаго. Впрочемъ эти данныя слѣдуетъ еще провѣрить и вообще вопросъ можетъ быть окончательно рѣшенъ только по наведеніи справокъ въ архивѣ С.-Петербургской Городской Думы, въ который онъ проситъ Отдѣленіе командировать г. Благовѣщенскаго, приглашеннаго къ занятіямъ по изданію Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ. — Положено просьбу эту исполнить.

М. И. Сухомлиновъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о ходѣ работъ г. Благовѣщенскаго по разысканію имъ въ архивѣ С.-Петербургской Городской Думы, по порученію Отдѣленія, свѣдѣній относительно дома, въ которомъ скончался М. В. Ломоносовъ и затѣмъ, въ краткихъ словахъ разсказахъ исторію перехода означеннаго дома — нынѣ уже не существующаго — изъ рукъ въ руки до поступленія его въ собственность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По болѣе точнымъ справкамъ, наведеннымъ г. Благовѣщенскимъ, оказалось, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Ломоносова, нынѣ находится зданіе, занимаемое г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. — Положено принять къ свѣдѣнію и ожидать полнаго доклада отъ г. Благовѣщенскаго.

Заявлено о кончинѣ члена-корреспондента Отдѣленія, Франціо Рачкаго, послѣдовавшей 1 (13) февраля, въ Загребѣ. Извѣстный ученый, въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1867 по 1887 г., бывшій президентомъ Югославянской Академіи, Рачкій внимательно слѣдилъ за движеніемъ науки въ Россіи и питалъ къ ней сердечную любовь. Потеря его чувствительно отзовется вообще въ славянскомъ мірѣ и особенно въ Хорватіи.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ Отдѣленію, что въ Академіи Художествъ хранится колоссальная мозаичная картина работы М. В. Ломоносова — одинъ изъ первыхъ его опытовъ въ семь искусствъ, — изображающая Полтавскій бой. Академія Художествъ по недостатку мѣста не можетъ отвести этому произведенію подобающаго мѣста и готова уступить картину Академіи Наукъ. Отдѣленіе сочувственно отнеслось къ заявленію Л. Н. Майкова и при этомъ высказало желаніе, чтобы картина, если она сдѣлается собственностію Академіи Наукъ, была помѣщена въ большой конференцъ-залѣ.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ Отдѣленію, что онъ желалъ бы, для пополненія имѣющихся уже у него матеріаловъ

для Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина, войти въ сношеніе съ проживающимъ въ Парижѣ А. Ф. Онѣгинимъ, у котораго, какъ извѣстно, хранится довольно большая коллекція автографовъ Пушкина. Положено предоставить Л. Н. Майкову войти въ сношеніе съ г. Онѣгинимъ.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что И. И. Курисъ общалъ, по возвращеніи къ себѣ въ деревню, доставить въ Отдѣленіе находящіяся у него автографы Пушкина.

Академикъ Л. Н. Майковъ передалъ нижеслѣдующую копію съ письма М. В. Ломоносова къ И. И. Бецкому, отъ 7 октября 1764 г., доставленную ему П. М. Майковымъ. Собственноручный подлинникъ письма хранится въ общемъ архивѣ Министерства Императорскаго Двора въ книгѣ № 101, по описи ¹³/₁₈₇, стр. 24:

„Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Ваше Превосходительство униженно прошу меня въ томъ извинить, что утруждаю Васъ сею присылкою пробы при письмѣ и при томъ нѣкоторымъ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ. Пробы географическихъ обоевъ ¹⁾ на тафтѣ и на атласѣ препоручаю на ваше благорассмотрѣніе и потому ожидаю 140 аршинъ того или другою матеріалу и по прапорціи гладкой хорошей холстины на поделейку, или все купить приказать изволите. Первое для насъ безотвѣтственнѣ.

Между тѣмъ вамъ, Милостивому Государю, доношу, что черезъ годичное время перебрано отъ меня съ заводовъ къ мастеру Мартино для Ораніенбаумскаго дому на украшеніе мозаичныхъ матеріаловъ на 1077 рублей, и тому поданъ реестръ Господину Снѣткову, который уповаю дошелъ и до Вашего Превосходительства. Того ради униженно прошу для крайней моей нужды не укоснить приказаніемъ выдачи оныя сумму (sic).

Болѣзнь моя не дозволяетъ самолично отдать мое почтеніе, котораго всегда достоодолжнымъ рачителемъ пребываю всеусердно. Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій и усердный слуга Михайло Ломоносовъ.

1764 г. Октября 7 дня.

¹⁾ Подъ „географическими обоями“ слѣдуетъ разумѣть обои съ изображеніемъ географическихъ картъ, которыми Императрица Екатерина предполагала отдѣлать одну изъ комнатъ Зимняго дворца. Изготовленіе ихъ предполагалось поручить Ломоносову. (Прим. П. М. Майкова).

Р. С. Ежели въ моемъ сочиненіи Вашему Превосходительству нѣтъ надобности, то прошу всепокорнѣйше приказать переслать ко мнѣ для пересмотра и поправокъ“.

Извѣстный собиратель славяноскихъ пѣсень съ ихъ напѣвами, чешскій этнографъ, Людвикъ Куба, сообщая въ письмѣ своемъ отчетъ о поѣздкѣ по Шумадіи, Босніи и Герцоговинѣ, обратился съ просьбою назначить ему отъ Академіи пособіе на новое путешествіе по Сербіи. — Отдѣленіе опредѣлило выслать въ видѣ субсидіи на продолженіе этнографическихъ трудовъ г. Кубѣ, единовременно, *десяти* рублей.

Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, П. А. Сырку, обратился въ Отдѣленіе съ просьбою оказать ему денежное пособіе для поѣздки съ лингвистическою и историко-литературною цѣлію по славянскимъ землямъ (по Далмаціи, Бокѣ Которской и Венгріи), которую онъ намѣренъ предпринять нынѣ лѣтомъ для продолженія своихъ наблюденій и разысканій, начатыхъ имъ во время поѣздки лѣтомъ минувшаго года по Галиціи, Далмаціи, Босніи и Герцоговинѣ. Представленная имъ записка была слѣдующаго содержанія:

„Лѣтомъ прошлаго года я былъ командированъ С.-Петербургскимъ университетомъ въ славянскія земли съ ученою цѣлію на три лѣтнихъ мѣсяца. За это время я посѣтилъ прежде всего Краковъ и Львовъ, въ бібліотекахъ которыхъ я занимался славянскими рукописями около мѣсяца. Отсюда я поѣхалъ въ Далмацію, гдѣ я работалъ главнымъ образомъ въ бібліотекахъ Дубровника, Сплѣта (Spalato) и Задра (Zaga) и затѣмъ въ православномъ монастырѣ Керкѣ и католическомъ Висовцѣ. Изъ Далмаціи я переѣхалъ въ Герцоговину и Боснію, въ главномъ городѣ которой я довольно подробно ознакомился съ славянскими рукописями въ теченіи болѣе одной недѣли. Наконецъ на обратномъ пути въ Россію я посѣтилъ г. Вингу, главный центръ банатскихъ болгаръ. Результатъ моихъ занятій оказался довольно богатымъ, тѣмъ болѣе, если взять во вниманіе непродолжительность времени, нерѣдко дальность разстояній и весьма незначительныя средства. Подробный отчетъ о своихъ занятіяхъ во время этой поѣздки я готовлю для Академіи Наукъ къ осени текущаго года.

„Къ сожалѣнію, ни время, ни средства не позволили мнѣ въ прошломъ году посѣтить намѣченные мною пункты Далмаціи

и Боки Которской, имѣющіе немаловажное значеніе въ исторіи южнославянской письменности и лингвистики. Въ виду этого я желалъ бы въ нынѣшнемъ году докончить свои занятія тамъ, на что я могъ бы употребить два лѣтнихъ мѣсяца, іюль и августъ. Свои изысканія нынѣшняго года я намѣренъ сосредоточить въ православныхъ монастыряхъ Боки Которской и главнымъ образомъ въ монастырѣ Банѣ близъ Кастельнови, въ которомъ сохранилась довольно богатая сравнительно рукописная бібліотека славянская, и въ богатыхъ памятниками боснійскаго письма францисканскихъ боснійскихъ монастыряхъ въ Травниѣ и Фойницѣ. Кромѣ того я имѣю въ виду докончить свои наблюденія надъ живымъ языкомъ на островахъ Адриатическаго побережья: Брачѣ (Braza), Хварѣ (Lessina) и Корчулѣ (Curzola) въ Далмаціи, представляющихъ въ лингвистическомъ отношеніи особыя, весьма интересные говоры хорватскаго языка, и надъ языкомъ малоизвѣстныхъ банатскихъ болгаръ въ Венгріи и наконецъ ознакомиться на мѣстѣ съ остатками трансильванскихъ болгаръ и ихъ языка въ округѣ г. Брашова (Кронштадта), также въ Венгріи.

„Считаю нужнымъ здѣсь присовокупить, что мое желаніе предпринять новую поѣздку въ нынѣшнемъ году въ указанныя выше славянскія земли вызывается не простою любознательностію, но потребностію пополнить мои познанія въ славяновѣдѣніи, необходимыя при изложеніи моихъ университетскихъ курсовъ и для специальныхъ работъ. Такое пополненіе тѣмъ болѣе необходимо, что всѣ перечисленныя выше славянскія мѣста съ точки зрѣнія славянства остаются до сего времени малоизвѣстными или неизвѣстными.

„Въ виду скудости моихъ матеріальныхъ средствъ имѣю честь покорнѣйше просить Отдѣленіе о командированіи меня въ упомянутыя выше славянскія земли на два лѣтнихъ мѣсяца нынѣшняго года, іюль и августъ, и объ оказаніи мнѣ матеріальной помощи для успѣшнаго веденія занятій, подробный отчетъ о которыхъ я буду имѣть честь представить Отдѣленію по возвращеніи“.

По выслушаніи означенной записки Отдѣленіе, въ виду ожидаемыхъ результатовъ отъ поѣздки г. Сырку въ славянскія земли, опредѣлило выдать ему въ пособіе *десяти* рублей изъ суммъ Отдѣленія.

Приглашенный въ засѣданіе Отдѣленія одинъ изъ сотру-

никовъ „Словаря русскаго языка“, адъюнктъ физико-математическаго Отдѣленія, С. И. Коржинскій, обратившійся въ Отдѣленіе съ просьбою сообщить ему, откуда заимствуются Отдѣленіемъ опредѣленія и народныя названія растений, включаемыя въ корректурныя формы Словаря, изложилъ нѣсколько своихъ соображеній относительно выбора для помѣщенія въ словарь языка народныхъ названій растений и научной ботанической номенклатуры. При этомъ онъ сообщилъ, что при чтеніи доставляемыхъ ему корректурныхъ формъ онъ иногда отмѣчалъ къ исключенію тѣ ботаническія названія, которыя ему казались малоизвѣстными или уже устарѣлыми, а часто оставлялъ ихъ и безъ всякой отмѣтки, не будучи увѣренъ въ согласіи на то Отдѣленія. Отдѣленіе, выразивъ благодарность Сергѣю Ивановичу за его содѣйствіе общему академическому труду, просило его не отказать сообщить въ Отдѣленіе для руководства будущему редактору „Словаря русскаго языка“ изложенныя имъ нынѣ въ засѣданіи мысли объ упорядоченіи внесенія ботаническихъ названій и терминовъ въ Словарь.

Вслѣдствіе этой просьбы адъюнктъ С. И. Коржинскій, доставилъ въ Отдѣленіе слѣдующаго содержанія записку, излагающую его взглядъ на то, какія названія растений слѣдуетъ помѣщать въ „Словарѣ русскаго языка“ и какія должны быть изъ него исключаемы:

„Принимая участіе въ редактированіи издаваемого Отдѣленіемъ „Словаря русскаго языка“, я постоянно встрѣчалъ затрудненія при обсужденіи того, какія названія растений слѣдуетъ помѣщать въ „Словарѣ“ и какія удобнѣе исключить. Желая по возможности избѣжать слишкомъ субъективнаго отношенія въ этомъ вопросѣ, я рѣшилъ представить нѣкоторыя соображенія по этому поводу на разсмотрѣніе Отдѣленія съ тѣмъ, чтобы его рѣшеніе послужило на будущее время руководящей нитью при редактированіи специальной русской терминологіи и номенклатуры.

Имѣя въ виду основную задачу „Словаря“, состоящую въ томъ, чтобы представить весь запасъ словъ, которымъ располагаетъ современный литературный языкъ, и рассматривая съ этой точки зрѣнія тотъ матеріалъ который заключается въ разныхъ ботаническихъ сочиненіяхъ, руководствахъ, спискахъ и каталогахъ, я полагаю, что при обсужденіи вопроса о томъ, какія именно изъ названій растений и специальныхъ терми-

новъ должны быть помѣщены въ „Словарѣ“, надо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Существуютъ многія названія, которыя прямо переведены съ латинскаго или греческаго языка. Такія названія были предлагаемы во многихъ сочиненіяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія (особенно много ихъ собрано въ „Словарѣ родовыхъ названій растений“ Мартынова, Спб. 1826). Насколько они подчасъ тяжеловѣсны и неудобны для произношенія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Camphogama—Камфаровникъ.

Tremanthus—Дыроцвѣтникъ.

Siphonanthus—Дулоцвѣтникъ.

Calyplectus—Сплетночашникъ.

Chrysogonum—Златоколѣбникъ

Schizolobium—Колкостручникъ

Varyosma—Тяжелопахучка.

Подобныя слова часто приводились и въ позднѣйшихъ изданіяхъ (словарѣ Даля, нерѣдко и Анненкова) „для полноты“, но, какъ названія, соботвенно никогда не употреблялись. Всѣ такія слова, по моему мнѣнію, должны быть выброшены, ибо ихъ нельзя считать свойственными языку, но слѣдуетъ разсматривать лишь какъ неудачныя попытки нововведеній. Но тѣ переводныя названія, которыя, благодаря большому благозвучію и удобству произношенія, укоренились въ научномъ и даже въ литературномъ языкѣ, какъ напр.: *дыманка*, *отпрыщница*, *хотланка*, *тысячелистникъ* и т. п., разумѣется, должны быть приняты въ „Словарь“.

2) Многія названія взяты изъ разныхъ старыхъ „травниковъ“ и лѣчебниковъ и въ настоящее время вовсе вышли изъ употребленія. При этомъ многія изъ нихъ вѣроятно и прежде скорѣе употреблялись, какъ эпитеты или прозвища, понятныя лишь въ извѣстномъ кружкѣ или при извѣстныхъ условіяхъ, но никогда не разсматривались, какъ настоящія названія. Такковы, напр., *чортюво земь*, *чортюво калъ*, и т. п. Всѣ такія слова можно бы и не упоминать совсѣмъ.

3) Среди такъ называемыхъ народныхъ названій, наиболѣе многочисленныхъ, можно отличить нѣсколько категорій, имѣющихъ неоднаковое значеніе съ точки зрѣнія издаваемаго „Словаря“:

а) Во-первыхъ наиболѣе важны, разумѣется, такія названія,

которыя общезвѣстны не только въ народѣ, но укоренились и въ общей литературѣ и имѣютъ вполне определенное значеніе, какъ напр.: *ландышъ, кропива, щавель, лебеда, мята, ясень, ива* и т. п.

б) Во вторую категорію мы отнесемъ такія названія, которыя, хотя и общезвѣстны, но свойственны болѣе народному языку, чѣмъ общелитературному, и притомъ не имѣютъ вполне определеннаго значенія, но примѣняются къ различнымъ растеніямъ. Таковы, напр., *куринная слезота* или *куростикъ, музгалъ кропива, кашка, купирь, мишинный горохъ* и т. п. Такія названія, конечно, заслуживаютъ упоминанія въ „Словарѣ“. Я считаю только лишнимъ перечислять при нихъ всѣ растенія, къ которымъ можетъ относиться каждое изъ такихъ названій, ибо это перечисленіе во всякомъ случаѣ не можетъ быть ни полнымъ, ни точнымъ. Гораздо лучше было бы отмѣчать при этомъ тотъ типъ растеній, который обозначается даннымъ названіемъ (такъ напр. *кашка* — различныя растенія съ мелкими цвѣтами; *музгалъ кропива* — растенія изъ семейства губоцвѣтныхъ съ листьями, похожими на кропиву, но не жгучими; *купирь* — различныя зонтичныя и т. д.) или то растеніе, къ которому наиболѣе относится то или другое названіе (такъ напр. *мишинный горохъ* называютъ различныя бобовыя, но главнымъ образомъ виды — *Vicia*).

в) Къ третьей категоріи народныхъ названій можно отнести тѣ изъ нихъ, которыя не принадлежатъ къ общезвѣстнымъ, но записаны разными изслѣдователями въ тѣхъ или другихъ губерніяхъ. Такія названія, собственно говоря, относятся уже къ областнымъ нарѣчіямъ и могутъ быть помѣщаемы въ „Словарѣ“ лишь съ большимъ выборомъ въ особенности, если они относятся къ растеніямъ ничѣмъ не выдающимся. Собственно говоря, определенныя народныя названія имѣютъ только такія растенія, которыя практически важны въ томъ или другомъ отношеніи, напр. употребляются въ пищу, имѣютъ примѣненіе въ народной медицинѣ и т. п. Къ номенклатурѣ остальныхъ растеній народъ относится довольно безразлично, почему въ ихъ названіяхъ, записанныхъ часто безъ должной осмотрительности и критики замѣчается нерѣдко значительный произволъ и даже слѣды импровизаціи.

г) Изъ инородческихъ названій нѣкоторыя болѣе извѣстныя и укоренившіяся въ русскомъ языкѣ, какъ напр.: *чичмакъ, саксауль, хармыкъ*, заслуживаютъ, по моему мнѣнію, упоминанія.

4) Садовыя растенія обыкновенно не имѣютъ русскихъ названій, но и въ сочиненіяхъ по садоводству и въ каталогахъ садовыхъ заведеній извѣстны подъ латинскими именами, которыя часто пишутся русскими буквами. Несмотря на это послѣднее обстоятельство, большинство изъ нихъ, разумѣется, и остается по существу иностранными словами. Но многія другія, въ особенности названія болѣе распространенныхъ растеній, будучи часто употребляемы, понемногу укореняются въ русскомъ языкѣ въ первоначальной или нѣсколько измѣненной формѣ. Такія названія какъ: *резеда, азалея, рододендръ, арумъ, локсинія, фуксія, пеларгонія, драцена, камелія* и т. п. извѣстны воѣмъ и составляютъ уже принадлежность литературнаго языка. Они, конечно, должны быть помѣщены въ „Словарѣ“ тѣмъ болѣе, что подобное заимствованіе и ассимиляція иностранныхъ словъ составляетъ вообще одно изъ самыхъ могучихъ средствъ для развитія языка, въ особенности научнаго. Относительно ботанической номенклатуры опытъ наглядно показалъ, что латинскія названія растеній, вслѣдствіе своей общепонятности, укореняются въ языкѣ предпочтительно передъ выдуманными русскими (такъ напр. всѣ говорятъ: *драцена*, но не драконникъ; *арумъ*, но не аронникъ). Не лишнее, быть можетъ, здѣсь напомнить, что и такія названія, какъ *барбарисъ, кедръ, каштанъ, сирень, персикъ, шалфей, табакъ, фиалка* и проч. суть также иностранныя слова, но ассимилированныя и отъ долгаго употребленія окончательно сроднившіяся съ русскимъ ухомъ.

5) Наконецъ, скажу нѣсколько словъ относительно разныхъ техническихъ терминовъ, употребляющихся для обозначенія растительныхъ семействъ, органовъ растеній и различныхъ специальныхъ явленій въ растительномъ мірѣ. Эти термины изъ учебниковъ и руководствъ усваиваются учащеюся молодежью и понемногу такимъ образомъ укореняются въ языкѣ. Между тѣмъ русская научная терминологія далеко не установлена, и разные авторы произвольно употребляютъ термины въ той или другой редакціи, нерѣдко противной духу русскаго языка. Въ виду этого мнѣ казалось бы, что, хотя разработка специальной терминологіи и не входитъ въ задачи издаваемого „Словаря“, но слѣдовало бы все-таки помѣщать въ немъ и болѣе распространенные специальные термины. Принятіе Академіей той или другой ихъ редакціи способствовало бы ея закрѣп-

ленію и такимъ образомъ содѣйствовало бы установленію болѣе правильной научной терминологіи“.

Отдѣленіе, съ особеннымъ удовольствіемъ выслушавъ записку г. Коржинскаго и вполнѣ соглашаясь со всѣмъ въ ней изложеннымъ, опредѣлило выразить ему свою благодарность и просить его при просмотрѣ дальнѣйшихъ корректурныхъ формъ Словаря держаться предложенныхъ имъ правилъ.

Академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ прочиталъ составленное имъ предисловіе къ новому изданію „Онежскихъ былинъ“ покойнаго А. Ѡ. Гильфердинга, печатаемому подъ редакцію Константина Николаевича въ Сборникѣ Отдѣленія.— Одобрено.

По поводу истекающаго, 26 сего мая пятидесятилѣтія со дня выхода *первою* изданія важнаго педагогическаго труда академика Ѡ. И. Буслая: „О преподаваніи отечественнаго языка“, положено, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ привѣтствовать его отъ имени Академіи Наукъ телеграммою слѣдующаго содержанія:

„Академія Наукъ привѣтствуетъ васъ по случаю совершившагося пятидесятилѣтія со времени появленія вашего сочиненія „О преподаваніи русскаго языка“. Этимъ трудомъ внесено въ нашу науку историко-сравнительное направленіе. Вы первый у насъ соединили изученіе литературы и искусства; вы своими трудами развили интересъ къ занятіямъ нашей стариной и бытомъ; подъ вашимъ вліяніемъ воспиталось цѣлое поколѣніе дѣятелей въ этой области. Да пошлетъ вамъ Богъ здоровья и силъ“.

Приглашенный въ засѣданіе Отдѣленія извѣстный этнографъ и путешественникъ П. А. Ровинскій сдѣлалъ краткій докладъ о содержаніи продолженія своего труда: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“.

Въ 1888 г. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ надало первый томъ означеннаго труда, заключающій въ себѣ отдѣлы географіи и исторіи Черногоріи; въ предложенномъ г. Ровинскимъ вниманію Отдѣленія его продолженіи заключается *этнографія*, раздѣленная на слѣдующія главы:

I. Племенной составъ Черногоріи съ указаніемъ на происхожденіе и исторію каждаго племени въ отдѣльности.

- II. Племя съ подраздѣленіемъ его на братства и мелкіе роды; его внѣшнія отношенія (къ другимъ племенамъ) и внутренній строй.
- III. Семья и жизнь въ семьѣ.
- IV. Черногорецъ, какъ отдѣльная единица (индивидуумъ):
- 1) типъ физическій
 - и 2) типъ нравственный.
- V. Жилище.
- VI. Пища.
- VII. Одежда (домашняя, женская промышленность).
- VIII. Земледѣліе.
- IX. Скотоводство.
- X. Обрабатывающая промышленность.
- XI. Пути сообщенія и способы передвиженій.
- XII. Охота на звѣрей и птицъ и рыбная ловля.
- XIII. Мѣра, вѣсъ и деньги.
- XIV. Война и воеванье.
- XV. Досугъ (игры и забавы).
- XVI. Обычай и обрядовая жизнь.
- XVII. Общее міровоззрѣніе черногорца.
- XVIII. Плоды свободной фантазіи и остроумія.
- XIX. Языкъ.

Относительно нѣкоторыхъ главъ (IV, XVI и XVIII) г. Ровинскій представилъ подробное объясненіе.

Сообразно съ одобреннымъ Отдѣленіемъ первоначальнымъ планомъ сочиненія засимъ остаются еще отдѣлы: археологія и современное состояніе Черногоріи, при чемъ въ послѣдній отдѣлъ, по словамъ г. Ровинскаго, войдутъ, главнымъ образомъ, только статистическія данныя, такъ какъ многое изъ народной соціальной и экономической жизни помѣщено въ этнографіи и потому эти два отдѣла не будутъ обширны. Но при всемъ томъ отдѣлъ этнографіи, вполнѣ уже приготовленный къ печати, оказывается настолько обширнымъ, что помѣщеніе упомянутыхъ двухъ отдѣловъ въ одной книгѣ можетъ оказаться неудобнымъ; поэтому г. Ровинскій предложилъ раздѣлить второй томъ на двѣ части.

Сверхъ того г. Ровинскій просилъ Отдѣленіе разрѣшить ему присоединить къ труду нѣсколько рисунковъ и чертежей, необходимыхъ для бѣльшей ясности въ описаніи предметовъ

изъ народной жизни, какъ напр. особаго типа дома въ Васоевичахъ, сѣней, тельги, мельницъ (мукомольной и сужновальной), раловъ (родъ сохи), деревяннаго моста и т. п.

Отдѣленіе, выслушавъ докладъ г. Ровинскаго, выразило ему благодарность и постановило: 1) приготовленный оригиналъ труда сдать въ типографію для набора; 2) второй томъ раздѣлить на двѣ части; 3) изъ первой части второго тома составить LXII томъ Сборника и 4) разрѣшить г. Ровинскому приложить къ своему труду показанные имъ въ Отдѣленіи рисунки.

II. Сентябрь — декабрь 1894 г.

Академикъ **Ө. И. Буслаевъ** въ отвѣтъ на посланную ему, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ, привѣтственную телеграмму по случаю истекшаго 50-тилѣтія со дня выхода въ свѣтъ 1-го изданія его труда „О преподаваніи отечественнаго языка“, прислалъ нижеслѣдующее письмо, адресованное на имя Его Императорскаго Высочества, съ выраженіемъ глубокой признательности за привѣтствіе:

„Ваше Императорское Высочество,

Благоволите принять мою глубочайшую благодарность за милостивое вниманіе, котораго Ваше Высочество, въ качествѣ Президента Академіи наукъ, удостоили меня воспоминаніемъ о совершившемся пятидесятилѣтіи по изданіи моего сочиненія „О преподаваніи отечественнаго языка“.

Въ этомъ трудѣ своемъ я неукоснительно слѣдовалъ указаніямъ Ломоносова, который превознесъ нашъ прекрасный и могучій русскій языкъ передъ всѣми прочими европейскими по неистощимому богатству составныхъ элементовъ и по разнообразному наизяществу формъ.

Вмѣняю себѣ въ особенное счастье воспользоваться даннымъ случаемъ чтобы засвидѣтельствовать Вашему Высочеству мое глубочайшее уваженіе и неизмѣнную преданность. **Өеодоръ Буслаевъ**“. — 25 мая 1894 г.

Г. предсѣдательствующій представилъ Отдѣленію отпечатанные покойнымъ академикомъ **Н. С. Тихонравовымъ** 6 листовъ его труда, заключающаго текстъ отреченныхъ книгъ и

по плану издателя долженствовавшаго служить продолженіемъ и исправленіемъ изданныхъ имъ уже давно „Памятниковъ отреченной русской литературы“ (т. I и II 1863 года). При этомъ онъ заявилъ, что беретъ на себя трудъ допечатать неоконченный текстъ: „Видѣніе Варуха“, и снабдить тексты предисловіемъ для помѣщенія въ одномъ изъ томовъ Сборника Отдѣленія. Одобрено.

Г. предсѣдательствующій прочиталъ письмо Л. Кубы, въ которомъ онъ обращается къ Отдѣленію съ новою просьбой назначить ему пособіе на заключительную поѣздку въ будущемъ году въ Сербію для собиранія пѣсенъ съ ихъ напѣвами. Положено отложить до будущаго года обсужденіе просьбы г. Кубы. вмѣстѣ съ симъ г. предсѣдательствующимъ были представлены недавно полученные отъ г. Кубы два выпуска его труда: „Slovanstvo ve svých pŕevĕch“.

Читана записка академикомъ: А. Ѳ. Бычкова и И. В. Ягича объ ученыхъ трудахъ доктора славяно-русской филологіи Алексѣя Александровича Шахматова, предлагаемаго ими, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи, въ адъюнкты Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. По прочтеніи записки, была произведена закрытая баллотировка и, по счетѣ и повѣркѣ шаровъ г. Предсѣдательствующимъ, оказалось, что А. А. Шахматовъ единогласно избранъ Отдѣленіемъ въ адъюнкты. Определено: сообщить о семъ г. Непремѣнному секретарю для баллотированія А. А. Шахматова въ Общемъ Собраніи Академіи и приложить прочитанную въ настоящемъ засѣданіи Отдѣленія записку о трудахъ г. Шахматова.

Читано письмо священника Лубенскаго уѣзда с. Исачекъ Василія Романова, въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи заняться собираніемъ мѣстныхъ повѣрій, преимущественно имѣющихъ отношеніе къ народному „номоканону“. Авторъ письма, представляемаго здѣсь въ извлеченіи, говоритъ:

„Жизнь народа, выражающаяся въ складѣ его быта, вкусахъ, языкѣ, убѣжденіяхъ и отправленіяхъ, представляетъ собою глубокой и обширный интересъ.

Долго живя среди народа, я давно зналъ, что у него есть свои разныя повѣрья; но этимъ знаніемъ мое отношеніе и ограничивалось. Когда же мнѣ былъ ввѣренъ приходъ с. Исачекъ, Тишковой волости, Лубенскаго уѣзда, населенный потомками древняго племени Суличей, во многомъ довольно оригинальными, мнѣ, и по долгу званія, приходилось болѣе тщательно изучать ихъ религіозный міръ и во многихъ случаяхъ брать его во вниманіе. Мы не говоримъ объ исповѣдуемой нами религіи (православіи), но имѣемъ въ виду ту догматику и тотъ номоканонъ, который составляетъ произведеніе самого народа, передаваемое отъ одного поколѣнія другому, по преданію.

Своимъ религіознымъ правиламъ народъ придаетъ строгую каноническую важность и убѣжденъ, что священнику эти правила извѣстны болѣе, чѣмъ другому простолюдину. Оттого часто случается, что къ священнику обращаются за разрѣшеніемъ того или другого вопроса изъ народнаго кодекса, а священникъ о существованіи подобнаго вопроса или правила никогда не слышалъ. Какое значеніе имѣетъ въ жизни народа этотъ народный уставъ и какое мѣсто въ немъ приходится занимать священнику, изъ множества примѣровъ приведу на удачу нѣсколько.

1) Повивальная деревенская бабка приходитъ къ священнику и проситъ разрѣшить, можно-ли ей пойти на приглашеніе для воспріятія ребенка къ женщинѣ, если она вчера воспринимала у другой женщины. На вопросъ священника, почему она обращается за разрѣшеніемъ, бабка отвѣтила, что по воспріятію одного ребенка, не выждавъ извѣстнаго числа дней, воспринимать другого—считается грѣхомъ. Вотъ правило, отъ соблюденія и несоблюденія котораго можетъ нерѣдко зависѣть жизнь рождающей и рождаемаго.

2) Весною я люблю работать въ саду, копать, сажать и пересаживать. Однажды, послѣ недѣли Пасхи, въ одинъ изъ дней, я, работая самъ, подъ вечеръ замѣтилъ, что прихожане мои словно празднуютъ. На мой вопросъ о причинѣ этого мнѣ отвѣтили: „Вы и сами знаете, что отъ недѣли Пасхи до Вознесенія — „святые вечера“, и какъ только приближается вечеръ, должно оставлять всякую работу“. Отсюда для меня возникаетъ острый вопросъ, работать-ли самому или оставить, чтобы не насиловать ихъ немощной совѣсти?

3) По прибытіи въ домъ для погребенія умершаго, я за-

стала на полу соръ, солому, грязь. Спрашиваю, почему не убрано, не подметено, — молчать, пожимаютъ плечами, въ недоумѣніи переглядываются. Уже потомъ я узналъ, что до выноса покойника изъ дома въ избѣ убирать и подметать не позволено.

4) По уставу церкви праздникъ св. Троицы—двухдневный, а народъ канонизируетъ этотъ праздникъ наравнѣ съ Пасхою и празднуетъ всю недѣлю, не допуская въ теченіе ея и совершенія браковъ.

Сталкиваясь изъ дня въ день лицомъ къ лицу съ народнымъ канономъ и признавая его значеніе въ ихъ жизни и въ расположеніи моихъ дѣйствій, я призналъ необходимымъ и полезнымъ изучить его, собрать, свести въ одно цѣлое, какъ въ видахъ научныхъ, такъ и для того, чтобы не быть профаномъ въ окружающей средѣ. Кажется мнѣ, у насъ еще не существуетъ спеціальнаго сборника по этому предмету; да хотя бы и существовалъ, думаю, моя работа не будетъ напрасною, такъ какъ во всякомъ случаѣ мнѣ необходимо изучить свой приходъ, который, какъ отдѣльная мѣстность, имѣетъ свою фязіономію.

Исходя изъ этого убѣжденія, я началъ тщательнѣе слѣдить, подмѣчать, записывать народныя преданія и правила касательно религіозныхъ отправленій, и въ настоящее время собрано таковыхъ болѣе 100; но это еще только капля. Чтобы трудъ этотъ имѣлъ не только этнографическое, но и пастырское значеніе, мнѣ хотѣлось бы въ будущемъ, когда этихъ записей наберется болѣе достаточно, систематизировать ихъ параллельно съ церковными книгами. Такъ къ церковной мишеѣ параллельно представить мишею народную; къ церковному требнику параллельно подогнать народный требникъ; также поступить и съ тріодью и проч. Къ книгѣ было бы необходимо присоединить два очерка по вопросамъ, стоящимъ въ связи съ предметомъ сборника: 1) богословскій очеркъ съ изложеніемъ народныхъ догматовъ по основнымъ вопросамъ вѣры, 2) очеркъ лексической стороны народнаго устава, хотя бы настолько, насколько она характеризуется въ названіяхъ празднествъ святыхъ; такъ напр.: „Обвертеніе“, „Охтыгъ“ вмѣсто: Обрѣтеніе, Феоктистъ и проч. Впрочемъ, было бы интересно прослѣдить и собрать, хоть какъ памятникъ грядущимъ поколѣніямъ, всѣ теперешнія извращенія и недомолвки словъ, коренящіяся, не-

сомнѣнно, въ племенныхъ законахъ и строѣ языка, подобно тому, какъ нѣкоторые великоруссы произносятъ: „Платава“, „Кѣвъ“, вм. Полтава, Кіевъ. Тутъ просто придется прослѣдить за каждою буквою, за каждымъ видомъ сочетанія ихъ, чтобы найти, какія именно буквы мѣстныя народный языкъ отбѣкаетъ или прибавляетъ, переставляетъ или измѣняетъ, напр.: „Жанжерей, титехторъ, кладовище, габзелъ“, вм.: инженеръ, архитекторъ, кладбище, вокзалъ и т. п.

Между тѣмъ, пока будутъ набираться эти наблюденія, можно изображать жилище, пищу, одежду, утварь, внѣшній обликъ мѣстнаго обывателя и, насколько будетъ возможно, его исторію“.

Въ заключеніе авторъ проситъ Академію указать ему, могутъ ли намѣченныя имъ работы имѣть какое-либо научное значеніе, въ какое учрежденіе онъ могъ бы постоянно обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ при вопросахъ и куда направлять самыя работы, такъ какъ издавать ихъ на свои средства онъ рѣшительно не имѣетъ возможности.

Положено препроводить письмо священника Романова въ этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, о чемъ и увѣдомить автора письмомъ.

На имѣющіяся свободными вакансіи членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія избраны единогласно ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ и экстраординарный профессоръ Московской духовной Академіи Григорій Александровичъ Воскресенскій.

Г. Предѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета П. А. Сырку доставилъ краткій отчетъ о двухъ своихъ поѣздкахъ въ славянскія земли, совершенныхъ имъ въ 1893 и 1894 гг., съ присоединеніемъ описаній нѣкоторыхъ обследованныхъ имъ съ филологической точки зрѣнія рукописей въ бібліотекахъ и архивахъ Кракова, Львова, Далмаціи и Босніи. Положено представленный г. Сырку отчетъ помѣстить въ приложеніи къ извлеченіямъ изъ протоколовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

**Объ ученыхъ трудахъ доктора русскаго языка и словесности
Алексѣя Александровича Шахматова.**

Записка ординарнаго академика А. Ф. Вычкова.

Съ кончною Я. К. Грота Отдѣленіе русскаго языка и словесности лишилось представителя въ области русскаго языка и его исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ почти остановился взятый на себя нашимъ покойнымъ сочленомъ трудъ значительныхъ размѣровъ, требующій усиленныхъ занятій — словарь русскаго языка. Такъ какъ на Отдѣленіи лежитъ нравственная обязанность продолжать это дѣло и довести его до конца, то академики Ягичъ и Бычковъ старались найти такое лицо, которое, кромѣ достаточной ученой подготовки, доказываемой его трудами, могло бы все свое время, всю свою энергію посвятить интересамъ, задачамъ и цѣлямъ Отдѣленія. Они обратили вниманіе на доктора русскаго языка и словесности Императорскаго Московскаго университета Алексѣя Александровича Шахматова, удовлетворяющаго изложеннымъ требованіямъ, и съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи предлагаютъ его въ адъюнкты Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Алексѣй Александровичъ Шахматовъ родился въ 1864 г. Бывъ еще ученикомъ 4-й Московской гимназіи, онъ познакомился съ нѣкоторыми профессорами Московскаго университета и съ хранителемъ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ А. Е. Викторовымъ и совѣтамъ и

указаніямъ этихъ лицъ во многомъ обязанъ своимъ лингвистическимъ образованіемъ. Любовь къ филологіи обнаружилась у него очень рано. Все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію памятниковъ древней русской письменности по печатнымъ текстамъ и по рукописямъ. Результатомъ этихъ занятій филолога-гимназиста были двѣ слѣдующія статьи, напечатанныя въ V и VI томахъ журнала *Archiv für slavische Philologie*: „Zur Kritik der altrussischen Texte“ и „Zur Textkritik des Codex Sviatoslai vom J. 1073 nach der photolithographischen Ausgabe“.

Первая статья была посвящена указанію и перечету ошибокъ въ печатномъ изданіи рукописнаго текста Житія Θεодосія по рукописи XI—XII в., помѣщеннаго А. Н. Поповымъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1879 года, а вторая—такому же указанію неточностей, находящихся въ изданномъ Обществомъ любителей древней письменности, посредствомъ фотолитографіи, Изборникѣ Святослава 1073 года и обнаруженныхъ при сличеніи текста означеннаго изданія съ подлинною рукописью, хранящеюся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Въ 1883 году г. Шахматовъ, окончивъ курсъ гимназій, поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, и въ томъ же году появился первый самостоятельный трудъ его по исторіи русскаго языка, напечатанный въ VII томѣ вышеупомянутаго Архива, подъ заглавіемъ: „Beiträge zur russischen Grammatik“. Въ этой статьѣ, кромѣ критическихъ замѣчаній на трудъ А. И. Соболевскаго „Исслѣдованія въ области русской грамматики“, г. Шахматовъ впервые указалъ на возможность примѣнить примѣты древне-русскихъ памятниковъ къ изслѣдованію древне-русскихъ нарѣчій, а этими примѣтами опредѣлять мѣстность происхожденія памятника.

Второй самостоятельный трудъ его, подъ заглавіемъ „Исслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вв.“, гораздо обширнѣе и значительнѣе, чѣмъ только что названный, представленъ былъ въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности и отпечатанъ въ 1884 году въ I-мъ томѣ „Исслѣдованій по русскому языку“. Это изслѣдованіе можно считать одною изъ первыхъ и притомъ весьма удачныхъ попытокъ опредѣлять по грамотамъ и актамъ особенности говоровъ. Къ своему изслѣдованію г. Шахматовъ приложилъ 20 грамотъ,

вновь переизданныхъ съ большою тщательностію по оригиналамъ. Оба эти труда сразу обратили вниманіе специалистовъ на молодого ученаго.

Въ 1884 году г. Шахматовъ совершилъ поѣздку въ Олонецкую губернію для изученія тамошнихъ живыхъ говоровъ. Высадившись въ Петрозаводскѣ, онъ посѣтилъ Петрозаводскій и Повѣнецкій уѣзды и особенно подробно ознакомился съ такъ-называемымъ Заонежемъ. Ему удалось записать тамъ много сказокъ, пѣсенъ и нѣсколько былинъ. По возвращеніи своемъ въ Москву, въ октябрѣ 1884 года, онъ прочелъ въ заведеніи Этнографическаго отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи краткій рефератъ о своей поѣздкѣ, напечатанный въ трудахъ Общества. Въ 1886 году онъ снова отправился въ Олонецкую губернію; на этотъ разъ онъ началъ изслѣдованія съ Повѣнца и прошелъ по восточному берегу Онежскаго озера, посѣтивъ такимъ образомъ Повѣнецкій и Пудожскій уѣзды. Результатомъ этихъ двухъ поѣздокъ былъ большой лингвистическій матеріалъ, собранный г. Шахматовымъ, который онъ до сихъ поръ не успѣлъ систематически обработать, но котораго отдѣльные факты были приняты имъ въ соображеніе въ послѣднемъ его трудѣ.

Въ 1887 году Алексѣй Александровичъ кончилъ курсъ университета по классическому отдѣленію историко-филологическаго факультета кандидатомъ и былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ кандидатское сочиненіе „О долготѣ и удареніи въ обще-славянскомъ языкѣ“ и началъ готовиться къ сдачѣ магистерскаго экзамена, занимаясь при этомъ главнымъ образомъ исторіею русской литературы по обширной программѣ Н. С. Тихонравова. Однимъ изъ результатовъ этихъ занятій было написанное г. Шахматовымъ въ 1889 году изслѣдованіе „О Киевопечерскомъ Патерикѣ“.

Въ это время въ кружкѣ Московскихъ ученыхъ, въ которомъ не послѣднее мѣсто занималъ А. А. Шахматовъ, вновь заинтересовались извѣстнымъ Крижаничемъ и былъ поднятъ вопросъ о полномъ и критическомъ изданіи всѣхъ сочиненій этого замѣчательнаго мыслителя и полигистора XVII столѣтія. Это намѣреніе, приводимое мало-по-малу въ исполненіе, внушило нашему молодому ученому завязаться преимущественно

языкомъ Крижанича. Онъ началъ изслѣдованія съ удареній, поставивъ ихъ въ естественную связь съ исторіею сербо-хорватскаго ударенія вообще. Кто знаетъ всю трудность этого лишь тонкимъ слухомъ уловимаго предмета, тотъ сумѣетъ оцѣнить высокой научный интересъ, представляемый двумя обширными статьями г. Шахматова, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи сербо-хорватскихъ удареній“, напечатанными въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1888 и 1889 годы. Продолженіе этихъ изслѣдованій, примыкающее къ Крижаничу, должно вскорѣ появиться въ томъ же журналѣ, подъ заглавіемъ: „Объ удареніяхъ въ рукописяхъ Юрія Крижанича“.

Въ 1889 году Алексѣй Александровичъ сдалъ магистерскій экзаменъ, но не терялъ связи съ университетомъ, посѣщая постоянно курсы своего наставника, профессора Ф. Θ. Фортунатова, по сравнительному языковѣдѣнію, литовскому и готскому языкамъ. Въ мартѣ 1890 года онъ прочелъ пробныя лекціи; литературная тема была: „О сочиненіяхъ, принадлежащихъ лѣтописцу Нестору“, лингвистическая: „Объ именительномъ множественнаго числа на *a* въ русскомъ языкѣ“. Въ осеннемъ полугодіи этого же года онъ, въ качествѣ приват-доцента, началъ читать студентамъ V и VI семестровъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета лекціи по исторіи русскаго языка, которыя были отипографированы для слушателей и на которыя ссылается неоднократно профессоръ Брандтъ въ своей книгѣ: „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Выпускъ I“. Въ это же время вышло Дополненіе Шахматова къ переводу грамматикки церковно-славянскаго языка профессора Лескина, заключающее въ себѣ особенности языка Остромирова Евангелія. Но вся эта живая и энергическая дѣятельность неожиданно прекратилась, и въ началѣ 1891 года онъ покинулъ Москву и перѣхалъ въ Саратовскую губернію, гдѣ поступилъ на службу.

Можно было предполагать, что А. А. Шахматовъ, подававшій столько надеждъ, окончательно потерянъ для науки; но знавшіе его короче были увѣрены, что перерывъ въ научныхъ занятіяхъ будетъ непродолжителенъ; и дѣйствительно съ осени 1892 года онъ сталъ употреблять все свободное время на продолженіе любимыхъ занятій и на написаніе будущей диссертациі, въ которой хотѣлъ попытаться подвести итоги своимъ многолѣтнимъ занятіямъ по исторіи русскаго языка. Въ виду

богатства матеріала, для непосредственной цѣли, конечно, необходимо было ограничиться и остановиться на одной какой-либо части обширнаго вопроса, и А. А. Шахматовъ выбралъ, идя по стопамъ новѣйшей лингвистической школы, область русской фонетики.

Напечатанныя въ 1893—94 гг. его „Исслѣдованія въ области Русской фонетики“,—обширная часть задуманнаго цѣлаго, въ которой онъ на 318 страницахъ обработалъ только жизнь звуковъ *e—o—a*, прослѣдивъ ихъ черезъ всѣ столѣтія и всѣ нарѣчія русскаго языка,—вносятъ такой вкладъ въ славянскую грамматику, что, безъ преувеличенія можно сказать, въ филологической литературѣ послѣднихъ лѣтъ нѣтъ труда равнаго этому по широтѣ взглядовъ, по богатству данныхъ, по остроумію соображеній. Такое впечатлѣніе производитъ послѣдній трудъ г. Шахматова въ цѣлости, хотя въ частностяхъ можно, конечно, съ тѣмъ или другимъ его положеніемъ и не соглашаться. За это сочиненіе, представленное на степень магистра, послѣ диспута, историко-филологическій факультетъ Московскаго университета удостоилъ молодого ученаго высшей академической степени.

Въ настоящемъ году г. Шахматовъ напечаталъ брошюру „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“, въ которой онъ въ общихъ чертахъ развилъ свои мысли объ этомъ предметѣ.

Вотъ бѣглый очеркъ трудовъ ученаго, прекрасныя свѣдѣнія и испытанную энергію котораго Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ можетъ употребить съ пользою для себя, принявъ его въ свою среду.

Ко всему сказанному еще слѣдуетъ прибавить, что А. А. Шахматовъ обладаетъ даромъ простаго и яснаго изложенія своихъ мыслей, и что въ исслѣдованіяхъ его, отличающихся богатымъ знакомствомъ съ западно-европейскою лингвистическою литературою, всегда выдержаны строгіе научныя приемы.

II.

Краткій отчетъ о занятіяхъ за границей доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг.

Въ 1893 году я былъ командированъ за границу съ ученою цѣлію Имп. С.-Петербургскимъ университетомъ, оставаясь въ то же время на службѣ въ академической библіотекѣ, а въ прошломъ 1894 г., будучи командированъ университетомъ же также за границу, для окончанія своихъ прошлогоднихъ занятій, я получилъ денежное пособіе и отъ Императорской Академіи Наукъ, но съ обязательствомъ, чтобы послѣдней я представилъ отчетъ о своихъ занятіяхъ въ обѣ поѣздки, что я и исполняю въ настоящее время. вмѣстѣ съ симъ считаю своею пріятною обязанностію высказать свою искреннюю благодарность какъ цѣлой Академіи, такъ въ особенности тѣмъ академикамъ, которые столь любезно приняли на себя заботы объ оказаніи мнѣ со стороны Академіи содѣйствія для успѣшнаго выполненія моихъ работъ во время путешествій.

Въ 1893 и 1894 гг. я сосредоточилъ свои занятія главнымъ образомъ въ славянскихъ земляхъ, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи, а именно въ Галичинѣ, Буковинѣ, Банатѣ, Славоніи, Далмаціи и неславянской Трансильваніи, а также въ оккупированныхъ Австро-Венгріею провинціяхъ Босніи и Герцеговинѣ, и внѣ предѣловъ Австро-Венгерской монархіи, въ Черногоріи и Сербіи. Предметами моихъ занятій были преимущественно памятники славянской письменности и живой языкъ.

Изъ ближайшихъ къ нашей границѣ городовъ Австріи я посѣтилъ въ іюнѣ 1893 г. Краковъ, гдѣ, благодаря любезному содѣйствію профессора тамошняго университета Л. Малинов-

скаго, я имѣлъ возможность заняться въ Ягеллоновской библиотекѣ безпрепятственно; здѣсь я подробно разсмотрѣлъ всё имѣющіяся славянскія рукописи кирилловскаго письма, большая часть которыхъ была описана еще въ 1871 г. профессоромъ черновицкаго университета Ем. Калужняцкимъ, въ бытность его учителемъ краковской гимназіи при костелѣ св. Анны, въ отчетѣ гимназіи за 1871 учебный годъ ¹⁾. Собраніе славянскихъ рукописей здѣсь неважно и большой важности не представляетъ, кромѣ пергаменнаго отрывка изъ Отченика русской редакціи. Кромѣ этихъ отрывковъ, всё остальные рукописи подарены были библиотекѣ Руд. Гутовскимъ, а раньше принадлежали Прилѣпскому монастырю св. Дмитрія въ сѣверной части Македоніи. Отмѣчаю здѣсь только болѣе выдающіяся.

1) (по кат. библ. № 932, у Калужняцкаго 1). Рукопись, состоящая изъ 122 листовъ, частью пергаменныхъ, частью бумажныхъ, въ мал. 4-ку Пергаменная часть можетъ быть отнесена къ XIV—XV в., а бумажная — XV—XVI в. Листы распределены въ такомъ порядкѣ: 1—90 пергамен., 91—94 бумажн., 95—96 пергаменн., 97—100 бумажн. и 101—122 пергамен. Вся вообще рукопись сохранилась довольно плохо и не имѣетъ ни начала, ни конца и недостаетъ листовъ также и въ серединѣ. Письмо нѣсколькихъ рукъ, а текстъ болгарской и сербской редакцій. Содержаніе — Тріодъ постная и цвѣтная или Пентикостарій. Заголовокъ написанъ киноварью, но не удобочитаемъ. Начинается она такъ:

Дѣнь вѣтъ стго дѣха. всѣхъ нѣ сѣра. да възьмше кѣтъ глѣмъ вѣмъ гредн. во имѣ гнѣ.

Съ листа 6-го начинается болгарская редакція, повидимому, плохого терновскаго извода. Привожу здѣсь небольшой отрывокъ съ листа 8-го.

Законодавецъ рождѣша еъсѣхъ..... ѡцѣщающа. недовѣдомаа глѣмню. вѣсото неингланнаа. нѣнскѣсврачнаа. еа же ради мѣ ѡбѣжухомса. — Тѣ исплетшжа мирѣен нержкотеореныи еѣнѣцѣ. пѣснословимъ. рауѣиса тевѣ дѣко зокжше. храннишице вѣсѣхъ и ѡвѣженѣ(sic). и оутѣрѣженѣ и сѣценно приѣвѣжшице.

1) Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur въ Sprawozdaniu c. k. dyrekcji gimnazyalnej przy w. Annie w Krakowie za rok szk. 1871.

Считаю не безынтереснымъ привести здѣсь и заговоръ, помѣщенный на л. 28-мъ.

М^о Ѡ грьгриць.

Идѣши стѣ козма <и> дамъ-
изнь.... нми¹⁾ съ...к..... и на
лето²⁾ зѣ^{н^о} <и> срѣт(е грь)грици
и жоужелци. и д(е)тлн-
ны. и ѡе... ѡ стѣ козма
и дамъизнь..... иѣ грьгри-
ци и жоужелци. и дѣтелѣ
и рекоше мѠ <идемъ> на жито
и на гоумно равноу бѣжо
и рѣ имъ стѣ козма и дамъизнь
иѠ не идѣте на жито ни на
гѠмно равѠ бѣжню и мѠ.
и идѣте на вокоба листик
тѠ кѣ вѣмъ пѣище. идѣте
ста.. въ⁴⁾ тѠ кѣ каменк.
тоу к вѣмъ жѣ. и прижѣ.

По видимому, этотъ заговоръ написанъ другою рукою, какъ будто болѣе раннею.

Въ болгарской части, на л. 86^б, внизу страницы, записано:

Ѣже прости попа миѡан² рѣшкора(?)

Подобная же запись есть и на одномъ изъ листовъ сербской части:

† поменѣте мелетѣи грьшнаго. а вѣ и зѣ и на шн<омъ свѣтѣ>, — дальнѣйшая часть листа обрѣзана.

2) 1¹/₂ бумажн. листа изъ Требника въ 16-ю долю, содержаще часть молитвы при св. причащеніи. Редакція смѣшанная, — болгаро-русская. Эти листы были приклеены къ переплету.

3) Два пергаменныхъ листа въ 8-ку изъ Отечника XIII—

1) Въ рукописи первую букву можно читать и н, и и.

2) Въ рукописи трудно различить, что стоитъ въ началѣ этого слова а или ѡ.

3) Тамъ же † очень похоже на т.

4) Тамъ же ѡ можно читать и какъ †.

XIV в., русской ред. новгородскаго нарѣчія. На каждой страницѣ по 18 строкъ крупнаго устава почти безъ надстрочныхъ знаковъ. Видѣшнія части листовъ читаются съ трудомъ. Инициалы раскрашены довольно роскошно. Привожу здѣсь текстъ двухъ страницъ.

Л. 1-й, стран. 2-я. рекъ. разложите лѣто на четь-
ре времена. весну ѿсень зиму
лѣто. и которого же времени.
страду замыслите да в не-
м же времени превѣдетъ то въ
днѣ тѣ. ѿни же страдаше пѣ-
ридоша в годѣ. и рѣша ѿцѣ.
много настрадахомъ. ѿцѣ
же рѣ нимъ то вѣго възмѣте
противу труду мѣзду. но и к-
це послушанте мене ксть.
в лѣ .бѣ. мѣа. и на кѣнждо м-
ѣсаць стражите зазнамѣ-
накше. к нем же въ мѣн при-
будетъ тѣ в томъ днѣ тѣ. шни
же створиша. тако же повелѣ
нимъ. и съ прилежанькѣмъ съ-
традаша но днѣ не ѿбрѣто(ша).

Л. 2-й, стран. 1-я. на кѣнждо днѣ и чѣ. ꙗко ѿко-
мъ. нетъ тако дѣша кѣступитъ.
послужите же ми. и послу-
шанте мене да скажу вамъ
оученькѣ сего притца :-
Брата два василѣи великы-
и. и вѣрѣмъ преподобнѣи и-
мѣюща дѣти многы василѣ-
и в миру насивѣнѣи вселену-
ю всю. кѣрѣм же оученькѣмъ
в пустынѣи възпитавѣи чад-

а многа слезами и постомъ
 оучаста же дѣти многы ѡбъ
 в миру. ѡбъ же к пустынн. оу-
 чнта же творити добраш дѣ-
 ла мѣтѣхъ посту воздержанъ-
 ю кротости смиренъю мѣти
 то во не трудно къ црѣте ѡмено.

Эти весьма интересные отрывки у Калужняцкаго не упомянуты.

Львовъ я посѣтилъ въ обѣ мои поѣздки, но во второй разъ на очень короткое время. Здѣсь есть четыре собранія славянскихъ рукописей: въ Ставропигіи, въ институтѣ Оссолинскихъ, въ университетской библіотекѣ и василіанскомъ монастырѣ св. Онуфрія. Благодаря любезности и посредничеству профессоровъ здѣшняго университета: Ионд. Шараневича, о. Ем. Огоновскаго и Ант. Калнины, я имѣлъ доступъ во всѣ эти учрежденія; но, къ сожалѣнію, по недостатку времени, я могъ заниматься только въ Ставропигіи и въ библіотекѣ Оссолинскихъ. Самый большой интересъ представляетъ рукописное собраніе Ставропигійнаго института, которое по своему количеству не особенно велико. Повидимому, здѣсь собрано все выдающееся изъ галицкихъ рукописей; ибо лучшія изъ находящихся въ институтѣ рукописей принадлежатъ не ему, а принесены сюда вмѣстѣ съ другими изъ разныхъ библіотекъ и церковей края по случаю археологическо-библіографической выставки 1888 года.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и древнихъ славянскихъ памятниковъ кирилловскаго письма въ Галичинѣ можетъ считаться Крестинопольскій Апостолъ, на который до настоящаго времени обращено очень мало вниманія славистовъ, между тѣмъ этотъ памятникъ заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія. Рукопись пергаменная, въ большую 4-ю, безъ начала и конца, не переплетена и состоитъ изъ двухъ частей: 1-я заключаетъ въ себѣ 1—164, а 2-я—165—291 листы. Текстъ написанъ уставнымъ письмомъ XII—XIII в. чисто русской редакціи, а на поляхъ помѣщены толкованія, написанныя мелкимъ почеркомъ, повидимому, другою рукою. Кромѣ толкованій, на по-

ляхъ записаны заглавія статей и краткія объясненія, а также указанія на библейскія книги и указанія зачалъ и чтеній иногда киноварью. Краткія замѣтки и заглавія черными чернилами написаны одною и тою же рукою, что и текстъ, а нѣкоторыя изъ киноварныхъ — повдвѣйшею. Надотрочныхъ знаковъ почти совсѣмъ нѣтъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ правописанія является и = нь : оуѣднѣна (л. 7). Понятіе объ явнѣ апостола можно себѣ составить по приводимому ниже отрывку.

Л. 2-я.
Дѣян. XIII,
42—50.

Исходашема же има Ѡ снѣма¹⁾ моллахѣтъ въ
шзѣщѣ къ другоу соувотоу рещи глы
снже. рашѣдѣшюса снѣмоу въ
слѣдѣ идоша мнози Ѡ нюден.
и вѣрнѣхѣ пришельць паула и ва-
рнаветы. шже глѣща теораше
таш превѣвати въ влѣдти ѣжини.
въ градоуцнюю же соувотоу. малѣмъ са
не весь градъ сѣвѣра. послоушатъ²⁾
словеса ѣжини. видѣвѣше нюден
народа. испланишаса заветы.
и вѣпрѣкѣ глѣху глѣмѣмъ Ѡ па-
вла хоулаще³⁾. дѣрзнувѣша же пау-
лъ и варнава рѣста. к вамъ вѣ лѣ-
по прѣже глѣти словеса ѣжини. а по
ниже Ѡмещетеса кго. и недостойны
себе теорите вѣчнѣмъ жизни. се
оврацаемъса къ шзѣщѣ. тако во
заповѣда намъ гѣ. положихъ та въ
свѣтъ шзѣщомъ. да кси въ сѣсенѣмъ
до послѣднихъ землѣи. слышаше

1) На полѣ листа отмѣчено: * иудейскаго.

2) Въ рукописи за этимъ словомъ слѣдуетъ сло, — что, несомнѣнно, — начало послѣдующаго слова.

3) Къ этому мѣсту на полѣ листа приведено заглавіе съ знакомъ киноварнымъ ѵ ѵ вѣлѣжнѣи вровѣдѣи къ шзѣщѣ.

же изъѣци радовахоуся и славахоу
 словеса гѣни. И вѣроваша кли-
 ко вѣша оучникъ въ жизнь вѣч-
 ную. промѣкашежеся слово гѣи по
 еси странѣ. ноудѣи же наоустиша
 чѣтиѣки жены и блгообразѣки.
 и старѣишинѣи града. и въздвиго-
 ша гонкиѣки на павла и на варнавоу.
 и изгѣнаша си ѿ прѣдѣлъ своихъ.

II. 86.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ текотѣ апостола, а именно въ предисловіи къ 1-му посланію ап. Павла къ Солунянамъ встрѣчается обычное у болгаръ названіе Филиппополя:

а съказаникъ епископни се кста: апаъ многы печали при-
 нимъ въ верѣи и въ палъпанѣѣ македонскѣма и въ кориндѣ...¹⁾.

По языку и палеографическимъ даннымъ этотъ памятникъ смѣло можно поставить на ряду съ древнѣйшими русскими письменными памятниками.

Другимъ выдающимся памятникомъ собранія Ставропигія является такъ называемое Перемышльское Евангеліе, принадлежащее библіотекѣ капитула въ Перемышльѣ, которое сохранилось въ очень хорошемъ видѣ; оно состоитъ изъ 272 пергаменныхъ листовъ (писцомъ отмѣчено только 28 тетрадей) листового формата, въ позднемъ переплетѣ, изъ которыхъ одинъ листъ предъ Евангеліемъ Іоанна не писанъ. Письмо уставное, довольно четкое, одной руки XIV в., изображенное чернилами въ текотѣ и золотомъ въ началахъ чтеній и на поляхъ въ означеніяхъ зачалъ и дней чтеній; только указатели чтеній въ концѣ рукописи и въ ея серединѣ оглавленія написаны, кромѣ чернилъ и золота, отчасти и киноварью. Въ текстѣ Евангелій письмо довольно крупное; въ другихъ статьяхъ помельче. Изображеній евангелистовъ нѣтъ; но за то есть роскошныя заставки въ началѣ каждаго Евангелія. Евангельскій текотъ написанъ въ одну строку, а указатель въ началѣ, предисловіе блаженнаго Теофилакта и оглавленія въ серединѣ — въ 2-хъ столбцахъ. Текотъ

1) На это указалъ недавно и проф. Калужняцкій въ Archiv für slav. Philologie, XVI, стр. 596.

рукописи представляет болгарскую редакцію терновскаго извода, служащаго въ данномъ случаѣ однимъ изъ лучшихъ образцовъ этого извода. Эта рукопись является прототипомъ цѣлаго ряда евангельскихъ списковъ въ Галиціи. Повидимому, и само Перемышльское Евангеліе переписано съ южно-славянскаго описка въ Галиціи или, по крайней мѣрѣ, въ румынскихъ краяхъ, судя по нѣкоторымъ отступленіямъ отъ терновскаго извода въ пользу русскихъ чертъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ языкѣ этого важнаго памятника привожу здѣсь небольшой отрывокъ изъ предисловія блаженнаго Теофилакта, архіепископа болгарскаго.

Иже оубо прѣжде
закона ѿни бже-
стѣнїи мжже.
не писани и кни-
гами просвѣщахѣ.
нѣ чїстѣ илїице съ-
мысль, дѣхъ сїанїемъ
просвѣщахѣ. и та-
ко бже вѣдѣхѣ ху-
тѣнїа. самомѣ ѿ-
номѣ вѣсѣдхѣ 1)
тѣ оусты къ оустѣмъ.
такѣмъ вѣ, нѣмъ. акра-
амъ. іакѣмъ. мѣсїи.
понѣже илїемѣгошѣ
члїци. и недостѣнни
выша просвѣщатица
и оучитица ѿ стго дѣхъ,
дѣ члѣколювецъ бѣ пи-
санїа. да понѣ сїни
въспомїнаѣ того ху-
тѣнїа. Гнїце и хѣ
дплѣмъ оубо, самоли-

чнѣ вѣсѣдовѣ. и дѣхъ
валѣ оучителѣ тѣ
послѣ. и понѣже по
сї хѣтѣхѣ бреси
прозѣвѣхѣ. и ѿ
вѣчїа нѣша растлї-
ти, бѣговѣли напи-
сѣтица вѣговѣстїамъ.
да ѿ сї оучнїи исти-
нѣ, не ѿвѣднїи вѣ-
дѣ лѣжнїи ереснїи.
нїже вѣскончнѣ ра-
стлѣса ѿвѣчїа нѣши.
Чѣтыре же бѣговѣстїа
дѣ нѣ приклѣдно. занѣ
сѣборнѣ и вѣрхѣннѣ
чѣтырѣ доврѣдѣтелѣ
ѿ сї оучнїи вѣслѣ.
мжжѣстѣ. мждрѣсти.
правдѣ. и цѣломѣдрїю.
Мжжѣстѣ, вѣдѣ глѣтъ
гѣ. не вѣнїтѣса ѿ оубѣ-
важнїи тѣло. дѣш же

1) Слѣдовало бы ожидать по терновскому изводу: вѣсѣдхѣ.

не мѡгжѣи оубѣити.
 Мждрѡсти же егда поб-
 чаѣ. вждѣте мждри
 ѣ^ю змѣа, и цѣли ѣко гвѣ-
 лжен. правдѣ же егда

оучѣи. ѣкоже хушете
 да творѣа нѣмѣ члци,
 и кѣ творите и тако
 жѣ. цѣломждрѣж.

Въ Институтѣ Оссолинскихъ я пересмотрѣлъ воѣ славянскія рукописи кирилловскаго письма, числомъ 11, которыя очень неудовлетворительно описаны у Кентжинскаго ¹⁾. Препимущественное вниманіе обращено мною здѣсь на №№ 37 и 369, — Евангелія, которыя, безъ сомнѣнія, суть списки съ Перемышльскаго Евангелія и представляютъ, слѣдовательно, терновскій изводъ ²⁾, № 29 — бесѣды Іоанна Златоустаго XVI—XVII в. и № 41 — сборникъ на бум. XVI в., въ которомъ, между прочимъ, находится нѣсколько апокрифѡвъ, доселѣ неизвѣстныхъ въ печати, какъ напр. *Заповѣда стѣи апла Петра и Пѣла* (напечатанная мною въ Византійскомъ Временникѣ, I, вып. 1, стр. 215), или *Въпрѣ злаустаго, како ѣ разумѣти ѣко сѣ каженници ѣ въчиннишѣ сѣми, нѣнаго рѣди цѣтелѣ*, или *Въпрѣ и ѡвѣти григорѣа егбослова и касѣла* и др.

Кромѣ этихъ рукописей слѣдуетъ еще отмѣтить:

1) Житія святыхъ, написанныя во Львовѣ въ 1603 г., — № 38.

2) Служебную минею февральскую, написанную въ 1492 г. для молдавскаго боярина, логоеета Іоанна Тъуть, болгарской редакціи терновскаго извода.

и 3) Собраніе по разнымъ предметамъ словъ Россійскаго языка съ показаніемъ на самоѣдскомъ. Собранное со словъ переводчика миссіи, — XIX столѣтія.

Наконецъ въ Львовѣ я пересмотрѣлъ рукописи и старопечатныя книги, принадлежащія Ив. Франку. Небольшое количество его рукописей позднѣйшаго времени XVII—XVIII в.; онѣ представляютъ интересъ по заключающимся въ нихъ апокрифическимъ статьямъ, которыя онъ постепенно печатаетъ

1) Kętrzyński, Katalog rękopisów biblioteki zakładu nar. im. Ossolińskich. Lwów. 1881—1886.

2) Евангеліе № 37 написано въ 1597 г. въ Городкѣ (въ Галиціи) Стефаномъ Иваховымъ изъ Галича.

въ издаваемомъ тамъ же Ольгою Франко журналѣ «Жите і Слово».

Считаю не лишнимъ отмѣтить здѣсь видѣнный мною у Франка же весьма рѣдкій старопечатный уніатскій молитвословъ на славянскомъ и польскомъ языкахъ, но оба текста латинскими буквами по польскому правописанію. Такъ какъ въ началѣ недостаетъ листовъ, то я не могу указать точно года напечатанія книги; но судя по печати, можно отнести его къ концу XVI или къ самому началу XVII столѣтія.

Въ Буковинѣ я побывалъ въ Черновцахъ и въ Сучавѣ. Въ Черновцахъ я рассмотрѣлъ славянскія рукописи, хранящіяся въ ризницѣ митрополичьей резиденціи; это — большею частію Евангелія XIV—XVI в., по преимуществу, болгарской редакціи, въ дорогихъ окладахъ. Интересны на этихъ Евангеліяхъ приписки, изъ которыхъ одна на Евангеліи XV в. особенно важна для опредѣленія времени составленія подложной болгарской грамоты, приписываемой Іоанну Асѣню (у Априлова Болгарскія грамоты, стр. 47—50).

Въ Сучавѣ я переписалъ всѣ надписи въ монастырской церкви св. Іоанна Сучавскаго, изъ которыхъ нѣсколько ненаданныхъ, а также переписалъ три неизданныя славянскія грамоты молдавскихъ господарей, принадлежащія іеромонаху Панкратію Сидоровичу, — изъ нихъ одна грамота Александра Іліяша 1633 г. и двѣ Василя Лупу 1636 и 1639 гг.

Въ обѣ мои поѣздки въ Далмацію я посѣтилъ города: Задръ (Zara), Сплѣтъ (Spalato), Дубровникъ (Ragusa), Трогяръ (Traù), Книнь, Нинъ (Nona), Шибеникъ (Sebenico), Дернишь, Кистанье, Которъ (Cattaro), Ердег-Нови (Castelnuovo), Рисань (Risano), Перастъ (Perasto), Стонъ (Stagno) и Метковичъ; монастыри православные: Керку и боккаторскіе Саввину и Баню и католическіе дубровницкіе доминиканскій и францисканскій, сплѣтскій францисканскій и такой же на о. Висовцѣ; села: Солянъ, Книнско поле, Косово, Бискупію и Ясеновацъ, — послѣднее въ бывшей Полицкой республикѣ, и наконецъ острова: Корчулъ (Curzola), Хваръ (Lessina) и на немъ еще города Стариградъ и Ельсу (Gelsa). Мои занятія сосредоточены были главнымъ образомъ въ монастыряхъ Керкѣ и Саввинѣ и въ Дубровникѣ.

Въ главномъ архивѣ дубровницкомъ или бывшей Дубров-

лицей республики въ бытность мою въ Дубровникѣ никто изъ постороннихъ не могъ заниматься безъ особаго разрѣшенія изъ Вѣны, по случаю приведенія въ порядокъ архива. Въ виду этого я занимался въ бібліотекахъ дубровницкихъ католическихъ монастырей: доминиканскаго и францисканскаго. Въ бібліотекѣ доминиканцевъ я довольно подробно разсмотрѣлъ рукописный старобоснійскій католическій миссалъ или, вѣрнѣе, лекціонарій, писанный босанчицею, иначе называемой боснійскою глаголицею. Это — рукопись, на бумагѣ въ 4-ку, XV—XVI в. и содержитъ въ себѣ апостольскія и евангельскія чтенія на воскресныя и праздничныя дни, а также и въ дни памяти нѣкоторыхъ святыхъ, почитаемыхъ римскою церковію; она представляетъ больше интереса въ палеографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, — какъ древнѣйшій памятникъ, писанный босанчицею и притомъ уставнымъ письмомъ и содержащій довольно интересный матеріалъ для исторіи сербско-хорватскаго или, точнѣе, жекавскаго нарѣчія въ Босніи; но мѣстами въ текстѣ рукописи является и икавщина, главнымъ образомъ, въ заглавіяхъ чтеній, какъ: *наслѣдованіе, по матію и т. п.* Что бы дать нѣкоторое понятіе объ языкѣ этого важнаго памятника, я привожу здѣсь небольшое извлеченіе изъ него.

- овонсе. гокори. ѿ очи. божийла
 ѿ пришласть. господинкоа
 Чтеніе. пистѣле. блаженога. павла
 апостола. к римланомъ.
 I, 1—6. Братно. павао. салга исѣкарствоъ
 II. 9^е. консе. дове. апостоо. ѿладченъ. на прос-
 лавленіе. божіе. цю. парво. ешеше
 бога. овнетоао. по свонехъ. прер-
 оцнехъ. ѿ светнехъ. писмнехъ. ѿ
 сина. свога. кон. бчиненъ. ени. немѣ
 ѿ дакидока. сиемена. по пѣти. кон
 овранъ. ени. синъ. божин. ѿ крепос-
 ти. по светомъ. дѣхъ. посвейенъ. ѿ
 ѣскарсена. мартинехъ. исѣкарста. го-
 сподина. нашега. по комѣ сло при-
 мли. милость. и апостољство. да по-

сладшии. вѣдимомо. ѿ кнєри. мѣиѡ. свиени
народи. за слакѡ. и мена. негова. мѣиѡ
киели. несте. и вни. звани. исѡкарста
господина. нашега † насидованне
светога. ванѣлаѡ. по матию.

I, 18—21. Када. вни. мати. исѡсова. мария. но-
зепѣ. парво. него се. ѡнетоваше. наѣсе
и мѡиѡи. ѿ ѡтрови. ѡ светога. дѡха.
а нозепѣ. мѡжѣ. ѡне. бѡдѡи. праведанѣ
не хтише. ѡнѡ. проповнедати. да хот-
неше ю. отанно. пѡстити. и тон онѣ
мислѣи. своо. анѣо. господинокъ.

II, 10. ѡказа се. немѡ. говорѣи. нозепе. синѡ. дав-
идовѡ. не мон се. боати. ѡзети. марию
твою. зарѡчицѡ. нере. зачетне. коне
ѿ нон. несть. по светомѣ. дѡхѡ. несть.
она ѡе. породити сына. и звати ѡсе. и мѣ
негово. исѡсѣ. нере. он ѡе. ѡчинити. спас-
ень пѡкъ. свон. ѡ греховѣ. ни хѣ.
овонсе. гокори. на божиѡи. на парком
миси. — чтение. пистѡле. блаженога
павла. апостола. к титѡ.

II, 11—14. Придразни. сказала се. несть. мнѡ-
ость. бога. и спасителя. нашега
скиелиѡ. лѡдемѣ. ѡчѣи насѣ. да. ѡварк-
ши. зловѡ. и светокна. пожеланѡ
недино. и мнѡсардно. и праведно. вѡ-
делю. живнете. на оволиѡ. скиетѡ. чека-
юи. блаженно. ѡфанне. и пришастне
славе. великога. бога. и спасителя. на-
шега. исѡкарста. † кнне. дао. самога себе
за насѣ. да насѣ. ѡкѡпи. ѡ сваке. злоѡе
и да. очисти. пѡкъ. прилении.
коне. наседонѣ. добра днѣла. † овонсе. го-

- Ц, 1—5. ворн. и нагокаран. ѿ исѣкарстѣ. гнѣ. нашемѣ
наслѣдованне. свѣтога. канѣлеш. по лѣци
Ѧ оно. крнѣме. изидѣ. заповѣдѣ. Ѡ цесара
акѣвѣта. да се. попише. вась. свнѣть †
а ошон. пописанне наипарко. ѣчинено. не-
стѣ. Ѡ сѣдѣца. сиринскога. сирина. † и гредн-
ехѣ. свн. да се попишѣ. свакн. ѿ скон. градѣ †
ѣзидѣ. тада. и нозѣпѣ. из галилеи. из гра-
да. назарета. ѿ жѣдею. ѿ градѣ. давидовѣ
консе. зове. ветлѣмѣ. иере. и онѣ. вѣшь(вѣс)
Ѡ нѣпѣ. и Ѡ овнѣтѣн. давидовѣ. да се
запише. с марномѣ. зарѣченомѣ. свн
женомѣ.
- Л. 116. толнко. воѣлани Ѡ анѣло въ ѣчиненѣ нестѣ.
- Л. 126. вожѣни синоѣ.

На оборотѣ послѣдняго листа записано скорописнымъ бос-
скимъ письмомъ:

Либарѣ римскаго мѣисала ди па-
дре братре. іаквбѣ ди раѣѣжа
ди сантѣ домнникѣ.

На поляхъ послѣднихъ листовъ сдѣланы приписки, касаю-
щіяся исторіи Дубровника.

Нелишнимъ важности для науки было бы изданіе этого
памятника и сравненіе его съ другими, ему подобными, — руко-
писными¹⁾ и печатнымъ. Изъ печатныхъ я укажу на Pisctole i
evanghielya priko suega godiscta. Novo istomacena po raslogu
Missala duora Rimskoga. Od svih pomagnkanyih koliko mogu-
chie biesce koya dosad ne biehu ocisctena: i sa suiymj, koya do-
sada ù slovinski yezik magnkahu s' velikom pomgnom istomacena
i vierno prinessena, s' novijema suetzima. Pristupisce k' gnim
mnoghij blagosovi: Rēd karstceny a i Kalendar Papae Gargura: s'

1) Мнѣ думается, что проф. Лескинъ невѣрно считаетъ описанный
имъ католическій миссалъ боснійскаго письма далматинско-сербскимъ
(Sitzungsberichte d. bayer. Akad. d. Wissenschaft. 1881), полагая, что этотъ
миссалъ списанъ дубровчанномъ въ Дубровникѣ или въ его области
(ср стр. 201—202). Я считаю за несомнѣнное, что онъ списанъ въ Босніи.

Tabulom Blandanijh pomiscglivijh i s' Tabulom ù koyoi se cini miēna Miesseza.

U Bnezih Po Nicoli Pezzanu. MDCCXXXIX. S' pripuschie-niem, i privilegijom.

Заглавіе привожу по экземпляру, въ листъ, видѣнному мною въ францисканскомъ Фойницкомъ монастырѣ въ Бооніи.

Кромѣ того здѣсь я нашелъ неизвѣстную въ печати сербскую грамоту короля Уроша (Стефана Уроша Дечанскаго), данную дубровчанамъ Жаретѣ и Ловрентію и ихъ сыновьямъ и родотвенникамъ, которую привожу здѣсь цѣликомъ.

Да ꙗко вѣдомо всакѡмѡ видѣвъ краѣми запїиик и ѡ-
твержѣниик ѡтопочнѣшии родителѣ краѣми.

ѡо сѡ запїили и ѡтвердили. жаретевн и ѡговѡ снѡ
архїеѡпѡ маринѡ и ловретевн. и ихъ снѡвомъ и ѡнѡ-
чнѡ ихъ. такоже и краѣми потверди и ловретикѡм
андрѣ и с <в>ратнѡмъ. ѡо имъ ѡцъ дрѡжалъ и стрѡ-
цъ имъ маринъ ѡ мѡтре краѣми. тоге да си и ѡни дрѡ-
же. тѣмѡже ѡтвержѣениикъ и заклетикъ. доге
сѡ вѣрнн краѣми. а имѡ нимъ село цнтарик. и влѡцаке
и малининъ калъ и прокѡповъ долъ. и полѡвѡличик. ка-
ко имъ ꙗко запїио ѡ прѣннхъ повелѡ. такози да си ꙗсе
дрѡже свободно с мѡтнѡ краѣми. ꙗко ли имъ снѡ
потвори да принме клетѡв писанѡ ѡ <п>ов<ел>ѡхъ ѡтопо-
чнѣшии родителѣ краѣми. и ѡ краѣми да ꙗко проклетъ.
и такози да принме гнѣкъ и наказаник ѡ краѣми. и да
платѡ тисѡкѡ пеперьѣ. а тѡ имъ мѡтъ испроснн. воѡ-
вода давнѣ на романи лѡцѣ. къди се стаѡ краѣми з де-
спѡтомъ. а пн калогкръ антоник и печатнн .: ~

+ <Г>ѡ<ф>ѡнъ ѡрѡшъ краѣ.

Подъ текстомъ находится подпись вязью:

ЖРѢШЬ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ той же библиотекѣ хранится цѣлѣный ящикъ латинскихъ, италіанскихъ и хорватскихъ грамотъ и записей, данныхъ монастырю или заключенныхъ имъ въ разное время и съ разными лицами. Эти документы имѣютъ важное значеніе какъ для исторіи монастыря, такъ и для исторіи

Дубровника. Къ сожалѣнію, они до сего времени не приведены въ порядокъ и не описаны. Наконецъ я обратилъ серьезное вниманіе на хранящіяся тамъ же сочиненія на латинскомъ языкѣ доминиканца Цервы, постриженника этого монастыря; главнѣйшія изъ его сочиненій служатъ источникомъ для исторіи Дубровника, но, къ сожалѣнію, они почти воѣ остаются до нашего времени неизданными. Сочиненія Цервы слѣдующія:

1) *Bibliotheca Ragusina, in qua ragusini scriptores eorum gesta et scripta recensentur.*

2) *De rebus gestis beatae Osannae a Catharo, virginis ordinis Praedicatorum. Commentarius ignoti auctoris ex vulgari italà in latinam translatus et notis illustratus a fratre Seraphino Maria Cerva Ragusino ordinis Praedicatorum* (Переведено на итальянскій языкъ и напечатано въ журналѣ доминиканцевъ *Rosario (Memorie Dominicane)*, издаваемомъ въ Ферарѣ, 1887, стр. (56 введ.) 116—604).

3) *Vita beati Joannis Dominis Florentini sacri ordinis Praedicatorum archiepiscopi et cardinalis Ragusini. Ex certissimis monumentis descripta.*

4) *Sacra Metropolis Ragusina sive Ragusinae provinciae pontificum series variis ecclesiast. monumentis atque histor., chronolog., criticis commentariis illustratae.*

5) *Prolegomena in sacram mitropolim Ragusinam ad illustrandam Rag. Prov. Pont. historiar. necessaria.*

6) *Iconotheca illustrium patrum congregationis Ragus. sacri ordin. Praedicator.*

Сверхъ этого, въ Дубровникѣ я имѣлъ возможность видѣть еще нѣсколько рукописей славянскихъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, а именно у тамошняго банкира Бошковича и у торговца Георгія Алексича.

У послѣдняго я видѣлъ:

1) Бесѣды евангельскія Іоанна Златоустаго въ сербскомъ спискѣ рессавскаго извода 1616 г., сдѣланномъ съ русскаго списка троицко-сергіевского монаха Селивана. Въ концѣ длиннаго послѣсловія мы читаемъ:

И пакѣ да вѣста ва́ша ꙗ́коже ѿи́и
и брата. и́здеда ѿ кѹ писаѣ велими
ѣтѣ тѣжакѣ, по что вѣше рѣскимъ рѣкописѣ
и азѣ не вѣжѣ ѣзыкъ томѣ. и велика тѣрѣда

пѣтѣ тѣмъ бѣ бѣ, найпѣ ситаханъ. тогѣ
рѣи писѣ зѣ и показѣ. ѡце кто когѣ начнѣ
прѣписовѣти и прочитати и да
ванимѣтѣ (чѣт. ванимѣтѣ) добрѣ и ѡпасно.

2) Сборникъ XVII в., содержащій въ себѣ акаѣисты и другія
статьи въ концѣ приведена слѣдующая молитва-заговоръ св.
Фоки.

Бѣ имѣ оца и сѣна и стагѣ дѣха ѡмѣ
Оѣше сѣти цѣра фѣока на единомѣ
местѣ тѣ. лета ни ѡкрѣстѣсе ни наде
манѣ мѣха ни прѣга ни гагрѣца ни
жаба ни жабица ни гѣсенѣца никѣ
гадѣ землѣни и молѣшѣтѣ гѣ бѣ да
мѣтѣва ѣго прѣетна бѣдетѣ и гѣви
се ѣмѣ ѡггѣ гѣна са небеса и рѣ
ѣмѣ повелѣно ти ѣ ѡ гѣ бѣ датѣ телѣ
твоѣмѣ здравѣи и дѣши сѣенѣи и мѣ-
тѣва твоѣ прѣетна да бѣдетѣ
и прѣидѣ сѣти цѣра фѣока ва ѡчасгѣво
своѣ и наде полѣ помѣдено ѡ агрѣце
ѡ гагрѣце и ѡ прѣговѣ и ѡ прѣжѣца
и ѡ мѣха и ѡ миша и ѡ мѣшица и ѡ жѣ
и жабица и ѡ гѣсенѣца. и ѣзидѣ сѣти
цѣра фѣока на сѣрѣ полѣ и рѣ во имѣ
тѣа хѣ ѡслѣши мѣ грѣшнаго раба
твоѣго данѣ ка чѣ сѣи и пошли
ѡггѣ твоѣ шѣстѣакрѣлатѣ и много-
ѣчитѣ ѡ слави цѣрѣва твоѣго
да потѣнтѣ васѣ гадѣ землѣни <коѣ>
сада чѣне шѣтѣ и досадѣ полѣ
семѣ. гдѣ се ставѣи и прочѣта
мѣтѣва сѣа и прѣидѣ ва тѣи чѣ; —

здѣсь рукопись оканчивается.

3) Номоканонъ въ я., XVI в., сербской редакціи.

4) Часословъ съ Октоихомъ, описанный въ 1486 г. въ Черногоріи.

5) 59 пергаменн. листовъ XII—XIII в., въ которыхъ заключаются тропари на дни избранныхъ святыхъ по мѣсяцамъ, начиная съ 23 сентября; затѣмъ дрѣззи тропари поѣмъ Ѡ соу^ѣ покладнымъ до нѣде ест^ѣ стѣхъ, и наконецъ каноны воскресные.

6) Евангеліе, напечатанное въ одной изъ румынскихъ типографій, съ слѣдующею надписью по сторонамъ заставки на первомъ листѣ: Въ Хѣ Бѣ блгоутрнны ѣгбма хранимы. и самодражаемы. земли мѣдовской іуѣ нлѣшко воевода гѣнь (1432—1437 г.г.). Болгарская редакція.

У перваго, т. е. у г. Ника Бошковича, я пересмотрѣлъ слѣдующія рукописи, пріобрѣтенныя имъ отъ того же Алексича:

1) Лѣтопись Георгія инока (Амартола) сербск. ред. XVI в. (1597 г.), въ л., полный экземпляръ, весьма хорошо сохранившійся.

2) Минея служебная за февраль XVI—XVII в. въ л. сербск. ред.

Въ монастырѣ Саввинѣ я описалъ все имѣющіяся тамъ грамоты, данныя русскими государями и румынскими господами, и кромѣ того пересмотрѣлъ слѣдующія рукописи:

1) Сборникъ статей изъ Номоканона XVI в.

2) Лѣствица Іоанна Лѣствичника рессавск. извода XV в.

3) Служебникъ XIV—XV в. хорошаго терновскаго извода уставнаго письма.

4) Требникъ невыдержаннаго рессавскаго извода, разныхъ руць XVI—XVII в.

5) Сборникъ словъ аскетическихъ Григорія, полууставнаго письма сербской редакціи XV в.

6) Патерикъ сербск. ред. XVI в.

7) Шестодневъ и Патерикъ сербск. ред. 1440 г.

и 8) Хронографъ сербск. ред. XVII в.

Въ монастырѣ Керкѣ, вѣрнѣе Къркѣ (Крка), я пересмотрѣлъ все рукописи монастырской бібліотеки, числомъ 33, и нѣкоторыя изъ нихъ наслѣдовалъ¹⁾. Изъ нихъ обращаютъ на

1) О нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей нѣсколько краткихъ замѣтокъ помѣщено въ сербско-далматинскомъ альманахѣ Любитель Провѣщенія за 1886 (стр. 104—105) и 1887 (стр. 122—123) гг., издаваемыхъ въ Карлштадѣ.

себя вниманіе Патерикъ 1346 г., списанный для архимандрита Никодима, по всей вѣроятности, игумена, несомнѣнно, болгарской лавры св. архангела Михаила ¹⁾ болгарской редакціи, написанный при Іоаннѣ Александрѣ, царѣ болгарскомъ (1331—1365 гг.); Творенія Кирилла Туровскаго, сербск. ред. въ 2-хъ спискахъ: первый — 1597 г. ²⁾, а второй XVII—XVIII в.; Греческій синодикъ, XVII в., принадлежавшій православному монастырю на о. Хварѣ (Lessina), и Сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ прошлаго вѣка, собранный однимъ изъ братьевъ монастыря изъ разныхъ книгъ и больше всего изъ *Vazgovoga Ugodnoga naroda slovinskoga* Качича-Миошича, — что показываетъ, что *Vazgovog* читался немало и православными далматинцами. Для примѣра я привожу нѣсколько стиховъ изъ Пѣсань од краля Владимира.

Горко цвили сѣжань Владимире
У тамници краля бѣлгарскога,
Горки(sic) цвили, данакъ проклинаше,
У консе на свѣтъ породихъ.
Мисли адань да не чѣе нитко,

1) К. Иречекъ въ своей Исторіи болгаръ (Одесса. 1878, стр. 411, примѣч. 5) замѣчаетъ неточно, что этотъ Патерикъ написанъ для болгарскаго царя Іоанна Александра.

2) Рукопись, содержащая въ себѣ творенія Кирилла Туровскаго, включаетъ въ себѣ еще Акаенсты, въ концѣ которыхъ сдѣлана такая приписка:

Бсеицѣ ѿ прѣлгоми ѣс слѣ ѿ дръжака въ висконичиѣ вѣки ѣмѣ. писанѣ сѣ стѣ ікадѣсты въ лѣ™, зрѣ крѣ сѣнциѣ кѣ, ѿ лѣ™ ѿ. 42.....

и мнѣни кѣнциѣнциѣхъ (читай: Панкратіи монахъ) нам.....

рѣ івремѣнѣхъ и захаріи івредлѣкѣхъ

ѿци стѣи за мѣ кѣ ѣс рѣи ѿ стѣ мало....

⟨писѣ се⟩ въ монастыри краля зовеми хрѣ™.....

За акаенстами слѣдуютъ другимъ почеркомъ мелкимъ: Мѣ™ прѣ™ъ всѣѣ ѿла. Творѣніѣ кѣрѣла; въ концѣ молитвъ приписано: дѣосѣника пѣнѣкѣ пѣмѣ сѣ стѣи мѣтѣи въ лѣ™, зрѣ дѣца іѣуѣма д. Что эти молитвы дѣйствительно принадлежатъ Кириллу Туровскому, видно изъ другой рукописи болѣе поздняго времени, которую составляютъ однѣ и тѣ же самыя молитвы и озаглаиваются: Мѣнтѣи на всю стѣницѣ. Творѣніѣ стѣи ѿца нѣшого кѣрѣла мнѣхъ тѣрескаго. Въ этой послѣдней рукописи двумя молитвами больше, чѣмъ въ первой. О другомъ сербскомъ спискѣ этихъ молитвъ смотри у Соколова Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Вып. I. М. 1888, стр. 22.

Аль то чѣла Косара чевонка(sic),
 Лѣпа черца крапа бѣгарскога,
 Коя бѣше рода словинскога.
 Пѣта нѣга Косара дѣвонка:
 Що е теби мон сѣжво неволнии,
 Али ти е манка омѣгѣла,
 Али ти е жаш завичаа,
 Али ти е гладакъ додѣаа,
 Аль тамница, адѣа кула твоя...

У Качича-Миопича эта пѣсня оваглавлена: Pisma od Kralja Vladimira.

Въ Босніи и Герцеговинѣ я посѣтилъ Мостаръ, Сараево, Травникъ, Дони-Вакуфъ, Янце, Зеницу и католическіе монастыри: въ Фойницѣ и Сутескѣ. Благодаря просвѣщенному вниманію гражданскаго губернатора Босніи и Герцеговины барона Гугона Кучеры въ моихъ занятіяхъ и любезной рекомендаціи меня со стороны директора земскаго (областнаго) музея въ Сараевѣ Константина Германна, при своихъ работахъ въ Босніи я былъ окруженъ удобствами.

Свои занятія я сосредоточилъ главнымъ образомъ въ Сараевѣ и въ сейчасъ названныхъ монастыряхъ.

Въ Сараевѣ я обозрѣлъ рукописи и древности музея при старой православной церкви. Отмѣчу здѣсь пергамен. рукопись XIII в. Номоканона сербск. ред. въ л., со многими замѣтками на поляхъ, иногда очень важными для исторіи славянъ, какъ напр. слѣдующія отмѣтки: о вѣводѣахъ:

Сѣлааки гонѣцием Ѡ селанѣ. вѣлкодлаци нарицаются, да кгѣ оуво погынет' лоуна. или сѣнце. гѣтъ. вѣлкодлаци лоуноу изѣдоше или сѣнце. сиже вса васни или лѣжа соут'. — и о гуслиахъ: Гоусли оуво дѣѣ имени имѣт'. кже гоудѣт' прѣсты. гоу(дѣ)ца нарицаетсе. а кже посмыка власнѣномъ лоу(ч)цемя. скриплеть. смичька имендикѣсе.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить другой Номоканонъ или, вѣрнѣе, Синтагму Матѣея Властаря, на бумагѣ въ л., XVI в., и Евангеліе болгарской редакціи терновскаго извода XIV в., на бумагѣ, сохранившееся въ цѣлости за очень немногими исключеніями;— оно перенесено сюда изъ Галиціи, какъ можно заключить изъ вкладки 1622 г. По языку и правописанію, его

можно отнести къ разряду списковъ съ Перемышльскаго Евангелія.

Считаю нужнымъ обратить здѣсь вниманіе ученыхъ также и на записъ или книжку-ладунку содержащую въ себѣ заклинательныя молитвы, изъ которыхъ въ одной встрѣчается рядъ южно-славянскихъ святыхъ и между прочими Кириллъ, просвѣтитель славянъ, и Климентъ Охридскій. Эта молитва читается такъ:

А се запрѣщеніе ѿ этими побстниці ѿшаланци.

Запрѣщамъ ти дѣволе стѣи вѣжимѣи оуг(о)дници пахоумиѣ великѣумъ и анѣоніѣ¹⁾ великимъ и ѣтимъ вѣзтимнемъ ѣгонсонѣи и ѣтѣи ѣеодосиѣ великѣи. Запрѣщамъ ти дѣволе симешномъ слѣпникѣмъ²⁾ и данѣломъ слѣпникѣ. павѣлѣ оугѣдникѣ. Запрѣщамъ ти дѣволе ѣтѣи макариѣ римзскѣумъ и мѣркомъ трачѣкѣумъ. макариемъ егѣпатнискѣи. пак(к)ломъ ѣнвернасскѣи и ѣтимъ кирилѣ философѣ. Запрѣщамъ ти дѣволе стѣими петрѣ антоскѣ³⁾ <и> ѣѣомъ римзскѣумъ⁴⁾ и прохорѣ пешинскимъ⁵⁾ и гаврилѣ лѣстевичаскѣи⁶⁾ и анакѣнемъ дѣвѣчѣкѣ⁷⁾ петрѣ корнѣвмъскѣи⁸⁾ и павломъ прѣбтѣимъ и стѣимъ кѣрзакѣ ѿшаланникѣ и ѣноубриѣ и павломъ анзтонскѣумъ и пиминѣ и вазлѣамѣ и хѣртѣонѣ и мосѣомъ мѣрринѣ и павѣлѣ колѣвѣскѣумъ и басемѣи ѣтѣи поустѣинницѣи. иже ѣоу оугѣдише. да не имѣте пак(к)бѣти сѣтѣсрѣити рѣвѣ ѣжѣиѣи рѣкрѣнѣ⁹⁾ поутѣмѣ ходѣщѣи. илѣи домѣ сѣще вѣне¹⁰⁾ или ва иоцѣи. илѣи ѣдоуци или пѣици. Ва имѣ ѣца и сѣна. и ѣтаго доухѣа и ѣна и прѣсно ва вѣкѣ вѣ(ѣ)комъ. амина.

1) Читай: антонѣи.

2) Вмѣсто: слѣпникѣ.

3) Вмѣсто: атовскѣ = адонскимъ.

4) Читай: павломъ римскѣумъ

5) Вмѣсто: пѣшинскимъ.

6) Вмѣсто: лѣстевичаскѣи или лѣстевичаскѣи.

7) Вмѣсто: пѣвѣчѣкѣи дѣвѣчѣскѣи или дѣвѣчѣаскѣи.

8) Въ мѣсто: корнѣвскѣи.

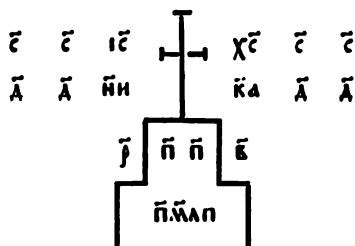
9) Въ рукописи это слово написано поздней рукою на полѣ листа.

10) Читай: ва дам.

Привожу еще и слѣдующую молитву-заговоръ:

Млѣтва Ѡ чръвнѣ егѧ зѡубѣи грнзѣтъ глн ѿ.

Гѣи бѣ, ва имѣ тѡе азѧ грешни рабрен(ъ) ¹⁾ тѣи гѣи и десница твоѡа. ѣтѣи козма и дамлаит ²⁾ начеанницѣи врачѣвомъ мнрѣ клѣт-вами заканиаю те чръвѣне ва зѡубѣхѣ побеленнѣи и молитвами ва тѡ пригрнзан. двеста ѡтацъ и ка томъ пригрнзан кѣи зѡубахѣ. излезиге Ѡ члѣкѧ сего рабрена ³⁾ и бѣжда идеже ѣстѣ вѣтокъ ва имѣ правѣнагѡ сѡломѣнѧ. Іако твоа естѣ дръжака. ѡцѧ и сна и сѣгагѡ дѣа и ѣна и присно ва векѣ в(с)кѡ амѣнъ: ~ Оупованне ми ѣ кѣ. надежда <м>и хѣ. и покровител(ъ) мѣи доухѣ ѣтѣи тронце. ѣта слава тѣбе. Спасѣи Ѡ вѣд раба своего. пресвета бѣце, Іако вѣси са вѡгѡ к(ъ) тебе прибегаемъ. Іако ка нерѣшимей стѣне прѣстатѣла-ницѣи: ~ : ~

Въ 1734 г. книжка-ладунка принадлежала нѣкоему Рабрѣну (т. е. Храбрѣну) Вуядиновичу. Она, несомнѣнно, переписана или написана въ Босніи.

Другимъ мѣстомъ моихъ занятій въ Сараевѣ былъ земскій или областной музей гдѣ помощникъ директора музея, г. Киро Трухелка, любезно указавъ и предоставивъ мнѣ для занятій нѣсколько собранныхъ имъ по Босніи для музея рукописей. Особенное вниманіе здѣсь обратилъ я на рукописный Служебникъ XVI в., въ которомъ помѣщена лѣтопись, названная мною Сарандапорскою; въ этой лѣтописи находятся довольно подробныя извѣстія о крещеніи болгаръ и русскихъ въ новой, весьма любопытной редакціи. Привожу здѣсь эти извѣстія.

1) Въ рукописи здѣсь имя это написано поздней рукою на нижнемъ полѣ листа.

2) Читай: дамлаитъ.

3) Въ рукописи написано также поздней рукою на полѣ листа.

Крещеніе болгаръ.

Въ лѣ же стѣ. при тѣжѣ (т. е. при Михаилѣ и Теодорѣ) и вѣгарскыи начѣлникъ вѣришь вѣрова хѣи, и крѣтисе съ вѣсѣмъ ѣзыкъ вѣгарскыимъ. какоже и коньмъ ѡвразѣ вѣгаре вѣше хрѣтѣне да рѣтсе вѣмалѣ здѣ. Приклячнѣжесе нѣкогда ѣкоже и мѣхоу честіе мѣждоу совою рѣти вѣгаре съ грѣци. и плѣннише грѣци сѣстрѣ начѣлника вѣгарскаго. и дрѣжаше ю въ цѣриградѣ въ полатѣ оучецие ю книзѣ. послѣжѣ ю крѣтише сѣю. Потѣмъ посла вратѣ кѣ просити сѣю оу цѣра грѣскааго. и ѡпоустѣ сѣю цѣрѣ. ѡна же пришѣши къ вратѣ своемъ, и къ сѣгѣ оучаше ѣго хрѣтѣанствѣ. и дивляшесѣ чинѣ хрѣтѣанскомъ. Оѣ же начѣлникъ вѣгарскыи. и прѣвѣе пооучаемъ вѣ хрѣтѣанствѣ нѣкыимъ глѣкыимъ коуфарѣ. приклячнѣсе тогда недоутѣ прокѣзнь въ вѣгарѣ, и ѡсемь оувѣбашесѣ крѣтишесѣ вѣсѣ. нѣ не прѣстѣ ѡ нѣхъ съмрѣтонѣснаѣ вѣлѣзнь ѡна. нѣ мнозѣмъ оумирающѣи, не вѣтѣ помощи ннѣдиноѣ. И скрѣвалѣше вѣлми ѡ семь начѣлникъ нѣхъ. послѣжѣ наоучнѣ ѣго сѣстра ѣго хѣи, и прѣтѣ пооученіе. и ѣвѣ прѣстѣ съмрѣтонѣсныи недоутѣ. оувѣдѣ же начѣлникъ вѣгарскыи, ѣко помощію ѣжѣю нѣсцѣлѣше ѡ ѣзѣмъ. посла молѣвы въ константинѣ грѣ. да пришѣ архѣерѣн ѡтоудѣ и крѣтитѣ сѣго. Видѣвше же сѣго вѣгарѣ крѣтившасѣ. поѣвошесѣ нанѣ оувѣити ѣго. ѡнѣ же дрѣзньвѣ крѣтныи знамѣнѣтель, вѣресѣ и повѣднѣ нѣхъ. прѣхождаше вѣо прѣтѣ нѣмъ крѣтѣ. И сѣмъ вѣвѣшѣ, вѣсѣи хрѣтѣанство вѣгарѣ кѣзлюбѣише, и крѣтишесѣ. ѣже и по сѣи посла гнѣ ѣхъ къ цѣрѣци Ѣвѣре прѣсѣити землѣю вѣгарѣ оу римлянѣ, понкѣже оутѣшнѣзѣхѣсѣ. и прошѣахѣ забѣдно вѣонѣствовати съ римлянѣи. и нѣсплнѣи прѣшеніе ѣхъ Ѣвѣра цѣрѣца. ѡ странѣ вѣ глѣкыи желѣзныи даже до вѣлѣдѣ дарѣвѣа сѣимъ. вѣлѣдѣ же ѣ вѣнѣзѣ ѡдрѣна грѣ. и сѣе вѣсѣ наслѣдоваше вѣгарѣ, дарованіемъ Ѣѣдѣре цѣрѣце. и именовашесѣ загѣрѣе, и ѡтолѣ вѣтѣ мирно оустроѣнѣе на западнѣнѣхъ странѣ, до нѣволикѣ вѣрѣмене съ ѣзыкъ вѣгарскыимъ: ~

Крещеніе русскѣхъ.

Вѣсѣмѣ македѣмъ, дѣи, лѣтѣ. при сѣмъ кнѣзѣ роушкыи владѣимирѣ вѣрока въ хѣтѣ, и крѣтисе съ вѣсѣмъ ѣзыкъ роушкыи. Ѣвразѣмъ же

снжовый роу си прѣлѣжишесе на хртѣанство. въ цѣтѣо прѣрѣн-
нааго васнла македѣина. пѣжнѣшесе роу си съ начѣлннкѣи скои
враннѣо ѡкроужнн цѣнградѣ. Ѣже и прндоша съ велнкою снлою
до цѣтѣоующаго гра. цѣрь же васнлане послѣ къ ннмѣ и къ кнзѣ
нхѣ. мнрное оустроѣннѣ нскнн сътеорнтн съ ннмн. кнзѣ же
прѣмѣ посланнѣ цѣреко. оулегчнсе прѣмоудрѣнншнмн нго слѣвесн.
нѣвѣ мнѣгѣ вѣше въ таковын^т васнланѣ цѣрь. мнѣгѣ вѣ ѡ сндоудѣн
прнвѣде къ хртѣанствоу. и тако прѣста прочѣмѣ ѡ начннаннѣ и прн-
ложнсе къ хртѣанствоу съ къскѣмѣ ѣзыкѣи роушкѣи. и вѣвѣща-
шесе крѣтнтнсе, прѣснше ѡрхѣрѣа. и послѣ къ ннмѣ цѣрь ѡрхѣрѣа.
Ѣ кънѣгѣ хотѣахѣ крѣтнтнсе, пакѣ оуныше и ѡвѣвнншесе. и
рѣше къ ѡрхѣрѣю. ѡце не внмѣ знѣменнѣ коѣ лнво чѣдно ѡ тебѣ,
не хѣщѣмѣ вѣтн хртѣане. ѡрхѣрѣн же ѡвѣвнлавъ рѣкъ. прѣснте
ѣже хѣщѣте. ѡнн же рѣше. хѣщѣмѣ да вѣкрѣжѣшн въ ѡгнѣ стѣе
ѣулаѣ нже оучнтн вѣрѣ хртѣансцѣн, и слокесѣ хѣа. да ѡце съхрѣ-
ннтсе и нверѣднмо воудѣтъ ѡ ѡгнѣ, оутѣрднмсе и мѣ въ хртѣан-
ство. и ѣлнко наоучншн нѣ тѣ ѡрхѣрѣю. съхрѣннмѣ сѣа, и не
воудѣмѣ прѣстоупннцн запѣвѣдн твоенн. Ѣ рече ѡрхѣрѣн. ѣлнко
прѣснте нспѣлннтсе вѣамѣ. Покелѣ и сътворнше ѡгнѣ келѣн. по-
томѣ вѣздѣкъ роуцѣ скои на нѣвѣ и рѣ. хѣ ѣе прѣслѣкн нме
скоѣ. и ѡвѣ постѣвн стѣе ѣулаѣ на ѡгнѣ. и мнѣго крѣме прѣвѣн
въ нѣмѣ. не прнкосноу се ѣмѣ ѡгнѣ нн мѣла. Стѣ вндѣкнше роусы
оудѣнншѣ, чѣдѣщесе слѣвѣ хѣѣ. и тако вѣсн крѣтншесе: ~

Въ этомъ же музеѣ находится небольшой сборникъ, въ
которомъ между прочимъ помѣщены отрывки изъ Номока-
нона Иоанна Постника XVI в., интересные для насъ тѣмъ, что
въ нихъ отразились нѣкоторые народные обычаи; изводъ Но-
моканона рессавскій, выдержанный послѣдовательно въ упо-
требленн глухнхъ звуковъ; употребленн же другнхъ гласныхъ
не послѣдовательно. Это каноническое произведенн озаглавлено
такъ: Нѣмоканѣнн сѣи рѣхѣ законннкѣ. нмѣе прѣвнло съкрѣ-
щѣннѣ. стѣи ѡпѣлѣ, и велнкѣ васнла и стѣи съѣборъ прѣвнло. Я прн-
вожу здѣсь два отрывка изъ него. ѡ чѣрованн. Чѣровннцн сѣи
сѣутѣ. Ѣже неглѣ дѣѣскнѣ ѣѣалмы поюще и мннчѣска нмѣна вѣспѣ-
мнннюще, и сѣлѣе прѣѣтѣе вѣце. и снмн ѣже ѡ вѣсовѣ сълѣгають

чароканѣа .: Чарованѣа оубо вѣсокъ злѣтѣорнѣи ѿмоуѣ призиранѣа. ѿиѣтъ грѣба ѡбавѣема ѡко ѣ раслѣбнѣти оубо коѣго ꙗн жѣтѣемъ къзлѣири ѿ нежитѣлно влѣдъ вѣти жѣтѣе. сѣце ѿ чароканѣа прѣи-лѣбнокашесе ѿ ѿже нѣгрѣбни къпаш ѿ плача: ~ Чароканѣе оубо ѣ ѣже ѡбаванѣемъ ѿ призиранѣемъ вѣсокъ. сътѣборити нѣкое дѣло кѣково оубо на врѣдъ ѿнѣмъ. ѡко сѣ на раслѣблѣнѣе оубо ѿ на длѣготѣ болѣзны ꙗн ѿнъ врѣдъ вѣсѣжитѣ(л)ное къзлѣжанѣе ꙗ на ѿна пѣена: ~

О влѣхвуканѣи: ~ Влѣхвен оубо соуѣ ѿже вѣсы вѣго-тѣорнѣе неглѣи призивающе къ вѣло нѣкого състѣвлѣнѣю. ѡиѣе ѿ скверѣнооубѣмъце соуѣ вѣси ѿ прѣвлѣстнѣици произволѣнѣемъ: ~ ѡиѣе кѣн хѣдетъ къ влѣхвѣ ѿ влѣхвѣдѣютъ, сѣ рѣѣ кражаютъ. ꙗн звѣздѣсловѣтъ, ꙗн чароуѣютъ кѣкъ ꙗн моуѣжа ѿ женѣ да не съхѣдѣтсе ѿ да навѣкиндѣтъ чѣ ѿниѣже не вѣдетъ. ѡко да кѣсакъ ѿзлѣетъ ѿмъ влѣхвоу вѣсакъ ꙗн ѡлово. лѣтъ 5. да не причѣ-стѣтсе, по 5. прѣвилѣ ѿже вѣ трѣле. ѿ по п. великаго васѣла: ~ Оцѣнѣникѣе сѣа тѣорен ѿноубѣ да ѿзкрѣжетсе: ~ Олѣкы влѣ-хвѣдѣютъ съ цѣганѣами. ѿ вѣлѣици прѣвѣдетъ къ дѣбѣ сѣомъ, ѿ чароуѣютъ ѿмъ ѡиѣе негдѣ болѣнъ ѣ ꙗн ѿно чѣдѣ, лѣтъ 6. да не причѣ-стѣтсе, по бд. прѣвилѣ ѿ гѣнѣрскаго стѣго съвѣора. ѿ по 5. прѣвилѣ 5. съвѣора ѿ вѣ троуѣлѣ, тѣковы 5 лѣтъ запрѣщаѣтъ: ~ Оцѣ-нѣеже низлѣгаѣтъ. ѿ ѡиѣе хѣшеири ѿци сказанѣе сѣмѣ ширѣчѣншеѣ вѣ зонѣрѣ: ~ Такожѣ ѿ ѣчмѣнѣмъ зрѣномъ ꙗн вѣвомъ влѣ-хвѣдѣютъ, лѣтъ 5. да не причѣстѣтсе, по а. главѣ, м. стѣхѣа къ мѣтдѣи: ~ Такожѣ ѿ вѣлѣици нѣсетъ хрѣнитѣлна ѿ ѡтракъ ꙗн чѣдѣ ѿ сѣцевѣи, ꙗн навѣзанѣа на дѣти ꙗн на жѣвѣотна, сѣ вѣла-гаѣютъ за оуборокъ лѣтъ 5. да не причѣстѣтсе, по 5. прѣвилѣ ѿже вѣ троуѣлѣ: ~ Мѣтдѣи же вѣ а. главѣ, м. стѣхѣа гѣакъ. ѡко ѿже мѣчкъ ѿ ѿмъ звѣре зарѣугѣа ѿгрѣлицѣе на врѣѣ прѣстѣнѣи кѣлѣкѣтъ. ꙗн ѡблѣкы разгѣнетъ, ꙗн подѣютъ хрѣнитѣлна ꙗн рѣзѣникъ ѿ цѣстѣе ѿ рѣсловѣе вѣроуѣютъ. ѡко ѡвѣ оубо вѣ днѣ вѣла. ѡко ѡвѣ вѣ днѣ злѣ рѣдѣнсе, ꙗн мѣтнословѣе. ꙗн ѡповѣсанѣа. сѣ рѣѣ канѣуѣры ѿ шлѣкъ на главѣ ѿ на вѣю вѣзлѣгаѣютъ. ѡко неѣоубѣтъ стѣонѣити ѿ оуборокъ вѣдѣсловѣтъ. ꙗн змѣю ѡвѣнѣсетъ вѣ недрѣа.

и на ѿчю и оустѣ сконхъ привлѣчеть съ кожейци. ѿко за хрѣствѣ негда нещюуютъ или оусѣрези въ великы чѣтерь <тъкъ> своѣ дѣтемь твореть. или дѣтскѣ ѿалмы и имена лѣничьска поминѣюще, на вѣю вѣшають или харѣктирь и харѣтѣю съдрѣжещѣ мѣтѣв нежѣта. или вѣвѣы призывають на главоболѣе, или спѣины сечѣть, или на болѣзны и недоуты прѣвѣзанѣа твореть. и оуже призывающе вѣготворенѣе вѣсы въ помошь и хрѣктѣ имь. или зѣвѣрѣмь, и моужѣ и жѣне прѣвѣзанѣа ишкѣлѣють. или дѣха питѣиѣа имоужимь вѣроужоюще, или ино вѣлѣшѣвство вѣзѣвѣщаеть ишкѣишѣе. или чародѣанѣе за ино нѣкоюю немощь и за воурѣд чароужоуть, или ино что ѿ сыцевѣи творѣиѣе, ѿ. лѣтъ запрѣщенѣе прѣемлѣють де не причестѣтѣ низлагаютъжѣсе мнѣвиѣею и сѣиѣениѣи на сѣборѣ. хрѣствѣ великаго чѣтерѣ дѣвѣше некѣимь ѣсти, дѣже оуѣрадѣна ѿвѣрѣщѣтѣсе ѿ ѣже не оудѣхѣе сѣго пожрѣти. и иже некѣ сѣиѣиѣи съ ѣгалѣемь дрѣвѣд съскѣзань. и кроужоѣне ѿвѣраѣтѣсе за нѣнѣа кѣми съ ѿалми дѣвѣы, ѣвѣе ишкѣрѣжень ѣд. иѣк и ѣтѣи инокѣамь прѣсѣдѣе жѣны, и ѿ съ крѣвѣиѣе прѣрѣнѣати воужѣла. ѿкоже иногда питѣиѣе дѣхъ илѣвиѣи. томоужѣ поѣвѣають запрѣщенѣиѣо: ~.....Тѣмѣжѣ запрѣщенѣиѣо поѣпаѣають, и иже гѣакѣиѣе коужрѣолакѣ съжѣгающе, и ѿ нѣ каѣтѣсе, ѿ. лѣтъ да не причѣстѣтѣсе. Такожѣ и ѣлѣиѣи мѣиѣтѣ дѣвѣиѣа своѣ на распоутѣа да крѣтитѣ ѣго ѿвѣрѣти, и зарѣди да жѣко воутѣ ѿкожѣ вѣдѣослѣбѣть. ѣще жѣ ѿвѣрѣиѣеть ѣго тоужрѣиѣиѣ. ѣще крѣтитѣ сѣиѣениѣкѣ ѣтрѣче съ тоужрѣиѣиѣомь ѿко съ коужлѣо да ишкѣрѣжетѣсе, по лѣс. правѣиѣе ѣтѣиѣ аилѣ: ~ Въ трѣтѣиѣ же глаѣе ѣ. стѣхѣа мѣтѣвѣн гѣактѣ ѿ вѣрѣиѣиѣ послѣдѣюще ѣлѣиѣнскѣмь ѣвѣиѣчѣе, и плѣсѣиѣа на вѣраѣѣ, или на оуѣлицѣа творѣиѣиѣ, или роужсалскѣ, или глаѣвомь птѣиѣскѣиѣ вѣроужоюще, или ноѣомѣсѣчѣамь, или иѣтѣзанѣамь вѣнѣиѣмають, или ѣтѣипѣлѣкѣиѣа на стѣгнѣа ѿкожѣ творѣахѣ ѣлѣиѣиѣиѣ дрѣвѣак. ѣ иѣиѣ ѿкожѣ вѣидѣиѣ дѣвѣтѣ сѣе творѣть кѣ наѣкѣрѣа прѣжѣиѣиѣчка по некѣелѣмѣ ѿвѣиѣчѣаю дрѣвѣиѣкѣлѣд. или зѣанѣе ѣже творѣть нѣѣѣиѣиѣ въ дѣиѣ вѣзѣиѣнѣа да ѿ ѿиѣого шѣѣствѣе своѣ раслѣотрѣть. или въ рѣзѣы жѣнскѣе моужѣе ѿвѣлѣчѣтѣсе, или жѣны въ мѣжаскѣе, или налѣиѣиѣиѣкѣ ѿкожѣ въ стрѣанѣа лѣтинскѣиѣиѣ злѣ ѿвѣаѣкоше творѣитѣиѣ. тѣѣамѣе сѣа творѣиѣиѣиѣ

въ разумѣ. Січеніѣ же оубо нѣдержанію. людіже Влаученію прѣдаютъ: ~

Благодаря любезности г. Трухелки, я имѣю возможность ознакомиться съ указаннымъ сборникомъ во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Фойницкомъ Св. Духа и Сутескомъ Св. Іоанна Крестителя монастыряхъ я пересмотрѣлъ до 60 кодексовъ, писанныхъ босанчицей, изъ которыхъ я извлекъ весьма интересныя данныя для исторіи фактической и хронологической босанчицы. Между прочимъ прекрасный матеріалъ для этого содержится въ метрическихъ и приходо-расходныхъ книгахъ монастырей, представляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ обильный матеріалъ и для исторіи культурнаго и экономическаго состоянія страны, и для исторіи языка. На основаніи указанныхъ книгъ можно съ положительностію сказать, что босанчица у боснійскихъ фратровъ (т. е. францисканцевъ) со второй половины XVIII столѣтія начинаетъ замѣняться латиницей и въ концѣ столѣтія эта замѣна уже завершается. Такъ въ метрической книгѣ Фойницкаго монастыря 1750—1821 гг. глаголическія записи или, вѣрнѣе, записи босанчицей доходятъ до октября 1783 г.; въ остальные же годы записи дѣлаются латиницей, которая начинаетъ встрѣчаться между босанчицей съ 18 августа тогоже года. Въ приходо-расходной книгѣ 1782—1823 гг., въ расходной части ея, глаголическія записи продолжаются до конца ноября 1798 г.; въ декабрѣ мѣсяцѣ глаголицей одѣланы только двѣ записи, остальные латиницей, но на славянскомъ языкѣ. Впрочемъ встрѣчаются и здѣсь глаголическія отмѣтки и даже итоги. Въ доходной части книги глаголическія записи доходятъ до 1798 г. включительно; но и въ слѣдующіе годы до 1806 г. еще встрѣчаются нѣрѣдко глаголическія отмѣтки и записи. — Въ монастырѣ Сутеска метрическая книга 1741—1747 гг. вся написана только босанчицей; тоже можно сказать и объ отрывкѣ крещальной метрики 1699—1733 гг., причемъ ч = и. Въ крещальной метрикѣ 1719—1740 гг. до 13 мая 1720 г. записи одѣланы по-латини, а начиная съ 1 октября 1729 г. — всѣ босанчицей. Въ книгѣ рожденій и погребеній 1748—1764 гг. крещенія отмѣчаются босанчицей до 5 іюня 1755 г., вѣнчанія до 20 іюня тогоже года, а замѣтки о мертвыхъ стали писаться по-латини

съ 20 декабря 1760 г. Въ метрической книгѣ 1752—1773 гг. до 15 октября 1752 г. записи сдѣланы босанчицей; 1753 и 1854 гг., до 20 ноября включительно — по-латини; съ 24 ноября 1754 до 18 мая 1757 г. — латиницей, а съ 26 декабря 1757 г. — босанчицей. — *Parochiae Bielae in Bosna othomana Liber, tres continens partes* — крещеній, вѣнчаній и погребеній 1750—1771 гг. — включаетъ въ себѣ записи крещальныхъ босанчицей до 9 марта 1768 г., между которыми встрѣчаются и латинскія; даже до 1768 г. идутъ только латинскія; погребальныхъ босанчицей съ 9 января 1745 по 7 марта 1761 г., — между ними въ началѣ встрѣчаются и латинскія; наконецъ вѣнчальныхъ записи съ 18 мая 1750 до 26 октября 1768 г. босанчицей. — Въ книгѣ рожденій 1767—1773 гг. до 8 июня 1767 г. — латинскія записи; съ 22 февраля 1767 г. босанчицей. — *Liber baptismorum parocchie Bielae* съ 2 сентября 1773 — 1778 гг. содержитъ въ себѣ записи босанчицей до 9 июня 1775 г.; остальные всѣ латинскія — *Liber baptismorum parochiae de Zovik* съ 7 октября 1776 по 20 марта 1788 гг. включаетъ въ себѣ записи босанчицей до 18 июня 1778 г.; остальные всѣ латинскія, которыя встрѣчаются изрѣдка и между написанными босанчицей. — Въ *Liber defunctorum* 1766 — 1807 гг. записи босанчицей доходятъ до 12 июля 1779 г.; остальные латинскія. Наконецъ въ отрывкѣ изъ метрической книгѣ вѣнчаній 1752—1776 гг. все написано босанчицей, гдѣ ѣ = ѣ и и.

Кромѣ того въ Сутескѣ сохранилась книга *limosinarum* 1778 (съ 30 июня) по 1835 (1 октября) гг., гдѣ записи сдѣланы босанчицей и латиницей, причемъ первыя встрѣчаются между записями латиницей только въ началѣ, — и *Liber computorum venerab. conventus s. Joannis Baptistae de Sutisca*, гдѣ приходъ записывается съ 13 июня 1775 по 9 ноября 1791 г., — босанчицей до 14 сентября 1784 г.; далѣе идетъ латиница. Въ расходной части начала не сохранилось, — записи здѣсь находимъ съ мѣсяца іюня 1778 г. босанчицей, продолжающеюся до 7 сентября 1784 г.; съ 15 сентября начинается латиница; и въ приходѣ и расходѣ послѣдняя начинается при гвардіанѣ Павлѣ Стоичѣ. Заслуживаетъ вниманія, что мѣстами въ одномъ и томъ-же словѣ встрѣчаются буквы и боснійскія и латинскія. Счетъ въ босанчицѣ ведется на *пимези* и *ѣаспрн*, а въ латиницѣ на *jaspri*.

Въ Фойницкомъ монастырѣ я пересмотрѣлъ еще слѣдующія рукописи, писанныя босанчицею и латиницей:

1) Лѣтопись монастырскую, въ которой находятся отмѣтки, касающіяся и вообще Босніи и другихъ балванскихъ областей,—босанчицей.

2) *Enchiridium seu frequentius ad manus, in quo quaedam res, casusque gesti propria memoria conservati, ac experientia noti, nec non quaedam utiles notitiae, ex majorum traditione haustae. Item historiae quaedam notae, et quadam, ex quibusdam libellis laceris ac neglectis, Fojnicensem custodiam plurimum concernentes collectae: in quantum licuit servato temporum ordine. Ab antiquario auctore R. R. Matheo Christi Chević ex custode, gratia ac perenni posterorum amore devicto. Hoc praetactum opus in lucem prodiit Fojnicze, anno MDCCCXXII, — въ которомъ содержится довольно интересныя статьи; изъ нихъ отмѣчаю здѣсь:*

α) *De origine regum Bosnensum (на 214 листахъ), за которымъ слѣдуетъ: Index materiarum in hic Enchirion contentarium.*

β) *Idea conductiva in solemnem historiam, sed colubrino astu verborum valde instructam Allaj-Begga Musstaj - Paschicha de Skopje. Primum nostro patri vicario secreti, hic Fojniczae in suo hospicio communicata, dum anno praeter lapsso, nempe 1829, ex Castris revertebatur ad Skopje.*

γ) *Stemma familiae Christichevichianae.*

δ) *Horrenda sacrilegia et nimis in Deum metuenda ac summe ingrata in benefactores nequam ingratitude ab infelicissimo juvene fratre Pacifico Kargnich, clerico professo commissa et ad peragenda sua studia ad Hungariam misso, qui ibidem philosophiae dans operam, diabolico imbutus spiritu, sine ulla vi interna ac externa de manifeste, natum fuisse turcam proclamavit false negans se baptizatum, sed circumcisum fuisse inponens sibi nomen destinabilem imposuit Cara Sulejman begh. O detestabile et abominabile exemplar, a modo nulli christianorum imitandum. Qua de re ex inopino advenerunt litterae ab episcopo Sobariense ad illustrissimum d. episcopum Augustinum Milletich, ut de hac re insolita et nunquam satis deploranda diligentius inquirat et de ejus veritate, quantotius, eum certiore reddere, non negligat. — Это повѣствованіе извлечено изъ письма фратра Матвѣя Христича, которое онъ написалъ къ епископу Августину Мил-*

летичу въ 1834 г. Нѣкоторые эпизоды этого дѣла наложены по хорватски.

е) *Vera discriptio historiae B. P. Angeli Zvizdovich.*

Ѹ) *Foinicze digentium incollarum, posteritati solerter recomandatur memoria de hoc spatio ante Portas templi anno 1833.*

н) *De Plyriae linguae accurata literarum inquisitione*, — гдѣ приведена азбука босанчицы. За этимъ слѣдуетъ Отче нашъ, Здрава Мариа и Вироваѣне (католическій Символь вѣры), — босанчицей.

ѹ) *De Monarchia Turcica*, гдѣ говорится объ отношеніяхъ францисканцевъ къ туркамъ со времени появленія послѣднихъ въ Босніи. По видимому, сюда вошли и нѣкоторыя народныя преданія.

Одною изъ важныхъ для исторіи босанчицы рукописей Фойницкаго монастыря нужно признать Воскресный Гомиларій (*Homiliae Dominicales* или *Sermones*), начала XVII столѣтія, подробно мною описанный ¹⁾. Почти такое значеніе имѣютъ и *Sermones*, въ одной книгѣ въ 390 лл., написанные одною рукою босанчицею въ 1695 г., и наконецъ Лѣчебникъ 1774 г. Не менѣе интересенъ для исторіи сербско-хорватскихъ родовъ и хранящійся здѣсь гербовникъ царей, кралей, бановъ и вельможъ сербскихъ, хорватскихъ, боснійскихъ и далматинскихъ подъ заглавіемъ: Родословіе Босанскаго алита Илирскаго и сербскаго владанія заедно поставлено по Станиславѣ Рѣбчићу пошъ на Стипана Немаѣнића цара Сърблена и Бошѣнака. 1340.

Слѣдуетъ еще прибавить, что босанчица до самаго послѣдняго времени была въ употребленіи у мусульманъ, у которыхъ, впрочемъ, она и теперь существуетъ, но главнымъ образомъ между мусульманками, передаваясь отъ матерей къ дочерямъ въ гаремной замкнутости. Теперешняя боснійская мусульманка-славянка еще держитъ себя совѣмъ въ сторонѣ отъ вновь завезенныхъ въ оккупацию женскихъ школъ и потому въ книжномъ дѣлѣ должна довольствоваться наслѣдіемъ предковъ, которое впрочемъ, внѣ любовной переписки, находитъ неширокое приложеніе по той простой причинѣ, что духовныя потребности

1) Г. Трухелка любезно приготовилъ для меня фотографическіе снимки изъ Гомиларія и съ другихъ памятниковъ, писанныхъ босанчицей, за что приношу ему искреннюю благодарность. Фотографическіе снимки войдутъ въ особую мою работу о босанчицѣ.

мусульманки вообще очень невелики. У православныхъ босанчица никогда не была распространена. Подъ вліяніемъ церковной традиціи у нихъ было въ употребленіи обыкновенное кирилловское письмо, въ которомъ являются нѣкоторыя буквы изъ босанчицы въ полууставномъ начертаніи, какъ въ изданіяхъ Дивковича и другихъ. За то босанчица была распространена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи, какъ то въ бывшей Полицкой республикѣ и на нѣкоторыхъ островахъ, но опять, главнымъ образомъ, у католиковъ.

Не могу умолчать здѣсь, что въ Фойницѣ я пользовался безпредѣльною любезностію, вниманіемъ и предупредительностію многоуважаемаго тамошняго гвардіана М. В. Батинича, извѣстнаго автора «Djelovanje frajčevaca u Bosni i Hercegovini», который открылъ мнѣ всѣ книжныя сокровища своего монастыря. Къ сожалѣнію, я не могу похвалиться своими успѣхами въ Сутескѣ, гдѣ я не могъ видѣть извѣстной Сутеской лѣтописи; тамошній гвардіанъ Франьковичъ говорилъ мнѣ, что о такой лѣтописи ничего не знаетъ и никогда не слышалъ.

Я предполагалъ посѣтить и францисканскій монастырь Крешево, — мѣстопробываніе извѣстнаго боснійскаго поэта-францисканца Гргра Мартича; но тамъ я не былъ, въ виду того, что монастырь перестраивался и бібліотека его была не доступна для занятій.

Въ Травникѣ только два-три года тому назадъ основанъ іезуитскій конвиктъ съ гимназіей и, разумѣется, бібліотека его не обладаетъ еще никакими данными, важными для исторіи и языка Босніи; тѣмъ не менѣе профессоръ тамошней гимназіи патеръ Александръ Гофферъ показалъ мнѣ интересный пергаменный Анеологій, въ л., кирилловскаго письма, въ два столбца, сербской редакціи XIII—XIV в. Анеологій описанъ попомъ Гюргомъ. Рукопись не имѣетъ ни начала ни конца и въ серединѣ недостаетъ листовъ; въ ней сохранились часть мая мѣсяца (съ 20 дня) июнь, за которымъ слѣдуетъ шесть статей, взятыхъ главнымъ образомъ изъ Отечника или изъ Пролога. Нынѣшній владѣлецъ приобрѣлъ ее въ собственность отъ православнаго боснійскаго священника. Почтенный профессоръ съ полною готовностію и любезностію предоставилъ въ мое распоряженіе на время эту рукопись для изслѣдованія. Укажу, здѣсь что въ ней подъ 20 числомъ іюня приводится:

Лица того въ. Къ стрѣхъ стѣго свѣщеннолѣнника мефодина мо-

равскаго, а за этою отиѣткою слѣдуютъ тропарь и синаксарь, совѣтъ неотносящіяся къ Меодію, просвѣтителю славянъ; моравскіи здѣсь стоятъ, несомнѣнно, вмѣсто патарскіи. Интересно въ этомъ кодексѣ употребленіе в. вм. е, когда послѣднее приходится на концѣ строки, но мѣста для него не оказывается тамъ и потому ставится обыкновенно надъ послѣднею буквою слова; какъ напр. подъ 19 мая: *глѣ словеса пришествѣ*^о (конецъ строки) *проповѣдаемъ*; или на послѣднемъ листѣ, наоборотъ: *и не домѣ*^о въ монастырѣ *валѣсти*; или: *самъ великъ имѣ*^о. Несомнѣнно, что это в. есть глаголическое э, въ какомъ видѣ оно употребляется въ отиѣченной выше пергаменной рукописи у Алексича въ Дубровникѣ и при такихъ же условіяхъ.

Кромѣ того въ Босніи, какъ и въ Далмаціи я изучалъ мѣстные говоры живого языка; но къ сожалѣнію, мои замѣтки по этому предмету довольно отрывочны и потому я не нахожу возможнымъ здѣсь объ этомъ распространяться, отлагая это до другого раза, когда у меня будетъ возможность пополнить свои свѣдѣнія по языку Босніи и Далмаціи.

Не могу, однако, не высказать здѣсь, что какъ Боснія и Герцеговина, такъ и Далмаціи съ Дубровникомъ и Босою Которскою для слависта представляютъ, можно сказать, непочатой еще край: здѣсь и славистъ-историкъ и славистъ-лингвистъ будутъ находить еще долгое время много для себя работы и притомъ весьма интересной. Дубровнику давно слѣдовало бы имѣть, историческое общество съ органомъ для изученія своего прошлаго и изданія памятниковъ, важныхъ не только для мѣстной исторіи, но и для исторіи всего Балканскаго полуострова и даже юговосточной Европы. Съ другой стороны этнографическое общество въ Задрѣ или Сплѣтѣ могло бы сообщать ученому міру интереснѣйшія данныя изъ жизни Далмаціи, Дубровника и Боки Которской. Къ сожалѣнію, экономическое и соціальное положеніе края, а всего болѣе губительная борьба партій, окрашенная національными и отчасти религіозными счетами, сильнѣйшимъ образомъ парализуетъ стремленія немногихъ мѣстныхъ дѣятелей, воодушевленныхъ чисто учеными цѣлями.

Одна только археологія въ Далмаціи сдѣлала нѣкоторые успѣхи, не смотря на то, что и къ ней примѣшиваются партійно-національныя дразги. Благодаря неутомимой дѣятельности Фр. Булича, директора сплѣтской гимназіи, сплѣтскій музей клас-

сическихъ и христіанскихъ древностей постоянно возрастаетъ, такъ что для него необходимо новое помѣщеніе, и раскопки на мѣстѣ древней Салоны продолжаются съ большимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ въ началѣ августа 1894 г. можно было созвать въ Сплѣтѣ первый съѣздъ христіанскихъ археологовъ, на которомъ, какъ членъ, присутствовалъ и я и принималъ участіе въ его занятіяхъ. Въ Сплѣтѣ же выходитъ уже 18-й годъ *Bullettino di archeologia e storia dalmata*, издающійся подъ редакціею г. Булича. Кромѣ того въ Далмаціи существуетъ археологическое общество въ Киниѣ: *Hrvatsko Starinarsko Društvo*, на открытіи котораго въ августѣ 1893 г. я также присутствовалъ; съ начала нынѣшняго года сталъ издаваться органъ этого общества: *Starohrvatska Prosvjeta*. Только въ началѣ 1894 г. основано было историческое общество *Bihać,—hrvatsko društvo za iztraživanje domace povjesti u Splitu*; но дѣятельность его еще ни въ чемъ не могла проявиться.

Со времени оккупациіи Босніи и Герцеговины Австро-Венгеріею эти двѣ области Балканскаго полуострова стали совершенно открытыми ученому міру и оккупационное правительство облегчаетъ всевозможнымъ образомъ научныя занятія какъ своимъ, такъ и чужестранцамъ. Кромѣ того, оно въ короткое время устроило музей, который могъ бы сдѣлать честь любой столицѣ небольшого государства, и уже 7-й годъ издается органъ музея: *Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini* на сербскомъ и хорватскомъ языкахъ, подъ редакціею директора музея Константина Германна, и 3-й годъ какъ выходятъ *Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Hercegovina* и затѣмъ издано нѣсколько другихъ цѣнныхъ трудовъ по исторіи края;—однимъ словомъ оккупационнымъ правительствомъ въ короткое время сдѣлано немало для изученія прошлаго и настоящаго края; но все это далеко отъ того, что нужно еще совершить.

Директоръ музея К. Германнъ и его помощникъ К. Трухелка—неутомимые труженики, беззаветно преданные своему дѣлу; и тотъ и другой уже заявили себя солидными трудами по археологіи и отчасти по исторіи и этнографіи края. Сверхъ того, г. Трухелка печатаетъ теперь весьма интересный и важный сборникъ боснійскихъ славянскихъ надписей, который въ самомъ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Но силы этихъ двухъ

лицъ далеко недостаточны для такой грандіозной работы, какъ изученіе областей хотя бы въ ихъ прошломъ, въ тому же оба эти лица больше археологи. Оккупационнымъ областямъ нужно этнографическое общество, прекрасное начало которому положено уже въ областномъ музеѣ, нужны хорошіе слависты-историки и слависты-лингвисты; тамошнимъ сербамъ нужно имѣть изъ среды себя ученыхъ богослововъ и историковъ церкви. Такъ или иначе, но въ виду научнаго интереса, представляемаго этими областями, а также и Далмаціею, посылка нашихъ молодыхъ славистовъ въ эти края, какъ и вообще на Балканскій полуостровъ, съ ученою цѣлію была бы весьма желательна; такія командированія были бы полезны и для самихъ командруемыхъ и давали бы прекрасные результаты для науки.

Отчетъ мой остался бы неполнымъ, если бы я не упомянулъ еще о своихъ поѣздкахъ 1893 г. въ Черногорію, Сербію и, на обратномъ пути въ Россію,—въ Вингу въ Банатъ и Трансильванію.

Въ Черногорію я поѣхалъ къ празднику 400-лѣтія Ободской типографіи съ тѣмъ расчетомъ, что къ этому времени въ Цетиньи сойдутся представители населенія всѣхъ концовъ Черногоріи и слѣдовательно здѣсь можно будетъ дѣлать наблюденія, по крайней мѣрѣ, лингвистическія. И конечно, мои расчеты оказались почти невѣрными. Въ праздничной сутоловѣ каждому хотѣлось повеселиться, а никакъ не одѣлаться предметомъ наблюденій. За то, я былъ до нѣкоторой степени вознагражденъ находкою, одѣланною мною въ Подгорицѣ, недалеко отъ которой я и мои спутники обозрѣвали остатки Доклеи или Дукли. Въ подгорицкой читальнѣ я пересмотрѣлъ славянскія старопечатныя церковныя книги и рукописи, — послѣднія позднѣйшаго происхожденія; я остановилъ свое вниманіе на одной изъ нихъ, — малаго формата, написанной скорописью, безъ начала и конца; на первыхъ шести листахъ ея находится слѣдующій отрывокъ разсказа, который, по моему разумнію, образовался изъ народной пѣсни, послѣ ея разложенія, или изъ лѣтописной повѣсти.

(Ко)стадинъ Жедоликовацъ¹⁾ син(ь) би²⁾ воеводе Деяна ѿ

1) Въ рукописи можно читать и Федоликовацъ и Жедоликовацъ. Вытъ можетъ, здѣсь нужно: Жегликовацъ.

2) Тамъ же эти два слова похожи на: синъ би .

Драгашъ. те 3 воеводе о ¹⁾ сарбске госпде одбѣгошѣ на своего оца и тамо воеваше на хрїстяне цару турскоме Паязѣту и воеваше на хрїстяне и погнблѣ Марнавчичи. тогда промисломъ божїимъ ставише Лазара ва престолъ србскї са благословенїемъ ²⁾ патриарха србсаго. и тако кнезъ Лазаръ бїть господар срблѣ. пребиваше у васякому добру и доброму чїну ка чї кой слаше.....³⁾.... са не вїдїѣ бѣць нашъ кнезъ Лазаръ Милоша и юнака паметна и врїедна. не бї коня иездно одесну оца нашего Лазара. тогда Вїдосава скочи, каконо охола дѣвпца. катъ то чу. и ударї сестру Елу рукамі уз образу; на рупцї ої златнї прастена и окарвавї ⁴⁾ сестру Елу. крвїе полї нїс прси. ва тої часъ <приде> славнї <царъ> Лазаръ са двема зетїма при дворе свое. крвава <Ела> Мїлошу коня прїмаше, лице свое крваво убрусомъ закланяше. Милошъ вїче ⁵⁾ Елу крваву, рече ої: що тї е, Ело, лице крваво? Она нему све право каза,— како е сестра убїла. Милошъ и ⁶⁾ сарца узда.....⁷⁾ Вука Бранковїча за руку, те га далеко о двора одведе и рече му: карїи, брате, охлу вереницу, да не говори зле рече, да не зове поглавите люде. ако лї е не светуешъ, богом тї се сада тешко заклїнаемъ, и тешкомъ моомъ десницомъ, каде буде то на конма ездечї, я чу тебе узетъ за поясъ, те чу те и седла и звести ⁸⁾ немїлостиво, защо ю научї <да чи> не мою мати кобиломъ. нека сватко зна и чбе да нї е моя матї кобїла, но сам я Обїлїчъ и прави четїчъ. като чу Вукъ Бранковїчъ те страшне рїечї.... ⁹⁾ говорїтї о страха мїлошева Обїлїче. душа-нъ засїеде. и то Мїлошъ на Вука немаше зле воле о тога часа. за то и син му не спомену. него га пуствї. Мїлошъ у

1) Читай: 3 или 3, также и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ.

2) Въ рукописи послѣ этого слова стоятъ знакъ, который можно принять за цифру 4.

3) Здѣсь, несомнѣнно, пропускъ.

4) Въ рукописи: окарварї.

5) Тамъ же это слово читается: е виче, т. е. вїде.

6) Читай: из, какъ и другихъ подобныхъ случаяхъ.

7) Это мѣсто въ рукописи прорвано.

8) Въ рукописи: изверїи.

9) Здѣсь, несомнѣнно, пропускъ.

свою войску оде ѿ верно своего господара князя Лазара служа-
ше. а Вукъ Бранковичъ ѡде князу Лазару на Милоше велику
лажу ѿдвостити. Кобилитъ че ти сву господу поклати. Вукъ рече:
господинне Лазаре, вась дочемъ наконо трутъ. мертвы не дзеи
попане. кону ты се адны гласъ чѣе за милошенъ. Милош че ти
чудну неверу учинити, када дочемо с царѣ боя бити. князь Ла-
заръ говори: шутѣ Вуче. кой тѣ лажу ѿдвоститъ на Милоша.
Милошъ е мой щитъ перени, у немъ стои сва моя снага ѿ кре-
пость. Милош че мой ѡставити спомену полу Косову, докле се
зову расторади имену уижекъ. ѿ онгъ вели Вукъ Бранковичъ: о
Лазаре, како морешъ тому бити пророкомъ да тѣе бити аднѣ Мѣ-
лошу на тому збору. шесе о тебе беседи. ил бени¹⁾ Бранковичъ
Вукъ врже лажне мреже. ѡ нихъ да не утече нѣтко. ту поче кне-
жна Мѣлица, каконо женска една глава, князу Лазару говорити:
видѣ господине Лазаре, ѿере хочешъ почи. на поле Косово. али
се остави са своимъ войскомъ докле се почуе. ели що милошеше
невере. Лазаръ оговара Мѣлицѣ: не бѣ се сада оставио. да бѣ се
ише не вратио с поля Косова. Мѣлица говори: а ти хайде с бо-
гомъ господару. нег те желно молю. како свога господара. ѿспунѣ
мени волю мою за любовь нашу прешѣлу. тако ти завѣта, кон е
между нами²⁾. тако ти рода, кого сѣ с тобомъ породѣла. ѿ тако
ти твоя войска с тобомъ здраво ходѣла ѿ срещнѣ гласѣ ѿ делѣ
свуда добѣла. ѿ тако ти по тобомъ земля родѣла. не мой не укро-
тити. ща ти чу просити. не мой ми деветъ брата на бой водити.
не мой не жестоко увѣелетѣ. не мой да погѣбе колени ѿ Юга
Богдановича³⁾.

Въ Бѣлградѣ, въ Сербїи, я, по любезному указанїю акаде-
мика Стояна Новаковича, между прочимъ, списалъ въ Народной
библіотекѣ два пергаменные листа, составляющіе отрывокъ изъ
апокрифическаго житїя преподобной Параскевы, о которомъ
почтенный академикъ написалъ мнѣ впоследствии, что ему уда-
лось найти и остальную его часть.

1) Вѣроятно, вѣсто: или бени.

2) Въ рукописи послѣднія два слова можно читать и: между нами.

3) Ср. Starine X, стр. 187—189.

Въ Внигѣ, у банатскихъ болгаръ, я интересовался тамошнимъ болгарскимъ говоромъ и ознакомился со всею существующею у этихъ болгаръ литературою ¹⁾ Говоръ банатскихъ болгаръ принадлежитъ къ группѣ говоромъ придунайской части ерако-мизійскаго нарѣчія или просто восточнаго съ примѣсью румынскихъ и сербскихъ и отчасти мадьярскихъ элементовъ по преимуществу въ лексическомъ отношеніи.

Въ Трансильваніи я главнымъ образомъ остановился въ Сибіу или Себешѣ (Nagy Szeben, Hermannstadt), гдѣ, благодаря новымъ знакомствамъ, особенно съ протоіереемъ Матвѣемъ Воилану, я имѣлъ возможность пересмотрѣть нѣсколько румынскихъ рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ этому протоіерею, изъ которыхъ я обратилъ вниманіе на одинъ, составленный и списанный логофетомъ Матвѣемъ Воилану въ 1741 г. Въ этомъ сборникѣ содержатся статьи, большею частію переведенныя съ славянскаго языка и кромѣ этихъ нѣсколько оригинальных ²⁾. На 39-ти начальныхъ листахъ его помѣщены чудеса святителя Николая, между которыми заслуживаютъ вниманія два:

а) Минѣнтѣ сфѣдѣи никѣлае, пѣнтрѣ стѣфѣ краіу сжрѣска, кѣ дѣпѣ ѡрѣирѣ ѡкилѡ сфѣдѣ никѣлае кѣ дѣметѣ лѣвѣ вѣдѣтѣ ³⁾
 и б) Минѣнтѣ сфѣдѣи никѣлае, пѣтрѣ послѣчѣнѣлѣ карѣ сѣлѣ фѣкѣтѣ фѣчѣтѣтѣ кѣкѣдѣи ⁴⁾.

Къ сожалѣнію, ни средотва, ни время не позволили мнѣ оставаться дольше въ Трансильваніи, этой мало извѣстной, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересной для слависта области, въ особенности въ ней города: Брашовъ (Bráso, Kronstadt), Бѣлградъ (Alba Julia, Gyula-Fejérvár, Karlsburg), Блажъ (Balásfalva, Blasendorf), Клужъ (Kolosvár, Klausenburg), Фагарашъ, Оре-

1) Здѣсь я не распространяюсь ни объ языкѣ, ни о литературѣ банатскихъ болгаръ, имѣя въ виду говорить объ этомъ особо.

2) Этотъ сборникъ описанъ самимъ владѣльцемъ, но кратко и со многими ошибками, въ его книжкѣ: Codicelle Mateiŭ Voileanu. Scierŭi din prima jumătate a véculei trecut. Sibiiŭ. 1891, стр. 10—19,

3) Ср. Чудо постѣиши сѣго никѣлае. ѡ ѡри стѣфанѣ сербскѣ. ѡни ѣ дѣчѣнтѣхѣ. кѣко дарѣа ѣмѣ ѡчи ѡни на далинѣ. списано григѣриемъ минѣхѣ ѡ просѣитѣрѣ. ѡгѣмѣномѣ вѣшнимѣ тоѣиѣ ѡнѣтѣлѣ въ Макарьевскихъ Четвѣхъ Минѣяхъ подъ 6 дек. и 9 мая. См. архив. Госсѣфа Подрозномъ Огласениѣ. I. М. 1892, стр. 239; II. 155.

4) Ср. Чудо сѣго никѣлае. ѡ послѣчѣнѣлѣ сѣтѣѡнишиѣ съ градѣтѣ кѣкѣтѣ. Тамъ же, II, 155.

штія (Szászvaros), Бистрица (Bisztercze) и др. По тѣмъ же причинамъ я не могъ посѣтить и бывшія болгарскія села въ брашовскомъ округѣ, гдѣ еще и донныя сохранились остатки болгарь.

Въ заключеніи не могу не выразить свей искренней благодарности и признательности нашимъ консуламъ, — черновицкому С. М. Горяинову и сараевскому Г. В. Игельтроду за оказанныя ими мнѣ содѣйствіе при моихъ занятіяхъ и чисто русское гостепрѣимство.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXIII, № 1.

ОТЧЕТЪ

О

ДЕСЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

1894 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1895.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1895 года.**

Непрежанный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Десятое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

	СТРАН.
Отчетъ въ извлеченіи прочитанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1894 года, предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ordinaryнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.....	1—74

I. «Сочиненія графа А. А. Голенщикова-Кутузова. Т. I—II. Спб. 1894 г.» — Рецензія Н. Н. Страхова.....	2—20
II. «К. Баранцевичъ. Двѣ жены (Семейный очагъ). Романъ. С.-Петербургъ, 1894 г.» — Разборъ А. С. Суворина...	20—35
III. «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. А. В. Лонгинова. Одесса, 1892 г., 261 стр.» — Разборъ проф. П. В. Владимірова.....	35—74

ДЕСЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1894 года, предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина поступило въ настоящемъ году *десять* печатныхъ сочиненій, въ томъ числѣ въ стихотворной формѣ пять оригинальныхъ и одно переводное, и рукопись взятая обратно авторомъ; сверхъ того къ конкурсу присоединено сочиненіе, оставшееся отъ предшествовавшаго за неполученіемъ къ сроку рецензій. Означенныя сочиненія были рассмотрѣны членами Отдѣленія и приглашенными учеными и литераторами: членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія Н. Н. Страховымъ, ординарнымъ профессоромъ университета св. Владимира П. В. Владиміровымъ, А. С. Суворинымъ и Ю. Н. Говорухо-Отрокомъ.

По полученіи рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія, въ составъ которой, кромѣ пяти членовъ Отдѣленія, были приглашены: Д. В. Григоровичъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Страховъ и А. С. Суворинъ, изъ которыхъ трое, именно: гг. Григоровичъ, Полонскій и Суворинъ по разнымъ причинамъ не могли принять въ ней участія.

По выслушаніи рецензій на подлежавшія оцѣнкѣ сочиненія и послѣдовавшихъ затѣмъ обсужденій была произведена закрытая баллотировка, по которой присуждены: единогласно полная Пушкинская премія графу А. А. Голенищеву-Кутузову за его Сочиненія и по большинству голосовъ похвальные отзывы К. С. Баранцевичу за его романъ: «Двѣ жены (Семейный очагъ)» и А. В. Лонгинову за его трудъ: «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 году». Одно произведеніе, за недоставленіемъ рецензій, перенесено на конкурсъ слѣдующаго 1895 года.

Основаніемъ для означенныхъ присужденій послужили ниже-слѣдующія рецензіи.

I.

Сочиненія Графа А. Голенищева-Кутузова. Т. I—II. Спб. 1894.
(Рецензія Н. Н. Страхова).

Между нашими поэтами послѣдняго періода гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ уже давно занимаетъ очень видное мѣсто. Поэтовъ мы разумѣемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣхъ, которые пишутъ стихами. Послѣдній періодъ нашей поэзіи мы считаемъ приблизительно съ турецкой войны. До этого времени продолжалось еще вліяніе, извѣстное подъ названіемъ *шестидесятихъ годовъ*; тогда поэзія была въ загонѣ, и крѣпко держались и писали только три извѣстныхъ поэта: Майковъ, Полонскій и Фетъ, такъ что историкъ нашей поэзіи долженъ будетъ этими именами обозначить цѣлый періодъ своей исторіи. Но къ концу семидесятихъ годовъ стали появляться новые писатели стиховъ и понемногу ихъ явилось чрезвычайное множество; восьмидесятые годы представляютъ такое обиліе стиховъ и стихотворцевъ, какого никогда не бывало въ русской литературѣ. Въ этой толпѣ показался и гр. Кутузовъ и постепенно занялъ свое выдающееся положеніе. Эпохою, когда установилась его извѣстность, нужно считать появленіе трехъ его поэмъ: *Ста-*

рыя рѣчи, 1879 года, *Дядѣ простилъ*, 1881 года и *Разсвѣтъ*, 1882 года.

Увлеченіе стихотворствомъ, пережитое, или переживаемое нами, большею частію есть явленіе неправильное, указывающее на то, что въ литературѣ понизились строгія требованія и получили просторъ низменные вкусы. Стихи плѣняютъ читателей и писателей прежде всего однимъ своимъ звукомъ; для многихъ достаточно правильнаго размѣра и рима, чтобы получить большое удовольствіе. Является, такимъ образомъ, возможность удовлетворить себя и другихъ самымъ дешевымъ способомъ, достигнуть цѣли одною внѣшнею постройкой. Если затѣмъ вложить въ эту постройку доброе чувство, обращеніе къ религиознымъ, или патріотическимъ предметамъ, или же выраженіе любви, печали, радости, и т. п., то выйдетъ стихотвореніе, лучше котораго многіе и желать не хотятъ. Самый ясный примѣръ такихъ произведеній — тѣ стихотворенія, которыя пишутся въ различныхъ сектахъ протестантства и употребляются тамъ при богослуженіи. Въ сущности это — только римованная проза.

Конечно, стихотворцы часто идутъ дальше, пытаются подражать тѣмъ истинно-поэтическимъ стихотвореніямъ, которыя имъ извѣстны. Но и тутъ совершается тотъ же обманъ: когда писатель больше или меньше успѣетъ поддѣлаться подъ форму, онъ бываетъ увѣренъ, что достигъ дѣйствительной поэзіи. Онъ усвоиваетъ чужой языкъ и чужое теченіе рѣчи и думаетъ, что какое бы то ни было содержаніе такимъ образомъ уже получить поэтическое достоинство. Красота и сладость стихотворной рѣчи не всѣмъ доступны, однакоже дѣйствуютъ на очень многихъ, и тогда обыкновенно сильно дѣйствуютъ. И вотъ является желаніе подражать, а подражаніе, которое само въ себѣ ничего дурного не представляетъ, здѣсь опасно. такъ какъ можетъ остановиться на внѣшности и не достигнуть внутренняго зерна.

Какъ бы то ни было, на Руси всегда было много охотниковъ писать стихи. Въ послѣдній періодъ они только выступили публично, стали печататься, — чего не смѣли дѣлать прежде, когда въ

журналахъ и въ публикѣ требованія были очень подняты, и стихи, чтобы появиться въ печати, должны были имѣть высокое достоинство. Послѣ Пушкина и Лермонтова, рядомъ съ Майковымъ, Полонскимъ и Фетомъ, нельзя было являться съ слабыми стихами, — такъ требовала тогдашняя строгая критика. Но постепенно литература расширилась, понизилась, и вступленіе недаровитаго новичка въ литературу перестало быть событіемъ, для кого-нибудь замѣтнымъ.

Самое дурное въ этомъ обилии стиховъ не то, что большинство ихъ слабы, а то, что и у тѣхъ изъ стихотворцевъ, которые обнаруживаютъ нѣкоторое дарованіе, мы находимъ отсутствіе школы, не видимъ вліянія нашихъ великихъ поэтовъ. Русская школа стиховъ уже существуетъ со временъ Пушкина, и даже можно сказать со временъ Жуковского и Батюшкова. Но, вмѣсто того, чтобы сохранять превосходныя преданія этой школы, наши новые стихотворцы, будучи, очевидно, очень мало знакомы съ нею, принимаютъ писать по руководству своего собственнаго вкуса, не воспитаннаго на чтеніи свѣтлыхъ родной поэзіи, или же подражаютъ современнымъ европейскимъ поэтамъ, всегда находящимъ у насъ себѣ читателей. Дѣло дошло до того, что явились даже подражатели французскимъ декадентамъ. Въ этомъ отношеніи гр. Кутузовъ представляетъ замѣчательное и очень пріятное явленіе, — онъ истинный питомецъ русской школы, онъ можетъ быть даже прямо названъ подражателемъ Пушкина. Вслѣдствіе этого вышло, что онъ очень замѣтно выдѣлился среди другихъ своею безупречною, безукоризненнымъ вкусомъ. Велико или мало его дарованіе, много или не много онъ создалъ, но все имъ написанное чуждо явныхъ и грубыхъ недостатковъ; ни одна пьеса не оскорбляетъ вкуса. Другіе стихотворцы, не лишены таланта, страдаютъ или напыщенностію и вычурностію языка, или надуманностію и напряженностію чувствъ и мыслей, или темнотою, беспорядкомъ, растянутостію, незаконченностію изложенія. У гр. Кутузова не видно было такихъ грѣховъ, хотя бы его пьесы и не имѣли въ себѣ ничего блестя-

шаго и поразительнаго, какъ онѣ обыкновенно у него и не имѣютъ.

Русская школа стиховъ, полный представитель которой — Пушкинъ, есть очень строгая школа. Она не терпитъ ничего фальшиваго, искусственнаго, смутнаго, она стремится къ правдивости, простотѣ и опредѣленности. Таковъ въ музыкѣ Глинка, а въ поэзіи Пушкинъ. Въ этомъ ихъ высшая, несравненная красота. Мериаме справедливо говорилъ, что у Пушкина «поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ, какъ бы сама собой, изъ самой трезвой прозы»

Можно сказать, что эта сдержанность и строгость обнаруженія, составляющая главную черту всякаго изящества, доведена у гр. Кутузова до послѣдняго края, до какой-то стыдливости и стѣсненности. Онъ боится повысить голосъ; онъ такъ упорно избѣгаетъ всего эффектнаго, крика, рѣзкаго поворота рѣчи, что иногда впадаетъ въ монотонную скороговорку. Вообще, звучность, пѣвучесть рѣдко встрѣчаются въ его стихахъ, хотя онъ, очевидно, къ нимъ способенъ; большею частію стихи его не имѣютъ яснаго напѣва и не легко остаются въ памяти.

Приведемъ стихотвореніе, которое пояснитъ наше замѣчаніе:

О муза, не зови и взоромъ не ласкай!
 Во взорѣ этомъ и призывѣ,
 И въ сердца сладостно-мучительномъ порывѣ
 Мнѣ чувствуется вновь утраченный мой рай.
 Но въ свѣтломъ томъ раю я гость чужой и лишній,
 Повсюду за собой влача унынья гнетъ.
 Къ чему жъ подъ пепломъ жаръ давнишній
 Мнѣ душу черствую порой томить и жжетъ?
 Не вспыхнетъ пламень чудотворный,
 Не вырвется изъ устъ напѣвъ былой любви.
 Въ чертогъ сіяющій изъ мрака ночи черной
 Умолкшаго пѣвца, о муза, не зови!

(Т. I стр. 215)

Въ этомъ стихотвореніи очень мало пѣнія, хотя оно разбито на куплеты. Между шестистопными ямбами здѣсь замѣшаны три четырехстопныхъ стиха, — въ первомъ куплетѣ второй стихъ, во второмъ куплетѣ — третій, въ третьемъ куплетѣ — первый. Такимъ образомъ нѣтъ правильной мелодіи. Далѣе, стихъ:

«И въ сердца сладостно-мучительномъ порывѣ»
имѣеть цезуру тамъ, гдѣ остановка произношенія почти невозможна.

По этому, и по вялости нѣкоторыхъ другихъ стиховъ, стихотвореніе похоже на прозу, хотя оно хорошо по содержанію и по точности и выразительности словъ и оборотовъ.

О стихотворномъ теченіи рѣчи вообще говорить трудно; но, намъ кажется, достаточно одного, двухъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что поэтъ не очень чутокъ къ требованіямъ пѣнія рѣчи. Напримѣръ стихъ

«И кажется мнѣ — шхъ покой» (I, 214)

для другого поэта показался бы нестерпимымъ.

Или, другой поэтъ вмѣсто стиха:

«Слетался со всѣхъ сторонъ» (I, 213)

непремѣнно поставилъ бы:

Со всѣхъ слетался сторонъ;

вмѣсто:

«На твой вызовъ смѣло я отвѣчу» (I, 16)

поставилъ бы:

Смѣло я на вызовъ твой отвѣчу;

вмѣсто:

«Я пристально порой гляжу назадъ» (I, 203)

поставилъ бы:

Порой гляжу я пристально назадъ.

И такъ далѣе.

Разбирать такіе случаи, показывать, почему удареніе второго ямба должно быть очень ясное, чтобы стихъ лучше звучалъ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотѣли только подтвердить примѣрами, что нашъ авторъ, очевидно, не гонится за звучнымъ пѣніемъ словъ. Отсюда объясняются разные мелкіе недочеты, попадающіеся у нашего поэта. Онъ вообще не отличается звонкостію рѣчъ, но иногда это доходитъ до крайности, напр.:

«Но ужасъ жизни сѣзналъ я
И слезъ потокомъ залился!» (II, 22)

Намъ встрѣтился такъ же — *horribile dictu!* — шестистопный стихъ безъ цезуры; именно:

«Когда къ потерянному чувству нѣтъ возврата»
(II, 183)

Эта малая забота о звучности указываетъ намъ на вкусы поэта. Съ этими вкусами совершенно согласно то, что его почти неизмѣнный размѣръ — ямбы, какъ у Пушкина, при томъ не только четырехстопные, а часто пятистопные и еще чаще — шестистопные. Шестистопный ямбъ, какъ извѣстно, отличается монотонностію; между тѣмъ, можетъ быть за это самое онъ особенно любимъ нашимъ поэтомъ, который владѣетъ въ совершенствѣ этимъ спокойнымъ размѣромъ и даетъ ему, смотря по надобности, очень различныя теченія. Вотъ напр. стихотвореніе, включенное въ поэму *Въ туманъ*:

«Давно ль та ночь была? Давно ль та пѣснь звучала
Побѣдной радостью? Но, горечи полно,
Раздумье блѣдное теперь намъ отвѣчало:

Давно!

Уже ль всему конецъ? Уже ль предъ злою силой,
Слѣпой, какъ смерти мракъ, случайной, какъ волна,
Должна смириться страсть? Сознанье говорило:

Должна!

И, какъ дитя, упавъ предъ милой на колѣни,
 Я плакалъ, я молилъ: бѣжимъ въ далекій край!
 Но взоръ ея твердилъ на всѣ мольбы и пени:
 Прощай! (II, 206).

Мелодія этихъ стиховъ очень своеобразна.

Таковы особенности стихотворнаго склада у гр. Кутузова. Что касается до языка, то въ немъ очень ясно слышно подчиненіе Пушкину. Лексическій составъ—тотъ же самый; гр. Кутузовъ любитъ употреблять даже слова пушкинскаго языка, которыя уже устарѣли, напр. *завтра* вмѣсто *затра*, *предразсужденіе* вмѣсто *предразсудокъ*, и т. п. Вообще, можно замѣтить, что нашъ поэтъ охотно держится такъ называемаго стихотворнаго русскаго языка, говоритъ *ложже*, *чело*, *уста* вмѣсто *постель*, *лобъ*, *зубы* и т. д. Нѣкоторое излишнее пристрастіе къ этому языку иногда даетъ неправильный тонъ стихамъ. Вотъ на примѣръ, начало стихотворенія *Зарница*:

Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ
 Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
 Я *ложже покидалъ* и, стоя подъ окномъ,
 Въ мерцающую даль *отерялъ* съ тревогой *очи*.
 Полна, казалось мнѣ, грозой ночная тишь.
 Но отворилася сосѣдняя *стѣнна*,
 И няня старая входила. . . «Что не спишь?»
 Шептала мнѣ она, «не бойся — то зарница.
 Ни бури, ни грозы не будетъ». — И *отнималъ*
 Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
 — «Зарница,» — *отходя ко сну*, я повторялъ,
 И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья. . . . (I, 197).

Поэтъ дальше сравниваетъ эту сцену съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ, когда уже «наступилъ вечеръ его жизни», но въ душѣ иногда вспыхиваютъ мерцанія страстей. Приведенное начало этого прекраснаго стихотворенія имѣетъ, намъ кажется, какую-

то невѣрность въ тонѣ. Ребенокъ, «покидающій ложе», «вперляющій очи» и т. д. представляетъ слишкомъ много торжественности.

Предыдущія замѣчанія могутъ показаться придирчивыми или мелочными; но мы хотѣли ихъ исчерпать, чтобы сперва характеризовать по возможности *опианною форму* нашего поэта, форму, которая отсутствіемъ блеска, уклоненіемъ отъ всякаго изыска можетъ на первый разъ произвести невыгодное впечатлѣніе. Теперь мы обратимся къ внутреннему содержанію, заключенному въ этой формѣ.

Гр. Кутузовъ подражаетъ Пушкину въ стихосложеніи, въ языкѣ, во вкусѣ, простотѣ, — но онъ старается подражать ему также въ правдивости, и слѣдовательно перестаетъ быть какимъ бы то ни было подражателемъ, какъ только вопросъ касается самаго существа его поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно указать, что его образы и настроенія навѣяны на него произведеніями какого-нибудь другого поэта. Эти попытки высказаться такъ серіозны, идутъ изъ такой сердечной глубины, что и въ мысль не приходитъ сомнѣваться въ ихъ самобытности. Меньше, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ, можно сказать, что гр. Кутузовъ шутитъ или играетъ поэзією; эта сдержанная муза никогда не улыбается и говоритъ лишь то, что ею прочувствовано, да и это говоритъ лишь на-половину. Такимъ образомъ, тотъ, кто вчитается въ эти стихи, невольно полюбитъ пробивающуюся въ нихъ золотую струю неподдѣльной поэзіи.

Сочиненія гр. Кутузова состоятъ изъ лирическихъ стихотвореній, заключающихся въ первомъ томѣ, и изъ поэмъ, занимающихъ второй томъ; среди поэмъ есть, впрочемъ, одна «драматическая сцена», *Смерть Сямополака*.

Лирическія стихотворенія раздѣлены на шесть отдѣловъ. Очень жаль, что не указаны годы стихотвореній, какъ это сдѣлано относительно поэмъ. Но невозможно сомнѣваться, что по-

рядокъ стихотвореній приблизительно хронологическій. Первый, слѣдовательно самый ранній отдѣлъ (стр. 1—40), имѣетъ смѣшанное содержаніе. Второй отдѣлъ (стр. 43—64) посвященъ войнѣ, именно нашей послѣдней турецкой войнѣ. Третій отдѣлъ (стр. 67—94) весь занятъ любовью, отношеніями, какъ кажется, къ одному и тому же любимому существу. Четвертый отдѣлъ (стр. 97—116) состоитъ изъ стихотвореній называемыхъ «на случай». Пятый отдѣлъ (стр. 119—166) содержитъ наиболѣе «объективные» произведенія, даже переводы и подражанія. Наконецъ шестой отдѣлъ (стр. 169—218) есть уже чисто субъективный, вполне лирическій; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ отдѣлъ, очевидно послѣдній по времени, есть самый большой и самый важный.

Въ этой лирикѣ душевное настроеніе поэта, характеръ его музы успѣлъ выразиться со многихъ и различныхъ сторонъ. Тутъ мы можемъ изучать постоянныя черты этой поэзіи. Намъ кажется, главныя черты выступаютъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Какъ странникъ подъ гнѣвомъ палящихъ лучей,
Средь Богомъ сожженныхъ, безводныхъ степей,
Бреду я житейскимъ путемъ, — и давно
Усталое сердце тоской сожжено.

Ни тѣни отрадой, ни жизни кругомъ,
Ни тучи, ни бури на небѣ моемъ!
Безгромное небо, безбрежная даль, —
Нѣмое раздумье, нѣмая печаль. . . .

Но вездѣ видятся въ смутной дали
Предѣлы цвѣтущей и юной земли,
Подъемятся призраки рощъ и садовъ,
Сверкающихъ водъ и зеленыхъ холмовъ.

Въ прохладѣ незримой воздушной волны
Струится дыханье любви и весны,
Таинственно кто-то манитъ и зоветъ,
Желаннаго счастья вѣсть подаетъ.

И духъ, оживая, стремится туда,
Гдѣ выблуются рошчи, гдѣ свѣтитъ вода,
Гдѣ отдыхъ и тѣнь, и любовь, и привѣтъ,
Какихъ на землѣ не бывало, — и нѣтъ! (I, 184).

Мы видимъ тутъ, какого рода та *тоска*, которая такъ часто выражается у нашего поэта. Міръ, въ которомъ онъ совершаетъ «житейскій путь», кажется ему жестокою степью. Такъ и Пушкинъ считалъ себя «изгнанникомъ»

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
и находилъ отраду лишь въ томъ, что

Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поить.

Этотъ мрачный взглядъ на жизнь въ большей или меньшей степени встрѣчается у всѣхъ поэтовъ, и Гёте остроумно замѣчаетъ, что нужно темное облако для того, чтобы радуга нарисовалась на немъ во всей красѣ. Мракъ, которымъ облекается міръ у поэтовъ, происходитъ отъ того, какъ говорить нашъ поэтъ, для нихъ въ «смутной дали»

«Подъемяются *призраки* рошчи и садовъ,
Сверкающихъ водъ и зеленыхъ холмовъ».

Призраки, идеалы живутъ въ ихъ душѣ, такіе свѣтлые и прекрасные, что все вокругъ кажется тусклымъ и безобразнымъ. У нашего поэта этотъ идеалъ такъ силенъ и нѣженъ, что поэтъ даже отказывается исходить на землѣ прекрасной дѣйствительности; онъ прямо говоритъ, что ему видятся радости и красоты,

«Какихъ на землѣ не бывало и нѣтъ!»

Вотъ настроеніе, которое отзывается во многихъ стихотвореніяхъ поэта. Онъ прислушивается къ звуку и присматривается къ формѣ своихъ неувольныхъ мечтаній, и онъ твердо въ нихъ

вѣрить, онъ думаетъ, что все совершится, все достигнется, но только не на землѣ, а тамъ, за предѣлами нашей жизни,

«Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви». (I, 180)

Разумѣется, эти общія черты еще не исчерпываютъ образа этой музы. Напримѣръ, ея тоска не носитъ въ себѣ какого-нибудь отчаянія, или мучительныхъ порывовъ, или презрѣнія и ненависти къ людямъ. Поэтъ просто жалуется на «житейскую тьму», на пустоту, холодъ, истому, чаще всего на бесплодную «суету» жизни. Но все это истинно тяготитъ его, и онъ нигдѣ забыть не можетъ ни своей стени, ни своей жажды Кастаньскаго ключа. Вотъ одно изъ прекраснѣйшихъ его стихотвореній:

Въ альбомъ Г. П. Данилевскому.

Я измѣнилъ служенью музъ, —
И ужъ давно мірскою степью,
Съ Парнаса сосланный, влачусь,
Гремя суеть житейскихъ цѣпью.
Но вы вашъ заповѣднй храмъ
Вдругъ растворили предо мною:
Какой блестящею толпою
Избранниковъ я встрѣченъ тамъ!
Со страхомъ въ сонмъ ихъ величавый
Вхожу, цѣпей своихъ стыдясъ,
И посреди любимцевъ славы
Привѣтствую смиренно васъ. (I, 112).

Намъ кажется, что всякій читатель узнаетъ здѣсь и пушкинскій стихъ, и пушкинскій языкъ, и пушкинскій вкусъ; но выраженія—«Гремя суеть житейскихъ цѣпью» и «вхожу, цѣпей своихъ стыдясъ», во-первыхъ превосходны и представляютъ тотъ же стихъ, языкъ и вкусъ, а во-вторыхъ по смыслу своему очень характерны для гр. Кутузова. Да и смиреніе, котораго, конечно, не могло быть въ этомъ случаѣ у Пушкина, не составляетъ здѣсь простой учтивости.

Тоскующій поэтъ смотритъ на весь міръ своимъ особымъ взглядомъ. Онъ зорокъ, онъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые углублены въ себя и питаютъ свою поэзію лишь своими чувствами. Онъ видитъ и любитъ природу, и, можетъ быть, о ней написалъ лучшіе свои стихи; онъ видитъ людскую жизнь съ ея красотой и ужасомъ; онъ видитъ не только свою любовь, но и ту женщину, которую любитъ. Но на всѣхъ его картинахъ лежитъ особый оттѣнокъ. Изъ всѣхъ временъ дня онъ считаетъ лучшимъ временемъ — *ночь*; изъ временъ года его больше всего привлекаетъ *зима*; изъ всякихъ мѣстностей онъ считаетъ лучшею — *лѣсъ*; изъ всѣхъ минутъ жизни онъ готовъ считать не только самую важною, но и самую свѣтлою минутою — *смерть*.

Война вызвала у нашего поэта рядъ стихотвореній, превосходныхъ по глубокому и чистому чувству. Онъ полонъ ужасомъ отъ ея страданій и высоко вдохновленъ героизмомъ страдальцевъ и тѣмъ милосердіемъ, которому война открываетъ такое широкое поприще. Тутъ у поэта является и горячій патріотизмъ, и та энергія стиха и языка, которая у него, большею частію, неожиданна. Напримѣръ описывая *Шестое войны*, онъ говоритъ:

Она идетъ — и смерть за ней вослѣдъ,
Безлазая и жадная, несется. . . . (I, 48)

Или вотъ начало стихотворенія *Въ ожиданіи*, изображающаго время предъ взятіемъ Плевны:

Какимъ-то медленнымъ огнемъ
Душа усталая томима.
За часомъ часъ и день за днемъ,
Не торопясь проходятъ мимо.
Ненастье, желтые листы,
Осенней вьюги завыванье,
Въ умѣ недвижныя мечты,
Въ груди немолчное страданье!
Примчится вѣсть издалека,

*Кругомъ запахнетъ кровью братской,
И вновь безмолвіе, тоска,
Покой — ужаснѣй муки адской! (I, 55)*

Кто помнитъ ту осень, тотъ найдетъ это описаніе не преувеличеннымъ. А стихъ: «кругомъ запахнетъ кровью братской» безподобенъ, особенно въ своемъ контекстѣ.

Полный взглядъ поэта на войну высказанъ имъ въ стихотвореніи «Средь камней и крестовъ безвременныхъ могилъ» (I, 62).

Любовь къ женщинѣ у нашего поэта лишена того пыла и порыва, которые свойственны страсти; чувство сосредоточивается на глубокой и простой нѣжности къ любимому существу и очень отчетливо переходитъ въ совершенно одухотворенное отношеніе. Очень типическимъ можетъ считаться слѣдующее стихотвореніе:

Мой другъ, когда во дни разлуки,
Печально голову склоня,
Одна, сквозь слезъ сердечной скуки,
Ты ропщешь и зовешь меня;
.....
Когда на вздохъ твой затаенный
Украдкой ночь даетъ отвѣтъ
И въ мракѣ призракъ мой влюбленный
Призывно шепчетъ страсти бредъ, —
Мечтой свѣтящіяся очи
Ты въ этотъ мракъ не устремляй,
Не вѣрь, не вѣрь обманамъ ночи
И на призывъ не отвѣчай!
Знай: эта ночь, и звѣздъ мерцанье,
И бредъ, и призраки впотьмахъ,
И страсти знойное дыханье —
Все это тлѣнъ, все это прахъ!
.....
Когда въ живыхъ меня не будетъ,
А дума вѣрная твоя

И въ той разлукѣ не забудеть
 Ни дней минувшихъ, ни меня;

 Когда душѣ не станетъ мочи
 Вѣряться новымъ, лживымъ снамъ —
 Къ тебѣ придуть нныя ночи,
 И ты вздохнешь къ ннымъ звѣздамъ.
 На вздохъ тоски той одинокой,
 Средь безразсвѣтной темноты,
 Въ ночи холодной и глубокой
 Призывъ мой вновь услышишь ты.
 Тогда. . . тогда лишь безъ сомнѣнья
 Повѣрь ему и отзовись:
 Ни жи, ни лести, ни забвенья,
 Ни самой смерти не страшись.
 Что смерть! Изъ мрака дольной бездны
 Возьметъ безтрепетно тебя
 И унесетъ въ чертогъ надзвѣздный
 .Любовь безсмертная моя! (I, 81).

Стоитъ сравнить это стихотвореніе съ Лермонтовскимъ *Любовь мертвеца*, чтобы почувствовать разницу между беззавѣтною, но чистою любовью, и чувственною страстью, доведенной до чудовищности, а потому и не содержащей дѣйствительнаго чувства.

Множество другихъ предметовъ, которыхъ касается нашъ поэтъ, могли бы послужить поводомъ къ характеристикѣ его поэзіи. Онъ любитъ деревню, любитъ русскую природу и, кажется, чѣмъ она проще, тѣмъ ему любезнѣе. Два стихотворенія: *Родному лѣсу* (I, 186) и *Духъ роши* (тж. 188) рисуютъ съ особенной любовью впечатлѣнія лѣса, съ трудомъ уловимыя словами, смутныя, но по своему сильныя.

Но не лирическія стихотворенія, а поэмы составляютъ, по нашему мнѣнію, самую важную часть произведеній гр. Кутузова. Этими поэмамъ онъ больше всего обязанъ своею извѣст-

ностию, и въ нихъ дѣйствительно его талантъ обнаружился въ наибольшемъ размѣрѣ своихъ силъ. Для лирика у него часто не достаетъ норыва, его стихъ не довольно быстръ, пѣвучъ и громокъ. Для эпоса эти свойства менѣе нужны; спокойный рассказъ движется медленнѣе, свободнѣе и тонъ его ровнѣе. Между тѣмъ, авторъ получаетъ полный просторъ для воплощенія своей мысли, и по мѣстамъ, гдѣ теченіе событій ускоряется, самъ увлекается этимъ теченіемъ и достигаетъ выразительности даже высшей, чѣмъ въ своей лирикѣ. Мастерство рассказа тогда становится удивительнымъ. Вотъ, напримѣръ, мѣсто изъ поэмы «Дядь простилъ»:

И князь проснулся; понемногу
 Пришелъ въ себя. Со всѣхъ сторонъ
 Все было тихо «Слава Богу,
 Крестьясь, сказалъ онъ, — это сонъ!»
 И въ то же самое мгновенье
 Шаговъ раздалось приближенье;
 Дверь отворилась Князь глядитъ:
 Предъ нимъ слуга его стоитъ,
 Въ смятеніи странномъ шепчетъ что-то,
 Потупивъ въ землю робкій взоръ:
 «Княжны нѣтъ въ спальней видѣлъ кто-то
 За садомъ тройку» Что за вздоръ?
 Старикъ тревожно усмѣхнулся:
 «Я не совсѣмъ еще проснулся»,
 Подумалъ онъ; взглянулъ вокругъ,
 Потомъ, не говоря ни слова,
 Закрылъ глаза, открылъ ихъ снова
 И въ ужасъ подвинулся вдругъ.
 «Гдѣ дочь? . . . Кто говоритъ: не знаю?
 Сейчасъ найти, позвать ее!
 Иль нѣтъ . . . постой . . . не понимаю . . .»
 Но онъ ужъ понялъ — понялъ все! (II, 141)

Тутъ душевныя движенія начерчены съ совершенной отчетливостію. Выписки, впрочемъ, не могутъ дать полнаго понятія о достоинствахъ отдѣльныхъ сценъ, потому что сила каждой сцены опирается на все предшествующее описаніе лицъ и событій. Очень хороши, напримѣръ, въ этой же поэмѣ описанія метели (II, 144, 145) и грозы (тж. стр. 160—161), но сила этихъ описаній безмѣрно увеличивается отъ того, что съ метелью борется князь, а грозы съ волненіемъ ждетъ его страдающая дочь.

Сюжеты трехъ главныхъ поэмъ гр. Кутузова, безъ сомнѣнія, составляютъ самое лучшее въ его созданіяхъ; такъ что, если мы и найдемъ недостатки въ развитіи и выполненіи, то не можемъ, однако, не чувствовать глубокой силы мыслей, положенныхъ въ основаніе этихъ поэмъ, и не видѣть ясной образности того воплощенія въ лицахъ и дѣйствіяхъ, которое далъ своимъ мыслямъ поэтъ. Замыселъ вездѣ имѣетъ простоту и неотразимую силу. Это—немногосложныя, обыкновенныя, очень ясныя и глубоко-трогательныя исторіи. Общая тема та, что среди житейской тьмы, житейской суеты вдругъ пробуждаются въ душахъ людей новыя чистыя чувства. *Память смертнаго часа*, какъ извѣстно, считается лучшимъ средствомъ, чтобы сохранять насъ отъ грѣха и поддерживать на правомъ пути. Такъ и у нашего поэта—появленіе смерти заставляетъ людей одуматься и понять суету своихъ страстей. Въ другомъ мѣстѣ я уже говорилъ о томъ свѣтломъ видѣ, въ которомъ нашему поэту является смерть¹⁾. Какъ Баратынскій, онъ готовъ сказать ей:

Ты — дочь верховнаго Ээира,
 Ты — свѣтозарная краса. . . .

 Ты — всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
 Ты — разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Въ поэмѣ *«Старыя тѣчи»* завязывается страстная любовь

1) *Замѣтки о Пушкинѣ*, стр. 230—234.

Сборникъ II отд. II. А. II.

между молодымъ человѣкомъ и замужнею женщиной. Уже назначено первое свиданіе, какъ вдругъ мужъ попадаетъ въ бѣду, — проигрывается и подвергается припадку, приводящему его на край гроба. Жена вдругъ чувствуетъ жалость къ человѣку, который былъ ей ближе отца и матери, и чувствуетъ стыдъ передъ мыслию о своихъ любовныхъ затѣяхъ. И отвергнутый обожатель тоже начинаетъ понимать, что пробужденіе этихъ чувствъ дало любимой имъ женщинѣ «новую, чистую красоту». (II, 109).

Въ поэмѣ *«Дядя простилъ»* власть мірской суеты обнаруживается въ томъ, что дочь убѣгаетъ отъ отца, чтобы выйти замужъ за любимаго человѣка. Такимъ образомъ завязывается тотъ узелъ, на которомъ основаны всѣ три поэмы, узелъ, состоящій въ томъ, что счастье одного человѣка составляетъ горе для другого. Дочь приходитъ къ отцу просить прощенія, когда онъ уже умеръ; и вотъ она чувствуетъ за собою вину непоправимую, неизгладимую. Вина передъ умершими, вообще, — жестокая вина; столько же, какъ любовь, она составляетъ обыкновенно опору для нашихъ вѣрованій въ загробную жизнь. Начинается драма, въ которой покойникъ дѣйствуетъ какъ живое и властное лицо. Дочь смотритъ на себя, какъ на непрощенную грѣшницу и сокрушается:

Съ боязнью страстной и тоскою
 Повсюду кары ищетъ слѣдъ
 И мнитъ себя одну виною
 Всѣхъ золь, и недуговъ, и бѣдъ.
 Ей въ жизни все едино стало:
 По цѣлымъ днямъ она, бывало,
 Сидитъ недвижно, затая
 Въ душѣ завѣтное желанье,
Сидитъ и смотритъ внутрь себя
И слушаетъ свое страданье.
 Летятъ часы, проходятъ дни . . .
 Не властны, мнятся ей, они

Страданій тѣхъ исполнить мѣру
 Она сама теряетъ вѣру,
Ждетъ — и не ждетъ . . . Но наконецъ
 Надъ нею сжалился отецъ! (II, 154).

Послѣ этого краткаго, точнаго и сильнаго описанія того, что дѣлается въ душѣ героини, — слѣдуетъ развязка — ее убилъ громъ среди того дождя, о которомъ она молилась. Тутъ всѣ обстоятельства такъ тѣсно и искусно связапы, что нельзя не подивиться мастерству этихъ страницъ. Вотъ разрѣшеніе узла, завязаннаго жизнію. Эта смерть лучше, чѣмъ эта жизнь. Какъ въ первой поэмѣ отреченіе отъ страсти прекраснѣе, чѣмъ увлеченіе страстію, такъ и здѣсь въ смерти больше благости и красоты, чѣмъ въ жизненныхъ радостяхъ и стремленіяхъ этихъ людей. Мы вмѣстѣ съ поэтомъ поднимаемся въ область идей, высоко парящихъ надъ земнымъ добромъ и зломъ.

Третья поэма «*Разсвѣтъ*» есть самое совершенное произведеніе гр. Кутузова. Молодой человѣкъ пріѣзжаетъ въ деревню на свадьбу дѣвушки, съ которой былъ коротко знакомъ лѣтъ пять назадъ. Между ними возникаетъ такая сильная любовь, что невѣста отказываетъ жениху наканунѣ дня свадьбы. Женихъ посылаетъ вызовъ герою; они стрѣляются и герой раненъ такъ, что находится на волосъ отъ смерти. Тутъ въ немъ происходитъ глубокій переворотъ: онъ видитъ *разсвѣтъ* новаго лучшаго пониманія жизни и міра. Въ немъ утихаетъ всякая страсть; онъ понимаетъ красоту смерти и холодно отворачивается отъ любимой дѣвушки. Полное отрѣшеніе отъ жизни изображено съ удивительною ясностію и силою. Справедливо кто-то замѣтилъ, что это описаніе напоминаетъ сцены, когда князь Андрей (въ *Войнѣ и Мирѣ*) лежитъ раненый на Аустерлицкомъ полѣ, когда потомъ снова раненъ подъ Бородинымъ и, наконецъ, когда умираетъ. У гр. Кутузова своеобразенъ очень свѣтлый характеръ этихъ минутъ душевнаго возвышенія надъ міромъ.

Мы говорили здѣсь не о всѣхъ произведеніяхъ нашего поэта, даже не о всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ. Намъ хотѣлось только показать, что его поэзія можетъ достигать величайшей глубины и красоты. Два тома его стиховъ очень обильны содержаніемъ, и если бы останавливаться на всѣхъ счастливыхъ образахъ, на всѣхъ глубокихъ и вѣрныхъ чертахъ, на каждомъ живомъ, искреннемъ и простомъ чувствѣ, то мы не скоро бы кончили.

Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, сочиненія гр. А. А. Голенищева-Кутузова составляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе нашей литературы, очень цѣнное и прочное приобрѣтеніе, и, конечно, вполне достойны, чтобы увѣнчать ихъ полною Пушкинскою премією.

II.

Н. Баранцевичъ. Двѣ жены (Семейный очагъ). Романъ.
С.-Петербургъ, 1894 г. — (Разборъ А. С. Суворпна).

Г. Баранцевичъ началъ работать лѣтъ 20 тому назадъ. До настоящаго года издано 10 томовъ его произведеній, состоящихъ изъ рассказовъ, повѣстей, одной драмы («Опрѣчнина», въ 4 д.) и двухъ романовъ — «Раба» (1886) и «Двѣ жены» (1894). Между рассказами больше сотни мелкихъ, названныхъ юмористическими. Это маленькія сценки, анекдоты, въ которыхъ попадаются иногда остроумныя слова, кое-какія наблюденія, записанныя наскоро для газеты («80 рассказовъ» и «Картинки жизни»). Въ другихъ сборникахъ, какъ «Подъ гнетомъ», «Порванные струны», «Старое и новое», «Плохое счастье». помѣщены рассказы и повѣсти болѣе отдѣльные и болѣе значительные по объему. Есть повѣсти, занимающія сто и больше страницъ. Авторъ беретъ свои типы и фигуры изъ рабочей среды, изъ народной, изъ чиновничьей, литературной, художественной и

даже изъ общества, живущаго или доходами, или прибыльными предпріятіями. Онъ точно хочетъ показать, что представители всѣхъ слоевъ населенія ему одинаково знакомы и онъ наблюдаетъ ихъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя созданы новой русской жизнью, если не объединившей сословія, то значительно смѣшавшей ихъ и перепутавшей ихъ интересы. Прочитывая его повѣсти, замѣчаешь, однако, что наиболѣе знакомы ему люди изъ рабочей среды и изъ среды мелкой буржуазіи. Объ остальныхъ онъ пишетъ скорѣе по книгамъ, по слухамъ, чѣмъ по наблюденіямъ. Слѣды этого писанія по слухамъ у него встрѣчаются довольно часто и могутъ быть замѣчены даже въ мелочахъ. Такъ, въ романѣ «Двѣ жены», одинъ изъ героевъ, подъѣзжая къ Берлину, видитъ «издали золоченую (?) колонну», памятникъ Славы, который совсѣмъ не виденъ и не можетъ быть видимъ издали; самая колонна совсѣмъ незолоченая; железнодорожный путь по Берлину написанъ тоже по слухамъ. Но если есть такія погрѣшности въ произведеніяхъ нашего автора, то онъ выкупаются тѣмъ, что онъ не принадлежитъ къ беллетристамъ, которые выдвигаютъ впередъ тенденцію и при помощи ея распоряжаются своими героями, какъ шашками, мало заботясь о правдѣ. У него почти всегда есть нѣкоторое чувство мѣры и здравомыслія. Онъ даже по преимуществу здравомыслящій беллетристъ среди того поколѣнія новыхъ беллетристовъ, которымъ теперь отъ 30 до 45 лѣтъ.

Повѣсти г. Баранцевича много теряютъ отъ своей длиноты. Тема въ нихъ всегда проста и незамысловата; просты и незамысловаты характеры и драматическія положенія; но авторъ рѣдко разбираетъ, какая тема стоитъ подробнаго развитія, какая не стоитъ, а потому у него иногда небольшіе рассказы полнѣе и яснѣе, чѣмъ длинныя повѣсти, загроможденные ненужными описаніями и совершенно ничтожными разговорами. Онъ напоминаютъ собою маленькій флигелекъ, къ которому пристроили огромные сараи, вѣчно остающіеся пустыми. Ради одной сцены, напрімѣръ, убійства или духовнаго завѣща-

нія, сочиняются длинныя прописки, пройти которыя довольно скучно («Петербургскій случай», «Послѣдняя воля» и др.). Тотъ же недостатокъ въ его романѣ «Раба» (1886 г.). Романъ заключается въ любви дочери коллежскаго регистратора, шведки Анны Сергѣевны, къ кронштадтскому мѣщанину Круткову. Мѣщанинъ этотъ гдѣ-то служитъ и принадлежитъ къ тѣмъ полуобразованнымъ людямъ, которые считаютъ себя образованными, ибо умѣютъ одѣваться, посѣщаютъ маскарады благороднаго собранія и цитируютъ въ своихъ разговорахъ поэтовъ . . . оперетки. Романъ описываетъ несложныя подвиги этого господина, который напивается, бранится со своей возлюбленной, а иногда и бьетъ ее, заводитъ связь съ другой женщиной и бросаетъ Анну. Подвиги Анны еще менѣе сложны. Это простая «раба» своей страсти. Родила она дѣвочку. Кронштадтскій мѣщанинъ отдалъ ее сначала одной чухонкѣ, потомъ другой и не сказалъ матери, гдѣ ея дѣвочка. Она помирилась съ этимъ. Онъ выгналъ ее отъ себя, когда она пришла ему напомнить о себѣ. Она и это ему простила, когда онъ чуть-чуть поманилъ ее опять. По правдѣ сказать, развѣ стоитъ труда изображенія этотъ кронштадтскій мѣщанинъ и его швейка? Стоитъ ли изображенія и скромный скрипачъ, отъ имени котораго ведется рассказъ и который нѣсколько напоминаетъ Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго? По крайней мѣрѣ, меня эти герои и героини ни мало не интересовали, ни ихъ понятія, ни ихъ чувства, ни ихъ подвиги. Если изображать такую жизнь, то не лучше ли изображать ее въ свѣтѣ добродушнаго юмора, а не съ тою серьезностью, съ какою изображаетъ ее г. Баранцевичъ.

Перехожу къ роману «Двѣ жены». Тема его — семейное счастье. Дѣйствіе происходитъ, главнымъ образомъ, въ средѣ служащаго и отставнаго чиновничества, такъ сказать, мелкой статьи. Главное лицо Петръ Степановичъ Рыняевъ, человѣкъ лѣтъ 43 или 45-ти. «Трудъ — самое лучшее обезпеченіе жизни». Таково основное правило Петра Степановича. Это очень скучный, очень разумный и необыкновенно трудолюбивый человѣкъ.

Кончивъ курсъ гимназій, онъ тѣмъ и ограничилъ свое образованіе, ибо надо было зарабатывать насущный хлѣбъ для своей семьи. Онъ сталъ служить, не унижаясь, не заискивая, не стараясь сдѣлать карьеру. Сознавая, что формализмъ часто заѣдаетъ дѣло, онъ не позволялъ себѣ никогда относиться къ работѣ спустя рукава и говорилъ своимъ подчиненнымъ: «Вы говорите — то не нужно, это не нужно! Прекрасно, я съ вами согласенъ. Но измѣнить порядка вы не можете и даже не хотите приниматься. А между тѣмъ за это ненужное вы получаете жалованье. Такъ одно изъ двухъ: или уходите, или, если остаетесь, дѣлайте то, что велятъ, честно исполняйте ваши обязанности».

И этотъ «мученикъ труда», какъ его называли, этотъ несложный человѣкъ, «не унижаясь, не заискивая», успѣлъ составить себѣ такое матеріальное положеніе, которое позволяло ему жениться. «Въ невѣстѣ онъ искалъ, говоритъ авторъ, прототипъ своей матери, скромной, любящей женщины, трудившейся у семейнаго очага и жертвовавшей дѣтямъ собою». Холодный и разсудительный, онъ и на любовь смотрѣлъ, какъ на такое чувство, которое не зависитъ ни отъ виѣшности, ни отъ лѣтъ. Разумѣется, это для женщинъ, а не для мужчинъ: именно женщины обязаны любить мужчинъ не за виѣшность ихъ, не за лѣта, а за ихъ душу, взгляды, убѣжденія. Самъ же Петръ Степановичъ хотѣлъ имѣть женою женщину молодую, стройную, красивую и добродѣтельную. И онъ нашелъ себѣ такую въ лицѣ старшей дочери отставнаго капитана Заболотина, Наденьки. Капитанша сначала жила съ капитаномъ, но уже нѣсколько лѣтъ, какъ этотъ пьяный человѣкъ оставилъ свою семью на рукахъ жены, Олимпіады Петровны. Олимпіада Петровна всѣ силы своего практическаго ума и долговременнаго опыта употребляла на изысканіе средствъ для жизни, при чемъ, конечно, о разборчивости ихъ не могло быть и рѣчи. Дочери ей помогали, Наденька что-то переписывала, Вѣра, младшая, шила рубашки для рынка, но средняя, Оля, не утруждала себя никакою работою. Сама мать характеризовала ихъ такъ: «Оленька у насъ веселая, живая, Наденька

серьезная, а ужъ про Вѣру говорить нечего — совсѣмъ философъ». Г. Баранцевича не занимають вопросы наследственности и онъ не говоритъ намъ, почему три сестры составляли три различные характера. Онъ беретъ ихъ совсѣмъ готовыми и только относительно Вѣры вдается въ нѣкоторыя подробности, о которыхъ скажемъ ниже.

Петръ Степановичъ выбралъ себѣ «серьезную», «съ спокойнымъ, внушающимъ необыкновенное довѣріе взглядомъ» и съ «плавными, неторопливыми движениями нѣсколько большихъ рукъ». Онъ изложилъ ей свои прозаическія убѣжденія насчетъ брака и любви, не маскируя ихъ никакими двусмысленными выраженіями, никакой поэзіей, къ которой, впрочемъ, онъ и не былъ способенъ; онъ едва ли и читалъ что-нибудь, кромѣ Свода Законовъ. Наденька спокойно выслушала его «взгляды» и согласилась быть его женою. Колебанія были у ней, но небольшія. Колебанія эти вызвалъ у нея другъ ея дѣтства, нѣкто Нальхановъ, къ которому она чувствовала нѣчто въ родѣ дѣтской любви. Но Нальхановъ не кончилъ еще курса и не имѣлъ никакихъ средствъ для того, чтобъ жить съ женою. Ему нравились близкія отношенія къ дѣвушкамъ, нравилась эта интрижка, но мысль о бракѣ пугала его. Увлеченная воспоминаніями, Наденька рѣшилась было отказать Петру Степановичу, но мысль о матери, которая только и думала о томъ, чтобъ пристроить дочерей, о преслѣдованіяхъ съ ея стороны, остановила ее. Она стала думать, что «полюбить душу» Петра Степановича, и вышла замужъ.

Оленька, «веселая и живая», ловила жениховъ, позволяя себѣ выходки довольно двусмысленныя и неразборчивое кокетство. Наклюнулся было одинъ инженеръ, но отсталъ. Наклевывался и теперь женихъ, нѣкто Бардинъ. Человѣкъ безпринципный, частный ходатай по дѣламъ, строившій свое благосостояніе «въ пучинѣ обмановъ и плутней», онъ намѣтилъ себѣ въ Оленькѣ любовницу, а не жену. Олимпиада Петровна сейчасъ это увидѣла и измѣнила свое благосклонное отношеніе къ нему на холодное и суровое. Но Оленька, не чувствуя къ нему любви, держалась за него,

надѣясь такъ или иначе сдѣлаться его женою. У ней опыта было довольно и она прогрессировала въ средствахъ уловленія женщинъ. Бардинъ высказался передъ ней весь, сказавъ, что «бракъ—могила любви», что любовь есть чувство свободное, «свободно проявляющееся и свободно оканчивающееся». «Никакого принужденія не можетъ быть въ любви, говорилъ онъ, и если я пересталъ любить, то никакія силы въ мірѣ не заставятъ меня любить противъ моего желанія... Итти противъ совѣсти, дѣлать видъ, что любишь — и тяжело, и гнусно... Къ сожалѣнію, чело-вѣчество проникнуто отсталыми взглядами и коснѣетъ въ рутинѣ». Оленька соглашается съ нимъ и разговоръ кончается тѣмъ, что она готова съ нимъ имѣть тайное свиданіе. Оленька не притворялась, раздѣляя взгляды Бардина на бракъ: у ней выработался взглядъ на супружество, какъ на простой актъ купли и продажи.

Бардинъ—очень пошлый соблазнитель; отъ его рѣчи несетъ готовые фразы, которыя онъ произноситъ ради извѣстныхъ цѣлей; онъ самъ знаетъ, что лжетъ, какъ знаетъ, что статьи законовъ можно примѣнять и такъ, и сякъ, на добро и зло. Серьезно онъ, очевидно, ни о чемъ не думалъ, и мысль о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій его не тревожила. Въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго; но онъ чело-вѣкъ со средствами, у него богатый дядя, лицо довольно мелодраматическое и мало естественное, какой-то угрюмый отшельникъ, получившій эту склонность вслѣдствіе того, что любимая его племянница, его воспитанница, Соня, влюбилась въ актера и ушла съ нимъ. Старикъ не вынесъ этой неблагодарности и отказался отъ Сони, и опустился въ мракъ одиночества. Зная все это, Оленька рѣшается рискнуть серьезно и является на квартиру къ Бардину и падаетъ. Сойдясь не любя другъ друга, они вскорѣ другъ друга возненавидѣли. Бардинъ успѣлъ влюбиться въ дочь богатаго купца, очень милую дѣвушку, которая и его полюбила, открывъ въ немъ какія-то добрыя черты, а Оленька довольно близко сошлась съ нѣкоторыми холостыми пріятелями Бардина, ѣздила на пикники, каталась на тройкахъ,

и даже памѣтила себѣ, на всякій случай, любовника — сына одного богатаго купца. Когда ей приходило въ голову, что Бардинъ ее можетъ бросить, она хваталась за мысль, что мать ея, Олимпиада Петровна, что-нибудь предприметъ для избѣжанія скандала: «Или она заставитъ его жениться, или онъ долженъ будетъ уплатить. Такъ ему не вывернуться». Ея расчетъ на мать не обманулъ ее. Олимпиада Петровна добралась до отшельника — дяди, рассказала ему все и старикъ написалъ племяннику, чтобъ онъ или женился «въ теченіе недѣли на дочери г-жи Заболотниной», или онъ лишаетъ его наслѣдства, какъ лишилъ наслѣдства сестру его, Соню. «Ничто на свѣтѣ не проходитъ безнаказаннымъ», говоритъ старикъ, — всякій проступокъ влечетъ за собою наказаніе». Онъ наказалъ уже Соню, хочетъ наказать и ея брата. Онъ разыгрываетъ роль судьбы, но не спокойной и властной, а какой-то раздражительной. «Деньги ты любишь больше этой дѣвушки, — такъ вотъ же ты женишься!» — говоритъ онъ самъ съ собой. И молодой Бардинъ, получивъ этотъ приказъ, идетъ къ Оленькѣ объясняться. Онъ хочетъ, чтобъ она шла вмѣстѣ съ нимъ къ дядѣ и сама отказалась отъ этого брака; разумѣется, онъ заплатитъ ей за это; на ея отказъ онъ грозитъ ей суровымъ супружествомъ: «Я могу васъ запереть въ этой комнатѣ, говоритъ онъ, — и никуда не выпускать, т. е. устроить вамъ домашнюю тюрьму, и никто мнѣ не можетъ этого запретить — законъ обязываетъ мужа давать женѣ содержаніе, но ни одинъ законъ въ мірѣ не опредѣляетъ ни суммы, ни качества этого содержанія». Всѣ его угрозы она встрѣчаетъ спокойно, и когда онъ истощилъ всѣ убѣжденія, она говоритъ ему, что она беременна. «Я ожидалъ всего, чего угодно, говоритъ онъ, — только не этого». Онъ женится на ней.

Итакъ, вотъ тѣ «двѣ жены», исторію которыхъ передаетъ романъ г. Баранцевича.

Надо сказать о третьей сестрѣ, Вѣрѣ, «блѣдной, болѣзненной, молчаливой», которую мать называла «философомъ». Благодаря ея дневнику, мы узнаемъ, что она любитъ деревню, гдѣ

ей удалось прожить нѣкоторое время у своихъ знакомыхъ; она рѣшилась не выходить замужъ, но кончить медицинскіе курсы и работать, помогая «дорогой мамочкѣ». Знакомство съ молодымъ человѣкомъ, Доронинымъ, сближаетъ ее нѣсколько съ группою мужчинъ и дѣвушекъ, которые собираются вмѣстѣ, чтобы читать, чтобы заниматься какимъ-нибудь ремесломъ и утвердиться въ ученіи, которое ставятъ первымъ правиломъ жизни «жить для другихъ, помогать другимъ не деньгами, потому что деньги придутъ и уйдутъ, а помогать совѣтомъ, добрымъ словомъ и собственными трудами». Для этого надо самому научиться все дѣлать для себя, а потомъ можно будетъ помогать и другимъ. Кружокъ этотъ «толстовцы». Авторъ не называетъ его этимъ именемъ, но изъ всего изложенія видно, что дѣло идетъ именно о нихъ. Къ тому же авторъ называетъ г. Т., какъ «крупнаго писателя, произведеніями котораго зачитывается вся Россія» и произведенія котораго читаются и въ этомъ кружкѣ. Нѣсколько страницъ, занятыхъ описаніемъ этихъ людей, принадлежатъ къ любопытнымъ страницамъ этой книги, хотя страницы эти скорѣе походятъ на компиляцію, чѣмъ на художественную картину. Авторъ какъ будто не знаетъ, какъ относиться къ этимъ людямъ. Можетъ быть, однако, что и сами эти люди не сформировались во что-то прочное, и потому писатель не могъ себѣ усвоить относительно ихъ твердый тонъ. Кружокъ этотъ производитъ на Вѣру новое и сильное впечатлѣніе и утверждаетъ ее въ намѣреніи кончить медицинскіе курсы и уѣхать въ деревню, «служить народу». Въ этомъ намѣреніи она утверждаетъ вопреки совѣтамъ толстовца Доронина, который говоритъ ей, что «наши всѣ не вѣрятъ въ медицину» и что «занятіе это пустое». Пять лѣтъ она слушаетъ курсы и потомъ уѣзжаетъ «на службу». Въ эти пять лѣтъ она часто бываетъ у сестры своей, Наденьки, и помогаетъ ей иногда въ ея заботахъ.

Жизнь Наденьки тянется ровно, какъ тихая рѣка. Она исполняетъ всѣ обязанности вѣрной жены, рождаетъ дѣтей, находитъ лучи счастья въ материнствѣ, въ уходѣ за своими дѣтьми, а мужъ

ея исполняетъ свой долгъ чиновника неуклонно, такъ же, какъ и долгъ мужа въ тѣ промежутки, которые остаются ему отъ занятій въ канцеляріи и въ своемъ кабинетѣ.

Жизнь Наденьки прошла бы совсѣмъ ровно, если бы не подвернулся Нальхановъ, ея другъ дѣтства, о которомъ уже упоминалось. Онъ вошелъ въ ея домъ пять лѣтъ спустя послѣ замужества ея, когда у нея было уже трое дѣтей, и повелъ на нее атаку очень скромно, но послѣдовательно. Она поддалась незамѣтно для самой себя и въ ней возникло то новое чувство, которое называется любовью и которое вдругъ какъ бы сдѣлало ее свободной и равнодушной ко всему. Дѣло доходить уже до свиданій, до страстныхъ томленій этой женщины, не испытавшей любви, когда вдругъ болѣзнь ребенка возвращаетъ ее на путь долга. Она видитъ въ этой болѣзни Божье наказаніе за эту вспыхнувшую любовь, вспоминаетъ слова Вѣры, которая, уѣзжая въ деревню, сказала ей: «Тотъ, кто воспитываетъ будущее поколѣніе людей, долженъ быть чистъ, какъ кристаллъ», и мучится, и какъ мать, и какъ женщина. Она увидѣла, что малѣйшая ея слабость къ любимому человѣку дала уже ему право обращаться съ ней на «ты» и приглашать на свиданіе съ тѣмъ цинизмомъ, который оскорбляетъ въ ней женщину, мечтающую о любви, какъ о чемъ-то высокомъ и идеальномъ. Она увидѣла въ этомъ цинизмѣ грубое насиліе и совершенно тѣ же цѣли со стороны мужчины, съ которыми она познакомилась въ замужествѣ. Любовь, очевидно, только въ этомъ: и мужу только этого надо, и любовнику надо только этого, и притомъ какъ можно скорѣе. Продолжительная болѣзнь ребенка заставила ее выстрадать свое увлеченіе, и она помирилась съ своей ролью матери и вѣрной жены, съ ролью воспитательницы молодого поколѣнія. Мужъ ея пошелъ въ гору, министръ его замѣтилъ и сталъ давать ему важныя порученія. Въ это же время разыгралась драма жизни сестры ея, Оленьки. Вскорѣ послѣ рожденія ребенка супруги Бардины разѣхались. Оленька стала жить въ томъ мірѣ, гдѣ легко смотреть на незаконныя связи, гдѣ предаются всевозможнымъ удовольствіямъ,

выдумывая ихъ съ нервною жаждою, никогда не удовлетворяясь вполне. Этотъ міръ очень блѣдно нарисованъ авторомъ. Очевидно онъ ему совсѣмъ незнакомъ. Незнакомы ему и тѣ свѣтскія благотворительныя дамы, въ среду которыхъ онъ переноситъ дѣйствіе для того, чтобы покончить романъ съ этой *второй* женой своего романа. Оленька, состоя членомъ дамскаго кружка «Корки хлѣба», выпрашиваетъ у своего любовника тысячу рублей, чтобы пожертвовать ихъ на голодающихъ и тѣмъ поразить всѣхъ этихъ барынь. Но дамы протестовали и тысяча рублей была возвращена Оленькѣ, какъ деньги нечестныя и нечистыя. Ольга, оскорбленная до глубины души, приняла сулемы, поручивъ свою дочь сестрѣ Надѣ, и умерла въ мученіяхъ. Подъ вліяніемъ этой трагической смерти, Наденька совершенно освободилась отъ своей любви и, когда Петръ Степановичъ, «разнѣженный тепломъ (камина) и близостью жены», «началъ цѣловать ее», «она покорно отвѣчала ему». Этими строками романъ кончается.

Г. Баранцевичъ не обладаетъ талантомъ, выдающимся настолько, чтобы замѣтить и представить несущественныя черты жизни такъ ярко, чтобы сдѣлать ихъ важными, чтобы нарисовать съ тою художественностію, которая можетъ быть уподоблена у талантовъ значительныхъ микроскопу, дающему возможность въ каплѣ воды открыть цѣлый міръ живыхъ существъ. Талантъ замѣчаетъ и въ природѣ, и въ человѣческой жизни именно то, чего другіе не замѣчаютъ. И чѣмъ больше онъ открываетъ этого незамѣтнаго для другихъ, тѣмъ онъ шире, глубже и значительнѣе. И это одинаково приложимо и къ романпсту, и къ ученому, и къ медику. Недостаточно одного изученія, какъ бы оно ни было добросовѣстно и детально; нужно еще то свойство, которое называется талантомъ и которое открываетъ интересное, общезанимательное и поучительное въ самыхъ мелкихъ явленіяхъ жизни и характеровъ и умѣетъ все это возвести въ образы, типы, незабываемыя картины. Главнѣйшая особенность таланта — искренность и соединенная съ нею смѣлость сказать прямо и просто то, что писатель знаетъ и что онъ чувствуетъ, какъ правду.

Для большого таланта ясна и вся причинная связь явленій. Оттого истинно-художественныя прозведенія являются какъ бы настоящей исторіей общественной жизни и героя ихъ какъ бы историческими лицами, дѣйствительно существовавшими. И они, дѣйствительно, существовали, только не подъ тѣми именами, которыми окрестилъ ихъ художникъ, и значеніе этихъ героевъ, созданныхъ писателемъ, иногда больше, чѣмъ значеніе дѣйствительно историческихъ лицъ. Въ связи съ этимъ значеніе русскаго писателя у себя на родинѣ, по моему мнѣнію, гораздо выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ значеніе писателя западнаго у себя на родинѣ. Происходитъ это потому, что наша жизнь проще, что наша культура только что начинается и у насъ единственная довольно независимая общественная каеэдра — литература. На Западѣ и парламентъ, и разныя общества, и митинги, и свободная церковная проповѣдь—все это вліяетъ на жизнь и какъ бы отнимаетъ у писателя часть его значенія и вліянія. У насъ все дѣло общественнаго воспитанія, если устранить школу, лежитъ почти всецѣло на литературѣ. Не даромъ у насъ существуетъ терминъ «хорошія книжки». Объ этихъ книжкахъ говорится въ повѣстяхъ и романахъ, и есть авторы, которые, выводя своихъ героевъ, непремѣнно сообщаютъ, что они воспитались на «хорошихъ книжкахъ». Что это за «хорошія книжки», какое онѣ носятъ названіе, кто ихъ авторы, о чемъ они говорятъ—остается непроницаемой тайной. А тайна, вѣроятно, заставляетъ читателя изслѣдовать и доискиваться, что такое «хорошая книжка» и кто такіе люди, которые сочинили «хорошія книжки»? Не даромъ у насъ большого писателя называютъ «учителемъ». У насъ большой писатель—это проповѣдникъ, парламентскій ораторъ, пророкъ. Чѣмъ глубже онъ беретъ общественные и нравственные вопросы, тѣмъ вліяніе его больше. Онъ замѣчаетъ движеніе мысли, новыя потребности по признакамъ едва зарождающимся и строитъ цѣльныя «историческія» фигуры, дополняя ихъ своимъ воображеніемъ и своимъ образованіемъ. Оттого у насъ типическія фигуры въ литературѣ предшествуютъ иногда появленію ихъ въ жизни и

способствуютъ народженію цѣлаго новаго направленія. Онѣ-
гины, Печорины, Базаровы, Левины и т. д. не списки съ природы,
а созданія, рожденія большихъ писателей и поэтовъ. Русская
душа, ищущая просвѣщенія и свободы, воплощается въ большомъ
писателѣ, творитъ идейныя фигуры, которыя становятся близки
всякому, близки и поучительны. Оттого наша художественная ли-
тература является какъ бы энциклопедіей не только нравственно-
общественныхъ вопросовъ, но даже знаний, или вызываетъ стрем-
леніе къ знаніямъ. На Западѣ романъ сплошь и рядомъ только
развлеченіе, и не рѣдкость встрѣтить въ печати признаніе ре-
дакторовъ журналовъ, что они помѣщаютъ романы преимуще-
ственно для женщинъ, такъ какъ мужчины слишкомъ заняты,
чтобы тратить на такое пустое чтеніе время. У насъ романъ
дѣло серьезное. Конечно, овладѣть вниманіемъ всей читающей
Россіи — для этого надо имѣть первостепенный талантъ или со-
здать дѣйствительно нѣчто выдающееся. Такія событія рѣдки, а
въ послѣдніе годы, когда умерли наши знаменитые романисты и
когда знаменитѣйшій изъ нихъ, гр. Л. Толстой, весь ушелъ въ
публицистику, повторяя серьезно или не серьезно слова Гоголя,
что онъ занимался пустяками и вздоромъ, хотя, пиша «Войну и
Миръ» и «Анну Каренину», онъ никого не повторялъ, былъ со-
вершенно оригиналенъ, и когда взялся за Евангеліе и проч., то
оказался ученикомъ своихъ европейскихъ предшественниковъ.
Но въ литературѣ, какъ на сценѣ: уходитъ хорошій авторъ, на
его мѣстѣ является менѣе даровитый и удовлетворяетъ большин-
ство. Уходятъ великіе писатели, второстепенные занимаютъ ихъ
мѣсто. Публика не довольствуется старымъ, какъ бы оно ни было
великолѣпно, а хочетъ новаго, хотя бы въ этомъ новомъ и не
было ничего новаго. Публика разбивается на слои и группы по
образованію и развитію, по симпатіямъ, далеко не всегда точно
обоснованнымъ, къ той или другой группѣ писателей. Естественно,
что у всякой группы есть свои любимые писатели. Несомнѣнно,
есть группа читателей, которая очень цѣнитъ г. Баран-
девича и, быть можетъ, выслушавъ оцѣнку его со стороны

этой группы, мы получили бы надлежащее мнѣніе объ его талантѣ и объ его мѣстѣ въ литературѣ. Къ сожалѣнію, мы этого сдѣлать не можемъ и должны говорить о г. Баранцевичѣ, какъ бы говорили о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Толстомъ, т. е. какъ объ одномъ изъ представителей современной беллетристики. Но при этомъ сейчасъ же и напрашиваются сравненія и совѣтъ не въ пользу нашего автора. «Двѣ жены» напоминаютъ намъ «Анну Каренину». О сравненіи талантовъ авторовъ нечего и говорить, но невольно сравниваешь ту и другую среду, т. е. среду «Анны Карениной» и «Двухъ женъ». Въ «Аннѣ Карениной» такія все интересныя лица, такъ много умныхъ мыслей и разговоровъ; помимо вопроса о любви, сколько тамъ затронуто современности и притомъ самой насущной, самой значительной; чувствуешь, что тамъ бьется пульсъ русской жизни, среди этихъ помѣщиковъ, мужиковъ, дворянства, земства, даже офицерства; самъ авторъ, какъ онъ высоко стоитъ надъ этой средой, какъ онъ умно распоряжается ею, какъ онъ понимаетъ, что значительно и что ничтожно, и сообразно этому мѣняетъ свой тонъ, въ которомъ то серьезное настроеніе, то ироническое, то юморъ. Въ «Двухъ женахъ» среда ничтожная, мѣщанская, въ ней нѣтъ ничего значительнаго, ничего оригинальнаго; она какъ бы съ боку-припека какая; она какъ бы только повторяетъ то, что происходитъ въ средѣ болѣе высшей и значительной, и повторяетъ какъ бы ученически; тутъ ни у кого ни блестящаго ума, ни блестящаго образованія, ни интересныхъ взглядовъ; разговоры все такіе банальные, о такихъ пустыхъ вещахъ; даже среда Вѣры, эти толстовцы, эти претенденты на реформаторство жизни, говорятъ какими-то общими мѣстами и не представляютъ собою людей, у которыхъ видны были бы хоть задатки чего-нибудь яркаго и значительнаго. Дѣйствительно ли таковы эти люди, эта среда, или авторъ только такими ихъ изображаетъ? Я думаю, что авторъ находитъ себѣ именно такихъ людей, какіе дѣйствительно существуютъ. Это большинство, ничѣмъ не выдающееся, ни талантами, ни знаніями, ни особенной добродѣтелію, ни особенными

пороками. Это не «герои» въ томъ смыслѣ, какой придается выдающимся фигурамъ и которыя я назвалъ «историческими»; фигуры г. Баранцевича никого не увлекутъ, никому не покажутъ новыхъ путей, никому даже не скажутъ ничего поваго. Г. Баранцевичъ не пророкъ, не проповѣдникъ, даже не учитель въ высокому пророческому значеніи этого слова, но онъ все-таки учитель почтенный для своихъ читателей. Несомнѣнно есть публика и для этой среды, для этихъ героевъ и героинь, для этой необыкновенно простой морали и простой постановки вопроса. Въ «Аннѣ Карениной» вопросъ о семейной жизни все-таки сложно поставленъ, среди сложныхъ условій жизни и довольно сложныхъ характеровъ; простой читатель натрудитъ себѣ голову, рѣшая его и отыскивая, гдѣ же правда? Въ «Двухъ женахъ» для ясности дѣла выведена не одна жена, а двѣ, и обѣ, еще въ дѣвцахъ, такъ характеризованы, что читателю остается только радоваться ясности, опредѣленности и простотѣ мысли романа. Для читателей, самыхъ простодушныхъ даже, не можетъ быть никакихъ затрудненій, ибо всякій можетъ, по крайней мѣрѣ, поставить вопросъ такъ: какъ лучше поступать, такъ ли, какъ Наденька, или такъ, какъ Оленька, или такъ, какъ Вѣрочка? Притомъ, г. Баранцевичъ не лукавитъ и говоритъ то, что думаетъ, твердо. Мораль его проста и на уровнѣ общаго пониманія, какъ и характеровъ его. Такихъ людей, какъ Петръ Степановичъ, очень много, и много такихъ женщинъ, какъ Наденька. Ничѣмъ не задаваясь, погруженные въ свое дѣло и въ свою семью, они живутъ маленькими радостями, воспитываютъ своихъ дѣтей, «убиваются» надъ нпми, когда они больны, когда получаютъ дурныя отиѣтки въ школѣ, радуются, когда они здоровы и когда хорошо учатся. Они живутъ трудомъ и дѣтьми. Я не скажу, что г. Баранцевичъ сумѣлъ сдѣлать эти фигуры пріятельными и интересными, но онъ представилъ ихъ достаточно правдивыми. Въ романѣ есть сцены тепло написанныя, напр. сцены болѣзни ребенка; есть фигуры эскизно, но хорошо начерченныя, напр. два врача, актеръ, въ котораго влюбилась

Соня; есть сцены трагическія, производящія впечатлѣніе, напр. смерть Оленьки. Авторъ не позволяетъ себѣ ничего такого, что оскорбляло бы нравственное чувство. Тотъ соблазнъ, которому подвергается Наденька, написанъ въ совершенно приличныхъ рамкахъ; Оленька, въ началѣ романа заявляющая, что бракъ есть ничто иное, какъ купля и продажа, испытываетъ на самой себѣ, какъ опасно имѣть мнѣніе, устраняющее всякую необходимость какихъ-нибудь обязанностей, кромѣ обязанности развлекать мужчинъ и получать развлечения. Наконецъ, для женщины авторъ указываетъ выходъ и кромѣ брака — благородное самопожертвованіе на общую пользу — служеніе Вѣрочки въ деревнѣ, гдѣ она исполняетъ свое тяжелое и полезное дѣло, не думая прыгать выше своей головы, напримѣръ, заниматься такъ-называемой «пропагандой». Авторъ остается искреннимъ человѣкомъ, уважающимъ прежде всего трудъ и семью, и затѣмъ — службу на общую пользу.

Мы назвали его беллетристомъ преимущественно «здравомыслящимъ» среди новаго поколѣнія писателей рассказовъ, повѣстей и романовъ. Въ самомъ дѣлѣ, обладая гуманнымъ чувствомъ, сочувствуя «униженнымъ и оскорбленнымъ», онъ остается почтеннымъ проповѣдникомъ долга, честности, трудолюбія, семейнаго начала. Ходячая, здравомыслящая мораль является у него тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ можно найти что-нибудь прочное и разумное, оправдывающее желаніе жить. Ничего новаго романъ его не даетъ, ни новой среды, ни характеровъ какихъ-нибудь оригинальныхъ, ни идей; но старое выражено въ немъ твердо, безъ колебаній, выражено навстрѣчу тѣмъ легкимъ взглядамъ на бракъ, которые проповѣдуютъ и въ этой мѣщанской средѣ такіе Донъ-Жуаны, какъ Бардинъ. Въ романѣ не безъ длиннотъ, которые такъ обычны въ произведеніяхъ г. Баранцевича, не безъ нѣкоторой фальши, происходящей отчасти отъ незнакомства автора съ нѣкоторыми сторонами жизни, которую онъ описываетъ, отчасти отъ сомнительной психологін тамъ, гдѣ ему приходится наталкиваться на сложныя положенія, какъ,

напр., въ вопросѣ о судьбѣ Оленьки. Авторъ почти не мѣняетъ тона, какія бы ничтожности онъ ни описывалъ, и это дѣлаетъ романъ его однообразнымъ. Романъ можетъ показаться и даже долженъ показаться мало интереснымъ для читателей, избалованныхъ произведеніями лучшихъ нашихъ романистовъ, гдѣ являются, такъ сказать, новыя откровенія русской жизни, русской души; но романъ сослужитъ свою полезную роль среди публики менѣе взыскательной, но многочисленной.

III.

Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. А. В. Лонгинова. Одесса, 1892 г., 261 стр. (Разборъ П. В. Владимірова).

Приступая къ разбору новѣйшаго труда о Словѣ о Полку Игоревѣ, которое въ теченіе истекающаго столѣтія со времени открытія памятника (1795 г.) вызывало множество изданій, переводовъ и изслѣдованій, — не лишнее припомнить два мѣткихъ замѣчанія А. С. Пушкина, на премію имени котораго представлено «Историческое изслѣдованіе» г. Лонгинова: «ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ. . . толкователи (Слова о Полку Игоревѣ) на перерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ неоснованными» (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 1887 г., т. V, стр. 253). Такъ смотрѣлъ величайшій русскій поэтъ, признававшій высокую поэзію въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ 1834 г. на небогатую еще въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи литературу Слова, въ которую онъ и самъ имѣлъ въ виду сдѣлать вкладъ. Я не буду

останавливаться на обширной литературѣ Слова о Полку Игоревѣ до труда г. Лонгинова, такъ какъ я уже разсмотрѣлъ ее въ напечатанномъ первомъ выпускѣ моихъ лекцій и изслѣдованій о Словѣ о Полку Игоревѣ ¹⁾ (Слово о Полку Игоревѣ, Кіевъ, 1894 г.).

Упомянувъ о замѣчаніяхъ А. С. Пушкина, я имѣлъ въ виду указать на значеніе темы, избранной авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія, на значительныя затрудненія при ея разработкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на трезвыя и строгія критическія требованія, какія предъявлялъ еще въ 1834 г. къ изслѣдованіямъ о Словѣ А. С. Пушкинъ. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, на стр. 261, «сознавая недостатки своего труда, надѣется, что... онъ удостоится строгой научной повѣрки». Въ виду этого, прежде чѣмъ указать на положительную сторону въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, я считаю необходимымъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на его промахахъ и ошибкахъ, противопоставить имъ не только болѣе удачныя разъясненія предшественниковъ, но и послѣдныя собственныя замѣчанія.

Прежде всего нельзя не упрекнуть автора разсматриваемаго изслѣдованія, — состоящаго изъ трехъ главъ, перевода Слова, примѣчаній къ переводу, краткаго послѣсловія къ переводу же и оглавленія, — за отсутствіе какихъ бы то ни было предварительныхъ замѣчаній, въ видѣ введенія или предисловія, о задачахъ его изслѣдованія, о методѣ и приемахъ, объ отношеніи къ предшествующимъ трудамъ, и т. п. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что *историческое* изслѣдованіе автора соединено съ обширными мифологическими замѣчаніями и даже съ филологическими разысканіями по поводу отдѣльныхъ выраженій Слова. Останавливаясь на «разборѣ отдѣльныхъ, наиболѣе темныхъ стиховъ Слова», г. Лонгиновъ часто отвлекается въ сторону отъ вышшняго раздѣленія изслѣдованія по тремъ главамъ, заключающимъ: въ первой главѣ—соображенія о Боянѣ, во второй главѣ—

¹⁾ Ниже я буду ссылаться на это изданіе по литературѣ предмета.

о Троянѣ, и въ третьей—«о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся эпизодахъ Игорева похода». Эта неопредѣленность задачи «историческаго изслѣдованія» г. Лонгинова выразилась и въ слѣдующемъ замѣчаніи автора. Упомянувъ о томъ, что разработка Слова подвигается впередъ «черепашьимъ шагомъ» (стр. 8), что «многое въ Словѣ остается донинѣ загадочнымъ» (4 стр.), указавъ нѣсколько «слабыхъ сторонъ» въ выдающихся изслѣдованіяхъ Слова о Полку Игоревѣ, г. Лонгиновъ говоритъ: «считаю не лишнимъ предложить свои послѣднія *соображенія* по содержанію *наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова* и возможно точное его переложеніе». Къ отрывочности изложенія присоединяется у автора еще стремленіе къ замысловатымъ выраженіямъ. Приведемъ примѣры того и другого, чтобы показать, какъ не легко извлекать выводы, отвѣты автора на главные вопросы предмета. Г. Лонгиновъ придаетъ большое значеніе рѣшенію вопросовъ о личностяхъ Бояна и Трояна. «Сообщаемымъ авторомъ Слова свѣдѣніямъ о Боянѣ и Троянѣ, говоритъ г. Лонгиновъ (стр. 9), я попытаюсь подвести точный итогъ (?) при помощи сложной аргументаціи, начавъ ее извлеченіемъ изъ *лѣтописей* (курсивъ автора). . . фактовъ изъ міра княжескихъ усобицъ». «Послѣ этого краткаго историческаго обзора. . . займемся разборомъ, говоритъ авторъ далѣе (на стр. 16), *наиболѣе темныхъ стиховъ. . . вступительной части Слова*. «Препятствія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу при изслѣдованіи Слова, нельзя преодолѣть, пока мы не найдемъ ключа (?) отъ системы поэтической хронологіи Слова» (стр. 17). . . «Разматывая, съ помощью историческаго рычага, грузную цѣпь навязанныхъ въ повѣсти событий, я нахожу» (118). . . «Чтобы покончить съ вопросомъ о тождествѣ Трояна и Мономаха, *приведемъ съ известность (?)*, по даннымъ Слова и лѣтописи, *свойства* вступившей на Троянову землю обиды и ея прогрессивное развитіе¹⁾» (125 стр). . . «Въ

1) Въ оглавленіи послѣднее выражено еще замысловатѣе: «свойства вступившей на Троянову землю обиды и ея прозябаніе» (?), (стр. II Оглавленія).

заключеніе разберемъ три стиха Слова» (227 стр.), и т. п. Ниже я укажу у автора символическія и аллегорическія толкованія Слова, которыя еще болѣе затемняютъ «историческое изслѣдованіе» Слова о Полку Игоревѣ.

Итакъ нельзя не высказать сожалѣнія, что авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не присоединилъ къ нему ни введенія, ни заключенія съ выводами. Обращаясь къ послѣднимъ, я останавлиюсь прежде всего на вопросѣ о происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ. Поглощенный разборомъ «наиболѣе темныхъ отдѣловъ» Слова, г. Лонгановъ оставилъ въ сторонѣ этотъ вопросъ; но изъ отдѣльныхъ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія замѣчаній его можно заключить, что онъ вполнѣ раздѣляетъ извѣстный взглядъ на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ (противъ котораго было высказано не мало возраженій въ литературѣ), какъ на пѣсню, записанную послѣ того, какъ она была сложена устно. Вотъ выраженія автора въ этомъ направленіи въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія: «Слово драгоценный памятникъ *письменнаго* творчества» (стр. 3); Слово появилось въ 1185 г. (7), какъ «эпическое твореніе русскаго *тѣща*» (8); «пѣвецъ руководился старыми былинными сказаніями» (стр. 21; срв. 4 стр. «былинный сводъ событій за 125 лѣтъ, отъ 1061 до конца 1185 г.»); «Слово пѣлось на пирахъ» (22); «отличительное качество Слова о Полку Игоревѣ, по роду источниковъ, состоитъ въ томъ, что въ канвѣ его, въ изложеніи былинъ, вовсе не существуетъ слѣдовъ *письменнаго* (курсивъ автора) элемента» (24); «пластическій языкъ Слова представляетъ наслоенія, которыя я объясняю: отчасти условіями устной передачи, отчасти согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ о вліяніи переписчиковъ, сводя его, впрочемъ, псключительно къ діалектическимъ особенностямъ правописанія и опущенію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, но болѣе всего — талантомъ самого автора, умѣвшаго художественно сочетать формы живого древне-русскаго языка съ церковно-славянскимъ, подчиняя ихъ своеправнымъ изгибамъ своей мысли» (стр. 52—53), «пѣвецъ заимствовалъ поэтическіе

образы изъ пѣсеннаго творчества, уже ранѣе процвѣтавшаго, давъ имъ высоко-художественную группировку» (72); «если авторъ Слова внесъ въ свою повѣсть обломки древне-русскаго мѣологическаго эпоса въ видѣ былинь, съ именами русскихъ языческихъ боговъ, то это вызывалось *уваженіемъ* его къ народнымъ преданіямъ и убѣжденіямъ и условіями поэтическаго творчества, а не вѣрою въ языческія божества. Религіозная идея Божьяго правосудія и политическая теорія *единства русской земли* подъ верховною властью старшаго князя, вложенная въ двѣ знакомыя намъ притчи (Бояна), вотъ коренные принципы, на которыхъ зиждется вся поэтическая философія пѣснотворца стараго времени (Бояна), воспринятая и разработанная по былинамъ пѣвцомъ (Слова о Полку Игоревѣ) новаго времени» (89 стр.); «списки Слова, появившіеся, вѣроятно, въ концѣ XII стол., въ самомъ началѣ XIV ст., были въ сѣверно-русскихъ бібліотекахъ» (115 стр.); «пѣвецъ близко былъ поставленъ къ великому князю кievскому и изучилъ его ватуру» (198 стр.); «пѣвецъ располагалъ событія сообразно былинному матеріалу и своимъ личнымъ впечатлѣніямъ» (199); «правдивый и задушевный рассказъ пѣвца по современнымъ ему былинамъ» (206); «первоисточникомъ утраченной рукописи могла быть устная передача пѣсеннаго Сказанія о Полку Игоревѣ. Будучи тщательно записано какимъ-либо образованнымъ любителемъ, оно, естественно, могло на письмѣ сохранить и въ частности отпечатокъ малорусскаго произношенія... Если текстъ Слова дошелъ до насъ по списку, воспринявшему со всею точностью устную передачу, чего нельзя отвергать, то, безъ сомнѣнія, первоначально оно было записано вскорѣ послѣ Игорева похода, никакъ не позднѣе конца XII в... Будь Слово записано позднѣе, оно навѣрное подверглось бы измѣненіямъ, урѣзкамъ и дополненіямъ примѣнительно къ позднѣйшимъ обстоятельствомъ... При неоднократной перепискѣ Слова древнія формы языка его пѣсколько пострадали... переписывалось Слово не такъ часто, какъ лѣтописи, ибо оно къ концу XIV в. во многихъ отношеніяхъ стало

непонятнымъ» (230—231 стр.); «пѣсенный мѣрный складъ Слова самъ по себѣ служилъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ произвольныхъ передѣлокъ» (232); «языкъ Слова въ своемъ *источникѣ* есть языкъ малорусскій, хотя, будучи переписано гдѣ нибудь въ Ростовской или иной области, оно могло воспринять и нѣкоторую примѣсь нарѣчія великорусскаго» (250 стр.); «живой народный языкъ — лучшее украшеніе Слова» (261).

Принявъ этотъ взглядъ на происхожденіе Слова (въроятно преимущественно отъ Огоновскаго — «Слово о Полку Игоревѣ», Львовъ, — изданіе и объясненія котораго г. Лонгиновъ называетъ «капитальнымъ», стр. 231, прим. 2), авторъ разсматриваемаго изслѣдованія представляетъ такую картину историческаго развитія древнерусской поэзіи, къ которой непосредственно примыкаетъ Слово о Полку Игоревѣ. «Былины складывались среди суевѣрной и грубой толпы солнцепоклонниковъ» (163 стр.); къ числу такихъ народныхъ былинъ, которыми воспользовались лѣтописи и Слово, относится былина о волкообразномъ Всеславѣ (163—167); «авторъ Слова дробитъ эту былинку на двѣ части» (164). Это отдаленная богатырская область эпоса, нашедшая выраженіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ эпическаго характера о древнѣйшихъ временахъ»; «дѣянія богатырей всякаго происхожденія» (39 стр.) продолжали прославлять и въ эпоху первыхъ княжескихъ усобицъ, когда явились «пѣсни, слагавшіяся многими дружинными пѣвцами по памятнымъ преданіямъ съ незначительной долей свободнаго творчества, съ отраженіемъ мѣстныхъ областныхъ интересовъ» (43). Г. Лонгиновъ допускаетъ вліяніе скандинавскихъ сагъ на эти древнѣйшія пѣсни и сказанія (стр. 65—66). Къ этой эпохѣ примыкаетъ княжеско-дружинный эпосъ временъ Ярослава I. Представителемъ другой эпохи княжеско-дружиннаго эпоса является Боянъ (котораго, согласно съ Вельтманомъ, г. Лонгиновъ готовъ отождествить съ лѣтописнымъ Яномъ, стр. 91). Боянъ, воспѣвая князей эпохи Владимира Мономаха-Трояна «по строго обдуманному плану», «систе-

матически преслѣдуя широкіе государственные идеалы» (43 стр.), съ назидательнымъ тономъ (45), давалъ перевѣсъ въ своихъ пѣсняхъ мнѳологическому элементу надъ историческимъ (45); онъ «перерабатывалъ народныя мнѳологическія вѣрованія первобытнаго эпоса» (46). Отсюда-то г. Лонгиновъ объясняетъ и мнѳологическій элементъ Слова о Полку Игоревѣ, какъ «остатки Боянова творчества» (65). Авторъ-пѣвецъ Слова, въ противоположность этому мнѳологическому творчеству Бояна, почерпаетъ «свѣдѣнія преимущественно изъ родника народныхъ сказаній», онъ держится «почвы народныхъ былинъ» (45); онъ дѣлаетъ сводъ былинъ (24); онъ вноситъ въ этотъ сводъ и «плоды своего творчества» (188), съ замѣчательными поэтическими приѣмами «тонкаго психолога-поэта» (49 стр.), пѣвца съ «интенсивностью чувства и обширнымъ умственнымъ кругозоромъ» (стр. 126). Казалось бы, эти выводы даютъ цѣльное представленіе объ опредѣленномъ взглядѣ автора на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ. А между тѣмъ, если собрать другія замѣчанія его по этому же вопросу, то окажутся нѣкоторыя противорѣчія. Въ эти противорѣчія г. Лонгиновъ долженъ былъ впасть, слѣдуя разнообразнымъ мнѣніямъ въ литературѣ предмета (къ которой онъ отнесся не вполне критически) и желая точнѣе опредѣлить въ Словѣ отношеніе исторіи къ мнѳу, искусственной поэзіи — къ народной. Назвавъ свое изслѣдованіе «историческимъ», авторъ оставилъ безъ вниманія одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для объясненія Слова — русскую народную поэзію, и даже шире — народную поэзію славянскихъ и другихъ народовъ¹⁾. Я приведу ниже примѣры того, какъ важенъ этотъ источникъ для объясненія стила и даже содержанія Слова. Согласно своей «исторической» — узко понятой задачѣ, авторъ разсматриваемаго

¹⁾ На стр. 130 и далѣе г. Лонгиновъ, отмѣчая нѣкоторыя сопоставленія дѣвы - обиды съ образами народной поэзіи, высказывается противъ этихъ сопоставленій; изрѣдка онъ ссылается уже на указанные примѣры изъ русской народной поэзіи, но только для объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова.

изслѣдованія открываетъ историческіе факты въ такихъ предполагаемыхъ символическихъ и аллегорическихъ образахъ, которые вполне объясняются изъ условій народнаго пѣсеннаго творчества. Если присмотрѣться къ пособіямъ автора, то легко замѣтить, что онъ отдаетъ особенное предпочтеніе лѣтописямъ и вообще древнерусской письменности. Но эти пособія естественно должны были привести автора къ указанію книжныхъ элементовъ въ Словѣ. И дѣйствительно, г. Лонгиновъ указываетъ нѣкоторые книжные элементы въ Словѣ (на стр. 27, прим. 1; 35 вліяніе церковнаго пѣснопѣнія; 36 знакомство автора Слова съ твореніями І. Златоустаго; 47, 50 Даниилъ Заточникъ, Бесѣда трехъ святителей; 51—52; 66—67 вліяніе на Слово Гомера; 73—76 папорози и шестокрыльци — церковнаго, византійско-болгарскаго происхожденія; 103, 116, 142 прим. 2 и друг.), говоритъ даже о «системѣ риторической терминологіи» въ Словѣ (47 стр.). Такимъ образомъ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ вышеприведенными односторонними заключеніями о пѣсенномъ, устномъ происхожденіи Слова, объ отсутствіи въ немъ слѣдовъ письменнаго элемента (24 стр.). Еще болѣе рѣзкое противорѣчіе является у автора въ разграниченіи въ Словѣ историческихъ элементовъ отъ мнѳологическихъ. Уже съ первыхъ строкъ своего «историческаго изслѣдованія» авторъ даетъ понять, какое важное мѣсто отводитъ онъ въ Словѣ «системѣ народной философіи», выразившейся въ изображеніи двухъ началъ — свѣта и мрака: «русская земля, обреченная на тяжкое испытаніе, отдается временно во власть представителя тьмы — злобнаго существа Дива, но, благодаря покаянію Игоря и мольбамъ жены его Ярославны, снова озаряется благодатнымъ свѣтомъ» (стр. 3). На стр. 109 г. Лонгиновъ опредѣленно высказывается за широкіе мнѳологическіе выводы изъ Слова: «космогонической идеей борьбы свѣта и теплоты съ тьмою и холодомъ, начала животворнаго съ началомъ смертоноснымъ, проникнута почти вся повѣствовательная часть нашего Слова. Видоизмѣняясь въ былинномъ его составѣ подъ угломъ зрѣнія національныхъ мнѳическихъ воззрѣній, она

придаетъ ему неподражаемую поэтическую прелесть». Не говоря уже объ именахъ языческихъ божествъ въ Словѣ, г. Лонгиновъ съ своей мнѳологической точки зрѣнія отыскиваетъ мнѳы и въ словѣ «рѣчь» въ извѣстномъ мѣстѣ: «помнишьте бо рѣчь (вм. речь) прѣвыхъ временъ усобицѣ»; «представленіе автора Слова о древнѣйшей пѣсенной рѣчи восходитъ, чрезъ промежуточныя ступени, къ составляющему содержаніе многихъ гимновъ въ Ригъ-Ведахъ мнѳоу о *Ричи*, какъ плодоносномъ божествѣ... Слѣды этого мнѳа отразились въ Словѣ», и проч. (42 стр.). Авторъ видитъ «солнечную природу» не только въ Троянѣ, но и въ князьяхъ несчастнаго похода 1185 г. — въ Игорѣ, въ Всеволодѣ (177). Увлеченіе мнѳологіей доходитъ до того, что авторъ, разбирая волкообразную природу вѣщаго князя Всеслава, говоритъ «о поразительной чуткости Всеслава къ заутреннему звону, призывавшему на служеніе *Хорсу въ Полоцкѣ*» (153). Изъ выраженій Слова о Полку Игоревѣ объ Олегѣ Гориславичѣ «тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу *коваше*» (какъ: «князи сами на себѣ крамолу *коваху*») г. Лонгиновъ выводитъ сопоставленіе Олега съ «кузнецомъ Вулканомъ (братомъ Юпитера), который, по нашимъ хронографамъ, будучи брошенъ своею матерью, *ковалъ* панцыри богамъ противъ гигантовъ» (стр. 15). Не проще ли обратиться за разъясненіемъ этого выраженія къ библейскимъ старославянскимъ выраженіямъ: «кою мысли злы», «коветь злая»; или къ такимъ замѣчательнымъ выраженіямъ церковныхъ памятниковъ, какъ «на небеси коваць бѣи славне мечь» (Мин. Пут. XI в.), «коваху бѣды» (Миняя 1097 г.). См. «Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка», И. И. Срезневскаго, вып. 3.

И здѣсь, въ области мнѳологическихъ разысканій, мы видимъ отсутствіе у автора сравненій съ народными преданіями, съ народной поэзіей. Въмѣсто этихъ законныхъ средствъ извлеченія мнѳологическихъ толкованій, къ которымъ можно бы присоединить и болѣе широкія историческія разысканія, авторъ прибѣгаетъ къ стариннымъ приѣмамъ раскрытія въ мнѳахъ—символяхъ и аллегорій. Этимъ легкимъ способомъ авторъ дѣлаетъ

открытие въ лицѣ «великаго Хорса», которому «прерывскывалъ путь ночью волкомъ Всеславъ» — великаго князя Изяслава Ярославича (стр. 152—155: «Такимъ великимъ княземъ Хорсомъ въ описываемое время никто иной и не могъ быть, кромѣ Изяслава Ярославича, проходившаго тогда *путь великаго княженія* Кіевскаго, ибо княженіе представлялось *путемъ*»). — Я уже говорилъ о томъ, что г. Лонгиновъ придаетъ особенное значеніе изученію Слова въ «историческомъ» отношеніи, въ связи съ лѣтописями и съ другими памятниками древне-русской письменности (стр. 143). «Историческій элементъ Слова, говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего труда (стр. 6), первенствующій въ немъ по своей важности, недостаточно еще разъясненъ, — за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, хорошо освѣщенныхъ научною критикою». Остановимся на этой главной задачѣ автора разсматриваемаго «Историческаго изслѣдованія сказанія о походѣ Игоря Святославича въ 1185 г.» Авторъ не даетъ въ этомъ отношеніи цѣльнаго труда: онъ отказывается «входить въ мелочный разборъ воззванія пѣвца къ князьямъ» (стр. 202), онъ не останавливается на подробной и цѣльной характеристикѣ состоянія княжествъ и ихъ представителей за разсматриваемое время, онъ не ищетъ въ лѣтописяхъ и въ Словѣ, за немногими исключеніями, того «обильнаго матеріала для изученія государственнаго, общественнаго, религіознаго и даже семейнаго быта древней Руси», какой указываетъ въ началѣ своего труда (4 стр.). Внимательное изученіе Слова въ связи съ лѣтописями и другими памятниками древне-русской письменности ушло у автора на увлекавшія его «соображенія по объясненію наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова» (9 стр.). Въ трудѣ г. Лонгинова разсыпано множество сопоставленій отдѣльныхъ выраженій Слова съ лѣтописными и съ выраженіями различныхъ памятниковъ древнерусской письменности — матеріалъ, отчасти уже вошедшій въ историческіе словари (Срезневскаго; Барсова — неоконченный Словарь къ слову о Полку Игоревѣ), отчасти — совершенно новый. Объ этихъ сопоставленіяхъ мы скажемъ дальше, а теперь оста-

новимся на болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ вопросахъ, затронутыхъ г. Лонгиновымъ, какъ-то: объ отношеніи Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, объ отношеніи автора Слова и Бояна къ в. кн. Владимиру Мономаху, въ лицѣ котораго г. Лонгиновъ открываетъ загадочнаго «Трояна», объ историко-географическихъ подробностяхъ несчастнаго похода Игоря Святославича въ 1185 г., о нѣкоторыхъ частностяхъ, въ родѣ разысканій о князьяхъ, народахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Отношеніе Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, какъ и вопросъ о происхожденіи Слова, затрогивается г. Лонгиновымъ въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія. Авторъ видитъ сходство Слова и лѣтописи не только въ разсказѣ о событіи 1185 г. (примечъ признаетъ вліяніе Слова на лѣтопись: стр. 25, прим. 3; 124), но и въ общихъ отношеніяхъ. Подобно лѣтописному своду, Слово представляетъ былинный сводъ (стр. 24—25), хотя много былинъ отразилось и въ лѣтописи; но зато въ Словѣ нѣтъ слѣдовъ письменнаго элемента. И въ Словѣ и въ лѣтописи г. Лонгиновъ отмѣчаетъ притчи (55—57), извѣстія эпическаго характера, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, и сходство ихъ съ скандинавскими сагами (66), пѣсенный складъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи (69) и во всемъ Словѣ; черты книжности (72 и др.), одинаковыя описанія княжескихъ усобицъ и нашествій половцевъ (стр. 9 и д.), одинаковое отношеніе къ Владимиру Мономаху (стр. 137—147—148).

Я уже указывалъ выше противорѣчіе во взглядѣ автора на отношеніе книжныхъ элементовъ въ Словѣ къ устному пѣсенному происхожденію его. Точно также авторъ не выяснилъ для себя вопроса объ отношеніи лѣтописи къ старымъ русскимъ пѣснямъ и въ частности къ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾. А между

¹⁾ По мнѣнію г. Лонгинова «Галицко-Волынская лѣтопись переполнена описаніями походовъ, извлеченными изъ славныхъ пѣсень» (стр. 72). То же самое онъ видитъ и во многихъ мѣстахъ другихъ лѣтописей (стр. 67—70, 147—148, и др.).

тѣмъ лѣтопись представляетъ драгоценный источникъ для объясненія Слова въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Еще Соловьевъ въ Исторіи Россіи въ III томѣ мѣтко замѣтилъ объ особенномъ вниманіи лѣтописи къ героямъ Слова о Полку Игоревѣ, несмотря на ихъ второстепенное значеніе, — что объясняетъ появленіе самого Слова; а извѣстныя капитальныя изслѣдованія о лѣтописяхъ И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др., раскрыли отношеніе лѣтописей къ книжнымъ и устнымъ источникамъ. Теперь уже нечего доказывать, что въ лѣтописяхъ находятся не только записи современниковъ и очевидцевъ, но и пересказы устныхъ преданій съ отгѣнками народной поэзіи. Однако и теперь еще болѣе опредѣлить дѣйствительныя черты народной поэзіи и такъ наз. дружинныхъ поэтическихъ преданій въ лѣтописяхъ и отдѣлить ихъ отъ прозаическихъ устныхъ разсказовъ, въ передачѣ которыхъ могли также отразиться черты стариннаго образнаго языка. Отмѣчу прежде всего немногія несомнѣнныя черты и пѣсеннаго размѣра, и поэтическихъ подробностей въ лѣтописныхъ разсказахъ. Подъ 1233 г. въ Новгородской лѣтописи по харатейному Синодальному списку находимъ слѣдующій отрывокъ изъ пѣсни, вполне соотвѣтствующій складу нѣкоторыхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Прѣставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вчашій... и еще младъ. И кто не пожалуетъ сего? — *сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны*¹⁾ (ср. въ Словѣ: «пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжены, тули отворены, сабли изъостренни», и проч.) и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхы наша» (изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 242). Приведемъ и соотвѣт-

¹⁾ Приведемъ и варианты этого мѣста по другимъ спискамъ. Во 2-ой Новгородской лѣтописи: «понеже бѣ свадба пристроена, медъ сыченъ и невеста приведена, а князи призваны» — здѣсь очевидна передѣлка книжника и отчасти, можетъ быть, вариантъ народной пѣсни. Въ Тверской Лѣтописи (П. С. Р. Л. XV т., 861 стр.): «свадба приготовлена, и невеста приведена, князи съзваны».

ствующіе примѣры изъ русской народной поэзіи. Въ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ» (Кирши Данилова): «А князи собиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися» (№ XXX); «и ограда крѣпка, забушка заперта» (LVIII); въ «Сборникѣ Украинскихъ пѣсень» Максимовича, ч. 1, 1849 г., стр. 36: «Ваша вѣра погана, Земля проклята»!

Иную древнюю пѣсенную форму находимъ въ двухъ характеристикахъ Начальной лѣтописи князей Святослава († 972) и Мстислава († 1034). Подъ 964 г. читаемъ: Князь Святославъ «нача воя съвокупляти многы и храбры, бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ, *воины многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, — ни котла, ни мясъ варя (ше?), — но потонку изръзаваъ конину, или зѣприну, или ювадину, на узлахъ испекъ, ядыше; — ни шатра имяше, — но подкладъ постылаше, а сѣдло въ воловахъ*». Подъ 1034 г. Мстиславъ «храбръ на рати, и милостивъ, — и любяше дружину повелику, а имѣнья не щадяше, — ни питья, ни яденія не браняше». Это выраженіе объ отношеніи князя къ дружинѣ съ нѣкоторыми измѣненіями становится стереотипнымъ, напр. 1172 г. (Ипатьев. лѣтопись): «князь Ростиславичъ Святославъ... имѣяше дружину и имѣнья не щадяше, не собираше злата и сребра, но даваше дружинѣ»; 1197 г. Давыдъ сынъ Ростиславъ «злата и сребра не собираетъ, но даетъ дружинѣ». Такой же пѣсенный складъ находимъ и въ началѣ Галицко-волицкой лѣтописи (Ипатьевск.), подъ 1201 г. въ замѣчательной характеристикѣ Романа: «и любяше яко и коркодилъ, — и прехожааше землю ихъ яко и орелъ, — храборъ бо бѣ яко и туръ, — ревноваше бо дѣду своему Мономаху», и проч. Приведемъ нѣкоторыя соотвѣтствующія мѣста изъ Слова о Полку Игоревѣ; разумѣется, изъ современной народной поэзіи нельзя привести примѣровъ, такъ какъ въ ней нѣтъ уже такихъ формъ прошедшаго времени, какія могли употребляться еще въ XI—XII вв.: «который дотечаше, та предѣ пѣсь пояше... Боянъ же.. не 10 соколовъ... пушаше, нѣ своя вѣщія прѣсты въскладаше... Тогда при Олзѣ Гориславличѣ сѣяшется и растяшеть усобицами,

погибаетъ жизнь». Нельзя не привести еще и несомнѣннаго пѣсеннаго выраженія изъ Поученія Владимира Мономаха по Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1096 г.: «и сядетъ аки горлица на сусъ дреотъ желтючи».

Не лишены значенія и слѣдующіе позднѣйшіе (XIV—XV вв.) лѣтописные образцы передачи народныхъ пѣсень (П. С. Р. Л. IV т., стр. 73 и 80, 1378—80 гг.): «а ѣздить порты своя съ плечь спустья, а петли растегавъ, аки распрѣли, бѣше бо имъ варно... а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медь и пиво, испиваху допьяна безъ мѣры, и ѣздить пьяни, повстивѣ за Пьяною (рѣкою) пьяни»¹⁾);

И рече Мамай къ собѣ:
 Власи наши растерзаются,
 Очи наши не могутъ огненныхъ слезъ источати,
 Языци наши связаются,
 Гортань ми пресыхаетъ и сердце раставаеть,
 Чресла ми растерзаются,
 Колѣна ми изнемогають,
 А руцѣ оцѣпенѣвають.

Я разложилъ послѣдній образецъ на стихи. Эти стихи близки къ народнымъ «духовнымъ» стихамъ. Для насъ любопытна ихъ форма по лѣтописи.

Но отъ такихъ несомнѣнныхъ выдержекъ изъ старинныхъ народныхъ пѣсень надо отличать лѣтописные пересказы съ нѣкоторыми поэтическими чертами, которые могли произойти изъ устныхъ прозаическихъ пересказовъ, какъ, на примѣръ, извѣстные рассказы Начальной лѣтописи объ Олегѣ, Ольгѣ, о борьбѣ печенѣжскаго богатыря (подъ 993 г.) съ отрокомъ у Переяславля, о походахъ на Половцевъ, напр. подъ 1172—1173 г., и

¹⁾ Въ первой Софійской лѣтописи это мѣсто еще ближе къ пѣснѣ: «а ѣздить порты съ плечь спущавъ, а медь испиваху и допьяна и ловы дѣяху утѣху творяще. А въ то время поганіи князи Мордовскіе подведоша втай рать Татарскую».

проч. Въ послѣднемъ разсказѣ, напр., три раза повторяется одна и та же фраза: «много-ли вашихъ назадѣ?», которую задаютъ Половцамъ немногочисленные русскіе храбрецы, поражавшіе три раза массы половцевъ. Подобныя повторенія встрѣчаются еще, напримѣръ, въ Ипатьевск. лѣтописи: подъ 1151 г. (изд. 1871 г., стр. 301) «перезе въ Дюргя въ бубны в полку и въ трубы въструбиша, *полци же начаша dospъвати*; также у Вячслава, и у Изяслава, и у Ростислава почаша бити въ бубны и въ трубы трубити, *полци же начаша dospъвати*» (ср. въ Словѣ о П. И.: «Олговичи храбрыи князи *dospъли* на брань»). Мы не будемъ приводить здѣсь множества отдѣльныхъ выраженій лѣтописи, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ выраженіямъ Слова о Полку Игоревѣ, на которыя уже не разъ обращали вниманіе изслѣдователи Слова (напр. Е. В. Барсовъ, разсматривавшій эти выраженія, какъ особенности древнерусскаго дружиннаго языка, дружинной школы. Отчего же нельзя думать, что эти выраженія были общимъ достояніемъ древнерусскаго языка?). Но не можемъ не отмѣтить такихъ образныхъ загадочныхъ выраженій, которыя, безъ сомнѣнія, вырабатывались среди выдающихся дружинниковъ, какъ слѣдующія (Начальная лѣтопись, подъ 1016 г.; по «Сводной лѣтописи» Лейбовича, стр. 116): «посла Ярославъ отрокъ свой къ мужу Святополка, рече къ нему: «онъ сій, что ты тому велиши творити? — меду мало варено, а дружины много», и отрече ему мужъ той: «рци тако Ярославу: да аще меду мало, а дружины много, да къ вечеру дати». И разумѣвъ Ярославъ, яко въ ночь велеть сѣчися» (Ср. въ Словѣ: «ту кроваваго *вина* не доста; ту *пиръ* докончаша храбрыи Русичи»; не приводимъ здѣсь множества подобныхъ же уподобленій битвы — пирю, попойкѣ въ народной поэзіи русскихъ, славянъ и другихъ народовъ, напр. въ былинахъ, въ думахъ, въ Нибелунгахъ, и проч.); въ Ипатьевской Лѣтописи, 1217 г.: «Слово гордаго Фили: — острыйъ мечю (= мечю), борзый коню — многая (= многа я?) Руси»; въ Новгородской лѣтописи, подъ 1224 г. — «Гюрги рече посломъ: выдайте ми... не выдадите ли, а я пойгъ есмь коне

Тхъвѣрю, а еще Волховомъ напою... крови не проливаѣ княже» (говорятъ на это послы). Ср. въ Словѣ: «хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону», и въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1201 г.: «тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ». Последнее выраженіе, какъ и нѣкоторыя вышеприведенныя подъ 1201 г. въ Галицко-Волынской лѣтописи, несомнѣнно пѣсеннаго происхожденія.

Итакъ, мы указали одинаковые древніе пѣсенные элементы и въ лѣтописяхъ и въ Словѣ, упомянули объ одинаковомъ особенномъ вниманіи лѣтописи и Слова къ несчастному походу 1185 г. и его героямъ; укажемъ еще и общія черты въ упоминаніяхъ объ языческихъ вѣрованіяхъ, о древнѣйшихъ князьяхъ X—XI вв. въ лѣтописныхъ разсказахъ XII—XIII вв., о рѣкѣ Дунаѣ. Извѣстно, что мифологія Слова (Дажь-Богъ, Хорсъ, Велесъ, Стрибогъ, и друг.), повидимому, противорѣчитъ и общему направленію древнерусской литературы, — враждебному всему языческому, бѣсовскому, — и вѣронсповѣданію автора Слова, безъ всякаго сомнѣнія — христіанскому. Если даже не говорить о народныхъ пѣсняхъ, о народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ такъ долго жило язычество (приведемъ замѣчательное упоминаніе Харона, какъ проводника человѣческихъ душъ на тотъ свѣтъ, въ современныхъ ново-греческихъ пѣсняхъ; см. напр. А. А. Дмитриевскаго: Патмосскіе очерки, стр. 250), то достаточно указать на лѣтописныя упоминанія объ язычествѣ: о богахъ и мѣстахъ, на которыхъ стояли кумиры боговъ (въ Киевѣ, въ Новгородѣ, и др.), о названіяхъ нѣкоторыхъ дней и недѣль (напр. Ипатьевская лѣтопись, 1177 г.: «придоша Половци на русскую землю на *русалной* недѣль»; то же самое подъ 1174, 1195, 1262 гг.: «наканунѣ Ивана дня на самая *кумалья*», 1262 г. и друг.), — чтобы понять, какъ языческіе представленія и обряды, которые продолжали жить въ народной массѣ, находили откликъ и въ представленіяхъ древнерусскихъ книжныхъ людей (напр. у лѣтописцевъ), особенно при описаніяхъ и изображеніяхъ несчастій и необъяснимыхъ природныхъ явленій. Лѣтописцы XI—

ХІІ вв., разсказывая о смерти в. кн. Олега (912 г.), о рожденіи полоцкаго князя Всеслава (1044 г.), высказываютъ неподдѣльное удивленіе тому, что «сбывается» по волхвованію, по чародѣйству; подъ 1092 г. передается въ лѣтописи о томъ, какъ убиваютъ по ночамъ въ Полоцкѣ людей невидимые «навье» на коняхъ; подъ 1109 г. въ Кіевѣ «явился на церкви Михаила Златоверхаго птица незнаема величествомъ бѣ со овна и сіаше всякими цвѣты и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношася отъ нея» (нѣчто въ родѣ сказочной жарь-птицы). Точно также лѣтописцы вѣрили, что «знаменья на зло» бываютъ не только отъ солнца и звѣздъ, но и отъ «птицъ» и др. (см. подъ 1065 г.). Еще въ XV—XVI вв. въ Воскресенской и Псковской I лѣтописяхъ находимъ слѣдующіе разсказы: 1467 г. (Воскр.) о томъ, какъ выло озеро Ростовское по ночамъ, «какъ въ шестерѣ молотятъ или въ осмерѣ и напоследѣ протяжено застучить»; 1472 г. (Воскр.) хвостъ великой звѣзды — «аки хвостъ великіа птицы распротресея»; 1567 г. (Псков.) два мѣсяца на небеси ночью ударились и одинъ у другого хвостъ отшибъ, и пр.; 1554 г. (Псков.) звѣзда на небѣ подобная змѣю, и проч. Если подобныя «предивныя» толкованія попадали въ монастырскія лѣтописи, то какъ же они не могли отразиться въ Словѣ о Полку Игоревѣ, когда ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддерживали еще старинныя русскія пѣсни, и народныя и дружинныя? Языческое міровоззрѣніе и въ лѣтописи, и въ Словѣ, это—дымка легенды, въ которую облакается все темное, страшное, загадочное. Естественно, что этой дымкой окуталось страшное пораженіе Игоря полка и плѣнь всѣхъ князей въ «землѣ незнаемѣ», въ полѣ Половецкомъ.

Какъ въ Словѣ упоминаются и старый Владимиръ, и старый Ярославъ и другіе князья XI в., такъ и въ лѣтописяхъ не только замѣчательные князья возводятся къ дѣдамъ и прадѣдамъ — до Ярослава и Владимира Св.; но и упоминаются событія и преданія изъ временъ «Святослава Хоробраго» (1254 г.), «Владимира и Рогвѣды» (1128); Полоцкій князь Всеславъ, извѣстный ча-

родѣи по Слову о П. И., да и по лѣтописи (1044 г.) связанный съ волхвованіемъ, упоминается подъ 1147, 1180 гг. Память о первыхъ временахъ и первыхъ князьяхъ поддерживалась не только начальной лѣтописью и народными преданіями, но и мѣстными и вещественными памятниками: могилами (Олега, Игоря; перевѣсищами Ольги, и проч.) и «портами» (одеждами и вооруженіемъ) первыхъ князей, «еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ» (въ Кіевѣ, подъ 1203 г.). Извѣстные припѣвы Слова о рѣкѣ Дунаѣ находятъ себѣ прекрасное объясненіе въ южныхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ еще въ 1240 г. военныя дѣйствія Татаръ простираются до Дуная, какъ раньше частые походы Половцевъ и самихъ русскихъ князей, сажавшихъ «посадниковъ по Дунаю, въ подунайскіе города» (напр. гг. 1116, 1144, 1159, 1162, 1187, 1192 и т. д. въ Ипатьевской лѣтописи). Особенно замѣчательно скопленіе краткихъ рассказовъ о дѣйствіяхъ на Дунаѣ и на Дону подъ 1116 г., когда Ярополкъ, сынъ Мономаха, взялъ три половецкихъ города на Дону (вѣроятно, города русскіе, отошедшіе къ Половцамъ по захвату, какъ Тмуторокань), а Вячславъ ходилъ на Дунай; в. кн. Владиміръ Мономахъ «посажь посадники по Дунаю», и въ то же время «два дни и двѣ ноци бйшася с Половци и с Торкы и с Печевѣги у Дона». Такъ и въ Словѣ о П. И. битвы на Дону сливаются съ воспоминаніями о Дунаѣ (въ припѣвахъ, въ плачѣ Ярославны).

Но рядомъ съ устными преданіями, съ народной поэзіей, съ вѣрованіями и историческими отношеніями, и лѣтописи и Слово отражаютъ чисто литературныя вліянія. Лѣтописцы проявляютъ начитанность не только въ библіи, въ твореніяхъ св. Отцовъ, въ хроникахъ, въ апокрифахъ и повѣстяхъ, но и въ Пчелѣ (лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго подъ 1186 г.), и даже въ Гомерѣ (Ипатьевск. лѣтопись, подъ 1233 г., если только отрывки изъ Гомера не цитовались лѣтописцами по антологическимъ или хронографическимъ переводнымъ или византійскимъ сочиненіямъ).

Г. Лонгиновъ иногда смѣшиваетъ книжные элементы лѣтописи съ народными и неправильно отрицаетъ всякое литературное вліяніе на Слово. Приведу прежде всего нѣкоторые примѣры перваго. На стр. 25 онъ говоритъ: «сколь велико было увлеченіе лѣтописцевъ трудовыми повѣстями, показываетъ похвала, обращенная однимъ изъ нихъ къ князю Рюрику Ростиславичу: наша грубости писаніе прими, аки даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей, *пою ти пѣснь побѣдную*». (Ипат. 477—478). Эта выборка, безъ указанія пропусковъ, въ которыхъ находимъ, напр., слѣдующую связь: «отселѣ бо на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего созданія пою ти пѣснь побѣдную, аки Маріамъ древле» (все это изъ Библии) не имѣетъ никакого отношенія къ народной поэзіи и представляетъ выдержку изъ длинныхъ цитатъ лѣтописца изъ Библии, (онъ и указываетъ: книги Моисея, пророка Исаію, и проч.). На стр. 56—57 приведены лѣтописныя притчи книжнаго характера (его же мѣрою мѣрять, измѣрять ти ся, и проч.). На стр. 32, прим. 4 выраженіе «и сущимъ въ морѣ и далече» имѣетъ непосредственное отношеніе къ извѣстной церковной эктеньѣ. Не будемъ останавливаться на книжномъ вліяніи въ Словѣ, примѣры котораго мы отмѣтили выше по изслѣдованію г. Лонгинова. Отмѣчу еще ошибку у автора разсматриваемаго изслѣдованія, на стр. 119, прим. 3, въ которомъ списокъ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г. признается «погибшимъ Пушкинскимъ» (т. е. Мусина-Пушкина спискомъ) и указывается «другой вариантъ» Поученія Мономаха (?). Сошлюсь на предисловіе къ изданію Лаврентьевской лѣтописи 1872 г., въ которомъ на стр. VIII замѣчено: «Лаврентьевскій списокъ былъ поднесенъ Императору Александру I гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, издавшимъ изъ рукописи Поученіе Владимира Мономаха. Эта рукопись именуется Пушкинскимъ спискомъ».

Обращаюсь теперь къ изысканіямъ г. Лонгинова о нѣкоторыхъ князьяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ (Всеславъ, Мстиславичи, Глѣбовичи) и открываемыхъ авторомъ разсматриваемаго изслѣдованія въ загадочныхъ выраженіяхъ Слова (Владимиръ

Мономахъ, Всеволодъ, Изяславъ). Авторъ недаромъ назвалъ свое изслѣдованіе «историческимъ», несмотря на очевидное пристрастіе къ мѣологическимъ разысканіямъ, такъ какъ старался свести ихъ къ историческимъ выводамъ. Отсюда въ лицѣ Трояна онъ, по слѣдамъ нѣкоторыхъ предшествующихъ изслѣдователей, указываетъ Владимира Мономаха и совершенно самостоятельно отмѣчаетъ въ лицѣ «Дажь-Божа внука» в. кн. Всеволода, а въ лицѣ «великаго Хорса» — в. кн. Изяслава. Я уже упомянулъ о томъ, что авторъ видитъ въ Словѣ глубокую мѣологическую основу, между прочимъ въ героической генеалогіи князей отъ языческихъ боговъ. Рядомъ съ этимъ онъ открываетъ въ образныхъ выраженіяхъ Слова символическія и аллегорическія изображенія дѣйствительности. Такимъ путемъ г. Лонгиновъ открываетъ: въ 10 соколахъ, напускавшихся на стадо лебедей (тогда пушашеть...) — 10 воиновъ-богатырей, избивавшихъ цѣлыя войска враговъ (стр. 38—39); въ лебединыхъ *крыльяхъ* обиды, которыми она заплескала у синяго моря — отряды сторонниковъ крамольнаго Тмутороканскаго князя Олега; Половцевъ, составлявшихъ крылья или плечи его войска» (131 стр.); въ «сулицахъ лядскихъ и щитахъ Ярославичей и Мстиславичей — оружіе польскихъ дружинъ, какъ войскъ вспомогательныхъ, по союзу съ польскими князьями» (стр. 204), и проч. (стр. 190, 197, 200: «дебрь किसानя есть символическое изображеніе той *жирной печали*, которая затопила русскую землю»). Иногда путемъ раскрытія аллегорій, авторъ въ одномъ и томъ же образномъ выраженіи Слова указываетъ три разныхъ явленія. Такъ, напримеръ, въ выраженіи «до куръ» Тмутороканя онъ видитъ: или титулъ *куръ* вмѣсто *кыръ* — господинъ, или куролесника, озорника Бояка, или его полководца князя Курю, или, наконецъ, куроновъ (корсь), до земель которыхъ простирались на сѣверѣ колоніи полочанъ (стр. 154). Вотъ здѣсь-то и отозвалось особенно гибельно на изслѣдованіи г. Лонгинова его невниманіе къ широкимъ сравненіямъ Слова съ народной поэзіей. Но я продолжу разборъ изысканій автора о князьяхъ. Замѣчу прежде всего, что

подъ Глѣбовичами (въ обращеніи къ в. кн. Всеволоду: «ты бо можеша по суху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы») нельзя разумѣть Рязанскихъ князей Романа, Игоря, Всеволода и Владимира, какъ хочеть доказать г. Лонгиновъ на стр. 7, такъ какъ по лѣтописи (напр. Лаврентьевск. 1177, 1187 гт.) и Глѣбъ Рязанскій и его дѣти находились постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ в. кн. Всеволодомъ; только въ 1183 г. они участвовали въ походѣ на Болгарь, но и тутъ отличился Изяславъ Глѣбовичъ, и лѣтопись говоритъ только объ его подвигахъ. Поэтому, я присоединяюсь къ болѣе правильному, на мой взглядъ, заключенію Д. И. Иловайскаго (Исторія Россіи, Владимірскій періодъ, ч. II, 227 стр.), что подъ Глѣбовичами Слова о П. И. должно разумѣть не Рязанскихъ Глѣбовичей, а — Изяслава Глѣбовича и Владимира Глѣбовича Переяславскаго, упоминаемаго и въ Словѣ и въ лѣтописи съ сочувствіемъ.

Отождествленію Владимира Мономаха съ Трояномъ Слова посвящена почти вся вторая глава изслѣдованія г. Лонгинова, въ которой онъ старается доказать, что «вѣчи Трояна» и «сѣдмой вѣкъ Троянь» надо понимать по отношенію къ жизни Владимира Мономаха (стр. 120—121), что «земля Трояна» — Черниговское княжество, которое отнялъ у Владимира Мономаха Олегъ, «зачинщикъ обиды» (136), а «тропа Трояна» — побѣдные походы Владимира Мономаха чрезъ Половецкія степи на Кіевскія горы (113—114). Чтобы показать, какъ шатки при этомъ нѣкоторыя основанія г. Лонгинова, я остановлюсь «на сѣдмомъ вѣцѣ Трояни». Слѣдуя Тихонравову и друг., присоединявшимъ послѣднее выраженіе къ предшествующему, «которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкой на сѣдмомъ вѣцѣ Трояни», г. Лонгиновъ указываетъ на знаменательное отношеніе перваго нападенія Половцевъ на Русь въ 1061 г. съ годомъ рожденія Владимира Мономаха въ 1053 г. Но еще ближе это числовое отношеніе съ годомъ смерти великаго князя Ярослава въ 1054 г. Въ такомъ случаѣ выраженіе — «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля», соответствующее слѣдующему выраженію — «были

пльди Олговы, Ольга Святъславича», представляетъ Трояна тожественнымъ съ Ярославомъ. Въ самомъ началѣ Слова о Полку Игоревѣ говорится уже о пѣсняхъ въ честь Ярослава стараго; затѣмъ Всеславъ «распибе славу Ярославу» въ Новгородѣ и наконецъ въ извѣстномъ загадочномъ выраженіи Слова: «рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца», несомнѣнно, говорится о «старомъ времени Ярославля». Для тѣхъ изслѣдователей Слова, которые подъ «старымъ Владимиромъ» разумѣютъ Владимира Мономаха, а не Владимира Св., «лѣта Ярославля» представляются древнѣйшими. Мы не стоимъ за это сближеніе и приводимъ его только въ противовѣсъ соображеніямъ г. Лонгинова, высчитывающаго 7 вѣкъ = годъ отъ рожденія Мономаха до перваго нашествія Половцевъ. И ранѣе г. Лонгинова указывали на Владимира Мономаха для объясненія «стараго Владимера» и «Трояна» Слова; но никто не искалъ разгадки всѣхъ затрудненій при изученіи Слова въ одной эпохѣ Владимира Мономаха и въ его личности, какъ это провелъ въ своемъ изслѣдованіи г. Лонгиновъ. Этой исключительной задачей и объясняется невниманіе автора къ разбору всѣхъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи обращеній «пѣвца Слова» къ князьямъ (стр. 202). Укажемъ главные выводы г. Лонгинова объ отношеніи Владимира Мономаха къ слову о Полку Игоревѣ. Боянъ является исключительно пѣвцомъ Мономаховой эпохи (29 стр.); всѣ его «припѣвки», къ числу которыхъ, вслѣдъ за Ѳ. И. Буслаевымъ (Историч. Очерки Русской народной Словесности I т.), г. Лонгиновъ относитъ и такія выраженія Слова, которыя не сопровождаются указаніемъ на Бояна, — онъ объясняетъ непосредственнымъ отношеніемъ къ эпохѣ Владимира Мономаха. Такъ, напр., по поводу выраженій: «комони ржутъ за Сулою» и «по Рсіи и по Сули грады подѣлиша», г. Лонгиновъ выбираетъ изъ лѣтописей всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается Сула въ эпоху Мономаха (стр. 31—33), причемъ многія изъ этихъ мѣстъ не имѣютъ прямого отношенія къ разсматриваемымъ выраженіямъ Слова. Стремленіе автора дѣлать изъ сближеній Слова п лѣтописей са-

мые широкіе выводы проявляется въ сближеніяхъ извѣстныхъ лѣтописныхъ рѣчей Владимира Мономаха (подъ 1097 и 1103 гг. въ Ипат. лѣт.) съ описаніями бѣдствій русской земли отъ половцевъ и княжескихъ крамолъ по Слову о Полку Игоревѣ, причемъ г. Лонгиновъ видитъ въ Словѣ «перефразировку» изъ лѣтописи (стр. 137). Еще менѣе основаній признавать въ «Трояновой землѣ» Слова—Черниговъ, уступленный Мономахомъ Олегу Гориславичу (136). Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что, слѣдую г. Гонсіоровскому, г. Лонгиновъ признаетъ «Гориславичей» особо отъ Олега (стр. 127 «Олегомъ и другими Гориславичами», стр. 135 «обиды, наслѣяныя Гориславичами», стр. 150 «всѣ язвы накованныхъ Гориславичами крамолъ»). Конечно, это отдѣленіе знаменательнаго эпитета отъ Олега не имѣетъ за себя прочныхъ основаній. Обиліе прозвищъ «Гориславъ», «Горислава» у русскихъ и вообще у славянъ съ древнѣйшихъ временъ можно видѣть хотя бы, напр., по «Славянскому Именослову» Морощкина, 1867 г., стр. 62. Нельзя не припомнить здѣсь и извѣстнаго разсказа въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1128 г. о Полоцкой «Гориславѣ», жегѣ великаго князя Владимира I, со словъ «вѣдущихъ» (черезъ 150 лѣтъ послѣ событія), въ объясненіе того, почему «мечь взпмаютъ Роговоложи внуци противу Ярославимъ внукомъ». Этотъ легендарный разсказъ съ тенденціей имѣетъ значеніе и для опредѣленія историческаго значенія нѣкоторыхъ деталей Слова о Полку Игоревѣ, не сходящихся съ лѣтописями. Въ виду этого едва-ли можно дѣлать такіе историческіе выводы изъ всѣхъ подробностей Слова, какъ это дѣлаетъ г. Лонгиновъ. Поэтому мы не можемъ согласиться съ намъ въ приписываніи Владимиру Мономаху и его времени всѣхъ указаній Слова на прошлыя событія до похода Игоря Святославича въ 1185 г.

Еще менѣе основаній признавать солнечную божественную генеалогію князей, начиная съ Дажь-Бога—Владимира I (150 стр.), Дажь-божьего внука—великаго князя Всеволода Ярославича (141 стр.), Хорса—великаго князя Изяслава (163—

165) и до Игоря Святославича, отнесеннаго г. Лонгиновымъ къ солнечной системѣ Трояна (177 стр.). Кромѣ отдаленныхъ сближеній Слова съ лѣтописями, г. Лонгиновъ пользуется еще предположеніями, догадками. Вотъ, напр., какъ онъ старается доказать, что Всеславъ полоцкій перерыскивалъ путь великому Хорсу — солнцу, подъ которымъ разумѣется великій князь Изяславъ: «Лѣтописецъ не записалъ часа, когда совершилась катастрофа (т. е. когда великій князь Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева въ Польшу, а Всеславъ, освобожденный изъ «поруба» Кіевлянами, сдѣлался великимъ княземъ), но, по смыслу былины, рѣшительный переломъ наступилъ до солнечнаго восхода» (стр. 156). Во всемъ разказѣ Слова о Всеславѣ полоцкомъ г. Лонгиновъ видитъ отраженіе «былины, начинающейся прыжкомъ Всеслава къ Кіеву и кончающейся побѣдой Всеслава надъ Изяславомъ на поприщѣ соревоанія» (стр. 164), отраженіе «мнеа о единоборствѣ солнца съ волкомъ» (стр. 158).

Изъ всѣхъ этихъ соображеній автора разсматриваемаго изслѣдованія о князьяхъ заслуживаетъ вниманія только разборъ отношенія нѣкоторыхъ мѣстъ Слова къ Владимиру Мономаху и нѣкоторыя объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова. Дѣйствительно, Владимиръ Мономахъ, котораго лѣтописи называютъ въ XII—XIII вв.: «великій» (Новгор. I, 1125 г.; Лаврент. 1176 г.; Ипатьев. 1140, 1149 гг.), «прослувыи въ побѣдахъ» (Лавр. 1125 г.), «страшный поганымъ» (Ип. 1126 г.), «погубившій Половцевъ, приемшій землю ихъ всю» (1201 Ип.), долженъ былъ играть выдающуюся роль въ сказаніяхъ и пѣсняхъ о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ крамолахъ, наступившихъ при внукахъ Мономаха и при Святославичахъ. Но нельзя всѣ преданія «стараго того времени» въ Словѣ объяснять однимъ временемъ Мономаха и его личностью. Если взвѣсить отношенія отдѣльныхъ предложеній въ Словѣ, ихъ складъ, если принять во вниманіе значеніе отдѣльныхъ повторяющихся выраженій, то нельзя, кажется, не признать справедливость того мнѣнія, по которому подъ «старымъ Владимиромъ» можно разумѣть великаго

князя Владимира I Святого. Приведу въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣкоторыя собственныя соображенія. Авторъ Слова называетъ «старымъ» — Ярослава I, а въ извѣстномъ мѣстѣ — «того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити (можетъ быть, здѣсь пропущено слово: «стязи», ср. ниже) къ горамъ Кіевскимъ¹⁾; сего бо (очевидно, разумѣется другой Владимиръ, т. е. Мономахъ) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы», — въ первомъ случаѣ разумѣеть Владимира I. Едва-ли бы подходило къ Владимиру Мономаху опредѣленіе Слова, предшествующее приведенному выраженію — «того стараго Владимира» — «помянувшие пръвую годину и пръвыхъ князей». Только Владимиръ I и Ярославъ I, а никакъ не Владимиръ Мономахъ, умершій всего за 60 лѣтъ до похода Игоря, могли считаться въ концѣ XII вѣка «старыми». Не могу также не видѣть въ приведенномъ мѣстѣ двухъ Владимировъ — «того» и «сего», принимая во вниманіе проведенное во всемъ Словѣ различіе въ употребленіи этихъ мѣстоименій. Приведенное мѣсто въ отмѣченномъ выраженіи «нынѣ» представляетъ соотвѣтствіе съ началомъ Слова: «почнемъ повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Можетъ быть, и въ Троянѣ справедливе будетъ видѣть отношеніе къ «старымъ первымъ князьямъ» до Ярослава I. Но объ этомъ я буду говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, въ продол-

¹⁾ Не входя въ подробности укажемъ здѣсь нѣкоторыя небезынтересныя данныя для объясненія этого намека Слова на монументальныя и вещественныя воспоминанія о Владимирѣ I Св. У Карамзина въ Ист. Госуд. Росс., примѣч. къ I т., 136 приводится свидѣтельство Дитмара (Chronicon въ концѣ VII кн.) о монументѣ Владимира I, который стоялъ посреди церкви подлѣ гробницы супруги его. Наши лѣтописи упоминаютъ о мечахъ и стягахъ — знаменахъ, которые ставились на могилахъ и гробницахъ князей въ церквахъ (напр. подъ 1137 г. Тверск. лѣт. П. С. Р. I. XV т., 200 стр. въ Псковѣ надъ могилой кн. Всеволода Мстисл. въ церкви «поставиша его мечъ, иже и донынѣ стоитъ, видимъ всѣми»). Выше мы уже привели (стр. 52) свидѣтельство лѣтописей о вооруженіи и одеждахъ «старыхъ» князей (какъ Владимиръ I, Ярославъ I), которыя вывѣшивались въ церквахъ на память о князьяхъ. Вѣроятно, въ разсматриваемомъ мѣстѣ Слова намекается на утрату вслѣдствіе вражескихъ вторженій въ Кіевъ (напр. Половцевъ) подобныхъ монументальныхъ и вещественныхъ воспоминаній о Владимирѣ I.

женіи моей печатной работы о «Словѣ о Полку Игоревѣ». Я упомянулъ, что въ разсматриваемомъ отдѣлѣ изслѣдованія г. Лонгинова встрѣчаются отдѣльныя удачныя объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова, напр. «стружія» (стр. 157—158), какъ древка, стержня хоругви, а не копья, какъ думали прежде. Г. Лонгиновъ удачно основываетъ при этомъ одно изъ главныхъ доказательствъ своего толкованія на параллельномъ мѣстѣ Слова: «бѣла хоруговь, сребрено стружіе храброму Святъславичу». Болѣе или менѣе основательно объяснены выраженія «хвинова» (77—81), «жребій» (19), «древо» (48), «голова» (64), и др.

Къ числу такихъ же болѣе или менѣе вѣролтныхъ объясненій автора относятся его соображенія и доказательства о народѣхъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, какъ напр. объ отношеніи Курска, курянь къ Новгородъ-Сѣверску (стр. 179 и д.). Но за то никакъ нельзя согласиться съ объясненіями автора «деремелы и кощелъ» изъ такихъ словъ, какъ «изверги, кагы, дерьмо» (81 стр.), «кощунникъ» (81 стр.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что подъ Деремелой можно разумѣть литовское племя (позволю себѣ указать здѣсь на литовское слово «drimelis,—io Lümmel, какъ переводить Куршатъ «Wörterbuch der Litauischen Sprache»; ср. еще у него же «derejimas — ein Bund, das Dienen, и проч. Деремела = drimelis соответствовала бы другимъ выраженіямъ Слова, въ родѣ «Тьмутароканскій блъванъ, поганый Половчине», и проч.), а подъ «кощеемъ» — названіе работника въ одномъ изъ тюркскихъ языковъ (ср. у меня въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», 1894 г., вып. 1, стр. 36). Къ сожалѣнію, въ извѣстномъ половецкомъ словарѣ «Codex Cumanicus» (по изд. гр. Куип'а и акад. Радлова) нѣтъ соответствующаго слова въ томъ же значеніи.

Что касается мѣстныхъ названій въ Словѣ, то къ числу неудачныхъ объясненій г. Лонгинова надо отнести его толкованія «Немига» и «Каялы», какъ нарицательныхъ названій съ переноснымъ значеніемъ: «Немига, Немиза — Немезида (стр. 170); Каяла — мѣсто пытки, казни, или суженое мѣсто» (стр. 232).

Страсть къ аллегорическимъ толкованіямъ приводитъ автора къ произвольному сопоставленію даже Бояновскаго выраженія «ни птицю горазду» съ «намекомъ на рѣку Птичу южняѣ г. Минска», на которой, по предположенію автора, находились и «Дудутки» — нынѣшнее село Дудичи (стр. 170).

Прежде чѣмъ перейти къ разбору переложенія Слова г. Лонгиновымъ, я возвращусь къ упреку, высказанному мною выше: почему авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не обратилъ должнаго вниманія на изученіе Слова въ связи съ народной поэзіей, почему не разграничилъ элементы историческіе въ Словѣ отъ поэтическихъ? Я думаю, что это произошло отъ того, что авторъ своеобразно понялъ задачу изслѣдованія Слова со стороны исторіи и мѣта, понимая подъ послѣднимъ «литературныя основы» Слова, «поэтическія красоты» (1—4 стр.). Но и эти послѣднія, какъ я указалъ выше, авторъ постарался свести къ историческимъ выводамъ. Такимъ образомъ, авторъ совершенно упустилъ изъ виду черты народной поэзіи въ Словѣ, начиная съ условныхъ эпитетовъ, параллелизма, склада рѣчи до расположенія всего Слова и отдѣльныхъ частей его по запѣву, — приступу и заключенію съ славой, по рѣчамъ Игоря, Святослава, бояръ, рѣки Донца, по предзнаменованіямъ и сопутствующимъ природнымъ явленіямъ несчастному походу Игоря и возвращенію его изъ плѣна, по истолкованію сна Святослава, по плачу Ярославны и возвращенію ея мужа. Стоитъ только припомнить условныя «опредѣленія времени въ народной поэзіи, условныя изображенія битвъ въ образахъ пира, свадьбы, земледѣльческихъ работъ, условнаго появленія не только животныхъ, но и такихъ существъ, какъ «обида», «дьявъ» языческія божества, чтобы удержаться отъ соединенія всего этого съ историческими подробностями, отъ одинаковаго истолкованія тѣхъ и другихъ. Я позволю себѣ привести здѣсь болѣе или менѣе выдающіеся примѣры сопоставленій Слова съ русской народной поэзіей, ограничиваясь немногими примѣрами, подобранными мною самостоятельно, и сошлюсь на нѣкоторые примѣры, указанные въ трудахъ, посвя-

ценныхъ изученію Слова въ связи съ русской народной поэзіей. При ссылкахъ на послѣднее изданіе «Русскихъ былинъ старой и новой записи, подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. О. Миллера», 1894 г., я буду сокращенно отмѣчать «Р. Б.» и страницы.

Остановимся прежде всего на условныхъ опредѣленіяхъ времени и мѣста. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчаемъ, между прочимъ, такія опредѣленія времени: *тогда* (тогда Игорь възрѣ на солнце; тогда вступи Игорь въ златъ стремянь; тогда при Олзѣ Гориславличи; тогда по русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть); съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта; си ночь съ вечера, всю ночь съ вечера; прысну море полунощи, комонь въ полуночи; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи; другого дни вельми рано, давеча рано предъ зорями, Ярославнынъ гласъ *рано* кычетъ; бишася день, бишася другой, *третьяю* дни, — темно бо бѣ *въ третій* день, и проч. Укажемъ еще хотя нѣкоторыя подобныя же опредѣленія мѣста въ Словѣ: *ту* (ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти; ту ся брата разлучиста, — ту кроваваго вина не доста, ту пирь докопчаша русичи; ту нѣмци и венедици, ту греци и морава; не бысь ту брата Брячислава; ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата); въ полѣ незнаемѣ (Игорь поѣха по чистому полю, дремлетъ въ полѣ гяѣздо, въ полѣ безводнѣ, чресъ поля на горы, конецъ поля половецкаго) среди земли Половецкыи; въ Кіевѣ на горахъ, къ горамъ кіевскимъ; на брезѣ синему морю, и проч. Приведу теперь соотвѣтствующіе примѣры изъ народной поэзіи: «зазвонили честну раннюю заутреню, — Читали третью каѳизму воскресенскую. Еще ѣдетъ осударь по чисту полю». Р. Б., стр. 10; «На зарѣ-то было, зарѣ утренней, На разсвѣтничкѣ свѣту бѣлаго, На восходѣ-то солнца яснаго, Отъ сна Илья пробуждается» (Кирѣевскій, Пѣсни, I, 7—8 стр.); «Бѣжалъ онъ день до вечера, Темную ночь до бѣла свѣта» (Тамъ-же, стр. 8—9), и т. п. Я не буду указывать всѣхъ положительныхъ хронологическихъ и топографическихъ выводовъ г. Лонгинова изъ подобныхъ услов-

ныхъ поэтическихъ опредѣленій Слова и отмѣчу, хотя бы, выводъ его изъ выраженія: «А древо не бологомъ листвіе срони»— (очевидно, просто: не къ добру)—«случилось это осенью 1185 г., когда деревья не по добру обнажились отъ листьевъ» (стр. 187); «каляльская битва кончилась между 9—10 час. утра. Надо полагать, что, при обращеніи къ солнцу съ нѣжными укорами въ немилости къ ладѣ, Ярославна была озарена(?) его лучами» (стр. 224); «неизвѣстно, — сколько времени протекло отъ выхода Игоря изъ своей палатки до свистка Лавра... Однако, слѣдуя указаніямъ Слова, можно полагать, что Игорь услышалъ свистъ уже ночью» (стр. 225). На стр. 256, примѣч. 69, г. Лонгиновъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія, замѣняетъ одинъ выводъ — другимъ, прежде высказанное предположеніе — новымъ: «А древо не бологомъ листвіе срони... Здѣсь вижу я указаніе не только на листопадъ, но и на понесенный Русью уронъ въ воинскомъ *стройѣ*», и проч.

Если бы г. Лонгиновъ обратился къ изученію Слова въ связи съ русской народной поэзіей, то не придалъ бы рѣшающаго значенія такимъ выводамъ, какъ: «отношеніе Донца къ Игорю и Стугны къ Ростиславу Огоновскій сравниваетъ съ отношеніемъ р. Скамандра къ Тролицамъ въ Иліадѣ» (стр. 67). Все это приводится въ доказательство того, что «авторъ Слова изучалъ Гомеровскія книги» (стр. 66). А, между тѣмъ, въ русской народной поэзіи находимъ множество примѣровъ подобныхъ разговоровъ съ рѣками, происхожденіе которыхъ надо искать, конечно, не въ Иліадѣ Гомера, а напримѣръ: въ былинѣ «Молодецъ и рѣка Смородина» у Гильфердинга, въ Онежскихъ былинахъ, № 262:

Оцъ взмолился-де рѣчки Смородинки:

«Ай-же ты матушка черная рѣчка Смородинка?

«Есть-ли черезъ тебя, рѣчка, переходы ты узкіе...».

Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:

«Ай ты удалый дородній добрый молодецъ» и проч.

Въ былинахъ о Садкѣ (напр. по «Древнимъ Россійскимъ сти-

хотвореніямъ № XXVI), Садко разговариваетъ съ Волгой, съ Ильмень-озеромъ; въ 5 вып. Пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ (стр. 95), мы встрѣчаемъ подобный же разговоръ Марьи Юрьевны, бѣгущей изъ плѣна, съ рѣкой. Въ Псковской лѣтописи встрѣчаемъ подобный же разговоръ съ олицетвореннымъ городомъ: «о славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеша? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія», и проч.

Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, какъ ученый юристъ, извѣстный своими пѣсколькими историческими работами (Червенскіе города, 1885 г., Грамоты малорусскаго князя Юрія II, и проч. 1887 г. и друг.), часто останавливается на объясненіи отдѣльныхъ выраженій Слова, причемъ приводитъ любопытныя ссылки на древнерусскіе юридическіе и историческіе памятники (напр. стр. 156 по поводу: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ города рядяше» — суды судить, ряды рядить). Но подобныя выраженія нерѣдко встрѣчаются и въ былинахъ и въ историческихъ пѣсняхъ, причемъ послѣднія дополняютъ даже значеніе этихъ выраженій: «Стань-ко (Илья) намъ суды судить, ряды рядить» (Рыбниковъ, III, 25); въ пѣсняхъ о Щелкапѣ: «Сидитъ тутъ царь Азвякъ суды разсуживаетъ И ряды разряживаетъ... Шурьевъ дарилъ Городами стольными». Параллельное изученіе языка, склада и образцовъ народной поэзіи съ Словомъ удержало бы автора разсматриваемаго изслѣдованія отъ широкихъ милологическихъ обобщеній, отъ историческихъ выводовъ изъ послѣднихъ. Въ народной поэзіи мы видимъ нерѣдко перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшія явленія. Отсюда уже не далеко до параллелизма, простого сравненія, украшающаго эпитета. Извѣстные образы Соловья-разбойника, Скума-звѣря переносятся въ былинахъ на короля и молодець (Р. Б., стр. 123 и 138):

Още крыкнулъ-то король да громкимъ голосомъ,
Още крыкнулъ онъ да по звѣривому,

Оше свиснуль-то видѣ онъ да по змѣиному . . .
 . . . И выходили молодцы на красно крыльцо,
 Засвистали молодцы по соловьиному,
 Заревѣли молодцы по звѣриному.

Конечно, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, составленномъ авторомъ-христіаниномъ, но при сильномъ воздѣйствіи русской народной поэзіи въ ея древнѣйшемъ видѣ, должно было имѣть особенное значеніе это перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшіе (старыхъ на нынѣшніе). Поэтому вполне основательны извѣстныя толкованія «дѣвы-обида» изъ соответствующихъ образовъ русской народной поэзіи, напр., изъ причитаній (впервые указано акад. А. Н. Веселовскимъ): «зла обидушка; Судинушка по бережку ходила, страшно-ужасно голосомъ водила, въ длани плескала, до суженыхъ головъ добералась; смеретушка; дѣвья красота съ лебедными крыльями», и проч. Есть нѣкоторое основаніе и въ сопоставленіяхъ «Дява» Слова съ вилами, дивскимъ старѣйшиной, дивьякомъ змѣемъ по сербскимъ пѣснямъ (г. Халанскій, Рус. Фил. Вѣстн. 1893 г., № 2). Образный языкъ Слова полонъ олицетвореніями, не идущими часто далѣе уподобленія, какъ: «печаль тече, тоска разлися, веселіе пониче, невеселая година встала, снесся хула на хвалу, тресну нужда на волю», и проч. Все это можно найти и въ современной народной поэзіи; но я не буду входить во всѣ частности по этому вопросу и ограничусь еще двумя небезынтересными примѣрами изъ русской народной поэзіи для объясненія Слова.

Для объясненія сна Святослава и особенно конца его, вспорченнаго въ передачѣ изд. 1800 г.: «бусови врани възгряяху», и проч., не лишена интереса слѣдующая подробность изъ исторической пѣсни (Кирѣевского, 5 вып., стр. 97): князю Роману «мало спалось, много видѣлось, будто спалъ злаченъ перстень съ меньшова перста, и разсыпался на мелкія зѣрнотка. Тутъ изъ далеча-далеча, изъ чиста поля прилетѣло стадо черныхъ вороновъ, расклевали мой злаченъ перстень». Княгиня объясняетъ ему сонъ.

Для насъ особенно интересно толкованіе «стада черныхъ вороновъ»—«наѣдутъ многи поганы Татарове». Несомнѣнно, такое же отношеніе должно существовать и между «вранами» Слова и погаными Половцами, по толкованію сна боярами Святослава. Въ другомъ мѣстѣ я буду подробнѣе говорить объ этихъ затруднительныхъ мѣстахъ Слова о Полку Игоревѣ. Еще Вс. Ѡ. Миллеръ привелъ нѣсколько южнославянскихъ пѣсенъ, въ которыхъ упоминается Троянъ; но, кажется, никто еще не обратилъ вниманія на слѣдующую русскую пѣсню, помѣщенную въ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г., на стр. 161: «На разсвѣтѣ было въ среду, На дорогѣ на Траяновой». Конечно, это мѣсто можетъ нѣсколько относиться къ «тропѣ Траяновой», хотя и не объяснять самого Трояна.

Перехожу теперь къ переводу Слова о Полку Игоревѣ г. Лонгинова (стр. 235—248). И здѣсь я долженъ начать съ замѣчанія о томъ, что, къ сожалѣнію, при переводѣ не помѣщенъ текстъ Слова съ поправками автора, которыя надо искать или въ переводѣ, или въ разсыпанныхъ по изслѣдованію отдѣльныхъ замѣчаніяхъ. Отсутствіе оригинальнаго текста Слова о Полку Игоревѣ сказывается еще въ одномъ неудобствѣ. Г. Лонгиновъ раздѣлилъ свой переводъ Слова на стихи. Ниже я укажу на нѣкоторыя удачныя стороны этого дѣленія; но теперь долженъ замѣтить, что по дѣленію перевода, безъ оригинала, трудно судить объ основаніяхъ автора въ этомъ вопросѣ. На стр. 249 онъ говоритъ объ этомъ довольно неопредѣленно: «при самостоятельномъ раздѣленіи Слова на стихи я слѣдовалъ мѣрному теченію, плавности рѣчи пѣвца, тщательно отгѣняя ее тамъ, гдѣ она переходитъ въ *припѣвы*».

Остановимся сначала на взглядѣ автора на дошедшій до насъ текстъ Слова, на приемахъ автора по возстановленію чтеній нѣкоторыхъ затруднительныхъ мѣстъ текста. Г. Лонгиновъ не раздѣляетъ взгляда тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ Словѣ пропуски п перестановки. По мнѣнію автора разсматриваемаго изслѣдованія, древній текстъ Слова «дошелъ до насъ въ довольно *пономѣ* и *исправномѣ* видѣ, по спискамъ, сдѣланнымъ, какъ надо

полагать, или конца XV, или XVI в.» (стр. 9); «текстъ Слова изданъ Мусинымъ-Пушкинымъ толково и съ весьма небольшими погрѣшностями» (стр. 8). Однако г. Лонгиновъ, оставивъ неприкосновеннымъ порядокъ рѣчи въ Словѣ, допустилъ много измѣненій въ пунктуаціи и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и фразахъ Слова.

Для удобства я укажу сначала на текстъ Слова, которымъ пользуется авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, затѣмъ отмѣчу выдающіяся измѣненія пунктуаціи и отдѣльныхъ выраженій въ Словѣ, причемъ остановлюсь на нѣкоторыхъ неосновательныхъ исправленіяхъ автора и предложу собственныя соображенія по исправленію текста Слова, и наконецъ скажу о характерѣ перевода г. Лонгинова, преимущественно о подборѣ словъ и выраженій.

Г. Лонгиновъ не указалъ на то, какимъ исправленнымъ текстомъ Слова предпочтительно онъ руководствовался; но изъ его цитатъ видно, что онъ часто пользовался исправленнымъ текстомъ Буслая и Потебни (см. объ этихъ исправленіяхъ въ упомянутомъ первомъ выпускѣ моихъ лекцій о «Словѣ о Полку Игоревѣ», 1894 г., стр. 54—55); поэтому у г. Лонгинова находимъ слѣдующія отступленія отъ изданія 1800 г.: Къевскимъ, сиа, старого (стр. 18); Касожьскими, Святъславличу, помняшетъ (17 стр.); похытимъ (стр. 54) и др. Но рядомъ съ этимъ исправленнымъ текстомъ г. Лонгиновъ приводитъ выдержки и по изд. 1800 г. Принявъ нѣкоторыя поправки въ разстановкѣ знаковъ препинанія въ Словѣ отъ предшественниковъ, г. Лонгиновъ предложилъ и нѣсколько самостоятельныхъ. Приведу послѣднія, причемъ въ скобкахъ отмѣчу пунктуацію изданія 1800 г.

Стр. 100: «не такъ оля (такъ ля), рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши, — чужи ручьи (,) и стругы рострена къ усту (?), — уношу: Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ». Въ переводѣ г. Лонгинова это передано слѣдующимъ образомъ: «Не такъ лишь», сказалъ онъ, (учинила) рѣка Стугна: Худую струю имѣя, *пожравшая*, — Будучи чужими ручьями и

стержнями расперта къ устью, — *Уношу*: князю Ростиславу затвори Днѣпръ, при темномъ берегѣ». Не входя въ разборъ всего этого мѣста, нѣсколько исправленнаго Козловскимъ, поправку котораго «при темнѣ березѣ» г. Лонгиновъ ввелъ только въ переводъ; однако, при этомъ, не принявъ другой поправки Козловскаго «простре» (Древности и Труды Московск. Археол. Общ., XIII т., II в., 12 стр.: «Не тако-ли рече-рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, истругы простре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ? При темнѣ березѣ плачется мати», и проч.). Поправки Козловскаго, если къ нимъ прибавить и еще нѣкоторыя, имѣютъ за себя вѣскія научныя основанія; прибавлю еще, что «уношу» нельзя отдѣлять отъ «князю Ростиславу», какъ дѣлаетъ это г. Лонгиновъ, такъ какъ ниже въ этомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ читаемъ: «плачется мати Ростиславя по уноши князи Ростиславѣ». Это такой же нераздѣльный эпитетъ, какъ: «буй туръ Всеволодъ, яръ туръ Всеволодъ, Кончакъ поганый кощей, раны Игоревы буюго Святославлеча, при Олзѣ Гориславлечи».

Стр. 186 «А Святославъ мутенъ сонъ видѣ (:) въ Киевѣ на горахъ». Эту поправку г. Лонгинова можно признать основательной, въ виду того, что начало разсказа Святослава о снѣ: «си ночь съ вечера» повторяется въ концѣ разсказа: «Всю ночь съ вечера босувн врани», и проч. (стр. 189). Кромѣ того г. Лонгиновъ указываетъ на соответствіе съ запѣвомъ въ плачѣ Ярославны: «Ярославна рано плачетъ въ *Путималѣ* на *забралѣ*».

Стр. 190 «И нѣгуютъ мя (:) уже дьскы безъ кнѣса» (стр. 241 «и упокояютъ мене уже доски безъ кнѣса»). Съ этой поправкой нельзя согласиться: 1) соединеніе предложеній «чръпахуть . . . сыпахуть . . . и нѣгуютъ» соответствуетъ — «галици говоряхуть . . . хотять полетѣти», «красныя дѣвы въспѣша . . . поють время»; 2) «нѣгуютъ мя» только завершаетъ описаніе сна: «одѣвахуть паполомоу, чръпахуть вино, сынахуть великій жемчюгъ» (здѣсь можетъ быть принята догадка г. Лонгинова, что Свято-

славъ видѣлъ себя во снѣ покойникомъ и всѣ эти образы — только части древняго княжескаго погребенія).

Стр. 196 «Въ пламянѣ розѣ» (.) жены Русскія въ сплалася» («Въ пламенной розѣ жены русскія расплакались», стр. 240). Ничто не препятствуетъ читать, какъ принято: «смагу мычучи въ пламянѣ розѣ»; ср. «на снѣгѣ море у Дону плещучи», «звонячи въ прадѣдную славу», «легѣючи корабли на снѣгѣ морѣ». Поправка эта неосновательна.

Стр. 103—104 «Нѣ розѣ) и (ихъ) нося, имъ хоботы папуть (.) копіа. Дѣвици поють на Дунаѣ» (246 стр.: «Но, когда розно ихъ носятъ, имъ въ хвостъ и гриву дуютъ Копья (Дѣвицы) поють на Дунаѣ» . . .). Эта поправка также неосновательна. Общепринятая поправка съ 40-хъ годовъ (Дубенскаго) «розно» вм. «рози нося» вполне основательна.

Перехожу теперь къ исправленіямъ отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ фразъ въ Словѣ. Г. Лонгиновъ, какъ я уже замѣтилъ, отвергаетъ необходимость допустить перестановки въ текстѣ Слова; но считаетъ вполне возможнымъ, какъ и г. Барсовъ, раздѣлять слова (одни сокращать, другія восполнять) и дополнять ихъ, по палеографическимъ и филологическимъ соображеніямъ, недостающими буквами. Въ скобкахъ ставимъ чтенія Слова по изданію 1800 г.

Стр. 76 «почнуть наю птицъ и (птици) бити». Переводъ, стр. 248: «почнуть нашихъ птицъ и бити». Напрасно г. Лонгиновъ думаетъ, что нельзя переводить «наю» — насъ; нельзя переводить «вашихъ».

Стр. 77 «угрозы (до Дуная. Грозы) твои (твоя) по землямъ текутъ». Въ лѣтописяхъ можно найти множество примѣровъ, какъ и въ самомъ Словѣ (Святъславъ грозный Великій Кіевскій. Грозою бяшетъ, и проч.), на частое употребленіе «гроза», какъ дѣйствія челоуѣка. Между тѣмъ г. Лонгиновъ и читаетъ и переводитъ послѣднее мѣсто Слова «угрозою» (стр. 240), а первое — имъ же исправленное «грѣзъ» (стр. 243) и въ 44 прим. къ первому мѣсту (стр. 254) указываетъ на употребленіе въ ак-

тахъ выраженія «гроза» вм. «угроза». Къ чему же тогда измѣнить это мѣсто Слова?

Стр. 129 «Вступи (Вступилъ) глѣдѣвою (дѣвою) на землю Трояню». Переводъ на стр. 240: «вступила мерзкою на землю Трояню». Это нововведеніе г. Лонгиновъ основываетъ на различныхъ филологическихъ и мифологическихъ выводахъ, которые не выдерживаютъ критики. Нѣтъ никакихъ основаній «олядѣвать, ядина = terra inculta», «лодаръ» связывать съ этимъ впервые выставляемымъ словомъ «глѣдѣва». Нѣтъ и препятствій видѣть въ одномъ изъ народныхъ образовъ дѣвы — существо враждебное, представительницу злого начала (ср. у г. Лонгинова, стр. 130—132 «воплощеніе злого начала — обиды въ дѣву. . . безъ присоединенія соотвѣтственнаго эпитета, было бы, кажется, противно древнерусскимъ эпическимъ приемамъ»).

Стр. 192—193. Совершенно новымъ и наиболѣе неудачнымъ исправленіемъ отличается слѣдующее затруднительное мѣсто Слова: «Всю ночь съ вечера босуви врани възгряху Оу плѣсьнска на болони, бѣша дебрь кисаню, И нес(л)о шлю(хъ) къ синему морю». Г. Лонгиновъ оправдываетъ эти прибавленныя буквы по догадкѣ не вполне основательно: «несо» — форма невозможная и нисколько не походитъ на «земя, баслови», такъ какъ «л» въ этихъ послѣднихъ случаяхъ — результатъ смягченія губныхъ (мл, бл) и можетъ легко перейти въ j, или исчезнуть (мја = м'а; бја = б'а); изъ «несло» же не можетъ непосредственно явиться «несо». Затѣмъ, неудачны и толкованія: бѣша = бѣся, дебрь = юдоль, кисаню = квашную. Безъ сомнѣнія, въ «несошлю» (по изд. 1800 г.) только и можно видѣть «несоша ю» или «я».

Стр. 189 «Си ночь съ вечера одѣвахъ темя» (въ изд. 1800 г.: «одѣвахъ те мя»); на стр. 241 переведено: «въ сію ночь, съ вечера, одѣвалъ я темя, сказалъ онъ, черною пеленою на кровати перловой». Эта догадка принадлежитъ, собственно, Вс. О. Миллеру (см. о ней «Слово о П. И.», Е. В. Барсова, II т., 219 стр.),

но основательнѣе читать «одѣвахуть мя», какъ тутъ же «чръпахуть ми, сыпахуть ми».

Г. Лонгиновъ иногда, безъ всякаго внутренняго основанія, чисто механически, выдѣляетъ частицы и выраженія изъ словъ текста Слова 1800 г., напр. три раза выдѣляетъ «нъ» въ значеніи «однако»: 1) 237 стр. «не было, однако, на обиду порождено» = «не былонъ обидѣ порождено»; давно уже указано, что вм. «нъ» здѣсь должно читать «въ», или «къ»; 2) стр. 242 «однако, не честно вы одолѣли» = нъ нечестно; 3) стр. 246 «Ярославны, однако, голосъ слышится» = «Ярославнынъ гласъ слышится».

Стр. 63 и 244. Напрасно г. Лонгиновъ удержалъ чтеніе изд. 1800 г. «Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи и схотию на кровать, и рекъ»; «онъ съ вожделѣнною, на кровать, — и рекъ». Е. В. Барсовъ (Слово о П. И., т. II, стр. 245) прекрасно, по нашему мнѣнію, разгадалъ одну часть этого темнаго мѣста: «на крови (а) тѣй рекъ». Я бы предложилъ, съ своей стороны, читать «и схотию» = «и слово ту», какъ въ извѣстномъ мѣстѣ: «Рекъ Боянъ и ходы» = «рекъ Боянъ и слова» или «словеса». Ср. «Святославъ изрони злато слово. . . и рече». Палеографически можно объяснить сходство начертаній «л» и «х», «в» и «т» по рукописямъ, напр. по «Палеографическимъ снимкамъ Саввы, 1863 г. Дополненія, таблица VIII «алфавиты славянскіе разныхъ вѣковъ»: «х» и «л» 1493 г.; «в» 1623 г., «в» 1599 г.». Не буду останавливаться на возможности объяснить это чтеніе съ помощію подстановки лигатуръ и надстрочныхъ знаковъ. Г. Барсовъ перевелъ это мѣсто: «и съ Хотіемъ на крови, и тотъ проговорилъ». Этотъ «Хотій» совершенно лишнее лицо. По глгописямъ остроумное «слово» изрекается княземъ или «мужемъ смысленымъ» вообще по поводу извѣстнаго происшествія; поэтому я читаю: «и слово ту (или «то») на крови тѣй рекъ»; «на крови той» = «на кровавѣ травѣ». На стр. 55—248 г. Лонгиновъ переводитъ «Рекъ Боянъ и ходы» — «рекъ

Боянъ и выходки на (сына) Святославова»; выходки—ходъ словесный, притчи (стр. 55). Это объясненіе произвольно.

Недостатки перевода г. Лонгинова проявляются и въ подборѣ словъ, такъ какъ онъ оставляетъ нѣкоторыя старинныя выраженія безъ перевода, или вводитъ самъ отчасти старинныя выраженія, отчасти діалектическія, или подыскиваетъ совершенно неподходящія слова. Удерживая выраженія оригинала, г. Лонгиновъ опирался на предпочтеніи «буквальнаго перевода» (стр. 21), на «стремленіи достигнуть полноты и возможной точности перевода, съ сохраненіемъ синтаксическихъ приемовъ древнерусскаго пѣсеннаго творчества, не пропуская ни одного слова, ни одной частицы, не позволяя себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ подлинника въ словорасположеніи» (стр. 249). Но эти строгія требованія вызвали непослѣдовательность. Съ одной стороны, мы читаемъ въ переводѣ г. Лонгинова: «стяги глаголють, червлеными щитами, златымъ шеломомъ, тоже звонъ (стр. 238); жирныя времена, печаль жирная (240); каютъ князя Игоря, вино съ трудомъ смѣшанное (241); храбрая мысль носятъ (въ) васъ умъ на дѣло (243); обвѣсилъ въ синемъ туманѣ» (245); съ другой стороны, находимъ такія отступленія: «слово — сказаніе, повѣсть — извѣстіе, рѣчь — молва, поостри — поопряжь (235); къмети — ребята (236), блъвангъ — пентюхъ, кричатъ телѣгы — рыпятъ телѣги (малоруссизмъ) (237); уже ты не Шеломянемъ еси — уже ты не верхомъ (а выше, 237 стр., тоже самое выраженіе переведено: «уже ты завершаешь»; впрочемъ, въ первомъ случаѣ г. Лонгиновъ не признаетъ необходимости замѣнить «не» — «за») (238); ратаи кикахуть — пахари кишкали, уедіе — проѣденъе (239); смагу — пекло, се мое — сіе мое (240); жиръ вой — богатырей воинновъ, се бо — сіе вѣдь (значить) (241); кощей — кошунникъ, шерешеры — выжигами (243); первѣе — наперво (245); кычетъ — кичится (246); нелюбія — неприятности» (247). Сдѣлаю еще двѣ-три замѣтки о нѣкоторыхъ филологическихъ приемахъ автора. На стр. 218, прим. 3, переводя «потручати — потолочься», авторъ опирается на посред-

ственный Малорусско-Червонорусскій Словарь г. Пискунова, возводя «потручати» къ малорусскому «тручати» — толкать. Между тѣмъ нѣтъ никакой нужды въ этомъ малорусскомъ «тручати», такъ какъ и у Даля (Живой Словарь Великорусск. нар.) и у Миклошича (Lexicon palaeo-slov.) находимъ: «троутити — троштѣж», слѣдовательно, русское «тручу», отсюда «тручати»; «труть — трутитъ» въ значеніи «притупиться, изломаться, известись отъ труда тренія»; — слѣдовательно, къ саблямъ это гораздо больше идетъ, чѣмъ «потолочься». На стр. 168, передѣлывая «возни стрякусы» въ «вожжи стрякусы — возжонными кольями», г. Лонгиновъ опирается на переходъ ж въ з, между прочимъ, въ такихъ примѣрахъ, какъ «лязите — ляжьте»; но эти формы объясняются аналогіей формъ спряженія; что касается перехода ж въ з, то онъ имѣетъ мѣсто въ псковскихъ памятникахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, не въ такихъ, какъ предполагаемое «вожжи» изъ «возни». Г. Лонгиновъ не упоминаетъ въ этомъ случаѣ о палеографической поправкѣ Козловскаго: «вознзя», старосл. «възньзити — вонзитъ». Всѣ отмѣченные недостатки въ изслѣдованіи г. Лонгинова не исключаютъ, однако, возможности указать въ немъ и положительную сторону. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не только внимательно изучилъ литературу предмета и указалъ нѣкоторые недостатки въ выдающихся изслѣдованіяхъ, но и присоединилъ къ изученію Слова о Полку Игоревѣ нѣкоторыя новыя данныя. Такъ, кромѣ многочисленныхъ сличеній Слова съ лѣтописями, онъ привлекъ къ изслѣдованію и другіе древнерусскіе памятники, какъ: «Слово неизвѣстнаго проповѣдника до-монгольскаго періода» (стр. 128—129), какъ различные переводные и оригинальные памятники литературы. Нѣкоторыя новыя чтенія г. Лонгинова, какъ уже замѣтилъ я выше, заслуживаютъ вниманія. Точно также заслуживаетъ вниманія и раздѣленіе Слова на стихи и особенно на части, такъ сказать — куплеты, заканчивающіеся припѣвами: «снискивая себѣ чести, а князю славы» (236—237 стр.); «за землю русскую» (235—239 стр.); «за землю русскую, за раны

Игоревы» (243—244 стр.), и много другихъ. Изслѣдованіе этихъ припѣвовъ въ связи съ другими сторонами пѣсеннаго склада Слова можетъ выяснитъ литературную сторону Слова. Наконецъ, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, при множествѣ объясненій отдѣльныхъ выраженій Слова, встрѣчаются нѣкоторыя новыя и удачныя толкованія.

Въ виду всего сказаннаго, принимая еще во вниманіе извѣстную трудность предмета, который подходитъ подъ пункты а и б § 9 Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, я считаю изслѣдованіе г. Лонгина заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже, если комиссія найдетъ возможнымъ, — поощрительной преміи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, высоко цѣня обязательную готовность, съ какою приглашенные имъ ученые и литераторы приняли на себя трудъ разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ сочиненій, и въ изъясненіе своей благодарности присудила золотыя пушкинскія медали слѣдующимъ лицамъ: члену-корреспонденту Отдѣленія Н. Н. Страхову, А. С. Суворину, профессору П. В. Владимірову и Ю. Н. Говорухо-Отроку. Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленіе считаетъ долгомъ принести искреннюю признательность своему члену-корреспонденту А. Н. Майкову за дѣятельное участіе, принятое имъ въ совѣщаніи комиссіи по настоящему конкурсу.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIII, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1894 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННІЙ
АКАД. К. Н. ВЕСТУЖЕВЫМЪ-РЮМИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лн., № 12.
1895.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, октябрь 1895 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровский*.**

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1894 годъ,

составленный Ординарнымъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ.

Въ отчетномъ году Отдѣленіе понесло чувствительную потерю: 1-го февраля скончался членъ-корреспондентъ, знаменитый югославянскій ученый Францискъ Рачкій.

Рачкій родился 25-го ноября 1828 г. въ д. Фужинахъ близъ города Рѣки (Riue). Хотя отецъ его былъ крестьянинъ, но его съ дѣтства готовили къ духовному званію; первоначальную школу онъ прошелъ въ родной деревнѣ; затѣмъ учился въ гимназіяхъ Рѣчской и Вараждинской; оттуда перешелъ въ епископскую семинарію въ Сеньѣ. Въ семинаріи онъ занимался литературой и участвовалъ статьями духовно-нравственными въ журналѣ *Katolički List* и литературными въ журналѣ *Neven*. Въ 1849 г., по желанію епископа Марка Ожеговича, былъ онъ посланъ въ Вѣнскую семинарію *Raznapeut*, гдѣ, кромѣ изученія философіи и богословія, занялся языками славянскими и французскимъ. Въ 1852 г. посвященъ въ священники и назначенъ въ Сенью учителемъ; въ 1853 г. снова поѣхалъ въ Вѣну въ высшее духовное училище, гдѣ въ 1853 — 55 гг. выдержалъ экзаменъ на

доктора богословія и вернулся въ Сеньскую семинарію; здѣсь преподавалъ до 1857 г., когда поѣхалъ въ Римъ. Въ годъ учительства въ семинаріи онъ занялся исторіей юго-славянскою, судьбами глаголитской письменности, дѣятельностью св. Кирилла и Меѳодія, участвовалъ статьями въ хорватскихъ журналахъ. Тогда обратилъ на него вниманіе славный славянскій патриотъ епископъ Штросмайеръ; онъ послалъ Рачкаго въ Римъ на должность каноника Иллирской коллегіи св. Іеронима для поддержанія этого стариннаго учрежденія. Въ Римѣ Рачкій много работалъ въ библіотекѣ Ватиканской и другихъ знаменитыхъ библіотекахъ Рима (Пропаганды, Корсини, Барберини и т. д.), ѣздилъ въ Неаполь и въ Монтекассино, принималъ участіе въ засѣданіяхъ Нѣмецкаго археологическаго института въ Римѣ и познакомился со многими учеными, между прочимъ съ Тейнеромъ, управляющимъ Ватиканскимъ архивомъ, извѣстнымъ издателемъ актовъ.

Еще до поѣздки въ Римъ Рачкій издалъ первый выпускъ своего изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи; въ Римѣ приготовилъ онъ окончаніе этого труда. Книга эта, несмотря на одностороннюю точку зрѣнія, имѣетъ большое значеніе, благодаря глубокой учености и историческому таланту автора. Въ Римѣ приготовилъ онъ свое изслѣдованіе о глаголицѣ, посвященное Шафарику и изданное позднѣе въ Загребѣ (1861). Выводы Рачкаго сходятся съ выводами Шафарика о первенствѣ по времени глаголицы передъ кириллицей. Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще спорный. Въ Ватиканѣ Рачкій изучилъ и описалъ глаголицкое Евангеліе Ассеманни, которое въ 1865 г. издалъ въ Загребѣ вмѣстѣ съ И. В. Ягичемъ. Появленіе этого труда имѣло и практическое значеніе: преподаваніе глаголицы было введено въ гимназіи. Возвратясь на родину, онъ былъ въ 1861 г. представителемъ Сеньской епархіи на хорватскомъ сеймѣ, гдѣ заявлялъ объ историческихъ правахъ своего народа. Въ эту пору онъ издалъ *Odlomci iz državpnoga prava hrvatskoga za narodne dinastije*, изданіе, напоминавшее хорватамъ объ ихъ древнемъ го-

сударственномъ правѣ. Въ патриотическомъ журналѣ *Pozor* Рачкій напечаталъ нѣсколько статей политическихъ и литературныхъ. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ школъ и поселился въ Загребѣ. Тогда онъ сталъ во главѣ молодыхъ литераторовъ, которые соединяли ученость съ народнымъ направлениемъ. По его мысли возникъ журналъ *Knjizevnik*. Замѣчательнѣйшимъ его произведеніемъ этого времени является *Ocjena starijih izvoga za hrvatsku i srbsku povjest srednjega vieka*. Въ журналѣ *Pozor* 1865 и 1866 гг. онъ помѣстилъ нѣсколько статей политическаго содержанія и былъ членомъ делегаціи, посланной хорватскимъ сеймомъ въ Пештъ для переговоровъ съ сеймомъ угорскимъ. Когда Штросмайеръ задумалъ поднять образованіе въ Хорватіи основаніемъ Академіи юго-славянской и университетомъ въ Загребѣ, онъ нашелъ себѣ ревностнаго сотрудника въ Рачкомъ. Академія была открыта въ 1866 г., а въ 1867 Рачкій былъ назначенъ ея президентомъ; въ этомъ званіи онъ пробылъ до 1888 г., когда австрійское правительство не утвердило его, какъ ревностнаго славянскаго дѣятеля, поддерживавшаго сношенія со всѣми славянскими землями, охранявшаго славянское католическое богослуженіе тамъ, гдѣ оно существовало. Академія скоро стала центромъ умственныхъ силъ юго-славянства: «Восторгъ при открытіи Академіи былъ огромный; Загребъ въ этотъ день праздновалъ такой праздникъ, какого не знало тогдашнее поколѣніе; кромѣ многочисленнаго съѣзда хорватовъ, прибыло много гостей», говоритъ польскій журналъ *Агнецит*. Академія начала издавать свои труды (*Rad*); сначала вышелъ одинъ томъ въ годъ, а съ 1870 г. начало выходить по пяти томовъ. Кромѣ того, появлялся и другія изданія Академіи. Главнымъ дѣятелемъ былъ Рачкій: «Какъ Рачкаго—говоритъ К. Я. Гротъ—нельзя себѣ представить безъ Академіи, такъ и Академіи безъ Рачкаго. Ей онъ посвятилъ всѣ свои душевныя силы, ей удѣлялъ почти все время, остававшееся у него отъ духовныхъ его обязанностей и ученыхъ кабинетныхъ трудовъ. И эти труды составляютъ одинъ изъ самыхъ

крупныхъ и существенныхъ вкладовъ въ многочисленныя академическія изданія». Въ это время издано имъ изслѣдованіе о богемцахъ (въ Rad) «Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI v.» (тамъ же); «Biela Hrvatska i biela Srbija» (критика извѣстій Константина Багрянороднаго, тамъ же), нѣсколько статей объ отношеніяхъ Хорватіи къ Угріи и т. д. Рачкій былъ не только изслѣдователь, но и издатель документовъ: такъ онъ издалъ *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia* (Загр. 1877), второй томъ Тейнеровыхъ «*Vetera monumenta Slavorum meridionalium*» и др. Не одна исторія занимала Рачкаго, онъ посвящалъ свое вниманіе и литературѣ и старой и современной: онъ принималъ участіе въ изданіи: *Stari pisci hrvatski*, сборникѣ дубровницкихъ и далматинскихъ писателей, писалъ біографіи, біографическіе очерки и некрологи о писателяхъ разныхъ славянскихъ народовъ (изъ русскихъ о Погодинѣ, Котляревскомъ, Соловьевѣ и Костомаровѣ). Съ славянскими землями онъ былъ знакомъ личными наблюденіями: въ 1884 г. былъ онъ въ Россіи и участвовалъ въ Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ. «Всѣ знавшіе Рачкаго—говорить К. Я. Гротъ — сочувственно хранятъ въ своей памяти привлекательный образъ этого глубокаго ученаго и мыслителя, этого истинно добраго и благоволящаго человѣка, плѣнявшаго всѣхъ своею умною, одушевленною и сердечною рѣчью о всякомъ предметѣ, особенно о славянствѣ».

Главнымъ трудомъ Отдѣленія въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущихъ, было изданіе «Словаря русскаго языка», третій выпускъ котораго начатъ былъ печатаніемъ еще покойнымъ предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Я. К. Гротомъ. Для продолженія оставилъ онъ черновые матеріалы, разборомъ и дополненіемъ которыхъ приходилось заняться. Главнымъ руководителемъ въ этомъ трудѣ былъ настоящій предсѣдательствующій А. Ѳ. Бычковъ. Третій выпускъ, оканчивающій букву Д, нынѣ отпечатанъ; онъ заключаетъ собою первый томъ Словаря. Издавая Словарь выпусками, Отдѣленіе изъявило надежду, что

при такомъ способѣ изданія оно будетъ имѣть большую возможность воспользоваться дополненіями и поправками, которыя будутъ указаны ему какъ печатью, такъ и частными лицами. Надежда эта оправдалась и выходящій нынѣ третій выпускъ снабженъ тѣми дополненіями и поправками, къ первымъ двумъ, которыя появились за время изданія Словаря. Предложенныя поправки были тщательно просмотрѣны, и тѣ изъ нихъ, которыя оказались важными по мнѣнію Отдѣленія, были приняты съ благодарностію и включены въ третій выпускъ.

Другое изданіе Отдѣленія: «Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ», собранныя И. И. Срезневскимъ, продолжаютъ печатаніемъ. Нынѣ появляющійся четвертый выпускъ, которымъ начинается второй томъ, заключаетъ въ себѣ буквы Л и М.

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ оканчиваетъ печатаніемъ третій томъ «Сочиненій М. В. Ломоносова», въ который вошла «Риторика» въ двухъ редакціяхъ—одной, извѣстной въ печати, и другой, сохранившейся въ рукописи. Издатель, по своему обыкновенію, присоединилъ къ издаваемому тексту обширныя примѣчанія, заключающія въ себѣ указанія на источники какъ текста «Риторики», такъ и приводимыхъ въ ней примѣровъ.

Ординарный академикъ А. Н. Веселовскій издалъ второй томъ своего обширнаго труда: «Боккаччіо, его среда и сверстники». Первый томъ этого сочиненія заканчивается разборомъ «Декамерона», завершившаго чисто-литературный періодъ дѣятельности Боккаччіо. Во второмъ изображается переходъ его къ трудамъ ученаго характера, завершившійся изданіемъ «Генеалогіи боговъ» и комментариемъ на «Божественную Комедію». «Боккаччіо ушелъ въ науки—говоритъ авторь,—къ этому привели его годы, эротическіе недочеты и окрѣпшее сознаніе своей жизненной задачи». И въ томъ и въ другомъ періодѣ своей жизни Боккаччіо является представителемъ гуманизма, и А. Н. Веселовскій говоритъ, что «Декамеронъ» былъ «болѣе яркій показа-

тель гуманизма, чѣмъ «Генеалогія боговъ». Это можно сказать и въ томъ смыслѣ, что «Декамеронъ» былъ доступнѣе большой массѣ, чѣмъ позднѣйшія произведенія Боккаччіо. Гуманизмъ есть освобожденіе отъ атмосферы средневѣковыхъ воззрѣній; съ этой точки зрѣнія А. Н. Веселовскій и указываетъ на то, что «гуманизмъ есть плодъ широкаго общаго теченія мысли», что «не погоня за рукописями латинскихъ авторовъ, не усиленный спросъ на нихъ и не прїѣздъ захудалыхъ грековъ создали ее». Въ новомъ трудѣ А. Н. Веселовскаго Боккаччіо изображается въ разные моменты своей жизни: то онъ падаетъ духомъ и жалуется и на свои недочеты и на свою бѣдность, то горько смѣется надъ богачемъ, позволившимъ себѣ небрежно обойтись съ нимъ, то предается ученымъ занятіямъ. Авторъ тщательно слѣдитъ за источниками, которыми онъ пользовался, за его способомъ пользованія этими источниками. Рядомъ съ Боккаччіо обрисовываются и другіе члены его кружка, преимущественно Петрарка, которому Боккаччіо поклонялся. Дантъ былъ предметомъ обожанія для Боккаччіо, но Петрарка долго не зналъ его. Изъ перепяски представителей ранняго гуманизма, на которой главнымъ образомъ основано изложеніе книги, выяснились не только ихъ взаимныя отношенія, но и успѣхи классическихъ изученій. Съ какою жадностью Боккаччіо слѣдитъ за переводомъ Гомера, сдѣланнаго Пилатомъ, и конечно, мало замѣчаетъ его неудовлетворительность. Знакомство съ греческимъ языкомъ только начинается, но уже чувствуется, что у грековъ, а не у римлянъ, надо искать эстетическаго удовлетворенія. Сверхъ этого большого труда, А. Н. Веселовскій помѣстилъ статьи въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»: 1) «Изъ введенія въ историческую поэтику», указывающую на необходимость перестройки теоріи поэзіи на широкой исторической основѣ, замѣнѣ дедуктивныхъ опредѣленій анализомъ фактовъ и сравненіемъ ихъ между собою, 2) «Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальной обрядности», гдѣ эти обряды изучаются сравнительнымъ методомъ, при чемъ выясняется ихъ значеніе и характеръ и

опредѣляется ихъ историческое развитіе и приспособленія къ разнымъ періодамъ вѣрованій, начиная отъ природнаго міа и доходя до христіанской эпохи, и 3) рецензію на книгу г. Мочульскаго: «Народная Библія».

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ допечатываетъ сборникъ текстовъ грамматическихъ, относящихся къ церковно-славянскому языку подъ заглавіемъ: «Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ». Сборникъ этотъ войдетъ въ составъ перваго тома «Исслѣдованій по русскому языку», который будетъ заключать въ себѣ 64 листа. Въ сборникъ входитъ: 1) Основаніе славянской письменности; 2) Борьба за славянскую письменность; 3) Разсужденіе Іоанна Экзарха болгарскаго о церковно-славянскомъ языкѣ; 4) Статья о восьми частяхъ слова; 5) Книга Константина грамматика о письменахъ; 6) Грамматическія свѣдѣнія Максима Грека; 7) Различныя статьи (безыменныя) грамматическаго содержанія; 8) Донатъ въ русскомъ переводѣ; 9) Простословіе; 10) Библиографическое обзорѣніе предыдущихъ статей съ дополненіемъ и поправками. При составленіи этого труда употреблено до 60 рукописей. Другое изданіе академика И. В. Ягича печатается подъ заглавіемъ: «Источники по исторіи славянской филологіи». Сюда входятъ переписка Копитара съ Ганкою, Кеппена съ Шафарикомъ и Копитаромъ, новые источники для біографіи Копитара и письма Добровскаго. Готовятся еще къ изданію письма южныхъ славянъ (Ранча, Терланча, Караджича) съ русскими или между собою по вопросамъ славянской филологіи. Въ Вѣнской Академіи наукъ напечатано академикомъ Ягичемъ библиографическое изслѣдованіе Цетинскаго Октопха съ греко-славянскимъ словаремъ подъ заглавіемъ: *Der erste Cetinyer Kirchendruck vom Jahre 1494*. Въ Загребѣ И. В. Ягичъ печатаетъ исторію русской литературы въ XVIII в. («Русскія литература у осамнастомъ столетіи»). Въ Берлинѣ продолжается имъ изданіе *Archiv für slavische Philologie*, котораго печатается XVII-й томъ.

Ординарный академикъ Л. Н. Майковъ продолжалъ при-

готовлять къ изданію текстъ стихотвореній Пушкина и составлять къ нимъ объяснительныя примѣчанія. Подъ заглавіемъ: «Историко-литературныя очерки» издалъ онъ сборникъ своихъ статей за послѣдніе годы. Сюда вошли составленныя имъ по разнымъ случаямъ литературныя характеристики, частію читанныя въ торжественныхъ засѣданіяхъ Академіи, частію напечатанныя въ журналахъ. Статья: «Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ» основана на новомъ рукописномъ матеріалѣ и представляетъ поправки къ существующимъ біографіямъ Крылова. Большая часть книги занята статьями, изображающими отношенія Пушкина къ разнымъ лицамъ (Раевскому, Вельтману, Далю, Пушину, брату его извѣстнаго друга); статья о стихотвореніяхъ: «Туча» и «Аквилонъ» относится уже къ характеристикѣ творчества Пушкина. Такимъ образомъ на большинство статей этого сборника слѣдуетъ смотрѣть какъ на подготовительныя работы для біографіи Пушкина и характеристики его творчества. Въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» академикъ Майковъ напечаталъ письма семьи Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу. До сихъ поръ извѣстны были письма Тургенева къ нимъ, и оставались не изданными письма отъ нихъ. Л. Н. Майковъ, печатая эти письма, важныя для исторіи общества въ 50-хъ годахъ, снабдилъ ихъ пояснительными примѣчаніями, въ которыхъ указываются обстоятельства, вызвавшія письма, объясняется то, что въ письмѣ неясно, и приводятся отрывки изъ напечатанныхъ уже писемъ Тургенева.

Личный составъ Отдѣленія пополнился выборомъ въ адъюнкты доктора русскаго языка и словесности А. А. Шахматова. Избраніе новаго члена, извѣстнаго филолога, должно послужить къ ускоренію выхода словаря современнаго языка, въ которомъ такъ нуждается образованное общество, ибо послѣ 1847 г. мы не имѣемъ словаря. Польза его для общества и литературы неоспорима: по возможности точное опредѣленіе словъ, въ большей части случаевъ подтвержденное примѣрами изъ лучшихъ писателей, послужитъ средствомъ для развитія и обога-

щенія литературнаго языка. Отдѣленіе надѣется, что издаваемый имъ словарь будетъ улучшаться и принесетъ свою пользу.

Названіе Отдѣленія русскаго языка и словесности налагаетъ на него еще другую обязанность: изданіе классическихъ русскихъ писателей. Отдѣленіе по мѣрѣ средствъ своихъ исполняетъ эту обязанность: въ настоящее время выходитъ Ломоносовъ и дѣятельно готовится Пушкинъ. Такія изданія имѣютъ нравственное вліяніе: воспитывая сознаніе связи прошедшаго съ настоящимъ, и развивая здравыя понятія.

Таковы главныя задачи, которыми заняты члены Отдѣленія сообща или отдѣльно, сверхъ личныхъ трудовъ каждаго изъ нихъ. Задачи эти выдвинуты неотложными потребностями русскаго литературнаго образованія. За ними представляются и другія задачи, которыми хотя и занимаются иногда нѣкоторые члены Отдѣленія, или для исполненія которыхъ печатаются Отдѣленіемъ труды другихъ ученыхъ, но которыя не выдвигаются еще на первый планъ. Таково, на примѣръ, ознакомленіе съ литературою и бытомъ другихъ славянскихъ народовъ, съ народною русскою литературою и обычаями. За послѣднее время можно указать нѣсколько сочиненій, изданныхъ Отдѣленіемъ въ этомъ направленіи (труды академика Веселовскаго по народной поэзіи, труды П. В. Шейна о Бѣлоруссіи, П. А. Ровинскаго о Черногоріи), но болѣе широкаго развитія этихъ задачъ надо ждать отъ будущаго времени. Въ настоящемъ же Отдѣленіе старается по мѣрѣ силъ и средствъ исполнять свое назначеніе и готовить будущее.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за январь — декабрь 1894 г. и въ приложеніяхъ № 1—2.

Арабская цифра указываетъ страницу заимствованныхъ приложеній, а римская — страницу Извлеченій изъ протоколовъ.

А.

Академія, Духовная, Московская, с. XIX.

— Вѣнская, наука. Въ сѣ издавнѣхъ напечатанъ трудъ ак. И. В. Ягича. *Прилож.* № 2, с. 7.

Анаклеты, см. Сборникъ XVII в.

Анѣлоу, стихотвореніе А. С. Пушкина. См. Майковъ, Л. Н.

Аксаковы. Письма семьи Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу напечатаны въ Русскомъ Обзорѣнн ак. Л. Н. Майковнхъ. *Прилож.* № 2, с. 8.

Александръ I, Императоръ. *Прилож.* № 1, с. 53.

Алексичъ, Георгій, торговецъ, владѣлецъ коллекціи слав. рукописей въ Дубровникѣ, с. XXXIX. LV.

Амеміевъ, упоминается составленнй имъ словарь ботаническихъ названій, с. X.

Анѣологія (вмѣстѣ съ отечникомъ и прологомъ), рукоп. пергам. въ 1., кирилловск. письма XIII—XIV в.,

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

сербск., списанъ попомъ Гюргомъ принадлежать А. Гофферу, проф.

натурѣ въ Травникѣ, с. LIV—LV. Апокрифы (доселѣ неизвѣстны), с. XXXIII. См. Молитвы.

Апостола, Крестинновольскій XII—XIII в., кирилловск. слав. письма, русск. ред. Описаніе его и выписки текстовъ, с. XXIX—XXXI.

Архивъ славянской филологіи И. В. Ягича, — въ немъ помѣщены статьи А. А. Шахматова, с. XXI.

Астѣнь, Іоаннъ, упом. с. XXXIV.

Б.

Баранцевичъ, К. С., ему присужденъ почетный отзывъ за его романъ «Двѣ жены», представленный на Пушкинскій конкурсъ 1894 года. *Прилож.* № 1, с. 2.

— Разборъ его романа «Двѣ жены», составленный А. С. Суворовымъ. *Тамъ же*, № 1, с. 20—35.

Баратынский, Е. А., упом. *Прилож.* № 1, с. 17.

Барсовъ, Е. В. *Прилож.* № 1, с. 49, 69, 70, 71.

Батиничъ, М. В., гвардіанъ, отерылъ П. А. Сырку доступъ къ книжнымъ сокровищамъ Фойницкаго м-ря, с. LIV.

Батюшковъ, К. Н. *Прилож.* № 1, с. 4.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., ак., составленное имъ предисловіе къ I-му тому начатаго подъ его редакцію изданія «Онежскихъ быльцъ», собранныхъ пок. А. Ф. Гильфердингомъ, одобрено Отдѣленіемъ, с. XIII.

— упом. *Прилож.* № 1, с. 46.

Бестѣа трехъ святителей, упом. *Прилож.* № 1, с. 42.

Беций, И. И.—письмо къ нему М. В. Ломоносова отъ 7 октября 1764 г., с. VI—VII.

Благовѣщенскій, приглашенъ Отдѣленіемъ русск. яз. и словесн. къ занятіямъ по изданію Матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ, с. V.

— Командируется Отдѣленіемъ для наведенія справокъ въ архивѣ СПб. Городск. Думы по вопросу о томъ, гдѣ находился домъ, въ которомъ скончался М. В. Ломоносовъ, с. V.

— по справкамъ его оказалось, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Ломоносова, нынѣ находится зданіе, занимаемое г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, с. V.

Бенкачю. Биографіи, обзорѣнію его дѣятельности и оцѣнкѣ его трудовъ, посвященъ большой трудъ ак. А. Н. Веселовскаго. *Прилож.* № 2, с. 5—6.

Босанчица, родъ особеннаго кирилл. типа письма, употребляющагося въ Босніи, с. XXXV.

— О данныхъ для фактической

и хронологической ея исторіи, с. L—LIV.

Боснія. Ученныя изданія и дѣятельность мѣстныхъ обществъ, с. LV—LVI.

Бошковичъ, Н., банкиръ въ Дубровникѣ, владѣлецъ нѣсколькихъ славянскихъ рукописей, с. XXXIX.

Боянъ уп. въ Словѣ о полку Игор. *Прилож.* № 1, с. 36, 39, 40, 41 сл.

Брандтъ, Р. Ф., проф. И. Моск. ун., упоминается его книга: «Лекціи по исторической грамматикѣ русск. яз. Вып. I», с. XXIII.—См. Шахматовъ, А. А.

Буличъ, Фр., директ. Силѣтской гимназіи, мѣстный ученый дѣятель, с. LV—LVI.

Буслаевъ, Ф. И., ак., по поводу исполнѣвшагося 50-ти-лѣтія со дня выхода перваго изданія труда его «О преподаваніи отечественнаго языка» отъ Августѣйшаго Президента Имп. Академіи Наукъ послана привѣтственная телеграмма, с. XIII.

— имъ послано письмо на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Акад. Наукъ съ признательностію за привѣтствіе, с. XV.

— упом. *Приложеніе* № 1, с. 67.

Бычковъ, А. Ф., ак., Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи представилъ для вѣпечатанія въ Сборникѣ Отдѣленія рукописный трудъ пок. ак. И. И. Срезневскаго, с. II—III. См. Срезневскій, И.

— принялъ на себя трудъ допечатать и помѣстить въ Сборникѣ Отдѣленія оставшіеся за смертію Н. С. Тихонравова тексты Отреченныхъ книгъ и составляющіе начало приготовленнаго этимъ послѣднимъ къ печати III-го тома Отреч. книгъ, с. XVI.

— имъ читаво письмо Л. Кубы, с. XVI.

Бычковъ, А. Ѳ., ак., съ разрѣшенія Его Императ. Высочества Августайшаго Президента Академіи Наукъ, предложилъ совмѣстно съ ак. И. В. Ягичемъ д-ра славяноврусской филологія А. А. Шахматова въ адъ-визитъ Отдѣленія, с. XVI.

— имъ составлена Записка объ ученыхъ трудахъ д-ра русск. языка и словесности А. А. Шахматова, с. XX—XXIV.

— имъ составленъ и читанъ Отчетъ о X прируженіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложеніе № 1*, с. 1—74.

— принялъ на себя руководство по разбору матеріаловъ, оставшихся послѣ смерти бывшаго редактора Словаря русск. яз., издавнашаго Отдѣленіемъ, ак. Я. К. Грота и подъ своею редакціею закончилъ печатаніе и изданіе 3-го выпуска и вмѣстѣ съ тѣмъ I-го тома Словаря, до конца буквы *Д*, присоединивъ сюда накопившіяся дополненія и поправки въ 1 и 2 выпускамъ Словаря. *Приложеніе № 2*, с. 4—5.

— подъ его наблюденіемъ продолжалось печатаніе «Матеріаловъ для словаря древнерусск. яз.» И. И. Срезневскаго и выпущенъ въ свѣтъ 4-й выпускъ ихъ, слова ва букву *Л—М*, коимъ начинается II-й томъ. *Приложеніе № 2*, с. 5.

В.

Варуха, вѣдѣніе. См. Н. С. Тихо-нравовъ и А. Ѳ. Бычковъ.

Вельшманъ. Отношенія къ нему А. С. Пушкина. См. Майковъ, Л. Н. —уномъ. *Приложеніе № 1*, с. 40.

Веселовскій, А. Н., акад., издалъ II-й томъ своего труда «Боккачіо, его среда и сверстники». *Приложеніе № 2*, с. 5—6.

Веселовскій, А. Н. ак., помѣстилъ 3 статьи въ Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. *Тамъ же № 2*, с. 6—7. См. Мочульскій, В. Н.

— уномъ о трудахъ его по народной поэзіи. *Тамъ же № 2*, с. 9.

— уномъ о толкованіи имъ Дѣви-обиди въ Сл. о П. Игор. *Приложеніе № 1*, с. 65.

Викторовъ, А. Е., б. хранитель рукописей Моск. Публич. и Румянц. Музеевъ, с. XX—XXI. См. Шахматовъ, А. А.

Владимиръ-Краль, приведенъ отрывокъ изъ «Пѣсанъ од краля Владимира», с. XLII—XLIII.

Владимиръ Мономахъ, Бел. кн. *Приложеніе № 1*, с. 37, 40, 45, 47, 48, 50, 53, 56, 57.

Владимировъ, П. В., проф. Имп. унив. св. Владимира по порученію Отдѣленія разсматривалъ представленныя на X конкурсѣ Пушкинскихъ премій въ 1894 г. трудъ А. В. Лонгинова «Историческое изслѣдованіе о походѣ Сѣверск. кн. Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г.». *Приложеніе № 1*, с. 1. 2.

— его разборъ труда А. В. Лонгинова. *Тамъ же*, с. 35—74.

Воилянну, Матвѣй, владѣлецъ нѣсколькихъ румынскихъ рукописей, с. LX. **Волхвованіе.**—См. Номоканонъ, отрывки пзъ Іоанна - Постника, с. XI.VIII—L.

Воскресенскій, Г. А., экстраордн. проф. Моск. Дух. Акад. избранъ въ члены-корреспонденты Отдѣленія, с. XIX.

Всеволодъ, кн. *Приложеніе № 1*, с. 43.

Всеславъ, кн. *Приложеніе № 1*, с. 43 и далѣе.

Вуюдлаки (вълкодлаци) замѣтки о нихъ въ Номоканонѣ XIII в. сербск. ред., с. XLIII.

Выписки текста разсказа, образовав-

шагося изъ народн. пѣсни или поѣсти въ рукописи скороп., хранящ. въ читальнѣ въ Подгорицѣ въ Черногоріи, с. LVII—LIX.

Г.

Гамма. Переписка его съ Контаромъ издана ак. Н. В. Ягичемъ. *Приложение № 2, с. 7.*

Георгій, иннокъ (Амартолъ), с. Лѣтопись.

Германтъ, Константинъ, Директоръ земскаго (областнаго) музея въ Сараевѣ, оказалъ содѣйствіе П. А. Сырку въ его ученыхъ поискахъ въ Востни, с. XLIII.

— о его учен. работахъ по археологій, исторіи и этнографіи Востни, с. LVI.

Гёте, упом. *Приложение № 1, с. 11.*

Гильфердингъ, А. Ф., предисловіе въ академическому изданію собранныхъ имъ «Онежскихъ былинъ» написано ак. К. Н. Веструевымъ-Рюминимъ, с. XIII.

Глума, М. И., упом. *Приложение № 1, с. 5.*

Говорухо-Отрокъ, Ю. Н., по порученію Отдѣленія разсматривалъ сочиненіе, представленное на X соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложение № 1, с. 1.*

— ему присуждена золотая Пушкинская медаль. *Тамъ же, с. 74.*

Гоголь, Н. В., упом. *Приложение № 1, с. 31.*

Голенищевъ-Кутузовъ, А. А., гр., чл.-корр. Отдѣленія, ему присуждена полная Пушкинская премія въ 1894 г. за его Сочиненія, т. I—II (1894 г.). *Приложение № 1, с. 2.*

— разборъ его Сочиненій составленъ Н. Н. Страховимъ. *Тамъ же № 1, с. 2—20.*

Гомеръ, переводъ его поэмъ, исполненный Платомъ. *Приложение № 2, с. 6.* См. Вокваціо.

— упом. *Приложение № 1, с. 42, 52.*

Гомиларій Воскресный, рукоп. нач. XVII в., хран. въ Фойницекомъ м-рѣ, важный памятникъ для исторіи босанчиди, с. LII.

Горлашовъ, С. М., Россійскій консулъ въ Черновцахъ, оказалъ П. А. Сырку содѣйствіе при его занятіяхъ и чисто русское гостеприимство, с. LXI.

Гюфферъ, Александръ, учитель гимназіи въ Травникѣ, владѣлецъ рукописей, с. LIV.

Граматы латинск., италіанск. и хорватскія, хранящіяся въ м-рѣхъ, с. XXXVIII сл.

— данныя русскими государями и руминскими госнодарями, хран. въ *Савинѣ м-рѣ, с. XLI.*

Григорій, его сборникъ аскетическихъ словъ, сербск. ред., полууст. рукоп. XV в. — въ *Савинѣ м-рѣ, с. XLI.*

Григоровичъ, Д. В., чл.-корр. Отдѣленія, былъ приглашенъ въ комиссію по X присужденію премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложение № 1, с. 1.*

Гродековъ, генералъ-лейтенантъ, помощникъ Приамурскаго генералъ-губернатора, ходатайствуетъ о снабженіи изданіями Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имн. Русск. Географич. Общества, с. IV.

Гротъ, К. Я., проф. Имн. Варш. унв., — приведенъ его отзывъ о значеніи Рачаго для Югославянск. Академіи. *Приложение № 2, с. 3. 4.*

Гротъ, Я. К., ак., съ его кончиною Отдѣленіе лишилось представителя въ области русскаго языка и его исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ остановился взятый имъ на себя трудъ — словарь русскаго языка, с. XX.

Греть, Я. К., ак., началъ, но не довелъ до конца печатаніе 3-го выи. Словаря русск. языка. *Приложение № 2*, с. 4.

— послѣ его смерти остались черновые материалы для продолженія Словаря рус. языка. *Тамъ же*.
Гусли, записка о нихъ въ сербск. Номоканонѣ XIII в., с. XLIII.

Гутовскій, Руд. подарилъ Ягеллонской библиотекѣ Браковск. университета славянскія рукописи рариѣ вривад. Пригѣвск. м-рю св. Дмитрія въ Македоніи, с. XXVI.

Д.

Даль, В. П.,—упоминается его Толковый Словарь ж. выкр. яз., с. X.
— Отношенія къ нему А. С. Пушкина. См. Майковъ, Л. Н., ак.

Дальманъ, св. (упом. въ заговорѣ), с. XXVII. XLV.

Данилевскій, Г. П., приведено стхотвореніе гр. А. А. Голенничева-Кутузова: «Въ альбомѣ Г. П. Данилевскому». *Приложение № 1*, с. 12.

Данилъ Заточникъ, упом. *Приложение № 1*, с. 42.

Дантъ. *Приложение № 2*, с. 6. См. Боккаціо.

Декамеронъ. *Приложение № 2*, с. 5—6. См. Боккаціо.

Девковичъ, упом. его изданія, с. LIV.

Дмитрій, св.,—слав. рукописи Пригѣвскаго монастыря его имени (въ сѣверной части Македоніи) попали въ Ягеллонскую б-ку Браковск. унив., с. XXVI.—См. Гутовскій.

Дитмаръ. *Приложение № 1*, с. 59.

Дмитріевскій, А. А., цитруется его книга «Патмосскіе очерки». *Приложение № 1*, с. 50.

Добровскій, Іосифъ, славистъ. Письма его печатаются ак. Н. В. Ягичемъ. *Приложение № 2*, с. 7.

Донать, въ русскомъ переводѣ и изслѣдованіе о немъ издано ак. Н. В. Ягичемъ. *Приложение № 2*, с. 7.

Дестоевскій, Ѳ. М., упом. его повѣсть «Вѣднне люди». *Приложение № 1*, с. 22.

— упом. *Тамъ же*, с. 32.

Дубенскій, Д. Упом. его поправка мѣста въ Сл о п. Иг. *Приложение № 1*, с. 69.

Е.

Евангеліе Остромирово, с. XXIII.

— Перемышльское XIV в. Описаніе и выписки изъ него с. XXXI—XXXIII. См. Теофилактъ.

— списки Е-я въ 6-къ гр. Оссолянскихъ, с. XXXIII.

— списки слав. Евангелій, хранящихся въ митрополитчѣй ризницѣ въ Черновцахъ, с. XXXIV.

— болгарской редакціи (XV в.) печатное въ одной изъ румынск. типографій, с. XLI.

— болг. ред. терновск. извода, XIV в., с. XLIII.

Екатерина II, Императрица—предполагала отдѣлать географическими обоями одну изъ комнатъ Зимняго дворца; изготвленіе ихъ было предложено Ломоносову, с. VI.

Ж.

Житія святыхъ, с. XXXIII.

Жуковскій, В. А., упом. *Приложение № 1*, с. 4.

З.

Записъ (книжка-ладовка) 1734 г., принадлежав. ѣкоему Рабрису (Храброву) Вуядиновичу съ закли-

нательными молитвами, с. XLIV—XLV.

И.

- Игельстромъ, Г. В., оказалъ П. А. Сирку содѣйствіе въ его ученыхъ занятіяхъ и гостепримство, с. LXI.
- Изяславъ Ярославичъ, Вла. Кн., *Приложеніе № 1*, с. 44.
- Иловайскій, Д. И. *Приложеніе № 1*, с. 55.
- Иреченъ, К.—ссылка на его Исторію болгаръ, с. XLII (пр.).

I.

- Іоаннъ, Экзархъ Болгарск., текстъ его разсужденія о цер.-слав. яз. издавъ ак. И. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.
- Іоаннъ Златоустъ, его Бесѣды евангельскія въ сербск. сп. 1616 г., с. XXXIX. См. Селиванъ.
- его Творенія, упом. *Приложеніе № 1*, с. 42.
- Іоаннъ Лѣтвичиницъ, рукопись его Лѣтваницы рессавск. извода XV в. хран. въ Саввинѣ м-рѣ, с. XLII.
- Іосифъ, архим., ссылка на его Подробное Оглавленіе Макарьевскихъ Четьихъ-Миней, с. LX.

К.

- Калма, Ант., проф., оказалъ содѣйствіе, П. А. Сирку въ его занятіяхъ слав. рукописями въ бібліотекахъ г. Львова, с. XXIX.
- Калушницкій, Ем., проф. Черновикаго унв., описалъ слав. рукописи Ягеллонской б-ки Краковск. унв. въ 1871 г., с. XXVI—с. XXIX.
- Караджичъ, В. С.—Его письма печатаются ак. И. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.

Караѣвичъ, Н. М. *Приложеніе № 1*, с. 59.

Качичъ-Миошичъ, изъ его Razgovora Vgodnoga naroda slovinakoga выбраны пѣсни составителемъ сборника, с. XLII. XLIII.

Кентриминскій. (Kętrzyński) ссылка на его описаніе рукописей б-ки Оссолнскихъ, с. XXXIII.

Кеппенъ, П. И., ак. Переписка его съ Шафарикомъ и Копитаромъ издава ак. И. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.

Кириллъ, св., просвѣтителъ слав., упоминается въ одной апокрифич. молитвѣ, с. XLIV.

Кириллъ и Меѳодій, св., исторіей изъ дѣятельности занимался Ф. Рачкій, *Приложеніе № 2*, с. 2.

Кириллъ Туровскій, его Творенія въ 2-хъ спискахъ сербск. ред. 1597 г. и XVII—XVIII в. въ м-рѣ Коркѣ, с. XLII.

Кириличниковъ, А. И., ордин. проф. Имп. Новоросс. унв., — избранъ въ члены-корреспонденты Отдѣленія, с. XIX.

Классими, русскіе, изданіе ихъ сочиненій Отдѣленіемъ. *Приложеніе № 2*, с. 9.

Климентъ, Охридскій, упомин. въ одной апокрифич. молитвѣ, с. XLIV.

Козловскій, И. И. *Приложеніе № 1*, с. 68, 73.

Козма, св. (упом. въ заговорѣ), с. XXVII. XLV.

Константины Багрянородный, — извѣстія его подвергнуто критикѣ Ф. Рачкій. *Приложеніе № 2*, с. 4.

— грамматикъ. Текстъ книги его о писменахъ издавъ ак. И. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.

Константины Константиновичъ, Великій Князь, Августѣйшій Президентъ Императорской Академіи Наукъ. Отъ Его имени отправлена привѣтственная телеграмма

ак. **Ө. Н. Буслаеву** по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія со дня выхода въ свѣтъ 1-го изданія труда его «О преподаваніи отечественнаго языка», с. XIII.

Константинъ Константиновичъ, Вел. князь. Отвѣтное на имя Его Имп. Высочества письмо ак. **Ө. И. Буслаева** съ признательностію за присланную привѣтственную телеграмму, с. XV.

— Съ разрѣшенія Его Императ. Высочества предложень къ избранію и избранъ въ адъюнкты Отдѣленія д-ръ славяно-русск. филологія **А. А. Шахматовъ**, с. XVI.—XX сл.

Контаръ, В. Переписка его съ Ганкою и съ Кеппенемъ, издана ак. **И. В. Ягичемъ**. *Приложеніе № 2*, с. 7.

— новые источники для его биографіи обнародованы ак. **И. В. Ягичемъ**. *Тамъ же*.

Нордвинскій, С. И., адъюнктъ физико-математич. Отдѣленія Академіи Наукъ, обратился къ Отдѣленію русск. яз. и словесн. съ просьбою сообщить ему, откуда заимствуются опредѣленія и народныя названія растений, включаемыя въ корректурныя формы Словаря русск. яз., с. VIII—IX.

— изложилъ въ особой запискѣ свои мысли объ упорядоченіи введенія ботаническихъ названій и терминовъ въ Словарь, с. IX—XIII.

Ностомаревъ, Н. И., историкъ, некрологъ его написалъ **Ф. Рачкинъ**. *Приложеніе № 2*, с. 4.

Нотляревскій, А. А., проф. некрологъ его написанъ **Ф. Рачкинъ**. *Приложеніе № 2*, с. 4.

Крещеніе болгаръ и русскихъ, текстъ изъ Лѣтописи Сарандапорской, с. XLVI—XLVII.

Криманичъ, Ю., московскимъ моло-

дыми учеными поднять вопросъ о полпомъ и критическомъ изданіи всѣхъ его сочиненій, с. XXII.

Криманичъ, Ю., къ изученію языка его сочиненій приступилъ **А. А. Шахматовъ** и издалъ 3 статьи, относящіяся къ этому вопросу, с. XXII—XXIII.

Крыловъ, И. А. Статья о немъ ак. **Л. Н. Майкова** «Первыя шаги Крылова на литературномъ поприщѣ» основана на новомъ рукописномъ матеріалѣ и даетъ существенныя поправки къ извѣстнымъ уже биографіямъ этого писателя. *Приложеніе № 2*, с. 8.

Куба, Людвикъ, чешскій этнографъ, собиратель славянскихъ пѣсенъ съ ихъ напѣвами представилъ отчетъ о поѣздкѣ по Шумадіи, Босніи и Герцоговинѣ. Выдача ему отъ Отдѣленія субсидій на новое путешествіе по Сербіи, с. VII.

— обращается съ новою просьбою о пособіи на заключительную поѣздку въ Сербію для собранія пѣсенъ съ ихъ напѣвами, с. XVI.

Курисъ, И. И., обѣщаетъ доставить въ Отдѣленіе хранящіяся въ его библиотекѣ въ деревнѣ автографы **А. С. Пушкина**, с. VI.

Куршатъ, цитуется его Словарь Литовскаго языка. *Приложеніе № 1*, с. 60.

Кучера, Гуголь, баронъ, гражданскій губернаторъ Босніи и Герцоговини, оказалъ содѣйствіе **П. А. Сырку** въ его ученыхъ поискахъ, въ Босніи, с. XLIII.

Л.

Ламанскій, Е. И.,—по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построенъ домъ г. I-го, находился и домъ, въ которомъ скончался Ломоносовъ, с. V. См. Сухомлиновъ.

Лейбовичъ, *Приложеніе № 1*, с. 49.

Лермонтовъ, М. Ю., — упом. *Приложение № 1*, с. 4. 15.

Лесиниъ, Авг., проф. Лейпцигск. унив., въ русск. переводу его староболгарской грамматики составилъ *дополненіе* А. А. Шахматовъ, с. XXIII. — См. Шахматовъ, А. А.

— Мнѣніе его о боснійскомъ католич. массагѣ, с. XXXVII (примѣч.).

Ломоносовъ, М. В., ак., запросъ Городской управы относительно свидѣній о домѣ, въ которомъ онъ скончался, с. IV. — См. Благовѣщенскій.

— предварительное сообщеніе ак. М. И. Сухомяшова по тому же вопросу, основанное на данныхъ, добытыхъ г. Благовѣщенскимъ, с. V.

— его работы колоссальная мозаичная картина, изображающая Полтавскій бой, до сихъ поръ хранится въ И. Академіи Художествъ, с. V. См. Майковъ, Л. Н., ак.

— письмо его къ Н. И. Бецкому отъ 7 октября 1764 г., при которомъ былъ препровождены первыи къ послѣднему пробы географическихъ обоевъ на тафтѣ и на атласѣ, с. VI—VII. См. Майковъ, Л. Н.

— его указаніямъ неукоснительно слѣдовалъ ак. Ѳ. И. Буслаевъ въ своемъ трудѣ «О преподаваніи отечественнаго языка», с. XV.

— оканчивается печатаніемъ III-й томъ его «Сочиненій», въ который вошла *Риторика* въ 2-хъ редакціяхъ съ присоединеніемъ указаній на источники и обширныхъ примѣчаній редактора. *Приложение № 2*, с. 5. См. Сухомяшновъ, М. И., ак.

— упом. объ академическомъ изданіи Собранія его сочиненій.

Приложение № 2, с. 9.

Лонгиновъ, А. В., ему присужденъ

Отдѣленіемъ почетный отзывъ за его сочиненіе «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго кн. Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г., представленное имъ на X конкурсѣ премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложение № 1*, с. 2. 74.

Лонгиновъ, А. В. разборъ этого труда, составленный проф. П. В. Владиміровымъ. *Тамъ же № 1*, с. 35—74.

Лѣтопись Георгія (прюка) Амартола, сербск. ред. 1597 г., въ собраніи Н. Бошковича, с. XLI.

— Лѣтопись Саранданорская съ извѣстіями о крещеніи болгаръ и русскихъ въ новой редакціи, с. XLV.

Лѣтописи, рукоп. 1774 г., хран. въ Фойницк. м-рѣ, с. LIII.

М.

Майковъ, А. Н., чл.-корр. Отдѣленія, былъ приглашенъ въ Комиссію по X присужденію премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложение № 1*, с. 1.

— упом. *Тамъ же*, с. 2. 4.

— ему выражена признательность Отдѣленія за дѣлательное участіе, принятое въ совѣщаніяхъ комиссіи по Пушкинскому конкурсу. *Тамъ же*, с. 74.

— Л. Н., ак. предложилъ Отдѣленію приостановить выпускъ въ свѣтъ Фоввизннскаго сборника до описи опекунами бумагъ Н. С. Тихомирова въ надеждѣ, что между послѣдними найдется что либо имѣющее отношеніе къ Фоввизнну, с. I.

— ему разрѣшено Отдѣленіемъ распорядиться заказомъ по снятію копій съ рѣдкаго печатнаго экземпляра біографіи Фоввизнна,

- ванисанной Н. С. Тихопрраво-
вымъ, с. II.
- Майковъ, Л. Н.**, предложилъ Отдѣле-
нію присоединить къ Фонвизин-
скому сборнику приписываемые
Фонвизину пьесы: «Повѣствованіе
многаго глухаго и нѣмаго» и «Чор-
тикъ на дрожжахъ» с. II.
- составилъ предисловіе къ вы-
пущеннымъ подъ его редакцію
«Матеріаламъ для полнаго собра-
нія сочиненій Д. И. Фонвизина»,
с. II.
- сообщилъ Отдѣленію, что въ
Имп. Академіи Художествъ хра-
нится колоссальная мозаичная
картина работы М. В. Ломоно-
сова, изображающая Полтавскій
бой, и что Академія Худ. готова
уступить ее Академіи Наукъ,
с. V.
- входитъ въ сношеніе съ про-
живающимъ въ Парижѣ А. Ф.
Онгнвнымъ, владѣльцемъ коллек-
ціи автографовъ А. С. Пушкина,
с. V—VI.
- передалъ для напечатанія въ
Сборникѣ новію съ письма М. В.
Ломоносова къ И. И. Бецкому
(1764 г.), с. VI.
- продолжалъ готовить къ
изданію текстъ стихотвореній
А. С. Пушкина и составилъ къ
нимъ объяснит. примѣчанія. *При-
ложеніе № 2*, с. 7—8.
- издалъ сборникъ своихъ статей
за послѣдніе годы: «Историко-
литературные очерки». *Приложе-
ніе № 2*, с. 8.—См. Крыловъ,
II. А.
- рядъ статей объ А. С. Пуш-
кинѣ, описываетъ отношенія
его къ Раевскому, Вельтману,
Далю, Пущину (брату его друга),
а также объясняетъ творчество
П-на (о стихотвореніяхъ «Тучи» и
«Аквилонъ»). *Приложеніе № 2*,
с. 8.
- Майковъ, П. М.**, о доставленіи имъ
ак. Л. Н. Майкову копій съ письма
М. В. Ломоносова къ И. И. Бец-
кому (1764 г.), с. VI.
- Максимовичъ, М. А.**, цитуется его
Сборникъ Украинскихъ пѣсень,
(1849 г.). *Приложеніе № 1*, с. 47.
- Мамсинъ Грекъ.** Грамматическія его
сочиненія изданы ак. И. В. Яги-
чемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.
- Малиновскій, Люд.**, проф. Краковск.
унив.,—благодаря его содѣйствію
получилъ П. А. Сырку доступъ
для занятій въ Ягеллонскую би-
блиотеку, с. XXV—XXVI.
- Мартинъ, мастеръ**—упоминается въ
письмѣ М. В. Ломоносова къ И. И.
Бецкому (1764 г.), с. VI.
- Мартичъ, Гррг.**, боснійскій поэтъ,
францискамецъ, упом. с. LIV.
- Мартыновъ,** — упоминается его Сло-
варь родовыхъ названій растеній.
(Спб. 1826 г.), с. X.
- Матвей Властарь,** его Синтагмы сл.
XVI в. хран. въ Сараевѣ при
православн. церкви, с. XLIII.
- Меодій, св.**, просвѣтителъ славянъ.
См. Кириллъ и Меодій.
- Миллеръ, Вс. Ф.**, проф. Имп. Моск.
унив. *Приложеніе № 1*, с. 62,
66, 70.
- Миней служебн. на мѣсяцъ февраль**
(болг. ред.), с. XXXIII.
- тоже, сербск. ред. XVI в., въ
въ собраніи Н. Бошковича, с. XLI.
- тоже на мѣс. май, русск. ред.,
«Путатина» XI в. *Приложеніе*
№ 1, с. 43.
- Миней окт. 1097 г. тамъ же.
- Миссалъ (вѣрнѣе: Лекціонарій),** ру-
кисписный, католическій старобос-
нійскій упом. и приведены описаніе
и выписки изъ него, с. XXXV—
XXXVII.
- Молитвословъ,** старопечатный XVI—
XVII в., униатскій на цслав. и
польск. языкахъ въ коллекціи
Фравка, с. XXXIV.

Молитвы (апокриф.): ѿ Ѡ гръгриць, с. XXVII.

— Молитва-заговоръ св. Фоки, с. XL. См. Фока.

— Молитва-заклин. отъ діавола и Мѣтва Ѡ чръвнхъ еѣа зѡубѣ гризѣтъ, с. XLIV—XLV.

Мочульскій, В. Н., проф. И. Новоросс. унив., — на его книгу «Народная Библия», напечаталъ рецензію акад. А. Н. Веселовскій. *Приложеніе № 2*, с. 7.

Мусинъ-Пушкинъ, гр., А. И. *Приложеніе № 1*, с. 53.

Н.

Несторъ, препод., лѣтописецъ — вопросу о сочиненіяхъ, ему принадлежавшихъ, была посвящена пробная лекція А. А. Шахматова въ И. Моск. унив., с. XXXIII.

— с. XXI. См. Θεодосій, св.

Новановичъ, Столякъ, акад., указалъ П. Сырку на пергам. листы съ отрывкомъ апокрифич. житія преп. Параскевы, с. LIX.

Номоканонъ, сербск. редакція, въ л. XVI в. въ собраніи Алексича, с. XL.

— Сборникъ статей изъ Номоканона XVI в., рукоп. хран. въ Саввинѣ м-рѣ, с. XLI.

— сербск. ред. XIII в., пергам. въ л. хранящ., въ музеѣ при старой православи. церкви въ Сараевѣ, съ важными отмітками для исторіи и обычаевъ славянъ, с. XLIII.

— Отрывки изъ Номоканона Іоанна Постника XVI в., въ Земск. музеѣ въ Сараевѣ, с. XLVII.

О.

Общество, Императ. Русское Географическое, с. XIX.

— Любителей Естествознанія, Антропологін и этнографін при И. Моск. унив., с. XXII.

Огоновскій, Ем., пр., оказалъ содѣйствіе П. А. Сырку въ его занятіяхъ славянск. рукописями, хранящ. въ б-кахъ г. Львова, с. XXIX.

— Упом. его сочиненіе о Словѣ о П. Игор. *Приложеніе № 1*, с. 40. 63.

Осеговичъ, Маркъ, еп., — по его желанію Ф. Рачкій въ 1849 г. былъ посланъ въ Вѣнскую семинарію Разтапецш, *Приложеніе № 2*, с. 1.

Олегъ Гориславичъ, кн. *Приложеніе № 1*, с. 43. 47.

Онѣгинъ, А. Ѳ., владѣлецъ богатой коллекціи автографовъ; о сношеніяхъ съ нимъ ак. Л. Н. Майкова, с. VI.

Осоломинскихъ, Институтъ, свѣдѣнія о славянск. кирилловскаго письма рукописяхъ института, с. XXXIII.

Отечникъ русск. ред., с. XXVI; — XIII—XIV в. русск. ред. (новг.) XXVII—VIII.

П.

Параскевы, препод., отрывки апокрифич. житія ея списаны П. А. Сырку, с. LIX.

Патерикъ, сербск. ред. XVI в., рукоп. въ Саввинѣ м-рѣ, с. XLI.

— Патерикъ виѣствъ съ Шесто-дневомъ, сербск. ред. 1440 г., въ Савв. м-рѣ, с. XLI.

— 1346 г., списанный для архимандрита Никодима, болгарск. ред., при Іоаннѣ Александрѣ, царѣ болгарск. хран. въ м-рѣ Корѣѣ, с. XLI—XLI.

Петрарка. Приложение № 2, с. 6.

Петровъ, А. Л. предложилъ къ напечатанію въ Сборникѣ Отдѣленія собраннаго имъ рукописнаго галицко-русскіе тексты (толкованіе евангелій, апокрифическія молитвы, заговоры, лѣчебникъ, лѣтописныя и т. под. замѣтки, и т. д.), с. III—IV. См. Ягличъ, И. В., ак.

- Пилать**, уном. сдѣланный имъ переводъ поэмъ Гомера. *Приложеніе № 2*, с. 6.
- Повѣсть** (сербск.), см. Выписка, с. LVII—LIX.
- Погодинъ**, М. П., проф. И. М. ун. и акад., некрологъ его написанъ Рачкичъ. *Приложеніе № 2*, с. 4.
- Полонскій**, Я. П., чл.-корр. Отдѣленія, былъ приглашенъ въ комиссію по X присужденію премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. *Приложеніе № 1*, с. 1.
- Уном. тамъ-же, с. 2, 4.
- Половъ**, А. Н., упоминается изданное имъ во рукоп. XI—XII в. житіе св. Θεодосія, с. XXI.
- Потебня**, А. А., проф. И. Харьковск. унив. *Приложеніе № 1*, с. 67.
- Престесловіе**, грамматиц. сочиненіе; текстъ его изд. ак. И. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.
- Пушкинъ**, А. С.,—богатая коллекція его автографовъ хранится у А. Θ. Онѣгина въ Парижѣ. См. Л. Н. Майковъ.
- См. И. И. Курисъ.
- Объ отношеніяхъ его къ Раевскому, Вельтману, Далю, Пуццану (брату друга П-на). См. Майковъ, Л. Н.
- О стихотвореніяхъ его: «Туча» и «Аввильонъ». *Приложеніе № 2*, с. 8.
- Готовится къ печати академическое собраніе его сочиненій подъ редакціею ак. Л. Н. Майкова. *Приложеніе № 2*, с. 9.
- Отчетъ о X присужденіи премій имени его въ 1894 г. составленъ и читанъ г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи акад. А. Θ. Бычковымъ въ публ. засѣданіи 19 октября. *Приложеніе № 1*, с. 1—74.
- Уном. *Приложеніе № 1*, с. 1. 4. 5. 7. 8. 9. 11. 12. 17.
- Приводятся мѣткія замѣчанія

- его о Словѣ о Полку Игоревѣ. Тамъ же, с. 35. 36.
- Пѣсни**, сербск. народныя, см. Сборникъ.
- с. LVII—LIX.

Р.

- Раевскій**, отношенія къ нему А. С. Пушкина. См. Майковъ, Л. Н.
- Рачъ**. Его псыма печатаеть акад. И. В. Ягичъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.
- Рачицъ**, Франіе (Францискъ), членъ-корр. Отдѣленія,—заявленіе о кончинѣ его, с. V.
- Некрологъ его, *Приложеніе № 2*, с. 1—4.
- Ритерма**. *Приложеніе № 2*, с. 5. См. Ломоносовъ, М. В. и Сухомятновъ, М. И.
- Ровинскій**, П. А., этнографъ и путешественникъ,—докладъ его Отдѣленію о содержаніи продолженія труда его «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ», с. XIII—XV.
- Определено печатать II томъ труда его «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ» въ Сборникѣ, разбивъ на 2 части, с. XV.
- Уном. о печатаніи Отдѣленіемъ его труда о Черногоріи. *Приложеніе № 2*, с. 9.
- Родословіе** Босанскаго ахти Илгирскаго и сербскаго владанна, рукоп. Гербовникъ, хран. въ Фойницк. м-рѣ, с. LIII.
- Романовъ**, Василій, св. села Исачекъ Лубенскаго уѣзда, сообщаетъ о своемъ намѣреніи завѣяться собираніемъ мѣстныхъ повѣрій, преимущественно имѣющихъ отношеніе къ народному номоканону; приведена его записка, с. XVI—XIX.
- Романовъ**, Е. Р., предлагаетъ для печатанія VI и VII выпуски составленнаго имъ Бѣлорусскаго сбор-

ника, въ которе должны войти 160 бѣлорусскихъ сказокъ, с. II.

С.

Самоѣдское нарѣчје. — Собрание по разн. предметамъ словъ Россійскаго языка съ показаніемъ на самоѣдскомъ, составленн. переводчикомъ миссін (реп. XIX в.), с. XXXIII.

Сборникъ XVII в. съ знаменами и друг. статьями въ собраніи Алекспча, с. XL.

— Сербскихъ народныхъ пѣсень XVIII в., хран. въ м-рѣ Керкѣ, с. XLII.

Святослава, Великаго Князя, Изборникъ 1078 г. издавъ фотолитографически Обществомъ Люб. Древн. Письменности; неточности изданія указаны А. А. Шахматовымъ, с. XXI.

Святые, южно-славянскіе, приведенъ рядъ ихъ именъ въ молитвѣ (защитн. отъ діавола), с. XLIV

Селиванъ [Сильванъ], монахъ Тропецко-Сергіевой Лавры, съ его русскаго списка есть сербскій списокъ рессавскаго извода 1616 г. Вездѣ евангельскихъ Іоанна Златоустаго, въ коллекціи Алекспча, с. XXXIX.

Serpenes, рукоп. 1695 г., въ Фойницк. м-рѣ, писанп. босанчицей, с. LIII.

Синодикъ, греческій, XVII в., принадлеж. православи. м-рю на о. Хварѣ (Lessina), нынѣ хранится въ м-рѣ Керкѣ, с. XLII.

Словарь древне-русскаго языка, издаваемый Отдѣленіемъ. См. Бычковъ, А. Ѳ. п Срезневскій, И. И.

Словарь русск. языка, издаваемый Отдѣленіемъ: 3-ій выпускъ его остался недопечатаннымъ за смертью ак. Я. К. Грота. Приложение № 2, с. 4.

— для продолженія его остался

послѣ ак. Я. К. Грота черновые матеріалы. О разборѣ и дополненіи ихъ. *Приложение № 2, с. 4.*

Словарь, доведеніе до конца печатанія и главное руководство изданіемъ 3-го выпуска, вмѣщающаго въ себѣ слова на букву Д, принялъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, акад. А. Ѳ. Бычковъ. Тамъ же,

— 3-ій выпускъ отпечатанъ и нынѣ законченъ I-й томъ Словаря, присоединены поправки, дополненія къ 1 и 2 выпускамъ Словаря. *Приложение № 2, с. 4—5.*

Слово о Полю Игоревѣ. Приложение № 1, с. 35 сл.

Служебникъ XIV—XV в., терновскаго извода устав. письма, въ Саввинѣ м-рѣ, с. XLI.

— Рукописный XVI в., въ которомъ помѣщена лѣтопись Саранданорская, прип. Земскому Музею въ Сараевѣ, с. XLV.

Снѣтковъ, упоминается въ письмѣ М. В. Ломоносова (1764 г.) къ Н. Н. Бецкому, с. VI.

Соболевскій, А. И., чл.-корр. Отдѣленія пр. И. Спб. унив., — о его «Исслѣдованіяхъ въ области русск. грамматики» далъ отзывъ А. А. Шахматовъ, с. XXI.

Соколовъ, М. И., проф. И. Моск. унив. ссылка на его книгу: Матеріалы и замѣтки по стар. слав. л-рѣ. В. I, с. XLII.

Соловьевъ, С. М., проф. И. Моск. унив., акад. Некрологъ его написанъ Рачкинъ. Приложение № 2, с. 4.

— уном. *Приложение № 1, с. 46.*

Составъ Отдѣленія, личный. См. Шахматовъ, А. А., ад.

Срезневскій, Вс. И., приготовилъ къ печати и въ отношеніи къ приводимымъ текстамъ вновь по рукописямъ слѣдчилъ принятый для печатанія

- танія въ Сборникѣ Отдѣленія трудъ ак. Н. И. Срезневскаго «Обозрѣніе Коричныхъ книгъ», с. III.
- Срезневскій, И. И.**, ак., — положено печатать въ Сборникѣ Отдѣленія оставшееся въ рукописи сочиненіе его «Обозрѣніе древнихъ русскихъ коричныхъ книгъ», с. II—III.
- Упом. *Приложеніе № 1*, с. 46.
- О продолженіи печатанія подъ наблюденіемъ ак. А. Θ. Бычкова «Матеріаловъ для словаря древнерусск. язика по письменнымъ напечаткамъ», собранн. И. Срезневскимъ, и выпускъ въ свѣтъ 4-го выпуска нѣхъ, которымъ начинается II-й томъ, заключающій слова на буквы Л — М. *Приложеніе № 2*, с. 5.
- Страховъ, Н. Н.**, членъ-корр. Отдѣленія разсматривалъ по порученію сего послѣдняго Сочиненія гр. А. А. Голенищева-Вутузова, представленна на Пушкинскій конкурсъ. *Приложеніе № 1*, с. 1—2.
- Былъ приглашенъ въ Пушкинскую комиссію по присужденію премій. *Тамъ же*, с. 1.
- Рецензія имъ написанная на сочиненія гр. А. А. Голенищева-Вутузова, т. I — II. *Приложеніе № 1*, с. 2—20.
- Ему Отдѣленіемъ присуждена золотая Пушкинская медаль. *Приложеніе № 1*, с. 74.
- Суворинъ, А. С.** по порученію Отдѣленія разсматривалъ романъ К. С. Баранцевича «Двѣ жены», представленный на X совсканіе Пушкинскихъ премій въ 1894 г. *Приложеніе № 1*, с. 1.
- Былъ приглашенъ въ комиссію по присужденію премій имени А. С. Пушкина. *Тамъ же*, с. 1.
- Разборъ романа г. Баранцевича. *Тамъ же*, с. 20—35.
- Ему присуждена золотая Пушкинская медаль. *Тамъ же*, с. 74.

- Сухомянновъ, М. И.**, ак., ему передана Отдѣленіемъ просьба Слб. Городской Управы относительно сообщенія свидѣній, въ какомъ домѣ скончался М. В. Ломоносовъ, с. IV.
- Сообщаетъ, что приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Е. И. Ламанскаго, находился и домъ Ломоносова, въ которомъ онъ умеръ, с. IV—V.
- Упом. *Приложеніе № 1*, с. 46.
- Оканчиваетъ печатаніемъ III-й томъ Сочиненій М. В. Ломоносова. *Приложеніе № 2*, с. 5.
- Сырку, П. А.**, приватъ-доцентъ И. Слб. унив., — просьба его къ Отдѣленію о пособіи для поѣздкѣ съ лингвистическою и историко-литературною цѣлію по славянскимъ землямъ (по Далмаціи, Вокъ Которской и Венгріи) и планъ работъ во время путешествія, с. VII—VIII.
- Выдача ему отъ Отдѣленія пособія на означенную поѣздку, с. VIII.
- Доставленный имъ краткій отчетъ о двухъ его поѣздкахъ въ славянскія земли (1898 и 1894 гг.) положено напечатать, с. XIX. — отчетъ его, с. XXV—LXI.

Т.

- Тейнеръ**, управляющій Ватиканск. архивомъ, издатель актовъ, — о знакомствѣ его съ Рачкинь. *Приложеніе № 2*, с. 2.
- II-ой томъ его «*Vetera monumenta Slavorum meridionalium*» изданъ Рачкинь. *Приложеніе № 2*, с. 4.
- Терламчъ**. Его письма печатаются ак. П. В. Ягичемъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.
- Тихонравовъ, Н. С.**, ак., при жизни успѣлъ напечатать лишь 20 листовъ «Фонвизинскаго сборника», с. I.

Тихонравовъ, Н. С., ак. Въ невыпущенномъ въ свѣтъ Словарѣ питомцевъ Императ. Московск. университета помѣщена написанная имъ біографія Фонвизина, с. I.

— Имъ было отпечатано 6 листовъ III-го тома текстовъ Отреченныхъ книгъ, какъ продолженія и исправленія заданныхъ уже ранее I и II-го томовъ, с. XV—XVI. См. Вычковъ, А. Ѳ.

— По его программѣ готовился къ магистерскому экзамену А. А. Шахматовъ, с. XXII.

— Упом. *Приложеніе № 1*, с. 62 сл.

Толстой, Л. Н., гр., упом. о его романѣ «Война и Миръ». *Приложеніе № 1*, с. 19.

— Упом. *Тамъ же*, с. 27, 31, 32.

Требникъ, отрывокъ, с. XXVII.

Триодъ, крестная и цвѣтная или Пятыкостарій, с. XXVI.

Трошари на дни избранныхъ святыхъ по мѣсяцамъ, начиная съ 23 сентября и канона воскресные, рукоп. пергам. XII—XIII в., изъ собранія Алексича, с. XLI.

Трошиъ — Слова о Полку Игорева. *Приложеніе № 1*, с. 37. 43. 45. 54. 55. 56. 59.

Трухелла, Киро, помощникъ Директора Земскаго (областного) музея въ г. Сараевѣ, доставилъ для занятій П. А. Сырку слав. рукописи, собраныя имъ для Музея, с. XLV. L. LII. LVI.

Тургеневъ, М. С., б. чл. корр. Отдѣленія. Письма къ нему членовъ семьи Аксаковыхъ печатаеть ак. Л. Н. Майковъ. *Приложеніе № 2*, с. 8.

— упоминается. *Приложеніе № 1*, с. 32.

Туча, стихотвореніе А. С. Пушкина. См. Майковъ, Л. Н.

У.

Университетъ, Императорскій Новороссійскій, с. XIX.

— Императорскій С.-Петербургскій, с. XIX.

— Императорскій Московскій, с. XX. XXIII. XXIV.

Урошъ, король (Стефанъ Ур. Дечанскій), приведенъ текоть незаданной сербской грамоты его, данной дубровчанамъ Жаретѣ и Лаврентію и синовиамъ, с. XXXVIII.

Ф.

Фетъ. См. Шеншинъ, А. А.

Фона, сти прѣ, его апокрифическая молитва-заговоръ въ славянскомъ сборникѣ XVII в., въ собраніи Алексича, с. XL.

Фонвизинъ, Д. И. — нѣсколько переводимыхъ трудовъ его намѣренъ былъ помѣстить ак. Н. С. Тихонравовъ въ печатающемся Сборникѣ трудовъ этого писателя, с. I.

— біографія его была написана Н. С. Тихонравовымъ для помѣщенія въ невыпущенномъ въ свѣтъ Словарѣ питомцевъ И. Моск. университета, с. I.

— приписываемыя ему пьесы решено помѣстить въ «Матеріалахъ для полнаго собранія Фонвизина», с. II. — См. Л. Н. Майковъ.

Фортуатовъ, Ф. Ѳ., проф. И. Моск. ун-в., его курсы по сравнит. языковѣднѣю, литовскому и готскому постоянно посѣщалъ А. А. Шахматовъ, с. XXIII.

Франно, Ив., свѣдѣнія о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ ему принадлежащихъ, с. XXXIII — XXXIV.

Франно, Ольга, вздательница газицко-рускаго журнала *Жите і Слово*, с. XXXIV.

Франковичъ, гвардіанъ въ Сутескѣ, с. LIV.

Х.

Хронографъ, сербск. ред. XVII в., рукоп. въ Саввинѣ мо-рѣ, с. XLI.

Ц.

Церва, доминиканск. монахъ, о недавнихъ его сочиненіяхъ — источникахъ для исторіи Дубровника, с. XXXIX.

Ч.

Чарованіе. См. Номованонъ, отрывки, Іоанна Постника, с. XLVII—XLVIII.

Часословъ съ октоихомъ, списанъ въ 1486 г. въ Черногоріи, въ собраніи Алексича, с. XLI.

Члены - корреспонденты Отдѣленія, кто избранъ въ это званіе, с. XIX.

Ш.

Шараневичъ, Исид., проф. Львовск. ун-в. оказалъ содѣйствіе П. А. Сырку въ его запятіяхъ слав. рукописями въ бібліотекахъ г. Львова, с. XXIX.

Шафарикъ, П. І., ему посвятилъ Рачкій свое изслѣдованіе о глаголицѣ. *Приложеніе № 2*, с. 2.

— съ выводами Ш—ка о глаголицѣ сходятся и выводы Рачкаго. *Тамъ же*.

— переписку его съ Кеппеномъ издаетъ ак. Н. В. Ягичъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.

Шахматовъ, А. А., докторъ славяно-русск. филологіи избранъ въ адъюнкты Отдѣленія, с. XVI.

— Зависка объ его ученыхъ тру-

дахъ, составленная ак. А. Ф. Бычковымъ, с. XX—XXIV.

Шахматовъ, А. А., родился въ 1864 году, с. XX.

— бывъ еще ученикомъ 4-ой Московск. гимназій, познакомился съ нѣкоторыми профессорами И. Моск. университета и съ хранителемъ рукописей Моск. Публич. и Румянцовск. Музеевъ А. Е. Викторовымъ; ихъ совѣтамъ и указаніямъ онъ во многомъ обязанъ своимъ лингвистическимъ образованіемъ, с. XX—XXI.

— окончивъ курсъ 4 Моск. Гимназій, поступилъ въ 1883 г. въ Имп. Моск. университетъ по историко-филологич. факультету, с. XXI.

— первый его самостоятельный трудъ, напечатанный въ Архивѣ слав. филологіи (VII т.) подъ заглавіемъ «Beiträge zur russischen Grammatik», кромѣ критическихъ замѣчаній на диссертацию пр. А. И. Соболевскаго, касался вопроса о примѣненіи примѣтъ древнерусскихъ памятниковъ къ изслѣдованію русскихъ нарѣчій, а этими примѣтами указывается возможность опредѣлять мѣстность происхожденія памятника, с. XXI.

— второй самостоятельный трудъ его напечатанъ въ 1884 г. въ I т. «Изслѣдованій по русск. языку», подъ загл. «Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вв.» служить первымъ и весьма удачною попыткою опредѣлять по грамотамъ и актамъ особенности говоровъ, с. XXI.

— совершилъ двѣ поѣздки въ Олонецкую губ. (1884 и 1886 г.) для изученія тамошнихъ живыхъ говоровъ (Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожаго уѣздовъ) и сдѣлалъ докладъ Этнографич. Отдѣлу И. Моск. Общества Люб.

Естествознанія Антропологін и
Этнографін, с. XXII.

Шахматовъ, А. А., кончилъ курсъ въ
Имп. Моск. унв. по классич. от-
дѣленію историко-филологич. фак.
и оставленъ при университетѣ для
приготовленія къ профессорскому
званію, с. XXII.

— въ 1888 г. написалъ кандидат-
ское сочиненіе «О долготѣ и уда-
реніи въ общеславянскомъ языкѣ»,
с. XXII.

— см. Тихомировъ, Н. С.

— въ 1889 г. написалъ изслѣдо-
ваніе «О Киевопечерскомъ патери-
кѣ», с. XXII.

— занимается изученіемъ языка
Крижанича, с. XXII—XXIII.

— 3 статьи его, относящіяся къ
изученію языка Крижанича, с.
XXIII.

— посѣщаетъ постоянно курсы
своего наставника проф. Ф. Θ.
Фортулатова по сравнит. языко-
вѣдѣнію, литовскому и готскому
языкамъ, с. XXIII.

— въ 1890 г. прочелъ пробныя
лекціи въ И. Моск. унв. «О сочи-
неніяхъ, принадлежащихъ лѣто-
писцу Нестору» и «Объ имен. мн.
ч. на а въ русскомъ языкѣ», с.
XXIII.

— читалъ въ качествѣ приватъ-до-
цента лекціи по исторіи русскаго
языка студентамъ V и VI семес-
тровъ историко-филол. фак. И. М.
унв., с. XXIII.

— на литографированный курсъ
этихъ лекцій ссылается въ своемъ
почтв. трудѣ проф. Р. Θ. Брадтъ,
с. XXIII.

— составилъ дополненіе къ русск.
переводу грамматики ц.-слав. яз.
проф. Лескина, нѣтъщее пред-
метомъ изложеніе особенностей дре-
не-русск. языка по рукописи Остро-
мирова Ев., с. XXIII.

— въ началѣ 1891 г. онъ поки-

нулъ Москву и уѣхалъ въ Са-
ратовскую губ. гдѣ поступилъ на
службу.

Шахматовъ, А. А., въ 1893—94 гг.
напечаталъ «Изслѣдованія въ обла-
сти русск. фонетики» и по защитѣ
этой диссертациі историко-фило-
лог. факультетомъ Имп. Моск.
унв. былъ удостоенъ степеніи
доктора славянорусской филологін,
с. XXIV.

— напечаталъ, какъ дополненіе
къ диссертациі, брошюру: «Къ во-
просу объ образованіи русскихъ
парѣчій», с. XXIV.

— характеристика его какъ уче-
наго, с. XXIV.

— Избранъ въ адъюнкты Отдѣле-
нія. *Приложеніе № 2*, с. 8.

Шейнъ, П. В.—издается Отдѣленіемъ
его трудъ о Бѣлоруссіи. *Приложе-
ніе № 2*, с. 9.

Шенишинъ, А. А., чл.-корр. Отдѣле-
нія, поэтъ извѣстный болѣе подъ
псевдонимомъ Фета. *Приложеніе
№ 1*, с. 2. 4.

Шестодневъ. См. Патерикъ, с. XLI.

Штросмайеръ, еп., обратилъ внима-
ніе на Ф. Рачкаго. *Приложеніе
№ 2*, с. 2.

— въ лицѣ Рачкаго находитъ себѣ
ревностнаго сотрудника. *Тамъ же*,
с. 3.

Я.

Ягичъ, П. В., ак., сообщилъ свой от-
зывъ относительно предложеннаго
къ напечатанію въ Сборникѣ От-
дѣленія А. Л. Петровымъ собра-
нія рукописныхъ галицко-русскихъ
текстовъ, с. III—IV. См. Петровъ,
А. Л.

— совмѣстно съ ак. А. Θ. Бычко-
вымъ предложилъ къ избранію въ
адъюнкты Отдѣленія д-ра славяно-
русск. филологін А. А. Шахматова,
с. XVI. XX.

Ягичъ, И. В., ак., издавъ въ Загребѣ вмѣстѣ съ Ф. Рачкичъ Ассеманово глагольское Евангеліе. *Приложеніе № 2*, с. 2.

— донечитываетъ свой обширный и многолѣтній трудъ «Разсужденія старшины о церковно-слав. языкѣ». *Приложеніе № 2*, с. 7.

— печатаетъ 2-ой томъ «Источниковъ по исторіи славянской филологіи». *Тамъ же*.

— Вѣнской Академіей наукъ напечатано его библиографическое изслѣдованіе Цетинскаго Октоиха съ греко-слав. словаремъ. *Приложеніе № 2*, с. 7.

— печатаетъ исторію русск. литературы XVIII в. на хорватск. яз. *Тамъ же*.

Ягичъ, И. В., ак., продолжаетъ изданіе Архива слав. филол. *Тамъ же*. Ягичъ, старецъ, упом. и въ Первонач. Лѣтописи. *Приложеніе № 1*, с. 40.

Ярославна, жена Игоря. *Приложеніе № 1*, с. 42 и далѣе.

Ярославъ I, Влк. кн. Русскій—упом. *Приложеніе № 1*, с. 40 и далѣе.

Ө.

Өеодосій, св. Печерскій, — поправки къ изданію рукописнаго текста его Житія (XI—XII в.) даны А. А. Шахматовымъ, с. XXI.

Өеофилантъ, блаженн., архіеп. Болгарск., — изъ его предисловія текста при Перемышльск. ев. XIV в., сс. XXXI. XXXII—XXXIII.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIII, № 3.

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРІЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. —
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

—
СОСТАВИЛЪ

П. РОВИНСКІЙ.

—

ТОМЪ II. ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1897.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1897 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ЧЕРНОГОРІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ГЕОГРАФІЯ. — ИСТОРИЯ. — ЭТНОГРАФІЯ. — АРХЕОЛОГІЯ. —
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

СОСТАВИТЕЛЬ

П. РОВИНСКІЙ.

ТОМЪ II. ЧАСТЬ I.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
ВВЕДЕНИЕ.....	I—XXIV.
I ГЛАВА. — Племенной составъ Черногоріи.....	1—128
II ГЛАВА. — Племя (его сущность, управленія и организація).....	128—191
1. Общее заключеніе о племенномъ составѣ.....	128—135
2. Опредѣленіе, что такое племя; его главныя функціи; раздѣленіе на братства и распредѣленіе населенія по мѣстамъ.....	135—149
3. Территоріальныя границы и способы ихъ опредѣленія.....	149—154
4. Отношенія къ землѣ.....	154—158
5. Внутренняя организація: воеводы, сердари, кнези; духовенство; гувернадуръ; кметы и судъ; народныя собранія (скупштина, сбор).....	158—178
6. Учрежденіе сената, какъ ступень къ объединенію племенъ и переходу къ государственности и единодержавію; черты, характеризующія племенной духъ; племенная знать и стремленіе къ аристократизму..	178—191
III ГЛАВА. — Семья или домъ и жизнь въ семьѣ.....	191—288
1. Опредѣленіе, что такое семья или домъ; большая и малая семья; число душъ въ семьѣ; стремленіе къ раздѣламъ.....	191—203
2. Составъ семьи: доматынъ и доматынца; особенно о дочери-дѣвушкѣ и отношенія между братомъ и сестрой: сынъ и его отношенія къ родителямъ....	203—219
3. Особенное положеніе женщины семейное и социальное.....	219—236
4. Бракъ и супружскія отношенія.....	236—262
5. Имущественныя отношенія.....	262—283
6. Названія, относящіяся къ разнымъ видамъ родства..	283—288

	СТРАН.
IV ГЛАВА. — Черногорець, какъ отдѣльная единица, и его индивидуальныя свойства.....	288—434
А. Физическій типъ.....	288—357
1. Внѣшность и проявленіе силы въ механической дѣятельности; развитіе внѣшнихъ чувствъ и другія физиологическія способности; жизнеспособность (долголѣтіе и размноженіе).....	288—308
2. Физическій типъ по народному опредѣленію: понятіе о частяхъ тѣла, о хорошихъ и дурныхъ качествахъ и о красотѣ.....	308—317
3. Физическое воспитаніе и холя тѣла.....	317—322
4. Болѣзни, ихъ народное глѣченіе и домашніе лѣкаря.	322—357
Б. Нравственный типъ.....	357—434
1. Общія душевныя способности: наблюдательность и любопытство; память; легкость усвоенія и подражательность; отсутствіе глубокомыслия и тинтъ, противоположный тому; практическое направленіе ума: сильная впечатлительность, доходящая до фиксаціи, и вытекающія изъ того послѣдствія; особенная чувствительность къ мелочамъ; преобладаніе фантазій надъ размышленіемъ; энергія и увлеченіе; авантюризмъ, какъ слѣдствіе предыдущихъ качествъ... ..	357—371
2. Частныя проявленія общихъ способностей: сознаніе своего я; понятіе о человѣкѣ; кровь — главный факторъ и въ моральной жизни; инатъ (капризъ) и его вліяніе на общественныя отношенія; храбрость и другія доблести; общительность; храненіе тайны; гостепримство и участіе къ чужой нуждѣ; взаимопомощь.....	371—388
3. Гражданскія и общественныя качества: понятіе о государствѣ и отношеніе къ власти; національное сознаніе; отношеніе къ иностранному, чужому, терпимость, но не космополитизмъ.....	388—400
4. Религіозность и отношеніе къ Церкви и священству; суевѣріе; отношеніе къ школѣ и просвѣщенію....	400—418
5. Народная мудрость: пословицы и особенныя изреченія, выражающія складъ ума; народныя опредѣленія духовныхъ качествъ человѣка.....	418—434
V ГЛАВА. — Жилище со всею внутреннею и внѣшнею обстановкой.....	434—492
1. Дома каменные: повесуша и полати; домъ «на подъ» кула и чардакъ; лучшіе сельскія дома.....	435—449
2. Дома городскія и господскіе; особо турецкіе.....	449—455

3. Дома деревенскіе: «бруница и на пазу»; способы постройки; мазанки.....	СТРАИ.
455—461
4. Дворъ и различныя постройки при домѣ; постройки для временнаго житья.....	461—467
5. Главныя характерныя черты черногорскаго дома и оцѣнка его по отношенію къ здоровью и пригодности.....	467—478
6. Внутренняя обстановка дома; способы отопленія и освѣщенія; домашняя утварь, посуда и орудія.....	478—492
VI ГЛАВА. — Народный костюмъ и относящееся къ нему домашнее (женское) производство.....	492—531
1. Матеріалъ и его приготовленіе: шерсть, ея обработка и крашеніе: конопля, ленъ и шелкъ; предметы, относящіеся къ постели и чистотѣ.....	492—499
2. Различіе костюма въ старое и новое время; что считается по обычаю самымъ существеннымъ въ одѣяніи. Костюмъ мужской простой и болѣе роскошный; костюмъ и разныя принадлежности дорожныя; изъ старины; противъ роскоши.....	499—520
3. Простой женскій костюмъ съ указаніемъ на различіе его по мѣстностямъ; юбка и ея исторія; значеніе пояса у замужней женщины; прическа и головной уборъ; измѣненіе костюма въ позднѣйшее время; какъ одѣваются въ городахъ, присоединенныхъ отъ Турціи; различныя украшенія.....	520—531
VII ГЛАВА. — Пища, питье и употребленіе табаку.....	531—558
VIII ГЛАВА. — Счетъ, мѣра, вѣсъ и монета.....	558—571
IX ГЛАВА. — Земледѣліе.....	571—634
1. Вообще о земледѣліи; различныя угодья: планныя, нахотная земля, лугъ и т. д.; предварительная подготовка земли для нашин; количество обрабатываемой земли; различныя почвы и удобреніе; орошеніе и осушеніе и вліаніе его на здоровье.....	571—585
2. Земледѣльческія орудія; способ паханія; время посѣвовъ; что сѣется или садится; уходъ за кукурузой и ея уборка; фасоль и картофель; враги посѣвовъ и сорныя сѣмена; урожай и цѣнность земли; сѣно.....	585—603
3. Огородничество; табакъ; конопля и ленъ; марена..	603—607
4. Фрукты; виноградарство; оливковыя насажденія; тутовое дерево и шелкъ; полезныя дикія растенія:	

ромашка, руй (<i>thus cottinus</i>); лавровый листъ; подлочное дерево кацела <i>celtis (australis)</i>	СТРАИ.
607—626
5. Лѣсъ.....	626—634
X ГЛАВА. — Скотоводство.....	634—693
1. Значеніе скота вообще въ экономической жизни черногорца. — Различныя виды скота. — Лошади: опредѣленіе хорошихъ и дурныхъ качествъ; приемы; все, что относится къ ѣздѣ на лошади. Рогатый скотъ; его качества; уходъ за нимъ, пастьба.	634—648
2. Мелкій рогатый скотъ. Овцы: различныя ихъ виды по величинѣ, качеству шерсти и вкусу мяса; ижепа, которыя даются имъ по различнымъ ихъ качествамъ; агнење и различіе по возрасту. Отправленіе на катуны. Устройство катуна. — Пастьба. — Молочное хозяйство. — Вообще жизнь на катунѣ. — Возвращеніе съ катуна. — Вліяніе жизни на катунѣ на здоровье и характеръ; общественная сторона этой жизни; пѣсни, относящіяся къ ней	648—677
3. Зимовка скота въ чужихъ краяхъ. — Различныя условія отдачи скота или на лѣтнюю пастьбу внутри Черногоріи. — Враги и богѣзныи скота и средства противъ нихъ. — Свиноводство.....	677—687
4. Заботливость черногорца о скотѣ, выражающаяся при отправленіи многихъ праздниковъ, въ различныхъ обычаяхъ и обрядахъ. — Сравненіе между собою земледѣлія и скотоводства въ Черногоріи съ нѣсколькими относящимися къ тому данными.....	683—693
XI ГЛАВА. — Обрабатывающая промышленность.....	693—702
XII ГЛАВА. — Пути сообщенія и средства передвиженія.	702—715
1. Сухопутныя.....	702—711
2. Сообщеніе по водѣ.....	711—715
XIII ГЛАВА. — Охота на звѣрей и птицъ и рыбная ловля	715—737
XIV ГЛАВА. — Досугъ (игры, пляска, пѣнье и другія забавы).....	737—770
Дополненіе къ гл. XI.....	770—778
1. Выжиганіе извести.....	770—772
2. Вводѣніе и приготовленіе водки.....	772—778
Опечатки и мелкіе авторскіе недосмотры	

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сочиненіи нашемъ о Черногоріи, само собою разумѣется, главную и самую важную часть составляетъ этнографія, въ которой мы желали бы представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизнь во всѣхъ сферахъ и отправленияхъ со всею окружающею её обстановкою. Поэтому она и по объему превосходитъ первыя двѣ части, заключающія въ себѣ географію и исторію, которыя составляютъ, такъ сказать, введеніе къ этнографіи и общій фонъ, на которомъ создавалась и развивалась жизнь черногорскаго народа.

Принимая это во вниманіе, II-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ разрѣшило второй томъ моего сочиненія раздѣлить на 2 части, изъ которыхъ 1-я часть въ настоящее время и выходитъ въ свѣтъ.

Изъ прилагаемаго оглавленія можно, конечно, видѣть содержаніе этой части; но мы чувствуемъ потребность объяснить, чѣмъ мы руководились, какъ внесеніемъ въ книгу того или другаго матеріала, такъ и въ распредѣленіи его по рубрикамъ, держась извѣстной системы и порядка.

Имѣя дѣло съ народомъ, который жилъ исключительно племенною жизнію и даже теперь, силою исторіи втиснутый въ формы жизни государственной, продолжаетъ дѣлиться на пле-

меня съ полнымъ сознаниемъ племенной обособленности, мы прежде всего должны были остановиться на племенномъ составѣ Черногоріи.

Для этого мы должны были по возможности дознаться, откуда какое племя происходитъ, по крайней мѣрѣ, относительно болѣе значительныхъ группъ, такъ какъ съ происхожденіемъ связаны и нѣкоторыя особенности характера и быта; войти въ ихъ исторію, показать ихъ начало, чему нѣтъ мѣста въ общей политической исторіи страны. Кое-что въ этомъ отношеніи хотя и можно найти въ документахъ, но большая часть свѣдѣній сохраняется въ народномъ преданіи, которое начинается уже блѣднѣть и путаться, вслѣдствіе чего мы и считали своимъ долгомъ все это собрать и изложить. И только послѣ этой предварительной работы мы приступили къ объекту этнографическаго наблюденія: 1) племени съ его подраздѣленіемъ на братства или отдѣльные роды и съ тѣми функціями, которыя оно выполняло и выполняетъ въ народной жизни; 2) семьи или дома, составляющихъ основу этой жизни и 3) функционирующаго въ ней черногорца, какъ отдѣльной единицы, съ его индивидуальными физическими и моральными качествами; при чемъ отдѣльно разсматриваемъ два типа — физическій и нравственный.

Жизнь народа выражается, конечно, въ его дѣятельности, которая въ свою очередь проявляется въ двухъ сферахъ: матеріальной и нравственной или умственной.

Къ первой мы относимъ все, что обезпечиваетъ матеріальное существованіе человѣка: устройство жилища, приготовленіе одежды, пищи и всего, что необходимо для внѣшней обстановки; затѣмъ земледѣліе и скотоводство, обрабатывающую промышленность и средства передвиженій и, какъ дополненіе, мѣру, вѣсъ и вообще счетъ, служащіе народу для урегулированія этой дѣятельности въ области его матеріальныхъ потребностей. Небольшую главу посвятили мы охотѣ вмѣстѣ съ рыболовствомъ, какъ промыслу.

Наконецъ сюда же мы относимъ и войну. Это было бы

странно для всякаго другого народа, живущаго общею европейскою культурною жизнью, гдѣ война представляет собою явленіе случайное и ненормальное и ведется не цѣлымъ народомъ, а специально къ тому подготовленнымъ органомъ, войскомъ. Въ настоящее время и Черногорія вотъ уже почти 20 лѣтъ ни съ кѣмъ не воюетъ и выходитъ на тотъ же путь, по которому идутъ и другія цивилизованныя государства; но вся прошлая ея жизнь, вся ея исторія сложилась подъ вліяніемъ вѣчной войны, которая при томъ не представляла собою явленія случайнаго и ненормальнаго, а входила въ обыденную жизнь черногорца и составляла для него занятіе, какъ всякое другое, какъ земледѣіе, скотоводство или охота. Война наложила свою печать и на типъ черногорца; подъ ея вліяніемъ воспитались его добродѣтели и пороки, сложился весь характеръ, въ которомъ многое поймете и оцѣните, только изучивши его военную дѣятельность. Война имѣла вліяніе на привычки и даже на міровоззрѣніе черногорца; въ ней же проявляется и его народный геній. Поэтому черногорской войнѣ мы посвятили довольно значительную по объему главу*), останавливаясь главнымъ образомъ не столько на фактахъ изъ этой войны, сколько на способахъ и приемахъ ея веденія и ея воспитательномъ вліяніи на черногорца. Она войдетъ однако во 2-ю часть этого тома, чтобы сдѣлать менѣе объемистою 1-ю часть; за то ея мѣсто заняла глава о досугѣ черногорца, въ которую входятъ игры и различныя забавы.

Поводомъ всѣхъ этихъ проявленій жизни и дѣятельности служитъ стремленіе къ приобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, которое имѣетъ видъ борьбы съ природою и людьми.

Но есть жизнь мирная, чуждая борьбы, движимая и направляемая инстинктами общественности и внутренней гармоніи, которая нуждается только въ упорядоченіи ея, въ подведеніи

*) Она была нами прочитана въ одномъ изъ засѣданій Имп. Русск. Геогр. Общ. 17 января 1896 г., а потомъ была напечатана въ журн. «Русская Бесѣда» 1896 г. въ нѣсколько измененномъ видѣ.

подъ законъ и правило, и такимъ закономъ въ народной жизни является обычай и обрядъ, которымъ мы и посвящаемъ самую большую главу, подраздѣляя ихъ на: 1) религіозные, какъ празднованіе Рождества Христова, «крестнаго имени» и др.; 2) обычаи, сопровождающіе главные акты семейной жизни, какъ бракъ, рожденіе, похороны и т. д. и 3) обычаи внѣ-семейные и правовые, какъ побратимство, даванье убѣжища, кровавая месть, судъ и др.

Приступая къ разсмотрѣнію дѣятельности народа чисто умственной, мы прежде всего различаемъ дѣятельность несвободную, инстинктивную, въ которой умъ работаетъ, такъ сказать, поневолѣ подъ неотразимымъ давленіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и сознаниемъ необходимости опредѣлить свои отношенія къ цѣлому, стоящему отдѣльно отъ его я міру, матеріальному и духовному, такъ какъ отъ этого зависитъ его существованіе.

Сюда мы относимъ понятіе его о видимомъ небѣ съ его тѣлами, о землѣ съ ея произведеніями, объ атмосферныхъ явленіяхъ и т. п., а также и о духовномъ мірѣ. Въ этой дѣятельности человѣкъ не создаетъ ничего произвольно, а старается только объяснить существующее, поражающее его умъ и въ то же время имѣющее для него практическое значеніе.

Здѣсь онъ стремится, сколько возможно для его простого, невооруженнаго наукой и знаніемъ ума, стать на реальную почву, хотя, само собою разумѣется, не обладая средствами точнаго изслѣдованія, руководится исключительно практическими наблюденіями и многія вещи рѣшаетъ по догадкѣ и при помощи фантазій. Это даетъ человѣку цѣлое міровоззрѣніе, которое руководитъ имъ, какъ въ практической жизни, такъ и въ той умственной работѣ, которой онъ потомъ отдается свободно, посвящая тому свой досугъ и отдыхъ и находя въ томъ удовлетвореніе своего нравственнаго и эстетическаго чувства.

Къ общему міровоззрѣнію мы относимъ и понятія о высшемъ существѣ и вообще о духовномъ или сверхъестественномъ мірѣ, и всѣ относящіяся къ тому представленія о добрыхъ и

злыхъ духахъ, о различныхъ превращеніяхъ, которымъ подвергается человѣкъ и т. д.

Всѣ эти представленія дѣлаются его вѣрованіемъ и изъ нихъ создаются потомъ отдѣльные мифы, которые однако нельзя связать въ одно цѣлое и привести въ полную систему, какъ въ мифологіи грековъ и другихъ народовъ древности. Впрочемъ и мы весь этотъ матеріалъ представляемъ, если не въ полной системѣ, то въ нѣкоторой связи, гдѣ она есть, и послѣдовательности.

Наконецъ, въ главѣ «Плоды свободной фантазіи и остроумія» мы представляемъ различныя сказанія съ характеромъ религіознымъ или мірскимъ, сказки тоже съ различнымъ характеромъ, басни, загадки, анекдоты и т. п. Въ заключеніе мы даемъ небольшое собраніе пѣсенъ, мѣстныхъ и отсутствующихъ въ другихъ сборникахъ, и одну главу посвящаемъ языку, въ которомъ также выражается духъ и фізіономія народа. Этимъ и заканчивается этнографическая часть нашего сочиненія.

Считая своею главною задачею собраніе матеріала, мы старались однако привести его въ порядокъ и дать ему освѣщеніе, насколько таковое болѣе доступно непосредственному наблюдателю, имѣя въ виду, чтобы имъ легче могли воспользоваться люди науки.

Этнографія стала отдѣльною, самостоятельною наукой, сравнительно, въ весьма недавнее время.

Мы знаемъ еще то время, когда она входила и то въ весьма ограниченномъ объемѣ въ географію. Да и сама географія тогда считалась вспомогательною наукой исторіи. И только К. Риттеръ своимъ «Землевѣдѣніемъ» поставилъ ее на соотвѣтствующее ей мѣсто въ ряду другихъ наукъ. И тѣмъ не менѣе у насъ въ Россіи она долго не имѣла правъ предмета университетскаго курса, и нѣтъ еще десяти лѣтъ, какъ существуютъ отдѣльныя каедры географіи и то не во всѣхъ университетахъ.

При томъ, состоя прежде въ кругу наукъ гуманитарныхъ, теперь она становится естественною наукой.

Той же участи подверглась и этнографія.

Несмотря однако на такое неопредѣленное положеніе этихъ наукъ, у насъ идутъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Россіи, изслѣдованія географическія и этнографическія, которыя представляютъ цѣлую литературу. Сколько сдѣлано у насъ въ области географіи, можно видѣть изъ указателя Межова *); а по отношенію къ русской этнографіи для того же служитъ капитальный трудъ А. Н. Пыпина **).

Достоинствомъ представителемъ географической науки у насъ является Импер. Рус. Географическое Общество, которое съ честью дѣйствуетъ уже 50 лѣтъ и имѣетъ свои Отдѣлы въ различныхъ концахъ Россіи. При немъ же состоитъ и особое этнографическое Отдѣленіе, которое давно уже издаетъ свой сборникъ, а теперь имѣетъ постоянный органъ «Живая Старина», который выходитъ уже шестой годъ.

При университетахъ нашихъ также существуютъ Общества этнографіи въ соединеніи съ исторіей и археологіей.

При этомъ мы замѣчаемъ, что всѣ этнографическія работы производились и производятся до сихъ поръ людьми не специалистами въ этнографіи. По научной профессіи вы тутъ видите историковъ, филологовъ, юристовъ, а меньше всего натуралистовъ; иногда людей безъ научной профессіи: путешественниковъ, просто знатоковъ народнаго быта и любителей, часто съ отгѣнкомъ патріотическимъ, политическимъ или социальнымъ. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ вы находите описаніе народнаго быта со всею его обстановкой и экономическаго положенія, вѣрованія, преданія, обычаи и обряды, пѣсни, образчики языка вмѣстѣ съ замѣтками историческими и археологическими.

Въ такомъ смыслѣ опредѣляетъ этнографію изслѣдователь

*) В. И. Межовъ. Литература русской географіи, этнографіи, статистики за 1859—1880 гг. Тома I—IX (20 выпусковъ).

**) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. СПб. 1890—1892. 4 тома.

финскихъ племень Кастренъ, смотря на неё, какъ на «науку о религіи, о государственномъ строѣ, нравахъ и обычаяхъ, образѣ жизни, обиталищахъ народовъ, словомъ науку о всемъ томъ, что относится къ внутренней и ви́шней жизни ихъ», и заключаая, наконецъ, такъ: «Этнографію можно разсматривать, какъ часть исторіи культуры» (Ethnolog. Vorles. St. Petersburg. 1857, стран. 7). Совсѣмъ иначе опредѣляетъ её натуралистъ Гэксли *):

«Этнографія — наука, опредѣляющая отличительныя черты постоянныхъ, исчезающихъ видоизмѣненій человѣческаго рода, изслѣдующая распределеіе этихъ видоизмѣненій и стремящаяся открыть причины или условія существованія, какъ этихъ видоизмѣненій, такъ и ихъ распределеія» (стр. 1). И затѣмъ онъ же продолжаетъ:

«При такомъ опредѣленіи, этнографія должна считаться частью антропологіи, великой науки, распутывающей сложные вопросы, касающіеся человѣческой организаціи, опредѣляющей отношенія человѣка къ другимъ животнымъ, изучающей все, что есть чисто человѣческаго въ способѣ, по которому совершаются сложные отправления человѣка и изслѣдующей условія, опредѣляющія существованіе его на землѣ».

Здѣсь болѣе въ общихъ чертахъ опредѣляется область этнографіи; но подъ выраженіемъ: «все, что есть чисто человѣческаго» и т. д., мы находимъ почти то же самое, что у Кастрена.

А между тѣмъ проф. Э. Ю. Петри въ своей «Антропологіи», останавливаясь на выше приведенномъ опредѣленіи Кастрена, замѣчаетъ: «къ сожалѣнію, однако, терминъ этотъ (этнографія) быстро получаетъ непомерно широкое значеніе и, такъ сказать, поглощаетъ собою всю антропологію» (Т. I, стр. 44).

Намъ кажется, что между всѣми науками, имѣющими своимъ предметомъ народъ или человѣка, врядъ-ли возможно провести строгую границу. Самъ г. Петри далѣе говоритъ, что антропологія не можетъ обойтись безъ соціологіи и «немыслима

*) Методы и результаты этнографіи. Спб. 1867 г. изд. Н. И. Ламанскаго.

безъ своей вспомогательной науки географіи» и изъ сближенія ихъ является «антропо-географія, изучающая законы соотношеній между человѣкомъ и природою» (стр. 46). Сліяніе же географическаго матеріала съ этнографическимъ и этнологическимъ обособилось въ науку «народовѣдѣнія» (Völkerkunde), стремящуюся къ тому, чтобы дать полный очеркъ природы и жизни народовъ земного шара» (стр. 47).

Тамъ же г. Петри продолжаетъ: «Чрезвычайно близки отношенія антропологии къ исторіи, такъ какъ антропология на ряду съ географіей является естественной почвой для пониманія исторіи» (стр. 47).

Остановимся еще на одномъ опредѣленіи этнографіи, изъ котораго можно заключать, какая ей дается роль и область; это взглядъ нѣмецкаго ученаго г. Герланда *).

«Съ этнологіей, наукою о бытѣ (Wesen) народовъ», говоритъ онъ, «въ самой тѣсной, нераздѣлимой связи находится этнографія, наука о современномъ распространеніи людей на земномъ шарѣ, о способѣ и времени, какъ и когда совершилось это распространеніе, о ихъ приблизительномъ числѣ и т. д. Поэтому она можетъ быть названа статистикою этнологіи, географическою частью народовѣдѣнія». Изъ этого слишкомъ общаго опредѣленія нельзя себѣ составить яснаго понятія о томъ, что входитъ въ область этнографіи; но далѣе, говоря объ антропологии, онъ призываетъ въ помощь ей исторію, археологію, анатомію, физиологію, лингвистику, наконецъ, зоологію, ботанику и даже геологію; а этнографія, какъ статистика антропологии, должна, само собою разумѣется, по всѣмъ этимъ наукамъ доставить ей матеріалъ.

Гораздо яснѣе и конкретнѣе находимъ опредѣленіе этнографіи у другого нѣмецкаго ученаго Шафгаузена, хотя оно и не прямо къ ней относится **).

*) Georg Gerland — Anthropologische Beiträge. Halle a. S. 1875.

**) Бытъ дикихъ народовъ. Спб. 1867 г. изд. Н. И. Ламанскаго.

Онъ говоритъ: «Чтобы опредѣлить, на какой степени образованности стоитъ народъ, нужно знать его языкъ, брачную и семейную жизнь, жилища, одежду и пищу, оружіе, обычаи и слѣды богопочитанія» (стр. 9).

Здѣсь въ числѣ предметовъ, необходимыхъ при изученіи какого-либо народа, на первомъ мѣстѣ стоитъ языкъ. И дѣйствительно изучать народъ можно только въ непосредственномъ тѣсномъ общеніи съ нимъ, которое невозможно безъ знанія его языка. Но, помимо этой практической необходимости знанія языка изучаемаго народа, филологія, со временъ Лейбница разрабатываемая такими филологами, какъ В. Гумбольдтъ, Абель-Ремюза, Клапротъ, Причардъ, братья Гриммы и др., помогаетъ рѣшенію вопроса о расахъ человѣческихъ, которымъ прежде занимались исключительно естественники зоологи, какъ Бюффонъ, Блюменбахъ, Кювье и др.; она объясняетъ многое въ исторіи народовъ внѣ предѣловъ исторической эпохи и исполняетъ въ этомъ случаѣ тоже, что палеонтологія въ геологическихъ періодахъ нашей планеты. Причардъ говоритъ, что «исторія народовъ, называемая этнографіей, должна быть основана на соотношеніяхъ ихъ языковъ» *). Съ пятидесятихъ годовъ представителемъ этого направленія является боннскій проф. Августъ Шлейхеръ со своимъ журналомъ «*Volkspychologie*», самое названіе котораго заключаетъ въ себѣ опредѣленіе главной задачи современной филологіи.

Всѣ эти опредѣленія даютъ возможность разобраться въ вопросѣ, что должно составлять содержаніе этнографическаго изслѣдованія. И, сообразуясь съ этими опредѣленіями, мы считаемъ собранный нами матеріалъ вполне входящимъ въ область этнографіи, хотя кое-что, конечно, можно отнести къ антропологіи, этнологіи или народовѣдѣнію, съ которыми такъ сродна этнографія. Остается сказать еще о методѣ. За этимъ обратимся опять къ Гэкслю, который именно методу и посвятилъ свою брошюрку, отмѣченную нами выше.

*) Приведенное выше сочиненіе Шафгаузена.

Смотря на этнографію, какъ на часть антропологій, а на антропологію, какъ на «раздѣлъ зоологій, составляющей, въ свою очередь, животную половину біологій—науки о жизни и о всемъ живущемъ» (стр. 1—2), онъ говоритъ, что методы могутъ быть различны. Человѣка можно разсматривать съ чисто зоологической точки зрѣнія; или же обратиться «къ изученію практической жизни людей»; или прибѣгнуть къ тому роду указаній, который доставляется собственно такъ называемой исторіей; затѣмъ слѣдуетъ археологія, а гдѣ исчезаютъ всѣ нити — палеонтологія» (стр. 2—3). Методъ можно избрать тотъ или другой, или же пользоваться всѣми вмѣстѣ (стр. 3). Не всѣ однако методы «одинаково прямы или вѣрны, или легко доступны» (стр. 3). Послѣ этого, разсмотрѣвши всѣ методы отдѣльно и найдя ихъ неудовлетворяющими цѣлямъ науки, онъ приходитъ къ заключенію, «что рѣшенія зоологій составляютъ для этнографа высшую инстанцію и что доказательства, основанныя на отличительныхъ чертахъ физическаго строенія, не могутъ быть опровергнуты никакими другими» (стр. 13).

Здѣсь очевидна односторонность. Что касается физическаго типа, то тутъ требуются измѣренія черепа и цѣлаго скелета, описаніе мозга также на основаніи измѣреній и взвѣшиваній, соотношеніе различныхъ частей тѣла, цвѣтъ и строеніе волосъ, темпераментъ и т. д., что этнографу ненатуралисту не доступно и что онъ долженъ будетъ искать въ специальныхъ изслѣдованіяхъ такого рода, если таковыя имѣются, а часто ихъ и нѣтъ. Точно такъ ему приходится прибѣгать къ помощи статистика, чтобы знать, напр., степень размноженія и долговѣчія народа; обращаться за различными свѣдѣніями къ врачу, агроному, военному человѣку и т. д. Но и при опредѣленіи физическаго типа не достаточно быть зоологомъ, а нужно быть антропологомъ, потому что физиологическія отправления человѣка настолько сложнѣе и загадочнѣе отправленій всѣхъ другихъ животныхъ, что изслѣдованіе ихъ составляетъ свою особую, при томъ очень обширную область. Этнографъ же, кромѣ физическаго

типа, долженъ изучить еще его душевный міръ, его бытъ, семейныя и общественныя отношенія, обычаи, преданія, вѣрованія и массу другихъ предметовъ, которые не поддаются никакимъ измѣреніямъ. И потому мы слѣдуемъ методу наукъ гуманитарныхъ, а не зоологическому, который совершенно чуждъ намъ.

Увлеченіе зоологическимъ методомъ, какъ его называетъ Гэксли, замѣчается и у антропологовъ, что дало поводъ слѣдующему замѣчанію г. Петри: «Въ виду пристрастія антропологовъ къ измѣреніямъ (*антропометрія* со включеніемъ особой дисциплины — *краниологичи*) въ глазахъ обыденной публики, не проникшей въ тайны науки и во временныя уклоненія ея, вся антропология зачастую смѣшивается съ измѣреніями» (Антроп. стр. 42, въ выноскѣ). Упрекъ этотъ дѣлается «обыденной публикѣ»; но его, по нашему мнѣнію, должны раздѣлить отчасти и сами антропологи со своими увлеченіями.

Замѣтимъ при этомъ, что антропологи большею частью занимаются дикими народами, а относительно народовъ культурныхъ приводятъ факты преимущественно изъ временъ, давно прошедшихъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ предположенія, что дикіе народы представляютъ собою болѣе чистые и оригинальные типы, не подвергшіеся постороннимъ культурнымъ вліяніямъ; въ то же время жизнь ихъ и всѣ жизненныя, особенно духовныя отправления несравненно проще, чѣмъ у народовъ культурныхъ; поэтому къ нимъ легче примѣнимъ зоологическій методъ. Но и здѣсь самое трудное составляетъ вѣрное изображеніе духовной жизни. Э. Ю. Петри въ своей «Антропологии», дойдя до главы «Религіозныя представленія дикарей», высказываетъ впередъ большую трудность разобратъся въ этомъ вопросѣ вслѣдствіе того, что наблюдатели сплошь да рядомъ не могутъ отрѣшиться отъ своихъ «предразсудковъ, установленныхъ и освященныхъ вѣками», отъ «неумѣлыхъ разспросовъ» и «крайней легкомысленности отзывовъ», и приводитъ при этомъ рядъ примѣровъ подобнаго рода изъ Лёббока, Томсона, Норденшѣльда, Ливинг-

стона и другихъ знаменитыхъ изслѣдователей и путешественниковъ (стр. 134—135, 489—491).

Это показываетъ однако только то, что методъ наукъ гуманитарныхъ еще не достаточно выработанъ, и въ немъ большую роль играетъ личность наблюдателя, между тѣмъ какъ самая работа много сложнѣе и потому труднѣе.

Но, почему антропологи и этнографы занимаютъ больше дикими народами или обращаются за фактами къ временамъ давно прошедшимъ, отчасти объясняетъ Э. Тэйлоръ *). «Приемъ этнографа» — говоритъ онъ — «долженъ походить на приемъ анатома, который по возможности производитъ свои изслѣдованія скорѣе на мертвыхъ, чѣмъ на живыхъ субъектахъ; вивисекція есть дѣло трудное, и человѣколюбивый изслѣдователь не любитъ причинять напрасное мученіе; для насъ практически выгодно, если мы можемъ изучать эти законы (умственного движенія) болѣе по антикварнымъ остаткамъ, не имѣющимъ большого интереса въ наше время, чѣмъ по тѣмъ жгучимъ вопросамъ дня, которые приходится изслѣдовать среди волненій и ожесточенныхъ споровъ» (I т., стр. 147).

Это однако компромиссъ, котораго, по нашему мнѣнію, не должно быть въ наукѣ. Если въ исторіи высоко цѣнятся записки современниковъ, составленныя по непосредственному личному наблюденію, то тѣмъ болѣе это требуется въ этнографіи, которая должна намъ представить типъ живого и дѣйствующаго человѣка, а не застывшій трупъ. Нужно жить съ народомъ, чтобы его узнать. И потому О. Пешель въ своемъ «Народовѣдѣніи» **) вотъ что совѣтуетъ: «Путешественникъ долженъ годы прожить среди дикарей, принадлежа къ ихъ средѣ, прежде чѣмъ его взгляды на ихъ духовное состояніе могутъ претендовать на какое-нибудь значеніе» (стр. 266).

*) Первобытная культура. Перев. съ англ. подъ редакціей Д. А. Корочевского. Спб. 1873 г.

**) Переводъ подъ редакц. проф. Э. Ю. Петри съ 6-го изд.; выпускъ I, Спб. 1890 г.

Еще болѣе этотъ совѣтъ уместенъ для изслѣдователя жизни культурнаго народа, у котораго жизнь слагалась не подъ вліяніемъ однихъ физическихъ условій, какъ у дикарей, и не въ ограниченной области какого нибудь острова или неприступной пустыни, гдѣ прожиты вѣка безъ понятія о другой жизни себѣ подобныхъ, какъ у большинства дикарей; но въ непрерывныхъ сношеніяхъ мирныхъ или враждебныхъ съ другими народами самыхъ разнообразныхъ физическихъ типовъ и культурныхъ характеровъ. Въ жизни культурныхъ народовъ исторія является не менѣе сильнымъ факторомъ, чѣмъ природа. Исторія въ жизни человѣчества совершаетъ то же самое, что геологическіе перевороты въ жизни земли: все она перемѣщаетъ, перетасовываетъ, все видоизмѣняетъ, всему даетъ новую форму и новый характеръ. И только исторія можетъ навести на объясненіе многихъ явленій въ жизни современныхъ народовъ, тогда какъ матеріалъ для объясненій можетъ дать только этнографія. Эти двѣ науки непремѣнно должны идти рука объ руку, приходя одна другой на помощь: гдѣ недоумѣваетъ одна, можетъ дать рѣшеніе другая.

Такъ исторія говоритъ, что сербы пришли на Балканскій полуостровъ изъ Карпатовъ, изъ страны Бойки, откуда часть перешла въ то же время или еще раньше въ нынѣшнюю Россію. Въ настоящее же время жители Карпатовъ и Балкановъ такъ отдалены другъ отъ друга, и такъ различна ихъ жизнь и вся обстановка ихъ жизни, что они даже не знаютъ другъ о другѣ, и видѣвшему тѣхъ и другихъ не придетъ въ голову, что это одинъ и тотъ же народъ.

Но во время путешествія моего по Сербіи многое въ типѣ и характерѣ сербовъ и въ обстановкѣ ихъ жизни сразу напомнило мнѣ нашихъ малороссіянъ.

Первое, что мнѣ кинулось въ глаза еще въ Бѣлградѣ, это—*кириджіи* (возчики): тяжелая, неуклюжая телѣга, запряженная паркою воловъ и рядомъ съ ними кириджія съ вnutомъ въ рукѣ медленно и апатично движутся съ какимъ-то грузомъ; это—совершенно малороссійскій чумаки, также бритый, безбородый,

съ одними только усами; другая только одежда, да волосы гладко остриженные, а не въ кружало. Здѣсь, впрочемъ, сходство являлось, можетъ быть, случайно, вслѣдствіе того, что тамъ и тутъ работаютъ на волахъ. Возьмемъ другой примѣръ. Прихожу я въ одно село шабацкаго округа; принимаетъ меня священникъ; съ нимъ прогуливаемся по селу, а село, такъ называемое, *ушоренное*, т. е. дома стоятъ всѣ въ рядъ, образуя улицу, какъ и у насъ, только сзади дворъ съ садомъ, въ которомъ главное мѣсто занимаетъ *сливнякъ* (насажденіе сливовыхъ деревьевъ); а затѣмъ идутъ черешни, яблони, айвы и другія плодовые деревья; тамъ же и пчельникъ; а передъ домомъ палисадникъ, за которымъ растутъ васильки (босіока *basilica odorata*), калоперъ, зоря (по-малорос. любистокъ, *levisticum*) и гвоздика или шапки; то, что всегда найдете и въ малороссійскомъ огородѣ. Входимъ въ домъ; пусто: ни стола, ни скамеекъ, ни образовъ въ красномъ углѣ; но въ этомъ именно углѣ спущенъ съ потолка на шнуркѣ голубь, сдѣланный изъ тѣста и съ хвостомъ изъ бумаги.

Долгое турецкое господство изгнало иконы; вмѣсто нашего стола употребляется тоже по турецкому обычаю кругленькій столикъ на низенькихъ ножкахъ (*софра*), около котораго сидятъ на какойнибудь подстилкѣ или на чурбашикѣ; а гдѣ есть столъ, то его по-мадьярски называютъ *асталъ*, все равно какъ въ Черногоріи *трпеза* или *таволинъ*. Только голубь, изображающій Святого Духа, въ переднемъ углѣ напоминаетъ, что когда-то тамъ же были и иконы, какъ то понинѣ существуетъ у малороссовъ, гдѣ около образовъ обыкновенно бываетъ сверхъ того еще наткано много цвѣтовъ.

Чѣмъ больше я знакомился съ сербскою жизнью, тѣмъ больше открывалъ въ ней черты этого сходства въ типѣ, характерѣ, манерѣ нѣнія и особенно въ языкѣ.

Въ Черногоріи мы замѣчаемъ тоже самое, несмотря на еще большее разстояніе, отдѣляющее черногорцевъ отъ малороссовъ. Между прочимъ, читая, о *юрмакахъ*, живущихъ въ Карпатахъ, мы встрѣчаемъ у нихъ одну характерную черту, об-

шую съ черногорцами: необыкновенную чувствительность къ обидѣ и вытекающее оттуда чувство мести, возводимое въ культъ, разница въ томъ только, что одни прибѣгаютъ для того къ пистолету или ружью, а другіе къ дубинѣ. Проф. Краковской Агрономической Академіи Адамецъ, изучая расы крупнаго рогатаго скота, нашелъ особую породу, которую по мѣсту нахождения на Балканскомъ полуостровѣ назвалъ *милірскою*; но она держится преимущественно тамъ, гдѣ живетъ или жило прежде сербское племя; и та же самая порода находится въ Карпатахъ, откуда онъ и предполагаетъ ея происхождение. Въ послѣднемъ примѣрѣ зоологія очень кстати приходитъ на помощь исторіи и этнографіи; а вообще такія мелкія наблюденія наводятъ на догадки, которыя ведутъ иногда къ важнымъ заключеніямъ.

Мы не дѣлаемъ этихъ сопоставленій внутри нашей книгѣ, но приводимъ ихъ здѣсь для примѣра, чтобы показать, какое значеніе этнографическіе факты могутъ имѣть для исторіи. Не можемъ удержаться также, чтобы не указать еще на фактъ, могущій принести нѣкоторую пользу въ рѣшеніи одного вопроса изъ русской исторіи.

Русская исторія обыкновенно начинается съ исторіи славянъ вообще и въ особенности тѣхъ племенъ, изъ которыхъ современнымъ образовалось Русское государство, въ ту отдаленную эпоху, когда они жили еще племенною или родовою жизнью. При этомъ слова лѣтописца Нестора о полянахъ, что они жили «*каждо родомъ своимъ*», толкуются различно, и не знаю, пришли ли до сихъ поръ къ полному соглашенію относительно того, что изъ себя представляли эти роды, и каковъ былъ этотъ родовой бытъ. Изъ этого вопроса создалась у насъ цѣлая литература, обзорѣніе которой очень кстати находимъ въ сочиненіи проф. Д. Самоквасова — *Исторія Русскаго Права*. По пути въ этой литературѣ много говорится и о *сербской задругѣ*, какъ основѣ рода.

Относительно опредѣленія юридическаго характера задруги

нашими учеными проф. Самоквасовъ справедливо замѣчаетъ, что «они говорятъ о ней съ чужихъ словъ и ссылаются, какъ на источники, на сочиненія гг. Иречка, Ткалца, Воцеля, Сипріяна-Робера и другихъ ученыхъ, въ свою очередь почерпавшихъ свѣдѣнія о семейной общинѣ южныхъ славянъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, предполагающихъ въ томъ учрежденіи сохранившуюся форму древнѣйшаго политическаго быта всѣхъ славянъ и построившихъ понятія о задругѣ столько же на фактахъ наблюденія, какъ и на фантазіи, подъ вліяніемъ предвзятыхъ схемъ древнеславянскаго политическаго быта» (стр. 132).

Благодаря тому, что господа ученые почерпали свои свѣдѣнія не изъ непосредственнаго источника, а изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и при томъ подъ вліяніемъ предвзятыхъ схемъ, задруга у нихъ представляется не просто большою семьей, а семейною общиною съ общностью имущества, съ выборнымъ началомъ и семейнымъ совѣтомъ; по этому представленію всѣ внутреннія отношенія въ ней вѣдаются не естественнымъ ея старшиною, отцомъ семейства, а выборнымъ главою, хотя бы онъ былъ и младшій членъ; и все въ ней держится на чисто правовыхъ началахъ. Задруга обратила на себя вниманіе и многихъ западно-европейскихъ ученыхъ, особенно занимающихся исторіей права.

Между прочимъ обратилъ на нее вниманіе извѣстный англійскій ученый Г. С. Мэнъ въ своемъ соч. «Древнее Право» (перев. Бѣлозерской, Спб. 1873 г.), при чемъ онъ проводитъ параллель между нею и общинами русской и индійской. Тому же предмету посвящаетъ онъ и особую статью «South Slavonians and Rajpoots (the XIX Century, 1877, № 10, стр. 796—819)», въ которой опять сравниваетъ её съ соединеннымъ или сложнымъ семействомъ и сельскою общиною (the Joint Family and the Village Community) въ Индіи, и замѣчаетъ при этомъ, что въ Индіи эти двѣ формы встрѣчаются вмѣстѣ, т. е. въ одномъ селѣ; но тамъ, гдѣ сильно развиты сложные семьи, тамъ слаба

вообще сельская организація и рѣдки сельскія общины (стр. 799—800). Слѣдовательно, задруга и община представляютъ собою совершенно различныя формы, исключаютъ одна другую, хотя ей и дается имя семейной или домашней общины (House Community). «У сѣверныхъ славянъ или русскихъ», говоритъ онъ, «существуетъ сельская община».

Что касается теоретическаго опредѣленія задруги, ея характеристики и значенія въ социальной и экономической жизни народа, мы нигдѣ не встрѣчаемъ лучшей разработки вопроса, какъ въ этой статьѣ. Но и англійскій ученый, также почерпая свои свѣдѣнія изъ другихъ и третьихъ рукъ, поддается влиянію своихъ источниковъ и, по нашему мнѣнію, рассматриваетъ не дѣйствительную, естественную задругу, а ея схему, основанную на чисто юридическихъ началахъ, подъ которыя никакъ нельзя подводить народную жизнь. Народная жизнь регулируется не закономъ, а обычаемъ, который впоследствии и можетъ быть возведенъ въ законъ; но не можетъ быть отождествляемъ съ нимъ. Во всѣхъ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ народъ руководится понятіемъ о правѣ и справедливости, которыя часто не совпадаютъ съ ихъ юридическими опредѣленіями.

Задруга — не община, а семья, и состоитъ изъ лицъ, находящихся въ самомъ близкомъ кровномъ родствѣ; а постороннему въ ней нѣтъ мѣста, кромѣ случаевъ усыновленія или другого способа вступленія въ родство. И въ семьѣ глава — отецъ, а не членъ по выбору, пока онъ самъ не выпуститъ власть изъ своихъ рукъ, одряхлѣвъ или по какимъ другимъ причинамъ, дѣлающимъ его неспособнымъ; и тогда только вступаетъ на его мѣсто другой, съ его согласія и не по выбору, а по семейному договору, при томъ всегда почти старшій сынъ или вообще старшій за нимъ. Случайно можетъ быть и младшій, если всѣ признаютъ его способнымъ для того; случается же, что овладѣваетъ болѣе умный и ловкій.

И это не есть особенность сербовъ. Г. Самоквасовъ описываетъ такую семью въ с. Воробьевкѣ, Курской губерніи, въ

1872 г. состоявшую изъ 42 чел. съ выборнымъ старшиною, повиненіе которому было безпрекословное, гдѣ въ важныхъ случаяхъ, какъ при женитьбѣ или выдѣтѣ замужъ, составлялся семейный совѣтъ изъ старшихъ домочадцевъ. Вся семья называлась *Софроничи*, вѣроятно, по имени старшины, такъ какъ далѣе узнаемъ, что въ 1875 г. вскорѣ по смерти Софрона семья раздѣлилась, преимущественно вслѣдствіе ссоръ между женщинами; и она раздѣлилась на 4 семейные союза, подобные первому. Та же судьба обыкновенно постигаетъ и сербскую задругу.

Значить, задругу можно найти не у однихъ сербовъ, а и у русскихъ.

А. М. Ковалевскій въ своемъ соч. «Первобытное право» (М. 1886 г.), посвященное разсмотрѣнію рода и родовыхъ отношеній, а потомъ семьѣ и семейнымъ отношеніямъ, во 2-мъ выпускѣ нѣсколько страницъ (20—32) посвящаетъ южнымъ славянамъ, при чемъ также останавливается на задругѣ, и, какъ и другіе, называетъ её семейною общиною съ выборнымъ началомъ, хотя въ древнѣйшемъ періодѣ ея существованія признаетъ, что старшинство было по возрасту; общину же съ выборнымъ главою онъ считаетъ явленіемъ позднѣйшимъ, при чемъ она представляетъ собою ничто иное, «какъ вымирающій родъ». (I, 4). Но интереснѣе для насъ то, что подобное сербской задругѣ онъ находитъ и у кавказскаго народа осетинъ. И тамъ есть семейныя общины съ главою по возрасту или по выбору; и тамъ есть общины, въ которыхъ нѣсколько семействъ живутъ вмѣстѣ, при чемъ члены ихъ живутъ частью отдѣльными дворами, удерживая въ большей или меньшей нераздѣльности принадлежащую имъ земельную собственность. Гдѣ нѣсколько семействъ, тамъ столько старѣйшинъ, сколько семействъ. Но въ обоихъ случаяхъ старшина управляетъ не единолично, а съ совѣта старшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Живутъ вмѣстѣ отъ 25 до 50 и даже до 100 душъ; но, по мѣрѣ женитьбы сыновей, племянниковъ и внуковъ, дѣлаются новыя пристройки, и каждая семья имѣетъ особое помещеніе, а общая сакля служитъ кухней и столовой для всѣхъ со-

жительствующихъ. Тоже самое мы видѣли и въ Сербіи, что младшія пары (мужъ и жена съ дѣтьми) имѣютъ каждая свою *полату* (родъ амбарчика), а въ главномъ домѣ живутъ старшіе и тамъ же всѣ собираются для ѣды.

Все это представляетъ только варіаціи одной и той же формы семейнаго сожитія, видоизмѣняющейся вслѣдствіе мѣстныхъ условій, и не составляетъ исключительной особенности одного какого-либо народа, а цѣлой расы.

Наши личныя наблюденія относительно задруги и жизни въ ней ограничиваются Сербіей (нынѣшнее королевство); въ Черногоріи же нѣтъ названія задруги въ смыслѣ большой семьи или семейной общины; да и большихъ семей въ собственно Черногоріи въ настоящее время не существуетъ; а можно ихъ найти еще въ новоприосоединенныхъ къ ней герцоговнскихъ краяхъ, какъ Баняны, Опутная Рудина, Пива и Дробняки *). Но д-ръ В. Богшичъ, самый компетентный знатокъ юридическаго быта южныхъ славянъ, доказалъ, что узкая семья, такъ называемая *шюкочина*, по существу, то же самое, что и сложная. А въ черногорской семьѣ, простой и сложной, мы не находимъ ни выборнаго начала, ни семейнаго совѣта. Что представляетъ изъ себя эта семья, читатель найдетъ въ нашей книгѣ.

Что же касается родового быта, то мы его находимъ въ Черногоріи въ полномъ развитіи, только понятіе рода переносится на племя.

И здѣсь, какъ и въ задругѣ, у многихъ писателей мы встрѣчаемъ опредѣленія, которыя не отвѣчаютъ дѣйствительности, наблюдаемой нами въ Черногоріи. Правда, Черногорія вотъ уже 50 лѣтъ представляетъ собою политическую единицу, княжество, а не союзъ отдѣльныхъ племенъ, какъ то было прежде. Но Черногорія до сихъ поръ дѣлится на племена, которыя приняты и за административныя единицы; а что касается внутренняго быта, то въ такой короткій періодъ онъ не могъ подвергнуться какимъ-ни-

*) Одну такую задругу и жизнь въ ней мы и описываемъ въ нашей книгѣ (стр. 196 — 199).

будь существеннымъ измѣненіямъ. Да и само правительство, какъ ни старается стать на государственную точку зрѣнія, не можетъ еще отрѣшиться отъ племенного духа. До сихъ поръ рядомъ съ капитанами, административными органами правительства, существуютъ капитаны *племенскіе*, хотя и назначаемые княземъ, но непременно изъ того же племени; да и первые капитаны всегда почти изъ мѣстныхъ людей; только окружнымъ капитаномъ надъ нѣсколькими племенами или нахіями можетъ быть совѣмъ посторонній тому краю человекъ. И теперь еще нѣкоторыя племена въ совмѣстное владѣніе землею съ трудомъ принимаютъ къ себѣ человека изъ другого племени и «право прече купле» (*præemptio*), которымъ это не допускается, цѣликомъ вошло въ новый законникъ Черногоріи. Правда, и въ Черногоріи иногда племенемъ называется совокупность населенія не одного происхожденія; но это произошло въ позднѣйшее время, когда въ Черногорію убѣгали сербы изъ разныхъ сербскихъ краевъ, послѣ того какъ пало Сербское Царство, и составлявшія его провинціи стали падать турецкому владычеству, главнымъ образомъ въ теченіе XV вѣка. При томъ доселенія эти шли такими массами, что иногда въ нихъ совершенно утопали старожилы. Нѣкоторыя однако племена, какъ Васоевичи, остались совершенно цѣльными. И тамъ даже, гдѣ племенемъ называются не родственныя между собою группы, эти группы представляютъ собою не разнородныя общины, а роды или братства, связанные между собою кровнымъ родствомъ.

А. Н. Поповъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ по Черногоріи, замѣчаетъ, что родовое устройство у черногорцевъ стало развиваться уже послѣ покоренія Сербіи турками и при власти первыхъ владыкъ *). Но развѣ возможно развитіе такого коренного устройства, на которомъ держится весь народный бытъ, если бы оно не вытекало изъ народнаго

*) А. Н. Поповъ.—Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847. (Путешествіе было имъ совершено въ 1842 г.)

духа и изъ всего прежняго строя? На племенной составъ старой Зеты ясно указываетъ упоминаніе племенъ бѣлопавличей, озрихничей, малоншичей и мазничей въ документахъ времени Бальшичей (въ началѣ XV в.), изъ которыхъ два первыя существуютъ и нынѣ; а племенной бытъ Черногоріи одинаково, какъ при владыкахъ, продолжается и въ нынѣшнемъ Черногорскомъ княжествѣ.

Дѣло только въ томъ, что, пока существовало сербское государство, въ политической жизни функционировали государственные элементы, тогда какъ элементъ родовой или племенной въ свою очередь функционировалъ во внутренней жизни народа; а какъ скоро государство пало, онъ выступилъ и какъ факторъ политическій. Что всѣ эти племена въ продолженіи 3½ столѣтій играли и политическую роль, доказываетъ то, что къ нимъ западныя государства постоянно обращались, когда предпринимали что-нибудь противъ турокъ; черезъ нихъ дѣйствовала Венеціанская республика, съ ними же сносилась и республика Дубровницкая и не по однимъ торговымъ дѣламъ, а и по политическимъ. Притомъ это были племена, въ которыхъ всегда коренилось сознаніе ихъ единства между собою по вѣрѣ, народности и исторіи; при всей обособленности, которая вообще характеризуетъ родовой бытъ, они представляли собою союзъ, во главѣ котораго стоялъ общій духовный глава, владыка, а въ каждомъ племени по отдѣльности были свои главари свѣтскіе. Правда, они часто воевали другъ съ другомъ, входили въ союзъ съ турками противъ своихъ же, иногда подчинялись имъ; но это свойство всѣхъ союзовъ и политическихъ, какими были, напр., древнегреческіе, въ которыхъ отсутствуетъ сильная центральная власть, пока путемъ опыта и науки не выработались политическія формы для союзовъ подобнаго рода, какъ, напр., швейцарскій и сѣвероамериканскій.

Именно то для насъ и важно, что въ этомъ союзѣ родовой бытъ могъ развиваться совершенно свободно, не стѣсняемый и не видоизмѣняемый никакимъ внѣшнимъ факторомъ, какимъ въ

государствѣ является центральная власть, сосредоточенная при томъ въ личности одного государя. Иноземныхъ вліяній въ Черногоріи также не могло быть, такъ какъ не было съ другими странами слишкомъ тѣсныхъ сношеній; нѣкоторое вліяніе было со стороны Турціи и Венеціи, которое однако было болѣе внѣшнее, не проникавшее въ глубь народной жизни; а если и бывали случаи проникновенія чужихъ элементовъ, какъ, напр., магометанства и католичества, то противъ этого всегда появлялась реакція; и въ то время, какъ одни поддавались, другіе еще крѣпче держались за свое, вступали въ борьбу и выдерживали её. Благодаря этому, черногорскій народъ и сохранилъ свои коренныя начала во всей неприкосновенности и вручилъ ихъ такимъ государству, дѣло котораго теперь вести народъ дальше совершенно при другихъ условіяхъ, въ матеріальномъ отношеніи болѣе благопріятныхъ, а въ духовномъ болѣе сложныхъ и потому болѣе трудныхъ. Въ настоящее время Черногорія вступаетъ на совершенно новый путь, на которомъ она, усвоивая плоды общей европейской культуры въ самомъ тѣсномъ общеніи съ ея западными представителями, становится по отношенію къ нимъ въ роль ученика и воспитанника, и что изъ этого выйдетъ, мы не знаемъ; хотя измѣненіе не только во внѣшности, но и въ характерѣ становится замѣтнымъ, особенно въ правовыхъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ новыхъ судовъ и законовъ. То же самое совершаетъ школа, въ особенности военная. Послѣдняя хотя и обучаетъ уже взрослыхъ и главнымъ образомъ военному дѣлу, но дѣйствуетъ въ той сферѣ, въ которой вращалась вся жизнь черногорца и въ которой онъ всегда воспитывался, а строгая военная дисциплина дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ школьныхъ средствъ.

Немногочисленное населеніе Черногоріи, представлявшее когда-то одну сплошную массу, теперь дѣлится на простой народъ и господъ, различающихся образомъ жизни и нравами. Равнодушнѣе относятся теперь къ старымъ обычаямъ, которые въ прежнее время, хотя и представляли собою *пережитки*, но хранились, какъ святыни; теперь же кое-что изъ нихъ сокращается,

а иные обычаи совсѣмъ утратили значеніе и не имѣютъ мѣста въ современной жизни, напр., *умиреніе кровавой вражды*, даваніе убѣжища и т. д.; другіе теперь и идеалы.

Всѣ эти измѣненія, происходящія прежде всего въ слояхъ, стоящихъ надъ народомъ, въ средѣ людей, выдающихся служебнымъ положеніемъ, богатствомъ и образованностію, постепенно проникаютъ и въ массу.

Но коренныя начала, на которыхъ создалась и развилась жизнь черногорскаго народа, конечно, долго еще не поддадутся этимъ вліяніямъ, и въ сущности всѣ видимыя измѣненія представляютъ собою только внѣшнюю переимѣну. Г. Герландъ въ соч. «*Anthropologische Beiträge*», развивая мысль другого ученаго Фехнера о лежащемъ въ человѣчествѣ «принципѣ стремленія къ устойчивости (*Stabilität*)», дѣлаетъ такой заключительный выводъ: «чѣмъ дольше извѣстная форма существовала, тѣмъ труднѣе она поддается измѣненію» (стр. 53). И дѣйствительно, въ Черногоріи крѣпче всего держится родовое или племенное начало. Рядомъ съ группами родовыми въ Черногоріи существуютъ теперь и общины городскія, въ которыхъ соединяются жители изъ различныхъ племенъ, и которыхъ прежде не было, потому что не было городовъ; но и онѣ сильно парализуются родовымъ элементомъ.

Эверсъ говоритъ, что «въ исторіи права даннаго народа является интереснымъ для науки тотъ моментъ, когда форма родового быта измѣняется въ форму быта государственнаго». Черногорію мы застаемъ именно въ этотъ моментъ: старыя начала еще сохраняются, но выработываются уже готовые заступать ихъ новыя.

Поэтому въ нашемъ изложеніи мы вездѣ отмѣчаемъ это переходное состояніе и очень дорожимъ всѣмъ, что сохранилось отъ старины и стараемся то воспроизвести во всей цѣлости.

Изъ всѣхъ основъ жизни черногорскаго народа мы больше всего останавливаемъ вниманіе на родовомъ бытѣ, потому что изъ него вытекаетъ все остальное: характеръ семьи и отноше-

нія другъ къ другу всѣхъ ея членовъ, бракъ, отношенія имущественныя и вообще правовыя; вліяніе его замѣтно и на выработкѣ личныхъ характеровъ; въ немъ, такъ сказать, ключъ къ уразумѣнію народной жизни, что и заставило насъ въ этомъ отдѣлѣ, не останавливаясь на одной передачѣ личныхъ наблюденій, обращаться и къ документамъ.

Что же касается тѣхъ отдѣловъ и предметовъ, въ которыхъ требуется одно внѣшнее наблюденіе, какъ, напр., жилище, одежда, земледѣліе и скотоводство, то нашу заботу составляли только вѣрность и подробность; и для этой части такъ много примѣровъ по этнографіи другихъ народовъ, что намъ оставалось только слѣдовать имъ, не задаваясь никакими вопросами, требующими разъясненій.

ЭТНОГРАФІЯ.

І.

ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВЪ ЧЕРНОГОРИИ СЪ УКАЗАНИЕМЪ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ИСТОРИЮ КАЖДАГО ПЛЕМЕНИ ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ.

Приступъ.

Въ общемъ составѣ жители Черногоріи принадлежатъ одному главному типу: это сербы южнаго говора, образцомъ котораго считаютъ нарѣчіе Герцеговины. Не только по языку, но и по происхожденію большая часть жителей нынѣшней Черногоріи — герцеговинцы. Такъ называемая Катунская нахія, составляющая ядро Черногоріи, вся населена герцеговинцами, а присоединенныя къ ней въ послѣднее время Грохово, Баняны, Рудины, Никшичъ, часть Гацка, Пива, Дробнякъ — составляли часть Герцеговины до недавняго времени. Остальныя области Черногоріи населились, если не изъ Герцеговины, то изъ странъ того же южнаго говора, какъ Боснія, Старая Сербія и Приморье; и всѣ эти разновидности постепенно сглаживаются и исчезаютъ въ одномъ общемъ типѣ черногорца. Есть впрочемъ мѣста, гдѣ населеніе смѣшаннаго происхожденія: таковы Кучи, между которыми безъ сомнѣнія много албанскаго элемента; въ Церницѣ

и Рѣцкой нахѣ слѣды албанскаго элемента можно встрѣтить только въ географическихъ названіяхъ, оставшихся отъ весьма стараго времени, и тогда-же нѣкоторая доля его могла остаться и въ самомъ населеніи.

Кромѣ того, вездѣ вы найдете остатки, иногда всего два-три дома, старожиловъ, сидѣвшихъ тамъ искони до прихода новыхъ поселенцевъ.

Этихъ старожиловъ нынѣшніе поселенцы считаютъ совершенно инородцами и окрещиваютъ ихъ различными именами, какъ: чифуты или ягудіи и жудели, латины, шпани, ермоласи, лужане, бокумиры, мацуры.

По народному понятію на нихъ лежитъ какое-то высшее предопредѣленіе, въ родѣ проклятія, вслѣдствіе котораго они не умножаются. Такъ жители Вельего—края въ Нѣгушахъ самыя старыя поселенцы; но какъ имѣли когда-то 7 домовъ, такъ и остались при томъ числѣ, вслѣдствіе проклятія св. Саввы или *святой Кралицы*. О бокумирахъ рассказываютъ, что они сами себя истребили, и теперь показываютъ ихъ кладбища. То же самое рассказываютъ о лужанахъ въ Бѣлопавличахъ.

Можно вполне согласиться съ тѣмъ, что пришельцы вездѣ одержали верхъ надъ старожилами, такъ какъ это были люди сильные духомъ, не хотѣвшіе покориться чужому господству, и сильные, богатые роды; тогда какъ старожилы представляли собою населеніе неполнѣ свободное, большею частью обработывавшее чужую землю и служившее господамъ, каковы были напр. Черноевичи, обладавшіе частью Приморья и Черноугорой.

Тѣмъ не менѣе это старое населеніе не могло исчезнуть безслѣдно, а только слилось съ пришельцами, давши имъ свою плоть и кровь, но принявши ихъ имя. Есть и теперь семейства бокумирскія, сохранившія даже нѣкоторыя особенности, отличающія ихъ отъ остальнаго населенія.

Въ отдѣлѣ народныхъ преданій мы соберемъ все, что относится къ этимъ этнографическимъ особямъ; а здѣсь только на-

и́браемъ ихъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, изъ какихъ элементовъ составлялось черногорское населеніе.

Тѣсное общеніе, жизнь и дѣйствіе заодно всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ въ концѣ концовъ довели ихъ до полной взаимной ассимиляціи съ преобладаніемъ въ общемъ типѣ южно-сербскаго характера; такъ что всѣ эти этнографическія особи и единицы въ настоящее время сливаются въ одинъ народъ и изъ нихъ выработался одинъ общій типъ черногорца съ чертами, отличающими его и отъ единоплеменныхъ ему герцеговинца, босняка или старосербіянца, и отъ иноплеменниковъ, сообщившихъ ему нѣкоторыя изъ своихъ особенностей.

Какъ бы ни было, однако, полно сліянье всѣхъ разнородныхъ элементовъ въ населеніи Черногоріи, для туземца и зватока народности въ этомъ общемъ типѣ рѣзко выдѣляются различія отдѣльныхъ особей, какъ: катунянинъ, цермничанинъ, кучъ, васоевичъ и т. д. Даже въ болѣе тѣсномъ кругу, напр. катунянъ, выдѣляются своеобразностями нѣгушъ, озриничъ, цуца, цекличъ, бѣлица. Это выражается въ языкѣ, особенно въ выговорѣ и акцентуаціи, въ манерѣ, одеждѣ и характерѣ. Варіируется иногда одна, общая всѣмъ черта, напр. храбрость: катунянинъ храбръ, но въ то же время разсудителенъ и устойчивъ; кучъ — храбръ до изступленія, такъ что не помнитъ себя; бѣлопавличъ лучше другихъ бьется на равнинѣ, ровчанинъ въ гѣсной мѣстности и т. п. Есть, конечно, особенности и въ наружномъ, чисто-физическомъ типѣ; это можно отчасти видѣть при простомъ наблюденіи; но для опредѣленія ихъ научнымъ способомъ необходимы краниологическія и другія измѣренія, которыми мы не обладаемъ, и потому относительно того ограничимся только краткими замѣчаніями.

И такъ, приступая къ описанію быта и фізіономіи черногорскаго народа, мы должны прежде всего указать тѣ этнографическія группы, на которыя онъ подраздѣляется.

Основую этого подраздѣленія служить у однихъ — племя; у другихъ — территорія или административное дѣленіе. Такъ одни называются прямо племеннымъ племенемъ, какъ: Васоевичи, Бѣ-

лопавличчи, Озриничи, Кучи и т. д.; другіе по мѣстности, гдѣ поселились или откуда вышли: цермничане, лѣшнiane, баняне, команы, Загарачъ, Рудины, Пива, Морача, Ровцы и т. д., или нахія: Катунская, Рѣцкая, Лѣшанская, Цермницкая и т. д. Это раздѣленіе читатель можетъ видѣть на картѣ, нанося которое, мы руководились не современнымъ административнымъ дѣленіемъ Черногоріи, въ которомъ много случайнаго и временнаго, а тѣми границами, которыя установились историческою жизнію, свойствами мѣстности или же племеннымъ составомъ.

Въ самомъ старомъ описаніи Черногоріи (Маріанъ Болица, 1614 г.) мы встрѣчаемъ раздѣленіе ея на 5 частей, каждая изъ которыхъ имѣетъ извѣстное число селъ (villagi); въ позднѣйшее время Віалла-де-Сомьеръ (1818 г.) представляетъ дѣленіе ея на нахія съ подраздѣленіемъ на коммуны (communes); а въ сочиненіи, составленномъ въ Черногоріи (Грлица, 1839 г.), нахія дѣлятся на *племена* съ извѣстнымъ числомъ селъ.

Это послѣднее дѣленіе вполне соотвѣтствуетъ быту страны, гдѣ всѣ внутреннія отношенія опредѣляются въ духѣ племени и рода. Но, выкинувши въ это дѣленіе, мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ немъ названіе племени, данное извѣстной группѣ или части населенія, неправильно. Такъ въ Катунской нахія названо племя Цетвиње, тогда какъ это — названіе мѣстности, на которой находится нѣсколько селъ, не имѣющихъ между собою никакой племенной связи. Именно въ Байцахъ часть жителей — старожилы, находившіеся тамъ еще до Иванбега, а часть (Мартиновичи) доселилась туда позже изъ Герцеговины; дольнекрайцы пришли сюда изъ Стараго-Влаха; хумцы — изъ Зеты; бѣлоши, очиничи и угняне опять старожилы, не связанные между собою племеннымъ родствомъ и чтущіе различныхъ святыхъ: одни (угняне) св. Димитрія (Дмитріевъ день, 26 октября), другіе св. Ивана (зачатіе Іоанна Предтечи, 23 сентября).

То же самое можно сказать и о нѣгушахъ; одни изъ нихъ празднуютъ Юрьевъ день (23-го апрѣля), другіе *Петковъ день* (св. Параскевы 14 октября), третьи св. Николая (6 декабря).

Точно такъ названія: Цеклинъ, Люботинъ, Лимляны, Глухи-до, Брчели и др. — означаютъ не племя, а мѣстность.

Да и вообще Черногорія, какъ страна, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи убѣжищемъ для всѣхъ, недовольныхъ чужимъ господствомъ или подвергшихся, по какимъ бы то ни было причинамъ, гоненію, не могла вездѣ сохранить племенную цѣлость.

Такъ племя Цеклинъ распадается на неродственныхъ между собою *юрняковъ* и *долмяковъ*; а въ средѣ его есть фамиліи совершенно инокровнаго происхожденія.

Объ Кучахъ мы уже упоминали, что ихъ происхожденіе смѣшанное. Въ Затребчѣ же населеніе представляетъ собою *сблиз* изъ различныхъ мѣстностей Албаніи и Черногоріи. А кто бы могъ подумать, что въ Улцинѣ, совершенно албанскомъ городѣ, окруженномъ албанскимъ населеніемъ, найдутся семейства изъ Герцеговины, изъ Кривошій (въ Боккѣ), не говоря уже о доселенцахъ изъ различныхъ странъ Албаніи и о первыхъ магометанахъ изъ Варварійскихъ владѣній?

Единственно васоевичи удержали свою племенную цѣлость, выдѣлившись изъ своей среды старожиловъ и позднѣйшихъ доселенцевъ, которымъ дали особенное названіе *сербляковъ*.

Всякое племя и всякій родъ — имѣютъ свою исторію, держащуюся въ устномъ преданіи; своихъ героевъ и великихъ людей, воспѣтыхъ мѣстными гусярами; свои сепаратныя симпатіи, стремленія и идеалы, которые долго мѣшали ихъ полному сліянію въ одинъ народъ и шли въ разрѣзъ со всякою попыткой государственности. Одни изъ нихъ, какъ Цермница и Рѣка — часто склонялись къ Турціи, благодаря слишкомъ тѣсному общенію съ богатымъ Скадромъ и его сильными пашами; Приморье и западные края Катунъ, а также Цермница отчасти тянули къ Венеціи, потому что отъ нея жили; Бѣлоавличы то бились противъ турокъ, то добровольно склонялись къ нимъ; Васоевичи изстари влеклись къ нынѣшней Сербіи и значительную часть ея на югѣ населили своимъ племенемъ.

Мы уже видѣли, какъ различно проявляется въ различныхъ

племенахъ общее всѣмъ имъ свойство храбрость; также различно проявляется и обычай кровавой мести: она глубже нѣдрится и рѣзче проявляетъ себя у тѣхъ племенъ, которыя живутъ по восточной границѣ, въ сосѣдствѣ съ албанцами, какъ кучи, цермичане, а въ Приморьѣ — паштровичи. Тутъ, можетъ быть, дѣйствуетъ не одно сосѣдство и тѣсное общеніе, но и кровное смѣшеніе. Мы уже упоминали, что есть цѣлые роды на Цеклинѣ, происшедшіе изъ Албаніи; тоже самое можно сказать и о Цермницѣ, гдѣ въ старое время жили вмѣстѣ сербы и албанцы. Нечего и говорить о кучахъ, у которыхъ смѣшеніе продолжается и теперь.

Изъ всего этого мы видимъ: 1) что населеніе Черногоріи, какъ оно ни незначительно, составилось изъ весьма различныхъ элементовъ; и 2) что, не смотря на это, изъ всей смѣси выработался и возобладалъ одинъ общій типъ сербскій.

Исторія даетъ намъ несомнѣнныя указанія на присутствіе здѣсь когда-то албанцевъ и другихъ какихъ-то старожиловъ; но въ настоящее время отъ всѣхъ этихъ помѣсей не осталось явственно и слѣда; развѣ можно замѣтить только нѣкоторыя особенности здѣшняго сербскаго типа, отличающія его отъ другихъ сербовъ. Нѣтъ впрочемъ на свѣтѣ ни одного народа, который не принялъ бы въ себя какихъ нибудь инородныхъ подмѣсей; вопросъ только въ томъ, какая народность одержала верхъ. Здѣсь мы видимъ совершенную побѣду сербской народности, и изъ всевозможной смѣси выработался типъ съ прекрасною наружною фizioноміей и высокими духовными качествами, разсмотрѣніе которыхъ и составляетъ нашу задачу.

Кромѣ причинъ чисто-этническихъ, на выработку народнаго типа и характера имѣютъ неотразимое вліяніе мѣстность и историческія условія, среди которыхъ приводилось жить и дѣйствовать народу.

Руководясь этими соображеніями, мы и считаемъ необходимымъ, прежде чѣмъ приступить къ обрисовкѣ жизни, типа и характера черногорскаго народа вообще, представить раздѣленіе

его на племена или на группы, образовавшіяся подъ вліяніемъ другихъ какихъ либо причинъ, территоріальныхъ или административныхъ, уяснить по возможности ихъ происхождение и исторію и наконецъ охарактеризовать самую мѣстность, которою неизбежно обуславливается тотъ или другой образъ жизни.

Представляя эту характеристику и излагая особія, не вошедшія въ общую исторію обстоятельства жизни отдѣльныхъ частей Черногоріи, мы начнемъ съ такъ называемой Катунской нахіи или Черной - Горы собственно, которая когда-то входила въ составъ Зетскаго государства, а потомъ сама стала ядромъ, послужившимъ образованію нынѣшняго княжества Черногоріи. Къ ней же присоединимъ одинаковыя по типу и историческому преданію Грахово, Баняны, Трещу и обѣ Рудны.

Затѣмъ отдѣльно рассмотримъ этнографическій составъ Цермницы съ крайной, Рѣцкой и Лѣшанской нахіей.

Особый отдѣлъ составитъ вся Верхняя и Средняя Зета, включая въ неѣ Никшичъ, Пѣшивцевъ и Бѣлопавличей.

Нижнюю Зету рассмотримъ вмѣстѣ съ Подгорицей, Пиву съ Дробняками, Шаранцами и другими частями Герцеговины;— Морачу съ Ровцами и Колашиномъ; отдѣльно разберемъ племена Пиперъ, Братоножичей, Кучъ и Васоевичей; наконецъ Баръ и Улцинь.

1) Катунская нахіа.

Изъ историческаго обозрѣнія мы уже знаемъ, что названіе Черной-Горы въ смыслѣ области весьма давнее, и что, сверхъ того, части ея придается и другое, удержавшееся до нашего времени, названіе *Катунъ*. Упомянутое это находится въ договорѣ между Венеціанскою республикой и сербскимъ деспотомъ Юріемъ Бранковичемъ относительно выгрузки соли въ Будвѣ изъ солигъ которскыхъ (1435 г.). Вотъ это весьма важное для насъ мѣсто изъ упомянутаго договора: «Item quia petebat prefatus illustris dominus despotus *catunos Cernagore* sibi consignari per illustrem dominum ducem et dominium Venetiarum, convenerunt predictae

partes, et concorditer ac unanimiter declaraverunt, omnes predictos *catunos Cernagore* esse, et spectare ac pertinere prefato illustri domino duci et dominio Venetiarum, *cum omnibus suis dotis, possessionibus, patrimoniis, vineis et campis*, cum ipsi *catunni Cernagore* in confinibus domini Venetiarum inclusi sint et ipsius domini continue fuerint^{*}).

Здѣсь вниманіе наше останавливаютъ два обстоятельства: первое то, что Катуны эти составляютъ чью-то наследственную собственность, и второе, — что они представляютъ собою не жилища только пастуховъ, а заключаютъ въ себѣ нивы и виноградники, что само собою подтверждаетъ высказанное нами выше относительно ихъ предположеніе (I, стр. 339), т. е. что это были давно и постоянно заселенныя мѣстности, хотя не такъ густо, какъ окружающія ея равнины Зеты и Приморья.

Немного менѣе 200 лѣтъ спустя, Маріанъ Болица, говоря также о *Катунахъ* (*Cattuni*), насчитываетъ 200 домовъ въ селѣ Нѣгушахъ (вмѣстѣ съ Мирцемъ и Залазами) и 70 домовъ на Цетиньѣ, 24 дома въ Бѣлошахъ, 70 въ Бѣлицахъ, 175 въ Цуцахъ и 60 у Озрихничей. И сверхъ того, онъ къ Катунамъ же причисляетъ Бранчей, Поборъ и Мань, всего 230 домовъ; а во всѣхъ Катуняхъ слѣдовательно 893 дома, которые выставили 1977 вооруженныхъ людей.

Въ дарственной записи Иванбега цетинскому монастырю упоминаются: байцы, хумцы, вреляне, угняне, живущіе и теперь на Цетинской равнинѣ или вокругъ ея, а также Майсторце, село на Ловченѣ, и тамъ же Бостуръ, въ настоящее время только катуны, близъ которыхъ однако находилась церковь и чуть-ли не былъ даже монастырь старше Цетинскаго.

Въ той же записи упоминается на Цетинской равнинѣ *влашка црква*, существующая (конечно не одинъ разъ перестроенная) и понынѣ подъ тѣмъ же названіемъ.

^{*}) Гласн. XIV, 14—15. I. Schafarik. — Acta archivi veneti. Belgradi. 1862. Т. II, pp. 294—95.

Въ судной грамотѣ Иванбега (1489 г.) *) являются имена, кромѣ банца, *бѣлошевци* (нынче село Бѣлоши выше Цетинья), *пѣлуши*, *оєкличи* (цеклич), *умяне*, *вредяне*, *очиничи*, тоже существующія и нынѣ.

Изъ той же грамоты мы узнаемъ, какимъ образомъ болѣе сильное племя Банцъ, пришедшихъ, кажется, позже, притѣснило старосельцевъ Бѣлошей; а пользуясь этимъ, стали захватывать ихъ земли и очиничи. Но Иванбегъ, разобравъ это дѣло, рѣшилъ такъ: «И ја Господаръ Иванъ Црноевикъ изнашьдши за право ере Бѣлошевиѣу не узето ни по коной сѣгрѣхы господкои, него му е было по неіакости нѣговой узето и притиснуто у то вриеме. Узехъ и подадохъ Бѣлошевику бацину нѣгову бацинску, да имъ е у вѣчну бацину, и инимъ, п по ныхъ дѣцы, и унучетомъ ныхъ; и то да имъ не буде никада потворено».

Это были послѣдніе моменты, когда еще функционировала государственная власть, оберегавшая слабѣйшаго отъ насилій болѣе сильнаго; но когда эта государственная власть удалась и завладѣло всѣмъ племя, тогда настало время племенного самоуправления, и слабѣйшій не только лишился собственности, но и самъ стирался и исчезалъ, какъ отдѣльная индивидуальность, слываясь именемъ и имуществомъ съ болѣе сильнымъ своимъ сожителемъ.

Нѣкоторыя выраженія въ изложеніи спора между банцами и бѣлошамъ даютъ возможность догадываться, что послѣдніе старше первыхъ по времени поселенія въ этой мѣстности. Вотъ эти выраженія, на которыхъ мы основываемъ нашу догадку: «Бѣлошевникъ говоре банчику: ја самъ напрьво доша како и ты, и бацину мою имао, и дрѣжао до онога врѣмена докле ми сію ты по неіакости нашей притиснуо и приміо»; а въ рѣшеніи спора говорится: «ере е то бацина бацинска Бѣлошевикиа, и медья ныхъ стара права».

*) Эта грамота чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что полна именъ различныхъ племенъ или родовъ и отдѣльныхъ личностей того времени, и потому мы еѣ дѣлакомъ сообщаемъ въ приложеніяхъ.

По народному современному убѣжденію Бѣлоши такъ и считаются самыми старыми поселенцами на высококомъ краю Цетинской равнины. Можетъ быть, въ то время Цетинская равнина была и неудобна для поселенія, вслѣдствіе того, что затоплялась водою, которая въ нижней части могла собираться въ видѣ озера, тогда какъ верхнюю часть ея періодически наводняли горные потоки.

Замѣчательно, что мы нигдѣ не встрѣчаемъ названія Дольняго—края, самаго близкаго къ монастырю селенія, въ настоящее время имѣющаго около 100 домовъ. Сами жители этого села считаютъ, что они доселились сюда незадолго до перенесенія Иванбегомъ своей столицы на Цетинье, а происхожденіемъ изъ Стараго Влаха (въ Старой Сербіи), что весьма вѣроятно.

Три села—Бѣлоши, Очиничи и Угня носятъ всѣ вмѣстѣ еще одно общее названіе *конаки* или *конаджии*, т. е. мѣста ночлеговъ. Турецкое слово показываетъ, что названіе это дано имъ уже въ позднѣйшее время; но очень вѣроятно, что службу эту они несли еще раньше, когда сюда наѣзжали зетскіе владѣтели и Цетинская равнина не давала удобнаго пріюта.

Хумцы, въ настоящее время десятокъ домовъ, говорятъ, что они пришли изъ-подъ Хума въ Зетѣ, и въ книгѣ подъ названіемъ «Крусоволь» есть особая статья, въ которой излагается, какъ они были призваны (откуда, не говорится) и поселены на Цетиньѣ съ условіемъ пасти и охранять монастырскія стада. А въ упомянутой выше дарственной записи Иванбега читаемъ слѣдующее: «И еще поставих кметіе на цетиніе *дъладина* *) *хумца*; і они и нихъ дѣца и послѣдни да пасу пманіе црковно і нихъ трагъ докле буду». Это были специально пастухи или, какъ они прежде звались, *влахи* или *арбанаси*.

Можно бы думать, что хумцы были албанцы, такъ какъ Хумъ, изъ-подъ котораго они пришли сюда, въ настоящее время

*) Въ настоящее время такъ есть *Владимировичи*, а одинъ изъ нихъ жилъ въ Которѣ и былъ адъютантомъ князя Данила.

занять албанскимъ племенемъ хотами; но и хоты эти до недавняго времени всё говорили посербски. Поэтому весьма трудно съ увѣренностью сказать о національности того или другого племени въ этихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было сильнаго національнаго сознанія и происходило постоянное смѣшеніе и переходъ изъ одной народности въ другую, смотря по обстоятельствамъ и по мѣсту, гдѣ кто живетъ.

Что близко къ Цетинью жили албанцы, на то указываетъ названіе албанской межи въ упомянутой выше дарственной записи. Вотъ это мѣсто: «И еще приложих на цетиніе гору и дубраву и лазе: напшрво почанши от края поля цетиніа, како ходи путь у заграбіе преко кремене ниве путем како иде путь десна страна до *медве арбанашке* на погледь боришини каменници и путемъ, кон греде от вртнелке къ бѣлошемъ» (I, стр. 774). Это—мѣстность къ юго-востоку отъ Цетинья по горней дорогѣ, ведущей въ Цермницу, въ получасовомъ разстояніи отъ края Цетинской равнины; и тамъ когда-то были владѣнія албанцевъ или они стояли со скотомъ. Есть тамъ и Арбанашки — до. Надобно замѣтить, что названіе Банць врядъ-ли сербское или вообще славянское; а въ Албаніи, къ востоку отъ Скадра, и теперь есть село того же названія. Поэтому для насъ сомнительно происхожденіе первыхъ поселенцевъ и этого села; но впоследствии произошло доселеніе сюда изъ Герцеговины или Босніи, и отъ этихъ позднѣйшихъ доселенцевъ произошелъ сильный въ настоящее время родъ Мартиновичей.

Въ записяхъ земель цетинскому монастырю нѣсколько разъ встрѣчаются подписи свидѣтелей изъ этого рода въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вуко Никовъ Стиеповичъ постарини Мартиновичъ» и еще братъ его «воевода Стиепо и стриць Андрія Стиеповъ» (1764 г.); «Седоци от братства вукота вукосавовъ и воевода Стиепо Никовъ сви Томашевићи от колена и старине Мартиновичъ» (1763 г.). Упоминается и монахъ изъ ихъ рода «Данילו Мартиновичъ» (1764 г.).

Въ это же время упоминается «Доне полъ» (1763 г.): «додь-

охъ у монастырьъ Цетинѣ у Доне полѣ» (1763 г.), и фамиліи Владисавлевичи, Иванишевичи, Почеки, Шпадіеры, Ябучане, Дели и еще нѣкоторыя, существующія и нынѣ.

Чрезвычайно интересна одна запись между митрополитомъ и цетинскими потурченцами, вскорѣ послѣ разоренія монастыря Сулейманомъ-пашой 1690 г. и наканунѣ окончательнаго истребленія магометанства въ Черногоріи. Печатаемъ еѣ здѣсь же въ текстѣ, потому что она небольшая и хорошо обрисовываетъ намъ тогдашнія отношенія на Цетинѣ. «От созданія мира гѣто $\overline{\text{ж}} \overline{\text{с}} \overline{\text{с}}$ (7206—1698). Да се зна како доѣе к мене нареченому влѣдце Скандаринскому и къ моной малой брати церковной игуману Гавриилу и инимъ братіамъ, *курто мустафин* и брат му *хасанъ* и братанинѣ нхъ *ахметъ мушковъ* искаше ми да имъ узайнимъ $\overline{\text{ж}} \overline{\text{с}} \overline{\text{с}}$: грошахъ врхъ *Скандаровине коіа е више Гувна манастирскаго* да е у руке у мое и онезвехъ калуѣера кои буду у они монастырьъ и докле самъ іа живъ и по мене кои буде онде стали докле му донесу 65 гр. да нема отъ нѣ нитко илаке, но ови люди кои се овде пишу и они монастырьъ и ако узмогу ови люди, кадъ у кое бриеме аспре манастиру дати, да имъ е бащина либера, да нема нитко рвехъ да им се бащина неда, аколі е узоѣемо ми турци ту бащину кому продати у име продано, никто да е нейма узети, но монастырьъ ако узможе, и ако би се що родило те е не бысмо могли откупити но бы те аспре на ню остале, и тако да имъ е нема нитко из руке узети, но да су е они добри держати. И бистъ ту сведокъ Станиша Поповъ с нѣгушах, коп узайми аспри що се даде на ту бащину мѣа маіа $\overline{\text{ж}} \overline{\text{с}} \overline{\text{с}}$: день на Цетинѣ».

А далѣе опять находимъ объ этой Скандаровинѣ: 1752 г. Ново Вуловъ и др. изъ Байцъ продали «свою бащину скандаровину, що е до церковне за 3 цекина и 50 литръ пшенице яре (цекинъ по 6 гр. 15 динарахъ)».

Тѣ потурченцы Курто и др. не был-ли родомъ изъ Байцъ, и тогда только заложили свою землю монастырю? а ихъ наследники, уже христіане, окончательно еѣ продали.

Названіе Скандеровины сохранилось за этою мѣстностью до сихъ поръ.

Остановимся нѣсколько на вопросѣ: кто владѣлъ этими землями?

При Иванбегѣ очевидно жители перечисленныхъ нами селъ—Байцы, Бѣлоши, Угни и др. были полными собственниками земель, на которыхъ сидѣли и которыя обрабатывали, со всѣми правами наследства и передачи своему потомству. Рядомъ съ ними самымъ крупнымъ собственникомъ былъ конечно Иванбегъ Черноевичъ. И онъ, надѣлая построенный имъ монастырь землями, говоритъ: «И овон що смо приложили сему честному храму пречистые, нисмо що кому силомъ заменилы, ни отузели що несемъ ја кому дао или родителіе мои». (I, стр. 769—70); и въ другомъ мѣстѣ: «Наипрво приложихъ поль винограда моего на Добро, кон съмъ ја насадилъ трудомъ моимъ» (стр. 767).

Изъ перечисленія земель и различныхъ угодій мы видимъ ясно, что хлѣбъ сѣялся, какъ на Цетиньѣ, такъ и на Ловченѣ: «И еще приложихъ планину нашу бащинскоу лов'тень що годе ꙗ земля работимель свеколикко, али е драго црквы да сама работа или да дам на дохотке. И ктогоде бы на дохоткъ усѣю жито да дам црквы четырьтоу, и да га сваки свои дохоткъ прѣда жито готово у монастырь. И такоитѣръ на тын начинъ приложихъ дохотке от горнига поля на Цѣгнину» (стр. 768).

Земли эти обрабатывались кметами, которые за пользованіе ими платили владѣтелю известную часть натурою. Такъ, кто сѣялъ на Цетиньѣ и Ловченѣ, платилъ Иванбегу треть; а съ передачею земель монастырю онъ дѣлаетъ вѣкоторое облегченіе и кметамъ, назначивъ, чтобъ они давали только четверть. «Отъ дрѣва моего—моіа два дѣла, отъ вьсега да се дае црквы десетькъ. — И еще приложихъ дрѣва наша законнаа о рождьству христову коіа доносе врѣліане и оугніане. Свака куѣа по 80 бремена. И тои вьсегда да прѣдаю у монастырь» (стр. 769). Вмѣстѣ съ землею передаетъ онъ и кметовъ. Мы уже видѣли, какъ Хумаць Беладинъ переданъ монастырю въ качествѣ пас-

туха, а далѣе читаемъ: «И у загору бонка радовановича съ дѣцомъ и бащином, и пачка парца съ дѣцом и бащином да су свршени работници црковни да даю цркви сваку годіну по три крбли віна полѣву» (стр. 775). «И тако и учинисмо за кмети кои се населѣ на црковне башчине все на добро, да ни еднога данка госпоцкога не даю никоу, ни да имъ ꙗ воінь тко заповидети на работу чвию, тѣчию црква на свою работу» (стр. 768). Эти земли, обрабатываемыя кметами, такъ и назывались *кметщина*: «А що е кметщина, тудеи да се населе кметіе црковны» (стр. 768).

Личность кмета связана была съ землею, которую онъ обрабатывалъ, и передавалась съ нею; но узы эти не были неразрѣшимы: кметъ могъ оставить землю самъ, а иногда его лишалъ земли владѣтель за какую либо вину или неисправность. Такъ читаемъ: «И на горніе добро, *що е дръжао Михаило Пиперь*, бивши ему ми дали, пакъ за ніегову невѣру узесмо како свое і дадохъ цркви, да е увіекъ» (стр. 775). Объ этомъ лишеніи Михаила Пипера баштины упоминается и въ грамотѣ Георгія и Стефана Черноевичей 1495 г.

Тѣмъ не менѣе часть земли, по всѣмъ вѣроятіямъ, оставалась еще за его родственниками, на что указываетъ слѣдующая запись: «Да се зна пред ким се взнесе сіе писаніе, како имаше діо радоніа и вучина влатковийъ и нихъ синавацъ діо нихъ *мперовине от прѣіе нихъ матере* на горне добро трећи діо вась уписа владци Пахомію у мая. на Цет.» (помѣчено ошибочно $\bar{a} \bar{v} \bar{c} \bar{h} \bar{a} = 1491$; а должно быть 1568 г.).

Замѣчательно то, что землю держитъ Пиперь, а одинъ кметъ *пачко параз*, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ изъ села *Пары* — гѣшанской нахіи.

Особенныя отношенія были у Иванбега съ Остоичами. Вотъ относительно ихъ слова дарственной грамоты: «И еще приложихъ що годѣ су имали Остоичи Ратко з братомъ и съ слявцима донк добро или ꙗ земля, или ꙗ лозіе, или гора, или вода све колико іа имъ дадохъ заменушнихъ добромъ воіомъ на зачиру, землю

за землю, а лозу за лозу и дубъ за дубъ, увѣкъ и у башину. И еще имъ отвѣкъ даровахъ одну воденицу мою у Ободу, кою и прѣма воденици комске цркве да будетъ бѣвеніе за мены. И що и было кукне землѣ Остоичъ тои све рекосмо да су ступове црковны» (стр. 767—68).

Читая это мѣсто, А. Майковъ въ своей «Исторіи сербскаго народа» *) замѣчаетъ: «Легко можно допустить, что два брата, одному изъ которыхъ было имя Ратко или Радичъ — по отцу Остоичи, принадлежали племени Черноевича и потому допустили Ивану, какъ главѣ всего племени, такъ свободно распорядиться ихъ имѣніемъ; людей изъ другого племени Черноевичамъ не зачѣмъ бы было мѣшать въ свои записи» (стр. 99).

Майковъ идетъ въ своихъ догадкахъ еще далѣе и высказываетъ предположеніе, что это были тѣ самые Радичъ и Стефанъ Черноевичи, которые писали Дубровнику весьма дружественную грамоту, отнесенную Миклошичемъ къ XV вѣку (стр. 566).

Если можно что нибудь возражать противъ послѣдняго предположенія, то нельзя не согласиться вполне съ первымъ. При этомъ обратимъ вниманіе на ту громадную роль, которую играли Черноевичи въ этой части Зеты и въ Приморьи, не бывши еще зетскими государями, а вмѣстѣ съ тѣмъ играла важную роль и Черная-Гора, ихъ настоящее отечество. Не то ли положеніе Черной-Горы, которое до послѣдняго времени обеспечивало ей самостоятельность противъ всѣхъ покушеній на нее венеціанцевъ и турокъ, давало и ея владѣтелямъ Черноевичамъ возможность играть такую видную роль въ Зетѣ? Составляя часть Зеты, Черная-Гора всегда держалась особнякомъ и даже была въ оппозиціи съ ея владѣтелями Балшипчами. Не даромъ и Венеціанская республика дала Радичу гражданство и вообще относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ это видно изъ гра-

*) А. Майковъ — Исторія сръбскаго народа — с русск. перево Ж. Давидича. Београд. 1876.

моты 20 апр. 1396 г., гдѣ говорится между прочимъ о немъ: «cum quodam Radic Cernovichi qui est civis noster et ut sentimus est valde potens» (Любича, грам. IV, 372)*; и съ какимъ торжествомъ вслѣдъ за тѣмъ Георгій Страцимировичъ объявляетъ, что 25 апр. 1396 г. «Favente domino maledictus istius patrie et destructor, videlicet Radic Zernoe, interfectus fuit a nostro exercitu, et partem territorii nostri, quam *in manu fortis tenebat*, habuimus. 31 Mai 1396. Dulcigno (Mikl. Serbisch. Dynast. Crnojev стр. 41).

Напомнимъ кстати, что имя Черноевичей упоминается еще въ грамотахъ Стефана Душана 1351 г. и наслѣдника его Уроша 1356 г.: «Micus e Radosavo Zernovich» (И. Рувар. стр. 210).

Признавая могущество этого рода, Бальшичи вошли съ нимъ въ родство, и по смерти послѣдняго изъ нихъ, Бальши III, въ 1422 г., наслѣдникомъ ихъ является Стефанъ Черноевичъ. Онъ однако сначала удалился въ Италію; но по желанію народа возвращается, высадившись сначала въ родномъ ему Приморьѣ близъ Будвы; а опорною точкою противъ турокъ избираетъ Жаблякъ, находящійся, такъ сказать, въ нѣдрахъ Черной-Горы, и строитъ монастырь тамъ же на Комѣ.

Черная-Гора служила Черноевичамъ главною опорой и тутъ были ихъ главныя владѣнія, начиная отъ вершинъ Ловчена и внизъ до Скадарскаго озера. А катуны ихъ по народному преданію находились и на Кчевѣ, и подъ Гарчами, и подъ Ставромъ и даже въ Бѣюпавлицкой долині. Не говоримъ уже о томъ, что личныя владѣнія ихъ были и въ Приморьѣ: лично Иванбегу принадлежали *сошла* въ Боккѣ и Коनावи, которыя онъ потомъ заложилъ Венеціанской республикѣ.

Эти-то личныя территоріальныя богатства очевидно и дали силу роду Черноевичей; а когда пала Зета, то понятіе объ этомъ государствѣ въ сербскомъ народѣ заключилось въ словѣ *Иван-*

*) И. Руварац-Прилошци к обясн. извора српс. ист. Гласн. 1879. XLVII, стр. 372.

беговина. Замѣчательно, что Иванбеговиной называютъ также мѣстность въ Старой-Сербіи, смежную со Старымъ-Влахомъ, на которой находятся села Дражевичи, Челище и Другличичи *).

Поэтому совершенно понятно, что Черноевичи, еще не будучи зетскими государями, играли важную роль въ судьбѣ Зетскаго государства, и ихъ дружбою дорожили и Венеція, и Дубровникъ; Балшичи же, встрѣтивъ въ нихъ сильныхъ соперниковъ, сначала воевали съ ними, а потомъ сочли болѣе выгоднымъ для себя породниться съ ними. Въмѣстѣ съ ихъ значеніемъ должна была играть важную роль и ихъ родовая *держава*, т. е. Черная-Гора. Это обнаружилось только при Иванбегѣ, когда онъ перенесъ свою столицу на Цетинье, и только тогда мы узнаемъ различныя имена селъ и населяющихъ ихъ племенъ или родовъ, встрѣчаемъ полную организацію хозяйственную, административную, судебную и т. д. Однимъ словомъ, тутъ только мы узнаемъ, что это не *катуны собственно*, а страна, давно уже и вполнѣ культурная, какъ и остальныя части Зетскаго государства; но культура эта по особенному физическому положенію и своеобразнымъ условіямъ политическимъ, должна была также заключать въ себѣ много самостоятельнаго и оригинальнаго. Объ этомъ мы однако судимъ больше по догадкамъ, чѣмъ по фактическимъ даннымъ, которыхъ, впрочемъ, не мало можно найти въ послѣднихъ грамотахъ Иванбега и его наслѣдниковъ.

Гораздо позже описалъ намъ эту страну Болица, отъ котораго узнаемъ, что Которъ въ пзобилін получалъ изъ Черной-Горы пшеницу и другіе хлѣба, а также сыръ и мясо; что въ Цуцахъ добывалась мягкая смола, называемая *катрамъ*, получавшаяся изъ лѣса, преимущественно сосноваго, и отправлявшаяся въ Венецію; кромѣ того, отсюда вывозилось множество «превосходныхъ лѣкарственныхъ травъ» въ Италію и другія страны Европы. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Черногоріи попадаются слѣды добычи желѣза, а въ одномъ мѣстѣ и петро-

* *Бацичичъ* В. М. Старая Сербія. М. 1876, стр. 116.

лея (въ Цермницѣ). О добычѣ соли мы знаемъ изъ другихъ документовъ.

Черезъ Черную-Гору шелъ главный и кратчайшій торговый путь отъ Котора въ Цареградъ, который также подробно описанъ М. Болицею. Кромѣ скотоводства, въ Черной-Горѣ былъ богатый звѣриный ловъ и особенно рыбная ловля, оригинальный способъ которой также описанъ у Болицы.

Все это свидѣтельствуеть, какъ о естественныхъ богатствахъ, такъ и о культурномъ развитіи Черной - Горы въ то отдаленное время, когда объ ней мало и говорилось.

Неудивительно послѣ этого, что съ паденіемъ Сербскаго царства она дѣлается прибѣжищемъ для всѣхъ, кто не хотѣлъ покориться чужому игу, и быстро населяется новыми пришельцами изъ различныхъ странъ, дѣля съ ними свои богатства и свою свободу, и сообщая имъ свою культуру. Доселеніе это шло такъ быстро и въ такихъ массахъ, что старожилы совершенно исчезаютъ въ наплывѣ пришельцевъ.

Доселенія эти происходили частью цѣлыми родами, частью военными *четами* или отрядами, а частью просто ускоками одиночками. Всѣ эти доселенцы врядъ-ли представляли собою элементы культуры высшей, чѣмъ та, которая уже существовала въ Черной - Горѣ. При томъ иные изъ нихъ, прежде чѣмъ осѣсть на одномъ мѣстѣ, побывали и пожили въ разныхъ странахъ, ища большей обезпеченности отъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля и болѣе привольной жизни. Такія странствія, а прежде того постоянная война съ непріателемъ, должны были неблагоприятно дѣйствовать на ихъ культурность. И потому такой сильный наплывъ сразу новыхъ поселенцевъ долженъ былъ сначала понизить культурный уровень Черной-Горы; но въ то же время ими освѣжилось старое населеніе, готовое, можетъ быть, уступить силѣ Запада или Востока, и она дѣлается очагомъ сербской свободы; у него грѣлись и до сихъ поръ грѣются тѣ части сербства, которыя чаяли и чають еще своего освобожденія.

Въ XVI ст. магометанство захватываетъ прежде всего

именно старые элементы, а противъ него возстають роды изъ доселенцевъ, какъ на Нѣгушахъ Петровичи, на Цетиньѣ Доль-векрайцы и въ Банцахъ Мартиновичи, въ Цермницѣ — Душляне, по ихъ преданью, сородники Васоевичей. И доселенія эти не прекращались до недавняго времени, когда стало свободнѣе и въ другихъ мѣстахъ и когда сама Черная-Гора переполнилась населеніемъ и истощились ея прежнія богатства.

Въ этомъ смѣшеніи различныхъ элементовъ и до нѣкоторой степени интернаціональности Черной-Горы и заключается та нравственная мощь, которая создала народъ, полный духа, готовый и способный на самую рѣшительную борьбу съ какимъ-бы го ни было сильнымъ внѣшнимъ непріателемъ и выносить самыя тяжелыя условія жизни.

Для полноты считаемъ далеко великимъ рядомъ съ Черноевичами помѣстить здѣсь все, что извѣстно, и еще объ одномъ сильномъ родѣ Дьорашевичей или Юрасовичей, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ Верхней-Зетѣ. Большую часть этихъ свѣдѣній мы беремъ изъ матеріаловъ для объясненія сербской исторіи И. Руварца *).

Когда Стефанъ «младшій краль» въ 1331 г. возсталъ на своего отца Стефана Уроша IV, сидѣвшаго въ Неродимгѣ, Дьорашъ Иличъ былъ главнымъ его приверженцемъ и совѣтникомъ; а въ 1355—56 гг. находимъ его же (*Jurases filius quondam Nelie de Raхia*) въ качествѣ кастеллана душанова въ градѣ Скрадинѣ, при чемъ онъ съ одной стороны отбивалъ нападенія венгерскаго войска, съ другой — велъ переговоры съ венецианцами о сдачѣ имъ этого града, который и сдалъ имъ, за что Венеція и приняла подъ свое покровительство его съ сыновьями и братьями Николаемъ и Владномъ съ ихъ дѣтьми. Далѣе мы узнаемъ, что Дьорашевичи владѣли Верхнею-Зетою, откуда ихъ выгнѣсли Балшичи: «*Zenta superiore, la quale teneva Guirasc*

*) «Призошци» и т. д. Гласн. 1879. XLVII, стр. 177—218.

Mlijch e suoi parenti, il quall Giurasc fu ammazato dai figliuoli di Balsa» (Orbini. 287).

По смерти Стефана Душана, сынъ этого Дьюрашевича Александръ овладѣваетъ Авлономъ и въ одномъ венеціанскомъ договорѣ онъ называется «деспотомъ авлонскимъ» (Рувар., стр. 212). Безъ сомнѣнія, отъ этого же Александра существуетъ грамота 1368 г., въ которой онъ самъ о себѣ говоритъ: «миѣ Александру господина Кавинѣ и Авлону» (*Mikl. Monum. CLXIII*, стр. 178).

Около 1404 г. сыновья убитаго Радича Черноевича договариваются съ Дубровникомъ напасть на боснійскаго великаго воеводу Сандаля, который былъ въ дружбѣ съ Бальшичами.

Имя Дьюрашевичей часто упоминается въ венеціанскихъ грамотахъ, относящихся ко времени войны Бальши III съ республикой (1405—1421 г.), при чемъ они были съ Бальшею; а потомъ ихъ старается привлечь на свою сторону Венеція, называя ихъ: «*barones Zentaе*» и общая имъ разные дары и въ томъ числѣ укрѣпленные города. Можно предполагать, что они не были равнодушны къ этимъ предложеніямъ, принимали ихъ и дѣлали нѣкоторыя услуги Венеціи, служа такимъ образомъ противъ зетскаго государя; и потому въ 1427 г. они обращаются къ Венеціи съ просьбою признать ихъ «*nobiles Zentaе partium Albaniaе*», въ чемъ однако республика имъ отказывается. Въ 1435 г. узнаемъ, что одинъ Дьюрашевичъ возсталъ противъ деспота Георгія Бранковича и въ то же время вмѣстѣ съ подчиненными ему *Нгушами* (*Negusi*) наносилъ большой вредъ Котору. На жалобы Котора воеводѣ Алтоману, какъ бы намѣстнику деспота въ Зетѣ, этотъ не могъ ничего сдѣлать и отвѣчалъ: «*eum non esse superiorem dicti Jurasevich*».

Съ Черноевичами находимъ ихъ въ хорошихъ отношеніяхъ, какія возможны только между своими людьми. Между прочимъ въ мирномъ договорѣ между Стефаномъ Черноевичемъ и Венеціанской республикой 1439 г. мы читаемъ: «*Scriptum Marco et Aluixio et Comiti Catari, quod in practica, quam habebunt cum*

comite Stefano, procurent habere totam Zentam inferiorem, Drivastum et *Jurassevichios* (qui sibi videntur vereri redire sub nostro dominio). (Mikl. serb. Dyn. 41).

А еще раньше, 1435 г., есть указание на то, что Юрашевичи спорили съ Венеціей относительно нѣкоторыхъ владѣній: они завладѣли участкомъ (bastinam) «que est Chalogurgi Chiu-dich ex Pastrovichis», тогда какъ венеціанцы въ свою очередь завладѣли принадлежащими ему «catuni Cernagore» (Mikl. 62).

А въ 1441 г., когда великій воевода Босніи, впоследствии герцогъ Стефанъ, пользуясь удаленіемъ деспота Георгія изъ Сербіи, явился претендентомъ на Верхнюю Зету, его союзниками были Юрасевичи; въ 1442 г. онъ вошелъ и въ Нижнюю-Зету «per il mezo (при посредствѣ) de Stefaniza Juras et contra la intention di altri tre Juras».

Значитъ, только одинъ изъ Юрасевичей рѣшился дѣйствовать противъ Черноевича. Въ договорѣ же Стефана Черноевича съ Венеціанской республикой 1451 г. со стороны послѣдней говорится: «concediamo che i suoi fratelli *Jurasino e Coicino*, con due altri dei suoi nobili, ricevano annualmente di paga da noi, quanto ultimamente percepiva ognuno di essi e che l'istesso vojvoda riceva dalla nostra cassa a Cattaro seicento ducati di paga all'anno» (Milaković — Storia, 54).

Одинъ изъ упомянутыхъ здѣсь братьевъ Стефана Черноевича Юрасинъ, не Юрашевичъ-ли, какъ часто они въ венеціанскихъ документахъ называются и просто *Jurasco*?

Миклошичъ къ этимъ же Юрашевичамъ причисляетъ и того «Калогурга Гурашевича» изъ Цермницы, который въ 1454 г. тягался съ Враннинскимъ монастыремъ передъ которскимъ «кнезомъ и капетаномъ» Аловизомъ Бафомъ (Serb. Dyn. 62, Monum. 463).

Руварацъ не приводитъ всѣхъ мѣстъ изъ венеціанскихъ грамотъ, въ которыхъ упоминаются Юрасевичи; но и изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что родъ ихъ былъ весьма сильный и что владѣнія ихъ были и въ Черной-Горѣ, и въ Приморьѣ, и въ

Албаніи. При томъ съ Черноевичами они дѣйствуютъ какъ бы заодно: стремясь сохранить свою самостоятельность въ Черногори и Приморьѣ, гдѣ было ихъ господство, они идутъ и противъ сербскихъ кралей, и противъ Бальшичей, и тягнутся съ Венеціей, ища въ тоже время ея покровительства.

Какъ только водворяется въ Зетѣ династія Черноевичей, они стихаютъ, и только однажды и при томъ только одинъ изъ четырехъ братьевъ рѣшился помогать герцогу Стефану противъ Стефана Черноевича, и это было «*contra la intention di altri tre Jurasi*».

Мы не видимъ другой причины такихъ отношеній, какъ существовавшая изстари и поддерживавшаяся по исторической традиціи дружба этихъ двухъ родовъ, основанная, можетъ быть, и на ихъ родствѣ, которымъ и устранялось даже всякое соперничество между ними. Черноевичи были съ ними свои и дѣлали для нихъ съ своей стороны все возможное, что и заставляло Юрашичей не предпринимать ничего противъ Черноевичей.

Г. Руварацъ возражаетъ противъ Голубинскаго въ томъ, что онъ смѣшиваетъ Юрашичей съ Черноевичами. Да, онъ прямо говоритъ, что Стефанъ Черноевичъ происходилъ изъ фамиліи Юраспчей (стр. 599), и мы не знаемъ, на чемъ онъ это основываетъ; но сопоставленіе всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ неизбежно приводитъ къ заключенію, что эти два рода нѣкогда должны были составлять одинъ родъ, господствовавшій въ южномъ Приморьѣ, Черногори, собственно въ Катуняхъ, и въ Верхней-Зетѣ.

По существующимъ документамъ имя Юрашичей упоминается раньше Черноевичей, и потому возможно предположить что родъ послѣднихъ выдѣлился изъ перваго. Фамилія Юрашичей, какъ мы уже упоминали (Т. I, стр. 430), существуетъ до сихъ поръ въ Боккѣ, и одинъ изъ нихъ «графъ Василій Юрасовичъ» за содѣйствіе русскимъ войскамъ въ Боккѣ противъ французовъ получилъ особый похвальный аттестатъ за подписью стат. совѣт. Степана Санковскаго, 17 авг. 1807 г. Но оте-

чество ихъ въ Паштровичахъ, гдѣ и теперь находится сильный родъ Юрашевичей; тамъ-же и Калодьюрдьевичи.

Рано они, вѣроятно, вступили въ подданство Венеціи: одинъ изъ нихъ «Калогурагъ», какъ мы видѣли, еще во время господства Черноевичей признавалъ уже надъ собою власть Венеціанской республики и потому судился передъ венеціанскимъ чиновникомъ; но откуда и какъ онъ попалъ въ Цермницу? Впрочемъ изъ Приморья былъ самый естественный переходъ въ Цермницу, населеніе которой въ значительной степени состоитъ въ родствѣ съ Паштровичами и другими приморскими племенами; это видно отчасти изъ сходства характера тѣхъ и другихъ. Одна изъ знатныхъ фамилій, господствовавшихъ въ Приморьѣ, Штиляновичи, и теперь еще существуетъ въ Цермницѣ, между Вирбазаромъ и Болевичами (одинъ только домъ).

Исторія этихъ двухъ родовъ Черноевичей и Юрасичей бросаетъ въ то же время нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе вообще населенія Черной-Горы, изстари и донинѣ сохранившей имя катуль.

Какъ по географическому своему положенію, такъ и по этнографическому составу она была нераздѣльною частью Приморья. Взгляните на Бокку: этотъ заливъ, одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ свѣта, находится совершенно въ каменныхъ объятіяхъ горнаго массива, носящаго имя Черной-Горы; онъ со всѣми своими развѣтвленіями втянулся внутрь окружающихъ его горъ, какъ улитка въ свою скорлупу, и составляетъ съ ними одно органическое цѣлое. Такая же органическая связь всегда существовала и между жителями низкаго побережья и обступившихъ его высокихъ горъ.

Ловчень со своими горами, лѣсами и пастбищами, доминирующій надъ цѣлою Боккой и южнымъ Приморьемъ, съ его безчисленными бухтами, около которыхъ кругомъ разсыпались виноградники и маслиновые рощи, составляетъ съ ними одно нераздѣлимое цѣлое. Эти два края одинъ безъ другого существовать не могутъ, и населеніе того и другого всегда должно было

находиться въ самой тѣсной связи и непрерывныхъ сношеніяхъ. Ловченъ со всею своею областью составлялъ *катуны* для жителей прибрежья, т. е. мѣсто пастбищъ и лѣтняго пребыванія со скотомъ. Припомнимъ описаніе этой жизни у Маріана Болицы: «Гора эта (Ловченъ) — говорить онъ — очень обильна ключами чрезвычайно чистой и холодной воды, которые, проходя подземными путями, богато снабжаютъ водою и г. Которъ. Наверху, на пространствѣ 12 миль въ окружности, находятся прелестнѣйшія пастбища. Лѣтомъ пасущійся тамъ скоть, изнуренный сильнымъ жаромъ, находитъ тамъ полное возстановленіе силъ; напасшись и утоливъ жажду, онъ отдыхаетъ въ самое жаркое время подъ громадными, чрезвычайно густыми и красивыми буковыми и ясеневыми деревьями и соснами, которыя даютъ тѣнь въ продолженіе цѣлаго дня. Лѣтомъ, съ мая мѣсяца *весь народъ Черной-Горы* пригоняетъ сюда свой скоть; въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ опять спускается *въ приморскія мѣста*, гдѣ и остается до конца апрѣля! (Т. I, стр. 792). Здѣсь Черная-Гора очевидно принимается за одно цѣлое съ Приморьемъ. Первоначально это были только катуны, а со временемъ образовались постоянныя жительства и села, и началась обработка земли; но они всегда принадлежали Приморью, безъ котораго также не могли существовать, пока не обособила ихъ историческая жизнь. Изъ Приморья должно было произойти и первое заселеніе этихъ краевъ. Если же сербы назвали эти мѣста катунами, то значитъ, что до нихъ здѣсь не было никакихъ постоянныхъ жилищъ и жителей; а могли быть только пастухи, скорѣе всего арнауты, которые на всемъ Балканскомъ полуостровѣ были пастухами по преимуществу. Сербы конечно ихъ вытѣснили, не вступая съ ними въ тѣсное смѣшеніе. При томъ просторѣ, который представляли эти дикіе края, арнаутамъ было куда податься, не вступая въ борьбу со своими новыми сосѣдями. Но отчасти тутъ можно произойти и смѣшеніе, тѣмъ болѣе, что какъ тѣ, такъ и другіе были христіане, даже православные до XIII в., и не было большой разницы, ни въ степени культуры, ни въ расовыхъ особенностяхъ.

Такимъ образомъ первыми *населенниками* Черной-Горы должны были явиться сербы изъ Приморья. Въ низкихъ мѣстностяхъ, какъ Цермница и Рѣцкая нахія, они безъ сомнѣнія застали постоянныхъ жителей, по всѣмъ вѣроятіямъ, албанцевъ; но на высотахъ они были первыми основателями осѣдой жизни и положили также основаніе земледѣлію и вообще высшей культурной жизни. Нѣкоторое смѣшеніе съ албанскимъ элементомъ было неизбежно только въ упомянутыхъ болѣе низкихъ мѣстахъ, въ горахъ же долженъ былъ сохраниться элементъ чисто сербскій. Но что это былъ особенный типъ, доказывается тѣмъ, что доселенцы новѣйшей эпохи, XV вѣка, сохранили о старожилахъ память, какъ о совершенно иномъ народѣ, и окрестили ихъ различными именами. Разница однако между ними была не расовая, а культурная, которую простой народъ часто смѣшиваетъ съ національностью, подобно тому какъ нынче сербы другъ друга зовутъ *латиниз* или *турокъ*.

Вотъ исходная точка, съ которой мы смотримъ на этнографическій составъ населенія Катунской нахія: Цетинья, Нѣгушей, Цуцъ, Цекличей, Озриничей и др. Впрочемъ относительно послѣднихъ можно допустить, что туда шло населеніе и изстаря отъ Травунія и Захлумин. Относительно Цекличей есть нѣкоторое основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, часть ихъ пришла изъ долины средней Зеты, гдѣ теперь Даниловградъ, на что указываетъ ихъ имя: *неклин* отъ *некла*, *Фекла*, съ именемъ которой тамъ существуетъ и существовала давно самая старая церковь. Цекличя же перенесли свое имя и на Цеклинъ, гдѣ самая старая церковка, когда-то служившая сборнымъ мѣстомъ для цѣлаго племени, посвящена тоже св. *Феклѣ*.

Во всѣхъ этихъ племенахъ традиція сохранилась только относительно послѣдняго періода доселенія, главнымъ образомъ съ половинны XV вѣка, немного раньше перенесенія Иванбегомъ столицы на Цетинье или одновременно съ этимъ событіемъ. Впрочемъ и тутъ они знаютъ только эпоху, когда произошло ихъ доселеніе, мѣстность, откуда вышли, и какимъ путемъ шли.

Такъ, на Нѣгушахъ самое сильное племя Ераковичей (братство Петровичи) и Рапчевичей, по преданію, вышло изъ Зеницы (въ Босніи); послѣ стояли они нѣкоторое время подъ Травникомъ, оттуда въ Никшичѣ и потомъ подъ планиной Нѣгошемъ, съ котораго будто бы и перенесли имя на заселенную ими мѣстность. Это послѣднее конечно ошибочно, потому что Нѣгуши упоминаются въ 1435 г., какъ подданные Юрасича (*subditi sui*), чего нельзя отнести къ новымъ поселенцамъ, такъ какъ послѣднія доселенія начались во время Иванбега, слѣдовательно послѣ 1460 г. По свидѣтельству нынѣшнихъ нѣгушанъ они за-стали тамъ старое село Вельи-край, отъ котораго теперь осталось только 7 домовъ и столько же было и прежде, въ чемъ также можно сомнѣваться, такъ какъ видны слѣды старинныхъ другихъ построекъ. Затѣмъ старая фамилія Богдановичей въ такъ называемомъ Копытѣ (нынѣ 20 домовъ) и Лучичей; а также Дугодоляне (до 50 домовъ), гдѣ старая фамилія Пуношевичей упоминается въ грамотѣ Иванбега 1489 въ числѣ нѣгушскихъ вл-стелей и кнезовъ. Крайнія села и поселки, стоящіе надъ Приморьемъ: Залазы, Жаневдо, Мираць и Майсторы также были населены прежде, чѣмъ началось новое доселеніе сюда. О Мирчанахъ между прочимъ М. Болица говоритъ, что они доселились изъ Обода (въ Приморьѣ). Врбицы (село Врба) доселились изъ Врбицы въ Гацкомъ также одновременно съ Ераковичами и Рапчевичами, какъ и Церовичи, стоявшіе сначала въ Банянахъ подъ Церовицей, а послѣ ушедшіе въ Дробняки. Эти новые доселенцы большею частію изъ Босніи и всѣ шли черезъ Никшицкую-Дугу, гдѣ иные и останавливались на нѣкоторое время. Такъ Кривокапичи, самое сильное братство въ Цуцахъ, и Мартиновичи въ Байцахъ говорятъ, что пришли изъ-подъ Орлины (передъ Крстцомъ въ Дугѣ); а часть Загарчанъ и Бѣлицы изъ Чарады въ Дугѣ. Въ Команахъ самое сильное братство Радулвичей-Озриничи. Причиною такого поголовнаго переселенческаго движенія, по свидѣтельству всѣхъ этихъ доселенцевъ, было нежеланіе ихъ остаться подъ турецкимъ господствомъ,

которое въ Босніи настало только въ 1463 г., а въ Герцеговинѣ еще позже (приблизительно черезъ 20 лѣтъ по смерти герцога Степана, умершаго въ 1466 г.). Сербія тоже обратилась въ турецкій пашалыкъ около 1460 г. Раньше этого времени никто не смѣлъ тронуться изъ своего отечества, потому что всякій обязанъ былъ защищать его подъ знаменемъ своего верховнаго вождя.

То, что мы сказали о Нѣгушахъ, можно вполне примѣнить и къ племени Озриничей. Они упоминаются въ письмѣ Дубровника къ Еленѣ, супругѣ Бальши III. Письмо это приведено нами въ историческомъ обзорѣ (Т. I, стр. 444; Српс. Спом. I, № 192). Тамъ упоминаются: «бѣлопавлики и озрихники, мазницѣ и малоньшики». Малоньшичи могутъ быть отнесены къ нынѣшнему селу племени Бѣлицъ, близъ Кчева (въ Озриничахъ), *Малоншич-до* *). Въ разборѣ спора между Матагужами и Хотами (1446 г.) въ числѣ зетскихъ влстелей упоминается «от малоншии Никола дуршевић»; а въ грамотѣ Георгія и Стефана Черноевичей (1492 г.) пронія, отнятая у Радони Лаловича, передается «Степану Николе Голубовича сину од малоншии».

Что касается Мазницъ, то имя ихъ совершенно исчезло изъ воспоминаній народа; но на Кчевѣ есть одна мѣстность, называемая *Мажни-до* (ж по кчевскому говору вм. з), гдѣ видны слѣды бывшаго когда-то села, о которомъ однако никакого преданія не осталось; но для насъ довольно этого географическаго названія, которое ясно указываетъ на упоминаемыхъ въ историческомъ документѣ и забытыхъ народомъ Мазничъ. На Кчевѣ упоминаютъ также знаменитаго юнака Борана Мазнича. Имя свое современные Озриничи производятъ отъ мпѣческаго Озра**), которому придаютъ еще двухъ братьевъ Пипа и Васа, родона-

*) Три дома тамошнихъ старожиловъ называются *мажи*; а остальные всѣ съ Чарадья.

**) Есть два-три дома, которыхъ ругательно называютъ *кусароичи*, а вообще древнихъ обитателей называютъ *мажмажи*.

чальниковъ Пиперъ и Васоевичей. Несостоятельность такого мнѣнія очевидна. Отъ Озра или, вѣрнѣе, Озроя (не Озро, а Озрое) произошло бы имя Озроевичи. Въ документахъ и встрѣчается имя Озрое (Мон. серб. дарственная запись Дечанскому монастырю 1330 г. стр. 97) и Степко Озроевичъ, властелинъ 1391—1399 г. (Мон. стр. 219 и 243). Болѣе соответствующе производному Озриничъ первообразное Озрѣнъ, причемъ ѣ въ южномъ говорѣ часто переходитъ въ и. Озрѣнъ былъ одинъ жупанъ, которому дубровчане писали грамоту въ 1399 г. (П. 24, Давич.-Рјечник); есть и Озрѣновичъ, который былъ даровавъ церкви Арх. Михаила въ Призренѣ (Гл. XV, 293; Давич.-Рјечник). На сѣверной сторонѣ Сараева есть гора Озренъ, на которой какъ разъ при дорогѣ находится старое кладбище съ огромными камнями и видны также слѣды старой церкви и другихъ построекъ. Не скорѣе-ли всего поэтому Озриничи или Озрѣнчи получили свое имя отъ той мѣстности и сначала поселились было близъ Никшича, гдѣ часть ихъ осталась, и теперь тамъ село называется Озриничи; а потомъ другая часть удалилась въ горы. Но это было настолько давно, что современные Озриничи не знаютъ о томъ никакого преданія. Внутренняя сила этого племени видна въ его расселеніи всюду; Озриничи находятся: въ Банянахъ, Граховѣ, Лѣшанской нахіи, Команахъ, Дробнякахъ, Морачѣ и въ Герцеговинѣ за предѣлами Черногоріи.

Также давны должны быть поселенія въ Банякахъ и обѣихъ Рудинахъ (Опутная и Никшицкія), гдѣ на р. Требшницѣ находится монастырь отъ времени Немапчей и всюду встрѣчаются старыя кладбища и слѣды старыхъ церквей и другихъ построекъ, о которыхъ мы скажемъ въ отдѣлѣ археологій; а здѣсь считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣтку по поводу одного разсказа мѣстныхъ жителей относительно своего происхожденія. Первый, поселившійся здѣсь, назывался *Грбо* или *Грдо* (горбатый или безобразный на видъ), и названіе это ему было дано вслѣдствіе того, что въ Косовской битвѣ все лицо его было изсѣчено и осталась въ шрамахъ. Онъ былъ знатный человѣкъ и построилъ

градъ, остатки котораго видны и теперь и называются *Грдова-градина*. Близъ же этого села находится церковь, и внутри ея при входѣ лежитъ надгробная плита съ слѣдующею надписью: «а се лежи рабъ бжи кнезь грбанъ цвтков(и)н бананинъ».

Разсказъ этотъ, очевидно, возникъ изъ неправильно прочитанной надписи; именно: *цв(н)ткович* прочитано *цоткович* (*цото* значить — хромой), а *грбанъ* (грубан) протолковано въ смыслѣ *грдан* — дурной наружности или *грбав* — сгорбленный.

Въ с. Велимѣ находится братство *Милоевичи* (36 домовъ), которые, по ихъ преданію, пришли изъ Кучь послѣ Косовской битвы.

Изъ Рудинъ (Никшицкихъ) происходитъ знаменитый родъ Храничей, изъ котораго произошелъ и Стефанъ Косача, получившій впоследствии титулъ герцога (1441 г.).

Грахово представляетъ смѣшанное населеніе. Близкое къ морю, оно и должно было оттуда принять своихъ первыхъ поселенцевъ. Двѣ маленькія церкви на Граховской равнинѣ по характеру постройки и остаткамъ живописи на стѣнахъ (собственно только разводы) принадлежать тому же стилю, какъ подобныя же самыя старыя церкви, приписываемыя времени Неманчей, въ Никшичѣ, Подгорицѣ и въ селѣ Вуковцахъ. Потомъ доселенія происходили изъ различныхъ мѣстностей, преимущественно же изъ Герцеговины. Когда герцогъ Стефанъ стоялъ въ Клобукѣ, готовясь здѣсь обороняться отъ турокъ, тогда на Грахово прибыло много изъ Кучь. Знаменитый родъ Даковичей ведетъ свое происхождение также изъ Кучь; но убѣжали они оттуда отъ *кроси*, т. е. вслѣдствіе совершеннаго убійства. На Граховцѣ поселились Озриичи изъ Кчева. Старожиловъ же, отъ которыхъ теперь нѣкого не осталось, называютъ *грк* или *матурауа*. Прилежащее Грахову село Вилусе обладаетъ обширнымъ стариннымъ кладбищемъ, на которомъ до сихъ поръ сохранилось множество надгробныхъ плитъ, имѣющихъ болѣе 2 метровъ длины и до 1 $\frac{1}{2}$ м. ширины, о которыхъ не знаютъ, кому онѣ принадлежали.

Во время М. Болицы въ Граховѣ было 98 домовъ, изъ которыхъ только 20 домовъ турокъ, т. е. потурченцевъ; но не упоминается, кто былъ старшиной, т. е. христіанинъ или турокъ; тогда какъ въ Рудинахъ и Банянахъ съ 200 домами, по словамъ того же Болицы, управляли Радивой или Радонца Дьюретинъ и Никша Лалинъ, очевидно, христіане (Т. I, стр. 826).

Дальнѣйшая исторія этихъ мѣстностей послѣ паденія Зетскаго государства заключается въ борьбѣ съ турками; особенно тяжелымъ положеніе ихъ стало съ того времени, когда Никшичь сдѣлался вполнѣ турецкимъ, т. е. все населеніе его стало магометанскимъ; а это случилось во 2-й половинѣ XVII в., такъ какъ Болица въ 1614 г. писалъ, что Оногопгъ и Никшичь состояли подъ командой сына Гардана-воеводы и ни слова не говорятъ о магометанахъ.

Съ того времени два сильныя племена Озриничи и Цуцы сдѣлались *краишниками* Черной-Горы, на которыхъ направлялись первые удары никшицкихъ турокъ, а Рудины и Трепча, какъ катуны никшицкіе, были предметомъ этой вѣчной войны и кровавымъ полемъ, на которомъ рѣшались эти кровавые споры. И до окончательнаго присоединенія ихъ къ Черногоріи, если онѣ не принадлежали ей, то и турки не были тамъ и не владѣли ими, какъ у себя дома.

Грахово же впоследствии совсѣмъ было занято турками, хотя тоже ихъ положеніе было далеко не обезпеченное; а при владыкѣ Петрѣ II оно окончательно примкнуло къ Черногоріи, и послѣднее покушеніе на него турокъ при князѣ Данилѣ стояло вмѣстѣ страшнаго пораженія на Граховцѣ (1858 г.).

2) Цермница съ Краинной.

Эта мѣстность, окруженная съ юга горами Сутормана и Руми, съ запада и сѣвера Приморскимъ хребтомъ, широко открыта къ востоку, гдѣ сливается со Скадарскимъ озеромъ и

прилегающими къ нему низменностями. Сама природа создала изъ Цермницы отдѣльный уголокъ, который, вслѣдствіе своего малаго подъема надъ уровнемъ моря и защищенности отъ холодныхъ вѣтровъ и богатой почвы, долженъ былъ весьма рано предоставить человѣку всѣ средства для культурной жизни. Дѣйствительно, единственно здѣсь найдены каменные топорки того же типа, какой встрѣчаемъ въ озерныхъ и свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и другихъ странъ Европы; и здѣсь же попадаемъ на слѣды добыванія петролея въ то время, когда объ немъ въ Европѣ и не мечтали (Т. I, стр. 152—153). Тутъ же, безъ сомнѣнія, развилась осѣдлая жизнь со всѣми отраслями земледѣлія въ то отдаленное время, когда въ Черной-Горѣ собственно были только жилища пастуховъ со стадами.

Не вдаваясь въ глубокую древность и останавливаясь на томъ только времени, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ и Зетѣ утвердилось сербское племя, мы можемъ смѣло принять, что Цермница рано составила одно нераздѣлимое цѣлое съ Зетою и подпала господству управлявшихъ ею жупановъ и кралей. Между прочимъ Неманичи, считая Зету своею личною, наследственною собственностью, *дядиной*, за одно съ нею держали и Цермницу. Этому помогало конечно и физическое положеніе Цермницы, такъ какъ она, будучи совершенно открыта къ равнинѣ Нижней Зеты, имѣла съ нею вполне свободное сообщеніе черезъ низменность, лежащую между устьями рѣкъ Морачи и Рѣки-Черноевича или Ободской рѣки и въ то время еще не затоплявшуюся Скадарскимъ озеромъ. На пути отъ островка Лесендры къ Вирбазару и теперь въ низкую воду можно видѣть на небольшой глубинѣ остатки моста черезъ протекавшую тутъ рѣку, гдѣ послѣ образовалось постоянное озеро. Вранина въ то время хотя и представляла собою островъ, но ее окружали только рукава упомянутыхъ рѣкъ, черезъ которые всегда могло быть сообщеніе съ помощью мостовъ, и по народному преданію тамъ вездѣ были остатки колеснаго пути.

Впервые Цермница упоминается въ дарственныхъ грамотахъ

сербскихъ кралей Вранинскому монастырю. Самое старое упоминаніе находится въ грамотѣ краля Владислава, дарующаго упомянутому монастырю села Године, находящееся почти на краю озера, Комарно въ горахъ къ сѣверу съ катунами и тамъ же Крушевицу и Медвѣдью-главу *). Тамъ же при описаніи границъ упоминаются Дупило, Виръ и Вєсь (очевидно, вм. Бєсь). Въ концѣ грамоты добавлено: «и да му (монастырю) су пасища и теговища, како е и испрѣва было. Да не има ту области ни мой властелин, ни мой владалац, ни у планину сумеждникъ тех сел; ни арбанасин да нема ту зимовища; и людие прковни да пребиваю у васакон божставнои свободи, на да су работници стому Николю».

Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы видимъ, что монастырь владѣлъ здѣсь и прежде, а Владиславъ только подтверждаетъ его владѣнія, и что тутъ же имѣли земли и частныя лица, властели; а кочевавшіе со скотомъ албанцы имѣли право на зимовку въ селахъ.

Кралева Елена подтверждаетъ всѣ прежнія дарованія монастырю, слѣдуя, какъ она выражается — «стопамаѣстима господинома ми, господином моим девером стѡпочившим кралем Владиславом, еже сут дарована ими стѡму Николю у селех всех и у лудех и у пасищех зимних и летних, и у васаких правних прковних». — «По тому же образу — продолжаетъ она — и азъ припадаю и приношу видевши да е убого негово место людми, и дах Гена Воглика са братом и са децами, Андрию Буіака са братом, Баксу са братом, Дамника Салкута **) са братом, Бардону съ дѣтню, Маршенивиће и Крнице да су канюси; и дах от трагъ стѡсрѣзскаго р̄ перпер да узима пркъва чим любви всако годище, и сна утврдивши дах свещу уліаникъ мой на прощєненіе храму стѡму, а бєше уліаник на землю прковну на Крушевици, и са уліаником дах Павла и брата му» ***).

*) Грамота эта помѣчена годомъ „ѡѡ“=6750 или 1242; не ошибка ли въ послѣднемъ числѣ? у Mikloa. стр. 25.

**) Въ грамотѣ Стефана Уроша: Дѣмниъ Косльькутъ.

***) Вся грамота напечатана у Ястребова.

Дары этому монастырю продолжаютя и послѣдующими сербскими владѣтелями и также главнымъ образомъ на счетъ богатой Цермницы. Такъ Стефанъ Урошъ II даровалъ «село Лимлиани у Цръницу са васеми правинами его и са межами, како су от прва биле и са васеми людми села того, како е било и при животѣ госножде матере краљѣвства ми и никако да се сие по сем село не отими от сие светие цркве но да есть тврѣдо іако и на села іаже су ту уписана у хрисовулах светих прародител краљевства ми, и село Орахово приложи Стефан сѣб краљевства ми са испрошеннем и дашием краљѣвства ми. и то потврѣди краљество ми, іако же сут записане у хрисовулах и дах планину Сѣлца са васеми межами и над Битом, како су меже испросили Стефан.— А се меже Лимлианом: от Селаць уз Велику продо, право на Игръ у крсть, от крста наврх Чрънога-брьда, от Ч.-б. у Врѣтени-ками навърхъ Голика право по хоберу у Зию, от З. право у Мутпулокву, от М.-л. у врѣхъ Силевнице насред Мале-плочнице у Дрењъ, от Д. право на Лонаць, от Л. у *црквиу Свети-Роман*, от ц. право по долу поврѣху *Сутормана у Врѣсуту*, отъ В. по хоберу у Крсть противъ светому Илии право по венцу у корито, от к. право у Вранит, отъ В. право у Вранщицу, како река потече Вранщица у Вели-брод, отъ В.-б. право низ реку Лимску». Подпись: «село „*Лѣжѣ*“ (6826—1318).

А вотъ грамота Стефана Уроша III (Дечанскаго) на село Орахово, о которомъ упоминается въ предыдущей грамотѣ *): «и азъ грѣшны Стѣфанъ Оурошь по мѣти бжїиен краљ всѣхъ сръбскихъ земель и поморьскихъ припадаю къ мѣти стаго Ныколи рекше оу ѡстровѣ оу Вранинѣ и дахъ село оу Чръмници именовъ Орахово съ людми и съ всѣми мегами; а оу томъ селѣ оу иже Мяковити Дьминъ Косьлькоуть съ братиѡмъ полакова дѣца и драгалева дѣца Прѣвославъ и два Драксиньта Толи-

*) Грамота эта находится въ Цетинѣ въ двухъ экземплярахъ на пергаментѣ: одинъ изъ нихъ, видимо, оригиналъ, другой копія, судя по добавленіямъ и исправленіямъ; мы держимся перваго. Кромѣ того есть и позднѣйшая перепись XVIII в.

славьць, Шотевитъ Томница Крънице, Гоургъ Марышень, Бардонія съ дѣтню, Петръ златарь, Коучевити Драгошь Вогълтъ съ братишмъ ставетина дѣца, Петръ Толичитъ; а вѣдъ краискихъ арбанасъ Плачьке. И придахъ междуу Лимланьми и междуу Враховомъ полоуждрѣбицу Щититаре съ людьми. а мече селоу томоу вѣдъ Година оу Мѣле, оу Соутоморьщицоу оу Риги - потокъ, вѣдъ Ридега - потока оу Плочоу, вѣдъ Плоче по дѣлоу оу Доубъ - троіанъ, вѣдъ Доуба право при Щрѣбинѣ оу Камивѣбли, вѣдъ лѣвоу страну Морача оу врѣхъ Бѣласице; вѣдъ тоуда оу Липовоу - продоль оу лажьтъ право оу рѣкоу прѣма Быгороу низъ рѣкоу оу Крѣпоу.... вѣдъ стране оу Чрѣмьшичьскоу - скалоу поврѣхъ дѣла оу Чрѣлену - пещероу, вѣдъ Чрѣлене - пещере право (оу Кошоуте - корита), вѣдъ Кѣтоуньна оу границу оу Кѣтоуньскоу *). И свіа оутвѣрдивъ дахъ планиноу междуу Бытомъ и междуу Чрѣмьницомъ именовъ Сельца. А меге планинѣ тон вѣдъ Быта оу Нѣгалицоу поврѣхъ Чрѣтеника како се камивали къ Сельцемъ, по вѣнцу Голихъ - странъ оу скалоу междуу прѣдынами (прѣлпнами) и междуу Сельци оу Брѣщановоу - сѣноу (стѣноу); вѣдъ врѣль оу скалоу ниже Бъзовиць: вѣдъ тоуда прѣзь Люти на Пачерад и оу Врахъ, вѣдъ Пачерада оу границу оу Кокоринъ - калъ; съ Кокорина - кала право оу Жѣдовоу - моукоу; вѣдъ Жѣдове - моуке право вѣдъ Нѣгалицоу. — И іеще придахъ вѣдъ Чрѣне-горе вѣдъ арбанасъ васила съ дѣтню, да іеще такожде работьникъ съ дѣтню стѣмоу Николѣ.

Стефанъ Урошь III (Дечанскій) даруетъ тому же монастырю «село оу Чрѣмьници именовъ Брчеля» **). Этотъ даръ сдѣланъ имъ въ то время, когда онъ еще не былъ кралемъ, но «къда господовахъ Зетою», «іеже записахъ оу господствѣ си къда не бѣхъ кралемъ»; а по второму экземпляру, «іегда бѣхъ немощьнъ оу

*) Въ позднѣйшей перепискѣ: «у Кошуће корито, од катуна у границу катуноу».

**) Эта грамота въ двухъ экземплярахъ на пергаменѣ въ Цетинѣ; у Миклош. стр. 112 и 113.

Прищинѣ». Сдѣлавшись кралемъ, онъ только подтвердилъ этотъ даръ хрисовуломъ.

Изъ этого видимъ, что король здѣсь распорядился, какъ своею личною собственностію. Но изъ той же грамоты мы узнаемъ, что этимъ селомъ владѣлъ или только управлялъ властелинъ; и вотъ слова этой грамоты: «и видѣ кралевства ми казньца Митра и видѣхъ желаніе іегово къ архьиіерею и чюдотворцоу скорому въ помощехъ Николѣ вранинскомуу, идѣже и гробъ оустроин прѣставленію своіему, и испроси оу кралевства ми село своіе Бръчеле приложити стомоу Николѣ съ всѣми мегіами и съ всѣми правинами села тога, іако до живота свога тѣмъзи селомъ да се храныи казньць Дьмитрь и іегова жена; а по животѣ іеговѣ да іестъ цркви съ всакимъ оутврѣженіемъ, и аке.. іегова жена умоужи и по іеговѣ смръти да не метеха съ онѣмъзи селомъ; аке ли се не умоужи да има храноу ѿ цркви, а цркы стго Николи да дръжи село Бръчели и т. д.». Въ перепискѣ монаха Гавриіла вмѣсто словъ: «село своіе» стоитъ: «что е дръжаѿ казанецъ Дьмитаръ». Все это показываетъ, что собственно владѣтелемъ Бръчелей былъ властелинъ, а подтвержденіе отъ короля необходимо было для того только, чтобы освободить село отъ различныхъ государственныхъ и королевскихъ повинностей. Въ главномъ же для насъ важно то, что это село состояло въ частномъ владѣніи короля или его властелина *).

Не входя въ подробное описаніе границъ Бръчелей, замѣтимъ, что онѣ протягивались черезъ всю равнину Цермшцы отъ горы Троицы до Орахова и Вира.

*) Грамота эта на пергаментѣ въ двухъ экземплярахъ находится въ Цетинѣ, а напечат. у Mikloš. Monum. ХСІІІ, стр. 112. Есть еще и потомки этого Дьмитрія Казнца иначе назыв. Казанца, — Гойничци, и сохранилась память о границахъ его территоріи. Вотъ онѣ: отъ Расовца (иначе Расоватацъ, а въ старину Троица) ниже по хребту на Вріес (небольшое возвыш.), Криви-дуб, Балне, Блатужа, Суводоль-поток (послѣ назыв. Ридьян-поток и еще позже Янев-п.), Бигоров-жліеб (позже Скок; бываетъ большая вода, текущая по руслу изъ туфа), на Чукурдянову-плочу, Тіескаву улупу (иначе Тіесна), Лису-стіену, Вир (въ р. Ораоштитѣ), вверхъ по Томину-потоку, на Біели-кук, Граб, Бабац, Дріен, Чир (опять на хребтѣ), Течад (ключъ въ горахъ) и снова на Росовац.

И Стефанъ Душагъ, не бывши еще краемъ, а только правителемъ Зеты, подарилъ Вранинскому монастырю село Трпово, тоже въ Цермницѣ, но уже не на равнинѣ, а въ горахъ, «зане бѣше црѣки ѡскоудна нашищами, да есть нашище кобилямъ и швьцамъ. И то село приложихъ испрошеныемъ ієпискона Стѣфана. Подпись «Стѣфанъ по мѣти бжїіея краь млади Дшан с богомъ самодржацъ всѣхъ србскихъ и поморьскихъ зѣмль».

Бальша III приложилъ Вранинскому же монастырю село Каруче *). При скрѣплѣ записи упоминаются: «а тому милостникъ и приставъ Бека, а у главници Алекса Иресиѣ Калогургевинъ и Богза (у Ястреб. Богдан) Медошевинъ и ти бише васи отъ Каручь. Писахъ лето 6928=1420 у Брчели у двору господина Баоше».

Сообразивъ всѣ поименованныя въ этихъ грамотахъ села и земли и означенныя имъ границы, приходимъ къ заключенію, что Цермница вся была собственностью зетскихъ правителей или ихъ владѣтелей, и потомъ по дарственнымъ записямъ перешла во владѣніе Вранинскаго монастыря. Неизвѣстно, принадлежали кому либо упоминаемыя въ тѣхъ же грамотахъ села Дупило и Буковикъ, а Сотоничи, Глухи-до и Болевичи и не упоминаются, какъ будто ихъ не было или они соединились съ другими селами. Что касается Болевичей, то съ дарованіемъ монастырю Лимлянъ, Годиць и Сельць, судя по указаннымъ границамъ, они должны были также войти въ монастырскія владѣнія. Со временемъ однако оказываются и тамъ свободные люди, владѣющіе землями на правахъ собственности, которые стали понемногу завладѣвать и монастырскими землями.

На это указываетъ грамота Ивана Черношвича (1468 г.), которую онъ возстановляетъ истинныя границы монастырскихъ земель, нарушенныя смежными селами. Вотъ какъ опредѣляются эти границы: «Село Лимліани приложено светвмъ краемъ Стехваномъ отъ того что беху отузели Живодѣри и Хрыличи и Глуходо-

*) Грамота въ перепискѣ монаха Гавринза, а напечатана у Ястребова.

ліани, изназох по мези по хрисовуюю, исправих куді е текла у то врїеме река Враншица поврхь Руевиць Годемиром у Великиброд и тако посред реке, гдѣ пристае Грабовик у велику реку Лимску. И землѣ црковне у Лимском - полю, что беху притиснули Дуниліани и Сотонїи, то васе ослободих по хрисовуюю цркви. Тако и млинъ, що бѣху учинили Кушиїи на црковной реци, що дах Калогургевиїем, и та млин узех опет, и повратих га цркви и ослободих да естѣ свободан, како и други млини црковни. Тако и земле кое беху притиснули Опточїи и Дуниліани цркви и Томиїи под Брчели, васе ослободих реком у Млазе ново гувно. И еше что беху притиснули Шишовиїи от земалях, то све исправих цркви по русовуюю. И сие више писано нами изнашасто и утврѣдено дому светаго Николи; не учинисмо ником насилїем неправетно, но по хрисовулиех светих христїанских крал хтитор ти землею сею и владати, иже азъ владаю или синь мой или кто от сародник моих или судом божнем кто от инаго езика, молю и прошу снему нашему исправленїю и потвержденїю непреложну и неразорену бити никимже». «Валето шесте тисуце ѿ ѿ мѣсеца ноемриа кѣ днѣ; ппсах у Жабїакъ» *).

Въ томъ же 1468 г. Иванбегъ даровалъ монастырю и село Забесъ; потомъ сынъ его Скендербегъ - Черноевичъ, какъ ту-рецкїй *санджакъ*, разбираетъ дѣлю между монастыремъ и забешанами, которые завладѣли монастырскими землями **).

Всѣ эти выписки изъ грамотъ ясно указываютъ намъ, что при Неманячахъ Цермница была уже вполнѣ сербскимъ краемъ; тѣмъ не менѣе, хотя и изрѣдка попадающїяся несербскїя имена свидѣтельствуютъ о присутствїи тамъ чужого, именно арнаутскаго элемента. Мѣстами прямо упоминаются *арбанаси* и особенно *краинскїе*; это значитъ, что въ Краинѣ они держались массою. Названїя мѣстностей естѣ также несербскїя, но ихъ весьма

*) Грамота въ Цетиньѣ въ перепискѣ мон. Гаврїла.

***) Обѣ грамоты въ перепискѣ мон. Гаврїла напечатаны у Лястребова.

мало, большая же часть чисто сербскія; а это могло произойти только въ весьма продолжительный періодъ времени. Однимъ словомъ, присутствіе въ то время арнаутъ между цермничанами, какъ бы ни было незначительно ихъ число, заставляетъ насъ предполагать, что раньше ихъ было гораздо больше, и что часть ихъ только приняла сербскій обликъ и, смѣшавшись съ сербами, совершенно исчезла въ сербской средѣ, а частью, можетъ быть, и выселилась или осталась при пастушескомъ образѣ жизни въ горахъ.

Что же касается вопроса, какимъ путемъ пришли въ Цермницу сербы, то по физическому положенію мѣстности мы предполагаемъ, что они пришли отъ Приморья и отъ Зеты.

Часть жителей села Дупица доселилась въ позднѣйшее время (приблизит. въ XVI в.) и ведетъ свое происхожденіе изъ Васоевичей, ссылаясь между прочимъ на то, что и главный потокъ въ ихъ селѣ называется Васоевица. Къ Васоевичамъ же причисляетъ себя и большая часть жителей Глухого-дола и Буковика. Но какъ объяснить одинаковыя названія въ Цермницѣ и Васоевичахъ, какъ с. Лимляны и Лимская-рѣка и р. Лимъ; Пепичи арнаутское село въ Васоевичахъ (собственно въ Полимѣ), а въ Цермницѣ — катуны на Суторманѣ?

Не остатокъ-ли это названій арнаутскихъ, причемъ *лим* или *люма* означаетъ вообще рѣку, а Пепичи — отъ личнаго имени Пепо (Юсифъ)? *).

Пламенцы въ селѣ Болевичахъ считаютъ свое происхожденіе изъ Босніи, при чемъ ихъ старое прозвище было Богостиновичи; но прозываются они также и *Крушевичи* по происхожденію изъ какого-то Крушева. Одно время они стояли и на Благаѣ близъ Мостара.

*) Между прочимъ жители Пепичей и сосѣднихъ съ ними Горней—Аржаницы и Новинчей называются также *яличи* отъ горы *Лом*, находящейся въ Затрѣбчѣ (накъ такая гора неизвѣстна).

Нѣкоторыя фамиліи, какъ Штиляновичи, Неранджичи и др., имѣютъ свой родъ въ Приморьѣ.

Въ Подгори самая старая фамилія, старожилы, Чавловичи (3 дома) и Маричи, о происхожденіи которыхъ никто ничего не знаетъ. Тамъ же Хайдуковичи, иначе Скальчане, когда-то звавшіеся Страхиновичи, прибыли изъ Хотской - горы (въ Нижней - Зетѣ). Дьоновичи въ Брчеляхъ пришли изъ Мирдигъ; Иличковици изъ Кучъ; Поповичи изъ Скадра. Въ Лимлянахъ самый старый домъ Клиячей; и не родоначальникъ-ли ихъ подписался на грамоту Скендербега-Черноевича 1527 г. — *Новак Кмиса?*

Намъ будетъ случай перечислить всѣ братства послѣ, а покуда считаемъ достаточнымъ и это, чтобы составить себѣ общее понятіе о населеніи этого края.

Изъ этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Цермница очень рано должна была сдѣлаться вполне культурною страной и населялась сербскимъ племенемъ изъ Приморья и отъ Нижней — Зеты, при чемъ жившее тамъ раньше албанское племя частью уклонилось въ горы, частью слилось съ новыми доселенцами.

2) Рано же сдѣлалась она частною собственностью зетскихъ владѣтелей и ихъ влестелей, а впоследствии вся почти была записана Враинскому монастырю. Замѣчаемъ при этомъ, что въ то время, какъ Бальшичи распоряжаются Каручами, какъ своею частною собственностію, Черноевичи не имѣютъ здѣсь никакой собственности и, усердствуя монастырю, какъ и всѣ бывшіе зетскіе государи, подтверждаютъ только старыя грамоты и не щадятъ труда при отыскиваніи и восстановленіи границъ его владѣній, захватываемыхъ ихъ сосѣдями.

М. Болица полагаетъ, что Цермница составляетъ четвертую или пятую часть Черной - Горы и считаетъ въ ней 25 сель, по поименовывааетъ только 19 съ 729 домами, которые могутъ выставить 1703 вонна. Между именами старшинъ нѣтъ ни одного, которое бы указывало на ихъ магометанство, и вообще нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы здѣсь жили потурченцы.

Въ числѣ причинъ этого явленія можно считать то, что въ Цермницѣ находился филиалъ Вранинскаго монастыря въ Брчеляхъ, гдѣ, кромѣ того, былъ когда-то и дворъ Бальши III. Былъ и еще монастырь въ селѣ Ораховѣ; а вообще по всей Цермницѣ было много церквей, и цермничане всегда отличались, какъ и теперь отличаются, своею религіозностію и не только приверженностію, но и особеннымъ усердіемъ къ церкви. Это, по нашему мнѣнію, должно было удерживать её отъ потурченья; а въ 1675 мы встрѣчаемъ отсюда митрополита Руфима Болевича, который обращаетъ изъ латинства въ православіе Кучъ, что показываетъ большую интензивность православія въ родившемъ его краѣ. — Твердые въ вѣрѣ, цермничане однако, вслѣдствіе условій мѣстности, были слабы въ защитѣ своей политической самостоятельности. Мы уже видѣли, какъ рано Цермница сдѣлалась личною собственностію сначала зетскихъ правителей и ихъ влестелей, а потомъ монастыря. Съ того же времени, какъ турки сдѣлались господами Зеты, цермничане сдѣлались данниками турецкихъ агъ и спахій. Прежде всего подчинилась этому та часть Цермницы, которая находилась въ низменности; но потомъ мы узнаемъ, что турецкіе агы собрали свою дань и въ Подгори, которая лежитъ высоко надъ равниной. Состоя такимъ образомъ въ экономической зависимости отъ турокъ, цермничане еще менѣе были въ состояніи сохранить независимость политическую. Впрочемъ дупляне (село Дупило) увѣряютъ, что они никогда не платили туркамъ никакой дани, и въ ихъ село никогда даже не приходили турки.

Цермничане платили дань спужскимъ агамъ, которые посылали для сбора ея своихъ *секилей* (повѣренныхъ), а иногда, вслѣдствіе оказываемаго жителями сопротивленія, являлись самп съ цѣлымъ войскомъ и чинили расправу.

Въ церкви села Дупила находится надгробная плита съ надписью, въ которой говорится, что подъ нею покоятся кости Вучеты Дьюровича, который погибъ съ 70-ю дуплянами на Бесцѣ (близъ Скадарскаго озера) во время князя Николы, подъ

управленіемъ владыки Данила, въ 1702 г., 26 декабря. Это какъ разъ совпадаетъ съ истребленіемъ катунскихъ потурченцевъ. Но, по народному толкованію, это былъ бой со служскими турками, которые явились съ требованіемъ дани и отъ дуплянъ, на что они отвѣтили геройскимъ сопротивленіемъ и истребленіемъ турецкаго войска.

Горныя села, по всѣмъ вѣроятіямъ, были независимѣе, и нѣкоторыя изъ нихъ держались особнякомъ отъ остальной Цермниці; поэтому М. Болица два горныя села Комарно и Трново причисляетъ въ одномъ случаѣ къ Цермницѣ (стр. 791), а въ другомъ къ Люботину (стр. 788). При этомъ впоследствии села сѣверной стороны всегда держались больше Черной - Горы или собственно Катунской-нахи; тогда какъ на южной легче покорялись туркамъ и иногда дѣйствовали даже противъ Черногоріи. Причѣпа заключается въ томъ, что южная сторона была совершенно открыта нападенію турокъ отъ Бара и Краины, а также отъ Скадарскаго - озера.

Это не исключаетъ, конечно, постоянныхъ сраженій цермничанъ съ турками, вытекавшихъ изъ нежеланія первыхъ подчиниться и платить дань послѣднимъ; но цермничкіе главари иногда поддавали вліянію скадарскихъ губернаторовъ и отвращали свой народъ отъ Черногоріи. Впрочемъ и безъ этого посторонняго вліянія, въ самомъ племени долго оставалось стремленіе жить на своей волѣ, своею племенной жизнью и со своими племенными главарями, которые непремѣнно должны были угождать народу.

Видно также въ Цермницѣ вліяніе политическое и культурное Венеціанской республики.

Крапну мы причислили къ Цермницѣ на томъ основаніи, что часть ея, какъ Сельца и Криницы, всегда была съ Цермницей; а другая также въ началѣ XVII в. находилась подъ властію одного изъ цермничкихъ главарей, Николы Дупилы, который управлялъ ею отъ имени Венеціанской республики. Что все это населеніе когда-то, по крайней мѣрѣ въ XI в., было сербское, свидѣлствуютъ остатки сербскихъ монастырей и другихъ зда-

ній, напоминающихъ сербскихъ краей или зетскихъ влаетелей (объ этомъ въ отдѣлѣ археологін) и также сербскія названія мѣстностей, какъ: Дедичи, Лѣсковаць, Медьюреть, Петубала, Владимиръ и др., вполсѣдствіи переименованныя или передѣланныя въ албанскія. Масса сербскаго населенія тамъ поарнаутилась; а въ то же время часть арнаутъ доселилась и изъ Албаніи. Въ настоящее время тамъ господствуетъ арнаутскій языкъ, а по вѣрѣ большинство католики, затѣмъ магометане.

3) Рѣцкая нахія.

Основу ея составляютъ два сильныхъ племени Цеклинъ и Люботинъ, къ которымъ примыкаютъ Градьяны, Зачиръ, Добрское - село, Косіеры, Боково и Рѣка, базарное мѣстечко, съ окружающими его селами.

Собственно названія Цеклинъ и Люботинъ не племенные, а мѣстныя. Первый такъ названъ по церкви св. Теклы или Феклы (въ черногорскомъ выговорѣ ѣекла); а второй неизвѣстно почему такъ названъ, но представляетъ собою населеніе изъ разныхъ мѣсть.

Но цеклиняне не имѣютъ между собою племенного единства. Они дѣлятся прежде всего на *горняковъ* и *домяковъ* (горніе и дольніе). Къ первымъ относятся слѣдующіе роды: Дьюрашковичи, Пейовичи, Иовичевичи, Янковичи, Костичи, Газиводы— всего до 500 домовъ; а ко вторымъ: Стругари, Ковачи, Машановичи, Марковичи, Михалевичи, Петричевичи, Укмировичи, Лопичичи— тоже около 500 домовъ. Часть послѣднихъ носятъ еще одно общее названіе — Вулновичей.

Въ дарственной грамотѣ Иванбега цетинскому монастырю (1485 г.) упоминаются Стругари (стр. 768), а въ другой его же грамотѣ (1489 г.) упоминаются влаетели отъ *Цытлина*— Радичъ Рашковичъ, Раделя Мпруевичъ, Степанъ Николичъ и Вукъ Пиперовичъ. Въ грамотѣ Георгія и Стефана Черноевичей упоми-

наются Никола Ковачъ гдѣ-то между Добрскимъ - селомъ и Стругарами и Радоня Марковичъ тамъ-же, которыхъ Иванбегъ даровалъ цетинскому монастырю, и ихъ можно считать родоначальниками двухъ родовъ, носящихъ тѣ-же имена въ настоящее время. М. Болица считаетъ на Цеклинѣ собственно 40 домовъ съ 80-ю воинами и причисляетъ его къ Люботину. Подъ этимъ именемъ онъ разумѣлъ конечно только одну террасу между Добрскимъ - селомъ и Люботиномъ, тогда какъ цеклиняне впоследствии завладѣли пространствомъ далеко ниже Рѣки и за хребетъ, стоящій между ними и Лѣшанскою - нахией. Далѣе онъ однако поименовываеъ и другія села, нынѣ причисляющіяся къ Цеклину, какъ: Добро, Боково, Косіеры, Пелешы, Бруичъ, Рваши, Арбанасы, Загора, Додоши, Рѣчаны, Іедноши, Пріевозы, Селяни, Іекса, Уличи, Превлака, Друшичи. Но нигдѣ у него не говорится, было-ли какое нибудь поселеніе на нынѣшней Рѣкѣ, и вѣрнѣе всего, что не было. Изъ грамотъ Иванбега видно, что тамъ находились мельницы, какъ сго собственныя, такъ и принадлежавшія Комской церкви; были тамъ мельницы и другихъ, и въ томъ числѣ люботинскія; затѣмъ, будучи вынужденъ бросить Жаблякъ, Иванбегъ основывается на высотѣ противъ нынѣшняго городка Рѣки. Базаромъ въ то время служилъ, конечно, Жаблякъ, и послѣ остававшійся резиденціей турецкаго санджака, подъ вѣдѣніемъ котораго состояла часть Черной - Горы; и только впоследствии, во время турецкаго господства, образовалось и на Рѣкѣ постоянное поселеніе и установился базаръ. Указаніе на это мы находимъ въ слѣдующей записи владыки Руфима (1631 г.): «Епискупъ киръ Руфимъ со братіями о Христѣ купило одну стаю млина у велю куфу у Алибега Хайдаръ Воиводића за 40 гр.». Свидѣтелями при этомъ были: «Изоходачія Мустаи Челѣбіа, братъ алибеговъ, и синъ му Усеинъ и синовци Алибега Хандаръ Челебіа Сулеманбашинъ и Осмапъ Челебіа Хановинъ. И от Доброга кнезь Никацъ Радоничинъ, от Цеклина Тодоръ Вучичевъ и Вучинъ Ражунатовъ, от Водицъ Вукославъ Иованчевъ и братъ му Шнепацъ; от Придворакъ Станое Петка Гръмуше

синь и Вукославаць Миличій и от Зачира попъ Раславъ, и много добріехъ люди. И игуманъ Висаріонъ и Петроніе будући послани от владике Руфима и от све браће монастирске. валето „ѣ р̄ л̄ з (7137=1529 г.; ошибочно). Мѣа юніа к̄ ѿ. у Ріеку. И прежде бы приложенъ діо о тога млина от Раславца Шѣпанова Поповића з Дубове, а еданъ млинъ куплѣнъ за к̄ грошь». Поэтому видно, что тутъ имѣли свои владѣнія и люботиняне (Дубово село люботинское).

По народному преданію цеклинскій базаръ прежде былъ на площадкѣ вокругъ церкви св. Теклы; но потомъ онъ перенесенъ былъ на Рѣку, вслѣдствіе того, что тамъ однажды на пасху произошла ссора изъ-за яйца, окончившаяся цѣлою битвой, изъ которой понесли 70 носилокъ мертвыхъ и раненыхъ. Всего вѣроятнѣе однако, что базаръ перешелъ туда вслѣдствіе причинъ чисто экономическихъ: съ того времени, какъ на Рѣкѣ завелось поселеніе и турки избрали её однимъ изъ административныхъ пунктовъ, гдѣ постоянно жили турецкіе чиновники и войско, завелась и торговля, направившаяся сюда и изъ Скадра. Цеклиняне же впоследствии, какъ сильное племя, присвоили себѣ и рѣцкій базаръ, хотя населеніе Рѣки не было исключительно съ Цеклина, а имѣли въ томъ свою долю и другіе.

Самыми старыми поселенцами на Цеклинѣ считаются Михалевичи, теперь только три дома, которые единственно празднуютъ св. Теклу; поэтому можно предполагать, что они и были пришельцами отъ св. Теклы, гдѣ теперь Даниловградъ. Объ Улпчяхъ говорятъ, что они были богумилы. Затѣмъ есть доселенцы и изъ Цекличей. И это должны быть остатки отъ первыхъ сербскихъ поселеній. До нихъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, были и тутъ, какъ и вездѣ, албанцы, на что указываютъ названія мѣстностей: одно село звется Арбанаси, другое—Шницьонъ (св. Ивалъ). Сильные же въ настоящее время роды Дыюрашковичей и Говпчевичей—доселенцы позднѣйшаго времени изъ Климентъ. Часть цеклинянъ родится съ пинерами, такъ какъ одинъ изъ нихъ женился на пиперской вдовѣ, имѣвшей сына, отъ котораго и произошло цѣ-

ное братство. Надобно замѣтить, что тамъ же есть и одно мѣсто, которое назыв. Пиперы, и одинъ участокъ (собств. въ Доброскомъ селѣ) Пиперовина (по имени Михапла Пипера, встрѣчающагося въ грамотахъ Иванбега и его сыновей). При этомъ позднѣйшіе доселенцы застали на Цеклинѣ турокъ, т. е. потурченцевъ, и при поселеніи купили кулу у одного турка. Что здѣсь были потурченцы, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что весь этотъ край находился подъ турецкимъ господствомъ. Близъ цеклинской церкви находилась *пандурица*, гдѣ стояла турецкая стража. Объ Рѣкѣ мы уже знаемъ, что тамъ были турки. На другой сторонѣ рѣки подъ Градомъ находится мѣстность, называемая Елезова-страна по имени жившаго тутъ турчина. По народному преданію послѣ Иванбега на Ободскомъ-градѣ жили Елезыи Мустафа. Когда-то было большое населеніе и при устьяхъ рѣки, которое постепенно удалялось отсюда на болѣе высокія мѣста вслѣдствіе усилившихся паводковъ. И это совершилось сравнительно недавно. Такъ исчезло цѣлое село до 40 домовъ Салковина между Комомъ и Жаблякомъ, отъ котораго и теперь еще виднѣются основанія домовъ, брошенныхъ и развалившихся. Частію же опустѣніе этихъ мѣстностей произошло вслѣдствіе необезпеченности отъ арнаутскихъ нападеній со стороны Скадра.

Что эта мѣстность весьма рано сдѣлалась сербскою, доказываютъ топографическія названія: Вртиелька (гора), Стругари, Добрштакъ, Плиеворъ (Приеворъ), Рѣка, Ободъ, Мѣсковацъ, Превлака, Комъ, Каменикъ, Липовникъ и т. д. И только весьма немногія названія неславянскаго или сомнительнаго происхожденія, какъ: Пеакъ, Каручъ, Бобія (гора), Бешки-репъ, Каратуна и др. По историческимъ судьбамъ этотъ край тѣсно связанъ съ Зетой; но въ болѣе узкомъ смыслѣ это была опять область Черноевичей, какъ и Катуны; и здѣсь безъ сомнѣнія была ихъ главная резиденція, тогда какъ въ горахъ подъ Ловченомъ первоначально было ихъ только лѣтнее пребываніе и катунны. Собственно резиденція Черноевичей была въ Жаблакѣ, который они впоследствии укрѣпили противъ турокъ; а и до того времени это

была роскошнѣйшая мѣстность для резиденціи владѣтельнаго дома. Около него сходятся три рѣки: Ободская или Рѣка-Черноевича, Синяцъ и Морача; между каменистыми холмами, какъ Одринска-гора съ Комомъ, Превлака, Вранина и др., покрытыми вѣчнозеленымъ дубомъ, лавромъ, гранатникомъ, смоквой, стелются равнины съ тучною почвой, представляющія собою въ одинаковой степени превосходныя нивы и луга; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ виноградники; въ глубокихъ заводяхъ рѣкъ въ такъ называемыхъ *вирагъ* или *окагъ* обильный ловъ рыбы разныхъ сортовъ: лаксфорелей, угрей, ромбовъ, линей, сазановъ (карповъ), не говоря уже о массѣ мелкой рыбы, особенно уклевъ (*scoganza*), которая въ сушеномъ видѣ составляетъ предметъ вывоза за границу. Такое же обиліе было и водяной птицы. Все это прекрасно описано у М. Болицы, особенно рыбная ловля, производящаяся въ громадномъ размѣрѣ и нынѣ, и охота на птицъ съ помощью ястребовъ. «Я видѣлъ много разъ — говоритъ онъ, — что турокъ отправляется утромъ въ лодкѣ на охоту съ ястребомъ, сниметъ съ него колокольчики, посадить въ лодкѣ и гребетъ туда, гдѣ видятъ птицъ; крикомъ спугиваетъ онъ ихъ и потомъ пускаетъ на нихъ ястреба; и, охотясь такимъ образомъ короткое время, онъ возвращается домой съ добычею 20 — 30 утокъ» (стр. 803). Еслибъ не затопляла вода, это была бы самая роскошная мѣстность въ цѣлой Зетѣ и Черногоріи.

Будучи владѣтелемъ этихъ мѣстъ, Стефанъ Черноевичъ строить тутъ же на Комѣ монастырь во имя Успенія Богородицы, которому безъ сомнѣнія принадлежала вся Одринская гора съ ея превосходными пастбищами и окружающія его низменности, такъ что въ надѣлѣ земель въ другихъ мѣстахъ, подобно Вранинскому монастырю, онъ не нуждался; но за то ему даны были мельницы на Ободской-рѣкѣ. Когда эта рѣка усвоила имя Черноевича, неизвѣстно; но несомнѣнно, что она всецѣло входила въ составъ его личныхъ владѣній. Съ именемъ Иванбега народная память соединила и преданіе о происхожденіи этой рѣки, которое мы сообщимъ въ другомъ мѣстѣ.

Все это указывает, что Черноевичи здѣсь были господами, какъ и въ Катуняхъ, помимо того, что были зетскими государами, такъ какъ здѣсь находилась ихъ личная собственность. Сидѣло-ли все здѣшнее населеніе на ихъ только земляхъ, или было и на своихъ собственныхъ, ясныхъ указаній на то мы не имѣемъ. Но впоследствии, не смотря на политическое господство турокъ, народъ является полнымъ собственникомъ обрабатываемой имъ земли; только нѣкоторыя угодья остались до конца принадлежностью монастырей Комскаго и Цетинскаго. Кромѣ Кома, составляющаго придатокъ къ острову Одринской горѣ, этимъ монастырямъ принадлежатъ и теперь два рыболова Волачь и Базагуръ въ рѣкѣ и еще два въ такъ называемомъ Горнемъ-блатѣ, Шуйца и Биво.

Въ правленіе владыкъ цеклиняне усилились до того, что отгѣснили племя Бѣлицъ отъ Горняго-блата до ихъ планины Ставора и сошлись границами съ Лѣшанской нахіей. Часть этого отнятого пространства ближе къ Горнему-блату называется теперь Цеклинскою жупой, гдѣ находятся лучшіе принадлежащіе этому племени виноградники и производится лучшее вино.

Благодаря естественнымъ условіямъ и удобству сообщенія съ такими рынками, какъ Подгорица и Скадаръ, здѣсь развилось большое богатство. У цеклинянь служили и занимали деньги бѣдные жители Катунь. Каждый домъ имѣлъ въ запасѣ столько червонцевъ, что иной не зналъ имъ счета и считалъ только при расплатѣ за что либо или при выдатѣ въ заемъ и при полученіи обратно; а двандигеры держали въ мѣшкахъ, изъ которыхъ отъ времени до времени разсыпали по каменному гумну для просушки и очищенія отъ плѣсени. Признаки этого богатства теперь видны только въ старинныхъ постройкахъ, въ щегольствѣ одеждой и вообще въ манерѣ и характерѣ жителей.

Въ поименованныхъ М. Болицею старшинахъ цеклинскихъ селъ трудно угадать существующія нынѣ фамиліи, а имя Дьюрашковичей встрѣчаемъ въ послѣсловіи къ перепискѣ грамотъ монаха Гаврїла подъ 1721 г., который и принялся за эту пе-

реписку съ благословенія игумена Брчельскаго монастыря «Гаврила Гурашковика от места Цеклиша». Въ одной записи 1763 г. упоминается воевода Андрія Дьюрашковичъ. Тамъ же и «кнезь Андрія Рачунатовичъ (нынче Ражнатовичи).» А въ народной нѣснѣ о боѣ на Царевомъ-Лазѣ 1712 г. упоминаются два предводителя цеклинянъ Дьюрашковичи Япко и Богдапъ, и еще Вукъ Раслапчевичъ Големый (срв. Големъ, восв. при Скепдербегѣ, отъ котораго и теперь есть потомки въ Скадрѣ) изъ Добрскаго села (Српско Огледало, пѣсня V, ст. 42—47).

По отношенію къ туркамъ цеклиняне держались также какъ и цермичане, потому что также были открыты со стороны Скадра; а Рѣка была совершенно турецкимъ городомъ, гдѣ находился главный кадія для всѣхъ черногорскихъ потурченцевъ. Жаблякъ конечно еще раньше обратился въ турецкую крѣпость; хотя еще во время М. Болицы изъ 250 домовъ большая часть были «христіане сербскаго обряда», церковь же св. Георгія въ Жаблякѣ, по его словамъ, они уже обратили въ мечеть.

Впослѣдствіи однако здѣсь не осталось ни одного христіанскаго дома, и Жаблякъ сдѣлался величайшимъ врагомъ Черногоріи, въ особенности же большимъ зломъ онъ былъ для цеклинянъ, у которыхъ тутъ находились нивы, луга и рыболовы, а одно ихъ село Додоши находилось всего въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ Жабляка. И не смотря на то, цеклиняне держались такъ, что турки не смѣли имъ ничего сдѣлать. То же самое нужно сказать и о селѣ Вранинѣ на островѣ того же названія, гдѣ точно также вполне неприкосновеннымъ оставался и монастырь св. Николая, которому когда-то принадлежала почти вся Цермница.

Это были тоже черногорскіе крапшники, вся жизнь которыхъ проходила въ схваткахъ съ туркамъ, и исторія ихъ представляетъ цѣлую военную эпопею. Такое положеніе развило въ нихъ привычку геройски биться въ равнинѣ и на водѣ, и они составляли всегда военную флотилію Черногоріи. Отважность цеклинянъ доходила до того, что съ чстой въ 12 чел., они два раза

овладѣвали крѣпостью Жаблякомъ и однажды чуть не захватили въ плѣнъ турецкій военный пароходъ.

Нѣкоторые изъ главарей, подобно пермницкимъ, тоже иногда ходили въ Скадръ, но за ними никогда не шелъ народъ, и потому здѣсь никогда не было сопротивленія, какимъ бы то ни было, распоряженіямъ и требованіямъ черногорскихъ правителей. И только два раза турецкое войско, конечно въ громадномъ числѣ, проходило черезъ ихъ территорію, чтобы напасть на Черную-Гору. Это было въ 1690 и 1862 гг.

Другое сильное племя Люботинъ, которое также, какъ и Цеклинъ, населилось изъ различныхъ мѣстъ. Одни ведутъ свое происхожденіе изъ Сараева: Вукичевичи, Калудьеровичи и Прекорница; другіе изъ Алексинацкаго округа въ Сербіи: Радоманы, иначе Жутковичи; Прли и Шабаны изъ Мркоевичей; Пеаковичи и Дрецуны изъ Паптровичей; Вигневичи изъ различныхъ мѣстъ, и между ними Никиновичи самый старыи родъ, которые тутъ сидѣли испоконъ вѣка (срв. никинцы, албанцы въ Затребчѣ). Также неизвѣстно, откуда пришли Сораты или Сарапы.

Невозможно вполне положиться на эти показанія самихъ жителей о себѣ; но нѣкоторыя имена очевидно албанскаго происхожденія, какъ: Пеаковичи, Дрецуны, Джаневичи. Магометанство нѣкоторыхъ видно въ имени цѣлаго рода Шабановъ; а на присутствіе магометанъ вообще на Люботинѣ ясно указываютъ и названія мѣстностей: Мѣдова-главица, Кадинъ-магранъ (поле), Селимова-кућа; у Пеаковичей одинъ домъ строилъ Кача-бегъ, въ Прляхъ тоже одинъ домъ служилъ туркамъ *пандурицей*, гдѣ стояла ихъ стража (Прли есть и въ Скадрѣ, а оттуда и въ Ульцинѣ).

Приверженность ихъ туркамъ въ старое время видна изъ того, что во время М. Болицы старшина ихъ Вуко Раичевъ отъ Константинопольскаго двора получилъ главенство надъ цѣлою Черною-Горой съ титуломъ *спакхи*. Въ то время въ Люботинѣ

собственно было 70 домовъ со 160 воинами, а въ селахъ Іекса и Селяни 46 домовъ и 116 воиновъ.

Замѣчательно, что, сколько намъ извѣстно, Люботинъ не упоминается нигдѣ въ старинныхъ грамотахъ и записяхъ; только въ одной записи половины XVIII в. читаемъ, что пожертвовали цетинскому монастырю «Марко Перля на Люботинѣ цекинъ еданъ и Мило Живановъ у Смоковце цекинъ еданъ». Причиною такого забвенія люботинянъ въ письменныхъ памятникахъ заключается въ ихъ слишкомъ обособленномъ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ географическомъ положеніи. Это отдѣльная терраса, составляющая какъ бы продолженіе цеклинской, только значительно выше, и цѣлый рядъ высокихъ кряжей, перепутанныхъ между собою со множествомъ глубокихъ замкнутыхъ же впадинъ, обставленныхъ самыхъ причудливыхъ формъ утесами и скалами, отдѣляетъ её съ одной стороны отъ Приморья, съ другой отъ долины Рѣки Черноевича и низменности Скадарскаго озера. Такого же рода формація, хотя и на протяженіи на цѣлыхъ три часа разстоянія, залегла между ними и Цермницей. Кромѣ Цеклина, куда бы вы ни отправились изъ Люботина, всюду встрѣчаютъ васъ самые трудные, едва проходимые пути; довольно ровно можно спуститься только къ Цеклину, который такимъ образомъ стоитъ имъ на пути въ Черную Гору, а съ Зетой сообщеніе черезъ долину Рѣки или Скадарское озеро, въ которыхъ они однако не имѣли ни мало своей доли.

Этою обособленностью Люботина и приступностью отъ Скадарскаго озера и воспользовались турки, чтобы утвердить тамъ свое господство, откуда, пользуясь доминирующимъ положеніемъ его территоріи надъ цѣлою областью къ востоку отъ Цетинья, они создали изъ него свой административный центръ.

Въ экономическомъ же отношеніи люботиняне находились въ полной зависимости отъ цеклянянъ, и потому должны были или дружить съ ними, или воевать, что и было на дѣлѣ. Въ не такъ давнее время, именно при владыкѣ Петрѣ I, они воевали другъ съ другомъ семь лѣтъ изъ-за села Зачира. Война эта страшно

утомила тѣхъ и другихъ, и они рѣшились прибѣгнуть къ суду владыки, который и рѣшилъ въ пользу Люботина, руководясь тѣмъ, что сами зачиряне желали того же. Этотъ фактъ, случившійся въ недавнее время, уясняетъ намъ, какимъ образомъ отдѣльныя общины или роды должны были соединяться и сливаться съ какимъ нибудь сильнымъ племенемъ.

Очищеніе Люботина отъ потурченцевъ произошло, вѣроятно, въ то же время, какъ и во всей Черногоріи, и съ тѣхъ поръ не было, кажется, ни одного случая, чтобъ они не были съ нею.

Остается небольшое племя Градьяны, которое состоитъ изъ 130—140 домовъ съ двумя селами: Радомиръ и Гады.

По территоріи они ближе всего стоятъ къ Цермницѣ, къ которой иногда и причислялись. Главная церковь ихъ посвящена св. Іовану (23 сент.), котораго празднуютъ также и цермничане; и когда строилась эта церковь, было всего 13 домовъ. Свое доселеніе они считаютъ откуда-то изъ Старой-Сербіи, притомъ родоначальникъ ихъ былъ знатнаго происхожденія, отчего и прозывается у нихъ одинъ древнѣйшій родъ Кнежевичи. Но прозвище это могло произойти и отъ *кнеза* въ смыслѣ старшины племени, что, по нашему мнѣнію, много вѣроятнѣе. Но дѣло однако въ томъ, что и здѣсь было поселеніе прежде нихъ, при томъ существовалъ *градъ*, отъ котораго они и прозвались градьянами. Дѣйствительно тамъ находятся слѣды старыхъ построекъ, о которыхъ никто не умѣетъ ничего рассказать.

Здѣсь же имѣлъ убѣжище и злополучный Степанъ Малый. Въ той же записи, гдѣ упоминается одинъ люботинянинъ, упоминаются и градьяне: «перво у капетана Павла Павичева у Градьяне цеквна два, сверх тога закладъ игле сребрие».

Тамъ же есть село Шишовичи, отъ котораго осталось всего 2—3 дома, и чуть-ли не оттуда былъ первый епископъ зетскій Иларионъ Шишовичъ, похороненный на Вранинѣ. Есть тамъ и фамилія Черноевичей.

Вообще это прелестнѣйшій уголокъ, и здѣсь, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень рано развилась культурная жизнь. Специально объ Градьянахъ есть статья Л. Томановича (Нова Зета, 1890 г., № VIII, стр. 291—97).

4) Лѣшанская нахія.

Лѣшанскою нахіей собственно называется горная часть, прилегающая на востокѣ къ равнинѣ нижней р. Морачи, гдѣ она продолжаетъ свое теченіе по соединеніи съ р. Зетой, на югѣ доходитъ до Жабляка, на сѣверѣ до г. Бусовника, а на западѣ упирается въ г. Ставоръ, гдѣ соприкасается съ Катунскою нахіей. Но историческими судьбами и составомъ населенія съ нею связана и вся низменность, идущая по правую сторону нижняго тока Морачи почти до ея впаденія въ Скадарское озеро и носящая названіе Лѣшкополя и другихъ общинъ. И здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, что позднѣйшіе доселенцы превысили старосельцевъ числомъ; но доселенія были изъ различныхъ мѣстъ.

По народному толкованію Лѣшанская нахія получила свое названіе отъ доселенцевъ изъ г. Лѣша (Alessio) въ Албаніи, который однако, какъ мы видѣли изъ историческаго обзоренія, входилъ когда-то въ составъ Зетскаго государства. (Тоже самое говорятъ и Нанн въ *Albanesische Studien*). Время переселенія ихъ оттуда, конечно, съ точностью неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ оно должно было произойти не раньше второй половины XV в., когда пала Кроя, умеръ Скендербегъ (1467 г.), и турки, овладѣвъ Лѣшемъ, стали добывать Скадаръ. Черноевичи въ это время основали свою резиденцію въ Жаблякѣ, обеспечивая такимъ образомъ мѣстность сзади него къ сѣверу, которая въ свою очередь давала и ему опору своимъ гористымъ мѣстоположеніемъ. Ни въ современномъ типѣ и характерѣ, ни въ преданіяхъ лѣшнянъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда арнаутскаго происхожденія, хотя они и считаютъ его изъ Албаніи. Да и нѣтъ основанія предполагать это, такъ какъ

въ то время въ Лѣшѣ и въ окрестностяхъ его безъ сомнѣнія было сербское населеніе, если не сплошное, то въ значительной численности. Въ исторіи Георгія Кастріота мы имѣли случай показать, что между его вождями многіе носятъ славянскія имена; а вожди эти, участвуя въ войнѣ, не могли быть одни, но должны были имѣть при себѣ и войско такого же славянскаго происхожденія. Притомъ въ Лѣшѣ и Драчѣ еще въ XIV в. владѣли Радичи и Юрасичи, и владѣнія ихъ доходили до Авлоны. Вслѣдствіе этого, когда на тѣ предѣлы напали турки, мѣстные жители арнаутокатолики бѣжали въ католическую Италію; а православные сербы въ соплеменные и единовѣрные имъ страны подъ державою Черноевичей; но впослѣдствіи изъ сосѣднихъ албанскихъ странъ опять доселились туда арнауты. Такія соображенія побуждаютъ насъ признать справедливость народнаго преданія лѣшнянъ, что они прибыли изъ Лѣша и конечно были православные сербы. Въ этомъ племени самая многочисленная община Дражевина (происходящая отъ Драга), и въ ней находятся слѣдующіе роды: Вукчевичи, Ускоковичи, Миличи, Болевичи, Радуновичи и др., занимающіе села Големади, Бигоръ, Лѣшню, Корнетъ и т. д. Есть доселенцы изъ Крои, резиденціи славнаго албанскаго рода Кастріотовъ; они живутъ въ селѣ Крусахъ, названіе котораго албанскаго происхожденія, указывающее на таковое же происхожденіе и жителей. Есть и еще села, въ которыхъ жители изъ разныхъ мѣстъ Албаніи: это Горніе-Кокоты и Мугоша; послѣдніе изъ Кастратъ (но и Кастраты были сербы). Въ грамотѣ Георгія и Стефана Черноевичей цетинскому монастырю между прочимъ упоминается дарованіе ему кметовъ, между которыми «Пачка Парцаздецомъ» (стр. 728). Это былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, житель села Парцы, Лѣшанской нахіи, а имя его арнаутское.

Здѣсь мы однако не видимъ совершеннаго подавленія старожилъ новыми доселенцами, какъ то видѣли въ выше рассмотрѣнныхъ нахіяхъ, и потому сохранились цѣлыя общины изъ стараго поселенія; таковы Релеза, Кунипа (часть буронской общины), Метили въ Станисавличахъ. Въ селѣ Фармакахъ, впо-

слѣдствіи населившемся изъ различныхъ мѣстъ Лѣшанской нахіи, сохранились старыя братства Крлоганъ и Караношъ, какъ будто неславянскаго происхожденія. Только цѣлое село Шекуляръ (между Големадами и Горн. Кокотами) выселилось вслѣдствіе турецкихъ притѣсненій и нашло себѣ новыя жилища въ сосѣдствѣ съ васоевицкимъ племенемъ, гдѣ и продолжаетъ жить подъ своимъ старымъ именемъ, значительно размножившись и составляя теперь нѣсколько селъ. На старомъ же ихъ жилищѣ поселились дражевляне. Отселилось также цѣликомъ село Станевичъ (въ Лѣшкополѣ) въ Печь, тоже вслѣдствіе турецкихъ насилій, и теперь тамъ виднѣются только слѣды ихъ домовъ. А между тѣмъ оно упоминается еще М. Болицей въ двухъ мѣстахъ: отдѣльно 25 домовъ съ 57 воинами, и вмѣстѣ съ Кокотами 28 д. со 127 в. Значительно уменьшились, но остались до сихъ поръ отъ упоминаемыхъ Болицей села Лужница 41 д. съ 90 в. и Толоши 27 д. съ 58 в. Все это—на лѣшкопольской равнинѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ подгоричскими турками, которые ипжнею Зетой совсѣмъ овладѣли, а эту часть, непокорившуюся имъ, разорили своими нападеніями и доводили до расселенія. Въ этой части, какъ и слѣдовало ожидать по ея выгодному положенію, должно было находиться самое старое и самое густое населеніе, отъ котораго остались только слѣды ихъ жилищъ, церквей и монастырей (въ Беряхъ и Фармакахъ) и другихъ сооруженій. Небольшая церковь въ Беряхъ сохранила до сихъ поръ значеніе соборной для цѣлой Лѣшанской нахіи, и 9-го мая около нея собирается громадная скупщина не только лѣшнянъ, но другихъ сосѣднихъ племенъ и нахіи. По этому и многимъ другимъ основаніямъ, какъ: болѣе благоприятная мѣстность, близость къ большому городу (Діоклея, Подгорница) и удобство сообщеній, утверждаютъ насъ въ томъ предположеніи, что Лѣшкополе и было, такъ сказать, метрополіей цѣлой округности; горная же часть служила только катунамъ, а впоследствии послужила убѣжищемъ, изъ котораго жители защищали свою свободу противъ турокъ. Тамъ же еще Иванбегъ построилъ укрѣпленный градъ Соколь

съ церковью и подземными хранилищами воды и для другихъ припасовъ. Изъ сего видно, что этой мѣстности придавалось большое значеніе въ дѣлѣ обороны цѣлой Черногоріи. Дѣйствительно большую часть своихъ атакъ турки вели черезъ Лѣшкополе и тотчасъ за нимъ въ горахъ они находили свою погибель. М. Болица рассказываетъ, какъ въ 1604 г. прибылъ въ Подгорицу скадарскій санджакъ Алибегъ-Меметбеговичъ, рѣшившись принудить черногорцевъ къ дани; съ большимъ войскомъ перешелъ онъ Морачу, вступилъ въ Лѣшкополе и, предавъ огню села Станевичъ и Горвицу, направился въ горы; но тамъ былъ встрѣченъ черногорцами, разбитъ и прогнанъ съ потерей 100 чел. и между ними тѣхал его и лейтенанта, человѣка необычайной силы и мужества; «и если бы не темнота ночи, плохо было бы и всему остальному войску» (стр. 816). Въ той же мѣстности черногорцы одержали надъ турками двѣ славныя побѣды: въ 1712 г. на Царевомъ-лазѣ (Рѣпкой нахи), а въ 1796 г. на Крусахъ.

Служа, такъ сказать, бастиономъ Черногоріи противъ турокъ, Лѣшанская п. въ то же время служила убѣжищемъ черногорцамъ же изъ различныхъ мѣстъ, когда кому либо приводилось бѣжать, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Такимъ образомъ село Орахъ (или Ораси) населено бѣжавшими изъ Велестова (въ Озриничахъ); Штитари изъ Никшицкой жупы; Буронье изъ Кчева; оттуда же, кажется, и Стъепетичи; а въ Прогоновичахъ лѣшняне застали доселившихся прежде нихъ Цуцъ; отъ нихъ и теперь есть братство Рогановичей (2 дома).

Дольніе-Кокоты поселились изъ Грбля (въ Приморьѣ); Градацъ съ Грачаницы подъ Никшичемъ.

То обстоятельство, что въ Прогоновичахъ прежде поселились Цуцы, указываетъ на болѣе раннее поселеніе этихъ послѣднихъ вообще въ Черногоріи, хотя въ томъ случаѣ можетъ быть и смѣшеніе: лѣшняне могли занять и это село, послѣ того какъ осѣлись въ мѣстности ближе къ Лѣшкополю. Тѣмъ не менѣе все это подтверждаетъ еще сильнѣе, что большее заселеніе Черногоріи произошло въ Иванбегово время: одни двигались за нимъ или

вмѣстѣ съ нимъ, по мѣрѣ его удаленія отъ Зеты, другіе послѣ него.

Замѣчательно, что гѣшпяне владѣли частью цетинскаго поля, за которую до не такъ давняго времени получали *травнину* (плату за траву), какъ будто эта мѣстность и имъ служила когда-то катуномъ.

5) Верхняя и Средняя Зета.

Къ этой области мы причисляемъ Никшичъ съ окрестностями и всю долину р. Зеты отъ ея истока изъ подъ Планиницы и почти до соединенія съ Морачей или, по крайней мѣрѣ, до Спужа. Вся эта область составляетъ одно цѣлое по своему географическому положенію, а также и исторія связывала ее въ весьма давнее время. Въ этнографическомъ же отношеніи здѣсь была смѣсь населенія изъ различныхъ мѣстностей. Здѣсь даже есть имя одного урочища *Кулява*, напоминающее куявовъ, жившихъ когда-то въ западномъ краѣ Россіи.

Что касается самого Никшича, то онъ возникъ въ позднѣйшее время и названъ по имени нѣкогого Никши, и въ народѣ часто имя этого города употребляется во множественномъ числѣ, въ смыслѣ потомковъ Никши, разросшихся въ цѣлое племя или братство. А прежде его былъ Оногоштъ, до сихъ поръ не утратившійся еще въ народной памяти. Въ немъ Стефанъ Урошъ (1362 г.) далъ грамоту Дубровнику (Mon. Serb. стр. 171). Городъ этотъ, когда образовалось Зетское государство, принадлежалъ Босніи, а потомъ лично Сандаю Храничу. У Дуклянскаго священника Опогосте упоминается въ числѣ 10 жупъ, входившихъ въ составъ Захолміи, пначе Подгорія. А при Сандалѣ Храничѣ тутъ взималась пошлина съ товаровъ, провозимыхъ по пути изъ Дубровника въ Сербію.

При этомъ намъ вспоминается исторія Бѣлы Павлимпра или Бѣлаго Павла, упоминаемаго у Дуклянскаго священника и у Порфирогенета *). Вотъ вкратцѣ этотъ разсказъ.

*) См. статью *Симини* Родослов. династіе Бѣле Павлимпра и Трехомила по Порфирогенету и Дуклянину (Зет. Мат. Срп. 1888, IV, кн. 156, стр. 23—45).

Сербскій король Радославъ принужденъ былъ сыномъ своимъ бѣжать изъ отечества и нашелъ убѣжище въ Римѣ, гдѣ женился на одной римлянкѣ. Отъ этого брака родился Петриславъ (Петръ), а отъ Петрислава — Павлимиръ или Павелъ, который отличался красотою и мужествомъ, за что и прозванъ былъ *Бѣли* (бѣлый) или *Бела*. Послѣ разныхъ перипетій онъ переѣзжаетъ изъ Рима въ Гружъ (Gragosa) близъ Дубровника, а потомъ дѣлается господиномъ Травуни и Конавлей (это было приблизительно въ 867 г.).

Внукъ же его Прелимиръ владѣлъ сверхъ того Хумомъ, Зетою и Подгоріемъ (часть нынѣшней Черногоріи). Въ 968 г. онъ упоминается, какъ рашскій великій жупанъ, который, будучи тѣснымъ греческимъ императоромъ Цимисхиемъ, бѣжалъ въ Прелимирову державу въ градъ Оногоштъ, а потомъ упоминается жупанъ Оногошта Радиградъ, сынъ Прелимира.

Отсылая читателя, желающаго знать подробности объ этомъ родѣ, къ упомянутой выше статьѣ Синиши, мы останавливаемся на имени Бѣлаго Павла и на томъ, что жупанъ, владѣвшій Зетой, жилъ въ Оногоштѣ. Здѣсь подъ именемъ Зеты нужно разумѣть среднее теченіе рѣки Зеты, нынѣшнюю Бѣлопавицкую долину; тогда какъ ниже она была въ рукахъ грековъ, съ которыми и боролись рашскіе жупаны вплоть до Немани, пока Неманя окончательно не побѣдилъ ихъ. И такъ имя Бѣлопавицкой скорѣе всего могло произойти отъ этого историческаго Бѣлаго Павла или Павлимйра, а не отъ Павла Ликогатъи, созданнаго народною фантазіей. Мы однако не можемъ не сообщить и объ этомъ преданіи, такъ какъ оно вошло и въ словарь Вука Караджича, а пзъ него перенесено и въ другія научныя сочиненія.

Вотъ какъ рассказываетъ объ немъ доморощенный историкъ и хранитель преданій своего края М. Шобаячъ*): «Былъ гѣкто Лека Дукадьиновъ (родомъ изъ Дукадьина), который погибъ на Косовомъ полѣ; а послѣ того сынъ его Бѣлый Павелъ жилъ въ

*) Млади Црногорац или исторјиски списи. Београд. 1873.

Призренї; но, когда этимъ городомъ завладѣли турки, онъ бѣжалъ въ нынѣшніе Бѣлопавличи, которые тогда назывались иначе. Павелъ этотъ пришелъ къ нѣкоему бану лужанину и остался у него служить по найму. Онъ былъ красивъ какъ *емиа*, а уменъ какъ баричъ (господичич), за что банъ его полюбилъ, усыновилъ и женилъ на своей дочери. Народъ тамошній, лужане, не вѣровалъ въ (истиннаго) Бога; то были люди надменные и безбожные, которые презирали Павла, какъ пришельца и (по своему) безбожника.

Однажды собрался народъ на праздникъ у монастыря Еленка (теперь Ждребаникъ). Прибылъ туда мимоходомъ и какой-то святогорскій владыка (по другимъ монахъ, св. кралица или св. Сава) и поздравилъ все собраніе, сказавъ: «помогай Богъ»; но ему никто не отвѣтилъ. Тогда онъ спрашиваетъ: «Нѣтъ-ли какого-нибудь парня, который проводилъ бы его въ Никшичъ, такъ какъ онъ не знаетъ дороги?» «Вотъ вамъ Ликогатья» *) отвѣтилъ кто-то, и нашли Павла, который и проводилъ *духовника* (монаха) до Никшича. Духовникъ, видя Павла молодцоватаго наружностью и хорошо одѣтаго, спрашиваетъ: «Кто ты, сынъ мой, откуда ты и за что тебя зовутъ ликогатья?» Онъ все разсказалъ духовнику, который за то изрекъ Павлу свое благословеніе, а народу тамошнему проклятіе; потомъ, обнявши его, со слезами простился съ нимъ. Съ духовникомъ было два ученика, одинъ изъ которыхъ оказался родственникомъ Павла. Этотъ ученикъ со временемъ сдѣлался пономъ, и отъ него произошло село Поповичи.

Проклятіе неизвѣстнаго путешественника исполнилось въ тотъ же день. Во время лужанскаго праздника пробѣжалъ между ними заяцъ, а пьяный народъ кинулся за нимъ, чтобы схватить или убить; кто-то выстрѣлилъ изъ ружья и вмѣсто зайца попалъ въ чезовѣка. Поднялась общая суматоха. Всѣ схватили оружіе или камни и кинулись другъ на друга и бились до тѣхъ поръ, пока

*) Въ переводѣ это значитъ носящій панталоны лымчаны или лымкохъ подвязанныя.

не осталось почти никого; бились и по домамъ, и тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались, боясь мести. Остался только Бѣлый Павелъ съ семействомъ бана, а оставшаяся часть лужанъ послѣ того не жила, а прозябала; и теперь отъ нихъ осталось только 5—6 домовъ, и тѣ никуда негодны» (стр. 63—65).

Изъ этого преданія видно, что въ народѣ сохранилась память о Бѣломъ Павлѣ и борьбѣ двухъ вѣръ лужанской и истинно православной; только перепутана хронологія какъ вообще въ народныхъ преданіяхъ. Павле изъ Дукадьина могъ прийти въ эти мѣста никакъ не раньше, какъ въ концѣ XIV в. (послѣ Косовской битвы) или въ началѣ XV; а между тѣмъ въ 1411 г. упоминается уже племя Бѣлопавличей *). Относительно лужанъ и Шобанчъ замѣчаетъ, что это могли быть богумилы, воспоминаніе о которыхъ сохранилось вездѣ почти въ предѣлахъ старой Зетской державы; а въ долину средней Зеты есть и село Богмиловичи. Борьба же противъ богумильства происходила при Немацѣ (въ концѣ XII в.) и кончилась его истребленіемъ.

Такимъ образомъ мы констатируемъ тотъ фактъ, что племя Бѣлопавличей существовало прежде Косовской битвы и поселилось тамъ въ то время, когда вообще сербы расселялись по этимъ мѣстамъ, вытѣсня аварь, латинъ и впоследствіи грековъ. Притомъ имя Бѣлопавличей, по всѣмъ вѣроятіямъ, означало не одно какое либо племя, но вообще *жителей этой области, носившей имя своего владѣтеля Бѣлы Павлимира* или его рода.

Изъ всего этого мы выводимъ, что, во 1-хъ, имя Бѣлопавличей было провинціальное, а не племенное; а во 2-хъ, что часть территоріи, занимаемой племенемъ, присвоившимъ себѣ имя Бѣлопавличей по преимуществу, составляла одно цѣлое съ территорією Оногоста; по жители той и другой частей принадлежали-ли одному этнографическому типу, это вопросъ, который мы рѣшили бы скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ.

Никшичъ, какъ городъ самъ по себѣ, не можетъ имѣть опре-

*) Мехо Пуцич. Словеница. I, № 192.

дѣленнаго этнографическаго типа, потому что городъ принимаетъ къ себѣ поселенцевъ изъ различныхъ мѣстностей. Но во всей его окрестности съ Жупой, Луковымъ, Дугой, Трепчей и Рудинами населеніе типа обще-герцеговинскаго; это и естественно, такъ какъ онъ или собственно Оногость, по сказанію Дуклянскаго священника, составлялъ одну изъ десяти жупъ Захолміи или Подгорія. Но рядомъ съ нимъ живущее племя пѣшивцевъ имѣетъ совершенно другой, своеобразный типъ, отличающій ихъ и отъ бѣлопавличей. Конечно были доселенія и къ нимъ изъ другихъ мѣстностей. Такъ о Витасоевичахъ (34 дома, до 50 ружей перваго класса) говорятъ, что они изъ Кучь. По народному преданію предокъ ихъ Дьуро Штьековичъ, оставшись вѣрнъ Иванбегу, пришелъ къ нему на Цетинье, а Иванбегъ за вѣрность и въ вознагражденіе потеряннаго имъ въ Кучахъ, далъ ему для жительства и во владѣніе свои катуны Ланишта, изъ которыхъ впоследствии и разрослось цѣлое село. Какъ доселенцы, они терпѣли притѣсненія отъ туземцевъ, и потому изъ страха, чтобъ у нихъ не отняли землю, они записали ее Острожскому монастырю съ правомъ жить на ней и пользоваться за ничтожную плату. И только при князѣ Даниилѣ они получили эту землю опять въ полное свое владѣніе, заплативши однако монастырю 900 талеровъ.

Есть также отдѣльные роды, которые не мѣстнаго происхожденія. Но тѣмъ не менѣе своеобразность племенная сохраняется. О пѣшивцахъ говорятъ, что они старожилы и что прежде ихъ имя было *Лужане*. Это было сильное и многочисленное племя, которое занимало всю долину Средней Зеты. Лужане были и близъ Подгорницы. Сюда же мы приурочиваемъ и упоминаемыя Дуклянскимъ свящ. Podlugiae. Имя это объясняется луговымъ характеромъ всей той мѣстности, начиная отъ Орѣй-Луки и до Служа. Тамъ и теперь находятся Лужница, Косови-Лугъ, Луге и др.

Изъ этой мѣстности они были отгѣснены вверхъ Зеты и загнаны въ весьма тѣсныя мѣста подъ Планинцей и Будо-

шемъ, гдѣ зетская долина становится узкою и очень глубокою и гдѣ для хлѣбопашества нѣтъ мѣста; но за то тамъ находятся прекрасные виноградники и множество отличнѣйшихъ смоквъ, гранатъ, айвы и другихъ плодовъ. Горы, покрытыя частью крупнымъ, а больше мелкимъ лѣсомъ, представляютъ удобства для содержанія мелкаго скота, особенно козь.

Откуда произошло переименованіе лужанъ въ пѣшивцевъ, мы не знаемъ; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ какойнибудь голой горы или вообще таковой мѣстности *).

Загнаны они были въ эту мѣстность частью натискомъ новыхъ, болѣе энергичныхъ пришельцевъ, какъ то мы видѣли и въ другихъ мѣстахъ; а частью еще прежде гоненіемъ противъ нихъ Немани, такъ какъ лужане крѣпко держались ненавистнаго ему богумильства.

Какъ бы въ напоминаніе объ ихъ богумильствѣ на южной ихъ границѣ, какъ разъ на межѣ съ Бѣлопавличами, находится село Богмиловичи (около 20 домовъ) съ маленькою церковкой, и въ немъ есть нѣсколько семействъ, которыхъ положительно считаютъ за потомковъ старыхъ лужанъ.

По этимъ, хотя неполнымъ и шаткимъ, даннымъ, за неимѣніемъ данныхъ другихъ, болѣе точныхъ, мы склоняемся къ мысли, что часть племени пѣшивцевъ должна быть причислена къ старожиламъ, т. е. первымъ сербскимъ поселенцамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, еще во время жупановъ, и къ потомкамъ лужанъ, державшихся богумильства. Но значительная часть, именно села Повія, Богетичи, Дреновштица и Церово считаютъ свое происхожденіе изъ Грудъ (теперь албанское племя близъ Подгорицы), которые поселились здѣсь въ позднѣйшее время, когда турки завладѣли Подгорицей.

Что касается современныхъ бѣлопавличей, то тутъ намъ ничего не остается, какъ держаться живущаго между ними пре-

*) Въ Дробнякахъ между Шавниками и Тушиной есть гора Пѣшиваць (Пгѣшиваць), которая только снизу покрыта лѣсомъ, а вверху голая.

данія, приближая его къ болѣе чистой истинѣ при помощи другихъ, историческихъ фактовъ.

Вотъ какъ представляетъ намъ это родословіе М. Шобаичъ *): «Отъ Павла (Бѣлаго) родились 4 сына: Павко, Петушинъ, Петръ и Петрашко. Отъ первыхъ троехъ произошли всѣ Бѣлопавличі: отъ Павка—Павковичи, отъ Петушина—Петушиновичи, а отъ Петра—Вражегрмци. Отъ Петрашка одинъ только домъ въ сел. Медьница, и никогда не было больше». Павлу Бѣлому сверхъ того именуютъ отца Леку и дѣда Дуку, а вообще происхождение ихъ изъ Дукадьина въ Албаніи.

Относительно рода Петрашка, который такъ слабо размножился и не развѣтвлялся, семейное преданіе сохранило имена всѣхъ предковъ. Вотъ эти имена по нисходящей линіи отъ Петрашка: Кариманъ, Лазарь, Гойко, Милинко, Вукъ, Радоня, Чейо, Сточко и Живко, который еще былъ живъ до 1873 г.

Всего 10 поколѣній или поясовъ отъ Бѣлаго Павла. Полагая среднимъ числомъ въ одномъ столѣтіи три поколѣнія, мы бы должны были возвратиться назадъ на три столѣтія съ половиной, т. е. къ XVI ст.; но этотъ родъ слабо множился; поэтому для него нужно предположить менѣе трехъ поколѣній въ столѣтіе, и тогда время прибытія Бѣлаго Павла падетъ на половину или конецъ XV ст. Это вообще періодъ самаго сильнаго доселенія въ Черногорію народа изъ различныхъ мѣстъ послѣ погрома Сербскаго государства.

Что касается Дукадьина, на который нынѣшніе бѣлопавличі указываютъ, какъ на свое первоначальное отечество, и который въ настоящее время сталъ совершенно арнаутскимъ, то не нужно забывать, что въ то время сербскій элементъ простирался гораздо дальше, и въ Дукадьинѣ, если не было вполне сербское населеніе, то во всякомъ случаѣ тамъ сербовъ, чистыхъ или даже немного смѣшанныхъ съ арнаутами, было много. Мы уже останавливались однажды на этомъ вопросѣ по поводу доселенія

*) Младш Црногорацъ, стр. 65.

изъ албанскихъ же мѣстностей—Цеклинянъ, нѣкоторыхъ родовъ въ Цермнищѣ и Лѣшнянъ; на томъ же основаніи съ достаточною вѣрностью можно принять временемъ доселенія Бѣлопавличей конецъ XV в., когда палъ Георгій Кастриотъ, а Черноевичи стали удаляться къ западу: за ними и тянулись эти доселенцы въ Черногорію.

Остается еще вопросъ объ отношеніи этого края къ Турціи и туркамъ.

Существуетъ въ Бѣлопавличахъ село Брестъ (нынѣшнее Брестово?); тамъ добывалась когда-то соль, и до недавняго времени у одного поселеннина находился камень, весь пропитанный солью, который поэтому давали овцамъ лизать. Тамъ же Иванбегъ имѣлъ свой дворъ, отъ котораго и теперь еще виднѣются слѣды воротъ, и одна часть его называется *комардница* (отъ *комарда*—бойня скота). Тутъ содержался скотъ Иванбега и приготовлялось мясо. Для управленія дворомъ поставлены были 30 слугъ, которые однако злоупотребляли своимъ положеніемъ: дѣлали разныя обиды мѣстнымъ жителямъ, особенно же оскорбляли женщинъ. Жители, не находя управы у Иванбега, отправились въ Фочу, гдѣ тогда уже владѣли турки, и привели оттуда съ собою турокъ, которые, прогнавъ иванбеговыхъ слугъ, водворились тамъ на постоянное жительство.

Что сталося съ этими турками впоследствии, объ томъ нѣтъ никакого преданія; но только на другой, лѣвой сторонѣ Зеты никогда не владѣли турки. По всѣмъ вѣроятіямъ, воспользовавшись ими для вытѣсненія иванбеговыхъ слугъ, мѣстные жители со временемъ вытѣснили и ихъ изъ той мѣстности, и принудили пойти въ Спужъ, гдѣ турки господствовали, благодаря тому, что Подгорица была вполне турецкою. Напротивъ, есть указанія, что турки, хотя и временно, господствовали по правую сторону р. Зеты. Именно между Куриломъ (гора надъ Оршей-Лукой) и подножіемъ г. Гарча есть равнина, на которой одна мѣстность называется *Бостани*, и тутъ, говорятъ, были турецкіе огороды; есть нивы и ливады Буразеровича, Дуровича, Дьедьевича, также своими именами напоминающія турокъ.

Фактически упоминается господство въ части Бѣлопавличей бега Зотовича, который, будучи недоволенъ Скадарскимъ папою, стѣснявшимъ своеволие беговъ, оставилъ Скадаръ, завладѣлъ цѣлой Нижней Зетой съ Подгорицей и въ то же время частью Бѣлопавличей. Стоялъ онъ на Орьей-Лукѣ, гдѣ имѣлъ свои земли. Это было приблизительно въ концѣ XVII в. Но тутъ является сильный родъ Бошковичей. Они прежде стояли въ Слатинѣ, потомъ на Вратьешинѣ и Копитѣ, а наконецъ дошли до Орьей-Луки. Бега они прогнали, домъ его разорили и поселились тутъ сами, гдѣ и остаются до сихъ поръ. Изъ этого рода впоследствии были воеводы, между которыми особенно знаменитъ Петръ Бошковичъ.

Надобно замѣтить, что въ прежнее время бѣлопавличичи платили дань арнаутскому племени климентамъ по 12 лодокъ льняной пряжи; а сверхъ того платили и въ Скадаръ.

Дань эта иногда не платилась, изъ чего часто бывали боевыя схватки; но тѣмъ не менѣе она всегда считалась за бѣлопавличичами. Тогда Петръ Бошковичъ предложилъ туркамъ платить гораздо больше, если его сдѣлаютъ воеводой. Турки приняли его предложеніе, и вотъ новый воевода сообщаетъ, что дань готова, пусть только за нею пріѣдутъ 40 скадарантъ; а когда они прібыли, онъ всѣхъ ихъ перебилъ. Много онъ дѣлалъ зла туркамъ; много разъ попадался имъ въ руки, но всегда умѣлъ ловко освободиться; а наконецъ былъ схваченъ турками и обезглавленъ (объ немъ см. Српско Огледало, пѣсню № X). Освободились Бѣлопавличичи отъ турокъ только послѣ боя на Чурильцѣ при сердарѣ Михайлѣ Бошковичѣ, когда страшно погибли турки (1792 г.). Въ томъ же году скадарскій папа Махмутъ-папа Бушатлія былъ разбитъ владыкою Петромъ I между Мартиничами и Пиперами (Српско Оглед. №№ XXVIII и XXIX).

Остается намъ еще сказать о Никшичѣ, который нѣкоторое время составлялъ одно цѣлое съ Верхнею-Зетой, потомъ отделился къ Герцеговинѣ, а наконецъ воссоединенъ со старою Зетой

подъ щитомъ Черногоріи. Относительно его намъ нужно только опредѣлить время, когда онъ потурчился.

Изъ Марина Болицы мы знаемъ, что въ его время Никшичемъ управлялъ Горданъ воевода, тогда какъ о потурченцахъ нѣтъ ни слова. Далѣе мы ничего не знаемъ, и только весьма мало свѣта проливаетъ исторія святителя Василя Острожскаго. Въ сингеліи или ставленой грамотѣ, данной Василю патриархомъ печскимъ Гавріиломъ (1651 г.), говорится, что Захолмскому владыкѣ киръ Василю даются въ его епархію *Никшичъ*, а также Плана, Колашиновичи и Морача, составляющіе Препольскій кадлукъ. Значить, и въ то время тамъ не было ещё турокъ. По народному преданію св. Василій сначала стоялъ въ Требиньѣ и управлялъ тамъ монастыремъ. Но тамъ уже были потурченцы, которые стали наносить оскорбленія христіанской святынѣ, нападать на церкви и монастыри и разорять ихъ; въ томъ числѣ былъ и монастырь, гдѣ стоялъ св. Василій, и наконецъ турки стали угрожать жизни св. Василя. Тогда онъ удалился въ Никшичъ, гдѣ въ то время еще не было города, а село, называвшееся Попи (названіе это существуетъ и теперь въ Никшичѣ). Отсюда онъ нѣсколько разъ ходилъ въ Печь и на Святую гору, а всего пробылъ въ Никшичѣ 3—4 года. Причиною его удаленія отсюда преданіе выставляетъ интригу противъ него тамошнихъ кнезовъ и главнымъ образомъ кнеза Николича изъ Озрпничей (село близъ Никшича), по наущенію однако турокъ изъ Требинья. Все это происходило во 2-й половинѣ XVII столѣтія.

А между тѣмъ въ началѣ XVIII в., менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, Никшичъ дѣлается уже совершенно турецкимъ и за одно со Служемъ предпринимаетъ походы противъ Черногоріи. Что содѣйствовало такому быстрому отуреченію Никшича, мы не знаемъ другой причины, какъ то, что Турція въ то время достигла верха своего могущества; и знаемъ также, что Никшичъ постоянно пополнялся ускоками и ренегатами изъ Черногоріи и оставшихся вѣрными ей племенъ, которые потомъ, какъ всѣ

ренегаты, являлись самыми ожесточенными врагами своего отечества.

Никшичь съ одной стороны и Служь съ другой не остались безъ вліянія на два пограничныя имъ племена Бѣлопавличей и Пьешивцевъ. Имѣя передъ собою эти двѣ страшныя силы, тѣ и другіе, частью признавая свою зависимость отъ турокъ и иногда служа имъ даже противъ своихъ (см. Српско Оглед. № VII), въ то же время выработали въ себѣ духъ истинныхъ *краишниковъ* (граничарь), которые иногда совершали чудеса храбрости. Мы уже говорили объ извѣстномъ въ этомъ отношеніи родѣ Бошковичей; таково все село (или родъ) Мартиничей, которые жили какъ разъ подъ выстрѣлами Спужа. У Пьешивцевъ славенъ въ томъ же смыслѣ родъ Миушковичей и Контичей. Но въ то же время это весьма вредно вліяло въ культурномъ отношеніи. Находясь вѣчно подъ выстрѣлами и не зная мира ни на минуту, они сдѣлались равнодушны къ жизни и стали пренебрегать хозяйствомъ и всякимъ трудомъ. Это особенно было замѣтно въ Бѣлопавличахъ, гдѣ прекраснѣйшія земли лежали впускѣ, и, не смотря на природныя богатства, ихъ домики были самые жалкіе въ цѣлой Черногоріи; да кто бы и сталъ строиться, когда всякую минуту нужно было ждать, что сожгутъ и все уничтожатъ?

Мы останавливаемся на этихъ особенностяхъ положенія и жизни племени, потому что подъ вліяніемъ ихъ постепенно складывается тотъ или другой типъ этнографическій.

6) Нижняя Зета съ Подгорицей.

Въ исторіи, какъ мы видѣли, Нижнею - Зетою назывался Скадаръ съ его окрестностью; а Подгорица причислялась къ Верхней-Зетѣ. Мы же это названіе употребляемъ въ смыслѣ географическомъ, такъ какъ Зетою въ настоящее время называется вся обширная равнина между р. Цѣвной и Скадарскимъ озеромъ, по которой раскинулись села съ плодороднѣйшею поч-

вою и изстари земледѣльческимъ населеніемъ. По отношенію же къ только что разсмотрѣнной нами мѣстности она и представляеть собою именно нижнюю ея часть.

Взглянувши только на географическія названія этой области, какъ Бериславцы, Голубовцы, Гостице, Горичаны, Бѣлополе, Плавница, Быстрицы, Владня, Врань и т. д., вы видите, что это была чисто сербская страна. Видно, что её сразу покрыло густое сербское населеніе, и потому въ географическихъ названіяхъ не осталось почти и слѣда тѣхъ жителей, которые были предшественниками сербовъ. Изрѣдка только попадаются такія имена, какъ Карабешы, Уечь, Матагужи, Тузы, которыя, если не искаженіе словянскихъ, то должны принадлежать какой нибудь другой народности. Несловянскія названія, какъ Махала и Балабаны, возникли уже позже, въ турецкое время.

Поэтому область Нижней-Зеты изстари была самымъ чистымъ сербскимъ краемъ. Если нѣкоторое время (въ X и XI вв.) здѣсь господствовали греки, то господство ихъ было чисто военнаго характера и народности не касалось. Затѣмъ Неманя сбрасываетъ господство грековъ, и тутъ возникаетъ уже чисто сербское государство. Тамъ же возникаетъ сербская митрополія и рядомъ съ тѣмъ святиня Вранинскаго монастыря, имѣвшаго громадное культурное значеніе въ цѣломъ томъ краѣ. Все это неотразимо вліяло на Зету въ смыслѣ развитія и укрѣпленія въ ней духа народности; и, благодаря этому, тамошнее населеніе, на видъ забытое и равнодушное ко всему, кромѣ личныхъ его матеріальныхъ интересовъ, вынесло четырехсотлѣтнее господство турокъ, не поступившись ни вѣрою, ни народностью, и давши весьма малый контингентъ магометанству. Большая же часть оказавшихся въ Зетѣ турокъ — пришельцы изъ другихъ мѣсть. Это тѣмъ удивительнѣе, что на равнинахъ народъ обыкновенно не такъ стоекъ и легче поддается чужому вліянію. Такое явленіе мы объясняемъ чистотою здѣсь сербскаго элемента и вліяніемъ двухъ великихъ, упомянутыхъ выше національныхъ учреждений: сербской державы и сербской же церковной митро-

поліи, а также Вранинскаго монастыря. Когда Зетское государство пало подъ ударами турокъ, Подгорица обратилась въ крѣпость и сдѣлалась резиденціею турецкихъ правителей этой области. Но прелесть положенія Подгорицы привлекала и главныхъ правителей цѣлаго того края, имѣвшихъ собственно свою резиденцію въ Скадрѣ. М. Болица говоритъ, что «санджакъ (главный правитель), оставляя свою резиденцію въ Скадрѣ, пребываетъ большею частію въ Подгорицѣ, потому что тутъ находятся отличнѣйшія пастбища для лошадей и въ изобиліи хлѣба и другіе продукты, необходимые для ихъ самихъ и для прокормленія ихъ слугъ». А немного выше Болица же еще яснѣе выражаетъ, что турки жили и по селамъ зетскимъ. «Отъ высокаго берега или подошвы горъ съ одной стороны и по рѣкѣ съ другой тянется—говоритъ онъ—обширнѣйшая и прекраснѣйшая равнина, занимающая въ длину 60 миль, а въ ширину между горами и Морачей 30 миль. По этой равнинѣ расположено 17 прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ произведеніями земли селъ, *въ которыхъ живутъ главные люди изъ турокъ*; чтобы усилить доходы, они возвели тамъ разныя хозяйственныя постройки и конюшни, *и ради удовольствія проводятъ тамъ большую часть года*» (Т. I, стр. 805).

Можно судить, каково было съ такими гостями. И все-таки народъ это выдержалъ, не поступившись вѣрою. Это отчасти объясняется тѣмъ, что изъ Зеты никогда не было выселеній массами. Съ Иванбегомъ удалились только властели, а народъ остался неподвиженъ. Да и властели, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ большинствѣ тоже остались, хотя отношенія къ народу должны были измѣниться и конечно въ смыслѣ уступокъ народу. Если съ одной стороны богатства Зеты удерживали ея жителей отъ выселеній, не смотря на всю тяжесть господства турокъ, то съ другой — они привлекали доселенцевъ, которыхъ было не мало, особенно изъ Черногоріи, къ чему принуждала бѣдность ихъ родины. А связь вообще съ Черногоріею поддерживалась подчиненностью ихъ въ церковномъ отношеніи черногорскому вла-

дыкъ, чему съ XVIII в. такъ сильно противились нѣкоторые печскіе патріархи.

Замѣчательно, что здѣсь мы нигдѣ не встрѣчаемъ старыхъ кладбищъ съ большими надгробными плитами; или, можетъ быть, онѣ, какъ чужія, употреблены всѣ на другія постройки. Да и вообще нѣтъ слѣдовъ большихъ старинныхъ построекъ. Есть слѣды такихъ построекъ и монастыря только во Вранѣ (Врань по послѣднему разграниченію отошелъ къ Турціи). Это мѣсто когда-то играло важную роль, и многія болѣе важныя фамиліи въ Подгорицѣ происходятъ оттуда. Оттуда происходятъ и Враничи, цѣлый родъ подъ Вельимъ-брдомъ, которымъ принадлежало все почти Велье-брдо до Зеты, гдѣ и теперь одна мѣстность называется Враницкія-нивы. Этотъ родъ впоследствии принялъ магометанство и былъ злымъ врагомъ племени Пиперь, которые также хотѣли пользоваться Вельимъ-брдомъ; и только въ 1800 г. Пиперамъ удалось сломить ихъ силу (Срп. Оглед. № XXXVI).

Интересенъ одинъ документъ, относящійся къ Зетѣ отъ 1446 г.: это разборъ зетскимъ воеводою Томой *) спора о границахъ между Матагужами и Хотами. Грамота эта интересна тѣмъ, что въ ней упоминается много именъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ разборѣ, и между прочимъ различаются власти зетскіе и сербскіе. Послѣдніе, безъ сомнѣнія, приведены деспотомъ Георгіемъ Бранковичемъ, правившимъ въ то время и Зетой. Замѣчательно, что въ числѣ свидѣтелей попалъ какъ-то *Никола Дьорджевичъ отъ Малоничъ*; а затѣмъ идутъ свидѣтели отъ лужанъ и соединяются въ одно съ зетянами. Вотъ это мѣсто: «Ѡ лѣжанъ владъ добршевиѣтъ и карко Ратковиѣтъ и Раделю Бѣбиѣтъ, бождаръ Ыбршевиѣтъ и остали Зетѣани мали и големи, кои се при насъ намерише». Грамоту эту, весьма небольшую по объему, мы помещаемъ въ приложеніи.

*) Этотъ Томо, какъ властель и зетскій воевода, былъ съ Иваномъ Черноевичемъ въ Цериницѣ для опредѣленія земельныхъ границъ Вранянскаго монастыря (грамота 1482 г.).

Теперь перейдемъ къ Подгорицѣ.

Когда и какъ возникла Подгорица, мы не знаемъ. Знаемъ только, что Неманя родился въ Зетѣ на Рыбницѣ, гдѣ, значитъ, въ то время было поселеніе; а другого мѣста на Рыбницѣ, удобнаго для поселенія, нѣтъ, кромѣ того, которое занимаетъ Подгорица въ углѣ между Рыбницей и Морачей съ лѣвой стороны той и другой.

Вопросъ только въ имени. Можно бы предположить, что имя Подгорицы существовало и во время Немани; но жизнеописатель его, не зная точно мѣстности, назвалъ её по рѣкѣ, имя которой было ему почему нибудь болѣе извѣстно. Но и потомъ, когда основывается сербская епископія, говорится, что она была основана на Дрепѣ, мѣстности и теперь составляющей часть Подгорицы и носящей то же имя (Дрпе).

Значитъ, въ то время еще не существовало это имя Подгорицы, возникшее въ позднѣйшее время. Названіе это произошло отъ того, что она находится дѣйствительно подъ горой, носящей названіе *Горица* *). По другую сторону (на сѣверъ) этой Горицы довольно обширная равнина называется Загоричъ, гдѣ видны слѣды обширнаго поселенія еще отъ римскаго времени. И теперь еще, хотя съ большимъ трудомъ, тамъ можно примѣтить, гдѣ были фундаменты домовъ, и даже цѣлую улицу. Видно, что здѣсь былъ обширный городъ, который, можетъ быть, составлялъ часть Діоклеи (правильнѣе Доклеа), гдѣ жилъ гражданскій элементъ, т. е. торговые и промышленные люди, тогда какъ *vis-à-vis* черезъ Марачу былъ городъ укрѣпленный, обнесенный стѣною, гдѣ стояло войско и жили власти, управлявшія страню.

Когда пришли сербы (въ VII в.), все это, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляло груды развалинъ, и потому предки Немани селятся на новомъ мѣстѣ на р. Рыбницѣ, гдѣ въ то время, безъ

*) Въ тѣхъ мѣстахъ всѣ отдѣльными, небольшія возвышенія въ родѣ острововъ на равнинѣ называются *горицами*; Горица — въ Лѣшковогѣ; горицами называются всѣ острова на Скадарскомъ озерѣ вдоль берега Краины.

сомнѣнія, была пустошь и гѣсъ, почему и названа часть ея Дрепа (собств. *Дре*, что по сербски значитъ: густой, хотя и некрупный гѣсъ, непролазная чаща). Въ то же время (или позже) они должны были построить тамъ градъ (укрѣпленіе).

Мы уклонились отъ имени Подгорицы, чтобы объяснить, какъ ея естественное положеніе, такъ и обстоятельства, обусловившія ея возникновеніе. Можетъ быть, это имя какъ нибудь замаскировано у Дуклянскаго священника, какъ и многія другія имена; но съ положительностью мы знаемъ его только съ турецкаго времени *).

О приходѣ турокъ въ Подгорицу существуетъ такое народное преданіе. Они пришли не отъ Скадра, откуда былъ имъ ближайшій путь, но съ сѣвера: сначала въ Бѣлополе, потомъ въ Колашинъ и наконецъ въ Медунъ (въ Кучахъ), гдѣ и укрѣпились. Такимъ образомъ въ то время, какъ сербы вмѣстѣ съ албанцами, предводимые Черноевичами, не пропускали турокъ въ Зету, они явились въ нее обходнымъ путемъ. Укрѣпившись сначала въ Медунъ, они оттуда, говорятъ, призваны были въ Подгорицу отцомъ Божидара Вуковича, извѣстнаго издателя печатныхъ церковно-словацкихъ книгъ въ Венеціи, который въ то время былъ какъ бы главою Подгорицы. Призывая этихъ турокъ, онъ безъ сомнѣнія надѣялся съ помощью ихъ легче отразить турецкій же напоръ со стороны Скадра, гдѣ они уже утвердились еще раньше; но, какъ показало время, ошибся въ томъ расчетѣ, и родной сынъ его Божидаръ долженъ былъ оставить свое отечество и окончить дни на чужбинѣ, и только бранные останки его впоследствии перенесены на островокъ Старчево на Скадарскомъ озерѣ **).

Пребываніе его на чужбинѣ не было пассивное: тамъ онъ

*) «Имя Подгорицы отъ града, который турки построили въ 1405 г.»—Ст. Новакович—Землиште радње Немани (Годишница Николе Чупича. Т. I, Београд, 1877 г., стр. 177).

**) См. наше «Ободска Штампарија 1493 г.» Цетинье, 1893 г.

печатать церковно-служебныя книги, чтобы этимъ культурно-просвѣтительнымъ средствомъ поддержать духъ своего народа.

Появленіе такой личности знаменательно въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуесть о культурности того края. И это не перестаетъ проявляться и въ позднѣйшее время. Любовь къ просвѣщенію жила здѣсь даже и въ турецкое время и выражается въ томъ, что во многихъ подгорицкихъ домахъ имѣлось большое собраніе книгъ. Между таковыми былъ славный когда-то родъ Морачевичей, пришедшихъ въ Подгорицу изъ Враня, гдѣ, какъ мы уже упоминали, и теперь еще видны слѣды построекъ, свидѣтельствующихъ о культурности того края. У нихъ, говорятъ, была большая бібліотека, остатки которой существовали до недавняго времени; теперь однако не осталось отъ того ничего: все разнесено куда-то или распродано, и значительная часть перешла въ Сербію, гдѣ, можно надѣяться, будетъ сохранена. Любовью къ книгамъ отличалось также и семейство Ланновичей, потомки которыхъ и въ настоящее время считаются въ числѣ первыхъ гражданъ своего города. Въ одномъ старинномъ сборникѣ (начала XVIII в.) мы читаемъ такую записку:

«Сія книга глаголема цароставникъ мнѣ смиреннаго и грешнаго Дмитрія попава, унука Симона Ланновича; купихъ е ва лето от рождаства по плоти Бога слова на 1807, априлна дань 25; знано буди, писахъ рукою у Никшиче». Этотъ Д. Поповъ, указывая, что онъ внукъ Ланновича, какъ бы объясняетъ, откуда и у него любовь къ книгѣ.

Вмѣстѣ съ этою чертою подгорчанъ нужно поставитъ и ихъ вѣрность своей церкви, вслѣдствіе чего изъ нихъ мало перешло въ магометанство; а всѣ потурченцы, какъ и вообще въ Зетѣ, большею частью пришлецы.

Все это мы считаемъ наслѣдіемъ старой культуры этого края, водворившейся въ немъ подъ вліяніемъ бывшей здѣсь первой сербской епископіи (на Дрепѣ).

Правда, еще прежде того, въ IX в. была здѣсь архіепископія римская въ Діоклеѣ, и Неманя крещенъ былъ латинскимъ свя-

ценникомъ; но народъ въ то время преданъ былъ богумильству, которое имѣло свою оригинальную культуру, противную тогдашней ортодоксіи, и противъ которой латинское духовенство ничего не могло сдѣлать, хотя тамошніе жупаны и склонялись иногда къ Риму (см. Т. I, стр. 362 и 365). Затѣмъ управленіе тѣми краями переходитъ къ грекамъ; но и они, сидя въ укрѣпленныхъ городахъ, также не могли имѣть сильнаго культурнаго вліянія на населеніе. Только Неманя уничтожаетъ богумильство, а прежде того изгоняетъ оттуда грековъ; римская же архіепископская кафедра въ XI в. переносится изъ Діоклея въ Баръ (Antivari)*); а въ 1221 г. учреждается архіепископія сербская, которая и начинаетъ просвѣтительную дѣятельность въ тѣхъ краяхъ въ духѣ народно-христіанскомъ. Поэтому рано развившюся культурность въ тѣхъ краяхъ, задержавшюся и выразившюся потомъ въ любви нѣкоторыхъ домовъ къ письменности, нужно всецѣло приписать вліянію сербской архіепископіи и сербскихъ просвѣтителей, во главѣ которыхъ стоятъ великій мужъ св. Савва.

Скажемъ теперь нѣсколько о Спужѣ, который былъ, такъ сказать, подручьемъ Подгорщцы. По своему географическому положенію онъ принадлежитъ Средней-Зетѣ, а также и по этнографическому типу населившаго его племени. Но, съ того времени, какъ турки овладѣли Подгорщцей, Спужъ сдѣлался какъ бы форпостомъ этой послѣдней. Что случилось съ его старожилами, мы не знаемъ; но знаемъ, что господствовавшіе въ немъ до послѣдняго времени потурченцы, аги и беги, всѣ были со стороны: такъ Мстынкукичи — изъ Пиперъ (а въ Пиперы пришли изъ Ба-

*) Фарлати въ своемъ соч. «*Illyricum Sacrum*», относя это событіе къ XI в., объясняетъ его разореніемъ Діоклея болгарами; но латинское духовенство находилось тамъ еще и во время Немани, слѣдовательно послѣ того. Поэтому перенесеніе латинской кафедры въ Баръ скорѣе можно приписать возобладанію восточнаго православія и сербскаго національнаго духа вслѣдствіе окончательнаго установленія тамъ сербской державы и церкви.

нянъ); Бетьировичи—изъ Лѣшанской нахіи; Дуровичи и Дъчевичи—изъ Кучь; Диздаревичи и Дервишевичи изъ Хоть; сверхъ того два семейства изъ азіатскихъ турокъ — Катаничи и Павовичи.

Очевидно, что старожилы или удалились, или, если и остались, то не приняли магометанства и потому не попали въ агн и беги.

7) Кучисъ Затрѣбчешъ.

Это племя находится къ сѣверо-востоку отъ Подгорицы, съ которою граничитъ территоріей, не имѣя однако никакой естественной границы. Одно только можно сказать: покуда идетъ равнина — все подгорицкое; а только начались горы, — принадлежитъ кучамъ. Это настоящіе горцы, и по отношенію къ Подгорицѣ они занимали всегда такое же положеніе, какъ албанскіе горцы (*малисоры*, а страна—*Малези*) по отношенію къ Скадру. Имѣя потребность одинъ въ другомъ и связанные взаимными интересами, они не могутъ жить одинъ безъ другого; но въ то же время при малѣйшемъ поводѣ открывается ссора, оканчивающаяся нерѣдко кровавою схваткой. Не разъ Кучи нападали на Подгорицу и покушались овладѣть ею. Точно такія же покушенія бывали и со стороны албанскихъ горцевъ противъ Скадра.

Впрочемъ такого рода отношенія наступили только съ того времени, когда обими этими городами съ прилегающими къ нимъ равнинами завладѣли турки, стараясь отсюда покорить себѣ и горы; но это имъ не удалось. Общая ненависть къ туркамъ кучь и албанцевъ сближала ихъ между собою; она же создала въ нихъ друзей Черногоріи, на которую они смотрѣли, какъ на свою союзницу, съ надеждой и упованіемъ. Въ нашествіяхъ скадарскихъ пашей на Черногорію принимали участіе албанцы изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей; тогда какъ ближніе: Хоты, Груды, Клименты и др. никогда не участвовали въ этихъ нашествіяхъ, или участвовали отдѣльныя личности, обласканныя и облагодѣтельствованныя турецкимъ правительствомъ.

Въ 1831 г., при владыкѣ Петрѣ II, когда черногорцы вадумали было овладѣть Подгорицей, возстали по всей Зетѣ не только сербы, но и албанцы. Посланные противъ черногорцевъ скадарскимъ пашою два батальона съ двумя орудіями были разбиты въ Хотскихъ горахъ малисорами. Вражда между черногорцами и арнаутами была возбуждена искусственно въ позднѣйшее время интригантскою политикою скадарскихъ пашей. Особенно Османъ-паша умѣлъ отвлекать отъ Черногоріи и сербскія племена, какъ пиперы и кучи, и возмущать даже самихъ черногорцевъ противъ ихъ правителя. Но въ прежнее время между арнаутами, независимыми сербскими племенами и Черногоріей была полнѣйшая солидарность. Поэтому неудивительно, что въ 1614 г. нѣкоторые экзальтированные умы Западной Европы, рѣшившись произвести возстаніе противъ турокъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не дѣлали ни малѣйшаго различія между арнаутами и славянами, между православными и католиками.

Чтобы произвести упомянутое возстаніе, сдѣлано было предварительное собраніе 8 сент. 1614 г. въ Кучахъ. Въ числѣ племенъ, которымъ должно было быть роздано оружіе, упоминаются: «Пиперы и Клименты, Кучи, Versevo(?) e Bilopagli (Бѣлопавличи), которые уже 30 лѣтъ живутъ свободно и не платятъ дани султану. Тамъ можно найти до 30.000 хорошихъ солдатъ» (Т. I, стр. 485 и 737—38).

Одно то, что въ то время собраніе было въ Кучахъ, указываетъ на значеніе этого племени. Еще раньше того, какъ мы видѣли изъ свидѣтельства М. Болицы (1604 г.), турки уже владѣли Медуномъ въ Кучахъ. Иванъ-бегъ (тоже по свидѣтельству М. Болицы), чтобы прогнать оттуда турокъ, напалъ на нихъ и одержалъ побѣду, въ которой погибъ ихъ военачальникъ Мраоръ-ага, оставивъ въ рукахъ Ивана Черноевича, какъ трофей, саблю съ прекраснымъ клинкомъ. Тѣмъ не менѣе турки остались въ Медунѣ. По народному же преданію турки не долго стояли въ Медунѣ, и тогда только возможно допустить упомянутое выше собраніе въ Кучахъ. Если это такъ, то значить,

что Кучи были въ то время совершенно чисты отъ турокъ. Во время М. Болицы у нихъ было 1500 вооруженныхъ человекъ, чего не имѣло ни одно отдѣльное племя (у Бѣлопавл. было 800, у Пиперь—700, у Климентъ—650 и у Хотъ—600); при этомъ онъ добавляетъ о Кучахъ, что они «воинственнѣйшій и храбрѣйшій народъ». Подобный этому отзывъ дѣлаетъ онъ и о Климентахъ, придавая имъ еще эпитеты: «непобѣдимый и чрезвычайно хищническій».

Опредѣливъ значеніе этого племени, какъ силы военной и отчасти политической, остановимся на вопросѣ: какой же типъ оно представляетъ, какъ единица этнографическая?

Въ настоящее время Кучи различаютъ между собою Дрекаловичей и не-Дрекаловичей. Первые—потомки нѣкоего Дрекала, а вторые—старожилы, жившіе на этихъ мѣстахъ до нихъ. Есть наконецъ и еще роды, которые даже старше этихъ послѣднихъ: это Дучичи, Жиковичи и Коостровичи. Первые живутъ отдѣльно (до 20 домовъ), а вторые въ Убляхъ вмѣстѣ съ Дрекаловичами. Небольшой родъ Рачи или Рачаси считаются доселенцами изъ Ровцевъ. Кочи (было 65 дом., католики), кажется, арнауты.

Преобладающимъ родомъ со временемъ стали Дрекаловичи, и изъ ихъ рода въ продолженіи 6 или 7 поколѣній были и воеводы. Косоръ, Ораво, Безіово, двѣ Кржани господствовали вплоть до Дрекала, и долго и крѣпко боролись противъ господства Дрекаловичей; а предшествовавшіе имъ, упомянутые выше роды еще старше и отличаются отъ тѣхъ и другихъ слабостью.

Это и есть, безъ сомнѣнія, самое старое племя Кучей, за которыми, послѣ паденія Сербскаго царства, поселились сербы изъ другихъ сербскихъ земель и, какъ и вездѣ, притѣснили старожилость, какъ впоследствии и ихъ притѣснили Дрекаловичи.

Относительно послѣднихъ и по народному преданію, и по простому соображенію ясно, что они произошли отъ какого-то Дрекала.

Народное преданіе старается привести его въ родство съ Георгіемъ Кастріотомъ Скендербегомъ. Одни рассказываютъ,

что дочь Георгія Кастріота, Мара, выдана была замужъ за одного Климента; семейство того Климента погибло, а беременная жена его, убѣгая отъ турокъ, скрывалась по пещерамъ, гдѣ родила сына и пришла съ нимъ въ Кучи, гдѣ ее и приютили. По другимъ, она прибыла въ Брзкутъ, и тутъ у нея родился сынъ, котораго крестили по православному обряду, а имя дали *Дрекале* (по арнаутски: Андрей, Андрюша). Когда онъ подростъ, мать пошла съ нимъ въ Косоръ, гдѣ его принялъ къ себѣ, какъ слугу, воевода Пераловичъ. Тутъ онъ показалъ свои необыкновенныя способности. Однажды ему случилось быть въ Скадрѣ и представиться визирю, которому чрезвычайно понравился; такъ что, когда умеръ Пераловичъ, визирь сдѣлалъ его воеводой.

Наконецъ есть еще третья версія. Когда по смерти Георгія Кастріота сынъ его Иванъ удалился въ Италію, онъ не взялъ съ собою жену, бывшую въ то время беременною. Она скрывалась тамъ же въ одномъ частномъ семействѣ; но вскорѣ и тутъ ея положеніе сдѣлалось опасно, и тогда ее отправили въ Кучи, именно въ Безіово, гдѣ въ то время былъ воевода Жійо. Воевода принялъ ее и впоследствии женился на ней и имѣлъ отъ нея 3 или 4 сыновей. Умирая, онъ завѣщалъ все свое имѣніе сыновьямъ своимъ, не исключая и Дрекала, раздѣливъ его всѣмъ имъ поровну. Дрекале отселился оттуда и нашелъ себѣ хорошее мѣстечко гдѣ-то близъ Косора. Здѣсь онъ сталъ заниматься скотоводствомъ; скотъ у него множился, и онъ сталъ богатъ. Кучи, надобно замѣтить, въ то время были слабы, что и дало поводъ скадарскому визирю наложить на нихъ большую дань. Народъ не зналъ, что дѣлать; тогда Дрекале отправляется въ Скадаръ и устраиваетъ дѣло такъ, что Кучи отъ той дани были освобождены. Послѣ этого народъ собрался на Роге (сборное мѣсто между Косоромъ и Медуномъ) и сталъ разсуждать о томъ, что бы сдѣлать Дрекалу за такую услугу? Тогда ораховскій воевода Дреца Дедичъ взялъ свою шапку, обтыкалъ ее кругомъ вѣтками *дрена* (*сopnis mas*) и надѣлъ на голову Дрекалу въ знакъ того, что ему слѣдуетъ быть воеводой, что и было принято народомъ. Съ

тѣхъ поръ кучскихъ воеводъ всегда выбирала скупщина (народное собраніе) и непремѣнно одинъ изъ рода Д. Дедича надѣвалъ ему на голову свою шапку.

Дрекала убили Клименты на озерѣ Рикавцѣ, гдѣ онъ съ сыномъ Лалемъ стоялъ на катунѣ, и захватили овецъ. Лале же, чтобы не убили и его и не лишиться овецъ, закричалъ: «Что вы забираете овецъ Лисичича?», который былъ ихъ пріятелемъ, и они отпустили его съ овцами.

Послѣ этого Лале отправился на Станакъ (или Састанакъ), мѣстность, гдѣ соединяются Морача и Малая-рѣка (теперь Біоче). Тутъ онъ сошелся съ братоножичскимъ воеводой Пейомъ Станоевымъ, который далъ ему въ замужество свою дочь и подарилъ буздованъ (булава, шестоперъ). Съ тѣхъ поръ кучскіе воеводы стали получать буздованъ, какъ знакъ воеводства, отъ братоножичей. Лале былъ сначала католикъ, но потомъ былъ крещенъ черногорскимъ владыкою Руфимомъ, и тогда же перешли въ православіе и всѣ Кучи, бывшіе до того католиками *).

Вотъ что мы знаемъ о Дрекалѣ по народному преданію; но его знаетъ и исторія. М. Болица зналъ князя Лала Дрекаловича (ок. 1614 г.). Принимая во вниманіе то, что въ Черногоріи и вообще у сербовъ тѣхъ краевъ (кромѣ Озриничей) патронимическое прозвище на *ичъ* дается только внуку, сыну же на — *овъ* или — *инъ*, мы бы сказали, что Дрекале былъ дѣдъ или вообще предокъ Лала, а не отецъ. Поэтому можно бы предположить, что въ то время былъ уже родъ Дрекаловичей; но какъ по народному преданію, такъ и по Болицѣ видно, что Дрекале былъ отецъ Лала; потому онъ и называется Лала Дрекаловичемъ. При томъ Болица Лала не называется воеводой, но княземъ и рядомъ съ нимъ ставитъ князя Ника Ранчева совершенно на одну доску. Онъ же, Болица, предлагалъ венеціанскому правительству «при-

*) Это преданіе мы записали со словъ извѣстнаго воеводы Марка Миянова, родомъ Дрекаловича.

вести въ Которъ сына князя Лала и лично самого князя Ника Ранчева, первыхъ и важнѣйшихъ главарей въ Кучахъ и между всѣми горцами. Судя по этому, родъ Дрекаловича, какъ ни силенъ и уважаемъ былъ въ то время, а возобладавъ только позже, когда изъ него исключительно и стали выбираться воеводы. Что касается родства съ Георгіемъ Кастріотомъ, то это обычная народная манера производить свои главные роды отъ какихъ нибудь знаменитыхъ личностей. Такъ и Кучи не-Дрекаловичи производятъ свой родъ отъ Мриявчевичей.

Съ этимъ, во первыхъ, трудно согласить хронологию: Г. Кастріотъ умеръ въ 1467 г. и тогда же его сынъ отправился въ Италію; слѣдовательно Дрекале долженъ былъ родиться, по крайней мѣрѣ, въ 1468 г. Если предположить, что Лале въ 1614 г. былъ 30-ти лѣтъ, то долженъ былъ родиться приблизительно въ 1584 г., когда Дрекалу было бы много болѣе 100 лѣтъ отъ рожденія.

Кромѣ того, сынъ Кастріота остался послѣ отца весьма молодымъ и неженатымъ; а если бы и былъ женатъ, то конечно не бросилъ бы свою жену, да еще въ томъ періодѣ, когда всякій больше всего дорожитъ женою. Народное преданіе вѣрно говоритъ, что Дрекале былъ родомъ изъ Албаніи, на что указываетъ и самое имя его.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ то время много народа изъ Албаніи бѣжало въ Кучи, гдѣ турки тогда еще не утвердили своего господства; но врядъ-ли они тогда же ассимилировались съ мѣстнымъ сербскимъ населеніемъ, вслѣдствіе чего и сохранилось историческое преданіе объ обращеніи Кучъ въ православіе черногорскимъ владыкою Руфимомъ Болевичемъ (1675 г.). М. Болица говоритъ о Кучахъ, какъ объ албанцахъ римско-католическаго исповѣданія.

И такъ мы имѣемъ тутъ три наслоенія: первое населеніе самое старое, о которомъ никто ничего не знаетъ, это и есть старожилы. За ними является доселеніе, вынужденное турецкимъ гоненіемъ послѣ паденія Сербскаго царства; это въ массѣ было

сербское населеніе, съ примѣсью однако изъ Албаніи. И наконецъ прямо доселеніе изъ Албаніи, которое создало сильный родъ Дрекаловичей, впоследствии разросшійся до племени, совершенно ассимилировавшійся съ сербами и возобладавшій въ цѣлыхъ Кучахъ. Оставивши генеалогію этого племени (а она существуетъ во всей цѣлости), мы упомянемъ только, что съ того времени Кучи имѣли знаменитыхъ воеводъ и приобрѣли большую силу.

Такъ внукъ Лала, воев. Иванъ (сынъ Илика, оттуда родъ Иликовичей), управлялъ нѣкоторое время Нижнею-Зетой, а резиденція его была въ Грбавцахъ на краю Морачи (Лѣшанской нахіи). Въ народѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Иванбега. Въ Грбавцахъ и теперь еще видны слѣды какихъ-то старыхъ построекъ: какъ бы монастыря и другихъ зданій, впрочемъ небольшихъ. Здѣсь, говорятъ, жилъ тотъ Иванбегъ. И вотъ онъ однажды, сидя на *тремъ* (высокое крыльцо, галерея на второмъ этажѣ), любовался посѣвами кукурузы и замѣтилъ, что одинъ стебель значительно переросъ другіе. Посылаетъ выкопать его, чтобы узнать отчего онъ такъ высокъ. И оказалось, что тамъ была брошена цѣлая груда удобренія. Задумался онъ надъ этимъ и говоритъ: «Э, если и земля здѣсь требуетъ *мита* *) (подарковъ, подкупа), то мнѣ здѣсь незачѣмъ оставаться»—и удалился въ Кучи. Затѣмъ знаменитъ былъ Радоня Петровъ, тотчасъ отказавшійся отъ дани туркамъ, которую согласился было платить его предшественникъ Вуйо Радоевъ Ивановичъ (внукъ Ив. Петр.). Таковъ же былъ и Илья Радонинъ, имя котораго фигурируетъ уже въ сношеніяхъ влад. черног. Василія съ Россіей. Замѣчательнъ и очень характернъ его отвѣтъ владыкамъ черногор. Саввѣ и Василю на воззваніе ихъ о помощи противъ хаджи Мехметъ-паши, боснійскаго визиря:

«12 сентября—отвѣчаетъ онъ—мы получили письмо вашихъ

*) Въ Пиперахъ и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ удобреніе земли такъ и называется — *мито*, и говорится: *митити* землю, т. е. удобрять; *митамел* земля—тощая, которая требуетъ много удобренія.

преосвященствъ и тотчасъ послали за воеводой Климентовъ, господиномъ Дедагеромъ, и за княземъ Васоевицкимъ и княземъ Братоножичкимъ, а всѣмъ другимъ отправили ваши святыя письма. Точно также, какъ это сдѣлали черногорцы и приморцы, и мы клянемся на святомъ Евангеліи, что не пощадимъ пролить свою кровь за честный крестъ и за свое отечество» и т. д. Далѣе, коря венеціанцевъ за то, что они держатся турокъ, онъ заключаетъ свое письмо такъ: «Но вы, наши христіанскіе господа, храбрите нашихъ братьевъ-героевъ черногорскихъ; если Богъ поможетъ, а надѣмся на Него, — не долго будетъ битва продолжаться, и мы побѣдимъ турокъ. Примите въ соображеніе, что наши четы доходятъ до Сараева, изрубятъ тамъ и благополучно возвращаются домой; а что сдѣлаемъ, когда къ намъ придутъ трусливые и лѣнливые босняки? Мы весело будемъ ждать турокъ; надѣмся и на нашу великую христіанскую императрицу московскую, авось она теперь объявитъ войну туркамъ и возьметъ Цареградъ. И тогда наша война была бы счастьемъ для всего христіанства. Въ Кучахъ 15 сент. 1755 г. Илія Дрекаловичъ, воевода и губернаторъ бердскій» *).

Онъ не только воевода кучскій, но и *губернаторъ бердскій*, т. е. надъ нѣсколькими племенами, въ числѣ которыхъ считались Братоножичи и Васоевичи. Братоножичи такъ и соединились съ Кучами и потому называются *кучи-братоножичи*; а Васоевичи вели долгую и упорную борьбу съ Кучами, чтобы освободиться отъ ихъ зависимости и добились того съ трудомъ, ставши потомъ съ ними на равную ногу. По преданію, кучи одно время управляли Зетой и брали дань съ Бѣлопавличей. Мы видѣли печать того воеводы, на которой изображенъ левъ точно такъ, какъ въ гербѣ Г. Кастріота; изъ чего видно, что онъ держался преданія о своемъ происхожденіи отъ кастріотова семейства.

У Кучей, какъ и у другихъ племенъ, сохранилось также преданіе о богомилахъ, съ переименованіемъ только этого имени

*) М. Драговичъ. — Митроп. Черног. Василій Петровичъ, 1882.

въ *бокумировъ*. Подобно тому, какъ Бѣлопавличи рассказываютъ о гибели всѣхъ лужанъ, Кучи рассказываютъ про бокумировъ. По ихъ имени названо одно озеро Бокумирскимъ; а неподалеку отсюда показываютъ мѣсто, гдѣ погибли всѣ эти бокумиры, вступивъ въ борьбу между собою, и гдѣ въ память того стоятъ около 200 каменныхъ знаковъ (киляны).

Нѣкоторыя названія мѣстъ въ этомъ краю напоминаютъ пребываніе здѣсь когда-то римлянъ, какъ: Фундана (Fontana), Медунъ (Medeon); а находящаяся подъ ними какъ разъ на краю равнины Какарицкая гора напоминаетъ извѣстный изъ римской исторіи народъ *какаричи*. Имя это сохранилось въ Подгорицѣ, а въ окрестностяхъ Скадра есть цѣлое братство того же имени.

Подводя итогъ всему, что намъ извѣстно о Кучахъ, мы заключаемъ, что главную основу въ этомъ племени составляетъ элементъ сербскій; примѣсь же чужого произошла въ позднѣйшее время, и хотя была значительна, тѣмъ не менѣе сербскій элементъ былъ много сильнѣе. Это однако не уберегло Кучъ, чтобы не принять много арнаутскаго, какъ въ физическомъ типѣ, такъ въ одеждѣ, обычаяхъ и нравахъ, потому что жили въ слишкомъ тѣсномъ общеніи съ арнаутами. Многіе усвоили даже арнаутскій языкъ. Такъ въ Фунданѣ всякій, кромѣ сербскаго языка, знаетъ непременно и по арнаутски; а жители Орахова до присоединенія ихъ къ Черногоріи совсѣмъ не умѣли говорить по сербски.

Магометанство въ самыхъ Кучахъ не могло пустить корней; но, выселяясь изъ своего отечества, Кучи легко дѣлались магометанами, и такихъ масса находится въ Старой Сербіи, особенно около Сѣницы. Они же составляютъ и большую часть населенія Гусинья. Близъ Беранъ есть мѣстность Црни-врхъ, гдѣ также было до 50 домовъ кучь-магометанъ; но оттуда они разселились большею частью по Бѣлопольскому округу. Между прочимъ тамъ есть одна беговская, весьма знатная фамилія тоже изъ Кучъ, которая носитъ имя Кучевичей. Множество ихъ въ Рожай. Въ Сѣницѣ мы нашли священника отца Іосифа, который родомъ изъ Кучъ, а фамилія его Балшичъ (всего ихъ до 10 домовъ въ селѣ

Вишнѣ). Этотъ послѣдній фактъ, какъ ни ничтоженъ самъ по себѣ, не долженъ быть забытъ въ числѣ другихъ фактовъ при изслѣдованіи о происхожденіи Бальшичей.

Рядомъ съ Кучами и составляя съ ними почти одну нераздѣльную территорію, находится Затрѣбачъ, жители котораго по происхожденію не принадлежатъ одному какому либо племени, а доселились изъ разныхъ мѣстъ: изъ Черногоріи, Кучъ и Албаніи, съ преобладаніемъ впрочемъ албанскаго характера. И вслѣдствіе того всѣ они говорятъ по арнаутски и исповѣдуютъ католическую вѣру. Впрочемъ, войдя въ составъ Черногоріи, они начали уже говорить по сербски; вѣра же конечно остается неприкосновенною. Объ нихъ мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ при характеристикѣ занимаемой ими мѣстности за одно познакомили читателя и съ ея жителями, съ ихъ особеннымъ положеніемъ и особыми нравами (Т. I, стр. 89—91).

8) Братоножичи.

Это племя занимаетъ весьма тѣсное пространство между кучами и пиперами, ровцами и васоевичами; естественную границу съ кучами составляетъ Малая-рѣка, а съ пиперами и до половины съ ровцами — р. Морача; только на с. и с.-в. граница поставлена условно. И еще къ нимъ же причисляется Брзкутъ, расположившійся по чрезвычайно узкой долинѣ рѣки того же имени.

При такомъ маломъ просторѣ и при незначительномъ населеніи (нѣтъ полныхъ 2000 душъ) они или должны были сами подчиниться несравненно сильнѣйшимъ сосѣдямъ кучамъ или пиперамъ, или при особенной силѣ и энергіи могли бы расширяться на чужой счетъ. Но тому и другому неодолимое препятствіе представляли всегда Морача и Малая-рѣка. Братоножичи часто нападали на Ровцы, но ровчанъ въ нуждѣ всегда защи-

щали марачане. Что касается васоевичей, съ которыми они также часто бились, то это племя, быстро размножившееся, скоро достигло такой силы, что имъ ничего не могли сдѣлать и кучи. Однимъ словомъ, братоножичи обстоятельствами обречены были навсегда остаться въ томъ тѣсномъ уголкѣ, въ которомъ поселились изстари.

О своемъ доселеніи они знаютъ только то, что прибыли откуда-то изъ Босніи или Герцоговины послѣ Косовской катастрофы, слѣдовательно тогда же, когда и кучи, предшественники Дрекала. При этомъ является вопросъ: не вмѣстѣ ли они пришли? не составляли ли когда-то одинъ родъ? Изстари и до новѣйшаго времени мы замѣчаемъ между ними какую-то связь. При томъ не было ли когда-то за братоножичами нѣкоторое первенство или старѣйшинство, основанное однако не на силѣ, а чисто моральное, держащееся только на традиціяхъ того и другого племени? Не признаніе ли старѣйшинства за братоножичскимъ воеводою Пейомъ Станоевымъ представляетъ намъ тотъ фактъ, что Дрекале отправляется искать его дружбы и получаетъ отъ него буздованъ, аттрибутъ воеводской власти?

О воеводѣ Пейѣ у братоножичей много разказовъ. Насъ не касается трогательный разказъ о томъ, какъ однажды турки разгромили братоножичей и при этомъ похитили красавицу Стау, сестру воеводы Пейя, и отвели ее въ Цареградъ въ гаремъ султана; какъ она много лѣтъ притворялась нѣмою, а въ концѣ концовъ султанъ, узнавъ кто она, позвалъ ее отца и брата и сдѣлалъ послѣдняго воеводою не только надъ братоножичами, но и надъ Зегой, кучами и климентами. Пропустимъ также его подвиги военные; но остановимся на одномъ разказѣ, изъ котораго опять видимъ отношенія къ кучамъ. Вотъ этотъ разказъ, въ главномъ сходный съ тѣмъ, который существуетъ и у кучь.

«Однажды воевода Пейо праздновалъ день своего святого (красно име св. Николая, 6 дек.). Собрались къ нему на праздникъ гости и въ томъ числѣ 100 поповъ и монаховъ и *владыка*

брчельскій и съ нимъ всѣ знатные люди. Въ то же время прибылъ и Лале Дрекаловичъ. Когда еще сидѣли за столомъ, Лале спрашиваетъ Пейю: «Выдашь ли за меня твою дочь?» — Выдамъ — отвѣчаетъ Пейю—если только крестишься—(такъ какъ онъ былъ латининъ и въ первый разъ женатъ былъ на латинкѣ; тогда же латинны убили и его отца Дрекала; онъ же, когда къ нему пришли пріятели до 30 человекъ, должно быть, тоже латинны, всѣхъ убили и отсѣкъ имъ головы). На томъ разговоръ и прекратился. Потомъ ужинали. А когда всѣ легли спать и заснули, Лале поднялся, осѣдлалъ коня и отправился въ Косоръ (въ Кучи), чтобы спросить мать, можетъ ли онъ креститься, такъ какъ Пейю даетъ ему свою дочь въ замужество. Мать отвѣтила, чтобы крестился, и даже грозила проклятіемъ, если онъ этого не исполнить. Лале тотчасъ сѣлъ на коня и въ ту же ночь вернулся въ Братоножичи (если это на Састапкѣ, то разстояніе небольшое отъ Косора; такъ и должно быть) и легъ спать на прежнее мѣсто, такъ что никто и не зналъ объ его поѣздкѣ. На другой день, когда обѣдали, Лале произнесъ такую здравницу: «Да здравствуетъ Пейю, воевода и мой тестъ!» Услышавъ то, Пейю опять спрашиваетъ, хочетъ ли онъ креститься; на что Лале отвѣтилъ утвердительно. И такъ его тутъ же Брчельскій владыка крестилъ и вѣнчалъ *).

Изъ этого разсказа выясняется, почему Лале оставляетъ католическое исповѣданіе: отецъ его былъ убитъ на Рикавцѣ, безъ сомнѣнія, климентами, которые въ то время, какъ и теперь, были католики. Потому и мать изъ чувства мести къ убійцамъ грозитъ проклясть сына, если онъ не перемѣнитъ католическаго исповѣданія. Если въ этомъ нѣтъ исторической точности, то многое сообразно съ обстоятельствами и вѣрно психологически.

Одно только трудно согласить: это крещеніе Лала влад. Руфимомъ Болевичемъ, котораго должно разумѣть подъ именемъ *Брчельскаго владыки*, такъ какъ въ Брчеляхъ находится монастырь (филіалъ Вранинскаго), гдѣ и ставвали владыки.

*) Разсказъ этотъ записалъ мнѣ Никола Митровичъ Пейови, братоножичъ, въ настоящее время инспекторъ пансіона при цетинской гимназіи.

Отъ М. Болицы мы знаемъ, что у Лала въ его время былъ уже сынъ; но не былъ ли то отъ первой жены католички? и не потому ли онъ совѣтуетъ повезти его въ Которъ, чтобы еще больше укоренить въ немъ приверженность къ католицизму? А влад. Руфимъ упоминается только въ 1675, когда онъ присоединилъ къ православію другихъ кучей-католиковъ; такъ какъ за какихъ нибудь 60 лѣтъ потомство Дрекала не могло размножиться настолько, чтобы представлять собою родъ: это было только братство. Впрочемъ Лале могъ принять православіе и отъ простого священника, а народная фантазія вмѣсто его ставитъ владыку для эффекта, чтобы сообщить факту больше величія. Обратимъ вниманіе и на то обстоятельство, что М. Болница не знаетъ еще братоножичскаго воеводу Пейя, а упоминаетъ Станоя Радонина, конечно, его отца. Лале же женится на дочери Пейя, когда онъ былъ уже воеводой, слѣдовательно позже. Онъ во всякомъ случаѣ могъ принять православіе прежде, чѣмъ остальные кучи.

Останавливаясь такъ долго на народномъ преданіи и сопоставленіи его съ историческими фактами, мы все больше и больше уясняемъ себѣ, изъ какихъ элементовъ составлялось населеніе этихъ краевъ и въ какихъ отношеніяхъ находились эти элементы между собою.

Въ самомъ дѣлѣ, не убей Дрекала клименты-католики, что побудило бы его сына принять православіе, когда была масса кучъ-албанцевъ, безъ сомнѣнія, католиковъ? А тутъ онъ не только самъ принялъ православіе, но еще и другихъ кучъ убѣдилъ или принудилъ послѣдовать своему примѣру.

Съ другой стороны народное преданіе бросаетъ свѣтъ на отношенія кучъ и братоножичей. Оно показываетъ намъ въ этихъ отношеніяхъ нѣчто очень близкое и даже родственное. Сначала братоножичи будто стоятъ выше, и кучи признаютъ ихъ старѣйшинство. И понятно: сербы, поселившіеся въ нынѣшнихъ Кучахъ, окруженные многочисленнымъ арнаутскимъ населеніемъ, если не матеріально, то морально, только въ братоно-

жичахъ и могли искать подпоры своему элементу. Со временемъ эти кучи-сербы усиливаются морально и матеріально на счетъ арнаутскаго элемента и становятся господами не только у себя, но и надъ своими сосѣдами братоножичами.

Наконецъ, если кучи и братоножичи пришли изъ Босніи или Герцеговины, то путь имъ лежалъ отъ с.-запада, отъ Фочы, черезъ Дробняки или Пиву, какъ шли и васоевичи, что, какъ увидимъ ниже, фактически доказано, и тогда они всѣ должны были прійти прежде въ Братоножичи и только отсюда слѣдовать дальше въ Кучи. У васоевичей есть преданіе, что когда-то на Ножицѣ (въ Лѣвой-рѣкѣ), гдѣ теперь вся территория васоевичка-я, жили братоножичи и дѣлали разныя насилія. Между прочимъ они разогнали находившійся тамъ монастырь. Изъ преданія этого не видно ясно, были ли уже въ то время тамъ васоевичи или только что доселились и застали тамъ братоножичей. Мы держимся послѣдняго, потому что васоевичи были одними изъ позднѣйшихъ доселенцевъ; когда они только что явились, кучи и братоножичи были уже въ силѣ. Поэтому мы приняли бы, что это были какіе-то остатки братоножичей и при томъ не совсѣмъ имъ родственные. И странно допустить, чтобы сербы, покинувшіе отечество ради спасенія своей вѣры, позволили себѣ что нибудь противъ монастыря. Къ этому мы возвратимся послѣ, а теперь остановимся только на фактѣ, что и кучамъ лежалъ путь черезъ Братоножичи. Совпадаетъ также и время прибытія тѣхъ и другихъ. Поэтому естественно предположить, что когда-то они составляли одно племя, которое, не довольствуясь тѣснымъ пространствомъ между Морачей и Малой-рѣкой, раздѣлилось: одни остались тутъ, другіе переселились на другую сторону Малой-рѣки, гдѣ было достаточно простора. И до сихъ поръ есть территориальное смѣшеніе у кучей и братоножичей: кучамъ принадлежитъ земля и по правую сторону Малой-рѣки, составляющая по естественнымъ условіямъ область братоножичей. Кучамъ принадлежитъ и монастырь Дуга, который они поэтому надѣлили разными угодьями и постоянно поправляютъ (говорятъ, что его

строили Пераловичи), а между тѣмъ этотъ монастырь находится на лѣвомъ берегу р. Морачи и далеко въ глубь, до 4-хъ километровъ отъ соединенія съ нею Малой-р. О новыхъ какихъ либо приобрѣтеніяхъ кучъ на братоножичской территоріи никому ничего неизвѣстно; поэтому такая смѣжность территоріи должна была произойти въ старое время, когда оба племени составляли одно. За неимѣніемъ другихъ, болѣе точныхъ данныхъ мы поневолѣ пускаемся въ догадки и предположенія, основываясь при томъ единственно на народномъ преданіи. И на этомъ предположеніи покуда и останавливаемся въ вопросѣ о происхожденіи этого племени. Ничего, однако, не можемъ сказать относительно происхожденія имени братоножичей.

Отъ Пейя Станоева произошелъ цѣлый родъ Пейовичей, считающій въ настоящее время до 100 ружей или около 70 домовъ. По Пею названо главное братоножичское село (подъ г. Вѣтерникомъ) Пелевъ-брегъ. Были выселенія изъ Братоножичей даже и въ Россію: такъ одинъ Іоаннъ Стефановичъ-Балевичъ составилъ коротенькое описаніе Черногоріи, подъ которымъ онъ подписывается «албано-черногорцемъ изъ Братоножича» (sic) Спб. 29 іюля 1757 г. *).

Остается намъ сказать еще нѣсколько словъ и здѣсь о слѣдахъ бокумировъ или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, бокумировъ. На сѣверной сторонѣ Вѣтерника, на послѣдней террасѣ при спускѣ въ долину Лѣвой-рѣки, въ котловинѣ, посящей названіе *Ябланъ*, находится десятокъ домовъ, о которыхъ говорятъ, что они потомки бокумировъ. Говорятъ, что до недавняго времени было много особенностей и въ самой ихъ жизни; у нихъ было больше, чѣмъ у другихъ, различныхъ суевѣрій, и разныхъ волшебствъ (собственно колдованіе). Отъ различныхъ болѣзней лѣчили они наговорами — людямъ на воду и пищу, скоту на соль, траву или сѣно и т. д. Но со времени князя Даниила всѣ подобныя вещи начальственно воспрещаются и преслѣдуются, какъ обманъ и

* М. Драговичъ.—Митроп. Черног. Василій Петровичъ, стр. 42—50.

шарлатанство, и потому исчезаютъ. Подѣйствовала также и самая жизнь: прежде они жили въ своей ямѣ, мало зная остальной свѣтъ; а теперь — это торная дорога; и вообще народъ всюду вышелъ изъ своего замкнутаго положенія и или теряетъ, или сознательно бросаетъ всѣ своеобразности своей прежней жизни.

Чуть-ли не къ нимъ же слѣдуетъ отнести и брзкутянъ, которые говорятъ, что они поселились въ тѣхъ краяхъ раньше всѣхъ братоножичей. И вообще они не считаютъ себя ни братоножичами, ни кучами. Кстати, и Бокумирское-озеро и Бокумирское-гробле (кладбище) находятся неподалеку отъ нихъ. Да и заблудились они какъ-то странно въ глубь долины Брзкута, не имѣя больше того никакихъ угодій.

Село Лутово также заблудилось какъ-то въ глубь по направленію къ васоевичамъ и отличается отъ остальныхъ братоножичей своеобразнымъ типомъ и характеромъ; но объ нихъ говорятъ, что они пиперы.

Своеобразныя имена носятъ и нѣкоторыя мѣстности, какъ: Латинская-главица, на первомъ подъемѣ отъ Пелева-берега Которская-главица, гдѣ находится корчма, а подъ нею долина Задушни-убао.

9) Пиперы.

Пиперы, подобно кучамъ, спускаются границей до Подгорицы, отъ которой впрочемъ отдѣляетъ ихъ р. Морача; Морача же отдѣляетъ ихъ отъ кучъ и братоножичей; а съ бѣлопавличами у нихъ условная граница. Затѣмъ они протянулись далеко въ глубину названнаго нами Центрального-массива вдоль всѣхъ Ровцевъ до Лукова и Никшицкой-жупы, гдѣ находится ихъ главная планина.

Это племя изстари имѣло какое-то стремленіе на ю.-западъ, къ Черной-Горѣ. Такъ изъ историческаго отдѣла мы знаемъ, что какой-то Михайло пиперь держалъ промію Иванбега въ Добрскомъ-селѣ, а послѣ лишенъ ея за какую-то провинность. Тѣмъ не менѣе и позднѣе мы встрѣчаемъ названіе одного участка

Пиперовина, изъ чего видно, что пиперь этотъ успѣлъ тутъ утвердиться. Въ грам. Ивапбега (1489 г.) въ числѣ свидѣтелей упоминается Вукъ Пиперовичъ, «властель од Цетлина».

Они имѣли свои катуны и на Ловченѣ, гдѣ на то указываетъ названіе одной мѣстности «Глады». Смыслъ этого названія тамошній житель нѣгушанинъ не понимаетъ; а это означаетъ жилище на катугѣ, называемое въ Черной-горѣ *Колмба*. Недалеко отъ Рѣки-Черноевича есть поселокъ *Пипери* *). Подпись ихъ встрѣчается на многихъ документахъ, относящихся собственно къ Черной-Горѣ. И на одной дарственной записи приморца цетинскому монастырю (конца XVII в.) въ числѣ свидѣтелей рядомъ съ игуменомъ Симеономъ, княземъ Батричемъ съ Цетинья фигурируетъ и «попъ Шабанъ изъ Пиперахъ **).

Поэтому отъ весьма отдаленнаго времени это племя держится Черногоріи и вмѣстѣ съ бѣлоавличами борется противъ турокъ. Какъ только затѣвается бой около Служа, пиперы и бѣлоавличичи непременно участвуютъ вмѣстѣ. Съ братоножичами они также всегда были въ мирѣ; но за то съ кучами у нихъ была вѣчная война, не смотря на то, что ихъ дѣлитъ Морача. Это была какаля-то забава кучу убить пипера черезъ рѣку и пиперу куча. Относительно происхожденія ихъ мы встрѣчаемъ то же самое, что и у другихъ племенъ: остатки стараго населенія, о которомъ никто ничего не знаетъ и которое они называютъ бокумпрами и лужанами, и доселеніе повѣйшее послѣ Косовской битвы, которое они знаютъ по поясамъ отъ перваго ихъ родоначальника до современнаго поколѣнія.

Подобно озриничамъ и васоевичамъ, они свое племенное имя производятъ отъ родоначальника своего, воеводы Пипа, который, убѣгая отъ турокъ, оставилъ свое отечество подъ Шарь-

*) Въ Босніи между гг. Брчкою на р. Савѣ и Нижнею-Тузлою, среди хребта Маевцы находится также небольшое поселеніе Пипери на рѣчущкѣ Шибосницѣ. Проѣзжая тамъ, къ сожалѣнію я не имѣлъ времени разузнать, откуда они.

**) М. Драговича: Прилошци за историју Црне-Горе, стр. 9.

платиной въ Старой-Сербіи и доселился сюда съ семьей и ближними. Другіе впрочемъ говорятъ, что Пипо остался на мѣстѣ, а выселились только его сыновья Михаи́ль и Милути́нь, конечно, съ семьями.

Послѣднее мнѣніе даетъ намъ основаніе утверждать, что Пипа, какъ родоначальника этого племени, не существовало, и, когда пришли новые поселенцы, они уже застали готовое названіе мѣстности Пиперы, какъ то было въ Озриничахъ и Бѣлопавличахъ. Да и неестественно предположить издавна населенную страну не носящую никакого названія или послѣ переименованную по прозвищу нѣсколькихъ, вновь доселившихся семействъ.

Путь ихъ былъ черезъ Братоножичи, и сначала они остановились въ Лутовѣ, а послѣ только перешли Морачу и поселились въ нынѣшнихъ Пиперахъ. Прежде тронулся оттуда Милути́нь и поселился на Стѣнѣ; сынъ его Лѣшъ назывался воеводой, и отъ него произошелъ родъ Лѣшевичей, а отъ Михаи́ла только его внуки, сыновья Дьюрка, перешли Морачу и поселились въ Завалѣ (и теперь тамъ родъ Дьюрковичей). Но одинъ изъ сыновей Дьюрка остался въ Лутовѣ (въ Братоножичахъ), гдѣ и теперь его потомство. Странно, что сыну тому было женское имя *Милица* *), а титулъ былъ — воевода. Отъ Михаилова же потомства, отъ его сына Пегра произошли Петровичи, поселившіеся тамъ, гдѣ и теперь село того же имени.

Этихъ данныхъ изъ родословія пиперскаго племени намъ совершенно достаточно. Новые поселенцы застали въ той мѣстности старое населеніе бокумировъ и лужанъ (собственно одно и то же). Что это населеніе было довольно сильно и многочисленно, видно изъ поселенія новыхъ пришельцевъ: сначала поселяются въ Лутовѣ, а потомъ одинъ за другимъ постепенно переходятъ Морачу и занимаютъ окранны Пиперь въ горахъ и

*) Это имя, какъ мужское, и теперь существуетъ у пиперъ, и вообще у нихъ есть странныя имена.

близъ Морачи, тогда какъ прекрасныя равнины, какъ Дрезга, Страганица, подножіе Требьеша—заняты были старожилыми.

Въ исторіи другихъ племенъ мы видѣли, что новые пришельцы сразу подавляютъ старожилловъ, такъ что отъ нихъ не остается почти и слѣда, и все потомство ихъ низводится на дватри дома. У пиперъ дѣло представляется иначе: у нихъ нѣтъ почти ни одного села или рода, въ которомъ не нашлось бы потомковъ старожилловъ. Цѣлыя села Мрке и Сеоца считаются потомками старожилловъ. То же самое и въ Рogaмахъ, гдѣ только сильное братство Вучиничей и Вукановичи изъ Катунской нахін (кажется, изъ Загарча); все равно какъ Бачи подъ Вежешникомъ изъ Банянь.

Здѣсь, по моему мнѣнію, мы встрѣчаемъ народное преданіе въ самомъ чистомъ видѣ. Что пришельцы, какъ мы замѣчали выше, представляли собою болѣе энергичный элементъ, что то были отборные люди, между которыми находились люди знатные и богатые, и потому они должны были оказывать вліяніе на засидѣвшихся въ мирѣ и на одномъ мѣстѣ старожилловъ,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Они внесли въ это населеніе новый духъ, освѣжили его, но не насиліемъ, а постепеннымъ слияніемъ съ нимъ, такъ какъ это были тѣ же самые православные сербы. Богумильство тогда исчезло давно и держалось, можетъ быть, только въ такихъ глухихъ уголкахъ, какъ Ябланъ въ Братоножичахъ. И возможно ли такое исчезновеніе, потопленіе въ повоми, сравнительно весьма слабымъ численностію элементъ—населенія, которое прожило на мѣстахъ нѣсколько столѣтій и не безъ борьбы физической и моральной. Прогнавши аваровъ, сербы застали землю не пустою, а населенною; авары при томъ не были ни земледѣльцы, ни вообще культурный народъ, и потому имъ нужно было населеніе, надъ которымъ бы господствовали и отъ котораго бы жили. И вотъ съ этимъ-то населеніемъ, послѣ прогнанія аваровъ, и привелось имѣть дѣло сербамъ. Побѣдители аваровъ, они и здѣсь одержали побѣду культурную надъ мѣстнымъ населеніемъ.

Напомнимъ также и то обстоятельство, что, когда Неманя велъ войну съ греками, кто, какъ не эти старожилы поддерживали его и дали ему побѣду? Неманя нѣсколько лѣтъ велъ войну съ греками чисто ускоцкую, держась въ горахъ именно съ кучами, пиперами и братоножичами. А съ кѣмъ воевали и добывали Бальшичи? Съ кѣмъ наконецъ такъ долго боролись Черноевичи противъ турокъ, передъ которыми пала Сербія, Боснія и Герцеговина? Все съ тѣми же старожилыми бѣлопавличами, озриничами, пиперами, зетянами и т. д., которыхъ теперешніе ихъ потомки въ своей простотѣ и суетности съ презрѣніемъ обзываютъ бокумирами, лужанами, мертвыми людьми, не понимая, что это ихъ славные, доблестные предки.

Этимъ заканчивается разборъ этнографическаго состава племени, входившихъ въ составъ Зетскаго государства, и теперь мы вступаемъ въ область, которая не составляла нераздѣльной части Зетскаго государства.

10) Морача съ Ровцами и Колашинъ.

Съ этими именами не соединяется уже никакого понятія о племени; это названія чисто мѣстныхъ, при чемъ Ровцы (Верхнія и Нижнія; въ ед. числѣ: Ровца) составляютъ какъ бы придатокъ Морачи, такъ какъ они состоятъ главнымъ образомъ изъ одной долины (Вельедубоко), которая впадаетъ въ долину Морачи. То же отношеніе и между ихъ населеніемъ: въ то время какъ въ Морачѣ до 5700 душъ обоего пола, въ Ровцахъ всего до 1800. При томъ населеніе обѣихъ мѣстныхъ распадается на отдѣльные роды, доселившіеся туда изъ различныхъ мѣстныхъ и въ различныя времена, которые и не составляютъ одного племени изъ родовъ одного происхожденія.

Начнемъ съ Морачи. Здѣсь, какъ и вездѣ, выдѣляются старожилы, которыхъ немного. Самыми старыми, которые, какъ

говорится здѣсь, первые «пропирили огонь» (развели), были Даниловичи или Сандичи; потомъ Сѣновичи; на Петровой-равни — Пргомеличи (до 20 домовъ) и въ Барахъ — Тьировичи (3 дома). Рутательно или въ насмѣшку ихъ называютъ *мацурами*.

Затѣмъ прежде всѣхъ доселились сюда Брауновичи изъ Кучей; а черезъ 10 лѣтъ послѣ нихъ Богичъ изъ-подъ Хума-Хотскаго. Но первые совсѣмъ не размножались, ихъ нѣтъ и 10 домовъ; тогда какъ отъ Богича населилась почти цѣлая Морача и тотъ родъ, можно сказать, разросся до племени. Самые сильные роды ихъ Радовичи, Меденицы, Дуловичи, Ракочевичи, Добричане, Пековичи, Екничи и др. Въ Горней-Морачѣ находятся Бончи (до 50 домовъ), прибывшіе изъ Васоевичей, гдѣ и теперь есть ихъ сородники. Тамъ же Баошичи съ Башинной или Баошиной-воды въ Пьешивцахъ между Планиницею и Острожскимъ монастыремъ. Есть тамъ и Требѣшане, ускоки изъ-подъ Никшича (до 6 д.).

Въ селѣ Мійольской (30 д.) два братства Куйовичи и Шуквичи родомъ изъ Озриничей, откуда бѣжали, убивши одного нѣгушанина, состоявшаго въ родствѣ съ Вукотичами; между тѣмъ какъ и сами они одного рода съ ними, отъ Пеана. Вслѣдствіе такого различія населенія по мѣстностямъ, изъ которыхъ морачане происходятъ, празднованіе «крестнаго имени» у каждаго рода и даже братства различно. Большинство, какъ происходящее изъ Кучь, должно бы праздновать день св. Николая (6 дек.), потому что всѣ кучи празднуютъ его. Но тутъ иначе: Дуловичи славятъ св. Стефана діакона (27 дек.), а «прислуживаютъ» (второстепенный праздникъ) Ильинъ день (20 июля); Бончи — св. Николая (а прежде — св. Александра Невскаго); Требѣшане — св. Луку (18 окт.), Яредичи — св. Кирилла (14 февр.); Хриковичи — св. Іована (7 янв.); села Ясеново и Дбюдъевина (родомъ изъ Невесинья) — Сергія и Вакха (7 окт.) и т. д.

Впрочемъ общее для всей Морачи празднованіе св. Архангела Михаила (8 ноября), а подпраздникъ день Успенья Богородицы (15 авг.), въ честь котораго построенъ и монастырь.

Замѣчательно, что въ цѣлой Морачѣ прежде не было ни одной церкви кромѣ монастырской, и только не такъ давно построена церковь въ Горней-Морачѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, такъ установилъ строитель монастыря, король сербскій Стефанъ Урошъ, въ видахъ обезпеченія его доходами, такъ какъ это была его держава и онъ былъ въ томъ полновластенъ.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ разницу между Зетой и землями, входившими непосредственно въ Сербскую державу: тамъ мы видимъ, что Бранинскій монастырь, самъ по себѣ расположенный въ мѣстности очень скудной, надѣляется всевозможными угодьями, точно также и другіе монастыри, па Дрепѣ (въ Подгорицѣ), въ Краинѣ, на Боянѣ (Сергія и Вакха), на Ротцѣ (въ Барѣ); но нигдѣ не нарушается право частныхъ лицъ, родовъ или общинъ строить церкви и надѣлять ихъ доходами и содержаніемъ отъ прихожанъ. Тогда какъ высокое уваженіе къ Морачскому монастырю и памяти сербскихъ государей воздержало новыхъ доселенцевъ Морачи отъ нарушенія этого установленія, хотя оно не писано и держится единственно на преданіи.

Этими немногими данными исчерпывается все относительно племенного состава Морачи. Остается сказать только объ отношеніи ея къ туркамъ.

Никогда она не покорялась вполнѣ туркамъ, но не была однако и совсѣмъ независимою. Жители ея обязаны были платить туркамъ извѣстную дань (харачъ).

И вотъ какимъ образомъ по народному преданію морачане и ровчане поступили подъ турецкій *арач*.

Было нѣсколько лѣтъ подрядъ неурожайныхъ; морачане отправились въ Колашинъ, а ровчане въ Никшичъ и говорятъ тамошнимъ туркамъ: «мы разорились въ конецъ; берите все наше; а мы отсюда выселяемся». На это турки: «Нѣтъ, оставайтесь, мы вамъ поможемъ, а вы будете намъ платить малую дань», и дали на домъ по 8 штукъ мелкаго скота и по одному волу, и сверхъ того хлѣба на прокормленіе людей и сѣна для скота.

Дань эта, конечно, не платилась аккуратно, и такъ проходило нѣсколько лѣтъ. Тогда турками снаряжались военныя экспедиціи для сбора этой дани. Иногда туркамъ удавалось собрать ее, а нерѣдко ихъ прогоняли и, конечно, не безъ боя. Случалось, что турки, поддавшись ложнымъ увѣреніямъ морачанъ, являлись къ нимъ для сбора дани безъ войска и оставляли тамъ свои головы. Однажды такимъ образомъ погибъ паша Хасанъ-бегъ Мекичъ изъ Колашина. Въ то время морачскимъ воеводой былъ Мина Радовичъ. Явившись къ пашѣ, онъ далъ ему обѣщаніе, что если онъ отправится въ Морачу самъ, то не только соберетъ дань, но и получить много подарковъ, и сообщилъ ему это подъ великой тайной. Отправляются они вдвоемъ. На пути М. Радовичъ убѣждаетъ пашу своротить въ монастырь: тотъ и на это соглашается. Наконецъ, когда они были близко къ монастырю (между Равнымъ и монастыремъ), ѣдетъ паша впереди, а воевода сзади и говоритъ: «Бего Асо(хасан)! поврни се насе (назадъ); па погледай, како рая плаче». Паша обертывается назадъ; а воевода въ этотъ моментъ стрѣляетъ въ пашу и тотъ падаетъ съ лошади. Но онъ былъ еще живъ, и тутъ воевода его пристраиваетъ, потомъ отрѣзываетъ ему голову и отвозитъ на Цетинье, за что, кромѣ даровъ отъ владыки Петра I, по его представленію получить золотую медаль и отъ русскаго императора. Воевода этотъ умеръ лѣтъ около 40 назадъ (сынъ его воевода Шоле живъ еще и теперь). Послѣ этого приходило войско изъ Колашина, чтобы отомстить за пашу; но было отбито.

Затѣмъ большое нападеніе турокъ на Морачу было въ 1820 г. Тогда боснійскій визирь Жемалудинъ-паша отправилъ своего дельбашу Ибрагима съ 12.000 боснійцевъ и герцеговинцевъ. Они вступили изъ Дробнякъ въ Горнюю-Морачу, сожгли и разорили ее всю и начали жечь дома и въ Дольней-Морачѣ, направляясь къ монастырю. Но тутъ, кромѣ ровчанъ, ихъ ждали пришедшіе на помощь ппперы и около 1000 пѣшивцевъ и бѣлонавпчей. Турки были сломлены, обращены въ бѣгство и

въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ страшно погубили. По словамъ пѣсни убито 1500 турокъ, а многіе были захвачены въ плѣнъ, и ихъ морачане убивали на пепелищахъ своихъ домовъ. Въ то же время захвачено было 1200 коней. Предводилъ морачанами опять воевода Мина и съ нимъ сердаръ Міатъ (Дуловичъ, племянникъ его по женской линіи). Это было послѣднее нападеніе турокъ на Морачу. Оттуда и вышла пословица: «Заклеше се турци на погачу (пшеничный хлѣбъ), да ветъ нетъе нигда на Морачу». Только въ послѣднюю войну 1877 г. (11 июня) Мехметъ-Али-паша двинулся было съ 30.000 войска и съ сильною артиллеріей, чтобы, разорвши Морачу, отправиться въ Бѣлопавлицкую долину на соединеніе съ Сулейманъ-пашой; но и онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе въ виду самаго монастыря. Мужество и распорядительность тамошняго игумена архимандрита Митрофана (въ настоящее время онъ черногорскій митрополитъ), умѣвшаго влить тотъ же духъ и въ военачальниковъ, разрушили гибельный для Черногоріи планъ одного изъ лучшихъ турецкихъ генераловъ и спасли Морачу отъ разоренія, а ея святыню отъ поруганія и разрушенія.

Впрочемъ когда-то турки жгли и монастырь, хотя и не разрушили его, и были въ Морачѣ агами, т. е. владѣли землею, на что указываютъ напр. въ Міольской названія нѣкоторыхъ земель — Калпча, Мекпча, Усенигича и др. Видны и слѣды ихъ домовъ. Но со временемъ они были оттуда совсѣмъ вытѣснены.

Въ Ровцы же турки никогда не проникали далѣе Вельего-Дубокаго.

Подъ именемъ Колашина въ настоящее время разумѣется только городъ, а затѣмъ идетъ его округъ, который занимаетъ довольно обширное пространство.

Собственно городомъ и при томъ укрѣпленнымъ, со множествомъ фортовъ вокругъ, онъ сталъ только въ турецкое время, и то недавно: передъ послѣднею черногорскою войною лѣтъ за десять. А лѣтъ за 80 тутъ вовсе не было турокъ и, какъ мы

видѣли, на Морачу приходило войско изъ Босніи и Герцеговины. Прежде тутъ было небольшое поселеніе немного ниже теперешняго города, гдѣ и теперь видятся слѣды домовъ, расположенныхъ впрочемъ въ разбросъ; тамъ же видятся еще фундаментъ церкви и кладбище съ надгробными плитами. Это былъ уютный уголокъ, куда стекался народъ, которому было тѣсно дома, такъ какъ здѣсь отличныя земли и во всемъ было приволье: всюду рѣчки и потоки, полные рыбы; лѣса, полные всякаго звѣря. Но съ усиленіемъ магометанства въ сосѣдней Герцеговинѣ, оно проникло и сюда. И за короткое время тутъ возникъ турецкій городокъ съ базаромъ, куда собирался народъ изъ цѣлой окрестности и изъ черногорскихъ предѣловъ. Тогда же это мѣсто сдѣлалось убѣжищемъ для ускоковъ не только изъ Черногоріи, но и изъ Турціи. Колашинскіе турки жили совершенно на своей волѣ и не признавали надъ собою никакой власти. Они говорили: «Тара не зна за Цара», т. е. султана. Хорошо имъ жилось: земли имъ обрабатывали *чифчи* (то же, что кметы, т. е. работники на чужой землѣ за извѣстную плату натурой); отъ базара также имѣли доходы, потому что всѣ лавки были ихъ. Въ самомъ городѣ они не жили; тутъ было 30—40 домишекъ, собственно мазанокъ (объ этихъ постройкахъ будемъ говорить послѣ), въ которыхъ внизу были лавчонки, а сверху кофейни и жили торговцы, хозяева лавокъ, и различные ремесленники, всѣ—исключительно христіане изъ Бѣлаго-поля, Печи и другихъ мѣстъ Герцеговины и Старой Сербіи. Тутъ же помѣщались и ханы для пріѣзжихъ. Сами же турки жили внѣ города, тотчасъ за нимъ, гдѣ имѣли хорошіе каменные дома и при нихъ плодовые сады.

Не работая и не зная никакихъ обязанностей, колашинскимъ туркамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ цѣлые дни проводить въ кофейняхъ и придумывать какія нибудь предпріятія, чтобы дать знать о себѣ своей удаляю; а въ то же время добыть *палызъ*, т. е. отбитый у непріятели скоть; потому что для содержанія скота у нихъ были громадныя пастбища и сѣнокосы по высо-

кимъ плато Синявиной и Бѣластицы. Отсюда сами собою вытекаютъ ихъ безконечныя экспедиціи главнымъ образомъ на катуны васоевичей, дробняковъ (собственно ускоковъ), живущихъ по Синявиной; на Морачу же они не нападали, а бывали только одиночныя схватки съ морачанами изъ мести за какую нибудь обиду или просто, чтобъ помѣряться силами. Особенно же часто они нападали на васоевичей, такъ какъ ихъ катуны были ближе къ Колашину, чѣмъ къ васоевицкимъ селамъ. Впрочемъ дерзость ихъ доходила до того, что они проникали на Комъ и до Лѣвой-рѣки. Часто они страдали въ этихъ предпріятіяхъ, но тѣмъ не менѣе не оставляли своего обычая. Между тѣмъ васоевичи придвинули свои владѣнія почти подъ Колашинъ. А въ 1858 г. васоевицкій воевода Миланъ Вуковичъ и дробняцкій Новица Церовичъ напали на самый Колашинъ и совершенно завладѣли бы имъ; но, зная, что имъ этого не допустятъ другіе (европейскіе дипломаты), сожгли его и удалились. Жегъ Колашинъ и вообще много бѣдъ дѣлалъ колашинцамъ и старый капитанъ Милисавъ Мишиничъ, который отъ времени кн. Данила поселился въ Рѣчинахъ близъ Колашина.

Всѣ эти турки, между которыми самый богатый и сильный родъ Каличи (въ послѣднее время знаменитъ былъ Фейзо-Каличъ, какъ злѣйшій врагъ Черногоріи), затѣмъ Мекичи, Мушовичи, Усовичи и т. д., потурченныя сербы и главнымъ образомъ черногорцы, при томъ изъ различныхъ мѣстностей; тѣмъ не менѣе у нихъ выработался общій типъ, которымъ они отличаются и отъ никшича, и отъ подгоричанина. Въ послѣднее время они всѣ выселились въ такъ называемый Дольній-Колашинъ, находящійся на 6 часовъ ниже за Тарой и оставшійся въ турецкомъ владѣніи.

Въ настоящее время Колашинъ населенъ черногорцами, главнымъ образомъ морачанами и ровчанами. То же самое должно сказать и объ округѣ его.

Древность заселенія этихъ мѣстъ сербами видна изъ того, что въ названіяхъ мѣстностей почти не найдете чужого, а все

словянскія. Между прочимъ какъ разъ на границѣ находится малый поселокъ Брсково, гдѣ до сихъ поръ видны слѣды старыхъ построекъ отъ времени, когда тамъ чеканилась сербская монета.

Не можемъ также не упомянуть объ одной мѣстности близъ Колашина въ углѣ между рр. Тарой и Плашницей. Здѣсь было 7 турецкихъ домовъ, отъ которыхъ и теперь еще остаются стѣны. Турки эти назывались *Хорватами*; но они отселились куда-то еще до послѣдней войны, и никто не можетъ объяснить, откуда они были родомъ и почему носили названіе хорватовъ.

Съ Морачей мы уже вступили въ чисто сербскія страны, гдѣ не происходило никакого смѣшенія съ чуждыми элементами, и потому нѣтъ никакихъ запутанныхъ вопросовъ относительно происхожденія ихъ жителей и ихъ этнографическаго типа.

Примѣч. Гильфердингъ въ своемъ путешествіи говоритъ, что, по словамъ самихъ колашинцевъ, большая часть ихъ земель принадлежала вучитрскимъ агамъ. Между прочимъ въ долинѣ р. Ибра также есть *Колашинъ* или *Старый-Колашинъ*, принадлежащій Вучитрну; а М. Милоевичъ упоминаетъ сверхъ того и Малый-Колашинъ.

11. Пива съ Церквицами, Дробняки съ Усноками и Шаранцы.

Мы группируемъ въ одно такія двѣ обширныя области, какъ Пива и Дробняки вслѣдствіе того, что въ этнографическомъ отношеніи онѣ представляютъ одинъ общій типъ, такъ какъ обѣ области составляютъ часть Герцеговины, и жители ихъ — герцеговинцы, которые считаются представителями самаго чистаго сербскаго типа. Тутъ нѣтъ вопросовъ ни о томъ, откуда они пришли, ни кого застали на мѣстахъ, населившася прежде ихъ. Кого застали сербы въ этихъ мѣстахъ въ то время, когда прибыли сюда впервые въ VII в., дѣло общесербской исторіи; мы же беремъ только то время, когда изъ того общаго сербскаго

населенія образовались отдѣльные государства одновременно съ Зетой. Съ того времени и вплоть до нашего мы не знаемъ въ этихъ предѣлахъ никакихъ другихъ жителей, кромѣ сербовъ. Одно только нужно отмѣтить, что между этими самыми сербами когда-то было распространено богумильство. Но воспоминаніе о немъ въ народѣ совершенно затерялось; только и напоминаютъ какое-то другое и многочисленное населеніе старья кладбища въ мѣстахъ, теперь совсѣмъ незаселенныхъ.

Въ Пивѣ вверху Пирнаго-дола хорошо видны 12 большихъ памятниковъ, а есть и вросшіе въ землю; далѣе еще 10 такихъ камней, пройдя лощину Боричи; немного далѣе еще цѣлое кладбище, и называется та мѣстность *мраморье* (надгробные памятники); пройдя долину Сальковацъ, еще такое же мраморье, и тамъ 17 большихъ камней съ различными фигурами; въ сторонѣ есть и еще надгробные камни, при чемъ большая часть вросла въ землю. Но самыя большія кладбища на Езерахъ (въ Дробнякахъ). Тамъ на бугоркѣ надъ Рыбьимъ-озеромъ 50 камней, все большіе; а еще черезъ 20 минутъ ходу къ Вражьему-озеру другое кладбище, на которомъ 30 большихъ камней, а другихъ, просто плитъ, тоже большихъ, до 300. Всѣ большіе камни перевернуты и съ отбитыми углами; можетъ быть, подъ ними искали сокровищъ. Кромѣ того, по словамъ мѣстныхъ жителей, множество этихъ камней было разломано турками и употреблено для постройки казармы и укрѣпленій, которыя разрушены въ послѣднюю войну.

Подъ Дурмиторомъ есть такъ называемые Меки-долови: тамъ до сихъ поръ лежатъ до 70 плитъ, совсѣмъ готовыхъ, только неукрашенныхъ никакою рѣзьбою. Тутъ, безъ сомнѣнія, ломали и обдѣлывали и всѣ камни на упомянутыхъ двухъ кладбищахъ, такъ какъ вблизи тамъ совершенно нѣтъ такого камня. Доставка же оттуда весьма легка, потому что все идетъ одинъ наклонъ къ тѣмъ озерамъ.

Все это заставляетъ предполагать, что здѣсь когда-то было большое населеніе и при томъ, судя по величинѣ и работѣ кам-

ней, зажиточное и искусное. А между тѣмъ на Езерахъ стали жить постоянно только лѣтъ 30 назадъ; а то все были только катуны, т. е. лѣтнія жилища.

Считалось это невозможнымъ отъ суровой зимы и большихъ снѣговъ; но нужда нагнала ихъ, и теперь они съ успѣхомъ борются съ зимой и съ годами дѣлаютъ все большіе посѣвы.

Когда-то здѣсь же пролегалъ большой торговый путь, идя черезъ Тару мимо Пирлitora, гдѣ и теперь видны въ одной тѣснѣ слѣды воротъ или заставы.

Изслѣдованіе этой старины относится къ археологiи; а насъ теперь занимаетъ вопросъ: какимъ образомъ у современныхъ жителей нѣтъ ни малѣйшаго преданія объ этихъ старыхъ поселеніяхъ?

Прежде всего изъ этого мы выводимъ, что современные жители не потомки тѣхъ старожиловъ, а доселились сюда въ то время, когда тѣхъ уже не было, и мѣста эти были пустынные, какими мы ихъ теперь видимъ. Затѣмъ, вникая въ исторію отдѣльныхъ родовъ, мы видимъ, что они доселились изъ различныхъ мѣстъ и не въ очень отдаленное время, и иные, прежде чѣмъ осѣсться здѣсь, много странствовали.

Приведемъ нѣсколько данныхъ относительно дробняковъ.

Церовичи въ Тушинѣ родомъ изъ подъ Травника; какимъ путемъ шли оттуда, неизвѣстно; но пришли сначала въ Баяны, гдѣ и остановились подъ хребтомъ Церовицей (тутъ и теперь малое поселеніе), отъ которой и получили свое прозвище. Есть село Дужи на р. Комарницѣ (въ дальнѣйшемъ теченіи Пива), гдѣ 40 домовъ, которые всѣ произошли отъ одного лица, имѣвшаго 3 сына. Общаго прозвища, какъ племя, они не имѣютъ; но только имена братствъ: Маловичи, Вплотіевичи, Машичи, Мемедовичи, и т. д. (всего 8); а происхожденіе ихъ изъ Баянъ; только Шкулетичи изъ Пѣшивцевъ.

Сначала они однако поселились въ Поштеньѣ (Подстѣнье): одинъ братъ тамъ и остался, другой отправился въ Дужи, а третій въ Гацко.

Многіе дробняки шли тѣмъ же путемъ, какъ Церовичи: такъ, одни тоже изъ подъ Травника пришли подъ Нѣгошъ-планину, потомъ въ Рудины на Дукать и Погану, а затѣмъ осѣлись въ Дубровскомъ близъ Дужей. Самое старое дробняцкое поселеніе въ Поштъеньѣ и Придворицахъ; оттуда и родъ Томичей въ Шавникахъ. Въ Шавникахъ же лѣтъ 50 назадъ были только мельницы, а теперь городокъ. Все это заселилось и наполнилось какъ-то недавно.

Въ общемъ однако все здѣшнее населеніе происхожденія герцеговинскаго. Есть впрочемъ и изъ другихъ мѣстъ. Такъ Караджичи изъ Васоевичей, изъ Лѣвой-рѣки; Куянджичи или Лазаревичи и Шибайли на Езерахъ изъ Пѣшивцевъ.

Въ Пивѣ кромѣ Штъепан-поля при соединеніи Тары съ Пивой и Пишча, гдѣ герцогъ Стефанъ далъ одну грамоту въ 1453 г. (Monum. Serb. CCCLXIX), игравшихъ когда-то важную роль, есть еще с. Селяни при р. Комарницѣ (близъ ея соединенія съ р. Синьцемъ), въ которомъ находится кладбище съ надгробными памятниками, свидѣтельствующими о пребываніи тамъ когда-то людей знатныхъ. Тамъ же находятся и слѣды жилища Бая Пивлянина, отъ котораго однако остался одинъ только домъ по прозвищу Чапуръ. Къ старшимъ же родамъ относятся: Гагичи, Шупичи, Гломазичи, Яредичи, Дамьяновичи, Дикановичи, Никовичи, Гутовичи, которые между собою не имѣютъ племенной связи. Въ позднѣйшее время играли важную роль Лѣшевичи, Сочицы, Хаджичи; въ Церквицахъ Воеводичи, Войновичи, Куличи, Никовичи; въ Шаранцахъ Кнежевичи и т. д. Въ с. Мратинѣ большой родъ составляютъ Огненовичи, которые одно время выселились оттуда въ Баняны, подъ Церовицу, гдѣ и теперь остается еще 3 дома, а другіе воротились въ Мратиню. Отъ нихъ же родъ Огненовичей въ Боккѣ. Есть въ Пивѣ Живковичи, которые прежде назывались Церовичи и пришли изъ Тушины. Въ Брезнахъ есть Дурутовичи, родомъ *шипчане*, т. е. изъ с. Шипачна близъ Никшича, куда они переселились лѣтъ 200 назадъ изъ Кчева; теперь ихъ до 30 ружей, а всѣ произошли

отъ двухъ братьевъ. Однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ единства племенного, а только отдѣльныя братства и роды, доселившіеся изъ различныхъ мѣстъ.

Въ Шаранцахъ преимущественно ускоки изъ Затарья.

Что касается отношенія къ туркамъ, то аги ихъ жили, кажется, только въ Церквицахъ; а то для сбора дани отправлялись туда беги и паши изъ сосѣдней Герцеговины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Езерахъ и на Горанскѣ, были укрѣпленія съ казармами, гдѣ находились турецкіе чиновники и войска.

Странное объясненіе имени *Дробнякъ* даютъ сами дробняки. Умеръ одинъ паша въ ихъ мѣстѣ, говорятъ они — тогда изъ него вынули дробь (внутренность) и отправили въ Плевле; потому такъ и назвались.

Надобно замѣтить, что отъ народа часто услышите *дробнякъ*, это же имя читаемъ на одной старой плитѣ въ заброшенной поштѣнской церкви: «а сеи лежи брань *дровнакъ*». Что же касается вообще названій мѣстностей, то всѣ они чисто словянскаго происхожденія, за исключеніемъ весьма немногихъ, какъ: Дурмиторъ, Пирлиторъ и сомнительныя Панось и Тргиль; да больше мы такихъ и не знаемъ.

Въ заключеніе добавимъ, что часть Дробняковъ присоединилась къ Черногоріи еще во время владыки Петра I, и только Езера присоединены въ послѣднюю войну, а также и вся Пива.

12. Васоевичи.

Это чрезвычайно многочисленное племя: въ Черногоріи ихъ считается 6663 (безъ Полимья, Шекулара и Великой) и никакъ не меньше того въ сосѣдномъ предѣлѣ Турціи. Часть ихъ поселилась въ кор. Сербіи. И при такой разбросанности нигдѣ такъ чисто и опредѣленно не сохранилось преданіе о племенной связи различныхъ частей его, какъ у нихъ. Всѣ они доселились въ такъ называемую Нахію или Нижніе-Васоевичи изъ Лѣвой-рѣки, и

каждый знаетъ, гдѣ именно жили его предки и какими угодами пользовались. Точно такъ и васоевичи въ турецкихъ предѣлахъ знаютъ свое происхожденіе изъ Лѣвой-рѣки, какъ будто расселеніе ихъ совершилось недавно.

Иные и теперь имѣютъ въ Лѣвой-рѣкѣ участки земли, хотя и не пользуются ими, а уступили тамошнимъ жителямъ изъ своего рода.

Подобно другимъ, и васоевичи происхожденіе свое ведутъ отъ кн. Васа (правильнѣе — Васоя отъ *Vasoe*), брата Пипа и Озра. При томъ рассказываютъ, что онъ впервые поселился на Ножицѣ въ Лѣвой-рѣкѣ*). Тамъ показываютъ и основаніе его дворца (судя по знакамъ отъ фундамента, самаго обыкновеннаго дома). Какъ князь, конечно, онъ пришелъ сюда не одинъ, а со своимъ родомъ. Теперешніе потомки его не могутъ съ точностію сказать изъ какой именно мѣстности они пришли сюда; знаютъ только, что изъ Старой-Сербіи. При томъ они указываютъ и свой путь: сначала пошли въ Шумадію (нынѣш. кор. Сербію), затѣмъ въ Венгрію, оттуда въ Далмацію, а изъ Далмаціи наконецъ черезъ Герцеговину подъ Комъ въ Лѣвую-рѣку.

Вотъ все, что мы знаемъ отъ самихъ васоевичей объ ихъ доселеніи въ эти мѣста. Сколько мы ни распытывали, не могли узнать о существованіи какого-либо болѣе подробнаго преданія или пѣсни. А между тѣмъ бывшій франц. консулъ въ Скадрѣ Г. Эккаръ**) въ своемъ обширномъ и пользующемся авторитетомъ сочиненіи объ Албаніи, въ которую включаетъ и земли вовсе ей не принадлежавшія, сообщаетъ весьма пространную пѣсню, записанную будто имъ со словъ народнаго пѣвца, о томъ, какъ три брата Хасо, Колашъ и Васо удалились изъ Сербіи вслѣдствіе бѣдности и голода (сказать *отъ притѣсненій турокъ* не допускала ему тогдашняя дружба Франціи съ Турціей, кото-

*) Это собств. коса между т. наз. Лѣвой-р., вытекающей изъ подъ г. Птича, и Ковачицкимъ потокомъ, берущимъ начало въ отрогахъ Црной-планины.

**) Hyacinth Hecguard consul de France à Scutari.—Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie. Paris, 1859.

рой онъ былъ до крайности преданъ) и приплыли сначала подъ Комъ, а потомъ черезъ 50 лѣтъ должны были расселиться, такъ какъ слишкомъ размножились сами, а также умножились и ихъ стада. Расселившись, они приняли имена своихъ родоначальниковъ, откуда и произошли названія *Колашинъ* и *Хасъ* *), а Васоевы дѣти остались на мѣстѣ. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ сербскою народною поэзіей, тотъ сейчасъ скажетъ, что это поддѣлка и поддѣлка весьма нецеремонная и вовсе неискусная. Въ пѣсняхъ П. Мериме, представляющихъ также поддѣлку, вы видите довольно удачное подражаніе, а это просто фантазія, не имѣющая ни тѣни правдоподобія, вся проникнутая духомъ католическаго шетизма и умиленія, столь противнаго сербскому духу. Чтобы дать читателю возможность провѣрить наши слова, мы сообщимъ эту пѣсню съ нѣкоторыми сокращеніями въ дополненіяхъ. Есть еще одно преданіе, но уже не васоевичье, а арнаутское, сообщаемое Ганомъ **), по которому какой-то Кечи (Ketschi), родоначальникъ хотъ и затрѣбанъ, и съ нимъ 6 сыновей, между которыми Пипо, Васо и Кастро, также бѣжали въ эти края. Преданіе это само по себѣ сбивчиво и еще болѣе запутано ихъ записывателемъ. Интересно только то, что по Гану васоевичи прежде поселились около р. Рѣчицы (Злорѣчицы?), притока р. Лима, откуда вслѣдствіе турецкаго гоненія ушли въ Лѣвую-р., а послѣ, когда турки стали тамъ менѣе притѣснять, они стали переселяться обратно въ Нахію. Кромѣ

*) «Хасъ, ровный Хасъ» въ настоящее время называется мѣстность, смежная съ васоевичами на турецкой границѣ, гдѣ находится городокъ Бераны. Имя это происходитъ отъ тур. слова «хаси», что означаетъ — населенную мѣстность, составляющую исключеніе, пользующуюся особыми правами; а иногда — неповорную, не признающую надъ собою государственной власти. Оттуда происходитъ сербско-тур. слово *яхаситисе* — отбиться отъ этой власти. Въ такомъ положеніи были Бераны до 1860 г., пока не была поставлена власть, имѣющая въ своемъ распоряженіи войско. Теперь тамъ каймакамъ; а прежде самостоятельно управляли и дѣлали, что хотѣли, мѣстные беги и аги; населеніе же кругомъ — васоевичи.

**) G. Dr. Juris von Hahn, k. k. Consul für östliche Griechenland. Albanische Studien. Jena. 1854.

народнаго преданія относительно происхожденія васоевичей, мы не имѣемъ ровно ничего: ни упоминанія въ какихъ либо писанныхъ документахъ, ни надгробныхъ плитъ съ надписями, ни остатковъ старинныхъ построекъ. Но вотъ является одинъ фактъ, который сразу бросаетъ свѣтъ на этотъ темный для насъ вопросъ.

В. Вулетичъ-Вукасовичъ, зорко слѣдящій за литературой и всѣми фактами, касающимися юго-славянства, сообщаетъ, что въ Фочанскомъ окружьи (въ Герцеговинѣ) найденъ стоячій надгробный камень съ надписью, изъ которой видно, что тамъ погребенъ князь васоевицкій *).

Вотъ его чтеніе: О (во) и (е) с г р (е) б

к неза и (ашега)

(А) раіне

Васое

вића

(п)очте(нь)

вите

з в дни

(с) анда

на.

Характеръ буквъ особенный: тутъ есть и латинскіе N и S, Z словянской и въ видѣ математическаго знака подобія; есть и совершенно особенные; многія буквы, особенно по краямъ, стерты. Но имя «кнеза Васоевича» совершенно ясно и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Также можно несомнѣннымъ считать имя Сандана, иначе Сандаля-Хранича, сына Владка Хранича, бывшаго въ Косовской битвѣ, дяди Герцога Степана (1441)**),

*) Новая Зета 1889 г. № VIII, стр. 305—306 статья, «Васоевичи и Хераковичи». Авторъ въ свою очередь извлекъ это изъ Вѣстника хорват. Археолог. Общ., годъ IX, № 2, стр. 41—42; а этотъ изъ соч. Moriz Högness—Alterthümer der Herzegowina u. der südlichen Theile Bosniens. Wien. 1881.

**) См. Сандаля хранич въ грам. Меда Пуцича 1406 г.

«Этого достаточно — заключаетъ г. Вукасовичъ — чтобы вывести доселеніе васоевичей изъ Фочанскаго кадилука».

Совершенно соотвѣтствуетъ этому и народное преданіе о томъ, какъ васоевичи шли черезъ Боснію и потомъ черезъ Далмацію, гдѣ нѣкоторое время и стояли.

Въ преданіи всѣхъ черногорскихъ племенъ видно, что ни одно изъ нихъ не дошло прямо на мѣсто, гдѣ осталось жить навсегда; но всѣ они имѣли промежуточныя станціи, на которыхъ задерживались болѣе или менѣе продолжительное время. При томъ для Старой Сербіи главное направленіе было на западъ или сѣверо-западъ, гдѣ находили защиту христіанской Европы, главнымъ образомъ въ то время Венеціи и Венгріи. Нѣкоторые, достигнувъ Далмаціи, тамъ остались, и дали занятымъ ими мѣстамъ имена брошенныхъ ими мѣстъ въ Старой-Сербіи; а другіе шли оттуда границею на югъ въ неприступную и непокоренную турками Черную-Гору. Конечно, тѣмъ же путемъ слѣдовали и васоевичи. Но тутъ обращаемъ вниманіе на одно обстоятельство: въ то время какъ всѣ переселенія изъ Босніи и Герцоговины имѣютъ направленіе къ югу и западу, сколько возможно, дальше отъ турокъ; васоевичи, бывши такъ далеко на западѣ, поворачиваютъ къ юго-востоку, ближе къ туркамъ. Кучи и братоножичи тоже держались одного направленія съ васоевичами; но и они одинаково съ этими послѣдними были изъ Старой-Сербіи. Въ этомъ движеніи васоевичей къ востоку видно ихъ особенное стремленіе именно туда, а не въ другомъ направленіи. Это можно объяснить только стремленіемъ ихъ быть, сколько возможно, ближе къ своему старому отечеству.

Стремленіе это руководило ихъ и послѣ: когда они стали переселяться изъ Лѣвой-р., они еще больше приблизились къ Старой-Сербіи, а наконецъ и совсѣмъ вошли въ нее, не смотря на господство тамъ турокъ.

Надобно замѣтить, что народъ, запоминная нѣкоторыя подробности, всегда ихъ путаетъ; а иногда создаетъ факты по догадкамъ, по личному или географическому имени; но въ главномъ онъ

рѣдко лжетъ или совсѣмъ ошибается. Таково преданіе о Стефанѣ Васоевичѣ, про котораго пѣсня поетъ, что онъ не могъ поспѣть на Косово-поле изъ подъ Кома. Это не правда, такъ какъ по тому же народному преданію васоевичи пришли подъ Комъ послѣ Косовской битвы. Но если правильно чтеніе надписи г. Вукасовича, то почему не допустить, что, если не Васое, то его отецъ или кто другой изъ ихъ племени и рода былъ въ томъ бою? И былъ непременно. Народъ только смѣшалъ личности, а также время и мѣсто. Впрочемъ пѣсню о Стефанѣ Васоевичѣ мы считаемъ новѣйшимъ произведеніемъ и подражаніемъ пѣснѣ о Стефанѣ Мусичѣ.

Обращаемся опять къ упомянутой выше надписи. Если только она правильно прочитана, то это открытіе даетъ намъ основаніе и исходную точку для исторіи васоевичей. Мы изъ нея выводимъ: 1) что родъ и имя васоевичей существовали еще раньше ихъ доселенія подъ Комъ, и 2) что одною стащіею въ ихъ дальнемъ пути была Фоча, гдѣ умеръ ихъ князь, а они пошли дальше, и то было въ началѣ XV в. Но, чтобы принять Фочу за ихъ колыбель, требуется больше доказательствъ.

Мѣстность, гдѣ поселились васоевичи, представляя собою прелестный, но скрытый отъ цѣлаго свѣта уголокъ, находится въ разстояніи одного только дня, какъ отъ Подгорицы, такъ и отъ Колашина, и еще ближе къ Морачскому монастырю; а также изъ нее открытій путь къ Старой-Сербіи черезъ Нахию. Поэтому поселившіеся тамъ легко могли имѣть сообщеніе съ мѣстами, гдѣ уже были большіе торговые пути и торговые центры; тогда какъ къ нимъ проникнуть было весьма нелегко, какъ мирному человѣку, такъ и непріятелю. Да и не было у нихъ непріятелей, пока жили въ такомъ уединеніи, въ полномъ довольствѣ и безъ всякихъ поводовъ къ посягательству на чужое.

Такимъ образомъ они жили въ полной независимости въ своей глуши среди лѣсовъ и тучныхъ пастбищъ, окруженные со всѣхъ сторонъ высокими горами, бродя по нимъ со своими стадами или бороздя сохой ниву и уклоняясь отъ всякихъ столкновеній съ

сосѣдями, доселившимися раньше и уже окрѣпшими и усилившимся на своихъ мѣстахъ. Насколько они уклонялись отъ столкновенія съ сосѣдями, видно изъ того, что они нигдѣ не приблизили своихъ владѣній до естественныхъ границъ: до р. Морачи противъ Ровцевъ и р. Сѣверницы противъ Морачи; по той же причинѣ, сидя какъ разъ подъ Вѣтерникомъ, они совершенно отступились отъ него, чтобы не столкнуться съ братоножичами. Только и приходили они въ прикосновеніе около Кома съ кучами; но тогда былъ просторъ, да и кучъ еще не было такъ много; поэтому столкновений и тутъ не могло быть.

Но по мѣрѣ того, какъ васоевичи умножались числомъ и начинали представлять изъ себя силу, возрастало и вниманіе къ нимъ. Прознали объ нихъ и турки, что есть какой-то народъ, который не платитъ имъ дани; и это, по всѣмъ вѣроятіямъ, черезъ кучъ и братоножичей, которые уже были турецкими даяниками. И вотъ является къ нимъ большое турецкое войско. Говорятъ, навели турокъ кучи. Нападеніе было настолько неожиданно и жестоко, что жители, не думая о защитѣ, бѣжали, куда кто могъ. Вся Лѣвая-р. была тогда разграблена и сожжена, и послѣ того нѣсколько лѣтъ тамъ «не разводили огня», т. е. все было пусто. Въ то время Караджичи ушли въ Дробняки, а Бончи въ Горнюю-Морачу. Объ этомъ погромѣ не сохранилось пѣсни, а только рассказъ безъ всякихъ подробностей, что и указываетъ на большую давность событія.

Затѣмъ мало по малу народъ опять собрался и зажилъ на своихъ старыхъ пепелищахъ. Но мира уже не было имъ. Снова турки напали на нихъ. Объ этомъ сохранилась пѣсня, передающая событіе въ подробностяхъ и сообщающая имена лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ. Со стороны Турціи были: изъ Печи Мустай-паша Махмудбеговичъ съ арнаутами отъ Призрена до Гусинья; а изъ Гусинья Шабанагичъ. Походъ этотъ предпринять былъ по жалобѣ братонож. воев. Пейя Станоева, а по приказанію скадарск. паши Бушатлиѣ. Со стороны же васоевичей были: цопъ Ракетичъ, Вукъ Брайо-тичъ и Вукъ Вупчичъ. Васоевичи оставили село въ жертву тур-

камь, которые все разграбили и сожгли, а наконецъ вошли въ церковь и беззаботно расположились лагеремъ. Тогда-то и напали на нихъ васоевичи съ трехъ сторонъ. Застигнутые въ распахъ турки бѣжали. По словамъ пѣсни, тутъ погибъ Махмуд-беговичъ и 12 «пашайлій» (гвардія паши), и отрублено 650 турецкихъ головъ; тогда какъ у васоевичей погибло въ бою только 74 чел. и столько же ранено. Преувеличеніе очевидно, но турки несомнѣнно потерпѣли пораженіе; это видно изъ того, что съ тѣхъ поръ они больше не приходили въ Лѣвую-р. Сраженіе это происходило 30 авг., и въ ознаменованіе такого счастливаго дня васоевичи вмѣсто прежней церкви Вознесенія, сожженной турками, построили новую церковь во имя Александра Невскаго, котораго и «прислужуютъ», т. е. держатъ его за праздникъ послѣ главнаго на день арханг. Михаила. Упоминаетъ объ одной битвѣ турокъ съ васоевичами и М. Болица.

«Въ 1613 г., по его словамъ, посланъ былъ изъ Цареграда для покоренія вообще горскихъ племенъ Арсланъ-паша съ семью санджаками: Призрена, Печи, Дукадына, di Charaghnich (?), Эльбасана, Задримы и Скадра. Собрано было 50—60,000 войска изъ различныхъ мѣстъ и въ томъ числѣ изъ Черной-Горы. Все это войско отправилось противъ климентъ, но воротилось безъ успѣха. Послѣ этого паша собралъ опять цѣлое войско въ Подгорицѣ и отправился, чтобы ограбить и разорить васоевицкое село, состоящее изъ 85 домовъ. Но не могъ онъ ничего сдѣлать и тутъ, только захватилъ 60 человекъ, дѣтей и женщинъ, которыя искали спасенія въ другихъ сосѣднихъ селахъ. Мужчины же не оставили этого безъ отомщенія и, при возвращеніи турецкаго войска въ Подгорицу, напали на заднее его отдѣленіе, убили 30 чел. и захватили 30 лошадей».

Безъ сомнѣнія это разсказъ о той же битвѣ, о которой существуетъ пѣсня, но смягчающій пораженіе турокъ, какъ васоевичи его увеличиваютъ. Оба однако разсказа согласны въ томъ, что турки не могли ничего сдѣлать васоевичамъ и возвратились съ урономъ.

Здѣсь мы стоимъ уже на исторической почвѣ и если все еще скудны историческіе матеріалы, то недостатокъ этотъ пополняется живымъ народнымъ преданіемъ и пѣсней.

М. Болица упоминаетъ у васоевичей 90 домовъ съ 280 вооруженныхъ людей. Считая 1 вооруженнаго на 4 души, какъ теперь въ Черногоріи, мы получимъ общее число душъ 920; а на 1 домъ болѣе, чѣмъ по 10 душъ. Въ настоящее время тамъ съ поселками 1620 д. въ 246 домахъ, или въ каждомъ домѣ по $6\frac{1}{2}$ д. Такъ оно и должно быть: прежде въ домахъ больше тѣснились; но за то не терпѣли стѣсненія въ землѣ, и потому въ то самое время васоевичи начинаютъ расселяться изъ Лѣвой-р. Такъ говоритъ народное преданіе, и первымъ выселенцемъ былъ Вукъ Брайотичъ, который долженъ былъ бѣжать отъ мести кучъ и турокъ.

А между тѣмъ М. Болица показываетъ въ то время Нахію уже вполне населенною.

Изъ цѣлаго списка, приводимаго Болицей, возьмемъ только тѣ села, которыя существуютъ и теперь и населены васоевичами:

Слатка (Слатина)	37 дом.	78 воин.
Трешнево	29 »	57 »

Зла-рѣка (тутъ теперь село Анджелать, Бойовичи и городокъ Андриєвица):

	63 дом.	130 воин.
Божичи	80 »	200 »
Цепуны	47 »	100 »
Дьюличи.	33 »	67 »
Сеоце	40 »	190(?)»
Лугъ (Луги) . . .	60 »	130 »
	389 дом.	952 воин.

Въ Сеоцахъ чрезмѣрно увеличено число воиновъ; поэтому мы, чтобы уравнивать съ другими, убавимъ на 52 в. Тогда полу-

чимъ 900 в. Расчитавши 1 в. не на 4, а на 3 души, получимъ число 2700 д.; между тѣмъ какъ въ настоящее время во всѣхъ этихъ селахъ нѣтъ и 2000 душъ. Данныя М. Болицы находятся въ страшномъ противорѣчїи съ показанїями васоевичей, которые говорятъ, что въ то время только началось заселеніе тѣхъ мѣстъ, т. е. Нахи, васоевичами.

Радоници (въ Андриevićѣ) рассказываютъ, что, когда ихъ дѣдъ доселился въ Божичи, тамъ было только 8 домовъ; а это было не дальше, какъ въ концѣ прошлаго вѣка, да и теперь тамъ около 60.

Изъ этого видно, что тамъ было населеніе прежде васоевичей; но, что это было за населеніе и куда оно дѣвалось, о томъ народное преданіе ничего не знаетъ; а другого источника нѣтъ. Не удалось ли оно отъ турецкаго притѣсненія, и только тогда началось доселеніе васоевичей? По рассказамъ,¹ они поселяются тамъ, какъ на свободной, пустой землѣ.

О болѣе старомъ времени говорятъ, что тамъ жили когда-то *латины*; изрѣдка слышится имя — *мацуры*. Одинъ изъ Требчи такъ выразился: «Од Рим-папе, кад су били латини, овдѣн се нѣе орало, ни копало». Въ селѣ Забрдѣнъ есть *латинска-кула*, стѣны которой существовали до недавняго времени, и туда загоняли скотъ; тамъ же и кладбище, называемое латинскимъ. Кладбища есть и на другихъ мѣстахъ: на Пеѣ (высокая коса между Андриevićей и Конюхами) и выше Божичей подъ Вельнимъ-Кршемъ. Есть и на Радуновцѣ (поле между Андриevićей и цовою церковью), гдѣ теперь не видно никакихъ слѣдовъ, а прежде были надгробные камни, убранные оттуда при распашкѣ поля. Одну могилу раскопали и нашли въ ней скелетъ человѣка въ сидячемъ положенїи; но послѣ этого появилась какая-то болѣзнь, и потому съ тѣхъ поръ никто не смѣетъ больше копать.

О бокумирахъ же здѣсь нѣтъ и помина; только въ Горнихъ-селахъ, составлявшихъ по территорїи и администраціи одно съ васоевичами, но не населенныхъ ими, есть, говорятъ, нѣсколько семействъ, потомковъ бокумировъ, и еще въ Лужцѣ подъ Бера-

нами. Надобно замѣтить, что васоевичи никогда не терпѣли между собою *мноплеменника*. Пришельцы изъ другихъ племенъ могли селиться только по окраинамъ, на землѣ, не принадлежащей васоевичамъ. И такимъ поселенцамъ было имя *серблякъ*, къ которымъ васоевичи относились съ презрѣніемъ, и на сборищахъ, если случался серблякъ, надъ нимъ шутили и продѣлывали разныя проказы. Имя это и теперь существуетъ, хотя отношенія къ нимъ и измѣнились.

Заодно съ васоевичами всегда были всѣ сербы находившихся подъ турецкимъ господствомъ, а теперь соединенныхъ съ Черногоріей Полнимья, Шекулара и Великой, и остающихся до сихъ поръ турецкими Плавско-Гусинскаго округа и Горнихъ селъ, не говоря уже о васоевичахъ Беранскаго округа.

Въ Великой самое большое братство Рада Микича родомъ изъ Шалей (арнаутское племя, живущее въ горахъ Проклятыхъ) и они празднуютъ день св. Николая (6 дек.); а меньшее братство капитана Милеты Стаматова—черногорцы изъ Цеклина и славятъ Юрьевъ день (23 апр.).

Шекуларцы, по ихъ преданію, происходятъ изъ Лѣшанской нахіи, гдѣ и теперь ихъ село Шекуларъ; а выселились они отсюда прежде Косовской битвы, въ которой и были участниками. Нѣкоторые изъ шекуларцевъ говорятъ, что они отъ воеводы Ваймеша, который помогалъ Г. Костриоту отстаивать Крою противъ турокъ. Такое объясненіе могло возникнуть подъ вліяніемъ сказанія и пѣсни о Г. Костриотѣ, которая поется въ Васоевичахъ и въ которой упоминается въ числѣ соратниковъ Скендербега Амежа, племянникъ воеводы Мусы.

Къ Шекулару же причисляется и село Мезгале, въ которомъ 31 домъ васоевичей.

Васоевичи роднятся и съ арнаутами, и поэтому въ сказаніи о своемъ происхожденіи къ тремъ братьямъ присоединяютъ еще двухъ *Хота* и *Краса*, отъ которыхъ произошли Хоты и Крастенячи. Арнаутское преданіе, приведенное Гааномъ, утверждаетъ то же самое. Хоты пошелъ на Тробойну, а Красо на Дра-

гобию (обѣ мѣстности къ востоку отъ хребта Проклятыхъ по направленію къ Дьяковицѣ). Хоты долго держались своей народности и вѣры; потомъ однако уступили; но и до сихъ поръ остается до 20 семействъ, которыя остались православными христианами и говорятъ посербски. Крастеничи совсѣмъ сдѣлались арнаутами и магометанами; но признаютъ свое родство съ васоевичами и, когда придетъ къ нимъ васоевичъ, то принимаютъ его, какъ своего одноплеменника. А еще есть въ тѣхъ же предѣлахъ Албаніи племена: гаши, самое многочисленное въ томъ краю, которое считаетъ своими родственниками бѣлопавличей, и бериши въ Дукадинѣ, — въ родствѣ съ кучами. Самы бѣлопавличы объ этомъ родствѣ мало знаютъ; но это совпадаетъ съ тѣмъ, что они говорятъ о своемъ происхожденіи изъ Дукадина. Эти факты, еслибъ были болѣе точны, могли бы дать поводъ къ многимъ выводамъ и догадкамъ; но въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, они возбуждаютъ только интересъ къ изслѣдованію племенного состава тѣхъ краевъ Албаніи, гдѣ стоятъ Призренъ, нѣкоторое время столица Неманичей, Печь, гдѣ была сербская патріархія, и Высокіе Дечаны, великая сербская святыня. Когда-то здѣсь были сербская патріархія и столица Сербскаго царства и тогда, конечно, было и населеніе сербское, которое однако не долго держалось послѣ паденія царства: одни ушли отсюда, давъ просторъ арнаутамъ; другіе потомъ и сами поарнаутились. Вотъ почему нѣтъ ничего невѣроятнаго, что нынѣшніе бѣлопавличы, кучи и васоевичы когда-то вышли изъ этихъ краевъ, въ то время бывшихъ сербскими, а теперь представляющихъ собою гнѣздо арнаутъ, при томъ самыхъ жестокихъ противниковъ сербовъ и православія. Точныя изслѣдованія въ этихъ краяхъ, можетъ быть, откроютъ много фактовъ, какихъ мы и не предполагаемъ. Но это невозможно, покуда тамъ владѣтъ Турція.

Намъ остается теперь прослѣдить жизнь васоевичей на новыхъ мѣстахъ. Вся жизнь ихъ пошла на борьбу за существованіе. Кучи, племя давно уже окрѣпшее, сначала взяли верхъ надъ васоевичами, и въ этомъ имъ помогали турки. Но васоевичы от-

бывались и совершенно отбились; борьба однако не прекратилась и сопровождалась жестокими побойщами. Комъ называютъ «кровавымъ», и дѣйствительно онъ полить кровью; но кровь здѣсь проливалась не чужая, а братская. Не съ арнаурами бились сербы, а другъ съ другомъ.

И кромѣ кучъ, васоевичи бились со всѣми своими сосѣдями: съ братоножичами, ровчанами и морачанами; а когда усилился Колашинъ, съ колашинцами, о чемъ мы уже знаемъ. И, не смотря на то, что это племя позже другихъ доселилось, а потому было слабѣе всѣхъ, оно сумѣло отвоевать у кучъ значительную часть Кома, а у колашинцевъ—большую часть Бѣластицы. Для этого нужно было имѣть много духа и моральной силы, а также ума и искусства, какъ въ массѣ, такъ еще больше въ вождяхъ ея, между которыми дѣйствительно были замѣчательные люди.

Кромѣ этой борьбы со своею братіей, васоевичи постоянно бились съ сосѣдними турками въ Старой-Сербіи, къ которымъ, какъ мы уже замѣтили выше, сами же добровольно приблизились. Нападали турки на васоевичей, но нападали на нихъ и васоевичи и также подвинулись далеко впередъ. Отъ времени до времени дѣлало на нихъ нашествія и большое турецкое войско, предводимое пашами; отбивались однако васоевичи и отъ того; иногда впрочемъ терпѣли пораженія и подвергались при томъ обычнымъ опустошеніямъ. Но иногда и они побивали пашей и «сѣкли» имъ головы.

Кромѣ этихъ столкновеній съ сосѣдями и битвъ за свободу съ турецкимъ войскомъ, посылаемымъ на нихъ именемъ султана, они постоянно «четовали» (ходили съ разбойническими шайками) въ турецкихъ предѣлахъ: частью въ виду добычи, иногда просто изъ удали или изъ личной мести и для сведенія съ турками своихъ старыхъ счетовъ; а въ то же время мстя туркамъ за ихъ притѣсненія, чинившіяся тамошнимъ христіанамъ. Въ этихъ походахъ васоевичи шли очень далеко, проникали часто и въ Шумадію (нынѣшнее корол. Сербія). Бывали иногда цѣлыя экспедиціи, въ которыхъ принимали участіе и главари ихъ.

Сохранилась пѣсня объ одной подобной экспедиціи двухъ воеводъ изъ Трешнева Дѣки и Вуксана (Бойовичи изъ рода Раевичей), которые пригласили съ собою кучскаго воев. Радоню, Райковичъ-Батрича изъ Лѣвой-р., Балевиць-Павича изъ братоножичей (правнука воев. Пея Станоева) и еще «кряля Деду Клименачку главу».

Прежде всего они пограбили сосѣдній Бихоръ до Бѣлагополя, а потомъ отправились далѣе. Здѣсь пусть говоритъ самая пѣсня:

«Похараше Пештер и Сјеницу:
Прескочише на Јавор-планину,
Искочише Јелици-планини *).
Ту наѣоше Лауш-капетана,
ѣе хараше Шумадију равну;
И ту своје смвјешаше војске (т. е. соединились, чтобы
дѣйствовать вмѣстѣ).

Па да видиш невјерна Маджара!
Ту отрова војводу Радоњу.
Ту војводе растурише војску,
Кад им главна не стаде војводе».

Преданіе говоритъ, что отравленіе воев. Радони Лаушъ-капитаномъ произошло такъ: онъ взялъ яблоко, разрѣзалъ его пополамъ ножомъ, одна сторона котораго была намазана ядомъ, и эту отравленную половинку подагъ Радонѣ. Такимъ образомъ экспедиція разстроилась. Это было приблизительно въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в.

Но кто былъ этотъ маджаръ Лаушъ-капетанъ, какъ онъ попалъ въ Шумадию и зачѣмъ ему нужно было отравить главнаго предводителя васоевичей? Для рѣшенія перваго вопроса нужно заглянуть въ венгерскую исторію; а послѣднее заставляетъ предполагать, что оба предводителя не сошлись въ цѣляхъ и планахъ

*) Яворъ—на границѣ, а Елица—далеко уже внутри Шумадинъ близъ р. Моравы и Чачка.

експедиціи: Радоня пришель грабить и бить турокъ, какъ враговъ и притѣснителей тамошняго сербскаго населенія; а этотъ, очевидно, имѣлъ намѣренія совершенно иныя, противоположныя.

Дьека и Вуксанъ вполгѣдствіи погибли: первый какъ-то былъ захваченъ турками, отведенъ въ Печь и тамъ обезглавленъ; а Вуксана та-же участь постигла въ Скадрѣ. Кромѣ подобнаго рода экспедицій, съ такими цѣлями отправлялись въ Шумадію и простые арабашы (предводители шаекъ), какъ Марковичъ Милошъ, Дьиковичъ Милошъ, Лаушичъ Іованъ и др.

Удосужившись отъ сельскихъ работъ и собравшись съ силами, предводители эти набираютъ чету, а потомъ такъ разсуждаютъ, куда ударить:

«Али ћемо Плаву, ал' Гусињу?
Али ћемо Пећи, Дукађину?
Ал' крваву граду Колашину?
Али ћемо низа Шумадију?»

и рѣшаютъ въ Шумадію, при чемъ предводитель объясняетъ свое намѣреніе такъ:

«Потражићу пашу од Зворника;
Е, сам чуо и кажују људи,
Да је пашче умом побјеснило
И велики зулум учинило.
Обљубио триста ћевојака
Су његове тридесет дахија;
Родило се триста коплади.
Па сам чуо и кажују људи,
Ће не смију ћецу покрстити
Од силнога паше од Зворника.
Оће, цуре ћецу да му њиве,
Па да ћецу узме у дахије,
Да и они силни зулум граде
По Србији и по Шумадији.

А ја више то слушат не могу,
 Што од срба веље јаде граде
 И муке им велике задају.
 Жив не био, е га нећу наћи
 И ш њим ћу се наћи поздравити».

При такой подготовкѣ въ прошломъ, васоевичи, лишь только слышали о возстаніи Карагеоргія, тотчасъ устремились подъ его знамена. Когда Карагеоргій былъ подъ Сѣницей, къ нему прибыло цѣлое войско васоевичей, и онъ роздалъ имъ до 10 шелковыхъ знаменъ, которыя до недавняго времени хранили получившія ихъ семейства; но теперь не найдешь ни одного. Когда Карагеоргій долженъ былъ оставить Сѣницу, чтобы отправиться на другой край Сербіи, нѣсколько изъ его соратниковъ, думавшихъ, что можно овладѣть Сѣницей, увидѣвъ невозможность, ушли въ Васоевичи. Между этими былъ Хаджи-Проданъ, который послѣ воротился домой черезъ Черногорію и моремъ.

Война Карагеоргія съ турками произвела сильное впечатлѣніе на васоевичей; они поютъ о ней съ прибавленіями, которыя неизвѣстны въ печатныхъ гѣсняхъ; и часто старые люди, вспоминая что либо, прибавляютъ; «то је било караѣорђево *нараде*» (военный походъ), изъ чего видно, что это время осталось для нихъ памятнымъ.

Изъ всей исторіи васоевичей видно, что они имѣли тяготѣніе къ Сербіи, которой они желали освобожденія отъ турокъ и помогали ей въ томъ. Потомъ, когда Сербія освободилась, прежнее тяготѣніе съ характеромъ политическимъ усилилось вслѣдствіе условій экономическихъ. Они стали искать въ ней пропитанія, какъ для себя, такъ и для своего скота; иные же, не имѣя средствъ къ жизни дома, совсѣмъ переселились туда.

Но въ то же время стала подниматься и Черногорія: всюду оглашались ея побѣды надъ турками; съ нею соединились всѣ племена вплоть до васоевичей; тогда многіе и изъ нихъ стали ходить на Цетинье, при чемъ они видѣли тамъ полную свободу и

сербскую гордость. Это было подготовкою для ихъ присоединенія къ Черногоріи.

Въ то время у васоевичей были уже воеводы, которые стали помышлять объ освобожденіи своего племени отъ турокъ, и тогда же появился замѣчательный человѣкъ, игумень монастыря «Георгіевы Столпы» Моисей, человѣкъ необыкновеннаго ума, неустрашимаго духа, предприимчивый и рѣшительный. Пользуясь огромнымъ влияніемъ на свое племя (онъ былъ изъ рода Міомановичей, изъ котораго съ тѣхъ поръ ставятся всѣ игумены этого монастыря), онъ дѣйствовалъ противъ турокъ безо всякой оглядки и наконецъ попалъ въ такое положеніе, что долженъ былъ удалиться въ Черногорію, гдѣ былъ отлично принятъ на Цетиньѣ влад. Петромъ I, доживавшимъ тогда свои послѣдніе дни, но до самой смерти думавшимъ и заботившимся о Черногоріи и цѣломъ Сербствѣ. Здѣсь Моисей долженъ былъ усвоить политическую идею и съ нею мысль о соединеніи васоевичей съ Черногоріей.

По смерти владыки Петра I, при его наслѣдникѣ Петрѣ II Моисей сдѣлался однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ этого новаго и очень юнаго правителя черногорскаго народа. Они сдѣлались друзьями; молодой владыка повѣрялъ ему нѣкоторыя миссіи, которыя были очень важны и требовали глубокой тайны, потому что въ противномъ случаѣ Черногоріи угрожала большая опасность. Въ то время у нихъ созрѣла мысль, усвоенная Моисеемъ отъ предшествовавшаго владыки, о присоединеніи Васоевичей къ Черногоріи, и, преданный этой мысли, игумень Моисей, воротившись домой, сталъ работать для ея осуществленія. Подъ его влияніемъ тогдашній васоев. воевода Симо, прото Гавріилъ и другіе главари прониклись тою же идеей и вообще всѣ васоевичи склонились къ Черногоріи.

Въ то же время молодой барьяктаръ изъ Лѣвой-р. Миланъ Вуковичъ также сталъ ходить на Цетинье къ владыкѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ, но успѣвшій уже въ то время показать доблесть военную, умъ и энергію. Впослѣдствіи онъ сдѣлался воеводою и умеръ только недавно, переживши много тяжелыхъ

временъ но дождавшись освобожденія отъ турокъ, по крайней мѣрѣ, половины васоевицкаго племени.

При влад. Петрѣ II васоевичи, хотя не формально, совершенно присоединяются къ Черногоріи; а при князѣ Данилѣ въ 1852 г. прибылъ въ Васоевичи Крцо Петровичъ и поставилъ тамъ судъ и главарей именемъ Черногорскаго князя.

Правда, это навлекло на васоевичей гнѣвъ Турціи и было причиною боя въ Полимѣ въ 1854 г. съ тяжелыми послѣдствіями для васоевичей; но въ 1857 г. окончательно княземъ поставлены капитаны (5 для Нахій и 1 для Горнихъ селъ); а въ 1858 г., послѣ битвы на Граховцѣ, прибыла для разграниченія Черногоріи съ Турціей смѣшанная европейская комиссія, по рѣшенію которой значительная часть Нахій отошла къ Черногоріи. Такъ васоевичи добились своего.

Мы до сихъ поръ говорили только о битвахъ съ турками; но ничего не сказали объ отношеніяхъ въ мирное время. Само собою разумѣется, что всѣ васоевичи, кромѣ Лѣвой-р., считались данниками султана. Но дань эта иногда не взималась по нѣскольکو лѣтъ, а потомъ требовалась за всѣ годы сразу. Народъ не платилъ; противъ него посылалось турецкое войско, которому иногда удавалось что нибудь взять силой: отогнать скотъ, разграбить имущество, отвести многихъ въ плѣнъ, чтобы потомъ получить выкупъ; а иногда войско возвращалось и безъ всякаго успѣха.

Подобныя отношенія у васоевичей были и къ ихъ агамъ, т. е. господамъ, на землѣ которыхъ они сидѣли. Обыкновенно они давали агамъ изъ своихъ произведеній, главнымъ образомъ: масло, сыръ и медъ; а иногда и не давали. Но вообще отношенія эти были добрыя, потому что сами эти аги были «хаси», т. е. не признавали надъ собою никакой власти и потому защищали васоевичей отъ турецкихъ чпновниковъ, которые туда и не смѣли показываться.

Потурченцевъ среди нихъ не было до новѣйшаго времени; но вдругъ появился изъ васоевичей же необыкновенный человѣкъ Перо Фата или Фатичъ, который принялъ магометанство и сдѣ-

лся его фанатичнымъ проповѣдникомъ. И проповѣдь его имѣла успѣхъ. Онъ однако потомъ возвратился къ христіанству и увлекъ за собою остальныхъ потурченцевъ. Личность эта феноменальная, и о ней рассказываютъ много загадочнаго, только намъ здѣсь не мѣсто о томъ распространяться (онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ). Но остались потурченцы въ окрестности Беранъ, особенно въ селѣ Нижней-Аржаницѣ, гдѣ было сильное братство Рамусовичей, которые дѣлали большія насилія христіанамъ. Поэтому, когда въ Васоевичахъ были поставлены отъ Черногоріи капитаны и перяники, имъ поручено было постараться какъ нибудь обратить въ христіанство и этихъ потурченцевъ.

Не откладывая дѣла, эти ставленники Черногоріи въ январѣ 1858 г. объявили, что всѣ потурченцы, которые не примутъ христіанства, попадутъ подъ ножъ; и посланы были перяники, чтобы всѣхъ ихъ согнать на Аржаницу, гдѣ и должно было произойти крещеніе. И дѣйствительно всѣхъ ихъ безъ различія пола и возраста крестили подъ открытымъ небомъ въ р. Лимѣ, не смотря на зиму. Всего крещено было до 250 чел., въ томъ числѣ и Рамусовичи.

Но, крестившись изъ страха передъ силой, турки тотчасъ отступились, какъ только увидѣли, что сила эта въ дѣйствительности не существуетъ, и этотъ насильственный актъ поселилъ еще большую вражду магометанъ къ христіанамъ, давши только случай главарямъ похвастаться своимъ усердіемъ передъ черногорскимъ правительствомъ.

Мы, можетъ быть, слишкомъ много задержались на племени васоевичей. Но къ тому побудила насъ оригинальность этого племени, отличающая его отъ другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Черногоріи. Оригинальность эту мы усматриваемъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, удержавшемъ въ самомъ чистомъ видѣ родовой бытъ, и въ ихъ стремленіи къ востоку, навстрѣчу своему врагу, отъ котораго бѣжали, и въ цѣлой ихъ исторіи.

Мы видѣли, какъ это племя нѣскольکو столѣтій боролось со враждебными и чуждыми ему силами за свое существованіе и за сохраненіе своей индивидуальности, не имѣя нигдѣ ни малѣйшей опоры, и вышло изъ той борьбы съ полною побѣдой. Въ исторіи словянскихъ народовъ это — рѣдкое явленіе, которое можно объяснить только по догадкамъ.

Съ одной стороны этому помогли обстоятельства внѣшнія и матеріальныя: свобода, которою они пользовались, благодаря неприступности ихъ положенія подъ защитою величественнаго Кома; и экономическое благосостояніе, которое давали имъ богатства природы; а когда спустились въ Нахию, имъ помогли добрыя отношенія къ ихъ агамъ, защищавшимъ ихъ противъ турецкихъ чиновниковъ, чтобы самимъ владѣть ими; но послѣ противъ нихъ были и эти аги, и турецкое правительство, и они все таки выдерживаютъ.

Тутъ по нашему мнѣнію дѣйствовали обстоятельства не внѣшнія и матеріальныя, а чисто моральнаго характера, заключавшіяся въ нихъ самихъ, въ ихъ духовномъ и нравственномъ состояніи.

Племя это, тронувшись изъ своего отечества, было полно воспоминаній о славѣ Сербскаго царства и его святыняхъ, памятникахъ славныхъ сербскихъ мужей, работавшихъ въ области вѣры, просвѣщенія и вообще культуры. Мы еще прежде обратили вниманіе на ихъ движеніе по направленію къ этимъ славнымъ памятникамъ, и они достигли того, къ чему стремились. Они дошли до Георгіевыхъ-Столповъ, гдѣ была каеэдра одной изъ старѣйшихъ сербскихъ епископій и съ которою вяжутся имена Немани и св. Саввы. Тутъ же находится Будимле, бывшее нѣкоторое время столицею Стефана Уроша III Дечанскаго. Не далеко также находятся Печь и Дечаны. Эти монастыри съ великолѣпными церквами и другія мѣста и памятники стараго Сербскаго царства и сербскаго благочестія своимъ чисто духовнымъ вліяніемъ будили и поддерживали въ васоевицкомъ племени сознаніе народности и глубокое чувство православной, сербской народной

вѣры, и давали ему силу и устойчивость, съ какими оно въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ выдерживало напоръ магометанства и арнаутскаго элемента. Эти памятники, такъ краснорѣчиво напоминающіе сербу его исторію, и соединенныя съ ними преданія связывали васоевичей съ самымъ старымъ прошлымъ этого края. Церковь съ ея служителями и историческія воспоминанія, которыя народъ носилъ и хранилъ въ своей груди, какъ самый святой залогъ, укрѣпляли васоевичей и помогли имъ сохранить свою свободу и независимость.

Какъ самостоятельно, безъ всякой посторонней опоры и помощи васоевичи выдержали борьбу со враждебными имъ элементами, такъ же самостоятельно они кинулись въ объятія родной имъ Черногоріи и стали подъ защиту черногорскаго орла, который, послѣ паденія Зетскаго государства, успѣлъ отростить свои крылья въ неприступныхъ скалахъ Ловчена, подъ благословеніемъ цетинскаго монастыря и владыкъ, святыхъ труженниковъ во имя вѣры и народности *.

13. Баръ и Ульцинь.

Что касается перваго, то сербское населеніе его большею частію прибыло туда одновременно съ цѣлымъ Приморьемъ, съ которымъ и держалось въ постоянной связи; тогда какъ отъ Черногоріи и прежде отъ Зеты всегда отдѣлялось, подчиняясь сильному вліянію съ моря Венеціи. Поэтому здѣсь давно уже завладѣлъ католицизмъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что нѣкоторыя фамиліи есть и италіанскаго происхожденія, какъ напр. Терцета; а фамилія Дьокичей—изъ Крапны, гдѣ они назывались Юнки и

*) Болѣе полный матеріалъ для исторіи Васоевичей и историч. нѣсни см. нашу статью «Графа за исторію Васоевића» «Нова Зета» 1889 г. №№ IV, VI, IX, X, XI и XII; а объ отношеніяхъ ихъ къ Черногоріи, объ игуменѣ Моисеѣ и самозванномъ князѣ васоевицкомъ Николѣ, см. наше же соч. «Петръ II влад. Черног.» 1889 г., стр. 37—39, 129—139.

имѣли дипломы отъ сербской кралицы Елены. Въ окрестностяхъ Бара Микулича, говорятъ, пришли туда изъ Бѣлицъ (Катун. нах.) изъ села того же имени (подъ Ставоромъ), гдѣ были потурченцами и потому, послѣ истребленія магометанства въ цѣлой Черногоріи, не могли тамъ оставаться. Мркоевичи тоже изъ Черногоріи, по однимъ изъ Цермницы (гдѣ и теперь ихъ церковь св. Петка Граболянска), по другимъ изъ Пиперь (с. Мрке). Вѣрнѣе однако, что и ихъ населеніе составилось изъ различныхъ мѣстъ. Много тамъ и цермничанъ, доселившихся туда отъ нужды, а частью, какъ и въ другихъ мѣстахъ, бѣжали отъ крови, т. е. убившій когонибудь долженъ былъ спастись отъ мести.

Послѣдняя причина играла весьма важную роль въ доселеніяхъ изъ различныхъ мѣстъ и по всей Черногоріи *.

Хребетъ Можура, составляющій территоріальную границу между округами Бара и Ульцина, представляетъ собою такую же границу и этнографическую, на что мы указывали въ историч. отдѣлѣ (Т. I, стр. 482).

Округъ Ульцина представляетъ собою уже арнаутскую область, только теперь населяющуюся сербскимъ элементомъ.

*) См. Нови податци за opis и историју Мркојевића (у Барском окружју). М. Пламенца съ нашимъ предисловіемъ и прижѣчаніями въ сноскахъ. («Просвѣта» 1894 г., №№ VI и VII).

II. ПЛЕМЯ

(его сущность, отправленія и организація).

1) Общее заключеніе о племенномъ составѣ.

Изъ всего вышесказаннаго мы ясно видимъ, что въ сербскомъ населеніи, съ VII-го вѣка основавшемся на Балканскомъ полуостровѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ на земляхъ, гдѣ впоследствии образовалось Зетское государство, было нѣсколько наслоеній и, кромѣ того, оно подвергалось различнымъ вліяніямъ.

Для одного изъ нихъ, самаго стараго, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ историческихъ указаній и можемъ судить о немъ только по общему ходу распространенія сербскаго племени на Балканскомъ полуостровѣ. Двигаясь впередъ вмѣстѣ съ хорватами, сербы заняли прежде всего сѣверо-западную его часть и стали распространяться по Адриатическому побережью, вытѣсняя аварь и мѣшаясь съ такъ называемыми латинами, колонистами Рима. При этомъ на самомъ югѣ они встрѣчали остатки албанцевъ, еще прежде оттѣсненныхъ въ горы греками и римлянами.

Что касается Черной-Горы собственно, составляющей высокое горное плато Приморскаго хребта, то она безъ сомнѣнія составляла одно цѣлое съ Приморьемъ и служила его населенію катунами, т. е. мѣстомъ для пастбищъ скота, а частью и для земледѣлія.

Одновременно шло заселеніе и собственно Зеты, т. е. обширной равнины отъ р. Бояны и Скадарскаго озера внутрь материка по долинѣ р. Зеты — двумя путями: съ юга изъ того-же Приморья и съ сѣвера отъ Босніи, Захолміи и Травунии.

До X ст. и еще раньше эти края были окончательно заселены сербскимъ племенемъ и въ нихъ началась ихъ политическая жизнь, которая въ XI ст. была уже настолько развита, что отсюда дается толчекъ объединенію сербскаго народа въ одну великую державу.

Вначалѣ это населеніе не могло собою представлять особенныхъ, рѣзко различающихся между собою этнографическихъ типовъ; но въ продолженіи 6 — 7 столѣтій должны были сформироваться особые типы подъ вліяніемъ различной мѣстности и столкновенія съ различными этнографическими элементами: въ горахъ съ албанскимъ, въ равнинахъ съ римскимъ и греческимъ, а по краямъ Адриатики, можетъ быть, и съ народами сѣвероафриканскаго побережья.

Мы однако не можемъ составить себѣ никакого понятія объ этихъ разновидностяхъ тогдашняго сербскаго населенія; знаемъ только, что это былъ первый слой, отъ котораго до сихъ поръ существуютъ остатки вездѣ, иногда сузившіеся на два-три дома, но тѣмъ не менѣе еще и нынѣ отличающиеся позднѣйшими доселенцами.

Второй слой составляютъ доселенія, вызванныя паденіемъ Сербскаго царства и главнымъ образомъ происшедшія во второй половинѣ XV в., когда окончательно пала самостоятельность Босніи и Герцоговны, и Зета осталась единственнымъ убѣжищемъ свободнаго сербства.

Доселеніе это происходило массами, и потому старожилы

скоро оказались въ меньшинствѣ. Изъ исторіи отдѣльныхъ племенъ мы видѣли, какія отношенія были между старожилыми и новыми доселенцами, причемъ послѣдніе одерживаютъ верхъ, а въ концѣ концовъ къ низведеннымъ до *minimum*'а жалкимъ остаткамъ стараго населенія позволяютъ себѣ относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, давая имъ особыя, не принадлежавшія имъ имена, какъ: мацурь, жудели, шпани, бокумиры; и сочиняя о нихъ небывалыя исторіи: то они перебились между собою и такимъ образомъ сами себя уничтожили, то подверглись проклятію и потому не размножаются.

Истины въ этихъ преданіяхъ очень мало, а иногда и вовсе нѣтъ; въ нихъ сказывается только крайняя исключительность, существующая вообще въ сербскомъ характерѣ, которую, мы прослѣдимъ еще при разсмотрѣніи внутренней жизни племени. Въ дѣйствительности же эти старожилы, какъ мы уже замѣчали выше, не уступали ни въ чемъ новымъ доселенцамъ, кичащимся передъ ними своими военными доблестями: старожилы эти помогли Неманѣ одолѣть грековъ, и съ ними Неманичи создали сербскую державу; да и потомъ они нисколько не уступали и въ наставшей борьбѣ съ турками и, какъ мы видѣли, не смотря на беззащитность Зеты, до конца не поддавались имъ и не отуречились, какъ то случалось съ новыми доселенцами.

Еслибы повѣрить народному преданію, мы здѣсь должны бы были признать то же самое, что вообще совершается при столкновеніи культурныхъ народовъ съ низшими народностями, т. е. постепенное уничтоженіе послѣднихъ. Но и самое это явленіе значительно модифицируется тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что къ уничтоженію ведутъ не культурныя причины, а обстоятельства побочныя; то, что цивилизованные пришельцы вносятъ въ среду нецивилизованныхъ развратъ и болѣзни, а иногда прямо употребляютъ насилія надъ ними. Въ нашемъ же случаѣ этого не было и не могло быть. Старожилы нисколько не представляли собою болѣе слабаго элемента ни въ какомъ отношеніи, и потому между старыми и новыми должно было тотчасъ начаться смѣшеніе,

тѣмъ болѣе, что браки вообще у сербовъ въ одномъ племени не допускались, а изъ другихъ мѣстъ брать было не откуда, такъ какъ они находились во власти турокъ.

Можно не сомнѣваться въ томъ, что новые поселенцы, храня свои семейныя преданія и обособляясь родами и братствами, помнятъ, что они разнились отъ старожиловъ; но преданія эти путаются уже за 200 л. назадъ, а за 300 и вовсе замѣняются сочиненными въ позднѣйшее время, какъ исторіи объ Озрѣ, Пипѣ и Васѣ, о князѣ Грдѣ въ Банянахъ, о Бѣломъ Павлѣ и т. д. Нѣкоторыя однако семейства старожиловъ удержали свои старыя прозвища, съ какими они были еще во времена Ивалбега, какъ Пуношевичи, Лучичи и Богдановичи на Нѣгушахъ, Борилловичи въ Байцахъ, Даниловичи или Сандичи, Сѣничичи, Пргомеличи и Тьировичи въ Морачѣ, и т. д. Въ Лѣшанской нахіи сохранились отъ того отдаленнаго времени цѣлыя села или братства, какъ Релеза, Куница и Метили. Но развѣ могло просуществовать въ продолженіи болѣе чѣмъ четырехъ столѣтій какое бы то ни было братство — не говоримъ уже объ отдѣльныхъ семействахъ — безъ взаимнаго смѣшенія съ другими, неродственными имъ?

Особенное имя, сохранившееся отъ глубокой старины, въ этомъ случаѣ нисколько не доказываетъ особенности происхожденія. Подъ старыми именами могутъ жить элементы новые. Приняли же пришельцы изъ Босніи и Герцеговины имена: Нѣгушей по селу, которое они застали и въ которомъ поселились; Озриничей по тому племени, въ которое вступили пришельцы; то же самое и Бѣлонавличичи; сохранились также имена мѣстностей, гдѣ жили Малюшичичи и Мазничичи.

Есть одинъ фактъ любопытный въ этомъ отношеніи. У всѣхъ черногорскихъ племенъ существуетъ обычай, что браки не заключаются внутри племени; исключеніе составляли только Озриничичи, у которыхъ прежде заключались браки преимущественно въ своемъ племени. Не отъ того-ли это произошло, что пришельцы тотчасъ стали вступать въ брачныя союзы съ найденными ими

на мѣстѣ старожилами, съ которыми, само собою разумѣется, не могли состоять ни въ какомъ родствѣ? Такія отношенія существовали, конечно, всюду, и смѣшеніе должно было произойти тотчасъ же.

Если мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, откуда и какимъ путемъ пришли старожилы, то относительно доселенцевъ позднѣйшаго времени вездѣ имѣется народное преданіе, а иногда и болѣе опредѣленные указанія исторіи и археологій. Все это мы изложили въ первой главѣ; здѣсь же все сообщенное тамъ и разбросанное постараемся сгруппировать, чтобы сообразно съ тѣмъ отнести къ тому или другому типу происшедшее изъ того населеніе.

Вся Катунская-нахія получила своихъ доселенцевъ изъ Босніи и Герцеговины, которые однако пришли изъ своего отечества не прямо, а по дальнему пути, заходили иногда далеко на западъ, до Далмаціи и останавливались на болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ нѣгушскіе доселенцы стояли нѣкоторое время подъ Нѣгошемъ—планиной въ Герцеговинѣ, что и дало имъ основаніе думать, что оттуда и ихъ имя; съ ними также стояли Церовичи, отселившіеся оттуда еще позже и потому усвоившіе отъ планины Церовицы свое имя, съ которымъ пришли въ Дробняки; Врбицы, живущіе на Нѣгушахъ и доселившіеся туда вмѣстѣ съ Ераковичами, стояли нѣкоторое время въ мѣстности Врбицѣ, на краю Гацка; братства [Кривокапичи въ Цуцахъ и Мартиновичи въ Байцахъ пришли изъ-подъ Орлиной въ никшицкой Дугѣ; часть загарчанъ и бѣлицъ съ Чарады тамъ-же; дольнекрайцы на Цетинскомъ-полѣ изъ-подъ Стараго-Влаха въ Старой Сербіи; въ Цермницѣ Пламенцы считаютъ свой родъ изъ Босніи, а стояли они долго въ Благаѣ близъ Мостара; большинство же цермничанъ считаетъ себя васоевичами; часть люботинянъ изъ Босніи и Сербіи. Начиная съ Рѣцкой-нахиі къ востоку и сѣверо-востоку, доселенія шли изъ Старой-Сербіи, въ позднѣйшее время претворившейся въ Албанію, или съ юго-востока, гдѣ теперь настоящая Албанія. На Цеклинѣ главные роды изъ Климентъ, въ

Лѣшанской-нахін изъ Лѣша (Alessio) и въ Цермницѣ одинъ родъ Дьоновичей изъ Мирдигъ; шиперы изъ-подъ Шара-планины за Призреномъ; бѣлопавличи изъ Дукадьина; часть кучъ изъ той-же мѣстности; васоевичи откуда-то изъ Старой-Сербіи, между Призреномъ и Печью, гдѣ ихъ родственниками считаются албанцы крастеничи, но имѣли станцію въ Фочѣ.

Рядомъ съ этимъ изрѣдка появлялись доселенія и изъ Приморья. Такъ, Дольніе-Кокоты считаютъ свое происхожденіе изъ Грбля, Прли и Шабаны на Люботинѣ изъ Мркоевичей (близъ Бара), Дрецуны и Пеаковичи изъ Паштровичей. Въ Цермницѣ постоянно происходило смѣшеніе съ Приморьемъ; а частью то же самое происходило и въ остальныхъ частяхъ Катунской-нахін. Относительно нѣгушскаго села Мирца М. Болица опредѣленно говоритъ, что оно населено изъ Обода (въ Приморьѣ). Наконецъ Черногорія постоянно принимала къ себѣ ускоковъ изъ различныхъ странъ.

Но, кромѣ доселеній извнѣ, происходили перемѣщенія и внутри той области, которая теперь составляетъ Черногорію. Въ этомъ отношеніи отличаются два племени — озриничи и кучи: первые разселились въ Банянахъ, Команахъ, Морачѣ и др.; вторые — на Граховѣ, Цуцахъ, въ Банянахъ (въ Великомъ братствѣ Милоевичей), въ Пѣшивцахъ (Витасоевичи) и въ Морачѣ (Брауновичи), не говоря уже о населенной ими же Подгорицѣ.

Самую пеструю смѣсь населенія изъ различныхъ мѣстъ представляетъ Затрѣбачъ, а затѣмъ Мркоевичи (близъ Бара). Въ Ульцинѣ есть нѣсколько семействъ изъ Требинья, Васоевичей и Паштровичей, а главное, арнауты изъ различныхъ мѣстъ Албаніи и берберы съ сѣверныхъ береговъ Африки.

Указывая какого рода этнографическіе типы и элементы входили путемъ доселенія въ то или другое племя, мы имѣемъ въ виду уяснить себѣ, какой типъ долженъ выработаться изъ цѣлой совокупности этихъ племенъ, призванныхъ наконецъ слиться въ одно цѣлое, въ одинъ народъ подъ вліяніемъ всесторонне объединяющаго дѣйствія Черногоріи.

Въ этомъ отношеніи важно опредѣлить, насколько въ это чисто сербское населеніе вошли чуждые элементы, между которыми прежде всего обращаетъ вниманіе албанскій. Что касается сожителства поселившихся на новыхъ мѣстахъ сербовъ съ албанцами туземцами въ самое старое время, то врядъ-ли оно могло оставить какіе либо слѣды, потому что они жили разсѣянно по горамъ, какъ пастухи, и всюду безъ борьбы отступали передъ культурными жителями Приморья и становились все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ усиленія въ ихъ области Сербскаго царства. Но съ наденіемъ послѣдняго они снова приходятъ въ силу, какъ магометане, подъ щитомъ Турціи и, какъ католики, подъ покровительствомъ Рима, Италіи, Венгріи, а послѣ и Франціи. Это произвело громаднѣйшій этнографическій переворотъ, какъ въ глубинѣ Балканскаго полуострова, такъ и въ южной части Адриатическаго Приморья и въ восточной и южной частяхъ Зеты. Больше всего это отразилось на кучахъ, которые сдѣлались наполовину албанцами, тогда какъ хоты, груды и другія поселенія въ окрестностяхъ Скадра совсѣмъ превратились въ албанцевъ. Сильное албанское вліяніе было на Баръ съ его округомъ и на Цермницу съ Крайной, особенно на послѣднюю; частію оно должно было отразиться въ области Рѣки-Черноевича и вверхъ по Зетѣ. Вліяніе это, можетъ быть, и сказывается кое въ чемъ, въ нравахъ и обычаяхъ, нѣсколько отличающихъ эту часть Черногоріи отъ другихъ, особенно отъ герцеговинскихъ краевъ.

Затѣмъ должно быть вліяніе турецкое, но не прямо азіатскихъ турокъ, а потурченцевъ, и теперь живущихъ въ Черногоріи. Ихъ вліяніе на языкъ заключается въ заимствованіи многихъ словъ, особенно относящихся къ домашнему обиходу и скотоводству; а частію, можетъ быть, отразилось и на самомъ міровоззрѣніи, и не ограничивалось одною только восточною половиною Черногоріи, но проникало въ нее съ запада и съвера изъ Герцеговины.

Наконецъ близкія къ морю части многое усвоили отъ италіанцевъ, господствовавшихъ надъ Приморьемъ.

2. Опредѣленіе, что такое племя; его главныя функціи; раздѣленіе на братства и расположеніе населенія по мѣстамъ.

Въ настоящее время понятіе о племенѣ часто смѣшивается съ понятіемъ о территоріи, заселенной жителями различнаго происхожденія. Напримѣръ, племя Нѣгуши состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ совершенно различнаго происхожденія: Ераковичи и Ранчевичи прибыли въ одно время изъ Босніи или Герцеговины и считаютъ своими предками двухъ братьевъ Ерака и Ранча; Врбицы тоже изъ Герцеговины, но съ первыми не состоятъ ни въ какомъ родствѣ; тамъ-же есть старожилы Богдановичи, Лучичи, Пуношевичи, о которыхъ совершенно ничего неизвѣстно, когда и откуда пришли; мирчане (с. Мираць) доселились изъ Приморья. То-же самое представляютъ: Цеклинъ, Люботинъ, Цуцы, Кучи, Пиперы и др. Это и дало поводъ г. Богишичу сказать, что «Племя имѣетъ больше значеніе территоріальное, чѣмъ родственное» *). И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя группы, какъ лѣшняне, и не называютъ себя племенемъ, а Лѣшанская нахія, или же территоріальнымъ именемъ Цермница, Загарачъ, Команы и т. д. Дѣленіе на нахіи принято и правительствомъ, при чемъ въ одну нахію соединяются группы, крайне удаленныя одна отъ другой, какъ происхожденіемъ, такъ и пространствомъ и историческими судьбами; напр. Никшицкая н. вмѣщаетъ въ себѣ Грахово, Никшичь съ окруженіемъ, Дробняки, Банянь, Пиву и двѣ Рудины. Тѣмъ не менѣе народъ называетъ племенемъ и группы съ населеніемъ различнаго происхожденія; слѣдовательно онъ до сихъ поръ не разстается съ понятіемъ о племенѣ, хотя иногда фиктивнымъ. И кромѣ того, если въ большей части населенія цѣльность племенѣ, подъ вліяніемъ принятія въ его среду различныхъ пришлыхъ элементовъ, и нарушена, то вездѣ крѣпко держатся братство и родъ, составляющіе:

*) Sbornik zadaša. pravn. obič., стр. 514.

основную единицу племени и главных факторовъ въ народной жизни, семейной и общественной. Поэтому мы, приступая къ разсмотрѣнію народной жизни, прежде всего должны опредѣлить, что такое племя.

По народному понятію племя представляет собою извѣстное населеніе, которое произошло отъ одной семьи или даже отъ одного лица. На этомъ основномъ убѣжденіи и создались въ народномъ понятіи преданія о родоначальникахъ различныхъ племенъ, какъ Озро, Васо, Пипо, Бѣлый-Павель и т. д. На основательность такого понятія указываютъ патронимическія названія племенъ. Здѣсь можетъ быть фикція въ томъ, что имя найдено готовымъ на мѣстѣ, гдѣ поселились пришельцы, какъ то мы видѣли относительно озриничей и бѣлопавличей, при чемъ въ первомъ случаѣ пришельцы приняли имя племени, среди котораго поселились; а во второмъ патронимическое имя относится не къ родоначальнику, а къ господину той области Белѣ Павлимиру. Въ такихъ случаяхъ можно предположить, что группа населенія назвалась не по родоначальнику, а по своему предводителю, и потому племя могло составиться изъ родовъ не одного происхождения *). Это однако не возможно по духу черногорскаго народа, который даже теперь, когда племенной бытъ уступаетъ государственному, не терпитъ главара изъ другого племени. На томъ-же основаніи Миклошичъ отвергаетъ иностранное происхожденіе династїи Бальшичей (Die Serbischen Dynasten) вопреки мнѣнію сербскаго историка Ч. Міатовича, который на основаніи иностранныхъ источниковъ выводитъ ихъ изъ провансальскаго дома de-Baux (множ. ч. отъ Bals). Хотя въ этомъ случаѣ первый Бальша являлся господаремъ цѣлой Зеты, а не предводителемъ племени, притомъ находился въ родствѣ

*) М. Ковалевскій говоритъ: «Родъ происходитъ не отъ одного лица, а отъ удачника; а послѣ всѣхъ связываютъ экономическіе интересы и единство культа. — Отъ одного рода только семейная община (задруга)». Первобытное право, вып. I, стр. 86. То-же самое см. у Э. Петри (Антропология, стр. 486—87) о смѣшанныхъ кланахъ.

съ Неманчичами и посаженъ былъ сильною рукою Стефана Душана.

Къ сожалѣнiю относительно всѣхъ племенъ Черногорiи мы имѣемъ только народныя преданiя, не опирающiяся на какiе либо историческiе факты и нерѣдко совершенно имъ противорѣчащiя. Единственно слѣды исторической основы существуютъ относительно васоевичей въ археологической находкѣ, надгробномъ памятникѣ князю ихъ въ Фочѣ, который, очевидно, былъ ихъ предводителемъ, и если не былъ родоначальникомъ, давшимъ имъ свое имя, то во всякомъ случаѣ по племени былъ васоевичъ.

Въ предшествующей главѣ мы достаточно показали, что племя это, поселившись на новыхъ мѣстахъ подъ Комомъ, размножилось отъ весьма малой группы, отъ одного рода или, можетъ быть, отъ одной сложной семьи, задруги, что подтверждается ихъ весьма прочно сохранившейся генеалогiей. То-же самое мы видимъ у бѣлопавличей, принявшихъ только чужое имя, и у кучъ Дрекаловичей.

Можно бы еще допустить, что племя добровольно принимало къ себѣ чужiе элементы, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться болѣе многочисленнымъ и сильнымъ. Э. Петри на основанiи другихъ этнографовъ, наблюдавшихъ жизнь австралiйскихъ племенъ, отмѣчаетъ «легкость, съ какою первобытные люди принимаютъ въ свой *кромный союз* чужеземцевъ, зачастую даже совершенно отличныхъ отъ нихъ по происхожденiю» (Антроп., 438). Но аналогiя въ этомъ случаѣ неумѣстна, потому что черногорскiя племена, сохранившiя, правда, многiя черты первобытнаго народа, мы застаемъ давно уже вышедшими изъ первобытнаго состоянiя и пережившими довольно значительную культурную степень. И на самомъ дѣлѣ оказывается совершенно противоположное.

Озриничи, пиперы и васоевичи, живя фикциею, что они всѣ происходятъ отъ трехъ братьевъ, встрѣчаясь, привѣтствуютъ другъ друга словами: «О, мой родо!», т. е. родственникъ; это называется *радыжати се*. И въ силу этого они симпатизируютъ другъ другу и въ нуждѣ всегда оказываютъ взаимную помощь.

Въ силу той-же фикціи васоевичъ встрѣчаетъ самый радушный пріемъ среди албанскаго племени крастеничей и пользуется безопасностію среди арнаутъ, жесточайшихъ противниковъ Черногоріи; точно такъ и крастеничь пользуется самымъ широкимъ гостепрїимствомъ и почетомъ, прїидя къ васоевичамъ. Но тѣ-же васоевичи совсѣмъ иначе относятся къ своимъ сожителямъ, православнымъ сербамъ, такъ называемымъ *серблякамъ*, происходящимъ изъ различныхъ мѣстъ Черногоріи. Еще въ турецкое время, если *серблякъ* являлся къ васоевичамъ на праздникъ *крестнаго имени*, когда домъ открытъ съ самымъ широкимъ гостепрїимствомъ для всякаго, онъ подвергался различнымъ насмѣшкамъ и, можно сказать, надъ нимъ ругались. Не такъ грубо и рѣзко и каждое племя относится къ своимъ старожиламъ, съ какимъ-то недоброжелательствомъ и презрѣніемъ единственно ради того, что они представляютъ собою въ племени чуждый элементъ, отъ котораго нельзя никакъ освободиться. Это особенно поразительно въ черногорцѣ, который вообще не показываетъ нетерпимости ни противъ чужой вѣры, ни противъ народности. Это именно племенная черта, происходящая изъ глубокаго сознанія своей особности и инстинкта сохраненія ея во всей чистотѣ и неприкосновенности.

Мы не знаемъ какъ принимали старожилы черногорскіе новыхъ поселенцевъ въ XV ст., которые наконецъ усилились до того, что стали выше ихъ. Но то было поселеніе большими массами подъ грозою турецкаго нашествія и было покровительствуемо тогдашними господами всей Зеты и Черногоріи. Съ прекращеніемъ же въ Черногоріи свѣтскаго политическаго правленія и съ водвореніемъ послѣ того на всемъ просторѣ племенного быта такое явленіе стало невозможнымъ. Пріему въ свою среду иноплеменниковъ препятствовали территоріальныя условія, господствовавшія въ племени: такъ никто посторонній не могъ пріобрѣсти ни клочка земли, если его купить былъ охотникъ изъ своихъ. Единственно давали убѣжище и обязательно — *ускокамъ*, бѣглецамъ или эмигрантамъ, бѣжавшимъ отъ какихъ

либо преслѣдованій, напр. изъ Турціи, или чаще всего отъ *крови*, т. е. вслѣдствіе совершеннаго убійства, за которое его въ отечествѣ ожидала неминуемая казнь или месть. Но это были одинокіе люди, принимаемые въ домъ какою либо семьею. Иные изъ нихъ пользовались убѣжищемъ временно и потомъ возвращались въ свое отечество или переходили въ другое мѣсто, а большинство оставалось навсегда. Иные при этомъ такъ и оканчивали свою жизнь одинокими, а другіе женились тамъ и натурализовались. Такъ въ Сотоничахъ (племя въ Цермницѣ) въ с. Мачугахъ прибѣгалъ отъ крови одинъ бѣлица и принятъ былъ въ домъ Дьюреничей, которые выдали за него свою сестру, выстроили домъ и въ приданое за сестрою дали треть всего имѣнія, а онъ принялъ ихъ прозвище и ихъ семейный праздникъ. Родъ этотъ живетъ уже тамъ 70 лѣтъ, но не размножается. Въ Цермницѣ же въ с. Лимлянахъ когда-то также поселились бѣлицы ускоки, у которыхъ теперь насчитывается 60 ружей (людей, способныхъ носить оружіе). У нихъ не произошло полнаго сліянія съ мѣстнымъ населеніемъ и ихъ постоянно называли «бѣлица» безъ всякаго фамильнаго прозвища. Но недавно они вздумали возстановить свое прозвище Миличей, самаго знатнаго братства въ Бѣлицахъ, на что отъ своихъ сородичей и получили удосто- вѣреніе и согласіе; но противъ этого сильно возстали цермничане. Побужденіемъ тому служить племенное самолюбіе: покуда тѣ жили подъ общимъ именемъ просто бѣлицъ, людей, такъ сказать, безъ имени, ихъ могли третировать свысока; а теперь это становится неудобнымъ, такъ какъ, нося имя Миличей, они гордятся и могутъ имѣть отъ послѣднихъ какую-бы то ни было поддержку.

Вообще такія иноплеменные поселенія были возможны только тамъ, гдѣ не было полнаго племеннаго единства, какъ Цермница, состоящая изъ множества селъ, несродныхъ между собою, да и самыя села состоятъ изъ несродныхъ же братствъ. То же самое представляютъ собою Лѣшанская нахія, Команы, Морача, Баняны, Пива, Дробняки и вообще герцеговинскіе края, особенно

до недавняго времени находившіеся подъ турецкимъ господствомъ. Но мы не встрѣтимъ этого у озриничей, бѣлопавличей, васоевичей и кучь, у которыхъ всѣ братства сводятся къ одному племени, за исключеніемъ какихъ нибудь старожиловъ и поселенцевъ отъ стараго времени.

Первымъ знакомъ племенного единства служитъ празднованіе цѣлымъ племенемъ одного святого. И преданіе о томъ, что Озро, Пипо и Васо были родные братья, сложилось, но всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе празднованія одного святого, арх. Михаила, носящими ихъ имена племенами. То-же, пожалуй, можно сказать и о цермичанахъ, причисляющихъ себя къ васоевичамъ. Хотя, какъ увидимъ ниже, это не всегда бываетъ такъ, и во многихъ случаяхъ подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ отдѣльныя лица или братства, а иногда и цѣлое племя, мѣняютъ святого.

Вслѣдствіе сознанія кровнаго родства въ цѣломъ племени внутри его не должны заключаться браки, хотя и это правило со временемъ пошатнулось, и теперь смотрятъ только на степень родства, опредѣляемую церковнымъ правленіемъ по кормчей.

Наконецъ, третьимъ важнымъ обычаемъ, охранявшимъ цѣлость племени, была неотчуждаемость входящей въ его границу земли и вообще недвижимаго имущества. Обычай этотъ цѣлкомъ внесенъ былъ въ законникъ кн. Данила (1855 г.), гдѣ онъ изложенъ въ §§ 45 и 46, а затѣмъ усвоенъ и новѣйшимъ «Имущественнымъ Законникомъ» Черногоріи (1888 г.), въ которомъ § 48 гласитъ такъ: «Право *прече кумне* (такъ назыв. этотъ обычай, *praesentio*), которое отъ давнихъ временъ существуетъ для ближнихъ (т. е. членовъ одного братства, сосѣдей по землѣ, односельцевъ и вообще одноплеменниковъ), при продажѣ недвижимаго имущества и впредь остается въ полной своей силѣ». Въ силу этого закона, если кто хочетъ продать, какую-бы то ни было, недвижимость, прежде всего долженъ предложить своимъ людямъ; и если изъ нихъ никто не найдетъ, кто-бы согласился купить на предлагаемыхъ хозяиномъ имѣнія условіяхъ, тогда можетъ про-

дать, и иноплеменнику. За этимъ слѣдуютъ еще 14 статей (§§ 49 — 63), которыми опредѣляются подробности относительно выполненія этого закона. Наконецъ въ томъ-же законникѣ § 63 подтверждаетъ старый черногорскій законъ, въ силу котораго недвижимымъ имуществомъ можетъ владѣть въ Черногоріи только черногорецъ. Такимъ образомъ законъ племенной признанъ для цѣлаго государства. Только государь (владѣлец) можетъ подарить иностранцу, «но подъ условіями, которыя всякій разъ государь самъ означаетъ» (§ 64).

Въ даниловомъ законникѣ находится статья (57), по которой имѣніе умершаго безъ родственниковъ поступаетъ въ казну или, какъ она тамъ называется, *у народну касу*. А въ прежнее время, безъ сомнѣнія, этимъ распоряжалось племя, на что указываютъ нѣкоторыя мѣста въ старинныхъ записяхъ. Такъ, въ одной записи 1764 г., которою по завѣщанію передается часть земли Цетинскому монастырю, *седьмая часть* поступаетъ племени, что ясно указываетъ на существованіе имущества, а можетъ быть и кассы, принадлежавшихъ цѣлому племени; впоследствии же въ его права вошло государство, поглотившее племя.

Само собою разумѣется, что обида нанесенная одному изъ членовъ племени, считается обидою цѣлому племени, и наоборотъ: за обиду, совершенную однимъ изъ его членовъ, цѣлое же племя являлось отвѣтчикомъ. Такимъ образомъ изъ за одного человѣка два племени становились на военное положеніе и закрывали свои границы одно для другого. Когда же приходили къ соглашенію и заключали примиреніе, то также принимали участіе оба племени, и потому на такихъ сходкахъ собиралось народу до 1000 и болѣе человѣкъ (объ этомъ также будемъ говорить ниже) *).

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ древнѣйшую эпоху родовой или племенной бытъ существовалъ у всѣхъ славянъ, и въ этомъ отношеніи интересно то, что г. Сласовичъ сообщаетъ о польскихъ славянахъ по Вислицкому Статуту (1847 г.): «Все шляхетское сословіе—говорить оль—распадалось на множество родовыхъ союзовъ,—военныхъ братствъ, пользующихся однимъ гербомъ, имѣющихъ одинъ бранный кличъ (*proslama*) и основанныхъ на родствѣ кровномъ или символическомъ (принятіи въ гербъ). Связь между родичами одноплеменниками обнаруживалась: 1) въ правѣ родичей убитаго исрать платы за го-

Племя можетъ быть приравнено родамъ въ древней Россіи, о которыхъ лѣтописецъ Несторъ выражается такъ: «полюномъ бо живущимъ особо и володѣющимъ роды своимъ» и «сидяку каждо съ родомъ своимъ». Англичане, описывая Черногорію, переводятъ его словомъ *clan*, который представляетъ нѣчто подобное въ народной жизни Шотландіи. Недавно тамъ происходило какое-то торжество въ кланѣ Макдональдовъ, на которое собралось до 2000 членовъ этой фамиліи, дѣйствительныхъ, а не однофамильцевъ только; то-же самое можетъ встрѣтиться въ Европѣ еще только въ Черногоріи, да у арнаутъ въ Албаніи, гдѣ также племенной бытъ въ полномъ развитіи.

До учрежденія княжеской власти въ Черногоріи, племя функционировало, какъ политическая единица, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ племенамъ и вообще къ сосѣдямъ. Правда, сосѣднія государства не признавали за этими племенами никакой политической роли, называя ихъ бунтовщиками и разбойниками; но они тѣмъ не менѣ жили независимо своею племенною жизнію три съ половиною столѣтія. А въ настоящее время племя дѣйствуетъ только у себя дома, имѣя свою цѣлую организацію, въ которой первое звено составляетъ *братство*.

Каждое племя дѣлится на братства, которыя и функционируютъ во внутренней жизни.

Исторія не застаётъ ни одного племени въ его зачаточномъ состояніи, хотя народное преданіе всякому племени указываетъ родоначальника, большею частію, конечно, по догадкамъ и соображеніямъ позднѣйшихъ поколѣній; но братство всегда съ точностію, почти историческою, знаетъ свое начало и своего предка, отъ котораго и ведетъ свой родъ и патронимическое прозвище.

лову его съ убійцы; 2) въ правѣ выкупа родовыхъ вотчинъ, проданныхъ чужероду безъ именной дозволенія на то родичей продавца» (Сочиненія, т. III, стр. 111). То, что для польской шляхты былъ гербъ, для черногорскаго народа былъ святой, котораго праадиовалъ цѣлый родъ; а право чужестранца покупать землю у черногорскихъ племенъ еще болѣе было ограничено или почти совсѣмъ исключено.

Таковы братства: на Нѣгушахъ Петровичи, Радоничи, Богдановичи, Лучичи; на Цетиньѣ въ Байцахъ Мартиновичи, въ Дольнемъ краѣ Иванишевичи, Шпадіеры, Ивановичи; въ Озриничяхъ Вукотичи, въ Бѣлицахъ Миличи, въ Цекличахъ Калудьеровичи и Матановичи (отъ одного предка), въ Цуцахъ Кривокапичи и Перовичи, Рогановичи и Томановичи, на Граховѣ Ковачевичи, Даковичи и т. д.

Здѣсь мы можемъ видѣть, что первоначальное братство разрастается и само дѣлится на группы, которыя тоже называются братствами.

Всего лучше мы можемъ это прослѣдить у кучъ и васоевичей. Кучи всѣ вмѣстѣ составляютъ одно племя, но между ними въ послѣдствіи (ок. 300 л. назадъ) возникъ новый родъ Дрекаловичей, изъ котораго произошло три братства: Иликовичей, Чейовичей и Мійовичей; особенно между ними разрослось братство Иликовичей (потомки Илика, внука Дрекалова); отъ послѣднихъ явились новые, очень многочисленныя роды, которые можно назвать братствами: Поповичи, Лазовичи, Ивановичи, Петровичи и др. Всѣ Кучи представляютъ собою населеніе около 6000 душъ обоюга пола, и изъ нихъ половину (если не больше) составляютъ Дрекаловичи; но тѣмъ не менѣе они считаются однимъ племенемъ съ остальными; въ братствѣ же такого сліянія съ чужимъ элементомъ не можетъ быть.

Въ Васоевичахъ изъ Раевичей вышло цѣлое многочисленное братство Бойовичей, изъ Новаковичей въ Забрдѣ до 40 домовъ братство Бакичей.

Отсюда мы выводимъ, что съ понятіемъ о племени соединяется понятіе, обуславливаемое, кромѣ родства, извѣстною территоріей, а братство и родъ представляютъ собою понятіе исключительно о кровномъ родствѣ ихъ членовъ: первое при томъ должно считать нѣсколько поколѣній, а потому и болѣе многочисленно членами; второе же меньше числомъ и моложе возрастомъ.

Братства дѣлятся на отдѣльныя роды или узшія братства. У васоевичей для этого узшаго братства встрѣчаемъ еще названіе

трбух (животь, утроба, чрево); при томъ мелкіе роды, состоящіе изъ двухъ до четырехъ домовъ, называются уменьшительнымъ именемъ *трбуничч* *).

Эти послѣднія группы дѣлятся наконецъ на семьи (породица, фамиља) или дома (кућа). Сообразно съ дѣленіемъ на братства произошло распредѣленіе населенія внутри племени. Такъ на Нѣгушахъ Ераковичи изстари поселились на сѣверномъ краѣ равнины, подъ горою Богоева-глава; а Раичевичи на южномъ, у подножія отроговъ Ловчена, на которомъ главнымъ образомъ находятся и ихъ дѣтовища (катуны), и образовали двѣ общины или два села, которыя не имѣютъ другого названія, кромѣ патронимическаго имени братствъ. Врбицы заняли особую логотину между горъ на западѣ, тоже по близости, и также образовали село, носящее ихъ имя. Другія же села, занимаемая также отдѣльными братствами, носятъ особыя мѣстныя названія, какъ: Копито, Дутидо, Жаневъ-до и т. д. Цекличи также разбились по селамъ: Матановичи въ Подбуковицѣ, Калудьеровичи въ Кутьиштахъ, другіе заняли Вуко-до, Петровъ-до и т. д. На Кчевѣ, главномъ мѣстѣ озриничей, Вукотичи занимаютъ одну сторону, назыв. Мишкл, Войничч — противъ нихъ (собственно отъ одного предка), Гардашевичи въ другомъ селѣ, называемомъ Убли-кчевскіе, и т. д. Цеклиняне по мѣстности раздѣлились на *юрмихъ* и *долмихъ*, а потомъ по братствамъ: Дьюрашковичи, Пейовичи, Машановичи. Татары и т. д.

По обширной равнинѣ Люботяна разбросано нѣсколько селъ, носящихъ названія по пменамъ населяющихъ ихъ братствъ: Прли, Радоманы, Дрепуны, Вукичевичч и т. д. Въ Цермницѣ: Болевичч, Сотоничч, Брчели, Глухп-до и т. д. села, занятія однимъ, а иногда нѣсколькими братствами.

*) Э. Петри сообщаетъ въ своей «Антропологін», что «Арабы обозначаютъ понятіе клана словомъ *Ватч*, т. е. чрево, выражая этимъ кровное родство членовъ клана» (стр. 487). Поэтому у насъ является сомнѣніе: не произошло-ли это названіе у насоевичей подъ вліяніемъ турецкимъ? Тѣмъ болѣе, что у другихъ племенъ ниѣ не случилось того слышать.

Братства, размножаясь и не довольствуясь первоначально занятою мѣстностью, разселяются; но и тамъ, на новыхъ мѣстахъ, группируются по своему ближайшему родству. Это лучше всего можно видѣть у васоевичей.

Поселившись сначала въ очень тѣсномъ уголкѣ, въ Лѣвой-рѣкѣ, три братства ихъ размѣстились такимъ образомъ: Раевичи заняли Рѣку (иначе Ковачицкій-потокъ), Лопаты, Тузи и Камы; Новаковичи — собственно Лѣвую-рѣку, Ножицу, Слатско, Птичь и Душки; Миомановичи—Грби-до. Перейдя отсюда въ такъ называемую Нахию, они держатся того-же правила несмѣшенія и тамъ: Раевичи заняли села—Кралье, Присое, Божичи и Црешнево; Новаковичи—Слатину, Забрдье, Салевичи, Дьюличи и еще нѣкоторыя; Миомановичи—Виницкую и Буче.

Очевидно, что здѣсь переселеніе совершалось массою, значительною частью братства и потому сохранялась чистота и несмѣшеніе съ чужимъ элементомъ. Только отдалившись еще больше отъ своей первоначальной родины, они начинаютъ смѣшиваться. Такъ, въ Требчѣ $\frac{2}{3}$ Раевичей и $\frac{1}{3}$ другихъ; въ Конюхахъ $\frac{2}{3}$ Новаковичей, а остальное Раевичи и изъ другихъ братствъ; въ Улотинѣ (въ Полимьѣ) $\frac{2}{3}$ сербляковъ и $\frac{1}{3}$ Новаковичей. Но и тутъ, въ слившихся поселеніяхъ, когда идутъ на войну, они распредѣляются въ военныхъ отрядахъ по братствамъ. Даже живя въ городахъ, каждый шель отбывать военную службу въ свое племя и свое братство, и только въ послѣднее время городскіе жители образуютъ свои городскія четы и баталіоны.

Точно такъ братства дѣлятся и землею: дѣлятъ при этомъ землю не только ту, которую обрабатываютъ, но и планины, гдѣ только пасутъ скотъ и рубягъ лѣсъ. Раздѣлены также и воды, напр. потокъ, служащій для орошенія полей или для мельницъ.

Въ старой Черногоріи, гдѣ братства ведутся изстари и представляютъ собою какъ-бы малое, неразросшееся племя, замѣтна еще большая обособленность, которая между прочимъ выражается и въ томъ, что каждое братство, какъ-бы мало ни было, имѣетъ свою церковь, въ которую идутъ только свои прихожане.

Поэтому въ Нѣгушахъ приблизительно 400 домовъ, а церковей 15 или 1 церковъ на 27 домовъ; въ Цекличахъ на 200 домовъ — 9 церковей или 1 церковъ на 22 дома. Есть села, совсѣмъ маленькія, имѣющія свои церкви. Такъ: въ Жаневомъ-долѣ 1 церковъ на 8 домовъ; въ Драгоми-долѣ 1 церковъ на 7 домовъ. У Раичевичей на Нѣгушахъ въ одномъ братствѣ двѣ церкви стоятъ одна возлѣ другой. Въ этомъ случаѣ къ постройкѣ церковей побуждаетъ прежде всего глубоко лежащее въ черногорцѣ чувство благочестія и преданности вѣрѣ; онъ не можетъ существовать безъ церкви, такъ какъ въ ней заключается его индивидуальная жизнь, какъ православнаго. Съ другой стороны играетъ роль также глубоко сидящее въ немъ стремленіе имѣть все свое. А наконецъ побуждало и то обстоятельство, что случались ссоры и между братствами, какъ между отдѣльными племенами, и тогда церковъ, находящаяся въ одномъ изъ зассорившихся братствъ, дѣлалась недоступною другому. Иногда вызывалась эта потребность условіями мѣстности, затрудняющей всякое сообщеніе.

И такъ въ группировкѣ населенія Черногоріи главною основою служить племенной ея составъ и она дѣлится по племенамъ, хотя въ этомъ и бываютъ иногда смѣшенія по существу, какъ и племенной принципъ соблюдается только по формѣ. Такъ, на Люботинѣ, какъ мы видѣли, всѣ села не родственны между собою; но тѣмъ не менѣе Люботинъ называется племенемъ, а составляющія его группы братствами. То-же самое на Нѣгушахъ, въ Цекличахъ, Бѣлицахъ и т. д. Село здѣсь слѣвается съ братствомъ или родомъ, вслѣдствіе чего и носитъ патронимическое названіе, и такихъ названій массу можно видѣть на картѣ. А иногда названія даются по другимъ обстоятельствамъ. По мѣстности названы: Крушка, Дубъ, Грабъ, Липа (гдѣ росли эти деревья), Езеръ (ключъ воды), Убао (колодезь), Присое (сторона, обращенная къ солнцу), Забрдье, Врела, Кругъ, Дубовикъ, Подбуковица, Врутакъ (ключъ воды), Подпечье, Подскалье, Подстьенье (выговаривается — Поштенье), Ржани-до, Просени-до и т. д. Иногда съ названіемъ села соединено какое нибудь историческое или вообще

старое воспоминаніе о событіи или обстоятельстве, предшествовавшемъ новому доселенію и хранившемся у старожилловъ, которое потомъ могло и исчезнуть, таковы: Кралье, Конюхи, Майсторы, Стругари, Царевъ-лазь, Златица, Градаць, Гостиль и Гостиля и др. Инымъ названіямъ въ настоящее время трудно дать какое-либо объясненіе, какъ: Нѣгуши, Байцы, Цетинье, Буронье, Релеза, Крусы, Корнетъ, Кокоты, Големады, Фармаки и т. д.

Слишкомъ малая группа домовъ (бываетъ два-три) и не считается селомъ, а называется, какъ отдѣльная мѣстность или какое-нибудь урочище.

Иногда нѣсколько поселеній, большихъ или малыхъ, носятъ имя одного села. Мы видѣли это въ Нѣгушахъ; въ Васоевичахъ подъ именемъ Лѣвой-рѣки разумѣются всѣ находящіяся на ней поселенія; въ Кучахъ Фундана заключаетъ въ себѣ поселенія—Рашовичи, Премичи и еще мскія; въ Бѣдичахъ подъ именемъ Дуба разумѣются, кромѣ его, еще два поселенія—Ресна и Бриестъ, и т. д.

Такое коллективное село отвѣчаетъ нашему селу, если оно сообразно съ характеромъ мѣстности разбивается на части: зарѣчную, подгорную, верхнее, нижнее и т. п.; но въ силу различія братствъ оно все-таки никакъ не сливается въ одну сельскую общину.

Только и сливается населеніе въ одно общество безъ племенныхъ различій въ городахъ. Но всѣ города унаслѣдованы Черногоріей отъ Турціи, поэтому объ особенностяхъ черногорской городской жизни нечего и говорить.

Остается въ заключеніе сказать, какъ располагаются эти поселенія, сообразуясь, конечно, съ условіями мѣстности.

Если мѣстность представляетъ болѣе или менѣе обширную равнину, то дома строятся по краямъ ея, какъ-бы по берегу вокругъ какого нибудь озера, между скаль, съ которыми эти жилища сливаются въ одно, составляя какъ-бы какіе-то придатки къ нимъ. Если изъ краевъ равнины выбѣгаютъ внутрь мысы и

косы или по срединѣ ея каменистые кряжи или скалистые нагроможденія въ родѣ острововъ, то и на нихъ строятся дома, тогда какъ вся равнинная часть остается подъ нивы и луга. Такія поселенія представляютъ: Цетинье, Нѣгуши, Грахово, Кошмье (въ Пиперахъ), Брезны (въ Пивѣ), Добрское-село, Люботинъ и т. д. Дома со всѣми постройками иногда цѣлымъ кругомъ располагаются наверху, а подъ ними все ровное пространство занимаютъ нивы, ливады, огороды, насажденія плодовыхъ деревьевъ или виноградники.

То-же самое встрѣчаемъ мы и на болѣе тѣсныхъ пространствахъ между горъ, гдѣ стоятъ нѣсколько десятковъ домовъ, а иногда и менѣе десятка, какъ: Бѣлоши, Очиничи и Угни (близъ Цетинья), Крайній-до или Подбуковица, Вучій-до, Езеръ (въ Цекличахъ), Малошин-до, Томичи, Микуличи (въ Бѣлицахъ), Кчево, Марковина, Велестово, Убли (въ Озриничахъ) и т. д.

Основаніемъ такого рода поселенія служитъ прежде всего хозяйственный расчетъ, чтобы какъ можно больше земли оставить для обработки; а затѣмъ соображеніе, чтобы обезпечить жилища отъ влаги и отъ наводненій, которымъ эти мѣста, въ лѣтнее время совершенно сухія, подвергаются зимою или вообще въ дождливое время; причемъ вода поднимается иногда до жилищъ, стоящихъ даже на высокихъ краяхъ, и мѣстами затопляетъ ихъ подъ крышу.

Наконецъ черногорецъ держался постоянно горъ и скалъ въ виду всегда возможныхъ непріятельскихъ нападеній. Вслѣдствіе необезпеченности со стороны турокъ иногда цѣлыя села удалялись съ равнинъ въ горы, бросая и свои нивы; а потомъ, когда эта опасность миновалась, они снова селились на старыхъ мѣстахъ. О расположеніи самыхъ жилищъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

А теперь скажемъ о внѣшнихъ территоріальныхъ границахъ и о земельныхъ отношеніяхъ внутри племени.

3. Территориальныя границы и способы ихъ опредѣленія.

Кѣмъ и когда установлены эти границы, мы не можемъ прямо отвѣтить; но посмотримъ сначала, что составляло границу.

По стариннымъ грамотамъ можно видѣть, что вообще границами служили какія-нибудь естественныя преграды—горные хребты или рѣки. Обыкновенно говорится, что граница идетъ *каминвалом*, *како се камы валя*, или *оодоваалом*, куда скатываются, стекаютъ всѣ берущіяся сверху воды, увлекающія за собою и размываемые ими каменья*). Если межа должна была пройти по хребту, то она шла по верху хребта (хобер) или же вели ее по высочайшимъ вершинамъ (найвиши врх). Богѣе подробными опредѣленіями границы служили какія-нибудь урочища, носящія свои особенныя названія, или природные знаки: большой камень, выдающійся, какъ скала, или лежащій, какъ плита (крш или плоча); узкій промежутокъ между двухъ горъ (ждриело) или расщелина (процїеп); камень какой-нибудь особенной формы (расахати камы, два камена на камену); куча камней, насыпанная людьми (гомїла, гомїлица); долина или просто ложбина или котловина (дб); впадина съ застаивающеюся водою (локва); ручей, потокъ, отдѣльный лѣсокъ или роща (дубрава); какое-нибудь выдающееся дерево—дубъ, кленъ, вязъ; срубъ въ лѣсу (лазина), чья-либо нива, домъ, дорога и т. п. Иногда на какомъ-нибудь утесѣ или скалѣ высѣкается крестъ или другой какой-либо знакъ; дѣлали эти знаки и на деревьяхъ (затес, утес). Если же мѣстность такова, что нѣтъ какихъ-нибудь естественныхъ предметовъ, могущихъ служить знакомъ, то ставятъ межевые камни (медьник, кїлян, или цїлян, мрамор). Лучше всего это можно видѣть въ грамотахъ и записяхъ, опредѣляющихъ границы. Особенно богатый матеріалъ для терминологіи, относящейся къ описанію границъ, представляютъ

*) Нѣкоторые толкуютъ *каминвалъ* такъ: избравши высшую точку на хребтѣ, бросали съ нея камень вверхъ, и на какую сторону онъ, упавши обратно внизъ, покажетъ ся, туда идетъ каминвалъ; но это толкованіе натянутое и ненародное.

грамоты краля Владислава (1234—1240 г.), данныйя Вранинскому монастырю на земли въ Цермницѣ (Miklos. Monum., стр. 25), Стефана Уроша III Дечанскому монастырю (тамъ-же, стр. 771—776), «Границе Црногорске» изъ цетинскаго рукописнаго хрисовула (М. Драговичавъ журн. «Црногорка» 1885 г., №№ 1 и 2) и др.

Ограниченное такимъ образомъ принадлежащее одному племени пространство называется—*удут*, *сент* или *сенат*, *хатар*; а въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Приморью—*куфин* или *кувин* и *ковин* (отъ итальян. confine). Говорится поэтому: «то е васоевички удуть»; «он е сентомъ изъ Куча»; «ковин баньски или никшички» (въ Цермницѣ же это слово означаетъ границу: «тамо е била волтица на куфину»); въ Барѣ въ томъ-же смыслѣ употребляется слово *држава*: «медью наше земле и државе». Мѣстности, прилежащія къ границѣ и составляющія окрестну, называются *край* или *тъенар*: «чета иде сентомъ по тъенару»; «попали им села по тъенару»; «у то стаса тъенар и краина, стаса, побро, хиляда, момаках од племена Бѣлопавлича». *Удут* употребляется и въ смыслѣ болѣе узкомъ: «удутъ Роганьски»—земля, принадлежащая селу Рогани въ Пиперахъ (*удутли* называютъ людей, которые опредѣляютъ и ставятъ границу).

Кѣмъ и какимъ образомъ опредѣлялись эти границы, лучше всего можно видѣть изъ грамотъ и записей, которыми онѣ возстановлялись въ позднѣйшее время между спорящими изъ за нихъ сторонами.

Такъ въ одной грамотѣ воевода зетскій Томо именемъ деспота Дюрдя (Георгія Бранковича) разбираетъ и рѣшаетъ споръ между селомъ въ Зетѣ Матагужампн племенемъ Хотъ (въ 1446 г.). Другая грамота Ивана Черноевича, который рѣшаетъ подобный же споръ между Бѣлошамп и Балцамп, а также между первымп и Очишчамп (въ 1489 г.). Наконецъ есть еще запись о межахъ кчевской и нѣшивской (въ 1493 г.).

Во второй изъ нихъ Иванбегъ рѣшаетъ такъ: «Я господарь Иванъ, чувшій отъ стране едне и друге рѣчи, нарекохомъ имъ

24 влaстеле отъ Црне-Горе, да подьу и да обнадьу богомъ и душами своими». Затѣмъ слѣдуютъ имена влaстелей отъ Нѣгушъ, Цетинья, Цекличей и Угней. «И овьизи вышереченны 24 влaстеле подьоше и обидоше сами своима ногами и игнадьоше праву медьу»; а въ заключеніе: «И тому бы приставъ Вукъ синъ Николе Штиляновича, и предъ нимъ се влaстеле заклеше и границе показиешъ усткоше». Во второмъ спорѣ также посылаются 24 влaстеля отъ Цеклина, Цетинья, Нѣгушъ, Поборъ, Браичей и Угней. Въ заключеніи говорится: «И на томе и погодише и заклеше, наипрво 24 бѣлошевикъ (которые жаловались) съ женами 24 ныкъ, и за ними заклешесе вышереченныи 24 влaстеле богомъ и душами ныкъ; ере е то бацина бацинска бѣлошевича и медья ныкъ стара права».

Другая грамота начинается тѣмъ, что предъ воеводу Тома выступаютъ «отъ влaстель Матагуже Чепа Кущикъ и Лазо Николичъ, а отъ Хотске-Горе Банъ Юновичъ и братъ му Дьюрадь Юновичъ и сопрешесе о медьяхъ, говореть» и т. д.; затѣмъ посылаются: «отъ сръбскихъ влaстель», потомъ отъ зетскихъ, отъ Бушатъ, отъ Малоншичей, отъ Лужагъ «и остали зетьяни мали и големи, кои и при насъ намерише».

При разборѣ распри между Кчевомъ и Пѣшивцами посылаются 24 влaстеля «и тьефалия Радосавъ Богдановичъ».

Есть еще запись того-же времени, въ которой Георгій и Степанъ Черноевичи даютъ «Степану Николе Голубовича сину од Малоншичь (землю и проч.) «у пртїю да му буде у вечну бацину иному и инеговиемъ по немъ, како е у прьвомъ нашемъ записаію записапо». Въ концѣ стоятъ: «А тому сведоци милосници мои Вукъ Дотьевичъ, Никола Штиляновичъ. А приставъ Радосавъ Юнаковичъ двородржца нашъ, и ту быше влaстели, кои су те медье изнашли», которыхъ насчитывается только 8.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что границы между отдѣльными частями поставлены давно, еще сръбскими кралями и зетскими господарями. Послѣ того границы цѣлаго государства мѣнялись, но къ нему присоединялись или отъ него отнимались

извѣстныя части во всей своей цѣлости, со старыми ихъ границами. Слѣдовательно современное населеніе Черногоріи, занявшее ее большею частію въ позднѣйшее сравнительно время, именно не раньше половины XV в., не создавало никакихъ новыхъ территоріальныхъ единицъ, и потому ему не приводилось ни съ кѣмъ размежевываться вновь, а только отъ времени до времени исправлять или возстановлять старыя границы; для чего, какъ мы видѣли, пока была свѣтская верховная власть, посылались 24 властеля.

Есть одна записъ и позднѣйшаго времени, которою опредѣляются владѣнія цетинскаго монастыря въ Синьцѣ Лѣшанской нахіи. Послѣ описанія границы слѣдуетъ: «И ово що е унутра овіехъ границахъ, то е все церковно, утверждено подъ страшномъ клетвомъ и кастизіомъ *ферманима от Цетинья и таниама*; ни иманье пасти, ни орати, ни лаза сѣщи безъ упроса церковнаго; колико бы ли тко на саму главу госпоцку посегао. И тому за границе сведоци *семъ врачани и дражволяни, и сва околна села*. Писато при блаженомъ владыки Ружиму Негошу въ лето от рож. хр. 1671, мѣс. маіа 9».

Здѣсь властелей уже нѣтъ, но свидѣтелями являются всѣ хозяева сосѣди, а сверхъ того изо всѣхъ окрестныхъ селъ; то же самое слѣдовательно, что и въ предыдущихъ грамотахъ, т. е. что свидѣтели берутся не изъ одной сосѣдней, пограничной мѣстности, но и изъ мѣстъ, не имѣющихъ тутъ общей границы.

Впослѣдствіи для рѣшенія различныхъ спорныхъ дѣлъ или для засвидѣтельствованія какого либо важнаго акта призывались такъ называемые *добрыя люди* или *кметы* и тоже въ числѣ 24. Это остается въ силѣ до сихъ поръ и у современнаго населенія; но не осталось никакого воспоминанія п какихъ-бы то ни было обрядахъ и способахъ, употребляемыхъ при размежеваніи.

При томъ съ паденіемъ Зетскаго государства, когда въ Черногоріи возобладала жизнь племенная, а въ мѣстностяхъ, подпавшихъ турецкому владычеству, господами земли стали турки,

всюду возобладало право сильного: тутъ присвоивали землю и ставили себѣ границы, какъ хотѣли, сильные беги и аги; тамъ болѣе сильные племена распространялись на счетъ слабѣйшихъ. Христіане, подпавшіе турецкому господству, были совершенно обезземелены и обратились въ арендаторовъ (кмет, чифчія, ратай); а независимыя племена старались распространить свои владѣнія на счетъ турокъ. Тутъ, конечно, не могло быть никакихъ договоровъ относительно границъ, а однажды занятая оружіемъ мѣстность такъ и оставалась за сильнѣйшимъ. Тѣмъ не менѣе, рѣшивши распрю оружіемъ и помирившись, племена условились между собою о границахъ и ставили ихъ при свидѣтеляхъ съ той и другой стороны; но и тутъ мы не могли ничего дознать объ особенныхъ обрядахъ, какъ описываютъ ихъ М. Милочевичъ *) («Гласникъ» 1857 г., кн. IX и Русская Бесѣда 1859 г., кн. VI) и С. Новаковичъ («Гласникъ». 1891, кн. XXIV, стр. 81—84). Только въ Пивѣ между селами Мратиньемъ и Плужинами поставлена границею гора Медьедникъ такимъ оригинальнымъ способомъ: съ той и другой стороны въ условленное время выслано было по одному человѣку другъ другу навстрѣчу, и гдѣ они сошлись, тамъ и поставлена была граница. Подобнымъ же способомъ опредѣлена граница и гдѣ-то въ Кучахъ (не записавши въ то время, я позабылъ, гдѣ именно), только не ходомъ, а быстрымъ бѣгомъ.

*) Вотъ какъ описать этотъ обычай г. Милочевичемъ: «Полагающій клятву за свою землю выкопаетъ кусокъ дерну, положить на него хлѣба и соли и, повернувшись къ востоку и перекрестившись, произносить такую клятву: «Тако ми ове земле у коју ћу; тако ми овога хлеба и соли, без коих и не може ни живити, ни умрети, право ћу казати, куд је ситор (граница)». Затѣмъ онъ положитъ дернъ на голову и идетъ по межѣ; дойдя до конца, опять перекрестится, поцѣлуетъ дернъ, хлѣбъ и соль и повторитъ: «право казао сам, куд је међа». На концѣ межи закопаетъ въ землю дернъ съ хлѣбомъ и солью, и споръ оконченъ. Или, взявши въ руки комокъ земли и бросивши его, говоритъ: «Ако право не казао, никад среће не имао! Убио ме Бог, и никад свое дече не видео!» (стр. 209—211; въ отдѣльномъ оттискѣ 27—29).

У черногорцевъ было мѣсто въ родѣ того-же, и теперь иной, заклинаясь въ чемъ либо, беретъ въ руки кусокъ земли или сорветъ пучекъ травы и говоритъ: «Тако ми овога» и т. д.

Такое размежеваніе могло быть только тамъ, гдѣ быть просторъ, пустошь, много земель, не занятыхъ никѣмъ, вѣтъ такъ называемыхъ планинахъ «коудѣ се ни оре, ни коси» *).

Какимъ-бы то ни было способомъ ограниченная территория, занимаемая племенемъ, составляетъ его собственность, которую оно дѣлитъ между своими членами, группирующимися въ отдѣльныя села. Въ эту территорию входятъ мѣстности, на которыхъ живетъ населеніе домами, и мѣстности, гдѣ оно бываетъ только лѣтомъ со скотомъ, во временныхъ жилищахъ (колибе, станови, глде), группирующихся по нѣсколькимъ хозяйствамъ въ такъ называемыхъ катунахъ.

4. Отношенія къ землѣ.

Каждая семья имѣетъ свой отдѣльный участокъ земли, которая обрабатывается, т. е. засѣвается хлѣбомъ или засаживается огородными овощами и плодовыми деревьями. Въ этомъ участкѣ, однажды выдѣленномъ, не имѣютъ участія ни цѣлое братство, ни ближайшіе родственники, и онъ при томъ весь огороженъ въ каменистыхъ мѣстахъ стѣнкою сухой кладки (сухомедья), а въ лѣсныхъ—плетнемъ, частоколомъ или жердями (ограда, врзмица). Въ старой, каменистой части Черногоріи огораживаются мѣстности даже не обрабатываемыя и служащія только для пастьбы скота или для дровъ. Иногда вы видите такимъ образомъ огороженныя пространства, представляющія собою голые камни; но и тутъ въ какихъ нибудь ямкахъ или щеляхъ мелкое живот-

*) Въ статьѣ М. Кулишера «Межевые обряды прежнихъ временъ» (Вѣсти. Евр. 1886 г., кн. № 6, стр. 615—30) указывается между прочимъ, что тѣмъ-же способомъ, т. е. бѣгомъ, опредѣлена граница между швейц. кант. Гларусомъ и Ури, а также между Карагеномъ и Кыренами. Въ Малороссіи 14—15-лѣтнихъ мальчиговъ сѣли на межевыхъ насыпяхъ: въ Германіи драли за уши. Нѣчто подобное напоминаетъ обычай далматинскихъ моряковъ, когда проходятъ мимо островка Sasevo, считающагося пограничнымъ между Адриатическимъ и Средиземнымъ морями: если на кораблѣ находится новичекъ, то ему покажутъ этотъ островъ и ударятъ, чтобы лучше помнилъ.

ное, овца или коза, найдетъ кое-гдѣ пучки травы, и пробивается кое-какой кустарникъ; и это оберегается. Туда не смѣетъ войти ни одно чужое животное; да не всегда свободно и чужому человеку. Это *забран*, какъ у насъ *заповѣдь* (запрещенный лѣсъ). Часто увидите ниву, составляющую не больше $\frac{1}{10}$ нашей десятины, и та бываетъ перегорожена на нѣсколько частей положенными въ рядъ небольшими камнями, и каждый изъ этихъ клочковъ составляетъ чью-либо отдѣльную собственность. Отдѣльно имѣетъ всякій домъ свою рощицу съ лѣсомъ, гдѣ также можетъ пастись и скотина (дубрава, забіель или забно).

Въ общемъ владѣніи братства состоятъ только планина, гдѣ находятся катуны и гдѣ находится общій лѣсъ (комун, комуница, заедница, метех, бегдук, вакам, во множ. ч. вакмови). И это однако подѣлено между родами, которые въ свою очередь распределяютъ то между собою. Иногда рѣшаются съ общаго согласія часть планины обратить въ пашню; тогда и она дѣлится на участки, которые и поступаютъ уже въ частную собственность отдѣльныхъ домовъ.

Такимъ образомъ вся обрабатываемая земля подѣлена на семьи или дома, которые, владѣя на правахъ частной собственности, могутъ ею располагать по своей волѣ: передавать въ наследство, дѣлить, дарить и продавать; въ послѣднемъ однако случаѣ, какъ мы уже замѣчали, это право ограничено тѣмъ, что продать въ другое братство или въ другое племя можно тогда только, когда нѣтъ покупателей изъ своего братства или изъ своего племени.

Земля, унаслѣдованная отъ предковъ, называется *очевина* и *дъдовина* или *бащинска бащина*, какъ она часто называется въ старыхъ записяхъ*); земля же, пріобрѣтенная куплею, называется *куповина*, а вообще имущество пріобрѣтенное своимъ трудомъ, называется *своина*, *стечевина* и *кроволичина* (пріобрѣтенная потомъ и кровью).

*) «Приложихъ мою бащину бащину коя ми е от прадеда и дъда и оца и мое братъ» (запись 1738 г.).

Изъ исторіи Черногоріи мы уже видѣли, что съ паденіемъ Сербскаго Царства и наконецъ съ прекращеніемъ владѣнія въ Зетѣ династіи Черноевичей и вообще свѣтской политической власти, части этого послѣдняго государства, не подпавшія подъ турецкое господство, установивъ у себя порядки племенной жизни, въ томъ-же духѣ учредили и владѣніе землею. вмѣсто государства, государя, властелей и другихъ частныхъ собственниковъ землею стало владѣть и распорядиться племя. Отдѣльная земельная собственность осталась только у монастырей; но и изъ того многое постепенно перешло въ народное владѣніе. Собственно говоря, монастыри потеряли только тѣ земли, которыя отдавали поселянамъ въ аренду (пронія), вмѣстѣ съ обязательными работниками, которые сами стали свободными земледѣльцами. Иначе же народъ, принявъ на себя защиту и охрану монастырей и церквей и всю заботу объ нихъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на неотдѣлимое отъ него благо, и, высоко почитая ихъ святыню и неприкосновенность, никогда не шелъ имъ въ ущербъ; а гдѣ была потребность, жертвовалъ имъ часть своего имѣнія, надѣлялъ иногда и землями, на что имѣются записи отдѣльныхъ лицъ.

Правда, случалось, что отдѣльные владѣльцы занимали часть монастырской земли; но по заявленію игумена права монастыря возстановлялись. И то нужно принять въ соображеніе, что монастыри и не въ состояніи были управиться со всею принадлежавшею имъ землею, тогда какъ народу была большая потребность въ ней; вслѣдствіе чего и сами монастыри дѣлали въ томъ добровольныя уступки.

Какъ бы то ни было, въ Черногоріи земельная собственность вся была въ рукахъ племени; а рядомъ съ тѣмъ до послѣдняго времени сохранили свои земли и монастыри, довольно значительныя притомъ, которыя въ настоящее время сдаются въ аренду мѣстнымъ поселянамъ, и только небольшая часть обрабатывается ими самими.

Тѣсно съ землею связано и владѣніе водяными мельницами, которыя большею частію принадлежатъ братству или селу, или

какой нибудь группѣ, а также монастырямъ; частныхъ же мельницъ почти не было, и только въ послѣднее время больше и больше онѣ переходятъ въ руки отдѣльныхъ лицъ (въ новомъ имущественномъ законникѣ эта статья совсѣмъ пропущена).

Есть земли, принадлежащія отдѣльнымъ хозяевамъ, къ которымъ не имѣетъ никакого отношенія ни племя, ни братство; это—земли, въ старое время купленныя или какимъ бы то ни было способомъ приобрѣтенныя отъ турецкихъ агъ и беговъ.

Если племя отвоевывало землю у турокъ, почти исключительно планину, то она, какъ и изстари принадлежавшая земля, дѣлалась племенскою.

Такимъ образомъ Пиперы, отвоевали всю Лукавицу у никшичей, а Васоевичи тѣмъ-же способомъ распространили свои владѣнія на счетъ колашинцевъ.

Этимъ исчерпываются всѣ виды землевладѣнія въ Черногоріи до послѣдней войны. Съ этого-же времени въ составъ Черногоріи вошли земли, которыя принадлежали турецкимъ агамъ; а живущіе на нихъ и обрабатывающіе ихъ поселяне были только арендаторы, платившіе владѣтелямъ земли извѣстную часть сбора. Эти арендаторы называются *чифчи* или *кметы* и *кметичи*, а также *ратаи*. Свою часть получаютъ и тѣ турки, которые не остались въ Черногоріи, а выселились въ Скадръ или другія мѣста въ Турціи. Иные же продали свою землю частью отдѣльнымъ лицамъ, частью черногорскому правительству. Изъ земель, купленныхъ правительствомъ, а также и изъ пустошей, унаследованныхъ послѣ турокъ, образовались земли государственныя, которыми правительство надѣляетъ черногорцевъ изъ мѣстностей слишкомъ бѣдныхъ землею или за какія либо заслуги, а часть роздана по баталіонамъ участникамъ послѣдней войны.

Въ Ульцинскомъ округѣ черногорское правительство посредствомъ канала осушило значительную территорію, которая также роздается отдѣльнымъ лицамъ. Сверхъ того, тамъ-же есть земли государственныя, на которыхъ прежде кочевали малисары (горцы арнауты); а съ удаленіемъ ихъ и онѣ сдѣлались свобод-

ными и со временемъ также послужать для повыхъ черногорскихъ поселенцевъ. Острова въ рѣкахъ, если находились по срединѣ, дѣлились пополамъ между владѣтелями береговъ; если же не по срединѣ, то принадлежали тому, къ берегу котораго островъ ближе. Если вода оторветъ часть одного берега и цѣликомъ принесетъ къ другому, тогда она, насколько то можно разознать, остается собственностью прежняго владѣтеля. Если же образуется новый островъ на большомъ озерѣ или судоходной рѣкѣ, то онъ считается государственнымъ. Это впрочемъ составляетъ новую статью въ законахъ Черногоріи (см. Имуц. Закон. § 43, стр. 18), такъ какъ прежде она не обладала такими видами, да и теперь есть одинъ только островъ въ устьяхъ р. Бонны, на который однако предъявляетъ свои права и Турція.

5. Внутренняя организація: воеводы, сардари, кнези; духовенство; гувернадуръ; кметы и судъ; народныя собранія (скуштина, сбор).

М. Болица и въ этомъ случаѣ, какъ было то въ другихъ, представляетъ намъ единственный письменный источникъ для болѣе отдаленнаго времени. Котаранинъ, слѣд. словянинъ по рожденію, но итальянецъ по духу, а по положенію венеціанскій чиновникъ, онъ смотритъ однако на все съ точки зрѣнія исключительно политической. Онъ слишкомъ официаленъ, и потому для этнографіи у него можно найти только имена лицъ и названія селъ; и какъ-то случайно, мимоходомъ набросалъ онъ интересную картину изъ народной жизни, рыбную ловлю черногорцевъ, и далъ нѣсколько чертъ изъ жизни албанскаго племени Климентъ. Для него не существуетъ племени, и потому отдѣльныя единицы территоріальныя онъ называетъ *parte principale* или просто *parte*, а затѣмъ идутъ города и села. Селами онъ называетъ и цѣлыя племена: Бѣлавличей, Пиперь, Кучь, Братоножичей, Климентъ, Хотъ, Костратъ и т. д. Иногда онъ называетъ это населеніе *gente, ribelli montanari*, но ни разу не обмолвился словомъ *tribù*. Это не по-

тому, чтобы онъ не зналъ, а потому, что въ политическо-административномъ смыслѣ опредѣленія народскаго не имѣютъ мѣста. Сообразно съ тѣмъ, именуя старшинъ, онъ нигдѣ не приводитъ ихъ народнаго титула, только говоря о какомъ либо мѣстѣ, добавляетъ, что оно состоитъ «*sotto il comando*» или «*commandate da*». Только объ Оногоштѣ и Нишичѣ говорятъ, что они находятся подъ управленіемъ «*dal figlio di Gardan Voivoda*» и еще говорятъ о Драчевицѣ, что она управляется «*da conte Nicolo figlio del conte Milutin*»; а также у Кучей упоминаются conti Лале Дрекаловъ и Нико Райчевъ, и въ Лѣшкополѣ Райчъ Торбанъ *conte di Stagnovich*, о которомъ сообщаетъ, что онъ тамъ «личность важная и высоко почитаемая».

Итальянцы часто именемъ *conte* называютъ просто старшину села или общины (по серб. *кнез*), и самыя общины кнежине или *contee* *), но здѣсь съ этимъ именемъ соединяется понятіе о высшемъ достоинствѣ.

Васоевичи княземъ титулуютъ своего родоначальника Васоя, и въ Фочѣ, какъ мы уже знаемъ, стоитъ памятникъ «Арадія Васоевича князя славнаго витязя». Въ Баняпахъ также есть могила князя Грбана. Въ Градьяпахъ (Рѣцкой-нахія) братство Кнежевичей также имѣетъ преданіе о своемъ предкѣ князѣ; то-же самое можно отнести и къ другимъ Кнежевичамъ въ Бѣлошахъ, Шаранцахъ, Цуцахъ, Лѣшкополѣ и т. д.

Титулъ могъ перейти въ патронимическое имя только въ томъ случаѣ, если онъ былъ нераздѣлимъ отъ носившей его личности, былъ, если не наследственный, то, по крайней мѣрѣ, пожизненный.

Со временемъ это достоинство, можетъ быть, наследованное изстари, въ племенной жизни теряетъ свое значеніе, и мы не встрѣчаемъ у черногорскихъ племенъ князей, какъ правителей, но воеводъ, которые, какъ показываетъ самое имя, были

*) Такъ называются всѣ общины въ Приморьѣ: Паштровичи, Грбаль, Манин, Поборы и т. д., бывшія когда-то племенами.

военными предводителями своего племени, и вслѣдствіе важности военнаго дѣла сдѣлались главными представителями въ племени. Изъ приведеннаго нами выше письма Иліи Дрекаловича, воеводы кучскаго и губернатора бердскаго (стр. 82—83), мы узнаемъ, что онъ шлетъ за воеводой Климентъ Дедагеромъ и князьями Васоевичей и Братоножичей. Эти послѣдніе въ то время, какъ будто, не имѣли своихъ воеводъ, а только князей, которые хотя и были представителями каждый своего племени, но въ случаѣ войны, по всѣмъ вѣроятіямъ, шли за воеводою кучскимъ.

А между тѣмъ мы узнаемъ, что прежде они имѣли своихъ воеводъ. Очевидно, что кучи въ то время держали гегемонію надъ этими племенами. Изъ известной экспедиціи васоевичей въ Шумадію мы также видимъ, что кучи удерживаютъ какое-то первенство. Именно два воеводы васоевицкіе Дьека и Вуксанъ призываютъ въ эту экспедицію кучскаго воеводу Радошу, а когда онъ тамъ умеръ, то они вернулись ни съ чѣмъ, такъ какъ «не стало имъ главнаго воеводу».

Воевода такимъ образомъ былъ первымъ лицомъ въ племени (главарь); но только сильное племя имѣло своего воеводу, а слабыя подчинялись другимъ.

Своихъ воеводъ имѣли только сильныя и независимыя во внутренней жизни племена, какъ Озриничи, Бѣлопавличи, Кучи, Васоевичи (когда освободились отъ гегемоніи Кучъ), Морача съ Ровцами, Пиперы и др., или племена пограничныя, часто ведшія войну съ внѣшнимъ непріателемъ на свой страхъ и предводъ другими, какъ Байцы, Бѣлицы, Цуцы, Цеклянь, Люботинъ, Цермница, Лѣшанксая нахія. Здѣсь мы знаемъ воеводъ, воспѣтыхъ въ народной поэзіи: у Озриничей—Вукъ Мтлюновичъ изъ Велестова, Мрвалевичи Драшко и Вукота (1713 г.), Драго Вукотичъ (1768 г.), Митѣ Вукотичъ (1820 г.); у Цуць—Вуксанъ изъ Трешнева (1798 г.); у Бѣлицъ—Миличъ (1722 г.), Вуксанъ (1800 г.); у Бѣлопавличей—Раде изъ села Виничей (1718 г.), Дьюканъ Радовичъ (1792 г.); у Пиперъ—Холета (погибъ ок. 1765 г.), Савичъ Радоевъ (1799 г.), Лѣшь (ок. 1840 л.); у Мо-

рачань—Мина Радовичъ (1834 г.); у Ровчанъ—Савичъ (1739 г.), Вуксанъ Булатовичъ (ок. 1840 г.), у Дробняковъ—Шуйо-Карджичъ (1834 г.).

О воеводахъ кучскихъ, братоножицкихъ и васоевицкихъ мы говорили уже въ первой главѣ (Племенной составъ).

Въ одной записи Цетинскаго монастыря упоминаются воев. Стіепо Мартиновъ (1764 г.) и Стіепо Никовъ (1767 г.) Мартиновичи изъ Байць.

Въ «Извлеченіи изъ описанія Черногоріи 1839 г.», сдѣланнаго подъ наблюденіемъ владыки Петра II *), поименованы воеводы, а также и всѣ другіе представители племенъ и нахій.

За воеводами слѣдуютъ сердары, хотя они появляются позже и чуть-ли не подъ вліяніемъ турецкаго сосѣдства. Сердарей имѣютъ и такія племена, которыя не имѣютъ воеводъ.

Въ нѣсныхъ извѣстны слѣдующіе сердары: у Озриничей — Вукале (1743 г.) и Дьякан (1750 г.); у Нѣгушей—Стано Поповичъ Радоничъ (1750 г.), Саво Петровичъ и попъ Жутковичъ (1768 г.); у Цеклиняцъ—Юво Дьюрашковичъ (1768 г.); у Цермнячанъ—Машанъ Болевичъ (ок. 1840 г.); у Пиперь—Паунъ Шушовичъ (1792 и 1800 гг.); у Пѣшивцевъ—Мркое Мишковичъ на Повіѣ (1819 г.); у Морачанъ—Малиша Радовичъ (1795 г.) и Міятъ Дуловичъ (ок. 1800 и 1819 гг.); у Дробнякъ—Милета изъ Тушины (1834 г.). Въ то-же время упоминается у турокъ изъ Гацка крк-сердаръ Смаиль-ага (1819 г.).

Вмѣстѣ съ воеводами и сердарями часто упоминаются *кнези* (кнезови): у Озриничей—Моясія или Мояшъ (1722 г.) и Пейовичъ изъ Ублей чевскихъ (1750 г.); у Бѣлицъ—Стайко изъ села Предиша (1750 г.); у Цуць—Роганъ и послѣ Рогаховичъ и его *кнезиня* (1722 г.); у Пиперь—Вудякъ изъ Црнцевъ (1755 г.); у Морачанъ—Милованъ изъ Лѣвишта (1834 г.); у Ровчанъ—Дурковичъ, Вучина изъ Дубокаго (1834 г.) и наконецъ «кнез од

*) Магазинъ Србско-долматинскій 1860 г., кн. 19, стр. 102—187. Списокъ этотъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

Ридьяна», села близъ Никшича, который находился подъ турецкимъ господствомъ и потому служилъ туркамъ (ок. 1840 г.). Ихъ было гораздо больше; они были въ каждомъ селѣ или братствѣ.

Теперь является вопросъ, откуда брались эти главари или кто ихъ ставилъ. При отсутствіи между племенами и въ самомъ племени какой-либо верховной власти, понятно, что ихъ выбиралъ и ставилъ самъ народъ. Какими же условіями сопровождался ихъ выборъ, т. е. для чего или для какой функціи? на время или пожизненно? не были-ли эти званія наследственными? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны прежде всего опредѣлять характеръ или функціи этихъ званій.

Начнемъ съ воеводы.

Воевода прежде всего былъ военачальникъ; поэтому выборъ непременно долженъ былъ пасть на того, кто показалъ себя хорошимъ воиномъ и предводителемъ войска; кто, однимъ словомъ, приобрѣлъ себѣ извѣстность своими военными доблестями. Это былъ испытанный воинъ, передъ которымъ всякій уступалъ. Объ опредѣленномъ срокѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, потому что, покуда его не одолѣвали старость и вообще физическіе недуги, онъ съ годами приобреталъ все больше опытности и авторитета не только у своихъ, но и у непріятелей.

Понятно, что такіе люди не встрѣчаются на каждомъ шагу, и потому, избравши такого человѣка однажды, его не смѣняли до конца его жизни, если онъ самъ не давалъ тому повода, оказавшись въ послѣдствіи слабымъ или вообще не оправдавшимъ народнаго довѣрія. Понятно также, что званіе это не могло перейти на его наследника, если то былъ малолѣтній или вообще человѣкъ, неспособный къ войнѣ; такъ какъ война въ то время ожидалась всякій моментъ и поглощала всю жизнь народа. На его мѣсто непременно нужно было выбрать другого.

Изъ исторіи васосвичей мы знаемъ, что у нихъ однажды было два воеводы вмѣстѣ, Дьека и Вуксанъ, которые, отправляясь въ экспедицію, призываютъ еще воеводу кучскаго и кляментскаго. Очевидно, что то были только предводители войска, каждый съ

извѣстною частью. И тотъ, и другой впоследствии погибли, не оставивши по себѣ преемниковъ на воеводство. Они были изъ братства Раевичей; изъ того же братства были воеводы и впоследствии. Впрочемъ воеводы у нихъ до новѣйшаго времени вовсе не играли важной роли; иногда ихъ вовсе не было. Въ этомъ отношеніи больше характерныхъ фактовъ представляетъ исторія кучь.

Въ Кучахъ, надобно замѣтить, двѣ мѣстности играли въ жизни этого племени особенную, важную роль: Косоръ на западѣ и Орахово на востокѣ его территоріи; тамъ были главные воеводы. Во время Дрекала мы застаемъ Пераловича въ Косорѣ и Дреца Дедича въ Ораховѣ. Изъ исторіи Дрекала и сына его Лала (см. выше стр. 78—80) мы уже знаемъ, какъ тотъ и другой, будучи въ Кучахъ пришельцами, сдѣлались воеводами; обратимъ теперь вниманіе на то, что въ первомъ случаѣ Дрекале является наследникомъ Пераловича, умершаго, можетъ быть, бездѣтнымъ, а рѣшаетъ выборъ окончательно Дреца Дедичъ, надѣвъ ему шапку, обтыканную вѣточками древа; а во второмъ Лале является наследникомъ своего отца, причемъ въ видѣ санкции отъ воеводы братоножичскаго получаетъ буздованъ, что потомъ вошло въ обычай и на будущее время.

Послѣ этого воеводство всегда было у Дрекаловичей, но въ преемственности нѣтъ прямого, опредѣленнаго пути и всегда требуется выборъ или подтвержденіе народа, который иногда устраняетъ стараго воеводу и на его мѣсто ставитъ другого. Прослѣдимъ это по фактамъ.

Послѣ Лала сдѣлался воеводой сынъ его Вуйошъ (а были еще три: Илико, Чейо и Мійо), отъ котораго воеводство почему-то переходитъ не на сына его, а на племянника Ивана, сына Иликова. Отъ него воеводство переходитъ на Вуя Радоева (Иликовича), но народъ его отнимаетъ отъ него, за то что онъ показалъ свою слабость, обѣщавшись туркамъ платить харачъ; а на его мѣсто поставленъ Радоня Петровъ (Иликовичъ).

Онъ тотчасъ сбросилъ данническія отношенія къ Турціи. Ему

наслѣдовалъ сынъ его Илія, котораго мы уже знаемъ. Послѣ него сдѣлался воеводой его двоюродный братъ Шуто Перутинъ, котораго туркамъ удалось интригами устранить и поставить на его мѣсто нѣкоего Чубра, совершенно изъ другого братства.

Чубра убилъ одинъ кочь, сынъ котораго погъ Митѣвичъ сдѣлался воеводой, но также былъ убитъ однимъ изъ Ивановичей, и воеводство перешло на Дюра Иліина. Съ того времени идетъ непрерывная борьба между Чейовичами и Иликовичами, продолжавшаяся 20 лѣтъ до разгрома кучъ черногорцами въ 1854 г.

Изъ этихъ фактовъ очевидно, что воеводы выбирались пожизненно и могли передавать воеводство своимъ дѣтямъ; но для этого опять необходимо было согласіе народа, иначе оно переходило на другого, напр. на племянника. Наслѣдственность остается только въ братствѣ: братство Иликовичей, изъ котораго однажды поставленъ былъ воевода, не выпускаетъ изъ рукъ этого преимущества не по какому либо праву, а просто потому, что оно сильнѣе другихъ, по праву сильнаго, противъ чего встаютъ другія братства; но, будучи слабы сами по себѣ, эти братства призываютъ на помощь турокъ. Связь съ турками однако ихъ компрометируетъ, народъ возмущается и обращается къ прежнему. Однимъ словомъ, наслѣдственности этого достоинства нѣтъ; но, забравши въ свои руки, одно какое либо братство не выпускаетъ его до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится съ другою силой, передъ которою и оно должно уступить. Человѣкъ однако съ умомъ и характеромъ можетъ удержать его за собою, какъ наслѣдственное, хотя при всякой переменѣ, если не требовался выборъ вновь, то подтвержденіе народомъ. Дѣло тутъ однако не въ принципѣ наслѣдственности, а въ силѣ братства, которое можетъ взять верхъ надъ всѣми другими, какъ сильныя племена приобрѣтали гегемонію надъ племенами слабѣйшими.

То-же самое мы встрѣчаемъ и въ замѣщеніи черногорскихъ владыкъ. Первоначально они были изъ различныхъ племенъ и мѣстностей. Мы не знаемъ всѣхъ ихъ, откуда кто; но изъ из-

вѣстныхъ встрѣчаемъ: нѣгушей съ подраздѣленіемъ изъ Вельего края, комапина, дѣшнянина, болевича, байцу, очинича. Безъ сомнѣнія того требовалъ принципъ равноправности всѣхъ племенъ; но въ концѣ XVII в. этотъ порядокъ прекращается и всѣ владыки выбираются исключительно изъ дома Петровичей Нѣгушей. Они дѣйствительно становятся какъ бы наслѣдственными владыками и безъ народнаго выбора назначаютъ себѣ преемниковъ. Правда, во время Степана Малаго поставленъ былъ владыкою Арсеній Пламенацъ изъ Болевичей (въ Цермницѣ); но его выбралъ самъ митроп. Савва, какъ своего родственника, и попросилъ посвятить его въ это достоинство случившагося въ то время въ Черногоріи экспатріарха Василія Бркича.

Такимъ-же образомъ воеводство въ Катунской нахіи у Озриничей оставалось исключительно въ семействѣ Вукотичей, а у Байць — Мартиновичей.

Со временемъ владыки черногорскіе, постепенно взявъ въ свои руки и всѣ дѣла мірскія и именуясь «господарями Черногоріи», присвоили себѣ право назначать воеводъ и другихъ главарей, не обращаясь къ народному одобренію, и въ своемъ стремленіи къ единовластію, стараясь удержать наслѣдственность за собою, признали ее и за другими. Поэтому въ цитированномъ выше описаніи Черногоріи (1839 г.) достоинства воеводъ, сердарей и кнезовъ считаются наслѣдственными, причемъ отмѣчены особо личности, поставленныя въ эти званія влад. Петромъ I и Петромъ II. Здѣсь кончается политическая роль племенъ и печать государственности наложена уже и на ихъ внутренній строй.

Этими замѣчаніями мы забѣжали впередъ, но они были намъ необходимы при объясненіи роли воеводъ, какую они играли въ племени.

Сначала простые предводители войска, начиная съ предводительства четами или небольшими отрядами (четоводыи) они дѣлались главными военными предводителями и цѣлаго племени; потомъ стали вообще вождями его во всѣхъ отношеніяхъ, какъ

во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ племени. Вначалѣ они, какъ и всѣ другіе, ходили въ четы, стерегли свои стада и вообще вели жизнь, не отличающуюся отъ жизни каждаго члена племени.

Прекрасно характеризуется это положеніе ихъ въ одной пѣснѣ.

Скадрскій визирь пишетъ спужскому папѣ:

«*Ја сам чуо и кажу ми људи,
Да су сипше прногорске овце
На зимницу у Саѣвац тврди
Спрама Спужа, града крвавога,
Пред овцама до три војеводе —
Миѣуновић с Велестова Вуче,
Мрвљевић Драшко и Вукота.*

Узнавъ объ этомъ, турки сначала посылають *уходу* (развѣдчика), а потомъ нападаютъ; затѣвается бой, въ которомъ воеводы бьются наравнѣ съ другими.

Въ другой пѣснѣ (L) собираетъ озриницкое войско Симо Милутиновъ, а воевода Митѣ бьется, какъ и другіе, при томъ говорятся:

«*Добар се је јунак загоњно,
Баш од Чева војевода Мићо,
И турчину главу посјекао
И узе му свијетло оружје.*

Одержавши побѣду и подѣливши богатую добычу, сверхъ того:

«*Арамбаши даше старјешинство,
А војводи коња под тимаром.*

Если-же главарь не принималъ участія въ бою, то ему не давали доли въ добычѣ. Такъ, въ пѣснѣ XVII потребовалъ

было себѣ часть въ добытомъ оружїи сердарь Вукале съ Чева; на это ему отвѣтили:

«Проѣи ми се, Вукале сердаре!
 Није лако узимат оружје;
 Но, ако си јунак за оружје!
 Ено турци, а на њих оружје,»
 Сердар се је на то разљутио,
 Па отиде за турцима трагом,
 Док улезе у алуге тврде;
 Сердар хукну, а турчин звијукну,
 На звијук га сердар намамао,
 Без ране га жива ухватио
 И узе му главу и оружје.
 Здраво сердар у дружину дође,
 Здраво дође, весела му мајка!

Воеводой не могъ быть никто, если лично не отличился въ бояхъ и если не отрубилъ нѣсколько турецкихъ головъ. Но сильное братство, намѣтивши кого-либо изъ своихъ въ воеводы, могло дать ему возможность отличиться; а такъ какъ съ отличїями могли быть и другїе (это самое обычное дѣло для черногорца), то употреблялись сверхъ того сила и влїяніе. Выборъ, однако, главнымъ образомъ держался на братствѣ.

Сдѣлавшись вождемъ племени во всѣхъ отношенїяхъ, воевода постепенно прїобрѣталъ все большее и большее значеніе и власть. Но скоро явилось новое достоинство сердарей. Когда появилось это достоинство у черногорскихъ племенъ, неизвѣстно; несомнѣнно только, что сердари были у турокъ прежде. Ихъ обязанность была, какъ-бы, блюсти внутреннїй порядокъ и чинить судъ въ узшемъ кругу: такъ они были въ Нѣгушахъ, въ Команахъ, въ Загарчѣ, Цекличахъ и др., гдѣ не было своихъ отдѣльныхъ воеводъ; а въ то же время были и тамъ, гдѣ уже имѣлись воеводы: на Чевѣ, въ Цуцахъ, Байцахъ и т. д.; а иногда

племя имѣло только воеводу безъ сердаря, какъ напр. Лѣшанская нахія. Вообще это учрежденіе новое. Впервые встрѣчаемъ это званіе въ началѣ XVIII в. на Нѣгушахъ и у Озриничей; а такъ называемыя Брда ихъ не имѣли до конца XVIII в. (приблизит. до 1790 г.), и всѣ сердари въ этихъ мѣстахъ, какъ Бѣлопавличы, Морача, Пиперы, Васоевичи и Кучи, поставлены владыками Петромъ I и Петромъ II. Съ ихъ званіемъ, между прочимъ, соединено было ношеніе меча особенной формы, которая указываетъ на его назначеніе не рубить, какъ ножъ или большіе мечи и сабли, а служить больше для почести и на случай обороны (см. ниже описаніе оружія). Замѣчательно, что сердари появляются прежде всего въ западныхъ частяхъ Черногоріи, а также распространены давно въ Приморья и Далмаціи (Которскіе сердари), что мы приписываемъ вліянію Турціи, которая въ то время владѣла Босніей и Герцеговиной, а временно и нѣкоторыми частями Далмаціи.

Вліяніе сердарей простиралось на территорію гораздо меньшаго объема, чѣмъ воеводъ; поэтому они не имѣли ни такого широкаго народнаго значенія, что шло на руку какъ туркамъ, такъ и владѣвшимъ въ Далмаціи венеціанцамъ. Послѣдніе титулы воеводы давали только владѣтельнымъ лицамъ, каковы были напр. Черноевичи въ Зетскомъ государствѣ. Легче также было имѣть дѣло съ сердарями, чѣмъ съ воеводами и черногорскимъ владыкою, стремившимся къ установленію государственнаго строя вмѣсто племеннаго. Не безъ значенія въ этомъ смыслѣ и то, что въ упомянутомъ выше описаніи Черногоріи въ спискѣ всѣхъ сановниковъ сердари поименованы прежде, чѣмъ воеводы.

Представляя собою власть, дѣйствующую на мирномъ положеніи, тѣмъ не менѣе сердари принимали участіе и въ битвахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не имѣли бы никакого уваженія со стороны своего народа. Иногда они въ этомъ случаѣ заступали воеводъ.

Таковъ былъ сердарь Міать Дуловчъ, который однажды (около 1800 г.), собравъ Горню-Морачу и большую часть Дроб-

някъ, предпринялъ экспедицію противъ турецкихъ укрѣпленій на правомъ берегу р. Тары противъ Езеръ и пивскихъ Церквиць. Къ этой экспедиціи послѣ примыкаетъ и воевода Мина Радовичъ; новсе распоряженія идутъ отъ сердаря (см. пѣс. XXXVII). Такимъ образомъ отъ мирныхъ, такъ сказать, гражданскихъ обязанностей своихъ сердари уклоняются и становятся воинами. Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ участвовали въ битвахъ и бывали даже предводителями священники и монахи.

За сердарями слѣдуютъ *кнези*, какъ старшины села или братства. Ихъ значеніе ограничивается тою маленькою группою, въ которой они живутъ, какъ ея члены по рожденію. Въ селѣ однако кнезь самое почетное и самое вліятельное лицо: безъ него не предпринимается въ селѣ ничего сообща; онъ созываетъ собраніе; онъ судитъ, входя даже во внутреннія дѣла семьи или дома; къ нему обращаются за совѣтомъ и рѣшеніемъ свои люди; черезъ него же ведутся все внѣшнія сношенія. Приобрѣти на свою сторону кнезевъ, вы можете дѣйствовать на народъ помимо воеводъ и сердарей. Село или братство никого такъ не послушаетъ, какъ своего кнеза. Иные изъ нихъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ и на ихъ призывъ шли даже и другія села или братства. Таковъ былъ кнезь Роганъ въ Цуцахъ и его потомки Рогановичи; затѣмъ Моисія или Мюшъ на Чевѣ, подъ команду котораго собираются противъ турокъ все озриничи, часть бѣлицъ и цуцъ (1722 г., см. пѣс. XI), и другіе, ноименовывать которыхъ нѣтъ надобности.

Наконцѣ есть цѣлый разрядъ людей, не занимавшихъ такого положенія, какъ воеводы, сердари и другіе главари, но также, какъ и они, принимавшихъ дѣятельное участіе во всехъ функцияхъ народной жизни и не менѣе ихъ иногда имѣвшихъ вліяніе на народъ. Это — духовенство, черное и бѣлое. Во главѣ его стоять, конечно, владыка (митрополитъ), на котораго внослѣдствіи народъ смотрѣтъ, какъ на государя и называетъ своимъ господаремъ. Затѣмъ слѣдуютъ *каудьер* или *духовник* — монахъ, простой или игумень все равно, и *пон* — священникъ или *прото* —

протопопъ. Они не были исключительно служителями алтаря и исполнителями требъ, а являлись въ глазахъ народа тоже вождями, какъ умнѣйшіе люди, которые много знаютъ и во многомъ могутъ дать хорошій совѣтъ и поучить. Поэтому къ нимъ относились съ большимъ уваженіемъ; имъ давали мѣсто въ народныхъ собраніяхъ; на ихъ рѣшеніе отдавали многія дѣла общественныя или частныя, семейныя; безъ нихъ не обходилось ни одно общественное или семейное торжество, при чемъ оказывалось должное почтеніе; они принимали участіе въ управленіи и въ войнѣ; изъ нихъ же бывали главари и военные вожди. Особенное почтеніе оказывалось настоятелямъ монастырей, какими напр. были: Моисей въ Георгіевыхъ-Столпахъ (въ Васоевичяхъ), Дмитрій въ Морачскомъ монастырѣ, Іосифъ въ Острожскомъ и др. Это были главные вожди своего племени, которое слушалось ихъ во всѣхъ дѣлахъ. Изъ блага духовенства большимъ вліяніемъ пользовались попъ Слахо въ Кучахъ, прото Гавріилъ въ Васоевичяхъ, попъ Жутый на Нѣгушахъ, попъ Никола въ Цеклячахъ и др. Часто священники, какъ главари или герои, воспоминаются и въ народной нѣснѣ: въ 1792 г. всѣ главари изъ Бѣлопавличей идутъ на Цетинье къ владыкѣ съ жалобой на турокъ, «А предъ нима попе Бошковичу»; въ описаніи боя на Салковинѣ (Рѣцкой-нахи, 1840 г.) говорится о попѣ Дайковичѣ съ молодцомъ Крцуномъ Янковичемъ, отбившихъ штурмъ турокъ; попъ Радовичъ изъ Мартиничей упоминается въ битвѣ 1819 г., а передъ цѣлымъ войскомъ тогда былъ острожскій игуменъ Георгій; во взятіи Жабляка 1835 г. участвовалъ попъ изъ Вранины. Рассказываютъ про попа Петра Хайдуковича изъ Подгори въ Цермницѣ, что онъ во время войны съ французами 1806—7 гг. въ одномъ дѣлѣ на морѣ первый вскочилъ въ далматинскую брацеру, державшую сторону французовъ, и овладѣлъ ею. За это владыка Петръ I подарилъ брацеру ему, а онъ ее продалъ въ Будвѣ и на вырученныя деньги построилъ домъ, въ которомъ и теперь живутъ попъ Раде Хайдуковичъ (за 70 лѣтъ) и другіе его потомки. А въ 1832 г. онъ же участвовалъ въ дѣлѣ въ Зетѣ вмѣстѣ съ гра-

фомъ Иваномъ Вукотичемъ, за что отъ этого послѣдняго и получилъ въ даръ крестъ съ надписью: «за витешку вѣрность». Онъ, говорятъ, первый изъ священства сталъ носить бороду, длинные волосы и священническое одѣяніе, и въ мирное время никогда не носилъ оружія.

Въ настоящее время въ Бѣлопавличахъ живъ еще прото Ристо Бошковичъ, пользующійся огромнымъ вліяніемъ въ своемъ племени, и народъ его называетъ воеводой. Недавно умеръ на Нѣгушахъ прото Мина Радоничъ, который судилъ даже въ сосѣднемъ Приморьи, въ Австріи.

Въ Люботинѣ игралъ очень важную роль попъ Іоко Кусовацъ (отецъ нынѣшняго сердаря Шкрня), къ которому личную дружбу питалъ князь Данилъ. Со времени владыки Петра II изъ священниковъ были капитаны; такимъ былъ попъ Никола изъ Цекличей. Въ Цермницѣ капитаномъ былъ попъ Дьоновичъ, недавно умершій; попъ Илія Пламенацъ, отличившійся во многихъ бояхъ въ молодости и пользовавшійся вліяніемъ въ своемъ племени, также сдѣлался капитаномъ и потомъ воеводой, въ послѣднюю войну былъ командующимъ надъ однимъ отдѣленіемъ войска, а теперь военный министръ; попъ Машанъ Дьуровичъ въ Цермницѣ же, теперь воевода и бригадиръ; попъ Дьоко Мишковичъ въ Пѣшивцахъ—воевода и предсѣдатель окружного суда въ Никшичѣ и т. д. Не смотря на высокое положеніе, занимаемое этими лицами, народъ ихъ до сихъ поръ называетъ: попъ Илія, попъ Машанъ и т. д. И это имъ нисколько не оскорбительно.

Уваженію къ духовенству нисколько не мѣшало то, что оно вело образъ жизни такой же, какъ и всякій простой черногорецъ, работая въ полѣ и ухаживая за скотомъ, терпя иногда, какъ и всѣ, нужду и всякія лишенія; это еще больше связывало его съ народомъ. Благодаря такому народному уваженію къ духовенству, въ старое время въ Черногоріи господствовало стремленіе къ священническому званію, и семья или родъ, изъ которыхъ было много священниковъ, славились одинаково, какъ бы изъ нихъ было много героевъ, положившихъ свою жизнь за отечество.

Поэтому прозваніе Поповичей весьма почетно въ Черногоріи.

Отчасти это зависѣло отъ того, что во главѣ народа стояло духовное лицо, митрополитъ; но и онъ по принципу былъ выборный въ духѣ племенномъ, вслѣдствіе чего вначалѣ и была владыки изъ различныхъ племенъ, составлявшихъ въ то время нѣчто въ родѣ федераціи или племенного союза. Еще больше племенной принципъ проявлялъ свою силу на священствѣ: здѣсь положительно не принимался священникъ изъ другого племени. То же самое соблюдалось и по отношенію къ пастоятелямъ монастырей; при томъ къ этому званію всегда стремились болѣе сильныя братства: въ Острогѣ Бошковичи и Павичевичи, въ Морачѣ Меденицы и Радовичи.

Однимъ словомъ, духовенство въ старое время держалось, какъ и всѣ другія народныя учрежденія, на племенныхъ основахъ, было произведеніемъ племенной жизни, и въ настоящее время начинаетъ измѣнять свой характеръ въ той мѣрѣ, какъ племя уступаетъ государству.

Въ началѣ XVIII вѣка, независимо отъ учрежденій чисто народныхъ въ духѣ племенномъ, появляется въ Черногоріи достоинство *гувернадура*, установленное владыкою Данииломъ въ договорѣ съ Венеціанскою республикой подъ предлогомъ облегчить Черногоріи иностранныя сношенія и главнымъ образомъ съ Венеціей, а также чтобы освободить владыку отъ участія въ дѣлахъ, которыя не подобаютъ его сану. Онъ получаетъ жалованье отъ республики и долженъ жить въ Которѣ. Чтобы дать этому званію больше вѣса въ народѣ, оно предоставлено было самому сильному въ то время въ Черногоріи племени озриничей. Но для озриничей было неудобно жить вдалекѣ отъ своего дома и потому они добровольно уступили *гувернадурство* Радовичамъ въ Нѣгушахъ, которые находились какъ разъ на границѣ.

Гувернадуръ скоро сдѣлался такимъ лицомъ, что безъ его

вѣдома не рѣшалось ни одно болѣе важное дѣло, и онъ былъ предсѣдателемъ и главнымъ факторомъ на всѣхъ большихъ скупштинахъ. На одномъ рѣшеніи скупщины, бывшей 29 Марта 1826 г., всѣ участники ея подписались въ такомъ порядкѣ: «Ми Гувернаторъ и сердари и воеводе и кнезови и прочи главари и старѣшине отъ све катунске нахне и отъ Бердахъ»; въ концѣ стоятъ подписи такъ: «Писахъ я священноеромонахъ Стефанъ Лазарович договорно *кметовахъ и есамъ кметъ*». Далѣе еще нѣсколько дополненій къ рѣшенію, и въ заключеніе всего подписи: «Гувернаторъ Вукале Радоничъ на име свиехъ главарахъ» и послѣ: «Я владыка Петръ Петровичъ подписахъ и печатомъ подтвердихъ»; слѣва печать.

Обратимъ вниманіе на то, что сердари здѣсь (а также въ другихъ мѣстахъ) поставлены выше воеводъ и упоминаются остальные главари и старѣйшины, которые не носятъ никакихъ званій, а только представляютъ собою свое племя или братство; имена ихъ однако находятся въ самой записи: «кои се подпишуемо Гувернадуръ Радоничъ, сердаръ Мапойле Вукотичъ и Стефанъ Перковъ, Янко Вуковичъ, кнезь Тодоръ, Пейо Матовичъ, Иово Ивановъ и Вукота Милутиновъ изъ Велестова и *остали чевяни*; сердаръ Михайло Бошковичъ на име *свиехъ Бердахъ*; Саво Марковъ и Томо и кнезь Раде, Дьюро Гувернадуровъ, Филипъ Лазаревъ, Туро Марковъ и *остали Нгуши*; кнезь Гавриле и попъ Нькола и попъ Иванъ, и Андрия Дьюровъ, и Спасое Савичевъ и *остали Чекличи*; кнезь Вуко, попъ Мятаръ, Саво Лукичъ, Преле Керцуновъ и *остали Бълмце*; Иванъ Николинъ Перовича, Завиша Ристовъ, Вуко Богдановъ и Вуко Иововъ и *остали Цуце*; Рамо Лазаревъ, Груица Мердовъ, Милутинъ Беговъ, Иованъ Радовъ и *остали Загарчани*; Иовица Шутановъ, Туро Андричъ, Мирко Шутановъ и Симо Контичъ и *остали Пльшиоци*; *нампришесе два черничанина* попъ Иoko Поповичъ и Богданъ Живановъ».

Изъ этого списка можно видѣть и значеніе племенъ по порядку, въ какомъ именуются ихъ представители: первое мѣсто занимаютъ чевляне, затѣмъ бердяне, нгуши и т. д. Цетгняне

не поименованы, потому что ихъ дѣло разбиралось на этой скупщинѣ. Изъ подписи іеромонаха Стефана мы узнаемъ, что всѣ поименованныя лица носятъ названіе *кметовъ*, которые имѣли значеніе присяжныхъ, съ одной стороны рѣшавшихъ дѣло своими голосами, съ другой—участвовавшихъ и въ самомъ разборѣ дѣла. Въ одной *сентенціи* (рѣшеніе суда), данной 1797 г. въ цетинскомъ монастырѣ *), говорится: «на данашњи дан додѣ господин владыка Петар Петрович и остала господа главари од све Црне-Горе, који обје парте призваше, молише и Богом закумише, да се умире, и они тако послушаше и *суд медью собом господоу кметове поставише*: перво госп. влад. Петра; и од Цермнице серд. Ивана Пламенца; од Цетинья протопопа Марка и војв. Николу Мартиновича; од Лѣш. пахче војв. Стана Ускоковича» и т. д. «и остале до 24 кмета, који сви сједечи на мјесто, од нас изобрано, чусмо и потанко разумјесмо све разлоге од једне и друге стране, будучи говорише све, колико ктѣше и колико знадоше, и тако ми кметови находятъ и се у једнакој воли и договору» — слѣдуютъ пункты.

Изъ этого видно, что кметами назывались всѣ участники суда со всѣми главарями и между ними владыка и что обычно ихъ было 24; иногда говорилось такъ: «и остали 24 главарахъ и *главарскимъ синовалъ*, кои се ту намѣрише и медью нима бише и сву нихъ давию разумѣше и медью нима сѣдоше».

Выбирали ихъ тяжущіяся стороны; а иногда бывали между ними и люди, очутившіеся тамъ случайно, какъ тѣ два цермничанина, упомянутые въ сентенціи 1826 г., и какъ намекаетъ на то сейчасъ приведенное выраженіе: «кои се ту намѣрише», т. е. случайно оказались. Въ настоящее время *кметовами* значитъ: быть посредникомъ или судьей въ какой либо тяжбѣ, опѣнивать потраву, присуждать по своему разумѣнію плату за потери и т. п.

Наконецъ въ предыдущей сентенціи (1797 г.) въ заключеніи говорится: «И ми главари узесмо *обичне карате* од обје парте

*) См. «Црногорка» 1884 г., № 21; сообщено М. Драговичемъ.

пекинах здравіјех тридесет» — это была плата имъ за трудъ и путевыя издержки.

Судъ этотъ могъ происходить въ различныхъ мѣстахъ; но на Нѣгушахъ и теперъ есть одно мѣсто (противъ школы), называемое *банах*, гдѣ было возвышеніе въ три или четыре ступеньки, и тамъ происходилъ судъ. *Нѣгушки банах* упоминается въ одной сентенціи 1827 г. такъ: «(Перо Радов) кои имаше свою жену и дѣцу и свою жену изагна и да узме свою сноху безаконо преко много писма нашего господара митрополита и преко зарока *свеса банка Нѣгушкого*». Это названіе заимствовано, конечно, изъ Приморья, гдѣ управляли венеціанцы (итал. *banco*—бюро, контора, канцелярія и въ то же время собраніе, присутствіе, откуда *levare il banco* — распустить засѣданіе).

Въ сентенціяхъ, данныхъ въ Будвѣ напр., мы читаемъ: «Ми судье и војводе, и властели, кои испуњавамо *банах* комунитади Паштровичахъ».

Какъ ни мало документовъ мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, чтобы можно было составить себѣ полное понятіе о внутренней организаціи и управленіи племени; но изъ этого малаго количества данныхъ мы съ достовѣрностію можемъ заключить, что, во 1-хъ, важныя дѣла, какъ судъ между нѣсколькими племенами, рѣшались народнымъ собраніемъ, въ которомъ принималъ участіе весь народъ (по крайней мѣрѣ одной нахін) черезъ своихъ представителей, и во 2-хъ, что эти представители, будучи просто людьми, пользующимися народнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, были въ собраніи на одинаковомъ положеніи съ сардарями, воеводами и даже съ господаремъ, своимъ владыкой, считаясь одинаково съ ними главарями.

Правда, это мы знаемъ только относительно Катунской нахін; но здѣсь-то и нужно искать прежде всего выдѣленія изъ народа отдѣльныхъ личностей, облеченныхъ въ какія-либо званія и достоинства; такъ какъ здѣсь прежде всего появилось стремленіе къ замѣнѣ племенного строя государственнымъ и здѣсь же возникаетъ государство, къ которому впоследствии и прирастаютъ

всѣ окружныя племена, какъ къ основному кристаллу. У другихъ же племень еще больше было развито племенное чувство и глубже коренилось убѣжденіе, что главарь не смѣетъ предпринять ничего важнаго безъ рѣшенія народа, который, какъ мы видѣли, крѣпко держалъ за собою право ставить или удалять своихъ воеводъ и другихъ главарей. У тѣхъ племень единственную личность, которая могла назваться вождемъ и обладала нѣкоторою властью, представлялъ воевода, неимѣя подъ рукою организациі, съ помощью которой онъ могъ бы управлять народомъ, кромѣ братства, которому принадлежалъ и отъ котораго вполне зависѣлъ; но братство составляло основной элементъ племени и потому должно было защищать его права противъ всякихъ покушеній единоличной власти. Возмущенія, бывшія въ Цермницѣ, въ Рѣцкой нахіи и Пиперахъ во время владыки Петра II, были ничто иное, какъ протестъ племенного строя противъ государственнаго. Тамъ рядомъ съ воеводами всегда бывали личности, которыя не меньше ихъ пользовались вліяніемъ на народъ. Такимъ напр. у пиперъ является Савичъ Радоевъ со Стѣны (1799 г.), за которымъ цѣлое почти племя идетъ на бой съ турками, и въ одной пѣснѣ онъ называется такъ: «О, Савичу, од пиперах главо!», а въ другой: «О, Савичу! наша купивойско». Особеннымъ вліяніемъ, какъ мы видѣли, пользовались священники и монахи. Затѣмъ, такъ называемые «арамбаши» (предводители хайдуцкихъ четъ), дѣйствовавшіе на свой страхъ, не спрашиваясь воеводы или какой другой власти. Ни одинъ воевода не имѣлъ въ своемъ племени такого значенія, какъ «Никац од Ровинах» въ Цуцахъ (полов. XVIII в.). Отсутствіе крѣпкой власти видится и изъ того, что могли воевать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не только племя съ племенемъ, но и братство съ братствомъ, живущія въ одномъ селѣ; напр. въ Добрскомъ селѣ была такая война между Сѣклотями и Крушчичами, живущими такъ близко, что отъ домовъ однихъ до домовъ другихъ можно добросить камень. Но, когда зло сознавалось всѣми, тогда собиралась скупщина, которая разбирала дѣло и присуждала, кто долженъ понести отвѣтственность, и дѣло прекращалось; а кто

не хотѣлъ покориться, тому не было жизни въ своемъ племени: онъ долженъ былъ бѣжать, часто въ турецкіе предѣлы и тамъ потурчиться; домъ же его сжигали, имѣніе присуждали пострадавшимъ отъ него, а иногда предавали грабежу. Власть и сила заключались въ народѣ, который проявлялъ ихъ въ народныхъ собраніяхъ (сбор, скупщина). Поэтому каждое племя имѣетъ особые пункты, служившіе для такихъ собраній. Иныя мѣстности сообразно съ тѣмъ носятъ и свое названіе, напр. Сборна-главица на Чевѣ; у Кучей есть мѣстность между Косоромъ и Медуномъ *Роге*: тутъ когда-то былъ лѣсокъ, дававшій хорошую тѣнь, и колодезь съ хорошею водой; это было мѣсто ихъ собраній. Теперь она оголѣла; колодезь заброшенъ, и народъ собирается на Медуиѣ подъ развѣсистымъ тутовымъ деревомъ, гдѣ также есть и ключевая вода. Такія мѣста были во всѣхъ племенахъ, но съ теченіемъ времени эти собранія потеряли свой смыслъ и значеніе, а съ ними и самыя мѣста заброшены и почти забыты.

Собранія эти конечно не были правильныя, т. е. постоянныя и въ опредѣленные сроки; но вызывались особенно важными обстоятельствами, какъ: выборъ воеводы, примиреніе многолѣтнихъ ссоръ, разборъ тяжбъ, угрожающихъ общему миру; рѣшеніе относительно какихъ-либо требованій сосѣдей или непріятеля—турка и т. п. Были однако собранія и частныя, одного братства, села или рода. Для такихъ собраній также есть въ каждомъ селѣ какой нибудь опредѣленный пунктъ, а иногда они бывали и въ домѣ. Здѣсь обсуждались конечно дѣла, касающіяся того узкаго круга, въ которомъ и происходило собраніе.

Мы не можемъ сказать ничего о порядкѣ, какъ происходили эти собранія; по всѣмъ вѣроятіямъ, управляли ими люди выдающіеся умомъ, вліяніемъ и опытностію, хотя бы и не были облечены въ какія-либо достоинства. Только на Нѣгушахъ, говорятъ, формально предсѣдательствовалъ «гувернадуръ», занимая возвышенное мѣсто; остальные же члены размѣщались по ступенькамъ возвышенія, всякій по достоинству, а дальше кругомъ обступалъ остальной народъ.

Такъ было въ отдаленномъ прошломъ. Скоро будетъ половина столѣтія, какъ въ Черногоріи управляетъ князь, а ломка старыхъ порядковъ и учрежденій началась еще раньше. Именно съ началомъ XVIII в. Черногорія идетъ къ учрежденію едино-властія на счетъ племенной раздѣленности, и племя постепенно уступаетъ государству сначала въ области политики, а потомъ и во внутренней своей жизни.

6. Учрежденіе сената, какъ ступень къ объединенію племенъ и переходу къ государственности и единой державѣ; черты, характеризующія племенную духъ; племенная знать и стремленіе къ аристократизму.

Первымъ шагомъ на этомъ пути было учрежденіе *цвернадурства* и послѣдственность всѣхъ званій; но самымъ важнымъ фактомъ было учрежденіе *сената* тотчасъ по вступленіи на митрополию каедрю Петра II. Въ учрежденіи его участвовали около 50 болѣе вліятельныхъ главарей, между которыми самую важную роль игралъ Стефанъ Перковъ Вукотичъ (отецъ воеводы Петра, дѣдъ нынѣшней княгини Милены). Это было правительство, состоявшее изъ 12 сенаторовъ, представителей болѣе сильныхъ племенъ. Президентомъ считался владыка, а вице-президентомъ былъ его братъ Перо Томовъ. Въ помощь сенату, какъ исполнительная власть, даны были 40 перяняковъ, людей видныхъ физически и храбрыхъ, при томъ изъ сильныхъ братствъ и вліятельныхъ семействъ. Въ каждомъ селѣ поставлены были капитаны, а цѣлыми нахіями завѣдывали воеводы и сердари, которые по своему выбору именовали нѣсколько душевныхъ и честныхъ людей для того, чтобы чинить судъ и расправу по мелкимъ дѣламъ; крупныя же должны были переноситься на Цетинье.

Сенаторы получали жалованье: вице-президентъ 600 талеровъ, остальные по 100, а перяники по 40. Капитаны же и прочіе были безъ жалованья, такъ какъ сидѣли дома, и получали

въ свою пользу только *штрафы* (штрафы). Для порядка сообразно съ числомъ душъ назначены были всюду *стражари* (какъ въ Австріи *рондари*), назначеніе которыхъ было слѣдить за дурными людьми и общею безопасностію *).

Этимъ учрежденіемъ положено начало централизація и объединенія отдѣльныхъ племенъ, и паденіе племенного начала передъ началомъ государственнымъ.

И по настоящее время все еще существуетъ раздѣленіе народа на племена, существуютъ воеводы, сердари; бывають скупштинны; но все это, составлявшее нѣкогда нераздѣлимое цѣлое племена, органически связанное съ народною жизнію, утратило уже свой смыслъ и значеніе. Воеводство и сердарство въ настоящее время не больше какъ почетные титулы: одни изъ носящихъ ихъ живутъ на Цетинѣ, занимая должности министровъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, или даже вовсе безъ должности, и не имѣя никакого отношенія къ своему племени; другіе, хотя и живутъ среди своего племени, но всѣ дѣла вершатъ капитаны или различные воинскіе начальники. Если бывають скупштинны, то по призыву начальства и то только для объявленія народу какого-либо важнаго распоряженія правительства или какой нибудь важной вѣсти, а не для обсуждения какихъ нибудь дѣлъ и вопросовъ. Сенатъ держался въ Черногоріи до послѣдней войны, и при этомъ имѣлось въ виду, что члены его заступаютъ интересы племенъ; теперь же учреждены министерства, отвѣчающія различнымъ функціямъ государственной жизни.

Званіе кнезовъ уничтожено княземъ Данииломъ съ строжайшимъ приказомъ, чтобы не слышалось больше это имя, такъ какъ имѣется одинъ князь всей Черногоріи (см. Богишичъ—Sborn. pravn. obišt. стр. 523).

Съ учрежденіемъ капитанствъ, капитаны сначала были пле-

*) О значеніи этого учрежденія и его составѣ съ характеристикой вошедшихъ въ него личностей см. наше соч. «Петръ II, владыка Черногоріи», стр. 31—46.

менскіе, которые судили и со своимъ племенемъ или частью его шли на войну, какъ военные начальники той части; теперь же капитаны ничто иное, какъ чиновники съ административною только властью, и состоятъ въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Есть еще нѣсколько такъ называемыхъ племенныхъ капитановъ, которые получаютъ малую плату (кажется, 40 флор. въ годъ) и носятъ гербъ капитанскій; но они не имѣютъ никакого участія въ управленіи, если не занимаютъ какой нибудь другой должности: одинъ капитанъ, напримѣръ, былъ въ то-же время учителемъ, а послѣ сдѣлался священникомъ. Однимъ словомъ, племенныхъ главарей въ Черногоріи больше нѣтъ, а въ 1882 г. для завѣдыванія внутренними дѣлами, такъ сказать въ помощь административнымъ капитанамъ, учреждены въ каждомъ селѣ и городѣ общины; названо впрочемъ это учрежденіе такъ: «Организація селъ и сельскихъ старѣйшинъ». По уставу этого учрежденія всякое село выбираетъ себѣ старшину (кмета) на 3 года. Въ качествѣ помощниковъ и совѣтниковъ выбираются, смотря по величинѣ села и по потребностямъ, еще 2—6 человекъ тоже изъ самыхъ честныхъ и дѣловыхъ поселянъ. Въ кругъ дѣятельности кмета съ его помощниками входитъ слѣдующее: 1) сохраненіе внутренняго мира и добраго порядка; 2) предупрежденіе всякихъ ссоръ, которыя большею частію въ селахъ происходятъ изъ различныхъ мелкихъ столкновеній между женщинами и дѣтьми; 3) забота о здоровьѣ, какъ людей, такъ и скота; и, какъ только появится какая-либо заразная болѣзнь, кметъ долженъ предпринять необходимыя мѣры и сообщить своей власти о появившейся болѣзни и ея признакахъ, насколько онъ можетъ ихъ понять; 4) охранять поля, полевые работы, нивы, ливады, виноградники, плодовые насажденія, отдѣльныя пастбища, рощи, мѣста, гдѣ берутъ *смиш* (кормовая трава, растущая между скалами), лѣса, водопроводы; 5) и 6) помогать развитію земледѣлія и скотоводства; 7) распредѣлять сообразно съ имѣніемъ особые налоги, которые бы правительство нашло за необходимое для государственныхъ нуждъ, какъ для школъ, дорогъ, мостовъ, войска и лѣкарей; 8) не

теригѣтъ въ обществѣ пьяницъ, лѣнивцевъ, мотовъ и смутливцевъ.

Эти правила изданы были какъ временныя съ обѣщаніемъ, что «съ теченіемъ времени они будутъ пополняться согласно съ потребностямъ». Въ городахъ это учрежденіе принялось и дѣйствуетъ до сихъ поръ, а въ селахъ на первыхъ же шагахъ оно вошло въ столкновеніе съ племенными и военными понятіями о старшинствѣ, а также и съ мѣстною властью, которая вообще отнеслась къ нему неблагосклонно, видя въ немъ соперника себѣ. Впрочемъ во всѣхъ нововведеніяхъ подобнаго рода самое трудное разграничить кругъ дѣятельности между различными общественными и политическими факторами. Даже министерства, которыя дѣйствуютъ уже пятнадцать лѣтъ, въ этомъ отношеніи не могутъ удержаться, чтобы иногда не вмѣшаться одно въ область другого.

Населеніе городовъ и другихъ мѣстностей жителями изъ различныхъ племенъ повело къ тому, что изъ нихъ всякій причисляется къ мѣстному батальону безъ разбора племени и братства. Правительство взяло на себя право изъ племенныхъ общинъ земель, собственно изъ планинъ, надѣлять нуждающихся въ нихъ, хотя бы то были изъ другого племени: такъ дробняки, морачане, колашинцы и шаранцы, владѣвшіе Синявиной-планиной по праву сосѣдства и добычи ея своимъ оружіемъ, должны были принять къ себѣ еще бѣлопавличей; пиперы и жуляне на Лукавицѣ такимъ образомъ приняли загарчанъ, а подъ Голіей даны мѣста для катуновъ команамъ.

Мелкіе главари, какъ капитаны, хотя и ставятся изъ мѣстныхъ людей, но ихъ ставятъ правительство; а высшіе, какъ окружные капитаны, часто бываютъ изъ другого племени.

Малыя племена, какъ цуцы, цеклячи и бѣлицы, соединяются въ одинъ батальонъ и имѣютъ общаго батальоннаго командира; не говоря уже о бригадахъ, въ которыхъ соединяются отъ 6—8 баталіоновъ, формирующихся изъ нѣсколькихъ племенъ.

Такимъ образомъ преграды, не смотря на единство вѣры и

народности, изстари дѣлившія племена, постепенно падаютъ; съ тѣмъ вмѣстѣ рушится весь племенной строй, уступая началамъ государственности. Теперь племена сплываются въ одинъ народъ, въ одномъ понятіи Черногоріи, и изъ какого бы ни было племени, всякій называется прежде всего черногорцемъ. Но, пока совершится вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренній процессъ полнаго ихъ сплоченія, борьба двухъ началъ продолжается и, можетъ быть, не менѣе ожесточенная, хотя и не кровавая, происходитъ борьба изъ-за гегемоніи, главарства и первенства. Надобно замѣтить при этомъ, что и сама власть не отрѣшилась еще вполне отъ прежнихъ племенныхъ и родовыхъ предубѣжденій и потому не можетъ сразу стать въ чисто правовыя отношенія къ повиющемуся ей народу. Въ настоящее время Черногорія находится, можно сказать, въ переходномъ состояніи и при новыхъ формахъ живетъ прежними понятіями, представляя собою страну съ военно-патріархальнымъ управленіемъ, гдѣ судъ большею частію руководится обычаемъ, народъ подчиняется охотнѣе военнымъ, чѣмъ гражданскимъ начальникамъ, а высшій законъ составляетъ воля господаря князя. Можно мѣнять форму правленія и сообразно съ тѣмъ видоизмѣнять отчасти даже внутреннюю организацію жизни народа; но его характеръ, воззрѣнія и вообще этнографическій типъ, сложившійся вѣкамъ, трудно уступаютъ всякимъ новизнамъ въ его жизни.

Въ этой племенной жизни созданъ свой неписанный кодексъ, налагающій черногорцу, какъ члену племени, извѣстныя обязанности и въ то-же время опредѣляющій его общественное положеніе.

Сознаніе единокровія налагаетъ на черногорца главную его обязанность: поддерживать своего человѣка передъ другимъ, при какихъ бы то обстоятельствахъ ни было, хотя бы свой былъ и неправъ, и мститъ за него также, не руководясь никакими соображеніями о правѣ и правдѣ: «освета е света». Если бы даже онъ

быть казненъ по рѣшенію суда, и тогда родственники мстили бы исполнителямъ этого приговора. Поэтому при владыкѣ Петрѣ II при разстрѣливаніи преступника въ числѣ исполнителей казни были непременно его единоплеменники.

Въ старое время изъ-за кровной личной обиды одно племя вступало въ войну съ другимъ, дружась съ непріателемъ своей страны, вѣры и народности, съ турчиномъ (собственно потурченцемъ) и арнаутомъ. Племя и родъ ставились выше національности и вѣры, а о единствѣ государственномъ не было и догадки. Эта солидарность всѣхъ членовъ рода и доходящая до пристрастія привязанность къ своему гораздо глубже того, что лежитъ въ русскомъ выраженіи: «свой своему поневолѣ другъ».

По понятіямъ черногорца родственная связь такая святыня, которая стоитъ выше всего на свѣтѣ; и потому два брата, хотя бы были самага дурного мнѣнія одинъ о другомъ и были бы на ножахъ между собою, всегда должны поддерживать другъ друга въ правдѣ и неправдѣ *).

Въ настоящее время кровавая мѣсть цѣлаго племени, братства или рода невозможна; но проникнутыя этимъ духомъ отдѣльныя личности все еще прибѣгаютъ къ ней, хотя все рѣже и рѣже. Чувство же племенного родства и до сихъ поръ даетъ себя знать, проявляясь въ различныхъ случаяхъ и въ различныхъ сферахъ гражданской и общественной жизни. Такъ ни одно племя не можетъ выносить надъ собою власти человѣка изъ другого племени: «Валій сам брата крвника, но тудына за госпо-

*) Въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVIII в., въ статьѣ въ стихахъ «Пряче приказане», содержащей въ себѣ житейскіе совѣты и поученія, есть такое мѣсто относительно почитанія своего рода и гостепримства:

*Кои не познаю своиа рода,
Ние нѣму у раи зода.
Кои свою кућу краде
У паклу му мѣсто граде.
Кои отгони свое госте,
Себѣ гради паклу мѣсто.*

дара». Не смѣя однако выступить противъ него открыто, ему будутъ дѣлать всевозможныя препятствія и непріятности при исполненіи имъ своихъ обязанностей, прибѣгая даже къ средствамъ нечистымъ, и это будетъ оправдано всѣми въ племени, кромѣ весьма немногихъ отдѣльныхъ личностей; и тѣ однако не посмѣютъ выступить за правду. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время нерѣдко управляетъ племенемъ или округомъ *иноплеменикъ*, и при хорошемъ выборѣ народъ сознаетъ, что чужой можетъ быть лучше своего; но и тутъ въ общемъ беретъ верхъ племенное чувство. Въ дополненіе приведемъ еще нѣсколько пословицъ, въ которыхъ выражается племенной духъ, крѣпкая солидарность между всѣми членами и предпочтеніе своего чужому. «Шія, врат—едан комад», т. е. шел и воротъ одинъ кусокъ, иначе—одно и то-же; «куд свой бѣе, туда тіе; куд тудъи бѣе, туда гніе», т. е. побой отъ своего служить на пользу, а отъ чужого на вредъ. «Из тудъине не узймай слуге: свој над яму доведе, али у яму не баца». «Нема гѣта без дьордьева данка; ни брата, док не роди една майка»; «яко братство—брзо залече»; «яку братству—яка и правда; а неяку братству—неяка и правда», т. е. сильное братство всегда имѣетъ за плечами скорую помощь; оно всегда сильно и на судѣ, а слабое—напротивъ. «Не удри стрица код синовца, да те люта змія не заколе; ни уяка код добра сестрича, да те двіе зміе не ударе», т. е. берегись задѣть дядю по отцу, когда у него есть племянникъ, а еще больше берегись задѣть дядю по матери. Прикрываясь однако этимъ племеннымъ или вообще кровнымъ родствомъ, сплачиваются иногда весьма плохіе элементы, чтобы только интриговать въ свою личную пользу, и тогда говорятъ: «свезала се траля за тралю, а приа (тряпка, лохмотья) за прию».

Но если откроется вражда между братьями, то вражда эта самая ужасная. «Кто тебѣ выкологъ глаза?—спрашиваютъ одного.—Родной братъ—отвѣчаетъ онъ. «Это и видно, потому что слишкомъ глубоки ямы».—Потому говорится также: «Нема крвника без брата родника». Этимъ указывается на потурченцевъ и окатоличившихся сербовъ. При всемъ уваженіи и любви

къ своему роду и стремленіи къ поддержанію его въ потомствѣ, въ иныхъ случаяхъ, если кто нибудь стоитъ на дурномъ пути или пользуется дурною славой, считается за лучшее, чтобъ не осталось вовсе потомства: «Болѣя е истрага, но рдыва на-трага».

При такомъ отношеніи къ своему черногорецъ прежде всего сознаеть свою принадлежность къ тому или другому племени. Но гордятся этимъ только сильныя племена, какъ нѣгушъ, озриничъ, цеклинянинъ и т. п., другія же держаться скромно. Въ томъ-же духѣ и среди одного племени есть отдѣльныя братства и роды, которые особенно гордятся своимъ именемъ и къ которымъ во всѣхъ остальныхъ членахъ его замѣтно особенное уваженіе, вслѣдствіе чего имъ дается преимущественное право на главарство. Такимъ образомъ при отсутствіи принципа наследственности званій, они часто, какъ мы видѣли, переходили по наследству въ одной известной фамиліи. И это относится не только къ свѣтскимъ званіямъ воеводъ, кнезовъ, сердарей, но и къ духовному званію. Напримѣръ въ Бѣлопавличахъ въ фамиліи Бошковичей никогда не переводятся священники. Тѣмъ же путемъ митрополичье достоинство съ конца XVII в. оставалось постоянно въ фамиліи Петровичей.

Въ силу такого внутренняго расположенія, въ Черногоріи, хотя и не было аристократіи, но всегда были отличные роды, за которыми признавалась какая-то привилегія давать народу главарей. Объ этихъ родахъ и фамиліяхъ мы уже говорили выше, а здѣсь замѣтимъ въ дополненіе, что нѣкоторые изъ нихъ, приходившіе въ тѣсную связь съ Венеціей и служившіе ей, получали отъ нея титулъ *conte*, причемъ они снабжались сообразно съ тѣмъ гербами. Венеціанскіе гербы мы знаемъ въ фамиліи Пламенцевъ въ Цермницѣ и Поповичей на Рѣкѣ (а родомъ изъ Зеты). Потомъ черногорцы стали пріобрѣтать различныя титулы въ Россіи, отправляясь куда всегда значились дворянами всѣ безъ различія, какого бы рода ни были, и титуловались, по меньшей мѣрѣ, «благородными».

Такимъ образомъ явились въ Россіи графы Вукотичи, Де-Подгоричани и др. *).

При всемъ демократизмѣ цѣлаго внутренняго строя и духа племени, при высокомъ понятіи вообще о человѣческомъ достоинствѣ, у черногорца всегда было стремленіе возвыситься надъ другими не одними своими личными достоинствами, но и славою своего рода, чтобы имѣть право назваться: *козович*, *кутъич*, *соевич* или *племич* и *юсподичич*. Съ этимъ званіемъ, такъ сказать, соединялось прежде всего понятіе о храбрости (юнак), а потомъ объ умѣ и умѣньи управлять дѣлами, о самопожертвованіи, великодушіи и щедрости, за что обладающаго этими качествами любили, чтли и уважали. Дѣти обычно воспитывались и росли въ этомъ духѣ, получая отъ родителей въ наслѣдство прежде всего ихъ добродѣтели, и такимъ образомъ создавалось цѣлое доблестное поколѣніе. Слава эта однако и почеть устанавливалась не сразу, а годами, признавалась «гласомъ народа», и доставалась при томъ нелегко.

Со временемъ это положеніе измѣнилось, и съ учрежденіемъ государства, гдѣ все зависитъ отъ правительства, не зависящаго ни отъ кого, и отъ его органовъ, первую доблестъ составляетъ вѣрная служба ему и точное исполненіе его распоряженій. Правительство задается извѣстными государственными задачами, которыхъ масса народная, можетъ быть, не въ состояніи ни понять, ни оцѣнить, и которыхъ оно достигаетъ посредствомъ стройной организаціи различныхъ отраслей управленія, не нуждаясь въ сознательномъ напряженіи всѣхъ силъ и самопожертвованіи, какомъ бы то ни было, отдѣльныхъ единицъ. Теперь не требуется признанія заслугъ ни цѣлымъ племенемъ, ни вообще массами, а только бы то было извѣстно правительству. Совсѣмъ другого рода стали и мотивы, побуждающіе на различныя доблестныя дѣла. вмѣсто почета и славы въ своей средѣ, безъ какихъ бы то ни было наружныхъ знаковъ и матеріальныхъ выгодъ,

*) См. о томъ наше соч. «Петръ II», стр. 217—224.

теперь въ Черногоріи, какъ и въ цѣломъ свѣтѣ, отличившимся представляется цѣлый рядъ наградъ въ видѣ различныхъ орденъ и званій, открывающихъ путь къ занятію мѣстъ и положеній, кромѣ почета, приносящихъ и матеріальныя выгоды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было утратить свой первоначальный смыслъ и понятіе *о коюичѣ*; такъ какъ, въ настоящее время, въ Черногоріи, гдѣ нѣтъ никакихъ сословій, человѣкъ, имѣя совершенно незнатныхъ родителей, своимъ умомъ и личными заслугами и другими качествами можетъ достигнуть высокаго положенія, и наоборотъ. Но, не смотря на видимо демократическій духъ племенной жизни, въ черногорцѣ всегда жило стремленіе возводить своихъ предковъ въ какіе нибудь знатные роды; это сказывается въ преданіяхъ о происхожденіи различныхъ племенъ; даже бѣлопавлицкій Павле Бѣлый *Ликотля* считается происходящимъ отъ княжескаго рода, а Дрекаловичи прямо ведутъ свой родъ отъ Скендербега, знатнаго своимъ высокимъ рожденіемъ и славнаго блестящими подвигами. И дѣйствительно стремленіе это не безъ основанія. Старые поселенцы Зеты были все люди, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ: тутъ были и меропхи, и себры и т. п. (см. т. I нашего соч., стр. 380—381 и 442). Новые же пришельцы и главнымъ образомъ ихъ предводители, были во 1-хъ люди, полные энергіи и предприимчивости, бросившіе свое отечество, чтобы быть свободными, а во 2-хъ, были не простые, выдающіеся своимъ вліяніемъ, положеніемъ и знатностью. Отсюда, полагаемъ, и происходило пренебрежительное отношеніе новыхъ поселенцевъ къ старымъ, сохранившееся донынѣ. Изъ исторіи отношеній между племенами мы видѣли стремленіе къ возвышенію одного надъ другимъ, сколько своею силою и многочисленностію, столько какими-то дѣйствительными или фиктивными преимуществами, на которыя даетъ имъ право ихъ славное прошлое и знатное происхожденіе. Тѣ-же отношенія мы видѣли и между братствами; и духъ этотъ сообщился наконецъ каждому черногорцу. Поэтому каждый черногорецъ кичится не столько своими личными достоинствами и заслугами, сколько своимъ происхожденіемъ, которое

даетъ ему право назваться *кошовичъ*. Въ старое время эта кичливость сглаживалась и сдерживалась тѣмъ, что вѣчно военное положеніе и борьба съ крайне тяжелыми обстоятельствами, требовали много личныхъ достоинствъ и доблестей. Мы видѣли, какъ черногорцы относились къ воеводѣ, если онъ не несъ службы и не терпѣлъ нужды одинаково съ другими: онъ, какъ и всѣ, пасъ свои стада, а на военный покличъ съ другими кидался въ бой. Если ему удавалось разбогатѣть, то всегда на счетъ сосѣда, непріятеля своего, турчина и то съ дружиною, и потому онъ долженъ былъ дѣлиться съ тѣми, которые имѣли нужду. Тогда не могло быть большаго скопленія богатствъ въ однихъ рукахъ, за то не было и бѣдняка, потому что и онъ всегда могъ отнять, что ему нужно, у турокъ; да и потребности были ограниченныя.

Теперь совсѣмъ другое положеніе: извнѣ—миръ, внутри—тоже; существованіе Черногоріи основывается не на добычѣ отъ внѣшняго непріятеля, а на развитіи внутренняго благосостоянія. Съ развитіемъ торговли стало возможнымъ появленіе капиталистовъ, которые умѣютъ создать себѣ лучшую жизнь и занять высшее положеніе, чѣмъ всѣ остальные. Къ такому же выдѣленію изъ массы ведетъ и образованіе. Эти два сильнѣйшіе фактора въ жизни народовъ производятъ разлагающее дѣйствіе на массу населенія, однихъ возвышая, другихъ принижая; а въ Черногоріи при указанныхъ выше стремленіяхъ черногорца къ знатности они даютъ средство къ осуществленію этихъ стремленій, къ проведенію ихъ въ различныхъ сферахъ жизни. При этомъ, какъ мы уже замѣчали, само правительство, принадлежа той-же племенной средѣ, не можетъ сразу отрѣшиться отъ наслѣдованныхъ въ племенной жизни стремленій, дающихъ поощреніе живущему въ черногорцѣ понятію *о кошовичѣ*. Поэтому людямъ, происходящимъ отъ болѣе или менѣе знатныхъ родовъ, даются нѣкоторыя преимущества, и изъ этихъ людей, отличаеваемыхъ правительствомъ иногда за ихъ личные достоинства, постепенно вырабатывается нѣчто въ родѣ привилегированнаго класса, у котораго подъ новыми вѣяніями зарождаются уже аристократическія вождедѣнія.

Примѣчаніе. Въ соч. С. Милутиновича «Исторія Черногоріи» 1835 г. мы встрѣчаемъ грамоту имп. Екатерины II 1769 г., адресованную въ Черногорію такъ: «Преосвященнымъ Митрополитамъ, Архіепископамъ, Епископамъ и всѣмъ другимъ духовнымъ властямъ, Благороднымъ степеннымъ и храбымъ Князямъ, Воеводамъ, Сердарямъ, Арамбашамъ, Капитанамъ, Арматамъ и прочимъ военнымъ и гражданскимъ Начальникамъ и т. д.

Обращаемъ внимаеніе на то, въ какомъ порядкѣ, послѣ митрополита и вообще духовныхъ властей, поименованы свѣтскіе главарі, о которыхъ мы уже говорили. Гувернадуръ здѣсь не упоминается, потому что онъ до того времени не игралъ важной роли, и только съ этого момента, когда появился самозванецъ Степанъ Малый и начались смуты въ Черногоріи, выступаетъ съ интригою гувернадуръ Јоко Станковъ Радоничъ (см. т. I, стр. 596—98). Но упоминаются за то, какъ важные факторы въ народной жизни, *арамбашы*—предводители четъ или отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ и извѣстныхъ подъ именемъ хайдуковъ или разбойниковъ. Объ нихъ мы будемъ говорить въ особомъ отдѣлѣ о войнѣ и воеваніи. Наконецъ здѣсь упоминаются *арматы*, о существованіи которыхъ въ Черногоріи мы ничего не знаемъ.

Въ словарѣ В. Караджича объ нихъ говорится подъ словомъ *мартолозъ*, *мартолоз-баша* и *мартоноша*, что это слово *μαρτολόζος*, которое означаетъ челоуѣка вооруженнаго, готоваго на войну. Г. Ст. Новаковичъ въ своемъ сочиненіи «Стара Српска Војска» (стр. 192—193) также говоритъ объ нихъ, и между прочимъ приводитъ мнѣніе гг. Д. Поповича и А. Пачича, по которому это были въ XVI и XVII ст. стражари изъ христіанъ въ турецкихъ пограничныхъ градахъ, все равно какъ *дербенджии* были охранителями ущелій и тѣсныхъ проходовъ на большой дорогѣ отъ разбоевъ. Но они же упоминаются въ сербской пѣснѣ въ числѣ народныхъ борцовъ противъ турокъ. Въ томъ-же смыслѣ они, конечно, упоминаются въ грамотѣ Екатерины, но мы ничего не знаемъ о существованіи ихъ въ Черногоріи. У черногор-

цевъ, особенно на Чевѣ, существуетъ, какъ ругательное слово, *ламсор* или *матрос*; не то-же ли это самое? и, *кажется*, въ томъ-же смыслѣ есть и слово *мартолос*. Если наша догадка справедлива, то значить, что на нихъ въ Черногоріи смотрѣли, какъ на турецкихъ слугъ; грамота же Екатерины составлена была при участіи какого нибудь герцеговинскаго выходца, предполагавшаго, что и Черногорія, подобно Турціи, могла имѣть своихъ охранителей градовъ — *арматоловъ*.

III.

СЕМЬЯ ИЛИ ДОМЪ И ЖИЗНЬ ВЪ СЕМЬѢ.

1. Опредѣленіе, что такое семья или домъ; большая и малая семья; число душъ въ семьѣ; стремленіе къ раздѣламъ.

Основное звѣно въ составѣ и организаціи племени составляетъ семья (породица, фамеља), которую черногорецъ отождествляетъ съ домомъ (дом, кућа). Слово *породица* употребляется въ тѣсномъ смыслѣ семьи, напр. «Код нас је дошла једна сиромашна породица из Ерцеговине», или въ смыслѣ происхожденія отъ одного рода: «Он је од наше породице», и тогда вмѣсто этого употребляется еще и другое слово *поријекло* (собственное имя или прозвище того семейства или рода). Въ Черногоріи въ первомъ смыслѣ чаще употребляется слово *фамела*: «Како је вам фамеза?» спрашиваетъ черногорецъ о здоровьи вашей семьи. Иногда это слово относится прямо къ женѣ: «Фамеља ми је нешто слаба», т. е. больна жена; или, если вы приходите въ домъ, гдѣ хозяйка отсутствуетъ, то хозяинъ говоритъ: «Опростите, фамеља ми није дома», слѣдовательно некому принять гостя, какъ слѣдуетъ.

Но если говорится *кућа*, то тутъ разумѣется не только населеніе того дома, но и все, что принадлежитъ ему: всякое

имѣніе, земля, скоть, даже добрая или худая его слава, цѣлый родъ или поколѣніе *). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ часто употребляется и слово *оджак* (собств. огнище, наше очагъ).

Со словомъ *куѣа* соединяется нравственное понятіе. Когда хвалятъ кого нибудь, то заключаютъ: «Е, човѣкъ од куѣа!»; а въ противномъ случаѣ: «није од куѣа». Поэтому челоуѣка изъ дома стараго, извѣстнаго доблестями и заслугами своихъ членовъ, называютъ *куѣинѣ* или *оджаковинѣ*, а также *племинѣ*. Въ смыслѣ высокаго происхожденія говорятъ: *сојевиѣ* (тур. *soj*—родъ) или *фис*, *фисан човѣкъ* (отъ алб. *фис*, то же самое, породистый челоуѣкъ); а если въ домѣ были главари, и самъ онъ держится особенно, какъ господинъ, то *господичинѣ*. Встрѣтившись съ незнакомымъ на дорогѣ или гдѣ бы то ни было, черногорецъ послѣ вопроса «оклен сп?» (откуда идешь) спрашиваетъ: *коговиѣ* или *чловивиѣ си?* т. е. чьей семья или какого рода **). *Коговичемъ* можно назваться только тотъ, у котораго, по крайней мѣрѣ, отецъ или дѣдъ извѣстны доблестями и дѣлами храбрости или были главарями или священниками. Противоположность этому представляетъ *никогович*, у котораго въ роду нѣтъ никого, кто бы пользовался извѣстностію.

Такимъ образомъ, какъ въ цѣломъ союзѣ племенъ выдѣляются и получаетъ особенное значеніе одно какое либо племя, за которымъ идутъ другія, такъ и въ средѣ одного племени выдѣляются дома и роды, за которыми признается право на первенство; таковы напр. дома: Дрекаловича въ Кучахъ, Бошковича

*) Впрочемъ и тутъ есть варіаціи. Такъ въ Бѣлицахъ подъ именемъ *кума* разумѣется вообще дождь, какъ постройка, хотя бы и нежилой, и даже *станъ* (отдѣльное помѣщеніе для скота). Въ селеніи Дубъ напр. одно семейство Милчей имѣетъ 6 *кума*, изъ которыхъ въ одной при одномъ огнищѣ живутъ 9 душъ; другая куплена про запасъ, если бы случился дѣлежъ семьи; а въ чотырехъ держатъ скоть. Въ Кастель-Ластвѣ (Кастно), въ сосѣдствѣ Приморьѣ, на мой вопросъ, сколько у нихъ домовъ, отвѣтили: «У насъ 100 *кума*, а домовъ будетъ только 60».

**) Въ Сибири также спрашиваютъ: «чьихъ ты или вы?»; а припоминается имѣ, будто спрашиваютъ и «коговичъ?».

въ Бѣлопавличахъ, Дьюрашковича на Цеклинѣ, Петровича на Нѣгушахъ, Мартиновича въ Банцахъ и т. д.

Въ этомъ случаѣ одинаково употребляются слова *кућа* и *породица* *).

Состоитъ семья только изъ отца и матери и ихъ дѣтей или совмѣщаетъ въ себѣ дѣдовъ и внуковъ, дядей и племянниковъ, въ томъ не дѣлается никакого различія по существу ея состава; различіе дѣлается только по ея численности, главнымъ образомъ по числу рабочихъ рукъ. Если въ ней много рабочихъ, то семья *задружна*, а въ противномъ случаѣ *инокосна* и состояніе этой послѣдней выражается словомъ *инокоштина*.

Первая, конечно, предпочитается второй:

«Задружна кућа тече имућа; доста помогача,—пунани хамбари» т. е. она богатѣетъ и, если много рукъ, то полны (хлѣба) амбары.

А о инокосной семьѣ говорятъ: «Инокоштина—сиромаштина (бѣдность); мало нука, доста мука; куку саму и на вагану», т. е. некого заставлятъ (работать), поэтому весь трудъ падаетъ на одного; горе одному и у миски (съ ѣдой).

Одинокость эта еще тяжеле, если при этомъ много дѣтей, но все маленькія; объ такомъ человѣкѣ говорятъ — *самомавац* и *саморанац*; и *саморана мајка*, которая не имѣетъ помощниковъ и сама себя прокармливаетъ.

Хвалится домъ, когда въ немъ рождается много мальчиковъ; тогда «и тигла (черепица) поје на кућу». Если же родятся все дѣвочки, «то ископала се кућа», т. е. перестала существовать. Тутъ отчасти выражается военный характеръ Черногоріи, а главное — родовой взглядъ: семейное имя, фамилія держится только въ мужскомъ поколѣніи. Принимается въ соображеніе и

*) Г. В. Богшичъ при составленіи имущественнаго Законника Черногоріи почему-то избѣгалъ этого, столь распространеннаго въ Черногоріи слова, всюду замѣняя его словомъ *кућа*; а иногда употребляетъ даже совершенно неизвѣстное черногорцамъ въ томъ же смыслѣ слово *обителъ* (стр. 381, § 964).

экономическое положеніе, такъ какъ мужская рабочая сила остается въ домѣ, а женская съ замужествомъ переходитъ въ чужую семью.

Кстати здѣсь замѣтить, что въ Черногоріи *задруга* не существуетъ, какъ у другихъ сербовъ, а слово это употребляется только въ смыслѣ товарищества; такъ говорится: «Није он сам, него са задругом», т. е. живетъ дома, или отправился въ чету (воевать), или на какое либо дѣло не одинъ, а съ товарищами. Въ такомъ же смыслѣ отвѣтили г. Богшичу и его корреспонденты изъ Черногоріи и Бокки на вопросы о задругѣ *).

Что же касается внутренняго быта и дѣлаго строя задружной или инокосной семьи, то онѣ нисколько въ томъ существенно не различаются **). Только вообще строй этотъ различается отъ строя его въ другихъ сербскихъ земляхъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Послѣ этой характеристики семьи по ея внутреннимъ или нравственнымъ особенностямъ остановимся на вѣншей вели-

*) На вопросъ: «называется ли распространенная фамилія задругой?» и т. д. получили отвѣты. Герц., Черн., Бока: «Название *фамилія* слышится въ Бокѣ, *оджак*—въ Герцеговинѣ, а *дим* — въ Черногоріи. Во всѣхъ трехъ предѣлахъ вѣтъ имени *задруга* въ значеніи дома или семейства». Герц. Катунск. нахія Черногоріи: «Для распространенной фамиліи не слышно имени въ субстантивной формѣ *задруга*, но говорится *задружна кутя* или *задружни люди*, гдѣ много челяди; или: «то е *добра кутя* или *богата кутя*». Относительно числа членовъ семьи отвѣтили, что самое большое 20—25 душъ, и это очень рѣдко; а обычно 6—10, и большею частью мужъ и жена, покуда не поженятся сыновья. Въ другомъ отвѣтѣ за Катун. нахію сказано, что «никогда вѣтъ болѣе 10—15 душъ и въ *доброму домѣ*, а обыкновенно: мужъ, жена и дѣти» (Zborn. zadašn. obiš. стр. 8, 9 и 10).

**) Доказательству того, что фамилія *задружна* и *инокосна* существенно не различаются одна отъ другой, или представляютъ собою различіе количественное, г. Богшичъ посвятилъ особую статью: «De la forme dite *инокосна* de la famille rurale chez les Serbes et Croates». Paris, 1894 г.; и въ томъ же году статья эта переведена на сербскій языкъ г. I. Акимовичемъ подъ назв. «О облику, названом *инокоштина*» и т. д. Београд. То-же самое подтверждаетъ и г. М. Радосавлевичъ въ соч. «Еволюція Српске Задруге». Београд. 1884, стр. 31, 67 и 79, заключая объ ней такъ: «на *инокоштинѣ* не нужно смотрѣть, какъ на отдѣльную и особенную систему экономической организаціи, такъ какъ она ничто другое, какъ задруга въ эмбриональномъ состояніи».

чинѣ ея по числу живущихъ въ ней душъ, для чего требуются уже статистическія данныя.

Къ сожалѣнію черногорское правительство не считаетъ нужнымъ публиковать статистику населенія, и только покойный епископъ Захолмской и Расійской епархіи Висаріонъ Любиша печаталъ за три года свой «шематизмъ», которымъ мы и можемъ воспользоваться для нашей цѣли.

Вотъ эти данныя 1883 г. для девяти окружій:

| | душъ. | домовъ. | на 1 домъ
душъ. |
|---|--------|---------|--------------------|
| 1) Бѣлопавличи со Служемъ . | 7.440 | 1.426 | 5,21 |
| 2) Пиперы | 3.960 | 797 | 4,96 |
| 3) Кучи | 5.116 | 920 | 5,56 |
| 4) Брзкутъ (Братоножичи) . . | 2.831 | 506 | 5,59 |
| 5) Васоевичи | 9.599 | 1.517 | 6,32 |
| 6) Морача и Ровцы съ Кола-
шиномъ. | 10.880 | 1.787 | 6,09 |
| 7) Дробняки съ Ускоками. . . | 8.317 | 1.260 | 6,60 |
| 8) Пива съ Церквицами | 5.766 | 926 | 6,18 |
| 9) Никшичъ съ окрестностію. | 9.842 | 1.669 | 5,89 |
| Всего. . . | 63.751 | 10.808 | 5,89 |

Въ остальной половинѣ, считающей до 1000 домовъ больше, приходится приблизительно то-же число душъ на домъ.

Довольно многочисленны семьи у арнаутъ Ульцинскаго округа, гдѣ мы имѣемъ за 1881 г. въ 6 селахъ (Сальчи, Куломза, Братѣца, Крюсе, Кручи, Старый-Ульцигъ) въ 133 домахъ 886 душъ или на 1 домъ по 6,66. Тогда какъ въ городѣ Ульцигъ гораздо меньше: въ 750 домахъ 3.211 душъ или на 1 домъ 4,28.

Сколько приводилось намъ наблюдать, самыя большія семьи находятся въ герцеговинской части Черногоріи, до недавняго времени состоявшей подъ господствомъ Турціи: въ Пивѣ, Дробнякахъ, Баняхъ, Опутной-Рудинѣ. На Вучьемъ-долѣ напр. была

одна семья бѣлицъ, въ которой было 36 душъ; въ трехъ домахъ Алексичей (въ Банянахъ) теперь 40 душъ, а подѣлились они только послѣ послѣдней войны, до которой, вѣроятно, не менѣе 30 душъ жили вмѣстѣ; въ дробнячкомъ селѣ Дужахъ есть дома, въ которыхъ живутъ до 20 душъ.

Въ старой, каменной части Черногоріи, конечно, не можетъ быть большого населенія въ одной семьѣ вслѣдствіе тѣсноты жилищъ, обусловливаемой недостаткомъ вообще простора; но то-же самое наблюдается въ послѣднее время и по всей Черногоріи. Теперь всюду семьи дѣлятся рано, не разрастаясь до слишкомъ большого населенія.

А между тѣмъ въ прежнее время, когда постоянно угрожала опасность, какъ со стороны внѣшняго непріятеля, такъ и отъ внутреннихъ междоусобій, и здѣсь народъ въ этомъ отношеніи больше стѣснялся и по необходимости выносили большую сученность въ семьѣ. И самые дома въ то время строились ближе одинъ къ другому, чтобы скорѣе приспѣть другъ другу на помощь. Въ Цермницѣ, а частью въ Люботинѣ, вы увидите дома, построенные одинъ къ другому, съ общою заднею или боковою стѣною, а раздѣлены только входъ и дворъ. Вообще въ старое время люди были богаче и строили дома большіе, которые въ настоящее время, по раздѣленіи семьи, перегораживаютъ внутреннюю стѣною на два и больше. Особенно большія семьи указываютъ у герцеговинскихъ агъ и беговъ, которые, обладая богатствами, строили дворцы съ различными укрѣпленіями и приспособленіями для защиты, и населеніе такихъ домовъ представляло собою цѣлое войско. Въ Черногоріи когда-то было нѣчто похожее на то, но въ размѣрахъ болѣе ограниченныхъ. Въ общемъ же въ настоящее время въ Черногоріи преобладаетъ типъ семьи весьма немногочисленной.

Рѣдкое исключеніе, на которое постоянно указываютъ въ Черногоріи, представляетъ въ Добрыхъ-селахъ (въ Дробнякахъ) домъ Іована Вуковича (онъ умеръ на Цетиньѣ въ 1890 г., имѣвъ отъ роду 76 лѣтъ), въ которомъ было 57 душъ. Рѣдкость такого

явленія побуждаетъ насъ войти въ подробное описаніе этого дома и жизни въ немъ.

Съ Іованомъ жили: одинъ братъ и пятеро сыновей, изъ которыхъ одному было 60 лѣтъ, другому—50, третьему—40, четвертому—33 года и пятому—около 30 лѣтъ. Жили они собственно въ трехъ домахъ, распредѣляясь такимъ образомъ: въ одномъ жилъ братъ, въ другомъ старшій сынъ, а въ третьемъ онъ самъ съ остальными сыновьями. Послѣдній представлялъ собою длинный изъ простого камня домъ, стоящій прямо на землѣ и, повидимому, не сразу построенный, а растянувшійся вслѣдствіе позднѣйшихъ пристроекъ. Кромѣ того, у нихъ были еще два дома въ Езерахъ, гдѣ они держали скотъ на катунѣ: при одномъ домѣ состояло 250 овецъ, при другомъ 150. Все имѣніе однако было общее, и управлялъ всѣмъ Іованъ, какъ старѣйшина.

Сообща покупалось и тратилось главное, что требовалось: хлѣбъ (своего не доставало), сѣно, матеріалъ для одежды (воловыи кожи для опанокъ, бумажная матерія для бѣлья мужского и женскаго, красное сукно для капиць и джемадановъ), платки, посуда металлическая и глиняная и т. д. Все это покупалось гуртомъ, и старѣйшина дѣлилъ по числу душъ.

Управляя всѣмъ безраздѣльно, старѣйшина иногда бывалъ суровъ: разсердившись на когонибудь изъ своихъ домашнихъ, билъ или, взявъ въ руки палку, выгонялъ изъ дома. Только и слушался онъ жены, которая была очень умная женщина и пользовалась вліяніемъ, какъ на него, такъ и на другихъ. Кромѣ общаго имѣнія, каждый старшій въ отдѣльномъ домѣ со своею семьей имѣлъ кое-что отдѣльное (своинну), чѣмъ и располагалъ по своей волѣ, и на это прикупалось кое-что изъ одежды, кофе, сахаръ, водка для угощенія или на праздничные дни, и т. п. Въ общемъ они жили довольно скудно, т. е. плохо ѣли и просто одѣвались, больше всего довольствовались своимъ; но домъ ихъ былъ открытъ для приходящаго, былъ ли то важный человѣкъ или бѣднякъ. Бѣдняки прямо приходили въ этотъ домъ, чтобы покормиться; многимъ помогалъ онъ, давая въ заемъ, а иногда даромъ. Для

гостя же кололи какое нибудь животное и вообще давалось то, чѣмъ сами не пользовались. И любилъ старикъ, чтобы носѣщали его, особенно люди издалека, и обижался, когда кто нибудь проходилъ мимо, не своротивши къ нему (между прочимъ мнѣ, проходя близъ его села нѣсколько разъ, ни разу не удалось своротить къ нему вслѣдствіе спѣшности, и вообще такъ складывались обстоятельства). За нѣсколько лѣтъ до смерти Іована семьяне его и пріятели предлагали ему сдѣлать форменное завѣщаніе, чтобы послѣ не было никакихъ споровъ. Онъ объ этомъ не хотѣлъ и слышать. «Не хочу я связывать себя никакими завѣщаніями — говорилъ онъ — я назначу на словахъ, чему и какъ быть». Въ виду этого, онъ призвалъ одного близкаго пріятеля и еще одного или двоихъ тоже изъ близкихъ людей и сообщилъ имъ свой *аманетъ* (последнюю волю) на случай непредвидимой смерти. Сущность этого аманета состояла въ слѣдующемъ: все, вмѣстѣ пріобрѣтенное цѣлою семьей, имѣніе (стечевина) должно быть раздѣлено на три части, изъ которыхъ двѣ части идутъ его сыновьямъ, а одна брату, у котораго была малая семья; наслѣдственное же имѣніе (очевина) должно быть распределено пополамъ между нимъ, Іованомъ, и братомъ. Что же касается порядка, какъ они должны жить послѣ его смерти, предоставилъ то на рѣшеніе князя.

Послѣ этого, раньше его умеръ братъ, а потомъ и онъ. Тогда князь призвалъ тѣхъ людей, на которыхъ покойный указалъ, какъ на своихъ душеприкащиковъ, и поручилъ имъ сдѣлать надлежащее, сообразно съ его аманетомъ, распределеніе всего имѣнія; а жить велѣлъ имъ, какъ прежде жили, вмѣстѣ, выбравши себѣ старѣйшину не по лѣтамъ, а по способностямъ. Выбрали четвертаго сына (33 лѣтъ), который окончилъ основную школу, пользовался особеннымъ довѣріемъ отца и велъ ему различные счета и записи, и сами семьяне считали его за болѣе способнаго.

Такимъ образомъ высочайшая воля воздержала семью отъ раздѣла и дала ей старѣйшину по выбору.

Дѣла однако не идутъ такъ хорошо, какъ шли прежде. При

томъ въ старшихъ братьяхъ, хотя и покорившихся волѣ князя, выражается неудовольствіе на управление младшаго. Гостепріимство также ослабѣло, потому что выбранный старшина обязанъ отчетностію передъ семьями. Кромѣ того, по смерти Іована, въ короткій срокъ многіе изъ семьи померли (человѣкъ 7). Для полноты замѣтимъ, что объ этой семьѣ никто не знаетъ, откуда и когда прибыли въ тѣ мѣста ея предки; значитъ, были старожилами. Какъ помнитъ народное преданіе, они всегда жили въ этомъ мѣстѣ и имѣли три дома. Случалось, что выдѣлялась семья и въ четвертый домъ, но она скоро вымирала, и опять оставались три.

Продолжаемъ опять вообще о черногорскомъ домѣ.

Сказавши, что болѣе многочисленныя семьи находятся въ тѣхъ частяхъ Черногоріи, которыя состояли подъ турецкимъ господствомъ, мы должны еще замѣтить, что тамъ же, кромѣ счета домовъ, ведется счетъ дымовъ. Такъ говорятъ: «У насъ 13 дымовъ (дима, димова), а домовъ меньше», т. е. въ одномъ домѣ нѣсколько дымовъ или огнищъ. Дымовъ было больше въ томъ случаѣ, если турки взимали подать съ дома; когда же подать налагалась на дымъ (димница), т. е. на каждое огнище, дѣйствующее въ домѣ, тогда семья уничтожала другія огнища и тѣснилась у одного.

Употребляется также для обозначенія семьи слово *казан* (котелъ), въ которомъ варятъ кушанье, или *вазан* (большая деревянная чашка или миска, а можетъ быть и каменная или металлическая), изъ котораго ѣдятъ цѣлою семьей *).

Въ Черногоріи мы знаемъ домъ Маловичей въ с. Дужахъ, въ которомъ живутъ три брата, всѣ женатыя, и съ ними старуха мать, всего 17 душъ (теперь, можетъ быть, и 20, если только продолжаютъ жить вмѣстѣ). Домъ большой и благоустроен-

*) Въ Бѣлополѣ 700 домовъ и въ томъ числѣ 80 д. христіанскихъ, а *вазановъ* до 150.

ный; по срединѣ большое квадратное помѣщеніе, въ которомъ три огнища съ висящими надъ ними на желѣзныхъ цѣпяхъ котлами. Каждая супружеская чета имѣетъ свою отдѣльную комнату съ кроватью для сна и для дѣтей, а одна комната побольше, общая, также съ кроватями и завалена разною рухлядью. Для этого, конечно, прежде всего необходимъ большой, просторный домъ, какіе вообще рѣдки въ черногорскихъ селахъ.

Въ кор. Сербіи въ большихъ *задругахъ* мы видѣли, что, если главный домъ малъ, то въ немъ живетъ только *доматынъ* (старѣйшина) со своею семьей; другіе же, также женатые члены семьи, спятъ и вообще имѣютъ особое помѣщеніе въ отдѣльныхъ легкихъ надворныхъ постройкахъ, называемыхъ *полями*; но для главной ѣды они всегда собираются въ одно общее помѣщеніе.

Сравнивая между собою эти два явленія, мы замѣчаемъ, что въ Сербіи раздѣленіе ночлегами вынуждено физической невозможностію помѣститься всѣмъ въ одномъ домикѣ; въ ѣдѣ же всѣ члены опять соединяются, тогда какъ въ Черногоріи это происходитъ изъ внутренняго побужденія узкой семьи имѣть все свое, отдѣльное. Въ Сербіи также мы знаемъ случай, что братья, подѣлившись домами, оставляютъ нераздѣленною землю, которую и обрабатываютъ вмѣстѣ; въ Черногоріи же въ случаѣ раздѣла дѣлится тотчасъ же все.

Изъ соч. Новаковича «Село» можно видѣть, что въ старое время и главнымъ образомъ на турецкой границѣ были чрезвычайно большія задруги, причемъ задруга напр. въ 45 чел. имѣла три огнища и обѣдала за тремя столами; одна задруга была въ 80 чел. и помѣщалась въ двадцати домахъ, а потомъ раздѣлилась вслѣдствіе слишкомъ большого размноженія. Дѣлясь такимъ образомъ, большія задруги образовывали цѣлыя поселки (заселак, махала). Изъ одного дома близъ Вучитрна произошло такимъ образомъ 80 домовъ. Это происходило, конечно, не сразу, а въ теченіи, по крайней мѣрѣ, многихъ десятковъ лѣтъ, какъ мы то видѣли изъ обозрѣнія васоевицкаго племени, гдѣ напр. въ с. Бо-

жичахъ въ концѣ прошлаго столѣтія было 8 домовъ, а теперь около 60, съ населеніемъ приблизительно въ 350 душъ. Здѣсь мы можемъ видѣть, какъ изъ одной семьи разрастался цѣлый родъ, въ продолженіе какого нибудь одного столѣтія; отсюда становится понятнымъ, что за нѣсколько столѣтій такимъ образомъ могло образоваться цѣлое братство и племя.

Изъ всего, что до сихъ поръ сказано о большой скученности населенія въ одной семьѣ, мы видимъ, что она оказывается въ наибольшемъ развитіи въ старое время и подѣ турецкимъ господствомъ. Съ минованіемъ же послѣдняго и съ полученіемъ свободы, какъ то было въ кор. Сербіи и нѣкоторыхъ частяхъ Черногоріи, въ новѣйшее время происходитъ распаденіе этихъ большихъ семей.

Отсюда мы заключаемъ, что на большую или меньшую скученность семейной жизни оказывали вліяніе внѣшнія обстоятельства: большая или меньшая обезпеченность ея со стороны внѣшняго непріятели, какими были турки, а также отъ разбоевъ и междоусобій и вообще внутреннихъ неурядицъ страны, чего, конечно, меньше было въ старое время и подѣ турецкимъ господствомъ. Съ минованіемъ-же этихъ обстоятельствъ сейчасъ начинаются семейные раздѣлы. Значитъ, къ раздѣламъ ведутъ внутреннія побужденія. Поэтому напрасны жалобы сербскихъ патриотовъ на законодательство и правительство, которыя будто бы помогаютъ разложенію народныхъ началъ. Напротивъ, правительство кор. Сербіи и его законодательство сами старались о томъ, чтобы стать на путь семейнымъ раздѣламъ, потому что имъ легче имѣть дѣло съ крупными единицами чѣмъ съ мелкими; при томъ раздѣлы эти вели къ упадку благосостоянія. Знатокъ народной жизни М. Миличевичъ, останавливаясь также на причинахъ раздѣловъ, говоритъ, что «нерѣдко задруги дѣлились сами собою, *по старому обычаю*, какъ изъ улья выдѣляются рои» *).

*) Березъ изъ соч. Ст. Новаковича «Село», стр. 218.

Въ Сербіи же и самъ народъ всю вину этого сваливаетъ на ссоры между собою женъ. Да, это правда, потому что на женщинѣ съ дѣтьми больше всего тяготятъ и отражаются всѣ неудобства большой скученности въ семействѣ. Но главнымъ образомъ это вытекаетъ изъ склонности человѣчества къ индивидуальной жизни; на ней основано стремленіе человѣка имѣть все свое собственное, отдѣльное. Стремленіе это особенно развито въ черногорскомъ народѣ, который изстари привыкъ жить на свободѣ и ищетъ ея всюду, а прежде всего дома, внутри своей семьи. Вполнѣ сознавая, что въ экономическомъ отношеніи большая семья имѣетъ преимущество передъ маюю, черногорецъ держится того, что «своја кућица, своја слободица», т. е. какъ бы малъ ни былъ этотъ домъ и какъ бы, въ сравненіи съ прежнимъ, ни были слабы матеріальныя средства этой отдѣлившейся части большой семьи, онъ въ немъ полный господинъ и живетъ на своей свободѣ; или: «И ако је мој мали градац, али сам у њему диздарац (комендантъ)».

Остановить это стремленіе значило бы сдѣлать насиліе человѣческой природѣ; да и не возможно; но во многихъ случаяхъ оно доходитъ до крайности и тогда является необходимость сдерживать его крайнія проявленія и регулировать, что и дѣлаетъ законодательство въ Сербіи, а въ Черногоріи законникъ кн. Данила, о чемъ будетъ сказано ниже.

Здѣсь же отмѣтимъ только, что въ Черногоріи стремленіе это больше, чѣмъ въ другихъ сербскихъ земляхъ, не вслѣдствіе тѣсноты или какихъ нибудь виѣшнихъ вліяній, а вслѣдствіе особенной, лежащей въ характерѣ черногорскихъ племенъ склонности къ обособленію, въ сильно развитомъ чувствѣ индивидуальности. Чувство это въ черногорцѣ лежитъ очень глубоко, сильно развито и проявляется во всѣхъ сферахъ его жизни, начиная съ обособленія племенъ и братствъ и до жизни въ семьѣ и во всѣхъ частныхъ, иногда весьма мелкихъ фактахъ его жизни, отражаясь и на его личномъ характерѣ, о чемъ будемъ гово-

рить въ другомъ мѣстѣ, а теперь обращаемся къ разсмотрѣнію жизни внутри семьи *).

2. Составъ семьи: доматинъ и доматинца; остальные члены и ихъ взаимныя отношенія; особенно о дочери-дѣвушкѣ и отношенія между братомъ и сестрой; сынъ и отношенія его къ родителямъ.

Въ семьѣ, безъ различія между большою и малою, будутъ-ли въ ней только мужъ и жена съ малыми дѣтьми или цѣлое поколѣніе, гдѣ есть дѣдъ или прадѣдъ, дяди и племянники, внучата и правнучата,—во главѣ стоятъ хозяинъ дома (домаин, кућевни старјешина). Это одинъ изъ тѣхъ главарей, который, кромѣ вѣданія своей семьи, является представителемъ и участникомъ въ общественныхъ дѣлахъ, на сборахъ братства или племени, и отвѣтственнымъ лицомъ за свой домъ во всемъ, въ добрѣ и злѣ; такъ какъ по нему домъ зовется и чествуется. О выборѣ этого семейнаго главара здѣсь нѣтъ и помина. Онъ — старшій въ семьѣ по рожденію, и повиноваться ему привыкли всѣ, бывши еще въ дѣтскомъ возрастѣ **).

*) О задругѣ въ Сербіи, жизни въ ней и особенно о положеніи женщины см. нашу статью «Сербская Моравы.—Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи въ 1867 г.» (Вѣсти. Евр. 1876 г. кн. 4, стр. 517 — 559).

**) Имѣя въ виду, что многіе, по какому-то предубѣжденію или просто основываясь на неточныхъ свѣдѣніяхъ, утверждаютъ противное, какъ напр. и В. Караджичъ, утверждающій, что въ Черногоріи старшиной дома бываетъ не старшій лѣтами, а способнѣйшій (Montenegro u. die Mont. стр. 73), мы ссылаемся на самое компетентное въ этомъ отношеніи соч. д-ра Богшича Zborn. Pravn. obiś., который, на основаніи съ мѣста доставленныхъ ему свѣдѣній, сообщаетъ слѣдующее:

«Отецъ всегда глава дома (доматинъ) до смерти; когда умретъ, доматинство остается на старшемъ братѣ (если онъ не отдѣленъ); а если нѣтъ брата, на старшемъ сынѣ. Младшій рѣдко бываетъ доматиномъ, если только старшій не изнемогъ отъ старости или не ослѣпъ; но и тогда младшій не приметъ на себя старѣйшинства, пока старшій, давши ему благословеніе, не отступится передъ всѣми членами семьи, и пока на то не согласятся всѣ семьяне, и всякій долженъ исполнять (хотя бы и противъ воли), что онъ прикажетъ» (стр. 31).

Дѣти, хотя бы и имѣли уже своихъ дѣтей, слушаются своихъ отца и матери до смерти ихъ также, какъ слушались, бывши сами еще дѣтьми. Онъ завѣдуетъ всѣми дѣлами дома, никого не спрашиваясь, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, если самъ не видитъ въ томъ какой нибудь пользы или надобности. Но, вѣчный воинъ, часто отправляющійся изъ дома въ чету или на войну, черногорецъ оставляетъ домъ, если нѣтъ въ живыхъ старика отца или матери, на женѣ, своей доматыцѣ (иначе — *стопаница*), которая такимъ образомъ приучается тоже управлять домомъ, а другіе въ то-же время привыкаютъ повиноваться ей.

Все, что живетъ въ семьѣ, цѣлое его населеніе называется *челядь* или *робле*. Говорятъ напр. «Я имамъ у кући *десеторо челади* или *десет роба*». Слышалъ я и другое выраженіе: «код нас свега робла три стотине *диканья*» (Добрское-село), что означаетъ то-же самое.

Все это населеніе по отношенію къ доматыну представляетъ младшихъ (млађи), а онъ по отношенію къ нимъ *старјешина*.

Всякая единица въ семьѣ имѣетъ свои права и обязанности, а занятія и дѣятельность распределяются по группамъ, между мужчинами и женщинами, женатыми и неженатыми и между дѣтьми по возрасту.

Остановимся прежде всего на положеніи въ этомъ отношеніи домаћина.

Состоя главою семейства, полнымъ хозяиномъ, онъ въ то-же время и первый ея работникъ, если не отвлекаетъ его отъ того какая нибудь служба или общественное званіе. Онъ встаетъ раньше всѣхъ и иногда будитъ младшихъ, посылая ихъ на опредѣленные съ вечера работы: кому пахать или косить, кому отправиться въ дѣсъ, чтобы срубить соху или бревно, кому быть со скотомъ. Впрочемъ посылать нѣтъ никакой надобности, такъ какъ всѣ работы распределены заранѣе. Дѣло однако не въ его личномъ трудѣ, а въ томъ, что онъ лучше всякаго умѣетъ и соху направить, и опредѣлить, настало-ли время для окапыванія кукурузы, для косьбы травы и т. п.; онъ является наставникомъ

во всѣхъ этихъ работахъ, и потому долженъ быть вездѣ, пока не воспитаетъ въ своихъ сыновьяхъ такихъ же работниковъ, за которыми уже не требуется его наблюденіе; а иной въ работѣ выдаться и лучше отца. Иногда же онъ исполняетъ работу дѣтей. Одинъ хозяинъ напр. отъ времени до времени отпирался со стадомъ, что обыкновенно исполняютъ малыя дѣти и дѣвушки; потому что никто, какъ онъ, не умѣлъ такъ хорошо напасти стадо, для чего прежде всего нужно умѣть выбрать мѣсто и наблюдать, чтобы стадо не толклось на одномъ и томъ-же мѣстѣ, выпасши его; предохранять его отъ вредныхъ травъ и такихъ мѣстностей, которыя избилуютъ этими травами.

Однимъ словомъ, онъ первый и главный, такъ сказать, самый искусный работникъ и самый опытный и знающій хозяинъ. На немъ поэтому и лежитъ вся забота о семьѣ, чтобы она ни въ чемъ не терпѣла нужды, что и даетъ ему право распоряжаться всѣмъ и всѣми. Никого не спрашиваясь, онъ продаетъ свое и за вырученныя деньги покупаетъ другіе предметы, необходимые для дома. Можетъ то-же самое сдѣлать и другой, только не безъ вѣдома его или прямо по его порученію. И на народное собраніе онъ также можетъ послать кого нибудь вмѣсто себя.

Какого нибудь особеннаго, вишняго почета ему въ семьѣ не замѣчается, кромѣ того, что онъ преимущественно предъ другими пользуется лишними услугами со стороны всѣхъ домашнихъ и небольшимъ досугомъ, принимая какого нибудь гостя и угощаясь вмѣстѣ съ нимъ, въ то время какъ другіе — каждый остается при своемъ занятіи. Почетное положеніе его больше всего выражается въ торжественные дни, напр. когда празднуется *красно име*: обрядъ преломленія особаго, приготовленнаго для того хлѣба совершаетъ со священникомъ онъ, а никто другой. Даже, если-бы онъ, вслѣдствіе старости и вообще упадка силъ, уступилъ завѣдываніе дѣлами другому, это остается за нимъ, какъ особое право доматына. Здѣсь выступаетъ его чисто принципиальное старѣйшинство.

Такимъ старѣйшиною обыкновенно бываетъ отецъ надъ

дѣтьми или старшій братъ надъ младшими; сдѣлавшись потомъ дѣдомъ и состарѣвшись, онъ остается доматыномъ, пока ему не измѣняютъ силы. А въ виду этого послѣдняго обстоятельства всякій отецъ впередъ готовитъ себѣ въ преемники старшаго сына, требуя отъ него больше всѣхъ и работы, и заботливости о семьѣ, предоставляя ему часто заступать себя; и не эти-ли послѣдники главарства въ семьѣ упоминаются въ одной записи подъ именемъ *маварскихъ дѣтей*? А наконецъ онъ предоставляетъ сыну и всѣ дѣла, при своей еще жизни, оставаясь только для совѣта. Впослѣдствіи же около этого старца, удрученнаго дѣтами и трудами, ослабѣвшаго физически и духовно, обыкновенно вращаются мелкія дѣти, слушая его рассказы и поученія. Онъ особо поручается заботѣ женщинъ, и при этомъ всегда найдется какая нибудь изъ нихъ, сноха или внучка, которая спеціально отдается служенію ему.

Эти старцы, почитаемые и любимые въ семьѣ, играютъ роль и въ общественной жизни, особенно въ своемъ родѣ или братствѣ. Во всѣхъ собраніяхъ имъ дается почетное мѣсто; у нихъ спрашиваютъ совѣта въ различныхъ вопросахъ относительно границъ и земельныхъ угодій, также и относительно обычаевъ, какъ нужно поступить въ томъ или другомъ случаѣ; а главное, они — носители родовыхъ преданій. — Все младшее поколѣніе увивается около своего старца, стараясь именно отъ него узнать и запомнить всю свою родословную, особенно своихъ предковъ, прославившихся въ томъ или другомъ важномъ дѣлѣ. Черногорецъ любитъ, обожаетъ свои традиціи, и потому старцы эти, какъ носители ихъ, такъ любимы и почитаемы своимъ народомъ.

Если по смерти доматына остаются нераздѣльно жившіе съ нимъ братья, тогда доматынство переходитъ на старшаго изъ нихъ; а по смерти этого, старѣйшинство переходитъ на другого брата, однимъ — отца, другимъ — дяди. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ однако раздѣлъ настааетъ скоро: тотчасъ, какъ только одинъ изъ племянниковъ женится, если не былъ женатъ еще прежде.

Если доматыннъ умираетъ безъ брата и безъ взрослыхъ дѣтей мужескаго пола, говоря иначе, не подготовивши себѣ наследника, то его жена, мать того семейства, фактически дѣлается доматыномъ, хотя формально конечно не носить этого имени. Она дѣлается полною хозяйкою въ домѣ, какъ былъ ея доматыннъ. Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ ея дѣла, если она не страдаетъ какимъ нибудь органическимъ порокомъ, парализующимъ ея положеніе хозяйки дома и воспитательницы дѣтей. Не минуютъ ее и общественныя дѣла; она идетъ и въ народное собраніе и подаетъ тамъ иногда свой голосъ. Черногорія въ своей исторіи можетъ насчитать не мало женщинъ, которыя играли прекрасную роль, какъ матери, безраздѣльно управлявшія домою и воспитавшія дѣтей, впоследствии сдѣлавшихся славными въ цѣломъ народѣ. По нимъ-то и составились прозвища: Маричи, Марничи, Мандичи, Бабичи, Бакичи, Докничичи, Дожичи, Попадичи, Буличичи и т. д.

Этихъ прозвищъ было бы очень много, если бы въ силу общаго предрассудка не избѣгали имени по женщинѣ и не старались запечатлѣть его именемъ какого нибудь славнаго предка.

Опеки надъ женщиной-доматыномъ нѣтъ никакой; только, если она очень молода и неопытна, наблюдаютъ за семьей ближайшіе мужчины родственники; да и сама она ищетъ въ нихъ помощи. Иная, овдовѣвши очень молодою, остается вдовою всю свою жизнь и, постепенно осваиваясь со своимъ положеніемъ и приобретающая опытность, дѣлается потомъ полною хозяйкою *).

Сдѣлавшись по смерти мужа полною хозяйкою, жена все свое стараніе прилагаетъ къ тому, чтобы воспитать дому новаго доматына въ лицѣ своего малолѣтняго сына, заботясь при томъ,

*) По новому «Закоунику» женщина хотя и допускается къ управленію нѣвнѣмъ по смерти своего мужа, но рядомъ съ нею и даже выше ея ставится опекутъ, назначаемый при томъ не племенемъ или братствомъ, а властью капитана. Сюда относятся статьи «Закоуника»: 644, 670 и 961. Объ томъ см. нашу статью въ Юридич. Вѣст. Москва. 1892 г., № 10, «Имущест. Закон. Черног.» и т. д. (стр. 499—501).

чтобы онъ могъ занять мѣсто своего отца, какъ можно, раньше. При такомъ расположеніи къ сыну она заранѣе зоветъ его до-матинномъ, особенно передъ другими, и выставляетъ его, какъ хозяина, въ торжественные семейные дни, при приѣмѣ гостей. Вводя своего сына еще ребенкомъ въ роль хозяина, она дѣлаетъ это изъ материнской любви, какъ къ нему, такъ и къ покойному отцу, образъ котораго видитъ въ своемъ сынѣ. Въ сущности же сынъ никогда почти не дѣлается хозяиномъ, пока не женится, да и тогда многіе изъ нихъ по привычкѣ остаются въ въ полномъ послушаніи у матери. И протестъ противъ такого положенія можетъ произойти прежде всего отъ его жены или, вѣрнѣе, отъ ея родственниковъ, которымъ желательно видѣть свою дочь полною хозяйкой. Любовь, а не какія нибудь обязательныя отношенія, заставляють сына повиноваться матери, хотя бы по праву онъ давно уже самъ могъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ. Какъ бы черногорецъ ни относился къ женщинѣ вообще, мать для него нѣчто священное, чего онъ не чувствуетъ по отношенію къ отцу. Нѣтъ большаго грѣха, какъ непослушаніе матери. Она можетъ не только обругать, но и ударить взрослою, даже женатаго сына, и это онъ вынесетъ, не проронивши слова дурного, чего не спустилъ бы отцу. Нѣтъ больше заклинанія, какъ «матернимъ молокомъ»; послѣ этого нѣтъ, кажется, силы, которая бы удержала сына отъ исполненія ея воли. О великихъ злодѣяхъ, какими по народному преданію являются измѣнчившіе отечеству Вукъ Бранковичъ и Станко, сынъ Иванбега, будучи еще грудными дѣтьми, кусали груди матери. За то и проклятіе матери (клетва материна) можетъ тяготѣть надъ цѣлымъ поколѣніемъ. Въ послѣднее время матери часто кричатъ на своихъ дѣтей: «чтобъ тебя волкъ загрызъ», «змѣя ужадила», «молнія убила» и т. п., иногда въ видѣ ласки. На это пожилые люди всегда дѣлають замѣчаніе, потому что желаніе матери, хотя бы и бессмысленно высказанное, можетъ исполниться.

Совсѣмъ другое отношеніе къ мачихѣ. Её жестоко преслѣдуетъ народная пословица: «Маѣха—зла утѣха: лако мане, зло

удары; доста слони (хлѣба), мало даје; дуго мјери (одежу), кратко крои». Взглядъ этотъ впрочемъ, часто и несправедливый, не исключительно черногорскій, а общечеловѣчскій.

Доматъиномъ можетъ быть, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, взрослая дѣвушка, лишившаяся отца и матери и оставшаяся съ малолѣтними братьями и сестрами. Покуда не вырастятъ братьевъ, она въ такомъ случаѣ никогда не пойдетъ замужъ, какой бы ни представлялся случай. Иногда, пропустивши свое время, она на всю жизнь свою остается незамужнею, и къ ней всѣ въ семьѣ относятся, какъ къ матери.

Отъ этихъ правовыхъ отношеній обратимся къ роли женщины просто, какъ хозяйки (доматъица).

Она, какъ и доматъинъ, первая работница въ домѣ, но роль ея труднѣе и сложнѣе. Главное дѣло ея состоитъ въ умѣнн распоряжаться и раздѣлить работу, которая очень разнообразна и требуетъ большой внимательности и порядка, какъ то: вообще уборка по дому, чтобы все было готово и на своемъ мѣстѣ; приготовленіе и уборка постелей; просушка и чистка обуви; помоганіе одѣваться другимъ, дѣтямъ и мужчинамъ; приготовленіе кушанья; извѣстная часть ухода за скотомъ, а дѣтомъ полевья работы; зимой же пряденье и тканье и т. д., и особая статья — уходъ за дѣтьми. Легко отцу распоряжаться родными дѣтьми; а матери приводится имѣть дѣло со снохами, выросшими въ другомъ домѣ и иногда совершенно иныхъ домашнихъ нравовъ и порядковъ, при томъ уравнивать ихъ съ дочерьми. Всѣхъ нужно учить, за всѣми наблюдать, чтобы во всемъ былъ порядокъ, не стояло бы дѣло, и между всѣми сохранялись бы добрыя отношенія, а въ случаѣ возникшей ссоры или недоразумѣнія нужно разобрать и рѣшить такъ, чтобы возстановить согласіе. Тутъ требуется тонкій умъ и тактъ, составляющіе особенную, специальную способность женщины.

Высоко цѣня въ этомъ случаѣ заслугу женщины-хозяйки, черногорець говоритъ: «Не стоји кућа на земли, него на жени» или: «Нема дома безъ домаице», и еще рѣзче выражено то-же са-

мое: «Гдје нема жене, ондје нема ни куће». Разница между дѣятельностью мужчины и женщины прекрасно характеризуется въ слѣдующей пословицѣ: «Радѣя је за чоека, штедѣя за жену».

И такъ главная задача хозяйки дома распредѣлять занятія и наблюдать за другими, младшими передъ нею женщинами. Это однако не освобождаетъ её отъ личнаго участія въ работѣ: пока не устарѣла, она помогаетъ младшимъ во всѣхъ работахъ, особенно во время жизни на катунахъ; никто лучше ея не умѣетъ приготовить сыръ и собрать скорупъ (пѣнки съ молока, замѣняющія потомъ масло); она же прядетъ и тчетъ; а когда уже не въ силахъ много работать, то на неё оставляется надсмотръ за дѣтьми, чтобы молодымъ матерямъ можно было вполне отдаться работѣ. Главною же задачею остается научить хорошему хозяйству младшихъ, прежде всего дочерей, а потомъ снохъ.

Что касается вообще взаимныхъ отношеній между старшими и младшими, то они, какъ бы ни была сложна семья, тѣ-же самыя, какъ и въ простой семьѣ между родителями и ихъ дѣтьми. Младшіе братья къ старшему брату-доматыну относятся, какъ къ отцу, особенно если они много моложе его, выросли при немъ и онъ же женилъ ихъ; со временемъ же они почти совсѣмъ сравниваются и дѣлаются, такъ сказать, соправителями во всѣхъ общихъ семейныхъ дѣлахъ; особенно же ведется счетъ относительно имущества, которое всѣмъ имъ, кромѣ благопріобрѣтеннаго, принадлежитъ по-ровну. Но старшему брату всегда и во всемъ дается первенство и почетъ. Старшій братъ иногда рѣшаетъ какое нибудь общее дѣло самъ, не спрашиваясь младшихъ, зная только впередъ, что это имъ же полезно и потому не можетъ быть противно; младшій же никогда ни на что не рѣшится, не спросивъ старшаго. Сами младшіе стараются поднять и поддержать авторитетъ старшаго брата въ семьѣ, чтобы тѣмъ дать ему больше значенія и вѣсть семьи; и потому, находясь въ какомъ нибудь разладѣ между собою, они стараются скрыть этотъ разладъ и передъ посторонними людьми являются согласными и съ полнымъ почтеніемъ относятся къ старшему. Гдѣ же этого нѣтъ

и возникают серьезные несогласия, тамъ является раздѣлъ, который опять таки совершается семейно или въ кругу родственниковъ, и только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ посредству власти. Между племянниками и сыновьями не дѣлается ровно никакого различія. Тѣ-же самыя отношенія и между женами братьевъ.

Въ особенномъ положеніи находится всякая вновь вступающая въ семью молодая женщина, когда женятся младшій братъ, сынъ или племянникъ. Не обременяя её сразу работой, прежде всего изучаютъ ея характеръ: послушность и радѣніе къ ея новой семьѣ; пробуютъ её на различныхъ работахъ и поучаютъ при этомъ; а потомъ она осваивается со своимъ положеніемъ и входитъ въ общую колею.

Если снохъ въ домѣ не одна, то дѣлается нѣкоторое предпочтеніе женѣ старшаго сына, такъ какъ она раньше другихъ вошла въ семью, и поэтому болѣе съ нею освоилась и сжилась, а главное, сблизилась со свекровью, которую при добрыхъ отношеніяхъ снохи зовутъ матерью (мама), равно какъ и свекра отцомъ (тата, бабо). Она является какъ бы помощницею матери. Обращается вниманіе и на то, которая изъ нихъ имѣетъ больше дѣтей, особенно мальчиковъ; при чемъ бездѣтная сноха смотритъ какою-то сиротой и несчастной, и мужъ её за то меньше любитъ, потому что и ему это служить укоромъ.

Въ общемъ таково положеніе всѣхъ членовъ семьи; но мы говорили исключительно о взрослыхъ ея членахъ, упомянувши только вскользь о дѣтяхъ, тогда какъ на нихъ-то главнымъ образомъ семья и выполняетъ свою специально семейную функцію—воспитаніе ихъ и подготовку къ самостоятельной жизни. Поэтому намъ предстоитъ войти отдѣльно въ положеніе сына и дочери и начнемъ съ послѣдней, такъ какъ къ ней система семейной жизни прилагается строже, чѣмъ къ сыну, проводится послѣдовательнѣе и въ дочери наконецъ готовится продолжательница тѣхъ-же началъ, когда она сама будетъ женой и матерью въ другой семьѣ.

Съ одной стороны она въ семьѣ, какъ чужая, потому что рано или поздно должна будетъ оставить родной домъ и вступить въ чужой, почему и говорится: «ѣвојка је туђи ручакъ» (чужой обѣдъ); а съ другой—ея связь съ семьею, покуда оставитъ её, тѣснѣе, чѣмъ у сына, и она гораздо раньше становится ея активнымъ членомъ.

Очень маленькою дѣвочкою начинается она помогать матери, ухаживая за меньшими ея дѣтьми и дѣлая кое-что въ домѣ. Затѣмъ начинается одинаково съ братишками пастыба скота съ тою однако разницею, что мальчикъ кромѣ того не знаетъ никакой другой работы и, пригнавъ стадо на станъ, входитъ въ домъ и усаживается у огня со взрослыми, слушая ихъ разговоры, или играетъ; тогда какъ дѣвочка тотчасъ же принимается за другія домашнія работы: принесетъ воды, подброситъ дровъ на огнище, наблюдаетъ за тѣмъ, что варится, или ухаживаетъ за дѣтьми, и въ то-же время чтонибудь работаетъ, плететъ или вяжетъ. Взрослая же дѣвушка, пока въ домѣ нѣтъ снохъ, а ей золовокъ, — главная рабочая сила. У нея нѣтъ празднаго времени отъ ранняго утра до поздней ночи. Поднимается утромъ она раньше всѣхъ, и пока другіе спятъ, должна принести воды, развести огонь, перечистить обувь; а затѣмъ, когда всѣ поднимаются, она же всякому должна дать умыться и помочь одѣться. Днемъ она пасетъ скотину, если нѣтъ какойнибудь другой работы; а придя оттуда, иногда промокшая и прозябшая, не успѣвши обогрѣться около огня, помогаетъ матери. Мужчинамъ, прибывшимъ съ работы или съ дороги, она должна снять обувь и обмыть ноги; то-же самое дѣлается и гостямъ. Среди такой непрерывной ежедневной работы она сама должна приготовить себѣ все приданое, состоящее изъ одежды, которое и складывается въ особый сундукъ, называющійся *ѣвојачка скрина*. Отправляется она и въ лѣсъ съ лошадыю или лошакомъ, чтобы привезти дровъ, нарубленныхъ кѣмъ-либо изъ мужчинъ; а иногда сама вооружается косіеромъ (кривой ножъ на длинной рукояткѣ) и, нарубивъ какогонибудь кустарника, приноситъ дрова на сплѣ.

Наравнѣ съ другими женщинами она служитъ для переноски различныхъ тяжестей. Все это дѣлается, конечно, не изъ недостатка любви къ ней; напротивъ: её любятъ въ семьѣ всѣ — и мать, и отецъ, а особенно братья, равно какъ и она ихъ; но её ожидаетъ трудовая жизнь въ чужой семьѣ, гдѣ некому будетъ пожалѣть, а можетъ встрѣтиться и злая свекровь, такъ какъ «Свака свекра мрзи па снаху»; поэтому и стараются пріучить её къ этому труду заранее. Изъ того-же побужденія является и строгость къ ней. Такъ говорится: «На псето за махни, а ђевојку удри». Это впрочемъ выраженіе утрированное. Все равно какъ и слѣдующія пословицы: «Нема горега заклада у кући, до ђевојка» или «ђевојачки отац и житни купац никад напред». Другіе говорятъ напротивъ, что никто такъ не помогаетъ доброй славѣ и сближенію двухъ домовъ, какъ добрая дѣвушка, когда выйдетъ замужъ. Имѣя въ виду неизбежность замужества для дѣвушки, родители полагаютъ въ томъ всю свою заботу; тѣмъ болѣе, что хорошо выдать не легко: «Сина жени, кад оћеш; а кћер удај, кад можеш»; а если засидится, придется выдать за кого попало, хотя-бы за старого: «Прераслој ђевојци прерасли сватови».

Рядомъ съ этимъ дѣвушка вообще высоко стоитъ въ глазахъ черногорца. На неё смотрятъ, какъ на нѣчто чистое и прекрасное, возвышенное и святое. Замужняя женщина не можетъ такъ хорошо замѣсить хлѣбъ, какъ дѣвушка; дѣвичья рука скорѣе заживляетъ рану, и вообще ея уходъ помогаетъ скорѣйшему выздоровленію больного. Дѣвушка что-то неприкосновенное: смерть или вообще какое нибудь несчастіе должно постигнуть того, кто «изгубио је парок ђевојци» — испортилъ ей счастье, т. е. посваталъ, а не взялъ, или просто соблазнилъ и бросилъ. Великій грѣхъ даже говорить про дѣвушку худо и особенно что нибудь ложное. Въ одной общесербской пѣснѣ представлена картина мученій въ аду, въ которой самое жестокое мученіе терпятъ злословецъ дѣвушекъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ представлены эти мученія: у одного были въ огнѣ руки до плечъ за то, что онъ

замахнулся на отца и мать, замахнулся, но не ударилъ; другой стоялъ въ огнѣ до глазъ за то, что согрѣшилъ съ кумой; третій былъ весь въ огнѣ за то, что злословилъ всѣхъ дѣвушекъ. Все это видѣли сестры апостола Петра, когда онъ водилъ ихъ по аду, и, тронутыя видомъ мученій, упросили брата убавить муки: первому, такъ какъ онъ только замахнулся и остановился; второму, такъ какъ виноваты въ томъ его родные, что не женили во время; а послѣднему попросили прибавить еще столько же огня.

Какъ ни высоко однако стоитъ дѣвушка въ глазахъ народа и какъ ни строго онъ относится ко всякому оскорбленію ея чести, тѣмъ не менѣе и она не безъ грѣха и нерѣдко сама бываетъ причиною своего несчастья, вслѣдствіе слабости характера и податливости, что у черногорцевъ называется «меки образъ». Объ такихъ говорятъ: «мекаобразној ђевојци трбух до зуба», «С мека образа девето копиле».

И кромѣ этихъ особенныхъ случаевъ, въ дѣвушкахъ предполагается всегда нѣкоторая хитрость и лукавство; поэтому по нравственной чистотѣ и невинности выше ихъ ставятся дѣти. Такъ въ одной пѣснѣ *Божичъ*, прося, чтобъ его перевезли черезъ воду, не довѣряется старымъ женщинамъ, такъ какъ онѣ варятъ масло и запачкали бы его; ни молодымъ замужнимъ женщинамъ: онѣ безпокойны и перевернули бы его; ни дѣвушкамъ, потому что онѣ шалуны и утопили бы его; но говорятъ:

«Спремите ми малу ђецу, нек ме превезу:
ђечица су без гриѣха, божји анђели».

Особенно нѣжны отношенія между братомъ и сестрой. Привыкнувши съ дѣтства быть вмѣстѣ и заодно пасти стада, они сживаются такъ, что все у нихъ общее: и ихъ дѣтскіе интересы, игры и забавы; часто они и спятъ вмѣстѣ. Когда братъ становится взрослымъ парнемъ, сестра заботится объ его костюмѣ, чтобы онъ былъ красивѣе другихъ, причесываетъ его; а онъ

является всегда ея защитникомъ передъ родителями и передъ кѣмъ бы то ни было. Прежде всѣхъ они другъ другу повѣряютъ тайны своего сердца. Если братъ собирается жениться, сестра больше всѣхъ принимаетъ участіе въ его радости и его снаряженіи; такъ точно и братъ заботится о сестрѣ. Отношенія эти не измѣняются и тогда, когда братья женятся, и любовь братьевъ къ сестрѣ иногда бываетъ сильнѣе любви къ ихъ женамъ, что даетъ поводъ послѣднимъ относиться къ ней съ завистью и злобой, доводящими иногда до непримиримой вражды, и даже до какого нибудь трагическаго конца. На этихъ отношеніяхъ основана извѣстная пѣсня у Вука Караджича «Бог ником дужан не остаје», въ которой одна золовка, чтобы погубить мужнину сестру, убила собственнаго ребенка въ колыбели и взвела это преступленіе на неё. Сестра была погублена; но гнѣвъ Божій покаралъ истинную виновницу всего зла. Величайшій грѣхъ поселить вражду между братомъ и сестрой. Такъ въ одной пѣснѣ разсказывается про вдовицу, которая за то мучилась въ аду: «Змија црне очи пије, а друга се око грла вије». *Блажена Марија*, спустившись въ адъ и видя эти мученія, когда узнала, за что грѣшница мучится, отвѣтила:

«Просто ти је троје ђеце лудо (которыхъ она уморила)
И просто ти свекар и свекрва (уморила ихъ голодомъ);
Ал' не просто братац и сестрица (поселила между ними не-
нависть).

Кад умрјеше, ђеца не знадоше (они не понимали ничего);
Брзо свекри хоћаху умрјети (и безъ того умерли бы скоро);
Ал' је на свјет највиша грехота
Омразити брата и сестрицу».

Братъ для сестры дороже всего на свѣтѣ и вотъ почему:

За брата бих црне очи дала,
За драгога не бих ни динара:

Варош проѣх, а два драга наѣх;
Свиѣт проѣх, а брата не наѣх.
 Нема лета без ѣурѣева данка,
 Нити брата, што не роди мајка».

Обратимся теперь къ сыну. Мы уже говорили, что рожденіе мальчиковъ всегда предпочитается рожденію дѣвочекъ. Первое навѣщается выстрѣлами, тогда какъ второе проходитъ безъ всякихъ знаковъ радости, а напротивъ появленіе ея на свѣтъ доставляетъ родителямъ неудовольствіе и вызываетъ въ нихъ чувство стыда; особенно если постоянно рождаются только дѣвочки. Мальчикъ поэтому любимецъ въ семьѣ, особенно первенецъ или если появится на свѣтъ послѣ ряда роженій дѣвочекъ; тогда онъ дѣлается баловнемъ. Впрочемъ отецъ скрываетъ это, какъ бы стыдясь поддаваться нѣжному чувству. Но какъ бы ни относились къ нему родители, мальчикъ, пока не вырастетъ совсѣмъ, единственно бываетъ занятъ пастыбою скота, а внѣ того занятія совершенно свободный человѣкъ. Онъ и не услуживаетъ никому никогда; не подастъ воды напиться, не подниметъ съ пола упавшую вещь; только развѣ принесетъ уголь, чтобъ раскурить трубку, отцу или гостю или вообще любимому имъ человѣку. Поэтому онъ, если не играетъ на дворѣ съ другими дѣтьми, то проводитъ все свободное время между взрослыми, отъ которыхъ скоро и усваиваетъ привычки и манеры. Будучи еще ребенкомъ, онъ мечтаетъ уже объ удальствѣ и военной славѣ.

Въ старое время дѣтей долго водили въ длинныхъ рубашкахъ безъ панталонъ лѣтъ до 6 или даже 8; а тогда онъ надѣвалъ панталоны и опоясывался длиннымъ поясомъ, который много разъ обматывается вокругъ талии, и это было знакомъ вступленія его въ другой возрастъ, отроческій. Поэтому и въ пѣснѣ говорится: «одкад мене мајка пасом опасала». (Теперь впрочемъ и самаго маленькаго начинаютъ одѣвать, какъ взрослого).

Послѣ этого онъ ждетъ момента, когда ему дадутъ носить оружіе, что тоже бываетъ очень рано, лѣтъ съ 12—14; да и до того времени онъ все хватаетъ оружіе отцовское, отъ чего нерѣдко бываютъ и несчастія, особенно съ того времени, какъ пистолеты замѣнились револьверами. Заткнувши за поясъ пистолеть, онъ дѣлается уже совершенно взрослымъ и готовый воинъ.

Въ старое время, когда черногорцы четовали, отправлялись въ четы съ отцами или съ другими и мальчики лѣтъ 14—16; а въ 18 лѣтъ всякій долженъ былъ участвовать въ четованіи; иначе онъ былъ бы послѣднимъ человѣкомъ; смѣялись бы ему дѣвушки и ни одна не пошла бы за него замужъ.

Вслѣдствіе такого положенія между отцомъ и сыномъ рано завязываются самыя интимныя отношенія и нѣкоторое равенство. Вмѣстѣ они оберегаютъ свои стада и при томъ въ старое время часто дѣти съ отцомъ заодно бились съ нападающимъ на нихъ непріателемъ, какъ увидимъ ниже. Самъ отецъ старается показать сыну, что они равные между собою воины. Отличіе ихъ чисто нравственное, основанное на чрезвычайно крѣпкой любви и связи между отцомъ и сыномъ: одинъ другого бережетъ, одинъ другимъ гордится, одинъ за другого умираетъ, одинъ безъ другого жить не могутъ. Въ томъ-же родѣ отношенія между старшимъ братомъ, заступившимъ отца, и его младшими братьями. Вообще на немъ ни въ чемъ внѣшнимъ образомъ не обнаруживается власть родительская, но она существуетъ и крѣпкая власть; только ей рѣдко встрѣчается надобность въ проявленіи. «У млаѣга поговора нема» говоритъ черногорская пословица; или еще: «Млаѣи је да слуша, а стариј да заповиједа» и «у млада снага, а у стара глава».

Покуда эти основные принципы патриархальной черногорской семьи были въ полной силѣ, не было и мѣста проявленію родительской власти, которая бываетъ иногда сурова, именно вслѣдствіе неуваженія этихъ принциповъ со стороны младшихъ.

Военно-патриархальный бытъ, которымъ жилъ черногорскій

народъ въ старое время, по необходимости долженъ былъ со-
здать въ семьѣ съ одной стороны безапелляціонную власть ея ста-
рѣйшины, съ другой — безусловную покорность младшихъ. Это
было нѣчто въ родѣ военной дисциплины, вытекавшей изъ вѣчно
военнаго положенія. Но это вѣчно военное положеніе почти уже
миновалось; народъ выпшелъ или выходитъ и изъ патріархаль-
ности, съ которою никакъ не согласуются ни новые взгляды ви-
дѣвшей свѣтъ молодежи, ни новыя государственныя формы. Съ
измѣненіемъ общихъ формъ и принциповъ цѣлой народной жизни
не могла остаться неприкосновенною и семья; а потому и здѣсь,
какъ въ общей народной жизни, происходитъ борьба стараго съ
новымъ, стариковъ съ молодымъ поколѣніемъ, отцовъ съ дѣтьми.
Отсюда происходитъ, такъ сказать, разложеніе старой семьи. Въ
последнее время чаще, чѣмъ прежде, возникаютъ несогласія
внутри семьи вообще и особенно между сыновьями и родителями.
При этомъ нерѣдко оказывается, что причиною послужило суро-
вое проявленіе власти со стороны родителя или его пристрастіе
къ однимъ на счетъ другихъ, особенно если онъ женился второй
разъ, и семья состоитъ изъ сводныхъ дѣтей. Не рѣже однако
бываютъ и такіе случаи, что сынъ просто не хочетъ повино-
ваться волѣ отца, желая жить по своей волѣ и сознавая свои
права на имущество одинаково съ родителями, или, женившись,
хочетъ, чтобы жена его не знала надъ собой никого, кромѣ его,
мужа, и требуетъ раздѣла. Прежде такіе случаи были почти не-
возможны, а если изрѣдка и возникали, то рѣшались домашнимъ
образомъ, при участіи ближайшихъ родственниковъ, въ пользу
той или другой стороны; теперь же семейный раздоръ между
родителемъ и дѣтьми или между мужемъ и женой выходитъ на
разсмотрѣніе власти и суда. Чтобы поддержать родительскую
власть во всей ея старой силѣ, въ законникъ кн. Даніила постав-
лена была одна такая статья (§ 47): «Отдѣляться сыновья отъ
родителей могутъ только тогда, когда согласны на раздѣлъ ро-
дители; иначе же, пока живы отецъ или мать, раздѣла быть не
можетъ». Замѣчательно то, что здѣсь отецъ и мать поставлены

на одну ногу, какъ то и было по народному духу и обычаю. Впослѣдствіи, уступая духу времени, черногорское правительство отбросило эту статью и, входя во внутреннія дѣла семьи, представило своему оффиціальному суду рѣшать ихъ по своему усмотрѣнію, сообразуясь, конечно, съ требованіями справедливости; но достигается-ли тѣмъ справедливость, это вопросъ; одно только можно замѣтить, что съ этого времени семья перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была прежде; а также должны были произойти существенныя измѣненія во всемъ ея строѣ и внутреннихъ отношеніяхъ *).

3. Особенное положеніе женщины семейное и соціальное.

Женщина у всѣхъ народовъ свѣта занимаетъ особенное и нѣсколько пониженное передъ мужчиной положеніе. То-же самое, конечно, существуетъ и въ Черногоріи, при чемъ, само со-

*) Составитель новѣйшаго «Законника» Черногоріи, устранивъ изъ него семейное право, такъ какъ его назначеніе опредѣлѣть только имущественныя отношенія, не могъ избѣжать того, чтобы не касаться его, при чемъ, не находя ни въ обычаяхъ, ни въ другихъ народныхъ учрежденіяхъ Черногоріи того, что требуется по его юридическимъ соображеніямъ, создаетъ нѣчто новое. Вмѣсто семьи природной «Законникъ» имѣетъ дѣло съ юридическою единицею, которую назыв. *домъ*, т. е. *домашняя община* (звездница); глава ея *доматникъ*, а остальные члены — *домашняя челядь* (кутянини, кутьюно челяде). Чтобы чѣще провести юридическій характеръ этой единицы, г. Богшичъ, какъ мы уже замѣчали, избѣгаетъ самаго назв., употребл. въ Черногоріи, *фамелл* или *мородница* и даже одинъ разъ употребл. неизвѣстное въ Черногоріи слово *обимель* (§ 964). Онъ избѣгаетъ также по возможности и имени *отецъ*. Такъ въ статьѣ 641 читаемъ: «всѣми дѣлами по имуществу управляетъ и руководитъ тотъ самый человекъ (оно исто челяде), который обязанъ заботиться и о самомъ малолѣтнемъ», и только въ скобкахъ стоитъ: «отецъ, опекунъ». На это замѣтить: отецъ — не опекунъ, а отецъ, и потому ихъ нельзя отождествлять. Надъ чужими дѣтьми — опекунъ, котораго ставитъ власть или кто угодно; а надъ своими — отецъ, котораго поставилъ тотъ, кто создалъ человека, въ отличіе отъ другихъ животныхъ, вложивъ въ его природу инстинкты морали и общелитія. Отецъ въ черногорской семьѣ не только представитель ея, онъ имѣетъ надъ нею власть, и пока отецъ живъ, опека не имѣетъ никакого дѣла съ семьей, если онъ не сошелъ съ ума, не сдѣлался пьяницей и распутникомъ, — тогда требуется вмѣшательство власти и закона.

бою разумѣется, встрѣчаются особенности мѣстныя и національныя, на которыя мы и обратимъ главное вниманіе.

Часть этого мы могли уже видѣть въ положеніи дочери-дѣвушки; но тамъ, покуда она не представляется существомъ, отдѣленнымъ отъ семьи и *vis jurgis*, это положеніе еще не обозначается со всею ясностію, и намъ предстоитъ прослѣдить то-же самое и въ другихъ сферахъ жизни.

Иностранцу, впервые отправляющемуся въ Черногорію изъ Котора, странно бывало на первомъ же шагу по этому пути встрѣчать цѣлые караваны женщинъ, въ видѣ вьючныхъ животныхъ, несущихъ на своихъ спинахъ всевозможныя тяжести (даже доски, черепицу и другіе строительные матеріалы). Правда, съ проведеніемъ колесной дороги, теперь такихъ каравановъ уже не встрѣчается; но тѣмъ не менѣе по другимъ, старымъ дорогамъ вы по прежнему чаще встрѣтите носильщицъ, чѣмъ носильщиковъ. Отсюда дѣлается прямое заключеніе о крайней порабощенности черногорской женщины. Сами же черногорцы и ихъ писатели стараются этотъ приговоръ, если не вполне опровергнуть, то въ значительной степени смягчить и видоизмѣнить; а есть и такіе патріоты, которые стараются доказать, что женщина въ Черногоріи вполне равноправна съ мужчиной и занимаетъ положеніе, какого не занимаютъ европейскія женщины *).

Въ вопросахъ подобнаго рода непременно нужно отдѣлять сторону фактическую отъ принципіальной. На фактическую сторону оказываютъ вліяніе иногда обстоятельства чисто внѣшнія, при томъ не постоянныя, а случайныя и временныя, съ минованіемъ которыхъ измѣняется и положеніе дѣла. Тогда какъ принципъ, лежащій въ основѣ факта и выработанный подъ вліяніемъ продолжительнаго времени и массы сильныхъ, историческихъ

*) Таковъ И. Ю. Поповичъ-Диповацъ. «Россія и Черногорія со времени Петра I», Свб. 1883 г., гдѣ цѣлый отдѣлъ посвященъ женщинамъ. Рекомендуетъ при этомъ просмотрѣть и нашу рецензію на него въ Ж. М. Н. Просв. 1884 г., ч. ССХХХІV, отд. 2, стр. 258—296.

факторовъ, даетъ себя знать и чувствовать, не взирая ни на какія внѣшнія и случайныя обстоятельства.

Въ примѣненіи этого взгляда къ положенію женщины въ Черногоріи мы должны замѣтить, что по внѣшнимъ фактамъ оно различно въ различныхъ мѣстностяхъ; но причина этого заключается не столько въ основномъ различіи въ характерѣ населенія той или другой части, сколько въ условіяхъ мѣстности и внѣшней обстановки жизни.

Въ старой, каменной части Черногоріи, гдѣ не было настоящихъ дорогъ, а только кое-какія тропинки, гдѣ при томъ лошадей нечѣмъ было содержать, а ословъ и лошаковъ не держали по обычаю и предубѣжденію, гдѣ сверхъ того не доставало ничего своего, а все необходимо было доставать извнѣ, человеческая сила должна была замѣнить всѣ средства передвиженія, и эта несчастная роль выпала на долю женщины, такъ какъ мужчина вѣчно былъ занятъ войной. При томъ иногда бывало женщинѣ сойти въ Которъ свободнѣе, чѣмъ мужчинѣ. Кромѣ того, всякому черногорцу, способному носить оружіе, часто и запрещалось носить тяжести, вслѣдствіе того, что требовалась готовность его на всякій часъ съ оружіемъ въ рукахъ. Наконецъ при бѣдности этого края естественными произведеніями народъ создалъ себѣ изъ этого доходную статью, и теперь, когда установился колесный путь, тѣ-же самыя женщины жалуются, что у нихъ тѣмъ отняли доходъ.

Въ другой половинѣ Черногоріи, какъ Бѣлопавличи, Кучи, Васоевичи, Дробняки и т. д., женщина не обременена переноскою чужихъ вещей, служа чужимъ интересамъ и торговлѣ. Тамъ положеніе ея въ этомъ отношеніи несравненно легче, хотя и тамъ на ней лежитъ тяжелый трудъ доносить издалека дрова, а иногда и воду. И тамъ однако главная работа (въ томъ числѣ уходъ за скотомъ съ приготовленіемъ на цѣлый годъ молочныхъ скоповъ) больше всего падаетъ на женщину. И при всемъ томъ этотъ трудъ, по нашимъ понятіямъ не соответствующій физическимъ силамъ женщины и унижающій её морально, не отра-

жается такъ вредно ни на ея физическомъ здоровьѣ, ни на состояніи ея духа. Если черногорка рано теряетъ полноту и цвѣтъ лица и вообще округлость формъ, то это замѣтите даже у женщинъ, не занятыхъ тяжелымъ физическимъ трудомъ. Покуда она дѣвушка, не смотря на великій трудъ, не соответствующій ея еще не вполнѣ окрѣпшему организму, она держитъ въ лицѣ полноту и румянецъ; но только вышла замужъ и начались дѣти, она совершенно преобразуется и очень скоро, не теряя впрочемъ много ни силъ, ни здоровья, и напротивъ становясь еще крѣпче и выносливѣй, доживаетъ не менѣе глубокой старости, чѣмъ мужчина. Правда, въ Дробнякахъ, Пивѣ, Васоевичахъ вы чаще встрѣтите женщинъ, которыя долго сохраняютъ молоджавость, и это можно приписать тому, что тамъ онѣ подвергаются менѣе обременительнымъ работамъ; но не дѣйствуютъ-ли тутъ въ то-же время мѣстность и климатическія условія?

Какъ бы то ни было, признавая ненормальность и даже вредъ такого непосильнаго для женщины физическаго труда, мы въ самомъ трудѣ еще не видимъ ея униженія. Эта вѣчная, повсюду свободно идущая и никого не боящаяся работница, сознающая, что на ней держится цѣлый ея домъ, — стоитъ морально несравненно выше гаремной женщины, ничего не дѣлающей, но прежде всего служащей для потѣхи и наслажденія, не имѣя при томъ никакихъ правъ, и живущей только милостью своего господина, отъ котораго всегда можетъ ожидать отставки или изгнанія. Чрезмѣрное обремененіе черногорской женщины трудомъ уравнивается со стороны черногорца и его мучительными военными экспедиціями, сопряженными съ различнаго рода лишеніями и страданіями и съ рискомъ жизнию. При томъ не для себя лично онъ идетъ на такой рискъ, а ради той-же семьи, заботы о которой должна съ нимъ дѣлать и его жена, носящая, какъ и онъ, имя хозяйки дома. Когда цѣлая семья принуждена бывать совершать большія путешествія въ другой край на зимовку для пропитанія, вы увидите, что, въ то время какъ жена несетъ одну колыбельку съ ребенкомъ, черногорецъ

несетъ на себѣ двоихъ, иногда трои хъ дѣтей: одного держитъ спереди, другой ѣдетъ на немъ верхомъ, а третьяго на время прихватитъ черезъ плечо, держа за рученку.

Допуская, что черногорецъ, опираясь на свое исключительное, военное положеніе, злоупотребляетъ имъ, такъ сказать, балуется и не хочетъ работать, какъ слѣдуетъ (и въ дѣйствительности это бываетъ), и въ томъ мы однако не можемъ видѣть ничего принципиальнаго. Но мужчина пользуется преимуществомъ передъ женщиной и по принципу: онъ носитель имени своего рода и глава не только семьи, но и надъ женою, которая можетъ сдѣлаться главою только за отсутствіемъ мужчины. «Човјек је глава, а жена је трава» говоритъ одна черногорская пословица. Говорятъ также: «Свака жена на свог мужа налику»; но никто не смѣетъ сказать того о мужѣ, не желая тѣмъ его оскорбить. Что «у жены водось дологъ, а умъ коротокъ», говорится и въ Черногоріи, какъ у насъ, и въ народной пѣснѣ жена Иванбега говоритъ ему: «Ког су љубе досле сјетовале с дугом косом, а памећу кратком?».

Это впрочемъ не исключительно черногорское, а общечеловѣческое, и въ церкви при совершеніи таинства брака торжественно возглашается, что мужъ есть глава жены и жена должна бояться мужа, который долженъ её любить. Мы уже упоминали, что въ Черногоріи рожденіе мальчиковъ предпочитается рожденію дѣвочекъ. Легуве сценою въ томъ самомъ духѣ начинается свою «Histoire morale des femmes». Но въ Черногоріи за то нѣтъ такого позорнаго обычая, какъ въ Италіи въ Абрुцахъ *), гдѣ на масляницу собирается толпа и отправляется ко всякому мужу, у котораго въ этотъ годъ родилась дѣвочка; сажаютъ его на осла лицомъ къ хвосту и водятъ по улицамъ, всячески надъ нимъ насмѣхаясь, пока онъ не откупится угощеніемъ или деньгами.

*) Впрочемъ тамъ вообще нравы отличныя отъ общепиталианскихъ; вслѣдствіе того что жители Абрудцо, кажется, изъ Албаніи.

Равноправности мужчины съ женщиной гѣтъ нигдѣ, и въ образованномъ свѣтѣ она даже въ принципѣ признана далеко не всѣми; примѣненіе же ея на дѣлѣ и подавно слишкомъ далеко отъ осуществленія. Тѣмъ менѣе мы можемъ искать ее у черногорцевъ, гдѣ еѣ принижаютъ многія внѣшнія обстоятельства.

Посмотримъ теперъ, въ чемъ и какимъ образомъ выражается это неравенство.

Всѣмъ извѣстно, что черногорецъ, говоря о своей женѣ или дочери, всегда прибавляетъ извиненіе: «простите». Женщина цѣлуетъ руку всякому мужчинѣ, разуваетъ его и обмываетъ ноги, если онъ придетъ откуда-либо издалека; она постоянно на услугахъ мужчинѣ, а онъ не подастъ ей ковшы воды, хотя бы вода была какъ разъ у него подъ рукой, потому что стыдно!

Струка черногорская (родъ плѣда) у мужчинъ и женщинъ въ сущности одинакова, только женская короче; но, если женщина высокаго роста, тогда исчезаетъ и эта разница. Разница однако должна быть, чтобы мужчина по ошибкѣ не надѣлъ женскую струку, что было бы ему великимъ позоромъ. Для этого дѣлается нарочно отличіе той или другой, объ чемъ мы скажемъ при описаніи одежды. Тѣмъ не менѣе смѣшеніе это очень легко; но дѣло женщинъ наблюдать, чтобы оно не случилось, иначе отвѣтственность падаетъ на нихъ. А отвѣтственность можетъ быть очень тяжкая и даже роковая.

Такъ у одного черногорца, скакавшаго въ черногорскомъ «оро», оборвался шнурокъ, служащій для поддержанія широкихъ шальваръ, которыя при этомъ, конечно, спустились на виду всѣхъ. Это, само собою разумѣется, возбудило всеобщій смѣхъ; а онъ безъ дальнихъ словъ приходитъ домой и убиваетъ жену изъ пистолета за то, что она, не досмотрѣвъ, крѣпокъ-ли шнуръ, подвергла его позору, который въ Черногоріи дѣйствительно остается на всю жизнь.

Разкажемъ еще характерный случай, который извѣстенъ множеству лицъ въ Черногоріи. Во время одной изъ самыхъ крутыхъ зимъ въ январѣ мѣсяцѣ (1879 г.) дѣвочка лѣтъ 14—

15, тщедушная и плохо одѣтая, по приказанію родителей понесла боченокъ съ виномъ въ ханъ, около котораго стояло черногорское войско, въ разстояніи двухъ часовъ или около 10 верстъ отъ ихъ дома. Тяжесть была около пуда; дѣвочка чувствовала усталость; но какъ только садилась, начинала коченѣть отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра. Въ отчаяніи она сѣла на дорогѣ и плачетъ. Въ такомъ положеніи засталъ её проходившій тутъ иностранецъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшился помочь и, можетъ быть, избавить отъ смерти. Не носивши никогда подобнаго рода тяжести на себѣ, онъ попросилъ дѣвочку научить его и помочь ему навьючить на себя боченокъ, уступивши ей свой пледъ, и пронесъ такимъ образомъ тяжесть еще верстъ 5 до хана. Когда онъ проходилъ мимо *колибъ* (временныя жилища пастуховъ), по которымъ разбѣжалось войско, всѣ, зная его, подшучивали надъ нимъ, спрашивая, за сколько онъ подрядился и т. п.; а онъ только отшучивался, нисколько тѣмъ не смущаясь, и передалъ ношу на мѣстѣ.

Потомъ всякій отнесся къ этому иностранцу съ уваженіемъ и благодарностію; но, хваля этотъ поступокъ, добавляли: «хорошо онъ это сдѣлалъ; а только намъ такъ нельзя». — Что-же — спрашиваю я по поводу этого разсказа — дѣвочка должна бы замерзнуть? — «Да — отвѣчаютъ — могла и замерзнуть, еслибъ не нашелся добрый человѣкъ, который отвелъ бы её въ колибу отогрѣться; а за боченкомъ послали бы другую женщину, или двое мужчинъ принесли бы его на палкѣ».

Дѣло въ томъ, что черногорецъ носить тяжести, но не такъ, какъ женщина, на спинѣ, что называется *уртими-се*, т. е. навьючить себя. Онъ носитъ тяжесть на одномъ плечѣ, подперши её снизу палкой, или толстымъ чубукомъ, или просто на палкѣ, продѣвши её сквозь сдѣланную изъ веревки петлю, или же положить мѣшокъ какъ разъ на хребетъ изъ-подъ затылка и поддерживать его обѣими руками; но никогда не привяжетъ его къ себѣ веревкой. При этомъ является вопросъ: не для того-ли это дѣлается, чтобы всякую минуту можно было тяжесть сбросить и

быть свободнымъ и готовымъ къ оборонѣ? Прежде это имѣло значеніе; а теперь это ничто больше, какъ обычай, выражающій принципиальную разницу въ способѣ ношенія тяжести мужчиной и женщиной. Все равно какъ существуютъ работы, которыхъ не въ правѣ выполнять женщина. Такъ она не смѣетъ пахать, не потому, что это не отвѣчаетъ ея силамъ, но потому, что стыдно, и то не для нея, а для семейства. Стыдъ, если женщина косятъ траву косой; а серпомъ можетъ, и при томъ карабкаясь по такимъ мѣстамъ, гдѣ можетъ голову сломить, что и случается.

Что женщину не называютъ человѣкомъ, это есть и у другихъ просвѣщенныхъ европейцевъ; точно такъ черногорецъ, когда говоритъ «дижете» (дѣтя), это означаетъ мальчика: «Я имамъ једно дижете или једног ђетића — говоритъ онъ — и — да опростите — двије ђевојке».

Когда мужъ находится въ отсутствіи и пишетъ письма домой, то адресуетъ ихъ на кого-либо изъ находящихся въ домѣ мужчинъ, хотя бы внутри письма было обращеніе къ женѣ; или же родственнику въ другомъ домѣ; а если есть сынъ, хотя бы еще въ колыбели, то на его имя. Не отстающіе въ этомъ отношеніи жители Бокки адресуютъ письма на свое собственное имя. Такъ приходитъ почтальонъ въ домъ и читаетъ адресъ: «Лука Милетичъ» — а жена отвѣчаетъ: «Эво нас!» и принимаетъ письмо; а Лука этотъ живетъ въ Санъ-Франциско, откуда и шлетъ письмо.

Приведемъ здѣсь одинъ случай, правда, исключительный, но тѣмъ не менѣе во всей рѣзкости характеризующій предпочтеніе мужского пола женскому.

Въ Васоевичахъ у одного хозяина скоропостижно издохла корова. По закону еѣ слѣдовало вскрыть при свидѣтеляхъ, чтобы знать, отчего она издохла и не отъ заразной ли какой болѣзни. Но хозяева сдѣлали это сами и, убѣдившись, что она просто объѣлась, забравшись въ огородъ съ капустой, и потомъ тамъ-же опилась, — часть мяса ея сварили и попробовали. Прибывшій туда капитанъ былъ тѣмъ крайне возмущенъ, тѣмъ болѣе, что тамъ-же однажды издыхавшую корову прикололи и отъ

мяса ея трое или четверо умерли, а остальные перехварались, едва оставшись живы. На выраженное капитаномъ негодование извѣщавшіе его объ этомъ добавили въ видѣ успокоенія: «Впрочемъ дали покуда поѣсть мяса только дѣвочкамъ; изъ мальчиковъ же ни одному».

Мнѣ случилось слышать, что женщина въ своей краткой импровизованной молитвѣ выражается такъ: «Сачувај, Боже, само мушке главе», т. е. сохрани, Боже, только мужчинъ, потому что безъ нихъ домъ считался бы не существующимъ.

Г. Богишичъ въ своемъ сочиненіи о юридическихъ обычаяхъ юго-славянъ слѣдующимъ народнымъ замѣчаніемъ характеризуетъ супружескія отношенія: «Всякому мужу, если онъ хоть разъ въ мѣсяцъ не поколотитъ свою жену или не дастъ ей, по крайней мѣрѣ, затрещину, скажутъ, что онъ боится своей жены» (стр. 46), и затѣмъ приводитъ рядъ пословицъ въ томъ-же смыслѣ: «Ко жену не бије, он човјек није»; «Жену и коња удри, ако желиш, да су теби покорни»; «Удри жену и змију по глави». Это совершенно отвѣчаетъ нашимъ пословицамъ на ту-же тему: «Бей жену къ обѣду, бей къ ужину то-жъ, чтобъ щи были горячи, каша масляная» и т. п. Намъ однако ни въ современной жизни Черногоріи, ни изъ рассказовъ о прошломъ не привелось слышать о такомъ частомъ битьѣ женъ мужьями. При томъ черногорецъ въ семьѣ вовсе не любитъ прибѣгать къ тѣлесному наказанію, и дѣтямъ прежде всего мать надаетъ шлепковъ, а отецъ скорѣе и еѣ отъ того воздержитъ. Извѣстны намъ нѣсколько случаевъ, что мужья били женъ, и то въ недавнее время; но всѣ эти люди были не изъ массы, а съ извѣстнымъ положеніемъ, при томъ видѣвшіе свѣтъ и знакомые съ другими, не черногорскими порядками. Въ простомъ же народѣ такіе случаи бывали при насильственныхъ бракахъ и оканчивались разводомъ или какою нибудь трагическою развязкой. Что же касается относящихся къ тому пословицъ, то въ нихъ всегда есть утрировка, и фактъ представляется всегда въ крайней своей послѣдовательности, чтобы выступать рѣзче, рельефнѣе, въ чемъ и

заключается ихъ главное свойство. Но тѣмъ не менѣе это было въ обычаѣ, наслѣдованномъ, можетъ быть, отъ весьма давняго времени. Поэтому случалось, что, когда молодые супруги слишкомъ любятъ другъ друга, и особенно мужъ жену, то семьянамъ его или собственно женской половинѣ это не нравится и считается неправильнымъ, неестественнымъ. Въ такомъ случаѣ мать учитъ сына, чтобы онъ поколотилъ хоть немного свою жену; такъ какъ иначе она не будетъ никого слушаться. Если онъ продолжаетъ упорствовать, то начинаютъ дѣлать надъ нимъ различныя насмѣшки и даже между ближайшими сосѣдями разгласятъ, что имъ совсѣмъ управляетъ жена, и доведутъ наконецъ до того, что онъ прибѣдетъ еѣ; но тѣмъ дѣло и оканчивается, и сама жена послѣ того избѣгаетъ случаевъ, чтобы при другихъ проявлялась къ ней мужнина любовь. Этимъ отчасти и обусловливается суровость супружескихъ отношеній, о которыхъ мы будемъ говорить особо.

Говорятъ также, что сами молодыя жены иногда бываютъ недовольны большою мягкостью со стороны мужа.

Интересный примѣръ въ этомъ отношеніи представляла собою извѣстная Текла, жена булюкбаша Петра изъ Марковины, и мать знаменитыхъ героевъ: Луки, погибшаго въ бою на Граховцѣ (1858 г.), Рама, также погибшаго въ бою въ Пивѣ, и попа Мила — подъ Никшичемъ въ послѣднюю войну.

О ней рассказываютъ, что въ первый разъ она была выдана замужъ за одного бѣлопавлича. Однажды молодой пригналъ козъ съ паствы, загналъ ихъ въ базъ и направляется къ дому; но тутъ увидѣлъ, что жена его сидитъ и прядетъ, и остановился, не рѣшившись еѣ потревожить. «О! такой мужъ не для меня» — сказала Текла и ушла домой къ роднымъ. Выдали еѣ за другого, и съ тѣмъ произошла подобная же исторія. Наконецъ она пошла за Петра изъ Марковины (въ Озриничахъ), извѣстнаго уже въ то время предводителя гайдучкихъ шаякъ (четобаша или булюкбаша). Возвращается онъ однажды къ ночи со своего промысла, пригнавши нѣсколько головъ крупнаго рогатаго скота, отбитаго

у турокъ. Вошелъ онъ въ домъ и сѣлъ у огня, покуривая трубку. А потомъ спрашиваетъ жену: «А гдѣ скотина, которую я пригналъ?» Та ничего объ этомъ и не знала. Тогда мужъ ударилъ её ногой такъ, что она повалилась; но она догадалась, въ чемъ дѣло: пошла, загнала скотину и, воротившись, говоритъ: «Ну это мужъ какъ разъ по мнѣ».

Оставшись вдовою, она сама воспитала всѣхъ дѣтей, вливая въ сыновей духъ ихъ отца, и въ народѣ пользовалась такимъ уваженіемъ, что и главари во всѣхъ общихъ дѣлахъ совѣтовались съ нею.

Когда ей сообщили о смерти ея послѣдняго сына, она не произнесла ни малѣйшей жалобы, а только благодарила бога, что привелъ всѣмъ ея сыновьямъ умереть съ честью, на боевомъ полѣ; а имѣла уже и внуковъ, которые пошли по тому-же слѣду, и изъ нихъ барьяктаръ Новакъ Рамовъ, весь израпленный и изувѣченный, и теперь не выпускаетъ изъ рукъ барьяка и въ цѣлой Черногоріи пользуется славой и уваженіемъ.

Когда въ Черногоріи введено наказаніе палками, то ему стали подвергать и женщинъ наравнѣ съ мужчинами; но въ смертной казни сдѣлано различіе. Такъ въ § 73 Законника кн. Даніила значитъ: «Если-бы когда нибудь случилось, что женщина какимъ бы то ни было способомъ замышляла погубить своего мужа и искала случая лишить его жизни, или бы какимъ бы то ни было способомъ лишила его жизни, насколько то будетъ доказано, такая женщина должна быть осуждена на смерть, какъ и другой убійца; только женщина не можетъ быть убита изъ ружья, такъ какъ *ружье и разстрѣляніе для того только, кто носитъ ружье и ружьемъ обороняется*». Ихъ вѣшали на деревья. Замѣтимъ, что и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Россіи, въ прежнее время подвергали разстрѣлянію только военныхъ людей и по военному суду.

Въ старое время въ Черногоріи дѣвушекъ, согрѣшившихъ и уничтожившихъ плодъ грѣха, каменовали; этому же наказанію подвергался и ея соучастникъ мужчина; но его не такъ легко

было ухватить, поэтому дозволялось убить его, какимъ бы то ни было способомъ, всякому ея близкому родственнику.

Суровая жизнь черногорца и особенно ея военный характеръ наложили особенную печать на всѣ ея отношенія, на весь семейный бытъ и на самыя интимныя супружескія отношенія. Но въ послѣднихъ, кромѣ суровости, проявлялось иногда нѣчто и больше того. Такую темную сторону въ старое время представляло право мужа прогнать жену и взять на ея мѣсто другую, не прося ничьего разрѣшенія и забывая, что тѣмъ нарушалось установленіе церкви.

Первыми въ этомъ случаѣ были главари и вообще сильные люди. Таковъ былъ на Чевѣ нѣкто Марко изъ рода Вукотичей (болѣе ста лѣтъ назадъ), который прогналъ двухъ женъ. О первой женѣ рассказываютъ такъ: пошла она однажды за водой, а колодезь былъ близко, меньше $\frac{1}{4}$ часа; набрала она воды и понесла домой; но не дойдя до дома, остановилась и стала пить. Увидѣлъ это Марко и кричитъ: «О, дрянъ эдакая! если не умѣла напиться воды вдоволь на мѣстѣ, а затѣмъ не вытерпѣла, покуда дойдетъ до дома; значитъ, никуда не годится» — и прогналъ. Съ другою было иначе: была игра на гумнѣ; а по обычаю черногорскому молодая жена, только вступившая въ домъ, должна обойти всѣхъ, сидящихъ тутъ мужчинъ, и поцѣловать имъ руки; она не захотѣла поцѣловать руку у сидѣвшаго тутъ же по имени *Тьонака*, старожилы тамошняго, челоуѣка весьма невзрачнаго; и за нарушеніе этого обычая должна была также удалиться. Третья жена его, Мома, утонула въ колодезѣ на Поповомъ-долѣ.

Изъ новѣйшаго времени изъ Петровичей Перо Томовъ (братъ влад. Петра II) также три раза женился и при томъ съ первою женою Гордою (изъ Вербы на Нѣгушахъ) развелся потому только, что отъ нея не было мальчиковъ, а дѣвочки. Вторая жена его была изъ рода Дьюрашковичей (изъ Цеклина), у которой дѣти умирали маленькими, и сама она скоро умерла. Тогда онъ женился на третьей, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей; но одинъ изъ нихъ умеръ маленькимъ на Цетиньѣ, а дру-

гой, Лазарь (иначе его звали Павломъ), умеръ уже большимъ мальчикомъ, будучи въ Пажескомъ корпусѣ, въ Петербургѣ. Первая же жена была въ то время жива и все это совершалось съ ея согласія, такъ что проистекало отнюдь не изъ дурныхъ отношеній. Напротивъ: ей былъ данъ домъ на Цетиньѣ, и до конца жизни она сохраняла свое содержаніе, пользовалась почетомъ отъ всѣхъ и расположеніемъ своего мужа, съ которымъ постоянно видѣлась. Она же воспитывала нѣкоторое время и племянника Даніила, впоследствии князя Черногоріи, когда онъ маленькимъ остался безъ матери.

Мы привели эти два случая, въ которыхъ фигурируютъ личности извѣстныя и знатныхъ родовъ. Изъ того, что это были главари и ихъ поступокъ нарушалъ законъ церкви, мы приписали-бы это вліянію сосѣдства Турціи и сношенію съ турецкими бегами. Остановиваясь на первомъ случаѣ, мы при первомъ взглядѣ на поступокъ видимъ въ немъ какое-то самоволіе, доходящее до самодурства; но, всмотрѣвшись въ него ближе, должны отмѣтить то обстоятельство, что мотивъ заключался не въ животномъ инстинктѣ, какъ то бываетъ у турокъ, а въ народномъ понятіи о томъ, какова должна быть жена добраго черногорца и какъ она должна свято почитать народный обычай. Самъ Марко былъ личность высокая, честная и великодушная. Съ особеннымъ уваженіемъ относились къ нему и сосѣдніе турки, о чемъ мы еще будемъ говорить. Во второмъ случаѣ видно глубоко лежащее въ сердцѣ черногорца желаніе имѣть наследника, продлить свое потомство и передать ему свое имя, особенно если онъ принадлежитъ знатному роду, какимъ и былъ Перо Томовъ Петровичъ, братъ владыки и президентъ сената, претендовавшій и на княжеское достоинство.

Въ такихъ случаяхъ въ Черногоріи, какъ и въ Герцеговинѣ, разводъ не только допускался, но его требовали другіе, родственники, а иногда и посторонніе, дорожившіе потомствомъ знатнаго человѣка.

Но были конечно и злоупотребленія, которыя вошли въ обы-

чай *), вслѣдствіе чего кн. Данилъ счелъ необходимымъ стать тому на путь и въ законникъ внесенъ § 67, который гласитъ такъ: «Разводъ мужа съ женой, который до сихъ поръ былъ обычнымъ въ нашей землѣ, отнынѣ перестаетъ быть, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые допускаетъ наша православная церковь вслѣдствіе недостатковъ или погрѣшностей мужа или жены».

Въ правленіе кн. Николая также сдѣлано очень много въ пользу женщины: ей дается всегда защита закона противъ притѣсненій въ семьѣ; за грубое обращеніе съ женою мужъ подвергается наказанію; и вообще своимъ личнымъ вліяніемъ кн. Николай помогъ значительно поднять женщину въ глазахъ своего народа; а главное — обращено строгое вниманіе на правильность браковъ.

Что бы ни дѣлалось однако для улучшенія положенія женщины со стороны правительства, трудно поддаются тому обычай и вѣками сложившееся народное воззрѣніе. Въ старое время, когда въ женщинѣ не было пробуждено сознаніе своихъ правъ и она не искала ихъ, они признавались за нею въ семьѣ, молча, такъ сказать; теперь же, когда она стала требовать своего по праву, старый духъ возмущается и не уступаетъ. Отсюда возникаетъ множество супружескихъ тяжбъ, которыя обычно оканчиваются разводомъ или какимъ нибудь трагическимъ финаломъ; случается, что во время самой тяжбы мужъ убиваетъ жену или наоборотъ; по рѣдко бываетъ миръ. При этомъ всегда всплываетъ наружу неправильность въ заключеніи брака. Въ этихъ случаяхъ женщина показываетъ такую-же рѣшительность, смѣлость и неуступчивость, какъ и мужчина. И тутъ только можно видѣть, что, покорная по доброй волѣ, она не привыкла покоряться насилію.

Въ Никшичѣ, по словамъ тамошнихъ турокъ, богатые и знатные турки изъ Сараева и другихъ мѣстъ Босніи въ старое

*) Въ Васоевичахъ въ турецкой границѣ (на Полицѣ) одинъ былъ 5 разъ женатъ и имѣлъ 19 сыновей.

время покупали для своих гаремовъ христіанскихъ дѣвочекъ отъ 8—10 лѣтъ, платя обыкновенно отъ 7 до 12 дукатовъ, а иногда и взрослыхъ дѣвушекъ. Часть ихъ никшичане, можетъ быть, крали и отнимали; а часть приводили сами родители, терпя нужду и находясь въ зависимости отъ никшицкихъ турокъ. Изъ Черногоріи также приходили въ Никшичь и брали въ заемъ деньги или хлѣбъ, оставляя въ залогъ кого либо изъ семьи, при томъ такую личность, которая бы имѣла значеніе, а въ глазахъ турокъ цѣнность, мужчину или женщину. Такимъ заложникомъ оставленъ былъ однажды Марко изъ Чева, о которомъ мы уже упоминали и будемъ послѣ говорить, и который такъ и погибъ заложникомъ. А также случилось попасть заложницей одной женщиной изъ Озриничей. Хотѣли было отправить дѣвушку; но вызвалась сама замужняя, рассчитывая, что, въ случаѣ чего, она сумѣетъ убѣжать лучше, чѣмъ дѣвушка. И дѣйствительно, разъ она собралась было бѣжать и вышла уже изъ города, но была замѣчена, и тогда воротилась сама, сказавши, что ходила ради прогулки. Въ другой разъ она бѣжала ночью; пробѣжала уже все Никшицкое поле, перебрела р. Зету подъ Будошемъ-планиной и сокращенными тропинками, перейдя Планиницу, вступила уже на землю гѣшивцевъ, которые собственно держались при Черногоріи, по въ то время почему-то дружились съ турками, и потому она несчастную женщину задержали и воротили въ Никшичь. Что съ ней случилось потомъ, неизвѣстно: можетъ быть, её убили или же отправили куда нибудь въ Боснію.

Выставляя на видъ эти темныя стороны въ положеніи женщины, отчасти принадлежащія болѣе или менѣе отдаленному прошлому, отчасти держащіяся и въ современной жизни Черногоріи, мы различаемъ въ томъ черты, общія цѣлому человечеству и проистекающія изъ убѣжденія, что женщина болѣе, слабая, чѣмъ мужчина физически, должна ему уступать одинаково въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ; или

обуславлюющіяся особеннымъ положеніемъ черногорца, военнымъ складомъ всего его быта и тяжелымъ положеніемъ его самого, которыя потому представляютъ собою явленіе случайное и преходящее и изъ которыхъ многія дѣйствительно постепенно исчезаютъ. Но въ то-же время должны замѣтить, что, не смотря на такія тяжелыя условія вообще жизни черногорца, черногорская женщина во многихъ случаяхъ является на высотѣ, какой она не достигаетъ еще у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. На одну изъ этихъ сторонъ мы уже указали: это ея право быть главою дома (доматинство), по которому она не только безъ всякихъ ограниченій управляетъ своею семьєю, но и заступаетъ её на народныхъ собраніяхъ. Далѣе, въ особомъ отдѣлѣ мы увидимъ, что такою же полноправною она была въ отношеніяхъ имущественныхъ, въ правѣ наслѣдованія и передачи его другимъ, а также въ правахъ опекунскихъ. Къ этому можно прибавить ея неприкосновенность въ международныхъ отношеніяхъ во время войны, что и создало женщинамъ роль парламентаровъ, которую онѣ выполняли, когда бывало зассорятся и откроютъ военныя дѣйствія различныя племена или вообще сосѣди.

Въ исторіи Черногоріи мы знаемъ случаи, что женщины удерживали свое войско отъ уступокъ передъ непріателемъ и рѣшали судьбу военноплѣнныхъ; не говоря уже о томъ, что заклинанія матери производили дѣйствіе неотразимое. Если черногорская исторія красится и гордится своимъ геройствомъ, то рядомъ съ героями она должна поставить и героинь. Многія изъ нихъ приобрѣли имена; а сколько остается безыменныхъ, героизмъ которыхъ проявилось въ защитѣ своего дома и своей чести, въ перенесеніи страданій во имя той-же чести и славы своего народа! Поэтому очень справедливо и умѣстно князь Николай постоянно напоминаетъ своимъ черногорцамъ, что «безъ героинь не было-бы героевъ», и, создавши апотеозу черногорки въ лицѣ Даницы въ драмѣ «Балканская Царица», онъ отдалъ, такъ сказать, должную дань черногорской женщинѣ.

Въ то время, какъ во всемъ цивилизованномъ мирѣ существуютъ особыя общества сестеръ милосердія изъ исключительныхъ личностей высокаго характера, посвятившихъ себя на служеніе страдающему человѣчеству, которыя, задавшись такою цѣлію, въ тяжкое военное время, прибѣгаютъ на помощь больнымъ и раненымъ; въ Черногоріи эту роль всегда исполняли всѣ женщины. Онѣ постоянно слѣдовали за войсками, неся своимъ мужьямъ, отцамъ или братьямъ провіантъ (брашненик) и боевую мундицію, и въ то-же время занимались уборкою съ поля битвы своихъ раненыхъ и уходомъ за ними, и совершали это нерѣдко подъ выстрѣлами, при чемъ нѣкоторыхъ тутъ же ранили или убивали непріятельскія пули. Провожая своего человѣка на войну, черногорская женщина никогда не плачетъ, но и его еще ободряетъ; а потерявъ его, какъ бы ни любила, умѣетъ также сдержатъ слезы и подавить страданія, хотя послѣ инья сходятъ съ ума.

Эта сторона изъ жизни черногорской женщины очень хорошо выражена въ посвященіи къ «Балканской Царицѣ» кн. Николая, которое въ прекрасной формѣ представляетъ лучшую характеристику черногорской женщины, и потому мы позволимъ себѣ этотъ отдѣлъ заключить звучнымъ стихомъ высокаго поэта-черногорца:

Не поддаетесь вы душой
Рыданьямъ и слезамъ;
Вы съ твердостью свою печаль
Однѣ лишь въ силахъ снести,
Когда о гибели родныхъ
До васъ доходитъ вѣсть.
У васъ для горя и тоски
Другой назначень часъ;
И провожаете на бой,
На смерть вы смѣло насъ!

Вы жизнь готовы положить
За родину свою;

И только послѣ слышенъ плачь
По сгибнувшимъ въ бою!

Вы воздаете имъ хвалу
За доблесть ихъ и честь,
Воспламеняя въ насъ, живыхъ,
Отвагу, гнѣвъ и месть!

Въ лохмотьяхъ жалкихъ, босикомъ,
Голодные, въ пыли,
За нами мужественно въ слѣдъ
Съ припасами вы шли!

Не меньше насъ несете вы
Тяжелаго труда,
Лишений, тягостей и жертвъ
Для родины, — когда

Наступить битвы грозный день
И время тяжкихъ мукъ:
Беремъ мы порохъ и свинець
Изъ вѣрныхъ вашихъ рукъ!

И рядомъ съ символомъ — крестомъ,
Свободой золотой,
Мы видимъ ангельскій вашъ ликъ
Сквозь дымъ пороховой.

4. Бракъ и супружескія отношенія.

Брачное положеніе и супружескія отношенія всецѣло принадлежать семьѣ; поэтому и займемся разсмотрѣніемъ ихъ, выпустивши обрядовую сторону, которая войдетъ въ другой отдѣлъ, и останавливаясь только на смыслѣ и значеніи брака въ семейной жизни и на вытекающихъ изъ того отношеніяхъ.

Бракъ—это одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ жизни, какъ для женщины, такъ и для мужчины. Онъ составляетъ, такъ ска-

зять, основу, на которой семейная жизнь возникает и зиждется, безъ которой не было бы и семьи. Актъ этотъ, насколько важенъ, настолько и неизбеженъ въ жизни каждаго человѣка. У насъ на парня неженатаго народъ смотритъ, какъ на что-то несовершенное, неполное, и жизнь безъ жены считается незаконною, потому о женитьбѣ говорится «произвести въ законъ». У черногорцевъ эта необходимость выражается еще настоятельнѣе: «Чоек не може бити чоек, докле га жена не крсти», т. е. тогда только онъ и можетъ назваться человѣкомъ вполнѣ, когда женится; тогда только онъ вступаетъ въ настоящую жизнь мужчины, облеченнаго въ извѣстныя права и обязанности; иначе его всегда будутъ звать «дјете» (впрочемъ часто и женатыхъ молодыхъ зовутъ «дјетич: добар дјетич или момак», какъ у насъ хорошій парень).

Вступая однако въ свои новыя права и обязанности, человѣкъ до нѣкоторой степени ограничиваетъ свою свободу; потому въ Черногоріи иногда говорятъ: «метнути момку синджир на вратъ» въ смыслѣ женить.

А какъ скоро парень женится, тотчасъ же измѣняются всѣ его прежнія отношенія къ женскому полу, со стороны котораго подвергается насмѣшкѣ со скрытою завистью, какъ это выражено въ слѣдующей пѣсенкѣ:

Док се момак не ожени,
 ђевојке га «брате» зову,
 А невјесте «мили брате»,
 Старе бабе «мили сине».
 А пошто се оженио,
 ђевојке га «враже» зову,
 А невјесте «враг ђаволе»,
 Старе бабе «пасиј сине».

Также необходимо и дѣвушкамъ выйти замужъ и влечь еѣ къ тому, потому что «грехота је» для дѣвушки умереть «ни грена, ни омгловава»; но въ то-же время дѣвичество остается

въ ея воспоминаніи самымъ счастливымъ, безвозвратно утраченнымъ временемъ:

Ђевовање — моје царовање;
Цар ти бијах, док у баба бијах.

Слѣдовательно есть разница и между женитьбой и выходомъ замужъ, хотя бы то и другое было одинаково неизбежно и желательно для обѣихъ сторонъ: первая торжествуется, какъ побѣда; второй сопровождается грустнымъ чувствомъ потери чего-то дорогого и никогда не возвратимаго.

Прослѣдимъ-же этотъ актъ съ той и другой стороны.

Выдавши замужъ дочь, родители, какъ бы ни было то выгодно и почетно для дома, остаются печальными; въ цѣломъ домѣ чувствуется, что онъ что-то потерялъ. Если её выдали совершенно въ другое племя, то какъ-бы со стыдомъ говорятъ: «Одведоше нам ђевојку»; какъ будто не нашлось своего, который бы её взялъ, а отдали чужому, предпочтя его своему. Отпустивши дѣвушку-невѣсту со сватами жениха, въ домѣ невѣсты остаются свои сваты, которые послѣ того, какъ бы по окончаніи какого-либо труднаго дѣла, въ полномъ удовольствіи отдыхаютъ, пьютъ, ѣдятъ и веселятся; но самая семья, начиная съ родителей, смотрять какъ-то уныло и будто стыдливо; какъ будто они не по своей волѣ дали её, а она у нихъ отнята силой. Семья, изъ которой взяли невѣсту, представляется, по отношенію къ семьѣ жениховой, какъ побѣжденный къ побѣдителю. Послѣдній, довольный добычею, въ своемъ великодушіи обдариваетъ, сколько возможно, сторону невѣсты; а невѣстина сторона, слабѣйшая, держится скромнѣе и задариваетъ, единственно, чтобы задобрить, расположить къ снисходительности, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, къ невѣстѣ, вступающей въ чужую семью и не имѣющей при себѣ ни души изъ своихъ близкихъ. Не только изъ семьи, но и вообще изъ рода невѣсты никто не смѣетъ со-

проводятъ её ни въ церковь, ни въ домъ жениха. Всякая связь прерывается круто, сразу. Это, можетъ быть, и напоминаетъ на бывшую когда-то «отмицу», когда всякій, чтобы жениться, добывалъ себѣ невесту вооруженною рукой или вообще силой.

Совершенно противоположное настроеніе въ домѣ жениха: тутъ идетъ веселье, какъ будто послѣ одержанной побѣды.

Что касается вопроса, откуда женились, на это прежде всего отвѣтимъ, что въ старое время былъ одинъ законъ, въ новое — другой.

Въ настоящее время могутъ жениться между собою не только изъ одного племени или братства, но даже изъ одного рода, когда женихъ и невеста носятъ одно и то-же прозвище; только бы выходило число степеней, опредѣленныхъ церковнымъ закономъ, кормчею, именно до 8-й степени по такъ называемой «дебелой крови», т. е. по мужской линіи; а по женской меньше. Въ старое-же время каждое племя держалось своего обычая. Такъ, кучи никогда не женились между собой, а брали себѣ женъ изъ другого племени; поэтому они женились часто на албанкахъ и своихъ дѣвушекъ отдавали въ Албанію. Воевода Марко Миляновъ, до сихъ поръ еще человекъ не старый, первый взялъ себѣ жену изъ кучъ; его примѣру стали слѣдовать и другіе. Въ Васоевичахъ прежде былъ, кажется, тотъ-же обычай; поэтому у нихъ въ пѣсняхъ вспоминаются жены, взятія со стороны: есть изъ кучъ, изъ пиперъ, вообще изъ Брдъ. Болѣе или менѣе это было въ обычай у всѣхъ племенъ; по крайней мѣрѣ, не женились изъ одного братства и еще меньше изъ рода, носящаго одно прозвище. Впрочемъ у озриничей, у чевлянъ женились между собою, и первый, взявшій жену изъ Герцеговины, изъ Банянь, былъ Марко, о которомъ мы упоминали выше. Между прочимъ въ Граховѣ есть два братства Вуячичи и Булачичи, со всѣмъ не родственныя между собою, члены которыхъ не женятся между собою по особенному договору. И вотъ по какому случаю заключенъ этотъ договоръ.

Давно это было, лѣтъ сто назадъ, — согрѣшили двое моло-

дыхъ людей, одинъ изъ одного, другая изъ другого братства, и за это они подлежали каменованію; но изъ сожалѣнія ихъ не каменовали, а только *анатемисали*, т. е. наложили проклятіе навсегда, чтобы эти братства не женились между собою, и въ знакъ того двое представителей изъ того и другого братства пошли на одну *каменицу* (вода въ природномъ каменномъ углубленіи) и, произнесши свое обѣщаніе, *закровавили* её, т. е., порѣзавши себѣ по одному пальцу, пустили въ ту воду крови и потомъ пили её. Съ того времени она называется *Кровава-каменица*. Разъ одинъ изъ нихъ женился вопреки закону, и было у него шестеро дѣтей; но всѣ умирали, достигши одного года; поэтому опять не женятся.

Если добывалась невѣста силой, то, само собою разумѣется, она была изъ другого племени; но это вошло въ обычай и при мирномъ способѣ заключенія брака. Это помогало вообще сближенію двухъ племенъ; а иногда тѣмъ достигалось примиреніе, если они враждовали между собою. Больше чести и торжественности, если невѣсту берутъ откуда нибудь издалека, когда ведутъ её на конѣ въ сопровожденіи множества гарцюющихъ за нею и передъ нею всадниковъ въ нарядныхъ костюмахъ и съ блестящимъ оружіемъ. Тогда только сваты-поѣзжане являются настоящими гостями, которымъ нужно сдѣлать хорошую встрѣчу, чтобы они потомъ далеко понесли славу о невѣстиномъ родѣ, а въ то-же время и по себѣ оставили добрую память своею щедростію и богатымъ снаряженіемъ. Совсѣмъ другое, если женихъ и невѣста изъ одного села, гдѣ они пѣшкомъ могутъ дойти до церкви и перейти изъ одного дома въ другой; да и гости все свои люди.

Поэтому во всѣхъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ свадьбу, невѣсту приводятъ непременно издалека, при чемъ указываются трудность пути и опасности, въ которыхъ иногда нужно геройство. Мы знаемъ двѣ мѣстности въ Черногоріи, носящія названіе «сватовско гробле», гдѣ весь свадебный поѣздъ, застигнутый зимнею вьюгой, вмѣстѣ съ невѣстой остался погребеннымъ подъ

снѣгомъ. А случалось, что поѣздъ этотъ выдерживалъ и цѣлую битву и также оставался на мѣстѣ, если не одерживалъ побѣды.

Поэтому и теперь, когда невѣста готова уже къ отправленію въ путь, поютъ:

Азур (готовы) свати, азур је ђевојка!
Кратки данци, а дуги коначи (переходы);
Туђа земља, калауза (проводника) нема;
Туђи људи, не знамо им ђуди (нрава).

При такихъ условіяхъ довода невѣсты изъ далекаго, чужого края, устраняется предварительное знакомство съ нею жениха. Возможно, конечно, знакомство случайное, какъ напр. въ васоевицкой пѣснѣ о Куштримѣ, который не только познакомился съ одною дѣвушкой мухамеданкой, но она сама помогла похищенію ея и потомъ покрестилась и вышла за него замужъ. Но есть возможность видѣться дѣвушкамъ и молодымъ парнямъ и безъ особенныхъ случаевъ если племена находятся въ сосѣдствѣ и не состоятъ въ войнѣ между собою; такъ какъ между ними бываетъ постоянное и тѣсное общеніе. Но, хотя въ Черногоріи нѣтъ и не бывало никогда затворничества женщины, дѣвушку, какъ скоро она стала за «удадбу», не такъ легко видѣть постороннему, изъ другого племени. И въ самой дѣвушкѣ съ того момента проявляется чувство стыдливости, вслѣдствіе чего и сама она кроется. Недавно было, что одинъ нѣгушанинъ, человѣкъ изъ интеллигенціи, хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ изъ Добрскаго-села, которой ему никогда не случалось видѣть; когда же повелись объ этомъ предварительные переговоры, то онъ потребовалъ свиданія. Прежде онъ это могъ сдѣлать, подъ какимъ-нибудь предлогомъ отправившись въ то село; тутъ же этого не допустили, и свадьба разстроилась.

Такимъ образомъ въ общемъ женитьба могла состояться безъ предварительнаго знакомства жениха и невѣсты. Такъ это бываетъ и теперь, хотя, конечно, рѣже. Поэтому и говорятъ:

«Ушима, а не очима ваља се жениги», т. е. лучше разузнать хорошенько о невѣстѣ отъ добрыхъ людей, чѣмъ видѣть её, при чемъ видѣль бы только ея наружность.

Что касается дѣвушки, то съ ея стороны еще меньше можетъ быть выборъ. Поэтому, созрѣвши для замужества и зная, что когда нибудь должна выйти, дѣвушка ждетъ своей судьбы, которая вдобавокъ не совсѣмъ зависить и отъ воли ея родителей; такъ какъ «сына жени, когда хочешь, а дѣвушку выдавай, когда можешь», т. е. когда представится случай. А и сыну самому также никогда не придетъ въ голову жениться, прежде чѣмъ надумаютъ то его родители, для которыхъ женитьба его составляетъ задачу ихъ жизни, чтобы прежде всего чрезъ это обезпечить продолженіе своего рода, не говоря уже о экономическихъ или какихъ-либо другихъ соображеніяхъ. Въ простой черногорской семьѣ, живущей по старинному, въ селахъ, куда еще не проникли свѣтскіе обычаи, и мужское молодое поколѣніе живетъ въ такомъ же состояніи невинности, какъ и женское. Молодой паренъ — та же дѣвушка, и онъ ни за что въ жизни не напомнилъ бы родителямъ о своей женитьбѣ; а скорѣе будетъ стыдливо отклонять сдѣланное ему родителями предложеніе, пока не увидитъ непзбѣжности. При такихъ отношеніяхъ, само собою разумѣется, что браки заключались съ той и другой стороны по волѣ родителей и по ихъ выбору.

Относительно выбора невѣсты для сына нечего сказать особеннаго. Смотрятъ прежде всего, чтобы она была изъ хорошаго дома, хорошаго рода, а затѣмъ слѣдуютъ ея здоровье, нравственные качества и способность къ работѣ. Не упускается изъ вида и красота, при чемъ больше всего цѣнятся хорошій, средній ростъ, стройный станъ, «лијепа крв», которая выражается въ свѣжести лица, съ выразительными глазами, густыми высокими бровями и длинными густыми косами. Прежде не было въ обычаѣ выговаривать приданое; самъ женихъ позаботится хорошо парадить её, да и не стоило это дорого въ старое время. Не соблазнялись вообще приданымъ и потому еще, что оно обыкновенно

венно состоятъ изъ одежды, женскихъ украшеній и кое-какой домашней рухляди. Но бываетъ, что она несетъ съ собою хорошее наслѣдство матери (материнство); а если отецъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то и все его имѣнїе. Все это, конечно, прежде всего знаютъ и соображаютъ родители. Такимъ образомъ сынъ можетъ вполне положиться на ихъ выборъ, зная при этомъ, что они не упустятъ изъ вида и его личный вкусъ и личныя качества невѣсты.

Не могутъ, конечно, родители желать зла и своей дочери и выдать её за урода или стараго и вообще за не подходящаго ей человѣка; но тутъ, какъ мы говорили, и родители не могутъ выбирать много. А можетъ также соблазнить богатство, сила и вліятельность дома, въ который имъ хотѣлось бы, отчасти, можетъ быть, для своихъ выгодъ, выдать дочь. Поэтому положеніе дѣвушки, лишенной возможности выбирать, далеко не утѣшительное. Для нея выходъ замужъ тоже самое, что вступленіе въ невѣдомую глушь, гдѣ она совершенно не знаетъ, что её можетъ встрѣтить: случайное счастье или тяжелая кабала. Поэтому грустнымъ тономъ, тяжелымъ чувствомъ проникнуты всѣ пѣсни, имѣющія предметомъ выходъ дѣвушки замужъ.

Вотъ одна изъ такихъ пѣсень (не знаю напечатана-ли гдѣ, а мною записана не вполне):

Мјесецъ кара звијезду Даницу;
 «Ој», Данице, једна лежакињо!
 Ти пролежа вечер до сабаха,
 А ја пређох земле и градове
 И ја виђох чудо невиђено,
 Ђе три брата сестрицу удају:
 — Не дајте ме, браћо, надалеко! —
 Али браћа за бога не хају;
 Већ ју даше силом надалеко:
 Три дни хода преко поља равна,
 А четири преко мора сиња....

Прошло много лѣтъ; никто изъ родныхъ еѣ не навѣщаетъ; наконецъ она отправляется сама; по пути на встрѣчу ей каркаетъ воронъ; а дома застаётъ она одну мать, которая говоритъ ей:

«Ајде, шѣрце, у зелену башчу,
Да ти видиш ту жуту наранджу;
Под наранджом до три гроба леже».

Умерли, значитъ, ея братья, такъ немилостиво поступившіе съ сестрою; но и мать съ дочерью, плача и горюя, умирають тутъ же.

Въ другой пѣснѣ говорится, какъ одна, увидѣвшись послѣ замужества со своимъ, умерла отъ радости:

Оприми се, оде у матере,
Излюби се с родом и матером,
Од велике желе и радости
Мртва паде, више не устаде.

Въ пѣснѣ же найдете жалобу молодой на то, что еѣ выдали за богатаго, но не милаго:

Цмиъ ђевојка по планини брала
Цмиъ је брала, јаблан прескакала,
Па јаблану тијо говорила:
«Ој јаблане, мој јаблане!
И тебе бих брала;
Но ме мајка за недрага дала;
Нема тога, коме бих те дала».

Въ другомъ вариантѣ прибавлено:

«За недрага, ђе је доста блага.
Није благо ни сребро, ни злато;
Но је благо, што је срцу драго.

Поэтому жизнь до замужества, въ родномъ домѣ, не смотря на тяжелую работу и строгость, послѣ того вспоминается женщиной, какъ самое блаженное время.

Еще фатальнѣе бывало заключеніе брака, когда существовалъ обычай, что родители уговаривались о томъ, прежде чѣмъ у нихъ появились на свѣтъ дѣти, когда они находились еще въ матерней утробѣ, или сосватывали находившихся въ колыбели. Сколько удавалось намъ слышать о такихъ случаяхъ, большею частью между сосватанными такимъ образомъ зарождалось какое-то непріятное чувство и даже отвращеніе. Невозможность однако молодымъ людямъ видѣть другъ друга, хотя бы и изъ другого племени, не абсолютная. Есть возможность не только видѣться, но и ближе познакомиться другъ съ другомъ.

Каждое племя, когда выступить со скотомъ на планины, имѣетъ извѣстные дни, въ которые на опредѣленныхъ мѣстахъ сходится цѣлое племя, чтобы повеселиться, повидаться другъ съ другомъ и потолковать объ общихъ дѣлахъ. На собранія эти (скупштине) приходятъ гости и изъ другихъ племенъ, и продолжаютъ они до трехъ дней. Въ то время, какъ пожилые люди угощаются молокомъ и сыромъ въ разныхъ видахъ и ведутъ свои дѣловые разговоры, покуривая трубки, молодежь мужская и женская, забывъ все, предается веселью: поютъ, водятъ хоры и играютъ въ различныя игры. Тутъ и происходитъ знакомство и сближеніе молодыхъ людей, тутъ же иногда парень и дѣвушка, понравившись другъ другу, рѣшаютъ вступить въ бракъ и договариваются только, какимъ путемъ того достигнуть.

Кромѣ того, еще больше облегчали такое сближеніе скупштины, которыя ежегодно бываютъ около извѣстныхъ монастырей, какъ Острожскій, куда собирается народъ не только изъ всей Черногоріи, но и изъ другихъ сосѣднихъ земель, изъ Герцеговины, Приморья, Босніи, Скадра и Старой Сербіи; въ Пиперско-келіи, гдѣ собираются всѣ пиперы, бѣлопавличы и вся средняя Зета; на Рѣцкомъ-Комѣ, куда собираются вся Рѣцкая-на-

хія, Цермница, частью нахія Катунская, Лѣшанская и Зета; въ Беряхъ близъ Подгорицы, и др. Поэтому въ одной пѣснѣ сестра говоритъ брату:

«Ајде, брате, намастиру,
Да гледамо ђевојака,
Ђевојака и момака!».

Не смотря на святость мѣста, подъ Острогомъ, въ прежнее время, не только приглядывалась и знакомилась между собою молодежь и заключались уговоры о бракѣ; но не обходилось, говорятъ, ни одной почти скупштины, чтобы не случилось увода невѣстъ женихами безъ всякихъ разговоровъ съ родителями, а иногда и противъ воли невѣсты.

Таковыми же мѣстами свиданій или смотринъ въ настоящее время служатъ и базары: на Рѣкѣ Черноевича, въ Вирбазарѣ, въ Подгорицѣ и др.

Знакомы или не знакомы между собою женихъ и невѣста, для заключенія брака всегда требуется согласіе родителей, и есть одинъ актъ въ свадебномъ обрядѣ, гдѣ родители съ той и другой стороны даютъ своимъ дѣтямъ благословеніе. Да и вообще по народному мнѣнію молодежь недостаточно мудра и дальновидна, чтобы, рѣшаясь на такой важный въ жизни шагъ, не погрѣшила подъ вліяніемъ временнаго и случайнаго увлеченія. Кромѣ того и родители рѣшаютъ этотъ вопросъ не одни, а совѣщаясь со всѣми членами своего рода. Слѣдовательно въ случаѣ, если бы родители хотѣли заключить бракъ, несообразный по лѣтамъ и другимъ личнымъ качествамъ жениха и невѣсты, льстятся только на богатство или другія какія-либо, не относящіяся къ тому выгоды, то всегда можно ожидать протеста со стороны другихъ родныхъ. На дѣлѣ однако этого не бываетъ, и эти родные всегда оказываются на сторонѣ родителей, вслѣдствіе чего часто браки совершались, если не прямо насиліемъ, то обманомъ. Даже священники, пренебрегая предписаніемъ церкви

не вѣнчать безъ ясно выраженнаго согласія брачующихся, относились къ тому равнодушно, такъ какъ не подвергались за это никакой ответственности.

До какой степени такое насиліе считалось даже законнымъ, показываетъ слѣдующій случай.

Изъ знатнаго и богатаго дома на Цеклинѣ сватали изъ такого же дома въ Цекличахъ. Родители рады, но дѣвушка не хочетъ; уговаривали её и грозили; она остается при своемъ. Цеклиняне между тѣмъ оскорбляются и требуютъ указать недостатки ихъ жениха. Тогда родители невѣсты прибѣгнули къ рѣшительнымъ средствамъ и стали её бить. «Убейте меня здѣсь или сама я убьюсь, а за него не пойду» было рѣшеніе дѣвушки. Послѣ этого ведутъ её на Цетинье къ владыкѣ (тогда былъ Петръ II), не уговорить ли онъ. Не помогаетъ и это; тогда съ разрѣшенія владыки её наказываютъ тамъ же, публично, и это былъ, кажется, первый случай публичнаго тѣлеснаго наказанія въ Черногоріи. Она осталась при своемъ; но её насильно обвѣнчали и предали мужу. Не поживши тамъ много, она бѣжала. Не знаю всѣхъ перипетій, которыя привелось пережить несчастной молодой женщинѣ; но въ концѣ концовъ, кажется, они разошлись, и ей позволили выйти за другого, съ которымъ жила мирно, и она показала себя отличною женщиной. Иногда поступали въ подобномъ случаѣ такъ. Отпускали или посылали дѣвушку на базаръ, гдѣ есть церковь. Тамъ ждали уже родные ея и жениховы и накидывались уговаривать и соблазнять её всѣмъ возможнымъ и, не давши опомниться, вели въ церковь, гдѣ уже ждалъ женихъ, и тотчасъ ихъ вѣнчали. На спросъ священника она не говорила, что идетъ волей; но не имѣла духу сказать, что её выдаютъ силой, и бракъ былъ заключенъ; а мужъ оказался неспособнымъ. Вся ея жизнь послѣ этого прошла въ томъ, что она подвергалась побоямъ мужа и вела противъ него тяжбу; и только дѣтъ черезъ 20 её освободили отъ такой жизни, давши разводъ, съ лишеніемъ однако права выйти за другого, тогда какъ мужу не запретили вступить въ новый бракъ.

Въ настоящее время этого не можетъ быть, потому что священникъ предается за это суду, по которому лишается сана и сверхъ того подвергается штрафу или другому наказанію.

Но еще кн. Даніилъ обратилъ на то вниманіе, и потому въ его законникъ внесенъ слѣдующій § 68: «Отнынѣ, если черногорецъ или брдянинъ захочетъ жениться, то священникъ долженъ за три дня до вѣнчанія спросить дѣвушку, на которой тотъ хочетъ жениться, согласна-ли на то и она; и если согласны оба, то можетъ вѣнчать; если же не согласны, то не смѣетъ. Если же бы повѣнчалъ, то священникъ тотъ долженъ быть отлученъ отъ святой нашей церкви, потому что женихъ и невѣста, покуда только сосватаны (собственно обручены), могутъ быть разведены; а когда вѣнчаются, то разлучить ихъ можетъ только смерть одного или другого или обстоятельства, показанныя въ § 67 (природные недостатки или согрѣшенія противъ брачной жизни).

Сюда же относятся и еще одинъ параграфъ, по которому воля родителей должна уступить любви молодыхъ людей. Это § 70: «Если бы дѣвушка по своей доброй волѣ пошла за парня; противъ того нельзя ничего сдѣлать, потому что ихъ связала сама любовь».

Этимъ освящается *отмица* (уводъ дѣвушки), если только она совершена съ согласія самой дѣвушки.

Насиліе родителей отчасти бывало причиною того, что молодежь прибѣгала къ *отмицѣ*, т. е. къ уводу невѣсты силой, какъ будто и противъ ея желанія, а въ большей части случаевъ въ договорѣ съ нею и только противъ воли родителей.

Этотъ обычай въ настоящее время также на практикѣ въ Черногоріи не возможенъ; но практиковался до не очень давняго времени, и вотъ какъ онъ описывается у г. Богишича: «Часто случается, что дѣвушекъ уводятъ и послѣ съ ними вѣнчаются*); но это всегда бываетъ по уговору или съ дѣвушкой черезъ по-

*) Въ текстѣ стоитъ: «da se gjevojke otimlju i poslije vjenčanja»; но послѣднее слово чуть-ли не ошибочно вм. vjenčaju.

средство какой-либо женщины изъ ея сосѣдства, или, можетъ быть, даже съ ея матерью, которая согласилась бы выдать дочь за этого парня; но противъ него были ея мужъ или сыновья. И вотъ какъ это совершается. Если парень и дѣвушка влюблены другъ въ друга, а того не хотятъ или его, или ея отецъ, при этомъ одна сторона богата, а другая бѣдная; и парень узналъ, что эту дѣвушку будетъ просить другой, и потому боится, чтобы её тому не отдали; тогда онъ откроетъ свою тайпу брату и еще двоимъ родственникамъ или вѣрнымъ друзьямъ изъ сосѣдства, людямъ неженатымъ, и упроситъ ихъ похитить ту дѣвушку и привести. Послѣ этого поручать черезъ какого-нибудь вѣрнаго человѣка сказать дѣвушкѣ, чтобы она въ ночную пору (съ вечера или на зарѣ) пришла на условленное мѣсто, или рано, до восхода солнца, пошла бы за водой; и когда она придетъ на мѣсто, её окружатъ (а она какъ будто ничего объ этомъ не знала), насильно схватятъ и уведутъ. Когда подойдутъ къ дому парня, каждый сдѣластъ по выстрѣлу, скорѣе призовутъ попа и кума и обвѣчаютъ. Родные дѣвушки начинаютъ угрожать тому дому за то, что такъ поступили съ ихъ дочерью; но дѣло никогда не доходитъ до кровопролитія. Поднимется все село, и, когда люди увидятъ, что молодые довольны другъ другомъ и уже обвѣнчаны, то стараются помирить оба дома, которые въ этомъ случаѣ остаются въ прибыли, такъ какъ избѣжали издержекъ на свадьбу, и никто ихъ въ томъ не укоритъ» (стр. 191—192). Говорятъ даже, что иногда прибѣгали къ этому способу, именно чтобы избѣжать издержекъ. Въ томъ и другомъ случаѣ молодые послѣ этого отправляются къ роднымъ невѣсты, которые сначала ихъ не принимаютъ, а потомъ смиляются, дадутъ имъ свое благословеніе, молодая получаетъ свое приданое, а молодой обдариваетъ всѣхъ ея родныхъ.

Иногда дѣвушка сама убѣжить изъ родительскаго дома къ жениху, конечно, предварительно договорившись съ нимъ, но безъ предупрежденія его родителей. Она сначала прибѣгаетъ подъ кровъ того дома, прося убѣжища, и её не могутъ выгнать;

а послѣ дѣло объяснится. Этотъ способъ нѣсколько теряетъ благовидность въ глазахъ всѣхъ, и такая невѣста называется *самошла*, что имѣетъ смыслъ невыгодный для нея.

Въ виду такихъ случаевъ, вошедшихъ въ обычай народа и простирающихся изъ злоупотребленія родительской власти, въ законникъ князя Даніила вошла статья 70 въ такомъ смыслѣ: «Если бы дѣвушка добровольно, а безъ знанія своихъ родителей пошла за парня, то имъ то прощается, потому что ихъ связала сама любовь». Тѣмъ не менѣе объ такой дѣвущкѣ говорится: «Тешко земли, куда војска прође, и ђевојци, која сама дође. Прво јој је јутро прекорено: да си добра, не би дошла сама».

Но рядомъ съ этимъ, такъ сказать, мирнымъ уводомъ дѣвущки бывали похищенія насильственныя; похищали даже замужнихъ женщинъ. Противъ этого есть статья 12 въ законникѣ владыки Петра I, а въ законникѣ князя Даніила § 69, который гласитъ такъ: «Если бы кто-либо взялъ жену отъ живого мужа или похитилъ бы дѣвущку, которую ему не давали ея родители или, когда ихъ не было въ живыхъ, ближайшіе родственники, по закону и обычаю нашей православной восточной церкви, такого нужно прогнать, какъ беззаконника и похитителя чужого дѣтища, и онъ не можетъ оставаться въ нашей землѣ; а имущество его должно быть оцѣнено и раздѣлено, все равно, какъ бы онъ безъ причины убилъ человѣка» *).

Въ старое время бывало, что отнимали невѣсту у сватовъ на дорогѣ, когда еѣ вели изъ родительскаго дома къ жениху. Тутъ, само собою разумѣется, дѣло было кровавое и рѣшалось боемъ. Случалось при этомъ, что, какъ и въ отмицѣ перваго вида, невѣста сама была въ заговорѣ съ напавшими, или же, помимо ея, какая-нибудь изъ сопровождающихъ женщинъ. Сватамъ былъ это, конечно, великій стыдъ, и потому они бились до послѣдняго и большею частью всегда погибали въ схваткѣ; а за

*) Здѣсь, конечно, разумѣется отмица насильственная, противъ воли дѣвущки; въ противномъ же случаѣ ей даетъ санкцію цитированный выше § 70.

нихъ послѣ мстило племя. Но если бы они одержали побѣду, то торжеству ихъ не было мѣры.

Въ Цермницѣ есть Крвава-улица, гдѣ такимъ образомъ погибло множество; есть воспоминанія о томъ и въ другихъ мѣстахъ. Объ этомъ есть и пѣсни.

Случалось, что двѣ партіи сватовъ, каждая со своею невестою, встрѣчались, и ни та, ни другая не хотѣли уступить дорогу: дѣло также рѣшалось кровопролитною схваткой. Или вотъ еще характерный случай. Отецъ сердаря Тола Пилетича, извѣстнаго пиперскаго вождя, удалившагося въ 1879 г. въ Сербію (онъ и теперь еще живъ), выдалъ свою дочь за одного куча въ Косоръ, а послѣ воротилъ её и выдалъ за другого, пипера. Кучи поднялись, требуя женщину назадъ; но потомъ согласились на поединокъ между Пилетичемъ, который былъ небольшого роста и не крѣпкаго сложенія, и кучемъ, у котораго была отнята жена, отличавшагося большимъ ростомъ, силой и юначествомъ. Поединокъ происходилъ на нейтральной почвѣ по срединѣ р. Морачи, противъ с. Златицы; а войско пиперское и кучское должно было, въ качествѣ свидѣтелей, стоять каждое на своемъ берегу. Пиперы, видя, что ихъ сторона уступаетъ, не вытерпѣли и дали первый выстрѣлъ. Тогда завязался бой; кучи одолѣли, погнавши пиперъ до Завалы, село Пилетича, сожгли его и еще другія, а всего при томъ погибло съ той и другой стороны до 75 человекъ.

Этотъ случай, что родители обратно берутъ къ себѣ выданную замужъ дочь, если ей тамъ нехорошо живется, далеко не одиночный въ Черногоріи, въ старое впрочемъ время. И не только возвращали въ свой домъ, но послѣ и выдавали замужъ за другого. И это считалось вполне законнымъ въ смыслѣ мірскомъ; а что касается священника, который рѣшался вѣнчать женщину при живомъ первомъ мужѣ, то онъ во 1-хъ вполне зависѣлъ отъ своего племени, а во 2-хъ и самъ считалъ то законнымъ.

Не перебирая множества другихъ случаевъ подобнаго рода,

отчасти уже рассказанныхъ выше (Марко изъ Кчева, Текла изъ Марковины, Васоевичъ съ Полицы), приведемъ еще одинъ случай, довольно рѣзкій и характерный.

Изъ семейства Радуловичей въ Команяхъ выдали дочь за одного въ Лѣшкополе, которое находилось еще подъ турецкимъ господствомъ. Скоро начался разладъ между молодыми, и мужъ сталъ бить свою жену. Жена не вытерпѣла и ушла изъ дома; но на дорогѣ встрѣтилъ её ага турецкій (землевладѣлецъ) Харовичъ, у котораго мужъ ея былъ чифчія (арендаторъ). Узнавъ, что она ушла отъ мужа, онъ остановилъ её, ударилъ и отвелъ домой къ мужу. Ночью однако она ушла опять и прибѣжала въ свой родъ, въ Команы. Тогда братья ея, пригласивши еще нѣсколько человекъ, открыто отправляются въ Лѣшкополе и нападаютъ на домъ Харовича. Какъ ни была сильна защита дома, напавшіе врываются внутрь, Харовича и брата его убили и изрубали въ куски и, разграбивши домъ, спокойно отправились домой.

Одмю же свою (выданная замужъ женщина) больше уже не возвращали къ ея мужу; а послѣ она, кажется, вышла замужъ за другого.

Здѣсь, кромѣ возвращенія своей одивы, обращаемъ вниманіе на жестокую месть за оскорбленіе женщины. Мужу они не хотѣли ничего дѣлать, потому что онъ былъ ничтожный человекъ, въ полномъ смыслѣ турецкая рая; но выместили свою обиду на сильномъ турчинѣ.

Хотя и говорится по черногорской пословицѣ: «дочь — чужой товаръ», тѣмъ не менѣе она считается тѣмъ-же членомъ своего рода и племени, какъ и мужчина, и потому за оскорбленіе ея месть также обязательна, какъ за мужчину, и даже жестока. Выдавая свою женщину замужъ, родъ никогда не отказывается отъ нее и тамъ считаетъ её своимъ нераздѣлимымъ членомъ, а потому слѣдить за нею и принимаетъ участіе въ ней, все равно какъ бы она не отдѣлялась отъ своего дома. Есть дни въ году, когда одивы отправляются въ свой родъ и это обяза-

тельно: не смѣютъ удержать ее ни мужъ, ни весь его родъ, съ которымъ она до своей смерти никогда не сольется въ одно, всегда чувствуя и глубоко сознавая свою принадлежность семьѣ, въ которой родилась. Привязанность женщины къ своему родному дому такъ сильна, что никакое несчастіе въ собственной семьѣ не поражаетъ ее такъ, какъ въ семьѣ родителей, и проявленія этой привязанности бываютъ фатальны. Такъ одна женщина съ Угней (близь Цетинья) была выдана въ Добрское-село (тоже близко); приходитъ разъ въ родительскій домъ, когда всѣ были гдѣ-то на работѣ подальше или въ гостяхъ, дома была только одна сноха съ мелкими дѣтьми. Она обошла весь домъ и около него; разспрашивала свою невѣстку, какъ идутъ дѣла, какъ идетъ обработка той и этой нивы, которыя только что были раздѣланы, какой приплодъ отъ скота и т. д., и, узнавъ, что послѣ нея все какъ-то идетъ хуже и немного упадаетъ, пришла въ весьма грустное настроеніе, стала плакать; а потомъ стала бродить по дому и, замѣтивъ гдѣ-то револьверъ своего брата, взяла его и застрѣлилась. Иныя, если имъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ долго не удастся побывать дома, сходятъ съ ума или тоже убиваютъ себя, хотя бы съ мужемъ и всей его семьей жили въ совершенной любви и согласіи. Ничто такъ не огорчаетъ женщину, особенно недавно вышедшую замужъ, какъ если ее долго не посѣщаютъ ея родные; да и роднымъ тяжело подолгу не видѣться со своею одивой. Эти горячія отношенія къ своему роду мать сообщаетъ и своимъ дѣтямъ, и такимъ только образомъ комментруется приведенная нами выше пословица: «Не трогай дядю по отцѣ (стрица), если у него есть племянникъ отъ брата (синовца), чтобы не ужалила тебя змѣя; *ни дядю по матери (уяка) при добромъ племянникѣ (сестрича), чтобы не ужалили дѣть змѣи*». Если добрая жена, то и у мужа является особенная любовь къ ея семьѣ, и потому говорится: «Оклен му је жена, мила суму и говеда (или: «пашче») *).

*) На эту особенную любовь къ женному роду есть указанія и у другихъ народовъ. «Таццль говоритъ о германцахъ, что дѣти одинаково близко стоятъ

Однимъ словомъ, съ выходомъ замужъ женщина не отторгается совсѣмъ отъ своего рода и на всю жизнь свою остается его членомъ, откуда само собою вытекаетъ, что это должно отражаться и на правовыхъ отношеніяхъ, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Продолжимъ теперь собственно о бракѣ.

Вопросъ о заключеніи брака рѣшался родительскою властью не только для дочери, но одинаково и для сына. При той скромности черногорца, о которой мы говорили уже, родителямъ легко было заставить сына жениться на дѣвушкѣ, которой бы онъ вовсе не желалъ, и отказаться отъ той, которую любилъ. Въ случаѣ же сопротивленія родители и по отношенію къ сыну, какъ противъ дочери, прибѣгали къ принудительнымъ, иногда довольно крутымъ мѣрамъ. Такъ въ Люботинѣ одинъ попъ вздумалъ женить своего сына, когда онъ былъ еще ученикомъ богословской школы на Цетиньѣ, при томъ на дѣвушкѣ старше его. Сынъ этому противился; тогда отецъ сильно отколотилъ его, и тотъ, уступая силѣ, пошелъ подъ вѣнецъ, продолжая и послѣ ходить въ школу.

Что касается возраста вступающихъ въ бракъ, тутъ чрезвычайно много варіацій, которыя зависятъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Если семья одинокая (инокосна), то родители ждутъ не дождутся, пока подрастетъ имъ сынъ, чтобы скорѣе его женить и имѣть въ домѣ еще работницу; поэтому, едва минетъ парню 16 лѣтъ, его женятъ; бывали случаи, что женили 14-лѣтняго на 12-лѣтней, которые и жили потомъ, какъ братъ и

къ дядямъ по матери, какъ къ отцамъ; многими родство съ дядями (по матери) считается болѣе кровнымъ и селѣнскимъ». (Дж. Лэбокъ — Начало Цивилизаціи, русск. перев. 1871., стр. 81). «Въ пользу близкаго отношенія дѣтей къ матери свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Ковалевскаго, тотъ фактъ, что въ былинахъ говорится только о матеряхъ богатырей, а отцы выступаютъ лишь въ позднѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Въ *Русской Правдѣ* упоминается въ числѣ мстителей въ случаѣ кровной мести «сестринъ сынъ», тогда какъ въ послѣдующихъ спискахъ, напр. въ спискѣ Карамзинскомъ, слова «сестрину сынови» замѣнены словами: «братню сынови». (Э. Петри, 464).

сестра. Если есть старшая сестра, братъ не женится, пока её не выдадутъ замужъ; но конечно этому жданью есть предѣлъ: самый дальній срокъ для дѣвушки 25 лѣтъ, когда она можетъ выйти замужъ; а послѣ она остается, какъ говорится, «да плете сѣде», т. е. плести сѣдья косы, пока не найдется и для нея тоже пожилой человѣкъ или вдовецъ. Если много дочерей, то ихъ не держать долго; но если одна, то съ нею разстанутся нелегко: всё за неё крѣпко держатся, какъ родители, такъ и братья.

Обыкновенный для мужчины срокъ вступленія въ бракъ отъ 18—25 л.; а для дѣвушки отъ 16—20. Мимоходомъ замѣтимъ, что, просматривая списки перебѣгавшихъ въ Черногорію во время возстанія противъ австрійской оккупации (1881—82 г.) герцеговинцевъ, я имѣлъ случай видѣть, что тамъ большинство дѣвушекъ было отъ 20 до 25 лѣтъ, и больше. Въ Черногоріи напротивъ дѣвушки выходятъ замужъ раньше. Особенно рано и женятся, и выходятъ замужъ въ Васоевичахъ. Тамъ дѣвушка едва только стала косу заплетать, лѣтъ 14 или 15, выходитъ уже замужъ. И какъ охотно васоевицкая дѣвушка выходитъ замужъ, не раздумывая много! Скажите дѣвочкѣ 12 лѣтъ: «хочешь замужъ?» Она готова хоть сейчасъ. Женятся тамъ также лѣтъ 17 и немного больше 20. То же самое, говорятъ, и въ Старой Сербіи, особенно въ городахъ Печи, Призренѣ и др. Въ Подгорицѣ прежде былъ обычай вѣнчать дѣтей, напр. дѣвушку лѣтъ 12; а теперь, когда духовною властью запрещено вѣнчать дѣвушку раньше 16 лѣтъ, подгоричане, обручивши прежде требуемаго возраста, ждутъ потомъ годъ или два.

Я знаю одинъ случай въ Мартиничахъ (въ Бѣлопавлицкомъ племени): повѣнчали дѣвушку 11 или 12 лѣтъ; по распоряженію тогдашняго митрополита бракъ этотъ былъ немедленно расторгнутъ, и ея мужъ женился на другой; а черезъ 5 лѣтъ она вышла за Саву Метякукича (1883 г.) въ Служѣ, и въ то время ей было только 16 лѣтъ.

Вообще, если не препятствуютъ какія-либо обстоятельства и расчеты, ранніе браки предпочитаются. По практическому на-

блюденію, черногорцы говорятъ, что женщина, вышедшая замужъ въ раннемъ возрастѣ, гораздо лучше сохраняется, чѣмъ вышедшая позже. И мы знаемъ много примѣровъ въ пользу этого народнаго наблюденія *). Относительно дѣвушки мы уже приводили взглядъ на то народа; а относительно женитьбы также есть пословица: «Кѡји доцкан лијега, а рано се диже, рано руча и *рано се жени*; тај се не каје». Противъ женитьбы старыхъ людей говорятъ: «Од старца оца ђеца сирочад».

Неравные браки конечно осуждаются. Существуетъ множество пѣсенъ, въ которыхъ выражается и насмѣшка, и негодованіе противъ старыхъ мужей:

Стар ме проси, а млад ме купује:
 Волим младу бити робивница,
 Него стару на свили сјеђети.
 Бође ваља и по млада, него старца два.
 Волим брату овце пасти,
 Старој мајци потку прести,
 Него тебе стара грлити.

И т. д.

При этомъ однако старому мужу отдается предпочтеніе передъ старою женой: «Стару чоекѹ млада жена годименат (удовольствіе, утѣха, наслажденіе); а младу чоекѹ стара жена погибија». Женитьбу стараго на молодой оправдываютъ еще и тѣмъ, что: «Младо јагње за стара вука» такъ какъ съ настоящею овцой онъ не справится.

Самый естественный бракъ между молодыми:

У борју је славуј тица у пјесми веђи:
 Што је младо и зелено, нек заједно спи.

*) «У южно-албанскаго племени ризовъ дѣвушки обыкновенно выходятъ замужъ на 12 году, а юноши женятся на 15 г.; но тѣмъ не менѣе подобныя ранніе браки не умаляютъ сильнаго, подчасъ атлетическаго сложенія этого племени». (G. v. Nahn. Albanesische Studien. Jena. 1854. S. 143. По Пешелю стр. 221).

Тѣмъ не менѣе и теперь еще мало обращаютъ вниманіе на то, чтобы женихъ и невѣста соответствовали другъ другу. Въ мою бытность въ Черногоріи былъ такой случай. Родители выдали дочь, которой едва минуло 16 лѣтъ, за 45-лѣтняго чело-вѣка, употребивши, конечно, при этомъ свою родительскую власть. На четвертый день она бѣжала отъ мужа. На спросъ родителей, почему бѣжала, она отвѣтила: «Не могу пожаловаться ни на кого, свекровь любить и на работу не гонить; всѣ любить; мужъ не бьетъ; а не могу». Её отвели назадъ къ мужу; она опять бѣжала; и еще разъ. А мужъ тогда взялъ ножъ и всю её изсѣкъ по лицу и другимъ частямъ тѣла, оставивъ едва живую. Его послѣ этого засадили въ тюрьму, а что случилось съ нею, намъ неизвѣстно; но хороши же и родители!

Прослѣдимъ теперь отношенія супруговъ съ перваго момента вступленія ихъ въ бракъ при обстоятельствахъ совершенно нормальныхъ.

Положеніе женщины, особенно очень молодой, впервые покидающей родную семью и вступающей въ другую, ей совершенно чужую и незнакомую, тяжело и безъ всякихъ внѣшнихъ отягчающихъ обстоятельствъ; но, вмѣсто того чтобы облегчить ей это тяжелое положеніе, его дѣлаютъ еще тяжеле, и не по какому-либо расчету или находя въ томъ какое-нибудь удовлетвореніе, а просто ради обычая. Вотъ рядъ этихъ обычаевъ.

Оторвавъ отъ родной семьи, молодую ведутъ подъ строгимъ конвоемъ; провожаютъ немного родные и, прощаясь издали, просятъ, чтобъ она обернулась еще разъ на нихъ; но её крѣпко держать за голову два деверя, чтобъ не оборачивалась назадъ, иначе дѣти будутъ въ ея, а не въ его родѣ. Въ пиперахъ невѣсту ведутъ покрытою фереджей (покрывало изъ тонкой ткани). Однажды на дорогѣ у невѣсты вѣтеръ приподнялъ это покрывало; старшій деверь, вообразивъ, что она сдѣлала это сама, ударилъ её по шеѣ кулакомъ такъ, что она чуть не упала съ лошади. Это было близъ дома, когда еще не скрылись съ глазъ

ея братья. Они подбѣжали на защиту своей сестры, и дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія, если бы не догадался другой деверь: онъ ударилъ чубукомъ перваго, въ то же время напалъ на него случившійся тутъ какой-то начальствующій, и братья, удовлетворенные тѣмъ, оставили дѣло. Надобности въ томъ конечно не было никакой, но того требуетъ обычай; а между тѣмъ, какъ страшно это должно дѣйствовать на невѣсту!

Въ старой Черногоріи неизвѣстно время, когда сходятся молодые; это всегда маскируется и остается неизвѣстнымъ никому, кромѣ матери; но тамъ, гдѣ ихъ сводятъ формально, есть обычай, что молодая должна разуть своего мужа, при этомъ онъ даетъ ей ногой такой толчекъ, что она упадетъ, или же просто ударить её по щекѣ.

Нечего и говорить о томъ, что положеніе молодой главнымъ образомъ зависитъ отъ свекрови.

Не скажемъ, какъ говоритъ народная пѣсня, что всякая свекровь непременно злая; но нужно имѣть слишкомъ доброе сердце, чтобы сразу полюбить чужое дитя и уравнять его со своими родными, собственными. Если свекровь не злая женщина, молодая можетъ скоро пріобрѣсти ея и всеобщее расположеніе покорностью и прилежаніемъ ко всякой работѣ. И вотъ тѣ качества, которыми она можетъ пріобрѣсть всеобщую любовь и расположеніе:

Наша снаха честито ти дође,
У дворе је срећу донијела,
Пред дворе је срећу дијелила:
За косом је сунце огријало,
У рукама сивога сокола,
У устима меда и шећера;
Свекрвама неодговарање,
Ђеверима хитро сусретање,
Јетрвама дивно дочекање,
Заовама мпле договорс.

И еще въ другой пѣспѣ (собственно герцеговинской):

Снашице, зрно бисера
 И кита сваког' цвијећа!
 Не мој нама бити срдита,
 Срдита и огъевита;
 Срдитост остави у води,
 А огъевитост у гори;
 Него нам буди весела,
 Весела и послушљива,
 Покорна и умилата.

Въ новой семьѣ, куда вступила молодая, одинъ только другъ ей, это деверь (братъ жениха): ему первому она высказала свое «да» на вопросъ, согласна ли выйти замужъ за его брата; отъ него она получила перстень и не разъ принимала подарки; отъ начала свадьбы до конца онъ заботился о ней и въ дорогѣ, и въ домѣ жениха. Съ передачею ея мужу, всѣ его обязательныя заботы оканчиваются; но и послѣ онъ является ея первымъ защитникомъ, еслибъ еѣ обижали или обременяли работою, такъ какъ мужъ по обычаю не смѣетъ ни слова проговорить въ пользу своей жены, чтобы не показать своей любви къ ней (стыдъ! обабился!). Между молодой и деверемъ поэтому завязываются отношенія, похожія на тѣ, какія были у нея въ дѣвичество: съ братьями.

Если молодые любятъ другъ друга, то всячески должны это скрывать, какъ что-то постыдное и беззаконное. Она всегда на послугахъ у него, не смѣетъ передъ нимъ сѣсть, не смѣетъ при другихъ обратиться къ нему за чѣмъ-нибудь; ни онъ къ ней не обращается иначе, какъ только приказываетъ, не называя при этомъ ни женой, ни именемъ, а просто «ты». Отправляется мужъ куда-нибудь далеко, она все ему приготовить; прощаясь, онъ со всѣми домашними перецѣлуется, а жепѣ только скажетъ: «з богом, Стане!», и она отвѣтитъ тѣмъ-же. Когда возвратится, то же самое.

Улучивши минуту, когда останутся одни, мужъ только скажетъ: «О, Стане!», а она: О, мой Дьуро! — «Како си?» — Па добро. — Посмотрить онъ на неё съ любовью, заглянетъ и она ему въ глаза, и тотчасъ продолжаетъ работу. Въ этихъ обрывкахъ рѣчи чутся столько любви и глубокаго чувства, только скрытаго и подавленнаго.

Съ годами всё эти отношенія уравниваются и жизнь идетъ по проторенной колеѣ; но въ началѣ для женщины, особенно если въ дѣвушкахъ дома её окружала теплая любовь, такое положеніе невыносимо. И еще хуже, если при этомъ свекровь злая, да еще мачиха мужу. Иная долгое время не даетъ молодымъ сходиться, чтобы рано не начали родиться дѣти. Для этого она кладетъ молодую спать съ собой или со своими дочерьми. Прибѣгаетъ свекровь для того и къ магическимъ средствамъ: беретъ у молодой ея вѣнчальную рубашку и что-то съ нею дѣлаетъ. Дѣло кончается иногда тѣмъ, что мужъ совершенно охладѣваетъ къ женѣ; потомъ начинаетъ её бить; та бѣжитъ; и вотъ вамъ готова женская исторія и новый процессъ для суда.

Если кто-нибудь умретъ, тотчасъ начинается всеобщій *мелек* и *кукьява* (плачь, крикъ съ рыданіями и причитаніями); но жена не смѣетъ оплакивать мужа.

Если оплакиваютъ умершаго другія, напр. мать или сестры, то скажутъ: «Зорно-ли (хорошо, красиво) је кукала!»; а если жена: «Какво је безобразна!»

Вообще черногорецъ всегда скрываетъ свою любовь къ женѣ, стыдясь этого нѣжнаго чувства, какъ слабости, не приличествующей ему, воину. Многие въ этихъ отношеніяхъ нужно приписать именно военному характеру черногорца. То-же самое было у нашихъ Запорожскихъ козаковъ, которые о человѣкѣ женившемся говорили, что онъ обабился. Это имѣетъ то-же основаніе, на которомъ держится христіанско-аскетическое ученіе о безбрачїи, ставящемся идеаломъ для истиннаго христіанина, обрекающаго себя на служеніе Богу; такъ какъ женившійся заботится больше о женѣ, слѣдовательно отвлекается отъ служенія Богу,

а у воинствующих народов—отъ его воинскихъ обязанностей. Изъ того-же источника происекало безбрачїе монашескихъ и нѣкоторыхъ рыцарскихъ орденовъ. А черногорцы именно и были всегда рыцарями или воинами вѣры; тѣмъ болѣе, что во главѣ ихъ стояли монахи и митрополиты.

Какъ бы то ни было, если между молодыми есть любовь, то со временемъ эти отношенїя становятся проще и не мѣшаютъ супружескому счастью; къ сожалѣнїю однако въ послѣднее время, когда на женщину новѣяло ббльшею свободой, возникаетъ много ссоръ между супругами, и при разсмотрѣнїи ихъ съ полною очевидностїю обнаруживается неправильность браковъ, заключавшихся иногда не только противъ воли молодыхъ, но между лицами, никогда предварительно не видѣвшимися между собою. Одинъ изъ извѣстителей г. Богишича (Ргав. Обиѣ.) говоритъ: «Страшно смотрѣть, когда парень и дѣвушка впервые видятся на вѣнчанїи и въ половину глаза разсматриваютъ другъ друга, при чемъ сейчасъ же можно замѣтить, понравились они другъ другу или нѣтъ» (стр. 197).

А вотъ какими послѣдствїями можетъ сопровождаться бракъ, заключенный безъ предварительнаго знакомства молодыхъ.

Молодая женщина, проживши съ мужемъ всего полгода, пришла на Цегиньѣ въ судъ, прося развода. Просьба ея не была уважена; тогда она убѣжала въ Которъ. Заслышалъ мужъ, что жена его въ Которѣ, падѣла калицу, какъ дѣвушка, и живетъ у кого-то въ услуженїи. Приходятъ онъ въ судъ и просить, чтобъ еѣ вытребовали. Въ судѣ ему говорятъ: «Чтобы лучше увѣриться, поиди въ Которъ и самъ погляди, она-ли это». — Да я еѣ не узнаю—отвѣчаетъ мужъ. «Какъ не узнать?» — говоритъ одинъ изъ членовъ суда—и разъ еѣ видѣлъ, когда приходила въ судъ, и то узнать бы: высокая, лицо продолговатое» и т. д. описываетъ все ея примѣты. — Ну, а я вотъ никакъ не могу тебѣ сказать, какая она, отвѣтилъ мужъ. — Значить, хорошо жили между собою и много видѣлись!

Наконецъ на отчужденность супруговъ оказываетъ вліяніе

самый образъ жизни и расположеніе жилища черногорца. Въ немъ, кромѣ доматына, имѣющаго, если не отдѣльную каморку, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльный уголь съ кроватью, — всѣ остальные спятъ вмѣстѣ въ повалку; такъ что супруги не имѣютъ ни мѣста, ни времени промолвить между собою слова сердечнаго, не говоря уже о какой-нибудь ласкѣ.

Это же самое обстоятельство сопровождается и рожденіе ребенка. При послѣднемъ времени родильница удаляется изъ дома и родить иногда на дворѣ, или приходитъ домой ночью, когда всѣ спятъ, и къ утру оказывается въ домѣ ребенокъ; а какъ и когда онъ появился, то знать, кромѣ матери, только свекровь или другая изъ пожилыхъ женщинъ въ домѣ.

Въ послѣднее время всѣ эти виѣшнія обстоятельства, оказывающія вліяніе на положеніе женщины, измѣняются къ лучшему; а также по немногу исчезаетъ и ложный стыдъ черногорца передъ женщиной, и положеніе ея вообще улучшается.

Есть наконецъ одна форма брака—*домазетство*. Это бывасть въ тѣхъ случаяхъ, если въ семьѣ нѣтъ взрослыхъ мужчинъ — работниковъ, а есть только дѣвушки. Тогда выбираютъ какого-нибудь хорошаго человека, подходящаго жениха, хотя бы и изъ другого племени, который самъ не имѣетъ много родни и чловѣкъ одинокій; выдаютъ за него дѣвушку съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ ея домѣ, заступалъ до нѣкоторой степени хозяина; но главная власть остается въ рукахъ матери, его тещи; его зовутъ *домазет*, не соединяя съ этимъ именемъ большого почета. Иногда такимъ образомъ выходитъ замужъ и беретъ мужа къ себѣ въ домъ вдова, если имѣетъ свою личную собственность, унаслѣдованную или благопріобрѣтенную.

То же самое, кажется, и въ Россіи представляютъ: *зятя-пріемыши, примаки и влзны*.

5. Имущественныя отношенія.

Намъ остается сказать еще объ имущественныхъ отношеніяхъ въ семьѣ, а также о раздѣлѣ имѣнія и наслѣдствѣ.

Мы уже очертили роль отца семейства или доматина. Власть его въ семействѣ опредѣляется только обычаемъ и общими правилами или нравственнымъ закономъ, по которому осуждается несправедливость или тиранія, и который въ то же время предоставляетъ ему распоряжаться всѣмъ, никого не спрашивая. Поэтому никто не имѣетъ права его ограничивать и мѣшаться въ его дѣла, если они не выходятъ изъ ряда вонъ несправедливостью, безнравственностью или жестокостью. И тогда сначала выѣшиваются ближайшіе родственники, стараясь подѣйствовать на него совѣтомъ, уговорить его и покончить дѣло мирно; и только, когда онъ отвергнетъ этотъ мирный путь, выѣшивается племенная власть, стараясь возстановить справедливость и защитить страдающихъ отъ крайняго самовластія доматина. Но такихъ случаевъ почти не бывало. Строго правовыхъ, чисто юридическихъ отношеній тутъ нѣтъ и не можетъ быть, пока не существуетъ особаго, писаннаго, опредѣляющаго ихъ закона. Поэтому совершенно неумѣстно роль доматина въ черногорской семьѣ сравнивать съ ролью *paterfamilias* въ семьѣ римской *). *Paterfamilias* является личностью, облеченною во власть и неограниченныя права, которыя строго формулированы писаннымъ закономъ. Римская семья представляла собою юридическую единицу; тогда какъ въ черногорской семьѣ отецъ не есть власть, а отецъ, естественный глава семьи, составляющій съ нею одно органическое цѣлое, отдающій себя всецѣло ей, живущій для нея, дающій ей все, и она, по такому же естественному побужденію, слушается его, какъ старѣйшаго и опытнѣйшаго, повируется ему во всемъ. Несправедливость или жестокость со стороны доматина не есть какое нибудь преступленіе или нарушеніе юридическаго характера, а нарушеніе естественныхъ отношеній, которыя держатся на взаимной любви и равенствѣ; это грѣхъ, но не преступленіе противъ закона; равно какъ и неповиновеніе, оказываемое ему младшими.

*) Эту ошибку дѣлаетъ г. Богшичъ Ргав. Обіѣ., стр. LVI, а еще больше его толкователи, какъ гр. К. Воиновичъ и др.

По мѣрѣ того, какъ слабѣли эти естественныя, патріархальныя отношенія, уступая духу времени и вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ стала вновь слагаться жизнь черногорскаго народа, сообразно съ тѣмъ сталъ ослабѣвать и внутренній строй семьи. Въ молодомъ поколѣніи стало появляться стремленіе къ новымъ порядкамъ, идущимъ въ разрѣзъ со старымъ патріархальнымъ бытомъ. Въ виду этихъ новыхъ проявленій и для поддержанія стараго и внесепъ въ законникъ князя Данила § 58, гласящій такъ: «Можеть случиться, что сынъ не почитаетъ своихъ родителей и идетъ противъ нихъ; онъ на первый разъ за такое оскорбленіе подвергается штрафу, а если бы и послѣ того не сталъ почитать и слушаться своихъ родителей, то долженъ быть наказанъ заключеніемъ въ тюрьму или тѣлеснымъ наказаніемъ. Такимъ образомъ онъ наказывается два раза; а въ третій разъ отецъ можеть выгнать его изъ дома».

Послѣднее ясно указываетъ, что отецъ имѣлъ право лишить сына имѣнія. Но врядъ-ли это могло когда-либо случиться, если сынъ сверхъ непочитанія и непослушанія не отягчилъ своего положенія еще какими-либо проступками; и въ такихъ случаяхъ обычно бывало отдѣленіе непокорнаго сына безъ полнаго однако лишенія его имущества.

Если бы семейная жизнь держалась на юридическомъ началѣ, то по смыслу закона непокорный сынъ долженъ бы быть прогнанъ безо всего; но этого не бывало и не могло быть, именно потому, что этого юридическаго начала не было въ черногорской семьѣ, какъ то было въ семьѣ римской; дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что отецъ по своей личной волѣ или по просьбѣ остальныхъ членовъ семьи только отдѣлялъ сына, не лишая его ни малѣйшей доли изъ имѣнія, чтобы отнять у него всякій поводъ жаловаться на несправедливость къ нему и не оставить въ немъ ни тѣни враждебнаго чувства, а напротивъ, отпустить его изъ семьи, не дать заглухнуть въ немъ родственнымъ чувствамъ и остаться съ нимъ впредь въ добрыхъ, чисто родственныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ въ нераздѣленной семьѣ отецъ семьи или доматыннъ былъ въ то же время безраздѣльнымъ распорядителемъ всего имѣнія; если же семья дѣлилась, то по естественному закону справедливости имѣніе дѣлилось между всѣми членами поровну. Изъ этого общаго правила исключалась только дочь, если выходила замужъ, такъ какъ она тогда дѣлалась членомъ другой семьи и участницею въ его имѣніи; — а также жена умершаго члена семьи, если она была бездѣтна или выходила замужъ за другого и вообще оставляла мужнину семью.

Таково общее правило владѣнія имуществомъ и наследованія. Дѣлается однако различіе между имѣніемъ наследственнымъ (*очевина, дѣдовина, бащинска бащина*), и купленнымъ (*куповина*), или вообще благопріобрѣтеннымъ (*стечевина*). По общему правилу, какъ то, такъ и другое должно быть также раздѣлено поровну; но благопріобрѣтеннымъ отецъ располагаетъ свободнѣе: онъ изъ него можетъ дать дочери или завѣщать отдѣльную часть женѣ.

Женщина, какъ мы сказали, исключается изъ наследованія доли изъ общаго имѣнія, и, выходя замужъ, получаетъ только приданое, состоящее въ одеждѣ и разномъ движимомъ имуществѣ, и что добровольно дастъ семья скотомъ или деньгами; но за отсутствіемъ братьевъ она можетъ унаследовать и все имѣніе. Такимъ образомъ у нея можетъ быть свое собственное имѣніе, которымъ имѣетъ право располагать, какъ хочетъ, и дать, кому хочетъ. И оно остается за нею и по выходѣ замужъ.

Это имѣніе называется *материнство* — личное имущество матери, какъ наследованное отъ отца — *очевина*. Ею мать можетъ дать кому хочетъ, сыновьямъ или дочерямъ, но большею частью послѣднимъ, хотя и сыновья стараются ради того угодить матери. Если же она умретъ, не сдѣлавши никакого распоряженія, то имѣніе дѣлится между всѣми дочерьми поровну, гдѣ бы онѣ ни находились (такъ мнѣ сообщали на Цеклинѣ).

Остальное объ имущественныхъ отношеніяхъ мы находимъ въ законникѣ князя Данила, который для насъ въ этомъ случаѣ

имѣеть особенную цѣнность, такъ какъ чуждъ какихъ бы то ни было юридическихъ утопій, составленъ единственно на основаніи народнаго обычая и весь пропитанъ уваженіемъ къ старинѣ и старинному черногорскому складу жизни.

За § 47, не допускающимъ сыновьямъ дѣлиться безъ воли родителей, слѣдуютъ §§, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія.

§ 48: «Отець, который самъ что-либо пріобрѣлъ, можетъ дѣлить его между сыновьями по своей волѣ; и если бы отецъ оставилъ одному больше, чѣмъ другому, въ то никто не смѣетъ мѣшаться, такъ какъ всякій своимъ трудовымъ имѣніемъ (своимъ муком) имѣеть право располагать по своей волѣ».

§ 49: «Всякій властенъ въ своемъ имѣніи и имѣеть право подѣлить его и внѣ своего семейства; сдѣлаетъ онъ то при своей жизни или по завѣщанію, въ то никто не смѣетъ мѣшаться».

§ 50: «По смерти отца, еслибъ онъ не распорядился своимъ имѣніемъ еще при жизни, оно дѣлится на равныя части между сыновьями; если же жива мать, то она до смерти пользуется частью своего мужа, и дѣлится имѣніе послѣ ея смерти и то, если дѣти взрослые, въ противномъ же случаѣ не дѣлится, пока они не вырастутъ; а имѣніе это должно быть поставлено подъ опеку (прокурадуре, опекуны) честныхъ людей, пока дѣтямъ не исполнится 21 годъ».

§ 51: «Если дѣвушка выйдетъ замужъ, то, по обычаю нашей земли, не имѣеть никакой части въ имѣніи, кромѣ приданаго (пртія), что ей при выходѣ замужъ дадутъ ея родители».

§ 52: «Вдова, раньше или позже оставшаяся безъ мужа, пока не выйдетъ замужъ опять, пользуется всею частью своего мужа; если же выйдетъ замужъ, то получаетъ на годъ по 10 талеровъ; если же имѣеть дѣтей, тогда на мальчика получаетъ на годъ по 1 цекину (2 талера = 4 гульдена), а на дѣвочку по 2 цекина. Это нужно разумѣть такъ, что вдова за столько лѣтъ, сколько жила со своимъ мужемъ и сколько жила въ домѣ своего мужа вдовой, получаетъ за тѣ годы по указанному выше опредѣленію».

§ 53: «Если отецъ умретъ безъ дѣтей мужескаго пола, а оста-

нутя послѣ него одно или больше дѣтей женскаго пола, тогда между ними дѣлится, какъ *очинство*, такъ и *одѣинство*, которое принадлежитъ ихъ отцу, кромѣ оружія, которое наследуетъ ближайшій родственникъ въ томъ только случаѣ, еслибы отецъ въ своемъ завѣщаніи не предоставилъ его или дочери, или кому-либо другому».

§ 54: «Если бы этотъ отецъ имѣлъ сестеръ замужнихъ или незамужнихъ, то сестры получаютъ одну часть, а дочери двѣ».

§ 55: «Если дочь безъ другихъ дѣтей мужскаго пола, т. е. безъ братьевъ, останется одна въ домѣ (*на жилицу*), тогда она наследуетъ все движимое и недвижимое имущество своего отца».

§ 56: «Если бы дѣвушка, выйдя замужъ, получила отъ своихъ родителей какое-либо имѣніе, и умерла бы безъ дѣтей, тогда все это имущество и то, что она на него приобрѣла, дѣлится на ея братьевъ, или, если нѣтъ братьевъ, на сестеръ; если же нѣтъ и сестеръ, то ближайшимъ родственникамъ (*на близику*)».

§ 57: «Если не останется никого (остане пустош), то наследуютъ ближайшіе родственники; если же бы не было и ихъ, то все принадлежитъ народной кассѣ».

Въ дополненіе и подкрѣпленіе статей законника приведемъ и то, что собрано г. Богшичемъ по отношенію къ тому-же предмету; тѣмъ болѣе, что есть люди, отвергающіе въ этомъ отношеніи компетенцію данилова законника *).

У г. Богшича имущественнымъ отношеніямъ посвященъ отдѣлъ «Дѣленіе задруги и наследство» (стр. 319—395), кото-

*) Рѣче всѣхъ противъ него выражается графъ К. Вонковичъ въ сочиненіи по поводу новаго имущественнаго законника Черногоріи: «Статьи 47—58—говоритъ онъ — занимаютъ наследственнымъ правомъ, но слишкомъ неудовлетворительно (стр. 53). При такомъ порядкѣ наследованія, дѣдовина распалась бы, какъ по новымъ законамъ, которые сформированы по римской кодикѣ; но къ счастью ни уставъ этотъ не отменялъ народнымъ обычаямъ, ни могъ онъ пустить корни въ Черногоріи, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, эти опредѣленія были опытами новаго наследственного устройства, которое не дало никакого плода, или совсѣмъ неправильно были тогда выражены отношенія семейныя и наследственныя» (стр. 21—22) и т. д.

рымъ мы и воспользуемся, соединивши съ тѣмъ и понечитель-
ство о сиротахъ, также связанное съ имущественными отноше-
ніями.

Будемъ только имѣть въ виду, что употребляемое имъ слово *задруга* въ приложеніи къ Черногоріи имѣетъ смыслъ вообще семьи.

На вопросъ, склоненъ ли народъ больше жить въ задругѣ или къ раздѣлу, отвѣчаетъ одинъ: «въ послѣднее время начала проникать нѣкоторая склонность къ дѣлжу и въ Герцеговинѣ, смежной съ Черногоріей» (стр. 321). О самой же Черногоріи не говорится ничего. О причинахъ раздѣла сообщаютъ слѣдующее: «главнымъ образомъ изъ-за женъ, которыя не могутъ между собою ужиться, и постоянно наговариваютъ своихъ мужьевъ раздѣляться. Есть однако и другія причины: когда одинъ изъ задругарей не хочетъ работать, не слушается, тогда его отдѣляютъ; или доматинъ несправедливъ и соблюдаетъ больше свою пользу, чѣмъ задруга» (323—24). Подѣлившись, иногда потомъ опять сходятся; но это не продолжается долго и опять доходитъ дѣло до дѣлежа (стр. 326). «Каждый задругарь имѣетъ право отдѣлиться, когда хочетъ; но ему то невыгодно и не дѣлаетъ чести, такъ какъ станетъ одинокимъ и всякій ему скажетъ, что онъ поступилъ безстыдно, отдѣлившись отъ своихъ братьевъ. Если родители хотятъ, они дадутъ ему приличную часть всего, а многіе скажутъ такому: «если не хочешь жить, какъ повелѣваетъ Богъ, покуда я живъ, не дамъ тебѣ ничего, кромѣ камня». Другой извѣститель отвѣчаетъ такъ: «Всегда имѣетъ право каждый взрослый мужчина, членъ задруги. Тяжеле въ маломъ семействѣ, гдѣ еще живъ отецъ; онъ можетъ сказать, что не дастъ ничего; но обыкновенно отцу отвѣчаютъ: «мы не въ Приморьи (т. е. Далмаціи), гдѣ отецъ все, а дѣти ничто»,—и такимъ образомъ принудятъ его дать сыну, котораго отдѣлеть, нѣкоторую часть» (стр. 328—29). Дѣлежъ недвижимаго имущества, а также домашней утвари и орудій производится по колѣнамъ (*in stirpites*), но родословіе не восходитъ далеко, а довольствуются отцами живыхъ задругарей. Притомъ

незамужнія женщины получаютъ свою часть, какъ и мужчины, и съ тою частью она идетъ къ тому, съ кѣмъ хочетъ жить до замужества» (стр. 335). Въ инкоспомѣ семействѣ при дѣлежѣ тотъ-же порядокъ, какъ и въ задружномъ (стр. 354). «Если семейство спадетъ до оной дочери, тогда является много искателей ея руки, такъ какъ она все имѣніе несетъ въ приданое (мѣразъ), — отвѣчаетъ одинъ; и другой: «ей остается все, и она можетъ располагать, какъ хочетъ». Но обычно она выходитъ замужъ, т. е. чаще всего приведетъ къ себѣ мужа *домазета*, или если не хочетъ тотчасъ выйти замужъ, то войдетъ въ домъ къ кому-либо и съ собою возьметъ свое наслѣдство. Когда дойдетъ дѣло до замужества, она можетъ опять взять то, что принесла въ пріютившій ея домъ; но это случается очень рѣдко, особенно, если она послѣ отца осталась ребенкомъ и была вскормлена у того родственника, она довольствуется только одеждой, какъ и дочь его, а все недвижимое наслѣдство отъ своего отца оставить ему» (стр. 355). «Наслѣдуютъ одинаково мужъ отъ жены и жена отъ мужа, если имѣютъ дѣтей. Въ случаѣ же, еслибъ не имѣли дѣтей, а мужъ умеръ, и жена не захотѣла бы больше оставаться въ мужниномъ домѣ, но вернулась бы въ свой родъ; тогда договорится съ братьями умершаго мужа, и они дадутъ ей (приблизительно) половину имѣнія или третью часть имѣнія, надъ которымъ она дѣлается полною госпожею; но рѣдко бываетъ, чтобы такая старшая женщина отправилась въ родъ; а молодая не беретъ ничего, кромѣ своего приданого». Другой отвѣтъ: «если есть дѣти, они наслѣдуютъ; но если умереть жена безъ дѣтей, тогда ея *особина* (личное имущество) идетъ мужу; а если нѣтъ мужа, то наслѣдуетъ ея родъ. Если мужъ умереть безъ дѣтей и не опредѣливши ничего (безъ ріечи), трудно, чтобы она наслѣдовала *ею особину*; но она идетъ обычно въ пользу задруги» (стр. 364).

Относительно попечительства о сиротахъ: «въ задругѣ попечители *доматыниъ* и *цѣлая задруга*; въ *инкоштинѣ*, гдѣ отецъ умереть, а остается мать, она и управляетъ безъ какого-либо попечителя, пока не подростутъ дѣти; если останутся сироты безъ

отца и безъ матери, тогда эти малолѣтнія сироты идутъ къ какому-либо ближнему родственнику и тамъ остаются у него, пока подростутъ; родственникъ тотъ и управляетъ ихъ имѣніемъ; а когда подростутъ, они опять возвращаются въ свой домъ, особенно если мужескаго пола» (стр. 368). Дальнѣйшіе отвѣты относительно того-же: «въ Герцеговинѣ и Черногоріи нѣтъ *тутора под писмом*, какъ въ Бокѣ; но сирота и его имѣніе поручаются какому-либо честному, дѣльному и душевному человѣку изъ той же фамиліи или семейства (породице), который не даетъ никакого отчета судебной власти; но, когда сирота выростетъ, сохранить ему тоторъ и передъ людьми все передастъ одно за другимъ, чтò принадлежитъ ему изъ недвижимаго имѣнія». Другой: «за тоторомъ не наблюдаетъ никто. Но еслибъ увидѣли, что тоторъ сдѣлалъ какую либо несправедливость противъ сиротъ, то прежде требуютъ отъ него отчета сами сироты; если то женскаго пола, то вмѣшается цѣлое село, т. е. добрые люди сельскіе, и принуждаютъ тотора дать расчетъ. Но такъ какъ тоторами бываютъ ближайшіе родственники и считается за великій грѣхъ и стыдъ обмануть сиротъ, то такіе случаи рѣдко и бываютъ» (стр. 371).

Наконецъ обратимся къ документамъ.

Въ Цетинскомъ монастырѣ находится книга, заключающая въ себѣ рядъ записей дара, продажи и залога имѣній монастырю, въ которыхъ также до нѣкоторой степени обрисовываются имущественныя отношенія разныхъ лицъ. Внесенныя въ эти записи сдѣлки и договоры всѣ скрѣплены свидѣтелями изъ народа, и потому должны быть вполне вѣрны обычаю и народному духу, что и придаетъ имъ особенную цѣнность и интересъ въ вопросахъ, касающихся обычнаго права. Поэтому мы предлагаемъ здѣсь рядъ выписокъ, частью въ оригинальномъ текстѣ, а частью въ извлеченіи только содержанія. Въ правописаніи мы устраняемъ только сокращенія и невольныя ошибки писца, а особенныя знаки для смягченныхъ *д* и *т* замѣняемъ знаками *дъ* и *тъ*; вмѣсто же послѣдняго въ патронимическихъ именахъ ставимъ *ч*.

1) Дахвина Стоянова приложила виноградъ въ Беряхъ (въ Лѣшкополѣ близъ Подгорицы) двѣ мотыки (1586 г.).

2) Нико сынъ Рада Стъепчева изъ Сотоницей (въ Цермницѣ) пришелъ къ влад. Висариону и приложилъ «седамъ мотикъ винограда и кутю и башину и ливаду за мертвіехъ душу и да самъ общи у монастырь» (1687 г.).

3) Макна Митрова изъ Очиничъ приложила домъ и башину и 10 козъ и корову съ двумя телятами и все «што се зове нѣе и сина нѣе Дьюра подкутнице (земля при домѣ) отъ путине дьдове до кутьишта» и т. д. (тоже Висариану влад.).

4) «Да се зна како заставише (оставили въ залогъ) шороевичъ башину владики на поноръ райчко милошевъ дионицу и іовета радоевъ и вукъ дракуловъ и иово дракуловъ и воинъ и вучиць—седамъ діоница за то дахъ 37 гроша и 21 пару, накъ на млинъ 30 гроша». Въ концѣ прибавка: если могутъ внести занятія деньги «у кое вріеме», то могутъ получить заложенное обратно.

5) Вукманъ Вукославчевъ (изъ Цеклина) приложилъ (Висариону) «и уписа за свою душу *погибиону башину* ниву и тако рече да га храни до смрти, а кадъ умре да се други нема начати у ту церковну башину него само црква».

6) Стане ктъя вука попова приложила домъ «на свиништа—мертвіемъ за душу» (1689 г.).

7) Манда Вукчева изъ Опточич (въ Цермницѣ) за мою душу и монехъ мертвіехъ—плѣту лазину и маровину виноградъ и дабкович зграду и подъ барине и клять ниву и петричевинъ и расстоку и лучицу и вели долаць и піввицу, на ню е хиљада аньдријане радовъ и на биелу рудину три доца и одрина код кутье ковачеве и у гору и у воду що е было бошкова са свимъ *що ми бѣше продала сестра стане* кутьишта и око кутьишта зграде мару ковачу за 29 гроша (1696 г.).

8) Ивана ктъя Дьюриня записала *четвертую часть* дома и башине и горе и воде и свещо е нѣ называ «и да с црква храни до смрти» (влад. Висар.).

9) Да се зна како додѣ вучина наратьянинъ и приложи церкви цетинской — свою кутю и бащину и гору и воду, и сухо и сирово и свенѣгово що има у наратъ третьи діо одъ свега нарта, то приложи Богу и святой Господьи увлекъ да е церковно ка и остала старинска бащина церковна. И тко бы ови прилогъ почео накоститъ или притискать, тога человекъ да порази крепкая сила божія и да га Богъ и пресвета Богородица попуци на таковога человека всако зло и кастизію, и домъ да му пусть остане вавекки аминъ; и сему писму седокъ вуко манеза и каракъ друкшичъ и хусейнъ мехведовичъ, и омеръ мемничъ и жабіака и попъ витѣнтіе и предъ истиема следоцима владыка от Цетиня Куръ Руфимъ истого вучину наратьянина прими и дарова капу и доламу и чакшире от меневиша свите» (ок. 1675 г.).

10) «Да естъ вѣдомо пред кимъ изиде сіе писаніе како я Стиспо Давковъ отъ Брчелихъ (въ Церм.) видѣхъ себе стара и неяка и осиротѣла отъ рода мога и душа ме узболе и *догворихсе са подружіомъ моимъ братомъ* и приложисмо святой Господьи на Цетинѣ кутю и свое покутье и бащину и виноградъ и бостане и гору и све що се мое называ за вечни поменъ душе мое и моихъ мертвѣихъ родитель».

11) Да се зна како я калудьеръ василіе от Зачира оставихъ по дioniце *що самъ купіо у Мартина Маркова* уписахъ монастыру на Цетинѣ, и ако е узмогу откупити нѣка е откупе у владыке коя буде и заповиѣда у монастырѣ».

12) Да се зна пред ким се внесе сіе писаніе како имаше діо радоня и вучина влатковичъ и ихъ синовацъ дво ихъ *нимеровине* (названіе бащинны) *от пртѣе ихъ матере* на горне добро третьи діо васъ уписа владыци Пахомію у ман. на Цет. и т. д. (перечисленіе земель) «и ту бащину продаше у вечну бащину монастыру за осамъ сто и осамдесетъ асприх а та е бащина и придѣе била церковна и да нема ко що искати за ту бащину нитко од влатковичъ ни синъ ихъ ни унукъ — и тако рекоше Радоня и Вучина сже када не присуди синовцу ихъ діо од те бащине нища, ако ли що кад синовацъ ихъ узнице да одговоре

влатковичи тому сведоци кои ценише ту бащину кнезь Расавъ Ратьичъ, Вукота Расаличъ, Вукъ Боровина и нии мнози (1568 г.).

13) Вуксанъ Радовичъ приложилъ 2 діонице на нижнемъ Цетинскомъ полѣ «ако ли се надѣ тко от рода мога или от племена те за то церкви помене или чимъ досади за ту бащину да е проклетъ» — «на ту бащину четыре аспре данка» (1561 г.).

14) Вуде Радовъ оставилъ церкви «виноградъ на завалу и други на Царину и кутю и покутье (подкутье?) и сву бащину и мало и велико» и т. д. «то церкви оставихъ доброволно и за добра живота и памяти» — «и да му стои жена у кутю докле хотье и да узме сад на завалу, а кадъ умре да е све церкви» — *«то рече да се люби (женъ) даду: и лугъ и бащину (что было въ закладѣ у пона Вукашина) що е у лазе и що е пред светомъ петкомъ и у кутю и подъкутъницу и надъкутъницу»*.

15) «Преда многъ владикомъ рухвимомъ макна станова и ктьерь нѣ ерина и приложисмо кутю и виноградъ и бащину и сухо и сирово» и т. д. «и ако поверне стану синъ изъ робья да му се врьне». (1675 г.).

16) «(Начало пропускаемъ)» яне Иовишина, коя е учинила и приложила *мужевну бащину* Иовише Кривокутье от коега су остави два сина: еданъ отъ перве жене, а други от яне, и по очиноѣ смерти умрие яни синъ, *остаде бащина пасторку янину; умрие пасторакъ, остаде бащина братстоу*. И тако ми кметови осудисмо яни жени Иовишиной дванаис цекинахъ да ихъ има подмиритъ Станое Кривокутя (братъ Иовишинъ) и ветъ да не има пскать от мужевнега нища, ни досаждать церкви ни манастиру. А судисмо одъ бащине Иовишине церкви светой Господьи манастиру на Цетинѣ ступъ землѣ под орахъ и приложисмо да е церковна — а друга бащина Иовишина остаде станое кривокутъи, о тога да подмируе дугове Иовишине *и племени седмину*, а речени ступъ землѣ под орахъ остаде церкви либер и за то узесмо от владике обиедъ и каратахъ двадесетъ џ четири гроша, и воевода џекинъ и *племе хиляду* и сувише владика поклони Яни Иовишиной тьурдію о *три цекина*» (1764 г.).

17) Сьновья Милоша Шпадіера Сава и Коица съ дядею Стъепцомъ Ивановымъ продали монастырю двѣ «діонице» земли (1764 г.).

18) Вуко Никовъ Стіепоновичъ «постарини Мартиновичъ» продалъ монастырю свою «діоницу» земли; а часть была куплена монастыремъ еще прежде (1764 г.).

19) Вукота Вукосавовъ продалъ «башину три діонице».

20) «Да се зна како додѣ Стане Драга Милошева жена, будутъи шестнаистъ година остала вдова по мужу, и сиротна за синомъ година десетъ кои е оставио све свое своей матери и она помисливши свою смерть кою ожидуть день и ноть и за душу своего мужа Драга и за душу своего сына Мила и за свою душу приложи у манастирь на Цетинѣ св. Господьн от свое башине широку ниву на Царине коиози куфинатъ (граница) от истока Иова Вукотина отъ запада *Стане Маркове* с едне стране улнца, а з друге Ива Дьюканова, и то приложи, а церква е остави да е держи докле буде жива, а по смерти да е либера церковна.— И що се находи Стане Драгове *у планину четвѣрти діо от кутяъ Милошевичаъ* у сваку планину *четвѣрти діо то све оста(е)ля ктьєрма*, ако тѣ Милошевичи да плате по цієнп, ако ли не тѣ платитъ они да не маю сметатъ другога (купитъ?), инако да имъ ніє просто ни благословено, но проклето. И еще два цекина що е дала иста Стане Стъепцу Лукину на Очиниче сврхъ башине на крстъ, да ихъ има датъ Стани у руке или не (ея) ктьєрма ово пролетѣ или стѣпаць или Иво или Иово Милошевичи кои башину держе. А друго све драга Милошева кутю и покутѣ и осталу башину оставлямъ я Стане Драгова *унуки ктьєри Миловой*, ако ли би она умерла и то све друго или е кутя или е башина и гора и вода церкви и ктьєрма дадне ли манастирь и ктьєри на поли, и тому сѣдоци: перво господинъ влад. Василии и калудьєрь Симеонъ Добрянинъ. Вуко Доратъ и Савичъ Ивановъ и Дьуро Гога Сековичъ. И еще я Стане Драгова наредихъ кадъ умремъ да додѣу калуд.єри изъ манастира да ми очате и Евангеліє и погребъ и да и' се да цекинъ готовъ и

сувише у манастирѣ саландарѣ за мою душу, и цекинѣ да се спенча на погребѣ вина и ракіе, ово да имаю мое кѣтери од мога спенчатѣ; и дужанѣ ми е» и т. д. (перечисленіе должниковѣ) (1761 г.).

21) «Видехѣ я вуко Станишинѣ почекѣ у своме вику старѣ а у телу болестанѣ рассмотрехѣ свою смерть, а по себе сина не оставихѣ — и тако одѣ моего усрдія ка пресв. Богородицы *са договоромѣ подружія моего* приложивѣ у манастирѣ ниву дѣюркачу — да е церковна, и црква да е не има продатѣ нигда никому, нако проміенитѣ за бацину, дѣе би лепше церкви прилегло» (1741 г.).

22) Перо Янковѣ Медовичѣ «осиротехѣ одѣ мое братѣ и я бивши у лошу животу е ма у намети здравой приложихѣ мою бацинску бацину, коя ми е отѣ прадыеда и дѣеда и оца и мое братѣ — и одѣ мое кутѣе докле е живо едно челлде да се яма овіемѣ мантениѣтѣ и хранитѣ, и потому да буде здраво и либеро церкви, и за душу оніехѣ коя су е стекли» (1738 г.).

23) Прилогѣ Вука Маркова, состоящій въ скотѣ и вещахѣ, а отѣ монастыря за то: «я поклонисмо синовцима вуковіема конче отѣ шесть цекинахѣ; остадоше церкви у животину и мртвину (вещи) 44 цекинах. — о тога остависмо вуковой жени Манди 5 козахѣ велихѣ, а 5 маліехѣ, нека е главипна церковна, а принаша на поли. А други прилогѣ вука маркова кутя и бацина и гора и вода, и сухо и сирово, остаде церковно либеро чисто, да се у то нитко *не ма мешатѣ, ни вукови синовци, ни други селяни*, но рекосмо да стои вукова жена у кутю и на темель вуковѣ, да она докле узможе церкви да одговара, защо и она приложи церкви, нѣ: сребро и халпне, говеда и наполице и све що се нѣ: надѣ, но нѣ: смрти да е церковно» (1748 г.).

24) «Милошѣ Перовѣ Цикаванѣ. Повста Дабовѣ Цикаванѣ продали влад. Васплюю свою «діонциу» подѣ Клачинномѣ за 36 гр. и 39 динаровѣ.

25) Пейо Швардунѣ приложиѣ «граду (огородѣ) око кутѣе кою бѣше откупіо у влад. Висаріона и по смерти невоной сино-

ваць пеновъ додѣе изъ жабляка и продаде мигу вукичу мало манѣ зграде више церковне пойте и за то бѣше мило дао седамъ цекинахъ с арчемъ. И по тому мы оба брата Архлерей Савва и Василіе Мила Вукича звасмо и питасмо за що ни на прилогъ христіански наступи куповать зграду више церкви уляника пойте и гумна. Мило рече: ніесамъ самъ, но су ме друзи научили. И за то ми оба архіерея з братіомъ дадосмо мигу за оне седамъ цекинахъ данъ ораня на ровине да мило и нѣгови послѣдни уживаю с благословомъ, а зграда шквардунова остаде либера церкви у вични влекъ». Между свидѣтелями и два брата Милова Перо и Станко.

Дѣлая такое множество выписокъ, мы имѣли въ виду поставленіе читателя въ такое положеніе, чтобы онъ самъ могъ сдѣлать выводъ объ имущественныхъ отношеніяхъ Черногоріи въ старое время и, такъ сказать, контролировать наши заключенія. Правда, въ записяхъ этихъ не совсѣмъ ясно виденъ составъ семьи. Такъ, различныя приложенія монастырю дѣлають большею частію одинокіе люди или мужъ и жена, не имѣвшіе или потерявшіе другихъ членовъ семьи, которые, тяготясь своимъ одиночествомъ, страдая недугами старости и видя приближеніе смерти, отдають все свое имущество монастырю иногда съ условіемъ, чтобы онъ ихъ прокармливалъ до смерти, а иной прямо и вступаетъ въ него жить «да самъ общи у манастир». Таковы записки 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11 (монахъ), 13, 20, 21, 22, 23 и 25. Одинъ однако дѣлаеть приложеніе, договорившись прежде «со подружіемъ моимъ братомъ» (10), но хотя и говорится «приложисмо», какъ бы оба, далѣе однако видно, что это касается одного только: «све що се мое назива», а не наше. Мать съ дочерью отдають все свое монастырю, потерявъ всѣхъ родственниковъ, одинъ изъ которыхъ гдѣ-то въ плѣну; потому дѣлается оговорка: «ако поверне Стану синъ изъ робья, да му се верне» (14). Въ одной записи значитса, что жена по смерти своего мужа и дѣтей родного сына и пасынка приносила монастырю «мужевну бащину», которая однако по словамъ этой же записи

«остаде братству»; но представитель этого братства (можетъ быть, братъ мужа той жены) долженъ былъ приложницѣ заплатить, и все-таки одну часть отдалъ монастырю, какъ она завѣщала, тогда какъ другая пошла на уплату долговъ покойнаго «и племени седмину», а владыка, обдаривши участниковъ въ дарственномъ актѣ, также далъ племени *хилду* (грошей?). Замѣтимъ при томъ, что въ приложеніи самостоятельно участвуютъ и женщины (1, 6, 8, 15, 19); а одинъ дѣлаетъ приложение «са договоромъ подружія моего», т. е. жены; между приложницами есть и дѣвушки: «Стане ктыи Вука Попова» (6) «Ивана ктыи Дьюрина» (8).

Относительно залога и продажи имѣній упоминаются одиночныя лица (17, 18 и 24), или нѣсколько: два брата (23), два брата и племянникъ (12), два брата съ дядею (16); однажды шестеро закладываютъ 7 діоницъ (4); мимоходомъ упоминается тоже одиночная продажа: монахъ Василій купилъ половину «діонице» у Мартина Маркова (11), сестра купила у сестры (17). Не знаемъ кого имѣли въ семьѣ одиночные продавцы подъ № 17 и 18; а упоминаемый въ № 24 сдѣлалъ продажу, имѣя двоихъ братьевъ, которые подписались свидѣтелями; но онъ продалъ свое независимо отъ нихъ.

Изъ этихъ же данныхъ видно, что семьи были весьма несложныя, и наследственность заключалась только въ этой узкой семьѣ (о задругѣ не можетъ быть и поминя), и потому дарователи впередъ выражаются противъ всякихъ претензій какихъ бы то ни было другихъ родственниковъ внѣ круга семьи; а за ними остается право выкуна.

Гораздо опредѣленнѣе очерчивается здѣсь положеніе женщины. Дѣвушка она, замужняя или вдова, она владѣетъ имуществомъ (*имаоникъ* по законнику) не только движимымъ, но и недвижимымъ, даритъ, продаетъ, покупаетъ и участвуетъ въ наследствѣ. Два брата и племянникъ получили часть бащины, носящей названіе *имперовина* и составляющей *пртію* (*приданое*) *изъ матери*, и третью часть ея продали за 800 аспръ монастырю

(12). Ивана, дочь Дьюра, записала монастырю четвертую часть дома, башины, лѣса, воды и всего, что она унаслѣдовала, и что называется ея собственностію (8). Буле Радовъ, отдавая все свое имѣніе монастырю, выговариваетъ право, чтобы жена оставалась въ домѣ, сколько ей угодно, и взяла бы огорождъ на Завалѣ, а послѣ ея смерти все должно перейти во владѣніе монастыря; но отдѣльно женѣ оставляетъ еще лугъ, башину и т. д. (14). Стана, жена Драга Милошева, оставшись безъ мужа, а послѣ потерявши сына, завѣщаетъ свое имѣніе монастырю; четвертую же часть мужнинаго отъ домовъ Милошевичей въ планинѣ и ото всякой планины оставляетъ дочерямъ; а также и деньги, которыя ей должны другіе. А остальное все, что было мужнино, домъ и остальную башину отдаетъ своей внукѣ, дочери отъ сына Мила; а если внука умретъ, то монастырю и дочерямъ наполовину. Тамъ же упоминается пограничное имѣніе Станы Марковой (19). Очевидно, что Стана Драгова по смерти своего мужа была полною хозяйкой даже и тогда, когда сынъ былъ женатъ. Это вы встрѣтите и теперь въ Черногоріи. Сыновья, лишившіеся рано отца, женатые и имѣющіе своихъ дѣтей, но выросшіе на рукахъ и попеченіи своей матери, на всю жизнь ея остаются въ самомъ преданномъ повиновеніи ей. Она совершенно замѣняетъ имъ отца и заступаетъ его мѣсто въ семействѣ, и дѣйствительно выполняетъ мужскую роль, воспитывая въ сыновьяхъ наслѣдниковъ доблестей отца, съ дѣтства подготавливаетъ ихъ къ тому, къ чему стремятся и чѣмъ гордятся всякій черногорецъ. Если случится, что жена останется вдовой слишкомъ молодою, то семейей управляетъ опять *мать* ея мужа; если и того нѣтъ, то есть родъ и племя, братство, которыя до недавняго времени были главными и единственными факторами въ жизни Черногоріи и не утратили своего смысла и значенія и до настоящаго времени.

Наконецъ мы считаемъ необходимымъ для большей точности сдѣлать въ заключеніе одно замѣчаніе относительно всего, сообщаемаго нами о семьѣ и жизни въ ней.

Мы ссылаемся на законникъ кн. Данила (1855 г.), со вре-

мени выхода котораго прошло уже 40 лѣтъ, и на документы, которымъ минуло уже болѣе ста лѣтъ. Но эти ссылки, взятые изъ прошлаго, служатъ намъ только подкрѣпленіемъ и нѣкоторымъ освѣщеніемъ фактовъ, прежде всего наблюдавшихся нами въ настоящемъ. Правда, съ успѣхами народа на поприщѣ культурномъ и гражданственномъ, съ развитіемъ личности и личныхъ правъ и семья, какъ живой органъ въ народной жизни, не можетъ оставаться неподвижною; съ общимъ прогрессомъ новыя начала проникаютъ и въ нее, толкая на новыи путь и заставляя понемногу отказываться отъ старыхъ порядковъ; когда измѣняется весь бытъ черногорскаго народа, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣниться духъ и характеръ семейныхъ отношеній. Но въ жизни народовъ скачковъ не бываетъ; при томъ измѣняется духъ и характеръ учреждений, а не самыя учрежденія, которыя остаются. Поэтому семья не могла обратиться въ какую-то абстрактную *доматью заедницу*, какъ то уже усвоено въ новомъ имущественномъ законникѣ Черногоріи, а племя и братство не претворились еще вполне въ общины или административныя единицы, и во главѣ семьи стоитъ не юридическая личность *доматына*, но отецъ. Поэтому въ семьѣ никакъ нельзя отыскивать чисто правовыхъ отношеній. Но тѣмъ не менѣе съ осложненіемъ народной жизни вообще и по мѣрѣ уступки племенного быта, жизни государственной является необходимость внести законность и правильность и въ семейныя отношенія, особенно имущественныя, для чего и должно быть выработано особо семейное и наследственное право. Покуда же того нѣтъ, судъ или политическая власть ограничиваются тѣмъ, что разбираютъ семейныя дѣла на основаніи обычая. При этомъ, замѣчая со стороны отца злоупотребленіе своимъ старѣйшинствомъ къ ущербу остальныхъ младшихъ членовъ семьи, или со стороны мужа надъ женою, судъ беретъ подъ свою защиту слабѣйшую сторону; да и самая семья, проникаясь инымъ духомъ, стала выступать противъ семейнаго абсолютизма. И потому въ настоящее время часто случается,

что черногорскій судъ рѣшаетъ дѣло вопреки прямому смыслу § 47 данилова законника и отдѣляетъ сына вопреки волѣ отца, надѣляя его имуществомъ правами наравнѣ съ другими членами семьи. Въ этомъ случаѣ мы видимъ ограниченіе злоупотребленія родительскою властью, какъ прежній законъ становился на пути сына къ самоволію, клонившемуся къ распаденію семьи и вообще наносившему ей ущербъ. Но новыи имущественный законникъ Черногоріи, не трогая семейнаго и наследственнаго права непосредственно, косвенно вноситъ въ племенную семейную жизнь слишкомъ широкое вмѣшательство политической власти, игнорируя основныя, не отиѣненныя еще и до сихъ поръ дѣйствующія народныя учрежденія, племя и братство, и обычаи, по которымъ продолжаетъ еще жить народъ. Мы видѣли уже, какъ попечительство о сиротахъ перешло отъ братства къ суду или административной власти; какъ отецъ ограниченъ въ распоряженіи даже своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; а есть и другія отступленія отъ обычая. Но больше всего вопреки старымъ обычаямъ подверглись ограниченію права женщинъ.

Ограниченіе ея въ дѣлахъ опеки мы уже показали; укажемъ теперь и на статью 690, которая отнимаетъ у нея право располагать самостоятельно своимъ собственнымъ имуществомъ, кромѣ тряпокъ и кое-какихъ мелочей. Вотъ эта статья цѣликомъ: «Совершеннолѣтніе члены семьи (челяд) могутъ вполне свободно располагать своимъ личнымъ имѣніемъ. Но замужняя женщина, если не уговорено что либо другое, можетъ по уговорамъ и вообще дѣламъ, входящимъ въ кругъ этого Законника, располагать своею собственностію только съ согласія мужа, кромѣ обычныхъ мелочей, которыми она можетъ располагать по своей волѣ. Если бы мужъ безъ уважительныхъ причинъ не соглашался на какое либо касающееся имущества дѣло, для котораго то (согласіе?) требуется, или (мужъ) отсутствуетъ изъ дома болѣе продолжительное время, жена можетъ обратиться къ суду, чтобы дать ей власть совершить то дѣло. Судъ не откажетъ ей

въ томъ, если найдеть, что съ одной стороны тѣмъ не наносится ущербъ интересамъ и правамъ мужа, а съ другой, что и для самой жены то дѣло потребно или полезно. Кроме того, въ случаѣ болѣе продолжительнаго отсутствія мужа, жена можетъ, когда нѣтъ другого представителя дома, сама, какъ представительница, устраивать *дѣла, касающіяся только движимаго имущества*; и то, впрочемъ, только въ границахъ текущихъ домашнихъ дѣлъ».

Самый языкъ и стилизація этой статьи чрезвычайно тяжелы и неясны, но общій смыслъ понятенъ. Въ томъ же духѣ и статья 483: «Замужняя женщина, *хотя бы была и совершеннолѣтняя* (?), не имѣетъ права принять никакого дара безъ дозволенія мужа, кромѣ какъ отъ домашнихъ членовъ и близкихъ родственниковъ. Она также не имѣетъ права изъ своей личной собственности подарить что нибудь кому либо, кромѣ какихъ нибудь мелочей, если то требуется обычаемъ. Если же мужъ безъ важныхъ причинъ не соглашался бы на полученіе и даваніе дара, то она можетъ обратиться къ суду, чтобы онъ ей ту власть далъ вмѣсто мужа».

Въ Законникѣ слишкомъ глухо говорится о томъ, въ чемъ можетъ состоять отдѣльное имущество жены, и все сводится какъ будто на одно приданое, состоящее изъ одежды и другихъ принадлежностей костюма; тогда какъ изъ приведенныхъ выше документовъ и свѣдѣній относительно современнаго положенія видно, что дочь можетъ наследовать все имѣніе отца и понести его съ собою въ приданое.

Не входя въ оцѣнку этихъ новыхъ опредѣленій, насколько они соотвѣтствуютъ юридической наукѣ и справедливости, мы съ своей стороны отмѣчаемъ только, что они не отвѣчаютъ обычаю и духу черногорскаго народа, въ доказательство чего и привели отвѣты на относящіяся къ тому вопросы корреспондентовъ г. Богишича, напечатанные въ его книгѣ о юридическихъ обычаяхъ югославянъ, и извлеченія изъ старыхъ, еще не напечатанныхъ документовъ. Но въ томъ же смыслѣ высказался и

юристъ В. Д. Спасовичъ въ статьѣ «Черногорія и Имущественный Законникъ Богшича» (Сочиненія, Т. III, стр. 511—544).

Вотъ его замѣчанія: «Достоинно замѣчанія положеніе жены (черногорской) въ кучѣ (въ домѣ или семьѣ)—говоритъ онъ. — Древній обычай благопріятствуетъ женщинѣ и покровительствуетъ ей во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ, которыя отличаются тѣмъ, что нѣтъ въ нихъ ничего, походяго на *status* или *mundium*. Но, воспроизводя эти старые обычая, составитель Законника перешелъ въ другихъ законоположеніяхъ на иную почву и старался вставить женщину въ тѣ рамки, которыя кругомъ ея обведены по германскимъ и романскимъ законодательствамъ, сдѣлать ее существомъ несамостоятельнымъ въ распоряженіи имуществомъ, лицомъ подопечнымъ. Откровенно признаемъ—заключаетъ онъ—что мы не сочувствуемъ этимъ заимствованіямъ, водворяющимъ на славянской почвѣ чуждое ей начало имущественной неравноправности женщины, на весьма спорномъ основаніи прирожденной будто-бы слабости женскаго пола по уму и характеру» (стр. 538—39).

Мы остановились, можетъ быть, слишкомъ много на положеніи женщины; но это было, по нашему мнѣнію, необходимо вслѣдствіе той роли, которую играетъ женщина въ семьѣ, составляющей основное звено въ жизни каждаго народа. На ней собственно держится вся жизнь семьи или, какъ говоритъ черногорская пословица, «не стоитъ домъ на землѣ, но на женѣ». Такое значеніе придается ей и во всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ народной жизни, и вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ такихъ изслѣдованій: «нынѣшній вѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы ограничить индивидуальность въ рамкахъ общественныхъ интересовъ и привести въ гармонію потребности индивидуума и потребности общества, обратилъ глубокое вниманіе на женскій вопросъ. Положеніе женщины стоитъ въ непосредственной связи съ общимъ экономическимъ и социальнымъ положеніемъ

народовъ. Положеніе женщины — это симптомъ общественнаго строя». (Э. Петри, Антропология, стр. 463).

6. Названія, относящіяся къ разнымъ видамъ родства.

Возьмемъ для примѣра семью, состоящую изъ отца и матери съ женатыми сыновьями и незамужнею дочерью.

Родители для женъ своихъ сыновей *свекар* и *свекра*; а онѣ *снахе* по отношенію къ родителямъ и сестрѣ ихъ мужей, которая по отношенію къ нимъ *заова* или *јетрова*. Снохи между собою тоже *снахе* или *јетрове*. Братъ мужа для каждой изъ нихъ *јевер*; а онъ зоветъ ихъ *снаха* или *сестра*.

Дѣти дѣтей—*унук* и *унука*, а родители родителей *јед* и *баба*.

Дѣти моего брата мнѣ доводятся *синоваи* или *братаниѣ*; а женщина дѣтей своего брата называется *братиѣ* и *братиѣна*. Племянники зовутъ своего дядю (брата ихъ отца) *стрии*, а иногда *даиджа* (въ герцоговин. краяхъ), его жену — *стрина*, а его сестру — *тетка*.

Между собою дѣти родныхъ братьевъ зовутъ другъ друга—*братучед* и *братучеда*. Въ дальнѣйшемъ различаютъ: двоюродные братья — *пробратучеди*, троюродные — *друобратучеди*, потомъ—*треће-* и *четртобратучеди*. Всѣ-же между собою—*стричевѣи*.

Есть слово *братан*, которое однако употребляется въ смыслѣ нашего «братецъ», не выражая родства, иначе говорится: *брајан*, *брајо*, *брајко*. Все это родство въ мужской или отцовской семьѣ; обратимся теперь къ родству той-же семьи къ семьѣ, откуда мать.

Ея родители для ея мужа *таст* и *ташта*, рѣдко—*пунаи*, а чаще *пуница*. Все семейство ихъ называется *тазбина*: «поиѣн у тазбину»; «то ми је тазбина». Племянники дядю по матери называютъ *џак*, рѣдко—*амиджа*, а его жену—*џина*; а они своихъ племянниковъ — *братиѣ*.

Братъ моей жены мнѣ *шурак* или *шура* (то, что у австрійскихъ сербовъ шогор отъ нѣмецкаго Schwager), а сестра — *сваст*, *свастика* и *својачица* и рѣдко — *балтеза* (въ Васоев., албанское слово); а я ей *свак*, и она меня зоветъ *сваче*; для цѣлой же семьи, откуда моя жена, я — *зет*, и большіе и малые всѣ выражаются: «*наш зетъ*».

Мужа своей тетки (отцовой сестры) племянники зовутъ *тетак*, а его дѣти имъ — *теткили*. Дядя же своего племянника отъ сестры называетъ *неѣак*, женщину *неѣакима* и *неѣака*; чаще однако употребляется слово *сестриѣ* или *сестричиѣ* и *сестриѣна* или *сестричина*.

Женатые на двухъ сестрахъ между собою *пашанози* (по турецки — *баджанак*).

Жена одного изъ братьевъ дѣтей своего девера зоветъ *ѣверѣ* или *ѣверѣлиѣ* и *ѣверѣна*.

Родство по прямой отцовой восходящей линіи послѣ дѣда — *праѣд*, затѣмъ *прапраѣд* или *шукунѣд*, *прашукунѣд* и даже *прапрашукунѣд*; а по нисходящей — послѣ внуковъ *праунук*, иначе *бјело умче* или вообще всѣ, слѣдующіе послѣ — *бјеле-чле*.

Дѣвушка, выданная въ другую семью, по отношенію къ родной семьѣ — *одива*, и о ней ея старая семья всегда ведетъ счеты и заботы, чтобы ни отъ кого ей не было обиды; въ случаѣ чего, какъ мы видѣли, ее могли взять обратно силой. «Наша одива» — представляетъ нѣчто нераздѣлимое съ ея прежнею семьей.

Вообще родственники жениной семьи, а главнымъ образомъ бывшіе при свадьбѣ въ сватахъ, даже и не родственники, называются *пријатели*, и это называется родствомъ *по пријательству*.

Роѣак — родственникъ по мужской крови, начиная съ *дру-юбратучеда*; иногда сынъ *ујака*; родственница — *роѣака*, а *својта* — если женились изъ одной семьи, какъ напр. семья *пашаноза*, и также въ смыслѣ родства въ широкомъ смыслѣ по крови и по пріятельству.

Близика — юридическое понятіе при рѣшеніи вопросовъ о

наслѣдствѣ, правѣ *прече купле* и др., означаетъ людей одного рода или братства.

Есть еще слово *илака* тоже въ мыслѣ родства вообще, хотя бы и самаго отдаленнаго: «Нигдѣ није остало одъега ни *илаке*», какъ бы наше — ни рода, ни племени.

Неродные отецъ или мать — *очух* или *маѣха*, а дѣти по отношенію къ нимъ *насторак* и *насторка*, а дѣти отъ разныхъ родителей зовутъ другъ друга *полубрат* и *полусестра*.

Если двое побратаются, то родители одного для другого — *поочим* и *помајка*, а они для родителей — *посинак* и *посинка*. Тоже самое если происходитъ усыновленіе; но чаще усыновленные дѣлаются настоящими, родными дѣтьми.

Вообще родство различается: *род*, *родбина* — по *дебелой*, *очиној* *крен*; *ујчевина* — по матерней и *тазбина* — по женщиной.

Если двое, совсѣмъ неродные, вскормлены одною грудью, они считаются родными по *млијеху*, и это препятствуетъ браку между ними. Наконецъ, есть родство по *кумствоу*, когда кто бываетъ кумомъ, т. е. шаферомъ при вѣнчаніи и послѣ воспринимаетъ въ той семьѣ всѣхъ дѣтей.

Кромѣ этихъ именъ, опредѣляемыхъ родствомъ, въ семьѣ между всѣми ея членами есть имена, установившіяся помимо того и выражающія ихъ личныя отношенія другъ къ другу. Дѣда, напр. чаще всего зовутъ *стрико* (собств. дядя отъ *стричи*) и *тата*; отца *тата* и тоже *стрико*, и это имя переходитъ вообще на старшаго въ семьѣ; такимъ образомъ по отношенію къ дѣду оно его, такъ сказать, молодитъ, а молодому придаетъ больше уваженія. Мать дѣти зовутъ *мама*, *нама*, иногда *стрина*, и это имя дѣлается общимъ и для болѣе пожилыхъ снохъ, если онѣ въ добрыхъ отношеніяхъ со свекровью и любимы остальными членами семьи. Отцу въ нѣкоторыхъ семьяхъ даютъ еще имя *ламе*, можетъ быть подражая туркамъ, у которыхъ это имя носили воспитатели ихъ наслѣдниковъ (въ серб. пѣсняхъ часто упом. *лалл* и *визир*), и *ман*. *Лале* зовутъ иногда и маленькаго

ребенка, мальчика, любимца семьи, что заставляет думать, что не просто ли это ласкательное слово.

Снохи и золовки, как мы уже говорили, зовутъ одна другую сестрой (секо, секице), деверя—братомъ (брајо), и онъ ихъ сестрами.

Имя *синко* (сынъ) въ ласкѣ присвоивается не только мужскому, но и женскому полу. Женщинъ вообще въ семьѣ, жену или сноху, зовутъ—*невјесто*; а и посторонніе тѣмъ же именемъ зовутъ каждую молодую женщину, иногда-же и пожилую, даже старуху, чтобы ей польстить и больше расположить въ свою пользу.

Вообще же старшіе младшихъ въ семьѣ, и тѣ всѣ между собою большею частью зовутъ другъ друга личнымъ именемъ или какимъ нибудь особеннымъ прозвищемъ (*надимак*). То же самое и со стороны младшихъ по отношенію къ старшимъ, т. е. зовутъ личнымъ именемъ. Поэтому дѣти зовутъ родителей *тата* и *мама*, покуда совсѣмъ маленькія, а потомъ лѣтъ съ 12 всегда по имени и иначе — стыдно.

Вотъ почему въ черногорской семьѣ по именамъ, съ которыми члены ея обращаются другъ къ другу, трудно опредѣлять родство; а часто слышатся и имена придуманныя (*надимак*), данныя по какимъ нибудь наружнымъ признакамъ или просто случайныя: Руда, Чупе, Ђеља, Кева, Пиле, Грмуша, Куса и т. д. для женщинъ, а для мужчинъ Рого, Мргуд, Крале, Гледо и т. д.; есть даже магометанскія: Мујо, Бећо, Була и т. д. или ласкательныя (*тепаѣе*). И эти имена, данныя въ дѣтствѣ, остаются за ними до старости. Объ нихъ мы будемъ говорить особо.

Это однако нисколько не мѣшаетъ чрезвычайно сильному почитанію родства.

Старѣйшина дома, на глазахъ котораго все населеніе семьи было въ дѣтскомъ возрастѣ, переноситъ названіе «дјетете» (дптѣ) и на взрослыхъ и даже женатыхъ; а изъ семейнаго круга это переносится и на постороннихъ; поэтому часто слышится выраженіе «добар дјетнѣ», относящееся къ человѣку, имѣющему

уже своихъ дѣтей и цѣлую семью. Это въ родѣ нашего: «хорошій малый или парень». До недавняго времени старики это имя прикладывали къ членамъ княжеской фамиліи, напр. къ Божидару Петровичу, когда онъ былъ уже предсѣдателемъ «великаго суда», былъ, по народному выраженію, *сенат*. И до сихъ поръ черногорцы своихъ высшихъ чиновниковъ, воеводъ, министровъ и др. зовутъ по имени: Божо (Петровичъ), Дьюро (Матановичъ, бывший членъ вел. суда), Гавро (министръ иностранныхъ дѣлъ) и т. д., прибавляя только, въ новѣйшее время, *господинъ*, и всегда почти обращаются къ нимъ на *ты*. Тѣмъ болѣе этого обычая держатся въ обращеніи между собою, и, если вы скажете иному *вы*, онъ вамъ отвѣтитъ — *мы*. Въ этомъ наглядно сказывается патриархальность, въ которой живетъ еще черногорскій народъ, хотя съ годами постепенно и дѣлаетъ уступки новымъ вѣяніямъ, новымъ нравамъ и обычаямъ.

IV.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ, КАКЪ ОТДѢЛЬНАЯ ЕДИНИЦА, И ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНЫЯ СВОЙСТВА.

Отъ рассмотрѣнія группъ перейдемъ къ отдѣльной личности, при чемъ въ отдѣльности рассмотримъ типъ физическій и типъ моральный, все равно какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи увидимъ, что и самая жизнь и дѣятельность человѣка распадаются на матеріальную со всею ея внѣшнею обстановкой и духовную или моральную въ духовной-же области, съ ея разнообразными проявленіями и произведеніями.

А. ФИЗИЧЕСКІЙ ТИПЪ.

1. Внѣшность и проявленіе силы въ механической дѣятельности; развитіе внѣшнихъ чувствъ и другія фізіологическія способности; жизнеспособность (долголѣтіе и размноженіе).

Начнемъ съ роста. Ростъ черногорца мы считаемъ выше средняго, принимая во вниманіе большое число людей выше 170 сантим., и считая средній ростъ отъ 160—170 сантим. Я, имѣющій 168 сантим., слѣдовательно близко къ высшей мѣрѣ

средняго роста, считался малорослымъ. Однимъ изъ самыхъ высокихъ считается пивскій капитанъ Іованъ Кецовичъ, имѣющій болѣе 2 метровъ; но людей приближающихся къ нему можно насчитать множество; а за послѣднее время встрѣчаются между людьми моложе его много почти не уступающихъ ему въ ростѣ; за нимъ только извѣстность постаринѣ. На высокій ростъ черногорцевъ обращали вниманіе и первые путешественники. Между прочимъ русскій путешественникъ В. Броневскій (1805—1810 г.), говоря, что владыка Петръ I всегда окружаетъ себя многочисленною свитою, добавляетъ: «Витязи его или гвардія — настоящіе исполины, чудо-богатыри; самый меньшій изъ нихъ не менѣе 2 арш. 12 верш.; впереди шелъ великанъ 3 арш.» (Т. I, стр. 857). Замѣтимъ при этомъ, что населеніе Черногоріи, и теперь весьма незначительное, въ то время было еще меньше; слѣдовательно, не изъ кого было дѣлать большой выборъ. При томъ люди эти выбирались не исключительно по росту, а прежде всего изъ хорошихъ фамилій, по уму и по заслугамъ; такъ что ростъ не составлялъ главнаго качества.

Позже (1841 г.) нѣмецкій путешественникъ д-ръ В. Эбель также обратилъ вниманіе на это и говоритъ: «Мужчины и женщины съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ соединяють большой ростъ» *). Большимъ ростомъ и красивою наружностью отличались всѣ владыки изъ фамиліи Петровичей. Тѣ же качества наследствененно перешли и къ нынѣшнему владѣтельному князю Николаю.

Трудно сказать съ увѣренностью, въ какой мѣстности Черногоріи больше высокихъ людей; такъ ихъ много вездѣ, во всякомъ племени.

При сборѣ войска намъ особенно бросались въ глаза рослостью пивляне, баняне, чевляне, цеклиняне; но по отдѣльности встрѣчается очень много рослыхъ и въ другихъ племенахъ. Не придавая однако значенія своимъ наблюденіямъ въ примѣненіи къ

*) *Ebel — Zwölf Tage auf Montenegro. 1844.*

Сборникъ II отд. К. А. И.

отдѣльнымъ племенамъ, мы думаемъ не ошибемся, если скажемъ, что вообще здѣсь выдается множество высокихъ людей.

Высокому росту отвѣчаетъ стройность и соразмѣрность всѣхъ частей тѣла: всѣ черногорцы широкіе въ плечахъ; съ тонкою таліей; съ грудью хорошо развитою, но отнюдь не выпяченною; руки довольно длинныя съ сильно развитыми мышцами; талія какъ разъ посредниѣ корпуса, что особенно отмѣчаемъ при сравненіи съ арнаутами, у которыхъ часто нижняя половина развита больше, чѣмъ верхняя. Голенн довольно длинныя; ножныя икры сухія, мускулистыя, еще больше обрисовывающіяся въ туго застегнутыхъ *докольничкахъ* на голую ногу; онѣ такъ тверды, что на ощупь вамъ кажется, будто, вмѣсто мяса тамъ деревяшка; также тверды въ напряженномъ состояніи и мышцы рукъ. Кисть руки небольшая, съ тонкими, но не длинными, сухими пальцами; такая же и стопа ноги довольно плоская, съ весьма невысокимъ подъемомъ.

Живота не видать; онъ какъ бы втянутъ, вслѣдствіе чего талія остается тонкою, хотя бы за поясомъ былъ цѣлый арсеналъ оружія. Это особенно отмѣчается иностранными путешественниками. Есть однако люди, у которыхъ талія пропорціонально плечамъ широка, и которые вслѣдствіе того, при благопріятныхъ условіяхъ расположены къ полнотѣ. Такіе встрѣчаются, какъ исключенія, во всѣхъ племенахъ; но, какъ особенность въ этомъ отношеніи, представляется нѣгущское село Врба. Тонкостью стана и особенно ногъ, по народному замѣчанію, отличаются цеклиняне, которыхъ за то и называютъ въ шутку *гологнати* (съ голыми голенями) или *голоноги*. Шагъ широкій, при обыкновенномъ ходѣ 70 сант.; поступь легкая, опирающаяся больше на пальцы, вслѣдствіе чего и обувь пронашивается прежде подъ переднею частью стопы, чѣмъ подъ пятою. Это можно видѣть лучше всего, когда черногорецъ бѣжитъ не на далекое разстояніе, догоняя кого нибудь, большими ровными прыжками, держась при томъ совершенно прямо: тогда кажется, будто пятой онъ вовсе не касается земли. Но если онъ бѣжитъ

на перегонку съ кѣмъ нибудь, чтобы достигнуть цѣли, тогда бѣжитъ мелкими и чрезвычайно быстрыми шагами. Идетъ онъ прямо, грудью или однимъ бокомъ немного впередъ.

Благодаря легкости и гибкости всего тѣла и сильному развитію мышечной системы, черногорецъ въ ходу неутомимъ, хотя бы приходилось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ подниматься на высоту и карабкаться по скаламъ, причемъ, само собою разумѣется, нужно имѣть и хорошія легкія. Онъ легко поднимается на отвѣсную высоту, если только можетъ хоть чуть достать рукою до верху или есть какія нибудь неровности по бокамъ; его тонкіе пальцы при этомъ впиваются въ самыя узкія щели и поднимаютъ за собою легкое, все бьющее мышечнымъ напряженіемъ тѣло. Онъ безъ разбѣга, съ мѣста вскакиваетъ на камень, высотой почти въ его ростъ; такимъ же способомъ перескакиваетъ черезъ лошадь или пространство вдоль до 4-хъ метровъ и больше. Есть одинъ въ с. Метеризахъ (Рѣцкой—нахи) по имени Лука, который въ припадкахъ какой-то странной болѣзни скакалъ вверхъ до 5 метровъ. По бревну, положенному черезъ потокъ, или по краю пропасти, черногорецъ проходитъ съ ловкостью акробата.

Скорость хода черногорца безъ всякой спѣшности 5 килом. въ часъ; но онъ по своей натурѣ никогда не можетъ идти обычнымъ шагомъ и вѣчно торопится, и поэтому часто обыкновеннымъ ходомъ проходитъ до 6 килом. А по потребности хорошіе ходоки переходятъ пространства непомѣрныя. Такъ, рассказываютъ про одного, что онъ съ Рѣки, тронувшись съ восходомъ солнца, прибылъ на Андриевцу (въ Васоевичахъ), когда солнце еще не зашло, значить за лѣтній день, продолжающійся наиболѣе 15 часовъ, совершилъ около 120 килом., или въ 1 часъ болѣе, чѣмъ по 7 килом., считая въ томъ и отдыхи. Мы знаемъ лично этого ходока, которому потому и дано имя *Тель* (телеграфъ), и фактъ этотъ подтверждается множествомъ другихъ. Другой, во время войны, также за одинъ день пришелъ изъ Дробиякъ на Цетинье, совершивши путь тоже малымъ меньше. Но и безъ

этихъ особенныхъ случаевъ многіе за одинъ день весьма легко совершаютъ путь отъ Цетинья черезъ Цермницу и Баръ въ Ульдинъ около 80 килом., или съ Цетинья въ Подгорицу и обратно, т. е. 88 килом. За одинъ же день идутъ на Цетинье съ Грахова и изъ Никшича, на что обычно требуется полтора дня.

При такой скорости на дальнихъ разстояніяхъ, можно судить, каковъ ходъ черногорца, когда требуется особенная скорость на разстояніи небольшомъ. Поэтому отъ Цетинья до Котора, гдѣ проходитъ колесная, весьма хорошо устроенная дорога, пѣшій черногорецъ, правда, старымъ, сокращеннымъ путемъ, успѣваетъ пройти скорѣе коляски. Потому же и почта черногорская, переносимая всегда пѣшкомъ кромѣ, конечно, тяжелой, разъ въ недѣлю доставляемой на мулахъ, никогда почти не запаздываетъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что отличный ходокъ въ горахъ и особенно по каменистой и скалистой мѣстности, черногорецъ больше всего утомляется, идя по ровному. Тогда, какъ выражаются черногорцы, *отежаю ноги*, какъ бы отекаютъ, дѣлаются тяжелѣе, вслѣдствіе того, что при однообразномъ движеніи упражняются все время однѣ и тѣ же мышцы, чего не можетъ быть при постоянныхъ подъемахъ и спускахъ; а главное — это ему скучно.

Какъ ни крѣпки мышцы у черногорца, при слишкомъ энергичномъ подъемѣ на крутизны, или при скаканіи въ «хоро», случается, что въ икрахъ лопаются какая нибудь мелкая артерія, отъ чего дѣлается кровоподтекъ и такой вообще отекъ ноги, что человѣкъ не въ состояніи больше идти; въ этомъ случаѣ дѣлаютъ для ноги горячую соленую ванну, и нога скоро приходитъ въ нормальное состояніе; а безъ того онъ могъ бы пролежать или просидѣть недѣли. Вотъ почему всякому путешественнику на дальнемъ пути при входѣ въ домъ всегда предлагаютъ обмыть ноги, при томъ горячею или теплою водою.

Женщины черногорскія также отличаются легкою и скорую

походкою; даже дѣти имѣютъ большой шагъ и на близкихъ разстояніяхъ всегда опережаютъ взрослыхъ.

Какъ ни природно черногорцамъ совершать большіе переходы съ немовѣрною быстротою, поднимаясь по крутизнамъ; тѣмъ не менѣе отъ усиленнаго, такъ сказать, слишкомъ энергичнаго хожденія по горамъ многіе изъ нихъ подъ старость получаютъ одышку (задуха); а у иныхъ отнимаются ноги при совершенно здоровомъ и бодромъ состояніи цѣлаго тѣла.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ частей тѣла.

Стройности и соразмѣрности цѣлаго тѣла черногорца отмѣчаетъ и голова. Представляя правильный овалъ, нѣсколько расширенный, голова его равномерно раздѣляется на три части линіями, проходящими подъ глазами и подъ основаніемъ носа. Отмѣчаемъ и эту черту по сравненію съ типомъ, встрѣчающимся между арнаутами и характеристичнымъ для того племени, у которыхъ середина лица бываетъ значительно удлинена на счетъ другихъ частей, особенно на счетъ нижней, напоминая фигуры на египетскихъ пирамидахъ, что при тонкомъ, остромъ носѣ сообщаетъ физиономіи птичій видъ.

Лобъ небольшой, прямой, можно сказать, крутой, съ мало развитыми надбровными дугами. Глаза лежатъ глубоко во впадинахъ, расположены прямо и близко одинъ къ другому. Не представляетъ ничего особеннаго и расположеніе рта: челюсти довольно широкія, стоятъ прямо одна надъ другой, полныя прекрасныхъ зубовъ, болѣе крупныхъ, чѣмъ мелкихъ; нѣкоторые отличаются особенною силою въ зубахъ; ротъ немалый, губы большею частію тонкія и сжатыя.

Что касается цвѣта глазъ и волосъ, то не беремся опредѣлить, какихъ больше. Намъ казалось бы, что черныхъ и карихъ глазъ больше, чѣмъ сѣрыхъ или голубыхъ; а также черныхъ или каштановыхъ и темпорусыхъ волосъ больше, чѣмъ русыхъ. При томъ, сказалъ бы, что болѣе свѣтлыми цвѣтами отличаются бѣлопавлича, пивляне, дробняки и ппьеры. Но въ то же время и между самыми черными по цвѣту волосъ, какъ кучи, цекли-

няне, цермничане, — встрѣчаются самые свѣтлыя блондины. Въ Цермпицѣ есть одно семейство съ волосами совершенно свѣтлыми, почти бѣлыми. И оттуда же (кажется, изъ Буковика) знаемъ одного альбиноса: онъ съ совершенно бѣлыми, точно сѣдыми волосами и красными, какъ у кролика, глазами, которые при томъ не выносятъ дневного свѣта; и потому этотъ субъектъ полуслѣпой и видитъ лучше въ полумракѣ, а служить поваромъ въ одномъ семействѣ въ Кастель-Ластвѣ (въ Паштровичахъ).

Вообще же волосы отличаются обиліемъ и густотою, и часто бываютъ волнисты. Густыя, если не черныя, то всегда темныя брови, сходящіяся надъ переносьемъ, и такія же рѣсницы сообщаютъ всегда темный оттѣнокъ и глазамъ, какого бы они цвѣта ни были. Прекрасныя, умныя глаза даютъ, такъ сказать, освѣщеніе фізіономіи черногорца. Взглядъ черногорца прямой, открытый, испытующій. Если онъ встрѣтитъ новаго человѣка, то рассматриваетъ его, какъ какой нибудь неодушевленный предметъ. Ни передъ кѣмъ онъ не опуститъ глазъ и скромно не потупится; а если и потупится, то чтобы скрыть только направленіе, куда глядитъ, что нибудь высматривая и вымѣривая. Такой взглядъ, вмѣстѣ съ рѣзкими чертами лица, сообщаетъ фізіономіи черногорца чаще характеръ сосредоточенности и нѣкоторой суровости, чѣмъ простоты и добродушія. Сѣрые глаза (зекасте, граорасте) считаются самыми пронзительными, взглядъ которыхъ трудно выносить: такіе были у покойнаго кн. Данила. Есть глаза черныя, небольшіе, какъ бы кроющіеся въ глубокихъ ямкахъ, зловѣщіе; другіе, напротивъ, большіе, открытые, которые черногорецъ называетъ *волово око*. Между сѣрыми глазами отличаютъ также, которые *играю на уле* т. е. очень блестятъ и бѣгаютъ и считаются знакомъ хитрости и лукавства.

Въ общемъ черты лица у черногорца красивыя, и особенно этому помогаютъ прекрасныя, умныя глаза, брови и усы, придающіе въ то же время общему выраженію нѣкоторую рѣзкость. По преобладанію черно- или темно-волосыхъ, съ такими же глазами, по сухости лица, тонкости очертаній, живости глазъ и

подвижности всего лица съ загорѣлою отъ южнаго солнца кожей, — это чисто южный типъ съ нѣсколько больше развитыми скулами и болѣе широкимъ при основаніи носомъ.

Въ тѣлодвиженіяхъ черногорца, если онъ находится въ спокойномъ душевномъ состояніи, видна сдержанность и какая-то важность, которая обнаруживается въ немъ очень рано, еще въ дѣтскомъ возрастѣ; и это не есть поза или рисовка, какъ то представляется наблюдателю иностранцу, а нѣчто, лежащее въ его природѣ.

Рядомъ съ этимъ болѣе или менѣе детальнымъ описаніемъ наружности черногорца не лишены интереса и значенія отзывы о томъ же иностранцевъ - путешественниковъ, посѣщавшихъ Черногорію на короткое время и передающихъ свои впечатлѣнія и иногда очень мѣткія замѣчанія. Возьмемъ для примѣра Ирриарта, который, кромѣ своихъ личныхъ впечатлѣній, пользуется наблюденіями и другихъ путешественниковъ.

«Житель собственно Черногоріи — говоритъ онъ — брюнетъ, тогда какъ житель Брдь (бѣлопавл. и др.) блондинъ, какъ то встрѣчается у нѣкоторыхъ славянъ юга. Вообще же всѣ они статные, высокіе, съ тонкою талією, очень элегантною походкою и гордою осанкою, немного театральною. Цермничане и бѣлопавличичи выдаются между другими высокимъ ростомъ и напоминаютъ прекрасные типы Далмаціи изъ окрестностей Книна. Такъ какъ у нихъ браки никогда не заключаются въ одномъ племени, то и типъ ихъ постоянно обновляется, и, несмотря на малую заботливость о дѣтяхъ въ первомъ возрастѣ, суровость климата, отсутствіе самыхъ простыхъ предосторожностей, откуда вытекаетъ большая смертность между дѣтьми, остаются въ живыхъ тѣ, которые родились особенно крѣпкими. Но рядомъ съ образцами рѣдкаго совершенства формы, удивительно уравновѣшенной, мы встрѣчали личности довольно нѣжныя, блѣдныя и слабого сложенія. Часть этого слѣдуетъ приписать вліянію лихорадки; но въ то же время нельзя не замѣтить разницу расы, которая объясняется тѣмъ, что Черногорія была убѣжищемъ для всѣхъ

3 2 *

(?).—Всѣ, особенно врачи, какъ Тедески, Булонь, Фрилей, Фёвріе, указываютъ на часто встрѣчающіеся у черногорцевъ совершенно втянутые внутрь животы, что нужно приписать поясу, за которымъ постоянно носятъ тяжелое оружіе; это кинулось въ глаза и намъ» (Ch. Jgiarte. — Les bords de l'Adriatique et le Monténégro. 1878. стр. 416).

Нѣтъ надобности обрисовывать въ отдѣльности женскій типъ съ физической стороны, такъ какъ типъ остается одинъ и тотъ же, отличаясь отъ мужского только въ размѣрахъ и особенныхъ женскихъ функціяхъ, тѣмъ болѣе, что воспитаніе обоихъ половъ совершается при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и въ томъ же направленіи. Покуда маленькія, дѣвочки заодно съ мальчиками занимаются пастъбою скота, сопряженною съ ходьбою цѣлый день за стадомъ и скаканіемъ по скаламъ; вмѣстѣ они играютъ въ однѣ и тѣ же игры. Разница заключается только въ томъ, что дѣвочки, какъ мы видѣли, очень рано начинаютъ исполнять нѣкоторыя обязанности въ домѣ, отъ которыхъ свободны мальчики, вслѣдствіе чего онѣ серьезнѣе и раньше созрѣваютъ умомъ.

Въ женщинѣ черногорской вы встрѣчаете ту же стройность, ловкость движеній и легкость походки, какъ и въ мужчинѣ; она также мѣтко умѣетъ бросить камнемъ; даже голосъ ея приближается къ мужскому, и ту же силу легкихъ обнаруживаетъ она въ дозываніи кого либо на далекое пространство. Только ношеніе тяжести, иногда весьма значительной, на спинѣ и на головѣ должно производить особое давленіе на позвоночный столбъ, и оттого, можетъ быть, женщина всегда почти имѣетъ фигуру, болѣе наклоненную впередъ, чѣмъ мужчина; она все будто что-то ищетъ передъ собою, и часто встрѣчаются женщины съ слабо развитыми грудями. Нужно видѣть, какъ женщина несетъ тяжесть иногда до пуда и больше — берема дровъ или мѣшокъ жита; поднимаясь въ гору, она согнется почти до половины,

своего роста; вытянувши шею и стараясь поднимать голову кверху, чтобы видѣть дальше передъ собою, тяжело ступаетъ, широко разставляя ноги и обращая стопу пальцами внутрь; кое-когда останавливается, чтобы перевести духъ, и изъ глубины сухой груди вылетаетъ какой-то свистъ, слышный далеко. Такая походка большею частью измѣняется безъ тяжести; но часто остается такою навсегда. Маленькія дѣвочки гораздо живѣе и эластичнѣе мальчиковъ; но современемъ эластичность эта исчезаетъ и при всей стройности стана, въ движеніяхъ женщины является нѣкоторая неуклюжесть. Рано также черногорка старѣетъ: кожа на лицѣ дѣлается желтою, плотно обтягиваетъ костныя части и собирается въ морщины; всѣ формы обрисовываются рѣзче и выраженіе лица становится суровѣе. Есть истинныя красавицы; но красота эта теряется вскорѣ послѣ замужества, и только и остаются отъ прежней красоты глаза, полные жизни и энергіи, съ густыми рѣсницами и бровями дугою, да роскошныя косы, вѣнцомъ въ два ряда обвивающія стройную голову. Свѣжесть лица и полнота, по нашему замѣчанію, больше сохраняются въ сѣверныхъ частяхъ Черногоріи въ Васоевичахъ, Дробнякахъ и Пивѣ. Мы замѣтили, что въ дѣтствѣ въ воспитаніи черногорца и черногорки нѣтъ разницы; дополнимъ это замѣчаніе тѣмъ, что и послѣдующая жизнь ихъ различается также мало: какъ мужчина, женщина рубитъ дрова, сѣдлаетъ лошадь, совершаетъ военные походы; гдѣ нужно, беретъ въ руки ружье и ножъ. Не теряя женской стыдливости, она, какъ мужчина, при случаѣ умѣетъ защитить себя и постоять за другого.

Обращаясь къ физическимъ способностямъ черногорца и ихъ физиологическимъ отправлениямъ, должно отмѣтить у него необыкновенное развитіе зрѣнія. Въ этомъ отношеніи черногорцы напоминаютъ нашихъ жителей степныхъ губерній и монголовъ, которые узнаютъ лошадь и сидящаго на ней всадника на разстояніи, гдѣ нормальный глазъ различаетъ только общее очертаніе

этихъ предметовъ. На 500 метровъ черногорецъ стрѣляетъ въ непріятеля, различая у него усы и зубы; иной разбираетъ даже выраженіе фізіономіи. Дальнозоркость доходитъ у черногорцевъ до недостатка, вслѣдствіе чего они плохо разбираютъ мелкіе предметы вблизи, напр. при чтеніи, при шитьѣ и другихъ мелкихъ работахъ, и потому для нихъ очень рано настаетъ необходимость въ очкахъ съ увеличительными стеклами. Близорукій между ними величайшая рѣдкость. За то въ распознаваніи цвѣтовъ у нихъ большое смѣшеніе, что отражается и въ языкѣ, въ названіи цвѣтовъ.

Самый рѣзкій примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи смѣшеніе зеленаго цвѣта съ сѣрымъ. Зеленою называютъ лошадей сѣрой масти, откуда происходятъ имена: *зеленко*, *зеко*, *зекаль*; то же самое имя дается и человѣку съ сѣрыми глазами. Но черногорецъ, чтобы еще болѣе усилить это выраженіе, говоритъ о конѣ: *зелен*, *као трава*. Послѣ этого естественно, что говорится *зелен змай*, *зелен плам*, *зелен мач*. Рядомъ съ этимъ есть слово *сури*, которое, однако, употребляется весьма рѣдко: *сури вук*, *сура бедевія* (кобылица) и *спра мачка* (дикая съ полосами, какъ у тигра). *Плава* значитъ голубой: *плаво небо*, *плаво око*, и въ то же время русый, бѣлокурый: *плаве косе*, *плавушаст*; *плав*, *плована* — быкъ, у котораго шерсть палеваго цвѣта, по малороссійски — *половый* (въ восточной Россіи той же масти лошадей называется *соловая*). Для обозначенія синяго цвѣта существуетъ слово *модар*: *модро око*, *помодрио е* — говорятъ о человѣкѣ, посинѣвшемъ отъ холода; *модрина* — синее пятно на тѣлѣ; *модрило* — синька; *модра свита*; *модар плам*. Если этотъ цвѣтъ темный и переходитъ въ лиловый, то называется *мор*, *мораст*. Лиловый цвѣтъ, цвѣтъ фіалки называется *любичаст*, какъ у насъ сиреневый или коричневый. Есть слово и *синь*: *синя маца*; Адриатическое море называется *Сине* — *море*, что совершенно отвѣчало бы его синелазуревому цвѣту; но, какъ толкуютъ другіе, съ этимъ словомъ соединяется понятіе о безграничномъ просторѣ. Одна планина называется *Синяовина*, можетъ быть, отъ

часто покрывающих её тумановъ; *струка синявица* свѣтлосѣрая. *Синяи* называется одна рѣка въ Пивѣ съ водою темно-синяго цвѣта; но другой потокъ того же имени (въ Лѣш. нах.) имѣетъ воду, какъ и во всѣхъ другихъ потокахъ, безцвѣтную.

Красный цвѣтъ означается словомъ *ирвен*: *ирвена крв*, *ирвен у образу* (краснолицый), *ирвена соита*, *ирвена ябука* *ирвенница* — красная глина, *ирвена ружа*; *ирвенъ или ирвени оттар* — болѣзнь (рожа); *ирвенника* — красное вино, которое, однако, чаще называется *ирно*. Имѣется и слово *красан*, но въ смыслѣ прекраснаго, красиваго: *красан момак*, *красна дѣвоика*, *красно дѣте*, *красан положай* и т. п.

Жут значить желтый: *жута неранджа* и *дуня* (апельсинъ и айва); *жут дукат*, и въ то же время — *жута коса* или *брада* — русая или рыжеватая, хотя рядомъ существуетъ слово *ридь* (рыжий); *жутко* — человекъ съ русыми волосами; этимъ именемъ иногда называютъ вообще русскаго, а когда говорятъ: *они жутко на сѣверу*, то разумѣютъ русскаго царя, угрожая этимъ именемъ своимъ непріятелямъ.

Въ радугѣ различаютъ три цвѣта: зеленый, означающій жито; красный — вино, и желтый — айву или апельсинъ.

Бѣлый цвѣтъ составляетъ во 1-хъ противоположеніе черному: *био, као снъ*; *покажи ми ирно на бѣло*; а во 2-хъ, означаетъ нѣчто прекрасное, облагороженное, лучшаго качества: *бѣла вила*, *бѣлица-шеница*, *бѣли бор* или *питоми* (сосна) въ отличіе отъ другого *ирни* или *диали*; *бѣлайка* въ коноплѣ посконь, а *ирнайка* — служащая только для сѣмени. Въ томъ же смыслѣ употребляется и въ собственныхъ именахъ: *Бѣла-вода*, *Бѣла-дола*, *Биоград*. Почему-то правнукъ называется *бѣло унуче*, а во множественномъ числѣ *бѣле челе*. Въ противоположность нашему *бѣль*, означающему все портяное, нитяное, у черногорцевъ *бѣль* означаетъ шерстяное одѣяло, а *бѣлаче* — шерстяные чулки.

Съ чернымъ цвѣтомъ соединяется понятіе всего дурнаго, злаго. *Цри ми образ!* — вскрикиваетъ черногорецъ, когда неожиданно увидитъ передъ собою угрожающее ему несчастье; *цри*

ти образ! ругательство или проклятіе; *црно е наше живленье* — бѣдное, жалкое; про слабо текущій ключъ говорятъ: *црно реве*. Черной масти конь считается несчастнымъ. Въ человѣкѣ цѣнятся только черные волосы и глаза.

Глазъ черногорца различаетъ иногда и весьма тонкіе отѣнки цвѣтовъ, только не считаетъ вужнымъ давать имъ особыя названія.

Въ смыслѣ цвѣта говорится *ружа* и *лице*: *има другу ружу, друго лице, зуби ружу*, или употребляются иностраннныя слова: *боя* и *колур*, и красить — *боядисати*; впрочемъ, относительно крашенья шерсти говорится *маст* и *мастити*.

Наблюдательность глаза черногорца и, такъ сказать, память зрѣнія выражается въ сотнѣ именъ, которыя онъ даетъ своимъ домашнимъ животнымъ по цвѣту и различному расположенію пестроты и по другимъ видимымъ глазу признакамъ.

И такъ, если черногорецъ и смѣшиваетъ нѣкоторые цвѣта, то не вслѣдствіе неспособности его глаза распознавать разницу между ними; а вслѣдствіе условно принятого названія цвѣта, имѣющаго, конечно, свое какое нибудь основаніе. Вообще же мы должны признать у него въ свѣтовой области наблюдательность, свидѣтельствующую о достаточномъ развитіи органа зрѣнія. Еще больше видно это развитіе въ опредѣленія пространства и направленія, чему, конечно, помогаетъ постоянная стрѣльба въ цѣль и бросаніе камней также въ цѣль въ играхъ разнаго рода.

Насколько эта сторона въ черногорцѣ способна къ дальнѣйшему, высшему развитію, я имѣлъ случай видѣть по успѣхамъ учениковъ цетинской гимназіи въ рисованіи. Имѣя учителя не довольно искуснаго въ рисованіи, но очень добросовѣстнаго, они въ два года стали дѣлать контуры такъ вѣрно съ оригиналомъ, что возникало сомнѣніе, не прибѣгали ли они къ съемкѣ на стекло; а у нѣкоторыхъ и въ окончательной отдѣлкѣ съ оттушовкой почти невозможно было отличить копию отъ оригинала. Нѣкоторые обнаружили замѣчательный талантъ къ рисованію, будучи самоучками.

Перейдемъ теперь къ слуху.

Если судить о развитіи слуха черногорца по его пѣнію, то его нужно будетъ поставить не только ниже народовъ, у которыхъ давно уже существуютъ музыка и музыкальное образованіе, но и ниже своихъ братьевъ и сосѣдей герцеговинцевъ и босняковъ, и даже албанцевъ. Болѣе дикой пѣсни, лишенной всякой мелодіи я не знаю, какъ та, которою черногорцы сопровождаютъ свою пляску «оро». При пѣніи въ церкви нѣсколько человѣкъ способны пѣть всякій въ свой тонъ, не замѣчая диссонанса; да не замѣтятъ того и слушатели.

Дѣло, однако, заключается не въ неспособности уха, а въ его непривычкѣ; въ томъ, что черногорцу меньше, чѣмъ всякому другому, удавалось слушать музыку и музыкальное пѣніе, и меньше было для того свободы и досуга. Виновать въ томъ слишкомъ суровый бытъ черногорца. Суровость этого быта и печальная обстановка особенно тяжело отзывались на женщинѣ, которая, вслѣдствіе того, и теперь еще, какъ только останется одна сама съ собою, тотчасъ затянеть обычное причитаніе о своихъ погибшихъ, и вообще слишкомъ серьезна, если не сказать угрюма; а между тѣмъ женщина главная участница въ пѣніи.

Бывали цѣлые періоды въ жизни черногорскаго народа, когда по годамъ народъ не собирался для общаго веселья и забавъ и не раздавалась никакая пѣсня, кромѣ *тужбалиц* (причитанія по покойникамъ), да речитатива юнацкихъ пѣсенъ подъ акомпаниментъ гуслей, возбуждающихъ духъ геройства:

Но, когда появляются на Цетиньѣ музыканты и пѣвцы изъ-за границы, дѣти повторяютъ эти новыя, совершенно чуждыя имъ мелодіи, чешскія, итальянскія и другія, съ такою точностью и гибкостью голоса, что въ музыкальности слуха не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ послѣднее время Черногорія вотъ уже третій годъ имѣетъ свой небольшой духовой оркестръ, который прекрасно выполняетъ довольно трудныя вещи. Ученики гимназій и богословской школы всѣ безъ исключенія также поютъ по нотамъ и съ удивительною точностью не только соблюда-

ютъ тактъ, но и выдерживаютъ и выдѣлываютъ всевозможные анданте, фуги, контрапункты и т. д. То же самое и въ женскомъ институтѣ. Одно только можно замѣтить, что нѣтъ нѣжности въ голосахъ; много альтовъ и прекрасныхъ, но дискантовъ мало и тѣ грубы. Кстати замѣтимъ, что женщины черногорскія вообще не отличаются свойственною ихъ полу нѣжностью голоса, и въ пѣніи онѣ большею частью держатся низкаго тона и почти басовыхъ нотъ. Причину этого мы находимъ, кромѣ условій горной мѣстности, еще и въ томъ, что всѣ онѣ еще въ дѣтствѣ при пастьбѣ скота приучаются кричать на стада и перекликаться между собою на далекія разстоянія. Поэтому вы часто услышите дѣвочку чобанку, лѣтъ 10 или немного старше, говорящую ужасно низкимъ голосомъ.

Всѣ путешественники обращаютъ вниманіе на особенную способность черногорцевъ переговариваться или перекликаться (*дошккивати се*) на чрезвычайно далекія разстоянія; причемъ справедливо удивляются необыкновенной силѣ голоса и легкихъ. Но рядомъ съ этимъ должно удивляться способности ихъ въ такомъ случаѣ уловлять членораздѣльные звуки и понимать эту рѣчь, для непривычнаго уха представляющую какой-то отчаянный крикъ. А черногорецъ чрезвычайно тонко умѣетъ различать въ этомъ крикѣ тотъ особенный оттѣнокъ голоса, по которому узнаетъ, кто именно кричитъ.

Вообще ухо черногорца чрезвычайно чутко къ каждому звуку, къ малѣйшему шороху не только днемъ, когда бодрствуетъ, но и ночью, во время сна. Эта способность, конечно, еще больше развилась вслѣдствіе привычки быть вѣчно на сторожѣ.

Коснувшись сна, какъ одного изъ физиологическихъ отпавленій человѣка, находящагося въ тѣсной связи съ впечатлительностью зрѣнія и слуха, и вообще съ нервною напряженностью, замѣчу, что у черногорцевъ онъ очень тонкій. Между ними мало людей, которые храпятъ; они легко пробуждаются и часто вскакиваютъ подъ впечатлѣніемъ какого-либо сновидѣнія, особенно если спать внѣ дома. Мнѣ не разъ случалось, что спящій со мною

рядомъ, слушая съ вечера усиленный лай собакъ или завываніе водка, подъ впечатлѣніемъ сновидѣнія вскакиваетъ, начинаетъ кричать и стрѣлать изъ револьвера, который, разумѣется, всегда при немъ. Сны ихъ — цѣлыя легенды, которыя они потомъ рассказываютъ и толкуютъ. Спать черногорецъ мало; и если въ городахъ поднимаются не рано, то и ложатся очень поздно. Впрочемъ, въ селахъ поднимаются съ разсвѣтомъ, съ вечера же засиживаются очень долго; а часто, если случится какой нибудь гость, то засиживаются до полуночи, не говоря уже о такъ называемыхъ *стѣдникахъ* (вечеринки, посидѣнки), которые продолжаютъ иногда и во всю ночь.

Въ пищу и питье черногорецъ умѣренъ, питаясь главнымъ образомъ хлѣбомъ, преимущественно кукурузнымъ, и отчасти картофелемъ. Онъ, однако, круглый годъ ѣстъ понемногу мяса и сыра, а дѣломъ всегда пьетъ молоко; любитъ также капусту. Черногорская пословица такъ характеризуетъ разницу вкусовъ черногорца и турка: «Турчинъ каже: тарана је рана; црногорацъ — купус и сланина» т. е. свиное сало; а тарана — родъ малороссійской *затирки*, жидкаго кушанья изъ раздробленнаго въ крошки тѣста. Вообще черногорецъ, сказалъ бы, я, въ пищу неразборчивъ; но у него есть свои пристрастія. Не говоря уже о мясѣ, которое составляетъ въ его домашнемъ обиходѣ лучшее блюдо, онъ не можетъ жить безъ кукурузнаго хлѣба, предпочитая его пшеничному; а есть люди изъ простонародія, которые не могутъ ѣсть молока, а иные — мяса испеченнаго на вертелѣ, особенно въ цѣлой тушѣ. Совсѣмъ по другой причинѣ, по предубѣжденію — многіе не ѣдятъ раковъ, иные не ѣдятъ зайца и вообще дичи.

Имѣя всего вдоволь, черногорецъ въ обыденное время экономничаетъ и бережетъ для какого нибудь случая, для гостя, особенно же для праздника крестнаго имени. Чермничане, напр., продаютъ вино и всегда имѣютъ запасъ его дома; но сами пьютъ его рѣдко и мало; тоже самое и относительно водки. Черногорецъ въ походѣ охотно переноситъ голодъ и жажду: чтобы не чувствовать голода, онъ стягиваетъ поясъ или кладетъ подъ него

камень противъ желудка; а противъ жажды жуеть порошокъ или беретъ въ ротъ свинцовую пулю, что вызываетъ слюну. Также выносливъ онъ и на холодѣ. Въ прежнее время черногорцы и зимой ходили съ открытою, голою грудью; и только въ послѣднее время стали носить *джемаданъ*, родъ жилета съ большими бортами, запахивающими грудь; а многіе теперь носятъ и теплую фуфайку (фанела).

Во время гусиньской экспедиціи въ 1879 г., когда была самая суровая зима, какую я знаю въ Черногоріи болѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ, — въ концѣ ноября мѣсяца два васоевицкихъ батальона 4 дня простояли на хребтѣ Сѣкиричѣ, на 6000 ф. абсолютной высоты, въ снѣгу, открытые вѣтру, въ самой плохой одеждѣ (у нныхъ изъ подъ короткаго гуня видѣлось голое тѣло), и при самой скудной пищѣ, въ добавокъ безъ всякаго крова, даже безъ шалашей. И переносилось такое положеніе съ веселымъ духомъ.

Наблюдая это, я мысленно представлялъ себѣ русскихъ солдатъ, переходившихъ Балканы въ декабрѣ мѣсяцѣ; и въ то же время припоминалъ солдатъ австрійскихъ, при мнѣ прибывшихъ въ Сараево съ какого-то поста наканунѣ николина дня (6 дек.) и плакавшихъ отъ холода.

При умѣренности вообще въ пищѣ, черногорецъ при случаѣ способенъ поѣдать большое количество мяса, самаго густого овечьяго молока, жирной ццвары (изъ кукурузной муки съ масломъ и сыромъ) и другихъ любимыхъ имъ яствъ.

Выносливый въ отношеніи холода и голода, черногорецъ выказываетъ необыкновенное терпѣніе и въ перенесеніи пораненій, какъ бы тяжелы рапы ни были, и при операціяхъ, какъ вынутіе пули изъ раны, сопровождаемое разрѣзами, иногда весьма большими; при обрѣзываніи мягкихъ частей, пораженныхъ гангреной или какою либо другою неизлѣчимою болѣзнію, при намѣщеніи сломленныхъ костей или при извлеченіи ихъ обломковъ и т. п.

Всѣ эти операціи домашніе лѣкаря производили, да и теперь еще производятъ безъ всякой наркотизаціи, а иной и въ госпи-

тагѣ передъ ученымъ врачомъ отказывается отъ наркоза: такимъ образомъ одному совершена была операція выпиливанія челюсти, пораженной костоѣдой. Даже женщина, если змѣя ужалила её въ палець, беретъ косіеръ (кривой ножъ, которымъ рубятъ вѣтки и кустарникъ) и отрубаетъ его сама, чтобы предупредить дальнѣйшее отравленіе крови. Но всѣми силами сопротивляется черногорець ампутаціи руки и особенно ноги, и то не изъ страха боли, а чтобы не лишиться такого существеннаго члена; и больше всего ему жаль лишиться ноги; такъ какъ по пословицѣ: «Глава боли — ноге носе; руке боле — ноге носе; нога боли — лези».

Великій страхъ чувствуетъ черногорець и при эпидемическихъ болѣзняхъ, какъ тифъ, холера, или при заразительныхъ, какъ проказа, въ которую иногда перерождается сифились. Такого человѣка непременно отдѣляютъ, если есть, въ особый домъ или колибу, куда посятъ ему пищу, избѣгая всякаго прикосновенія къ нему. Это — *одвоеник* или *издвоеник*.

Чрезвычайно нѣженъ и привередливъ черногорець въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, какъ лихорадка съ сильнымъ жаромъ, горловая болѣзнь, мѣстныя воспаленія и т. п. Тутъ онъ сейчасъ собирается умирать и чрезвычайно требователенъ, какъ по отношенію къ ухаживающимъ за нимъ, такъ и къ доктору. Тѣмъ же страхомъ пропикнуты и домашніе больного, которые сейчасъ же собираются вокругъ, не даютъ ему покоя, отнимаютъ свѣжій воздухъ и сейчасъ зажигаютъ свѣчи, какъ надъ покойникомъ. Въ этомъ, впрочемъ, участвуютъ больше его душевныя способности. Остановимся, наконецъ, на долгодѣтїи жизни черногорца, составляющемъ, такъ сказать, вѣнецъ физической жизнеспособности человѣка. За отсутствіемъ статистики мы останавливаемъ вниманіе на томъ фактѣ, что намъ лично извѣстны за 12-тилѣтній періодъ наблюденія до 40 человѣкъ отъ 80 до 100 и болѣе лѣтъ: одни изъ нихъ уже умерли, а другіе и еще доживаютъ свой вѣкъ. И это менѣе, чѣмъ на 200.000 цѣлаго населенія!

Въ «Гласѣ Черногорца» нерѣдко встрѣтите извѣстіе о смерти столѣтнихъ старцевъ, но это касается только Цетинья съ окрестностями, да и тутъ многіе проходятъ безъ всякаго упоминанія о нихъ въ печати. Такъ что, въ общемъ, по цѣлой Черногоріи составилася бы сравнительно громаднѣй списокъ людей, приближающихся къ столѣтнему возрасту или даже перешедшихъ за него.

На долгодѣіе черногорцевъ указываютъ всѣ путешественники, начиная съ Віалла-де-Сомьеръ, который, впрочемъ, изъ этого создалъ нѣчто исключительное (см. наше соч. Т. I, стр. 843), что однако не помѣшало повторять его послѣдующимъ путешественникамъ. Я зналъ въ Цекличахъ (Горин-до) одного старика за 100 лѣтъ, который ходилъ въ Никшичь (ок. 50 килом.) съ тяжестью, будучи, однако, почти совсѣмъ слѣпъ, такъ что его водила его жена, почти такая же старая. Въ Дольнемъ краѣ (рядомъ съ Цетиньемъ) не такъ давно умеръ старецъ, тоже за 100 лѣтъ, который въ 90 лѣтъ женился и послѣ имѣлъ ребенка, а за годъ до смерти принесъ 1 багажъ (ок. 1 пуда) жита (говорять, даже, два) съ Рѣки, на разстояніи 17 килом., и все въ гору. Недавно сообщалось въ «Гласѣ Черногорца» (1892 г. № 4) о смерти одного старца изъ Хумцевъ, тоже съ Цетинскаго поля, который помнилъ, какъ на Цетинье принесли одежду съ Махмуда-паши, погубшаго на Крусахъ въ 1796 г., и народъ собирался смотрѣть ихъ, и вотъ какого рода былъ его образъ жизни: «Онъ былъ рѣдкій юнакъ, малаго роста (относительно), вѣрный слову и честный характеръ. Рѣдко хворалъ, а опасно боленъ не бывалъ никогда. Рассказывать и слушать рассказы — было его наслажденіе, и, когда было съ кѣмъ, проводилъ въ томъ большую часть ночи; но всегда рано вставалъ. Напитки пилъ всякіе, а въ старости ему особенно было пріятно вино; никогда однако не опивался. Непрїятностей испытать въ своей жизни много. Не задолго до смерти сталъ онъ употреблять нюхательный табакъ. Въ числѣ 3000 душъ, которыя живутъ на Цетиньѣ и въ окрестности, всегда находятся болѣе 30 человекъ столѣтнихъ».

Въ настоящее время въ Байцахъ находится одинъ барьнатаръ изъ Мартиновичей: ему болѣе 70 лѣтъ, а во время послѣдней войны, имѣя 60 лѣтъ, онъ вездѣ шелъ передъ войскомъ и отличался въ бояхъ. Такой примѣръ не единственный; поэтому, хотя и говорятъ: «Старца послушай, али за ним не иди», потому что онъ слабъ; но въ то же время говорятъ: «Без старца нема ударца».

Но эта долговѣчность относится къ старому поколѣнію; а теперь рѣдкаго найдешь изъ людей среднихъ лѣтъ, который не жаловался бы на какойнибудь недугъ и не носилъ бы на себѣ печати удрученія годами. И то сказать, старики, на которыхъ мы указываемъ изъ стараго времени, представляютъ собою натуры, съ первыхъ, еще младенческихъ лѣтъ одолѣвшія всякія неблагопріятныя жизни вліянія и обстоятельства, слѣдовательно исключительныя, тогда какъ все, что было слабаго, пало подъ косою смерти въ первые годы своего существованія. Не имѣя точныхъ данныхъ относительно того отдаленнаго времени, мы предполагаемъ, что въ то время была большая смертность въ первомъ возрастѣ, а что выдержало тотъ тяжелый и роковой періодъ, представляло собою поколѣніе, которое могло бороться не только съ годами, но и со всякими житейскими невзгодами.

При такой долговѣчности Черногорія давно должна бы переполниться населеніемъ; но на дѣлѣ этого нѣтъ. Вотъ нѣсколько данныхъ относительно этого, по крайней мѣрѣ, для одной половины, для Заходмской Епархіи за 1882 г.

Всего населенія было 63.751 д. об. п.; рожденій было 1126 м. и 910 ж., всего — 2.036; умерло 394 м. и 371 ж., всего 765; слѣдовательно прирость 1271; или смертность на 100 родившихся 35 м. и 40 ж.; среднее въ сложности 37 или немного болѣе $\frac{1}{3}$, въ процентномъ же отношеніи къ цѣлому населенію годовой прирость около 2%.

Это былъ годъ мирный, когда при томъ не было ни войны, ни эпидеміи, ни большихъ выселеній; слѣдовательно въ другіе неблагопріятные годы прирость этотъ долженъ быть меньше.

Такое неблагоприятное отношение между прибылью и убылью населенія вообще для Черногоріи мы могли бы приписать двумъ причинамъ: слабому народженію и большой смертности въ дѣтскомъ возрастѣ. Первое можетъ происходить вслѣдствіе отсутствія значительнаго числа мужского населенія, многіе годы проводящаго внѣ своего отечества на заработкахъ; но это условіе существуетъ только въ западной или приморской части Черногоріи, которая тутъ не принята въ расчетъ; потому мы главную причину видимъ въ слишкомъ большой смертности дѣтей. Обратимъ также вниманіе и на то, что женщинъ меньше, чѣмъ мужчинъ, родится, а больше умираетъ, что указываетъ на неблагоприятныя условія вообще домашней, семейной жизни. Думаемъ, что неблагоприятность этихъ условій и вообще отношеній между мужемъ и женой, какъ мы то видѣли выше, должно также неблагоприятно отражаться и на рожденіи.

Впрочемъ, данныя эти относятся къ тому времени, когда Черногорія еще не отдохнула и не пришла въ нормальное положеніе послѣ продолжительной войны; а по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, которыя намъ извѣстны только по свидѣтельству людей, завѣдующихъ ими, приростъ населенія значительно увеличивается, чего и должно ожидать при поднятіи экономическаго положенія Черногоріи и болѣе спокойной жизни.

2. Физическій типъ по народному опредѣленію: понятіе о частяхъ тѣла и ихъ отправленияхъ, о хорошихъ и дурныхъ качествахъ и о физической красотѣ человѣка.

Народныя опредѣленія въ этомъ отношеніи имѣютъ для насъ двоякое значеніе: съ одной стороны они помогаютъ намъ дорисовать типъ, представляя нѣкоторыя детальныя черты, ускользающія отъ посторонняго наблюдателя; съ другой—указываютъ, на развитіе какихъ свойствъ, сообразно своему вкусу и понятію,

народъ обращаетъ особенное вниманіе, что должно оказывать извѣстное вліяніе и въ самой дѣйствительности.

Начнемъ съ простыхъ опредѣленій частей человѣческаго тѣла.

Цѣлое тѣло называютъ *труп* и *сноп*; потому говорятъ «Онъ же бно таман *снопа* војводе Анта» т. е. такого роста и сложенія; можетъ быть человѣкъ *снопа високог, средьег и малога*. Въ прилагат. *снопат* значитъ тоже что *трснат, крупан*—плотный, здоровый. Также самое почти и *стас*; но *стасит*—хорошо, правильно сложенный. Цѣлое мертвое тѣло человѣка (а также и всякаго животнаго) называется *луб* или *лубина*; а отдѣльно грудной ящикъ — *кабао*. Между составляющими его ребрами отличаютъ *вита ребра* (два или три снизу), какъ бы выгнутыя.

Внутри грудной полости различаютъ, кромѣ сердца, *ирну* и *бълу джигерницу* или *утробицу* (печень и легкія), а весь дыхательный снарядъ съ двумя легкими называютъ — *пљућа*. Подъ печенью лежитъ *жуч* (жолчный нузырь), которой приписываютъ много болѣзней, называя то *сафри* (тур.).

Большое значеніе также приписывается селезенкѣ (*слезина*). Такъ, когда чувствуется боль и дѣлаются схватки, во время усиленной ходьбы или верховой ѣзды, то говорятъ: *подкочила се* или *укочила се слезина*— т. е. что она сжалась или подвернулась. Понимаютъ значеніе спинного мозга въ позвоночномъ столбѣ (*мождина у ртенячи*) въ мѣстныхъ параличныхъ состояніяхъ и противъ того употребляютъ распариванія. Боль острую, но непродолжительную, скоро проходящую, въ хребтѣ, приписываютъ тому, что *заело се месо*, т. е. что при какомъ нибудь сильномъ и недовкомъ движеніи часть мышцы попала и ущемилось между двумя позвонками.

Между жилами различаютъ просто *жиле* или *жице* (вены и артеріи), проводящія кровь по всему тѣлу, а нервы — *дамари* (тур. сл.). Когда бьетъ живчикъ въ какой-бы то ни было части тѣла, это называется *браник живота*, и пораненіе въ тотъ моментъ въ это мѣсто, хотя бы въ палець, смертельно. Если тре-

пещеть вѣко глазное, это — *трепетник*. Крупную артерію называютъ *уштер*, и пораненіе ея можетъ окончиться смертью, хотя бы ранена была какая нибудь оконечность, вслѣдствіе большого изліянія крови, которую, слѣдовательно, необходимо остановить тотчасъ-же.

Выражаются иногда: «боле ми душници» съ добавленіемъ *срчани* т. е. сердечные, хорошо однако понимая, что дыхательные пути идутъ не отъ сердца, и потому даютъ имъ и такое объясненіе: «жиле око срца, на кое човѣкъ дыше».

Между грудною и брюшною полостями знаютъ грудобр. преграду — *тресла* или *под*. *Ожичица* то же что у насъ подложечка: «Заболѣло е ми на ожичицу». Слово *дроб* означаетъ желудокъ отдѣльно и съ кишками вмѣстѣ; а также употребляютъ въ смыслѣ вообще внутренности, какъ въ старо-слов. яз. *утроба*, и потому въ немъ помѣщаютъ охватившее челоуѣка сильное, доходящее до болѣзненности чувство всякой страсти, любви или гнѣва. Такъ въ одной пѣснѣ говорится:

А то виђе Пулевићу Миле,
У јунака на *дроб* заболело

что отвѣчаетъ нашему выраженію — «закипѣло ретивое (сердце)».

Мертвую челоуѣческую голову, лишленную всѣхъ покрововъ, называютъ *лубаня*, а чаще — *тиква* или тиквина (въ ругани говорятъ: «сломићу ти *насјачу!*»).

Височную кость называютъ *сиено око*, куда всего легче убить челоуѣка, все равно какъ «у *ковіе* међу ока двије» надъ переносьемъ.

Понимая тѣ болѣзненные припадки, которымъ челоуѣкъ подвергается отъ кровозмѣній въ черепной полости, черногорцы знаютъ, кажется, хотя неясно, и разжиженіе мозга. Такъ, о челоуѣкѣ, который, бывши умнымъ, вдругъ сталъ говорить или дѣйствовать глупо, говорятъ: «изводнио је му мозакъ», и въ видѣ ругани или проклятія говорятъ: «Да бог да озводнио ти мозак!»

Лучше всего черногорцы знаютъ челоуѣчскій скелетъ, до

самыхъ мелкихъ косточекъ. Поэтому, по признанію и ученыхъ врачей, ихъ врачи доморощенные превосходно умѣютъ исправлять всевозможныя смѣщенія костей въ суставахъ, даже въ мелкихъ сплетеніяхъ ладони и стопы (лѣсе и сплетови); а также составлять сломленныя кости или вынимать ихъ осколки.

Не хуже они знаютъ и устройство брюшной полости, какъ то увидимъ послѣ.

Много названій есть для зубовъ человѣка. Такъ первые, показавшіеся у ребенка зубы, называютъ *вучили* или *вучерићи* (въ Герцег. гуделићи), и иначе объ нихъ нельзя сказать; затѣмъ вообще, какъ у насъ, молочные зубы, которые мѣняются. У взрослого человѣка различаютъ въ одной челюсти: *предњи* (2), *средњи* (2), *пасји* (2), потомъ *кутњи* (коренные); иные различаютъ и *очни* (глазные); *камак* (во множественномъ числѣ *камци*) или *заставни зуб* — *dens variens*, иные называютъ *мисани зуб*.

Наблюдательность черногорца, объ которой мы уже говорили, обращена на все, что ближе находится къ нему и особенно на человѣка. Съ перваго взгляда онъ замѣчаетъ всѣ ваши физическіе недостатки. Если вы идете передъ нимъ и хоть чуть неправильно ступаете ногой, онъ съ точностью опредѣлитъ самымъ точнымъ образомъ, отъ чего это происходитъ. По слѣду на снѣгу опредѣляетъ не только хромоту прошедшаго человѣка, но и у совершенно здороваго, шель онъ скоро или медленно, бодро или устало. Въ 1879 г. послѣ боя въ Полимьѣ, при мнѣ хоронили 40 тѣлъ обезглавленныхъ черногорцевъ, погибшихъ въ томъ бою, и при этомъ привелось слышать замѣчанія относительно каждаго изъ труповъ: тотъ хватался руками за непріятельскій ножъ, и потому онѣ такъ изрѣзаны по внутренней сторонѣ; то заслонялъ голову рукой, и оттого она посѣчена снаружи отъ локтя до кисти и т. п. Между прочимъ отличали, кому отрублена голова при жизни еще, а кому уже мертвому: у первыхъ шея сокращенная, какъ бы втянувшаяся въ трупъ, у вторыхъ вытянутая.

Къ этому впрочемъ мы еще воротимся, когда будемъ гово-

рить о приемахъ и способахъ черногорскихъ домашнихъ лѣкарей, практикуемыхъ ими при лѣченіи ранъ и другихъ хирургическихкихъ болѣзней; а теперь перейдемъ къ представленіямъ черногорца о томъ, что составляетъ въ человѣкѣ хорошія или дурныя физическія качества и въ чемъ состоитъ его красота или противное.

Брюнеты предпочитаются; поэтому въ одной васоевицкой пѣснѣ вотъ какъ выражается дѣвушка:

Плаво момче плавовите људи;
 За два пара не бих пару дала:
 За једнога цркомањастога
 Ја бих дала пола бабова мала;
 И бих дала ђога пелифана
 И на ђога брата — капетана,
 И на брата двије пушке мале,
 И на пушке сахат од дуката.

Въ другой пѣснѣ сестра совѣтуетъ брату:

«Мањсе, брате, од плаве ђевојке».

Въ пѣсняхъ герцеговинскихъ магометанъ, поющихя одинаково и въ Черногоріи, это пристрастіе къ брюнетамъ и брюнеткамъ выражается особенно часто.

Хорошій ростъ, конечно, служитъ мужчинѣ украшеніемъ; но при хорошемъ ростѣ онъ долженъ быть стройный (стасит) и тонкаго гибкаго стана (витког стаса), и тогда говорится «лијеп је стасом и образомъ»; но если онъ держится прямо, неподвижно, то ему даютъ эпитетъ *дегенек* (палка, дубина), и оттуда глаголъ — *удегенечити се*: «што си се удегенечно?» (собств. тур. слово).

Малый ростъ всегда вызываетъ насмѣшку, и есть цѣлая

пѣсня по поводу мужа, настолько маленькаго, что жена носила его на рукахъ:

«Стекох мужа, као спужа;
 Кад јунаци воду газе,
 Сваком вода до кољена,
 Мом малиши до рамена» и т. д.

Изъ малорослыхъ однако были у черногорцевъ и славные люди. Таковъ былъ Никацъ изъ Ровинъ, про котораго противникъ его турокъ изъ Никшича Яшаръ выразился: «онъ такой маленькій, что «мачка би га до ручка изјела». Такой-же былъ Кенѣ Станковъ, который вошелъ первый въ крѣпость Жаблякъ (1835 г.). Небольшого же роста были кн. Даниилъ и воевода Мпрко, отецъ нынѣшняго кн. Николая, оба оставившіе по себѣ славную память.

Въ женщинѣ малый ростъ составляетъ недостатокъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что тогда будутъ и дѣти малорослые; поэтому при выборѣ жены также смотрятъ, чтобъ она была *стасита*, т. е. сложена пропорціонально. А то одна невѣста была «лакат дуга, два лакта широка» (тоже насмѣшливая пѣсня). Въ женщинѣ малый ростъ можетъ выкупаться другими качествами. Такъ на слова парня дѣвушкѣ: «Буб' о бих те, ама си ти малена», она отвѣчаетъ:

«Љуби, драги, бићу и голема:
 Препелица малена је раста,
 Па умори коња и јунака
 И сокола, на десници руци,
 Камо л' пеће једнога јунака?»

Малорослаго человекѣ называютъ *чачур*, *келек*, *жужица*, послѣднее особенно, если при этомъ онъ тихій, мирный.

Если же съ малымъ ростомъ соединяется большая живость, а также умъ и даже плутовство, то называютъ *алчак* (турецкое

слово). *Крутан* — широкій, плотнаго тѣлосложенія; почти то-же самое при маломъ ростѣ — *шишкав* и *дежмекаст*; *јаторан* — (сравнительная степень *јаторниј*) высокій, стройный; напротивъ — неуклюжій — *несмајан*, и оттуда *несмајитина*. *Цото* — хромой; иначе говорятъ *цотав* и *кривореп*, безпальй — *чонав*, безъ передняго зуба — *крезав*. Человѣка съ малыми ушами называютъ *чубро* (Чубрановичи), а съ большими оттопыривающимися ушами — *клопан* (Клопановичи); *чило*, у кого съ молодыхъ лѣтъ появляются сѣдые волосы.

Вообще при сильно развитой наблюдательности черногорець отмѣчаетъ различными кличками всевозможныя физическія особенности человѣка, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ свое одобреніе или неодобреніе этимъ особенностямъ, по чему можно заключать, составляютъ онѣ общую черту въ народномъ типѣ, или только исключенія *).

Въ женской красотѣ послѣ стройности стана особенное вниманіе обращается на волосы. Въ одной пѣснѣ молодець, носясь по полю передъ красавицей, стоящей на высокомъ крыльцѣ, говоритъ ей: «Твоје ме косе проз поље носе».

Вукъ Мандушичъ въ «Горскомъ Вѣнцѣ» влюбляется въ одну молодлицу, увидѣвши однажды, какъ она

«У крај ватре сједе, да се грије,
 Чује, да свак спава у колибе,
 Тада она вијенац расплете,
 Паде коса до ниже појаса,
 Поче косу низ прса чешљати» и т. д.

*) Интересно, что въ Герцеговинѣ близъ Вышеграда и Преполья, гдѣ сильно распространена зобатость, этотъ недостатокъ считается достоинствомъ, и на человѣка безъ зоба (*тума* или *солмица*) смотрять даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Поэтому, когда одинъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ красивой и изъ хорошаго дома, но безъ зоба, отецъ на это замѣтилъ: «Нема она *солмица*, није од соја», т. е. если не имѣетъ зоба, то, значитъ, не породиста.

Когда она хотѣла и должна была по обычаю обрѣзать косы, оплакивая своего погибшаго въ бою деверя, свекоръ не далъ ей этого сдѣлать:

Жалије му снахин вјенац било,
Него главу свог' сина Андрије!

Многія женщины по волосамъ носятъ имена, данныя имъ въ дѣтствѣ и остающіяся за ними на всю жизнь: *Чуне*, у которой волосы очень густые и потому плохо поддающіеся гребню, топырящіеся (оттуда и фамилія Чуничи); *Руда* съ кудрявыми или волнистыми волосами; *Косана* съ густыми, длинными волосами (Косановичи).

Но нехорошій знакъ, если у женщины растутъ хотя немного волосы по лицу, напримѣръ на верхней губѣ въ родѣ усовъ; поэтому говорится: «Сачувај, боже, од гологњата човјека и руњате жене». Нехорошо также, если острый, загнутый книзу носъ и острый подбородокъ; это — *вјештица* (родъ колдуньи или вѣдьмы).

Описаніе женской красоты нужно искать въ такъ называемыхъ севдалійскихъ (любовныхъ) пѣсняхъ магометанъ Босніи и Герцеговины, которыя одинаково поются и въ Черногоріи. Онѣ полны пластичности и дышатъ страстью, а иногда и нѣжностью; черногорская же пѣсня, когда и воспѣваетъ красоту женщины, останавливается прежде всего на ея мужскихъ добродѣтеляхъ. Такъ бегъ Любовичъ изъ Невесинья, приглашая требиньскаго пашу ударить на Черногорію, старается прельстить его слѣдующимъ описаніемъ одной красавицы въ Цуцахъ:

«Јест у кнеза у Рогановића,
У њега је љуба вјереница,
Јест кнегиња, како горска вила,
По два коња упоред прескаче;
За тебе би пашу требовала». (С. Огл. XI, 30—34).

Въ мужской красотѣ, послѣ главныхъ достоинствъ роста, силы, ловкости и т. п., описываютъ усы (мрки брци), которые у одного смотрятъ, какъ будто онъ держитъ въ зубахъ два черныхъ ягненка; у другого падаютъ на токи (родъ латъ), которыя черезъ нихъ блестятъ словно мѣсяцъ сквозь еловыя вѣтви. Это два типа усовъ, которые съ малыми вариациями описываются во множествѣ пѣсенъ.

А вотъ какъ описывается знаменитый цуцкій герой Никацъ изъ Ровинъ, бывший, какъ мы уже говорили, очень малаго роста:

Свако гледа Никца од Ровинах,
 Међу собом турци говораху:
 «Ала, море, негледна јунака!
 Ама страшна у јунака брка,
 Страшнијех му токах на прсима!»

Усы составляютъ принадлежность мужчины, чѣмъ онъ наружно отличается отъ женщины, поэтому имъ и придается особенное значеніе, и потому съ презрѣніемъ называютъ человѣка *лосо*, у котораго не растутъ ни усы, ни борода. Все равно, какъ человѣка лысаго или плѣшиваго, также съ презрѣніемъ называютъ *шою*, и съ этимъ соединяютъ понятіе объ особенной хитрости человѣка.

Относясь однако вообще небрежно къ волосамъ на головѣ, черногорецъ особенно хоятъ усы и красуется ими, и держитъ ихъ, какъ нѣчто священное, и потому клянется: «Тако ми овога», взявшись одною рукою за усы. Великое оскорбленіе черногорцу — взять его за усы, и еще больше обрѣзать. Тогда слѣдуетъ бой на смерть.

Въ пѣснѣ о взятіи Жабляка въ 1835 г. (Огл. LVI) по отдѣльности описывается наружность черногорскихъ юнаковъ: одинъ «црних брка, ка гаврану крила»; другой «широкијех прсих и раменах»; а одинъ совсѣмъ молодой:

Гарила га мрка наусница (темные усики, пушокъ),

А љепши је од сваке ђевојке.

Красота собственно принадлежность женщины, поэтому и красиваго мужчину, если молодой, сравнивають съ дѣвушкой, а вообще — съ *смилой*.

Закончимъ описаніемъ красоты Батрича, котораго убили турки и за которымъ потомъ сама себя убила его сестра (Гор. Вѣн.).

Невоља је, браћо, да с' убије!
 Кам би црка од ове жалости,
 А не сестра за онаквим братом;
 Је предиван бјеше, јад га наша!
 Кад се шћаше ођест', куд' да иде,
 Па обуци оне пуге токе,
 Шал црвени свеже око главе,
 А пани му перчин низ рамена,
 Двије пушке метни за појасом,
 А припаше мача о појасу,
 А у руке узми джефердара;
 Красна лица, висок као копље —
 Кад помислим и ја, какав бјеше,
 Распале се у мене пламови.

3. Физическое воспитаніе и холя тѣла.

Начнемъ съ ребенка, какъ только онъ появится на свѣтъ.

Мы уже говорили о суровыхъ отношеніяхъ къ роженцу, которая нерѣдко разрѣшается отъ своего тяжкаго бремени безъ всякой посторонней помощи, а иногда внѣ своего дома. Перевазавши пупокъ и кое-какъ обмывши, ребенка скорѣе заматываютъ въ пеленки, въ которыхъ потомъ и проходитъ вся его жизнь, пока онъ не начнетъ ползати. Спеленавши, укладываютъ ребенка въ колыбельку въ родѣ лодочки, стоящую на землѣ и качающуюся на поставленныхъ подъ нею полукругомъ обрѣзанныхъ

брускахъ; иногда колыбельку замѣняетъ корытце. Тамъ покрываютъ его кусками шерстяной матеріи и сверху затягиваютъ веревками; такъ что ребенокъ въ такомъ положеніи представляетъ изъ себя живую мумію, у которой только лицо открыто. Въ головахъ надъ колыбелькой сдѣлана дуга, черезъ которую еще наброшено покрывало, скрывающее отъ ребенка свѣтъ. Вообще стараются, чтобы онъ, сколько можно, долѣе не видѣлъ свѣта, такъ какъ тогда онъ лучше спитъ и бываетъ смирнѣе. Колыбелька для ребенка здѣсь то-же, что раковина для моллюска: очень рѣдко вынимаютъ его, чтобы обтереть, и также рѣдко перемѣняютъ пеленки; не всегда вынимаютъ его и для кормленія; а чаще всего сама мать наклоняется къ нему, чтобы дать грудь, или возьметъ его къ себѣ на колѣни вмѣстѣ съ колыбелькой. Когда мать отправляется куда нибудь подале, то несетъ съ собою ребенка опять въ колыбели, держа её на головѣ или помѣстивши за спиной, какъ и всякую другую ношу, накрывши сверху струкой.

Для кормленія новорожденнаго, по крайней мѣрѣ, на первые три дня, отыскиваютъ другую женщину, такъ какъ первое молоко матери считается негоднымъ. Иные даютъ ему отвара ромашки, чтобы очистить желудочекъ; а прежде всего помажутъ ему губы землею. Правильности въ кормленія нѣтъ, и особенно въ этомъ отношеніи страдаетъ ребенокъ ночью: онъ плачетъ отъ голода, а мать его укачиваетъ и жалуется при этомъ, что безпокойный ребенокъ. Мнѣ самому случалось, ночуя гдѣ нибудь на дорогѣ въ домѣ, будить мать, чтобы покормила ребенка, послѣ чего онъ затихалъ. Къ нечистотѣ его приучаютъ, и онъ современемъ дѣлается къ тому совершенно нечувствительнымъ. За то дѣти въ этомъ первоначальномъ возрастѣ и страдаютъ часто кожными болѣзнями, отъ которыхъ впослѣдствіи выльчиваетъ ихъ только постоянная жизнь на воздухѣ, при ходьбѣ по горамъ и среди различныхъ физическихъ упражненій.

Грудью кормитъ мать ребенка обычно до году; а если забеременѣетъ раньше, то его тотчасъ отнимаютъ отъ груди, по-

тому что молоко беременной женщины вредно. Иныя же кормят ребенка грудью до 2-хъ, даже 4-хъ лѣтъ, особенно, если то мальчикъ и первенецъ. Въ дальнѣйшей жизни дѣтей воспитательницею является мать-природа.

Выкупанный однажды при крещеніи, черногорецъ часто до смерти своей не знаетъ, что такое выкупаться или обмыть все тѣло водою. Иные чувствуютъ какой-то страхъ отъ того. Все умываніе черногорца состоитъ въ томъ, что онъ, вымывши руки, горстью плещетъ на лицо, шлепая при этомъ какъ то особенно по губамъ, которыми при этомъ отфыркиваетъ воду. Иные всю свою жизнь не смачивали голову водою и потому, когда была въ томъ необходимость, не рѣшались, чтобы не пострадать отъ того. Во многихъ мѣстахъ отсутствіе общаго обмыванія можно объяснить недостаткомъ воды, едва хватающей для питья и приготовления пищи; но это вы встрѣтите и въ мѣстахъ, гдѣ воды въ изобиліи, напримѣръ въ Подгорицѣ, на Рѣкѣ и т. д. При томъ черногорецъ умывается, совсѣмъ одѣвшись, застегнувши джемаданъ, надѣвши гунь и опоясавшись; слѣдовательно онъ не можетъ даже рукава засучить, какъ то дѣлаетъ обычно нашъ простолюдинъ при умываніи. Единственно, что онъ обмываетъ и часто, — это ноги до колѣнъ, иногда горячею водою. Понятно послѣ этого, что въ той-же мѣрѣ наблюдается и чистота въ одеждѣ. Рубашекъ, надобно замѣтить, черногорцы въ старое время почти не носили, а нѣкоторые не носятъ и теперь, хотя и рѣдко; и есть мѣста, гдѣ встрѣтите людей, работающихъ въ полѣ въ однихъ нижнихъ панталонахъ. Въ Ровцахъ я встрѣтилъ въ одномъ домѣ въ такомъ видѣ человекъ 30, собравшихся, чтобы выслушать пришедшій имъ приказъ ихъ бригадира.

У черногорцевъ нѣтъ обычая перемѣнять бѣлье каждую субботу или передъ какимъ-либо великимъ праздникомъ, и потому одно и то же бѣлье носится недѣли, а иногда и мѣсяцы, при чемъ оно, конечно, закоптится и загрязнится до крайности, или его сбрасываютъ, когда начинается разваливаться. Въ то же

время верхняя одежда можетъ отличаться блескомъ золотого шитья и вообще роскошью.

Забота о чистотѣ одежды и вообще холя тѣла въ старое время считалась даже неприличною для мужчины, и потому человекъ съ причесанными волосами подвергался насмѣшкамъ. Съ нѣкоторымъ укоромъ относились къ цеклинянамъ за ихъ заботливость о своей внѣшности и щегольство. Цеклиняне и цермничане и теперь передъ всѣми другими отличаются чистотою, какъ въ одеждѣ, такъ и во всей обстановкѣ; но уже не подвергаютъ ихъ за то укорамъ, а скорѣе берутъ съ нихъ примѣръ. Женщины ихъ вносятъ эту чистоту и въ другія племена, выходя замужъ. При всемъ однако недостаткѣ заботливости о чистотѣ, въ черногорскомъ домѣ вы не встрѣтите той грязи, которая часто встрѣчается въ нашихъ великорусскихъ избахъ. Особенно обоняніе не поражается здѣсь воздухомъ, наполненнымъ различными зловоніями. Причина этого заключается, конечно, въ томъ, что дома черногорскіе стоятъ большею частью на камнѣ и окружены камнями; при томъ никогда не бываютъ такъ закупорены, какъ наши, и всегда имѣютъ отворенными внѣшнія двери, а посерединѣ избы постоянно горитъ костеръ, усиливающий обмѣнъ воздуха. При входѣ въ простой черногорскій домъ вы чувствуете только запахъ дыма и всюду видите копоть отъ него, отчасти, можетъ быть, уничтожающую миазмы. Большею замкнутостію отличаются дома Васоевичей, которые имѣютъ особія помѣщенія, плотно закупоренныя, при томъ съ глиняными печами и напоминають тѣмъ русскія избы. Въ нихъ всегда чувствуется затхлый, спертый воздухъ, что называютъ тамъ *xana* и чего не выносятъ черногорцы изъ другихъ мѣстъ.

Нѣсколько больше заботливости о чистотѣ у женщины. Старательно украшая рубашку свою различными вышивками, она, конечно, не допускаетъ еѣ слишкомъ много загрязниться; отъ времени до времени она моетъ и голову для волосъ. И это однако бываетъ далеко не часто. Дѣтямъ иногда моютъ голову

спеціально настоємъ растенія *качун* (*scorus vegnis*) для уничтоженія насѣкомыхъ.

При описаніи жилища черногорца, мы увидимъ еще яснѣе, какъ оно можетъ дѣйствовать на здоровье; а покуда считаемъ достаточнымъ сказаннаго выше. Одежда его также не соответствуетъ климатическимъ условіямъ, суровости зимы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необыкновенно сильнымъ сѣвернымъ вѣтрамъ. Струка (родъ плада), назначеніе которой защищать отъ непогоды, не помогаетъ ни противъ дождя, ни противъ холода; обувь *опанки* изъ сырой кожи также хороши только въ сухую погоду, а на дождѣ они совсѣмъ раскисаютъ. И такимъ образомъ продрогшій отъ холода и промокшій насквозь съ головы до ногъ, черногорецъ, придя домой, не перемѣняетъ одежду, а весь мокрый садится у огня и грѣетъ и сушитъ попеременно то ту, то другую сторону; только ноги разуты. А въ это время со всѣхъ сторонъ прохватываетъ его токъ воздуха, такъ какъ домъ весь въ скважинахъ отъ стѣнъ и до крыши безъ потолка. Всю одежду онъ высушиваетъ на себѣ, кромѣ опанокъ, которыя сушатся отдѣльно.

Такъ легко при этомъ получить ревматизмъ или воспаленіе дыхательныхъ органовъ; а между тѣмъ обычно это бываетъ рѣдко. Последняя болѣзнь бываетъ иногда въ видѣ эпидеміи, вслѣдствіе особеннаго состоянія погоды. Правда, мало кто въ Черногоріи не жалуется на мѣстныя ревматическія ощущенія въ плечѣ, рукѣ и т. д.; но сильныя ревматизмы (костоболя, улози или улоге) рѣдки, и тѣ чаще бываютъ въ культурномъ классѣ. Одинъ врачъ замѣтилъ по этому поводу, что простой черногорецъ, грѣющийся у огня въ мокрой одеждѣ, безсознательно дѣлаетъ себѣ согрѣвающие компрессы, которые и спасаютъ его отъ губельныхъ послѣдствій. Есть особенная болѣзнь *буганцы* (по франц. *engelures*), отъ которой также страдаютъ больше жители городовъ, чѣмъ поселяне.

4. Болѣзни, ихъ народное лѣченіе и домашніе лѣнаря.

Вообще долговѣчіе черногорца служитъ указаніемъ на его хорошее здоровье. Это заключеніе усиливается еще тѣмъ, что гигиеническія условія, въ которыхъ живетъ черногорець, далеко не благопріятны для здоровья.

О неспорченности крови свидѣтельствуется скорое заживаніе ранъ, если только есть хорошій уходъ. Изъ 200 слишкомъ раненыхъ, которыхъ мы имѣли въ 1879 г. послѣ гусинской экспедиціи, въ началѣ умерло двое такихъ, на выздоровленіе которыхъ не могло быть никакой надежды, и только одинъ въ продолженіи лѣченія, оттого что произошло слишкомъ большое изліаніе крови. Ухаживали 11 чел. домашнихъ лѣкарей, а помѣщались скученно въ только что отстроенныхъ послѣ турецкаго погрома домишкахъ. Изъ того числа 13 человекъ были въ тифѣ и помѣщались отдѣльно, въ другомъ селѣ, и тѣ всѣ выздоровѣли; а были очень тяжелые, одинъ напримѣръ 21 день былъ въ безсознательномъ состояніи, и только, когда онъ очнулся, оказалось, что у него сверхъ того были поморожены ноги. Въ какомъ положеніи находилось все то войско, до 6000 чел., трудно себѣ представить: ночлеги въ колибахъ (каменные пастушьи сарайчики) или и совсѣмъ подъ открытымъ небомъ, во время самой суровой въ тѣхъ мѣстахъ зимы, когда морозы держались около—20° R. Одно только мы замѣтили въ Черногоріи: это множество накожныхъ болѣзней и разнаго рода прыщей и опухолей, что однако можно приписать условіямъ южнаго климата, располагающаго къ тому, и изобилію кишацихъ въ воздухѣ и почвѣ микробовъ.

Есть въ Черногоріи настоящія гнѣзда маляріи, какъ Баръ, окрестности Ульцина около р. Бояны, Рѣка-Черноевича, Впрбаръ, Жаблякъ, Нижняя Зета и Служъ. Это все мѣстности или на краю моря, или, если и удалены, то очень мало подняты надъ его уровнемъ, слѣдовательно очень жаркія, подвергающіяся

при томъ большимъ наводненіямъ, послѣ которыхъ и образуются стоячія лужи и гніющія болота. Эти лихорадки, особенно барская (въ г. Барѣ), не оставляютъ человѣка годы, не поддаваясь никакимъ средствамъ медицинской науки, и сопровождаются иногда смертнымъ исходомъ. Заразившись въ одной изъ упомянутыхъ мѣстностей, человѣкъ иногда получаетъ лихорадку потомъ, когда воротится домой, гдѣ обычно не бываетъ лихорадки. Поэтому черногорцы изъ высокихъ мѣстностей очень боятся селиться въ этихъ равнинахъ, единственно свободныхъ для новыхъ поселеній земляхъ, отличающихся при томъ необыкновеннымъ плодородіемъ.

Надобно замѣтить, что лихорадка все больше появляется и въ мѣстностяхъ высокихъ, какъ Васоевчи, вслѣдствіе распространяющагося орошенія полей и луговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ширится въ тѣхъ мѣстахъ и особенная болѣзнь у овецъ, называемая *метиль*, о чемъ будемъ говорить послѣ.

При неблагопріятныхъ условіяхъ, напр. въ годы голодовокъ отъ неурожая и большого скопленія нуждающагося народа на общественныхъ работахъ, лихорадка переходитъ въ горячку и тифъ съ эпидемическимъ характеромъ.

Впрочемъ, и тутъ нужно замѣтить, сравнительно смертность не бывастъ очень велика. Такъ, въ 1890 г. въ Бѣлопавлицкой долині собралось до 6.000 населенія, находившагося въ крайней нуждѣ: вслѣдствіе неурожая и неудавшейся попытки къ переселенію въ Сербію, помѣщавшагося, какъ понало, большею частію внѣ домовъ, и кормившагося заработкомъ на строившейся тамъ дорогѣ. Тогда появился тифъ и съ нимъ инфлуэнца: больныхъ была масса. при томъ былъ устроенъ госпиталь и амбулаторное отдѣленіе; захворали тифомъ даже врачъ и его помощникъ; но умерло не больше сотни, считая въ томъ числѣ слабыхъ дѣтей и старцевъ, хворавшихъ еще прежде. Въ госпиталяхъ на Цетльнѣ, въ Подгорницѣ и Никшичѣ смертность вообще весьма малая. Тифъ извѣстенъ былъ черногорцамъ и прежде, и называютъ его *болыштина*. Въ прежнее время они страшились его

также, какъ чумы, и пораженнаго имъ отдѣляли, потому что не знали противъ него никакихъ средствъ; теперь же этого нѣтъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ есть постоянные ученые врачи, которые въ то же время командируются въ мѣстности, гдѣ появляется какая-либо эпидемія.

Двѣ болѣзни очень распространены въ Черногоріи, изъ которыхъ одна зависитъ отъ природы, а другая отъ образа жизни: это — каменная болѣзнь и ленточный глисть (*taenia*). Каждый годъ въ цетинскомъ госпиталѣ совершаются операціи литотоміи субъектамъ, начиная отъ дѣтскаго возраста и до старости. Эта болѣзнь обусловливается, безъ сомнѣнія, почвенными условіями и главнымъ образомъ водою, которая, проходя черезъ известковые слои, содержитъ въ себѣ много извести. Тоже явленіе въ Россіи мы знаемъ только въ Казанской губерніи, гдѣ воды также избыточно извѣстны, а р. Казанка пересыщена ею такъ, что и не употребляется ни для питья, ни для варки кушанья. И потому Казанская клиника въ свое время имѣла богатѣйшую коллекцію камней, вынутыхъ путемъ операціи; врядъ-ли уступить ей и Цетинская, дѣйствующая всего какихъ-нибудь 15 лѣтъ.

О большой распространенности второй болѣзни въ Черногоріи свидѣтельствуетъ существованіе нѣсколькихъ названій для нея: *ојаѣлица*, *тракосица*, *крива*, *пантлика* и, кажется, есть еще и другія. А относительно происхожденія ея по народному понятію существуетъ загадка: «*Ја ћу из траве у воду, из воде у рибу, рибу ће појести човјек, и ја ћу опет оживити*». Поэтому предполагается, что ленточный глисть получается изъ рыбы, слѣдовательно долженъ бы быть у цеклинянъ, больше, чѣмъ у какого другого племени, такъ какъ они преимущественно питаются рыбою уклевой (*scoganza*), только осушенной и продымленной надъ огнемъ. На дѣлѣ, однако, этого нѣтъ: больше всего она оказывается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыба употребляется весьма мало, напр. въ Пивѣ, Дробнякахъ и другихъ краяхъ герцеговинскихъ, гдѣ больше всего употребляется сухое баранье мясо (кастрадина). И еще больше страдали этою болѣзнію герцего-

винцы, бѣжавшіе въ Черногорію послѣ возстанія противъ Австріи въ 1881—2 гг.: они страдали этимъ почти поголовно, и въ иномъ сидѣло 2 и 3 этихъ животныхъ. Это объясняется тѣмъ, что они часто ѣли мясо совершенно сырымъ, не имѣя времени его испечь или сварить, а иногда не смѣя развести огонь, чтобы ихъ не открыли австрійскіе солдаты.

Чаще, чѣмъ гдѣ-либо, случается здѣсь болѣзнь рожа (*risipulus*), имѣющая также нѣсколько названій: *црвени оттар*, *црвени*, *црвеник*, *бјелоба*, *путник* (собств. *risip. migans*). Вслѣдствіе слишкомъ частаго появленія этой болѣзни, особенно рожистыхъ воспаленій на ранахъ, домашніе лѣкаря научились справляться съ нею, прикладывая различныя травы или намазывая какими-нибудь мазями. Они останавливаютъ эту болѣзнь даже тогда, когда она охватила всю голову, и потому является возможность воспаленія мозга. Употребляютъ еще какія-то вещества *лимъ* и *лиммен*, изъ которыхъ также составляютъ мази.

О болѣзни ракъ на лицѣ или на другихъ мягкихъ частяхъ тѣла имѣютъ понятіе, какъ о какомъ-то животномъ, и потому называютъ его — *живина*, и лѣчатъ сильнымъ жаромъ, держа пораженную часть надъ огнемъ или прикладывая горячую золу съ какою-то травой, а послѣ вытаскиваютъ или вырѣзываютъ корни или, какъ они называютъ, сѣмя животного. Послѣ этого рана закрывается, а потомъ кожа треснетъ и откроется рана опять, и тогда прибѣгаютъ къ тому же лѣченію, и такъ повторяютъ нѣсколько разъ. Можетъ быть, такимъ образомъ и излѣчивается какая-либо рана, но не настоящій ракъ, а чаще конечно и не излѣчивается. На одной записи о границахъ Цетинскаго монастыря сбоку сдѣлана отмѣтка по поводу одного хумца Ника Милошева, «сломившаго» монастырскую границу: «я удри га искра (осколокъ) камена под око, и *ту му се окоти живина*, и изѣде му око и главу до мозга, и умре». Есть у черногорскаго народа вѣрованіе, что у всякаго человѣка есть червь въ глазу, въ зубахъ и въ другихъ частяхъ тѣла, и отъ того появляется болѣзнь, противъ которой, однако, есть средства, напр. травы, кото-

рыми подкуриваютъ или припариваютъ больное мѣсто, и тогда этотъ червь выпадаетъ. Сюда же причисляютъ и болѣзнь *бу-ианцы*, которую иначе называютъ *оашце* или *ушице* и *укса*. И о влюбленномъ также говорятъ: «заѣла га укса у срце». Лѣчение этой болѣзни производится тоже сильнымъ пригрѣваніемъ на огнѣ или тѣмъ, что держать пораженные части надъ свѣжимъ человѣческимъ испражненіемъ, что совершенно отвѣчаетъ принятому и въ научной медицинѣ лѣченію посредствомъ амміака.

Когда сухое дерево все въ червоточинахъ и изъ него сыплется порошокъ, то говорятъ *биша дроо*; то же самое понятие переносятъ и на кости въ человѣческомъ тѣлѣ, когда онѣ также дробятся и разрушаются, какъ бы разѣдаемыя какимъ-то животнымъ.

Безъ ученыхъ лѣкарей черногорцы производили прививаніе оспы прямо съ коровы, впуская эту жидкость въ легкіе разрѣзы или наколы, производимые крестообразно на лбу, щекахъ и бородѣ, и это называлось *писати* или *навртыати и колемити*; послѣднія два выраженія относятся собственно къ прививкѣ деревьевъ.

Самую обыкновенную болѣзнь *чир* (чирей) лѣчатъ тѣмъ, что дадутъ ему назрѣть самому или помогаютъ тому припарками, а потомъ прокалываютъ и выдавливаютъ; но есть болѣе опасныя его виды: *залаи*, *чржавица* (*carbunculus*), то же самое, кажется, и *пришт* или *чрни пришт* (бываетъ и на скотинѣ; чума?): отъ него существуетъ особенная мазь, а также прижигаютъ и прикладываютъ нашатырь; безъ лѣченія же человѣкъ можетъ умереть. Менѣе опасны *злич* и *бедреница*; послѣдняя—опухоль на бедрѣ; лѣчатъ ихъ припарками. *Травник*—тоже чирей, происходящій по народному понятію отъ порчи крови: онъ можетъ быть на лицѣ, плечѣ, рукѣ, на животѣ и вообще выше пояса. Вскользши, онъ вваливается внутрь и почернѣетъ. Отъ него кости распадаются и выпадаютъ, а можетъ и умереть человѣкъ, когда заражается кровь; особенно онъ опасенъ на животѣ и груди. Противъ него есть трава; но, пока найдется человѣкъ, знающій

её, и найдется самая трава, нужно привязать на него *дукат млетачки* (венецианский червонец). *Ницима* — большой нарывъ, желтый, полный гноя; больше всего онъ бываетъ на ногахъ и вообще ниже пояса. Стараются помочь его созрѣванію печенымъ лукомъ и др., чтобы скорѣе вскрылся. Какъ припарка, служащая вообще для ускорѣнія созрѣванія большого нарыва, а также для смягченія опухоли отъ ушиба или въ ревматизмѣ, употребляется *супрашница*. Она представляетъ собою слѣдующее: сгребаютъ съ огнища жаръ, оставивъ только золу, которая конечно сильно разогрѣта; ее поливаютъ водою, потомъ собираютъ въ тряпку и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Свиларница — бываетъ на рукѣ, а чаще на ногѣ, и состоитъ въ томъ, что появляется красное пятно, которое горитъ, пухнетъ, а послѣ показывается бѣлый прыщикъ. Противъ нея берутъ нитку изъ краснаго шелковаго шнурка и иглой продѣваютъ её въ прыщъ, а концами обматываютъ пораженную часть, руку или ногу, и такимъ образомъ болѣзнь проходитъ.

Распрсница — представляетъ опухоль на пальцѣ вокругъ ногтя, и отъ нея непременно отпадаетъ ноготь; или же бываетъ посредниѣ ладони; образуется опухоль безъ всякаго остраго прыща; потомъ лопается, страшно гноится и опасна, если её не лѣчить. Она лѣчится такъ: хорошо развариваютъ рисъ или про-свириякъ (шлез), льняное сѣмя, кукурузную муку и т. п. и при-кладываютъ на опухоль, чтобы созрѣла, а послѣ разрѣзываютъ. Можетъ она быть и на ногѣ и вообще на толстыхъ мышцахъ (дебело месо). Есть и трава мелкая, съ 5-ю листьями, расположенными въ родѣ пяти пальцевъ; её берутъ свѣжую, растираютъ между двумя камнями и потомъ, смѣшавши съ порошкомъ, куринымъ пометомъ или нѣкоторыми другими веществами, и поливши крѣпкою ракіей, прикладываютъ на больное мѣсто.

Нокиа въ родѣ предыдущей болѣзни, только всегда на пальцѣ вокругъ ногтя, который отъ нея опадаетъ; а притомъ во время нарыванія она производитъ страшныя страданія. Противъ нея берутъ кофейную гущу (фундаты), согрѣваютъ её и опу-

скаютъ въ неё палець, и повторяютъ это разъ 10 въ день; и болѣзнь проходитъ безъ вскрытія и опухоли.

Удараи — болѣзнь въ костяхъ пальцевъ, челюстей или колѣна. Отъ нея кости распадаются и вываливаются (не костоеда-ли, *caries*?). Лѣкарствомъ служитъ *ирна маст*, въ которой главную роль играетъ смола (катрам). Причину ея объясняютъ такъ: человекъ видѣлъ во снѣ, будто ударилъ себя по пальцу или по другой части тѣла, отъ того проснулся, и болѣзнь готова.

Мрча кост — пологая, холодная опухоль подъ кожей, на мясистыхъ частяхъ, а также на темени или на лбу. Её домашніе операторы вырѣзываютъ или уничтожаютъ такимъ способомъ: втыкаютъ въ неё иглу отъ терна и оставляютъ часовъ на 10 или болѣе, а послѣ прикладываютъ какую-нибудь выглажную массу; иногда эту операцію повторяютъ нѣсколько разъ.

Бородавки, особенно у дѣтей, бываютъ отъ того, что они считаютъ съ вечера звѣзды на небѣ. Противъ этого существуютъ три средства: 1) когда увидишь, что трое ѣдутъ на лошадахъ, закричи имъ вслѣдъ: «Ви, коп сте троица на конима! предаем вам брадавице» и повторить это три раза; 2) Пойти въ кусты драчи (*raliucus*), взять съ нея нѣсколько иголъ и заткнуть въ бородавки; затѣмъ попросить другого вынуть, сказавши: «молимъ, извади; нао сам п забодох»; тотъ повѣритъ, вынетъ, а бородавки перейдутъ на него; и 3) пойти на кладбище, найти ямку съ водою на могилѣ знакомаго человека, обмыть въ ней руки, и все пройдетъ. Это уже симпатическія средства, все равно, какъ лишай лѣчатъ лишаемъ же съ коры дерева: соскребуть его, смочать и прикладываютъ; при этомъ сообразуются при выборѣ этого средства съ цвѣтомъ болѣзни лишая. У кого вдругъ заболитъ глазъ, мажутъ кровью человека, который убивалъ турокъ, и чѣмъ онъ больше убилъ, тѣмъ его кровь дѣйствуетъ лучше.

Если болитъ горло съ опухолью желѣзъ, то запускаютъ въ него палець, чтобы вызвать рвоту или просто ногтемъ разрываютъ эту опухоль. Прибѣгаютъ еще и къ такому способу: боль-

ной говорить «боли ми грло»; а другой отвѣчаетъ «?... ти у грло» до трехъ разъ.

Подобнымъ же способомъ лѣчатъ и болѣзнь *яштерица*, которая состоитъ въ томъ, что сбоку языка образуются нарывчики, послѣ обращающіеся въ ранки: кто-нибудь мѣшаетъ на огнищѣ золу, будто печеть въ ней что-то (запрета); а больной спрашиваетъ: «Што претьеш?» — Яштерицу. — «Претья, претья, да е ние» — заключаетъ больной. И такъ повторяютъ три раза, послѣ чего, конечно, болѣзнь проходитъ.

Золотушныя опухоли на горлѣ извнѣ у дѣтей приписываютъ тому, что матери ихъ въ беременномъ состояніи когда-нибудь поѣли мяса стельной коровы или поросной свиньи; хотя вообще знаютъ болѣзнь *шкрофуле* и употребленіе противъ нихъ рыбьяго жира.— *Оспа* (у Вука К. оспа и аспа—*pusutula*)—сыпь въ видѣ мелкихъ съ острыми головками нарывчиковъ по всему тѣлу или на нѣкоторыхъ частяхъ приписываютъ тому, что человѣкъ прошелъ черезъ мѣсто, гдѣ собака покопала землю; въ Цермницѣ это называется *сугреб* (у В. *terra effassa a cane aut vulpe*).

Дѣти не держатъ мочу вслѣдствіе того, что берутъ съ огнища горящую головню и махаютъ ею въ воздухѣ.

Грыжу у дѣтей (клиичеве) вправляютъ механически.

Для анестезированія тѣла, когда нужно сдѣлать какую-либо операцию, употребляютъ тугую перевязку члена или жгучую крапиву. Къ послѣдней прибѣгаютъ также, когда прокалываютъ дѣвочкѣ ухо для серегъ.

Разные виды чесотки (*шуга*, *свраб*; *scabies*, *psoriasis* и др.) лѣчатъ разными мазями изъ травъ съ примѣсями сѣры или пороха; а есть такія воды, которыми вылѣчиваются: таково Сврабье-езеро въ Дробнякахъ, въ которомъ отъ этой болѣзни кунаютъ козь, а также и людей. Есть врачъ Саво-Новичинъ (ему, теперь около 45 лѣтъ), вылѣчившій одного отъ *psoriasis*, которую не могли вылѣчить два ученые доктора въ продолженіе цѣлаго года. Онъ давалъ какую-то пилюлю внутрь, и въ то же время обкуривалъ больного. Для обкуриванія употреблялъ пирамидку въ

родѣ курительной свѣчки изъ какого-то минеральнаго вещества, конечно, измельченнаго и обращеннаго въ массу; при горѣніи выдѣляется сильный запахъ гвоздички, которымъ, можетъ быть, прикрывается другой, болѣе непріятный запахъ.

Сифилисъ (*френак*, *франза*, *дебела* или *женска болѣст*) заносится черногорцами, странствующими по цѣлому свѣту и потомъ скрывающими свою болѣзнь, пока она не проявится въ самой сильной степени. Отъ нихъ заражаются и другіе вслѣдствіе употребленія общихъ сосудовъ для питья и ѣды и обычая цѣловаться при встрѣчѣ. Когда эта болѣзнь проявится во всей своей силѣ, то пораженнаго ею отдѣляютъ (издвоеннк), и съ нимъ никто не общается. Когда же онъ умретъ, то обмываютъ его тѣло, не считая прикосновенія къ мертвому заразительнымъ; одежду же его и шалашъ, въ которомъ зараженный провелъ послѣдніе дни, сжигаютъ. При первыхъ проявленіяхъ этой болѣзни домашніе лѣкаря лѣчатъ съ помощію меркуріальныхъ средствъ; а въ дальнѣйшемъ развитіи считаютъ её неизлѣчимою.

Въ сознаніи своего недостаточно отчетливаго пониманія всего, что происходитъ во внутреннихъ органахъ человѣка, черногорецъ, во время болѣзни разсчитъ свой на тотъ или другой исходъ ея полагаетъ главнымъ образомъ въ крови, которая можетъ быть здоровая, сильная или слабая, попорченная. Многъ не разъ случалось видѣть, что обмороки, случающіеся съ нѣкоторыми, особенно съ женщинами, черногорецъ прямо объясняетъ малокровіемъ. На неправильное кровообращеніе указываютъ выраженія *«мучи или дави ме кров»* въ видѣ сильныхъ приливовъ къ головѣ и сердцу. Въ подобныхъ случаяхъ, а также въ припадкахъ падучей и при воспаленіяхъ прибѣгаютъ къ кровопусканіямъ или къ пиявкамъ; но вообще къ кровопусканію прибѣгаютъ очень рѣдко. Д-ръ Эбель рассказываетъ, какъ въ Цермницѣ одинъ просилъ пустить ему кровь изъ жилы въ ногѣ, надувшейся вслѣдствіе много лѣтъ назадъ полученнаго имъ сильного ушиба, отъ котораго и произошло ея расщиреніе. Это показываетъ, что мѣстные ихъ лѣкаря не хотѣли исполнить его желанія, считая

то опаснымъ, и потому онъ обратился къ иностранцу. Впрочемъ, и то нужно сказать, что въ прежнее время не было черногорца, который не подвергался бы кровопусканіямъ невольнымъ, на войнѣ и въ домашнихъ схваткахъ, что и научило его щадить кровь. Большое значеніе придаютъ также отправлениямъ желудка, который, какъ ни здоровъ вообще отъ природы, часто подвергается страданіямъ. Эбель, и за нимъ другіе путешественники, а и мнѣ лично приводилось часто слышать жалобы черногорцевъ на боль желудка, выражающуюся потерю аппетита, побужденіемъ ко рвотѣ, давленіемъ подъ ложечкой и другими признаками. Они объясняютъ это двумя причинами: неумѣренною ѣдой въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ вообще очень умѣреннаго и даже скуднаго питанія, и тѣмъ, что черногорецъ слишкомъ большую тяжесть носить за поясомъ. Вторую причину мы считаемъ совершенно основательною; но первая можетъ быть примѣнена въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и къ исключительнымъ экземплярамъ, и меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь; но къ этому можно присоединить еще и третью причину—ленточнаго глиста; тѣмъ болѣе, что такою же болѣзнію страдаютъ и женщины. Не останавливаясь на рѣшеніи этого чисто медицинскаго вопроса, замѣтимъ, что черногорцы въ подобныхъ случаяхъ и сами принимаютъ то же объясненіе, особенно у дѣтей, когда безъ всякой внѣшней причины начинаетъ мутить, открывается слюноточеніе и въ концѣ концовъ стошнить, говорятъ: «попшала е бубина» (мелкій глистъ). Въ мѣстностяхъ, гдѣ родятся гранаты (шипак, *granatus punica*), даютъ дѣтямъ много ѣсть этихъ плодовъ, при чемъ они съѣдаютъ и часть мезги или кожицы, заключающей въ себѣ зерна, изъ которыхъ и въ медицинѣ также готовится противоглистное средство; а въ послѣднее время очень часто стали прибѣгать къ аптекарскому средству, лепешечкамъ изъ сантонина.

Многія болѣзненные явленія приписываютъ вліянію жолчи; поэтому часто услышите выраженіе: «сафра ме мучи», и бываютъ очень доволны если послѣ этого наступитъ рвота; къ искусственному же возбужденію сами не прибѣгаютъ. Напротивъ, нерѣдко

употребляютъ противъ запора (капс, хапс) слабительныя средства: аптекарскія — англійскую соль, рициновое масло (дебело улье или улье од рицина) или домашнія — рассольгъ изъ-подъ кислой капусты, сыворотку; а есть и сильное средство, употребляемое домашними лѣкарями, сокъ мелколистнаго молочая (*мали млечер, euphorbia*) по 2 капли и никакъ не больше трехъ на кусочекъ хлѣба.

Подъ старость многіе страдаютъ отъ болѣзни, называемой *задуха* (одышка, астма), противъ которой прибѣгаютъ, кромѣ питья ракин съ медомъ, шалфея и другихъ травъ, къ слѣдующему специфическому средству: нужно поймать рыбу *лплена* (родъ мелкой форели), дунуть ей три раза въ ротъ и опять пустить въ воду; если рыба весело поплыветъ, значить, хорошо, и можно повторить.

Совершенно ясно понимаетъ черногорець увеличеніе селезенки, особенно послѣ продолжительной лихорадки, и есть особенная болѣзнь ея, называемая *мочница*, при которой больному даютъ натошакъ пить кислое молоко, растопленное баранье сало и масло.

Чахотку (ектика, сичія, сува болѣст) приписываютъ гніенію легкихъ; но о началѣ ея говорятъ: *боле срчани дуиничи*.

Чахотку въ полномъ развитіи считаютъ неизлѣчимою, хотя и совѣтуютъ пить настой нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ, какъ: шалфея, полыни, горечавки и т. п.; а больше всего, однако, даютъ значеніе береженью и хорошему, питанію, особенно жпзни въ здоровой мѣстности на катунахъ, при чемъ употребляется въ изобиліи молоко въ разныхъ видахъ. Слѣженіе сердца съ другими органами видно изъ названія деспнтеріи *срдоболя*, такъ какъ источникомъ выдѣляющейя при томъ крови, очевидно, считаютъ сердце.

Знаютъ также травы противъ геморроя (шулева), и мнѣ извѣстны случаи, что останавливалось кровотеченіе, открывшееся въ самой сильной степени; ихъ лѣченіе, впрочемъ, не радикальное, требующее постояннаго соблюденія извѣстнаго строгаго режима и употребленія лѣкарственной травы.

Болезнь *престж*, когда заболеть въ поясницѣ (заболит ртеньча), такъ что человекъ не можетъ разогнуться, лѣчится манипуляціями въ родѣ массажа, или пускаютъ кровь.

Тишня — боль въ груди, такъ что человекъ не можетъ вдохнуть (воспаленіе легкихъ); её лѣчатъ прикладываніемъ разгоряченной на огнѣ черепицы (тигла).

Водянку (водена болѣст) лѣчатъ выпусканіемъ жидкости посредствомъ проколовъ; а также мохомъ съ дерева дрена (*masculus ebulus*), который весьма трудно найти: имъ обкладываютъ все тѣло.

Есть болѣзнь *развіо се пунак или трбух*; тогда какъ-то мнутъ животь, и при этомъ приговариваютъ: напр. «Стеву Никову Крстиницу — развіо се трбух; скупил, прикупил; кумил те три пут, а преклинѣем триста пута».

Лихорадка (грозница) бываетъ двойкая: *дрхтавица*, которая трясеть (иначе называютъ *треска*), нападая на человекъ пароксизмами и давая ему отъ времени до времени отдыхъ, и *повукуша* или *потаина*, которая не выражается пароксизмами, а только томить человекъ, выражаясь постояннымъ жаромъ, а ночью сверхъ того сплнымъ потѣніемъ; человекъ ничего не ѣстъ и слабѣетъ со дня на день.

Противъ лихорадки вообще употребляютъ множество средствъ изъ горькихъ и острыхъ веществъ, какъ полынь, кора вербы, корень горечавки (*gentiana*, линцура), красный перецъ, крѣпкій черный кофе и т. п. смѣси въ самой крѣпкой водкѣ, и тѣмъ избавляются; а лучше всего перемѣнить мѣсто, и тогда она сама собою отстанетъ, хотя въ дѣйствительности не всегда бываетъ такъ. Второй видъ лихорадки считаютъ неизлѣчимымъ.

Есть разныя симпатическія средства: наговоры на различныя вещества, записи (отъ старыхъ священниковъ и муллъ) на бумагѣ или корочкѣ хлѣба и т. д. Стоптъ только, во время пароксизма, полежать на чужой постели, и лихорадка перейдетъ на того, чья постель; но это считается великимъ грѣхомъ.

Замѣчательно, что, когда — два года назадъ — появилась

инфлуэнца, у здѣшняго народа, кромѣ разныхъ переименованій (инфлоренца, сутуренца и т. п.), нашлось готовое названіе ей, при томъ въ различныхъ мѣстностяхъ различныя: *ерассія*—въ старой Черногоріи, *тутарія*—въ Дробнякахъ, *рорина* еще гдѣ-то.

Она приписывалась просто простудѣ (нахлада, назеба, назима), а признаки ея вездѣ одни и тѣ же: насморкъ съ головою болью, иногда съ кашлемъ; человекъ не имѣетъ ни вкуса, ни обонянія и болятъ всѣ кости, а особенно шейныя мѣшцы (вратне жиле).

Есть еще болѣзнь *матица*—въ родѣ горячки или жестокой лихорадки, которая держится періодами дней по 7, потомъ отпуститъ на нѣкоторое время и опять нападаетъ и доводитъ такимъ образомъ человекъ до совершеннаго упадка силъ и здоровья; а въ концѣ концовъ можетъ окончиться смертью при полномъ истощеніи силъ организма. Говорили мнѣ: «Не виѣдена је болест матица, ма је тешка, убио је бог!»

Знаютъ также заматываніе одной кишки другою, отъ чего дѣлать механическимъ способомъ, надавливая на животъ руками и перебирая кишки (особенное названіе мнѣ неизвѣстно). Болѣзнь *tetanus* называютъ *смиичице* (Подгорпца), потому, конечно, что она начинается окочепѣніемъ челюстей; дѣленіе его мнѣ неизвѣстно.

Болѣзнь дыхательныхъ органовъ, обычный кашель и особенный сухой, преимущественно у дѣтей—*магаречи* (ослпный) *хрипавац* или *рикавац* (коклюшъ), противъ котораго считаютъ полезнымъ кобылье молоко. Но иной ин за что въ жизни не станетъ его пить. Когда я одной женщицѣ сказалъ, что у насъ кобыльимъ молокомъ дѣлается отъ чахотки; она мнѣ отвѣтила: «Я скорѣе умерла бы, чѣмъ стала бы его пить». Та же болѣзнь съ сильнымъ измѣненіемъ голоса и даже съ потерю его называютъ *ропотина*, которая можетъ передаваться другому, если онъ выпьетъ что-нибудь оставшееся послѣ больного, будь то вода или ракія все равно; поэтому нужно все выпивать до дна или выплеснуть, чтобы «не пріонула ропотинья».

На дѣтей до года бываетъ болѣзнь, *дѣтинья* (сухотка, собачья старость), которая состоитъ въ томъ, что ребенокъ ѣсть, но его проноситъ, вслѣдствіе чего онъ постепенно слабѣетъ, спадаетъ съ тѣла, остаются только кости, обтянутыя сморщенной кожей, и, какъ говорятъ, здѣсь «сквозь уши его можно солнце видѣть». Противъ этой болѣзни дѣлаютъ теплыя купанья съ травами или протаскиваютъ сквозь природное отверстіе въ скалѣ. А между различными причинами болѣзни бываетъ и та, что мать, будучи беременной, и когда уже стало показываться молоко, напримѣръ, послѣ 6 мѣсяцевъ, покормила грудью чужого ребенка. Отъ головной боли въ родѣ мигрени, которая также здѣсь очень распространена, кромѣ другихъ различныхъ средствъ, лѣчатъ еще, какъ мы уже говорили, массажемъ по лбу надъ бровями; то же самое и относительно зубной боли.

Противъ подтековъ крови и противъ отложеній другого рода подъ теменной костью сверху мозговой оболочки въ старое время употребляли трепанацію, которая въ настоящее время для доморощенныхъ лѣкарей запрещена.

Бываютъ и еще подтеки или отложенія, не знаю, въ какой полости — живота или груди, по народному мнѣнію въ первой (у трбуху), отъ чего происходитъ сильное опуханіе и вздутіе той части, и это называетъ *пустина*, потому что, если производится вскрытіе, то тамъ оказывается какая-то густая масса, иногда, впрочемъ, не настолько густая, чтобы не могла вытекать а иногда совершенно свернувшаяся, какъ творогъ или полсть. Предоставленная самой себѣ, эта опухоль распространяется подъ ребрами или къ пупку, потомъ лопается и исходъ ея смертельный; а въ рѣдкихъ случаяхъ удается спасти человѣка операціей. При мнѣ однажды была такая операція, но неудачная: никакая жидкость не пошла, и человѣкъ умеръ.

Кромѣ всѣхъ этихъ естественныхъ болѣзней, въ Черногоріи чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, случаются пораненія оружіемъ. Зато черногорцы и искусились въ лѣченіи ранъ, иногда весьма тяжкихъ, въ чемъ и обнаруживается хорошее знакомство

ихъ съ анатомією человѣческаго тѣла. Для примѣра приведемъ одинъ случай изъ врачебной практики домашняго черногорскаго лѣкаря Марка Иличкова, рассказанный В. Врчевичемъ изъ времени, когда онъ былъ секретаремъ кн. Даніила въ 1854 г. «Двое черногорцевъ бились на поединкѣ ятаганами; одинъ нанесъ другому тяжелую рану въ грудь, и изъ нея неудержимо лилась дымящаяся кровь. Призванный къ раненому М. Иличковицъ прежде всего потребовалъ хорошаго бѣлаго вина и тотчасъ около 5 фунтовъ его влилъ въ рану, а затѣмъ сталъ раненаго трясти и ворочать, какъ боченокъ, когда его полошутъ. Прополоскавши такимъ образомъ нѣсколько разъ, онъ вылилъ изъ раненаго вино, вытекшее оттуда съ кровью, и влилъ вновь чистаго и продолжалъ полосканіе нѣсколько разъ, пока вино стало выходить уже мало окрашеннымъ. Тогда онъ хорошо стянулъ раненаго холстомъ, обмотавши вокругъ всей груди и съ плечь, а на рану наложилъ какой-то пластырь, который перемѣнялъ два раза въ день; и раненый выздоровѣлъ. На вопросъ Врчевича лѣкаря, зачѣмъ онъ дѣлалъ прополаскиваніе, этотъ отвѣтилъ: «У насъ между животомъ и выше пояса есть перегородка (под), и если бъ я не промылъ раненаго виномъ, то кровь осѣла бы на этой перегородкѣ и, не имѣя выхода, стала бы гноиться, и тогда человѣкъ могъ умереть». Приводя этотъ случай по рукописи В. Врчевича, д-ръ В. Дьордьевичъ *) добавляетъ: «прочитавши это, я невольно припомнилъ подобную операцію у Бильрота. Мы дѣйствовали подобно Иличковицу и въ продолженіе шести недѣль мыли и прополаскивали часть груди оперированнаго съ тою разницею, что вмѣсто бѣлаго вина употребляли *cali hypermanganicum*». Массажиря надъ бровями, вызлѣчиваютъ отъ головной боли въ родѣ мигрени.

Приведемъ еще одинъ случай въ другомъ родѣ.

Одинъ тоже доморощенный врачъ, Вуде Марковичъ, изъ Пиперь, рѣшившись сдѣлать вскрытіе какой-то опухоли, не помню вѣрно — въ полости живота или груди (рассказывалъ

*) Народна медицина у Срба. Срп. Лѣтоп. 1872 г. кн. 114, стр. 61—62.

намъ самъ операторъ), чтобы еще лучше познакомиться съ расположеніемъ внутренностей, онъ закололъ баранчика и на немъ разсмотрѣлъ внимательно ихъ расположеніе, и тогда только сдѣлалъ проколъ, черезъ который и стала выходить гнойная жидкость. Онъ, однако, не выпустилъ её сразу, чтобы не нарушить привычки организма къ извѣстному давленію, а выпустивши часть жидкости, какимъ-то способомъ зажалъ отверстие, и потомъ продолжалъ выпускать её въ три или четыре приема. Больной окончательно выздоровѣлъ.

Въ случаяхъ запора дѣлаютъ массажъ, и требуемый результатъ достигается одними механическими манипуляціями. Тѣмъ же способомъ излѣчиваютъ и отъ болей живота, особенно въ болѣзни, называемой *развио се пунак*.

Если ужалить змѣя особенно ядовитая (есть настоящія viperы), то прежде всего туго перетягиваютъ пораненный членъ чѣмъ-нибудь, чтобъ не дать заразиться всей крови, потомъ прижигаютъ; а есть и травы, которыя прикладываютъ къ ранѣ *). Бываетъ, что дѣло кончается омертвѣніемъ перетянутого члена и потомъ онъ остается не дѣйствующимъ или его отрѣзываютъ; но въ большей части случаевъ выздоравливаютъ. Если же пораненъ палецъ на рукѣ, то его сейчасъ же пораненный отрубаетъ самъ себѣ, чѣмъ попало, иногда косіеромъ, которымъ рубилъ вѣтки на деревѣ, когда больше всего это и случается.

Отъ укушенія собакой вообще лѣчатъ ея-же шерстью, обращенною въ пепель; а отъ бѣшеной сверхъ того прижигаютъ рану. Есть, конечно, и другія средства далеко нераціональныя. Такъ отъ укушенія змѣи, должно схватить ту же самую змѣю, отрубить ей голову, растолочь и прикладывать на ранку. Если рана не одна, то прикладываютъ сначала на ту, которая получена прежде; а въ обратномъ порядкѣ то же самое средство не можетъ дѣйствовать. Есть наконецъ различныя симпатическія

*) На остр. Млетѣ (Мелета) близъ Дубровника, гдѣ очень много змѣй, есть для того особенная серебряная цѣпь, хранящаяся отъ незапамятныхъ временъ въ одномъ домѣ.

средства, различные заговоры, или призываютъ священника или монаха для отчитыванія.

Черногорець различаетъ степени болѣзни: *слабъ* человекъ, когда хвораетъ и иногда лежитъ, но можетъ подниматься на ноги и ходить; а когда не можетъ подниматься, то говорятъ, что онъ *обомо* или лежитъ *обомом* (въ Герцеговинѣ это относится преимущественно къ чахоточнымъ) или *улоюм*.

Повальная болѣзнь, эпидемія, называется *пошлица* и *пошлица*; а хроническая, продолжительная—*имостайна*, напр. кашель. Если болѣзнь держитъ человекъ постоянно, безъ перерывовъ, то—*едностагна*; а съ перерывами, какъ напр. лихорадка, то говорится *фата на сеуме* или *на прескочке* (въ Герцеговинѣ на *саианак*, очевидно, турецкое слово).

Подняться на ноги послѣ болѣзни (все равно какъ и послѣ сна) — *наножити се*; а перенести какую-нибудь тяжелую болѣзнь, какъ напр. тифъ, *преоболѣти* и *прежужити*.

Мы не упоминали до сихъ поръ болѣзни, какъ говоритъ черногорець, *без пребола*, т. е. неизлѣчмыя, при которыхъ люди продолжаютъ жить часто гораздо долѣе, чѣмъ здоровые; но существованіе ихъ требуетъ особенной гуманной попечительности со стороны тѣхъ, среди которыхъ они ведутъ свое жалкое существованіе; иные изъ нихъ при томъ теряютъ много изъ своихъ человѣческихъ способностей, становясь существами невмѣняемыми. Мы разумѣемъ здѣсь душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ, энцефаликовъ и слѣпыхъ. Не знаешь, кого больше жалѣть: тѣхъ ли, которые совершенно лишены сознанія своего положенія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ нисходятъ на степень простого животнаго, или тѣхъ, которые, неся свой тяжкій жребій, вполне понимаютъ его; а нѣкоторые и изъ первой категоріи по временамъ приходятъ въ сознаніе. И такихъ больныхъ въ Черногоріи сравнительно слишкомъ много, и всѣ они остаются при недостаткѣ средствъ въ совершенно безпомощномъ состояніи. Одно только утѣшительно; это то, что черногорскій народъ относится къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ; относительно же

сумасшедшихъ говорятъ: «чувайся манита, као свеца», т. е. не смѣй его задѣвать или чѣмъ-нибудь оскорблять. Близко къ тому отношеніе его и къ глухо-гѣмымъ (нѣмац), между которыми есть очень смышленные и трудолюбивые; въ слѣпцахъ видятъ мудрецовъ; а эпилептики тяжелы въ томъ только отношеніи, что ихъ нужно беречь, какъ маленькихъ дѣтей, потому что безъ того они могутъ упасть въ огонь и обгорѣть или свалиться съ камня и разбиться, что и случается нерѣдко. Въ сумасшествіи черногорцы различаютъ два вида: *несвеса* или *весвеса* — тихое, мирное, меланхолическое, отъ котораго нѣтъ спасенія, и *манитило* или *бѣсноло*, проявляющееся рѣзкими выходками, неугомонною болтовней, иногда криками и буйствомъ; это бываетъ періодическое и отъ него излѣченіе считаютъ возможнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если по какимъ-то внѣшнимъ признакамъ замѣчаютъ сильныя приливы крови къ головѣ, то дѣлаютъ кровопусканіе, и всегда это помогаетъ; даютъ и разныя травы; но главнымъ образомъ прибѣгаютъ къ молитвѣ священниковъ, которые отчитываютъ ихъ, какъ бѣсноватыхъ, и для того же водятъ ихъ въ монастыри и другія святыя мѣста и къ святымъ угодникамъ божіимъ. Но при томъ ихъ часто подвергаютъ и мученіямъ, предполагая, что въ ихъ тѣлѣ мучатъ вселившихся въ нихъ дьяволовъ. Дѣлается это такъ. Собираются нѣсколько священниковъ, чтобы отчитывать *соборнѣ*. Несчастнаго предварительно связываютъ и тогда только начинаютъ читать извѣстныя молитвы, кадя при томъ ладономъ. Потомъ требуютъ отъ больного, чтобы онъ сказалъ имена, сидящихъ въ немъ дьяволовъ, которыхъ непременно должно быть три; а когда не говорятъ, то бьютъ, и тотъ вслѣдствіе мученій начинаетъ болтать, что попало, перебирая разныя имена и когда выскажетъ все, считаютъ цѣль достигнутою, хотя бы болѣзнь и не прошла. А бываютъ иногда и притворно сумасшедшіе или просто дурящіе, или напускающіе на себя дурь; тѣ, конечно, такимъ героическимъ средствомъ излѣчпваются радикально. Этотъ обычай распространень всюду на Востокѣ; а здѣсь относится, конечно, къ старому

времени; теперь же и законъ не допускаетъ такого варварства, въ которомъ вѣра смѣшивается съ изувѣрствомъ, да и самыя нравы измѣнились. Но, минуя законъ, келейно и, такъ сказать, семейно, домашнимъ образомъ подобный же способъ лѣченія примѣненъ былъ и въ мою бытность въ Черногоріи надъ субъектомъ, котораго я знавалъ лично. Это былъ извѣстный въ племени юнакъ и съ ума сошелъ вслѣдствіе того, что его военное званіе передали другому. Въ сущности онъ въ сумасшествіи былъ очень мирный человѣкъ и только иногда много болталъ и кричалъ; а по временамъ приходилъ въ себя, и сознавалъ свое положеніе и работалъ. Съ нимъ поступили такъ. Подвѣсили ногами кверху, забили нѣсколько спичекъ въ пальцы, обкуривали куринымъ пометомъ, били и допрашивали. Онъ началъ говорить: первый — Натананлъ, другой — Іезекилъ, а на третьемъ остановился, будучи не въ состояніи придумать какое-нибудь, подобное первымъ мудреное имя; его не переставали бить и допрашивать; онъ пропнесъ наконецъ имя своего воеводы, и тогда только его отпустили, боясь скандала.

Въ Васоевичахъ я не знаю ни одного постоянно сумасшедшаго; но бывали временно лшавшіеся ума. Ихъ отвозятъ въ монастырь Дечаны, гдѣ отчитываютъ монахи; а иногда отчитывали домашніе священники. Читаютъ обыкновенно Евангеліе и различныя молитвы, при этомъ освящаютъ масло (елей), мажутъ имъ больного, и палочки, которыми мажутъ, бросаютъ въ огонь. Отчитываніе продолжается отъ 10 и до 36 часовъ безъ перерыва. Больного держать со связанными руками и не даютъ ему ѣсть ничего, кромѣ хлѣба и воды. Принимая такихъ за одержимыхъ бѣсами, считаютъ по священному писанію за лучшее средство постъ и молитву, толкуя при этомъ, что въ голоднаго человѣка не входитъ бѣсъ, какъ «ни вук не иде у празну торину». Последній дьяволъ въ Васоевичахъ носитъ имя «Зечкаль из Жолевнице» (утесь съ пещерою надъ с. Забрдьемъ). Глухо-нѣмыхъ только въ дѣтствѣ водятъ по святымъ мѣстамъ и читаютъ надъ ними молитвы, но не истязаютъ, а потомъ оставляютъ въ покоѣ.

Я зналъ одного глухо-нѣмого изъ Люботина, уже стараго чело-вѣка, который отлично работалъ на каменныхъ постройкахъ или: дайте ему приготовить землю подъ пашню, посадить вино-градникъ, — все это онъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ и за нимъ не нужно смотрѣть. И въ то же время никто, какъ онъ, не могъ узнавать различныя новости не только мѣстныя, но и заграничныя (онъ недавно умеръ). Падучую болѣзнь въ Черногоріи называютъ: *паданье, паденье с горы, гора, горска болѣст*; а самый припадокъ — *наступ*. Такихъ только берегутъ, чтобы не упали въ огонь или въ воду; а для лѣченья кладутъ подъ гробницу св. Петра на Цетинѣ, водятъ къ св. Василю Острожскому и т. п. Случается, однако, что они сильно обгараютъ: совершенно сжигаютъ обѣ ноги, руки и т. п. и дѣлаются такимъ образомъ вдобавокъ увѣчными. Эпилепти-камъ, по народному обычаю, не даютъ вступать въ бракъ; поэтому родители скрываютъ болѣзнь своихъ сына или дочери отъ постороннихъ, чтобы можно было женить или выдать за-мужъ; а если послѣ это обнаружится, то обманутые имѣютъ право требовать развода. Бываетъ, что родители выдадутъ свою дочь за больного, зная то впередъ и соблазняясь тѣмъ, что женихъ богатъ и изъ хорошаго дома; тогда при вѣнчаніи на троекратный спросъ священника невѣсты, соглашается ли выйти замужъ, она отвѣчаетъ: «Узимаю нѣга, с ним се вѣнчам, с ѡговом болѣстью не».

Бѣльмо на глазу снимаютъ травою съ шероховатыми листь-ями, называемою *дренак*, что растеть по стѣнамъ (*parietaria offic.?*; ею же чистятъ и металлическую посуду), или же сыплютъ въ глазъ порошокъ изъ кости морского животнаго *симы* (*seria*), вливаютъ какія-то капли, ставятъ пѣвки, и иногда такимъ образомъ вылѣчиваютъ, но чаще бываетъ, что лѣченіе оказы-вается безуспѣшнымъ.

Дома они отлично освоиваются съ мѣстностію и ходятъ всюду, почти какъ зрячіе; а то ихъ водятъ другіе на веревочкѣ. Изъ нихъ бываютъ отличные гуляры, являющіеся на народныя

сборища и привлекающіе къ себѣ общее вниманіе, за что имъ и даютъ что-нибудь. На Цетиньѣ есть слѣпецъ съ дѣтства, который отлично ходитъ по городу безъ палки, знаетъ каждый домъ, каждую лавку, а иногда ходитъ и на Рѣку, и тогда только беретъ палку. Онъ отлично знаетъ всю службу церковную и поетъ въ церкви, а иногда читаетъ апостола, заучивши его со словъ какого-нибудь ученика, и не сдѣлаетъ ни въ чемъ ни малѣйшей ошибки. Относительно этихъ послѣднихъ четырехъ категорій больныхъ мы имѣемъ драгоцѣнную для насъ статью д-ра Милянича, врача при Цетинскомъ госпиталѣ и начальника санитарной части въ Черногоріи. Онъ собралъ данныя относительно этихъ больныхъ и напечаталъ ихъ въ одномъ сербскомъ журналѣ *), изъ котораго потомъ сдѣланы отдѣльные оттиски. Важность этихъ болѣзней вообще въ народной жизни и большая распространенность ихъ въ Черногоріи побуждаютъ насъ воспользоваться данными, сообщаемыми д-ромъ Миляничемъ, тѣмъ болѣе, что статья его представляетъ собою не голую статистику и специально медицинскія объясненія, но даетъ въ то же время много чертъ изъ народной жизни и прекрасно очерчиваетъ не только физическій, но и нравственный типъ черногорца. Для насъ эта статейка — говоримъ откровенно и съ благодарностію — чистый кладъ.

Кромѣ данныхъ, имѣвшихся у доктора изъ собственныхъ наблюденій въ продолженіе семилѣтней практики, онъ обратился за данными къ приходскимъ священникамъ, которые всѣ получили нѣкоторое образованіе и знаютъ при томъ въ своемъ приходѣ cadaго прихожанина.

На первомъ мѣстѣ стоятъ душевно-больные. Всего въ Черногоріи оказалось 487 таковыхъ больныхъ (299 м. и 188 ж. п.); въ томъ числѣ 16 магометанъ и 7 католиковъ. Но 104 изъ нихъ отмѣчены излѣчившимися; остается слѣдовательно 383. Раздѣляя

*) Душевно-болесни, глухонѣми, епилептички и слиѣпени у Црној-Гори. Отачбина. 1891 г. № 165; Београд.

эту послѣднюю цифру на общее число душъ Черногоріи въ 165.000 ч. Милянничъ заключаетъ, что на 10.000 д. приходится ихъ 23,2; хотя слѣдовало бы принять первую полную сумму, которую выражается вообще предрасположенность населенія къ сумасшествію. Изъ приводимаго д-ромъ Милянничемъ сравненія съ другими государствами видно, что Черногорію превышаютъ въ этомъ отношеніи только Великобританія, Норвегія, Швейцарія, Франція и Аргентинская республика. «Если мы возьмемъ во вниманіе степень культуры черногорскихъ поселенъ, изъ которыхъ только почти и состоитъ все населеніе, — говоритъ онъ — то процентъ этотъ оказывается слишкомъ большимъ, тѣмъ болѣе, что въ Черногоріи нѣтъ алкоголизма, которому во многихъ государствахъ, особенно въ большихъ городахъ, приписываются 30% изъ общаго числа сумасшедшихъ» (стр. 6).

Онъ не могъ, однако, строго раздѣлить сумасшедшихъ отъ тупоумныхъ и идиотовъ, какъ то дѣлается въ другихъ государствахъ, такъ какъ это могъ бы сдѣлать только человекъ, обладающій медицинскими познаніями; а въ черногорской терминологіи существуютъ только неточныя выраженія: *муд*, *манит*, *суманут*, *біссан*, *бѣсомучан*, *блесаав*, *зранут*, *помаман*, *струниоје* (или *струнуо*) и т. п. Поэтому извѣстители д-ра Милянничча при каждомъ случаѣ даютъ болѣе или менѣе подробную характеристику субъекта съ отмѣтками: отъ рожденія онъ въ такомъ состояніи или подвергся тому позже и когда именно.

Изъ этихъ извѣстій видно, что страдающихъ этою болѣзнію отъ рожденія 171 (114 м. п. и 57 ж.).

Затѣмъ докторъ предается такого рода разсужденіямъ относительно причинъ сумасшествія въ Черногоріи.

«Извѣстно, что въ городахъ и большихъ центрахъ больше сходятъ съ ума, чѣмъ въ селахъ. Это составляетъ достойную сожалѣнія принадлежность современной культуры. Въ городахъ песточникомъ этого бываютъ больше причины психическаго свойства, различныя душевныя потрясенія, социальная борьба и

неудачи, а въ селахъ чаще бываютъ физическія причины: бѣдность, невѣжество и болѣзни. Въ Черногоріи до недавняго времени не было городовъ, ни городской жизни; только со времени войны за освобожденіе въ городкахъ начинаютъ появляться культурныя потребности въ обычной своей формѣ: распространеніе роскоши, стремленіе къ блеску и наружнымъ украшеніямъ, такъ что правительство нашло за потребное запретить приготовленіе и ношеніе одежды съ золотымъ шитьемъ, какъ главарямъ, такъ и всему народу. Массу населенія Черногоріи составляютъ поселяне, которые всегда жили съ мыслию о борьбѣ съ неприятелемъ за народное существованіе. — Черногорцы люди нервно-сангвиничнаго темперамента. Черногорецъ, будучи неоспоримо юнакомъ, нерѣдко падаетъ въ обморокъ, увидѣвши кровь, когда ему разрѣжете какой-нибудь нарывъ или маленькій чирей. Истерію у женщинъ встрѣтите самыхъ разнообразныхъ формъ. Вѣчная война съ внѣшнимъ неприятелемъ, до недавняго времени бывшія племенные междоусобія и кровавая месть — создали въ черногорцѣ особенно нервное состояніе, которое переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кровавыя войны новѣйшаго времени 1858, 1862, а особенно 1875—78 гг., безъ сомнѣнія, не остались безъ вліянія на оказывающееся въ настоящее время большое число душевно-больныхъ въ Черногоріи, вслѣдствіе лихорадочнаго состоянія умовъ, частыхъ смѣнъ страха, ужаса и радости, душевнаго и тѣлеснаго утомленія; равно какъ эти войны — наложили свою печать на свойство и содержаніе помутившихся идей у многихъ. Въ очеркахъ болѣзни отдѣльныхъ сумасшедшихъ по доставленнымъ намъ извѣстіямъ мы находимъ только блѣдную картину физическихъ и моральныхъ условій и обстоятельствъ, въ какихъ находится и живетъ сербскій народъ въ этихъ трущобахъ». (Стр. 7—9).

Останавливаясь на вопросѣ о наслѣдственности сумасшествия, г. Миляничъ почерпаетъ изъ отвѣтовъ лучшихъ и болѣе внимательныхъ своихъ извѣстителей слѣдующія отмѣтки относительно нѣкоторыхъ: «отецъ и одинъ изъ дядей по мужской ли-

ни были не въ полномъ умѣ; мать — сумасшедшая, одинъ изъ двоихъ дѣтей — не въ полномъ умѣ; отецъ не въ полномъ умѣ, сынъ-дурачекъ; братъ и двѣ сестры не въ полномъ умѣ, а мать у нихъ была странная; три брата 49, 55 и 57 лѣтъ полоумные, говорятъ мало и всегда мрачнаго настроенія, такими они отъ рожденія». (Стр. 9).

«Въ тѣхъ же извѣстiяхъ мы часто находимъ соотношенiе въ наслѣдованiи между эпилепсiей съ одной стороны и идиотствомъ, полоумiемъ и глухонѣмотою съ другой. Такъ: отецъ полоумный, дочь эпилептичка; отецъ сумасшедшiй, сынъ въ падучей; мать эпилептичная, сынъ полоумный; братъ полоумный, сестра полоумная и эпилептичная; дѣвушка полоумная и глухонѣмая, близкiй родственникъ въ падучей.

Женщина 20 лѣтъ сошла съ ума, бывши 5 л.; отецъ ея былъ дурачекъ; Н., имѣющiй теперь 55 л., въ 20 л. сталъ подвергаться припадкамъ падучей, которые съ нимъ часто бываютъ; сынъ его сдѣлался эпилептикомъ 15-ти лѣтъ, а потомъ сошелъ съ ума. Мальчикъ одинъ, теперь 14-ти л., родился глухонѣмымъ; въ 4 г. видѣли уже, что онъ дурачекъ, а съ 10 л. началась падучая болѣзнь. — Въ нашей неполной статистикѣ отмѣчены 75 случаевъ, въ которыхъ отъ падучей болѣзни обезумѣли (излудели, обесвѣстили, омастипили, рдьяви у памет). Священникъ изъ Мартиничей описываетъ двухъ полоумныхъ сестеръ 15 и 9 лѣтъ, которыя съ двухъ лѣтъ стали подвергаться падучей болѣзни; старшая изъ нихъ веселая и можетъ только повторять слова за другими, напр. «вороти коня»; дѣти шутятъ надъ нею; младшая теперь глухонѣмая, ничего не понимаетъ, ѣсть, что ни попало, хотя бы траву. Родители, какъ убитые тѣмъ, особенно отъ того, что не имѣютъ дѣтей мужескаго пола, а имѣютъ еще двѣ дѣвочки здоровыхъ».

«Въ числѣ моральныхъ причинъ находятся—семейное несчастье, плохая жизнь, часто потеря имѣнiя, а еще чаще горе и печаль по сынѣ, братѣ, мужѣ. Въ послѣдней войнѣ были случаи, что въ одинъ день погибали 4 сына вмѣстѣ съ отцомъ. Одна

женщина сошла съ ума вслѣдствіе потери мужа; но она постоянно твердить, что онъ живъ и управляетъ народомъ; другой причиною было замужество изъ богатства въ бѣдность. Одинъ цѣлый годъ сходилъ съ ума вслѣдствіе того, что судъ неправильно его судилъ; другой отъ того, что у него былъ взятъ скотъ за долгъ. Часто причиною бываетъ неожиданно постигнувшій испугъ и ночныя видѣнія: тотъ сошелъ съ ума, застигнутый ночью въ лѣсу, другой, ловя рыбу въ глухую ночь; третій, находясь одинъ на планинѣ со скотомъ. Возлѣ одного ударилъ громъ, и оттого онъ сошелъ съ ума, и въ продолженіе 12 лѣтъ его держали связаннымъ. Пуниша сошелъ съ ума, по словамъ попа Филотія изъ Пивы, отъ того, что работалъ по праздникамъ; а женщина Борика отъ того, что мыла бѣлье въ воскресенье. Одна, бывши вдовой, сошла съ ума вслѣдствіе того, что имѣла двоихъ незаконныхъ дѣтей отъ родственника. Три женщины съ ума сошли въ тюрьмѣ, а другая тоже отъ того, что за совершенное убійство—16 лѣтъ пробыва на каторгѣ. Стево Дукичинъ изъ Грахова попортилъ казенное ружье, за что ружье было у него взято и его самого посадили въ тюрьму; теперь онъ сумасшедшій и говорятъ только объ ружьѣ и объ оружій. — Изъ физическихъ причинъ сумасшествія замѣчены: тифъ—5 случаевъ, оспа—3. Въ Кучахъ мальчикъ 5-ти лѣтъ сошелъ съ ума отъ того, что на немъ загорѣлась рубашка. Одинъ, имѣющій теперь 7 лѣтъ, дурачекъ отъ полутора года, когда мать обварила его кипящимъ молокомъ, послѣ чего онъ за 15 дней не подавалъ никакого голоса. Ужасная исторія болѣзни Радоты Станковича изъ Лѣваго Полимья въ с. Грачаницѣ, сумасшедшаго уже 33 года. Когда ему было 3 года, мать дала ему кусокъ мяса, и мальчкѣ взялъ его въ ротъ; кошка схватила мясо, а его за языкъ; когда прибѣжала мать, онъ лежалъ, какъ мертвый, а кошка держала мясо и языкъ, пока не отняли. Съ того времени онъ сошелъ съ ума; вреда никакого не дѣлаетъ, не кричитъ, если его не трогаютъ. Ничего онъ не требуетъ, только всегда ѣстъ постное и ни за что не хочетъ скромнаго. М. изъ Загарча захворалъ сифилисомъ, лѣчился 5 лѣтъ

и получилъ свидѣтельство отъ великаго суда, что излѣчился; а послѣ того сошелъ съ ума. — Посмотримъ теперь на формы делиріума и на идеи, связующія нашихъ больныхъ и деспотически овладѣвающія ими. Многіе считаютъ себя достойнѣе всѣхъ медали Милоша Обилича (высшая награда за храбрость): онъ первый вошелъ въ шанецъ, отрубилъ столько-то головъ. Тотъ въ счастливомъ настроеніи считаетъ себя самымъ умнымъ и самымъ богатымъ. Одна увѣряетъ, что изъ живота ея что-то говоритъ; другая имѣетъ очень много обожателей и все собирается замужъ. Омера Асанова изъ Мркоевичей обошли какія-то чары, и онъ все бредитъ женитьбой. Марица ругаетъ перковь, священника и народъ. Одному доставляетъ удовольствіе пасти козъ, только никакъ не можетъ ихъ пересчитать. Одного все притѣсняють люди; другого кто-то хочетъ убить; третій всякаго считаетъ сумасшедшимъ. Одинъ все стремится къ чему-то, ищетъ и теряется въ этихъ поискахъ. Ново Кучъ сошелъ съ ума, будучи 20-ти лѣтъ, изъ-за *дестчарицы* (знакъ военнаго чина десетчара) тотчасъ послѣ завоеванія черногорцами Бара, гдѣ отличился; всегда невеселъ, мысль его вертится все около герба и главарства *). Другой ко всякому слову добавляетъ: «не ма суда, ни правице». Н. 40 лѣтъ; сошелъ съ ума, будучи десяти лѣтъ, отъ страха, и все его счастье въ звонкѣ, что надѣвають на передового барана. Отецъ его былъ богатъ скотомъ и лишился его; звонкомъ этимъ онъ думаетъ воротить прежнее богатство. Жошо ищетъ женщинъ и нападаетъ, полагая въ томъ юначество. Одинъ грѣшникъ и отступникъ отъ бога; другого *отштитца* (родъ вѣдьмы) ударила бутылкой по головѣ. Три магометанина изъ Ульцина, по занятію моряки, говорятъ все о корабляхъ, торговлѣ и большихъ доходахъ». (Стр. 9 — 12).

Добавимъ отъ себя еще объ одномъ, всѣмъ извѣстномъ, не-

*) Добавляемъ отъ себя: онъ все отыскиваетъ бриліантовый перстень, который ему послалъ русскій царь; на магометанскихъ домахъ и мечетяхъ высѣкаетъ кресты; кричитъ и буянитъ, за что его и гонять отовсюду.

давно умершемъ Ивѣ Вранѣ изъ Банць (близъ Цетинья). Онъ поджогъ чей-то домъ, при чемъ былъ схваченъ и отъ страха тѣлеснаго наказанія сошелъ съ ума; другіе говорятъ, что онъ прикидывается; но очевидно, что это не было притворство. Онъ умѣетъ отлично произносить кому-либо похвалы въ видѣ цѣлой рѣчи, складно и съ рифмами, а также и ругать; иногда бывалъ очень остроуменъ; въ родѣ пророчества излагалъ, какія перемѣны постигнутъ человѣчество передъ концомъ міра въ духѣ равенства и социализма; когда просилъ, то требовалъ настойчиво и нахально; хваталъ женщинъ и мальчиковъ; вообще былъ глубоко неморальный; а главная идея его состояла въ томъ, что богъ запретилъ ему работать. Съ таковою же основною идеей я знаю двоихъ въ Подгорицѣ; но тѣ люди безобидные.

Наклонность къ этой идеѣ, надо замѣтить, проявляется во многихъ и не сумасшедшихъ.

Перейдемъ теперь и къ другимъ категоріямъ. Глухонѣмыхъ 226 (144 м. и 82 ж.), что составляетъ 13,7 на 10.000. «По вычисленіямъ Майера — говоритъ д-ръ — въ 246 милліонахъ людей, относительно которыхъ есть данныя, 101.090 глухонѣмыхъ или на 10.000 приходится 7,7. Аргентинская республика и здѣсь превосходятъ остальной свѣтъ: 38,01; затѣмъ идутъ Швейцарія — 24,52, Венгрія — 13,43, Швеція — 10,23, Австрія — 9,66 и т. д.; меньше всего въ Голландіи — 3,35, затѣмъ Сѣв.-Америк. Штаты — 4,20, Бельгія — 4,39. Изъ этихъ цифръ можно примѣтить, что меньше всего въ странахъ съ равниннымъ характеромъ, а больше въ гористыхъ». При этомъ напомнимъ, что въ упомянутыхъ странахъ, какъ Швейцарія и Австрія, въ Альпахъ и Карпатахъ множество зобатыхъ съ вырожденіемъ въ кретинновъ; въ Черногоріи же слабые признаки зобатости можно найти только въ Полимьѣ; слѣдовательно тутъ дѣйствуютъ совершенно другія причины. Вотъ какія заключенія дѣлаетъ д-ръ Милляничъ: «Между причинами глухонѣмоты вообще приводятъ почву и климатъ. Приписываютъ также наследственности, пьянству родителей, бракамъ между родственниками, душевныя

болѣзни. Насколько примѣтили наши извѣстители, нигдѣ не видно непосредственнаго перехода отъ отца на сына. Тѣмъ не менѣе записано нѣсколько случаевъ, гдѣ нѣсколько или всѣ братья и сестры глухонѣмые. Здѣсь, значить, — посредственная наслѣдственность, или предрасположеніе отдѣльныхъ семействъ къ этой болѣзни. Такъ находимъ въ Мркоевичахъ глухонѣмыхъ два брата магометанина; точно такъ два же брата магометанина и въ Никшичѣ; двоюродныхъ брата и сестру, тоже магометанъ въ Спужѣ. Затѣмъ изъ православныхъ родственники: братъ и сестра; двѣ сестры; трое въ большой семьѣ; четыре брата 50, 40, 38 и 35-ти лѣтъ въ Никшицкой Жупѣ, изъ которыхъ трое женатые, и дѣти у нихъ здоровыя; еще два брата въ Пивѣ. Далѣе слѣдуетъ связь съ душевными болѣзнями и неврозами: 5 случаевъ глухонѣмоты, соединенной съ глупостію, а одинъ глухонѣмой дурачекъ, страдающій при этомъ эпилепсіей». (Стр. 15—16).

Между случаями глухонѣмоты, появившейся въ позднѣйшее время, указываются слѣдующія причины: «горячка и тифъ 11 случаевъ, оспа — 3, заушница — 2, скарлатина — 2, гноеніе ушей — 3 и одинъ случай послѣ инфлуэнцы, которая свирѣпствовала въ Черногоріи съ янв. до апр. въ 1890 г.» (стр. 15). А вотъ характеристика одного глухонѣмого въ Ровцахъ: «ему 25 л.; это самый видный и живой парень, одаренъ разумомъ болѣе, чѣмъ многіе изъ его сверстниковъ; его умные глаза чрезвычайно тонко слѣдятъ за движеніемъ устъ говорящаго, и такимъ образомъ онъ научается выговаривать нѣкоторыя простыя и сложныя слова, въ которыхъ не входятъ гортанные звуки, при чемъ слухъ ему нисколько не помогаетъ, такъ какъ онъ едва можетъ слышать выстрѣлъ вблизи, сильный громъ и трескъ и т. п.» (стр. 15).

Эпилептиковъ въ Черногоріи 405 (217 ж. и 188 м.), или 24,6 на 10,000, иначе 1 на 406 здоровыхъ. Въ общемъ числѣ 9 магомет. и 3 католика. Относительно начала этой болѣзни отмѣчены возрасты весьма различныя: отъ 1-го года до 70 лѣтъ, но больше всего отъ 0—5 л.: 91; затѣмъ отъ 15—20 л.: 56;

отъ 5—10: 32, и то же отъ 10 до 15; отъ 40 л. рѣже и опять нѣсколько больше отъ 60—65. Число припадковъ очень различно: отъ одного припадка до 3000 въ 1 годъ; они бываютъ больше всего днемъ, затѣмъ днемъ и ночью, а меньше всего ночью. «Если ихъ—замѣчаетъ д-ръ Миляничъ—не постигаетъ мгновенная смерть въ самомъ припадкѣ, то они могутъ жить весьма долго». Въ одной изъ таблицъ имѣются такія данныя: 8 имѣютъ отъ 65—70 л.; 10 отъ 70—75, 6 отъ 75—80, 4 отъ 80—85 и 1—90 л.

О причинахъ имѣемъ слѣдующее:

«Отъ испуга 12 случаевъ. Три случая въ видѣ какого-то моральнаго зараженія: жена, смотря на припадки своего мужа, и сама сдѣлалась эпилептичною; одинъ магометанинъ 18-ти лѣтъ сталъ падать, и съ того же времени жена его и мать имѣютъ припадки одновременно съ нимъ. Испугъ различныхъ видовъ: одинъ получилъ припадокъ отъ испуга, что (нечаянно) убилъ сестру; другой получилъ первый припадокъ при штурмѣ на турокъ; третій отъ того, что одинъ заночевалъ въ лѣсу и т. п. Нѣкая Вѣруша, увидѣвши своего ребенка въ огнѣ, подвергнулась конвульсіямъ съ пѣною на устахъ; а Темзія стала подвергаться припадкамъ со дня смерти своего мужа: тогда припадки бывали по два раза въ годъ, а когда погibli ея сыновья въ 1876 г., припадки стали повторяться по 3 раза въ мѣсяць. Отъ удара по головѣ 6 случаевъ; отъ удара грома—1; отъ какихъ-то вередовъ по тѣлу (syphilis) 1; послѣ родовъ — 3; «вслѣдствіе работы въ праздничные дни»—3. — По наслѣдству въ побочномъ родствѣ 17 случаевъ. Кромѣ того, указываютъ на родственную связь слѣдующіе случаи: двѣ матери и двѣ дочери, отецъ и дочь, братъ и сестра, двѣ матери, у которыхъ по одному ребенку эпилептичному между другими здоровыми; два брата магометанина изъ Мркоевичей глухонѣмые имѣютъ третьяго брата эпилептика, и полоуміе въ побочной линіи». (Стр. 19).

Наконецъ слѣпыхъ 353 (179 м. и 174 ж.), или 21,4 на 10,000. Вездѣ въ Европѣ гораздо меньше (больше всего въ

Норвегіи 13,63, а меньше въ Голландіи 4,46); только въ Европейской Россіи въ 50 губерніяхъ около 20, а въ исключительно сельскомъ населеніи 23 на 10.000.

Изъ того общаго числа — до 116 чел., излѣченіе которыхъ возможно, если бы была подана медицинская помощь. «Болѣе чѣмъ въ сотнѣ — добавляетъ докторъ — которымъ мы въ продолженіе 7 лѣтъ сдѣлали операціи въ больницѣ, наслѣдство играетъ важную роль въ катарактѣ».

Больше всего слѣпыхъ отъ 70—75 л.: 56; затѣмъ отъ 60—65: 40; отъ 65—70: 34; отъ 50—55: 22; отъ 85—90: 20; отъ 55—60 и отъ 75—80 по 17-ти отъ 15 до 20: 12; отъ 5 до 10, 40 до 45, 45 до 50, 90 до 95: 11 и т. д. Одинъ столѣтній (а мы знаемъ и еще двоихъ). По началу болѣзни: слѣпорожденныхъ 16; отъ 60 до 65: 36; отъ 65 до 70: 27; отъ рожденія до 5 лѣтъ: 26; отъ 45 до 50 и отъ 70 до 75 по 22; отъ 75 до 80: 19 и т. д. Вотъ что говоритъ г. Милляничъ о причинахъ слѣпоты: «Слѣпыхъ отъ рожденія 16, между которыми есть близкіе родственники между собою: двѣ сестры, три брата, а у Тома Вуячича изъ Грахова пятеро дѣтей и всѣ слѣпые. Отъ поврежденія отъ удара палкой или хворостинной по глазу или по головѣ 18; отъ ружья 5; отъ ости въ колосѣ пшеницы 5; отъ мины 14; отъ гноенія глазъ тотчасъ по рожденіи 6, въ позднѣйшемъ возрастѣ 6, отъ тифа 6, отъ оспы 10. Болѣе рѣдкіе случаи: отъ припека солнца у ребенка въ колыбели, отъ кори, ребенокъ упалъ на огонь, отъ безпрестаннаго плача матери за сыномъ — по одному случаю». (Стр. 23—24).

«Между причинами особенно слѣпоты на одинъ глазъ много случаевъ отъ ружейной раны. Есть слѣпые и амавротичные на оба глаза отъ войнъ 1875—78 гг., 1862 и еще 1858 г. Какъ примѣръ жертвы отдѣльныхъ личностей за народное дѣло, приведемъ изъ формуляра нѣсколько случаевъ. Божо Јововичъ изъ «Забрдыя въ Пивѣ, имѣетъ въ настоящее время 85 л.; онъ имѣлъ 6 дѣтей—4 сына и 2 дочери; изъ нихъ 3 сына погибли въ одинъ день, а его 70-ти лѣтъ тоже ударила пуля, и онъ ослѣпъ. Дру-

гой, потерявши оба глаза въ бою на Граховцѣ (1858), кромѣ того страдаетъ отъ раны въ бедренномъ сочлененіи (вучац, на куку). Третій, будучи 27 лѣтъ, потерялъ въ бою одинъ глазъ, а 50-ти лѣтъ и другой глазъ въ другомъ бою. Четвертый потерялъ одинъ глазъ еще въ дѣтствѣ отъ ножа, а другой потерялъ въ бою на Вучьемъ-долѣ; и т. д.» (Стр. 24).

Число слѣпыхъ мужчинъ и женщинъ почти одинаковое, что показываетъ на одинаковыя невыгодныя условія жизни тѣхъ и другихъ. При этомъ первые страдаютъ много въ войнѣ и при взрывахъ минъ въ домашнемъ хозяйствѣ напр., при ломкѣ камня; а вторыя — при житвѣ, молотбѣ и при пастбѣ скота.

Д-ру Миляничу остается еще обратить вниманіе на косо-глазіе, которое тоже въ Черногоріи встрѣчается весьма нерѣдко и всегда почти отъ перваго дѣтскаго возраста, въ чемъ не послѣднюю роль играетъ положеніе ребенка въ колыбелькѣ, къ которой всегда почти бывають привѣшены какія-нибудь цвѣтныя или блестящія бездѣлушки и то съ одной какой-либо стороны.

Считается дурнымъ знакомъ, если человѣкъ говорить во снѣ. потому, во-1-хъ, что такимъ образомъ онъ можетъ выдать тайну; а во-2-хъ, въ этомъ видятъ дѣйствіе нечистой силы. Чтобы излѣчить отъ этого недостатка, нужно подкараулить и, когда онъ заговоритъ, сильно ударить по губамъ; и больше уже не повторится.

Есть и лунатики (мѣсечари), которые встають по ночамъ и бродятъ, иногда на большое разстояніе. Противъ этого не предпринимають никакихъ мѣръ; а только наблюдаютъ за ними и, когда уйдуть далеко, разыскивають. Причина этого заключается въ томъ, что, когда ребенокъ только что родился, на него пали лучи полнаго мѣсяца.

Говоря о болѣзняхъ, мы говорили и о народномъ лѣченіи ихъ, если то намъ извѣстно, и о лѣкарствахъ. А въ заключеніе

считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько о лѣкарствахъ и преимущественно о травахъ.

Вообще лѣкарство называется общеевропейскимъ словомъ *медицина* или домашнимъ *лієкъ*, а въ болѣе отдаленныхъ краяхъ, сосѣднихъ съ Турціей, какъ Васоевичи, турецкимъ словомъ *илач*. Отказывая въ чемъ-нибудь, черногорецъ говоритъ: «Нема ни за лієкъ или ни за илач» — это значитъ, что у него совсѣмъ нѣтъ просимаго, а иначе ради больного обязательно дать. Кроме того, лѣкарство называется *трава*, хотя бы то были порошки, пилюли или жидкость. Это, конечно, указываетъ на то, что народныя лѣкарства состоятъ главнымъ образомъ изъ травъ. Общее названіе растенія — *билка*, а растеніе лѣкарственное *билъе*; отсюда женщина, занимающаяся сборомъ такихъ травъ — *биларница* (въ Старой Сербіи есть и пѣсни *биларске*, которыя поются при собираніи травъ). Въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ:

У мене је *биларница* мајка,
Свакому ме билу научила.

Но въ Черногоріи сборомъ травъ и особенно знаніемъ ихъ отличаются преимущественно мужчины, занимающіеся въ то же время и лѣченьемъ. На Цетиньѣ напр. (собственно въ селѣ близъ него, Дольнемъ-краѣ) извѣстенъ Томо Кусиновъ, который, говорятъ, знаетъ всякую траву и для чего она полезна. Но люди эти не любятъ сообщать свои знанія другому, и все, что намъ удалось собрать, по этой статьѣ, мы собрали отъ людей простыхъ, т. е. не занимающихся лѣченьемъ. Впрочемъ, у лѣкарей этихъ и названія травъ особенныя, принаровленные къ излѣчиваемой ими болѣзни, напр. *трава од бѣлотье* — дикорастущая холодная мята, называемаяся народомъ *метвица* (есть, кроме того, и другія травы отъ той же болѣзни).

Травамъ, которыя имѣютъ особенныя сильныя свойства на пользу или вредъ человѣка или вообще животныхъ, придается еще эпитетъ *велье*: велье билъе (по Шулеку *atropa belladonna*,

а въ Черногоріи *phytolacca descandra*, иначе гроздобая, винобая), велье зелье (*mandragora officinalis*), велья-трава (не знаю научнаго названія; корень довольно толстый съ запахомъ не совсѣмъ пріятнымъ; но тѣмъ не менѣе его кладуть въ бѣлье для запаха).

Всякая трава имѣеть свое время для сбора. Такъ *питоми пелим* (кудрявая, испанская полынь; тогда какъ просто *пелим* или *див.ли* значитъ шалфей, *salvia officinalis*) собирають въ *медьюдневицу* (время между 15 авг. и 8 сент., а въ другихъ мѣстахъ между концомъ іюля и 15 авг.), и то нужно брать прежде восхода солнца, чтобы они имѣли вполнѣ цѣлебныя свойства. *Иванско-цвѣтье* (*galium verum*) берутъ на Ивановъ день (24 іюня) и т. п.

Вотъ нѣсколько цѣлебныхъ травъ и ихъ употребленіе. На раны прикладываются слѣдующія травы: *хайдучка трава* (*millefolium*), *боквица* или *иванъ-листъ* (*plantago lanceolata*) и похожій на неё *шаролист* и гавез (*symphitum aspergitum*). *Зимолистовина* или *яриковина* (*ligustrum vulgare*) употребляется, когда растрескаются губы. *Дьсрданице* или *петрово цвѣтье* (*capsella bursa pastoris*), растертое съ масломъ, прикладывается къ горлу, если оно болитъ; полынь и шалфей пьютъ противъ общей простуды; а также *чубар* или *пануняк* (*saturia*); горькій отваръ *кичице* (*erythraea centaureum*) пьютъ противъ лихорадки; *линцура* (*gentiana*) употребляется, какъ настой на водѣ или въ водкѣ, тоже противъ лихорадки и противъ общаго расслабленія организма, особенно для укрѣпленія желудка. *Жабуррина* или *ружница*, также *орница* (*bellis perennis*) дается въ отварѣ родльницамъ. *Ярич* (*sedum acre*?) вылѣчиваетъ отъ желтухи. *Буника* (*hiosciamus niger*) употребляется противъ зубной и глазной боли. Для этого собирають ея сѣмена, хорошо высушваютъ и потомъ растрають мелко-на-мелко въ деревянной чашкѣ (и непременно въ деревянной), потомъ смѣшваютъ съ воскомъ и дѣлають свѣчку: свѣчку эту прикрѣпляютъ на край стола или какой-нибудь доски и зажпають её; когда она начнетъ дымить, тогда надъ этимъ дымомъ

держатъ глазъ или зубъ, и оттого начинаютъ вываливаться оттуда червячки и болѣзнь проходитъ.

Извѣстный славистъ В. Ягичъ въ своей статьѣ «Sredovješni liekovi» *) и т. д. помѣстилъ два старинныхъ сборника, въ которыхъ заключается до ста болѣзней съ указаніемъ средствъ противъ нихъ и массу травъ и другихъ веществъ, служащихъ для лѣченья. Въ Россіи также даже въ грамотномъ простонародья можно найти подобные лѣчебники подъ названіемъ *травниковъ*. То же самое было и въ Черногоріи; но все это со временемъ утратилось. Въ спискѣ книгъ, находившихся когда-то въ петинской монастырской библіотекѣ, упоминается одинъ «*срачевникъ*». Одинъ отрывочекъ найденъ нами въ Подгорицѣ въ книжечкѣ въ $\frac{1}{24}$ долю листа (всего 60 листовъ), гдѣ между другими статьями есть «сказаніе отъ трава».

У г. Јована Люмовича, торговца въ Вирбазарѣ (родъ его изъ Пиперъ, а переселился въ Подгорицу въ 1764 г., откуда съ 1833 г. въ Цермницѣ) есть сборникъ разнообразнаго содержанія, среди котораго есть статьи о лѣченьи разныхъ болѣзней, о ходѣ болѣзни по днямъ недѣли и нѣсколько гигиеническихъ правилъ. Послѣднія занимаютъ въ сборникѣ около 5 листовъ in 8° и мы ихъ сообщимъ въ приложеніяхъ; а первая настолько коротка, что считаемъ умѣстнымъ помѣстить и посреди текста.

Вотъ она: «на потребу отъ жутьенице божурова ова рода и коме отъ неѣ карвь тече, неѣ шпе корпена божурова у вину у ютру; ни коме се вартѣ мозакъ пли жедацъ или очи маркцу, неѣ куѣ божурова корпена съ виномъ и шпе у ютру. Кому су очи жуте трава се зове гнезникъ, куѣ е у вину и ни е, лиекъ е. Отъ гро(з)нице натѣя траву зовесе одолень, вари съ виномъ и ни много. Када стане вода чолку и кон се надима, одолена корпена туци и ни у воду. Кома се изъ рана карвь отверзе сажени вехда беза перя, уставитье. Кога боли глава, трава зове се споришь и лозе и куннице траве свари у едно, те се изми 7 пута, лакше тѣ ти

*) Starine. 1878. кн. X, стр. 81—127.

бити. Ко има живу жабу у сарцу, нека тѣра из брезе пуно явора кориена, свари и пи с виномъ биелиемъ». Далѣ идетъ похвала честному животворящему кресту, которая, однако, служитъ для прогнанія «дьяволе вщице и виле и море и чини и чари и зли вѣтръ и зли челоуѣка».

Сборникъ, напечатанный г. Ягичемъ, очевидно, переведенъ съ греческаго оригинала, на что указываетъ большая часть названій болѣзней, средствъ и специальныхъ выраженій греческихъ. Въ Черногоріи же часто услышите о бывшихъ въ старое время лѣкаряхъ грекахъ, отъ которыхъ многое усвоивали домашніе. Это были какіе-то странствующие лѣкаря, передававшіе народу свое искусство и средства; послѣ же они были при турецкихъ войскахъ, а практиковали и въ Черногоріи до недавняго времени. Такимъ образомъ здѣшняя народная медицина мѣшалась съ медициною греческою, частію средневѣковою, а частію и новѣйшею и даже нѣсколько научною.

Въ Цермницѣ существуетъ цѣлое братство, занимающееся лѣченіемъ. Это — Иличковичи, предокъ которыхъ Стіепо, собственно прадѣдъ нынѣ живущаго, старшаго между ними Ива, научился отъ доктора изъ Приморья, извѣстнаго подъ именемъ Медиговича, котораго въ то время приглашали къ больнымъ въ Цермницу, а Стіепо сопровождалъ его и научился такъ, что послѣ и его стали приглашать въ Приморье. Прозвище приморскаго лѣкаря тоже показываетъ, что не онъ первый сдѣлался медикомъ, а унаслѣдовалъ свое искусство отъ предковъ.

Изъ Иличковичей мы уже упоминали Марка; также былъ извѣстенъ Митѣ, а теперь сынъ его Иво, который, впрочемъ, въ послѣднее время мало занимается лѣченіемъ и живетъ на покоѣ въ Вирбазарѣ.

Въ послѣднее время въ Черногоріи во всѣхъ главныхъ округахъ имѣются уже лѣкаря ученые; потому роль домашнихъ самоучекъ прекращается; но само правительство, запрещая имъ вообще медицинскую практику, сохранила за ними право лѣченія ранъ, изломовъ костей, ушибовъ, а также разнаго рода

накожныхъ болѣзней, опухолей и ревматизмовъ. Внутреннія же болѣзни совершенно изъяты изъ ихъ круга, хотя народъ прибѣгаетъ къ нимъ и въ этихъ болѣзняхъ. И — сказать правду — нѣкоторые изъ нихъ, опираясь на свое довольно хорошее знакомство и съ внутренними отправлениями человѣческаго тѣла и многолѣтнюю опытность собственную, а отчасти давнюю, унаслѣдованную отъ предшественниковъ, при ихъ природномъ, практическомъ умѣ, и во внутреннихъ болѣзняхъ часто дѣйствуютъ рационально и успѣшно.

Прежде каждое племя имѣло своихъ лѣкарей, изъ которыхъ иные пользовались такою извѣстностію, что ихъ приглашали и въ другія, отдаленныя мѣстности; Иличковичи же между ними получили, такъ сказать, официальное признаніе для всей Черногоріи.

В. НРАВСТВЕННЫЙ ТИПЪ.

1. Общія душевныя способности: наблюдательность и любопытство; память; легкость усвоенія и подражательность; отсутствіе глубокомыслія и типъ противоположный тому; практическое направленіе ума; сильная впечатлительность, доходящая до фиксаціи, и вытекающія изъ этого послѣдствія; особенная чувствительность къ мелочамъ; преобладаніе фантазіи надъ размышленіемъ; энергія и увлеченіе; авантюризмъ, какъ слѣдствіе предыдущихъ качествъ.

Старая пословица: «mens sana in corpore sano» вполне прихлѣняется къ черногорцу, который по своему физическому типу, по устройству головы и соразмѣрности всѣхъ частей тѣла, при нѣкоторой тонкости чертъ и красотѣ, носитъ на себѣ всѣ характерныя особенности индо-европейской расы, заявившей въ исторіи передъ цѣлымъ свѣтомъ свои высшія культурныя спо-

собности. Въ связи съ прекрасно развитыми внѣшними чувствами черногорецъ обладаетъ необыкновенною воспріимчивостію внѣшнихъ впечатлѣній. Отчасти мы уже указывали это; а здѣсь нѣсколько расширимъ и дополнимъ.

Проходя по какой-либо мѣстности, онъ не пропуститъ безъ вниманія ни одной мелочи: и гдѣ стоитъ выдающійся камень, и гдѣ на камняхъ отпечатались слѣды грязныхъ опанокъ, ведущіе къ какому-нибудь сокровенному хранилищу воды; гдѣ стоятъ человѣкъ, хотя бы то было и на весьма далекомъ разстояніи, или гдѣ пасется лошадь и т. п. Его живой умъ поддается самымъ тонкимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, откуда проистекаетъ крайняя внимательность его ко всему, что происходитъ вокругъ него, — имѣть то какое-либо отношеніе къ нему лично или нѣтъ, и вытекающее изъ того любопытство. Увидѣвши васъ издалека, онъ будетъ слѣдить за вами, пока вы не скроетесь изъ виду; а иногда будетъ бѣжать за вами или пересѣчетъ вамъ путь, чтобы только видѣть и разсмотрѣть васъ, а если есть возможность, разспроситъ, кто вы, откуда, куда и зачѣмъ идете. Сойдясь съ вами на дорогѣ, онъ сдѣлаетъ вамъ полный допросъ, не оставивши безъ вниманія и ваше общественное и семейное положеніе, и получаете ли вы жалованье, сколько и отъ кого, или существуете какими-либо другими средствами и т. д. Въ какомъ бы пустынномъ мѣстѣ вы ни шли, гдѣ кажется вамъ, нѣтъ живой души, всегда найдется зоркій глазъ пріютившагося гдѣ-нибудь чобана, который съ любопытствомъ слѣдитъ за вами. При встрѣчѣ съ вами черногорецъ не оставитъ въ покоѣ ни одной вашей вещи, не осмотрѣвши и не ощупавши; а если встрѣтится что новое для него, онъ обо всемъ разспроситъ такъ старательно, какъ будто это входитъ въ его интересы. Его, какъ ребенка, занимаютъ всѣ техническія особенности вновь видѣнной вещи; но рядомъ съ этимъ ребяческимъ любопытствомъ слѣдуетъ желаніе все постигнуть, чтобы можно было тѣмъ воспользоваться, и онъ дѣйствительно постигаетъ.

Съ живою и глубокою впечатлительностію черногорецъ об-

ладаетъ необыкновенною памятью, которая даетъ ему, напр. возможность заучивать множество пѣсенъ, состоящихъ изъ 800 и болѣе стиховъ; запоминать по нѣскольку сотъ пменъ, давасмыхъ домашнимъ животнымъ, при чемъ онъ запоминаетъ и физиономію каждаго животноаго, выражающуюся иногда въ весьма мелкихъ признакахъ; видѣвшись однажды съ человѣкомъ, онъ никогда его не забываетъ; запоминаетъ онъ также и событія съ мельчайшими подробностями, словно писанная хроника, хотя въ мелочахъ иногда затемняется главное. Читая что-либо, онъ запоминаетъ не только содержаніе, но и самыя фразы, которыя при томъ въ его умѣ врѣзываются такъ глубоко, что онъ почти не въ состояніи передать содержаніе своими словами. Это особенно кидается въ глаза на экзаменахъ въ учебныхъ заведеніяхъ: экзаминаторъ часто предполагаетъ, что ученикъ безсмысленно зазубрилъ урокъ, тогда какъ онъ усвоилъ все вполне со смысломъ; но по свойству ума въ немъ всецѣло отпечатлѣлись и фразы, хотя бы онѣ и не были строго продуманы и осмыслены. Черногорцу весьма легко дается изученіе иностранныхъ языковъ, но не теоретическое, а чисто практическимъ путемъ изъ разговора; при чемъ онъ отлично перенимаетъ выговоръ и интонацію. Отсюда, можетъ быть, прорастаетъ подражательность, въ смыслѣ не только склонности перенимать чужое, но и въ способности усваивать, доходящей до виртуозности.

Въ школѣ на усвоеніи учениками различныхъ математическихкихъ теоремъ и рѣшенія задачъ можно видѣть быстроту и сообразительность черногорскаго ума. Также сообразителенъ и находчивъ онъ и въ жизни: прекрасно умѣетъ оцѣнить свое положеніе и впередъ разсчитать предстоящіе ему шансы.

Наблюдая, однако, вообще современныхъ черногорцевъ, между которыми въ настоящее время есть люди и съ высшимъ образованіемъ, мы сказали бы, что они при блестящихъ способностяхъ удовлетворяются только поверхностнымъ схватываніемъ, не углубляясь много въ сущность предмета или какого-нибудь вопроса; не даютъ себѣ труда и много ни надъ чѣмъ не задумы-

ваются. И это легкое поверхностное схватываніе удовлетворяет ихъ настолько, что они уже и не стараются познакомиться съ предметомъ серіознѣе. При томъ предметы отвлеченные ихъ мало интересуютъ, а во всемъ преслѣдуется преимущественно реальнѣйшій смыслъ и практическое значеніе. Эту практическую, понятно, суживается кругозоръ; а также, слишкомъ поддаваясь интересамъ даннаго момента, черногорецъ не заглядываетъ далеко и въ будущее.

Но духъ народа вполне сказывается только въ его передовыхъ личностяхъ, въ какой бы то ни было области. Не будемъ останавливаться на личностяхъ современныхъ или близкихъ къ современности; такъ какъ для нихъ еще не настала пора всесторонняго, безпристрастнаго и нелицепріятнаго суда; а обратимся за указаніями въ этомъ вопросѣ къ исторіи. Черногорскій народъ въ своемъ прошломъ имѣетъ рядъ великихъ личностей, освѣщенныхъ уже исторіей. Мы не разъ указывали на черногорскихъ владыкъ, рядомъ съ которыми можно указать и другія личности, изъ старыхъ фамилій Петровичей, Вукотичей, Радоичей, Дьюрашковичей и др., которые въ своей дѣятельности на пользу своего отечества, вмѣстѣ съ глубокимъ народнымъ чувствомъ и самопожертвованіемъ ради идей и общаго интереса, обнаружили широкій умъ и дальновидность прозорливыхъ политиковъ. Съ этими качествами соединяется иногда человѣчность и философскій духъ, выражающійся въ пониманіи предметовъ изъ отвлеченной области мысли, вѣры и морали.

Самымъ выдающимся и вмѣстѣ съ тѣмъ типичнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является владыка Петръ II, этотъ — по мѣткому выраженію Марье: «Прикованный къ своему Кавказу Прометей, у ногъ котораго, однако, не плакала ни одна Океанца». Просвѣщенные путешественники того времени удивлялись его уму и образованности, которой онъ достигъ самъ собою безъ всякаго руководителя и, кромѣ того, постоянно стѣсняемый своими тяжелыми обязанностями, какъ правитель страны, въ то время неустроенной, и при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Одинъ англичанинъ (Питонъ) свидѣтельствуеъ о его необыкновенной страсти къ наукѣ и литературѣ, равно какъ и о замѣчательномъ искусствѣ и энергїи въ политикѣ; другой — (Вилькинсонъ) говоритъ, что «его замѣчанія по исторїи, политикѣ и по множеству другихъ предметовъ, о которыхъ онъ любитъ разсуждать, показываютъ въ немъ обширныя познанія и превосходную память». Нѣмецкій путешественникъ Кооль не колеблется прямо назвать его великимъ человѣкомъ. Е. П. Ковалевскій называетъ его «однимъ изъ образованнѣйшихъ людей нашего времени». Лучшую же и всестороннюю характеристику его представляетъ Л. Ненадовичъ *). По всѣмъ этимъ отзывамъ въ немъ, какъ бы наперекоръ современному черногорскому реализму и практицизму, проявляется въ самой сильной степени стремленіе къ разрѣшенію отвлеченныхъ вопросовъ». И дѣйствительно, въ поэмѣ «Луча микрокосма» онъ развиваетъ свои мысли о происхожденіи міра и о томъ, что осталось у человѣка божественнаго послѣ его грѣхопаденія и чѣмъ онъ возвышается надъ остальнымъ животнымъ міромъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ больше всего обращается къ уму и просвѣщенію, чему и посвятилъ свои стихотворенія «Мысль», «Вѣрни син ночи пѣва похвалу мыслима» и «Просвѣштенье». О просвѣщеніи онъ говоритъ: «Безъ тебя человѣчество росло бы и умирало глупо и слѣпо, какъ другія животныя. Безъ тебя человѣкъ не походитъ на человѣка ничѣмъ, какъ только однимъ станомъ и тѣлеснымъ видомъ, а душою хуже, злѣе и яростнѣе барса и тигра... Несчастенъ тотъ народъ, который не освѣщаютъ твои сіяющіе лучи; а тотъ вѣчно счастливъ, который воздвигаетъ во славу твою памятники и блестящіе храмы». Проникнутый такими чувствами и мыслями, онъ находилъ отдыхъ и наслажденіе въ общеніи съ людьми науки и литературы и по возможности старался и при себѣ держать людей, которые, помимо своихъ служебныхъ дѣлъ,

*) Всѣ эти отзывы, а также и нашу собственную характеристику влад. Петра II можно найти въ нашей книгѣ «Петръ II Нѣгошъ влад. Черногорїи. 1889 г., особ. стр. 153—168 и 183 до конца 214».

занимался наукой и литературой, каковы были Симо Милутиновичъ, Д. Милаковичъ, М. Медаковичъ, а при концѣ жизни его печалило особенно то, «что въ черногорцахъ начинается охлаждать чувство къ закону Божію», подъ которымъ онъ разумѣлъ не одну вѣру, но вообще интересъ къ духовной жизни и духовнымъ интересамъ. Это охлажденіе, еще болѣе проявляющееся въ современномъ культурномъ слоѣ Черногоріи, до нѣкоторой степени выясляетъ .I. Ненадовичъ по поводу замѣчаній того же владыки Петра II.

Останавливаясь на усиліи послѣдняго уяснить себѣ цѣлью космогонію, Ненадовичъ дѣлаетъ такое сопоставленіе владыки Петра II съ послѣдующимъ поколѣніемъ: «Не имѣя современныхъ научныхъ сочиненій, которыя могли бы ему помочь, онъ всѣ направленія философской мысли, которыя за 3000 лѣтъ между людьми возникли и нап. создавалъ и разрѣшалъ одинъ, собственнымъ размышленіемъ въ своемъ цѣлномъ уединеніи, пока не вышелъ на чистый путь, на которомъ стояли тогдашніе ученые люди. Есть тысячи вещей, о которыхъ современнымъ молодымъ людямъ нѣтъ надобности размышлять: передъ ними готовые, отчетливые, ясные результаты, въ которыхъ наука болѣе не сомнѣвается и ничего нельзя опровергнуть или перепланировать; тысячи научныхъ задачъ и вопросовъ рѣшено, и о нихъ больше не разсуждаютъ и не говорятъ. Во время молодости владыки было иначе».

Кромѣ того, добавимъ отъ себя — въ настоящее время всякіе отвлеченные вопросы отгѣснены иногда весьма жгучаго характера вопросамъ политическими и социальными, стоящими въ тѣсной связи съ практической жизнью.

Не въ этомъ ли заключается причина преобладанія реально-практическаго направленія у современныхъ культурныхъ черногорцевъ независимо отъ свойствъ народнаго ума? Можетъ быть, таковъ духъ времени и къ тому ведутъ обстоятельства современной жизни, охватывающей своимъ духомъ и маленькую Черногорію?

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей и свойствъ черногорца.

При той впечатлительности черногорца, на которую мы указывали выше, онъ чрезвычайно раздражителенъ, и эта раздражительность доходитъ до того, что въ немъ заглушается голосъ разсудка и чувство справедливости. Готовый отдать собственную жизнь за жизнь другого, онъ въ то же время можетъ убить человѣка изъ-за пустяковъ. Случаевъ такихъ множество; вотъ одинъ изъ нихъ для примѣра.

Двое — одинъ чевлянинъ, другой цермнячанинъ — были перьянками у князя; однажды они боролись передъ княземъ, и чевлянинъ поборолъ, чѣмъ остался сильно обиженъ цермнячанинъ. Прошелъ годъ; тѣ же самые два перьянка зашли въ с. Чево, гдѣ цермнячанинъ былъ гостемъ у своего товарища. На другой день они отправились на Цетинье и по дорогѣ остановились отдохнуть просто въ полѣ. Чевлянинъ спокойно легъ ничкомъ на землю и заснулъ, а тотъ вынулъ 2 пистолета и, сразу выстрѣливъ въ спавшаго въ спину (усуо је), убилъ его на повалъ и бѣжалъ.

Можно понять, если человѣкъ за смерть своего человѣка мститъ смертью, какъ ему предписываетъ то обычай; или если онъ мститъ за оскорбленіе тотчасъ же, въ минуту взрыва гнѣва; но тутъ причина такая ничтожная, и послѣ того прошелъ цѣлый годъ. Это уже не одна пылкость темперамента, а какое-то однопунктное помѣшательство. И дѣйствительно, кромѣ крайней раздражительности, которую д-ръ Миллиничъ объясняетъ нервно-сангвиническимъ характеромъ, мы замѣчаемъ въ черногорцѣ большую склонность къ фиксаціи, въ зачаткахъ проявляемой имъ даже въ мелочахъ обыденной жизни. Пояснимъ это примѣромъ. Черногорцу нужно что-нибудь получить отъ васъ или вы общали ему нѣчто; онъ не дастъ вамъ покоя нигдѣ, будетъ преслѣдовать васъ какъ тѣнь, пока не добьется своего или пока вы ему рѣшительно въ томъ не откажете. Если у него есть какое-нибудь дѣло, заботящее его, онъ ни о чемъ другомъ не можетъ говорить, какъ только о немъ.

Понятно послѣ этого, что онъ не можетъ забыть какую-либо обиду, глубоко запавшую ему въ душу. Будучи не въ состояніи отомстить тотчасъ, онъ её фиксируетъ и въ такомъ состояніи могутъ пройти годы, а онъ все-таки свою фиксацію доведетъ до осуществленія. Приведемъ и еще одинъ случай. Четыре года назадъ совершено убійство на Цетиньѣ на главной улицѣ, среди бѣлаго дня; и вотъ какими обстоятельствами оно сопровождалось.

Одинъ дольнекраецъ былъ оскорбленъ байцомъ, какъ говорится, «на правду божью»: его ударили бревномъ по головѣ такъ, что онъ повалился замертво и послѣ едва оправился. Ударившій его байца былъ за то арестованъ и посаженъ въ тюрьму; но черезъ 24 часа его освободили по чьему-то ходатайству, что обиженнымъ считалось нарушеніемъ справедливости. Поднявшись съ одра болѣзни, онъ долго не могъ вполне поправиться здоровьемъ, а главное — сдѣлался крайне задумчивъ; и потому всѣ говорили, что онъ этого дѣла не оставитъ. Въ такомъ состояніи видѣлъ его и я и замѣчалъ въ немъ какую-то ненормальность.

Правда, онъ былъ въ полномъ сознаніи и занимался своими дѣлами, какъ обычно; а былъ человекъ смиренный и работящій; только нпкогда не былъ веселъ, какъ прежде, и жаловался на неизлѣчимую головную боль и на сдѣланную ему неправду.

И вотъ однажды, рано утромъ, шелъ по улицѣ батальонный командиръ Божко Мартиновичъ байца, лучший человекъ въ своемъ племени и любимый вообще всѣми за свой характеръ и другія хорошія качества. На немъ-то и рѣшилъ выместить свою обиду оскорбленный: тутъ же стрѣляетъ въ него и убиваетъ; но тотъ, упавши, успѣлъ убить своего убійцу. Такимъ образомъ двѣ жертвы сразу вслѣдствіе фиксаціи. Убійца сумасшедшимъ не былъ; но въ умѣ его произошло какое-то видоизмѣненіе, которое и довело его до совершенія убійства. Причины, приведшія его къ этому, были чисто нравственныя: прежде всего безнаказанность обидчика, затѣмъ стыдъ передъ другими,

что пропустилъ ему обиду, который усиливался еще тѣмъ, что обидчики его подсмѣивались надъ нимъ и еще больше раздражали. Но основою послужило его физиологическое состояніе: крайняя и глубокая впечатлительность. Что же касается самаго проявленія этой крайней раздражительности въ видѣ убійства, то тутъ играетъ роль чисто бытовая сторона: во-1-хъ, постоянное ношеніе при себѣ оружія, которое, такъ сказать, просится на то; во-2-хъ, привычка къ убійству и равнодушіе къ смерти, воспитываемыя въ черногорцѣ вѣчною войною. Убить человѣка для черногорца, какъ говорится, какъ пить дать. Совершаютъ убійство иногда люди совершенно мирнаго и мягкаго характера. Такъ не очень давно капитанъ изъ Сотоничей (въ Цермницѣ) убилъ своего односельчанина, идя вмѣстѣ съ нимъ, изъ подозрѣнія, что тотъ рѣшился, во чтобы то ни стало, убить его самого. Убивая его, капитанъ не рассчитывалъ ни на побѣгу, ни на какой другой способъ спасти себя; онъ не разстрѣлялъ, но посаженъ въ тюрьму пожизненно, слѣдовательно — все равно погибъ. Иной, убивши другого нечаянно, тотчасъ же убиваетъ самъ себя. Не только убійства, но и самоубійства здѣсь весьма часты, временами, точно эпидемично.

Та же раздражительность, оказывающая такое сильное, такъ сказать, неотразимое и часто роковое вліяніе на всю жизнь черногорца, является причиною душевныхъ болѣзней. Въ скорбномъ листѣ душевно-больныхъ, въ предыдущемъ отдѣлѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ подвергнувшихся этой болѣзни вслѣдствіе моральныхъ потрясеній: тотъ лишился сыновей, другой потерялъ все состояніе, третій получилъ ударъ его самолюбію и т. п. Но въ числѣ этихъ причинъ есть и такія мелкія, что для нормально мыслящаго человѣка это непонятно: напр., сходили съ ума изъ-за того, что не получили званія десетчара; этому не дали удовлетворенія въ судѣ; другого посадили въ тюрьму, которой не минуютъ иногда и высшіе чиновники, и т. п. И еще страннѣе сумасшествіе отъ испуга, иногда отъ суевѣрнаго страха, отъ грома, ударившаго близко, и т. п., Испугъ дѣй-

стываетъ такъ спльно на черногорца, который въ бою не знаетъ страха! И онъ же, съ невозмутимостію переносящій тяжелыя операціи, какъ отнятіе ноги, выпливаніе челюсти, соединенное съ разрѣзами и потомъ зашиваніемъ щекъ, падаетъ въ обморокъ, увидѣвши кровь при разрѣзѣ маленькаго вереда. Отсюда же протстекаетъ крайняя нетерпѣливость въ случаяхъ мелкихъ. Терпѣливо и мужественно переносящій всякую нужду и самыя тяжелыя раны, попадая въ холю, и при незначительной болѣзни, черногорець дѣлается крайне нетерпѣливымъ, иѣжнымъ и капризнымъ. Въ этомъ, конечно, сказывается темпераментъ; но дѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причины моральныя, которыя вообще могутъ вліять на темпераментъ успоковающимъ или раздражающимъ образомъ. Д-ръ Миланчичъ справедливо указываетъ на вѣчную войну съ виѣшнимъ непріятелемъ, внутреннія междоусобія, слишкомъ частыя и крутыя смѣны чувствъ страха и радости, затѣмъ вѣчное душевное и тѣлесное напряженіе доходящее до крайняго утомленія, какъ на причины, развивающія нервозность черногорца. Скажемъ въ добавокъ, что и въ мирное время черногорець живетъ въ такой же тревогѣ ума и чувства, вслѣдствіе крайней амбіціозности, изъ которой вытекаетъ масса ссоръ и тяжбъ, доводящихъ до весьма тяжелыхъ и даже губельныхъ послѣдствій, и эта амбіціозность воспитывается въ немъ съ дѣтства, даже въ школѣ и въ послѣдующей жизни во всѣхъ ея сферахъ. Въ погонѣ за отличіями черногорець не постыдится хвалить самъ себя, хотя бы не было ничего за него; у него хватить духу и дерзости сказать: «я лучше всѣхъ!» По этому поводу рассказываютъ одинъ, довольно комичный случай.

Обойденный медалью и считающій себя лучше другихъ является на Цетиньѣ къ князю съ жалобой на несправедливость по отношенію къ нему и въ то же время заявляетъ, что вообще награждаются люди не по заслугамъ. Тогда князь, видя крайнюю напвность претендента, предлагаетъ ему указать хоть на одного изъ присутствовавшихъ—при этомъ было народу много—

который бы имѣлъ знакъ отличія, а былъ бы хуже его. Осмотрѣвши внимательно всѣхъ, онъ остановился на одномъ невзрачномъ человѣкѣ, который, какъ-то съжившись подъ старенькою струкой, скромно держался при краѣ, а между тѣмъ на груди у него виднѣлась медаль Милоша Обилича, высшая черногорская награда за храбрость. «Ужъ во всякомъ случаѣ лучше вотъ его» съ увѣренностью отвѣтилъ онъ, указывая на того скромнаго человѣка. А это былъ барьяктарь Новакъ Рамовъ, извѣстный въ цѣлой Черногоріи юнакъ и во всѣхъ отношеніяхъ «рыцарь безъ упрека». Сверхъ неоправданной амбиціозности, претендентъ обнаружилъ при этомъ незнаніе своихъ лучшихъ людей и со стыдомъ долженъ былъ удалиться.

Еще одинъ подобный случай былъ при мнѣ въ 1884 г. Когда раздавали медали по разнымъ батальонамъ, одному батальону, какъ изъ лучшихъ въ цѣломъ войскѣ, дано было по 25 штукъ на сотню. Раздачу эту произвелъ батальонный командиръ, человѣкъ умный и честный и во всѣхъ отношеніяхъ одинъ изъ способнѣйшихъ. Раздача эта происходила передъ цѣлою сотнею и съ общаго совѣта. Когда она была окончена, выступаетъ одинъ: «А мнѣ-то что же? развѣ я плохой? Нѣтъ—отвѣчаютъ ему—ты хорошій воинъ и, еслибъ была еще одна медаль 26-я, ты бы еѣ получилъ прежде всякаго другого.—Это, однако, его не удовлетворило, и онъ рѣшился добиться медали, обжаловавъ командира передъ княземъ, и для того требовалъ, чтобы вся сотня, въ качествѣ свидѣтеля, отправилась съ нимъ на Цетинье. Командиръ не имѣлъ ничего противъ того и вдобавокъ соглашался уплатить 50 талеровъ сотнѣ за ея трудъ и потерю времени, если окажется не правъ; а тотъ вызвался самъ дать по 2 талера на человѣка. Когда явились передъ княземъ, то изъ цѣлой сотни на сторонѣ претендента оказались только 4 чел., а остальные всѣ противъ него и даже его родной братъ; и онъ, пристыженный всенародно, бѣжалъ домой; а передъ тѣмъ былъ такъ дерзокъ, что едва не вызвалъ кровавую схватку.

Въ 1885 г. въ іюні мѣсяцѣ, несмотря на рабочее время, изъ

самаго отдаленнаго края Черногоріи, изъ Дробнякъ приходили на Цетинье 30 чел. тоже судиться изъ-за медалей. Такихъ слушаевъ множество, и всѣ они ведутъ къ ненужнымъ, большимъ расходамъ и поселяютъ въ народѣ внутреннія неудовольствія. Это и составляетъ одну изъ самыхъ несимпатичныхъ сторонъ современнаго черногорца, въ значительной степени затмѣвая и, такъ сказать, обезцѣпывая многія другія, поистинѣ прекрасныя качества и высокія доблести черногорца.

Сильною впечатлительностію и живостию ума обуславливается богатое воображеніе и фантазія черногорца, не покидающія его во всѣхъ сферахъ жизни. Отсюда проистекаетъ образность и картинность не только въ поэтическихъ произведеніяхъ, но и въ обычномъ говорѣ и въ самыхъ оборотахъ языка, всегда прешполненнаго гиперболю, на чемъ мы остановимся въ отдѣлѣ языка. Его рѣчь чрезвычайно сильна и убѣдительно, особенно, если ему приходится что-нибудь доказывать или опровергать на судѣ. Онъ, однако, не искусенъ въ построеніи силлогизмовъ и рѣчь его держится не на абстрактно логическихъ доводахъ; но онъ силенъ доводами, основанными на фактахъ, обильно громоздящихся въ его исторической памяти, и картинами, изобилующими иногда самую сложную концепціей и яркими красками.

Обладая умомъ, который ко всему относится критически, все взвѣшиваетъ и разсчитываетъ, черногорецъ часто, однако, уступаетъ напору страсти и личному влеченію вслѣдствіе своего нервно-сангвиническаго темперамента. При томъ въ самомъ чувствѣ проявляется всегда больше силы, чѣмъ нѣжности.

Наконецъ эта сила чувства переходитъ въ энергію, которая помогаетъ черногорцу одолѣвать всевозможныя препятствія, поставляемыя ему природой, людьми и обстоятельствами, и всегда поддерживала черногорскій народъ на тяжкомъ пути его исторической жизни. Эта энергія, а не неприступность скалъ и ихъ ненужность никому, какъ то объясняютъ нѣкоторые иностранцы *), спасла Черногорію отъ порабощенія, которому по-

*) Ami Boué въ своемъ капитальномъ сочиненіи «La Turquie d'Europe»

корились ея сосѣди. Но бывали моменты, когда эта энергія, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ разлагающихъ обстоятельствъ ослабѣвала въ черногорскомъ народѣ, какъ то было, напр. во время появленія самозванца Степана Малаго, и когда онъ являлся для посторонняго наблюдателя никуда не годнымъ, какъ то видно изъ записки кн. Долгорукаго (1769 г.), который на основаніи видѣннаго имъ тогда отнимаетъ у черногорцевъ даже ихъ военную доблесть. На сколько въ этомъ отзывѣ было преувеличенія и неумѣнія понять истинное положеніе дѣла, мы показали въ исторической части нашего сочиненія (Т. I, стр. 558—62). И послѣ этого, при томъ же самозванцѣ, хотя не подъ его предводительствомъ черногорцы одержали блестящую побѣду надъ турками; но затѣмъ слѣдуетъ погромъ Черногоріи 1785, причиною котораго было внутреннее разстройство и упадокъ энергіи. Такіе моменты возможны въ жизни всякаго народа и, если онъ живетъ подъ военно-патріархальнымъ управленіемъ своихъ родовыхъ главарей или одного правителя, отъ нихъ зависитъ направить народъ на добро и зло; при этомъ, чѣмъ народъ способнѣе и энергичнѣе, тѣмъ и проявленія въ томъ или другомъ направленіи бываютъ рѣзче. Таковъ именно по способностямъ своимъ народъ черногорскій: въ немъ вы можете встрѣтить высшія доблести и наибольшую испорченность. По счастью, въ общемъ первыя преобладаютъ надъ второю. Но отдѣльныя личности при нѣкоторыхъ блестящихъ способностяхъ, доходящихъ до виртуозности, сбиваются иногда на путь авантюризма. Изъ недавняго времени такимъ *chevalier d'industrie* является Duc de Medune, извѣстный въ Европѣ и съ большимъ участіемъ изображенный нѣмецкимъ путешественникомъ Густавомъ Рашемъ подъ именемъ «*Armenischer Prinz*», и къ которому сочувственно отнеслись даже нѣкоторыя высокопоставлен-

1840 г. говорить, что Черногорія сохранила свою независимость именно «*à cause de sa stérilité et de l'âpreté de ses montagnes; sans cela il sera depuis longtemps subjugué*», и на основаніи этого предлагаетъ, какииъ способомъ она можетъ быть покорена безъ труда (ч. 2, стр. 26—27).

ныя лица въ Берлинѣ *). Кромѣ него, есть нѣсколько мелкихъ, дѣйствующихъ въ болѣе скромныхъ сферахъ простого обмана для вымащиванія денегъ, но также отправляющихся для того за границу, не находя для того почвы дома.

Конечно, тѣнь отъ такихъ личностей никакъ не должна падать на весь народъ; но ихъ примѣръ не можетъ не дѣйствовать на тотъ же народъ. Черногорецъ легко обольщается блестящими способностями и смѣлыми или, вѣрнѣе, дерзкими дѣлами, ради чего въ немъ является отсутствіе безразличности къ такимъ личностямъ, занятымъ себя рядомъ безнравственныхъ поступковъ, рядомъ съ пренебреженіемъ къ честному труженику и особенно къ труду ремесленника и другимъ скромнымъ занятіямъ. Въ силу такого предрасположенія въ Черногоріи слишкомъ большою славою пользуется Степанъ Малый, на что мы считали долгомъ указать въ отдѣлѣ исторіи; а наконецъ создалась даже поговорка, возводящая мошенничество въ доблесть. Какъ у насъ говорится, что и умный человекъ не можетъ быть не плутомъ, такъ и въ Черногоріи: «Гдѣ нема гальота (мошенника), нема ни чоека».

Вотъ какъ характеризуетъ черногорца съ этой стороны иностранецъ: «Черногорецъ обладаетъ нѣкоторою веселостью и одаренъ живымъ умомъ и такою же фантазіей; онъ представляетъ собою характеръ переменчивый и непостоянный; у него нѣтъ терпѣнія, ни устойчивости въ перенесеніи труда; умъ его легко все схватываетъ; воображеніе его намѣчаетъ цѣль, вперёдъ рассчитывая на успѣхъ, и преувеличиваетъ его. Въ этомъ вопнѣ, отважномъ въ атакѣ, вы встрѣчаете ребенка; если ему сразу не удастся, онъ вдругъ падаетъ духомъ и терять довѣріе къ самому себѣ. Въ обыденной жизни онъ также легко переходитъ отъ радости къ унынію, отъ спокойнаго состоянія къ гнѣву; но его страсть уступаетъ довольно легко. Онъ очень гордъ по при-

*) Vom Schwarzen Berge. Dresden. 1875. стр. 32—35; его же выводитъ на сцену и французскій романистъ Daudet въ романѣ «Tartarin Tarascon».

родѣ, и его преувеличенное понятіе о своей доблести, о храбрости и другихъ способностяхъ, въ результатѣ обращается въ пользу ему, такъ какъ толкаетъ его на дерзкія предпріятія, которыя иногда ему удаются. Въ общемъ натура его представляетъ особенную смѣсь достоинствъ и недостатковъ. Черногорецъ говорить громко, его манера сурова, горделива, молчалива; если онъ одинъ идетъ по улицѣ и на него смотрятъ, онъ надмевается и величается; въ другихъ же случаяхъ въ немъ проявляется благодушіе, а по отношенію къ высшимъ—покорность. Въ его осанкѣ есть то, что мы называемъ *аристократическое*, и въ то же время въ основѣ онъ демократъ. Онъ малодѣятеленъ и питаетъ нѣкоторое нерасположеніе къ ручной работѣ; досужество онъ считаетъ принадлежностію его личнаго достоинства» (Yriarte, стр. 418—19).

Е. П. Ковалевскій, два раза посѣтившій Черногорію и во время этихъ посѣщеній полюбившій черногорскій народъ за его многія прекрасныя качества, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно его особенной доблести, воспитанной въ немъ его военнымъ положеніемъ: «Черногорецъ — говоритъ онъ — дѣятеленъ въ одномъ случаѣ, когда слышитъ кличъ на битву. Это—его стихія! Конечно, не врожденная склонность, не инстинктъ разрушенія далъ подобное направленіе цѣлому народу, — это было бы протівно человѣческой натурѣ; по необходимость самосохраненія и потомъ, привычка». (Черногорія и проч. I, стр. 11).

2. Частныя проявленія общихъ способностей: сознание своего я; понятіе о человѣкѣ; кровь — главный факторъ и въ моральной жизни; раздражительность; и н а т (капризъ) и его вліяніе на общественныя отношенія; храбрость и другія доблести; общительность: храненіе тайны; гостепримство и участіе къ чужой нуждѣ; взаимопомощь.

(Отъ этихъ общихъ душевныхъ способностей человѣка перейдемъ къ ихъ проявленіямъ въ различныхъ сферахъ жизни и при различныхъ обстоятельствахъ.

Начнемъ съ чувства самолюбія, сознанія своего «я», какъ человѣка, отдѣльной единицы и члена извѣстнаго общества откуда проистекають — гордость, тщеславіе и т. д., и постараемся при этомъ уловить взглядъ на то самого черногорца.

Со словомъ *чоѣкъ* или *чоек* (говорять иногда и *человѣкъ*) черногорець соединяетъ понятіе совершенно отличное отъ скромно-христіанскаго взгляда на него, какъ на существо совершеннѣйшее на землѣ, надѣленное высокими качествами души, но въ то же время и слабостями, которыя часто дѣлають его безсильнымъ въ борьбѣ со зломъ, если не поможетъ ему въ томъ Богъ. У черногорца съ этимъ именемъ соединяется понятіе чего-то возвышеннаго, сильнаго, мужественнаго. «Я говорю тебѣ, какъ человѣку», «ты поступи, какъ человѣкъ», «я поступлю съ тобой, какъ съ человѣкомъ», «спасибо тебѣ, какъ человѣку»: въ этихъ выраженіяхъ видно, какъ высоко онъ ставитъ достоинство человѣка. *Чойство* (человѣчность) заключаетъ въ себѣ понятіе о чело-вѣчности или гуманности съ придачею еще и другихъ качествъ: ума и характера, честности и великодушія. Если онъ говоритъ: «я сам чоек», это значитъ, что онъ считаетъ себя обладающимъ всѣми указанными качествами. «Чоече!» говоритъ черногорець, обращаясь къ кому-либо, не называя его по имени, не титулуя его ни по роду, ни по чину или званію, и этимъ хочетъ еще больше его почитать и затронуть его душу. Желая похвалить кого-либо, онъ, не перечисляя его заслугъ и достоинствъ, скажетъ только: «Баш е чоек!» и въ этомъ одномъ словѣ соединяются всѣ достоинства; или: «чоек од чоека», когда его отецъ и другіе предки были доблестные люди. Если онъ не обладаетъ никакими достоинствами, то онъ «*мечоек, бестиа*» *). Отъ чего же зависять эти качества человѣка? Все заключается въ крови. Какъ у насъ говорятъ объ человѣкѣ, что онъ имѣетъ прекрасную душу, доброе сердце; черногорець въ томъ же смыслѣ говоритъ: «*лепа*

*) «Человѣкъ» — говорится еще въ смыслѣ отличія мужчины отъ женщины.

му е крв» или «блага крв». Это относится одинаково, какъ къ нравственнымъ качествамъ, такъ и къ физической красотѣ. Выражая кому-нибудь свою любовь, при чемъ мы выразились бы: «готовъ отдать душу», черногорецъ говоритъ: «Дао бих за негa крви испод грла» или противное: «Попои бих нему крв из грла». Есть и у насъ обычай брататься, при чемъ у насъ обмѣниваются крестами; а у черногорцевъ, кромѣ всѣхъ другихъ обрядностей, главное состоитъ въ томъ, что братающіеся разрѣзываютъ себѣ пальцы и оба пускаютъ кровь въ чашу съ виномъ, которое и пьютъ вмѣстѣ.

Впрочемъ, часто слово кровь употребляется въ смыслѣ родства: «он е од наше крви», «крв не вода», т. е. родство всегда скажется, хотя бы люди и не знали другъ друга, потому что оно заключается въ крови. Въ этомъ смыслѣ разбираютъ, кто какой крови. При этомъ родство по мужской линіи называется *дебела* (*лустая*) *крв*, а по женской — *танка* *).

Съ этимъ связывается понятіе черногорца о *коговичъ* и *никовичъ*, на чемъ основывается чувство чести, гордость или тщеславіе черногорца. Объ этомъ мы имѣли случай говорить при характеристикѣ вообще племенного духа черногорца, и въ то же время мы замѣтили, что это понятіе въ новѣйшее время значительно видоизмѣняется, и честь и почетъ оказывается иногда не по происхожденію, а по заслугамъ.

Проводя параллель между старымъ и новымъ черногорцемъ, мы сказали бы, что первый былъ гордъ и чувствителенъ къ оскорбленію его чести, а второй—больше честолюбивъ или тщеславенъ и въ случаѣ нанесеннаго ему оскорбленія раздражителенъ. Эта черта сказывается очень рано въ дѣтскихъ играхъ и въ школѣ и развивается всею жизнію современнаго черногорца

*) Есть одно выраженіе въ бранномъ смыслѣ, котораго мы не можемъ истолковать: «У! крв незабіелена!» по народному толкованію: «ни вода, ни вино; човѣк ништа, коме се не може вѣровати»; тогда какъ по буквальному смыслу слово это должно бы означать противное: чистую кровь, какъ «незабіелено вино» означаетъ чистое, несмѣшанное вино.

все больше и больше до такой степени, что изъ-за ничтожнаго слова, сказаннаго даже безъ намѣренія оскорбить, можетъ возникнуть крупная ссора; неудовлетвореніе самолюбія сводитъ съ ума, а болѣе глубокое оскорбленіе доводитъ людей до убійства другого или самоубійства.

Въ основѣ всего этого лежитъ, конечно, высокое чувство чести (часть, образ, поштенье, хрз); въ такомъ духѣ выражаются и народныя пословицы: «Больша е добар глас, него златан пас»; «У стиду гние чойство и юнаштво»; «Чоек све дава за образ, а образ ни за што» и наконецъ: «Больша е поштено умрјети, него срамотно жпвьети».

Здѣсь заключается источникъ главныхъ доблестей черногорца, а рядомъ съ ними и нѣкоторыхъ пороковъ, и, дѣйствуя на эту сторону, вы можете подвинуть его на прекрасное и великое дѣло; но зато, чтобы выдвинуть себя, онъ не пощадитъ, какъ говорится, брата роднаго и самаго интимнаго друга, не разбирая при томъ средствъ. Какъ бы въ помощь этому идетъ еще одно свойство, которое, впрочемъ, считается вообще сербскимъ это *инат* или *пркос* и *дешнет* — въ западной части Черногоріи (итальян.) желаніе сдѣлать кому-либо что-нибудь наперекоръ или на зло, хотя бы то было въ ущербъ ему самому. Въ поученіе самимъ себѣ сербы составили нѣсколько относящихся къ тому пословицъ: «За инат се и Марко Кралевич потурчио», или: «Инат е Марка у Стамбол займіо»; «За дешнет се баба обьесп» или: «Дешпет баба душу губи». Въ Черногоріи рассказываютъ, что за Баромъ цѣлое племя Мркоевичей перешло къ исламу тоже *за инат*, разсердившись на священника, за то что онъ слишкомъ рано отслужилъ обѣдню, и большинство не успѣло въ церковь во время.

Конечно, все это было иначе; но народъ такое несчастіе для себя приписываетъ именно той причинѣ, которая въ дѣйствительности вносила и вноситъ великое зло въ жизнь народа. *Инат* главнымъ образомъ вноситъ въ жизнь черногорскаго народа духъ сутяжничества изъ-за пустяковъ, всегда раззоряющихъ

одну сторону совѣтъ, но не оставляющихъ также безъ ущерба и другую. Вообще въ послѣднее время въ Черногоріи проявляется особенно сильное расположеніе къ тяжбамъ и интригамъ другъ противъ друга, вслѣдствіе чего и сложилась пословица, что черногорецъ: «До подне зло мысли другоме, а од подне сам себи». Это явленіе мы, впрочемъ, считаемъ временнымъ, проистекающимъ изъ переходнаго состоянія отъ прежняго самосуда къ судамъ, принимающимъ безъ разбора самыя мелочныя дѣла, которыя могли бы и не доходить до него. Тѣмъ же недугомъ когда-то страдала и Сербія, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, даже по селамъ рѣдкій домъ не имѣлъ какой-нибудь тяжбы (намъ извѣстно то въ Валевакомъ окружьѣ за 1868 г.). Это приписывали вліянію адвокатовъ; но для того нужна была готовая почва; значить, подготовляли то и другія обстоятельства.

Замѣчательно, что самъ народъ сознаетъ этотъ свой недостатокъ; но поддается ему именно вслѣдствіе слишкомъ горячаго и энергичнаго темперамента; а есть, конечно, какъ и вездѣ, люди, которымъ то идетъ на руку и объ которыхъ народъ говоритъ: «Заводи би два ока у одну главу», т. е. поссорилъ бы два глаза у одного человѣка.

И въ этомъ случаѣ играютъ роль измѣненія, происшедшія въ быту черногорца. Прежде большая часть дѣлъ рѣшалась въ племени и семейно, и чаще всего дѣло кончалось миромъ; а теперь съ разложеніемъ племени и старыхъ его началъ, всякое дѣло доводится до суда, при чемъ тотчасъ же начинаются затраты на хожденіе по дѣлу, и возврата не можетъ быть, а также трудно достигнуть и мира.

Любить черногорецъ вообще судбища, которыя для него представляютъ интересъ зрѣлища, и даже вмѣшиваться въ эти судбища; любить и судить, хотя бы то вовсе не входило въ его обязанность. Это происходитъ отъ того, конечно, что прежде судъ происходилъ въ народномъ собраніи, да и въ новѣйшее время капитаны производили судъ въ корчмѣ или просто на улицѣ, и даже теперь, если внутри Черногоріи появится какой-

нибудь высшій чиновникъ изъ Цетинья, къ нему собирается народъ на судбище и рѣдкій изъ нихъ откажется, если не судить, то, по крайней мѣрѣ, войти въ разборъ дѣла, хотя бы оно не относилось прямо къ его вѣдомству.

При томъ военномъ положеніи, въ которомъ находилась Черногорія нѣсколько столѣтій, одною изъ первыхъ доблестей является храбрость (юнаштво), исключаящая въ человѣкѣ всякій страхъ смерти и влекущая его во всякія опасности и на крайнее самопожертвованіе.

Что черногорецъ не равнодушенъ къ жизни, доказываетъ его страхъ смерти дома, когда она близится къ нему вслѣдствіе какой-нибудь болѣзни, въ которой онъ также чрезвычайно нетерпѣливъ до пѣжности. Но умереть дома, лежа на постели, мирно, въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ людей, называется *омринити се* и страшно для него, потому что это лишаетъ его возможности умереть въ бою отъ пули или подъ ударами ножа или сабли, оставивши по себѣ славное имя. Эта слава и окружаетъ для него смерть какимъ-то ореоломъ, въ которомъ исчезаетъ всякій страхъ передъ нею. Съ дѣтства привыкнувши къ смерти въ битвѣ своихъ ближайшихъ родныхъ, отца, брата и т. д.—черногорецъ смотритъ на это какъ на что-то должное и неизбежное. «Едан пут се мре» говорится въ смыслѣ этой неизбежности.

До какой степени всякій черногорецъ проникнуть этою мыслию еще съ дѣтства, можетъ пояснить слѣдующій случай.

Одинъ мальчикъ лѣтъ около 10, имѣя охотничье ружье, со двора своего дома выстрѣлялъ въ птицу на деревѣ, не замѣтивши, что тамъ проходили два человѣка, княжескіе перяники. Выстрѣлъ задѣлъ ихъ, но такъ, что только у одного пробило полу доламы; они замѣтили мальчика, который тотчасъ скрылся, и, переговоривъ съ его отцомъ, рѣшились его наугать. Черезъ полчаса приходятъ перяники въ домъ съ ружьями и требуютъ мальчика; отецъ его выводитъ; они объявляютъ ему, что по при-

казанію князя велѣно его разстрѣлять. Тогда онъ предается имъ со словами: «Э! что дѣлать! если князь приказалъ, ведите и разстрѣливайте: однажды въ жизни нужно умирать». Его водили и потомъ, конечно, отпустили; но рѣшимость его на смерть была очевидна.

У черногорца существуетъ не только убѣжденіе, что онъ можетъ, но и долженъ погибнуть. «Страшиви дома долази, а юнак иде, да мре», какъ будто оставшійся въ живыхъ не исполнилъ своего долга умереть. Особенно легко, даже весело онъ расстаётся съ жизнью, если въ свою очередь убилъ нѣсколькихъ своихъ враговъ. Во время несчастной гусинской экспедиціи зимою 1879 г. было много убито черногорцевъ и много ранено; одинъ съ нѣсколькими ранами въ груди, когда его несли на носилкахъ, истекая кровью, увидѣвъ меня, не вытерпѣлъ, чтобъ не проговорить: «Умирем, али сам се заменио!» т. е. умираю, но отомстивши. Когда услышатъ, что кто-либо погибъ, то первый вопросъ: «Е-ли се заменио?» т. е. убилъ ли и онъ кого-либо; и если — да, то всѣ удовлетворяются, это служить утѣшеніемъ; а иначе горе было бы больше или нужно бы было мстить.

Есть у черногорца и увѣренность, что рѣшительному человѣку Богъ помогаетъ: «Прегаоцу бог махове дае»; и, конечно, не каждый долженъ погибнуть непременно: «Не пада снѣг, да помори свѣт; но пада снѣг, да покаже свакој звѣрки слѣд» или «него да свака звѣрка свой траг покаже» т. е. въ трудныхъ обстоятельствахъ человѣкъ не долженъ непременно погибнуть, но въ нихъ можно видѣть, каковъ человѣкъ: «На муци се познаю юнаця», а «без мукe се ни пѣсма не испіева».

Не обладавши никогда большими силами и встрѣчаясь съ непріателемъ въ несравненно большемъ числѣ, черногорцы главную удачу полагають въ засадѣ: «Чія бусія, онога и юнаштво».

Будучи сломлены непріателемъ, черногорцы, однако, никогда не бѣгутъ безъ оглядки, какъ арнауты; но отстрѣливаются, пользуясь каждымъ попадающемся на пути камнемъ или деревомъ; поэтому и говорится: «Од куге за брдо, од пушке за дрво».

Не бояться смерти и смѣло идти въ бой, всегда рассчитывая погибнуть, присуще всякому черногорцу. При томъ одинъ таковъ по привычкѣ или по рожденію; а другой не смѣетъ отстать отъ товарищей и стремится въ бой, чтобы потомъ его не пристыдили, такъ какъ самолюбіе, какъ мы уже говорили, самая чувствительная струна въ характерѣ черногорца. При томъ я не знаю никого, кто бы такъ неумолимо зло умѣлъ преслѣдовать своего же товарища за всякую слабость, хотя бы то не зависѣло отъ него, а было его прирожденнымъ недостаткомъ: сейчасъ дается по этой примѣтѣ клочка, съ которою онъ останется до смерти. Тѣмъ опаснѣе показаться трусомъ. Во время послѣдней войны чрезвычайно трудно было найти между черногорцами людей, которые согласились бы служить при раненыхъ: это приходилось дѣлать силой и даже сажать для того въ тюрьму. Поэтому въ битву несется всякій: и мальчикъ, который не въ состояніи поспѣть съ настоящими войниками, и дряхлый старикъ, и страдающій одышкой, который едва ходитъ и т. п. Въ послѣднее время этого, конечно, не можетъ быть, такъ какъ определенъ и возрастъ, и качества, требуемая отъ настоящаго воина. Но это было недавно, а и теперь случается при неожиданныхъ пограничныхъ столкновеніяхъ; и я не знаю черногорца, который не показалъ бы себя храбрымъ въ бою; всякій считается храбрымъ и юнакомъ *). Но быть истиннымъ юнакомъ также трудно, какъ въ старое время трудно было сдѣлаться *коговичемъ*. Онъ долженъ показать себя не въ одномъ бою, потому что на одинъ разъ можетъ помочь ему случай и счастье; онъ можетъ получить за то какое-нибудь большое отличіе; но народъ не будетъ говорить объ немъ, какъ объ юнакѣ, которому нужна слава въ цѣломъ народѣ и при томъ, чтобы его знать и боялся неприятель иначе: «Тешко вуку, за копм пси не лаю, и юнаку, за ким не говоре».

*) Въ памятникахъ Дубровника (Медо Пуцич) юнакомъ называется вообще воинъ, солдатъ (см. Споменици, № 86); въ Барѣ — мужчина.

Употребляется въ Черногоріи еще слово *витез*, въ понятіи о которомъ совмѣщаются всѣ качества юнака и что-то еще выше: онъ совершаетъ подвигъ, выдающійся изъ всѣхъ, какого не могъ совершить никто другой, кромѣ его, хотя другихъ было много, и непременно выходитъ побѣдителемъ. Таковъ Новакъ Рамовъ барьяктаръ изъ Озриничей. Онъ лѣтъ 50 и немного больше; весь израненъ; а главное — искалѣчены руки; и, несмотря на то, онъ во всѣ войны и во всѣхъ битвахъ носитъ барьякъ, и водружая его въ непріятельскихъ лагеряхъ, никогда не возвращался назадъ. Въ то же время онъ скромнѣйшій человекъ, совсѣмъ невидный, «не зори се» (не рисуется, не красуется) и потому многіе, не зная его прежде, ошибаются относительно его, полагая, что это какой-нибудь несчастный. Выстѣ съ тѣмъ *витез* долженъ быть добръ и великодушенъ; не домогается онъ богатства, а всегда готовъ подѣлать свое съ другими. Человека, совмѣщающаго въ себѣ, кромѣ всѣхъ доблестей мужа и воина, еще прекрасную, видную наружность называютъ *вила людска*. Такъ отзываются о влад. Петрѣ II.

О человекѣ же, имѣющемъ во всемъ удачу, особенно въ битвахъ, гдѣ, какъ говорится, его пуля не беретъ, говорятъ, что онъ *виловитъ*, т. е. водить дружбу съ вилами, которыя берегутъ его и помогаютъ ему во всемъ; а иногда просто и живутъ съ какою-нибудь вилой; но тогда онъ долженъ оставить свою жену. Таковымъ считали васоевичи своего воеводу Миляна Вукова, недавно только умершаго.

Сколько съ боевой точки зрѣнія цѣнятся храбрость, столько же въ жизни гражданской цѣнятся сильный характеръ въ соединеніи съ умомъ и рѣшимостью, который не останавливается ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ. О такомъ человекѣ говорятъ: *муня людска, зром, стрес, прч, оатра, оманъ живи*. Такими эпитетами надѣляютъ кн. Даніила, который, — какъ говорятъ, взглядомъ пронизывалъ человека и убивалъ, т. е. заставлялъ смириться однимъ словомъ: «побіе свакога ліепим начиномъ». Но въ то же время онъ былъ хорошій другъ, братъ, готовый за

добраго челоуѣка сдѣлать все отъ него зависящее. Бываютъ люди, которымъ везетъ удача не только за себя, но и за другихъ,—*бахтли*. Таковъ былъ Стоянъ Ковачевичъ, какъ арабаша, съ которымъ всякій шелъ весело, куда бы онъ ни повелъ, въ увѣренности, что никто изъ его дружины не погибнетъ. Нѣсколько другой смыслъ имѣетъ слово *лакосьмаст човѣк или челяде*,—*лакопа стѣна* (тѣнь): это вообще добрый, пріятный челоуѣкъ, котораго если встрѣтишь гдѣ, на душѣ становится весело и будетъ счастье; а другой *максуз* (тур. слово): увидишь его на пути и воротись, чтобы не случилось что-нибудь дурное; тяжело особенно быть подъ командою такого челоуѣка, впередъ зная, что тебя ожидаетъ неудача. Бываютъ такія и цѣлыя семейства.

Послѣ военныхъ доблестей черногорца перейдемъ къ понятіямъ общественнымъ.

Черногорецъ очень общителенъ, любятъ провести время въ обществѣ, хоть бы привелось идти для того за 5 верстъ. Всякому, кто не любитъ общество, онъ отвѣтитъ: «Ко не люби друштво, нека иде код говеди» *). «Без друштва нема юнаштва». Грамотный или неграмотный, черногорецъ всегда слѣдитъ за политикой. При встрѣчѣ съ вами, если узнаетъ, что вы идете съ Цетинья, онъ прежде всего спроситъ «Како е господар? е ли весео?», а затѣмъ, что дѣлается въ свѣтѣ, слышно ли что-нибудь о войнѣ. Въ какомъ бы удаленномъ и глухомъ уголкѣ вы ни были, всегда найдете политиковъ, которые, само собою разумѣется, прежде всего интересуются своимъ домашнимъ новостями съ Цетинья, а послѣ и цѣлымъ свѣтомъ. Такии разносителями новостей служатъ прежде всего княжескіе перьянки, которые, продежуривши при дворѣ мѣсяцъ, возвращаются по домамъ; но и безъ нихъ многіе ходятъ на Цетинье или съ тяж-

*) Это выраженіе приписываютъ влад. Петру II; но оно сдѣлалось общимъ, какъ и многія другія его изреченія, иногда взятая изъ народа; такъ что между его личнымъ и народнымъ точной границы не проведешь.

бами въ судѣ, или съ прошениями къ князю; иные же идутъ просто безъ всякаго дѣла. Около такого вѣстника, пришедшаго съ Цетинья, всегда дѣлается сборище, съ котораго потомъ свѣдѣнія распространяются дальше. Но есть вещи, которыя сообщаются по довѣрiю, какъ говорится, «между четырехъ глазъ» и, будучи извѣстны почти всѣмъ, держатся въ секретѣ, т. е. о нихъ не толкуютъ явно. Въ этомъ случаѣ они показываютъ себя дипломатами. Въ 1878 г., благодаря этому черногорскому качеству, князь могъ начать бомбардированiе Бара, замаскировавши этотъ планъ передъ Австрiей, которая слѣдила каждый шагъ Черногорiи и никакъ не была расположена пускать её въ ту сторону. Австрiйскiй дипломатическiй агентъ, старавшiйся не отставать отъ князя, ни отъ кого не могъ узнать, когда онъ отправился подъ Баръ: всѣ, особенно телеграфные чиновники, къ которымъ обращался агентъ и которые должны были знать, отвѣчали, что не знаютъ или лгали. За это время князь успѣлъ провести пушки ночью въ лодкахъ мимо турецкой крѣпости Лесендры, вынести ихъ на верхъ хребта Сутормана, занять всѣ передовыя турецкiе крѣпостцы и блокгаузы и начать осаду Бара.

Что касается общественныхъ дѣлъ, то, по убѣжденiю черногорца, они должны быть разсматриваемы и рѣшаемы скупштиной; вслѣдствiе чего онъ любитъ присутствовать при каждомъ разборѣ дѣла въ судѣ, о чемъ мы уже говорили. Въ послѣднее время стараются вездѣ учредить особыя зданiя для суда и вообще для разбора дѣлъ; но и тутъ не обходится дѣло безъ постороннихъ. По тому же черногорцы любятъ всегда собираться вокругъ какого-либо главара, сидитъ ли онъ гдѣ или прохаживается по улицѣ; такъ какъ съ нимъ всегда идетъ обсужденiе какихъ-либо дѣлъ, касающихся общества. Въ виду того, что иногда такое сборище запруждаетъ цѣлую улицу и мѣшаетъ свободному движенiю по ней, а также отвлекаетъ многихъ отъ дѣла, правительство дало приказъ самимъ главарямъ, чтобы они не допускали подобнаго рода сборищъ, которыя, по правдѣ сказать, имъ самимъ очень прiятны. Въ противоположность нашему

русскому крестьянину, который старается избѣгать всякихъ дѣлъ, держась пословицы: «моя хата съ краю», черногорецъ не пропуститъ ни одного дѣла, чтобы не выѣшаться въ него, хотя бы лично его оно вовсе не касалось. Этимиъ объясняются ихъ многочисленныя столкновенія съ властями въ Сербіи и Болгаріи, гдѣ они всегда являются на сторонѣ какой-либо политической партіи и, къ чести ихъ сказать, всегда на сторонѣ болѣе патріотической, стоящей за народныя сербскіе или общеславянскіе интересы. Любя общество, черногорецъ, однако, разбираетъ, съ кѣмъ дружится, потому что «с кимъ си, онаки си» и «болѣе е с юнакомъ се побити, него с 'рдьомъ се любить».

Въ ряду другихъ гражданскихъ или общественныхъ качествъ слѣдуетъ упомянуть гостепримство, щедрость и участіе къ ближнему, чисто личное, независимо отъ обычая.

Если гость приходитъ въ домъ, то прежде всего стараются его освободить отъ несомой имъ тяжести, затѣмъ усаживаютъ на лучшее мѣсто около огня, раздуваютъ огонь, чтобы гость лучше обогрѣлся и даютъ ему обмыть ноги. Это вполне напоминаетъ обычай отдаленной патріархальной старины, въ цѣлости сохраняющіеся на Востокѣ. Успокоивши гостя такимъ образомъ, начинаютъ спрашивать о здоровьѣ, а если онъ никому неизвѣстная личность, то о мѣстѣ, откуда идетъ, и объ имени, а къ тому времени приготавливается и угощеніе, которое на первый разъ предлагается въ видѣ чашечки кофе или трубки табаку, а затѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ или что найдется въ домѣ. Если вы, подходя къ дому и увидавъ кого-нибудь, спросите, можно ли заночевать, вамъ отвѣчаютъ: «Кто же можетъ не пустить гостя»?! особенно если дурная погода. Если хозяева люди зажиточныя, а гость издалека или хорошаго имени, то непременно заколятъ какое-нибудь животное, по крайней мѣрѣ, ягненка или козленка, не спрашивая васъ и даже вопреки вашей просьбѣ, чтобы не дѣлали этого. О какой бы то ни было платѣ и даже подаркахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но точно также поступаетъ и бѣднякъ и также безкорыстно. Корысть его заключается въ

добрый славѣ, которую вы понесете объ его домѣ. Мнѣ случилось пользоваться гостепрѣимствомъ у такихъ бѣдняковъ, которые ничего не имѣли, кромѣ *кочамака* (родъ густой каши изъ кукурузной муки), а на утро бѣгали занять для меня темного кофе и извинялись, что не могли нигдѣ найти сахару. Но при томъ, какъ для гостя, если ему предстоитъ еще дальнѣйшій путь, такъ и для хозяина существуетъ такое практическое наставленіе: «Коп мусафиръ (гость, прохожій) у лѣто чека ручак, ту га нѣ; а коп доматынъ зими нусти мусафиръ безъ ручка, ту нѣ кутъе, ни доматына» т. е. лѣтомъ стыдно дожидаться обѣда, такъ какъ можно уйти далеко; а зимой грѣхъ хозяину и цѣлому дому отпустить гостя безъ ѣды, такъ какъ короткій день, останавливаться на пути некогда и приведетъ голодать до ночи.

Вообще же, гость, по понятіямъ черногорца нѣчто священное: его нужно не только принять и угостить, но оказать ему возможное облегченіе въ пути, если нужно, помочь и оберегать, чтобы не случилось ему что-нибудь дурное. Войдя въ домъ и сѣвши у огня, человекъ находится подъ защитою этого дома: еслибъ ему что-нибудь случилось, доматынъ обязанъ мстить за него, какъ за своего родного; и самъ не сдѣлаетъ ему ничего, хотя бы онъ оказался убійцею его сына. Эта черта прекрасно выставлена въ повѣсти С. Д. Любичи «Пон Андричъ» (Приповѣсти пригорске и приморске)*). Хозяинъ дома, принявши подъ свой кровъ человека, не выдавалъ его, хотя бы самому привелось погибнуть и съ цѣлымъ своимъ домомъ, если тотъ не вышелъ самъ изъ дома, чтобы бѣжать или предаться своимъ преслѣдователямъ. Въ 1843 г. въ августѣ мѣсяцѣ черногорцами совершено было убійство турокъ, приходившихъ подъ Острогъ къ влад. Петру II и хотѣвшихъ его заманить къ себѣ и убить; изъ нихъ 9 чел. было убито черногорцами на турецкой территоріи; а нѣкоторые, предвидя то, остались на территоріи черногорской и, когда произошло убійство тѣхъ, укрылись въ домѣ

*) Русскій переводъ въ «Газетѣ Гатцука». Москва, 1882 г.

черногорца, гдѣ ихъ не смѣли тронуть. Такимъ образомъ въ послѣдствіи времени укрывались государственные преступники; но въ предупрежденіе этого изданъ законъ, по которому всякій, давшій убѣжище преступнику, считается его соучастникомъ и потому подвергается одной съ нимъ участи (Законъ Дан. §§ 20, 21 и 22). Такимъ образомъ эта форма гостепріимства должна была пасть, уступая новому духу времени и государственности.

Ослабѣваетъ духъ гостепріимства вообще, особенно на мѣстахъ, гдѣ проходятъ большія дороги: тамъ открываются корчмы или ханы, при которыхъ нѣтъ надобности прибѣгать къ гостепріимству частныхъ лицъ. Но и тамъ, гдѣ корчемъ нѣтъ, движеніе народа настолько усилилось, что даровое гостепріимство было бы тяжестью для жителей, находящихся близъ большихъ дорогъ. Особенно это ощущается въ сухое лѣто, когда вамъ не хотять дать воды, которую, надобно замѣтить, приносятъ издалека за часъ или два разстоянія. Если вы проходите по безводнымъ мѣстамъ, гдѣ, однако, много скота, тамъ вамъ вмѣсто воды предложить молока; но гдѣ нѣтъ и молока, тамъ, конечно, приводится терпѣть нужду. Слишкомъ частыя посѣщенія теряютъ уже право на гостепріимство: «чест долозак губи стиму», что приговариваютъ также и молодыцамъ, которыя часто изъ мужниной семьи идутъ въ свой родъ.

Что касается угощенія, когда черногорець зоветъ кого на «славу» или на свадьбу, или когда приходятъ люди на «покаянье» почтить память умершаго, оно имѣло такіе размѣры, что правительство нашло за необходимое, поставить тому границы. Начались эти мѣры еще при князѣ Данилѣ. Прежде черногорцы праздновали, кромѣ дня главнаго своего патрона «крсно пме», еще одинъ день, патрона, такъ сказать, второстепеннаго, «послужбицу»; по закону признается только одинъ день; при томъ прежде собирались наканунѣ и праздновали три дня, а теперь все оканчивается однимъ днемъ, и никто не смѣетъ даже заночевать въ томъ домѣ, хотя бы то были близкіе родственники, прибывшіе издалека. Еще больше тратилось на поминкахъ, по-

тому что тутъ угощеніе было не для позванныхъ только, но для всѣхъ пришедшихъ, для чего передъ церковью устроены были особыя помѣщенія, за которыми засѣдалъ народъ, и для этого кололи не только барановъ, но и быковъ, потому что народу бывала не одна сотня. Теперь на кладбищѣ это угощеніе ограничивается только водкой и виномъ, которыя пьются стоя, не присѣдая; а въ домѣ покойника вовсе не собираются. Вообще званное угощеніе у черногорцевъ отличается обиліемъ и стараніемъ угостить, какъ можно, лучше, при чемъ всѣ домашніе, начиная съ доматина, услуживаютъ гостямъ, а сами ѣдятъ послѣ.

Бывавши съ войскомъ черногорскимъ, которое во время войны состояло на собственномъ иждивеніи, а также съ рабочими при раскопкахъ въ Діоклеѣ и въ другихъ случаяхъ, я наблюдалъ, что у черногорцевъ есть обычай при ѣдѣ соединяться въ группы, дѣля принесенное съ собою; особнякомъ же ѣсть только тотъ, кто не имѣетъ ничего, кромѣ сухого хлѣба, слѣдовательно и дѣлиться нечѣмъ; но, замѣтивъ это, другіе позовутъ его къ себѣ и, если онъ тѣмъ стѣсняется, дадутъ ему чего-нибудь; онъ же принимаетъ то съ неохотою и со стыдомъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы черногорецъ, войдя въ корчму или лавку, гдѣ продаются напитки, выпилъ рюмку водки или стаканъ вина одинъ, если тутъ есть кто-нибудь ему знакомый; если же онъ угощаетъ, то угощаетъ всѣхъ присутствующихъ, хотя бы съ знакомыми ему были люди и незнакомые. Дѣлается это безъ всякой показности: поручивши корчмарю подать угощеніе такому-то, онъ самъ уходитъ. И такъ поступаетъ большею частію бѣднякъ, боясь, чтобы вы не отказались, щадя его кошелекъ; а когда заплачено, то отказу нѣтъ мѣста. Добродѣтель эта однако варьируется по мѣстности и подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ. Такъ вездѣ въ Черногоріи, если хозяина нѣтъ дома, васъ приметъ хозяйка, и, встрѣтившись потомъ съ хозяиномъ, вы хвалитесь, какъ васъ отлично приняла и угостила въ отсутствіе его жена. Если вы встрѣтитесь съ знакомою женщиной

въ корчмѣ и угостите её, она также похвалится своему мужу; и въ обихъ случаяхъ ему это пріятно и даже какъ будто онъ гордится этимъ. Совсѣмъ другое цермичане, которые вообще отлѣчаются самымъ широкимъ гостепрѣимствомъ: жена васъ приметъ и угоститъ; но потомъ не хвалитесь тѣмъ передъ ся мужемъ; а угостить въ корчмѣ её безъ мужа не смѣете. Тотъ же обычай въ с. Тодьемилн подѣ Баромъ у тамошнихъ магометахъ.

Вообще въ черногорцѣ больше склонности къ щедрости, чѣмъ къ скупости, что, однако, не мѣшаетъ ему быть экономнымъ, какъ мы указывали въ домѣ Іована Вуковича, который принималъ гостей и кормилъ бѣдняковъ, тогда какъ собственная семья довольствовалась весьма скуднымъ содержаніемъ.

Въ личностяхъ, выдѣляющихся изъ массы, эта щедрость переходитъ иногда въ тщеславіе и даже мотовство, чему, однако, масса народа непричастна; простой черногорецъ умѣренъ во всемъ.

Духъ гостепрѣимства, вытекающаго изъ болѣе глубокаго чувства и имѣющаго болѣе широкое значеніе, мы видимъ въ той охотѣ, съ какою черногорцы принимали къ себѣ всегда и принимаютъ до сихъ поръ цѣлое пострадавшее населеніе, напр. герцеговинцевъ, убѣгавшихъ въ Черногорію сначала отъ турокъ, а потомъ точно также и отъ австрійцевъ, и дѣлать съ ними при этомъ все: жилище, едва достаточное для нихъ самихъ, одежду и пищу, въ которой такъ часто сами нуждаются. Правда, это было въ нѣкоторомъ смыслѣ возвращеніемъ долга, такъ какъ сами черногорцы въ прежнее время въ неурожайные годы ходили на зимовку въ Посавину (въ Боснію), въ Сербію, въ Печь и др.; разница, однако, въ томъ, что тѣ края отлѣчаются богатствомъ, и за это гостепрѣимство платилось или отработывалось; а здѣсь дѣлалось безъ всякихъ договоровъ послѣднее. Однажды въ мое время, много народу изъ Катунской нахлп зимовало у своихъ васоевичей не за плату, а въ долгъ, чтобы возвратитъ потребленные хлѣбъ и сѣно, потому что и ихъ нерѣдко постигаютъ неурожаи; а въ послѣднюю войну они были сильно разорены и

потому обѣдняли. Бывши тамъ, я не слышалъ ни малѣйшей жалобы, не замѣтилъ ни малѣйшаго неудовольствія на стѣсненіе, которому они сами себя подвергли. Точно также они относились къ раненымъ (всего болѣе 200 чел.) послѣ двухъ битвъ въ Полимьѣ 1879 г., когда они еще не успѣли отстроиться, такъ какъ были сожжены турками, и едва можно было найти достаточное число домовъ и колыбѣ.

Распространена также между черногорцами взаимная помощь. На это прежде всего указываетъ обычай помочи (моба), вошедшій и въ новый гражданскій законникъ (§§ 341—47) и состоящій въ томъ, что цѣлое село помогаетъ своему односельчанину въ какой-нибудь работѣ, которую нужно скорѣе окончить, главнымъ образомъ при постройкѣ дома: подвезти строительный матеріалъ, покрыть крышу и т. п. Это дѣлается за угощеніе, которое, однако, не должно быть роскошно; а иногда помогаютъ какому-нибудь бѣдняку построиться и обзавестись хозяйствомъ, вспахать и посеять ниву и т. п., при чемъ конечно, не требуется никакого угощенія. При мнѣ въ Васосевичахъ у одного сгорѣлъ домъ со всѣмъ имуществомъ, даже и скотъ сгорѣлъ; ему тотчасъ собрали одежду на всю семью, начиная отъ рубашки и оканчивая гунемъ и капицей; дали скота и помогли постройиться. Тамъ же одному бѣдняку, который, пока былъ въ сѣлахъ, хайдуковалъ, сдѣлали складчину по 1 талеру съ дома, чтобы купить ему землю и построить домъ. Купили также землю одному бывшему главарю, своему славному юнаку, Миру Дѣдовичу. Одинъ бѣднякъ вслѣдствіе крайней нужды продалъ свою землю другому и отправился въ Сербію; а послѣ воротился, и тогда ему самому некуда было дѣваться съ семьей. Видя это, цѣлая община поднялась и отправилась къ купившему его землю съ женщинами, послыщими колыбели съ дѣтьми, умолять его уступить землю обратно, предлагая ему *кумство*, какъ то дѣлается при усмиреніи кровавой вражды; и тотъ уступилъ. Точно такъ граховляне за 100 неполеондаровъ откупили землю своему сердарю, когда онъ впалъ въ бѣдность и долженъ былъ ея лишиться.

Если кто по какому-нибудь случаю, уважительному и известному народу, не могъ припасти достаточно корма для скота, то другіе, имѣвшіе запасы, разбирали скотину на зимовку безъ всякой для себя выгоды. Впослѣдствіи этимъ стали пользоваться главари и народъ бралъ ихъ скотину по неволѣ, что и побудило правительство вообще уничтожить этотъ обычай даровой зимовки.

Вообще черногорецъ сострадателенъ къ бѣдняку, и въ Черногоріи, покуда всѣ были довольно богаты, не было нищихъ, такъ какъ имъ всегда помогали свои же. Въ послѣднее же время вообще благосостояніе въ Черногоріи поколебалось вслѣдствіе различныхъ причинъ, о которыхъ будемъ говорить ниже; а потому самопомощь оказывается недостаточною, и народъ прибѣгаетъ за помощію къ правительству, а также вошло въ обычай и просить милостыню. Отношеніе черногорца къ бѣдняку выражается въ слѣдующихъ пословицахъ: «Да ніе сиротиньє, небн ни сунце гріяло»; «Больє да те смрт прека дигне, него суза сиромашка стигне»; «Сиротиньска суза емеш (лемеш) пробія».

Если встрѣтится какой-нибудь бѣднякъ, свой пли даже иностранецъ, котораго постигла нужда, въ пользу его тотчасъ дѣлается сборъ, и не только отъ того никто не откажется, но и не пожалуется на то, хотя бы то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Цетиньѣ, и бывало весьма часто. Но больше всего проявляется состраданіе черногорца къ бѣдняку, тяжело больному и умирающему. Всегда найдутся люди, которые будутъ ухаживать за нимъ, даже проводить около него цѣлыя ночи, а если умереть, то сейчасъ дѣлають складчину, чтобы похоронить его съ честію. Если останется послѣ умершаго семейство, та же забота переносится на него.

3. Гражданскія и общественныя качества: понятіе о государствѣ и отношеніе къ власти; національное сознаніе; отношеніе къ иностранному, чужому; толлеранція, но не космополитизмъ.

Всѣ, до сихъ поръ разсмотрѣнныя нами качества черногорца не выходятъ изъ области общечеловѣческой; посмотримъ теперь,

каковъ онъ, какъ гражданинъ и членъ общества. Начнемъ съ того, какъ онъ относится къ государству и его представительству, властямъ и различнымъ органамъ. Понятіе о государствѣ, которому бы онъ самъ принадлежалъ, теперь только что складывается въ черногорцѣ. Сознавал, что онъ живетъ теперь не въ племени только, но въ государствѣ подъ верховною властью своего князя господаря (государя), онъ, какъ мы говорили выше, все еще больше руководится своими старыми племенными понятіями и инстинктами.

Черногорецъ зналъ давно, что есть государства, во главѣ которыхъ стоитъ царь, король или князь, и что когда-то было Сербское Царство, которое пропало на Косовомъ полѣ, и что сербскій народъ съ тѣхъ норъ сталъ жить подъ господствомъ пновѣрцевъ: турокъ, венеціанъ, австрійцевъ; а потому онъ не могъ относиться благосклонно ни къ турецкому султану, ни къ дожу венеціанскому, ни къ австрійскому цесарю, такъ какъ въ нихъ во всѣхъ видѣтъ противниковъ своей вѣры и народности. Но при этомъ подъ именемъ царя онъ разумѣлъ непременно султана; австрійскаго императора звалъ цесаремъ, и его государство Цесаревной; венеціанскаго дожа—*принцип* или *дужде*. Въ XVIII в. черногорцы узнали сверхъ того русскаго императора, котораго называли царемъ, при томъ *риштыанскимъ*, т. е. православно-христіанскимъ, и отчасти своимъ. Это выразилось въ исторіи самозванца Стенана Малаго, которому народъ покорился, какъ русскому царю Петру III, что такъ встревожило какъ Турцію, такъ и Венеціанскую республику. Во внутренней жизни всѣ племена, имѣя одного общаго духовнаго главу митрополита, называли его владыкой, которому считали долгомъ повиноваться и въ дѣлахъ свѣтскихъ, почему и называли его господаремъ. Но сами владыки внушали своему народу приверженность русскому императору, имя котораго поэтому помнялось въ церквахъ.

Какъ владыки относились вообще къ Россіи, мы достаточно объяснили въ исторической части (стр. 660—696); а здѣсь за-

мѣтимъ только, что съ учрежденіемъ въ Черногоріи княжества, поминовеніе русскаго царствующаго дома въ церквахъ должно было уступить мѣсто поминовенію своего князя; но это произошло не вдругъ, и не безъ борьбы, такъ какъ старые священники никакъ не соглашались на это, и были такіе, что продолжали свое даже при нынѣшнемъ князѣ Николаѣ. Такъ въ Банцахъ былъ священникъ Стефанъ, который никакъ не хотѣлъ отказаться отъ поминовенія въ церкви прежде всего русскаго императора, несмотря на запрещеніе митрополита; и князь Николай велѣлъ оставить его въ покоѣ.

Въ настоящее время, когда во всемъ, особенно въ этой части, касающейся политической независимости Черногоріи и престижа ея князя, установленъ самый строгій порядокъ, это конечно исчезло. Но русскій императоръ продолжаетъ въ черногорскомъ народѣ пользоваться самымъ глубокимъ уваженіемъ, и его называютъ царемъ покровителемъ.

На вопросъ г. Богишича его корреспондентамъ: «что думаетъ народъ о государственной формѣ и государственной власти и охотно ли покоряется ея предписаніямъ», полученъ такой отвѣтъ относительно Черногоріи (Ргав. обіѣ.): «Черногорскій народъ не знаетъ другой государственной формы, кромѣ той, во главѣ которой стоитъ государь, — будетъ то владыка, князь или кто другой, — но при всемъ томъ считаетъ, что при немъ должно быть нѣсколько отличныхъ людей — сенаторовъ — которые чинили бы народу судъ, а ему помогали управлять страной. И княжескую власть считаютъ для себя закономъ и охотно исполняютъ всякое приказаніе его и его органовъ, если только увѣрены, что онъ далъ имъ отличіе не на основаніи пристрастія и интриги, а по правдѣ. Въ противномъ случаѣ они, хотя, конечно, и покоряются, но только изъ страха передъ силою, а не вслѣдствіе того, что не хотѣли бы тѣмъ сдѣлать неугодное князю» (стр. 508). Эта черта покорности сильной власти замѣчалась въ черногорцахъ и прежде, когда они знали только своихъ племенныхъ главарей, какъ то видно изъ извѣстнаго описанія Черногоріи, со-

ставленнаго при влад. Петръ II, въ которомъ говорится: «черногорцы главарей и старѣйшинъ своихъ хорошо почитаютъ и строгой власти вполнѣ повинуются». Скажемъ больше: черногорецъ способенъ выносить самую строгую, чисто военную дисциплину. И эта покорность происходитъ не изъ одного страха наказанія, а изъ привычки подчиняться власти, воспитанной въ немъ всею его прошлою жизнію, жизнію вѣчно находящагося въ строю воина. Безпрекословная покорность старшему запечатлѣлась въ стереотипной фразѣ: «У младьега поговора нема», или: «Ваша е старія и болья».

Но это только въ отношеніяхъ обязательныхъ и службныхъ; а внѣ этого оканчивается подчиненіе, хотя остается уваженіе, ради котораго онъ готовъ слушать старшаго и внѣ его обязательныхъ отношеній; только «не растресай гатье нада мною» т. е. не показывай надо мной власти, не величайся; иначе онъ сейчасъ скажетъ: «ніесам грдыл, ни грдьевич од тебе», т. е. я не хуже тебя; при томъ всѣ равны между собою: «из еднога дрва пкона и лопата»; или: «ніесмо ми бегови людя», т. е. мы люди свободные, и потому не относись къ намъ, какъ относились турецкіе боги къ своимъ кметамъ и вообще къ райѣ.

Повинуясь главарямъ, черногорцы хорошо отличаютъ хорошихъ отъ дурныхъ, и по поводу послѣднихъ говорятъ: «Тешко погама под лудом главом» или: «Тешко глави, кад рен заповіеда» и «С главе риба смрдя» *). Когда кто злоупотребляетъ властью и главенствомъ, то говорятъ: «Занало е цяганну царство, па обѣсію е свог оца».

Эта сторона черногорца прекрасно представлена княземъ Николаемъ въ монологѣ Деяна изъ драмы «Балканская царица», отъ начала до конца проникнутой личными идеями и тенденціями высокаго автора и духомъ современнаго лучшаго типа черногорца, воспитаннымъ въ немъ его прошлою славною жизнію.

На слова Станка (сына Иваибега Черноевича), что «Иво

*) Та же пословица и у турокъ: «Балык баштан кокар».

(отець) старъ, а братъ Георгій слабъ, и потому весь народъ живо полетитъ за нимъ». Деянъ (воевода зетскій), спрашиваетъ: «А куда это, молодой Черноевичъ?» На то Станко: «Прямо, старикъ, къ Отмановичу! (тур. султану)». Тогда Деянъ, выразивши про себя ужасъ и омерзение противъ такого намѣренія Станка, обращается къ нему съ слѣдующими словами: «Черноевичи! Черная-Гора (см. переводъ Жераяча стр. 103) и наша! Она не помѣстье вашего дома и семейства!... Если мы въ вашемъ лицѣ почитаемъ малые свѣтильнички при нашемъ солпцѣ, мы, черногорцы, не приданое ваше, но мученики, кровавые борцы!... Мы вѣрны Богу, свободѣ и князю Нву, главному нашему воеводѣ!...» *).

Престижъ князя съ годами растетъ все больше и больше, и черногорцы беззавѣтно покоряются его абсолютной власти, оставаясь однако, въ то же время вѣрными своимъ историческимъ традиціямъ. Видя расширеніе своей земли и проникаясь все глубже сознаниемъ своей политической независимости, черногорскій народъ начинаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ все глубже проникаться идеею единства своего съ остальными братьями сербами и необходимости взаимности и сближенія съ ними, при чемъ съ горячими симпатіями относятся, какъ къ свободнымъ своимъ братьямъ въ королевствѣ Сербіи, такъ и еще больше къ находящимся подъ чужимъ господствомъ, для освобожденія которыхъ всегда готовъ, какъ и прежде, на всевозможныя жертвы.

Не чужда черногорцу (мы не говоримъ объ одной интеллигенціи, но и вообще о массѣ народной) и идея славянства, среди котораго до сихъ поръ наибольшимъ уваженіемъ и преданностію пользуется Россія. У черногорцевъ обычная фраза относительно ея: «Да не би Русіе, не би било крста од три прста», т. е. не будь Россія, не было бы трехперстного крестосложенія, т. е. православія.

*) «Балканска Царица — драма у три радње од Николе I. Цетинье, 1886, стр. 151—152.

Къ чужому и иностранному черногорець, можно сказать, толерантенъ: во всю свою историческую жизнь онъ, какъ гостю, отворялъ свои ворота даже злѣйшему своему врагу; гость и иностранецъ были для него личности, о которыхъ онъ больше всего заботился.

В. С. Караджичъ рассказываетъ, что когда одипъ черногорець убилъ иностранца, котораго сопровождалъ въ путешествіи, его убилъ родной его братъ *).

Национальныхъ предубѣжденій у черногорца нѣтъ. Онъ охотно усвоиваетъ все хорошее отъ другихъ, если только это не противорѣчитъ его основнымъ принципамъ и природнымъ наклонностямъ. Картофель, напр., во многихъ мѣстахъ производившая народныя возмущенія, въ Черногоріи принята сразу безъ малѣйшаго отпора. Точно также табакъ, кофе и различныя повизны въ одеждѣ— все это усвоивалось весьма легко и охотно. Легко онъ общится съ иностранцемъ, какой бы онъ вѣры и національности ни былъ. Жизнь, однако, и исторія воспитали въ немъ нѣкоторыя національныя симпатіи и антипатіи.

До того времени, какъ черногорцы узнали Россію и вошли съ нею въ сношенія, для нихъ вся западная Европа была симпатична, какъ христіанская, хотя и другого исповѣданія. Эта толеранція къ западному христіанскому культу проявлялась и въ сербской господствующей династіи Неманичей; для черногорцевъ же западъ былъ одно время щитомъ противъ турокъ. Но гоненіе западными государствами православія возбудило противное чувство, вслѣдствіе чего у черногорца зародилось нѣкоторое враждебное чувство къ *латинамъ* (католикамъ), такъ какъ они показали себя противниками и даже гонителями его собственной вѣры.

Особенное вліяніе на это имѣло гоненіе православія венеціанскимъ правительствомъ въ сосѣднемъ съ Черногоріей Приморьи.

Вѣчно нуждающіеся въ матеріальныхъ средствахъ, а осо-

*) Mont. u. die Montenegriner. 1837, стр. 72.

бенно въ оружіи и боевыхъ припасахъ, черногорцы постоянно находились въ зависимости отъ Венеціанской республики, которая снабжала ихъ этимъ, продавая однако эту помощь всегда слишкомъ дорогою цѣною; поэтому и теперь вы услышите въ Черногоріи пословицу: «Сачувай, боже, лѣба принципова».

Въ венеціанцахъ черногорецъ видѣлъ всегда одно лукавство и отсутствіе главнаго черногорскаго качества, храбрости, вслѣдствіе чего и говорится: «Кад кихне (въ оригиналѣ выраженіе крѣпче) тиватска дѣвойка (Тивать или Теодо мѣстечко въ Боккѣ), попадаю перуци которски (венец. правители Котора, носившіе парики).

Взглядъ черногорца на порядки въ Венеціанской республикѣ всего лучше обрисованъ въ «Горскомъ Вѣнцѣ» (см. т. I, стр. 682—83).

Это самое понятіе черногорцами цѣлкомъ перенесено съ Венеціи и на католическую Австрію, занявшую ея мѣсто и дѣйствующую въ томъ же духѣ.

Католика черногорцы называютъ *латинин* или *шокац*, не соединяя однако съ этимъ именемъ ничего оскорбительнаго для него; но для своего брата серба это считали бы руганью; потому что у латинина (собственно человѣка романской расы) и кровь другая: *бліеда*, откуда происходитъ ихъ слабость моральная, и вслѣдствіе чего они всегда прибѣгаютъ къ лукавству. Православный говорятъ о католикѣ: «Ни у тикви суда, ни у шокац друга»; также точно католикъ говоритъ о православномъ, называя его влахомъ, а магометанинъ то же самое о нихъ обонхъ. Одинъ черногорецъ въ Которѣ перекрестился на католическую церковь, прпнявъ её за православную; когда ему это замѣтили его земляки, онъ на это отвѣтилъ: «Тамо мп, чоече и више мп дяво поніо!», т. е. что отъ католичества онъ пострадалъ и больше.

Прекрасно характеризуется отношеніе къ католичеству въ слѣдующемъ случаѣ.

Когда черногорцы впервые заняли Которъ (1813 г.) и вла-

дыка Петръ I вступилъ въ него, чтобы принять въ свое управленіе, навстрѣчу ему вышелъ народъ и въ томъ числѣ католическій епископъ (православнаго не было). На заявленіе владыки, что прежде всего нужно войти въ церковь и принести благодареніе Богу, епископъ спрашиваетъ: «Въ какую церковь?»; владыка отвѣчаетъ:—Въ первую, какая встрѣтится по пути.—Тотъ опять спрашиваетъ: «Въ православную или католическую?» Тогда владыка объясняетъ: «Все равно церковь: *ви у пріесно, ми у квасно; а брашно едно* (т. е. католики употребляютъ на литургіи облатки или прѣсное тѣсто, а православные — квашеное), то же и относительно креста: *вы пять перстами, мы — тремя, а рука одна*».

Есть одно интересное изреченіе народное. «Први Рим и послѣднй Рим» или: «Први с Рим біо благочестив, па тье бити и послѣднй», какъ бы указывающее тѣмъ, что Римъ въ послѣднія времена хотя и отступился отъ истинной вѣры, но со временемъ опять къ ней воротится.

Другимъ сосѣдомъ, съ которымъ также изстари установились извѣстныя отношенія, является Турція. Тутъ, конечно, вслѣдствіе вѣковой борьбы выражаются самыя недружелюбныя чувства.

«У турчина и у зміе люте, у них никад тврде вѣре не ма» — говоритъ черногорецъ; или: «Нико не лаже, као турчин»; «Нема зла времена без сѣвера, ни зла госта безъ турчина (или потурченика)»; «Тешко е мени, яране, лов ловетья, с турцима діелетья», т. е. они все отнимутъ; «О, турчине, за неволю, куме!» — говорятъ православный турчину; а турчинъ ему: «а ти влаше, силом побратиме!».

Характеризуютъ турокъ такъ: «Узми два турчина: одног' посади с собом за трпезом и части га; а другог' метни у вретью под собом; обонца мисле еднако», т. е. враждебно противъ тебя; а въ свою очередь турки тоже самое говорятъ о влахѣ (православномъ сербѣ). Увлекаясь этимъ враждебнымъ чувствомъ, черногорецъ иногда и султану даетъ весьма неслестный эпитетъ

«котлокрипч», собственно эпитетъ цыгана, занимающагося по-чинкою котловъ; вообще *не соевич* или *кутъич*.

Свою обиду на турокъ и католиковъ вмѣстѣ сербы, а въ томъ числѣ и черногорцы, выражаютъ такъ: «Турци (заузеше) — поле, латини — море; а риштъянима дрвлье и каменье». Болѣе шутка, чѣмъ враждебное чувство, выражается въ слѣдующемъ осужденіи магометанской воздержности въ пищѣ и питьѣ: «Два турчпна, три цпгана — сви петина двіе козе музу; још се жале, да се добро ране: од масла ји чапре попуцале, а од сира метеризе граде», т. е. два турка и три цыгана вмѣстѣ доятъ двѣ козы и хвалятся, что хорошо кормятся: отъ масла полопались мѣха (въ которыхъ оно хранится), а изъ сыра строятъ редуты.

Къ арнаутамъ, ближайшимъ сосѣдямъ Черногоріи, прежде не только не было никакой вражды; но напротивъ, они симпатизировали другъ другу и часто бывали союзниками противъ общаго ихъ врага, Турціи. Этотъ союзъ ихъ датируется отъ Скендербега Кастриота (начная съ первой половины XV в.), когда они вмѣстѣ вели войну противъ турокъ, покорявшихъ тогда Балканскій полуостровъ. Да и послѣ того, когда отдѣльными арнаутскія горныя племена отстаивали свою независимость, черногорцы были ихъ открытыми союзниками или дѣлали диверсію. Даже въ новѣйшее время (1831 г.) Мустафа-паша Бушатлія, правитель Скадра, затѣявъ отложеніе отъ Турціи, списался по этому дѣлу съ Черногоріей.

Правда, скадарскіе визирп неоднократно водили арнаутъ на Черногорію и въ большей частп случавъ страдали, и при всемъ томъ это не вызывало между обѣими народностями ненависти. Гораздо больше ненависти было между черногорцами и герцеговинско-боснійскими сербами, потурченцами.

Въ 1796 г. въ битвѣ на Крусахъ погибъ гордый визиръ Махмудъ-паша Бушатлія; владыка Петръ I, его побѣдитель, по народному преданію, сильно жалѣлъ о томъ, какъ о великой потерѣ для цѣлаго края. Народъ дополняетъ это слѣдующимъ толкованіемъ: Махмудъ-паша былъ *здухач*, у котораго душа от-

рѣшалась отъ тѣла и летала, чтобы биться съ такими же духами съ другой стороны Адриатическаго моря. Онъ такимъ образомъ защищалъ цѣлый край противъ стихійныхъ бѣдствій, какъ: засуха, градобитіе и т. п.; съ его смертію уже не стало такихъ урожаевъ, какіе бывали прежде, ни въ Албаніи, ни въ Черногоріи.

На добрыя отношенія къ арнаутамъ указываетъ и то, что не такъ еще давно черногорцы въ неурожайные годы свободно ходили на зимовку въ округа Печи и Призрена и встрѣчали тамъ полное гостепріимство.

Нѣкоторыя племена черногорскія даже роднятся охотно съ племенами албанскими, какъ мы то видѣли выше. Много общности у нихъ и въ самомъ образѣ жизни.

Но въ послѣднее время, особенно послѣ послѣдней войны, между черногорцами и арнаутами поселилась вражда, носящая однако на себѣ характеръ болѣе политической и разжигаемая главнымъ образомъ католическою пропагандой.

Объ отношеніяхъ къ другимъ народностямъ печего говорить, потому что съ ними у черногорца не было никакихъ соприкосновеній.

Есть у черногорцевъ названіе, общее для всѣхъ иностранцевъ Западной Европы *лацман* или *лацманин* (Landsmann), въ которомъ заключается нѣчто презрительное; въ томъ же духѣ и *шваба*. Лацманска вѣра, лацманщина — это уже ругань; но еще хуже этого *лутор*: «лутор погани! мячке јіје». Объ итальянцахъ черногорцы того мнѣнія, что они ѣдятъ кошекъ, черепахъ и всякую дрянь, за что относятся къ нимъ съ презрѣніемъ и даютъ имъ прозвище *жабари* (жаба — черепаха). То же самое понятіе переносится и на австрійцевъ.

Мадыары часто вспоминаются въ сербскихъ пѣсняхъ; а одну пѣсню мы привели въ исторіи васоевичей о Лауш-капетанѣ, который очень хитро отравилъ кучскаго воеводу Радоню. Знаютъ ихъ черногорцы и по 1848 г., когда они бились съ сербами и хорватами; вообще же ихъ рѣдко вспоминаютъ; только стран-

нымъ образомъ составилаь поговорка, съ которою обращаются къ человѣку, сильно задумавшемуся: «Што си умоздріо, као пре-задужан маджар».

При толлеранціи къ иностранному въ черногорцѣ, конечно, не можетъ быть п заскорузлости, которая мѣшала бы ему птти впередъ путемъ нововведеній п преобразованій. Этому помогаетъ п его покорность власти. Онъ легко принимаетъ чужую одѣжду, чужіе обычаи п языкъ, при чемъ самымъ сильнымъ образомъ дѣйствуютъ на него примѣры п живое общеніе съ чужими элементами. Нужда, въ которой черногорець всегда жилъ дома, п необходимость искать пропитанія въ чужихъ краяхъ пріучили его съ легкимъ сердцемъ разставаться со своимъ отечествомъ п породили въ немъ стремленіе къ исканію лучшей жпзни, переходящее иногда въ привычку скитаться по свѣту. И дѣйствительно они живутъ по цѣлому свѣту: больше всего въ Турціи п Греціи, а въ послѣднее время много ихъ п въ Америкѣ. Поэтому сложилась п поговорка: «Кои види врата ад Леванта, не видѣли га ни отац, ни майка». Но, сколько мнѣ пзвѣстно, это не совсѣмъ такъ: я знаю многихъ, особенно цермичанъ, которые проводятъ на заработкахъ почти всю свою жпзнь, не возвращаясь домой по 10 п болѣе лѣтъ; а въ концѣ концовъ возвращаются домой, скопивши какой-нибудь капиталецъ, п живутъ по старому, усиливши заработаннымъ свое хозяйство, прикупаютъ земля п скота. Пные возвращаются домой въ глубокой старости, чтобы, по крайней мѣрѣ, умереть дома. Я знаю нѣкоторыхъ, получившихъ отличную землю въ Россіи п имѣющихъ отъ нея хорошій доходъ; но въ то же время они никакъ не расстаются съ тѣмъ клочкомъ земля п домишкомъ, которые пмѣютъ на родинѣ п, оставляя тамъ кого-либо изъ младшихъ, сами старики опять поселяются дома, гдѣ п кончаютъ свои дни. Многие по нуждѣ жпвуть въ Сербіи, Болгаріи, какъ между своими братьями; но только по нуждѣ, а при малѣйшей возможности стремятся домой. Въ послѣднее время, когда открылась война между Турціей п Черногоріей, гдѣ только ни былъ черногорець, всякій воротился домой. Множество ихъ было

въ Америкѣ: они бросили тамъ все, и иной потратилъ послѣднее на переѣздъ черезъ океанъ, чтобы только принять участіе въ войнѣ своего отечества. Не возвращается только тотъ, кто по какимъ-либо причинамъ не смѣетъ, или уже совершенно не имѣетъ дома никого и ничего. При наружномъ индифферентизмѣ черногорецъ крайне своеобразенъ и нелегко разстается со своими привычками *). Исторія Черногорія — нелицеприятный свидѣтель того, съ какою твердостію этотъ маленькій народъ охранялъ свою вѣру, народность, политическую независимость и индивидуальность. Исторія же показываетъ, что въ его жизни были моменты, когда онъ впадалъ въ отчаяніе и готовъ былъ пзмѣнить вѣрѣ отцовъ; но едва только блеснулъ лучъ надежды, онъ снова поднялъ голову, возсталъ на своихъ враговъ и довелъ борьбу съ ними до послѣдняго момента, когда и цѣлый свѣтъ долженъ былъ признать его независимость.

Это мы говоримъ только о массѣ народа, тогда какъ культурный слой, какъ и вездѣ, болѣе проникнуть въ этомъ отношеніи индифферентизмомъ и личными интересами. А такъ какъ въ рукахъ этого слоя вліяніе и всѣ средства, то маленькій народъ, не имѣя въ своихъ рукахъ никакой инициативы, легко можетъ ему покориться; и даже теперь за короткое время можно замѣтить, что въ черногорскій народъ изъ этого слоя просачиваются пороки и заблужденія, особенно матеріализмъ и стремленіе къ личной выгодѣ на счетъ его старыхъ, коренныхъ добродѣтелей. Особенно этому помогаетъ сосѣдство сильной не только культурною, но и политическо-экономическимъ вліяніемъ — Австріи.

При оцѣнкѣ этнографическаго типа черногорца мы считаемъ

*) Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ старается придерживаться своего: никогда не забудетъ свое «красно име», на Рождество непременно налагаетъ «бадняк», предпочитаетъ пшеничному хлѣбу свою «урметиновицу», а самыя лакомыя блюда — «кастрадина» съ кислою капустой и печеное агличье мясо. Есть и пословица относительно этого: «Больше е землю продати, него свой обичай загубити».

необходимымъ указать и на эти внѣшнія вліянія и папльвы, которыми въ значительной степени, измѣняется его внѣшній обликъ; но коренныя основы черногорскаго характера остаются.

4. Религіозность и отношеніе къ церкви и священству; суевѣріе; отношеніе къ школѣ и просвѣщенію.

Намъ остается еще сказать объ отношеніи черногорца къ двумъ великимъ факторамъ народной жизни—къ церкви и школѣ; уловить, такъ сказать, изъ его воззрѣній, въ чемъ состоитъ его вѣра и какъ смотритъ онъ на просвѣщеніе.

Прежде всего остановимся на его понятіи о Богѣ, въ которомъ онъ видитъ единую и высокую истину, не допускающую никакихъ человѣческихъ толкованій и угадываній: «Сан е лажа, бог е истина». Противъ его воли слаба всякая сила: «Бог е ячій, но сав свѣтъ»; поэтому, чтобы ни предпринялъ человѣкъ, прежде всего онъ полагается на помощь божію и всегда говорятъ: хочу сдѣлать или сдѣлаю то и то, «ако бог да», т. е. если поможетъ Богъ; иначе изъ того ничего не выйдетъ. Неудачи турокъ, собиравшихъ громадное войско на Черногорію, черногорець объясняетъ тѣмъ, что, отправляясь, они не говорили «ако бог да» (нишала) и слишкомъ надѣялись на свою собственную силу. Встрѣчаясь съ кѣмъ на пути, вмѣсто вопроса: куда идешь? говорятъ: «ако бог да?». Слышалъ я выраженіе и «самосазданн бог», въ которомъ заключается опредѣленіе Бога, какъ существа по нашему символу вѣры «несотворенна, имъ же вся быша».

Воздавая всѣмъ должное, Богъ иногда терпитъ и попускаетъ грѣшникамъ, а человѣкъ праведный можетъ пострадать «на правду божу»; но рано или поздно, правда восторжествуетъ, а неправда получить свое возмездіе, потому что «Бог не платя сваке суботе». При томъ божественная правда не совпадаетъ съ правдою по человѣческому понятію: Богъ дѣлаетъ свои дары справедливо, хотя и неравно, такъ какъ люди между собою неравны и неодинаково

заслуживаютъ его дары; а люди, и когда стараются уровнять, не могутъ удовлетворить высшей справедливости. Поэтому, приступая къ дѣлсу, черногорцы условливаются впередъ: «Отъемя ли діелти, као бог или као люди?». Первое означаетъ по жребію, не выравнивая много частей, а второе, старался уровнять ихъ, сколько можно, точнѣе. На эту высшую правду указываетъ и выраженіе о умершемъ: «Отишао е на правду», т. е. на судъ Божій.

Несмотря однако на такое понятіе о высшей справедливости Бога, черногорець не можетъ, чтобы не приписать нѣчто изъ своихъ, человѣческихъ качествъ, если не Ему самому, то Его свитымъ угодникамъ, на что указываетъ такая пословица: «Липо е ономе, коме е отац светац», т. е. что и святые помогаютъ прежде всего своему человѣку.

На непреложности Божьяго суда основанъ обычай *вадити мазію* — доказательство правдивости посредствомъ выниманія голыми руками куска раскаленного желѣза изъ котла съ кипящею водою; а также и присяга или заклинаніе кого-либо (заклетва и проклетство) именемъ Божиимъ и его святыхъ, при чемъ истина непременно должна открыться: виновный или отказывается отъ присяги, или его постигнетъ какая-нибудь казнь Божія. Нѣтъ того человѣка, который могъ бы вынести клятву, будь то христіанинъ или турчинъ. Рассказываютъ, что у одного пропало нѣсколько ульевъ, и онъ закълялъ похитителя; послѣ этого вдругъ приходитъ медвѣдь, приноситъ одинъ улей и тутъ же издыхаетъ, вслѣдствіе того, что другіе ульи онъ опорожнилъ уже и разломалъ. Много рассказываютъ о клятвахъ владыки Петра I Святого, которыхъ боялся всякій, вѣруя, что клятва исполнится на виновникѣ. Не только клятва, но и одно его неудовольствіе навлекало на виновниковъ какое-нибудь несчастіе. Существуетъ по этому поводу такой рассказъ. Держалъ владыка козъ на Каручѣ, очень тепломъ мѣстечкѣ по Рѣкѣ-Черноевича, гдѣ и самъ станвалъ, когда на Цетиньѣ было слишкомъ холодно. Приходятъ оттуда двое и являютя къ владыкѣ, который спра-

шиваетъ, что у нихъ дѣлается. «Все благополучно — говорятъ они — только на козъ напала болѣзнь губа (парши)». — Что же вы дѣлаете?—«А мы ихъ по нашему обычаю осмолили»—отвѣчаютъ они. Это состоитъ въ томъ, что на животномъ обжигаютъ шерсть поперекъ трупа въ видѣ пояса.—Только не моихъ козъ?—продолжаетъ спрашивать владыка, ужасно не любившій суевѣрій и предрасудковъ. «Нѣтъ, и твоихъ» — отвѣтили они. Владыка разсердился и что-то проговорилъ про себя; но не проклетіе. Послѣ этого они, возвращаясь домой и перейдя Границу (мѣстность $\frac{1}{2}$ ч. ходьбы отъ Цетинья), о чемъ-то заспорили, разгорячились, выхватили пистолеты и убили другъ друга.

Поэтому самая страшная присяга на гробницѣ этого святителя. Есть и другія мѣста, такъ же пользующіяся славой особенной святости. Такою до недавняго времени была церковь св. Георгія въ с. Беряхъ въ Лѣшкополѣ. Обѣщаніе, сопровождаемое именемъ Бога или какого-либо святого, прежде не требовало никакихъ другихъ скрѣпъ и свидѣтельствъ; а со временемъ выраженія «такъ ми бога или светого Петра» и т. п. стали терять свой первоначальный глубокой смыслъ и теперь часто проносятся, становясь пустыми фразами; все равно какъ потеряла прежнее свое значеніе и присяга.

Божественная справедливость видится и въ томъ, что Богъ не стоитъ на сторонѣ исключительно людей, сильныхъ властью и богатствомъ: «ако коп е лчій, а бог е свачій». Богъ особенно заботится о больныхъ, бѣдныхъ и вообще несчастныхъ: «ѿо не бон, не божій» или: «ко болан не біо, тай богу не міо». Мы уже говорили, что сумасшедшіе и вообще психически больные находятся подъ покровительствомъ Бога, и потому имъ приписывается и некоторая святость; но верхъ Божіей милости и снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ выражается въ отношеніи къ пьяному: его не велятъ трогать, «као манпта». и «пьяна чоека и бог чува».

Изъ общихъ святыхъ наиболѣе почитаются Іоаннъ Креститель, архангелъ Михаилъ, Николай Чудотворецъ, Георгій Побѣ-

доносець, пророкъ Илія, Дмитрій Солунскій, ап. Петръ, св. Пантелеймонъ, Василій Великій, Евоимій Великій, Козма и Демьянъ (врачеви) и др.

Есть особенно почитаемые святыя сербскіе и мѣстные черногорскіе: архіеп. Савва, о которомъ очень много разсказовъ и воспоминаній, приуроченныхъ ипогда къ извѣстной мѣстности, какъ Савинъ-куръ и Савина-вода на Дурмиторѣ; даже одно растеніе носитъ его имя — *савинъ лукъ*; очень многіе въ Черногоріи носятъ его имя, хотя и не славятъ, какъ *крсно име*; затѣмъ идетъ Стефанъ Дечанскій, иначе *свети краљь*; кралица Елена (жена Уроша I, урожд. Валуа), иначе *света кралица*, которой приписываютъ постройку множества церквей и монастырей и путешествіе во многихъ мѣстахъ Черногоріи, откуда названія: Краличина-вода, Краличино-око, света трапеза, на которой она обѣдала (между Косіерами и Цетиньемъ); паріце св. кралице; мѣстные святыя Василій Острожскій и Петръ Цетинскій, Стефанъ Пиперскій. Изъ женскихъ святыхъ чаще всего воспоминаются имена: Марія Магдалина, великомуч. Маріна (Огнена Марія), св. Параскева (Петка), Иоанна (Јована, Ивана), Василя, Хрстина и др. Имя Ѳеклы запечатлѣно въ имени двухъ весьма старыхъ церквей въ Даниловомъ градѣ и на Цеклинѣ, а также въ имени двухъ племенъ цеклпчей и цеклпнянъ.

Отъ почитанія святыхъ перейдемъ къ церквамъ.

Мы имѣли случай замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черногоріи слишкомъ много церквей и это особенно въ старой части ея; тогда какъ въ мѣстахъ, присоединенныхъ отъ Турціи, напротивъ, слишкомъ мало, вслѣдствіе бывшихъ стѣсненій со стороны турокъ; но и тамъ находятся слѣды множества бывшихъ когда-то церквей, такъ называемыя *церквины*, которыя народъ бережетъ отъ совершеннаго ихъ уничтоженія; на нѣкоторыхъ отъ времени до времени бываетъ божественная служба, а бывало прежде на церквинахъ служили обѣдню, причащали и крестили дѣтей. Есть церкви, въ которыхъ служится только разъ въ годъ, напр. св. Јованъ и св. Ѳекла на Цеклинѣ, Успе-

ніе Богородицы на рѣцкомъ Комѣ, Петка Граболянска въ Цермницѣ и др. Одна только церковь въ запущеніи — въ пивскихъ Церквицахъ, большая, прекрасной архитектуры (неизвѣстно, во имя какого святого), постройку которой народъ приписываетъ герцогу Стефану: въ ней около полуметраросло навоза отъ содержавшагося тамъ скота сначала турками, а послѣ имъ слѣдовали и христіане (недавно, кажется, очистили). Въ такомъ же запущеніи находятся и церковки, впрочемъ полуразрушенныя, на островахъ Скадарскаго озера вдоль берега Кранны; но тамъ владѣютъ магометане и католики арнауты.

Кромѣ этихъ весьма рѣдкихъ примѣровъ, черногорець относится къ церкви благоговѣнно, любитъ её и готовъ на всякое пожертвованіе для ея поддержанія. На перевалѣ черезъ хребетъ между Цермницей и Баромъ была церковка св. Романа; никто не знаетъ, когда она разрушена; но народъ нѣсколько разъ возстановлялъ ея стѣны, чтобы, по крайней мѣрѣ, туда не могли входить животныя, и не было бы оскверненія святого мѣста. Турки однако всегда разрушали эти стѣны, боясь, чтобы черногорцы не могли изъ нея дѣлать засаду; тогда пастухи отъ времени до времени строили стѣнки сухой кладки.

Въ старое время сербскіе короли и зетскіе владѣтели строили церкви и монастыри, какъ *задушбины* (за поминъ души), и надѣляли ихъ землями и другими богатствами. Послѣднею такою задушбиной была постройка Цетинскаго монастыря Иванбегомъ Черноевичемъ. Послѣ этого народъ, вся жизнь котораго проходила въ борьбѣ съ нуждою и внѣшними непріятелями, былъ не въ состояніи не только соорудить новые церкви и монастыри, но и поддерживать старые. Тѣмъ не менѣе Цетинскій монастырь, разоренный турками впервые въ 1698 г., черногорцы со своимъ владыкой Даниломъ возстановили собственными средствами; послѣ же имъ въ томъ помогала Россія. А около 1840 г. воевода Вуксанъ Булатовичъ изъ Ровцевъ построилъ церковь св. Иліи на одной горѣ въ Лѣшанской нахіи въ память своего избавленія изъ плѣна въ Скадрѣ, гдѣ ему угрожала неминуемая смертная казнь.

Въ новѣйшее время много церквей строить князь Николай, частію на свой собственный счетъ, частію изъ государственныхъ доходовъ. Недавно пивскій воевода Лазарь Сочица построилъ на свой счетъ церковь въ своемъ селѣ Плужинахъ. Безъ сомнѣнія, нашлись бы люди и еще, готовые на такое крупное пожертваніе во имя вѣры, еслибъ было больше капиталистовъ. Но есть и теперь, при всей бѣдности Черногоріи, люди, которые дѣлають различныя пожертвованія въ пользу церквей, уже готовыхъ. Какъ бы то ни было, въ Старой Черногоріи нѣтъ общины или села, которое не имѣло бы своей собственной церкви. Правда, церкви эти очень маленькія и внутри весьма плохо украшенныя, иногда почти пустыя; но въ томъ причиную особенное положеніе тѣхъ краевъ: трудность приобрѣтать все необходимое для того и бывшая необеспеченность извнѣ; такъ какъ при нападеніяхъ турокъ прежде всего страдали церкви, при чемъ, будучи не въ состояніи ничего сдѣлать голымъ стѣнамъ, они накидывались на внутреннія украшенія, на иконы и священныя яки по стѣнамъ, накладывая внутри огонь, чтобы все закоптилось, выкалывая глаза святымъ и производя всевозможныя поруганія. Дороже всего черногорцу имѣть колокола на церкви, которыхъ въ земляхъ, находящихся подъ турецкимъ господствомъ, не допускается; поэтому и турки прежде всего накидывались на колокола: сбрасывали ихъ, разбивали совсѣмъ или пробивали въ нихъ щербины и отверстія. Нужно видѣть, съ какимъ удовольствіемъ не только дѣти, но и взрослые звонятъ въ эти, мотающіеся по западному способу на ту и другую сторону колокола, подсакивая при этомъ за веревкою, приводящую въ колебательное движеніе брусокъ, къ которому прикрѣпленъ колоколъ.

Церковь, построенная отдѣльнымъ лицомъ или общиною, считается полною собственностію строителей. Чтобы имѣть церковь своею собственностію, строить иногда рядомъ съ существующею другою. Постороннему, не участвовавшему въ постройкѣ, почти нѣтъ входа въ такую церковь, особенно во время междусобій. Главнымъ образомъ право собственности выражается въ томъ,

что на окружающемъ её кладбищѣ не смѣютъ хоронить никого, кромѣ своихъ, развѣ умереть какой-нибудь чужестранецъ и некому перенести его тѣло въ его собственное мѣсто. Сверхъ того кладбище дѣлится и по братствамъ, а послѣ по отдѣльнымъ родамъ.

На Цетиньѣ есть такъ называемая Влашская церковь; она принадлежала прежде исключительно Дольнему-краю, а въ послѣднее время стала вообще цетинскою приходскою церковью; но Дольнекрайцы смотрятъ на то косо, и особенно имъ кажется несправедливымъ, что сдѣлано общимъ ихъ кладбище. Хотя, когда это такъ сдѣлалось, никому ни малѣйше не было противно, что тутъ же погребаютъ католиковъ и протестантовъ и отпѣваютъ въ ихъ же церкви; и относятся къ тому всё даже съ особеннымъ сочувствіемъ (это пусть примутъ къ свѣдѣнію католики, которые, какъ напр. въ Дубровникѣ не давали православнымъ мѣста не только на своемъ кладбищѣ, но и близъ него).

Все, что находится въ церкви или принадлежитъ ей, также составляетъ собственность общины; а священникъ только совершаетъ службу; впрочемъ, и онъ непременно долженъ быть свой и участвуетъ во всемъ, какъ членъ этой общины.

Въ бытность мою въ Черногоріи былъ такой случай.

Въ с. Косіерахъ (3 ч. отъ Цетинья) носили кресты. Священникъ распредѣлялъ, кому что нести; тогда одинъ стоитъ и спрашиваетъ: «А гдѣ мой крестъ?». Священникъ отвѣчаетъ ему: «Какой твой крестъ? Все, что въ церкви, церковное». Тогда тотъ: «Мой отецъ пожертвовалъ одинъ крестъ и на смертномъ одрѣ заклалъ насъ, чтобы всякій разъ, когда посылъ кресты, посылъ его одинъ изъ нашего дома»; и при этомъ кидается на того, у котораго увидѣлъ свой крестъ, чтобы отнять его. Произошла суматоха, чуть не поблился между собою; удалось наконецъ умирить его. Тогда онъ же отправился на Цетинье съ жалобой въ судъ. По закону за всякое смятеніе народнаго собранія виновникъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ или штрафомъ въ 10 талеровъ; но судъ, принимая во вниманіе, что онъ поднялъ

смуту, по его понятію, за правое дѣло, такъ какъ прежде былъ такой обычай и только недавно отмѣненъ, приговорилъ его только къ 2 тал. на путевыя издержки свидѣтелей.

Другой случай былъ на Кчевѣ. Одинъ имѣлъ домъ подлѣ церкви; а пастушонокъ, пасшій близко стадо, посидитъ, побродитъ, потомъ подойдетъ къ церкви, ухватитъ веревку отъ колокола и звонитъ; и такъ цѣлый день. Надоѣло тому сосѣднему домохозяину: «Пошелъ отсюда» — крикнулъ онъ на мальчугана; а случился неподалеку отецъ его и отзывается: «А тебѣ что? Дѣдь его купилъ этотъ колоколь; такъ внукъ, можетъ звонить, когда хочетъ».

Какъ ни любятъ черногорецъ свою церковь, а посѣщать её не любятъ, вслѣдствіе чего въ послѣднее время церковная и гражданская власть строго наблюдаютъ за постояннымъ хожденіемъ прихожанъ въ церковь. А въ старое время бывало, что иной не входилъ въ церковь никогда, въ продолженіе всей своей жизни.

По этому поводу рассказываютъ слѣдующій анекдотъ про одного цекляча (мнѣ подтверждалъ это самое его внукъ). Будучи еще молодымъ, въ одинъ праздничный день пасъ онъ свое стадо близъ церкви и, види, что всѣ входятъ въ неё, рѣшилъ: «Дай и я пойду» и вошелъ. Постоялъ немного, посмотрѣлъ, что дѣлается, и уходитъ; но передъ выходомъ засмотрѣлся на что-то вверху и въ очень узкой двери уперся поперекъ заткнутымъ за поясъ косьеромъ. Перепугавшись, онъ закричалъ: «Пусти меня, ангелъ Божій! никогда не буду больше входить въ твой домъ». На Езерахъ (въ Дробнякахъ) при мнѣ былъ одинъ старикъ, никогда не бывавшій въ церкви. Въ мою бытность тамъ, онъ уже не поднимался съ постели, и канитанъ распорядился хотъ разъ понести его въ церковь, чтобы не умеръ, не имѣя объ ней никакого понятія. Это было возможно особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находились подъ турецкимъ господствомъ и гдѣ было мало церквей.

При такомъ положеніи понятно, что была нѣкоторая отчуж-

денность отъ церкви: рѣдко посѣщая церковь, нѣкоторые относились къ ней безъ особеннаго благоговѣнія, просто, какъ къ чему-то удивительному. Это подмѣчено самими же черногорцами тоже въ одномъ характерномъ анекдотѣ. Нѣсколько пиперъ (название племени дается только для примѣра) шли куда-то и, увидя церковь и войдя въ неё, воскликнули: «Чудне-ли пркве, бѣснѣх светаца! да се у ншой пусту Богу намолимо!». Въ забывчивости черногорець войдетъ въ церковь въ шапкѣ; это мнѣ случалось видѣть даже со стороны старыхъ священниковъ. А однажды былъ такой случай въ церкви на Рѣкѣ. Когда окончилась служба, сторожъ хотѣлъ задуть свѣчи въ паникадилѣ и никакъ не могъ; тогда одинъ изъ присутствовавшихъ взялъ свою трубку на длинномъ чубукѣ, старательно её очистилъ и прекрасно потушилъ каждую свѣчку.

Если въ этомъ поступкѣ проглядываетъ недостаточно благопристойности, вслѣдствіе непониманія и отсутствія всякаго поученія со стороны священства, то нельзя не признать въ совершившемъ его усердія, которымъ онъ въ то время проникнуть былъ къ церкви.

Относительно религіозности черногорцевъ В. С. Караджичъ дѣлаетъ замѣчаніе, что они менѣе религіозны, чѣмъ другіе сербы; что другіе сербы каждый день молятся съ дѣтьми, чего у черногорцевъ нѣтъ (Mont. u. die Mont. стр. 69). Что касается сербовъ Королевства, то мы по личному наблюденію сказали бы противное; у сербовъ же австрійскихъ во внѣшнемъ выраженіи религіозности мы видимъ уже вліяніе школы, которой въ то время въ Черногоріи не существовало. Поэтому у черногорца религіозность, какъ бы ни была глубока, или вовсе не выражалась во внѣшней формѣ и обрядности, или же выражалась слѣпкомъ просто и даже грубо, на что и обращаютъ вниманіе посторонніе наблюдатели, а также сознаютъ и сами черногорцы.

Въ Сербско-Далм. Магаз. за 1845 г. (стр. 63) приводится разговоръ приморца съ черногорцемъ, въ которомъ первый спрашиваетъ второго, молится ли онъ и какъ. Въ отвѣтъ получается,

что черногорецъ не знаетъ никакой молитвы, а только взываетъ къ Богу: «Сильный Боже помоги мнѣ грѣшному!» и при этомъ обращается также къ св. Петру, св. Лукѣ, св. Николаю, св. Тройцѣ, св. Богородицѣ, чтобы и они ходатайствовали за него.

Священство черногорское до недавняго времени отличалось отъ остальнаго народа только грамотностью и знаніемъ обрядовой стороны богослуженія, и потому единственное поученіе состояло въ постоянномъ проповѣданіи царю борьбы съ противниками креста: «За име Бога и крст часни!». Не только мірскіе священники, но и монахи сами участвовали въ битвахъ и рубили непріятельскія головы. Архипастырямъ новѣйшаго времени трудно было бороться противъ того, чтобы священство, по крайней мѣрѣ, безъ крайней необходимости не мѣшалось въ военныя дѣла; да и теперь еще рѣдкій священникъ не предпочтетъ какой-нибудь военный подвигъ исполненію своей прямой священнической обязанности.

Вся забота стараго священства заключалась въ томъ, чтобы воспитать въ своей паствѣ ненависть къ нехристіямъ и борцевъ за вѣру и свободу; а посѣщаютъ ли прихожане церковь, исполняютъ ли другія христіанскія обязанности, до того ему не было дѣла. Для причащенія, напр., не требовалось постоянного хожденія въ церковь, хотя бы въ продолженіе двухъ — трехъ дней; а прямо идутъ на исповѣдь и потомъ причащаются. Да и не было иногда и времени къ такому приготовленію. А между тѣмъ обрядъ причащенія въ глазахъ черногорцевъ всегда имѣлъ высокое значеніе, и остаться безъ него было ему тяжело. Хайдуки, которые, скрываясь отъ турокъ, никогда не смѣли войти въ церковь, причащались такимъ способомъ: просили кого-нибудь принести просфору, освященную въ церкви, или антидоръ и вина, и такимъ образомъ причащались сами, держа передъ тѣмъ постъ и принося передъ своею четой публичное покаяніе; при этомъ въ церковь посылали какой-нибудь даръ.

Г. М. Шобанчъ рассказываетъ намъ, что онъ знавалъ людей, старыхъ чобановъ, которые никогда не бывали на испо-

вѣди и у св. причастія. Одному такому старцу онъ совѣтовалъ исполнить этотъ христіанскій долгъ, по крайней мѣрѣ, на старости лѣтъ; а онъ на то отвѣтилъ: «Э! теперь мнѣ стыдно пойти въ церковь» и при этомъ разсказалъ слѣдующее народное преданіе. Св. Савва, ходя по Черногоріи, своротилъ къ одному чобану и остался у него на почлегъ, а на другой день утромъ увидѣлъ, какъ чобанъ молится. Обращаясь къ Богу, онъ взывалъ: «Боже, не помози!» и при этомъ цѣловалъ каждый колъ въ своемъ торѣ (базѣ). Видя такую грубую простоту, св. Савва научилъ чобана, по крайней мѣрѣ, говорить: «Боже, помози!» и отправился. Чобанъ однако позабылъ, какъ говорить, и побѣжалъ за святымъ въ догонку, чтобы переспросить, а онъ уже сошелъ къ морю и отплылъ на кораблѣ. Тогда чобанъ бросилъ свою кабаницу (верхній плащъ) на море, доплылъ до св. Саввы и спрашиваетъ; а онъ, видя чобана, плывущаго по морю, отвѣтилъ только: «Айде, па онако, како си научіо!» т. е. какъ бы ни молился, только бы съ усердіемъ, — все равно.

Посты простой народъ держитъ строго, наблюдая всякую среду и пятницу и сверхъ того постясь еще извѣстные дни по обѣщанію. Любитъ черногорецъ церковные обряды и любитъ принимать участіе въ ихъ совершеніи. Когда носятъ кресты, то весь народъ идетъ и поетъ «Господи, помилуй!» и другое, что знаетъ. Когда совершается въ церкви молебствіе о дождѣ, то послѣ всего обходятъ три раза вокругъ церкви, при чемъ священникъ говоритъ извѣстныя молитвы, а народъ непрерывно кричитъ: «Даждь, Богъ, дождь!». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стараются усилить обрядъ рѣзкостью формы; такъ, когда во время крещенья ребенка, кумъ, отрекаясь сатаны, плюетъ на него; — черногорецъ плюнетъ, сколько можетъ, и разотретъ ногою и т. п. Вообще въ религіозныхъ понятіяхъ черногорца много находится изъ его народныхъ воззрѣній и на обрядную сторону онъ также налагаетъ свою особую печать. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ черногорскій священникъ, хотя бы онъ учился въ какой-либо духовной академіи въ Россіи, не будетъ читать церков-

ныя книги иначе, какъ измѣнивъ по-своему удареніе, а часто и самый выговоръ (пѣсан вм. пѣснь, во вышнихъ вм. въ вышнихъ, свякое вм. всякое и т. д.); черногорець вообще любитъ смѣшивать церковное съ мірскимъ. Въ празднованія божича (Рождество Христово) и *краснаго имени* именно смѣшиваются двѣ формы обряда — церковнаго и народнаго. Прежде былъ особенный обрядъ *побратимства*, совершавшійся въ церкви. При даваніи именъ при крещеніи совершенно не стѣсняются святцами. Это черта, общая всѣмъ сербамъ; только у черногорцевъ, сказалъ бы, больше привязанности къ церкви и любви къ различнымъ религіознымъ обрядамъ, чѣмъ напр. у сербовъ Королевства и въ Австріи. Каждая мѣстность или племя, кромѣ служенія *краснаго имени* и *послужбицы*, имѣютъ обычай непремѣнно разъ или два въ году носить кресты. Любятъ также въ домѣ освящать масло. У другихъ сербовъ напр. въ Герцеговинѣ и Босніи, это совершается только тогда, когда кто-нибудь въ семьѣ тяжело боленъ; а здѣсь у однихъ опредѣленные для того дни, напр., на третій день Рождества, въ великомъ посту; другіе освящаютъ масло, когда родится ребенокъ; когда перейдутъ въ новый домъ; иной въ день святого, имя котораго носить.

Какъ все это совершается, мы сообщимъ въ описаніи вообще обрядовой жизни черногорца, а здѣсь намѣчаемъ только эти факты, въ которыхъ проявляется его религіозность и отношеніе къ церкви.

Отношеніями къ церкви обуславливаются, конечно, и отношенія къ ея представителямъ. Объ этихъ представителяхъ мы уже говорили выше и замѣтили, что на то уваженіе, какимъ въ Черногоріи пользовалось духовенство, имѣло вліяніе и то обстоятельство, что во главѣ всѣхъ племенъ стоялъ единый вождь ихъ, митрополитъ, котораго народъ называлъ владыкою и даже господаремъ; что они при томъ были люди изъ своего народа и наконецъ всѣ почти были замѣчательные люди и вполне преданные церкви и своему народу. Ихъ не могли укорить ни въ корыстныхъ стремленіяхъ, какъ то было съ владыками-греками

въ другихъ сербскихъ земляхъ; ни въ безучастіи къ своему народу, такъ какъ они не шадли для него своей жизни; ни въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ, для которыхъ собственно не было и почвы. Поэтому дурное воспоминаніе осталось въ народѣ только о Мардаріѣ изъ с. Корнета Лѣшанской-нахиі (1659 г.), вслѣдствіе оставшагося въ народѣ темнаго преданія о его наклонности къ Риму; но и его жители той нахиі оправдываютъ, объясняя рассказываемый о немъ скабрзный случай иначе: что его оклеветалъ какой-то слуга, а не онъ св. Василя Острожскаго. (Т. I, стр. 496—498). Въ старой Черногоріи нѣтъ ни одного соблазнительнаго разсказа вообще о духовенствѣ; тогда какъ въ сосѣдней Герцеговинѣ и въ частяхъ ея, послѣ присоединенныхъ къ Черногоріи, ихъ множество. Нѣтъ въ Черногоріи кощунства, ни ругательства надъ святыней, какъ то существуетъ у другихъ сербовъ.

При владыкѣ св. Петрѣ прибылъ на Цетинье одинъ сербъ изъ Австріи или Далмаціи и въ какомъ-то разговорѣ обругалъ черногорцу вѣру или крестъ, вовсе не имѣя въ виду нанести ему тѣмъ какое-либо оскорбленіе. Черногорецъ только переспросилъ его: «Какъ?» Тотъ повторилъ; а этотъ дѣлаетъ въ него выстрѣлъ изъ пистолета и убиваетъ на мѣстѣ.

Къ вѣрѣ, само собою разумѣется, часто примѣшивается суевѣріе и даже изувѣрство. Мы разумѣемъ здѣсь не тѣ старыя народныя повѣрья и соотвѣтствующіе имъ обычаи, которые задержались въ народѣ отъ времени языческаго, но возникшія уже на христіанской почвѣ. Къ числу такихъ относимъ мы различныя записи и молитвы, не принятыя въ канонѣ.

Въ Пиперскомъ монастырѣ (Тъелія) въ одной книгѣ 1827 г. находятся двѣ молитвы, записанныя священникомъ Гаврилломъ: одна: «молитва, коме мала дѣца умру. Напиши, да носи мати отрочева при себи; кад се діете роди, стави при дѣтету, прѣдье но се задом»; а другая: «Запись от вѣштице. Тому же от нечистаго духа и от вѣштице, и от грознице, и от ночнице, и от море, и от *волке и назаре*». Одна молитва, записанная священникомъ

Филиппомъ изъ Косіеръ, который за то вообще былъ много почитаемъ народомъ. Молитва эта состоитъ изъ словъ, не имѣющихъ между собою наружной связи, и съ изображеніемъ креста и другихъ фигуръ. Славилсь своими записями священники, давно уже умершіе: Вукацъ изъ Бѣлошъ и Стефанъ изъ Байцъ.

Кромѣ молитвъ и записей, старые священники обладали еще и пророческимъ даромъ. Таковъ былъ упомянутый выше священникъ Стефанъ, который между прочимъ родителямъ Ива Мартиновича (на Цетиньѣ) предсказалъ его рожденіе и всю дальнѣйшую судьбу. А о священникѣ Вукцѣ рассказываютъ слѣдующее. Одинъ годъ онъ все покупалъ хлѣбъ и въ продолженіе зимы скупилъ много; пришла весна, всѣ сѣютъ, а онъ нѣтъ. «Что не сѣешь?» — допрашиваютъ его. — Такъ что-то, нѣтъ охоты — и въ тотъ годъ кто ни посѣялъ, никто не взялъ ни зерна.

Случались пророки и изъ мірскихъ людей. Таковъ былъ Мато Глушацъ изъ Марковины (въ Озриничахъ). Это былъ человѣкъ молчаливый, мало общительный и если кому-нибудь сообщалъ что-либо о его судьбѣ или о другомъ, то по особенному довѣрію и расположенію къ тому человѣку. Онъ, говорятъ, предсказывалъ смерть кн. Данила; но предсказанію его не повѣрили и за то въ добавокъ избили; а между тѣмъ послѣ все сбылось по его предсказанію.

Кн. Данилъ, смотря на то, какъ на обманъ, рассчитывающій на невѣжество народа и поддерживающій въ немъ суевѣріе, строго запретилъ всевозможныя пророчества, таинственныя записи и молитвы, не принятыя церковью, и съ того времени все это прекратилось. Распоряженіе это имѣло полное основаніе, потому что рядомъ съ людьми, вполне убѣжденными, являлись простые плуты, которые эксплуатировали народъ въ свою личную пользу. Въ бытность мою въ Черногоріи также появился подобный эскоматеръ и собралъ было порядочную сумму; но былъ изобличенъ въ обманѣ и посаженъ въ тюрьму, хотя и не надолго. Послѣ онъ жилъ нѣкоторое время мирно; однако, успѣвши при-

выкнутъ жить обманомъ, онъ опять пошелъ по той же дорогѣ и продолжалъ ту же аферу между своею братіей сербами вѣтъ Черногоріи.

Въ Пиперахъ былъ одинъ такой проходимецъ Босуа (откуда-то изъ-за границы), который повелъ пиперь на Подгорицу, чтобы взять её безъ выстрѣла, для чего всѣ должны были пойти безъ шапокъ и оружія и только пѣтъ «Господи, помилуй!». Турки подгорицкіе, увидѣвъ эту странную толпу, сначала были удивлены; а потомъ стали стрѣлять, и тогда несчастные пиперы бѣжали, кто куда могъ, при чемъ, конечно, многіе и погибли. Онъ же, говорятъ, обманулъ одного селяка такимъ образомъ. Проживъ у него довольно времени и получивъ отъ него нѣсколько денегъ на дорогу, онъ въ благодарность обѣщаль дать ему способность летать, велѣвъ ему для того взобраться на крышу и соскочить, когда тотъ дастъ ему знакъ издали. Поселянинъ такъ и сдѣлалъ, но сильно расшибся; а тотъ тѣмъ временемъ уже былъ далеко.

Кромѣ канонизованныхъ святыхъ, въ 1855 г. появилась св. Манда. Это была молодая, здоровая и очень красивая дѣвушка, при томъ очень умная и серьезная. Её привела мать въ Острожскій монастырь, гдѣ постоянно проживали постороннія лица: какой-нибудь странникъ, бѣднякъ, сумасшедшій безродный, а иногда и женщины. Манда появилась сначала въ Приморьѣ, гдѣ объявила, что ей является Богородица, съ помощью которой стала совершать чудеса и дѣлать предсказанія. Къ ней на поклоненіе стала стекаться масса народу и даже священники. Тогда вмѣшалось правительство и остановило ея дѣятельность, что и заставило её перейти въ Черногорію. Здѣсь она однако не имѣла успѣха и потому, я полагаю, что была женщина. Это заставило её оставить Черногорію, и она отправилась искать гдѣ-нибудь женскій монастырь.

Другая святая, наоборотъ, изъ Черногоріи объявилась въ Которѣ. Это была бѣдная дѣвушка изъ Лѣшанской нахіи, пришедшая въ Которъ, чтобы поступить куда-нибудь въ услуженіе.

Её приняли въ женскій католическій монастырь, гдѣ она тотчасъ же обратила на себя вниманіе своимъ поведеніемъ. Такъ, все, что ей давали ѣсть, она сама не ѣла, а кормила тѣмъ бѣдняковъ. Однажды её захватили, когда она несла полный передникъ чего-то, а когда потребовали открыть, то въ немъ оказались цвѣты. Съ тѣхъ поръ ей въ томъ не мѣшали; такъ она и умерла въ томъ монастырѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ; понадобилось зачѣмъ-то открыть её — можетъ быть, чтобы похоронить другую, — а когда открыли, то нашли ея тѣло нетлѣннымъ и издающимъ благоуханіе и её признали за святую, которая и теперь извѣстна подъ именемъ «*Slava di Montenegro*». Её скрыли отъ православныхъ, особенно отъ черногорцевъ, которые однако, узнавъ о томъ послѣ, остались равнодушны.

Здѣсь мы видимъ уже смѣшеніе вѣры въ святиню, для чего требуется канонизація церкви, и суевѣрія, и послѣднее, какъ видно, не имѣетъ доступа къ сердцу черногорца. Но онъ охотно призналъ бы все то, если бъ признала его церковь.

Посмотримъ теперь, какъ черногорецъ относится къ школѣ или въ болѣе широкомъ смыслѣ къ наукѣ и просвѣщенію. Начнемъ съ того, какъ онъ цѣнить умъ: «больше е унча памети но сто литара снаге» или «сто баданя мозга»; при томъ онъ отличаетъ умъ человѣка отъ умственной способности, которою обладаетъ всякое животное: «ум царуе; памет имаю сви животинье». Различаетъ онъ также истинную мудрость отъ суемудрія (мудрованье): «Докле мудри мудроваше; луди-зи град примише»; въ томъ же смыслѣ говорится: «мудрих много, вѣтних мало». Умъ нуженъ вездѣ: «вѣшт гору лони, а невѣшта гора лони». Передъ человѣкомъ знанія и науки черногорецъ скромно говоритъ: «Ми смо ка и брави» или: «Ви спаваючи больше видите, но ми, кад очпа гледамо».

Мы уже указывали на то, что уваженіе къ священникамъ было двойное: какъ къ служителямъ церкви и какъ къ людямъ,

которые обладают знаніями недоступными для всякаго; вслѣдствіе обладанія такими знаніями они считались умнѣйшими людьми, и потому народъ всегда слушалъ ихъ совѣта, а часто они были и главарями. Не имѣя въ старое время школъ, черногорцы стремились къ священническому званію не ради какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ, которыхъ и не было тогда, но единственно вслѣдствіе того уваженія, которое оказывалось ихъ уму, соединенному съ знаніемъ. А когда стали открываться школы, народъ прильнулъ къ нимъ всѣмъ сердцемъ, при всей своей бѣдности не жагѣя издержекъ.

Въ мирный періодъ съ 1862—1875 г., когда князь Николай все свое вниманіе посвятилъ главнымъ образомъ умственному развитію своего народа, народъ отвѣтилъ ему тѣмъ, что построилъ на свой счетъ всюду, гдѣ требовалось, школы, которыя сдѣлали бы честь и другому, болѣе развитому и богатому государству. Что же касается учениковъ, то лѣнливыхъ между ними почти нѣтъ, а многіе, даже очень маленькіе идутъ въ школу на разстояніи часа и даже двухъ часовъ (отъ 5—10 верстъ), и никакая погода не можетъ удержать ихъ отъ аккуратнаго посѣщенія школы.

Противъ ученія дѣвочекъ у черногорцевъ нѣтъ ни малѣйшаго предразсудка; но отдѣльныхъ женскихъ школъ въ Черногоріи почти нѣтъ; а гдѣ онѣ существуютъ, тамъ ученицъ немного меньше, чѣмъ учениковъ въ мужской школѣ, гдѣ же нѣтъ ихъ, тамъ дѣвочки идутъ и въ мужскія школы. Я знаю простыхъ старыхъ черногорцевъ, которые хвалятся тѣмъ, что ихъ сыновья имѣютъ женами «ученихъ».

Основная школа, двух- или трех-классная, не вызываетъ въ окончившемъ еѣ никакихъ вождельній и не вноситъ никакого разлада въ народную жизнь. Каждому дому пріятно имѣть хоть одного грамотнаго, который умѣлъ бы прочесть что-нибудь и записать. Любимое чтеніе составляютъ *тысмарицы*, сборники пѣсень народныхъ или составленныхъ въ народномъ духѣ; — газета, особенно домашняя, чтобы знать, что дѣлается въ свѣтѣ и въ Чер-

ногории, календари, чтобы знать, когда какой праздник, не спрашивая о том священника, когда мѣна мѣсяца и т. п. Рѣдко можно встрѣтить любителей чтенія священнаго писанія и церковныхъ книгъ. Любятъ особенно книжки историческаго содержания и, что прочитаютъ, отлично помнятъ и любятъ пересказывать другимъ. Напротивъ, книжки съ практическими наставленіями относительно хозяйства, здоровья, а также изъ естественныхъ наукъ — занимаютъ ихъ мало.

Съ гимназій или вообще средняго учебнаго заведенія является уже стремленіе занять высшее положеніе, и побывавшій тамъ рѣдко возвращается къ занятіямъ своего отца, простого черногорца. При врожденномъ стремленіи черногорца къ положенію господина, школа становится для него привлекательною не расширеніемъ знаній и умственнаго развитія, а тѣмъ, что ведетъ его къ занятію должности, освобождающей его отъ физическаго труда и суровой жизни своихъ отцовъ. Высшее образованіе поэтому возбуждаетъ и высшія вожденія, которыми иногда и не въ состояніи удовлетворить ихъ отечество, вслѣдствіе чего они покидаютъ его и ищутъ желаемаго внѣ его тѣсныхъ предѣловъ.

Народъ однако и къ этому высшему образованію относится сочувственно, потому что до сихъ поръ на государственныя должности опредѣляются не столько по образованію, сколько по заслугамъ личнымъ или предковъ и по природнымъ способностямъ, а путь къ дальнѣйшему, высшему образованію не закрытъ и для простого черногорца. Тѣмъ не менѣе раздаются иногда голоса и противъ того. Одинъ старикъ, напр., жалуюсь на бѣдное положеніе народа, выразился такъ: «Добыше турци силом, а господа книгомъ: нама ништа» *).

*) Ту же пословицу мы слышали въ Босніи нѣсколько въ другой формѣ: «Турци силом, попови книгомъ истераше ербе изъ вѣре».

5. Народная мудрость: пословицы и особенныя изреченія, выражающія снладъ ума; народныя опредѣленія духовныхъ качествъ человѣка.

Нравственная фнзномія человѣка слагается не только изъ опредѣленій его положенія въ главныхъ сферахъ жизни политической и общественной, но и изъ тѣхъ принциповъ, которыхъ онъ держится въ жизни обыденной. Постараемся поэтому познакомиться и съ этою частью воззрѣній черногорца, съ его житейскою и практическою мудростью, насколько она выражается въ его пословицахъ.

Мы уже видѣли, какъ высоко черногорець цѣнитъ умъ; поэтому, уважая и цѣня умъ, онъ требуетъ, чтобы всякое дѣло было напередъ хорошо обдуманно: «Болье е една размишлена, него стотина учиненіех»; та же мысль, только въ болѣе узко-практическомъ смыслѣ проводится и въ пословицѣ: «Два пута мѣри, а третій крои» (у насъ «десять разъ отмѣрь»). Въ противномъ случаѣ о живущемъ заднимъ умомъ говорится: «Потонья памет магарацу (или шарову) под реп». Кто хочетъ узнать невозможное, тотъ «тражи у яету длаку»; кто прошелъ всякую науку, «біо е и на врзину колу». А иной учитъ другихъ, себѣ же помочь не въ состояніи; о такомъ говорятъ: «Чапня е сваку типу научила плвати, а сама се удавила». Кто суется въ дѣло, въ которомъ ничего не понимаетъ, тотъ «разуміе, као магарац у кантар или као жаба у лѣшник». Различіе между умнымъ и глупымъ состоитъ въ томъ, что «чег' се мудар стиди, тим се луд поносы»; сообразно съ тѣмъ выражаютъ свое желаніе слѣдующимъ образомъ: «Дай ми, Боже, што будала (или бестія) мисли, а не дай ми, Боже, што паметан мисли», такъ какъ глупый всегда думаетъ, что ему случайно свалится счастье съ неба, или найдется готовое богатство; а умный думаетъ совершенно противоположное, предполагая прежде всего невозможность что-либо добыть безъ труда и мукъ.

Строго осуждается необдуманность и неосторожность, если она влечет за собою какое-либо несчастіе или вообще худыя послѣдствія, которыя имѣють обыкновеніе приписывать случайности:

Тужила се по гори несрета,
Горко тужи, сузе проліева:
«Махнити ми люди додіаше;
Побудале, па несретю туже.» *).

Всякій подобный случай долженъ быть наказанъ: «Ако си нехотице, мени си крвнико», или: «Кад си ми дужан, буди и покоран.»

Послѣ ума управляютъ свѣтомъ сила и богатство: «У снази правда», «или лонац о кршу или крш о лонцу; лонцу камн свокояко»; «Како кои гологуз, тако сваки под топуз»; «Кои е ячи, они е и качи»; «Чија сила, тога и снага»; «Одѣвен — лѣп, сит — весео, богат—паметаѣ». Трудно слабому тягаться съ сильнымъ: «Извади комарцу ногу; одоше и црева на двор»; но тѣмъ не менѣе «И мачка се брани врх себе». Только Богъ помогаетъ, не различая сильного отъ слабого: «И ако ко е ячи, а бог е свачи»; сильна сама по себѣ и правда: «Права ріеч — мачна рана», т. е. поражаетъ неправду, какъ мечемъ сѣчетъ.

Когда ссорятся между собою сильные, страдаетъ попавшій между ними слабый: «Медью два бана мени гола глава». Что сильному забава, то слабому погибель: «Мачки од играњя, мишу од кукањя».

Ничего не можетъ сдѣлать человекъ противъ нужды или необходимости: «Нужда закон мѣня»; «Нужда и на крвничка врата нагони»; «Зла година орла притиснула, те зимова медью кокошкама».

Міръ или среда управляютъ нами: «У какво коло додѣш,

*) Эта пословица впервые встрѣчается въ соч. «*Osservazioni di Giovanni Lovrich*» и т. д. 1775 г., стр. 193.

онако играй». Одинъ чловѣкъ не можетъ ничего предпринять: «Едан човѣкъ не чини войску» и «Тешко другу без друга, ка славуу без луга»; только міромъ или совокупными силами и понемногу можно сдѣлать что-либо: «Длака по длаку это бѣлача; зрно по зрно — это погача, камен по камен — это полача, капля по капля — это Морача (рѣка)»; или: «не чине дрвляник велика бремена и рѣдка; а мала и честа». Кто идетъ противъ цѣлаго общества, про того говорятъ: «Руга (уродъ) сѣди край пути, те руга се свокоме, а ньой сватко».

Не должно скрывать чужихъ заслугъ: «Туде поштенье не треба крйти»; но своя рубашка ближе къ тѣлу: «При глави и отца по глави», т. е. если тебѣ угрожаетъ погибель, то и родному отцу не дашь спуска.

Справедливость и благодарность выражаются въ слѣдующихъ изреченіяхъ: «Капа ти, капа ми»; «како оцу, тако и шокцу»; «ни гром не бие у одно мѣсто два пут»; «на оратьег вола нема изора»; «Учини добро, не кай се; учини зло, надай се»; «Зло чинити, а добру се надати ніе могутъ». Но въ свѣтѣ часто встрѣчается неблагодарность: «Не чини добро, да те чудо не снадь» или: «Кад е преша: дье си Пеша? кад нема преше, оклен си или ни оклен си Пеша».

О скупыхъ и жадныхъ говорятъ: «Заклао се, као миш за лѣшнике» *); «У тврда оца крадлива дѣца»; «Раздрту вретью не мож напунити». Гонясь за чужимъ, готовъ свое: «Коя тудью кокошку изъне, тай свою нека за ногу веже». Экономія: «Трпеж и крпеж полак свѣта држе»; говорятъ объ домѣ: «ліпо код них, али нигдѣ нема закрпе», т. е. все пріобрѣтаютъ новое, а не то, чтобы починить старое.

*) Рассказываютъ, что когда у мыши, собравшей осенью запасъ орѣховъ, люди выбираютъ весь запасъ, она лапками раздираетъ себѣ главную артерію въ шеѣ и послѣ умираетъ. То же самое въ Сибири говорятъ о маленькой полевой мышкѣ, назыв. бурятами *сумунай*, у которой такимъ же образомъ люди похищаютъ запасы клубней *мыкыра* (родъ *poluigonum*), и она съ отчаяніемъ упрется или кидается въ воду.

Отъ добра добра не ищуть: «Ко отъе ветъе, оставитье и вретъе»; «Ко тражи гѣпши гѣб од погаче, наѣптъе се ечменяче».

Сама себя раба бьетъ: «Тврд више дае, гѣн више каса»; «Люти опат сам свой суд не»; «Срдити люди — празни бисази».

На чужое плохой расчетъ: «Южну божичу и пріятельскойкомъ колачу не валя се радовати»; «Тешко медъи на тудьой земли»; «Тешко кашп, туде млѣко чекаочи»; «Тешко мени и Омеру моме, кад я немам у тобоцу своме».

Чувство собственности сказывается въ пословицѣ: «Свое и на олар од цркве може се потражити»; вещь же, которая брошена, можетъ воспользоваться всякій: «Пусто млѣко и пси лочу»; а главное надѣйся на самого себя, потому что «Сваки брав о свом папку висп».

Что лучше: «Болье е злато и поиздерато, него сребро наново когато»; «Болье е (гледати) из главице, него из тамнице»; «Болье е за годину волон, него сто година кравом»; «Болье е у пояту фукати (ѣсть), него у полачу хукати». И малое въ дѣйствительности лучше всякихъ обѣщаній: «Лѣпше голуб у руке, него зец у гори»; «Обетьянъе—людом радованъе»; «Не липсай (или чекай), магаре, док зелена трава нарасте (или дьордъев — дан додъе)». Не откладывая: «Што тье бити есенас, нека буде вечерас».

Но въ то же время не спѣши; всему свое время: «Хитня е вражи посао»; «Брза света готова штета»; «Чему земан, тому и врѣме».

Поневогѣ, что попало: «Жедан конь не гледа мутну воду»; «Поклону у очи не гледаю»; «Докон (или доколен) ноп говеда чува (или крсти)» т. е. отъ нечего дѣлать, чтобы только не сидѣть празнымъ. Чѣмъ попало пользуются также за неимѣниемъ лучшаго: «У слѣпу землю тьорави кони пролазе»; «Куд сви цигани, туда и тьелави муйо»; «У несташницу од люди стави се и Станиша да суди» (срв. наше: на безлюдьи и Тома дворянинъ). На нѣтъ и суда нѣтъ: «Чеса нѣе, ни цар не ѣе»; «Нема низа аге яе».

Трудись, не лѣнись: «Ради, као да отъеш сто година живити, а моли се богу, као да тьеш съютра умрѣети»; «Ко манито гази

(мѣситъ ногами глину съ известью), добар глиб излази»; «Кои рано рани, двіе сретѣе граби»; «Ко доцкан устае, томе обояк нестает». «Што се не почне, то се не доспіе». Не бойся того, кто хвалится, и открытаго врага: «Не бой се лисица од вечерня фалише, а од ютренег ранише»; «Што више грми, манѣе дажда находи»; «Не бой се пса, кои дае»; «Шпат кутю муди»; «Испод мире сто дьявола вیره»; «Тиха вода бриег рони»; «Потайни углев найгоре ожеже или найбілье опече».

Кому что идетъ: «Ни злу течи, ни добру оставити», потому что первый разматаетъ, а второй самъ наживетъ; или иначе: «Ни сретноме теци, ни несретноме остави». «Тешко е злату на дебелу платну и дьердану на гараву (черномъ, загорѣломъ) врату»; «Што ти е брод у каменици?!»; «Све деміе у диміе (въ атласѣ), а у коше жита піе»; «Гледала жаба, како се кони кую, па дигла и она ногу»; «Видѣла се свинья, у чем ніе била». Одно другому отвѣчаетъ: «Каква ѣдья, таква медья»; «Каков поп, таква летурдія»; «Каква бачва, такво вино»; «Шило за огнило»: «Нашла вретья закру».

Нужно держаться мѣры: «Ко не чини мѣром, преврнутье вѣром». Чего нужно беречься: «Не купиуй кутю под водом, ни код крвника твог; вода тѣе теби кутю подкопати, крвник тѣе ню раскопати»; «Ни у гори о злу не говори». Одно изъ двухъ: «Или мачку убій, или сир сакрій».

Узкость взгляда: «С свога брата Николе мрзи светог Никогу»; «Куса лисица рада би била, да све кусе».

Тайна невозможна: «Ти тѣеш Якову, а Яков свакому»; «Не може се сакрити копле у вретью» (шила въ мѣшкѣ не утапш).

Характеръ не мѣняется: «Вук длаку міеня, тудь никад»; «Што год маца окоти, све мише дови».

Невозможныя вещи: «Све бити може до бредь (беременный) чоекъ»; «Од ялове козе мліека измамити, жедна коня преко воде превести»; «Ти отѣеш и дьюрину свадьбу и обое поклада»; «То тѣе бити, кад врба роди грождѣ».

Относительно дѣйствія крѣпкихъ напитковъ и пьянства:

«Ечам трчи, ракія виче», т. е. конь, котораго кормяць ячменемъ, скачетъ, а напившійся человекъ кричитъ; «Не зна ракія, што е кадія». «Вино пѣти, а не опѣти се, нѣте бѣло, нѣти може бити»; «Ко вина вечера, воде руча», т. е. на другой день отпивается водой; «Од воде воде (лошадь съ водопоя), од вина носе»; «Не зове се пѣяница онай, кои много попѣе; него онай, кои се опѣе»; «Чоек се у пѣтью познае»; «У пѣяници нема чоєка, ни юнака»; «У пѣянца нема вѣре», «У пѣянице нема узданице»; «Држ се плота, Вукота!» чтобы не упасть, говорится о пьяномъ и о трусѣ. А вотъ картина пьяной компаніи:

Избечили очи, као тенци (упыри),
 А зинули, ка курьяци гладни!
 Медью нима едан мѣх вина
 И мѣшина фочанске ракіе;
 Ту друг друга, брате, не познае;
 А камо-ли да о бою раде! (Юначки Споменик).

О нарядницѣ, болтунѣ и лѣнивой: «Гладикоси—краве посе (телята высосуть), много збори—лѣб изгорн»; «Опасала се езиком, као куя репом»; «И вода зубе има» — отговаривается лѣнивая и неряха, будто не моетъ бѣлье оттого, что оно отъ мытья скорѣе разорвется. Одна женщина на замѣчаніе священника, что она слишкомъ грязна и оборвана, и могла бы ходить лучше,—отвѣтила: «Како се може грѣшити? понедѣляк—први дан; уторник—добротворник; срѣда е бѣда; у четвертак спасов-дан; у петак—справлен—дан (сборы на базар); у суботу—на базар; недѣля—светица».

Жизнь человеческая и человекъ: «Живот, као мѣсец: часом пун, часомъ празан»; «Чоек е тврдъ од камена и слабій од яета».

Какіе бывають люди и какъ кому живется: «Превртлив, као гарбии (сѣв.-зап. вѣтеръ, непостоянный), пли као велѣча (мартъ мѣсяць)»; «До подне Илія, по подне Алія»; «Ни торни, ни ловни» говорится о собакѣ, которая не годится ни для охраны стада,

ни для охоты;—и о человекѣ ни то, ни се, ни селякъ, ни господипъ; «Зло говедо—довѣкъ юне (теленокъ), рдѣвъ човѣкъ — довѣкъ діете»; добрый человекъ «Ако купи яя, купи и кокошку»; «Стари вук—пасья машкара»; «Онакога (магарца) ни у ціелу стоку владчину нема»; «Образ му е као опанак»; «Віе се, као гуя у проціепу»; «Уздуши, као и сухи поток»; «Свака е ствар шарена ліпа до чоека»; «Мучи се, као дѣво на плиткой води»; «Скита се, као просуля о біеле недѣле» (родъ сковородки, которую хозяйки занимають одна у другой на масленицѣ для печенья приганицѣ). «Да би добар дом, би га и вук имао» — приговаривають человеку, который не любитъ сидѣть дома; «Ночь очій нема; глад или гладан стида нема»; «Кад е каше, нема мліека; а кад е мліека, нема каше» (срв. рус. про чувашей: «хлѣбъ есть, соли нѣтъ; соль есть, хлѣба нѣтъ; а когда—ровна», т. е. ни хлѣба, ни соли); «Голо здравле готова болѣст»; «Жива жельо—кукурузна пройо! жива жельо — подгріяна чорбо!»; «Хайдучкой майци по обору трње расте»; «Не питай мене за божичъ, а питай за сваки дан», т. е. не спрашивай о богатыхъ людяхъ, которымъ всегда праздникъ, а о бѣднякахъ; «Я висим, као капля на листу»; «Живим, као срп на сѣвер» — такъ какъ при сухомъ сѣверномъ вѣтрѣ рукоятка ссохнется и болгается; «Ми смо у слабом душама»; «Ми смо, као піена на води»; «Живи смо, али као овчина о марчу»; «Виси о длаци»; «Чекамо, као озебао сунца»; «Трбухом за крухом». Практическія наблюденія и совѣты изъ жизни хозяйственной: «Сіено е свему сириште (закваска для приготовления сыра); «Спр, кои плаче (со слезой), и ракія, коя скаче, — валья»; «У лѣто носи струку, а у зиму, како ти драго»; «Ко нема унука, нема сина»; «Држ се вока (бычка) ранка, коника трзинка» (позднышка); «Мртви се кони не кую, но раскиваю»; «Улар (недоуздохъ) с конем иде»; «Твое е діете, ти нему име дьени», т. е. твой товаръ, ты первый долженъ назначить цѣну; «Од што сит, од тога дебео». Если кому замѣтятъ, что онъ *объемяо* (поздоровѣлъ, разжирѣлъ), то послѣдній отвѣчаетъ: «Э! ніесу мрави навукли, него мои зуби натукли»; «Зли смок — млатьяница (сыворотка),

зла обутия — пречаница (заплатанный опанокъ), зло вриеме — клапавица (снѣгъ съ дождемъ); «Од дувана кутя поплювана»; «Вальда твой тата нема на кутю врата» замѣчаютъ человѣку, незатворившему дверь; и еще замѣчаютъ, что ворота не затворяютъ «господа и пса»; «Посѣчи ми брата, я тью пораста за мене и за брата» — такъ всходы кукурузы просятъ хозяина нивы, чѣмъ намекается, что посѣвы необходимо прорѣжать; «И у буништу има мало правде» или: «И четири кмета у селу лажу, бальега не лаже» — т. е. при уваженіи нивы всегда родится. Относительно пищи и экономіи въ ней: «Свега чеса по залагай, а зелья се набалай»; «Турци веле: тарана е рана (въ родѣ мадорос. затирки изъ хлѣба, раздробленнаго на мелкіе крошки, въ юхѣ или молокѣ); а каури: купус и сланина»; «Тешко месу без меса», т. е. человѣку безъ мясной пищи; «Свака риба вода, бакалай (сухая треска) вино (или воевода)», потому что изъ-за него хорошо пьется вино; «Свакой риби бакалай глава»; «Два пута зелья, а едан пут лѣба» — говорила старая бабушка дѣтямъ, когда былъ неурожайный годъ; «Дъецу ми рани, лѣб штеди» говорятся о человѣкѣ, который слишкомъ скупится. Наблюдения и совѣты изъ жизни моральной и общественной: «Држи се старог вина и стара пріятели», а «У стару землю неваля нов закон»; «У лажи е плитко дно или кратке ноге»; «Ко има кратку памет, нек има брзе ноге»; «Свака е шала — пола истине»; «Свако чудо за три дана»; «Не буди мед, да те разлижу, ни ед, да расплюю или изблюю»; «Не лае куца села ради, него себе ради»; «Сва влка на вука, а уз вука и лисица сята»; «Не кажуе баба, што е снiewала; него кажуе баба, што е ньой мило»; «Кои о чему, баба о врутъем колачу или о штапу»; что кому пріятно. «Лизни, па удри» — это относится къ кремневому оружію, когда былъ обычай послѣ осѣчки лизнуть кремень, послѣ чего онъ долженъ непременно дать огонь; а говорятъ всякому, если что-нибудь не удалось; «Засврп на задъедп, поиграй на дудкѣ и заткни ее за поясъ, т. е. не надоѣдай; «Во се веже за рогове, а човѣк за език или за ріеч»; «Болье попа везат, нег за ним потезат» — не откла-

дывать дѣла; «Страхиц козе пасе»; «За сланом руком свашта иде» — намекъ на подкупъ въ сравненіи съ овцами, которыя идутъ за настухомъ, который манить ихъ рукою, обмакнутою въ разсолъ; «Идушти — нападушти, сѣдушти — отпадушти» — кто дѣйствуетъ, тотъ и получить что-нибудь, а кто сидитъ, тотъ и свое потеряетъ; «Зла остава — штета готова», т. е. если хорошо не приберемъ вещь, она пропадетъ или разобьется (напр. какой-нибудь сосудъ), или послужитъ къ какому-нибудь несчастью; напр. одинъ оставилъ револьверъ на столѣ, не прибавши, а ребенокъ потомъ схватилъ его и убилъ человѣка; «Зло родьенье, готово судьенье»; «Ко е по г...а, кад е біо гладан; каять се, кад буде сит» — это приговариваютъ тѣмъ черногорцамъ, которымъ теперь стыдно вспомнить, какъ они, побуждаемые нуждой, передавались Скадарскому паншѣ. «Што се у вече говорп, у ютру се не споминье» въ смыслѣ: кто старое вспомнеть, тому глазъ вопъ (при этомъ есть цѣлый рассказъ про царя, который установилъ, чтобы тому засунуть въ носъ гвоздь). Но говорятъ еще и такъ: Когда соберутся люди, нужно поставить на столъ все, что есть, даже тѣ куски, которые остались на столѣ послѣ ужина; но отнюдь не тѣ разговоры (которые были вчера и, можетъ быть, несовсѣмъ пріятные кому-нибудь). И еще житейскія поученія: «Свака боліест има свой ліек», т. е. всему можно помочь; «Колико узгоряце, толико низдолице»; «Царска (ріеч) се не пориче»; «Тко ме лани био, ніе ми ове године міо»; «Устарога злотвора никад пріятеля»; «Имах те, не познавах те; изгубих те, познах те» (что имѣемъ, не хранимъ); «Не питам тебе, брива се ли влапка», что всякому извѣстно.

Поговорки, которыми отвѣчаютъ, не желая или не умѣя дать болѣе опредѣленный отвѣтъ: «Што ми велиш, нек ми буде; што ми желиш, нек ти буде», такъ какъ говорить хорошо, а думаетъ зло; «Джевердаре, мой по богу брате! не мой мене ватромъ преварите; за око те ни молити нетью», т. е. на себя надѣюсь, а только поможешь ли ты мнѣ? «Од баба земана, од цара Штьепана»; говорятъ, когда не знаютъ точно времени: «На покладе,

ако даде; на бѣле, ако подіеле» — означаетъ обѣщаніе, которое никогда не будетъ выполнено; то же самое: «Вѣруй нему, као ланьскомѣ снѣгу»; «Твоя баба и моя баба на едном су се сунцу гріяли» — такое родство; «Вода на огню, зец у горѣ» — говорятъ, когда кто приглашаетъ, не имѣя дома ничего приготовленнаго; «Онай у шило, онай у копыто» — кто въ лѣсъ, кто по дрова; «Тиран — вѣран — элбасан — шехеристан» — нѣчто огромное, хорошо неизвѣстное.

Изреченія, возникшія изъ какого-нибудь факта, обряда или повѣрья и наблюденія природы: «Помагао е нему, ка и Байо Оташу» — а Байо былъ *дъвер на мейдану* (секундантъ) Оташа и отнесъ его съ поля мертваго, какъ и другой секундантъ своего; то же самое: «Попа Луку на арабе вуку, а Якова попречке на коня носе»; «Больи е Лука (Дюрашковичъ), но сва Жупа (Цеклинская)»; «Сва се Жупа (Никшицкая) бои Бойовича; сам Бойовичъ Трипка Поповича»; «Заклеше се турци на погачу, да ветъ нетъе никад на Морачу (послѣ несчастнаго для нихъ боя 1820 г. См. Т. I, стр. 621). «Топ пуче у куче; све куче утуче; а оста едно куче, и нега бог утуче» воспоминашя разоренія ихъ въ 1847 г. прѣ князѣ Данилѣ и намекаетъ, кажется, на попа Спаха, который былъ убитъ измѣннически. «Тара не зна за Цара» — колашници, не признававшіе надъ собою никакой власти; «Да тѣмо се поклат, као *лужами*», которые, по народному преданью, населяли Бѣлопавличы и погибли всѣ, побившись изъ-за случайно выскочившаго зайца; «Ніе крива Босна, што е гладна Ерцеговина»; «Изгоріеше мостарске свіече, броечи сараевско благо»; «Ерцеговина све земле насели, а себе не расели» — такъ какъ изъ нея населилась большая часть Черногоріи, также много мѣстностей въ Боккѣ, Далмаціи, Сремѣ; сама же осталась, какою и была; «Погнуо е, као принципова гаста» (самая меньшая венец. монета); «Реве на страну, као марково рало». Когда торговецъ слишкомъ много запрашиваетъ, то говорятъ: «Цѣени, као Марко мајку» намекая, что Марко продалъ свою мать. «Битье шпшак (черногорская шапка) по чакмак» — похваляются турки

на черногорцевъ, разсчитывая побѣдить и отрубить множество головъ; а черногорцы отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, ставя слово *тюлаф* или *фес* вм. шишакъ; «Стиди се, као куряк у рупи» — это выводится изъ разсказа, что волкъ, соскочивши въ глубокую яму, гдѣ посажена для приманки овца, и видя невозможность выскочить, остается съ овцой, не трогая ея, и въ такомъ положеніи его убиваютъ; «Што продаеш рог за свіечу!» «Нѣгуе га, као майка единица»; «Имао сам пушку, коя би уждила и на оца», тогда какъ она должна бы была осѣчься; «Отишао е, као мачак у Фрчак» — на любовныя похождения; «Тьерати кера на баера» — тягаться съ кѣмъ-либо, состязаться на судѣ, въ бѣгѣ, въ питьѣ и т. п.; «Шкаклив сам око врата» — отвѣчаютъ, если предлагаютъ что-нибудь съ рискомъ жизни; а такъ отвѣчалъ цыганъ, когда ему палачъ надѣвалъ петлю на шею, чтобы повѣсить. «На твоєм оружу могла би се летурдья служити», т. е. никогда никого оно не убило; «Далеко (или дубоко) си забраздіо»; «Он носи бронице од вуне» — шерстяныя четки, какія собственно не существуютъ; а этимъ выражается самая строгая, воздержная жизнь; «Скочи, па онда реци: хоп!» — не хвались впередъ; «Сад тье зец тражити майку» или: «Пуцатье и гвоздене паланке» — будетъ сильный холодъ; «Айде, да отресемо росу са срца» — такъ предлагаютъ выпить первую рюмку водки утромъ, натошакъ; а другіе добавляютъ: «Да нас не превари кукавица», потому что впервые услышать кукушку натошакъ — обѣщаетъ несчастье; «Превари ме кукавица» — говорятъ, если случилась какая-либо неудача; — «Твоя е памет кратья од зечіега репа»; «Айде, али не мой, као гладан на нужду», т. е. не медли; «Јао ми е, да то не понесе копицануком» — обманомъ, лукавствомъ; «Натутурукатисе (наѣсться) тако, да се може по трбуху мотиком стругати». «Послѣдня рупа на свпрали» или «крайня баджа на кавали» — послѣдняя спица въ колесницѣ; «Попу чаша, а я йок! попу друга, а я йок! поп се люти, а я йок!» говорятъ, когда кого обходятъ чѣмъ, а онъ все терпитъ. «Стой, влаше, да те запопимъ!» говорятъ челоуѣку, который слишкомъ заврался и занесся; а взято

это отъ турокъ, которые такъ обращались къ попадавшимся имъ безоружнымъ христіанамъ и схватывали за *перчи* (чубъ на головѣ, вообще длинныя волосы), чтобы отрубить голову, и приравнивали это къ обряду постриженія во священники *); «Празной чаши молитве нема», говорится въ смыслѣ необходимости подарка кому-либо, а напоминаетъ свадебную молитвенную чашу, которая должна быть наполнена виномъ. «Вук или лисица?» спрашиваютъ человѣка, возвращающагося съ какого-нибудь дѣла (если онъ отправлялся съ торговою цѣлью, на добычу, на охоту и т. п.); вук — означаетъ удачу, лисица — противное; то же самое «стикве или дине», при чемъ первое означаетъ неудачу; «отъемолли съютра грѣховати?», т. е. работать; «уклонити кога» — убить съ общаго согласія, если онъ, напр., вредилъ общему народному дѣлу; «Не мой ми каживат зубе» — смѣяться, шутить со мной; «Од поволя до покровя»; «Уфатити се с ким у штап» — затягаться; «Узьяхати на вельега хата» — пойти въ гору; въ противномъ случаѣ «узьяхати на магаре»; Баціо е поткове» — умеръ; «Приорао е» — близокъ къ смерти; «Цили, као да е прентино діете — слабое, нѣжное; «Зинуо е као моюнски крап» (особ. рода сазаны близъ Жабляка); «Метнути момку синджир за врат» — женить; о мужчинѣ говорятъ: «Иде на чекрк», если онъ ломается и важничаетъ; а о дѣвушкѣ «иде на цивили — зоне или на баши — тьоше» — если она слишкомъ красуется, модничаетъ и идетъ съ вывертами; «Студен сам с ледья; учини ми топла ледья» — я не имѣю поддержки, поддержи меня, «Омркао, а не освануо» пришелъ ночью, ушелъ до свѣта; «У найветьи ек» — въ цвѣту, въ

*) Въ Черногоріи вообще часто говорится *убатити кога за перчи* (за волосы), что значитъ поставить человѣка въ полную зависимость отъ себя, привести въ покорность, заставить слушаться въ смыслѣ физическомъ и моральномъ. Не остатокъ ли это стараго обычая, какъ то находитъ Тэйлоръ у шотландцевъ? Вотъ что мы находимъ въ его соч. «Первобытная культура»: «Когда шотландскіе парни, играя въ *tarrie — touais*, берутъ другъ друга за хохолъ и говорятъ: «Хочешь ли ты быть моимъ?», они не подозреваютъ о старомъ символическомъ обычаѣ брать въ феодалное подданство, которое продолжается у нихъ въ видѣ переживания» (стр. 70).

полномъ развитіи; «Ситно брашно, као піена»; «Помрчина, као у тіесто»; «Кое си доба?» — спрашивають въ смыслѣ: сколько сработалъ и сколько еще остается; «Не пита се он, као пѣян с гатьяма». «Дьяво ме прекрстио!» говорятъ, когда кому ни въ чемъ нѣтъ удачи. Это собственно фигуральныя выраженія, относящіяся къ области языка, къ которымъ мы еще обратимся въ статьѣ объ языкѣ; здѣсь же считали не лишнимъ привести ихъ нѣсколько, такъ какъ они взяты всѣ изъ жизни и въ нихъ виднѣе отражается складъ и направленіе мысли. Въ заключеніе приведемъ рядъ эпитетовъ, которые черногорецъ даетъ человѣку по его нравственнымъ качествамъ. Часть этихъ эпитетовъ, выражающихъ главныя качества человѣка, или дающихъ ему извѣстное положеніе и честь среди своего народа, мы уже знаемъ; остаются болѣе узкія и частныя опредѣленія. При этомъ замѣтимъ, что большая часть этихъ названій относится къ дурнымъ качествамъ, такъ какъ, во 1-хъ, хорошія качества мы уже перечислили прежде; а во 2-хъ, вообще прозвища даются по какимъ-либо рѣзкимъ чертамъ, которыя и являються вслѣдствіе того исключеніями, отступленіями отъ нормы, а наконецъ недостатками и даже пороками.

Вообще характеръ человѣка выражается словомъ *тыудь* или *нарав*; но есть еще слово — *хуя* (кажется, тур.), которое употребляется въ томъ же смыслѣ, при томъ больше въ смыслѣ дурномъ, какъ причудливости, напр. «Ова жена има хую или хурлива» — сварливая. Честь — *поштенье* или *образ*, но часто употребляется *хрз*: «не удари ми у хрз», «тога не подноси ми хрз». Противоположное тому *хор* въ смыслѣ: стыдъ, срамъ, зазоръ, униженіе. Одиъ, напр., стоявши когда-то высоко, никогда не пахалъ и не копалъ, былъ всегда хорошо одѣтъ, держалъ хорошаго коня для выѣзда, принималъ у себя гостей; а потомъ обѣднѣлъ и не можетъ помириться со своимъ положеніемъ, работать и вообще жить, какъ другіе простые: «Гледам, да не буде мени хор», — говоритъ онъ, объясняя, почему долженъ такъ держаться. «Човѣк поштен, стечан и вѣрован», который обезпеченъ пму-

ществомъ и потому всякій ему вѣрятъ; *зиман*, *азиман* чов. — богатый и держащийся высоко: «ми нисмо люди *азимни*» — небогатые имуществомъ и потому скромные; иногда этимъ именемъ означается и насильникъ; *куветли* ч., который живетъ въ свое удовольствіе и ни въ чемъ не терпитъ недостатка, а также хорошо принимаетъ у себя другихъ.

Оцѣнивая умъ человѣка, говорятъ: *паметан*, *мудар*, *отшит* и еще: *ерли*; *ербаб* чов. или *ербатан* — мудрый, ловкій, искусный. Но ума ограниченнаго, упрямый — *едноумац*.

Зоран — видный, красивый; относится преимущественно къ внѣшнему виду и фигурѣ; а также и къ поведенію; близко къ тому *йоран*: «найоргание момче, што може бити» — съ прибавленіемъ живости. Къ этому послѣднему приближается *ласт* живой, легкій на подъемъ; нема *ластіега момка*, чтобы куда-нибудь быстро слетать. Въ то же время это означаетъ человѣка свободнаго незанятаго никакимъ дѣломъ; отсюда *ластак*: «он *ластак*ом добія кору лѣба», т. е. легко, безъ труда; «я сам сад *ластак*, слободан, не морам радити, ербо ямам од чеса живѣти.» *Салтанет* — имѣющій хорошее одѣяніе и гордящійся тѣмъ, спесивый человѣкъ. *Слбодан* — значитъ смѣлый, не боящійся никого и ничѣмъ не стѣсняющійся; отсюда *слабодити* — ободрять и *слабодняк* (храбрый); это та же храбрость, только больше въ гражданскомъ смыслѣ (либераль).

Эгоистъ, думающій только о себѣ и своемъ интересѣ — *особлив* и *особит* чов.

Шер — шалунь, проказникъ, шутникъ — не въ дурномъ смыслѣ; но *шеретлук* — плутовство. *Хилав* ч. — уклончивый, податливый на все, измѣнникъ, отъ *хила* — лукавство, подвохъ. *Альчак* — маленькій ростомъ, а также плутъ, съ низкою, подлою душой. *Хаинни* — иначе *одметник*, *кои се похасіо*, т. е. не признаетъ надъ собою ничьей власти; отсюда въ пѣснѣ *хаинни-дьевойка* — предательница, коварная. Въ Васоевичахъ людей, не признающихъ никакого начальства, назыв. *фирари*, *бесудни люди*. *Бастадур*, который не стѣсняется ни съ кѣмъ и ничѣмъ,

потому что может отвѣтить имуществомъ или своими личными достоинствами; *баста му. Джагадур* — готовый на все безъ разбора, сорванецъ, иногда то же, что *пустолов* — проходимецъ. *Опркат* — упрямый, который любитъ во всемъ перечить другому; *курилаф* — болтунъ, безпутный говорунъ. *Балабан* — собственно *уич*, лучший баранъ въ стадѣ, передовой съ погремушкой на шеѣ; а также человекъ, который *зори се* (величается), большимъ ростомъ, богатствомъ, одеждой, не понимая самъ себя и не имѣя никакихъ заслугъ или правственныхъ достоинствъ; въ Пиперахъ, впрочемъ, зовутъ такъ и очень скупого человека. *Човтк шубара* — разыгрывающій изъ себя господина, нѣжный и требовательный (въ Сербіи, кажется, простой и добродушный). *Благуля* — покладливый и никуда не годный; *лободлив* — *мекушан*, *слабчина* — слабый, иногда и отъ болѣзни; сильнѣе выраженіе — *узма* — никуда не годный; *метош*, какъ *сметиште*. *Тенанджія* — работающій съ остановками и отдыхами и все дѣлающій медленно *натенани*. *Мораст* — *досадан*, *тежак на ріечма*: когда начнетъ говорить тебѣ что, то не можешь отъ него отвязаться.

Блесаст — глуповатый разсѣянный, растерянный и дурачекъ; близко къ тому *диванія* — суманит, сулудан, будала.

Ламбуля — *распасан*, *неуладьен чов.*, неряха: одно у него растегнуто, другое разорвано; то же самое *ла(м)псор* и *матрос*, какъ ругань, особенно на Чевѣ.

Ушур, *уѣм* — недостатокъ въ чемъ-нибудь: въ умѣ, зрѣніи, въ ногахъ и т. п., и о такомъ чел. говорятъ: «маньсе онога, чувай се, коему е бог ушур узео».

Муанат — слишкомъ чувствительный, раздражительный, вспыльчивый, капризный; говорится и о лошади. *Губодроб* — кто слишкомъ много сердится, такъ что у него нутро портится.

Смутикутя — безпокойный, суетливый, который постоянно мотается туда и сюда. *Фурсат* — выскочка, бахвалъ; чуть замѣтитъ слабость другого, еще больше высится передъ нимъ.

Фастак — хвастунъ, шарлатанъ; въ Цермницѣ *валян момак*.
Лайдак — скитница; *протува* — пройдоха.

Барун, он е велики барун — обманщикъ и вмѣстѣ воръ.

Голáноц — голый, плохо одѣтый, бѣднякъ. *Керим* — ненасы-
 тимый человѣкъ, который слишкомъ много ѣсть и вѣчно голо-
 денъ; то же говорятъ и о животномъ; въ другихъ мѣстахъ на-
 зываютъ *нерим*, что означаетъ собственно бездонную пропасть,
 которую нельзя наполнить. *Сарош* — (Васоев.) — пьяница.

V.

ЖИЛИЩЕ СО ВСЕЮ ВНУТРЕННЕЮ И ВНѢШНЕЮ ОБСТАНОВКОЙ.

Для обозначенія помѣщенія вообще не подъ открытымъ небомъ въ Черногоріи существуетъ выраженіе *сувота* (в вн. х). Это — помѣщеніе постоянное или временное, для человѣка или домашнихъ животныхъ, въ которомъ только бы можно было укрыться отъ дождя и всякой непогоды. Собственно для людей это временныя жилища: шалашъ, шатеръ и т. п.; а для животныхъ постоянныя при домѣ или на мѣстахъ кочевокъ со скотомъ. Поэтому, когда войско или вообще народъ собирается гдѣ-нибудь въ населенныхъ мѣстахъ, то спрашиваютъ: «стоитъ ли войско у сувоты?» и о животныхъ: «има ли сувоте за коня?» или: «колько имате сувоте», т. е. помѣщеній для скота.

Затѣмъ имѣются еще выраженія: *кула или дом*, которыя часто употребляются совершенно безразлично, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ различаются, на что мы указали въ гл. III; *кула, чардак* и т. д. для постоянного жилища, *колиба, стан, лада* и т. д. для жилищъ временныхъ.

Всѣ эти виды жилища рассмотримъ отдѣльно, а также и ихъ внутреннее расположеніе и обстановку съ различными хозяйственными постройками и наконецъ домашнюю утварь, посуду и орудія.

1. Дома каменные: поземуша и полача; домъ «на под»; кула и чарданъ; лучшіе сельскіе дома.

Дома прежде всего различаются по матеріалу, изъ котораго построены: изъ камня или изъ дерева.

Главнымъ образомъ во всей Черногоріи каменные дома; только въ Васоевичахъ преимущественно и почти исключительно дома деревянные; отчасти въ Морачѣ, Пивѣ и Дробнякахъ.

Разсмотримъ тѣ и другіе отдѣльно и начнемъ съ дома изъ камня.

Здѣсь мы встрѣчаемъ два типа: самый простой домъ, стоящій прямо на землѣ и потому называемый *поземуша*, и домъ *на под* или по нашему въ два этажа, гдѣ вверху живутъ люди, а внизу находится помѣщеніе для скота или подвалъ.

Первый типъ приближается къ *колибъ* (временное жилище) и встрѣчается теперь только въ мѣстахъ глухихъ у бѣдняковъ или новопоселенцевъ; а прежде былъ вообще распространенъ безъ различія состоянія. Такіе дома бывали довольно просторные и строились солидно.

Эти дома всегда почти сухой кладки (сувомедья); крыша со скатомъ на двѣ стороны, соломенная, а иногда изъ мелкихъ природныхъ плитокъ (плоче) известковаго шифера съ наваленными поверхъ ихъ камнями, чтобы эти плитки не сносило вѣтеръ.

Фигура такого дома продолговатая, такъ что ширина немного больше половины длины или равная половинѣ, а иногда бываетъ и меньше.

Куда обращены двери, это зависитъ отъ условій мѣстности: южная сторона предпочитается, но въ то же время избѣгаютъ преобладающаго вѣтра, особенно сѣвернаго. Иногда онѣ бываютъ обращены къ сосѣдней скалѣ, и вообще нѣтъ обычная обращать двери къ дорогѣ, если только это не корчма.

Войдя внутрь дома, вы прежде всего встрѣчаете *огнище*, на которомъ никогда не долженъ прекращаться огонь: если нѣтъ пламени, то подъ золой должны находиться горящіе угли, отъ

которыхъ всегда можно развести огонь. Потолка въ такихъ домахъ чаще всего не бываетъ; только пространство надъ жилищемъ и далѣе покрыто плетенымъ потолкомъ изъ тонкихъ прутьевъ (*aiесе*), называемомъ *петер*.

Этотъ неподный плетеный потолокъ лежитъ на поперечныхъ грядкахъ, лежащихъ въ свою очередь концами своими на стѣнахъ, и между ними одна толстая балка (тетивица) проходитъ посрединѣ дома и надъ огнищемъ, подпертая снизу столбомъ, а если просторъ большой, то двумя и тремя (уроваъ, во множ. ч. уровья). Съ него спускается цѣпь (вериге), на которой навѣшивается котелъ (казан) для варенья ѣды, и на немъ же устраивается рѣшетчатый помостъ (черен), служащій для подвѣшиванія бараньихъ тушъ, окороковъ, колбасъ для сушки, копченья, а подалеже отъ огня также висятъ мѣха съ масломъ, пласты свиного сала и т. п. Тутъ же сушатся опанки, чулки и вообще мокрая одежда. Ближе къ стѣнѣ на той же балкѣ вѣшаютъ оружіе, струку и другія вещи съ гостя, какъ только онъ войдетъ въ домъ, на большихъ вбитыхъ въ неѣ деревянныхъ гвоздяхъ (клипци). Верхняя грядка въ крышѣ, составляющая конекъ (шъеме), концами лежитъ на сохахъ (стројнице), упирающихся въ стѣну, а иногда бываетъ еще одна соха или больше между стѣнами, и тогда онѣ упрутся опять въ ту же балку.

Стропила (кључеви), держась нижними концами на стѣнахъ, а верхними прикрѣпленные къ грядкѣ въ конькѣ, связываются между собою приблизительно на половинѣ высоты поперечными брусками (панте). Затѣмъ для соломенной крыши поперекъ стропиль кладутся жерди, образующія такимъ образомъ рѣшетку, по которой и покрывается крыша соломой. При этомъ еѣ прикрѣпляютъ къ стропиламъ тонкими прутьями (прутило) изъ вербы, вяза или какого-нибудь вьющагося растенія.

Пространство между крышей и стѣной съ двухъ узкихъ сторонъ кое-какъ закладывается каменьями или заплетается.

Полъ земляной, иногда помощенный плитами мѣстнаго камня безъ всякой правильности, или же каменный, такъ какъ подъ

домъ занимается обыкновенно мѣсто, состоящее изъ сплошного камня, который только выравниваютъ.

Оконъ собственно въ такомъ домѣ не имѣется; а только небольшое четверугольное отверстіе въ стѣнѣ, противоположной дверямъ, которое, когда нужно, закрывается доскою. Иногда такое окошечко бываетъ продѣлано сбоку близъ двери. Отверстія эти служатъ не столько для полученія черезъ нихъ свѣта или вентиляціи, сколько для наблюденія того, что дѣлается внѣ дома. Такимъ образомъ свѣтъ въ такомъ домѣ проходитъ главнымъ образомъ черезъ двери, а вентиляція совершается черезъ крышу и сквозь стѣны, такъ какъ при сухой кладкѣ въ нихъ между камнями всегда бываютъ щели.

Иногда и въ такой *наземный* дѣлается въ одной сторонѣ перегородка изъ плетня или досокъ и за нею образуется отдѣльная комнатка (камара); тогда помѣщеніе, гдѣ огонь, называется по преимуществу *кутя*. Часто, несмотря на всю тѣсноту, тамъ же устраивается помѣщеніе и для скота (козлятъ и ягнятъ); а для людей служитъ кроватью широкой помость изъ досокъ на сохахъ вышиною до полутора метра. На этой кровати помѣщаются только старшіе члены семейства и малыя дѣти; другіе же лежатъ на полу близъ огня. Тамъ же помѣщается иногда и ручная мельница.

Въ одномъ изъ угловъ за огнищемъ находится *урет*: это нѣчто въ родѣ маленькой печки при стѣнкѣ, гдѣ печется хлѣбъ на угляхъ.

Если въ такомъ домѣ нѣтъ отдѣленій для скота и для боковой комнаты, то при одной стѣнкѣ за огнищемъ и сбоку его дѣлается нѣчто въ родѣ скамейки изъ камня же вышиною до 40, а шириною до 20 сантим. и называется *нижуль*.

Въ дверяхъ, если нѣтъ косяковъ изъ цѣльнаго камня, въ замѣну ихъ ставятся большіе камни, которые при этомъ крѣпко вьжуются со стѣною. Самая дверь сколачивается также прочно изъ толстыхъ досокъ, а запирается изнутри засовомъ (*ключаница* или *качанница*) черезъ всю дверь или съ одного только края

входящимъ глубоко въ отверстіе, продѣланное въ противоположномъ косякѣ. Слово это употребляется еще и въ переносномъ смыслѣ; какъ:

«Ви сатри ъуту качаницу
Колашина града біелога.

Здѣсь разумѣется домъ Мушовичей, бывшій главною защитою Колашина.

При отсутствіи оконъ и съ чрезвычайно крѣпкими дверями такой домъ представляетъ собою маленькое укрѣпленіе и можетъ выдерживать осаду и отражать нападенія довольно значительнаго непріятеля.

Самое слабое мѣсто представляетъ соломенная крыша, которую могутъ зажечь, что и случается обычно, когда берутъ такіе дома приступомъ.

Подобно тому, что внутри дома представляетъ огнище, какъ нѣчто священное, съ чѣмъ соединяется понятіе о жизни дома, — изъ внѣшнихъ его частей представляетъ собою конекъ крыши (шлеме): когда поднимаются противъ какого-нибудь дома цѣлымъ народомъ, то прежде всего перерубаютъ конекъ, и это означаетъ, что для жильцовъ того дома нѣтъ больше жизни и убѣжища въ томъ краю, и они должны выселяться. Поэтому выраженіе «перерубить конекъ» означаетъ, что живущее въ томъ домѣ семейство подверглось изгнанію, и видѣть во снѣ, что конекъ этотъ перерубленъ кѣмъ-либо или переломился самъ собою, значить, что смерть или какое-нибудь великое несчастіе должны постигнуть главу того дома.

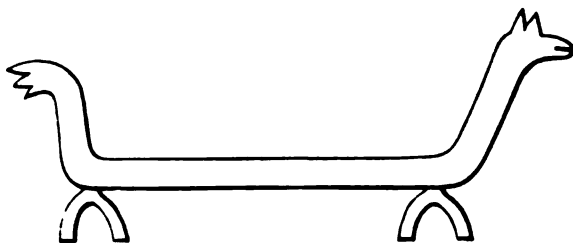
Войдемъ теперь въ подробности внутренняго устройства дома.

Самую существенную часть въ домѣ составляетъ мѣсто, гдѣ раскладываютъ огонь, — *огнище* *), которое по правилу должно

*) Въ древнеримскомъ домѣ то же самое представляетъ фочиа, также священное мѣсто въ домѣ, и состоявшее изъ четверугольной каменной или

быть посрединѣ, и при этомъ часть дома между нимъ и заднею стѣнкой называется *горній край*, а къ двери — *доній* (нижній).

Огнище представляет собою квадратъ, края котораго обложены камнемъ или деревянными брусками (сантрач). Съ одной стороны вдѣланъ въ полъ не высокій, сверху плоскій камень, на который кладутъ дрова, а на Рождество — *бадняк*, и называется онъ *пріклад*. Иногда вмѣсто камня служитъ желѣзная подставка и называется также *пріклад* или *демир-оджак*. Иногда такихъ прікладовъ бываетъ два, и тогда ими пользуются для печенія мяса цѣлою тушей.

Желѣзный *пріклад* (иначе демир-оджак), на который кладутся дрова концами, когда они горитъ на огнищѣ.

Въ частностяхъ однако встрѣчаются видоизмѣненія сообразно съ особенными потребностями и соображеніями хозяевъ. Такъ, у кучь огнище находится большею частію въ углѣ и называется *упрет*. Часто оно бываетъ при одной изъ стѣнокъ, чтобы было больше простора посрединѣ, и если оно совсѣмъ плотно прилегае къ стѣнѣ, то надъ нимъ по той стѣнѣ выводится сплетенная изъ прутьевъ труба (димняк). Это уже нѣчто въ родѣ камина и называется *оджак*.

Въ Банянахъ во многихъ домахъ мы нашли при стѣнкѣ про-

кирпичной площадки, на нѣсколько сантиметровъ возвышенной надъ поломъ и при немъ также находилась *сагае* изъ желѣза, на которой клался дрова фигурю своею совершенно напоминающія черног. *демир-оджак* и также служившія и для печенія мяса на вертелѣ.

тивъ двери за огнищемъ помость изъ камня вышиною болѣе метра, который называется *кревет*. Это въ родѣ нашего русскаго помѣщенія для сна на широкой печи. Подъ этимъ *креветомъ* находится *упрет*, отъ котораго онъ отчасти и нагревается.

Отъ этого, такъ сказать, схематическаго представленія черногорскаго дома, каковъ онъ бываетъ въ большинствѣ или долженъ быть, дадимъ описанія домовъ извѣстной мѣстности и принадлежащихъ извѣстному хозяину.

Возьмемъ для примѣра простой домъ съ края Цетинской равнины, принадлежащій Поновичамъ, по состоянію людямъ средней руки. Домъ довольно просторный; огнище сбоку вѣтвь отъ двери; рядомъ съ дверью небольшое отверстіе, служащее окномъ; въ лѣвой же сторонѣ близъ огнища *упретняк* или *псепляк*, и въ немъ виднѣются *црепули*, въ которыхъ пекутъ хлѣбъ. Потолокъ плетеный изъ прутьевъ и на немъ помѣщаются также плетенныя и обмазанныя глиной съ коровьимъ пометомъ корзины (коши) съ кукурузнымъ зерномъ. Это, какъ мы уже знаемъ, *нетер*, а надъ огнищемъ изъ деревянныхъ брусковъ и досокъ *черен*. Подъ потолкомъ висятъ окорока бараньяго мяса, мѣха съ масломъ и другими молочными сконами. Вдоль одной стѣны широкая полка, на которой стоятъ сосуды съ молокомъ для приготовления сыра. По угламъ — кровати, сундуки, мѣшки, разная посуда и утварь; тутъ же и ткацкій станъ (*статив*).

Другой домъ возьмемъ въ Цуцахъ, въ поселкѣ, называемомъ Тигедина, Вука Гилена. Всего въ домѣ 7 душъ. Хозяинъ можетъ считаться зажиточнымъ: онъ имѣетъ 9 разъ пахотной земли (около $1\frac{1}{2}$ десятины), 120 козъ и 80 овецъ (съ мелочью), 15 головъ крупнаго рогатаго скота и 15 ульевъ. Сверхъ того у него есть *метех* (мѣсто для пастьбы скота и рубки дровъ). Домъ въ длину метровъ 7, а въ ширину до $3\frac{1}{2}$. Стѣны сложены изъ простыхъ камней, между которыми въ щели свободно дуетъ вѣтеръ. Полъ земляной; окна ни одного. Посрединѣ огнище; а за нимъ при задней стѣнкѣ заплетенное помѣщеніе (*котац* или *ко-*

шап) для козятъ, которыхъ сажаютъ туда и вынимаютъ обратно черезъ верхъ; а почти цѣлая половина дома вправо отъ двери занята подобнымъ же помѣщеніемъ для козъ съ дверкою (струга). Овцы и ягнята имѣютъ отдѣльное помѣщеніе внѣ дома. Потолокъ покрытъ не весь, а только часть его; надъ огнищемъ *черен*. На лѣвой сторонѣ въ двухъ углахъ двѣ кровати, т. е. помосты изъ досокъ на высокихъ сохахъ; а между одною изъ кроватей и котцемъ на пространствѣ въ половину метра помѣщается ручная мельница (описаніе ея будетъ дальше). По стѣнамъ полки; передъ кроватями сундукъ и разная утварь. Все внутри закоптѣло, и солома на крышѣ также совершенно черная.

Мы уже упоминали, что эти маленькіе дома бываютъ иногда сложены изъ чрезвычайно крупныхъ камней. Это особенно замѣтно въ старыхъ постройкахъ. Такіе дома мы видѣли въ селѣ Кутьнштахъ, самомъ старомъ поселеніи племени Цекличей, и тамъ же видны развалины старыхъ домовъ чисто циклонической постройки.

Есть такіе дома въ Бапьянахъ и въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, такіе старые дома мало гдѣ сохранились вслѣдствіе частыхъ турецкихъ погромовъ Черногоріи.

Одинъ такой домъ, вполнѣ сохранившійся отъ стараго времени, мы видѣли въ с. Превшшѣ въ Дробнякахъ, Ювана Лазаревича или Куюнджича.

Длина этого дома 15 м. 25 с., ширина—6 м. 70 с.; высота отъ крыльца подъ крышу (стрѣху) 2 м. 2 с. Толщина стѣнъ 1 м.; а сложена она изъ камней, между которыми есть имѣющіе въ длину 1 м. 90 с., а въ вышину 1 м. 4 с. Окно въ настоящее время нѣтъ; а въ старое время было одно, заложенное впоследствии; оно было продолговатое: по высотѣ стѣны 77 с., а по длинѣ—80 с.

Передъ домомъ въ родѣ двора стѣнка тоже изъ крупныхъ камней, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 2 м. въ высоту, и дѣдъ нынѣшняго хозяина вскакивалъ на этотъ камень обѣими ногами съ мѣста, безъ разбѣга. Сзади дома въ видѣ полукруга идетъ

также стѣнка высотой около метра. Такой домъ въ старое время представлялъ собою укрѣпленіе, съ которымъ безъ пушекъ трудно было что-нибудь сдѣлать.

Тамъ же видно основаніе подобнаго же дома, принадлежавшаго извѣстному въ тѣхъ краяхъ патриоту и юнаку Брку (его внукъ учитель Перо Костичъ) и разореннаго турками до основанія, такъ что можно видѣть только матеріаль, изъ котораго онъ былъ построенъ.

Описанный выше домъ Лазаревича, хотя вы и входите въ него прямо, не поднимаясь по лѣсенкѣ или высокому крыльцу, имѣетъ подъ собою помѣщеніе, называемое *изба*, гдѣ держится скотъ. Это собственно природная выемка подъ частью дома въ родѣ подвала, которому спереди составляетъ стѣну природная скала, служащая основаніемъ дому, и только сзади подведена стѣна искусственная.

Такіе дома составляютъ переходъ къ домамъ на этажъ (*на под*).

Есть еще названіе для дома въ одинъ этажъ (поземуши) — *полача* и, которая можетъ быть очень длинная и помѣстительная; а иногда она состоитъ при домѣ, какъ служба, и въ ней помѣщается скотъ (Цеклинъ, Цермница, Баръ). Есть пословица: «капля по капля — это Морача; зрно по зрно — это погача; камен по камен — это *полача*».

Домъ на этажъ въ общемъ совмѣщаетъ въ себѣ тѣ же самыя главныя части, какъ и поземуша; только что является помѣщеніе и подъ домомъ, называемое *изба*, и потому, говорятъ о такомъ домѣ — *дом на избу*. Иначе это нижнее помѣщеніе называется *кѳноба*. Она назначается главнымъ образомъ для скота, при чемъ раздѣляется перегородками, такъ что въ одномъ отдѣленіи стоитъ лошадь, въ другомъ коровы, въ третьемъ козы; иногда тамъ же отдѣленіе и для свиней.

Этотъ нижній или подвальный этажъ, какъ мы замѣтили, образуется иногда самою мѣстностью; такъ что спереди домъ представляется одноэтажнымъ, а сзади въ два этажа. Тогда входъ въ этотъ послѣдній сзади же или сбоку.

Если же весь домъ поднять на этажъ, тогда для входа въ верхній этажъ служитъ деревянная или каменная лѣстница или высокое крыльцо (басамаке, скале, скалине).

Входъ этотъ можетъ быть снаружи или изнутри, изъ конобы. Полъ, разделяющій верхній этажъ съ нижнимъ (под), состоитъ изъ толстыхъ широкихъ досокъ, положенныхъ на балки, которыя снизу поддерживаются деревянными столбами (диреци), а иногда столбами, сложенными изъ камня (стубови). Послѣдние особенно необходимы тамъ, гдѣ огнище устроено по срединѣ дома.

Доски въ полу не пригоняются особенно плотно, такъ что не только происходитъ свободный обмѣнъ воздуха между обоими этажами, но можно даже видѣть изъ одного въ другой.

Для огнища полъ прорѣзывается, и тамъ или кладутся каменные плиты, или набивается земля со щебнемъ, а вокругъ *самтрачъ* и при одномъ краѣ *прикладъ*. Устройство потолка тоже самое, какъ и въ поземущѣ, а также и вся прочая обстановка. Но существенная разница заключается въ кладкѣ стѣнъ; высота дома не позволяетъ ставить въ нихъ цѣлыя каменные глыбы, но вынуждаетъ обдѣлывать камни соответственной величины, пригонять ихъ, сколько можно, плотнѣе другъ къ другу и класть съ цементомъ, состоящимъ изъ смѣси извести, глины и мелкаго щебня.

Поземущу можетъ построить почти всякій самъ для себя; а для такого дома нуженъ мастеръ; при чемъ въ болѣе благоустроенныхъ домахъ нижній этажъ дѣлается сводомъ (волат, ѱемер), для чего требуется еще большее искусство.

Крыша всегда бываетъ на два ската, покрыта ли соломой, или черепицей, или каменными плитками. Каждая боковая сторона называется *лѣстра*, а треугольникъ между двумя скатами крыши, нашъ щитъ, называется *лѣстовица* или *забат*. Онъ отдѣляется карнизомъ отъ крыши и отъ стѣны, но названія имъ различныя: въ первомъ случаѣ онъ называется *корниш*, во второмъ — *перваз*.

Въ одной пѣснѣ поется:

А два мрка завѣяше вука
А на десну *листру* од пстока.

Въ самомъ верху щитовъ продѣлываются отверстія, черезъ которыя проходитъ балка подъ конькомъ крыши, и называется *сомиѣ*. Оно бываетъ иногда настолько велико, что черезъ него можетъ пролѣзть человекъ, хотя, конечно, съ большимъ трудомъ, и потому говорится: «провукао се, као лупеж кроз сомиѣ».

Въ сельскихъ домахъ въ одной изъ *листръ* дѣлаютъ окна; а въ городахъ она оставляется безо всего въ ожиданіи, что можетъ рядомъ построиться другой домъ, который долженъ будетъ половину откупить, т. е. заплатить половину ея стоимости хозяину дома, построившемуся раньше.

Такой двухэтажный домъ разнится отъ поземущи и величиной; хотя часто, несмотря на просторъ, верхній этажъ остается безъ всякихъ подраздѣленій и потолокъ хотя бы плетеный, не покрываетъ цѣлаго пространства. Но въ большей части случаевъ тутъ является стремленіе къ нѣкоторымъ удобствамъ: отдѣляется отъ *кутъи собственно* — камара или двѣ; потолокъ дѣлается досчатый; гдѣ-нибудь сбоку устраивается чуланчикъ (ћилер или ћирел) *).

Передъ входомъ въ двери выше крыльца дѣлается площадка, иногда покрытая сверху крышею, на каменныхъ столбахъ, съ парапетами по краямъ: это — *тріем* или *тріен*, (въ Боккѣ — *солар*), на которомъ сидятъ глѣтомъ женщины, работая что-нибудь, и мужчины безъ всякаго дѣла, покуривая трубки и разговаривая между собою или съ какимъ-нибудь гостемъ.

Лучшія постройки находятся въ Цермницѣ, Градьянахъ, Люботинѣ, Цеклинѣ, Добрскомъ селѣ, въ нѣкоторыхъ селахъ Цекличей; а въ Нѣгушахъ, не считая новѣйшихъ домовъ, отлп-

*) Въ новогреч. *υετλληρι* — отдѣленіе, гдѣ хранятся съѣстные припасы; и въ русскихъ монастыряхъ въ старое время — *келарь* завѣдывалъ монастырскимъ хозяйствомъ.

чались хорошою постройкой изъ тесанныхъ камней съ тремяи и подраздѣленіями внутри только дома семействъ Петровичей, изъ которыхъ были владыки, а послѣ князя, и Радоичей — гувернадуровъ. Отдѣльно могутъ найтись хорошіе дома и въ другихъ мѣстахъ. Но въ перечисленныхъ выше племенахъ или областяхъ сплошь и рядомъ вы видите прекрасныя дома съ галлерейми (тріем), во внѣшней стѣнѣ которыхъ въ видѣ большихъ полукруглыхъ оконъ устроены арки. Между отдѣленіями дома внутри не перегородки (*мулсин*) изъ досокъ или изъ переплетовъ между столбами (*чатма*), но настоящія каменныя стѣны. Внутри и внѣ для сидѣнія устроены каменныя лавки или софы (*нижуи*). Нѣчто цѣльное, отдѣльное въ родѣ маленькой печи устраивается и *упретнякъ*. Потолокъ, конечно, досчатый, а нижнее помѣщеніе служитъ для скота или кладовой, гдѣ хранятся различные хозяйственные предметы, запасы хлѣба и молочныхъ скоповъ, а также бочки и боченки съ виномъ и ракей (водкой). Въ мѣстностяхъ, гдѣ занимаются винодѣліемъ, тутъ устраиваются цѣлыя подвалы, гдѣ производится приготовленіе вина и ракии. Входъ въ верхній этажъ большію частію изнутри, изъ конобы по деревянной, а иногда каменной лѣстницѣ; бываетъ и пзвнѣ.

Въ стѣнахъ внутри дома дѣлаются ниши (*панега, долан*), служащія шкапчиками; такая ниша снаружи дома, специально служащая для помѣщенія сосуда съ водой, называется *водникъ*. Тамъ же бываетъ и *ружомія*: это вдѣланный въ стѣнку камень, выдолбленный въ родѣ чаши, на днѣ которой продѣлано отверстіе, затыкаемое палочкой; въ неё наливается вода, и подъ струю, вытекающую изъ этого отверстія, подставляютъ руки и умываются; посредствомъ палочки регулируютъ эту струю, дѣлая её меньше или больше.

Оконъ и въ такихъ большихъ домахъ сравнительно мало, и главная часть (*кутя*), какъ и въ малыхъ, совершенно безъ оконъ или съ небольшою только однимъ или двумя отверстіями. Но зато кругомъ въ стѣнѣ немного выше пола продѣлывается

рядъ небольшихъ четверугольныхъ отверстій, служащихъ для стрѣльбы черезъ нихъ въ неприятеля, если бъ онъ сдѣлалъ нападеніе на домъ, бойницы (*пушкарице* или *мазале*).

Подъ самой крышей иногда бываетъ рядъ такихъ отверстій для голубей и другихъ птицъ, ютящихся около жилищъ человѣка. По наружному виду это напоминаетъ римскій *columbarium*.

О дымовыхъ трубахъ, выходящихъ вонъ изъ крыши, не можетъ быть и помина, потому что нѣтъ печей. Даже на Цетиньѣ пятнадцать лѣтъ назадъ, кромѣ княжескаго дворца, не знаю, было ли три дома, имѣющихъ трубы; а теперь, конечно, есть. Но въ селахъ повсюду, и въ городахъ по внутренности до сихъ поръ такія трубы рѣдкость, и изъ печей, устроенныхъ изъ глины или желѣзныхъ, дымъ проводится подъ крышу. Поэтому, когда въ домѣ горитъ огонь, вся крыша дымится.

Мы перечислили главные мѣстности, гдѣ находятся лучшія постройки, и изъ этого перечисленія можно видѣть, что такія мѣстности расположены ближе къ морю. Въ самомъ Приморьи дома и по селамъ,—сравнительно съ другими, настоящіе палаццо, и есть весьма древніе, а строены мастерами изъ Италіи. Но чѣмъ дальше въ глубь страны, тѣмъ постройки проще. Есть однако и тамъ хорошіе дома.

Такъ въ селѣ *Дужи* въ Дробнякахъ дома и по величинѣ, и благоустройству могутъ служить украшеніемъ и городу. Одинъ изъ домовъ Маловичей, въ которомъ намъ привелось ночевать, имѣетъ въ длину около 20 м., въ ширину около 8 м., высота такая, какъ настоящаго двухъ-этажнаго дома. Входъ по каменной лѣстницѣ изнутри, изъ конобы. Тотчасъ при входѣ обширное помѣщеніе, въ которомъ три огнища, и надъ каждымъ спускаются вериги съ котлами. По сторонамъ три камары жилыхъ и одна въ родѣ кладовой. Передъ домомъ во всю его длину мостовая изъ мелкаго камня въ родѣ тротуара; крыша съ далеко напущенною стрѣхой, чтобы, покуда отворять двери, не стоять подъ дождемъ. Такіе же и другіе дома въ томъ селѣ.

Мы уже говорили, что каменный домъ въ два этажа, иногда называется *кулой* и *чардак*. Оба названія — турецкія: первое означает небольшое укрѣпленіе, въ родѣ блокгауза и значенію его вполне отвѣчаетъ черногорскій большой домъ, безъ оконъ, съ твердыми запорами въ дверяхъ и бойницами въ стѣнахъ; а второе почти то же самое, часто бревенчатое, съ высокимъ балкономъ, иногда и безъ него; но всегда съ бойницами. И въ дѣйствительности такіе дома часто служили укрѣпленіями и выдерживали осаду непріятели; нѣкоторыя воспѣты въ народной поэзіи, напр. кула Раповичей (въ Кучахъ), Дьюришича (въ Цермницѣ), чардак Алексича (въ Дробнякахъ) и др.

Кулъ обыкновенно даются эпитеты: *біела*, *танка*, *боjami*, *давор* и др.

*«Давор-куло, остала ми пуста!
Лани сам те пуну начинію,
Покрио те тиглом од Црнице,
Па си љетос мени прокапала».*

(Срб. Огл. LVI, 44).

*Те истрчи на боjami-кулу *)
Више градске демирли капије.*

Нижній этажъ, какъ мы уже говорили, называется *ѣмба*, и кромѣ того *подрум*, гдѣ помѣщаются лошади:

*Води коше у мрачне подруме,
А дружину на бпјелу кулу.*

Въ Пивѣ нижній этажъ сверхъ того называется *маза*, гдѣ тоже ставится скотъ или складываются разные хозяйственные предметы, хотя главнымъ образомъ это означаетъ лавку или складъ товара для продажи.

*) Высокая, отъ *бој* — этажъ.

Помѣщеніе для лошадей называется *хар* или *ар*; но въ пѣсняхъ это названіе иногда относится къ помѣщенію людей:

Коше воде у нове подруме,
 А сватове у *нове харове*,
 А женѣје на бијелу кулу.
 А кад *на хар* копетану дође,
 Нему Томо божју помоћ даје.
 Пију вино аге од Никшићах
 На *бијелом хару* Мушовића.

Такое смѣшеніе названій происходитъ отъ того, что иногда и въ дѣйствительности нѣтъ различія между помѣщеніемъ для людей и для скота.

Въ Пивѣ и Церквипцахъ вы часто встрѣтите помѣщенія для скота совершенно такія же, какъ и дома, и, смотря извнѣ издали, вы несомнѣнно впадете въ ошибку, принявши за дома такія помѣщенія для скота.

Бываетъ и такъ, что люди помѣщаются въ нижнемъ этажѣ, а скотъ въ верхнемъ. Есть дома, въ которыхъ скотъ зимуетъ и въ верхнемъ этажѣ и въ нижнемъ; въ нижнемъ этажѣ перегородкою отдѣляется помѣщеніе для пастуховъ и вообще для домашней челяди, а изъ него отъ печи идетъ дымовая труба черезъ потолокъ между скотомъ подъ крышу.

Сначала навозъ проваливается между досками на головы жующихъ внизу; а потомъ образуется такой плотный слой, что его топоромъ рубятъ на квадраты. Овцы, когда согрѣваются, меньше сѣдають сѣна, меньше исхудають; но зато къ веснѣ шерсть на нихъ сдѣлается желтою и вообще хуже, чѣмъ отъ овецъ, зимующихъ не въ закрытомъ помѣщеніи *).

И двухъэтажные дома, какъ мы замѣтили выше, мало отлп-

*) См. д-ра П. Милевича. — У чему живимо. Граница. Черногор. календарь за 1891 г., стр. 40.

чаются внутреннимъ устройствомъ отъ одноэтажныхъ; и въ нихъ иногда совсѣмъ не бываетъ потолка или только часть потолка покрыта потолкомъ изъ плетня; но въ большей части есть уже стремление къ большому удобству. Если есть отдѣльныя комнатки, то потолокъ въ нихъ и полъ изъ досокъ и онѣ хорошо освѣщены окнами (прозори, пенджери).

Косыки оконъ и дверей и пороги цѣльные изъ тесаного камня. Впрочемъ, въ Люботинѣ во многихъ домахъ порогъ дверей составленъ изъ двухъ половинъ, и это непремѣнное условіе, чтобы въ домѣ больше родилось дѣтей, при томъ мужескаго пола.

Крыша бываетъ соломенная, черепичная или покрывается тесомъ или мелкими дощечками (*шинда*, *кис*, *скулда*). Стѣны снаружи бываютъ выбѣлены известкой или оштукатурены; ставни у оконъ (капке, шкуре) покрашены зеленою краской. Если при этомъ передъ домомъ есть деревья, какъ въ Рѣцкой, Лѣшанской и Цермницкой нахіяхъ — тутовое, смоква, черешня, айва и др. или виноградная лоза, пущенная по стѣнамъ, то такой домъ имѣетъ весьма привлекательный видъ. Внутри однако такъ называемая *кутия*, главная часть дома, всегда остается мрачною.

2. Дома городскіе и господскіе; особо турецкіе.

Господскіе дома и дома людей зажиточныхъ или занимающихъ какое-либо болѣе высокое положеніе, такъ называемые господскіе дома собственно не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, потому что въ нихъ исчезаетъ уже народный типъ; даже мало проявляется личный вкусъ хозяина, такъ какъ планъ дома и расположеніе въ немъ различныхъ частей и отдѣленій составляетъ, если не архитекторомъ, то мастеромъ, большею частію изъ Приморья, Далмаціи или Италіи. Эти дома носятъ общій типъ домовъ южной Европы; но различныя удобства въ нихъ принимаются въ соображеніе больше, чѣмъ въ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ, особенно въ старинныхъ постройкахъ, гдѣ иногда, при всемъ просторѣ и солидности, не имѣется помѣщеній для самыхъ необходимыхъ потребностей. Больше заботы прила-

гается и къ согрѣванію: во всѣхъ такихъ домахъ имѣются печи желѣзныя, а иногда и изразцовыя (кафельныя).

Но, по старинѣ любя сидѣть и грѣться у огня, черногорецъ непременно устраиваетъ въ одной комнатѣ каминъ, который называется *оджакія* (также называется и комната, гдѣ онъ находится).

Кухня также въ большей части у новыхъ домовъ сохраняетъ типъ *кути*: въ ней вы найдете огнище, надъ которымъ виситъ котелъ; потолка нѣтъ и подъ крышей развѣшаны цѣлыя туши или окорока мяса, мѣха съ масломъ, цѣлые пласты свиного сала и т. п. На этомъ огнищѣ обыкновенно налагаютъ баднякъ и вообще около него часто проводятъ время по-старинному, по-черногорски. Иногда налагаютъ баднякъ и въ каминѣ.

Есть такіе дома и въ селахъ, напр. въ Цермницѣ, Цеклинѣ, Люботинѣ, Градьянахъ и др. Въ нихъ обыкновенно смѣшиваются два типа: одна часть его совершенно въ общеевропейскомъ вкусѣ, а другая — по-черногорски удерживаетъ не только помѣщеніе съ огнищемъ, но и *кѳнобу* или *избу*.

Иногда вкусъ хозяина совершенно нарушаетъ правильность и симметрію не только въ расположеніи внутреннихъ частей дома, но въ его внѣшности. Особенною оригинальностію отличается домъ покойнаго воеводы люботинскаго Петра Вуйовича въ селѣ Нивахъ. Домъ воеводы пивскаго Лазаря Сочипы по величинѣ, кажется, самый большой частный домъ въ Черногоріи, внутри при томъ весь раскрашенъ. Постройкой дома управлялъ мастеръ итальянецъ, а другой итальянецъ расписывалъ его внутри.

Вновь возникшіе города: на развалинахъ стараго, какъ Никшичь, или на новомъ мѣстѣ, какъ Миркова-варошь въ Подгорицѣ, строятся по плану, съ правильными улицами и украшаются домами, магазинами и лавками тоже общеевропейскаго типа. При томъ въ Никшичь сразу построены дома, въ которыхъ находятся жилья помѣщенія (сверху) и лавки (внизу); тогда какъ подгоричане прежде всего построили лавки, живутъ же въ старомъ городѣ, и только немногіе имѣютъ вмѣстѣ съ лавками или гости-

нищами и жилыя помѣщенія. Всѣ новыя постройки покрываются черепичною крышей, при чемъ черепица доставляется или изъ Цермницы, изстари занимающейся ея производствомъ (въ послѣднее время оно производится также въ Бѣлопавличахъ, Никшичѣ, Подгорицѣ и въ др. м.).

Есть такіе же дома, хотя и немного, и въ старыя черногорскихъ городахъ — Рѣкѣ — Черноевича и Даниловомъ-градѣ. На Рѣкѣ — Ч. большая часть домовъ турецкаго типа: внизу лавки безъ оконъ съ открывающеюся цѣлою передовою стороною съ прилавкомъ, на которомъ находятся различные предметы для продажи, или выставлены питья; закрывается такая лавка сбитою изъ досокъ крышкою (тепенек), поднимающеюся кверху и спускающеюся внизъ на петляхъ. Въ жилое помѣщеніе, находящееся вверху, подъемъ совершается по каменной или деревянной лѣсенкѣ, при чемъ наверху отъ крыши идетъ широкій навѣсъ и подъ нимъ устраивается небольшая галлерей (тріем). Окружающія галлерей перила всегда почти покрашены синею краскою; стѣны снаружи выбѣлены; въ верхнихъ этажахъ достаточно оконъ съ зелеными ставнями. Вообще видъ этого городка снаружи весьма живописный и пріятный. Комнаты внутри также выбѣлены, иногда расписаны и держатся чисто; хотя есть и невыбѣленные и довольно мрачныя. Недостатокъ заключается въ томъ, что большая часть домовъ безъ дворовъ, а потому всѣ дома страшно скучены и не имѣютъ необходимыхъ удобствъ.

Вирь-базарь, въ томъ же родѣ возникающій городокъ; а также Грахово и Андриевича (Васоев.). Зачатки городковъ представляютъ Горанско въ Пивѣ и Жаблякъ въ Езерахъ (племя Дробняки). Приобрѣтенные въ послѣднюю войну города всѣ, конечно, турецкаго типа; но большая часть ихъ, вслѣдствіе выселенія изъ нихъ коренныхъ обитателей магометанъ, вначалѣ пришли въ разореніе, а потомъ на ихъ развалинахъ основались черногорцы. Вполнѣ сохранились только Подгорица и Ульцинъ.

Въ Подгорицѣ (въ старой половинѣ) дома большею частію скрываются за стѣнами внутри дворовъ, а если выходятъ на

улицу, то рѣдко имѣютъ на той сторонѣ окна. Дома ихъ по внѣшнему виду очень просторные, имѣютъ форму широкую; часто бываютъ боковыя пристройки, которыми совершенно загромождается основной планъ. Входъ въ нихъ со двора по каменному крыльцу или изнутри, изъ конобы по лѣсенкѣ, и всегда почти вдоль всего дома находится *тріемъ*. Одна большая комната, гдѣ находится кухня: она безъ потолка, а по срединѣ ея — огнище. Затѣмъ идутъ комнаты, гдѣ размѣщается семейство. Одна комната пріемная, и въ ней непременно каминъ или вѣрнѣе огнище при стѣнѣ, съ колпакомъ надъ нимъ и дымовою трубою. Подлѣ него обыкновенно помѣщается хозяинъ дома, пользуясь огнемъ, чтобы раскурить трубку или папироску, а по бокамъ его размѣщаются гости. Крыши черепичныя, широкія съ большимъ напускомъ (стрѣха); по коньку крыши стоятъ по два или по три узкихъ конуса изъ глины въ родѣ маленькихъ шпигельцевъ. Окна во всѣхъ комнатахъ, кромѣ кухни, большія съ желѣзными рѣшотками, отъ пола возвышаются весьма мало, такъ что, сидя на полу, вы можете смотрѣть черезъ окно во дворъ. Въ женскомъ отдѣленіи окна закрываются сверхъ того густою деревянною рѣшоткой, сквозь которую извнѣ нельзя ничего видѣть, а изнутри можно. Рѣшотка эта обыкновенно раскрашена желтою и синею или зеленою краской. Стѣны дома снаружи и внутри выбѣлены и иногда раскрашены какими-нибудь арабесками, надписями и другими фигурами. Потолокъ обыкновенно изъ мелкихъ дощечекъ, расположенныхъ фигуурою шести- или осьмип-угольника съ шишкою въ родѣ какого-то цвѣтка по срединѣ, и тоже бываетъ раскрашенъ. Комнаты обыкновенно раздѣляются корридоромъ, изъ котораго ведутъ въ нихъ маленькія двери, вверху полукруглыя, и тоже иногда составленныя изъ мелкихъ дощечекъ съ жестяными бляхами или звѣздами по всей поверхности. По стѣнамъ подъ потолкомъ полки для посуды, а надъ дверьми нѣчто въ родѣ галлерей (мусандера). куда днемъ помѣщаютъ тюфяки, подушки и одѣяла, употребляемая для спанья ночью. Полъ дощатый, весьма неплотный, такъ что. когда дуетъ вѣтеръ, то

посланные по нему ковры или *стуры* (рогожки из тростника) поднимаются кверху. Вдоль трех стѣнъ низкій дощатый помостъ вышиною до 15 сантим., а шириною до $\frac{1}{2}$ метра, служащій для сидѣнія и для спанья. Во всякомъ турецкомъ домѣ имѣется комната, гдѣ совершается омовеніе (*баница*, *амамджик*). Есть еще въ турецкихъ домахъ такъ называемые *тыошкови*: это родъ балконовъ или галлерей съ внѣшней стороны со стеклянными стѣнками. Постройка домовъ довольно солидная: изъ крупныхъ тесаныхъ камней, большею частью принесенныхъ изъ Дукли или изъ другихъ старинныхъ построекъ, такъ что въ каждомъ почти турецкомъ домѣ найдете камни съ римскими надписями или съ какими-нибудь фигурами. Но стѣнки, раздѣляющія комнаты, большею частію изъ досокъ или переплета (*чатма*) между тонкими столбиками и обмазаны известью съ глиной. Поэтому внутри они легко подвергаются разрушенію.

Д-ръ Милянчичъ, три года прожившій въ Подгорицѣ въ качествѣ врача и потому имѣвшій свободный доступъ въ турецкіе дома, характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Въ Подгорицѣ есть дома, которые въ турецкое время стоили по 10.000 флор. и больше; но и въ нихъ, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, какъ говорится, замерзъ бы и медвѣдь. Въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ вы видите дома, въ которыхъ нѣтъ оконъ; войдя во дворъ, обнесенный высокою стѣною, поднимаетесь по каменнымъ ступенькамъ и черезъ широкія сѣни вступаете въ *кутю* или кухню, гдѣ около огня грѣется домашняя челядь, и готовится ѣда, и гдѣ всѣ они обѣдаютъ и ужинаютъ. Сербы—магометане въ праздничные дни, во время рамазана, байрама и свадебъ, тутъ устраиваютъ свои пиры; а у православныхъ въ праздникъ «славья» или во время свадебъ — тутъ ставятся трапезы и пляшутъ хоробыды. Сбоку бываютъ одна или двѣ комнаты съ окнами во дворъ; а грѣются самымъ нездоровымъ способомъ, жаромъ въ *мангалъ* *) (жаровня).

*) Грлица, 1891 г., стр. 38.

Дома въ Барѣ и Ульцинѣ въ главныхъ чертахъ такіе же, какъ и въ Подгорницѣ. Но тутъ въ постройкѣ видно уже вліяніе сосѣдства съ Италіей. Здѣсь вы встрѣчаете дома не только въ два, но и въ три этажа. Въ ульцинскомъ и барскомъ градахъ есть дома и въ четыре этажа. Но всѣ эти дома не турецкой постройки, а оставшіеся отъ времени господства въ этихъ краяхъ прежде сербовъ и потомъ венеціанцовъ. На многихъ изъ нихъ остались щиты съ гербами или какими-нибудь инициалами; есть и цѣлыя надписи (латинскія). Турки, войдя въ эти дома, сдѣлали только внутри нихъ приспособленія къ своему образу жизни. Нынѣшніе обитатели этихъ домовъ сохраняютъ нѣкоторыя принадлежности въ постройкахъ, не понимая ихъ истиннаго назначенія и примѣняя къ своимъ потребностямъ. Такъ во всѣхъ старинныхъ домахъ надъ окнами по балкамъ существуютъ по два выдающихся камня съ отверстиями; они служили для помѣщенія тамъ жалюзи для защиты отъ солнца. Нынѣшніе жители, не понимая того, не только удерживаютъ оставшіеся на старыхъ домахъ, но ставятъ ихъ и на новыхъ, и пользуются ими для развѣшиванія табака, краснаго перца и другихъ растений для сушки или дозрѣванія; а иногда тамъ же просушиваютъ и бѣлье.

Такіе дома, оставшіеся отъ времени сербскаго или венеціанскаго господства, находятся не только внутри городовъ Бара и Ульцина, но и въ ихъ окрестностяхъ и довольно далеко въ селахъ, гдѣ безъ сомнѣнія были когда-то видлы сербской или венеціанской знати. Эти постройки относятся больше къ археологій, въ отдѣлѣ которой мы и поговоримъ о нихъ подробнѣе.

Замѣтимъ только, что въ сельскихъ домахъ и здѣсь, въ чисто арнаутскихъ селахъ, внизу находится коноба, а въ жиломъ помѣщеніи существенную часть составляетъ огнище (по алб. *woter* срв. серб. *ватра*), которое чаще всего устраивается при стѣнкѣ; неизбѣженъ также *приклад*, каменный или желѣзный, иногда оба, при чемъ желѣзный ставится спереди. Сзади огнища бываетъ устроено нѣчто въ родѣ камня или и цѣлая печь для печенія хлѣба.

Въ Барѣ дома знатныхъ беговъ называются *сарай* или *добрѣ*; таковы дома Селимбега, у котораго въ томъ же дворѣ жило до 40 чел., называвшихся *дворами* и служившихъ ему въ качествѣ его тѣлохранителей: посредствомъ ихъ онъ держалъ въ повиновеніи цѣлый городъ и совершалъ всевозможныя насилія.

3. Дома деревянные: «брѣвница и на избу»; способы постройки; мазанки.

Перейдемъ теперь къ домамъ деревяннымъ. Самый полный типъ такого дома находится у Васоевичей; поэтому мы и начнемъ съ васоевицкаго дома.

И здѣсь, какъ въ каменныхъ домахъ, различаются стоящіе просто на землѣ безъ помѣщенія внизу и на *избу*.

Первый типъ совершенно отвѣчаетъ поземущѣ и называется *брѣвница* (отъ *брѣво* — бревно), хотя это названіе иногда присваивается вообще деревянной постройкѣ.

Не будемъ однако останавливаться на этомъ простѣйшемъ типѣ, а перейдемъ прямо къ описанію дома *на избу*, такъ какъ въ немъ находятся всѣ особенности перваго, съ придачею многаго, не имѣющагося въ первомъ.

За исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ, здѣсь всякій домъ имѣеть по лицевой сторонѣ во всю длину галерею (*диванана*): извнѣ вы поднимаетесь сначала на эту галерею иногда прямо съ земли, если нижній этажъ углубленъ, а большею частію по каменной лѣсенкѣ, и потомъ черезъ дверь въ *кутю*, т. е. помѣщеніе, гдѣ находится огнище и непременно посрединѣ, изъ котораго другая дверь находится противоположно входной, какъ бы на задній дворъ; а еще одна влѣво ведетъ въ теплую комнату, гдѣ находится глиняная печь, называющаяся *соба*. *Собой* называютъ иногда и комнату. Въ болѣе обширномъ домѣ бываютъ двѣ такихъ комнаты; но топится только одна изъ нихъ, а другая служитъ для помѣщенія съѣстныхъ припасовъ и домашней рух-

ляди; тамъ же находится ткацкій станъ и складъ пряжи, сукна, холста и т. п. Въ обѣихъ этихъ комнатахъ по одному или по два окна весьма низко до пола, безъ рамъ, только съ деревянною рѣшеткою или съ рамами, въ которыхъ большею частію вмѣсто стекла натянута бумага.

Когда нужно открыть окно, то вынимается цѣлая рама и ставится тутъ же на полу; а на ночь окна изнутри задвигаются дощатыми крышками. Печь въ родѣ колпака на квадратномъ основаніи изъ глины при стѣнкѣ, прилегающей къ кутѣ, откуда происходитъ и топка. Въ боковыхъ комнатахъ полъ и потолокъ изъ досокъ; послѣдній часто изъ узкихъ дощечекъ (*шашавои*), изъ которыхъ дѣлаются и переборки въ комнатахъ.

На галереѣ по бокамъ всегда почти имѣются одна или двѣ маленькихъ комнатки въ родѣ нашихъ чуланчиковъ (*к'іст*, *зграда* или *тырел*) съ окошечкомъ въ видѣ маленькаго квадратнаго отверстія или вовсе безъ окна. Здѣсь держатъ молочные скопы и другіе съѣстные припасы и питія, а иногда и спать.

Въ *кутъ* потолока не бываетъ, а только надъ огнищемъ черепъ. Въ комнатѣ надъ печкою подъ потолкомъ тоже черепъ изъ деревянной рѣшетки или просто жердей, на которыхъ просушивается одежда и обувь.

Нижняя часть дома всегда каменная и называется *ѣба* и *подрум*; и имѣетъ то же назначеніе, какъ и въ каменныхъ домахъ.

Крыша соломенная, чрезвычайно высокая и крутая на четыре ската. Солома прикрѣпляется къ стропиламъ и переплету между ними жердями (*лемеждье*), а съ двухъ концовъ конька высовываются два высокіе рога (*рогови*): это заостренные концы жерди, проходящей не по верху крыши, а сквозь неё и упирающейся толстымъ концомъ въ перекладину, связывающую стѣны. Назначенія ихъ мнѣ никто не могъ объяснить. Крыша эта спускается широко надъ стѣнами, такъ что подъ ея напускомъ помещается и галерея.

Брусъ, служащій для связи стѣнъ, высовывается концами

изъ-подъ крыши, и этотъ конецъ называется *пріестунъ*; на немъ обыкновенно вывѣшиваются сырыя кожи для просушки.

Между бревнами, изъ которыхъ строится срубъ дома, кладется мохъ, а потомъ снаружи проконопачивается коноплей (*кучина*), вслѣдствіе чего домъ вполне обезпечивался бы отъ холода, если бы при томъ лѣсъ, изъ котораго строится домъ, былъ потолще. Между тѣмъ эти бревна — (*поднище*) имѣютъ толщину только до 10 или 12 сантим. Самымъ лучшимъ деревомъ считается *молика* (родъ сосны, *pinus peuce*). Это собственно не брусъ, а толстая доска. Изъ нихъ же вытесываются и половыя доски толщиной до 5 с., а шириною до 15 с., и изъ бревна выходитъ только одна.

Срубъ складывается изъ бревенъ по двумъ способамъ: или на концахъ бревна зарубаются и складываются накрестъ (*у устьк*), или по четыремъ угламъ ставятся столбы, въ которыхъ просѣкаются желобки, какъ пазы, въ которые вкладываются бревна, сообразно съ тѣмъ зарубенныя по концамъ.

Такой способъ называется — *у кулак* (*закулачити*). Этотъ второй способъ встрѣчается больше въ городскихъ постройкахъ.

Полъ настиляется тоже двумя способами: *у ламбу*, когда одна доска ложится на другую закроемъ; и *у шипило*, когда въ доскахъ по толщинѣ просѣкаются желобки, въ которые при пригонкѣ ихъ вставляется тонкая и узкая планка (*шип* или *шипка*). Если доски впоследствии сохнутъ и между ними образуется щель, планка закрываетъ её, а потомъ она и совсѣмъ заполняется пылью и соромъ. Концы досокъ прикрѣпляются гвоздями къ находящимся подъ ними балкамъ.

Потолокъ, какъ мы сказали, настиляется изъ мелкихъ букowychъ дощечекъ (*шашаван*, *шашави*) длиною до 10 с., шириною до 17 с., а толщиной до 5 с.; при чемъ одинъ бокъ заостряется, а въ другомъ просѣкается углубленіе, и кладутся онѣ такъ, что острый бокъ одной входитъ въ углубленіе другой.

Крыша бываетъ и не соломенная, а дощатая. При этомъ различаются *штица* и *шанда*. Чтобы получить первую берется

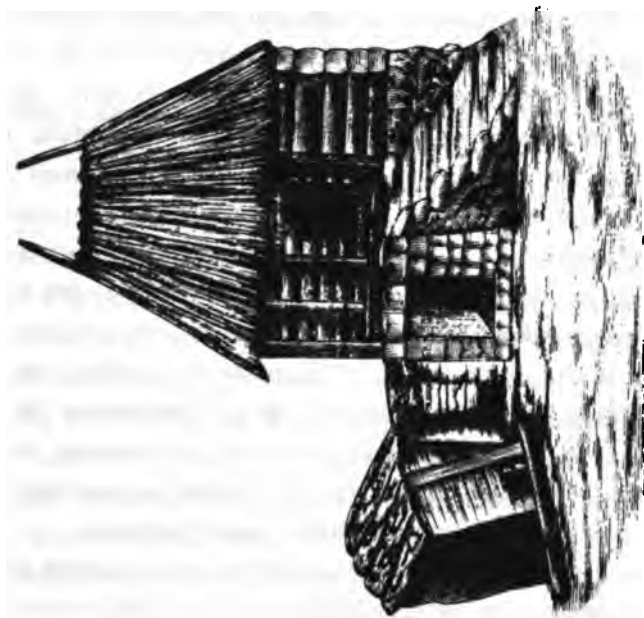
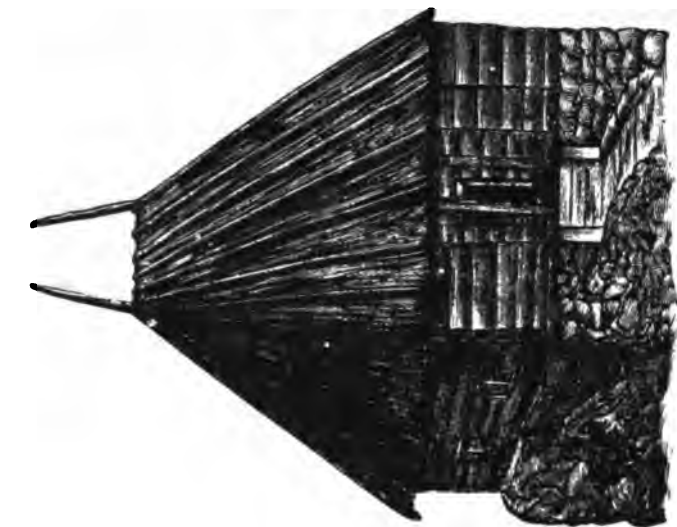
обрубокъ дерева длиною до 1 м. 20 с. (*трупаи*) и клиньями раздвигается (*разбити*) отъ середины къ краямъ на дощечки, которыхъ выходитъ отъ 10—18, смотря по толщинѣ дерева, шириною отъ 20—40 с., а толщиною 5—6 с. *Шинда* же представляетъ собою мелкія дощечки, которыя кладутся иногда двойнымъ рядомъ, и тогда, если потрескаются верхнія, то не пропускаютъ воду нижнія. Пригонка тѣхъ и другихъ *у ламбу*, т. е. онѣ ложатся одна на другую закраинами шириною до 5 с., и приколачиваются гвоздями къ рѣшетинѣ (*летое*).

Есть еще крыши изъ *кмса*: это мелкія дощечки изъ самаго твердаго дуба, при томъ только изъ середины его (*стржевина*), такъ что по толщинѣ дерева выходитъ ихъ 3—6. Такая крыша стоитъ очень дорого и потому употребляется только на церквахъ; зато можетъ держаться 70—90 лѣтъ безъ поправки.

Деревянные дома въ другихъ мѣстахъ представляютъ только видоизмѣненіе васоевицкихъ; но они не такъ удобно устроены, хотя есть довольно большіе и покрытые тесомъ (въ Пивѣ и Церквицахъ).

Для примѣра опишемъ одинъ домъ въ с. Брезнахъ, принадлежащемъ Пивѣ.

До десятка домовъ стоятъ въ кучкѣ одинъ возлѣ другого, прислоняясь заднею стороною къ возвышенію, обрамляющему равнину, а съ лица имѣя передъ собою пашню, съ прекрасною черною землею. Хозяинъ дома — человекъ зажиточный (одинъ изъ Дурутовичей), и домъ довольно просторный, но безъ избы, а стоитъ прямо на землѣ и весьма низкій, такъ что крыша (тесовая) сзади спускается до земли. Со входа маленькій узенькій корридорчикъ, идущій влѣво между наружною стѣною и внутреннею перегородкой; вправо изъ него дверь ведетъ въ кутю, гдѣ огнище; а влѣво помѣщеніе для скота подъ одною крышей, отдѣляемое отъ жилого помѣщенія перегородкой. Кутя, конечно, темна, тѣсна и загромождена разнымъ скарбомъ. Въ крышѣ отверстіе, но не для свѣта, какъ я предполагалъ, а прорублено для того случая, что въ томъ году водою затопило домъ и черезъ это отверстіе вытаскивали все имущество. Въ другомъ мѣстѣ

Васоевцке дома.

тоже, я знаю, вода доходитъ иногда подъ крышу и все-таки не хотятъ поднять домъ на этажъ. По Пивѣ и въ Церквицахъ большая часть домовъ имѣеть со входа корридорчикъ, но не открытую галерею, какъ у Васоевичей, и потому внутри дома очень глухо и дымъ всегда страшный.

Въ Дробнякахъ и Горней-Морацѣ деревянные дома большею частью *на избу*.

Въ городкѣ Андриевичѣ (въ Васоевичяхъ) смѣшанная постройка: есть деревянные поземуши, есть построенныя на этажъ, при чемъ въ нижнемъ этажѣ помѣщается лавка или корчма, иногда подвалъ для храненія бочекъ со сливовицей, и тутъ же конюшня. Деревянные дома съ такими же лѣсенками во второй этажъ извнѣ и изнутри и съ балкончиками. Есть и каменные дома съ перегородками (*пріебой*) внутри между различными отдѣленіями, сдѣланныя изъ *чаммы* и оштукатуренныя. Часть домовъ построена при горѣ, и потому прежде всего дѣлается выемка земли или камня (*закѣпина*), а потомъ кладется фундаментъ (*полуменат*).

Постройка домовъ деревянныхъ производится большею частью самими поселянами подъ руководствомъ своего же домашнего мастера (*уста*) и чаще всего помощью (*мобой*), которая главнымъ образомъ служитъ для подвозки матеріала и для подъема бревенъ на высоту. При этомъ дается довольно обильное угощеніе: сверхъ хлѣба, достаточно мяса, сыра, водки, а для болѣе почетныхъ и черный кофе; вслѣдствіе чего и говорится: «Кад се кутя гради, село се рани». Помощь эта можетъ стоить дороже найма; но выгода въ томъ, что такимъ способомъ постройка совершается быстрѣе. Большіе, городскіе дома строятся мастерами частью домашними, частью *дибранами* (изъ Дибры). Мастеръ для каменныхъ построекъ называется *каменар* или *крианя*, и въ селѣ Великомъ есть цѣлый родъ, который носитъ это названіе и занимается этимъ мастерствомъ.

При постройкѣ дома есть обычай приносить жертву въ видѣ закланія барашка или другого животнаго на углѣ зданія, когда стѣны выведены подъ крышу, и даются мастеру не только хозя-

виномъ, но и посторонними лицами цвѣтныя платки или полотенца, которыя онъ и выставляетъ на палкахъ. Иные требуютъ этихъ жертвъ и когда заложить порогъ въ главной двери, и когда начнутъ выводить окна.

Въ Васоевичахъ, когда строится деревянный домъ, то никому не запрещается брать щепки, мелкіе обрубки и другіе отброски (*шлам*), чтобы всякій пожелалъ добра тому дому.

Есть наконецъ дома ни каменные, ни деревянные. Это, во-первыхъ, мазанки изъ плетня, какихъ прежде много было въ Бѣлопавличахъ, особенно по Косовомъ-лугу, гдѣ постоянно угрожала опасность со стороны турецкой крѣпости Спужа; а затѣмъ тоже мазанки, въ которыхъ весь остовъ дома изъ бревенъ, а между ними дѣлается рѣпотка изъ жердей; жерди же эти заплетаются тонкими и длинными деревянными тесниками, и послѣ все это замазывается. Послѣднія можно видѣть въ Колашинѣ, частью въ Никшичѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было господство турокъ. Это — преимущественно корчмы и мелкія лавчонки; но иногда такую постройку ухитрились дѣлать и въ два этажа.

4. Дворъ и различныя постройки при домѣ; постройки для временнаго жилья.

Общее названіе огороженнаго мѣста — *обор*. Иногда огорожа эта состоитъ изъ частокола, т. е. натыканныхъ тонкихъ кольевъ (розга, — *ге*), которая можетъ держаться очень долго, особенно если эти кольца дреновые. Но настоящій дворъ вокругъ дома носить два названія безразлично: *авлія* и *стобор*. Часто этого двора въ видѣ огорожи вокругъ дома и не бываетъ; а только передъ домомъ съ лицевой стороны выравнивается площадка, на которой посажены одно или нѣсколько деревьевъ и размѣщены разныя хозяйственныя постройки. Но въ селахъ, гдѣ бѣлая скученность домовъ, какъ Нѣгуши, Добрское — село, Цеклинъ, Люботинъ, Цермница и др. непременно дворъ окруженъ каменной стѣнкой сухой кладки или съ известью; особенно въ Церм-

нищѣ, гдѣ довольно солидные ворота съ аркою, иногда съ какими-нибудь знакомъ на ней. Часто этотъ дворъ бываетъ сзади дома, въ который вы входите прямо съ улицы или съ дороги; или вмѣсто двора служатъ нѣсколько скалъ, окружившихъ домъ.

Въ пѣсняхъ упоминается: *камена* — или *мермер-аамія* и *диасер-аамія*; первая обозначаетъ дворъ, мощный мраморомъ, а о второй не могъ узнать. Упоминается также у Васоевичей *долан* у вратима:

Да он иде у турску джамію,
Да с' сакріе у *долан* до врата.

Стобор въ одной пѣснѣ упоминается такимъ образомъ:

«Ја ћу градит' дворе јаворове,
Посадићу зелено *стоборје*,
Да не можеш долазити млада,
Да ти видиш ђе Али-бег спава».

По этому можно предполагать, что, *идѣ стоборве*, тамъ должны быть посажены деревья; хотя называютъ этимъ именемъ дворъ чаще всего безъ всякой растительности внутри; но непременно долженъ быть обнесенъ стѣною. При томъ дворъ, обнесенный высокою стѣною, напр. въ Морачскомъ монастырѣ, называютъ *град*.

Деревянные дома въ Васоевичахъ, а также и въ другихъ мѣстахъ, никогда почти не имѣютъ огороженнаго двора. Но передъ домомъ всегда находится рощица изъ плодовыхъ деревьевъ: грушъ, сливъ, яблонь, черешенъ. Передъ домомъ же всегда бываетъ вбитъ деревянный столбикъ (кунь, сиджимъ)*, для привязыванія лошади, если пріѣзжаетъ гость, или если пока не выйдетъ кто изъ своихъ, отправляющихся въ дорогу.

Есть дворъ вокругъ дома или нѣтъ его, при немъ всегда находятся *комш* или *кошари*, въ Морачѣ и Васоевичахъ назы-

*) *Сиджим* — собственно приколъ, на которомъ пускаютъ лошадь въ погѣ.

ваемые также — *самш*: это — большія, сплетенныя изъ прутьевъ корзины, въ которыхъ складывается кукуруза въ початкахъ.

Они бываютъ вышиною до 2-хъ метровъ, шириною 1 или 1½ метра, а длина различна: иногда одинаковая съ шириной, а большею частію длиннѣе и иногда весьма длинныя. Основаніе этимъ плетенкамъ составляютъ четыре бруса, и сверху такая же рама изъ брусевъ. Внизу настиляется дощатый полъ, а верхъ покрывается тоже досками или соломенною крышей, которая всегда можетъ быть поднята, такъ какъ кукуруза бросается сверху; а вынимается черезъ четырехугольное отверстие внизу. Въ этихъ кошяхъ кукурузныя початки весьма легко провѣтриваются и сушатся. Коши эти могутъ быть переносимы съ одного мѣста на другое. А есть и круглыя, заплетенныя прямо на землѣ и потому не переносныя.

Въ старой каменной части Черногоріи необходимую принадлежность двора составляетъ гумно (*гумно*). Это — кругъ, хорошо вымощенный изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ въ діаметрѣ отъ 6 и болѣе метровъ; посрединѣ отверстие, въ которое вставляется столбъ (*стожер*), чтобы вокругъ него гонять лошадь для молотбы, (иногда молотятъ сами люди цѣпами), а края возвышены до 1/3 метра и тоже сложены изъ тесаннаго камня; тутъ продѣлано отверстие для проведенія внутрь лошади. Когда смотрите сверху, такое гумно представляется въ видѣ круглаго блюда. Не всякій хозяинъ имѣетъ свое гумно; и часто нѣсколько хозяевъ строятъ одно гумно вмѣстѣ. Оно занимаетъ всегда нѣсколько возвышенное мѣсто. При немъ находится маленькое крытое помѣщеніе, въ которое съ гумна сваливаются обмолоченныя солома и мякина; это — *ноята*, *ваята* или *трница*.

На гумнѣ же бываютъ народныя собранія и пляска; въ последнемъ случаѣ одни, какъ зрители, сидятъ на закраинѣ, а внутри пляшутъ или водятъ хороводъ.

Иногда, больше впрочемъ въ городахъ, бываетъ особое помѣщеніе, сарайчикъ для сѣна (*сіоница*).

Въ мѣстахъ, гдѣ держатъ много скота и потому собирается

большое количество молочных скоповъ устраивается и для нихъ особое плетневое же, переносное помѣщеніе (*млькар*).

При домѣ же или въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него устраивается пригонъ для скота (*тор*). Это — огороженное мѣсто, при томъ огорожу составляетъ или просто набросанный сухой ключій кустарникъ, или срубленные цѣлыя деревья (въ Васоевичахъ), или рѣшетка изъ узкихъ дощечекъ.

Мѣсто тора перемѣняется: онъ ставится тамъ, гдѣ хотять унавозить землю для пашни или луга. Въ Васоевичахъ есть общинный пригонъ для скота, называемый *орзина*, и всегда договариваются: «айде да метнемо стоку у *орзину*» (*орзина* — также легкая огорожа около посѣвовъ).

При торѣ непременно находится и крытое помѣщеніе для скота (*стан*). Помѣщенія эти бываютъ различной формы и носятъ различныя названія: *кутъяра* (*кутъер*, *кутъера*), *плуужина*, *прсвіяча* или *котара*, *стан*. Первые два представляютъ собою одно и то же: это миниатюрный домикъ изъ бревенъ и съ дощатою крышей, поставленный на подозья, такъ что его можно передвигать съ одного мѣста на другое. Въ ней человекъ можетъ только протянуться; тутъ онъ спитъ, карауля овецъ отъ волка и отъ вора; а прежде нужно было беречься и отъ разбойническихъ четъ. Около *плуужинъ* въ Цуцахъ и Озрничкахъ часто бывали цѣлыя битвы. Въ Бѣлопавличахъ, а частью и по Катунской нахія встрѣчается другая форма: *прсвіяча*. Это нѣчто въ родѣ конусообразнаго колпака изъ соломы и прутьевъ: основаніемъ служить обручъ, къ которому прикрѣпляются нѣсколько жердей, связанныхъ концами вверху; между ними пространство оплетается прутьями, а послѣ покрывается соломой; она безъ пола, въ вышину немного болѣе метра; а при основаніи въ діаметрѣ такая, чтобъ только можно было протянуться настуху. Она такъ легка, что человекъ можетъ переносить её на рукахъ.

Въ Васоевичахъ при торѣ, хотя бы и въ селѣ, устраивается изъ досокъ и переносное помѣщеніе для настуховъ, а также и для ягнятъ: тамъ же, кромѣ настуховъ, ночуютъ и тѣ члены

семьи, которые ухаживаютъ за скотомъ. Такое помѣщеніе называется *стан*.

Станомъ же называется и помѣщеніе, устраиваемое на полозьяхъ изъ плетня съ соломенною крышей и дощатымъ поломъ, которое зимой находится при домѣ, а раннею весной по послѣднему снѣгу паркою воловъ тащатъ въ горы (на планину). Оно служитъ для храненія молока и молочныхъ скоповъ, во время жизни въ катунѣ.

Въ горы его тащатъ порожнимъ, а съ горъ наполненнымъ не только молочными скопамп, но и кое-какими другими домашними принадлежностями. Если нѣтъ снѣгу, то тащатъ по травѣ, особенно если она влажная или покрыта ялеемъ; тогда полозья лучше скользятъ.

Есть наконецъ еще родъ жилья — *савардак* (Дробн.) или *дубири* (Вас.). Это большой конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой. Онъ настолько великъ, что по срединѣ его, какъ въ домѣ, устраивается огнище и надъ нимъ *петеръ* или *черенъ*. Это на половину постоянное жилище: оно устраивается при пивахъ, удаленныхъ отъ села; въ самомъ же селѣ служитъ временнымъ жилищемъ, если домъ сгорѣлъ, а выстроить новый не успѣли или не имѣютъ средствъ. Иногда онъ остается при домѣ, исполняя то же назначеніе, какъ и *станъ*; или въ него пускаютъ жить какое-нибудь бѣдное семейство, покуда оно будетъ въ состояніи обзавестись собственнымъ хозяйствомъ и домкомъ.

Во всякомъ случаѣ это временныя жилища, въ которыхъ ищутъ убѣжища на время отъ нужды, а отнюдь не постоянныя, какъ то предполагаютъ д-ръ Милянчъ (Грлица, 1890 г., стр. 39—40).

Отъ нужды живутъ иногда въ землянкахъ, покрытыхъ дерномъ (*бусара*) или въ шалашахъ изъ вѣтвей дерева, кое-какъ усаженныхъ съ помощью крупныхъ травъ, какъ папоротникъ и др. (*катафа*). Последнія служатъ помѣщеніемъ войску за неимѣніемъ палатокъ.

Намъ остается рассмотреть постройки внѣ села, собственно

говоря, въ *катунахъ*. Ихъ весьма мало: *стан*, *колиба* или *лада* — всѣ три названія относятся къ человѣческому жилью въ катунахъ.

Это самой простой формы четверугольный, продолговатый домъ, смотря по мѣстности, каменный сухой кладки или деревянный изъ бревенъ или досокъ, а крыша въ обоихъ случаяхъ изъ широкихъ и толстыхъ досокъ, которую на высокихъ горахъ напр. на Коуѣ и Дурмиторѣ, на зиму снимаютъ; иначе снѣгомъ придавило бы и развалило всю колибу. Внутри, какъ и въ обычномъ домѣ, огнище, гдѣ-нибудь кровать изъ жердей съ насланною травою, а одинъ край весь запятъ полками въ два ряда, на которыхъ разставляется молоко. Въ Васоевичахъ сверхъ того задняя стѣнка, находящаяся противъ двери, носитъ особенное названіе — *кучеле*.

Въ горне-морачскихъ катунахъ мы встрѣчали колибы изъ жердей въ родѣ шатра или трапеціи, покрытыя еловою корою, которыя просторомъ превосходятъ настоящіе дома. Такъ одна подобная колиба, въ которой помѣщалась семья въ 11 душъ, имѣла въ длину до 15 метровъ, въ ширину около 10, а въ вышину 4—5. Такая колиба можетъ служить 20 лѣтъ. Большею же частію онѣ очень тѣсныя и потому иные имѣютъ ихъ по двѣ п по три.

Вокругъ нихъ, конечно, *обор* и *тор*, огороженные жердями въ прясло; вмѣсто воротъ, выпускаютъ скотъ, вынувши изъ одного прясла жерди, и это отверстіе называется *струпа*; поэтому говорятъ: пустить овецъ *на струпу* (*остружити*, *застружити*); *«овце саме су се остружили»*.

Для скота устраиваютъ еще открытое сверху помѣщеніе изъ досокъ, ставя ихъ рядомъ стоймя наклоненными верхними концами внутрь — это *прибой* или *прѣбой* (Вас., Дробн., Пива). Благодаря такому наклону стѣнокъ внутрь, подъ ними образуется небольшой навѣсъ, гдѣ овцы и могутъ спастись отъ дождя, а иногда тамъ же съ ними лежатъ и пастухъ. Вмѣсто такой цѣлой огорожи, ставится часто только одна стѣнка съ той именно стороны, откуда бьетъ дождь или снѣгъ, и это называется — *саон*.

Въ катунахъ, какъ мы говорили, люди живутъ со своимъ скотомъ только лѣтомъ; но иные остаются и на зиму. Такія колибы мы встрѣчали на Синявиной-планинѣ, которая отличается тѣмъ, что зимою тамъ господствуетъ тихая погода, часто при лркомъ солнечномъ освѣщеніи; но сообщенія съ остальнымъ міромъ не имѣется никакого. Это дѣлается съ расчетомъ, чтобы не переносить отсюда сѣно въ село, отстоящее отъ той мѣстности слишкомъ далеко. Остающіеся тамъ на зимовку поэтому запасаются достаточнымъ количествомъ сѣна для скота, а для себя мукой, солью, керосиномъ для освѣщенія и боевою амуницией для охоты и для защиты отъ волковъ.

Выходятъ они изъ дома за дровами или на охоту на *кряляхъ* (родъ лыжъ). Такія колибы обыкновенно болѣе солидной постройки, и крыша покрывается соломой или сѣномъ.

Для собаки также устраивается помѣщеніе въ родѣ *кутьяры*, называемое — *страчь* *).

Этимъ псчерпывается весь нашъ матеріалъ, относящійся къ описанію жилища челоуѣка и окружающихъ его другихъ построекъ для скота и вообще службъ.

Остановимся теперь немного на оцѣнкѣ его съ двухъ точекъ зрѣнія: историко-этнографической, какъ типа въ ряду построекъ другихъ народовъ, выражающаго степень культурнаго развитія и особенный народный характеръ, и экономическо-гигіенической.

5. Главныя характерныя черты черногорскаго дома и оцѣнка его по отношенію къ здоровью и приглядности.

Сообразивъ всѣ существенныя черты черногорскаго дома, мы получимъ слѣдующія его главныя очертанія: онъ — четвероугольный изъ камня или пзъ дерева; въ немъ непремѣнно должно быть огнище, а въ потолокѣ и въ полу нѣтъ никакой надобности; оконъ — никакихъ.

*) Въ Сербіи плохой домишко называется *страчара* или *бурдель*.

Съ этими главными чертами вы встрѣчаете домъ не только въ Черногоріи, но и въ глубинѣ Далмаціи, въ Сербіи, Славоніи и Хорватіи, въ окрестностяхъ Загреба, не говоря уже о Старой-Сербіи и другихъ мѣстностяхъ, еще не освободившихся отъ турецкаго господства.

Въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ Черногоріи, а занятыхъ албанскимъ племенемъ, — мы находимъ тотъ же въ существенныхъ чертахъ типъ дома. Слѣдовательно это — типъ, принадлежащій не одной исключительной народности, но цѣлой группѣ народностей, занимающихъ Балканскій полуостровъ и нѣсколько сѣвернѣе его въ глубь западной Европы.

Это — южный предѣлъ умѣреннаго пояса, гдѣ лѣтняя теплота преобладаетъ надъ холодами зимы. Здѣсь зима даетъ себя почувствовать только тамъ, гдѣ мѣстность находится на значительной абсолютной высотѣ; тогда какъ въ мѣстностяхъ приморскихъ и вообще мало возвышенныхъ надъ моремъ зима съ продолжительно держащимся снѣгомъ не существуетъ. Благодаря такому отсутствію въ этихъ предѣлахъ настоящей зимы, тамъ и не заботятся объ устройствѣ печей и довольствуются однимъ огнищемъ или каминномъ; а между тѣмъ морозы доходятъ до 20° R.

Благодаря такому взгляду, даже въ Венеціи ученые люди, занимаясь зимой въ тамошнихъ библіотекахъ, сидятъ въ шубахъ и шанкахъ, а для ногъ устриваютъ также мѣховое помѣщеніе; объ отопленіи однако этихъ библіотекъ никто и не помышляетъ, потому что это южные, теплые предѣлы. Все равно какъ въ тѣхъ же предѣлахъ не находятъ потребности въ горячей банѣ.

Въ послѣднее время и въ западной Европѣ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной ея половинѣ, заводятся печи; рядомъ съ этимъ распространяются горячія бани, часто посящія названіе *русскихъ*. И дѣйствительно русская печь по степени даваемой ею теплоты и сравнительно малому количеству топлива, а также и русская баня, доступная послѣднему простолюдину, представляютъ собою самый совершенный типъ въ Европѣ.

Излишне было бы пускаться въ разборъ различныхъ способовъ согрѣванія жилища; мы остановимся на томъ фактѣ, что въ западной Европѣ преобладаетъ типъ огняща и камина; тогда какъ на востокъ ея, всецѣло занимаемомъ Россіей, всюду находите печь самыхъ разнообразныхъ формъ, начиная отъ простой печи, сбитой изъ глины, до такъ называемой голанки, и заканчивал кафельной или изразцовой съ цѣлою системою теплопроводныхъ трубъ или каналовъ и такъ называемыми амосовскими или пневматическими печами.

Въ устройствѣ этихъ печей принимается въ соображеніе не только количество даваемой ими теплоты, но и сбереженіе ея и экономія въ топливѣ. Сообразно съ этимъ и дома устраиваются такъ, чтобы въ нихъ, сколько возможно, больше задерживалась теплота.

Въ этомъ отношеніи русская изба, за исключеніемъ курной, находящейся только не во всей средней и частью въ южной Россіи, представляетъ собою самый совершенный типъ: полъ и потолокъ составляютъ существенную и необходимую принадлежность избы; точно также и окна; двери непременно должны плотно притворяться и сверхъ всего передъ входомъ въ жилое помещеніе устраиваются сѣни. Русская изба, какъ бы ни была бѣдна, должна имѣть дворъ въ видѣ плетневой, дощатой или каменной огорожи, въ которой построены сарайчики и клѣбушки, а иногда отдѣльно погребъ и т. п. Всему есть свое мѣсто, свой уголокъ, все прибрано, несмотря на тѣсноту и нужду; все приаровлено къ сезону: на зиму двери обиваются, если не подстью, то рогожкой, окна закупориваются или вставляются двойныя рамы. Ничего подобнаго не находимъ мы въ черногорскомъ домѣ.

Въ своей простѣйшей формѣ черногорскій домъ представляетъ собою юрту кочевниковъ. У монголовъ средней Азіи юрты передвижныя изъ тонкой рѣшотки, ставящейся въ кругъ и обмотанной войлокомъ; а у ихъ соплеменниковъ буряты, живущихъ въ Сибирѣ, эти юрты деревянныя, 6 или 8-угольныя и постоянныя. Но, не отставая совсѣмъ отъ кочевой жизни, буряты строятъ

иѣсколько юртъ въ различныхъ мѣстахъ: въ одной онъ проводитъ зиму, въ другой лѣто, въ третьей—весну, въ четвертой—осень. Если не всякій можетъ имѣть четыре юрты, то двѣ непременно: лѣтнюю и зимнюю. Деревянная юрта бурята, какъ бы то ни было, представляетъ собою болѣе совершенный типъ, чѣмъ войлочная юрта монгола: въ ней, во-1-хъ, больше приспособленій для согрѣванія и она можетъ быть болѣе помѣстительна; иногда къ ней пристраивается комнатка сбоку и тамъ устраивается печь; полъ часто бываетъ вымощенъ досками, въ стѣнахъ устраиваются окошечки, затянутыя пузыряремъ. А иные прямо строятъ себѣ избы и дѣлаются осѣдлыми, занимаясь не однимъ скотоводствомъ, но и хлѣбопашествомъ. Такой переходъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому, отъ юрты къ избѣ совершается подъ вліяніемъ трехъ важныхъ факторовъ въ культурной жизни народовъ: внѣшней природы—климата и мѣстности, большаго или меньшаго простора и, наконецъ, примѣра сосѣдей.

Славяне, поселившіеся на Балканскомъ полуостровѣ и занявшіе сначала лучшія мѣстности съ богатою природою и мягкимъ климатомъ, не чувствовали потребности въ солидной постройкѣ домовъ и въ большихъ заботахъ о теплѣ, потому что зима вообще тамъ не продолжительна и не такъ сурова, и жизнь мало заключается внутри дома, а больше внѣ его. Не побуждалъ ихъ къ тому и примѣръ найденныхъ ими на мѣстѣ старожилловъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ илировъ. Поэтому они и остановились на томъ типѣ построекъ, который напоминаетъ юрту, принадлежащую собственно кочевому быту; тогда какъ и сѣверные и сѣверо-восточные братья одни подъ вліяніемъ высшей культуры, другіе вслѣдствіе естественныхъ условій жизни пошли много дальше въ развитіи этого первоначальнаго типа. Что касается собственно Черногоріи, то въ деревянныхъ домахъ Васоевичей мы встрѣчаемъ болѣе совершенную форму: въ нихъ мы находимъ цѣлое отдѣленіе, вполне приспособленное для жизни, съ печкой и окнами, и дверь; изъ него не выходятъ прямо на дворъ; въ нихъ гораздо плотнѣе сбиты полы и потолки;

а *кутая* собственно служить кухней и для препровождения времени днем и вечером; тогда какъ ночью всѣ сходятся спать въ теплую комнату, которая не остываетъ цѣлую ночь, потому что отъ времени до времени въ печь и ночью подбрасываютъ дровъ. Но черногорецъ не любитъ этой спертой комнатной теплою атмосферы, предпочитая сидѣть у разложеннаго посреди избы костра, грѣться около него и въ то же время любоваться высоко поднимающимся пламенемъ, хотя бы подчасъ приходилось страдать отъ дыма. Это послѣднее считается даже необходимою: «*Ко се не дима надимю, не се код ватре огрѣю*», говоритъ черногорская пословица. А гдѣ бы онъ накладывалъ баднякъ, еслибъ не было огнища? гдѣ бы сушилось мясо или рыба? Вотъ почему, какъ мы уже упоминали, черногорецъ и въ городскомъ домѣ, сохраняетъ помѣщеніе съ огнищемъ; это его культъ.

Существенную часть въ черногорскомъ домѣ составляетъ и такъ называемая *изба* или *кѣноба*. Въ сельскихъ домахъ сѣверной Россіи этому отвѣчаетъ *подклѣтъ*, въ которой тоже главнымъ образомъ помѣщается скоть. Но эта подклѣтъ тамъ превращается иногда въ кухню и трапезную; особенно въ Сибири на постоянныхъ дворахъ. Даже въ Иркутскѣ мы знаемъ нѣсколько домовъ совершенно городской постройки, при которыхъ имѣется такая же подклѣтъ съ ходомъ сзади, а иногда изъ верхняго этажа туда ведетъ узенькая лѣсенка, и тамъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, какъ одни хозяева, такъ и съ гостями. Къ русской сѣверной избѣ съ подклѣтью больше всего приближается васоевицкій домъ.

Что касается наружнаго вида, удовлетворяющаго вкусу, и удобствъ черногорскаго дома, то мы должны совершенно исключить изъ этого разсмотрѣнія такъ называемыя *поземуши*, жизнь въ которыхъ заодно со скотомъ обусловливается только какою-либо необходимостью: неизмѣнимъ средствъ или времени для лучшей постройки, а иногда вслѣдствіе необезпеченности отъ неприятелей; такъ какъ у пныхъ турки сжигали дома по три, четыре

и даже до семи разъ; въ такомъ положеніи находились жители роскошнѣйшей равнины бѣлопавлицкой Косова-луга, вѣчно угрожаемые турками сосѣдняго Спужа, и тутъ вы находите самыя несчастныя плетневья колыбы съ необработанною, какъ бы заброшенною вокругъ нихъ землею. Въ такомъ положеніи человѣкъ доходитъ до какого-то тупого равнодушія ко всякому удобству и ко всему, что доставляетъ какое-либо удовольствіе въ жизни; и это со временемъ входитъ въ привычку такъ, что и до сихъ поръ иные остаются въ прежнихъ жилищахъ, хотя въ послѣдніе годы и тутъ начинаютъ возникать бѣлые каменные домики, и все больше и больше обрабатывается поле.

Въ такихъ жилищахъ терпится всякаго рода нужда, и не можетъ быть и рѣчи о приглядности или какихъ-либо удобствахъ. Мы остановимъ наше вниманіе на домахъ, построенныхъ на *избу* или *под*, въ которыхъ видно нѣкоторое стремленіе не только доставить жителямъ ихъ нѣкоторыя удобства, но и внѣшности дома придать болѣе приглядный видъ.

Мы уже говорили, что такіе каменные домки, если они побѣлены снаружи, снабжены окнами съ зелеными ставнями и имѣютъ передъ собою нѣсколько деревьевъ, — смотрятъ весьма красиво и весело, рисуясь на сѣромъ фонѣ окружающихъ ихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ. Но въ большей части селъ дома эти не бѣлятся и не имѣютъ оконъ и, лѣпясь подлѣ скалъ, совершенно сливаются съ ними своимъ сѣрымъ цвѣтомъ и такими же сѣрыми, закопченными соломенными крышами. Иногда, смотря на такой домъ даже вблизи, вы съ трудомъ можете разобрать, гдѣ кончается природная скала и начинается постройка. Домъ и скала такъ сливаются и, можно сказать, взаимно ассимилируются, что произведеніе человѣческихъ рукъ, постройка — является какъ бы частью скалы или какимъ-то приросткомъ къ ней. Такого вида большинство домовъ даже на Нѣгушахъ, гдѣ есть дома и чисто городского типа.

Не менѣе мраченъ такой домъ и внутри. Если не пылаетъ большой огонь, вы вначалѣ не можете ничего разглядѣть; да

и при полномъ освѣщеніи огнемъ находитесь въ какомъ-то полумракѣ: свѣтъ только около огнища и противъ двери, а кругомъ все какіе-то темные углы. Стѣны закоптѣли; замѣняющія потолокъ и лежащія на нихъ балки и самая крыша совершенно черныя, иныя бревна, ближе къ огнищу и надъ нимъ, отъ копоти приобрѣтаютъ какой-то блескъ, точно они изъ чернаго лакированнаго дерева.

Вѣтеръ свободно дуетъ сквозь крышу и стѣны, какъ черезъ дверь; если продолжительный дождь, то стѣны плачутъ, а зимой въ морозъ по скважинамъ наполняются инеемъ!

Нечего и говорить о томъ, что, выбирая между холодомъ и тепломъ, приходится или затворить двери и задыхаться отъ дыма, или, чтобъ меньше дымилъ, впускать въ домъ цѣлый потокъ вѣтра. Конечно, «привычка — вторая природа», и черногорецъ выносить этотъ дымъ, не морщась; но зато бѣлье его, и безъ того рѣдко перемѣняемое, коптится, какъ и все кругомъ; а главное — страдаютъ глаза. Тутъ развивается воспаленіе вѣкъ въ сильной степени (conjunctivitis) и катаракты. Глазныхъ болѣзней въ Черногоріи такъ много, что д-ръ Милянничъ изученіе ихъ сдѣлалъ своею специальностью. У большинства вы видите красныя бѣлки глазъ и края вѣкъ, немного отекавшихъ и папушеныхъ.

Другое неудобство представляетъ спанье всѣхъ въ той же комнатѣ въ повалку, большею частью просто на полу, гдѣ постигается только войлокъ или веретья, а иногда просто какой-нибудь мѣшокъ или что-нибудь изъ одежды. Если есть кровать, то её занимаютъ только старшіе члены; то же самое если есть каморка: и въ ней помѣщается одна супружеская чета или одинъ глава семейства. Для большаго тепла спать по нѣскольку человекъ вмѣстѣ подъ однимъ покрываломъ безъ различія пола, братья съ сестрами, хотя бы были и взрослые; часто не раздѣваются вовсе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое спанье въ кучѣ и въ одеждѣ должно опять вредно вліять на здоровье.

Васоевицкій домъ и въ этомъ отношеніи представляетъ больше удобствъ, такъ какъ тамъ есть цѣлое отдѣленіе теплое и просторное, гдѣ во время спанья можно удобнѣе размѣститься и вполне раздѣться; а также и днемъ нѣтъ необходимости сидѣть и дымитъсь возлѣ огня.

Впрочемъ, сидѣть около огня и не столько грѣться, сколько просто смотрѣть на него, шевелить дрова, чтобы сильнѣе горѣли, и подкладывать ихъ — одно изъ удовольствій черногорца, одна изъ принадлежностей его кейфа. Ему это пріятно, сидеть ли одинъ, молча покуривая свой чубукъ, или съ гостями въ оживленномъ разговорѣ о личныхъ дѣлахъ или о минувшихъ военныхъ событіяхъ и о участвовавшихъ въ нихъ герояхъ. Поэтому и васоевичи, несмотря на то, что имѣютъ просторное теплое отдѣленіе, проводятъ большую часть времени около огня или на галереѣ (диванана). Черногорцы другихъ мѣстностей, особенно катуняне, презираютъ теплыя каморы васоевицкихъ домовъ, приписываютъ имъ вредное вліяніе на здоровье вслѣдствіе спертости воздуха и большую нечистоту, такъ какъ въ теплѣ больше плодятся всякаго рода паразиты. И въ этомъ случаѣ они правы, потому что просушка мокрой и грязной обуви надъ горячею печью въ этихъ плотно закупоренныхъ комнатахъ вмѣстѣ съ инспекторачіями людей производитъ ужасно затхлую атмосферу, въ которой свѣжему человѣку невыносимо находиться. А для паразитовъ, особенно для клоповъ, обыкновенно на зиму замирающихъ, здѣсь настоящая теплица, и они кишмя кишатъ въ щеляхъ деревянныхъ стѣнъ и половъ, тогда какъ въ простыхъ каменныхъ домахъ, безъ каморъ, ихъ не имѣется и среди лѣта.

Сказать правду, благоустроенные черногорскіе дома изобилуютъ этимъ паразитомъ больше, чѣмъ простые, стоящіе прямо на землѣ и безъ теплыхъ отдѣленій. Чистота далеко еще не вошла въ жизненную потребность массы черногорцевъ, и потому они и въ благоустроенныхъ домахъ живутъ по старому, не наблюдая должной чистоты и порядка. И въ этомъ отношеніи они предпочитаютъ помѣщеніе съ огнищемъ, гдѣ господствуетъ ко-

потъ, и кругомъ гуляетъ вѣтеръ, залѣзая во всѣ щели стѣнъ и подъ крышу, инстинктивно, такъ сказать, сознавая, что такого рода дома для нихъ и здоровѣе, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удобнѣе.

Какъ ни возстаетъ противъ черногорскихъ домовъ д-ръ Милляничъ, приписывая вліянію ихъ массу болѣзней, можно сказать, эндемическихъ въ Черногоріи, тѣмъ не менѣе черногорецъ еще долго не разстанется съ этимъ типомъ дома, который созданъ подъ вліяніемъ условій его жизни и сообразуется съ его характеромъ, степенью культуры и со всѣми потребностями его жизни. Огнище, какъ мы замѣтили выше, вошло, такъ сказать, въ его религиозный культъ, и въ то же время надъ нимъ онъ сушитъ и коптитъ мясо или рыбу; надъ нимъ же устраниваются склады всякаго зерна, которое тамъ безопасно отъ сырости, плѣсени и всякой порчи; стропила, на которыхъ держится крыша, и балки, служащія для связи стѣнъ и для помоста въ родѣ потолка, пропитываясь дымомъ, дѣлаются тверже, не гниютъ и не страдаютъ отъ червя. Весь промокшій подъ дождемъ, черногорецъ, придя домой, не перебѣняетъ одежды, а только согрѣваетъ то ту, то другую промокшія ея части, и это дѣйствуетъ, какъ согрѣвающій компрессъ, и отчасти предотвращаетъ ревматизмъ. А главное, какъ ни загроможденъ черногорскій домъ, въ немъ всегда полная вентиляція, и вы никогда не найдете удушливой атмосферы. Кромѣ дыму, вы не чувствуете никакого смирада. Всевозможныя каморы, согрѣваемые глиняною или желѣзною печью, или мангаломъ, несравненно нездоровѣе, чѣмъ просто кутя безъ пола и потолка, гдѣ вы согрѣваетесь только подлѣ костра, поднимающаго пламя подъ крышу и усиливающаго токъ и постоянный обмѣнъ воздуха внутри дома и внѣ его. Да и не сидитъ черногорецъ много въ домѣ: онъ вѣчно на дворѣ, чуть только перестанетъ непогода, особенно дѣти, чобаны и чобанки, большую часть года бродятъ со своими стадами; не говоря уже о катунахъ, гдѣ они проводятъ все лѣто, впивая въ себя самый здоровый воздухъ горъ и лѣса.

При отсутствіи со всѣхъ сторонъ закупоренныхъ и постоянно теплыхъ комнатъ, черногорець не разнѣживается и не чувствуетъ рѣзкой разницы между температурою дома и внѣшнею. Когда ложатся спать, на огнищѣ не пылаетъ огонь, который могъ бы распространять вокругъ теплоту, а оставляется только жаръ, присыпанный сверху золой, чтобъ онъ сохранился до утра (это называется — *запретати*); и спящіе согрѣваются только собственной теплотой, сохраняемой подъ разнаго рода покрывалами.

Въ Черногоріи очень много накожныхъ болѣзней, вслѣдствіе множества паразитовъ, которыми полна атмосфера южныхъ странъ, и эти болѣзни приняли бы безъ сомнѣнія болѣе интенсивный и заразительный характеръ, еслибъ черногорцы жили въ болѣе теплыхъ и закупоренныхъ жилищахъ. Такъ болѣзнь *буанцы* (*engelures*) въ простыхъ сельскихъ домахъ почти не бываетъ; а въ болѣе благоустроенныхъ, такъ называемыхъ господскихъ домахъ часто поражаетъ одинаково дѣтей и взрослыхъ и дѣлается повальнойю. Правда, это показываетъ, что и такъ называемые господскіе, благоустроенные дома не вполне отвѣчаютъ гигиеническимъ условіямъ. Такъ въ женскомъ институтѣ на Цетинѣ эта болѣзнь свирѣпствовала; а въ настоящее время, когда директриса С. П. Мертваго предприняла мѣры противъ сырости и холода, ся почти нѣтъ н.п., если появляется, то въ весьма мягкой формѣ.

Но нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что Черногорія не имѣетъ своихъ мастеровъ, а пользуется такъ называемыми *маранунами* изъ сосѣднихъ странъ, Далмаціи и Италіи, которыя, конечно, лучшихъ мастеровъ удерживаютъ дома, а отпускаютъ только менѣе искусныхъ или съ какимъ-нибудь порокомъ; поэтому въ Черногоріи даже богатые люди едва въ состояніи добиться благоустроенности въ своихъ домахъ. Большая часть этихъ домовъ требуетъ поправки крышъ почти ежегодно, и тогда все-таки во время сильныхъ дождей является течь; крупа и снѣгъ часто забиваются подъ черепицу и, оставаясь на по-

толкѣ таютъ и вода протекаетъ внутрь. Стѣны такія, что дождь, бьющій въ нихъ сбоку, проникаетъ тоже внутрь дома. Отсюда вѣчная сырость, отъ которой зарождаются ревматизмы и другія болѣзни. Все это конечно приписывается влажности климата; но что же влажнѣе климата Петербурга, который весь стоитъ на водѣ и купается въ туманахъ; а между тѣмъ и въ немъ устраиваются сухіе дома. Все дѣло заключается въ плохой постройкѣ, что зависитъ отчасти отъ неумѣнія или недобросовѣстности мастеровъ, а отчасти отъ плохого матеріала, въ выборѣ котораго руководятся больше его дешевизною, чѣмъ добротою. Нужно при этомъ замѣтить, что, кромѣ камня и извести, весь матеріалъ привозится изъ-за границы; даже доски и балки, при своихъ лѣсахъ, привозятся изъ Триеста или Фіуме; лучшая черепица — изъ Италіи; иногда дверные и оконные косяки изъ Корчулы.

Отсутствіе домашней индустріи дѣлаетъ такія постройки слишкомъ дорогими и недоступными для простаго человѣка; да и не умѣетъ черногорецъ хорошо устраиваться въ этихъ новыхъ домахъ; а потому господствуетъ и долженъ еще на долгое время господствовать въ Черногоріи описанный нами типъ простыхъ черногорскихъ домовъ, которые по нашему мнѣнію, больше удовлетворяютъ гигиеническимъ условіямъ и потребностямъ жизни черногорца, чѣмъ многіе дома Цетинья и другихъ городовъ, въ которыхъ часто встрѣтите больше ненужной роскоши, чѣмъ настоящихъ удобствъ.

Чистота однако и благоустроенность все больше и больше входятъ въ жизнь и потребность черногорца. Для иностранцевъ теперь есть уже въ Черногоріи гостиницы ни въ чемъ не уступающія таковымъ въ Далмаціи; но больше всего подтверждаютъ это мелкія корчмы въ городахъ, служащія своимъ же черногорцамъ. Часто въ нихъ нѣтъ дощатаго пола, кровати устроены изъ ящиковъ изъ-подъ какого-нибудь товара, столъ кое-какъ сколоченъ своимъ домашнимъ мастеромъ самоукомъ; но полъ чисто выметепъ, на кроватяхъ чистое бѣлье, по стѣнамъ полки

съ чистою посудой, та же чистота и въ маленькой кухонкѣ. Проходя мимо нихъ вечеромъ, когда онѣ внутри освѣщены, вы черезъ окна можете любоваться ихъ приятнымъ видомъ; а если придется въ такихъ корчмахъ имѣть квартиру, то можете быть увѣрены, что все будетъ чисто, а простая однообразная, пища будетъ вкусно изготовлена и питательна. То же самое все больше встрѣчается и въ сельскихъ домахъ, при чемъ всегда замѣчается, что чистота господствуетъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ хозяйка, а иногда и одна изъ снохъ, родомъ изъ мѣста, наблюдающаго чистоту, какъ Цеклинъ, Цермница и др.

6. Внутренняя обстановка дома; способы отопления и освѣщенія; домашняя утварь, посуда и орудія.

Простотѣ и, такъ сказать, первобытности устройства черноморскаго дома вполне отвѣчаетъ и вся его внутренняя обстановка. Начнемъ съ огрѣванія дома.

Мы знаемъ уже, что такое огнище; посмотримъ теперь, какимъ способомъ добывается огонь и разжигаются дрова.

Въ настоящее время всюду распространяются фосфорныя спички (*сумпораде, фульмине или фульминанте, кресавице, тмбрит, наидроца и др.*); а прежде единственнымъ источникомъ огня были кремень и огниво, искра отъ которыхъ зажигала трутъ, добываемый съ буковаго дерева. Чтобы разжечь пламя употребляли сухую траву или листья, а иные приготовляли и сѣрные спички. Прибѣгаютъ также къ добыванію огня посредствомъ тренія (извіянье огня), впрочемъ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; а есть и особенный способъ этого добыванія огня, къ которому прибѣгаютъ, какъ къ врачебному средству. Это дѣлается такъ.

Берутъ двѣ доски и укрѣпляютъ ихъ въ землѣ одну противъ другой; затѣмъ берутъ палку сосновую или еловую; съ одного конца еѣ немного просверливаютъ и въ отверстіе набиваютъ пороху, который сверху забивается кускомъ трута; потомъ

этотъ же конецъ заостряютъ и приготовленную такимъ образомъ палку вставляютъ между досокъ концами въ продѣланныя въ нихъ не насквозь дырочки. Посредствомъ веревки двое вертятъ эту палку туда и сюда, отчего порохъ вспыхиваетъ и заостренный конецъ загорается. Это служитъ для лѣченья, когда обметаешь губы или носъ, или когда появятся болячки по всему тѣлу. Тогда даютъ палкѣ немного погорѣть, чтобы образовались угли, которые собираютъ, растираютъ съ масломъ или саломъ и мажутъ болячки. Если болячки по всему тѣлу, тогда проводятъ больного между двумя досками, и все пройдетъ. Самый лучший огонь, т. е. самый цѣлебный, если палку вертятъ два двоюродныхъ брата.

Добывши огонь, какимъ бы то ни было способомъ, чтобы раздуть пламя, имѣется особенное орудіе, называемое *нѹхалица* (*нѹхати* — дуть): это желѣзная трубка, большею частью изъ испорченнаго ружейнаго ствола. Для выгребанія жара, когда нужно на немъ что-нибудь испечь или поставить кофейникъ, служитъ небольшой желѣзный крючокъ (бжега) въ родѣ нашей качережки; а чтобы ворочать дрова, всегда находится палка — *тракач*, которая особенно употребляется на Божигѣ (Рождество), когда около огня не должно быть ничего желѣзнаго.

Для согрѣванія отдѣльной комнаты, употребляется жаровня (мангал* или тѣгар). Для этого есть особенный желѣзный сосудъ, или употребляютъ желѣзный сачъ, которымъ покрываютъ хлѣбъ въ *ирепуль* (о нихъ послѣ). Этотъ сосудъ съ жаромъ ставится или просто на землю, или на желѣзный треножникъ (*саджай*, *тигонь*, *трельель*).

Общее названіе всякаго рода освѣщенія—*свѣтак*. Для этого въ настоящее время служитъ керосинъ (*петролей*, *газ*) въ маленькихъ жестяныхъ лампочкахъ. Прежде же жгли сало, обмочивши

*) Въ Монголіи — это яма близъ огня, въ которую на ночь сгребаютъ жаръ и засыпаютъ пескомъ, вслѣдствіе чего онъ, не перегорая скоро, даетъ теплоту во всю ночь и сохраняется до утра. По-монгольски — *галъ* — огонь, а *манулу* — сохранять.

въ него подотняную тряпку въ родѣ фитиля и на деревянной подставкѣ въ родѣ русскаго ночника — *лукиерна* (малорос. *казанец*). Иные сами приготовляли или покупали сальныя свѣчи или въ особенныхъ случаяхъ жгли и восковыя свѣчи, тоже домашняго приготовленія. Приготовление восковыхъ свѣчей весьма просто: растапливаютъ въ какомъ-нибудь плоскомъ сосудѣ воскъ и потомъ протягиваютъ сквозь него фитиль нѣсколько разъ, смотря по тому, какую толщину должна имѣть свѣча.

Для освѣщенія какого-либо темнаго угла на короткое время, чтобы, напр., пойти въ канобу или подрумъ, употребляется лучина (*луч*) изъ горной породы сосны, содержащей въ себѣ много смолы, служащая также для разжиганія дровъ въ печи и углей въ мангалѣ.

Въ городахъ, особенно гдѣ есть турки, употребляется фонарь (Ферад, Феньер, лантерна). *Луч* — служить и для ловли рыбы остью (у насъ — *подсѣть*); онъ же употребляется и для освѣщенія дороги; для той же цѣли служить родъ факела (*зубля* или *зубья*); это дубовая палка почти въ руку толщины, одинъ конецъ которой камнемъ измолотятъ такъ, что онъ весь измочалится, затѣмъ высушатъ, и палка горитъ такъ сильно, что и вѣтеръ не задуваетъ.

Для очистки двора употребляется метла изъ прутьевъ, иногда съ листьями; поэтому въ пѣснѣ говорится:

«Да брѣшемо *пером* дворе» т. е. листомъ съ дерева.

Въ домѣ употребляется вѣникъ тоже изъ мелкихъ прутьковъ и еще изъ растенія *грчица* (*centaurea*); и онъ называется также *метла*.

Металлическую посуду чистятъ особенною травой (*дренак*).

Для сидѣнья, какъ мы уже упоминали, устраиваются каменные скамейки въ собственной кутьѣ (*мижули*) противъ огняща и вѣѣ дома, въ родѣ нашей заваленки; въ деревянныхъ домахъ ставятся вокругъ стѣнъ, особенно въ теплой каморѣ деревянные скамьи (*сжем.іе лаве, лавице*). Чтобы сидѣть ближе къ огню, служатъ маленькія скамеечки на трехъ ножкахъ (*столице*). Въ Пивѣ такая скамеечка съ невысокою круглою спинкой —

называется *сто*. Почти въ каждомъ домѣ находится деревянное кресло круглое съ такою же спинкой (*наслоняч* или *наслоняча*) въ вышину до 25 сантим. и съ перильцами для рукъ, чтобы облокотиться, или четверугольное со спинкою высотой до головы и тоже съ перильцами для рукъ. Отъ пола высота незначительная — 30—35 с. Кресла эти домашней работы, иногда украшены фигурною рѣзбой и называются: *узложити столаи*, *столовач* или *столовак*. На немъ обыкновенно сидитъ старшій членъ семьи или почетный гость. За недостаткомъ мебели садятся на камень или на какой-нибудь обрубокъ, покрывши струкой или просто на полу, скрестивши подъ себя ноги.

По стѣнамъ устраиваются полки (*полице*, *равиче*, *равови* или *рафови*, *шканѣе*); всегда почти подъ черепомъ устраивается всякая полочка, на которую ставится молоко. Большая, широкая полка вдоль всей почти стѣны въ самомъ домѣ и внизу, въ пзбѣ — въ Дробнякахъ называется *атула*; на ней ставятся болѣе тяжелые и громоздкіе предметы. Въ одномъ изъ угловъ, тамъ, гдѣ огонь, находится четырехугольное корытце съ дномъ нѣсколько уже, чѣмъ вверху, и на ножкахъ: это *начое*, гдѣ мѣсятъ хлѣбъ.

Въ Дробнякахъ вдоль стѣны со входа въ двери находится *пресък*: это закромъ для храненія муки и жита, прикрѣпленный къ стѣнѣ. Въ Васосвичахъ также при стѣнкѣ у заднихъ дверей устраивается нѣчто подобное и называется *долан*; въ немъ нѣсколько отдѣленій: одинъ ларь для муки, другой для печенаго хлѣба, картофеля, помѣщеніе для посуды и сверху *начое*.

Въ Катунской нахѣ, гдѣ нѣтъ въ близкомъ разстояніи водяныхъ мельницъ, непремѣнную принадлежность дома составляетъ ручная мельница (*млин*, *ждроань*). Устройство ея очень просто. Выкладывается гдѣ-нибудь близъ стѣнки каменное четырехугольное возвышеніе; на немъ устанавливается дощатый помостъ съ небольшими закрапками, на которомъ и помѣщаются два небольшихъ жернова — одинъ неподвижный, а другой на оси и съ отверстіемъ посрединѣ, куда сыплется зерно, и съ

деревянную ручкою на краю, за которую вертятъ. Въ закраинѣ доски сдѣлано отверстіе, черезъ которое мука сгребается внизъ въ какой-нибудь сосудъ.

У насъ въ Россіи первое мѣсто въ меблировкѣ дома составляетъ столъ, занимающій всегда красный уголъ подъ образами; въ черногорскомъ домѣ онъ далеко не играетъ такой роли. Часто ѣда происходитъ безъ всякаго стола: постеляютъ какой-нибудь мѣшокъ или струку, и это замѣняетъ столъ; но есть столъ (*софра*) круглый отъ 50—75 с. въ діаметрѣ на низенькихъ ножкахъ, такъ что вокругъ него садятся на полу, скрестивши подъ себя ноги. Онъ обыкновенно, когда не нуженъ, виситъ на стѣнкѣ, для чего въ одномъ краю придѣлано отверстіе и вѣта веревочка. Въ домахъ, приближающихся къ общеевропейскому типу, конечно, есть столы, какъ и вездѣ, за которыми сидятъ на стульяхъ или высокихъ скамейкахъ. Названія такому столу: *трпеза* или *таволин*, и рѣдко *сто* или по-сербіянски *астал*.

Въ турецкихъ домахъ тотъ же типъ круглаго низкаго стола, но ббльшаго размѣра и называется тоже *софра* и *синія*; послѣднее, собственно, относится къ большому металлическому блюду, которое покрываетъ собою весь столъ.

Для храненія платья и различной рухляди служатъ сундуки (*скриня*, *сепет*, *сандук*), домашней работы или покупаемые за границей, а главнымъ образомъ въ Скадрѣ: размалеванные, на ножкахъ въ родѣ львиныхъ лапъ, запирающіеся внутреннимъ замкомъ (*брава*) или внѣшнимъ въпячмъ (*катанац*). Часто роль сундуковъ исполняютъ ящики, въ которыхъ когда-то были ружейные патроны. Между этими сундуками выдѣляется *двооячка скриня*, принадлежащая дѣвушкамъ, которая складывается въ нее свое приданое: все, что сработаетъ сама, или что ей подарятъ.

Есть еще сундучокъ (канавета), въ которомъ хранятся двѣ бутылки: одна ракіи, другая — вина, табакъ, купленный на базарѣ или что-нибудь изъ лакомства, и тамъ же узелокъ съ деньгами. Кроме того, есть различныя корзинки и плетенки (крошне, котарице, зимбилъ), мѣшки (вретье) и т. п.

Для сна устраиваются кровати, тоже домашняго издѣлія, иногда просто дощатый помостъ на четырехъ сохахъ; но большинство, какъ мы уже говорили, спитъ прямо на полу.

О колыбелькѣ, также составляющей необходимую принадлежность внутренней обстановки дома, мы уже говорили (гл. IV, стр. 317); добавимъ еще, что къ дугѣ надъ нею (*лучац*) обыкновенно привязываютъ погремушки (*прапор*, *прапорич*). Наконецъ нѣкоторые устраиваютъ для ребенка родъ станка съ колесцами подъ четырьмя ножками, въ которомъ ребенокъ учится держаться на ногахъ и ходить (*дубац* или *стояница*).

Непремѣнно должно находиться въ домѣ корытце для мытья бѣдья, а иногда для обмыванія ребенка (*копаня*, *шкип*) — длиною до 1½ м., а шириною до ½ м. За этимъ слѣдуютъ различные сосуды для ношенія и содержанія воды или молока, для приготовленія на зиму запасовъ капусты и др. овощей, для приготовленія кушанья, для ѣды и питья и т. д.

Воду носить изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ въ боченкѣ, длинномъ и сплюснутомъ съ двухъ сторонъ, чтобы онъ плотнѣе прилегалъ къ спинѣ (*брема*, *бременица*, *товарія*); а иногда его носить на головѣ. Изъ колодезей черпаютъ воду котелкомъ красной мѣди, луженымъ внутри (*ситъ*, *руменджа*) и съ дужкой, къ которой привязывается веревка для спуска въ глубину. Для ношенія же воды служить и кадушка около двухъ нашихъ ведеръ, суженная кверху, чтобы меньше плескалась вода (*каца*); её носить на головѣ, подложивши кругъ, смотанный изъ тряпки. Носить также, если вода близко и можно прямо зачерпнуть, въ ведеркѣ въ родѣ нашей шайки съ однимъ ушкомъ (*штрула*); въ нее же доить молоко. Есть еще сосудъ *дѣбанъ*, то же, что нашъ жбанъ, съ носикомъ при днѣ, поднимающимся не совсѣмъ до верха сосуда, такъ что если сосудъ полонъ, то всегда бьетъ фонтаномъ; черезъ этотъ носокъ (*пина*) и пьютъ. Есть жбанъ и другой формы съ носочкомъ на самомъ верху (*бѣца*), служащій для содержанія молока или вина. Молоко для приготовленія сыра предварительно варится въ котлѣ и разливается въ широкія и

плоскія корытца или лотки (*картице*). Ихъ долбятъ изъ ольхи или изъ липы; а также изъ особенной породы горной сосны (чешлика, дивли бор); всякая посуда, сдѣланная изъ этого дерева, отличается прочностью.

Есть еще деревянный сосудъ величиной съ нашу кружку изъ трости и съ обручами, но не круглый, а съ боковъ немного сжатый (*дебе*); въ него собираютъ пѣнки съ молока.

Масло бьютъ въ кадучечкѣ, книзу не много расширенной (*стан*); палка, которою сбиваютъ (*метьянца*) на нижнемъ концѣ снабжена кружкомъ (*орчка*).

Есть еще деревянные круглыя долбленныя чаши (*огаи*), въ которыхъ держать муку, тѣсто, молоко и т. п.

Въ кадучкахъ различной величины (*бадань*) гѣтомъ держать кукурузу, фасоль, пшеницу и др., а на зиму въ нихъ квасятъ капусту; для соленья и квашенья огурцовъ, стручковаго перцу, помидоровъ и т. п. употребляются кадучечки меньшихъ размѣровъ (*кадуч*).

О сосудахъ для вина скажемъ въ отдѣлѣ винодѣлія.

Часто носятъ воду въ жестянкахъ изъ-подъ керосина (*лама*, *мѣтара*).

Для вытягиванія вина изъ бочки вмѣсто ливера служить кубышка съ чрезвычайно узкимъ и длиннымъ горлышкомъ (*мателач*, *хайдук*); а иные употребляютъ ливерь жестяной и стеклянной. Переливаютъ вино или ракію въ другой сосудъ съ узкимъ горлышкомъ посредствомъ деревянной или жестяной воронки (*пирія*, *лакомица*).

Много сосудовъ различной формы и съ различными названіями для питья воды и вина. Самый обыкновенный сосудъ въ домѣ — жестяная кружка различной величины (*коната*, *сафа*); тоже кружка, но низкая изъ мѣди или олова, массивная и съ маленькою ручкой, какъ у чайной чашки (*мас*, *ямак*, *саплак*), служитъ главнымъ образомъ въ дорогѣ, для чего дѣлается кожаный мѣшочекъ, привѣшпвающійся сбоку.

Маштрафа — жестяная или мѣдная кружка для питья вина

или воды; есть маштрафы старинныя фамильныя серебряныя съ рѣзбою или филиграномъ. Специально для умыванья служить *рукомія*, сосудъ металлическій въ родѣ кувшина какъ *ибрик*.

Въ Васоевичахъ извѣстенъ *кондир*—кружка изъ жести или мѣди въ 3 оки съ большою ручкой. Въ Печи и другихъ мѣстахъ Старой Сербіи онъ служитъ мѣрою при продажѣ вина или ракіи.

Для питья воды служитъ также жестяной или мѣдный луженый ковшъ съ длинною ручкой (*чешчя*, *чоружда*), а иногда деревянный и съ искусно вырѣзанною ручкой (у Васоев. *чаша*).

Въ Катунской нахіи часто встрѣчается родъ деревяннаго бокала съ рѣзбою для питья вина или воды (*кутэ*, собств. *кутао*, род. пад. *кутма*).

Ракію пьютъ рюмкой или маленькимъ стаканчикомъ (*чашница*, *срча*, *жмуль*).

Стеклянный стаканъ называется *чаша* или *путыр*.

Кофе пьютъ или изъ круглой фарфоровой массивной чашечки безъ ручки (*фильджан*) или съ ручкою (*цикара*)*).

Есть наконецъ еще деревянный долбленный сосудъ для вычерпыванья воды изъ лодки или для сыпучихъ тѣлъ, какъ кофе, мелкій сахаръ, рисъ и т. п., то же, что у насъ черпакъ, совокъ (*испон*, *испод*, *исполаци*, *паль*).

Для печенія хлѣба служатъ *ирепуля* и *сач*, о которыхъ скажемъ ниже. Для кипяченія воды или молока и вообще для варенія мяса и чего бы то ни было въ большомъ количествѣ служитъ котель (*казан*, *котао*), который постоянно виситъ надъ огнищемъ. Въ родѣ его, меньшаго объема и нѣсколько суженный кверху, такой же металлическій сосудъ и служащій для той же цѣли — *пинята*.

Когда варятъ какое-либо кушанье, его мѣшаютъ большою

*) *Цикара* же называютъ и изоляторъ на телеграфномъ столбѣ; только васоевичи называютъ его — *чашница*.

ложкой съ длинною ручкой (*варайца, варлайца*), какъ нашъ половникъ.

Если нужно сварить что-либо наскоро и въ небольшомъ количествѣ, то берутъ особенный сосудъ мѣдный, внутри луженный съ ручкой *рукатка*, а иные называютъ его по-италіански *bronzino*. Такой же сосудъ можетъ быть и глиняный. Варятъ также и въ горшкѣ (*лоначи*).

Сваренное жидкое кушанье выливаютъ или въ жестяное круглое блюдо (*сахан*), въ глиняное обливное блюдо (*блюдва*) или въ такую же миску (*тъяса*). Въ Васоевпчахъ употребляется еще небольшая миска — *калѣница* (привозятъ изъ Бѣлопополя).

Ножъ, служащій черногорцу въ войнѣ, исполняетъ свою пзвѣстную службу и въ домашнемъ обиходѣ: имъ разрубаются баранья туши; а для разрубанія болѣе мелкихъ частей служить особенный ножъ съ расшпиріемъ на концѣ и съ закругленіемъ лезвья (*касатур, скобла*). Женщины, кромѣ того, носятъ на поясѣ маленькій ножикъ въ роговой колодкѣ (*каба*). Маленькій ножъ въ деревянныхъ, обтлпнутыхъ кожей ножнахъ для пошенія на поясѣ мужчинамъ, также служащій въ домашнемъ обиходѣ называется *бритава*, потому, вѣроятно, что имъ же при случаѣ и брѣются. Оттуда и складной ножъ называется *бритоулин*, а для перьевъ сверхъ того по-италіански *темперин*.

Жидкое кушанье ѣдятъ деревянными или оловянными ложками (*ожца, кашника*); а твердое просто руками или вилкой (*вилюшка, пирун, пантанур*).

Жарятъ мясо на вертелѣ (*спница, ражань*); а иные пмѣютъ для того небольшую на ножкахъ желѣзную рѣшетку (*градеи*).

Кофе жарятъ или просто на желѣзной лопатѣ, или въ барабанѣ (*долан*); а мелютъ въ особенной для того мѣдной мельницѣ (*млин, ооденица*). Варятъ его въ маленькомъ жестяномъ сосудѣ съ ручкой (*джезевца*).

Для помѣщенія ложекъ, а также столовыхъ ножей и вилокъ, если таковые пмѣются, устраняется особенный сосудъ, сплетенный изъ тонкихъ прутьевъ въ родѣ кошеля съ поперечными

перегородками, за которыя и задѣваются ложки. Это — *ожичняк* и висятъ онъ на стѣнкѣ.

Есть еще плоское мѣдное или жестяное блюдо (*тепсія*), въ которомъ пекутъ особенное кушанье — *питу*.

Для соли служить деревянная солонка въ родѣ нашей (*сланица*), которая вѣшается на стѣнкѣ, а также въ родѣ чаши или большой рюмки. Иныя имѣють для того цѣлый приборъ въ родѣ нашихъ судковъ, гдѣ находятся соль, уксусъ, перецъ, оливковое масло (конча).

У городскихъ жителей въ употребленіи для глаженія бѣлья утюгъ (утія, сунреш) со вкладываемою внутрь нагрѣтою чугуною плиткой (дѹша).

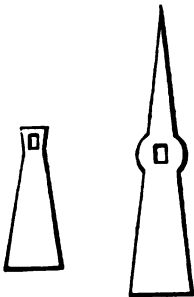
Во всякомъ почти домѣ по потребности пекутъ просфору, чтобы понести въ церковь или для крестнаго имени; только та просфора (*проскура*, *летурдія*) несравненно большихъ размѣровъ, чѣмъ наша, въ формѣ нашего обычнаго круглаго хлѣба, а сверху подобающее изображеніе вытискивается особенною деревянною печатью (*пюча*). Есть проклятіе: «да му пропадне плоча, на кою летурдію пече».

Непремѣнную принадлежность въ домашнемъ обиходѣ составляетъ мѣхъ (*мѣхъ*, *мѣшина*). Это — кожа, содранная съ барана цѣлкомъ, вскрытая только отъ головы; съ нея состригаютъ только или сбивають шерсть, даютъ нѣсколько просохнуть и сосудъ готовъ. При наполненіи жидкостью завязываютъ только отверстія на конечностяхъ ногъ. Въ нихъ посятъ вино, ракію, оливковое масло, а иногда ихъ же наполняютъ скоруномъ (родъ масла) и другими молочными скошами. Впрочемъ, для послѣдняго больше служатъ бараній же или бычачій пузырь.

Кромѣ орудій, употребляемыхъ исключительно для обработки земли, о которыхъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, въ каждомъ домѣ непремѣнно должны быть топоръ (*слжира*) и ко-

сіер — кривой ножъ, насаженный на длинную рукоятку. Обыкновенный домашній топоръ не широкій, но болѣе массивный и служитъ для срубанія болѣе толстыхъ деревьевъ, раскальванія бревень и разрубанія на куски и т. п. Въ отличіе отъ этого есть плотничій топоръ (*брадва*) болѣе широкій внизу и болѣе тонкій, служащій главнымъ образомъ для обтесыванія бревень или досокъ и вообще для отдѣлки. Косіеръ же служитъ для рубки кустарника, иногда очень колючаго, такъ что его не только нельзя придержать рукой, но и приступиться къ нему; а затѣмъ имъ же рубятъ вѣтви деревьевъ для корма скоту и даже не очень толстыя деревца, колья, которыя имъ же обтесываются и заостряются. Нужно ли перерубить полѣно, сдѣлать клинъ, деревянный гвоздь и вообще какую-либо мелкую подѣлку, — все это дѣлается съ помощью косіера, такъ что онъ употребляется больше, чѣмъ топоръ, и чобанъ, отправляясь со стадомъ на паству, всегда имѣетъ его при себѣ, заткнувши за поясъ, какъ ножъ; имъ пользуется одинаково и женщина; если ужалить въ палець змѣя, имъ же ужаленный и отрубаетъ тотъ палець.

Есть еще два орудія, которыя употребляются и при обра-

Цапица.

Казма.

боткѣ земли, по также необходимы и вообще при домѣ; это — родъ кирки — *цапица* или *трюнок* (п *црнокопица*) и *казма*. Первая съ однимъ, расширеннымъ къ низу острымъ концомъ, вторая сверхъ того имѣетъ и другой конецъ совершенно острый, какъ гвоздь. Оба эти орудія служатъ для первоначальной разработки плотной каменной почвы; а второй однимъ концомъ специально для разбиванія камней, въ то время какъ другой конецъ представляетъ собою цапицу; вообще онъ тяжелѣе и массивнѣе. Оба эти орудія также часто требуются и при домѣ; все равно какъ и мотыга (*мотика*). Гораздо меньше употребляется желѣзная лопата (*тюрск*, *пала*) или заступъ.

Съ помощью топора и ножа или косіера черногорецъ устраиваетъ всю внѣшнюю и внутреннюю обстановку дома: кровать, скамеечки, круглые столы, кресло и т. д., иногда прибѣгая къ помощи бурава (*свердао*), долота (*длето*) и небольшой пилы (*пила, шеа*), которыя имѣются, конечно, далеко не въ каждомъ домѣ. Распиливаютъ иногда они сами бревна на дрова и самыя дрова на болѣе мелкія полѣнья, устраивая пилу въ особаго рода станкѣ или козлахъ (*кросне*); но, если требуется работа большою пилой (*пила, шеа, шара* и отсюда глаголы: *распилати, расшарати*), напр. распилить толстое дерево поперекъ или на доски, то приглашаются всегда пильщики (*шешачи*) изъ старой Сербіи и Дибры.

Есть, изобилующія лѣсомъ мѣстности, жители которыхъ славятся, какъ древодѣлы, таковы: Бѣлоши близъ Цетинья, оравчане въ Кучахъ, многіе между васоевичами, пивлянами, дробилками и др. Они дѣлаютъ чашки, ложки, корытца разнаго рода, боченочки, кадушечки, гусли, формы для печенія просфоръ, табачницы и т. п., и дѣлаютъ иногда очень изящно, украшая вещь рѣзьбою. Въ Пивѣ, напр., славится этимъ Олица Благоевичъ изъ Дубы, въ Пѣшивцахъ М. С. Лѣшковичъ, въ Тренчахъ П. Н. Самарджичъ, Миланъ Вуксанъ изъ Цермшницы, особенно знаменитый, и др., работу которыхъ можно послать на любую выставку.

Для производства сосудовъ долбленыхъ, какъ корытца, чашки, ложки, имѣется особенный инструментъ въ родѣ круглой желѣзной ложки съ острыми краями (*узубач, шлед, проспк*).

Всѣ измѣренія при этомъ производятъ пядью (*пед*) или топорщикомъ (*држаллица*), которое обыкновенно бываетъ въ 4 пяди (80—90 сантим.). Въ послѣднее время все больше и больше распространяется складной метръ.

Въ числѣ обычныхъ домашнихъ орудій находится: *такмак* — большой деревянный молотъ, колотушка и небольшой желѣзный — *чекич*; а иногда вмѣсто молота употребляется просто обрубокъ, кое-какъ обтесанный (*матрак*; то же названіе даютъ и человѣку, отличающемуся физическою силой); *туцанъ* — круг-

лый обрубокъ, служить для расправленія шапки, какъ на болвангѣ, а также и для сидѣнья. Кое-гдѣ встрѣчается еще *тюлумах* — тонорикъ, на обратной сторонѣ котораго родъ молотка; собственно въ старину это было и боевое орудіе.

При постройкахъ употребляютъ еще нѣкоторые инструменты, также хорошо извѣстные всякому черногорцу и часто имъ употребляемые. Такъ для струганія досокъ употребляется настругъ (*бланиа, ренде*); для измѣренія медкихъ дѣлений и для круговыхъ линий употребляютъ циркуль (*шестиа*, такъ называющійся по тому, что радіусъ укладывается по окружности 6 разъ; въ другихъ мѣстахъ называется *чан*); для удержанія перпендикулярнаго положенія служатъ отвѣсы на шнуркѣ (*туня* *). Для штукатурки и вообще для замазки щелей известкой всегда имѣютъ особую лопаточку (*мистрія*). Извѣстенъ имъ также и водяной уровень, ватернасъ. Отлично они умѣютъ своими средствами проинвентировать мѣстность для проведенія дороги или воды. Но лучше всего производятъ каменные работы, въ которыхъ употребляютъ кирку (*казма*), буръ (*бурія*) для сверленія камня, чтобы отверстіе наполнить порохомъ и взорвать камень (*минати, лагумати*), ломъ (*тюзкія*), чтобы потомъ разваливать.

Стояны Новаковичъ въ сочиненіи «Тара Србска Војска» говорятъ о постройкѣ *градовъ*, и при этомъ упоминаетъ, какъ о мучительной работѣ, о способѣ переноски камней на разстояніе нѣсколькихъ километровъ такимъ образомъ: на всемъ этомъ протяженіи разстанивается весь народъ и передаютъ камни изъ рукъ въ руки одинъ другому отъ мѣста, гдѣ ихъ берутъ до мѣста постройки (стр. 145). Такимъ же образомъ, говорятъ, перенесены были камни изъ Діоклея въ Подгорциу, когда турки тамъ строили градъ. Этотъ способъ черногорцы практикуютъ до сихъ поръ. Когда при раскопкахъ Діоклея требовалось скоро

*) То же самое и часть леси у удочки съ грузиломъ, между этими послѣдними и поплавкомъ

разбросать громадную кучу камней, чтобы очистить мѣсто, то рабочіе всегда прибѣгали къ этому способу — *рука руми*, становясь иногда въ два ряда. Дѣло шло очень быстро, а въ то же время несравненно легче, чѣмъ каждому взявши камень, нести, хотя бы и не на далекое разстояніе, и вмѣсто отдыха при проходѣ обратно безъ тяжести, здѣсь работающій имѣетъ короткіе, но безпрестанные промежутки. Это чисто народный способъ, къ которому черногорцы прибѣгаютъ охотно.

VI.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМЪ И ОТНОСЯЩЕЕСЯ КЪ НЕМУ ДОМАШНЕЕ (ЖЕНСКОЕ) ПРОИЗ- ВОДСТВО.

Съ описаніемъ костюма мы соединяемъ домашнее производство, состоящее исключительно въ женскомъ трудѣ, съ помощью котораго происходитъ, какъ изготовленіе всей одежды черногорца, такъ и обработка самага матеріала, изъ котораго она изготовляется; начнемъ съ послѣдняго.

1. Матеріаль и его приготовленіе: шерсть, ея обработка и кра- шеніе; конопля, ленъ и шелкъ; предметы, относящіеся къ постели и чистотѣ.

Главный матеріаль составляетъ шерсть отъ собственныхъ стадъ, которую женщины прядутъ, ткнутъ, вяжутъ или шетутъ, приготовляя изъ нея такимъ образомъ различныя части одѣянія. Затѣмъ слѣдуютъ конопля и ленъ; приготовленіе изъ нихъ различныхъ тканей низведось почти на ничто, вслѣдствіе дешевизны матерій бумажныхъ, привозимыхъ изъ-за границы. Такимъ образомъ шерсть остается главнымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для домашняго производства.

Шерсть различается: снятая со старыхъ овецъ цѣлымъ

руномъ (*суна, руно*) и *ярина* — съ молодыхъ овецъ, клочками, мелкая, не дающая полнаго руна.

Первая — всегда расчесывается двумя гребнями съ зубьями изъ желѣзныхъ пластинокъ; а вторую — бьетъ шерстобитъ (*дрндар, тресач*) въ томъ самомъ родѣ, какъ и у насъ шерстобиты, большею частію странствующие *).

Приготовленную такимъ образомъ шерсть прядутъ въ продолженіе цѣлаго года. Для пряденія служатъ весьма несложный приборъ: *преслица* — въ видѣ лопаточки, при чемъ къ широкой части привязывается шерсть, а узкую, составляющую какъ бы рукоятку лопаточки, пряжа держитъ подъ лѣвою мышкой;— и *веретено*. Все это, конечно, домашняго производства. Пряденіе производится не только дома, но и въ дорогѣ. Вначалѣ, когда запрядаютъ и веретено слишкомъ легко, на нижній конецъ надѣвается кольцо изъ глины (*прилен*), чтобы веретено устойчивѣе и долѣе удерживало вращательное движеніе; иногда натыкаютъ для того картофелину или кусокъ ошелушеннаго уже кукурузнаго початка **). Съ веретенъ эта пряжа сматывается въ клубки, пока не накопится ихъ столько, чтобы можно было начать что-нибудь ткать; а часть ея разматывается съ клубковъ въ мотки на колесѣ, называемомъ *витао* или *чекрк*, напоминающемъ и нашъ приборъ, служащій для той же цѣли.

Устройство ткацкаго стана (*стан, статив* или *статива*, также — *разбой* и *натра*) въ главныхъ чертахъ такое же, какъ у насъ; но еще проще и первобытнѣе, вслѣдствіе чего каждый хозяинъ устраиваетъ его самъ, безъ помощи мастера. Вотъ его составныя части: общая рама — *стан*; валъ, на который наматы-

*) Есть еще шерсть *постриж*, которую снимаютъ съ овцы раньше общей стрижки съ заднихъ частей и подъ брюхомъ, чтобы удобнѣе было доить.

**) При раскопкахъ Дюклен мы находимъ кружки изъ кирпичной массы, очевидно, служившіе для этой же цѣли и у римлянъ; это такъ называемый *certicium*. Судя по рисункамъ, у римлянъ того же устройства было и веретено (*fusus*) и преслица (*colus*), которая при томъ, какъ и черногорская, затыкалась за поясъ съ лѣвой стороны.

вается основа, назыв. *вратило*; внизу два бруска, которые при ткачѣ перебираются ногами — *надногаче*. Затѣмъ идутъ: *нити*, *брдо* (въ бердѣ пластинки *зубаи*, *зубии*), *цѣви* (цѣвки или шпульки); челнокъ имѣетъ нѣсколько названій — *чун*, *чунак* или *метик* и вмѣстѣ съ цѣвкой — *софія* (кучи и пиперы) или *сооимья* (Цетинье).

Вообще черногорскій ткацкій стапъ занимаетъ меньше мѣста, чѣмъ нашъ, и, когда не въ работѣ, весь разбирается и складывается гдѣ-нибудь въ уголокъ. При распредѣленіи пряжи въ тканьъ наблюдается слѣдующее: *пасмо* питокъ захватываетъ въ бердѣ 30 зубцовъ, а въ одномъ зубцѣ *чисмица* — нить, иногда двойная.

Основа большею частію пятаяя и снуется внѣ дома, при чемъ растягивается на весьма длинное пространство; утокъ (*потка*) — шерстяной.

Самый простой видъ шерстяной ткани представляетъ сукно, всегда изъ бѣлой шерсти, круто сученой въ двѣ нити, довольно узкое — 15—16 пасмнѣ или широкое до 18 пасм.; длиною до 25 метровъ. Сотканное, оно свертывается въ трубку и потомъ сдается на сукновальню, воротившись изъ которой становится готовымъ матеріаломъ для производства изъ него одежды. Пояса ткуть шириною въ 9 чисмнѣ.

Есть еще ткань *раша* или *клашме*: здѣсь за основу берется шерсть въ одну нить (*куджелица*), но для этого выбирается лучшая шерсть съ длинными, крѣпкими волокнами; а утокъ — тоже шерсть *ярина*.

За этия слѣдуютъ цѣлые готовые предметы, сотканые изъ шерсти. *Поляви*, *бъль*, *зубер*: основа пятаяя, а за утокъ берется шерсть, преимущественно *постриж*, пряденая полого съ шпиками и утолщеніями, чтобы вся нить была толще, массивнѣе. Она служитъ одѣяломъ и ею свободно могутъ покрываться двое. То же самое, меньшаго размѣра и плотнѣе тканое, приближающееся къ сукну, называется *куба* (Васоев.) и *конроваи* (на Кчевѣ, вм. покровац).

Въ Васоевичахъ ткутъ изъ крашеной шерсти *ирамче* или *попяшцу*, служащую для покрытiя постели, она можетъ служить и одѣяломъ; длиною она въ ростъ человѣка; по краямъ полосы красныя и черныя, мѣстами узкiя полоски желтыя, а по угламъ такiя же клѣтки.

Тамъ же ткутъ изъ козьей шерсти *черту*, иначе называемую *покровац*: она бываетъ длиною до двухъ метровъ, а шириною нѣсколько меньше и вся въ полосахъ: рыжая, бѣлая и черная, потому что такого цвѣта шерсть козъ. Она служитъ для покрытiя отъ дождя себя и вещей, а также стелется, какъ половникъ; на ней сушатъ жито, фасоль, лукъ и въ ней же валяютъ полсть.

Въ Пивѣ и Дробнякахъ ткутъ сѣрое сукно съ примѣсью козьей шерсти (*костреть*), которая особенно помогаетъ непромокаемости матерiй, и потому изъ нея дѣлаютъ плащи съ башлыкомъ для покрытiя головы отъ дождя (*кабаница*, *копоран*). Наконецъ на томъ же станѣ работаются *струки*, при чемъ основа и утѣкъ шерстяныя; пряжа должна быть круто пряденная, только въ одну нить и при тканьи сбивается плотнѣе, чѣмъ всякая другая ткань. Такъ же ткуются и торбицы изъ различной крашеной шерсти; главнымъ образомъ полосы на ней бѣлаго, черного, красного и желтаго цвѣта.

Изъ шерсти же вяжутся на иглахъ или крючкомъ чулки, перчатки, *якета* (въ родѣ курточки), *джупелето* (женское одѣяние въ родѣ узкой рубашки, надѣваемое сверхъ нея). Изъ шерсти же валяютъ полсть (*нѹстина*) и вяжутъ веревки.

Здѣсь же кстати сказать и о крашенiи, такъ какъ красятъ исключительно только шерстяную пряжу.

Въ настоящее время завелись въ городахъ спеціальныя красильщнки, которымъ сдаютъ свои пряжу поселяне для окраски. Но это крашенье производится преимущественно только въ красную и черную краски: первая производится посредствомъ кошенили (*крмез*), которую толкутъ и, смѣшавъ съ кусочками свинца, растворяютъ крѣпкою водкой (*тъезап*), а послѣдняя производится желѣзнымъ купоросомъ (*карабоя*, *ferri sulphuricum*).

Есть и желтая краска. Эти цвѣта больше всего и требуются; требуются однако и другіе цвѣта, но въ маломъ количествѣ, поэтому красильщикъ ими и не занимается, и тутъ является въ помощь домашнее искусство. Прежде же, конечно, и все производилось домашними средствами. Для краснаго или собственно темно-краснаго цвѣта служитъ марена (*бротъ*). Желтый цвѣтъ получается изъ коры граната и барбариса; черная краска изъ желѣзнаго купороса (*чмелт*); для этого его толкутъ, распускаютъ въ чистой водѣ; потомъ берутъ воду, въ которой мыта только что снятая съ овцы шерсть (*сыра*), дадутъ ей отстояться и тогда сольютъ въ котель, вскипятятъ, положить растворенный купоросъ, и краска готова; окунуть въ нее мотокъ пряжи раз-два и онъ выходитъ совершенно чернымъ.

Это простой способъ, чему предшествуетъ только очищеніе пряжи отъ жировыхъ веществъ, производимое щелокомъ (*лун, ликсія*), который готовится посредствомъ всыпанія въ воду золы (*залужи-се*).

Рядомъ съ этимъ идутъ способы и болѣе сложные; напр. для черной краски берутъ ясенеый листь и варятъ; если же онъ сухой, то необходимо предварительно мочить его нѣсколько дней; послѣ прибавляютъ желѣзнаго купороса, и краска готова.

Потомъ то же самое разбавляютъ водой, варятъ снова и всыпаютъ квасцовъ: изъ этого выходитъ желтая краска. Если же къ этому послѣднему составу придадутъ синяго купороса, то получится темнозеленая краска. Изъ ясеневаго же листа получается и синій цвѣтъ.

Свѣтложелтая краска, получаемая изъ ясеневаго листа съ примѣсью квасцовъ (*шан, коцель*), называется *чиста, шамлена, коцеляна*.

Что касается холста, то его ткутъ еще изъ конопли, а изъ льна рѣже. Коноплю, конечно, прежде всего мочатъ, для чего имѣется такъ называемое *мочило* на рѣкѣ, на потокѣ или въ какомъ-нибудь скопленіи стоячей воды (*локос*); остальное приготовленіе не представляетъ никакихъ особенностей. Холстъ

ткется изъ конопля вѣсьма мало; а конопляная пряжа служить больше при производствѣ шерстяныхъ тканей. Ширина холста до 23 пасминъ. Изъ льна, сколько мнѣ извѣстно, только Мркоевичи и вообще въ окрестности Бара ткуть холстъ, изъ котораго шьютъ себѣ бѣлье: оно довольно толстое, но въ мытьѣ приобретаетъ лоскъ и чрезвычайно прочно, служить въ три раза долѣе, чѣмъ изъ бумажной ткани. Меньше ткуть въ Жупѣ Никшицкой, Дробнякахъ, Васоевичахъ и Пивѣ.

Хлопчатая бумага всюду вытѣсняеть коноплю и ленъ. Кромѣ бумажныхъ тканей, много расходится и пряжи бумажной. Между прочимъ въ Подгорицѣ, Барѣ и Ульцинѣ изъ бумажной пряжи, очень тонкой, но круто пряденой и потому крѣпкой, женщины ткуть тонкій и рѣдкій холстъ, иногда съ продольными или поперечными болѣе густыми полосами. Холсты эти, несмотря на ихъ тонкость, довольно прочны, и изъ нихъ шьютъ женскія и отчасти мужскія рубашки, особенно для дѣта; дѣлаютъ изъ нихъ также простыни и скатерти, вставляя между полотнищами холста полоски, плетеныя или вязаныя, бѣлыя или красныя, и полотенца съ цвѣтными полосами — желтыми и красными — по концамъ и съ различною цвѣтною же вышивкой изъ бумаги, шелка или золотомъ.

Остается сказать о шелковыхъ матеріяхъ, которыя производятся исключительно въ Подгорицѣ, Барѣ и Ульцинѣ. Въ этихъ мѣстахъ магометанки и христіанки прядутъ шелкъ и потомъ изъ него ткуть чрезвычайно тонкія матеріи, служащія для женскихъ рубашекъ, большею частію достигающихъ только до пояса, особенно для невѣстъ: матерія эта называется *бурунджукъ* и бываетъ того цвѣта, какого были коконы, т. е. бѣлаго, желтаго, палеваго и бланжеваго, съ розовымъ оттѣнкомъ.

Въ отдѣлѣ географіи при поименованіи растенія *жука* (*Spartium junceum*) мы уже говорили о производствѣ изъ этого растенія грубыхъ тканей для мѣшковъ, передниковъ и рѣдко для носильнаго бѣлья.

Рядомъ съ этими домашними матеріями идутъ иностранныя

тонкія сукна преимущественно краснаго и малиноваго цвѣта, а также зеленаго, синяго и голубого. Это тонкое сукно называется — *свита*. Бумажныя же заграничныя матеріи, какъ мы уже сказали, совершенно вытѣснили домашнія полотна.

Такимъ образомъ вся домашняя рухлядь въ черногорскомъ домѣ представляетъ собою произведеніе женскихъ рукъ. Въ дополненіе къ сказанному перечислимъ еще нѣкоторые предметы изъ домашней рухляди.

Часть этихъ принадлежностей для сна мы уже упомянули: понывы, губеры, покровцы, черги и т. д. служатъ для постилки и покрыванія. Подушка (ястук, поглавница, узглавач) также состоитъ изъ наволочки домашней шерстяной ткани, набитой шерстью. Когда есть кровать, то на нее кладется, какъ постель, *самница*, т. е. большой мѣшокъ, набитый соломой или шелухой отъ кукурузныхъ початковъ. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ извѣстны *постели*, *душек* и тюфяки (штрамаци, саһизук), набитые шерстью и прошитые въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы шерсть не сбивалась въ одно мѣсто. Этотъ тюфякъ кладется не прямо на доски кровати, а на упомянутый выше мѣшокъ, набитый кукурузной шелухой (*шушбине*). Такая постель несравненно лучше нашихъ перпигъ и пуховиковъ и обладаетъ мягкой упругостью, какой не даютъ даже постели на пружинахъ, особенно, если нижняя подстилка каждый день перебрается черезъ отверстие, нарочно для того сдѣланное вдоль мѣшка.

Сверху эта постель покрывается простыней (*простирач*, *лениун*) изъ домашней ткани или купленной. На подушки падѣвается наволочка (*навлака*, *тестемль*). Для одѣванія, кромѣ различныхъ понывъ и бѣлей, служитъ одѣяло, стеганое на шерсти (*горан*).

Скатерть на столѣ (*тавая*) большею частію изъ домашней ткани; а для утиранья, если сидятъ за софрой (круглымъ столомъ), кладется вокругъ всего стола одно длинное полотенце; если же за высокимъ четырехугольнымъ столомъ, то тоже длинныя полотенца для каждой стороны, вдоль стола или же на

каждаго маленькое полотенце, свернутое какъ салфетка (*тагаюн, убусич, рушник*).

Такія же полотенца служатъ и для утиранія послѣ умыванья (*рушник, шутоман, пешкир*). Отправляясь куда-нибудь, черногорець, держащійся стараго обычая, всегда носить съ собою полотенце, которое служитъ ему прежде всего для утиранія пота, а потомъ для утиранія послѣ умыванья, и для другихъ потребъ, напр. завязать что-нибудь въ одинъ конецъ, обмотать шею и т. д. Встарину для этой цѣли служило особенное полотенце изъ тонкой шерстяной ткани, бѣлое или красное (*пештемаль*), которое носили черезъ плечо. Теперь же вмѣсто того носить обыкновенный бумажный платокъ въ родѣ носового (*фацулет, марама*).

2. Различіе костюма въ старое и новое время; что считается по обычаю самымъ существеннымъ въ одѣяніи. Костюмъ мужской простой и болѣе роскошный; костюмъ и различныя принадлежности дорожныя; изъ старины; противъ роскоши.

Въ старое время вся одежда черногорца выходила изъ рукъ черногорской женщины, начиная отъ рубашки и оканчивая опанкомъ, который она же кбрчила изъ воловьей кожи. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ выступленія черногорскаго народа изъ рамки его тѣснаго отечества и все большаго общенія съ остальнымъ свѣтомъ, домашнія издѣлія стали уступать заграничнымъ. Много измѣнился и усложнился и самый костюмъ, равно какъ измѣнилась и усложнилась и самая жизнь черногорца. Не были однако и прежде черногорцу чужды произведенія высшей, западной культуры. Многіе предметы роскоши приходили съ Востока, изъ Турціи. Тонкія сукна разныхъ цвѣтовъ, шелковыя матеріи, золото въ нитяхъ для шитья, сафьянъ, разные металлическія издѣлія, янтарь и драгоценныя каменья, не говоря уже объ оружіи, — все это давно уже приходило въ Чер-

погорію изъ-за границы. Но эти иностранные товары вы могли видѣть только на главаряхъ, людяхъ богатыхъ, да и тѣ рѣдился въ нихъ только въ высокаторжественные дни, а въ остальные одѣвались въ то, что изготовляли ихъ жены. При томъ же костюмы, однажды сдѣланные, держались до смерти носившаго ихъ и переходили къ его наследникамъ.

Теперь же эти роскошные костюмы сдѣлались достояніемъ всѣхъ черногорцевъ. И рѣдкій черногорецъ не имѣетъ бѣлаго *гуня* и синихъ штановъ изъ заграничнаго сукна; и, навѣрное, половина имѣетъ также джемаданы и елекп, расшитые, если не золотомъ, то чернымъ шелковымъ шнуркомъ; вмѣсто опанокъ сплошь и рядомъ носятъ штилеты и высокіе сапоги.

И какъ осложнился этотъ костюмъ! Теперь на одѣваніе черногорцу требуется, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ, а прежде онъ могъ быть одѣтъ въ 5 м. Прежде черногорскій мужской костюмъ сверхъ нижняго бѣлья состоялъ изъ гуня, который закрывалъ всю грудь, штановъ, доколѣнницъ, которыя надѣвались, какъ чулокъ и стягивались шнуркомъ, чулокъ и опанокъ; затѣмъ былъ поясъ съ кожанымъ силафомъ для оружія; теперь — гунь съ открытою грудью, и потому требуется еще джемаданъ; доколѣнницы застегиваются крючками, которыхъ на каждой ногѣ отъ 30—42; остальное, какъ и прежде.

Это замѣчаніе наше относительно различія между костюмомъ стараго и новаго времени вызывается тѣмъ, что, имѣя своею задачею описаніе народнаго быта во всей его чистотѣ и первобытности, мы постоянно встрѣчаемся съ чертами, которыя явились въ позднѣйшее время.

Поэтому мы не можемъ остановиться на описаніи только современнаго костюма, но должны будемъ заглядывать нѣсколько и въ старое прошлое его, сказать, каковъ онъ былъ прежде, и откуда возникъ теперешній.

Начнемъ съ общаго названія одежды. Общее названіе одежды — *оджемо* или *одjetья* и *обука*. У васоевичей опанки, чулки и доколѣнницы называются — *обут*, а все остальное —

обутья. Но глаголы одѣться и раздѣться выражаются словами *опасатисе* и *распасатисе*, и, если кто выскочилъ не въ полномъ костюмѣ, говорится — *распас*. Изъ этого видно, что главную, существенную часть въ черногорскомъ костюмѣ составляетъ — *поясъ*. И въ лѣтнее время вы перѣдко встрѣтите черногорца безъ гуны и верхнихъ штановъ; но всегда опоясаннаго. Какъ-то стыдно выйти безъ пояса или скинуть его днемъ, до ночи, пока не настанетъ время полного отдыха и сна. Съ поясомъ вмѣстѣ надѣвается и кожаный силафъ, за который непременно затыкается оружіе — пистолеты (теперь револьверъ) и ножъ, или что-нибудь одно. Поэтому, разумѣется, кто опоясался, тотъ и при оружіи; а *распасый* — безоружный.

Для мальчика первымъ знакомъ, что онъ отличается и отдѣляется отъ дѣвочекъ, служить то, что онъ надѣваетъ поясъ. Въ одной пѣснѣ говорится:

«А да бѣ ме мајка не родила
И мухијемъ пѣсомъ опасила,
Ако јутрос не посијечемъ главе».

Это выраженіе иногда переносится и на женщину, и о ней говорится *распаса*, если не въ полномъ костюмѣ; но чаще говорится о замужней женщинѣ и дѣвушкѣ — *гололава*, т. е. что первая безъ платка на головѣ, а вторая — безъ капицы, или тоже безъ платочка; это для женщины такой же стыдъ, какъ для мужчины быть безъ пояса.

Бѣлье, т. е. все нижнее одѣяніе и все портяное носятъ общее названіе — *рубље*; тогда какъ верхнее одѣяніе — *халмыне*. Старшину *халмына* назывался гушь; все равно какъ въ Пивѣ и Герцеговинѣ этимъ именемъ и теперь называется верхняя женская одежда. Въ старинныхъ документахъ верхняя суконная одежда называлась *соита* (срв. малорос. *соита* — кафтанъ).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльно мужского и женскаго костюма. Начнемъ съ рубашки.

Мужская рубашка въ настоящее время съ воротничкомъ и прямымъ разрёзомъ по срединѣ груди застегивается пуговкой, заправляется въ штаны; всегда бѣлая; пестрая же — большая рѣдкость.

Встарину же она была съ широкими рукавами и застегивалась иначе: въ воротникѣ были продѣланы дырочки, сквозь которыя проходилъ красный шнурокъ, шерстяной или бумажный, съ кисточками на концахъ, а предварительно оба конца продѣвались въ одну круглую пуговицу, которая, когда нужно было стянуть воротникъ, поднималась до верху, когда жъ не нужно, спускалась внизъ. Она носилась на выпускъ поверхъ штановъ; а потомъ стали спереди заправлять ее внутрь, тогда какъ сзади оставалась выпущенною, и съ этою цѣлю она съ боковъ была разрёзана. Теперь это совершенно забылось, и я слышалъ, какъ мать корила своего маленькаго сына: «Что ты выпустилъ рубашку, какъ *лацманинъ!* (иностранецъ)». Рубашка эта у многихъ (если не у большинства) простыхъ черногорцевъ доводится до весьма малыхъ размѣровъ, спускаясь чуть только ниже пояса. Поэтому у васоевичей, носящихъ гуны въ видѣ курточки, часто виднѣется голое тѣло между нмъ и штанами. Это и дало поводъ шуткѣ надъ васоевичами, что они будто не носятъ рубашки. Хотя, правду сказать, много такихъ и не между одними васоевичами. Въ Ровцахъ однажды, войдя въ домъ, я увидѣлъ до 30 человекъ, сидѣвшихъ безъ рубашекъ на какой-то скупщинѣ; и не разъ видѣлъ людей, идущихъ за плугомъ въ такомъ же видѣ. Тутъ дѣйствуетъ отчасти бѣдность, порождающая вообще небрежность относительно костюма, а отчасти жаркое лѣто.

Въ старое время, если въ будни и на работѣ иногда не носилась рубашка, то, когда человекъ отправлялся куда-либо въ гости, она была принадлежностью остальнаго народнаго костюма и бывала расшита вся. Вотъ какъ описывается такая рубашка въ одной васоевицкой пѣснѣ:

Ђевојка је сунце братимила:

«Вруће сунце, мој по богу брате!

Стани мало над гором зеленом,
 Доклен брату кошулицу везем:
 На рамена лабудова крила,
 Међу плећи међедову шапу,
 Уз рукаве шевтели бехара,
 Уза скуте ајкунине прутке».

На новорожденнаго не надѣваютъ рубашки; а лежитъ онъ все время, пока встанетъ на ноги, въ пеленкахъ и разныхъ одѣялахъ.

Довольно долго, лѣтъ до шести и иногда больше, мальчиковъ держали безъ штаниковъ, только въ длинной рубашкѣ, одинаково съ дѣвочками; а теперь и четырехлѣтняго одѣваютъ, какъ взрослому. Подштанники — на шнуркѣ спускаются чуть ниже колѣнъ такъ что вся голень остается голою; а до недавняго времени ихъ вовсе не было.

Верхній костюмъ составляетъ суконный *гунь* съ недлинными полами, широко раздвинутыми на стороны и также широко открытою грудью.

Васоевичи и кучи до сихъ поръ еще носятъ, подобно албанцамъ, суконную куртку съ запахивающимися одинъ на другой бортами и застегивающимися мѣдными дутыми пуговицами. Они называютъ его *гунь* и *джемаданъ*. Такой же гунь можно встрѣтить у ровчанъ и морачанъ; а прежде онъ имѣлъ болѣе широкое распространеніе между всѣми черногорцами. Штаны (*гате*) у простого черногорца бѣлыя изъ *раши* или *клашни*, довольно широкия вверху, спускающіяся немного ниже колѣнъ; на поясѣ обшивка (*вјенац*), черезъ которую продѣвается толстый шнурокъ или тесьма (*учкур*, *војтан*, *свитняк*), чтобы завязывать ихъ на поясѣ.

По порядку одѣванія слѣдовало бы прежде упомянуть доколѣнницы: это кусокъ сукна, назначеніе котораго плотно обхватить икры или вообще всю голень отъ щиколки до сгиба колѣна. Въ кройкѣ требуется большое искусство. По краямъ пришиты

крючки и петельки, посредствомъ которыхъ доколѣнница застегивается такъ, что совершенно гладко обтягиваетъ ногу. Доколѣнницы надѣваются прежде всего, какъ только человѣкъ поднимется съ постели. Застегиваніе доколѣнницъ при всемъ навѣкѣ отнимаетъ слишкомъ много времени, и при томъ для того необходимо, чтобъ былъ свѣтъ. Впрочемъ, иной застегиваетъ съ пятой на десятую; въ такомъ случаѣ и не нужно столько крючковъ; нѣкоторые такъ и дѣлаютъ. Тогда однако не достигается главная цѣль, — чтобы нога была гладкая и стянута. Васоевицкіе штаны не требуютъ доколѣнницъ, потому, что безъ нихъ обхватываютъ всю ногу: они узки и отъ колѣна внизъ совершенно плотно прилегаютъ къ ногѣ; имѣютъ однако внизу продольный разрѣзъ, который застегивается четырьмя крючками. Здѣсь мы видимъ доколѣнницы вмѣстѣ съ штанами. Спереди у васоевицкихъ штановъ дѣлаются два разрѣза въ родѣ какъ для кармановъ, но кармановъ нѣтъ; а это служитъ для согрѣванія рукъ зимой.

Встарину черногорцы носили доколѣнницы иначе: онѣ были съ постояннымъ шнуркомъ, продѣтымъ въ петельки, который растягивался и стягивался по потребности въ одну минуту. Въ настоящемъ усовершенствованномъ видѣ онѣ введены въ Черногоріи, говорятъ, цеклпнянами, которые прежде были очень богаты и щеголяли костюмомъ. То же самое есть и въ турецкомъ костюмѣ и называется — *тоз.луки*, которые однако больше служатъ для удобства при верховой ѣздѣ.

Но въ то же время нужно замѣтить, что нога, хорошо стянутая доколѣнницей, ступаетъ какъ-то тверже, и человѣкъ въ нихъ идетъ легче. Можетъ быть, ими устраняется расширение венъ и артерій при усиленномъ напряженіи мышцъ голени во время подъемовъ или спусковъ по скалистымъ тропинкамъ, гдѣ приходится не идти, а скакать. Что это не прихоть, а существенная потребность, — доказываетъ примѣръ другихъ народовъ. Такъ, напр., жители Македоніи, Дибры и другихъ мѣстъ Балканскаго полуострова обматываютъ эту часть ноги узкимъ ремнемъ. То же самое дѣлалось и въ древнемъ мѣрѣ: у римлянъ это была

fascia scigalis, которая и употреблялась и для лошадей во время сильнаго бѣга. Штаны надѣваются послѣ доколѣнницъ и должны нѣсколько захватывать ихъ верхній край, и тутъ, чтобы они не раздѣлялись, связываются тесьмой или застегиваются нарочно для этого сдѣланными и расшитыми подвзками (*подвезе*) съ двумя крючками.

За этимъ слѣдуетъ обувь. Чулки шерстяные или, собственно, носки (*чаране*, *бечве*) съ разрѣзомъ съ внутренней стороны вдоль паголенковъ и съ оторочкой изъ краснаго или темносиняго сукна кругомъ всѣхъ краевъ, а на разрѣзѣ 3—4 крючка и петли для застегиванія, при чемъ ими захватывается и нижняя часть доколѣнницъ. На пальцы еще надѣваются носки, не достигающіе и половины стопы съ расшитыми краями (*навршици*, *напрстии*). Это дѣлается для того, чтобы было мягче ногѣ особенно въ той части, гдѣ пальцы больше всего сжимаются опанкомъ; да и весь ходъ черногорца больше на пальцахъ. Въ Морачѣ, Дробнякахъ и другихъ мѣстахъ надѣвается цѣлый носокъ, на всю ступню только безъ паголенковъ и при томъ черной шерсти (*назушнице*). Сверхъ всего этого надѣваются опанки. Это обувь въ родѣ малороссійскихъ поршней, изъ толстой воловьей кожи съ весьма низкими краями безъ пяты и едва покрывающая пальцы съ острымъ переднимъ концомъ; здѣсь два угла твердой, какъ кость, кожи образуютъ какъ бы рогъ на концѣ. Передняя часть сверху залетена тонкими ремешками изъ невидѣланной овечьей кожи (*опута*) поперекъ отъ одного края опанка до другого, а вдоль по срединѣ проплетается въ три-четыре ряда и вверху остается петелька для прикрѣпленія опанка къ ногѣ. Онъ такимъ образомъ покрываетъ почти только одну подошву, поэтому долженъ быть крѣпко привязанъ къ ногѣ, для чего и придается ремешекъ изъ той же опуты, который опутываетъ ногу такъ, что связываетъ его черезъ петельку въ переднемъ переплетѣ съ пятой и боками. Для большей мягкости кладется въ опанокъ суконная стелька (*обояк*), особенно когда опанокъ поистерся и кожа сдѣлалась тонкою.

Въ послѣднее время вмѣсто опу́ты употребляютъ для переплета бѣлый шнурокъ: это на первое время лучше и красивѣе; при томъ опута въ мокрое время раскисаетъ и опанокъ отъ того болтается на ногѣ, тогда какъ шнурокъ больше стягиваетъ. Но зато шнурокъ въ сухое время растягивается и легче перетирается; а зимой слишкомъ сильно стягиваетъ ногу. Поэтому лучшій опанокъ съ опу́той, которую черногорецъ всегда носить съ собою въ запасъ и можетъ легко исправлять всякую порчу. Относительно же мокраго времени нужно замѣтить, что тогда раскисаетъ и весь опанокъ и становится негоднымъ: вы чувствуете себя почти, какъ босымъ, и нога при томъ слишкомъ скользитъ. Поэтому простой черногорецъ въ такомъ случаѣ снимаетъ опанки и несетъ ихъ подъ назухой подъ струкой, а самъ идетъ босой; ему все равно, такъ какъ мокрый камень меньше рѣжетъ ногу. Опанковъ много сортовъ; есть между прочимъ герцоговинскіе, у которыхъ сзади пятки также сдѣланъ переплетъ, отъ котораго идетъ ремень, обхватывающій ногу выше щиколотки, и продѣвающійся сквозь нетельку отъ передняго переплета и застегивающійся пряжкой. Такой опанокъ легче надѣть, потому что нужно только застегнуть пряжку; но часто ремень третъ, а пряжка также жметъ верхнюю часть ступни, лишнюю мяса и сухую. Есть подгорницкіе опанки, у которыхъ выпзу, какъ у обычнаго опанка, воловья невидѣланная кожа, а верхъ изъ черной выдѣланной кожи. Дѣлаютъ ихъ еще изъ кожи, служащей подошвой для сапогъ (*корам*). Но все это, какъ суррогаты. Настоящій и лучшій опанокъ—это старо-черногорскій съ опу́той и безъ пятки. Онъ, во-первыхъ, самый легкій, что и составляетъ первое условіе обуви; во-вторыхъ въ немъ меньше всего рискуете натереть ногу въ пальцахъ, такъ какъ она свободна со стороны пятки; въ-третьихъ, его легче исправить на дорогѣ.

Кто не носилъ опанокъ или дѣлалъ только пробу, тотъ не можетъ вполне оцѣнить ихъ достоинство: въ нихъ нога легка, свободна и какъ бы сама собой поднимается и находитъ мѣсто среди торчащихъ камней, куда ступить; да куда бы ни ступила,

ей все равно, потому что опанокъ какъ бы прилипаетъ къ камню; въ немъ нога не скользитъ и не колеблется. Нужно только приучить свою собственную подошву къ твердому грунту.

Материаломъ, какъ мы уже упоминали, служить воловьѣ кожа просто высушенная. Но есть искусство эту самую кожу сдѣлать толще, что весьма важно для опанка; не обладая этимъ искусствомъ, Черногорія свои воловьѣ кожи продаетъ въ Австрію, покупая оттуда тѣ же самыя кожи для опанковъ нѣсколько выдѣланныя.

Только опуту готовятъ черногорцы сами: для этого высушиваютъ овечью кожу, распяливши еѣ гвоздочками на дверяхъ, потомъ острымъ ножомъ сбиваютъ шерсть и разрѣзываютъ еѣ на тонкіе ремешки, которые смачиваютъ, крутятъ, связываютъ и сматываютъ въ клубокъ. Она всегда находится и на продажу въ лавкахъ.

Воловьѣ кожа также покупается въ лавкахъ, разрѣзанная на куски, какіе требуются для пары опанокъ. Цѣна опредѣляется вѣсомъ, такъ какъ отъ вѣса зависитъ толщина кожи. Кожа эта сначала мочится, потомъ морщится, ставится на колодку и тогда дѣлается переплетъ. Она бываетъ двухъ сортовъ: соленая и несоленая. Первая удобна тѣмъ, что, когда опанокъ высохнетъ, его легче опять увлажить, когда нужно обуть: стоитъ только замотать въ мокрую тряпку или въ свѣжую траву или даже поставить на влажную землю; тогда какъ опанокъ изъ несоленой кожи нужно полить водою и такъ онъ долженъ стоять нѣсколько часовъ (горячею водою, конечно, можно увлажить скорѣе). Зато первый легче раскисаетъ въ мокрую погоду. Поэтому черногорецъ, приготовляя опанки, сообразуется съ сезономъ: лѣтомъ изъ соленой кожи, а остальное время, изъ несоленой. На далекомъ пути, если вы идете все по каменистому грунту, хорошій опанокъ выдерживаетъ мѣсяцъ, а плохой не больше трехъ недѣль, послѣ чего протирается. Но черногорецъ не броситъ его, а положитъ заплату, и опанокъ можетъ носиться еще столько же. При томъ заплатанный опанокъ меньше скользитъ по льду или по смерз-

шесюса снѣгу, а также по травянистымъ горамъ на крутыхъ склонахъ. Поэтому черногорець иногда нарочно обуваетъ заплатанные опанки (*пречаница*).

Привыкшій ступать по камнямъ даже голою ногой черногорець часто ходитъ въ опанкахъ безъ чулокъ и въ самыхъ изодранныхъ опанкахъ; иногда безъ всякой привязи къ ногѣ, и опанокъ не скидается.

Однимъ словомъ опанки — это крылья черногорца; поэтому есть пословица:

Нема друга без камена зута,
Нити крила без опанака.

При случаѣ, опанокъ служитъ черногорцу вмѣсто оружія. Такъ, одинъ черногорець, схваченный спужскими турками, когда его вели на мостъ, чтобы тамъ отрубить ему голову, опанкомъ убилъ одного на смерть, другого сшибъ съ ногъ и убѣжалъ. Но съ опанками нужно свыкнуться и, такъ сказать, сродниться, какъ черногорець; въ противномъ случаѣ въ нихъ легче всего натрудить ногу. Австрійское военное начальство, во время своихъ походовъ по Герцеговинѣ и Кривошіямъ (1881—82 гг.) пробовало своихъ солдатъ обувать въ опанки; но результаты оказались плачевные: большинство солдатъ послѣ небольшого похода не въ состоянн были двигаться; исключеніе составляли только тѣ изъ нихъ, которые носили опанки дома въ Далмаціи и еще не успѣли отъ нихъ отвыкнуть.

Одѣвшись и обувшись, черногорець опоясывается. Обычный черногорскій поясъ домашняго тканья изъ шерсти съ продольными полосами синими, желтыми, черными и др. по главному полю краснаго или малиноваго цвѣта (канице, пас). Длина его бываетъ до 3-хъ и 4-хъ метровъ; а ширина около 15 сантим. При такой длинѣ, понятно, что можно хорошо обмотаться. Обмотавшись сначала немного, онъ потомъ опоясывается славъ, и затѣмъ обматывается поясомъ сверхъ него до конца. Иногда опоясывающійся, прикрѣпивъ одинъ конецъ за что-нибудь, самъ вертится.

Силавъ — это пѣчто въ родѣ мягкаго кожанаго чемоданчика изъ нѣсколькихъ листковъ, представляющихъ собою отдѣленія для помѣщенія различныхъ вещей; широкая часть находится спереди, прикрывая часть живота, и отъ нея идетъ ремень съ пряжкой, опоясывающій тѣло. Сюда затыкаются: пистолеть, иногда два, или револьверъ, большой боевой ножъ или малый ножикъ для разныхъ потребъ; *арбія*, металлическая палочка, которою заряжается пистолеть (ею же чистится и трубка); тамъ же полотенце или платокъ, кошелекъ или узелокъ съ деньгами. Однимъ словомъ — это цѣлый арсеналь; но, само собою разумѣется, что онъ не всегда бываетъ полонъ.

Весь этотъ костюмъ завершается шапкой. Мало кому неизвѣстна черногорская *капица*: это — шапочка съ плоскимъ дномъ и прямымъ околышемъ шириною около 8 сантим. Она вся изъ краснаго или малиноваго тонкаго сукна и вдвое глубже, чѣмъ указанная выше мѣра околыша; но потомъ края эти заворачиваются, и околышъ этотъ становится двойнымъ; а сверху ставится такого же сукна кружокъ, расшитый золотомъ такъ: съ одного боку вышита золотомъ дуга, состоящая изъ трехъ полосъ, изъ которыхъ средняя въ три строчки въ тамбуръ, а по обѣ стороны ея съ малыми промежутками — двѣ въ двѣ строчки и еще двѣ въ одну; всего пять полосъ. Внутри этой дуги шифръ князя Николая, Н. I. Околышъ снаружи обшить тонкою шелковою матеріей (*деравія* или *боказія*), такъ что края ея немного переходятъ наверхъ и въ сборахъ занимаютъ часть упомянутаго кружка. Внутри подкладка какой-нибудь матеріи тоже красной или бѣлой и другого цвѣта, а иногда пестрая *). Она довольно

*) Надобно замѣтить, что есть люди, которые эту капицу считаютъ чѣмъ-то кореннымъ черногорскимъ, ведущимъ свое начало чуть ли не отъ Косовской битвы, и на основаніи этого даютъ ей такое толкованіе: красный цвѣтъ на верхушкѣ — кровь сербская, пролитая на Косовомъ полѣ; черный околышъ — трауръ; а золотыя полукружія наверху — надежда на возвращеніе сербовъ къ прежней ихъ силѣ и славѣ. Это объясненіе встрѣчается почти у всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ.

легка, но на головѣ сидитъ непрочна; да и самъ черногорецъ не даетъ ей покоя: то надвинетъ на брови, то на затылокъ, то набекренитъ на какую-нибудь сторону; однимъ словомъ она вертится на головѣ черногорца, сообразно съ состояніемъ его духа, особенно если онъ что-нибудь рассказываетъ съ одушевленіемъ или въ раздраженномъ состояніи. Конечно, все это продѣлывается на досугѣ, когда черногорецъ на мѣстѣ; а иначе онъ забывается, какъ она сидитъ у него на головѣ, и только бережетъ, чтобъ не упала. На случай сильнаго вѣтра онъ обвязываетъ её платкомъ. Иные въ зимнее время и вообще въ непогоду снимаютъ съ себя поясъ и обматываютъ имъ всю голову въ видѣ турецкой чалмы, захватывая также шею и нижнюю часть лица. Эта чалма называется *ноша*, и отсюда глаголь *запошитисе*. Кучи и васоевичи въ этихъ случаяхъ обматываютъ голову бѣлою бумажною тканью на арнаутскій манеръ, такъ что видны только глаза, носъ и усы. Въ Барскомъ и Ульцинскомъ округахъ обвязываютъ шапочку поперекъ синимъ платкомъ, свернувши въ видѣ широкой ленты завязанные концы спереди.

Капица эта недавняго происхожденія, именно отъ времени князя Даніида, и тогда её называли *шишак*. Поэтому турки и албанцы, похваляясь впередъ, что побѣдятъ черногорцевъ, говорили: «битье шишакъ по чакмакъ», т. е. черногорская капица будетъ продаваться по 4 сольда, такъ много погибнетъ черногорскихъ головъ. Иначе она называлась *завертка* (такъ и теперь её зовутъ въ Герцеговинѣ) по завороченнымъ кверху краямъ. До кн. Даніида шапки были двухъ видовъ: одни носили фесы, въ томъ числѣ самъ князь и его предшественникъ владыка Раде (Петръ II)*; а другіе — красную шапку, какъ въ Приморьѣ, подѣ

Фантастичность такого объясненія очевидна, а такъ какъ она возникла недавно, то можно бы допустить её у недавняго ея установителя; но прототипомъ ей послужила, съ одной стороны, старая красная шапка въ родѣ колпака, съ другой — далматинская, которая, какъ ни разнится по мѣстностямъ, всегда имѣетъ наверху вышивку въ видѣ полукруга, а иногда и кисть; все это изъ чернаго шелка; и у иныхъ по нижнему краю черный ободокъ въ родѣ околыша.

*) Впрочемъ есть портретъ влад. Петра II въ капицѣ.

нею же была бѣлая войлочная шапочка (*бѣлача*), какую теперь носить арнауцы и даже христіане, состоящіе подъ турецкимъ господствомъ, и называемая *тюлаф*. Носили также и просто бѣлую войлочную капицу — *пѣстенак*.

Была наконецъ красная суконная шапка, называвшаяся *татарія*, которую обычно носили курьеры или царскіе гонцы (*татар*).

Описывая весь верхній костюмъ, кромѣ капицы, мы имѣли въ виду только простонародный; тогда какъ у людей чиновныхъ и зажиточныхъ онъ значительно видоизмѣняется. Такъ гуны шьются изъ тонкаго заграничнаго сукна; штаны изъ такого же синяго сукна или раши, тоже синей, заграничной; при томъ они дѣлаются безмѣрно широкіе, такъ что между ногъ собираются во множество складокъ (*устьло*; по-герцегов. *тур*); на ходу они сообщаютъ тѣлу лишній жаръ, а при посадкѣ на лошадь задѣваютъ за луку сѣдла. Всѣ швы и края оторачиваются краснымъ шелковымъ шнуркомъ; а если изъ *свиты*, то карманы съ боковъ расшиваются золотомъ. Поверху ихъ обшивка изъ красной или малиновой матеріи, бумажной, шерстяной или шелковой (по-черног. *тур*, по-герцегов. *сіенаи*), куда продѣвается шнуръ или тесьма.

Васоевичи эти широкіе штаны изъ синей раши называютъ *диміе*, на подобіе турецкихъ; а простые черногорскіе тоже широкіе — *пеленатъе*.

Кромѣ того подъ гунемъ еще надѣвается — *джемадан*, красного сукна различныхъ достоинствъ и сообразно съ тѣмъ расшитый по бортамъ бумажнымъ или шелковымъ чернымъ шнуркомъ, или золотомъ. Это родъ жилета съ бортами, далеко запахивающимся одинъ на другой и застегивающимися сбоку четырьмя металлическими пуговицами и черными изъ шелковаго шнурка петлями; онъ закрываетъ всю грудь подъ горло. Верхніе края бортовъ тоже расшиваются или шнуркомъ, или золотомъ, при томъ широкою полосой и различными фигурами, или однимъ кантомъ.

Сверхъ гуны еще носится *елек* тоже красного сукна и рас-

пяты́й шнуркомъ или золотомъ. Это родъ куртки безъ рукавовъ, широко распахнутой спереди и потому никогда не застегивающейся.

Елѣкъ этотъ иногда замѣняютъ *токе* той же формы, но покрытыя спереди металлическими, большею частію серебряными бляхами или пуговицами, плотно связанными одна съ другою, съ такими же пластинками вокругъ шеи, гдѣ для застегиванія находится запонка съ какимъ-нибудь драгоценнымъ камнемъ или цвѣтнымъ стекломъ. Токи могутъ запахиваться плотнѣе, чѣмъ елѣкъ, и напоминаютъ собою латы, назначеніе которыхъ они и исполняли въ свое время. Они большею частію наследуются отъ предковъ. Иные же, чинovníки, должны присутствовать во дворѣ при парадахъ, заказываютъ ихъ, преимущественно въ Венеціи или и у домашнихъ мастеровъ, давши имъ образцы.

Мѣсто джемадана иногда замѣняетъ *счерма* — безъ запахи- вающихся бортовъ и съ прямымъ разрѣзомъ на груди, вдоль котораго съ обѣихъ сторонъ идутъ два ряда черныхъ шелковыхъ пуговицъ (до 30), служащихъ единственно для украшенія, а подъ ними находятся нѣсколько крючковъ и петелекъ для застегиванія снизу до половины груди. Впрочемъ, *счерма* обычно застегивается только на три-четыре крючка внизу, а грудь остается открытою; такъ какъ это лѣтнее одѣяніе. Пуговицы и шитье тоже бываютъ золотыя.

Гунъ замѣняется *домай*, которая отличается отъ него тѣмъ, что у нея рукава пзъ-подъ мышки почти до кисти руки разрѣзаны и могутъ быть откинуты назадъ, такъ что рука остается въ одной рубашкѣ; для этого и рукава, конечно, должны быть шире, по крайней мѣрѣ, сверху. Она всегда почти бываетъ зеленого сукна, и у нея борты, края рукавовъ и углы подъ расширяются малиновымъ шнуркомъ (у бокелей и приморцевъ — золотомъ).

Домашней работы поясъ также у зажиточныхъ людей замѣняется покупнымъ шелковымъ, который называется *трамбюс* (такъ турки называютъ Триполи, откуда они первоначально

получались) и лучшіе получаютъ черезъ Царьградъ изъ Малой Азіи. Они тоже очень длинныя и сшиваются по ширинѣ изъ нѣсколькихъ полосъ, а послѣ свертываются; и при этомъ нныя обладаютъ особеннымъ искусствомъ свернуть такъ, чтобы всѣ полосы и клѣтки, всегда очень яркихъ цвѣтовъ (преимущественно зеленаго, желтаго и синяго), переливались одна въ другую. Въ подражаніе имъ производятся такіе пояса и на австрійскихъ фабрикахъ, всегда почти съ примѣсью бумаги или чисто бумажные.

Опанки у людей, занимающихъ высшее положеніе, или просто со средствами также уступаютъ мѣсто сапогамъ, штиблетамъ, ботинкамъ и башмакамъ, щегольскимъ, едва покрывающимъ концы ступни, при чемъ выказываются стройность ноги и изящно связанные чулки, съ красною оторочкою и съ нитями золота.

Но, по правдѣ сказать, стройность ноги лучше всего видна въ опанкѣ, еще не растоптавшемся, и въ доколѣнницѣ, плотно охватывающей сухую мускулистую голень; въ сапогахъ же черногорецъ точно волочитъ ноги. Точно такъ и стройность стана лучше всего обрисовывается въ простомъ черногорскомъ костюмѣ, при хорошемъ ростѣ, съ тонкой таліей, широкихъ плечахъ и природной граціи движеній.

Мы описали костюмъ черногорца, въ которомъ онъ сидитъ дома или выходитъ въ хорошую погоду; но остается сказать о томъ, что онъ надѣваетъ, когда нужно защититься отъ холода и непогоды.

Первое мѣсто занимаетъ здѣсь *струка*. Безъ нея черногорецъ шагу не можетъ сдѣлать изъ дома: она защищаетъ его отъ вѣтра и дождя, еѣ постигаетъ онъ, гдѣ нужно сѣсть, на ней выкладываетъ изъ своей дорожной сумки взятые изъ дома съѣстные припасы, ею же покрывается, когда ложится спать. «Ю же онъ и красуется, перекидывая черезъ плечо на различныя манеры. Черногорская пословица совѣтуетъ: «Носи струку лѣтомъ, а зимой, какъ хочешь» — другими словами: зимой не нужно напоминать о ней, а главное, чтобы не забыть лѣтомъ, понадѣвшись на хорошую погоду. Такъ черногорецъ и поступаетъ.

Струка то же самое, что шотландскій плэдъ, только несравненно грубѣе. Мы уже говорили, какъ её ткуть; скажемъ теперь о подраздѣленіи струкъ и ихъ характерныхъ особенностяхъ.

Въ старой Черногоріи она черная; въ герцеговинскихъ краяхъ, какъ и въ сосѣднихъ Кривошіяхъ — бѣлая; въ околинѣ Бара и Краинѣ полосатая: полосы черныя, сѣрыя и бѣлыя идутъ поперекъ. Носятъ также черногорцы и герцеговинцы струку сѣрую, иногда съ примѣсью козьей шерсти (*сингава, сингавица*). Цвѣтъ струки зависитъ отъ природнаго цвѣта шерсти, изъ которой она сдѣлана. Большинство носитъ не черную струку, вслѣдствіе того, что черныхъ овецъ держать мало и потому трудно найти столько черной шерсти, чтобы достало на всѣхъ, носящихъ струки. Черныя овцы здѣсь вообще рѣдкость. Но въ то же время обычай установилъ извѣстный цвѣтъ, и съ нимъ нужно сообразоваться. Поэтому за недостаткомъ природной черной шерсти чернятъ бѣлую. Черненная струка на видъ лучше: лучше самый цвѣтъ, и сверхъ того краска придаетъ какой-то блескъ шерсти; но предпочитается природная краска, хотя она имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ; за то крашенная со временемъ полпняетъ, а эта никогда. Впрочемъ въ послѣднее время черногорки научились такъ красить, что краска ихъ выноситъ и дождь, и всякую непогоду.

Остановимся специально на черногорской струкѣ, потому что она представляетъ собою самый совершенный типъ.

Длина ея 2—2½ метровъ, а ширина 50—70 сант.; по краямъ привѣшиваются кисти на шнуркахъ въ длину до 50 сант., которыя вмѣстѣ составляютъ бахраму, и чѣмъ она длиннѣе и гуще, тѣмъ лучше струка. Въ струкѣ цѣнятся плотность и въ то же время мягкость; поэтому выбирается лучшая шерсть, которая и прядется круче обыкновенной для прочности, такъ какъ въ ней и основа шерстяная. Длина опредѣляется ростомъ чловѣка, и женская струка всегда короче мужской. Мужская и женская струки, кромѣ длины, строго различаются и еще нѣкоторыми особенностями.

Первая вся сплошь черная, а во второй, на первый взгляд тоже сплошь черной, всмотрѣвшись внимательнѣе, вы замѣтите по всей поперечныя полосы темносинія или темнозеленыя.

На мужской же струкѣ только на концахъ одна полоса изъ цвѣтныхъ узкихъ ромбиковъ и съ краевъ короткія поперечныя не насквозь полоски яркаго цвѣта—желтыя, красныя, синія или зеленыя. Кроме того есть разница и въ кистяхъ: на мужской струкѣ кисти висятъ на крученомъ кругломъ шнуркѣ; а на женской—этотъ шнурокъ просто плетеный плоскій или на четыре угла; при томъ перемѣшиваются шнурки цвѣтные—малиновые и зеленые.

Различіе это дѣлается, очевидно, съ цѣлью, чтобы не могло произойти между ними смѣшенія; и большой стыдъ, если мужчина по ошибкѣ возьметъ женскую струку. На женской струкѣ сверхъ того бываетъ кисть на одномъ краю ея посреднѣй.

Въ старое время носили одну вещь, служившую для сбереженія одежды, *парталь*: это кусокъ выдѣланной кожи въ видѣ четырехугольника съ свинцовыми круглыми бляшками по тремъ краямъ; а на двухъ углахъ колечки съ ремнемъ, на которомъ онъ носился черезъ правое плечо на лѣвомъ бедрѣ. *Парталь* служилъ для того, чтобы ружьемъ не терло одежды; а въ то же время въ дорогѣ на немъ, какъ на столѣ, раскладывали ѣду; имъ же въ нуждѣ зачерпывали воду, а иногда и молоко. Ихъ дѣлали на Рѣкѣ, въ Никшичѣ, въ Вѣлонавличахъ на Прентинской-главицѣ и въ турецкихъ городахъ.

Также для сбереженія одежды отъ ружья на лѣвомъ плечѣ нашивался кусокъ кожи, а прикладъ ружья для той же цѣли вкладывался въ кожаный чахоль. Это, впрочемъ, обычай турецкихъ агъ и беговъ, отъ которыхъ перенимали и черногорцы; теперь же никакихъ подобнаго рода предосторожностей не принимается.

Въ Васоевичахъ, Дробнякахъ и Пивѣ въ зимнее время вмѣсто струки носятъ *кабаницу*, которая бываетъ у первыхъ бѣлая, у остальныхъ сѣрая—я всегда съ башлыкомъ для покрытія головы.

У кучъ и васоевичей, живущихъ въ сосѣдствѣ съ арнаутами, есть еще *дюрдинка*. Она въ родѣ елека, только съ короткими рукавами, едва спускающимися съ плечъ и съ квадратнымъ лоскутомъ сзади съ небольшою бахромой, который поднимается на голову, чтобы защитить её отъ вѣтра или дождя; она не доходитъ до пояса и на груди широко распахнута. Назначеніе ея главнымъ образомъ защитить легкія, къ которымъ свободный доступъ вѣтра изъ-подъ лопатокъ. Она изъ черной шерсти, внутри ея суконная подкладка, часто красная, и боковой карманъ. Имя ея, по народному сказанію, происходитъ отъ Дурдыя Кастріота, иначе Скандербега, знаменитаго албанскаго вождя и героя († 1467).

Люди со средствами до недавняго времени носили кабаницы въ родѣ венеціанскихъ плащей безъ рукавовъ, такъ что въ нихъ заматываются и драпируются, перекидывая нижній конецъ съ правой стороны на лѣвое плечо или обратно. Она всегда тонкаго сянго сукна съ красною, суконною же подкладкой. Такую же носятъ князь, только голубого цвѣта. Въ послѣднее время ношеніе ея ограничено воеводами и другими высшими чинами. Въ старое время въ томъ же родѣ была *ялуджа*: у простаго народа бѣлая домашняго сукна или изъ раши, у богатыхъ и знатныхъ красная. Многіе зажиточные люди носятъ такъ называемый *таман*, въ родѣ бурки безъ рукавовъ, но съ отверстіями для рукъ, косматый и черной шерсти съ красною суконною оторочкой и съ мѣдными пуговицами вдоль разрѣза рукавовъ. Талаганы покупаются въ Скадрѣ.

Наконецъ есть еще верхняя одежда, которая дѣлается изъ бараньей шкуры, для чего обрѣзываются шея и ноги, прорѣзываются отверстія для рукъ, и костюмъ готовъ: онъ носится шерстью наружу и называется *кожул*. Особенно пригоднымъ онъ считается при плаваніи по водѣ, на рыбной ловлѣ, потому что не принимаетъ на себя воды при заплескахъ, да и не стоитъ много; а при ношеніи камней на плечѣ онъ замѣняетъ подушку.

Въ дополненіе къ обуви для особенныхъ случаевъ упомя-

немъ еще, что въ мѣстахъ, гдѣ падаютъ большіе снѣга по горамъ и образуется ледъ, дѣлаются особыя приспособленія. Такъ въ Васоевичахъ на носки опанокъ надѣваютъ кольца, сплетенныя изъ прутьевъ, съ которыми меньше скользятъ нога по ледяной поверхности или по смерзшемуся снѣгу; эта обувь называется—*мачке* (кошки). Въ старое время прикрѣпляли къ опанкамъ нѣчто въ родѣ подковакъ съ гвоздями.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приводится идти по снѣгу, который проваливается, употребляютъ *крале* (Васоев.) или *крне* (Дрбн.), замѣняющія лыжи, но много отличающіяся отъ нихъ. Эти *крале* состоятъ изъ деревяннаго обруча, концы котораго заходятъ одинъ за другой, гдѣ они связываются, а посрединѣ веревочный переплетъ съ двумя петлями для продѣванія ногъ.

Онѣ тонуть въ снѣгу, но не много и тѣмъ не менѣе довольно тяжелы, потому что въ нихъ человѣкъ не можетъ скользить, а долженъ поднимать ногу, выгаскивая ихъ изъ снѣгу. Чтобы ходить въ нихъ, нужно также имѣть привычку. При всемъ томъ однако черногорцы въ нихъ гоняютъ сернь и, нагнавши на какой-нибудь утесъ вышиною до 10 и болѣе сажень, съ котораго онѣ принуждены соскочить внизъ, соскакиваютъ и сами за ними, при чемъ серны глубоко тонуть въ снѣгу, а охотники хватаютъ ихъ живыми.

Кстати при этомъ поименуемъ и другія дорожныя принадлежности черногорца пѣшехода, а относительно всадника скажемъ вмѣстѣ съ описаніемъ конской сбруи.

Весь багажъ черногорца (*кртля*, *парталь* *) составляетъ сумка (*торбица*, *обрамница*, *валевница*), четырехугольная, плетенная изъ шерсти съ пестрыми полосами и кистями по угламъ,

*) Въ словарѣ В. Карадж. стоитъ слово *парталъ* безъ объясненія, а только приведенъ стихъ изъ пѣсни: «На плетя му *парте* изнѣла».

съ толстыми шнурками тоже изъ малиновой и красной шерсти; она носится на спинѣ, но черезъ одно только плечо. Ея прямое назначеніе — вмѣщать съѣстные припасы: хлѣбъ (*брашеник*), сыръ, кусокъ сухого мяса, изрѣдка бутылочку ракіи, а еще рѣже кое-что изъ одежды: рубашку, чулки, полотенце. Иногда для мелкихъ вещей служитъ кожаная сумочка (*оптѣк*, *чанта* или *чантра*, *джаклица*).

Женщины всегда носятъ на рукахъ плетеную сумочку въ родѣ ридикюля (*алевица*, *плетивача*) съ принадлежностями какой-нибудь женской работы, какъ клубокъ шерсти, вязальныя иголки, крючекъ и т. п.

Въ послѣднее время употребляютъ и зонтики (*чадор*, *лумрела*); но въ войскѣ это строго запрещается.

Многіе виды одежды или принадлежности костюма въ настоящее время утратились и вспоминаются только въ пѣсняхъ. Такъ *самур-калпак* — соболя высокая шапка, которую до недавняго времени носили и воеводы; а теперь только въ особенныхъ случаяхъ надѣваетъ князь; *перяница* — украшеніе надъ шапкой въ видѣ пера, а при влад. Петръ II и князь Даниилъ большая бляха съ гербомъ; теперь она замѣнилась тоже бляхой съ гербомъ, но небольшою серебряною, иногда позолоченною и различной формы, смотря по званію носящаго, и называется *герб* (гербъ), который бываетъ особый для перяниковъ, кабадахій, капетановъ, офицеровъ и т. д.

Часто также упоминается въ пѣсняхъ *чекрк-челенка* — украшеніе надъ шапкой въ видѣ флюгерка, вертѣвшагося на оси; бывало такихъ челенокъ и нѣсколько на одномъ. *Мор-долама* — по словамъ однихъ синяя (*модра*) по другимъ темно-зеленая (*уласито-зелена*); но при смѣшеніи этихъ двухъ цвѣтовъ у черногорцевъ, не знаешь, какой изъ нихъ принять; а другіе объясняютъ, что она отличалась вообще богатою отдѣлкой и величиной, какъ поется въ одной пѣснѣ:

На драгоме мор-долама
Мором до земле.

Меншиви — *долама* и — *чакшире* — фиолетоваго цвѣта (*меншиви* по-турец. фіялка). Упомнится еще въ гѣспяхъ *тамбарин* съ эпитетомъ *морски*; это — тоже плащъ безъ рукавовъ и съ капюшономъ, какой и теперь носятъ ульчияне и другіе моряки (отъ итальянск. *tabàrto* *).

Пропускаемъ турецко-албанскій костюмъ, насколько онъ не усвоенъ черногорцами.

Имѣя въ виду только общенародный костюмъ, мы должны бы исключить и все то, что составляетъ принадлежность немногихъ лицъ или небольшой группы людей, представляющей собою особый классъ; но, какъ мы замѣтили выше, эти особые вкусы особаго класса въ Черногоріи, при ея-маломъ объемѣ, сообщаются цѣлой массѣ народа, и мы едва ли ошибаемся, сказавши, что едва ли найдется четверть населенія Черногоріи, которая одѣвалась бы по старинному и простонародному, довольствуясь домашними издѣліями и не раздѣляя той роскоши, которую допускаютъ себѣ люди чиновные и зажиточные. Этому способствуетъ и врожденное черногорцу чувство равенства, которое не допускаетъ никакого вышшняго различія, какого бы то ни было, отдѣльнаго класса людей. Простой черногорецъ хочетъ одѣваться также, какъ и чиновный, и никто его не осудитъ, а только скажетъ: «Може му бит, ако баста», т. е. пусть его, если въ состояніи.

Въ послѣднее время правительство старается поставить границы роскоши въ одеждѣ; напр. запрещено дѣлать новыя одежды съ золотымъ шитьемъ, и въ торжественныя днѣ и чиновники должны являться ко двору безъ золотого шитья, которое остается только для придворныхъ чиновъ, обязанныхъ участвовать въ собраніяхъ, гдѣ бываютъ представители иностранныхъ державъ. Мѣра эта простирается и на женщинъ. И теперь многіе только донашиваютъ свои старыя золотыя одежды. Была мысль и совсѣмъ выгѣснить изъ употребленія иностранное сукно, чтобы замѣнить его домашнимъ; но отъ этой мѣры воздержались.

*) Въ Боккѣ въ настоящее время *табар табарин* — назыв. женское верхнее одѣваніе для защиты отъ холода, въ родѣ кофточкн.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что вся одежда, перечисленная нами въ первомъ отдѣленіи, какъ одежда общечерногорская, изготовляется черногорской женщиной. Она же продолжаетъ работать и новыя одежды изъ заграничнаго матеріала: гуни, штаны, капицы, джемаданы и т. д., подражая въ вышивкѣ специальнымъ занимающимся тѣмъ мастерамъ, преимущественно бывшимъ турецкимъ подданнымъ изъ Герцеговины, подгоричанамъ, баранамъ, албанцамъ и нѣкоторымъ, научившимся у нихъ черногорцамъ и въ прежнихъ черногорскихъ городахъ.

Въ Цетинѣ существуютъ нѣсколько заведеній, занимающихся специально изготовленіемъ черногорскаго одѣянія; еще больше это производство въ Подгорицѣ; есть и въ другихъ городахъ и городкахъ, но уже не въ видѣ специальныхъ заведеній, а какъ подспорье мелкой торговлѣ. Здѣсь однако, кромѣ доколѣнницъ, все производится изъ заграничнаго матеріала.

3. Простой женскій костюмъ съ указаніемъ на различіе его по мѣстностямъ; юбка и ея исторія; значеніе пояса у замужней женщины; прическа и головной уборъ; измѣненіе костюма въ новѣйшее время; какъ одѣваются въ городахъ, присоединенныхъ отъ Турціи; различныя украшенія.

Перейдемъ теперь къ женскому костюму.

Онъ разнообразится по мѣстностямъ больше, чѣмъ мужской. Однообразіе встрѣчаете только въ старой Черногоріи, а въ остальной половинѣ каждый округъ имѣетъ нѣчто свое особенное. Существенная же разница заключается въ томъ, что въ первой—на головѣ у дѣвушекъ капица, у замужнихъ платокъ, верхній костюмъ бѣлый и юбка; а во второй — фесъ на головѣ, а юбка замѣняется другими видами одежды, съ которыми познакомимся ниже; первый въ общемъ проще и однообразнѣе, второй сложнѣе и пестрѣе. Въ мѣстахъ пограничныхъ съ Албаніей, какъ Кучи, костюмъ опять отличается отъ того и другого; а

также особый костюмъ въ городахъ, только со времени послѣдней войны присоединенныхъ къ Черногоріи.

Кромѣ разницы въ главныхъ частяхъ, есть еще разница въ вышивкахъ и въ пристрастіи къ тому или другому цвѣту или роду матерій.

Эти послѣднія, слишкомъ тонкія и легкія особенности мы не въ состояніи прослѣдить; а представимъ только два главные типа параллельно одинъ съ другимъ, отмѣчая при томъ и тѣ болѣе важныя особенности, которыя встрѣчаются помимо тѣхъ двухъ типовъ.

Начнемъ съ рубашки.

Насколько у мужчины рубашка въ пренебреженіи, настолько у женщины она составляетъ главную часть костюма: ею она хвалится, по ней судятъ, насколько она искусна въ шитьѣ, этой существенной части женской работы. Она всегда расшита, если не шолкомъ съ золотомъ, то цвѣтною бумагой. Расшивается обыкновенно воротъ около шеи, прямой разрѣзъ на груди и края рукавовъ.

Шитье на груди и воротѣ производится отдѣльно и на болѣе тонкомъ полотнѣ и потомъ вставляется въ станъ готовой рубашки, и это называется — *оуляк*; при томъ шитье на воротѣ — *ождриѣлье или колѣр*, а остальное — *ошвице*, также и на рукавахъ, которые у кисти застегиваются.

Вышивка эта чрезвычайно разнообразна даже въ одной и той-же мѣстности; сколько бы ни имѣла женщина рубашекъ, она старается, чтобы шитье было, сколько возможно, различное. Въ ошвицахъ на груди обыкновенно идутъ двѣ полосы, пространство между которыми наполняется мелкимъ шитьемъ различной формы, это называется *прутчеви*, которыхъ нѣтъ на воротѣ. И всѣ эти фигуры имѣютъ каждая свое названіе: *оодвице*, *крстычи*, *стувчичи*, *пласице*, *кукаче*, *криваче*, *замѣице* и т. д. Шитье по вороту сообщаетъ и самому воротнику особое названіе: *окрули колѣр*, *зміин*, *пласач* и др. Кстати замѣтимъ, что шитье по верхней одеждѣ крупное и имѣетъ также свои названія: *зрапе*, *бадеми*, *криваче*, *зрождые* и др. Шелкъ или бумагу различныхъ цвѣтовъ, требующіеся при вышиваніи узоровъ, нама-

тываютъ на катушку, длиною до 10 сантим., раздѣленную поперекъ на 4—5 отдѣленій и украшенную какою-нибудь рѣзьбою; это — *свилар* (см. рисунокъ).

Опялавшись и надѣвши спереди передникъ, женщина со своимъ одѣяніемъ въ домашнемъ обиходѣ готова, исключая убранства головы или обуви. Упомянутый передникъ составляетъ также существенную часть женскаго костюма. Онъ состоитъ изъ куска чернаго и бѣлаго рѣдкаго сукна (*раши*) съ бахромой по нижнему краю и носитъ названіе *опрегляча*, *прегляча*, *опре-*

жина или *кецѣля*. Къ талии она прикрѣпляется узкимъ полсомъ (*вѣза*). У васоевичей ее замѣняютъ нѣчто другое, такъ называемый *ирам*: это кусокъ домашняго, рѣдкаго же чернаго сукна съ клѣтками, вышитыми изъ цвѣтной бумаги и также съ бахромой внизу; онъ окутываетъ все тѣло ниже пояса, но на правомъ боку края не сходятся. И то, и другое прикрѣпляется на талии длиннымъ домотканымъ съ полосами полсомъ, который поднимается высоко подъ груди.

Женщина, какъ мы замѣтили, можетъ ограничиться однимъ этимъ костюмомъ; но по большей части носятъ и другую одежду сверхъ рубашки.

Въ Граховѣ носятъ сплѣтый суконный *коретъ* или *цунину*, въ другихъ мѣстахъ называется и *мрчина*, съ рукавами; спереди онъ разрѣзанъ только до пояса, такъ что надѣвается какъ рубашка; по краямъ оторочка и желтыя металлическія пуговицы. Въ Пивѣ и Дробнякахъ то же самое темнокраснаго сукна, иногда расшитое узорами зеленого, синяго и желтаго цвѣта, и называется *копоран*.

У Кучъ сверхъ портяной рубашки носятъ еще рубашку бѣлую изъ сукна или вязаную изъ шерсти, спускающуюся немного ниже колѣна и плотно обхватывающую весь станъ. У пивыхъ по арнаутскому обычаю все это красное или темно-малиновое, при томъ состоитъ изъ двухъ частей: сверху родъ

кофточки, плотно обтягивающей талию и спускающейся немного ниже ея, и ниже узкая юбка того же цвѣта, расшитая узорами зеленого, синяго и желтаго цвѣта; названіе того и другого *джуп* и *джупелето*.

Въ катунской части Черногоріи ничего этого нѣтъ; но прежде и тамъ сверхъ рубашки носили—*митѣн*: одѣяніе до пять изъ краснаго сукна или свиты. Въ настоящее же время носится до пояса *якета*, вязанная изъ шерсти или изъ бумаги; а отъ пояса — *котула* (юбка) изъ покупной матеріи шерстяной или бумажной; а если она же изъ домашней шерстяной ткани бѣлой или черной, то называется *раша*.

Эта часть женскаго костюма имѣетъ свою исторію. Въ первоначальномъ женскомъ костюмѣ въ домашнемъ обиходѣ сверхъ рубашки, кромѣ *гуны*, подъ различными названіями, не требовалось ничего, и только при выходѣ изъ дома станъ ниже пояса обматывался кускомъ шерстяной матеріи или привязывался передникъ. Но все это теперь устранивается юбкой, которая при томъ удобнѣе и проще всевозможныхъ опрегячъ, кецелей и т. п. Поэтому многія женщины катунской нахія, бывавшія въ Которѣ и другихъ мѣстахъ Приморья, гдѣ уже была юбка, стали ее носить. Но это считалось измѣною народному обычаю и *лацманствомъ*, и потому юбка подверглась преслѣдованію. Сначала дѣло шло домашнимъ образомъ: старый глава семьи, иногда подученный своею старою же доматящей, забирался въ сундукъ молодой снохи-вольнотумки и, найдя эту запрещенную вещь, на первый разъ не уничтожала ее, заставлялъ передѣлать на что-нибудь другое; а въ другой разъ тутъ же предавалъ сожженію. А когда этимъ вольнотумствомъ заразился и нѣкоторые мужья, допуская своимъ женамъ носить юбки, то въ дѣло стало мѣшаться цѣлое село, и составлялась иногда цѣлая комиссія, которая приходила въ извѣстный домъ и требовала выдачи запрещеннаго костюма для уничтоженія или сама обыскивала женскіе сундуки; случалось, что съ обыскомъ ходили изъ дома въ домъ и, набравши цѣлую коллекцію юбокъ, предавали ихъ торжествен-

ному аутодафэ, наругавшись надъ отступницами и учинивъ необходимыя указанія на этотъ случай впередъ и угрозы.

Это совершалось на Цетинскомъ полѣ во время правленія влад. Петра II и чуть ли даже не при кн. Данилѣ, который и остановилъ публичное преслѣдованіе. По селамъ однако въ болѣе отдаленныхъ краяхъ она не вошла еще въ общее употребленіе и до сихъ поръ.

Продолжимъ теперь объ остальномъ костюмѣ. Сверхъ граховскаго *корета*, въ другихъ мѣстахъ *копорана* или *джуна*, спереди привязывается *отреляча* или *кецеля*, а при юбкѣ — *футю* (передникъ). Сверхъ всего этого идетъ поясъ просто шерстяной, домотканый или кожаный.

У кучъ этотъ послѣдній довольно широкій и весь покрытъ свинцовыми (а у богатыхъ серебряными) бляшками или блестящими (*мулице*). Въ прежнее время и въ старой Черногоріи женщины носили кожаные пояса до 20 сант. въ ширину съ большими серебряными бляхами и крупными сердоликами (якици), природными или искусственными. Такой старинный поясъ назывался *мукадем-пояс*. Но къ кожаному поясу относится и слѣдующее мѣсто изъ одной васоевицкой пѣсни, гдѣ женщина говорить: «Я би мое *токе* расковала»?

Въ послѣднее время этотъ тяжелый кожаный поясъ замѣняетъ болѣе легкой — *тэмер* — узкій, съ филигранною серебряною оправой и съ двумя большими пряжками (*насте*), украшенный разноцвѣтными (зеленаго или малиноваго цвѣта) камнями природными или искусственными, и со свѣшивающеюся въ два ряда дугою изъ-подъ пряжекъ серебряною же цѣпочкою.

Подъ стариннымъ тяжелымъ поясомъ носился еще поясъ, называвшійся *женски трак*, во множ. числѣ *тракови*: это суконная полоса шириною до 6 сантим. во всю длину сукна до 5 и болѣе метровъ, которымъ широко обматывалась вся талія, чтобы не было сильнаго давленія отъ пояса. Онъ обыкновенно красился такъ: середина красная или малиновая, а края — синіе или зеленые.

Кованный пояс и *траки* носятъ только замужнія женщины, и послѣдніе имѣютъ еще одно значеніе: когда разводится жена съ мужемъ, то часть этихъ тракъ разматывается изъ-подъ пояса, мужъ отрѣзываетъ ее ножницами или ножомъ, и это значитъ, что разводъ между супругами совершенъ и обоюдно признанъ.

Поверхъ всего этого костюма надѣвается еще у Катунянъ *корет*—кафтанчикъ безъ рукавовъ, бѣлаго сукна, на распашку; то же и у Кучь; у остальныхъ — *зубун*: тоже безъ рукавовъ и на распашку темносняго сукна, съ красною оторочкою по краямъ разрѣза, идущаго спереди сверху донизу; а вверху большія серебряныя дутыя пуговицы.

Обувь у всѣхъ составляютъ чулки бѣлые шерстяные или красные, распитые (у Кучь и Васоевичей) и опанки.

Вся эта одежда не имѣетъ никакого различія, какъ у замужнихъ женщинъ, такъ и у дѣвушекъ; различіе же состоитъ только въ головномъ уборѣ. Этотъ уборъ нераздѣлимъ отъ ношенія волосъ, которое измѣняется у женщины, отъ ея дѣтства и до старости. Дѣвочки съ дѣтства стригутся гладко, какъ и мальчики; потомъ лѣтъ 7—10 у дѣвочекъ волосы запускаются: у катунянъ и въ герцоговинскихъ краяхъ онѣ стригутся въ кружокъ съ проборомъ отъ лба по срединѣ темени, у васоевичей и кучь остаются безъ пробора, а послѣ, расчесывая кругомъ, подрѣзываютъ спереди, такъ что они достигаютъ половины лба; остальные же волосы остаются безъ подрѣзки. Съ 12—14 лѣтъ начинаютъ заплетать волосы въ двѣ косы и связываютъ ихъ или на затылкѣ или кольцами съ боковъ. Въ прежнее время поверхъ волосъ дѣвушки носили бѣлый платочекъ, называемый — *руба* или *крна*, подвязываемый подъ подбородокъ, иногда обматывали всю шею и даже ротъ (особенно васоевичи и кучи).

Иногда вмѣсто бѣлаго платочка служилъ синий.

Въ послѣднее время по всей Черногоріи все больше и больше распространяется капица, одинаковая съ мужскою, только вмѣсто полукруга сбоку и княжескаго герба — посрединѣ кругъ

въ нѣсколько рядовъ золотымъ шнуркомъ, а среди круга звѣзда или какая-нибудь подобная ей фигура, и только сверхъ неся платочекъ. Маленькія дѣвочки, пока не начнутъ заплетать косъ, не носятъ этого платочка; а иныя не носятъ его и съ заплетенными косами до времени, когда уже считаются невѣстами. У горожанокъ, а также у болѣе зажиточныхъ и по селамъ все болѣе и болѣе распространяется и такая мода: платочекъ, большею частію шелковый черный, прикрѣпляется булавкой наверху капицы и откидывается складками назадъ, такъ что драпируетъ всю заднюю часть головы съ шеей и закрываетъ находящіяся сбоку, въ кольца связанные косы. Дѣвушки, не придерживающіяся строго народнаго обычая, покрывая голову платочкомъ, умѣютъ выказать свои роскошные фестонами связанные волосы: но по обычаю этого не должно быть. Отчасти волосы прикрываются съ цѣлью, чтобы въ нихъ не набивалась пыль и чтобы они не вѣтрили; а главнымъ образомъ по народному обычаю дѣвичьи волосы должны быть скрыты отъ всякаго посторонняго взгляда; поэтому дѣвушка расчесываетъ ихъ, если нѣтъ отдѣльной комнаты, въ какомъ-нибудь уголкѣ внѣ дома, гдѣ бы ее никто не видѣлъ; если же совсѣмъ некуда дѣваться, то она расчесываетъ ихъ, покрывшись какимъ-нибудь одѣяломъ, или подвявшись рано, когда всѣ еще спятъ. Стыдно замужней женщинѣ быть *головой*, а еще стыднѣе то дѣвушкѣ. Если мужчина насильно сниметъ съ дѣвушки капицу, это приравнивается къ покушенію на ея невинность; и что бы она ни сдѣлала въ оборону противъ этого покушенія — нырнула ножомъ, выколола глазъ или повредила носъ, — ее не судятъ, а ея противникъ долженъ укрываться и отъ правительственнаго суда, и отъ народнаго осужденія. Выходя замужъ, она разстается съ капицей и перечесываетъ иначе свои волосы. Впрочемъ, есть мѣста, гдѣ по убранству головы и не отличите замужней женщины отъ дѣвушки, на что укажемъ ниже. Замужнія женщины убираютъ голову въ Катупахъ иначе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Черногоріи.

Волосы остаются заплетенными въ двѣ косы, которыя, обертываясь каждая въ свою сторону, вокругъ всей головы, укладываются въ два ряда спереди на темени, а концами закрѣпляются на затылкѣ; кромѣ того отъ нихъ отдѣляются по одному пасму съ каждой стороны спереди, которыя идутъ къ затылку, прижимая уши до половины ихъ. Сверху накидывается платокъ, согнутый съ угла на уголь, при чемъ образуется треугольникъ, одинъ уголь котораго виситъ сзади, покрывая затылокъ и шею, а два боковые закидываются на верхъ, на темя, гдѣ и прикрѣпляются большою булавкой къ косамъ. Такое убранство весьма просто и живописно; но портитъ то, что волосы на вискахъ и ушахъ представляютъ какую-то сплошную намазанную и прилизанную массу. Впрочемъ, нѣкоторыя не дѣлаютъ этого, а зачесывая волосы спереди назадъ, не прилизываютъ ихъ и пускаютъ свободно: тогда шевелюра черногорки выказывается во всей ея роскоши съ соблюденіемъ должной простоты и скромности. Въ остальной Черногоріи замужнія женщины спускаютъ косы спереди внизъ, такъ что онѣ мотаются; а иногда ихъ связываютъ сзади, чтобы не мѣшали работать. Сверху надѣвается красная суконная шапочка, довольно высокая, которая покрывается бѣлымъ полотенцемъ со спускающимися назадъ расшитыми концами (крпа, крпетина). Въ косы вплетаются низки серебряныхъ монетъ разной величины, и потому при каждомъ движеніи женщины слышится бряцанье. Въ прежнее время вплетались большія серебряныя кольца (*укосници*), въ родѣ браслетъ, съ цвѣтными камнями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пивы и дѣвушки носятъ то же убранство головы, и вы ихъ можете различить отъ замужнихъ только по платку на головѣ, бѣлому, который у замужнихъ бываетъ темносиній или черный. Кромѣ того въ прежнее время дѣвушки украшали края шапки цѣлою бахромой изъ блестящихъ металлическихъ бляшекъ (*трпетлике*), покрывавшихъ весь лобъ; иногда надѣвалась діадема изъ тѣхъ же бляшекъ, жемчуга

или бисера (*нарте*)*). Такое убранство головы у невесты называется иначе *пријевес*, *превеса*.

У бѣлопавличей кое-гдѣ сохранилась еще особенная шапка, которую носят невесты (*тжок*). Кроме того внѣ Старой Черногоріи замужня женщины имѣютъ обычай повязывать лобъ синимъ или краснымъ платкомъ, свернувши его узкою полосою (*чембер или повезіло*), которымъ придерживается крпа, а иногда и безъ нея.

На ночь женщины заматываютъ голову короткимъ полотенцемъ, чтобы не трепались волосы. Такое полотенце у васоевичей называется *канавац* и бываетъ домашней работы изъ конопли, а изрѣдка и изъ льна.

Мы до сихъ поръ говорили о женскомъ костюмѣ, который носить масса, главнымъ образомъ простонародье въ селахъ. Но не можемъ не сказать нѣсколько словъ въ дополненіе и о томъ костюмѣ, который хотя и отступаетъ отъ обще-народнаго, но тѣмъ не менѣе при всѣхъ видоизмѣненіяхъ получилъ право народнаго.

Такъ, бѣлый коретъ бываетъ расшитъ золотомъ: полы по угламъ и края рукавовъ; вмѣсто простого домотканаго пояса надѣваютъ шелковый трамболосъ, если нѣтъ тьмера; коретъ также измѣняется: это куртка съ рукавами изъ бархата или атласа, преимущественно темномалиноваго цвѣта, расшитая золотомъ, открытая на груди, а на поясѣ застегивающаяся крючками. При этомъ рубашка бываетъ изъ тонкой шелковой матеріи въ родѣ нашего тюля (*бурунджук*) и тоже съ вышитыми золотомъ узорами; юбка тонкой шерстяной матеріи или шелковая, большею частію фіолетоваго цвѣта; на головѣ платокъ также шелковый черный, съ полосами по краямъ темномалиноваго и зеленаго цвѣта; опанки замѣняются штиблетами

*) Даничичъ въ своемъ «Рѣчникѣ» подъ этимъ словомъ приводитъ слѣдующее толкованіе: «limbus» и далѣе цитируетъ изъ одного стараго документа: «работане златомъ и свиломъ и съ бисеромъ, и четири комата *нарте* ветьхе с бисеромъ и съ жмадѣ (сред. лат. *smaldus*, *эмаль*) плащъ прыленога аксамита с бисерни *наръжами*».

на высокихъ каблукахъ; въ рукахъ носовой платокъ весьма тонкой бумажной ткани съ золотымъ шитьемъ. Наконецъ нѣкоторыя горожанки слѣдуютъ общеевропейскому костюму и носятъ платье съ лифомъ и юбкой (*абит*), а сверху иногда надѣваютъ коретъ. Рукава и воротъ обматываютъ кружевами (*грешна, кера*).

Женщины подгорицкія и другихъ городовъ, находившихся подъ турецкимъ господствомъ, носили по турецкому обычаю широкія панталоны изъ чернаго или темномалиноваго каленкора (*диміе*) и, когда выходили изъ дома, всегда сверху покрывались передней, а также бѣлились и румянились. Теперь все это оставлено. Въ остальномъ костюмѣ нѣтъ ничего особеннаго: рубашка, юбка, *антерія* — родъ джемадана и сверху коретъ или гунь и *елек*; есть еще длинная одежда — *джун*; поясъ простой или трамболось или тьмеръ. Грудь, сверхъ рубашки, покрываютъ еще платкомъ.

Домашняя ихъ обувь — туфли (пануче) или *нануле* (и *налуне*), состоящая изъ деревянной подошвы съ двумя поперечными брусочками подъ пяткой и носкомъ и кожаную петлю сверху на носкѣ, въ которую продѣваютъ ногу. Дѣвочки иногда въ этихъ нанулахъ ходятъ по улицамъ, ловко въ нихъ бѣгая и стуча по каменной мостовой.

Когда выходятъ изъ дома, надѣваютъ башмаки съ острыми носками—черные, желтые и красные, часто расшитые золотомъ. Войдя въ комнату, не только женщины, но и мужчины снимаютъ обувь и остаются въ чулкахъ, чтобы не затоптать всюду постлапные ковры.

Волосы замужнія женщины заплетаютъ въ двѣ косы и, обмотавъ вокругъ головы, повязываютъ сверху платкомъ (*повезач*) — молодыя цвѣтнымъ, а старыя бѣлымъ, подвязывая имъ и подбородокъ. Молодыя женщины, подражая албанкамъ, дѣлаютъ изъ краснаго платка на верху темени нѣчто въ родѣ шапочки или коронки, а концы платка спускаются сзади. Это очень красиво и даетъ женщинамъ возможность показать свои волосы, спе-

реди совѣтъ открытыя. Сверху *повезача* есть еще *фаѣло*. Дѣвушки платье носятъ въ томъ же родѣ; а волосы заплетаютъ въ одну косу безъ всякаго покрова, спущенную сзади вдоль спины; иныя же, какъ и замужня, носятъ двѣ косы. Тотъ же костюмъ и на маленькихъ дѣвочкахъ, хотя на нихъ онъ какъ-то тяжелъ и неуклюжъ, особенно когда сравнишь ихъ съ дѣвочками магометанками, на которыхъ обыкновенно весьма легкій костюмъ: тонкая бѣлая, немного ниже колѣнъ рубашка, всегда очень чистая; изъ-подъ нея виднѣются такія же панталоны; сверху родъ корсетика, не достигающаго талии, застегнутаго или распахнутаго на груди; волосы распущены по плечамъ и спинѣ, а спереди прострижены надъ лбомъ; обуви чаще всего нѣтъ никакой. Въ такомъ костюмѣ магометанскія дѣвочки представляются болѣе легкими и гибкими; походка ихъ и всѣ движенія живѣе и свободнѣе.

Что касается другихъ украшеній, какъ на рукахъ кольца (*прстени*), въ ушахъ сережки (*брнице*, *миндюше*) и на шеѣ ожерелья (*дьердани*), то ихъ въ старой Черногоріи носятъ мало: многія женщины совѣтъ не носятъ сережекъ, а ожерелья только въ особенные праздничные дни; въ новыхъ же черногорскихъ краяхъ, особенно въ Пивѣ и Дробнякахъ всего этого гораздо больше; нѣтъ однако и сравненія съ тѣмъ, что носятъ въ королевствѣ Сербскомъ.

Когда-то носили и браслеты (*белензуци*, *наручници*).

Общее заключеніе.

Мы говорили уже о томъ, какъ соблюдается чистота вообще въ черногорскомъ домѣ, замѣтивъ при этомъ недостатокъ въ ней, особенно въ мѣстахъ, страдающихъ недостаткомъ воды. Но заботливость о чистотѣ всегда была присуща черногорцу, хотя бы онъ вслѣдствіе особенно невыгодныхъ условій жизни и не удовлетворялъ ей. Поэтому бѣлье при стиркѣ всегда подвергалось предварительно щелоченію, а за недостаткомъ мыла

употребляли особенную глину, которую разыскивали иногда далеко от своего жилища. Въ послѣднее же время всюду распространено употребленіе мыла; при этомъ моютъ не одно бѣлье, но всю одежду, не исключая суконныхъ синихъ панталонъ, джемадановъ и коретовъ, хотя бы на нихъ было золотое шитье. Бѣлые гуни обыкновенно при этомъ подсиниваютъ. Въ употребленіи также глаженье; для чего употребляется утюгъ, называемый *утиа* или *супреш*, а чугунная плитка внутри его, служащая для нагрѣванія, *душа*; глаголь отъ этого — *утияти* или *супрешавати*; употребляютъ также и крахмалъ.

Возвращаясь къ костюму, замѣтимъ, что въ старой Черногоріи въ немъ больше простоты, не лишенной тонкаго вкуса, напр. въ женскомъ костюмѣ бѣлый коретъ съ золотымъ шитьемъ, легко наброшенный на голову въ видѣ драпировки темный платокъ, не скрывающій роскошныхъ косъ, лежащихъ на темени, или у дѣвушки молодецки надѣтая капица и т. д. Въ вышивкахъ рубашекъ, на что полагается много заботы, также главное составляетъ золото, а остальное — цвѣтные шелкъ или бумага, въ которыхъ однако никогда не бываетъ цвѣтовъ кричащихъ. Въ остальныхъ частяхъ костюмъ болѣе сложный и тяжелый, красивый иногда только своею простотою. Рѣдко черногорки украшаются и цвѣтами, потому, можетъ быть, что ихъ и нѣтъ почти, кромѣ дикихъ.

VII.

ПИЩА, ПИТЬЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ТАБАКУ.

Какъ земледѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, даже нѣсколько больше — скотоводъ, черногорецъ въ питаніи своемъ обладаетъ широкимъ выборомъ веществъ изъ двухъ царствъ — растительнаго и животнаго. Земледѣліе доставляетъ ему хлѣбъ, овощи и фрукты; скотоводство — мясо и молоко въ различныхъ видахъ. И еще одно важное подспорье составляетъ тоже довольно значительная рыбная ловля. Какъ ни значительно въ Черногоріи скотоводство, которому, какъ увидимъ ниже, черногорецъ предается больше, чѣмъ земледѣлію, — большая часть скота идетъ на продажу живьемъ или въ видѣ сушеннаго мяса вмѣстѣ съ другими получаемыми отъ него продуктами, какъ сыръ, масло, шерсть и кожи. Только хлѣбъ весь остается дома, составляя главную пищу черногорца. Поэтому онъ, приглашая кого-либо въ гости, говоритъ: «Пожалуйте къ намъ хлѣба откушать», а въ то же время предупреждая вопросъ о томъ, что будетъ за столомъ, и стараясь умѣрить требовательность посѣтителя добавляетъ: «И мамо доста лѣба и соли и добре воле». При заклинаніяхъ чѣмъ-либо особенно дорогимъ или святымъ чаще всего услышишь: «Тако ма лѣба и соли, које сам изјео с тобомъ», рядомъ съ другимъ: «Тако ми вина». Последнее ставится рядомъ съ хлѣбомъ и солью потому, что имъ причащаются. Но другіе

предметы пищи и питья никогда не упоминаются въ заклинаніяхъ.

Отправляясь на войну или въ какой-нибудь дальній путь, черногорецъ носить въ своей торбицѣ прежде всего «бращне-никъ» т. е. хлѣбъ; а при томъ можетъ быть въ ней сыръ или кусокъ мяса; но все это не главное и называется *смок*, какъ у насъ приварокъ; откуда и глаголъ *смочити*, *присмочити*.

Присмочити хлѣбъ, значитъ ѣсть его съ прибавкою *смока* т. е. сыра, мяса, молока, лука и т. п. Если это изъ молока, то называется *бѣли смок*, къ которому относятся и яйца.

Посты, которыхъ черногорцы въ массѣ придерживаются строго, также помогаютъ большому употребленію мучной пищи. Изъ царства растительнаго много также употребляется картофеля, капусты, лука и фасоли.

Остановимся прежде всего на мучной пищѣ.

Сѣя, смотря по мѣстности, всевозможные хлѣба, какъ рожь, ячмень, пшеницу, кукурузу, гречу, чечевицу и др., черногорецъ предпочитаетъ всему кукурузу, и сѣетъ ее даже на такихъ мѣстахъ, гдѣ тому не благопріятствуетъ климатъ, напр. въ Пивѣ, Дробнякахъ, на высокихъ горахъ въ Васоевичахъ. Безъ кукурузнаго хлѣба черногорецъ просто не можетъ жить. Даже въ городахъ, гдѣ есть пекарни, и печется постоянно пшеничный хлѣбъ, ему предпочитаютъ кукурузный; въ большихъ мастерскихъ, по заявленію хозяевъ, кормить рабочихъ пшеничнымъ хлѣбомъ дешевле, чѣмъ кукурузнымъ, потому что послѣдняго они сѣдаютъ больше. Общее названіе зерноваго хлѣба—*жито* присвоивается главнымъ образомъ кукурузѣ. И нѣтъ хлѣба, изъ котораго приготовлялось бы столько различныхъ видовъ пищи, какъ изъ кукурузы. Начнемъ съ хлѣба, который называется просто *лѣб* или *урметиновица*; а негушане, подражая которанамъ, крестятъ его итальянскимъ именемъ *бабанаца*. Приготовляется этотъ хлѣбъ слѣдующимъ образомъ: замѣшивается мука въ большой деревянной чашкѣ (*огаи*) или въ *начвалъ* съ весьма малымъ количествомъ соли и квасится, но весьма короткое время.

Затѣмъ мѣсится и, когда приобрѣтетъ достаточную густоту, печется двумя способами: въ *упретнякъ* или въ *црепулю* подъ *сачема*.

Что такое упретнякъ, мы уже говорили; когда тѣсто готово, то разогрѣтый жаромъ подъ этой печи очищается и на него вываливается изъ вагана тѣсто, а потомъ сверху покрывается золой и жаромъ, и такимъ образомъ хлѣбъ испечется.

Црепуля или *црепя*, какъ мы сказали, плоское блюдо съ крутыми краями изъ глины, иногда обожженное, какъ кирпичъ, а иногда только хорошо высушенное. Въ первомъ обыкновенно посрединѣ въ днѣ продѣлывается дырочка, а въ послѣднемъ нѣтъ ничего, и въ немъ печется хлѣбъ, какъ въ упретнякѣ, только оно предварительно сильно нагрѣвается на огнищѣ. Црепули необожженныя приготавливаются многими женщинами домашнимъ способомъ; а обожженныя привозятся изъ Скадра, Печи и др. мѣстъ, гдѣ онѣ изготавливаются на маленькихъ заводахъ. Хлѣбъ въ этихъ послѣднихъ печется такимъ образомъ. Прежде всего црепуля кладется на огонь, чтобъ раскалилась; затѣмъ крючкомъ, продѣвши его въ дырочку дна, снимаютъ ее съ огня и, поставивъ на полъ, вываливаютъ тѣсто и покрываютъ желѣзнымъ сачемъ, который представляетъ собою форму низкаго колпака съ ушкомъ наверху, и съ небольшою закраиной кругомъ по низу; а сверху него насыпаютъ жару съ золой. Такимъ образомъ хлѣбъ пропекается снизу отъ раскаленной црепули, а сверху отъ жара, лежащаго на сачѣ.

Свѣжеиспеченный и горячій такой хлѣбъ довольно вкусенъ, особенно со *скоруномъ* (родъ сливочнаго, нетопленнаго масла); но онъ скоро черствѣетъ, сильно крошится и дѣлается совершенно безвкуснымъ. Поэтому его и ѣдятъ большею частію со смокомъ: сыромъ, молокомъ, мясомъ или съ какою-нибудь похлѣбкой. И чабану (пастуху), цѣлый день бродящему со стадомъ, въ его торбицу кладется кусокъ хлѣба и немного сыра. Въ постъ же или по нуждѣ ѣдятъ просто сухой хлѣбъ.

Тѣмъ же способомъ приготавливается и пшеничный хлѣбъ,

называемый *попача* (focaccia); а иногда готовятъ изъ пшеничной муки прѣсный хлѣбъ въ родѣ лепешки и пекутъ его въ золѣ, это — *прѣснопача*. То же самое изъ ржи, ячменя и гречи; при чемъ послѣднiя мелются съ шелухой. Ячменный хлѣбъ больше всего въ употребленiи въ Банянахъ, Пивѣ и Дробнякахъ.

Другое кушанье, приготовляемое изъ кукурузной муки — *качамак*, играющiй весьма важную роль въ жизни черногорца. Онъ готовится такъ: кипятится въ котлѣ вода, потомъ всыпается въ нее мука, сначала немного, и мѣшается большою ложкой, потомъ все больше и больше, пока загустится, какъ тѣсто; бросается туда немного соли. Все искусство состоитъ въ томъ, чтобъ размѣшать такъ хорошо, чтобъ вся масса была одинакова. Потомъ котелъ снимается, и кто управляетъ, беретъ ложкой и раздаетъ каждому въ чашку, а иногда просто на руки. Это весьма важно при домашнихъ путешествiяхъ партiями и на работахъ: хлѣбъ тяжелъ и не такъ помѣстителенъ, какъ мука, которой берется мѣшочекъ, и еще нуженъ котелокъ. Качамакъ можетъ быть готовъ за одинъ часъ.

Въ старое время въ Морачскомъ монастырѣ, при игуменѣ Димитрiѣ, въ голодный годъ цѣлое населенiе Морачи, а отчасти и другихъ мѣстъ приходило въ монастырь кормиться качамакомъ. Вдоль всего монастырскаго двора разстиралось сукно, только что сотканное и ни на что не употреблявшееся, замѣняя накрытый скатертью столъ; по краямъ усаживались сотни народа; приносились котлы съ дымящимся качамакомъ, и самъ игумень съ нѣсколькими помощниками изъ народа же передъ каждымъ выкладывалъ большою ложкой *ки.лу* или *зруду* (комокъ) качамака. Много разъ мнѣ случалось его ѣсть, и онъ мнѣ казался несравненно вкуснѣе кукурузнаго хлѣба, можетъ быть, потому, что онъ всегда свѣжiй и горячiй; а съ молокомъ кислымъ или прѣснымъ и со скорупомъ онъ совсѣмъ вкусенъ, и напоминаетъ нѣсколько нашу саламату. Готовится онъ также съ картофелемъ, который въ сваренномъ видѣ растирается и смѣ-

шивается съ качамакомъ деревянною палкой или особеннымъ пестомъ (*туцань*); и это также очень вкусно.

Изъ кукурузной же муки и тѣмъ же способомъ готовится *каша*, которая однако много жиже нашей и хлебается ложкой.

И еще кушанье *скроб*, въ которомъ совсѣмъ мало муки, такъ что вода только замутится. Онъ и готовится тогда, когда недостатокъ въ мукѣ; а иногда просто пріятна такая похлебка, которую и готовятъ по вкусу гуще или жиже. Иногда къ нему прибавляется скорупа, и тогда сверху образуется довольно плотная пѣнка. Это въ то же время—пища пастуховъ, когда они только что пригнали стадо; а пригоняютъ они стадо тогда, когда появится вечерняя звѣзда, которую потому и называютъ *скробирица*. Иногда это кушанье сварится и остается, пока придутъ пастухи; а кто-нибудь изъ оставшихся дома, приподнявши сбоку пѣнку, выхлебаетъ весь скробъ, и подъ нею ничего не останется.

Въ видѣ приправы кукурузная мука входитъ въ различныя кушанья, или изъ нея дѣлается нѣчто въ родѣ похлебки, какъ *тарана*, *бунгур* (оба тур. куш.). Есть особое кушанье *кулеш*, которое готовится слѣдующимъ образомъ. Кукурузныя зерна сначала поджариваютъ, потомъ мелютъ и изъ этой муки (называется — *пра*) варятъ качамакъ. Въ Васоевичахъ, если въ скробъ всыплютъ много муки или крошатъ много хлѣба, то говорятъ: «О како си закулешію». Какъ черногорецъ цѣнить главные изъ упомянутыхъ выше кушаній, выражено въ слѣдующей поговоркѣ: «Качамаче, добри човѣче! Скробе — гладни дробе; жельо — лѣбо!». Кукурузною мукой начиняются колбасы (*кубасице*), особенно такъ называемая *мушница*, *кулеш*, или *пон*, куда входятъ свиное сало, изюмъ и другіе припасы; она мѣшается въ яичницу вмѣстѣ съ сыромъ или кислымъ молокомъ называется *кожанд*, (въ Далмаціи *преврта*); съ нею же готовится и весьма распространенное и очень любимое даже въ лучшихъ домахъ, начиная съ княжескаго, *скоруп* или *готов* (въ Сербіи *цицгара*). Онъ готовится такъ: берется молодой сыръ и маленькими

кусочками кладется на *тенсію* (жестяная сковорода), растапливается, и изъ него образуется тягучая масса; потомъ подсыпается и смѣшивается мука, а затѣмъ кладется скорупъ, который все это заливаютъ масломъ. Можетъ быть приготовлено это кушанье и безъ сыра. Оно довольно вкусно; но для человѣка, не привыкшаго къ очень жирной ѣдѣ, тяжело. Сверхъ всего его поливаютъ иногда еще сотовымъ медомъ. Въ Васоевичахъ примѣшиваютъ въ него немного зеленого лука или смѣшиваютъ съ такъ называемымъ *затопомъ*: это бараній желудокъ, сваренный и изрѣзанный въ куски вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ печени и легкаго, и вмѣстѣ все залитое въ сало и потомъ хранящееся въ мѣху, откуда и вырѣзывается кусками или пластами. То же самое называется *готовиши*, *подробаи* и *каурма*; а подъ затопомъ размѣется иногда баранье сало слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ заготовленное въ прокъ. Берутъ сала около 10 окъ, растапливаютъ въ котлѣ, изъ котораго оно переливается для остуженія въ другой сосудъ, плоскій глиняный или тоже металлическій; но, пока оно не остыло, кладутъ веревку изъ лыка (преимущественно содраннаго съ вязаго дерева), завязанную посрединѣ петлей (*ужса*), которая серединой погружается на дно, тогда какъ концы свѣшиваются черезъ края; а потомъ, когда сало застынетъ, то его вынимаютъ въ видѣ круга, концы веревки связываютъ и такъ вѣшаютъ на гвоздь подъ крышей. Когда нужно, отъ него рѣжутъ куски и употребляютъ для приправы къ мучной ѣдѣ.

Початки кукурузы, молодые, но уже имѣющіе въ себѣ мучнистое вещество, ѣдятъ, испекши на жару, и это называется *печеняж*. Зерна зрѣлой кукурузы жарятъ въ маслѣ или скорупѣ. Но варить молодую кукурузу, какъ у насъ, у нихъ не въ обычаѣ.

Еще дѣлается изъ нея *пра*: берутся кукурузныя зерна и мелются вмѣстѣ съ солью; а затѣмъ эта мука поджаривается и съ нею ѣдятъ хлѣбъ (не кукурузный), обмакивая въ нее, какъ въ какой-нибудь смокъ. Это тамъ, гдѣ кукуруза плохо родится, какъ въ Никшицкой окрестности и Пивѣ.

Ржаной и ячменный хлѣбъ ѣдятъ потому только, что эти виды жита въ тѣхъ мѣстахъ лучше родятся; ячменную муку иногда примѣшиваютъ къ кукурузному хлѣбу, отчего онъ пріобрѣтаетъ больше вязкости и нѣкоторую сладость, какъ смѣшиваютъ иногда и съ пшеничною мукой. Изъ гречневой муки печется пѣчто въ родѣ лепешки и замѣшивается каша; но больше она употребляется въ видѣ примѣси къ другой мукѣ.

За кукурузой слѣдуетъ наибольшее употребленіе пшеницы. Мы уже упомянули приготавливаемую изъ пшеничной муки *погачу*; въ городахъ, бывшихъ въ турецкомъ владѣніи, пекутъ такъ называемые *симиты* и *сомуны*: первые болѣе высокіе и изъ болѣе квашеннаго тѣста, а послѣдніе въ родѣ лепешекъ сладковатые, иногда же въ нихъ ощущается пѣчто въ родѣ горечи. Вообще простой черногорскій хлѣбъ, испеченный дома, несравненно лучше этихъ произведеній турецкихъ пекаренъ. На Цетинѣ многіе покупаютъ хлѣбъ, приносимый на базаръ изъ окрестныхъ сель, особенно изъ Добрскаго-села, предпочитая его даже лучшему бѣлому хлѣбу городскихъ пекарей, и имѣютъ основаніе: этотъ послѣдній, какъ бы ни былъ хорошо приготовленъ, бѣлъ и мягокъ, всегда имѣетъ во вкусѣ нѣчто постороннее, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ получаемой изъ Триеста мукѣ есть какія-нибудь постороннія примѣси. Самую лучшую муку называютъ *сита*, или еще выше сортъ *войничка сита* (преимущественно приходившая во время войны изъ Одессы).

Какъ ни пристрастенъ черногорецъ къ кукурузѣ, но въ особенныхъ случаяхъ требуется непременно пшеничный хлѣбъ. Изъ пшеничной муки непременно готовятъ *проскуру* (обычный хлѣбъ, приготавливаемый дома, съ печатью наверху, въ дни поминовенія усопшихъ и др.) и *колач* въ день прославленія *крестнаго* имени. *Коливо* или *панатія* (кутья) также должны быть изъ пшеницы.

Изъ пшеничной же муки пекутъ *прианицы* (наши оладьи), употребляемыя въ нѣкоторые дни, какъ *бадній* вечеръ и бѣлая недѣля (масляница). Ихъ замѣняютъ *масенице*: это родъ тонко

раскатанной лепешки, которая засушивается и послѣ рвется на куски и поджаривается въ скорушѣ, замѣняющемъ масло.

Изъ пшеничнаго хлѣба приготавливаютъ особенное кушанье, называемое *понара*. Оно готовится такъ: хлѣбъ рѣжется на ломти, потомъ ломится на болѣе мелкіе кусочки, которые обвариваются горячею водою и вмѣстѣ съ нею и съ прибавкою скорупа варятся, но такъ чтобъ не разварились въ сплошную массу.

Когда положить побольше скорупа, это кушанье довольно вкусно и доставляетъ при томъ горячее, скоро и легко изготовляемое;—за неимѣніемъ, однако, часто варится безъ скорупа.

Въ послѣднее время не только въ городахъ, но и въ селлахъ распространяется употребленіе привозимыхъ изъ-за границы макаронъ и другихъ препаратовъ изъ тѣста (*пашта*, *pasta*); но есть и своего домашняго изготовленія родъ лапши. Для этого дѣлаютъ тѣсто съ небольшимъ количествомъ яицъ, раскатываютъ его въ очень тонкій листъ, который потомъ высушиваютъ на солнцѣ (обыкновенно это заготовленіе производится осенью для зимы); и это называется *юбка*. Потомъ еѣ ломаютъ на мелкіе кусочки или, пока еще не совсѣмъ высохла, разрѣзываютъ въ родѣ лапши, и въ измельченномъ видѣ она называется *еричте*. Кушанье, приготовленное изъ этого, какъ наша лапша, называется *юбка* или *рѣзанцы*.

Въ родѣ нашего слоенаго пирога у черногорцевъ есть *пита*, состоящая изъ очень тонкихъ листиковъ, между которыми прокладываются тонкіе слоя — сыра, мяса, сваренныхъ листковъ свеклы, капусты и т. п.

Въ Подгорицѣ изъ тѣста-же дѣлаютъ кушанье — *малтія*. Это тоже очень тонко раскатанная лепешка, которую свертываютъ въ трубку въ родѣ веревки, а потомъ разрываютъ на куски и поджариваютъ въ маслѣ, давши только зарумяниться, а сверху заливаютъ сахарнымъ сиропомъ; лѣтомъ вмѣсто сахару употребляютъ кислое молоко. Многія хозяйки даже въ селлахъ умѣютъ готовить бисквитное печенье — *патишпанъ* (*pain d'Es-ragne*). Есть еще и другія, собственно городскія и не народныя

кушанья; но мы ихъ пропустимъ и перейдемъ къ мясной пищѣ.

Больше всего въ Черногоріи держится мелкій рогатый скотъ, овцы и козы, которыя и играютъ главную роль въ экономической жизни народа. Крупный-же рогатый скотъ служитъ, какъ рабочая сила. Овцы и козы главнымъ образомъ даютъ черногорцу молоко и молочные скопы; коровы-же держатся исключительно для этого только въ городахъ. Поэтому больше всего употребляется въ Черногоріи мясо овецъ и козъ, и затѣмъ въ значительно меньшемъ размѣрѣ говяжье.

Бойня скота называется — *кланица*, *касанница*, *постъкъ*, *комарда*; а мясникъ — *касан* или *касанин* и *комардар*. Въ бараньей тушѣ различаются: *плеће*, заключающее въ себѣ переднюю часть, *кошет* — задняя, *полутница* — съ ребрами, особенно въ сушеномъ мясѣ, и *побочина* или *побушина*, иначе *джампа* — паховая часть; у крупнаго рогатаго скота — *стѣно* — задняя нога; вообще же четвертая часть — *чреск* — *први* и *задни*. Въ городахъ отдѣльно продаются голова, ноги (*паче*), легкія и т. д. Въ мясѣ, кромѣ его обыкновенныхъ качествъ, наблюдается еще, здорово-ли оно, и если замѣтять въ немъ бѣлые пузырьки или крупинки, особенно въ свиномъ мясѣ, то его не ѣдятъ и называютъ такое мясо *штрокаво* или *франковато*.

Свиней не вездѣ можно держать въ достаточномъ количествѣ, поэтому и свиное мясо употребляется въ ограниченномъ количествѣ; оно считается лакомствомъ, и его не всегда можно найти на базарахъ. Но на званыхъ обѣдахъ ветчина (*пршута*) съ капустой составляетъ непремѣнное и при томъ очень лакомое блюдо.

Что касается бараньего и козьего мяса, то оно употребляется свѣжее и соленое. Самое вкусное мясо, конечно, отъ молодыхъ животныхъ, и потому ягнятина — лакомое блюдо черногорца.

По народному опредѣленію можно колоть и ѣсть ягнятъ только съ Юрьева дня (23 апрѣля), когда они уже нѣсколько подрастутъ и наѣдятся травы.

Для почетнаго или дорогого гостя черногорецъ непременно заколетъ ягненка или козленка; для себя же, кромѣ извѣстныхъ случаевъ или праздниковъ, никогда не заколетъ не только ягненка, но и старой овцы или барана. Это бываетъ только на *Божич* (Рождество) или на праздникъ *славы*, если онъ случится въ скоромный день; а также на свадьбахъ обѣ стороны, какъ женихова, такъ и невестина, колятъ много барановъ. Люди побогаче, живущіе далеко отъ базаровъ, колютъ барановъ исключительно для себя и для своего потребленія; а вообще черногорцы, если и заколютъ нѣсколько штукъ осенью, или уже когда наступить зима, такъ что скотъ нужно ставить на сѣно, то исключительно для приготовленія сухого мяса (сухо месо, кастрадина), которымъ онъ можетъ пользоваться отъ времени до времени почти цѣлый годъ. При этомъ голова и внутренности съѣдаются свѣжими; варятся также отдѣльно ноги; изъ головокъ готовится студень (*никтиа*); а туша цѣлая или по частямъ держится нѣкоторое время въ разсолѣ, а потомъ развѣшивается въ домѣ подъ огнищемъ, гдѣ постепенно высушится и продымится, какъ у насъ ветчина. Такимъ образомъ готовится безразлично баранье и козье мясо. Нѣкоторые готовятъ больше для продажи и, занимаясь этимъ въ большомъ количествѣ, для того закупаютъ скотъ. Сухое мясо продаютъ и за границу.

Говяжьего мяса совсѣмъ почти нельзя найти въ селахъ, и рѣдко случится, если кому-нибудь необходимо продать коровенку или бычка, то, чтобы не гнать далеко на базаръ, въ договорѣ съ нѣсколькими заколютъ и потомъ раздѣлятъ мясо. Приготавливаютъ и говяжье сухое мясо изъ части вдоль хребта и изъ лопатокъ, и это называютъ *кляница* или *лома*. Это дѣлаютъ для себя только немногіе зажиточные хозяева или торговцы, особенно содержатели гостиницъ или хановъ (постоялыхъ дворовъ). Однимъ словомъ простые черногорцы рѣдко ѣдятъ дома свѣжее мясо; но сухое мясо въ рѣдкомъ домѣ не имѣется въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, полугода.

Свиное мясо, какъ мы замѣтили, употребляется мало; но на

Рождество непременно долженъ быть испеченъ поросенокъ или цѣлый подсвинокъ. Поэтому неизмѣющіе своихъ свиней покупаютъ поросятъ на базарѣ и къ тому дню ихъ откармливаютъ. Кромѣ того, также поступаютъ, чтобы, получить окорока, которые солятъ и коптятъ, иногда снявши съ нихъ сало; а остальные части сѣдаютъ свѣжими. Это мясо откормленной свиньи и называется *крметина*. Больше же всего употребляется свиное сало (*сланина*), которое, конечно, солятъ, но не рѣжутъ на куски и не складываютъ въ кадушки, какъ у насъ, а развѣшиваютъ большими кусками или цѣлымъ пластомъ, снятымъ вдоль хребта отъ хвоста до шеи, и это называется *крга сланине*. По потребности отрѣзываютъ отъ него куски, а цѣлый пластъ продолжаетъ висѣть. Сало это, какъ и у насъ, замѣняетъ масло и мясо. Кромѣ того, приготовляются различныя колбасы, о которыхъ мы упомянули выше; а проживающіе въ Черногоріи изъ турецкихъ предѣловъ изъ кишокъ приготовляютъ *суджуки* *), родъ колбасъ, начиня ихъ мясомъ, саломъ и различными спеціями; потомъ ихъ варятъ и оставляютъ въ прокъ.

Изъ дикихъ звѣрей ѣдятъ мясо зайца и дикой козы; но охота на послѣднюю ограничена правительствомъ; зайца же многіе не ѣдятъ, да не умѣютъ и приготовить, и потому ихъ больше продаютъ въ города.

Изъ домашней птицы держатъ только куръ и то въ весьма маломъ количествѣ. Утокъ держатъ въ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, какъ рѣка Черноевича, Подгорица, Даниловградъ; гусей же, какъ и индюшекъ, покупаютъ въ Скадрѣ и Драчѣ. И все это составляетъ господскую пищу.

Рыбы въ Черногоріи достаточно и черногорцы ѣдятъ её охотно, особенно цеклиняне, владѣющіе отличными рыболовными мѣстами. Другія-же мѣстности покупаютъ отъ цеклинянъ мелкую сушеную рыбу — *уклеву* и нѣкоторые другіе мелкіе сорта.

*) Слово это турецкое и напоминаетъ нашъ сычугъ, который однако у насъ представляетъ нѣчто другое.

И потому рыба играетъ весьма важную роль въ экономіи черногорца, давая ему приправу (смок) для постныхъ дней.

Мы перечислили весь матеріалъ мясной пищи и отчасти указали, въ какомъ видѣ онъ употребляется; теперь скажемъ, какъ онъ готовится для ѣды въ видѣ отдѣльнаго кушанья.

Мясо, какъ свѣжее, такъ и сухое, варится въ котлѣ, если его много, или въ горшечкѣ, просто, безъ всякой приправы или съ капустой, картофелемъ, иногда съ рисомъ; сухое мясо преимущественно съ капустой, особенно съ кислой.

Замѣтимъ при этомъ, что какое бы мясо ни варили, жидкости (*юха, чорба*) оставляется очень мало, и при угощеніяхъ дадутъ только немного хлебнуть и скорѣе убираютъ: это по ихъ понятію послѣднія ѣда. Поэтому въ черногорскомъ простонародномъ быту нѣтъ горячихъ въ родѣ пашихъ, какъ щи, разные похлебки, уха и т. д. Въ Подгорицѣ же, Барѣ и на Рѣкѣ, конечно, готовятъ различныя горячія, которыя вообще называютъ по-итальянски *манестра* и всегда сильно подбитыя мукой и приправленныя уксусомъ, лукомъ, перцомъ и т. п.; но подаютъ ихъ на столъ всегда охлажденными. Впрочемъ, также охлаждаются и другія кушанья, потому что имѣютъ обычай ставить на столъ сразу всѣ кушанья. Это однако не въ обычай у черногорцевъ, подъ влияніемъ которыхъ измѣняютъ свой обычай подгоричане и др. Главную же часть черногорскаго стола составляетъ печеное баранье мясо: обыкновенно пекутъ цѣлаго барана на *рѣжнѣ* (вертелъ деревянный или желѣзный) и потомъ ѣдятъ его холоднымъ нѣсколько дней. Въ этомъ отношеніи черногорецъ чрезвычайно искусенъ, не жалѣетъ труда и совершаетъ цѣлую операцію съ необычнымъ для него терпѣніемъ.

Вертелъ — это цѣлый колъ, который проходитъ сквозь животное отъ зада въ ротъ; ноги связываются и прикрѣпляются къ вертелу. Затѣмъ одинъ конецъ или оба кладутся на камни на огнище, и къ одному боку пригребается жаръ, но не сильный. Вертелъ поворачивается медленно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Все искусство состоитъ въ томъ, чтобы мясо хорошо испеклось, и не растрескалась бы кожа. Въ предупрежденіе этого иногда берутъ кусокъ свиного сала и топятъ его на лучинѣ, капаютъ по кожѣ, или кусокъ этотъ завертываютъ въ бумагу и зажигаютъ.

Иногда его начиняютъ рисомъ съ изюмомъ и другими приправами, или кладутъ въ него цѣлую курицу, которая также хорошо испечется. Если эта работа производится не на открытомъ мѣстѣ, то совершающій его подъ конецъ *одими*, т. е. отъ дыма и жара у него заболятъ глаза и завертится голова; но онъ все терпѣть, по окончаніи же выйдетъ и ляжетъ на дворѣ, а иногда невольно упадетъ.

И дѣйствительно такимъ образомъ испеченное мясо превосходитъ вкусомъ всякое, испеченное другимъ способомъ. Когда бываютъ большія народныя пиршества, такимъ образомъ пекутъ цѣлыхъ быковъ.

О сухомъ мясѣ мы уже говорили, что оно варится и главнымъ образомъ съ капустой; но большею частью его ѣдятъ сырымъ, какъ у насъ ветчину, откуда и происходитъ распространенность страданій отъ ленточнаго глиста. Пекутъ они его на жару п маленькими кусочками и то немного, какъ выражаются, *подержать на жару, «да се пригрѣе»*.

Ветчину они ѣдятъ тоже или сырымъ, или варятъ главнымъ образомъ съ капустой и меньше съ картофелемъ. Свиное сало часто замѣняетъ мясо и также варится съ капустой, и это составляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одно изъ лучшихъ кушаній. По этому поводу есть пословица: «Турци кажу: тарана је рана; црногорци: купус и сланина».

Курицу варятъ и пекутъ такъ же, какъ ягненка, и въ этомъ послѣднемъ видѣ она превосходна. Но иногда, ставя на столъ, еѣ разрѣзаютъ на мелкіе куски и поливаютъ медомъ.

Рыбу свѣжую, если крупная—сазанъ, лаксфорель, угорь—варятъ и въ уху прибавляютъ уксуса, муки, предварительно поджаривши съ оливковымъ масломъ (*уље*), такъ что

варится съ мукой и разными приправами и выходитъ изъ того какая-то густая похлебка; или же её жарятъ на оливковомъ маслѣ; а мелкую, какъ горную форель, уклеву, скобаля (родъ плотвы) и др. пекутъ на жару или также жарятъ въ маслѣ. Сухую уклеву ѣдятъ сырою или немного пекутъ (пригрѣвають на жару). Упомянутыя выше рыбы, кромѣ уклевы, сушенныя и соленныя варятся съ капустой. Это мы говоримъ объ употребленіи рыбы по цѣлой Черногоріи вообще, а въ мѣстностяхъ, гдѣ она особенно ловится въ изобиліи, какъ Рѣцкая-нахія, окрестности Подгорицы и нѣкоторые городки или базарныя мѣстечки, есть много способовъ ея приготовленія; но всѣ они похожи одинъ на другой и основаны на приправахъ, такъ что въ ихъ приготовленіи особенный вкусъ рыбы почти ничего не значить. То же можно сказать и относительно приготовленія мясныхъ блюдъ въ городскихъ корчмахъ: всѣ они, какъ *пирьянз*, *янія*, *папазіянія* и т. п. ни что иное какъ разрѣзанное на куски мясо съ различными, но похожими одинъ на другого соусами, въ которыхъ вкусъ мяса — говяжье оно, баранье или куриное — совершенно исчезаетъ. Да и не народныя это черногорскія кушанья, а турецкія, греческія, отчасти итальянскія.

Яйца не варятъ, а пекутъ въ горлячѣй зогѣ, чтобъ были крутыя; а чтобы были всмятку, ставятъ въ холодный пепель передъ огнемъ и поворачиваютъ, чтобы согрѣть одинаково со всѣхъ сторонъ; но выходитъ иногда яйцо съ одной стороны крутое, а съ другой совсѣмъ сырое. Кромѣ того изъ нихъ приготовляютъ личницу на скорупѣ или на свиномъ салѣ, какъ мы уже упоминали.

За этимъ слѣдуетъ молочная пища.

Молоко здѣсь главнымъ образомъ получается отъ овецъ и козъ, которыхъ начинаютъ доить послѣ того, какъ отдѣляютъ молодыхъ животныхъ отъ ихъ матерей, хотя и до того времени доятъ по-немногу, чтобы только пріучить ихъ къ доенію. Это первое доеніе происходитъ до отправленія на катуны, и тутъ всѣ члены семейства одинаково пользуются молокомъ приблизительно отъ

Юрьева-дня до Троицы, когда часть семейства отправляется на катунь. Тогда живущіе на катунѣ пользуются молокомъ безъ ограниченія, а оставшіеся въ селѣ получаютъ его изрѣдка или отъ времени до времени сами отправляются на катунь, чтобы вдоволь напиться и наѣсться молока.

Оно употребляется въ двухъ видахъ: прѣсное и кислое; при томъ сырымъ молоко не пьютъ никогда, а всегда вареное, при чемъ всегда въ него кладется хоть небольшой кусочекъ соли: оттого оно дѣлается гуще и слаще. Это называется *вареника* или *варенина*; а когда скажете просто *мѣско*, то это значитъ—кислое. Самое густое и самое сладкое молоко бываетъ въ августѣ, и это называется *ярдум* или *жушавина*. Оно такъ густо, жирно и сладко до приторности, что я никогда не могъ съѣсть его больше десяти ложекъ, тогда какъ черногорцы съѣдаютъ его огромное количество. Его однако не даютъ много ѣсть, потому что съ него же снимаются пѣнки, изъ которыхъ дѣлается скорупъ, а изъ оставшагося молока варится сыръ. Какъ все это производится, мы скажемъ въ отдѣлѣ скотоводства и жизни на катунѣ; а здѣсь говоримъ о молокѣ и молочныхъ скопахъ, какъ о пищѣ. Въ этотъ молочный періодъ пьется молока вдоволь, особенно кислаго, которое замѣняетъ воду.

На катунѣ никогда не ѣдятъ мяса, если не придетъ какой-нибудь гость, и питаются исключительно молокомъ въ разныхъ видахъ.

Гдѣ много молока, дѣти досыта наѣдаются того, что пристаётъ къ стѣнкамъ сосудовъ, и имѣетъ особое названіе *чребица*, и это самое сладкое. Само собою разумѣется, что на катунѣ чаще, чѣмъ въ селѣ, варится скорупъ съ кукурузной мукой и качамакъ не ѣдятъ безъ молока.

Этотъ молочный періодъ продолжается приблизительно до Митрова дня (26 октября), слѣдовательно полныхъ шесть мѣсяцевъ.

Изъ растительныхъ веществъ послѣ хлѣба по всей Черногоріи больше всего распространено употребленіе картофеля и капусты.

Самое обычное употребленіе картофеля—*запретати* (испечь въ золѣ); а затѣмъ варять; но для этого нѣкоторые сорта, и между ними русскій, не годятся, потому что растрескивается кожица и все содержимое разваривается. Ъдятъ его съ хлѣбомъ, и рѣдко съ сыромъ или со скорупомъ. Наконецъ примѣшиваютъ его въ разныя кушанья съ капустой или съ мясомъ. Поджариванія въ маслѣ скоромномъ или постномъ простой народъ вовсе почти не знаетъ; а въ городахъ, конечно, готовятъ его на различныя способы. О примѣшиваніи картофеля въ качамакъ мы уже говорили; но иногда примѣшиваютъ его и въ хлѣбъ.

Капусты здѣсь два главныхъ вида: *раштан* — на высокомъ стеблѣ, не завивающаяся въ головку и дающая только сѣрые листья, которые выбиваетъ почти цѣлый годъ въ теплыхъ мѣстахъ, какъ Рѣка, Церница, Баръ, Ульцинъ и др., гдѣ она главнымъ образомъ и произрастаетъ, и вишковая (*ловато земле*).

Первая, конечно, не поступаетъ въ запасы и употребляется прямо со стебля, что продолжается до Рождества; а вторая хранится или свѣжая въ головкахъ, или квашеная.

Самая распространенная по всей Черногоріи вишковая капуста, гдѣ она отлично родится, принося вишки, хотя небольшіе, но твердые съ весьма нѣжными и сладкими листьями внутри головки. На приготовленіе ея въ прокъ полагается много заботы, и черногорець хвалится своимъ *бадневымъ землемъ*, т. е. заквашеннымъ въ большой кадушкѣ (*бадамъ*). Приготовленіе это весьма просто: очистивъ отъ сѣрыхъ листьевъ и отрѣзавъ стебель, дѣлаютъ ножомъ ямку въ этой срѣзанной части и набиваютъ въ нее соли съ чайную ложечку; затѣмъ складываютъ ихъ въ кадушку и наливаютъ водой; когда капуста вопьетъ эту воду, наливаютъ ея еще; а послѣ всего этотъ разсолъ, пришедшій уже въ броженіе, выпускаютъ черезъ отверстіе въ днѣ кадушки и опять вливаютъ туда же, и продѣлываютъ эту операцію разъ или два. Начинаятъ её ѣсть около Рождества, а затѣмъ, когда разговѣются, она составляетъ непремѣнную приправу въ столѣ, осо-

бенно къ мясу. И дѣйствительно эта капуста превосходна; но ея всякій имѣеть только для себя; такъ что горожане выписываютъ изъ Австріи (изъ Крайны) безвкусную шинкованную капусту, называя ея въ отличіе отъ своей *краут*.

Изъ другихъ огородныхъ растений такое же широкое пространство имѣеть лукъ, который кладутъ въ кушанья, какъ приправу, и ѣдятъ въ сыромъ видѣ съ хлѣбомъ какъ *смок*.

Горохъ почти неизвѣстенъ въ Черногоріи, и только въ городахъ знаютъ мелкій горошекъ (*биджу*); а *рах* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ фасоль (ваджола); употребляютъ также чечевицу (*летья, сочевница*); около Подгорицы, Бара и Ульцина употребляютъ крупные желтые бобы, угловатой формы. Въ Дробнякахъ и Пивѣ изъ фасоли дѣлають такое приготовленіе. Развариваютъ её, потомъ процѣживаютъ на сито (цѣдило) и, если еще остается много жидкости, то и въ другой разъ процѣживаютъ черезъ холстъ; этотъ густой осадокъ посолятъ немного и высушатъ, и потомъ изъ него готовятъ супъ; это называется *пипула*.

Отъ свеклы (*цвекла*) употребляютъ главнымъ образомъ только листья (*блитва*), сваренные при другомъ кушаньѣ или же, какъ отдѣльное постное кушанье съ оливковымъ масломъ, солью и уксусомъ; изъ нея же дѣлается и постная *пита зеляница*.

Весьма мало извѣстны рѣпа (*репя*) и морковь (*мрква, шарарапна*). Въ мѣстахъ особенно теплыхъ какъ Рѣка, Жаблякъ, Подгорица, Баръ, Ульцинъ, въ продолженіи лѣта довольно много ѣдятъ арбузовъ и дынь; но тыквы служатъ почти исключительно для корма свиней; только одинъ мелкій сортъ изъ нихъ (*тиковце*) употребляется людьми: ихъ начиняють мясомъ съ рисомъ.

Не очень распространено и употребленіе огурцовъ (*краставац*). Въ бывшихъ турецкихъ городахъ много употребляются: красный перецъ (*наприка*), чеснокъ (*чешань*), помидоры, потлажаны, бамія (*hibiscus*), праса (особенный видъ сладкаго лука) и растенія, служащія для приправы—петрушка (*петрусин* и *майдана*), укропъ (*конар*), мята и др. Тамъ же лукъ и чеснокъ марин-

пують; а паприки, помидоры и огурцы сохраняють въ разсолѣ (туршія).

Употребляють въ пищу и дикія растенія, какъ портулакка (*турит*), два вида лебеды (*лобода питома* и *штур* или *пардѹ*, *bonushomo*), цикорій (*жуляница*), родъ дикаго артишока (*красаец* (*carduus*), дикая спаржа (шпароге) и въ томъ же родѣ молодые, только что показавшіе изъ земли ростки (куке) вьющагося растенія (*шкромутовина*, *clematis vitalba*) и т. п. Приготавливается все это сваренное съ прибавленіемъ соли и оливковаго масла.

О грибахъ же и ихъ употребленіи имѣють весьма слабое понятіе; да и мало ихъ, такъ какъ не достаетъ для нихъ толстаго слоя лѣсной почвы и влаги. Общее названіе имъ *печурке*, *бубешке* и *книга*.

Бродя со стадами по горамъ, пастухи лакомятся дикими ягодами, какъ малина, земляника (*яюде*), черника (*боровница*), ежевика и черная малина (куньена, *rubus fruticosus*, которую смѣшиваютъ съ ежевикой), кое-гдѣ крыжовникъ (*огрозд*, *шмоняк*). Но всѣ эти ягоды не собираются и изъ нихъ не дѣлается никакого употребленія, только въ послѣднее время землянику стали приносить на продажу въ Цетинье.

Впрочемъ для лакомства у нихъ много различныхъ фруктовъ.

Фрукты эти они частью продають на ближнихъ базарахъ, частью потребляютъ сами; но впрокъ не запасаютъ. Впрочемъ въ Васоевичахъ я видѣлъ груши и яблоки, напизанныя на шнуръ и повѣшенныя надъ огнищемъ, гдѣ онѣ сушатся.

Въ Цермницѣ и Рѣцкой нахи, около Подгорицы, а также въ округахъ Бара и Ульцина приготавлиють варенье изъ айвы и вишенъ (*сладко*, *пекмез*, *рецель*, *бестиль*), смоквы. Въ маломъ количествѣ для себя сберегаютъ до Рождества и виноградъ.

Медъ употребляютъ въ Черногоріи въ двухъ видахъ: *кляк* — съ вошиной и *цльдь* — безъ нел, прибавляя его къ другой ѣдѣ, напр. къ щцварѣ или дѣлая изъ него напитокъ, а наконецъ и какъ лѣкарство внутреннее при простудахъ и внѣшнее въ видѣ мази при ушибахъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ употребленіи соли. Она въ Черногоріи доставляется правительствомъ изъ Сициліи и продается дешевле, чѣмъ въ сосѣднихъ Австріи и Турціи, и ея употребляется здѣсь очень много; её даютъ постоянно и скоту. Но въ домѣ нѣтъ обычая ставить солонку на столъ, а держится она гдѣ-нибудь на полкѣ, и если кто потребуетъ соли, то ея принесутъ вамъ въ рукахъ щепоткой. Если случится недостатокъ соли гдѣ-нибудь въ дорогѣ, то употребляютъ, чтобы посолить мясо, ясеневую золу.

Всякій черногорецъ пьетъ черный кофе, т. е. безъ молока, и если не найдете его постоянно во всякомъ домѣ, тѣмъ не менѣе нѣтъ бѣдняка, который не покупалъ бы его и не пилъ бы дома отъ времени до времени, хотя бы и безъ сахара.

Кофе даютъ свѣжій, вареный на чистой водѣ (агарли кафа) или чаще всего постоявшій и на гущѣ (*шербет, тоза, фундаты, телва*). Варятъ его въ маленькомъ жестяномъ сосудѣ (*джезва*) съ длинною ручкой, и если сверху образуется пѣнка, её называютъ *каймак*; такой кофе самый лучший. Остатки обыкновенно сливаютъ въ другой такой же большой сосудъ; держать ихъ 24 часа и на другой день наливаютъ, и на этой жидкости варятъ кофе, прибавивши немного свѣжаго.

Иные пьютъ душицу (майчина душица), считая её за видъ чая; есть и еще растеніе близъ Подгорицы (на Вельемъ-брдѣ), которое считаютъ настоящимъ чаемъ: оно даетъ очень темный настой и на чай нисколько не похоже. Въ городахъ рядомъ съ кофе распространяется все больше и больше питье и настоящаго чая; иные выписываютъ себѣ и самовары изъ Россіи.

Какъ ни много производится въ Черногоріи вина, но его недостаточно даже для собственнаго употребленія. Поэтому постоянно пьютъ вино только края, сами производящіе его; но и тутъ богатство не дошло еще до того, чтобы можно было пить вино каждый день за обѣдомъ и за ужиномъ.

Края же, не производящіе вина, пьютъ его только на великіе праздники или при особенныхъ семейныхъ событіяхъ весе-

лаго или печальнаго характера. Оно здѣсь настолько было рѣдко, что иногда даже причащались не виномъ, а водкой. Теперь однако вслѣдствіе усовершенствованія дорогъ и вообще усилившагося общенія между всѣми краями, вино можно найти и въ Пивѣ, и Дробнякахъ и др.

Но въ сѣверныхъ краяхъ народъ употребляетъ его рѣдко, и его замѣняетъ часто *медовина*, которую готовятъ изъ меда съ прибавкою водки или безъ нея.

Вкуса большого въ этихъ медахъ я не нашелъ, хотя иные и хвалятъ ихъ. Одни изъ нихъ опьяняютъ и довольно крѣпкіе, а другіе — просто водянисто-сладкое питье. Въ тѣхъ же краяхъ готовятъ *одницу* изъ плодовъ можжевельника, дрена (*ebulus masculus*), черники и др. Для этого собираютъ упомянутые плоды, наполняютъ ими боченокъ и оставляютъ пока не произойдетъ нѣкотораго броженія. Это питье употребляютъ лѣтомъ, какъ прохладительное и отчасти цѣлбное.

Теперь о водкѣ (ракія). Она производится главнымъ образомъ изъ виноградныхъ выжимковъ и называется *лозовача* или *гроздяница*. Лучшій сортъ ея *проток* или *первенац*: это самая крѣпкая, вытекающая изъ котла при началѣ; а слѣдующая за тѣмъ уже слабѣе.

Первенацъ — можетъ сравниться съ самою лучшею нашею водкой или даже лучше ея: при значительной крѣпости она не имѣетъ никакого посторонняго вкуса или запаха и не производитъ ни сильно палящаго, ни гребущаго ощущенія. Она пьется преимущественно въ старой Черногоріи; а также въ окрестностяхъ Подгорницы; но въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ ея замѣняютъ водка изъ сливъ (*шлива*, *шливовица*), которая также имѣетъ свой первенецъ, мало уступающій во вкусѣ лозовачѣ; но слабая сливовица представляетъ собою кислую воду и напоминаетъ монгольскую *арахи*, которую гонятъ изъ молока. Въ Барѣ, отчасти въ Ульцигѣ и Лѣшанской пахѣ много ея гонятъ изъ туловыхъ ягодъ: эта имѣетъ непріятный запахъ, и часто ея мѣшаютъ съ виноградной.

Гонять также водку изъ смоквъ; а въ пныхъ мѣстахъ изъ дрепа, есть даже изъ можжевельника.

Дѣлають наконецъ водку изъ спирта, привозимаго изъ Австріи, которую мѣстные корчмаріи фабрикуютъ своими домашними средствами. Она называется *шпиритуша* или *ламбек*; это послѣдній сортъ водки, но отличается крѣпостью и дешевизной и потому расходуется между бѣднымъ населеніемъ и особенно распространена въ сѣверныхъ предѣлахъ *).

Водку пьютъ обычно прежде ѣды и иногда много прежде, утромъ, и ничѣмъ не закусывають; а только кое-гдѣ есть обычай предварительно съѣсть кусочекъ чего-нибудь соленого, напримеръ, сухого мяса, уклевы, или кислаго и остраго, какъ капуста, огурцы изъ рассола или паприки — это называется *осолити уста*; или же по выпивкѣ даютъ кусочекъ яблока, гранаты, смокву или другой фруктъ. Есть люди, которые пьютъ водку послѣ ѣды; это особенно тамъ, гдѣ нѣтъ вина.

Тонкое угощеніе составляетъ *медовая ракія*: её варятъ и пьютъ горячую утромъ, особенно на свадьбахъ, на другой день послѣ сильной попойки вечеромъ. Она считается также хорошимъ средствомъ противъ кашля. Все, что мы говорили до сихъ поръ о пищѣ и питьѣ, относится къ черногорцамъ-сербамъ; но есть въ Черногоріи магометане, которымъ законъ съ одной стороны запрещаетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ и свинины, а съ другой стороны не налагаетъ на нихъ постовъ въ смыслѣ запрещенія въ извѣстное время ѣсть мясо, молоко и яйца. Тѣмъ не менѣе они сравнительно употребляютъ мяса меньше, чѣмъ живущіе вмѣстѣ въ ними христіане. Они больше потребляютъ различной зелени, которая главнымъ образомъ и разводится ими, особенно въ Подгорицѣ по берегамъ р. Рыбницы. Они же главные потребители различныхъ сладостей и въ ихъ обиходѣ найдете гурабии — печенье изъ рассыпчатаго тѣста на маслѣ и съ

*) Въ Боккѣ чистая, природная виноградная водка называется — *шчиетто* (итал. schiétto).

сахаромъ; *тарайлія* или *баклава* сладкая пита изъ листовъ тѣста, тонкихъ, какъ листъ бумаги. Такая пита, приготовляемая для свадьбы, составляется изъ 100 и болѣе листовъ, надъ раскатываніемъ которыхъ трудятся нѣсколько женщинъ, а и для накладыванія ихъ одинъ на другой требуется не менѣе трехъ женщинъ.

Приготовляютъ также *халлу* — это густая масса изъ муки, масла, сахара и еще какихъ-то приправъ. Для непьющихъ вина и водки, существуетъ *тинзибра*, — шипучій напитокъ въ родѣ кислыхъ щей. и *бола* — въ родѣ нашего бѣлаго кваса (преимущественно для бѣднѣйшаго класса) и разнаго рода сиропы (*шурит*). Они пьютъ много кофе и умѣютъ лучше готовить его. При поджариваніи его пшье подбавляютъ немного масла. Зимой пьютъ также горячій напитокъ изъ салепаго корня. Ульцинскіе магометане-арнауты въ этомъ отношеніи въ главномъ имѣютъ тотъ же вкусъ.

Что касается арнаутъ-поселенъ ульцинскаго округа, то они мало чѣмъ отличаются во вкусахъ отъ черногорцевъ, гдѣ не сталкиваются предписанія религіи, такъ какъ они всѣ католики и магометане. Арнауты же торговцы и ремесленники въ городахъ отличаются вообще большою экономичностью въ ѣдѣ: они часто довольствуются лукомъ съ уксусомъ или другою какою-либо зеленью, маслинами и кое-когда только ѣдятъ мясо, тогда какъ горожанинъ-сербъ не ѣстъ мяса только въ постные дни.

Мы не входимъ однако въ подробности относительно этихъ группъ. потому что одні совершенно недоступны изслѣдованію вслѣдствіе замкнутости ихъ внутренней жизни; а другія (арнауты) составляютъ какъ бы инородное тѣло въ организмѣ Черногоріи, и должны быть изучаемы въ связи со всѣми арнаутскими племенами, находящимися вѣд Черногоріи, что не входитъ въ нашу задачу.

Тѣмъ не менѣе мы считали необходимымъ указать на нихъ и отмѣтить хотя бы нѣсколько отличительныхъ чертъ, такъ какъ при тѣсной жизни съ магометанами православные сербы кое-

что и перенимали отъ нихъ и главнымъ образомъ со стороны вкуса, какъ въ ѣдѣ, одѣяніи, нѣкоторыхъ обычаяхъ этикета и даже во внутренней семейной жизни. Это можно замѣтить въ Подгорицѣ и Барѣ, откуда эти пріобрѣтенныя особенности разносились и внутрь Черногоріи, какъ Рѣка и Даниловградъ.

Въ общемъ можно сказать, что черногорецъ питается хорошо: кромѣ хлѣба, онъ въ продолженіи года закаляетъ нѣсколько барановъ для потребленія въ свѣжемъ видѣ и сверхъ того въ продолженіи года имѣетъ нѣсколько тушъ сухого мяса; иные въ подспорье имѣютъ свиное мясо и сало, куръ и яйца; рыбой иные изобилуютъ, а другіе, не имѣющіе своей, отъ времени до времени лакомятся покупкою ся въ сухомъ видѣ; молокомъ питаются вдоволь полгода, а затѣмъ въ продолженіи другой половины года имѣютъ молочные скопы. Черногорецъ можетъ имѣть въ изобиліи всякихъ овощей, но не заботится о томъ, потому что не любитъ ихъ, кромѣ картофеля и капусты, и не чувствуетъ потребности въ нихъ; питья — вина и ракіи сравнительно также имѣетъ довольно, чтобы пить, но крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, а мало-мальски зажиточные люди и каждый день не обходятся безъ полубутылки вина за обѣдомъ.

Имѣя такимъ образомъ возможность хорошо ѣсть и пить, черногорецъ однако во всемъ умѣренъ, а въ то же время обладаетъ способностью съѣсть огромное количество мяса и выпить вина или ракіи; но онъ воздерживается отъ чрезмѣрности въ томъ и другомъ, какъ изъ экономіи, такъ и изъ приличія. Пьяницъ въ селахъ черногорскихъ совершенно нѣтъ; а если есть они въ городахъ, то пользуются общимъ презрѣніемъ. Правда, въ городскихъ корчмахъ вы всегда найдете посѣтителей; но эти посѣтители только проводятъ тамъ время за непмѣніемъ никакихъ общественныхъ увеселеній и развлеченій, а потребляютъ напитки въ весьма маломъ количествѣ; поэтому корчмари отъ нихъ никогда не наживаются, а только кое-какъ перебиваются, стараясь при томъ вести и какую-нибудь другую торговлю.

Есть люди, которые любятъ выпить, но они дѣлаютъ это

дома, втихомолку, чтобъ никто не видѣлъ и не зналъ; такихъ людей весьма мало и только въ городахъ: есть такіе и между магометанами, которые между прочимъ рядомъ съ водкой (особенно они любятъ *мастику*, въ родѣ ликера) не считаютъ грѣхомъ пить и вино, если только оно не красное. Иные не ѣдятъ и чернаго винограда, а только бѣлый.

Весьма распространено въ Черногоріи и употребленіе табаку. Курятъ его даже малыя дѣти лѣтъ 8, и это не вызываетъ осужденія почти ни отъ кого, начиная съ родителей, относящихся къ тому равнодушно. Гдѣ бы ни былъ черногорецъ и куда бы ни отправился, въ бой или въ какое-либо дальнее путешествіе, онъ вездѣ носитъ съ собою свою *сипсію* или *симсію* (трубка съ чубукомъ) и курить её все время, даже на ходу. Онъ идетъ съ нею и въ церковь, оставляя передъ входомъ; а иной беретъ съ собою внутрь.

Люди, пмѣющіе своего верхового коня и сѣдло, устраиваютъ въ немъ особенное помѣщеніе для трубки. Чубукъ (*чибук*, или чаще всего называемый *камыш*) служитъ иногда орудіемъ, чтобы избить кого-нибудь, и бываютъ чубуки очень толстые изъ черешни, рашельки (родъ крушины, *grunus Mohaleb?*) или другого какого дерева. Богатые люди приобрѣтаютъ чубуки жасминовые изъ Скадра, а простой народъ дѣлаетъ ихъ самъ изъ домашняго дерева; въ особенности для этого хороша фудлика (*дърмешик*, *viburnum lantanum*), снаружи похожая на жасминъ и также съ мягкой древесиной. Но она рѣдко бываетъ достаточной длины для чубука, и потому она больше идетъ на *цигарини* или *цигарлаки* (чубучки для папиросъ). Трубки однако все больше и больше уступаютъ мѣсто папиросамъ, которыя удивительно ловко свертываютъ черногорцы даже съ самыми корявыми отъ работы руками. Мундштучки для папиросъ замѣнили чубуки; они бываютъ различны: у богатыхъ заграничной работы, особенно хороши призерскіе и сараевскіе серебряные съ травлеными узорами или филигранные, и чернаго или какого другого дерева съ серебряными инкрустаціями съ янтарнымъ мундштукомъ или безъ

него. Серебряные филигранные пропзводятся и домашними мастерами.

Непремѣнной принадлежностью трубки является и кисеть для табаку. Кисеты бываютъ большею частью домашней работы изъ краснаго или зеленаго сукна, четверугольные, нѣсколько удлиненные, какъ и всякій мѣшокъ, и расшитые шелкомъ; а есть и заграничныя, особенно скадарскіе, которые шьются и расшиваются шелками булами (жены магометанъ) изъ ихъ собственныхъ верхнихъ костюмовъ, устарѣвшихъ и переименныхъ на новыя. Кисеть носится съ правой стороны на тесьмахъ съ валикомъ на концѣ и затыкается за поясъ; а когда нужно трубку наполнить табакомъ, она опускается внутрь кисета. Кисеты эти становятся все рѣже и рѣже; а у простыхъ черногорцевъ они чаще всего изъ бараньей кожи изъ извѣстной части тѣла.

Курильщики напирозъ большею частью носятъ табачницы (*кутия*) заграничнаго пропзводства изъ *papier maché* съ рисунками на крышкѣ или изъ какого-нибудь тонкаго дешеваго металла; есть конечно и серебряныя заграничныя и домашняго пропзводства. Простой же народъ часто держитъ табакъ въ платкѣ, который носятъ за поясомъ.

Женщины, конечно, не курятъ; но въ старое время пожилыя женщины курили, и теперь я видѣлъ курящихъ женщинъ изъ того времени: онѣ курятъ трубку на длинномъ чубукѣ съ достоинствомъ, какъ и мужчины, среди цѣлаго собранія. У магометанъ куренье табаку между женщинами, даже молодыми довольно распространено.

Но перѣдко встрѣтите черногорцевъ, которые вовсе не курятъ, и такіе находятся преимущественно во внутренности Черногоріи, въ глухихъ краяхъ, при томъ цѣлыми домами, какъ будто до нихъ еще не проникла эта мода (много некурящихъ въ Цермницѣ). Нельзя съ точностью опредѣлить, когда именно проникло къ черногорцамъ куренье табаку; но по свидѣтельству старожиловъ въ не такъ отдаленное время бывало, что въ цѣ-

ломъ селѣ не находилось ни одного курящаго. Оно проникло въ Черногорію, безъ сомнѣнія, отъ турокъ. Куренье вообще не осуждается никѣмъ; но есть пословица: «съ дувана кутья поплювана»; а въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ, что она пойдетъ замужъ за того, кто не пьетъ вина и не куритъ табаку. Поэтому иные оставляютъ куренье въ угожденіе своимъ женамъ, если имъ это особенно протявно, или же въ видахъ здоровья.

VIII.

СЧЕТЪ, МѢРА, ВѢСЪ И МОНЕТА.

Представивъ описаніе матеріальной обстановки черногорца и приступая къ описанію его практической жизни и дѣятельности, считаемъ необходимымъ познакомиться съ его народными способами производить измѣренія и счисленія въ той же области.

Характеризуя черногорца, какъ отдѣльную личность, мы имѣли уже случай отмѣтить, что онъ — хорошій счетчикъ и въ школѣ обнаруживаетъ хорошія способности къ математикѣ. Въ практической жизни нѣтъ мѣста проявленію этой способности нигдѣ, кромѣ мѣры времени и пространства или счета денегъ и другихъ предметовъ.

Въ этомъ случаѣ, имѣя отличный глазомеръ, которымъ онъ съ точностью можетъ опредѣлять въ метрахъ видимое пространство, по видимому объему опредѣлять вѣсъ камня или какого-либо животнаго, вычислить, сколько потребуется для пзвѣстной постройки камня и пзвести и т. п.; онъ въ то же время обнаруживаетъ наклонность пзбѣгать точныхъ, опредѣленныхъ чисель. Такъ, на вопросъ, сколько у него дѣтей, онъ отвѣтитъ: «трое-четверо-пятеро»; прійдя въ корчму съ товарищами и заказывая

кофе или водку, онъ никогда не скажетъ, сколько именно рюмокъ или чашекъ, но: «четыри-пет каф» или «ракія». Въ томъ же родѣ отвѣтитъ онъ вамъ, если спросите, сколько у него скота. Но онъ отлично знаетъ, сколько у него въ домѣ душъ, которыя онъ долженъ прокормить; на сколько головъ скота нужно припасти сѣна; со сколькими товарищами пришелъ въ корчму и рассчиталъ впередъ, сколько нужно будетъ заплатить. Въ этомъ случаѣ обнаруживается въ затаиваньи точной цифры скромность или щедрость и небрежность къ мелкому счету: ему все равно, если будетъ больше. Но при расчетахъ никогда мнѣ не случалось видѣть, чтобы черногорецъ считалъ по пальцамъ или жеребейкамъ и вообще чтобы много задумывался.

Въ самомъ счетѣ мы не замѣтили никакихъ особенностей, кромѣ того, что нѣкоторые (впрочемъ, весьма рѣдко) постаринному считаютъ еще: «двадесет-девет, двадесет-десет; тридесет-девет, тридесет-десет» и т. д.; и затѣмъ: «тридесет-едан, четир-десет-едан». Знаютъ черногорцы и любятъ употреблять слишкомъ большія числа: сотня тысячъ и миллионы; а въ смыслѣ большого, но неопредѣленнаго числа, напр. если спрашивается: «Колко тај човјек (очень богатый) има станья» отвѣчаютъ: «тушта и тама!» это значитъ: не сочтешь.

Считаютъ предметы парами, пятками, десятками. При продажѣ или покупкѣ прежде означается цѣна, а послѣ количество покупаемаго: «за 1 солад 5 (ораха); за шестицу (10 сольдовъ) три јаја; за цванцику (34 с.) два бремена (дрва) или за талир 8 бремена» и т. п. На вѣсъ продаются и жидкости, какъ молоко, вино или водка; пли для того есть вымѣренная по вѣсу посуда: коната и конатица, боца, барило и т. д.

Отъ способа расчетовъ и счисленій перейдемъ къ измѣреніямъ и начнемъ съ времени. Цѣлый годъ, конечно, дѣлится по временамъ года и по главнымъ праздникамъ и періодамъ календарнаго года, какъ: Юрьевъ и Митровъ дни, рождественское заговѣнье, постъ, масляница и т. д. Нѣкоторые года имѣютъ свои названія по совершившимся въ нихъ событіямъ. Такъ говорятъ:

«Омерпашина године»—1853 г., когда Омеръ-паша напалъ на Черногорію; «у вријеме првогъ Жабляка»—1836 г., когда черногорцы въ первый разъ отняли у турокъ Жаблякъ; «Карадбордыеве параде», когда Карагеоргій завоевалъ съ турками въ Сербіи. Очень давнее время, которое нельзя опредѣлить, назыв. *земан* (или *заман*): «то је било у земаѣ» или «од баба замана». Годы по ряду считаютъ такъ: *лани* (и *ланихъ*)—въ прошломъ году; *преколани* или *ономлани*—въ третьемъ году; *таун*—или *таунлани*—въ четвертомъ году. Въ этомъ году говорятъ: *лтось*, *протлтось*, *јесснась*.

Части года означаются по церковнымъ праздникамъ и по календарю метеорологическому, о чемъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. А относительно дней, считая ихъ назадъ, выражаются такъ: *јучер*—вчера; *ономад* или *ономадне* и *прекјучер*—третьяго дня; *оновече*—того дня; *таун*—или *таундан*—четвертаго дня или *зајучер* (Пива); и *таунвечер*—того же дня вечеромъ; *шала-паундан*—пятаго дня; считая впередъ, говорятъ: *сјутра*, *прекосјутра*.

Времена дня означаютъ такъ: самое раннее время—*у сванутъе*, *у зору*, *у праскозорје*, *у цик зоре*; далѣе: часть дня или два часа; а вечеромъ—*у прои мрак*, *сахат ноци* и т. д. Часто прибѣгаютъ и къ турецкому опредѣленію времени: *сабах*—разсвѣтъ; *подень* (подне) не имѣетъ особеннаго названія; *итъиндія*—между 3 и 4 ч. пополудни; *акшам*—время захода солнца и наконецъ *яція*—два съ половиною часа послѣ акшама. Есть выраженія: *у попасно доба*—когда скотъ выпускаютъ попасись немного, чтобы потомъ подоить, приблизительно ок. 9 ч. у.; *у ричано доба*—когда бываетъ ѣда передъ полднемъ, ок. 10 ч. у. Ночью опредѣляютъ время по звѣздамъ, какъ: *даница*, *всчерняча*, *олаиничи*, *штаноли* (объ нихъ мы будемъ говорить послѣ); или: *два сахата ноци*; *сахат пред зору* и т. п. Рѣже опредѣляютъ время по пѣтухамъ: *у прѣе*, *у дрѣе*, *у третье кокоте*.

Цѣлыя сутки называются *дан* и *ноч*; а половина сутокъ—*полуредница*. Есть еще слово *чело*, которымъ означаются 12 часовъ

работы въ продолженіе сутокъ; напр. при выжиганіи извести говорятъ, что «он је имао 6 чеда» т. е. три дня по 12 часовъ *). *Час* означаетъ неопредѣленное, но очень короткое время: «није далеко, *час*; *за час* може се дотћи; нема ни *час* адавдье» — какъ бы нѣсколько минутъ; *часком*—сейчасъ; «додѣ код мене *часком*». А нашъ часъ выражается турецкимъ словомъ *сахат* или общимъ въ Западной Европѣ — *ура*. Части же его: четверть — *кварат*, *чрек*, *фртал* и рѣдко *чстарт*; минута—тоже минута и *дикика* (въ Герцеговинѣ: красехъ); и говорятъ: осам и по ($8\frac{1}{2}$) или осам и по сахата; а за половину: *осам манье кварат* или *десет манье десет* или *фам десет*, т. е. безъ десяти минутъ.

Разстояніе черногорець опредѣляетъ временемъ, въ которое человекъ можетъ пройти пѣшкомъ извѣстное пространство, т. е. часами и его частями и потомъ днями или *конаками* (ночлегами). Поэтому говорятъ: разстояніе столько-то часовъ и столько-то дней или *конаковъ*.

Часть черногорскій равняется приблизительно 5 километрамъ. Отъ этого отличается часъ *кириджейскій*, т. е. возчиковъ, идущихъ съ вьючными животными, лошадьми или лошаками, который много меньше: отъ 4— $4\frac{1}{2}$ килом. Въ лѣтній день человекъ идетъ 10, 12 и до 14 часовъ; а въ зимній 8 и не болѣе 10. Сообразно съ этимъ лѣтній день можно выразить мѣрою разстоянія въ 50—70 килом.; а зимній не болѣе 50.

Малыя разстоянія выражаются въ шагахъ (корак, корачај), которыхъ считается два на 1 сажень (сежань, фат, клафтер, растега или растегляй), представляющей собою пространство между двухъ растянутыхъ рукъ. Хотя это маховая сажень, приблизительно австр. клафтеръ, равняющійся 1 м. 89 с.; тѣмъ не менѣе шагъ= $94\frac{1}{2}$ с. или почти 1 метру. Это шагъ однако

*) Это бываетъ при работахъ, которыя не могутъ быть прекращаемы ночью, пока не совершится вся операція, какъ при выжиганіи извести, при гонкѣ водки и т. п., когда работаютъ посмѣнно по 12 часовъ: одни днемъ, другіе ночью.

мѣрный, а ходовой = 70—80 с. Есть еще мѣра *свежань*, равняющаяся тремъ локтямъ (лакат); а черногорскій локоть = 41 с. $\frac{1}{2}$ милл., которыхъ три и составляютъ нашу мѣрную или косую сажень (2,134 м.). Въ шагахъ и саженьяхъ выражаются только малыя разстоянія; а для большихъ разстояній, которыя однако менѣе четверти часа, есть измѣреніе по выстрѣлу ружья: *пуш-комет*, *колико пушка може дотурити*. Это, впрочемъ, должно относиться къ старымъ ружьямъ, а не къ нынѣшнимъ дальнобойнымъ. Меньше шага является мѣра — *стопа* или *нога*, которыхъ считается 6 на сажень. Затѣмъ слѣдуютъ: *педь* (наша пядь) — разстояніе между оконечностями крайнихъ пальцевъ (большого и мизинца) распыленной руки; *ромача* или *чеперек* (Бѣлопавл.) — разстояніе между распыленными большимъ и указательнымъ пальцами (наша четверть); и *подланица* — ширина сложенныхъ вмѣстѣ четырехъ пальцевъ (безъ большого); говорятъ: *седам педи и подланица*.

При постройкахъ и при измѣреніи толщины или ширины досокъ и другого строительнаго матеріала употребляется мѣра *унча*. По народному опредѣленію это — середній суставъ большого пальца и равняется 4 сантим. или 1,64 нашего дюйма. По другому, тоже народному опредѣленію, *унча* отвѣчаетъ ширинѣ большого пальца, если послѣдній составъ его упереть во что-нибудь твердое, приблизительно 2,4 сантим.

Въ торговлѣ при измѣреніи матерій хотя и употребляется въ послѣднее время метръ и его части, тѣмъ не менѣе упоминаются еще нѣкоторыя старыя мѣры, какъ венеціанскій локоть для измѣренія шерстяныхъ матерій въ 68 сантим., а для шелковыхъ въ 64; австрійскій эленъ въ 78 с., и аршинъ тоже въ 78 с.

Для измѣренія поверхностей земли въ прежнее время за основаніе принята была *унча*, равная 4 сантим. Дѣлался квадратъ, каждая сторона котораго равнялась 27 *унчамъ* или 1 м. 8 с., и 60 такихъ квадратовъ составляли *разо*; а въ новѣйшее время принята *унча* вѣнская въ 2,63 сантим.

По новѣйшему опредѣленію черногорское *разо* = 1817,31 кв.

метр.; а сравнительно съ мѣрами другихъ странъ оно является въ такихъ отношеніяхъ:

1 рало = 18 франц. арамъ и $17\frac{1}{3}$ кв. м. или въ 1 гектарѣ заключается $5\frac{1}{2}$ раль и $4\frac{1}{2}$ кв. м.; а въ русской казенной десятинѣ 6 раль и 21 кв. м., а въ хозяйственной въ 3,200 кв. саж. — 7,28 рала.

Имѣя въ виду не столько точное опредѣленіе этихъ мѣръ, сколько различные виды ихъ и названія, носящія на себѣ народный характеръ, мы остановимся здѣсь и на тѣхъ различныхъ мѣрахъ земли, которыя въ настоящее время измѣнились или вовсе вышли изъ употребленія, и только упоминаются въ старинныхъ документахъ. Такимъ документомъ является грамота Иванбега, которую мы уже не разъ цитировали въ другихъ случаяхъ.

Въ ней встрѣчаемъ слово *комать земле* въ смыслѣ опредѣленной мѣстности безъ означенія ея величины; «Еще приложихъ на Цѣтнью *комать земліе* прѣд црквомъ от потока, како тече потокъ оу поноръ и до поуа коп гредѣ къ двору цска іе црквь за кипоуріе». (Т. I, стр. 769).

Съ болѣе опредѣленнымъ понятіемъ, какъ бы въ смыслѣ пашни вообще, употребляется слово *стоунъ*: «И ще е било коукне землѣ остопкъ той све рекосмо да соу *стоунове црковити*. А що е кметцина, тоуден да се населе кметіе црковны» (стр. 768). «И еще приложихъ *стоунъ земліе* на горніе добро, коп ми се заложно Гюргъ Мръкшикъ за *л̄* перперъ на залогоу» «другы *стоунъ* на Іаблано коп ми заложн Остоіа Радосаликъ и Гюргъ Мръкшикъ за *п̄* перперъ».

Изъ позднѣйшихъ документовъ *стунъ* упоминается въ купчей записи митрон. Ромпзіа (1551 г.): «а по раздѣлу свое землѣ нам церковне да церковне землѣ не прихвате, ни да буде церковной землѣ ни *попара* (?) ни *по стунѣ*». И еще въ записи 1763 г. «А судисмо одъ баштинѣ Новпшинѣ церкви святой Господья монастыру на Цѣтнѣ *стунъ земліе* подъ орахъ» *).

*) Д. Даничић (Рѣчник изъ книжев. стар.) толкуеть *стунъ*—ager и приводитъ нѣсколько мѣстъ отъ Мона. Serb.; а С. Новаковичъ («Село» 1891 г.) го-

Долаи, во множ. ч. *доим*, означающіе въ настоящее время искусственно сдѣланныя терраски *на склонахъ* горы, поддерживаемыя снизу каменными стѣнками, въ иванбеговой грамотѣ употребляется съ собственнымъ именемъ его владѣльца: «отолень у Тесно-ждріело, с Такорніка у границу *на дно Ружина доца*, и оттоле на западъ у границу *више Миомана клубучара кутье*». Выраженіе «на дно» ясно указываетъ, что этотъ долацъ представляетъ собою возвышенное мѣсто и граница проходила подъ нимъ.

Въ дарственной записи 1696 г. они упоминаются съ болѣею опредѣленностію: «Плѣту (?) лазину и Моравину, виноградъ и Дабкович зграду и подъ Барине и Кляч-ниву и Петричевинъ и Растоку и Лучицу и *Вели долацъ* и Пилвицу. на ню е хиляда Аньдрияне Рабовъ и на бѣлу рудину *три доца* и одрина код кутье ковачеве». Въ цитированной выше записи 1551 г. влад. Ромидія упоминается *мынница*: «а кодъ негове землѣ *одну лешинцу земль* улучену що може рало задѣсти». Тамъ же упоминается и *лакати*: «и изъ подъ медье остависмо от нашего разлога замене *по еданъ лакатъ земле* и билеге постависмо». *Гонь* упом. въ зап. 1752 г. «*онь земль под лавицомъ*»; и *дань орана* въ зап. 1763 г.

Часто упом. въ позднѣйшихъ записяхъ *діонница*: «заставише Шороевичъ башину владыки на поворъ Раячко Милошевъ *дионницу* и Ивета Радоевъ и Вукъ Дракуловъ и Ново Дракуловъ и Воинъ и Вучиць—*седам діонница* за то дахъ 37 гроша и 21 пару» (1687 г.); «продахъ церкви мою башину у дворища код крша *діонницу*, *що се зове Була* о(д) друма до горе и при гори и *ренъ о(д) діоннице*; и други *коматъ земль при діонници* отъ крша до Иванове» (1742 г.); «продали двѣ *діонница* отъ друма до горе», одна называется *Медача*, а др.—*Иваннища* «за що бѣху медью церковникомъ пивама за 97 гроша муниде латинске» (1764 г.); Иво Дьюкановъ пзъ Владисалнчей продалъ владыкѣ Василю

ворить, что это были «*свети комади орница са гонлиномъ* (кучкою) *кутъя и настаньеника*» (стр. 133) и еще: «*Ступ у смислу потеса или ветьег комада земље за обдезаванье*» (стр. 160, сноски).

четверти діо наше Ивановича діонице подъ големъ страномъ, и Вука ми на мирисмо за ніеговъ діо бащиномъ подъ Ябучане на Верлигаче више пута и ниже пута. И тако остаде либеръ нашъ діо діонице кои е одіеленъ от друма до ция, медью церковнимъ нивами» и т. д. «за 17 гр. и 5 дипаръ» (1764 г.).

Изъ этихъ цитатъ видно, что *діоница* представляетъ цѣлый участокъ обрабатываемой земли, принадлежащій одному дому или семейству.

Есть еще много наименованій, которыхъ величину и значеніе съ точностью мы не можемъ опредѣлять, а только приведемъ заключающее ихъ мѣсто изъ иванбеговой же грамоты: «и от замѣне Ратка Остойка отогде церковно при светои Текли 12 квадратъ *седбе пишничне* и около те земле *печа дубраве*; і оу Кошучи до *старъ и четвъртаникъ съдбе*, я на Чемѣ е Ратко сѣдіо (садіо?) медьюмъ лозіе, када е радьяло наиветые 55 крбаль, а наимане 30 крбаль віна бівало; і више зграде раткове *коматъ дубраве*, і две кметщине раткове, на коих сѣди Никола ковачъ і Вукота Кривокутыя, оба кмета церковна съ бащинами да су кметіе, ка и Стругаря; и на Іабланово *два кабла съдбе пишничне*» (стр. 771)*).

Большая часть этихъ названій не утратилась и донинѣ, хотя и измѣнилось, можетъ быть, ихъ значеніе. Такъ въ Никшичѣ и теперь *стун*—означаетъ пахотную землю, при томъ съ длинными гонами, какіе бывають при нахотѣ плугомъ въ 4—5 паръ воловъ. *Діоница* теперь означаетъ часть подѣленной нивы вдоль; слѣдовательно полоса, ширина которой зависитъ отъ величины цѣлаго подѣленного куска и отъ количества частей, на которыя онъ раздѣлился; противоположное этому теперь *долац*, означающій небольшое пространство, но болѣе широкой и заокругленной формы (*долац* въ смыслѣ искусственно сдѣланной террасы — другое). *Гон* теперь означаетъ отдѣльную ниву, а иногда

*) *Кьбаль* Даничичъ толкуеть—*modius*; мѣра денегъ, зернового хлѣба и соли; и теперь знаютъ мѣру *кабао* или *кэба*, но неопредѣленной мѣры, приблизительно 2 багажа жита.

отождествляется съ раломъ, но большимъ, которое вспахать могутъ только пара хорошихъ воловъ. *Печа* (можетъ быть, итальян. *pezzo*) то же самое, что *комад*.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ опредѣленія по количеству высѣваемого зерна. *Стар*, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, заключаетъ въ себѣ 4 багажа, а *багаж* — 10 окъ; слѣдоват. стар равнялся 40 окамъ (2,66 нашего пуда) или по совершенно точному измѣренію 60 килогр. (3 пуда, 22 ф. 12¹/₂ з.). Барскій багажъ равняется 15 окамъ. Но величины стара въ прежнее время мы не знаемъ. *Четвертаникъ*, очевидно, четвертая часть стара; но «12 *кварт*» означали, какъ будто, другую мѣру.

Замѣчательно, что въ извѣстныхъ намъ старыхъ документахъ, хотя и говорится о пахотной землѣ «що би рало задъело», «докле рало оре»; нигдѣ однако не упоминаются въ смыслѣ мѣры земли ни *рало*, ни *дан оранья*, которыя извѣстны всюду по сербскимъ землямъ въ настоящее время (есть только въ одной записи 1763 г.).

Въ прежнее время пространство опредѣлялось количествомъ высѣяннаго зерна; а потомъ — временемъ, употребленнымъ рабочею силою для обработки. Оттуда *дан оранья* или *ра.ю* — то, что можно вспахать за день, а *коса мваде* — то, что одинъ косарь можетъ скосить за одинъ день (въ дѣйствительности и та, и другая мѣра меньше нормальной). Изъ другихъ мѣръ земли слѣдуетъ измѣреніе виноградниковъ. Здѣсь единицею принимается *мотика* — часть виноградника, которую одинъ человѣкъ можетъ вскопать за день. Мѣра мотпки однако не вездѣ одинакова: въ Цермницѣ — это рядъ въ 30 сажень длины (5 рядовъ даютъ до 40 ведеръ или 960 окъ вина); а въ Подгорницѣ — 400 кореньевъ. Правительство не имѣетъ надобности подводить эту единицу подъ одну мѣру, такъ какъ взимаетъ пошлину съ вина.

Есть мѣра, относящаяся къ работѣ при окапываніи кукурузы или винограда, *ноата* (въ Далм. *постона*): это полоса или гонъ, при концѣ котораго останавливаются, немного отдыхаютъ, собственно только переведуть духъ и начинаютъ новый (*ноатяти*

или *поватляти* и значить перевести духъ). И говорится: «мы радимо безъ поате», т. е. безъ отдыховъ, и тогда, конечно, нѣсколько выше поденная плата.

Въ старыѣхъ документахъ мы встрѣчаемъ только — *оиноград*, *лозіе* и *одрина* (если лоза расправлена по *жердялѣ*); а мѣрою служить количество получаемого вина.

Изъ мѣръ сыпучихъ тѣлъ мы уже упоминали старъ и багажъ. Кроме того есть еще мѣра *хум* = 90 до 100 окъ или 11 багажей, употребляющійся до сихъ поръ въ Старой Сербіи, а также и въ Черногорскомъ Приморьи, въ Барѣ и Ульцинѣ, и извѣстный въ Цермницѣ, Подгорицѣ и Васоевичахъ. Васоевичи, вслѣдствіе своего сосѣдства съ Печью, знаютъ и употребляемую тамъ мѣру *шеник* или призрепскую *карлицу*: это кадушечка вмѣстимостью отъ 29 — 32 окъ, что зависитъ отъ качества зерна; и такой мѣры на товаръ (до 120 окъ) идетъ 4.

Для мѣры жидкостей служатъ для вина *осдро* въ 24 оки и *барило* въ 48 окъ (цермницкое барило = 52 окамъ); а для ракіи *боца* — стеклянный сосудъ въ родѣ нашего штофа съ перехватомъ на широкой сторонѣ продольно и вмѣщающій въ себѣ двѣ оки или три конаты, иначе три литры. Въ Васоевичахъ извѣстенъ сосудъ, употребляемый собственно въ Печи, *кондир* — изъ жести или мѣди въ родѣ большой кружки, съ большою ручкой, которымъ продаютъ вино и ракію, а вмѣстимость его 3 оки. Въ герцоговинскихъ краяхъ есть мѣра въ $1\frac{1}{2}$ оки *юндья* — для скорупа и масла, а также и для другихъ веществъ, и говорится: *две юндье, три юндье*. И здѣсь мѣра собственно объема имѣетъ свое точное опредѣленіе въ мѣрѣ на вѣсъ.

Есть еще мѣры *коната* — жестяной сосудъ мѣрою въ 1 литру и *конатица* — половина ея. Въ послѣднее время для измѣренія жидкостей принята *литра* или кубическій дециметръ, отвѣчающій по вѣсу 1 килограмму.

Вѣсъ въ прежнее время измѣрялся окой (*ока*), которая равнялась 400 драмамъ (турецк.) или тремъ литрамъ; а по децимальной мѣрѣ 2 килогр., 43 декогр. и $\frac{1}{100}$ килогр.; русской мѣрѣ

отвѣчаетъ 2 ф. 52 з. и 38 д.; а нашъ пудъ поэтому содержитъ въ себѣ 15,71 оки. Теперь же за единицу мѣры усвоенъ килограммъ съ его подраздѣленіями. Большія количества измѣряются на квинталъ (100 килогр.), а специально рыба съ цеклянскаго лова на мильяръ (1,000 килогр.). На морскихъ судахъ принята *тоннелата* (тоже 1,000 к.). Орудіемъ измѣренія служатъ *кантиаръ* (нашъ безменъ, и это названіе тоже извѣстно) или *боланджа*, для болѣе круныхъ тяжестей, напр. мяса, зернового хлѣба, соли и т. п.; для меньшихъ же *баландзете* — вѣски съ чашками и съ точкою опоры подъ коромысломъ. Есть и вѣски съ всякими чашками — *терзие*.

Въ употребленіи также и общезвѣстный *децималь* подѣлъ — тѣмъ же именемъ.

Разновѣсъ, кромѣ отдѣльныхъ названій граммъ, декаграммъ и т. д., носитъ общее названіе *милка*. Въ смыслѣ самой малой мѣры употребляется слово *бода*, также зерно пшеничное (гранъ) и еще меньше (въ Турціи *мисир.м. бода* — особенная кукуруза изъ Египта).

Когда навьючиваютъ лошадь (*товаре*), то полный выюкъ называется *товар* въ 100 окъ, а каждая сторона *страна* или 50 окъ. И говорятъ: «купю самъ одну *страну житю*», т. е. 50 окъ. Впрочемъ, вслѣдствіе затруднительныхъ дорогъ и слабаго состоянія животныхъ, полный товаръ никогда почти не навьючивается, а только 60—80 окъ.

Общее названіе денегъ *паре*, *новци*, *динари* и *асире*, которое произошло отъ названія мелкой монеты тур. *парі* и австр. *новац* или *новци* — новый *Kreuzer*, заступившій мѣсто стараго, который былъ вдвое большаго размѣра. Часто слышится выраженіе: «не мамъ *солди*» въ смыслѣ «не мамъ пара» (нѣтъ денегъ) отъ итальянск. *soldo* для австр. крейцера; или: «не мамъ пара, ни *динара*». Встрѣчается также названіе — *асире* въ смыслѣ мелкой монеты и непременно старой. Венеціанская монета *денаро* или *данаро*, конечно, имѣла обращеніе въ Зетскомъ государствѣ, отъ котораго осталось воспоминаніе и въ Черногоріи.

Само собою разумѣется, что цѣнность этой монеты была различна въ разные времена и въ разныхъ странахъ. Въ Черногоріи, съ тѣхъ поръ какъ она вошла въ торговую сферу Австріи, этимъ именемъ обозначался старый крейцеръ (шайновій, $1\frac{1}{2}$ нынѣшнихъ). Была еще болѣе мелкая монета *газета*, которыхъ двѣ шло на динаръ. Есть пословица: «погинуо е, као *принципова* (осеца. дожа) *гаста*», въ которой гаста можетъ означать ту же газету.

Извѣстно, что въ Зетскомъ государствѣ была своя монета и что она ковалась въ Драчѣ (Durazzo) и Ульцинѣ; въ послѣднемъ и теперь изрѣдка находятся серебр. монетки съ латинск. надписью *Balsa* и гербомъ Гольшичей. Но ея, по всѣмъ вѣроятіямъ, было очень мало, и потому преобладала монета иностранная, главнымъ образомъ венеціанская, которая продолжала ходить и послѣ паденія Зетскаго государства. Послѣ вошла въ обращеніе турецкая монета и наконецъ австрійская, которая, въ недавнее, впрочемъ, время совершенно вытѣснила турецкую.

При мнѣ еще была въ ходу тур. *кацила* — мелкая серебр. монетка, немного болѣе пары; *бешлык* — серебр. мон. въ 5 грошей или $1\frac{1}{2}$ гульдена; *чакмак*, иначе *патакун* — четырехкрейцеровая мѣдная австр. монета. Турецкое крупное серебро идетъ и теперь по курсу австрійскихъ денегъ: *бѣла меджидія* или *цекки* — 4 гульдена. Упоминается иногда *коломат* = 2 флоринамъ; это испанскій талеръ. Вообще же теперь въ ходу австр. монета. *Крейцар*, иначе *пощич* или *солло*, *шестница*, иначе *бановац* — 10 крейц.; назыв. также и *грош*, но собственно грошъ турецкій 8 крейц. Замѣтимъ при томъ, что въ числѣ старыхъ монетъ, находимыхъ въ землѣ, изрѣдка попадаются и польскіе гроши.

Затѣмъ слѣдуетъ австрійскій цванцигеръ (20 старыхъ крейцер.), который назыв. *цванцик*, *францака* и *шанцика*, иначе *плета*, и цѣна ему была установлена правительствомъ въ 34 солда, а теперь они совсѣмъ изъяты изъ употребленія. Гульденъ назыв. *фиорин* или *виріун*; *талир* — 2 фіор.

Золотая монета австр. *дукат* или *маджарія*, которой опредѣляется цѣна по курсу; франц. *наполеон*, тур. *жута меджидія*, а также всѣ золотыя монеты и другихъ странъ.

Бумажная монета назыв. *банка* или *карта*, а звонкая, преимущественно серебряная — *терди новаи*; говорится: у *терде фіорине* или *талире*.

Размѣнять крупную монету на болѣе мелкую выражается словомъ *променити* и *розбити*; а говорится также и «*сломи ми плету*» въ томъ же смыслѣ размѣна.

IX.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

1. Вообще о земледѣліи; различныя угодыя: планина, пахотная земля, лугъ и т. д.; предварительная подготовка земли для пашни; количество обрабатываемой земли; различныя почвы и удобреніе; орошеніе и осушеніе и вліяніе его на здоровье.

При обзорѣни жизни племени мы имѣли случай показать, какъ происходило разграниченіе земель и какъ дѣлились самыя земли между братствами и родами и наконецъ между отдѣльными домами или семьями, не входя однако въ характеристику различныхъ угодій, на чемъ и должны теперь остановиться.

Кромѣ названій *дядовина*, *очевина*, *куповина* и т. п. терминовъ юридическихъ, мы имѣемъ много другихъ, имѣющихъ значеніе чисто-хозяйственное.

Въ числѣ такихъ названій *планина* означаетъ высокія горы, на которыхъ находятся пастбища и дѣсь, состоящіе въ общинномъ владѣннѣ братства или рода. Но то же названіе носятъ иногда и мѣста низкія и ровныя въ смыслѣ пастбищъ. Такъ криничане (въ цермынцкой части Краины) называютъ планиной пастбища на сѣв. сторонѣ Скадарскаго озера, каждый годъ топляемыя этимъ озеромъ.

Въ смыслѣ общаго владѣнія такія мѣста носятъ еще названія: *комун* или *комунница*, *метех*, *беллак* и *вакам* (во множ. ч. *вакмови*); названія *забіо* или *забіель*, *листочк* употребляются отчасти въ томъ же смыслѣ, а главнымъ образомъ означаютъ лѣсокъ дровяной или для мелкихъ домашнихъ подѣлокъ, находящійся при томъ недалеко отъ жилища. Мѣстность, служащая исключительно для пастбы скота, назыв. *пашник*, *пасиште* или *испуст*. Поселянинъ всякій пмѣтетъ пастбище на собственной землѣ и пускаетъ скотъ иногда по ливадамъ и пивамъ по уборкѣ сѣна или хлѣба; города-же не имѣютъ своихъ пашинъ, а только пастбища около города и забіель. Земля же пахотная, ливады, а также огороды и сады находятся въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ домовъ. Она раздѣляется на — *ораницу* или *баитину*, которая обрабатывается подъ посѣвы хлѣбовъ, и засѣянная назыв. *нива*, — и *луз* или *ливада*, также *косаница*, гдѣ косится трава. Затѣмъ слѣдуютъ *виноград*, гдѣ садятся виноградная лоза; *вотьяк*, гдѣ насажены плодовые деревья; а специально для сливовыхъ деревьевъ существуетъ названіе *слионяк*; въ Пиперахъ *сад* то же, что и у насъ въ смыслѣ насажденія плодовыхъ деревьевъ. Впрочемъ, въ Черногоріи плодовые деревья не составляютъ особыхъ насажденій, и даже виноградъ часто садится по краямъ террасъ, засѣянныхъ кукурузой. Только маслины занимаютъ пространство сплошь, не мѣшалась съ другими растеніями, и такое насажденіе назыв. *маслинада*. Огородъ для различныхъ овощей носятъ названія *града* и *орт*, а также *бостан*. Въ Пивѣ и Дробилкахъ подъ именемъ *орта* разумѣется преимущественно капустникъ; тамъ и говорятъ поэтому: «ми нмамо три орта купуса». Мѣсто, гдѣ садятся преимущественно дыни и арбузы, назыв. *диниште* (отъ *диня*—арбузь); впрочемъ, это только маленькіе уголки, а большею частію и они садятся съ другими растеніями, особенно между кукурузой. Есть названіе *сади*:

«Ајкуна је саду продавала,
Те Омеру тутум куповала».

Это насаждение плодовыхъ деревьевъ и овощей въ виноградникѣ.

Изрѣдка слышится названіе *цинур* въ смыслѣ огорода, а главнымъ образомъ гдѣ садится лукъ, для котораго требуется самая гнойная земля*); отсюда въ пѣсняхъ часто при угощеньи упоминаются различныя *дыкониэ*, *тынпуриэ*.

На Цетиньѣ одна мѣстность назыв. *цинур*, какъ собственнымъ именемъ, потому что тутъ когда-то былъ монастырскій огородъ. Огородъ и садъ вмѣстѣ назыв. *зрада* и *перивой*. Въ Катунской нахія употребляютъ иногда и слово *джардин* въ смыслѣ сада и огорода, а главнымъ образомъ, если тамъ есть цвѣты или кустарникъ и деревья, служащія не столько для пользы, сколько для удовольствія.

Отъ различныхъ названій земли соотвѣтственно различному ея назначенію перейдемъ къ ея обработкѣ и начнемъ съ ея подготовки.

Есть мѣстности въ Бѣлонавлячахъ, Васоевичахъ, Пивѣ и др., гдѣ не требуется никакой предварительной подготовки и можно сразу пахать плугомъ пли разомъ. И въ каменной части Черногоріи, какъ Катунская нахія, Лѣшанская и др., гдѣ земля представляетъ только незначительныя площадки земли, лежащія въ углубленіяхъ между скаль, въ цѣломъ составитъ довольно значительная площадь землп, ископп готовой и обрабатываемой. Но когда-то все это было покрыто лѣсомъ и завалено каменьями, и сколько успій и работы нужно было употребить на то, чтобы эти пространства, когда-то почти непроходимыя, обратить въ нивы! Эту работу продолжаетъ черногорець и понынѣ, прибавляя къ унаслѣдованному отъ предковъ новыя пространства, чтобы потомъ обратить ихъ въ нивы, огороды и виноградники;

*) Не отъ новогреческаго-ли слова *τῦπιζο* — навозъ, удобрение?

и потому остановимся прежде всего на этой работѣ. Если дѣло только въ очисткѣ отъ лѣса, то дѣлаютъ такъ: срубаютъ его и потомъ зажигаютъ; затѣмъ перекапываютъ землю *тритоном* (киркой), при чемъ стараются переворачивать землю, чтобы верхнія части, особенно если сверху дернъ (*плас*), обернуты были внизъ. На томъ пока и останавливаются. На первое лѣто ставятъ здѣсь *тор* (стойло для скота), чтобы нагноить; а на слѣдующее опять перекапываютъ и одни сажаютъ капусту, которая на такихъ мѣстахъ лучше всего родится, а послѣ только хлѣбъ (Васоев.); другіе же прежде всего сѣютъ хлѣбъ: рожь, ячмень, гречу (Пива и Катунск. нах.); отлично также родится и картофель, если эти мѣста не слишкомъ высокія, гдѣ не бываетъ позднихъ морозовъ, которыхъ такъ боится картофель. Такимъ образомъ земля обрабатывается лѣтъ 5; а потомъ, когда оставшіеся пни подгниютъ, выкорчуютъ и ихъ, и послѣ того обрабатываютъ землю раломъ. Это называется *кучевина*, и отсюда — *раскрчити* (наше раскорчевать) землю. Новая, никогда не паханная земля называется *новина*, *поновек* или *ледина*.

Это тамъ, гдѣ изъ-подъ лѣса прямо открывается достаточно толстый слой земли; но есть мѣста, гдѣ, какъ въ большей части Катунской нахи, лѣсъ скрываетъ подъ собою цѣлыя скалы и щели между ними, а между ними нагроможденія валуновъ и мелкаго щебня. Здѣсь приходится предварительно работать порокомъ и молотомъ; а взорвавъ скалы и удаливъ съ расчищаемой площадки заваливающие ее камни, начинаютъ съ краевъ нагрести землю. Если мѣстность наклоненная, то въ нижней части выкладывается изъ камня стѣнка, хотя и сухой кладки, но очень твердая, выпиную иногда въ ростъ человѣка, и къ ней сверху нагрѣбается земля, чтобы образовалась ровная площадка, назыв. *долац*, *позид* или *позида* (во множ. ч. *доци*, *позидови*). Принимается при этомъ въ соображеніе, чтобы дождевая вода, приходящая сверху, съ горы, орошала сдѣланную площадку, но не проходила черезъ нее потокомъ, который вообще сносилъ бы землю, а главное уносилъ бы верхнія, легкія и самыя питатель-

пыля органическія частицы. Иногда цѣлый бокъ горы покрывается нѣсколькими десятками такого рода террасокъ, при томъ такой горы, на которой нѣтъ никакой растительности, кромѣ шалфея и разнаго рода колючекъ, и земли почти не видать. Земля эта нагребается изъ трещинъ, и такимъ образомъ цѣлая почва создается вновь. Это называется *транити*; то же самое говорится вообще о глубокой расколкѣ земли и очисткѣ ея отъ мелкихъ камешковъ. Если такимъ образомъ нива готовится въ какомъ-нибудь воронкообразномъ углубленіи, то часто при этомъ на самомъ днѣ открывается отверстіе, ведущее въ какую-нибудь пропасть: его необходимо задѣлать, потому что иначе туда унесетъ всю землю. Есть такія маленькія площадки обработанной земли въ видѣ квадратиковъ или кружочковъ, что ихъ скорѣе можно назвать ящичками или корзинками съ насыпанною землей, чѣмъ нивами. Обработка такихъ мѣстечекъ, конечно, ручная и послѣ первоначальной ихъ разработки; нелегкое дѣло слѣзать въ нихъ и обратно изъ нихъ карабкаться, а тутъ требуется ихъ обработать, засеять и потомъ, собравъ жатву, вынести её наверхъ. Современемъ въ нихъ образуется прекраснѣйшая почва, но она дѣлается такою вслѣдствіе постояннаго удобренія навозомъ, который приносится на неё въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Неудивительно, что такимъ образомъ созданная руками человека земля пріобрѣтаетъ большую цѣнность. Вообще земли, годной для посѣвовъ, въ Черногоріи очень мало: именно на 1 душу приходится приблизительно около 1 рала пахотной земли ($\frac{1}{2}$ нашей казенной десятины), а сѣнокосовъ менѣе $\frac{1}{4}$; или на 1 домъ $5\frac{1}{2}$ рала пахотной земли и 1, 2 покоса. При томъ есть мѣста, напр. вся почти Катунская нахія, Кучи, Братоножичи и др., въ которыхъ положительно негдѣ косою махнуть. Земля обработанная всегда почти находится въ огорожѣ изъ камней сухой кладки (сувомедья), или жпвой изъ колючаго кустарника (живял, живяца); а между нивами, находящимися въ одной котловинѣ по границѣ просто кладется рядъ камней (*мринь*).

Пахотная земля, какъ мы видѣли, измѣряется *рало*мъ, представляющимъ собою пространство, которое можно вспахать за день, пшаче *дан оранья*, а равняется она 1817, 31 кв. метр. или немного болѣе $\frac{1}{6}$ русской казенной десятины; покосы, называемые *мвада*, измѣряются *косой*, которая равняется половинѣ рала, а виноградникъ *мотылой*, отвѣчающей $\frac{1}{6}$ рала. Теперь скажемъ о качествѣ земли. По природнымъ качествамъ черногорецъ различаетъ нѣсколько видовъ природной почвы. *Цринца* — черная земля, природный черноземъ, состоящій изъ перегной органическихъ веществъ, считается самую лучшую землю для всякаго посѣва. *Црвенца* — красная глина съ значительною примѣсью извести, составляющая почти по всей горной Черногоріи подпочву подъ весьма тонкимъ слоемъ чернозема; въ Пивѣ её зовутъ *рибьюша*; при удобреніи она родитъ хорошо и вообще съ годами улучшается. *Кремештавица*, образовавшаяся изъ *кремештака* — глинистаго сланца, легко разбивающагося на пластинки и кубики, которые въ водѣ растворяются, дѣлаются мягкими и подъ атмосферными вліяніями обращаются въ глинистую почву. Она еще тоще предыдущей, требуетъ больше удобренія и болѣе продолжительнаго времени вообще для улучшенія. Этѣ двѣ почвы вначалѣ годны только для ржи, ячменя, крупника (*triticum spelto*, *monocosum* или *dicosum*) и потомъ для пшеницы. *Хума*, *хумава земля*, иначе *бьсуна* — бѣлая земля, состоящая изъ тощей, промытой водою глины, съ большою примѣсью извести, составляющая подпочву на равнинахъ воднаго образованія, какъ Цетинская, Зетская и нѣкот. др. Въ ней задерживается влага, но питательности никакой, и потому ее пшаче называютъ *мртва земля*; чтобы на ней родилось что-нибудь, нужно слишкомъ много удобренія навозомъ. А между тѣмъ та же земля, можетъ быть, съ меньшею примѣсью глины, а съ большею — измельченнаго известняка, въ Бѣлопавличахъ употребляется въ видѣ удобренія. Это дѣлаютъ тамъ, гдѣ земля черная и особенно если много упавожена: тогда гдѣ-нибудь на краю той же нивы копаютъ яму въ родѣ коло-

дезя, иногда довольно глубокую, до двухъ метровъ, и выбрасываютъ оттуда эту бѣлую землю, а послѣ разбрасываютъ ее по нивѣ. Такимъ образомъ удобренная нива гѣтъ на 5 и даже до 10 не нуждается больше ни въ какомъ другомъ удобреніи. Открытіе это сдѣлано случайно. Земля эта, иначе называемая *пржина* или болѣе крупная *белуца* (мелкій песокъ, но не изъ кварца, а изъ какой бы то ни было породы, въ Черногоріи же преимущественно изъ известняка), употреблялась для другихъ цѣлей; ее примѣшивали къ известкѣ въ постройкахъ, къ смѣси для приготовления черепицы и т. п. и одинъ поселянинъ, перевозя ее на лошахъ, просыпалъ часть по нивѣ, и, гдѣ она была просыпана, оказался лучший урожай. То же самое случилось, когда копали колодезь, и часть этой земли попала на ниву. Съ тѣхъ поръ и стали ее употреблять, какъ удобрение, и это называютъ *пржинанье*, *пржинати землю*. Въ прошломъ году земля эта въ двухъ образчикахъ послана была для химическаго анализа въ Парижъ, и оказалось, что питательныхъ веществъ въ ней нѣтъ почти никакихъ (въ одномъ образчикѣ фосфорной кислоты на 100 частей 0,04, а въ другомъ—0,08), и все дѣйствіе ея заключается въ разрыхленіи почвы, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она долго бываетъ потопляема водою и потому сильно уплотняется и дѣлается вязкою*). Надобно замѣтить, что въ Бѣлопавличахъ же я видѣлъ нивы, покрытыя нарочно галькою, а въ Дробнякахъ въ селѣ Дужахъ — цѣлые камни лежали на нивѣ, и по народному объясненію камни эти предотвращаютъ сильное высыханіе почвы, такъ какъ подъ ними и около нихъ всегда больше задерживается влага. Факты эти обращаютъ наше вниманіе и какъ примѣры наблюдательности черногорца.

Есть земля *пловача*, *глина* (*глина*), *гиллава*, которая тоже считается хорошою, по обработке ея труднѣе. Земля называется *коштъелова*, которая, будучи распахана, лежитъ въ комкахъ; ихъ

*) Объ этомъ см. статейку г. Ф. Терговића. Пржинанье земле у Бѣлопавличина. Гл. Црног. 1891 г. № 18.

необходимо разбивать, что и исполняется деревяннымъ молоткомъ на длинной палкѣ, и только послѣ этой операціи она поддается боронѣ; такая земля считается очень плодородною.

Говорится: *серта, отседита* земля, которая слишкомъ уплотнилась, утоптанная скотомъ; *ослепти се земля*, когда не легко просыхаетъ и потому прилипаетъ къ лемешу или мотыгѣ: *земля се плеше под ногами*, т. е. сбивается и уплотняется. Если земля стояла подъ водою, или её долго поливали дожди, то ждуть, чтобы она *протьюнула* — протряхла, просохла, чтобы не мазалась, а разсыпалась подъ плугомъ; *рови се, ровита земля* — рыхлал. *Бухавица, бухава* — земля слишкомъ рыхлал, страдающая отъ малѣйшей засухи, вывѣтрившаяся и содержащая въ себѣ при томъ мало питательныхъ веществъ, вообще тощая, плохая. Земля *се троши, иґесе* (съѣдается) истощается отъ времени; потому её нужно удобрять, но и этого мало: её наново перекапываютъ глубоко, переворачиваютъ, выбираютъ попадающіеся камни и мелкую гальку (пржину), и такимъ образомъ земля поправляется дѣлается повью.

Кромѣ удобрения, земля для отдыха оставляется въ *пролю* (Пива) — въ залежь, перелогъ или *ялова* — безъ посѣва; тогда она *се ялови или прешля*, т. е. жприѣсть; такимъ же отдыхомъ считается для земли, если посѣянное на ней не дало урожая. *Замоа-дити* землю — значитъ оставить пашню подъ траву и пастбище: она нагноится отъ скота, и года черезъ три её опять пашутъ.

Самый простой способъ удобрения земли состоитъ въ томъ, что по ней пускаютъ скотъ, и сверхъ того одинъ уголокъ обращается въ *торь* (стойло), гдѣ скотъ остается на ночь. Торъ этотъ переносится съ одного мѣста на другое, и такимъ образомъ удобрится цѣлая пива.

Рядомъ съ этимъ идетъ и другой способъ удобрения: женщины приносятъ удобрение въ корзинахъ на спигѣ или оно привозится на лошакахъ, ставится по нивѣ кучками, а послѣ передъ пахотой разбрасываютъ его по всей нивѣ и запахиваютъ. Общее названіе скотскаго удобрения *мой, дьюбре* и *буниште*, и этому удобрению

придается большое значеніе: потому говорится: «Осам кмета у селу лажу, буниште не лаже». Есть еще выраженіе для удобренія: *мити* и земля *мити се*, *митлива*, т. е. требуетъ много удобренія.

Передъ пахотой есть обычай собрать съ нивы всю траву и что осталось соломы отъ прошлаго посѣва, сжечь, а пепель рассыпать по землѣ. Въ Цуцахъ говорится; *омберіо сам землю* — вполне подготовилъ для пашни. *Пастрнак* — называется нива, съ которой только что убранъ одинъ хлѣбъ, обыкновенно озимая пшеница, и на ней сѣется другой — кукуруза. Это, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣто продолжительнѣе, какъ Бѣлопавличи, Зета, Цермница и др.

Къ этимъ же приготовительнымъ работамъ нужно отнести и орошеніе, которое все больше и больше распространяется въ Черногоріи, хотя далеко не въ той степени, въ какой оно могло бы быть.

Больше всего оно введено въ Васоевичахъ, гдѣ безъ орошенія остаются только 4 села, а остальные всѣ имѣютъ воду. Дѣло это устраивается очень просто: если хотять воспользоваться потокомъ, находящимся на высотѣ, то прямо разводятъ его мелкими канавками по нивамъ и дугамъ; а если берутъ воду отъ рѣки, то прокапываютъ каналъ, назыв. *яз* или *яжа*, сдѣлавши предварительно приблизительное измѣреніе высоты паденія, а потомъ передъ началомъ его дѣлаютъ въ рѣкѣ небольшую запруду изъ камней для подъема воды. Орошеніе называется *вада*, и говорится, что земля находится *под вадом*.

Если пускаютъ воду на лугъ, то по нему въ различныхъ направленіяхъ прокапываютъ мелкія канавки, переполнивъ которыя, вода разливается сплошь по дугу, а потомъ сливается въ большія канавы, которыя прокопаны вокругъ луга, и по нимъ она удаляется вонъ. На нивы она идетъ изъ окружающихъ ея большихъ канавъ, запруживаемыхъ внизу, чтобы вода шла черезъ края, и потомъ она идетъ сплошь черезъ борозды. Села Слатина и Забрдье (въ Васоевичахъ) пользуютя р. Градишницей, которая впадаетъ въ Лимъ у с. Требчи, а къ упомянутымъ селамъ

часть ея воды отводится подземнымъ путемъ, для чего еѣ много перегораживаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ нея идетъ отверстіе. Та же вода служить и для мельницъ.

За Васосевичамя по распространенности орошенія слѣдуетъ Морача, хотя тутъ оно идетъ исключительно изъ мелкихъ потоковъ и ключей, текущихъ къ главной р. Морачѣ; самая же Морача не выводится нигдѣ для этой цѣли, частью потому, что ея русло лежитъ очень глубоко, а частью просто у народа не находится настолько предпримчивости и взаимнаго согласія, которое необходимо для какого-либо болѣе значительнаго сооруженія. И здѣсь къ морачскому монастырю подземнымъ путемъ отводится рѣчущка Ибришница, текущая въ Морачу параллельно р. Мртвицѣ (см. на картѣ села Ибрія и Трешнево), и служить какъ для орошенія поля, такъ и для мельницы; а значительный избытокъ этой воды отъ подножія монастырскихъ стѣпъ низвергается въ Морачу со скалы отвѣсно съ высоты 40 метровъ.

Достаточно обильна орошеніемъ и окрестность Бара, хотя при большой сушѣ, когда особенно требуется орошеніе, многіе источники воды персыкаютъ; но есть и неперсыкающіе, которые идутъ отъ Залева и отъ р. Желѣзницы. Живущіе въ Барскомъ же округѣ Мркоевичи всѣ почти свои нивы орошаютъ ключами, обильно посылаемыми имъ высокою Лисинюмъ, находящимся въ одномъ массивѣ съ Руміей.

До нѣкоторой степени существуетъ орошеніе въ Ульцинѣ, Цермницѣ, въ верхней части Бѣлопавляцкой долины, въ Жунѣ Никшицкой, Дробнякахъ, Колашинѣ. Но оно современемъ должно больше развиться, какъ въ сейчасъ упомянутыхъ намъ мѣстностяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ орошеніе когда-то было. На что указываютъ развѣтвленія римскаго канала въ окрестности Подгорницы; а имѣеть для того всѣ необходимыя условія и Никшицкая равнина съ Горипмъ-полемъ. Въ Косіеревскомъ-монастырѣ существуютъ остатки чягирри, на р. Требишницѣ, который поднималъ изъ нея воду для орошенія съ помощью ея же тока; теперь онъ брошенъ и разваливается; а сооруженіе было значительное.

Относительно пользованія водою народъ всегда руководился правиломъ, что всякій изъ племенн, которому принадлежитъ вода, можетъ ею пользоваться свободно, если она находится на его землѣ, а въ то же время не долженъ мѣшать въ томъ своему сосѣду, односельянину или одобротственику воспользоваться ею и въ томъ случаѣ, когда ему самому по положенію его земли было то невозможно.

Въ Васоевпчяхъ я знаю такіе примѣры. Но въ прежнее время при неустановившемся еще строго законномъ порядкѣ это правило часто пренебрегалось иногда вслѣдствіе какой-нибудь ссоры, а иногда просто вслѣдствіе глупаго сербскаго *штата*, т. е. упрямства, неоснованнаго ни на чемъ другомъ, какъ только на самоволіи: «баста ми», могу, и все тутъ. Изъ-за этого возникали не только распри, но и вооруженныя побоища, сопровождавшіяся кровавыми жертвами. Впослѣдствіи черногорское правительство, учредивъ судъ для разбора всевозможныхъ тяжбъ и распрей, старалось регулировать эти отношенія, а окончательное регулированіе этому вопросу даетъ новыи гражданскій законникъ (1888 г.), въ которомъ ему посвящены §§ 117—136 (стр. 44—50).

Сюда входятъ статьи: о водѣ вообще, орошеніе, о потокахъ и наносахъ. Въ послѣдней статьѣ разумѣются потоки, которые приносятъ своимн наводненіямн пользу, осаждаая на потоцле-мыыхъ имп мѣстностяхъ вещества, полезныя для земли или, напротивъ, вредныя, напр. массу камней, которые могутъ совершенно завалить её и сдѣлать ни къ чему негодною. Въ первомъ случаѣ сидяшіе ниже не могутъ ему запретить задерживать воду прежде на своихъ земляхъ и послѣ пускать её дальше, если ея будетъ достаточно; а во второмъ они имѣютъ право принимать мѣры для ея уклоненія. Въ большомъ размѣрѣ это практикуется на почвѣ международной. Именно изъ-подъ села Мирца въ Черногоріи (на южной сторонѣ Ловчена) въ зимнее и весеннее время идетъ сильный потокъ, вынося изъ горъ массу камнейевъ, которые заваливаютъ земля живущихъ внизу приморцевъ, ав-

стрийскихъ подданныхъ. По допущенію черногорскаго правительства община упомянутой части Приморья заграждаетъ этотъ потокъ въ черногорской территоріи стѣною, за которою и осаживается весь несомый потокомъ камень, и эта работа повторяется черезъ извѣстные годы, по мѣрѣ того какъ нарастаетъ слой осажденнаго камня, достигая уровня стѣны.

У Мркоевичей орошеніе не только прекрасно организовано, но и исполняется съ точностью; тамъ въ одномъ какомъ-нибудь потокѣ участвуютъ до 40 хозяевъ, и каждый знаетъ свое время, когда можетъ воспользоваться водою и сколько часовъ, отъ 5 и до 48 ч. Если на одномъ ряду находятся нивы съ пшеницей и кукурузой, то хотя бы послѣдняя была и дальше, на неё пускаютъ воду прежде, а пшеница будетъ ждать, пока удовлетворятся всѣ кукурузныя нивы: это дѣлается вслѣдствіе того соображенія, что пшеница здѣсь всегда озимая, а потому весь ростъ ея и наливъ зерна оканчивается тогда, когда земля еще полна весенней влаги. Иной продаетъ свое право на воду безъ земли, а другой продаетъ землю, оставивъ воду за собою, которая потомъ арендуется другимъ.

Различаютъ и качество воды, употребляемой для орошенія: такъ въ Васоевичахъ потоки, идущіе въ р. Кральштицу съ Лисой-планины считаются болѣе питательными, чѣмъ вода Злорѣчицы. Дѣло въ томъ, что первые идутъ изъ-подъ катуновъ, гдѣ стоятъ множество скота, и сносятъ оттуда значительную часть верхняго нагноеннаго временемъ слоя земли, осаждаютъ её на нивахъ и удобряютъ ихъ; эти потоки или *слаке*, какъ ихъ называетъ народъ, полны питательныхъ веществъ или *сласти*, по народному же выраженію. Злорѣчица же съ ея притоками берется изъ глубины каменистаго нѣдра горъ и потому вода ея слишкомъ чиста и холодна; въ то же время она слишкомъ быстра и, пущенная на нивы или луга, смываетъ легкій верхній слой земли и лишаетъ её лучшихъ частицъ, которыми питалось бы растеніе.

Мы уже упоминали, что послѣ орошенія вода впускается

въ канавы большаго размѣра, по которымъ она стекаетъ въ какую-нибудь большую рѣку. Вся равнина подъ Баромъ перерѣзана такими канавами, которыя однако не выполняютъ своей роли: отводимая ими вода или остается въ нихъ, предаваясь гниенію, пока высохнетъ, или растекается и образуетъ въ нижней части равнины, отдѣляемой отъ моря песчанымъ баромъ, гниющее болото, отчего и происходитъ малярія, порождающая жестокою барскую лихорадку. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Васоевичахъ, съ распространеніемъ орошенія между людьми усиливается лихорадка, на мелкій скотъ распространяется болѣзнь *метиль*, состоящая въ томъ, что печень животного наполняется какимъ-то червемъ и животное сначала жирѣетъ, а потомъ издыхаетъ.

Въ видахъ оздоровленія барской мѣстности черногорское правительство предприняло выкопать каналъ, который отводилъ бы всю воду въ море, не задерживаясь на равнинѣ; но дѣло это поручено было человѣку не искусному въ томъ, и каналъ не приноситъ никакой пользы, оставаясь постоянно сухимъ, тогда какъ ниже его продолжаетъ собираться вода, постоянно питающая гниющее болото. И послѣ только догадались часть этихъ водъ, такъ называемую Рену, отвести ея прежнимъ путемъ въ р. Рикавацъ. Въ окрестности Ульцина также находится обширная, низкая равнина между хребтомъ Можурой и р. Бояной, весьма плодородная, но которая страдаетъ отъ наводненій, съ одной стороны вслѣдствіе множества потоковъ, стекающихъ съ сосѣднихъ горъ; съ другой съ поднятіемъ уровня Скадарскаго озера и обращеніемъ р. Дрина въ Бояну, послѣдняя стала переливаться черезъ свои края и затоплять всю низкую часть равнины, не имѣющую природнаго стока къ морю и лежащую при томъ почти на одномъ уровнѣ съ нимъ.

Тамъ въ старое время когда-то былъ прокопанъ каналъ, посредствомъ котораго главный потокъ Братица отводился къ морю; онъ сохранился и до сихъ поръ. Но Бояна стала вливаться въ позднѣйшее время и вслѣдствіе того образо-

валось обширное Зоганьское болото съ озеромъ посреди его. Когда-то это мѣсто было совершенно сухое, и на днѣ озера открываются остатки мощеной дороги; а потомъ оно обратилось въ болото, заросшее камышемъ и окугой. Когда Ульцигъ съ его округомъ поступилъ во владѣніе Черпогоріи, князь Николай рѣшился приступить къ осушенію этого болота. Первоначальныя изслѣдованія однако не привели ни къ какому результату и говорили даже, что это невозможное дѣло, такъ какъ болото лежитъ слишкомъ низко; но Его Высочество не остановился на томъ и поручилъ сдѣлать нивелировку рус. воен. топографу В. И. Варману, который нашелъ это дѣло не только возможнымъ, но и начертилъ планъ, а потомъ по приказанію князя приступилъ къ работѣ, которую, начавъ зимой, окончилъ къ лѣту. Прокопанъ былъ каналъ въ два километра отъ края болота, а потомъ продолженъ и еще на два километра въ глубь болота. Въ настоящее время онъ имѣетъ въ длину болѣе 4-хъ килом., шириною по срединѣ вверху 8 метр. (внизу уже), а при впаденіи въ море 18 м.; при началѣ отъ болота тоже много шире, чѣмъ по срединѣ. Глубина средняя $1\frac{3}{4}$ м.; а есть и $2\frac{1}{2}$, гдѣ онъ просѣкаетъ наносное возвышеніе. Наклонъ 2 м. 20 с. или на каждый килом. около $\frac{1}{2}$ м., настолько незначительный, что, когда въ морѣ большой вѣтеръ къ берегу, волны его идутъ по каналу до половины его длины и дальше. Тѣмъ не менѣе болото высыхаетъ съ каждымъ годомъ и озеро уменьшается въ объемѣ и теряетъ глубину; а вокругъ открываются земли, дающія богатѣйшій урожай, хотя бы была полнѣйшая засуха. Бояну сначала хотѣли удержать плотинами; но послѣ увидѣли, что это напрасный трудъ: она какъ приходитъ, такъ и уходитъ, ни сколько не задерживаясь, благодаря каналу, и земля всегда на время открывается изъ-подъ воды и просыхаетъ, чтобы можно было своевременно произвести запашку. Въ настоящее время открылось около 6000 рагъ земли, изъ нихъ болѣе 2000 уже распахиваются. А откроется еще не менѣе 2000; современсмъ же должно высохнуть и самое озеро. Это дало князю возможность поселить въ Уль-

циѣ до 200 семействъ черногорцевъ и ускоковъ изъ Приморья (Поборы).

Здѣсь, какъ и въ Барѣ, свирѣпствуетъ лихорадка, главнымъ образомъ оттого, что новые поселенцы не привыкли къ тамошнему климату и не умѣютъ беречься, а кромѣ того большинство изъ нихъ бѣдняки. Тѣмъ не менѣе съ годами возрастаетъ ихъ благосостояніе, отъ котораго въ значительной степени улучшается и состояніе здоровья. Но малярія совершенно исчезла бы, еслибъ былъ регулированъ Дринъ, отъ котораго зависятъ наводненія Бояны. И теперь она должна въ значительной степени ослабѣть, когда всюду будетъ произведена надлежашая канализація, необходимая при обработкѣ земли. Предполагается и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произвести орошеніе и осушеніе и уже производились въ этомъ направленіи должныя измѣренія и изслѣдованія; и можно надѣяться, что усилія правительства помочь народному сельскому хозяйству увеличатся новыми успѣхами. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ Черногоріи дренажъ въ двухъ видахъ: старый, народный, основанный на домыслѣ и искусствѣ народа, и новый, въ которомъ по мысли и подъ руководствомъ просвѣщеннаго правительства прилагается искусство культурныхъ страпъ свѣта.

Дѣйствіе орошенія имѣетъ въ различныхъ мѣстахъ различныя названія: *топити*, *плавити*, *крупити*, *заливати*. Перейдемъ теперь къ производству земледѣльческихъ работъ и начнемъ съ орудій.

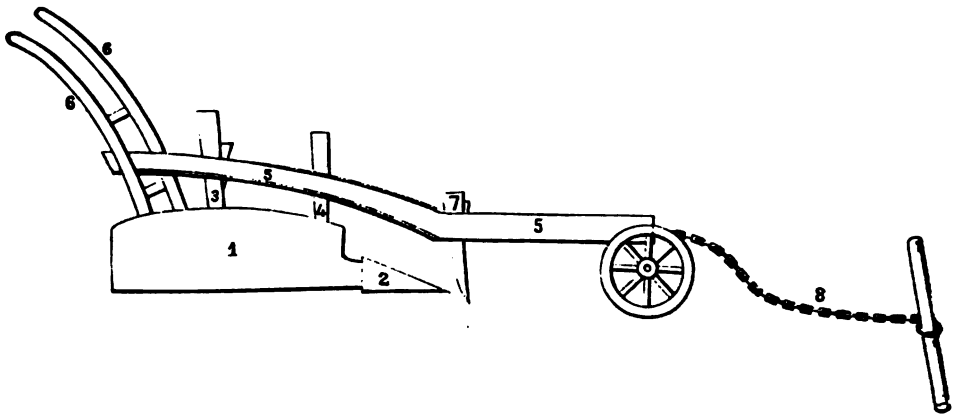
2. Земледѣльческія орудія; способъ паханія; время посѣвовъ; что сѣется или садится; уходъ за кукурузой и ея уборка; уборка другихъ хлѣбовъ и молотба; фасоль и картофель; враги посѣвовъ и сорныя сѣмена; урожай и цѣнность земли; сѣно.

Пашутъ землю *ра.гомъ* (въ Морачѣ *пань* или *пэнь*) и *п.шумомъ* (въ Герцегов. *цабао*). Последний, впрочемъ, употребляется весьма мало (только въ Никшичѣ), потому что нѣтъ для того обширныхъ

полей съ глубокою почвой; при томъ новъ поднимается кпркой и мотыгой, послѣ которыхъ также не нуженъ плугъ, и потому главнымъ и почти исключительнымъ орудіемъ пахоты остается рало.

Рало въ родѣ нашей сохи и въ него впрягается обычно пара воловъ. Въмѣсто голаго отдѣльнаго описанія мы предлагаемъ на рисунокѣ единственную форму плуга и нѣсколько видовъ рала.

Плугъ съ Никшичь.

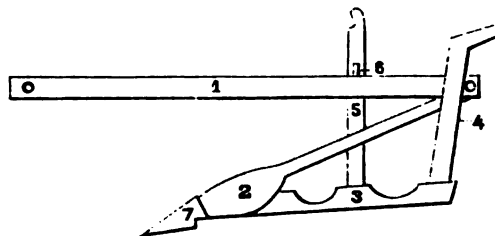

штица; 2) лемеш; 3) котла; 4) цимель; 5) гредель; 6) ручица; 7) штакто и 8) олачеи.

Рало (соха).

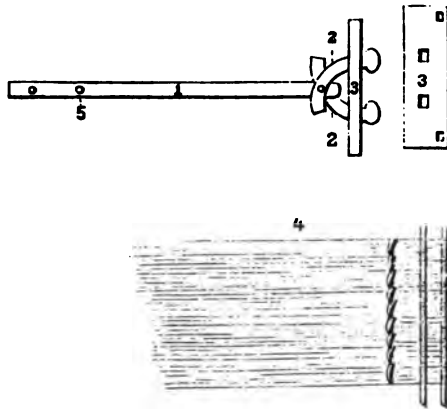
1. *Васоевицкое рало съ бороной.*

а) рало.

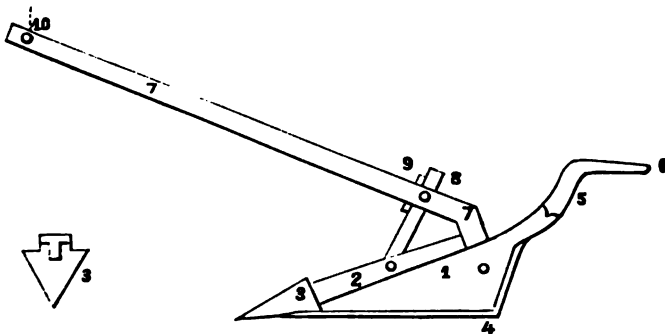
1) гредель—длина 18 четв., ширина 2 верш.; толщ. 1 в. (она пропущена сквозь ручицу). 2) штица — 6 в. 3) олази — 4 в. 4) ручица толщ. 3 в. 5) колчаник — 5 в. (онъ пропущенъ сквозь гредель и штицу). 6) товарцъ (заклепка). 7) раоник (лемешъ).

б) брана или дряляча.

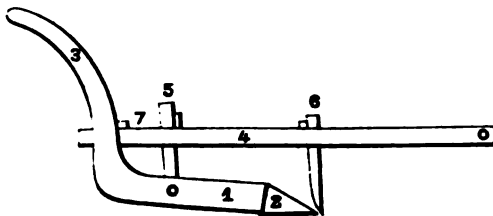
- 1) оймица — длина 12 четв. 2) тетаре. 3) била — длина 5 четв., шир. $1\frac{1}{2}$ четв.
4) пера (изъ березовыхъ прутьевъ). 5) заворезъ — колышекъ для прикрѣпленія ярма.

2. Зетское рало.

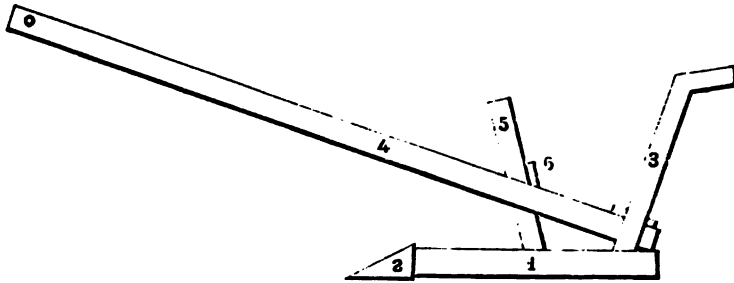
- 1) постава. 2) штица. 3) ракик или жемеш. 4) низ од гвоздья. 5) ручица. 6) рукодрж. 7) предель. 8) козолац. 9) затца. 10) водья.

3. Цермницкое.

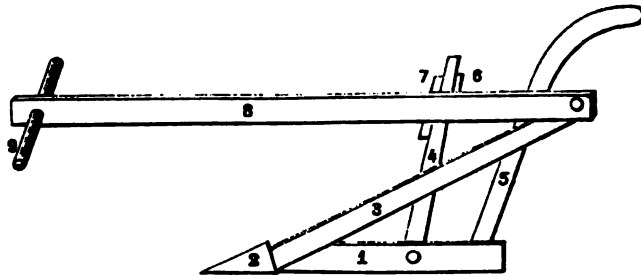
- 1) плаз. 2) жемеш. 3) ручица. 4) войца. 5) котла. 6) чертало. 7) клинц.

4. Изъ Цетинскаго поля.

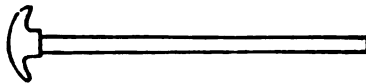
1) штица. 2) јемеш. 3) ручица. 4) іредель. 5) котла. 6) кокотичь.

5. Дробляцкое.

1) поставок. 2) јемеш. 3) штица. 4) козалац. 5) ручица. 6) клинак. 7) заловак. 8) іредель. 9) курюк.

При паханьи употребляется орудіе, посредствомъ котораго очищаютъ лемешъ отъ налипнувшей на него земли, и имъ же,

погоняють воловъ. Онъ называется *опиница* и состоитъ изъ палки длиною до 1 $\frac{1}{2}$ метра съ насаженною на концѣ желѣзною лопаточкой, называемою *откича*. Такой видъ имѣетъ онъ въ Зетѣ и окрестности Подгорицы *).

*) По формѣ это совершенно напоминаетъ древне-римскій *gallus* (сокращ. изъ *gadulum*), служившій для той же цѣли.

Паханіе раломъ совершается такъ, что борозда идетъ къ бороздѣ отъ одного края къ другому; длина гоновъ различна по мѣсту, но большею частью они бываютъ короткіе и не больше 100 метр.; ширина пласта 15—20 сантим., а глубина до 10 с. Первое паханье назыв. *прсориванье* (преорати); а потомъ просто *оранье и сіянье*; поперечная распашка краевъ *одор* или *одориванье*.

Хорошими быками можно вспахать за день 1 рало, почему оно и называется *дан оранья*; по большюю частью быки бываютъ слабые, особенно весной, когда зимній кормъ истощился, а новый еще не выросъ, и потому рало вспахивается за 1½ дня. Идя за раломъ и направляя отъ руки лемешъ, чтобы шель на одинаковой глубинѣ, пахарь то и дѣло покрикиваетъ на своихъ бычковъ «кормильцевъ» (ранитель или хранитель), называя ихъ по именамъ: «О, средо! о, реджо! о, бадѣ!» и тому подобными именами. Молодой, еще непріучившійся бычокъ обыкновенно идетъ вонъ изъ борозды и портитъ дѣло, и за то называется *итети-бразд* (этимъ же именемъ называютъ и человѣка, который за какое дѣло ни возьмется, всегда его попортитъ). При концѣ борозды онъ кричитъ на нихъ: «Врш, врш!», чтобы дотягивали до края, а не сворачивали, къ чему у нихъ есть наклонность. Иногда перспахиваютъ ниву въ другой разъ поперекъ, чтобы больше разрыхлить землю, а отчасти и углубить, потому что первая распашка бываетъ не совсѣмъ чистая, особенно если земля уплотнилась. Иные пахутъ и въ третій разъ. Очень трудно бываетъ пахать, если земля залежалась, сбилась подъ ногами пасшихся на ней стадъ и заросла травой; особенно затрудняетъ трава *троскот* (пырей), который такъ роскошно растетъ на хорошей землѣ и своими тонкими костянистыми кореньями опутываетъ лемешъ такъ, что онъ просто вылѣзаетъ вонъ изъ земли, и тогда тоже требуется помощь *ошницы*.

Распахавши такимъ образомъ ниву, иногда предварительно разбиваютъ комья, а большею частью тотчасъ же пускаютъ борону, на которую для тяжести наваливаютъ каменья или сажаютъ дѣтей, а иногда усаживается самъ хозяинъ. Это на-

зывается *лачитти* (собст. *олачитти* и *залачитти*). Сѣютъ въ борозду и въ разбросъ, иногда подъ рало. Если сѣютъ въ разбросъ, то вдоль цѣлой полосы проводится одна борозда или больше, смотря по ширинѣ, чтобы держаться порядка и знать, до какого мѣста уже брошено сѣмя. Эта борозда называется *лія*. Въ мѣстахъ, гдѣ на нивѣ можетъ задерживаться вода, проводятъ борозды для скорѣйшаго освобожденія нивы отъ воды.

Узкая полоса между двумя нивами или на одной и той же, оставленная нераспаханною, называется *склад*, *раздіо*, *мринь*.

Время пахоты опредѣляется конечно мѣстностью и ся климатическими условіями: въ то время какъ на Цетинѣ лежитъ снѣгъ, на Рѣкѣ въ полночь разгарѣ полевая работа.

Подъ озимые хлѣба пашется, конечно, по уборкѣ яровыхъ и послѣ перваго дождичка; а для яровыхъ—какъ только сойдетъ снѣгъ, гдѣ онъ бываетъ, и протрихнетъ земля. Весенняя пахота иногда замедляется тѣмъ, что рабочій скотъ за зиму очень ослабѣлъ и не можетъ работать, пока не отрастетъ кормъ, чтобы накормить. Въ окрестности Подгорицы мнѣ случалось видѣть, что сжинаютъ для корма скоту рожь, уже выколоспвшуюся. Въ Дробнякахъ и Пивѣ начинаютъ пахать въ низкихъ мѣстахъ, въ то время какъ на высокыхъ мѣстахъ лежитъ еще снѣгъ; а когда тамъ снѣгъ стаетъ и зазеленѣетъ трава, тогда воловъ пускаютъ на отдыхъ недѣли на двѣ, и это называется *волонустъ*.

Въ мѣстахъ низкихъ и теплыхъ дѣлаются два посѣва: съ осени пшеница или рожь; а потомъ по уборкѣ ихъ кукуруза. Время посѣва зависитъ, конечно, и отъ рода хлѣба. На высокыхъ мѣстахъ яровая пшеница сѣется тотчасъ же, какъ только можно пахать; а для гречихи и кукурузы нужно выждать время, чтобы ранніе всходы не пострадали отъ мороза.

Теперь мы подошли къ вопросу, какіе хлѣба сѣются въ Черногоріи. Отвѣтомъ на это можетъ служить то, что мы уже сообщили въ отдѣлѣ климата въ статьѣ «раздѣленіе на полосы на основаніи распредѣленія хозяйственныхъ растений» (Т. I, стр. 162—163). Короче сказать, здѣсь сѣется и поспѣваетъ на вы-

сокихъ мѣстахъ все то, что поспѣваетъ въ средней Европѣ, а въ низкихъ—то, что можетъ быть въ южной Европѣ, если только тому отвѣчаютъ почвенныя условія. Напр. здѣсь отлично поспѣвалъ бы рисъ, но онъ требуетъ большого орошенія, котораго въ мѣстахъ, соотвѣствующихъ ему по климату, не имѣется достаточно. Многіе овощи и зелень, такъ распространенные въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи, здѣсь едва извѣстны по имени, какъ: свекла, морковь, рѣпа, рѣдка, горохъ и нѣкот. др. Последній въ высокихъ мѣстахъ могъ бы замѣнить фасоль, которая не выноситъ холода; съ нѣкотораго времени входятъ во всеобщее употребленіе, по крайней мѣрѣ, въ городахъ: салатъ, помидоры, цвѣтная капуста, редиска и т. п. Въ мѣстахъ, бывшихъ подъ турецкимъ господствомъ, сѣются въ большомъ количествѣ: красный перецъ (паприка), потлажаны, бамія, тыквицы разныхъ видовъ и т. д. Зато въ тѣхъ же мѣстахъ не было въ употребленіи картофеля, который вводится только теперь, когда ихъ заняла Черногорія.

Что касается хлѣбовъ, то повсемѣстно сѣются ячмень, овесъ, рожь, греча, пшеница и кукуруза. Изъ нихъ овесъ (овас) сѣется мало; а лошадей кормятъ главнымъ образомъ ячменемъ (јечам), который вмѣстѣ съ овсомъ носитъ общее названіе *зобъ*, хотя и изъ него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Банянахъ, Пивѣ и Дробнякахъ пекутъ хлѣбъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, а также въ Васоевичахъ, Кучахъ, Пиперахъ, частью по Катунской нахи и другихъ сѣется греча и тоже служитъ для хлѣба, хотя весьма рѣдкіе умѣютъ очищать ее отъ шелухи. Въ сѣверныхъ и горныхъ предѣлахъ сѣется крупникъ (*triticum spelta*). Больше распространена рожь и еще больше пшеница; а больше всѣхъ кукуруза, которая и носитъ въ общемъ смыслѣ названіе *жито*, какъ хлѣба, которымъ народъ питается главнымъ образомъ. Впрочемъ, въ Пивѣ и Дробнякахъ жито означаетъ пшеницу, которая тамъ вмѣстѣ съ рожью преимущественно яровая. Пшеница, рожь, ячмень вообще называются: *стрно жито*, *бело* или *ситно*. Въ пѣснѣ есть выраженіе: «Пшениу жнѣла дѣвойчица», гдѣ *пшено* означаетъ пшеницу.

Посѣвъ всѣхъ хлѣбовъ и уходъ за ними, кромѣ кукурузы, не представляетъ ничего особеннаго; поэтому объ нихъ не будемъ говорить; а остановимся только на кукурузѣ. Названіе кукурузы хотя и извѣстно въ Черногоріи; но въ общемъ употребленіи другое названіе: *урметин* или *фурметин* (итальян. formentone); Васосвяти называютъ его *коломботъ* (тоже и у арнаутовъ)*. Сѣется онъ ранній и поздній: первый, конечно, — какъ только нѣтъ никакого опасенія отъ морозовъ и созрѣлъ бы въ августѣ мѣсяцѣ; а второй по уборкѣ пшеницы, которая бываетъ отъ половины мая до половины іюня. Вообще отъ посѣва до созрѣванія по народному расчету требуется 100 дней.

Въ 1880 г. мнѣ случилось въ Бѣлопавличахъ видѣть, что ячмень и пшеницу молотили, раннюю кукурузу окапывали, а позднюю сѣяли по пшеничищу. *Видовъ день* (15 іюня) можно считать терминомъ посѣва поздней кукурузы, которая конечно возможна только въ низкихъ, жаркихъ мѣстахъ, гдѣ продолжительное лѣто, какъ Зета, Цермница, Баръ, Ульцинь и пшения земли Цеклина. Въ Цермницѣ говорятъ, что если посѣять се на ихъ нижнемъ полѣ раньше видовъ-дня, то она сгорѣла бы отъ жара. А въ Барѣ (село Зубцы) сѣютъ за недѣлю передъ Ивановымъ днемъ (25 іюня) или не долше недѣли послѣ, и потому говорятъ: «До по-дне челядма, послѣ по-дне теладма» т. е. что нужно посѣять раньше, а въ противномъ случаѣ она будетъ годиться только на кормъ скоту. Слѣдовательно, кромѣ продолжительности лѣта, многое зависитъ и отъ особенныхъ мѣстныхъ условій. Въ Ульцинѣ напр. на мѣстахъ, освободившихся пзъ-подъ болота, сѣютъ почти до Петрова дня (29 іюня) и позже, потому что земля долго сохраняетъ влагу, безъ которой брошенное зерно не могло бы дать всхода; а въ другихъ мѣстахъ оно бы засушилось. Еслпбъ середп лѣта, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, перепадали хотя бы изрѣдка, дождики, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было бы убирать кукурузу два раза, надъ чѣмъ и дѣлали пробу, и удавалось. Въ такомъ

*) Въ Дубровникѣ *золотум* и *золукуда*.

случаѣ сначала сѣютъ обыкновенную кукурузу, которая поспѣваетъ къ августу, а послѣ такъ называемый *цинквантин* (мелкій сортъ), для созрѣванія котораго, по мнѣнію народа, требуется только 50 дней (въ дѣйствительности же больше, около 2½ мѣсяцевъ). Это могло быть въ нижнемъ полѣ цеклинскомъ и въ Ульципѣ, гдѣ однако ранній посѣвъ невозможенъ, потому что долго стоитъ вода, а уборкѣ можетъ помѣшать ранній приходъ воды осенней.

Вообще по Черногоріи сѣется кукуруза съ крупнымъ зерномъ желтаго цвѣта, которая приноситъ на стеблѣ обычно 1—3 початковъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ Васоевичи, большею частью мелкій, изъ Албаніи, который даетъ початки меньше, но созрѣваетъ скорѣе. Если на одной пожкѣ два початка (другой маленькій), то маленькій называется *котляи* (тоже двояшки орѣхи и яблоки).

Въ Васоевичахъ же такъ сортируютъ сѣмя при посѣвѣ: для ранняго созрѣванія берутъ сѣмя съ верхняго конца початка, это *мало стѣме*; отъ него никогда не можетъ быть ни высокаго стебля, ни крупнаго початка; зерна съ нижней части созрѣваютъ позже всѣхъ, а изъ середины созрѣваютъ между первымъ и последнимъ.

Рѣдко кто сѣетъ кукурузу въ борозду или садитъ, и то не вслѣдствіе нерадѣнія, а потому, что тогда зерно западаетъ слишкомъ глубоко и ему трудно прорости; вообще же сѣютъ ее въ разбросъ, не жалѣя при томъ сѣмени, потому что при окапываніи лишніе всходы уничтожаются. Когда всходы достигнутъ высоты приблизительно 10 сантим. или черезъ 2 недѣли, тогда ее окапываютъ мотыгами или собственно разрыхляютъ землю, причемъ лишніе всходы уничтожаются; и всходы эти по народному представленію какъ бы сами просятъ хозяина: «Посѣчи ми брата, а я тью порасту за мене и за брата», т. е. что съ прорѣженіемъ урожай будетъ лучше, такъ какъ оставшіеся стебли усилятся насчетъ уничтоженныхъ и принесутъ лучший урожай. Это первое окапываніе назыв. *прашек* или *прашина*; а глаголь—

прашити. И потому спрашиваютъ: «Имате ли прашка или прашека», т. е. есть ли у васъ, что окапывать и выросла ли настолько кукуруза. Затѣмъ, когда сформируется уже стебель, окапываютъ второй разъ; это назыв. *узиртати, заиртати* или *лунити*, при чемъ пригребають землю къ самому корню. Послѣ этого нѣтъ никакого ухода, и только наблюдаютъ, когда выброситъ цвѣтъ въ видѣ колоска съ двумя побочными вѣтвями, а потомъ завяжется початокъ и выброситъ волоски — *соилу* (шелкъ) и тогда говорится «урметин соилдъ», т. е. выметывается шелкъ. Наконецъ приспѣтъ *печеняк*; такъ называютъ первые появившіеся початки, съ налившимися вполне зернами, содержащими въ себѣ уже готовое мучнистое вещество. Эти первые початки берутъ, чтобы испечь на жару; ими лакомятся не только дѣти, но и взрослые. По нимъ можно уже видѣть, что урожай обезпеченъ. Такимъ образомъ когда созрѣють всѣ початки, ихъ оставляють еще долго на стеблѣ, чтобы лучше высоушились. Во многихъ мѣстахъ послѣ этого сламываютъ верхнюю часть стебля почти вплоть до початка, чтобы лучше высохъ, и это назыв. *заламати*.

Початокъ называютъ *клас*, рубашку на немъ, состоящую изъ нѣсколькихъ слоевъ шелухи назыв. *тала* или *шубина*; а самая тонкая кожица, прилегающая къ зерну, *лабудина*. Васоевичи назыв. это также *хальине од кукуруза*; а *тала* назыв. и неочищенный початокъ; очищенный же отъ шелухи — *шишарка*.

Созрѣвшіе и выстоявшіеся на стеблѣ початки ломають, переносять домой и оставляють просушиться въ кучахъ, а потомъ очищаютъ отъ шелухи. При этой операціи употребляютъ короткую палочку, заостренную въ видѣ лопаточки, которою раздирають вдоль початка покрывающую его шелуху; названіе этого орудія *шиляк* или *слица*.

Въ Васоевичахъ не обламываютъ початки на стеблѣ, а сначала жнутъ серпомъ (сіеку), потомъ вяжутъ въ снопы, весьма тяжелые, до 2 пудовъ; сносятъ въ кучи и ставятъ стоймя; и, когда по расчету снопы достаточно выстоялись, начинаютъ ломать початки и очищать отъ шелухи (*зулити, жулити* или *люми-*

тими). Очищенные такимъ образомъ отъ шелухи початки складываютъ въ *коши*, находящіеся вѣдѣ дома, а часть въ домѣ въ кадушки или корзинки, гдѣ они и остаются до зимы или вообще до времени, когда потребуется молоть.

Вылуциваніе зерна производится большею частію руками (*чешутати, коминяти, крутити*); а передъ тѣмъ кукурузу немного толкутъ деревяннымъ пестомъ въ кадушечкѣ или мѣшкѣ, чтобы зерно лучше высыналось. Тѣмъ не менѣе работа эта очень тяжелая: не только образуются мозоли на ладоняхъ, но вообще отъ этого руки такъ страдаютъ, что нѣсколько дней трудно что-нибудь работать. Иногда вымолачиваютъ зерно налкаямъ (у Васоевичей *корубати*).

Оставшіеся безъ зерна початокъ назыв. *окласина* или *шапа*. Ихъ собираютъ и пользуются ими, какъ топливомъ, или же затыкаютъ бутылки и другіе сосуды съ узкими горлышками; ихъ же употребляютъ для подмотковъ. Солома кукурузная служитъ частью кормомъ для скота, частью для крыши домовъ; а шелухою, снятою съ початковъ, набиваютъ мѣшки, служащіе вмѣсто постелей. Рожь, пшеница и другія хлѣбныя растенія не представляютъ ничего особеннаго въ уборкѣ. Ихъ жнутъ и потомъ собираютъ въ *руковети*, сколько можно захватить въ руку (наша горсть, малорос. жменя), которыя вяжутъ въ *снопы* или *маце*. Руковети и снопы не вездѣ одинаковы: въ Цермницѣ 20 руковетей вяжутъ въ одинъ снопы, дающіи при хорошемъ урожаѣ 10 окъ зерна; въ Катунской нахія руковети больше цермницкихъ, а снопы меньше. Снопы перевязываютъ тонкими прутьями или растеніемъ *пртла* (*clematis vitalba*), а также и другими выщипыя растеніями.

Снопы складываютъ въ малыя кучки, назыв. *кѡна* или *кладня*, отвѣчающія нашимъ крестамъ и точно также покрываются сверху распыреннымъ снопомъ въ видѣ шапки (*клобук*).

Въ Васоевичахъ *крстина* по 14 сноповъ; а *кѡна* содержатъ 10—20 крестинъ. Въ Пивѣ 17 сноповъ назыв. *трѣница*. При мѣ тамъ съ 2¹, ралъ ячменя собрано было 30 гранецъ, которыя

дали 600 окъ зерна (болѣе 40 пуд. съ ¹/₁₀ десятины); и это считалось не достаточно хорошимъ урожаемъ. Въ Дробнякахъ скирдочка сложенного хлѣба назыв. *смог* и *кладня*. Въ Васоевчгахъ высокая куча гречи назыв. *кома*, и посреди ея стоитъ высокая жердь, называемая *сѡа*, *стожер* или *ѡструа*.

Иногда правильно сложенная солома назыв. *стогъ*, и въ одной пѣснѣ говорится: «Два остожья сламе запалише».

Урожай текущаго года назыв. *лытина*, и спрашиваютъ обычно: «каква је лѣтина?»; а то, что осталось на нивѣ, гдѣ упавшій колосъ, гдѣ просыпавшееся зерно, назыв. *пальтак*, и пойти на чужую ниву собирать эти остатки назыв. *пальтковати* или *отити у пальтак*.

Молотьба происходитъ на гуннѣ, которое, какъ мы уже говорили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается каменное (см. гл. IV), а въ другихъ мѣстахъ просто расчищается мѣсто на землѣ. болѣе твердой, иногда поливается и уплотняется; посрединѣ ставится столбъ (*стожер*), вокругъ котораго и гоняють лошадей или лошаковъ (по одному или по парѣ).

Есть и ручная молотьба на томъ же току посредствомъ особаго орудія, назыв. *матац* или *цѣном* (*цѣпови*, *штѣпови*), то что у насъ цѣпъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: *стояк*— большая палка до 1½ метра въ длину и къ ней привязывается ремнемъ другая короткая — *шибак*; и это называется вршити. Когда же молотять рожь и хотять сохранить солому, чтобы не поломалась, то выбиваютъ зерно вѣтвистыми хворостинами (*жилама*). Послѣднее называется и *трномет*; а также и метла, которую сбрасываютъ мелкую солому и плеву съ зерна; оттуда и пословица: «Омете нас давиѡм, као *трнометом*», т. е. тяжбою заставилъ насъ много потратиться. Солому сбрасываютъ въ кучи около тока или около дома; только солому отъ высокой ржи изъподъ ручной молотбы вяжутъ въ небольшіе снопы, называемые *строннице* или *стромнице*, и этою соломою кроютъ дома. Мелкую солому и все, что останется подъ низомъ, когда уберуть солому крупную, назыв. *кленавина*, которою кормятъ скоть.

Сѣется въ Черногоріи также въ небольшомъ количествѣ обыкновенное просо (*просо, ситта проя*) и такъ назыв. турецкое просо (*сырак*): и то и другое служатъ для корма птицъ, а изъ послѣдняго дѣлають сверхъ того метелки. Зато много распространено гороховыхъ и бобовыхъ. Самое обычное — *чичевица* (*летья, сочеша*), которую сѣютъ, какъ и другой хлѣбъ, на нивѣ; въ окрестностяхъ Подгорицы, а также и въ Цермницѣ сѣется угольчатый горошекъ, сѣрозеленаго цвѣта, какъ бы мраморный (*lathyrus sativus, Platterbse*); Кучи его назыв. *сыкача*, а Подгоричане *медула*). Въ Цермницѣ же есть того же вида горошекъ бѣлаго цвѣта (*бидж*), который нѣжнѣе и вкуснѣе. Нашъ обыкновенный горохъ встрѣчается рѣдко, какъ огородное растеніе; а его замѣняютъ бобы различныхъ сортовъ. Около Подгорицы и въ другихъ жаркихъ мѣстахъ есть желтый, четверугольный бобъ, который сѣется осенью, и потому созрѣваетъ весьма рано.

Самое распространенное изъ растений этого рода фасоль (*важюла, пасуля, грах*). Отдѣльно она сѣется только въ огородахъ и при домѣ; а то все больше между кукурузой, при томъ послѣ перваго окапыванія, и стебель кукурузы служитъ ей тычнкой.

Вотъ особенные сорта фасоли, которые сѣются въ Цермницѣ: *мала важюла* — мелкая, бѣлая, съ черною полоской на мѣстѣ прикрѣпленія зерна къ стручку; *писаник* — круглая, пестрая; *ключица* — мелкая же желтая; *вс.м* — желтая же крупная; *цроена веля важюла, бѣла и шарена* — обѣ крупныя; въ послѣдней черныя и бѣлыя пятна.

Важное подспорье хлѣбу составляетъ картофель, который, какъ мы уже сказали, принесенъ въ Черногорію митрополитомъ Петромъ I изъ Австріи. Въ большей части Черногоріи онъ называется *кртола*, только Васоевичи называютъ *кротир*, заимствовавъ это названіе изъ нынѣшняго королевства Сербіи. Черногорскій картофель въ прежнее время продавался до Триеста и теперь въ ближайшихъ мѣстахъ Приморья до Дубровника онъ

предпочитается домашнему. Главнымъ образомъ онъ сѣется на высокихъ мѣстахъ; но въ послѣднее время, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онъ распространяется и въ повонпріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ, какъ Зета, Баръ и Ульцинь, а оттуда понемногу переходитъ и въ Албанію. Въ Зетѣ можно найти молодой картофель въ половинѣ мая, въ чемъ отчасти заключается и неудобство при его сбереженіи на зиму: поспѣвая такъ рано, онъ прорастаетъ или портится. Лунка или гнѣздо, въ которое садится картофель, назыв. *кутъница*.

Для хранения картофеля на зиму при домѣ выкапываютъ яму, которую хорошо высушиваютъ; иногда съ помощію огня, выкладываютъ мхомъ или শুшбиной и сваливаютъ его; это помѣщеніе называется *трап*. Такой трапъ для сѣмянного картофеля устривается часто на самой нивѣ, гдѣ онъ остается цѣлую зиму подъ снѣгомъ, а весной его выкапываютъ и сажаютъ. Иные умѣютъ сохранять его до новаго. Это зависитъ, конечно, въ значительной степени и отъ хорошихъ качествъ черногорскаго картофеля.

Въ Черногоріи въ послѣднее время завелся различные сорта картофеля: ранній и поздній, бѣлый и розовый, круглый и длинный и т. п. Специально для распространенія различныхъ сѣмян и растений въ народѣ на Цетиньѣ существуетъ общественный садъ вмѣстѣ съ огородомъ. Народъ однако раздѣляетъ два главные сорта картофеля: русскій и черногорскій. Первый предпочитается въ холодныхъ мѣстахъ, потому что легче выносить весенніе морозы, но зато онъ слишкомъ разваривается. Какъ ни фантастично присвоеніе этому плоду русскаго имени, оно вѣдрлось глубоко въ убѣжденіи и языкѣ черногорца; и въ Іѣшанской нахѣ лучшей, крупный сортъ картофеля назыв. *русіанка*. а мелкій — *цманка*. Очень мелкій, только что зародившійся картофель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ назыв. *шмоняк* (то же названіе дается и крыжовнику, растущему въ дикомъ состояніи въ Пивѣ, Дугѣ и др. высокихъ мѣстахъ).

Кромѣ погоды или вообще атмосферныхъ и климатическихъ условій, прямо дѣйствующихъ на урожай хлѣбовъ, есть особен-

ные враги посѣвовъ и болѣзни. Такъ съ корня подъѣдаетъ особенно кукурузу червякъ *моль*, собственно личинка майской мухи, особенно на мѣстахъ низкихъ, и онъ съ годами появляется все больше и больше, такъ что борьба противъ него составляетъ теперь жизненный вопросъ. Пока еще не укоренились всходы, ихъ часто выдергиваютъ вороны, вслѣдствіе чего въ этомъ году (1891) въ Подгорицѣ сдѣлано было распоряженіе, чтобы каждый воинъ убилъ по двѣ вороны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много вреда приносятъ молодымъ всходамъ черепахи, которыя въ окрестности Подгорицы ползаютъ цѣлыми стадами. Отъ времени до времени появляется кузнечикъ, который уничтожаетъ всякую свѣжую зелень. Когда початки кукурузы уже готовы, любятъ ими питаться язвецъ, противъ котораго раскладываютъ ночью огни; бьютъ его также изъ ружья тоже ночью.

Изъ болѣзней часто нападаетъ *тоня* или *мача* — родъ какого-то налета (собственно грибокъ), отъ котораго початокъ гниетъ и засыхаетъ и *снѣт* — головня (*uredo*), при чемъ цѣлый початокъ обращается въ какой-то черный порошокъ въ родѣ сажы (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это одно и то же).

На рожь и пшеницу нападаютъ во время цвѣтенія и налива мелкіе жучки и мухи, или тоже прихватываетъ какой-то загаръ, отъ котораго зерно дѣлается *дулоно*, т. е. смарщивается или сопрѣваетъ, и хлѣбъ изъ такого зерна черный и отзывается гнилью (то же самое бываетъ, если зерно, будучи сыпано въ сыромъ состояніи, сляжется). Вредятъ этимъ хлѣбамъ также примѣси другихъ сѣмянъ, какъ напримѣръ куколь, который впрочемъ легко отдѣлится; но гораздо труднѣе отдѣлится *оук* и *орат*: первое похоже на мелкую пшеницу (научное названіе его мнѣ неизвѣстно); а второе (*lolium temulentum*) въ родѣ мелкаго ржаного зерна. Если ихъ много, то хлѣбъ пшеничный или ржаной пріобрѣтаетъ горьковатый вкусъ и производитъ головную боль со рвотой и головокруженіе, доводящее человека до обморочнаго состоянія или до сумашествія, и это продолжается иногда до трехъ дней. Объ отравленіи такого рода говорятъ, что чело-

вѣкъ *оуратао се*. Въ маломъ количествѣ онъ всегда находится въ пшеницѣ и ржи; но есть мѣстности, гдѣ его въ иные годы бываетъ очень много. Поэтому, собравши пшеницу или рожь, дѣлають пробу: если, захвативши на палецъ зерна пзъ кучи, найдете на немъ вратъ или вукъ, то оно не годится, и нужно очищать, т. е. просто руками выбирать; а если не вынется, то значить его мало, и тогда можно ѣсть.

Вообще всякое зерно подвергается очисткѣ, просто руками или на рѣшето, для того чтобы его молоть или для сѣмянъ, и это называется *трибити*. То, что остается послѣ этого подъ рѣшетомъ, сорное зерно—называютъ *очинци* или *одрѣйна*.

Если пшеницу или рожь на корню сильно забиваютъ сорныя травы, то ихъ полють (*пливити*).

Въ заключеніе кстаги будетъ привести нѣсколько данныхъ относительно количества высѣваемыхъ сѣмянъ и даваемого ими урожая.

Относительно урожая прежде говорилась: «Кад роде Брда (Бѣлонавличи), родила је Црна-Гора», т. е. тамъ была житница Черногорія; но съ тѣхъ поръ ея территория расширилась, и Зета съ наименьшимъ правомъ можетъ назваться житницею; да и въ другихъ мѣстахъ стали больше дѣлать посѣвы.

Есть и такое примѣчаніе: «Кад гора добро роди, жупа или луг слабо». Сколько мы могли примѣтить, дѣйствительно, какъ ип мала Черногорія, въ ней найдете въ климатическомъ отношеніи рѣзкое различіе между югозападною или приморскою половиною и сѣверовосточною, материковою: если тучи лѣтомъ идутъ съ сѣвера или сѣверо-запада, то дожди главнымъ образомъ осаждаются на высокихъ горахъ сѣверовосточной половины и тамъ будетъ урожай; а если съ юга или юго-запада, то наоборотъ.

Дождливое лѣто (бурно лѣто), конечно, приносить урожай хлѣба, хотя бы сѣно оттого и было попорчено, почему и говорится: «нема рода без трула откоса». Сѣверный вѣтеръ, дующій весной и лѣтомъ, особенно сушитъ, хотя бы и перепали дож-

дики, вслѣдствіе чего и называютъ его «сѣвер—бабин дѣверъ» или «празновретья».

Не имѣя полныхъ статистическихъ свѣдѣній, относительно урожаяевъ, мы ограничимся немногими данными, взятыми только для примѣра, и рядомъ покажемъ стоимость земли, которая въ этомъ вопросѣ также можетъ служить мѣриломъ.

За норму возьмемъ два рода хлѣба: пшеницу и кукурузу. Первая даетъ средній урожай самъ-десять. Такъ на рало сѣютъ отъ 20 до 25 и даже до 30 окъ и получаютъ 200—300; но, если получится и половина, и то считается достаточнымъ; а случается, что отъ 2 окъ получаютъ 50. Въ Пявѣ рало даетъ 4—6 товаровъ (полныхъ пивскихъ) или 400—600 окъ пшеницы; а случается и до 10 тов. Въ Васоевичахъ гречихи получается отъ 1 окъ 25 до 30; а взрѣдка бываетъ и до 60. Но больше всего даетъ кукуруза. Тамъ же, т. е. въ Васоевичахъ отъ высѣваемыхъ на рало 7 окъ (17,7 ф.) среднимъ числомъ получается 300, а иногда и 500 окъ (19 до 31,5 пудъ).

У Врбиць (на Нѣгушахъ) 1 рало можетъ дать 80 багажей или 800 окъ (50,8 п.); между Жаблякомъ и Враниной рало даетъ также отъ 60—80 баг.; въ с. Године (въ Церми.) съ $\frac{1}{8}$ рала берутъ 60 баг. (38 п.) кукурузы и 10 баг. (6,3 п.) фасоли, посѣянной вмѣстѣ съ нею. Переводя количество получаемого хлѣба на цѣну, мы получимъ слѣд.: 1 рало или $\frac{1}{8}$ нашей казен. десятины даетъ въ пшеницѣ отъ 40 до 60 флор. (по 10 сольдовъ за оку, равно какъ и кукуруза), а въ кукурузѣ отъ 60 до 80; бываетъ же и до 100 и болѣе. Поэтому въ Черногоріи цѣна на землю высока не потому только, что ея мало; но и потому что она много даетъ. Неудивительны послѣ этого такія цѣны: на Катунской нахія вообще отъ 200 флор. и выше; на Цеклинѣ отъ 400 фл.; въ Цермницѣ отъ 500—700 ф., а есть конечно и до 1000. Въ с. Зубцахъ (Барск. окр.) одинъ кусокъ земли много меньше рала цѣнится до 1000 флор. Правда, эта земля при домѣ (*покутница*), которая вообще цѣнится гораздо дороже, чѣмъ находящаяся въ отдаленіи. Самыя дешевыя земли тамъ, гдѣ

больше ровныхъ мѣстъ и вообще простора, а меньше камня, какъ Пива, Дробняки и Васоевичи. Въ Пивѣ стоимость земли отъ 100 фл. и больше. Въ Васоевичахъ земля при домѣ и подъ поливой 150—200 ф.; а на склонахъ горы 60—80; ливада подъ поливою цѣнится одинаково съ хорошею пахотною землею; а безъ поливы, но близко къ селу, какъ плохая пашня; въ горахъ же много дешевле.

Перейдемъ теперь къ сѣну.

Въ Старой Черногоріи, какъ мы уже говорили, почти нѣтъ покосовъ; а вмѣсто того жнутъ серпомъ или косіеромъ особенную траву *oisi* (*losiagrostis* или *calemagrostis*) и вяжутъ въ снопы. Она, надобно замѣтить, при достаточной питательности, очень жесткая, такъ что лошади, не привыкшія къ ней, сначала сѣ не ѣдятъ, а если ѣдятъ, то набиваютъ зубы. Трава эта не растетъ сплошь, а клочками между скалъ; такъ что добываніе ея сопряжено съ большимъ трудомъ и даже съ опасностью: случается, что женщина, карабкаясь за нею, обрывается и получаетъ увѣче; а иногда убивается до смерти. Покосы бываютъ только на высокихъ горныхъ плато въ Пивѣ, Дробнякахъ и Васоевичахъ и на обширныхъ равнинахъ, какъ около Никшича, Ульдина, въ Бѣлопавличахъ, Нижней Зетѣ и др. Тамъ же, особенно въ Васоевичахъ существуетъ даже орошеніе луговъ; въ Зетѣ, Бѣлопавличахъ, около Никшича, а частью и въ Катунской нахіи, особенно на Цетинской равнинѣ сѣютъ клеверъ, который отлично родится, а въ Зетѣ онъ даетъ четыре сбора. Судя по тому, что по Черногоріи и въ дикомъ состояніи растетъ много видовъ клевера, горошка и злаковъ, можно предположить, что сѣяніе этихъ травъ тамъ имѣло бы большой успѣхъ; но пока этимъ занимаются мало, тѣмъ болѣе, что скоть, преимущественно мелкій, большую часть года проводитъ на подножномъ корму. Впрочемъ луга, кромѣ орошенія, удобряютъ и посредствомъ скота, какъ мы уже говорили выше.

Сѣно косится косою и складывается большею частию въ небольшие стожки, въ родѣ нашей большой конны; впрочемъ въ

Васоевичахъ бываетъ до 2000 окъ. Такой стожокъ называютъ просто *сѣно*, поэтому говорится: «ми смо купили једно или два сѣна» т. е. одинъ стожокъ или два. Сверху оно прижимается жердями, прутьями или вьющимися растеніями, свитыми въ видѣ веревокъ, которыя перекидываются черезъ верхъ, а къ концамъ ихъ, спущеннымъ внизъ, привязываются камни. Верхняя часть стога называется *окапина*; а нижняя *подина*; есть особенный длинный стогъ сѣна, въ родѣ нашей скирды, который называется *камара*.

Продавая сѣно по частямъ, его разрубаютъ топоромъ или разваливаютъ, а для малой потребности вытаскиваютъ изнутри особеннымъ крючкомъ, называемымъ — *кљоч*.

Луговоедство, находящееся до сихъ поръ въ первобытномъ состояніи, для Черногоріи составляетъ жизненный вопросъ; такъ какъ при неурожаѣ хлѣба, его легко доставить изъ-за границы, а сѣна достать неоткуда, и потому скотъ при неурожаѣ сѣна обрекается на совершенную погибель. И вслѣдствіе этого скотоводство въ Черногоріи въ послѣднее время сильно упало.

3. Огородничество; табакъ; конопля и ленъ; марена.

Огородничествомъ въ Черногоріи занимаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и исключительно въ городахъ и ихъ окрестностяхъ, какъ наприм. въ Подгорицѣ, Рѣкѣ, Барѣ, Ульцинѣ и др.

Но повсемѣстно разводится капуста, которую называютъ *зеле* или *купус*; и она бываетъ двухъ видовъ: *главато* — вилоквая, которую квасятъ на зиму, и *раштан*, на высококомъ стеблѣ, дающій только листья, употребляемые въ свѣжемъ видѣ. Наружные листья называются *шума*, и потому, если головки не завиваются, то говорятъ: «шумав купус, нема главице, сама шума».

Въ теплыхъ мѣстахъ раштанъ не замерзаетъ долго и зимой, и служитъ единственною свѣжею зеленью; онъ и разводится преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не бываетъ крутой зимы;

вишковая же капуста главнымъ образомъ садится въ высокихъ мѣстахъ, гдѣ и даетъ небольшія, но очень твердыя головки, содержащія внутри очень нѣжные бѣлые листья, служащіе для приготовления, такъ называемаго, *баджооа зелья*.

Ухода за ней весьма немного, и садится она тамъ же, гдѣ вообще нивы, засѣянные хлѣбомъ или засаженные картофелемъ; а для разсады вскапываютъ неподалеку отъ дома небольшой кусокъ земли, поднявши дернъ, сжегши его и эту золу употребивши, какъ удобрение, и засѣваютъ; сверху посыпаютъ золой противъ насѣкомыхъ, а отъ птицъ загораживаютъ какимъ-нибудь колючимъ кустарникомъ и сверху покрываютъ имъ же. Не поливаютъ её большею частью и при посадкѣ; и такъ она растетъ сама собой. Конечно, если лѣто слишкомъ сухое, она выгораетъ. Садятъ её и по нови пзъ-подъ срубленнаго и сожженнаго лѣса, и тамъ она бываетъ особенно хороша. Гдѣ есть настоящіе огороды за нею больше ухода и тамъ садятся различные сорта. Но въ старой Черногоріи и между капустой есть сортъ называемый русскимъ.

За капустой идетъ лукъ, для котораго выбирается лучшая земля и требуется болѣе тщательная обработка; поэтому и говорится: «приготовить землю, какъ для лука». Между сортами лука различаются зимній, который сѣютъ съ осени, и лѣтній. Большая грядка, засѣянная лукомъ, назыв. *лія*; а другія грядки небольшія — *склад*. Чеснокъ назыв. *бѣли лук*, а также *чесань*, и распространенъ онъ гораздо меньше, чѣмъ другіе виды лука.

Въ Ульцинѣ, Барѣ, Подгорицѣ и Рѣкѣ есть еще особый сортъ растенія, у котораго корень, какъ небольшая головка лука, а надъ землей поднимаются высоко длинныя и узкіе въ родѣ лука листья, которые и служатъ для ѣды, какъ приправа въ сваренномъ видѣ къ различнымъ кушаньямъ, сообщая имъ сладкій вкусъ; этотъ видъ лука называется *праса*. Въ Ульцинѣ вы увидите, какъ его несутъ съ базара большими пучками и даже беремья и тутъ же дорогою ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Крупный лукъ, выкопавъ изъ земли, вяжутъ въ плетенки,

назвѣ *ресма*, и развѣшиваютъ для просушки на зиму; а мелкій ссыпаютъ въ корзинки и оставляютъ на сѣмена.

Огородничество больше всего развито въ Подгорицѣ, особенно у тамошнихъ магометанъ, которымъ принадлежитъ весь почти низкій берегъ р. Рыбницы: тамъ и находятся ихъ *бо-станы*, которые поливаются посредствомъ канавокъ отъ рѣки; но воду эту изъ канавокъ плещутъ на грядки посредствомъ черпака или лопатки, стоя до колѣнъ въ водѣ. Въ Цермницѣ также есть полива, хотя и скудная, изъ идущихъ съ горъ ключей, для чего воду проводятъ въ ямки, называемыя *вир*, и изъ нихъ также плещутъ на огородныя овощи и зелень, посаженныя, впрочемъ, не отдѣльно, а между виноградниками. Хорошо также ухаживаютъ за огородами на Андриевцѣ въ Васоевичахъ и въ ея окрестностяхъ, около Ульцина и Бара. Растенія, воспитываемыя въ этихъ огородахъ, мы уже перечисляли. Довольно значительны также насажденія табаку, особенно въ окрестностяхъ Подгорицы, Бара и Ульцина. Въ Подгорицѣ въ послѣднее время готовится табакъ, мало уступающій скадарскому. Въ послѣднее время стали его много сѣять въ Никшичѣ, Служѣ и др. мѣстахъ. Лучшій сортъ табаку называется *нитом*, а простой въ родѣ нашей махорки, *диом*, который въ крошкѣ, готовый уже для куренія, продается подъ именемъ *круджи* или *оарама*. Этотъ послѣдній садится повсемѣстно въ Черногоріи. Какъ и капуста, онъ высѣвается прежде въ разсадникѣ; но выбираются мѣстечки, обращенныя больше къ солнцу и закрытыя отъ сѣвернаго вѣтра; сѣется онъ очень рано, иногда въ половинѣ января; такой разсадникъ и самая разсада называются въ Подгорицѣ *фильдан*. Особенно хорошаго ухода нѣтъ и за нимъ, только что выбираютъ лучшую землю, достаточно унавоженную, хорошо ее разрыхляютъ и потомъ, когда разсаженный табакъ достаточно укрѣпится, его окапываютъ или взрыхляютъ землю около корня *теслоу* (двузубая мотыжка; *тесличати*, бипер, бипаге). Цвѣтъ и пасынки обламываютъ при началѣ, а послѣ запускаютъ, и при сборѣ не ограничиваются опредѣленнымъ чи-

сломя листьевъ и не сортируютъ, отдѣляя слабѣйшіе нижніе и верхніе листья. Впрочемъ раньше собираютъ нижній листъ, называемый *поднар* (то, что у насъ *песчаный*), самый слабый; но дальнѣйшей сортировки нѣтъ. Самый стебель называется *кочан*, а въ Васоевичахъ *майка*, и потому говорятъ: «пзгоріо е дуван йош на майку». Лучшій табакъ прежде былъ въ Лѣшанской нахїи, особенно въ Лѣшкополѣ; а теперь въ Подгорицѣ. И при всемъ томъ предпочтеніе дается скадарскому, гдѣ лучше умѣютъ его приготовить (*уредити*). Предварительно, чтобы листья пожелтели, ихъ держатъ въ кучѣ, гдѣ они согрѣваются и предаются броженію; это называется держать его—*у штаву*.

Сушеніе происходитъ большею частію прямо на солнцѣ. Последнїе этого листья называются на нитки, и эта связка называется *гривна*; отсюда выраженіе: *дуван се гривни* (гривнити); а папуша—*тутам*, въ которомъ находится отъ 100 до 150 листовъ. Въ прежнее время много сѣялось конопли и льна; а теперь ихъ вытѣсняють бумажныя пряжа и ткани; тѣмъ не менѣе коноплю сѣютъ почти каждый хозяинъ, отвоя для нея какой-нибудь квадратикъ въ углѣ нивы, засѣянной какимъ-нибудь хлѣбомъ. Въ ней разлѣчаютъ посконь, служащую исключительно для пряжи, и называютъ её *блѣйка*, а сѣмянную называютъ *црнајка*. Для мочки ея устрояются *мочила* въ видѣ лужъ или ямокъ, наполняемыхъ водою прямо пзъ какого-нибудь природнаго источника или вода приносится въ сосудахъ. Конопля, совсѣмъ готовая для пряжи, называется *кудела*; отброски же волоконъ, короткіе и сбитые въ комки, называются *стута*, которая въ прежнее время шла на пыжи для огнестрѣльнаго оружія, а теперь служитъ только для чистки, какъ тряпка или мочало. Тѣмъ же путемъ обрабатывается и ленъ. Въ Бѣлонавлячахъ ленъ, уже приготовленный для пряжи, называется *нармак* (тоже и въ Далмаціи).

Сѣмена льна и конопли не употребляются никуда; но всегда имѣются понемногу для лѣченія въ видѣ прппарокъ (*лапа*). Въ прежнее время была распространена культура марены — *бротъ*, по которому многія мѣстности получили и свои названія (Бротъник,

Бротинац и др.); а теперь его почти не разводят и мнѣ случилось видѣть только въ Банякахъ и Пивѣ. Для него выбираютъ лучшую землю и глубокую почву, потому что копаютъ до 1 метра и больше глубины и сверхъ того унаваживаютъ. Сажаютъ, по моему, слишкомъ густо; но это дѣлается въ тѣхъ видахъ, что не всякій корень примется; передъ посадкой корни опускаютъ въ воду съ гноемъ. На осень его засыпаютъ совсѣмъ землей; а лѣтомъ присыпаютъ земли, но мѣръ его выростанія. Самый лучший крапъ послѣ трехъ лѣтъ; а можетъ быть до семи лѣтъ; послѣ же становится плохимъ (*исч.м*).

4. Фрукты; виноградарство; оливковыя насажденія; туговое дерево и шелкъ; пчеловодство; полезныя дикія растенія: ромашна, руй (*rhys cottinus*); лавровый листъ; подѣлочное дерево косцела (*celtis australis*).

Садоводства, какъ мы уже замѣтили выше, въ настоящемъ смыслѣ слова въ Черногоріи не существуетъ. Садыгъ всевозможныя фруктовыя деревья и потомъ не ухаживаютъ за ними; развѣ только отъ времени до времени подрѣжутъ ихъ, что называется *подкрасити* или *поомладити*, и очистить отъ посохшихъ вѣтвей. Поэтому всѣ плоды не высокаго качества и служатъ больше для домашняго потребленія. Морача славится своими яблоками. Но хорошаго сорта яблокъ немного; а больше все твердыя, несочныя, хотя довольно сладкія, которыя зрѣютъ поздно и потому долеживаются; да и мало ихъ, чтобы итти на продажу, чему также помогаетъ и недостатокъ хорошихъ дорогъ. Поэтому на главныхъ базарахъ, гдѣ есть запросъ на фрукты, продаются яблоки изъ Призрена, Печи и Гусинья; а въ Цетинѣ часто черезъ Которъ привозятся яблоки изъ Фочи въ Герцеговинѣ. То же самое можно сказать о грушахъ, черешняхъ и вишняхъ, о персикахъ, абрикосахъ и разнаго рода сливахъ. Черныя сливы давно уже разводятся въ Черногоріи, именно въ Жупѣ никшиц-

кой, Морачѣ и Васоевичахъ, и изъ нихъ гонятъ ракію. Съ каждымъ годомъ эта отрасль садоводства усиливается, чему отчасти содѣйствовало и правительство, выписавши однажды значительное количество лучшихъ сортовъ сливы изъ Горлицы (въ Австріи). Вообще сливы въ Черногоріи различаются по цвѣту — *бѣлица* и *чрница*, кромѣ особыхъ сортовъ, какъ дженарика, зерделия и др. А между черною сливой различаютъ слѣдующіе сорта: *пожешка* — самая лучшая изъ Босніи и Сербіи, гдѣ ее, въ свою очередь, развели изъ Венгріи; *дурнуля* — средней величины, и *нискавица* — самая мелкая и для гонки ракин самая плохая.

Нѣкоторые хозяева имѣютъ и лучшіе сорта и другихъ плодовъ, привозя деревца изъ Царсграда, Италіи и другихъ мѣстъ: но держатъ ихъ только для себя. Всякій черногорецъ, держащій плодовая деревья, знаетъ прививку (*калмисти*, *наортати*), черенкомъ и очкомъ. Послѣдній способъ иные называютъ *очкованье*. Поэтому говорятъ: «не мој *осліепити*», т. е. срѣзывая съ кожицей очекъ или почку, не попортъ его. Въ Цермницѣ прививка называется *свишт*.

И любятъ черногорецъ это дѣло, особенно соединять между собою различные роды и виды, напр. черешню прививаютъ на тремеслу (крушину); яблоко на тутовое дерево, а иногда на какое-нибудь дерево не фруктовое. Настоящимъ временемъ для посадки деревьевъ считаютъ день сорока мучениковъ (на мученике, 9 марта). При посадкѣ деревъ очень немилостиво обрѣзываютъ не только вѣтви, но и корни. Прекрасно растетъ здѣсь айва (*дуња*), которая прежде существовала только въ низкихъ мѣстахъ, какъ Рѣка, Цермница и др., а въ послѣднее время распространяется даже на высотѣ, какъ напр. Цетинье; это дерево, весьма небольшое, приноситъ весьма крупныя плоды и почти не знаетъ неурожая. Этотъ плодъ весьма много расходуется въ Черногоріи, какъ для приготовленія варенья и сладкихъ желе, такъ и въ сыромъ видѣ хранится долго въ домахъ, особенно гдѣ есть комнаты съ потолками, ихъ развѣшиваютъ въ видѣ украшенія, а послѣ употребляютъ при славахъ и другихъ празднествахъ

вмѣстѣ съ яблоками, грецкими орѣхами, смоквами и другими сладостями.

Много также гранатъ (шипак), хотя крупныхъ мало. Вообще ихъ различаютъ *диали*, хотя бы былъ посаженъ, и *питоми*, по вкусу болѣе кислому или сладкому, а также и по величинѣ. Ихъ называютъ также: *лаваши*—особенно крупный; *сладун*—небольшой, но сладкій съ темными зернами; *лютун*—всякій кислый. Наконецъ въ теплыхъ мѣстахъ множество смоквъ (фига, *figus*) тоже невысокаго качества, но потребляющихся въ большомъ количествѣ дома свѣжими, а потомъ и сушеными. Между ними въ Цермницѣ различаются: *тройка*, дающая плодъ три раза въ годъ; *петроваца*, созрѣвающая къ Петрову дню (29 июня) и потомъ дающая второй плодъ къ осени; и наконецъ *тѣстунца*, которая даетъ плодъ только одинъ разъ въ годъ.

Смоквъ и гранатъ много въ дикомъ состояніи *).

Отдѣльную и весьма важную отрасль земледѣлія составляетъ винограденчество. Оно занимаетъ почти всю Рѣцкую нахію, Цермницу, значительную часть Ёшанской нахіи съ Ёшкочелемъ, Подгорицу съ Нижнею-Зетой, значительную часть Ёблославичей и Пѣшивцевъ, всѣ южные склоны горъ въ Пиперахъ, Братоножичахъ и Кучахъ, Баръ и Ульцинъ съ ихъ окрестностями и значительную часть Краины. Глубокія долины Морачи и Ровцевъ съ ихъ крутыми склонами единственно могутъ быть обработаны подъ виноградники. Тамъ и теперь разводится виноградъ: но никто не умѣетъ за нимъ ухаживать. Въ послѣднее время особенно много садятся лозы въ Ульцинскомъ округѣ, благодаря черногорскимъ поселенцамъ; а глядя на нихъ, принялись за виноградники и магометане; то же самое въ Барѣ и Подгорицѣ. Правительство старается также побудить народъ, сколько возможно, больше садить лозу частью мѣрами принудительными

*) Въ с. Криничкахъ (Краина) дикія смоквы собираютъ, ванизываютъ на шнурокъ (гривна), а потомъ по 4—5 вѣшаютъ и этии предохраняютъ ихъ отъ червя. Вслѣдствіе этого и дикія смоквы, очень мелкія и вообще негодныя, дѣлаются предметомъ торговли. Ихъ покупаютъ скадарскіе турки.

и поощрительными, частью прямѣромъ и убѣжденіемъ черезъ вліятельныхъ лицъ. И дѣло это развивается.

Посадка винограда производится частью сплошь на большомъ ровномъ пространствѣ, и это называется — *виноградъ*, и такая посадка преимущественно въ Подгорницѣ съ ея окрестностью, какъ Доляны, Лисица, Берп и др.; частью на террасахъ, сдѣланныхъ по откосамъ горъ, при чемъ лоза садится только по краю, а за нею сѣется попеременно кукуруза или пшеница; это называется *редомъ*. Такая посадка преобладаетъ въ Цермницѣ, гдѣ такъ называемыя *виноградъ* можно встрѣтить только въ Годпняхъ и Болевичахъ. Сообразно съ этимъ, а также и просто вследствие мѣстныхъ обычаевъ есть различіе въ уходѣ за виноградомъ. Намъ однако нѣтъ надобности слѣдить за всѣми этими различіями, если они не заключаютъ въ себѣ чего-нибудь особенно характернаго въ смыслѣ народномъ. Мы остановимся на Цермницѣ, которая до сихъ поръ удерживаетъ за собою первенство въ этой отрасли, какъ по количеству лозы, такъ и по уходу за нею, результатомъ котораго является лучшее въ Черногоріи *цермницкое вино*, по качествамъ приближающееся къ винамъ Бордо *). Ни для чего такъ не готовится земля, какъ для винограда: еѣ перекапываютъ въ ноясь глубины киркой и мотыгой, положивъ напередъ достаточное количество удобренія, если его въ землѣ было мало: взрыхляютъ землю до самаго дна, и земля для посадки готова. Въ Подгорницѣ нѣкоторые вскапываютъ не цѣлое пространство, а только канаву или ямки и это называется *копати на зрану*. Садится лоза черенками весной послѣ обрѣзки старыхъ лозъ въ рядъ на разстояніи одна отъ дру-

*) Главнымъ образомъ я буду держаться статьи въ черног.-р. календарѣ *Грлица* за 1891 г. «Гаженье лозе у Цермници» (стр. 48—53) М. Пламенца, родомъ цермничанина, написавшаго эту статью по моему просѣбѣ. Онъ послѣ былъ дипломатическимъ агентомъ Черногоріи въ Цареградѣ и тамъ умеръ: тогда мы статью его передали для напечатанія, отдавая, такъ сказать, посмертный долгъ покойному этимъ напоминаніемъ имени скромнаго, но въ высшей степени серьезнаго и честнаго труженика.

гой около метра (иногда меньше, иногда больше); между рядами также расстояние должно быть не меньше метра.

Другой способ посадки *погребаньем*; это бываетъ въ томъ случаѣ, если какая-нибудь лоза въ ряду погибла или слабая и потому её нужно замѣнить, для чего берутъ вѣтвь съ двумя или тремя отростками отъ сосѣдней лозы, не отрѣзывая ее, и кладутъ въ землю (говор. *погребати*, *погребсти* лозу или *топити*, *потопити*). Для этого предварительно выкапываютъ яму (*трап*) до той самой глубины, на какой сидитъ корень лозы, назначенной для погребанія (*майка*), потомъ кладутъ туда лозу и заваливаютъ землей; при этомъ наблюдаютъ, чтобы одинъ отростокъ (*брдуи*) смотрѣлъ къ матери, а другіе къ другой сосѣдкѣ. Въ Подгорицѣ полагаютъ, что если не обратить ее къ матери, то погребенная лоза не примется. Затѣмъ обрѣзываютъ на такой высотѣ, на какой и другія оставляются при обрѣзкѣ, приблизительно 20 сантим. Такимъ образомъ посаженные лозы называются *раслади* или *погребенице*. Онѣ даютъ плодъ въ первый же годъ и потомъ ихъ подвергаютъ обрѣзкѣ, какъ и другія старыя лозы, только на нихъ въ продолженіи 4—5 лѣтъ не оставляютъ отростковъ, пока не укрѣпится главный стволъ, называемый *кри* или *корен* (въ Подгорицѣ называютъ и *пань*). Скажемъ теперь вообще объ обрѣзкѣ лозы (*резати* и *брезати*). Въ Цермницѣ прежде обрѣзка начиналась обыкновенно на *трипунь-дан* (св. Трифона, 1-го февраля); а теперь рѣжутъ, начиная съ конца сентября, когда окончится уборка винограда, и продолжается во всю зиму до весны, когда только ясная погода; но ни за что не работаютъ около винограда въ январѣ отъ мѣны до мѣны мѣсяца. Въ Подгорицѣ же и теперь начинаютъ обрѣзку за 15 дней до 1-го марта, когда она должна окончиться, такъ какъ въ это время, особенно если теплая весна, лозы начинаютъ *зевати*, т. е. развивается почка. При обрѣзываніи наблюдается извѣстный порядокъ. Только что посаженная лоза въ первый годъ не обрѣзывается, а потомъ всѣ лозы обрѣзываются слѣдующимъ образомъ: обрѣзываются всѣ однолѣтніе побѣги до главнаго стебля

(*кра*, иначе *чокот*); оставляется только одинъ побѣгъ съ двумя очками, и этотъ побѣгъ называется *лава*. На слѣдующій годъ за главу оставляется самый близкій къ корню отростокъ, и такимъ образомъ главный стебель всегда остается почти на одной и той же высотѣ. Если лоза достаточно усилилась, то оставляются два отростка за главу и на каждомъ по два очка въ сплошной посадкѣ и по три въ рядахъ; а между ними на главномъ стеблѣ (*крга*) тоже одинъ очокъ, который называется *крмель* (въ Подгорицѣ *крмир*). Этотъ послѣдній плохо виденъ и рѣдко даетъ побѣгъ, а если и даетъ, то онъ не приноситъ плода; первые же два и три очка выгоняютъ по одному побѣгу. Кроме того, если лоза сильная, выходитъ нѣсколько побѣговъ и внизу изъ главнаго стебля (*стабар крге*); а если слабая, то этого вовсе не бываетъ. Одинъ изъ этихъ побѣговъ оставляется за *брудун* (плодовый побѣгъ) въ сплошной посадкѣ съ 4—5, а въ рядахъ съ 6—7 очками; но онъ не долженъ быть близъ *лавы*, потому что отъ того можетъ совсѣмъ не развиться эта послѣдняя; ни слишкомъ близко къ землѣ, такъ какъ тогда на немъ мало родится или вовсе ничего; но долженъ быть по срединѣ. Для большей силы цѣлой лозы *брудун* не оставляютъ вовсе, и вино тогда бываетъ лучше; но, если лоза въ силѣ, то на немъ родится больше, чѣмъ на другихъ, именно 7—8 гроздовъ, а иногда 15—20; тогда какъ молодые побѣги даютъ только по одному, по два или по три грозда. На молодыхъ побѣгахъ виноградъ раньше поспѣваетъ и бываетъ слаще и вино изъ него лучше; поэтому *брудун* оставляетъ тотъ, кто больше заботится о количествѣ, чѣмъ о качествѣ винограда и вина.

Когда обрѣзка окончена, начинается окапыванье. Это первое окапыванье состоитъ въ томъ, что землю отгребаютъ отъ ствола, снимая и съ кореньевъ такъ, чтобъ ихъ касался воздухъ. Въ Цермницѣ это называется просто *копати*; а въ Подгорицѣ—*отварати*, и дѣлается около Юрьева дня (23 апрѣля), когда развернется почка (*избіе ластар*). Послѣ обрѣзки виноградникъ имѣетъ видъ ряда параллельныхъ валовъ, между которыми въ глубинѣ канавъ торчатъ черные, изувѣченные стволы лозы.

При этомъ наблюдаютъ, съ какою силою лоза выгоняетъ побѣги, много ли ихъ и сочные ли. «Фала богу, добро ли је лоза *размлазала!*», т. е. выгнала много побѣговъ, говорятъ въ похвалу лозѣ. Послѣ этого къ каждому корню ставятся колья для подпорокъ (*прутка, острога*), иногда съ короткими сучками (*роле*), и привязываютъ къ нему всѣ побѣги лыкомъ, при томъ, такъ чтобы оно приходилось выше завязи плода, которая въ то время уже должна обозначиться (говорится: *лоза је замстнула* или *запрли*). Постановка этихъ подпорокъ называется *пручанье*, а подвязка вѣтвей — *подизанье*. Съ *брудномъ* и въ этомъ случаѣ больше работы, чѣмъ съ другими вѣтвями. Онъ также привязывается къ тычинкѣ лыкомъ или тонкимъ прутомъ (*срзмицом*) такъ, чтобы обвился вокругъ нея, и при томъ отворачиваютъ отъ главнаго ствола; никакъ не слѣдуетъ его оставлять въ томъ положеніи, какъ росъ, иначе не дастъ побѣга отъ cadaго очка. Въ то же время, приблизительно около Видова дня, начинается вторичное окапываніе (*прашенье, прашек*), состоящее въ томъ, что выгребенную землю возвращаютъ назадъ, покрывая ею корни.

Все это нужно совершить, прежде чѣмъ виноградъ началъ цвѣсть. Во время цвѣтенія нельзя ничего работать около винограда, чтобы не отрясти цвѣтную пыль, и потому въ это время очень опасенъ дождь, особенно съ вѣтромъ. Если же почему-либо не успѣли совершить второе окапываніе и поднятіе на подпорки прежде цвѣта; то дѣло откладывается до того времени, когда цвѣтъ опадетъ и сформируются зерна въ гроздѣ (*док се цуожте труца*).

Прежде имѣли обычай обрѣзывать всѣ мелкіе побочные побѣги, выбѣгающіе изъ-подъ листьевъ, называемые *загранци*; а теперь ихъ оставляютъ и срѣзываютъ только *бруднъ* при самомъ стволѣ, не имѣющій завязи. Кромѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ, кто имѣетъ досугъ отъ другихъ работъ, верхи молодыхъ побѣговъ снѣтаютъ другъ съ другомъ (савіе у *чужое*), чтобы эти побѣги больше не росли, и вся сила шла въ главный стволъ и плодъ. Это называется — *запртыти лозе*. Ни въ какомъ случаѣ нельзя этого

дѣлать въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда бываютъ спльные жары, потому что тогда погибли бы листья на молодыхъ побѣгахъ, которые находились подъ тѣнью сплетенныхъ верховъ, а тогда засохли бы или завяли (би се опарили) и самые грозды, лишенные защиты своихъ листьевъ.

Кто хочетъ, чтобы вино было лучше, хотя бы и меньше по количеству, тотъ за 8—10 дней передъ сборомъ винограда обрываетъ всѣ листья около гроздьевъ, чтобы ихъ цѣлый день пекло солнце.

Время созрѣванія зависитъ отъ болѣе ранней или поздней весны и каково было лѣто, т. е. сухое или дождливое. Когда погода въ этомъ смыслѣ была благопріятна, то бываетъ спльный виноградъ тотчасъ послѣ Ильина дня (20 іюля); въ противномъ случаѣ позже. Сообразно съ тѣмъ и сборъ винограда бываетъ тотчасъ послѣ Успеньева дня (15 августа) или въ концѣ августа и въ первые дни сентября. Въ Подгорицѣ опредѣлено постоянно 1-го сентября. Дождь передъ сборомъ или во время сбора винограда приноситъ большой вредъ. Уборка винограда въ Цермницѣ называется *киданье* (и глаг. *кидати*), въ Подгорицѣ *жеманье* или *жематва* (тоже и въ Далмаціи; въ Мостарѣ — *трианье* и *триати*; а въ Сербіи — *берба*, *брати*).

Въ Цермницѣ передъ уборкой винограда всѣ владѣльцы виноградниковъ договариваются относительно дня уборки и дѣйствительно всѣ начинаютъ въ одинъ день. У кого мало рабочихъ въ домѣ, тотъ принаанимаетъ, платя 40—50 с. на день и давая рабочему пищу. Но работа наймомъ неудобна въ томъ отношеніи, что тогда не можетъ быть достигнута хорошая сортировка винограда, которая производится тотчасъ при срѣзываніи гроздовъ.

Для срѣзыванія служитъ особенный кривой ножъ, называемый *куше.ль*; рѣжутъ по-двое вмѣстѣ; срѣзанные грозды складываютъ сначала въ малую корзинку съ двумя ушками (*котар*, *кошар* или *кидач*), а пзъ него высыпаютъ въ большія корзины, которыя потомъ навьючиваютъ на лошадь или лошака и отправляютъ въ домъ. Въ Подгорицѣ нѣкоторые тутъ же склады-

вают грозды въ кадушку, стоящую на телѣгѣ, запряженной парю воловъ, и уминают ихъ, чтобы больше вошло; а потомъ перемѣщаютъ въ большія кади дома.

Сортируется виноградъ иными тутъ же по цвѣту и по степени зрѣлости, отдѣляя несовсѣмъ дозрѣлые, а также загнившіе и вообще плохіе грозды. Чѣмъ зрѣлѣе виноградъ, тѣмъ лучше вино; при томъ для краснаго вина (*црно вино*) берется черный виноградъ, а для бѣлаго — бѣлый; изъ брака же гонится *ракія*. Когда убираютъ виноградъ, то имѣютъ обычай предлагать грозды всякому прохожему или зовутъ своихъ знакомыхъ, не имѣющихъ своихъ виноградниковъ, и не только угощаютъ ихъ на мѣстѣ, но даютъ и домой. Такимъ образомъ Болевичи всегда приглашаютъ жителей Вирбазара.

Въ Подгорицѣ для охраненія виноградниковъ община занимаетъ сторожей (такой сторожъ называется *пудар*; то же и въ Мостарѣ; на далматинскихъ островахъ *наудар*, а въ другихъ мѣстарѣ — *житан*). Въ Цермницѣ нѣтъ общаго сторожа, такъ какъ виноградники разбросаны; но всякій обязанъ держать своихъ собакъ на привязи, какъ только начнетъ созрѣвать виноградъ, потому что онѣ любятъ имъ лакомиться; въ противномъ случаѣ всякій, застигнувъ собаку въ своемъ виноградникѣ, имѣетъ право убить её (и это единственный случай, когда дозволяется убить собаку), откуда и явилась поговорка: «погинуо је, као пас у гроздью».

Между виноградомъ въ Цермницѣ различаютъ нѣсколько сортовъ, сначала по цвѣту: *црно*, *ридзе* и *біело*, а потомъ по формѣ зерна, по большей или меньшей сбитости грозда, по особенному запаху и т. п. Въ черномъ виноградѣ есть сортъ, называемый *кратошія* съ круглымъ зерномъ на коротенькой ножкѣ; гроздь очень сбитъ; а если не сбитъ, то называется *реалица*; съ зернами овальными — *оранац*; а такой же только съ болѣе крупными зернами — *крстач*. Ридье (рыжее или свѣтло-красное) съ круглыми зернами называется *сървина*, а помельче и съ овальными зернами — *мисчина* или *мисца*. Въ бѣломъ виноградѣ

также есть нѣсколько сортовъ, различающихся по величинѣ зеренъ или по цвѣту, есть, на примѣръ, желтоватый; но имъ нѣтъ особыхъ названій. Только есть одинъ сортъ съ особенно сильнымъ запахомъ *мушкат* или *мушкательница*; но его очень рѣдко у кого можно найти; также и принесенный изъ Цареграда *чауи* съ крупными, овальными зернами, особенно нѣжный и сладкій. Наконецъ есть еще *разалия* всѣхъ трехъ цвѣтовъ, овальной формы, съ кожицею (*кѳмина*) болѣе твердою, чѣмъ на другомъ виноградѣ. Этотъ сортъ употребляется только для ѣды, и онъ не обрѣзывается, какъ другіе сорта, а оставляется безъ всякой обрѣзки и расправляется по рѣшетинамъ (одар) и потому называется *одрина*; если же вьется на дерево, то называется *подревина*.

Мы видѣли, что для пополненія рядовъ вмѣсто погибшихъ или слабыхъ лозъ садятъ новыя; но относительно послѣднихъ есть и другой способъ поправленія или улучшенія лозы, — это прививка (*прсортьяныс*, *наортьяныс* или *калеменне*), которая дѣлается весной, прежде чѣмъ распухнетъ почка, расцѣпомъ прививаемой лозы, въ который вставляется черешокъ другой, болѣе здоровой лозы.

Въ Цермипцѣ есть лозы очень старыя, которыя имѣютъ около 100 лѣтъ; но—добавляетъ Д. Пламенаць — нѣтъ такихъ, о которыхъ никто не зналъ бы, когда и кѣмъ онѣ посажены (а намъ говорили, что есть именно и такія). Какъ хорошо ни держатся виноградники, а все-таки приходится ихъ иногда возобновлять, посажены ли они сплошь или по краямъ террасъ; въ послѣднемъ случаѣ отъ времени рушатся стѣнки и тогда приходится дѣлать новыя, а вмѣстѣ съ тѣмъ садить и новыя лозы. Въ прежнее время уничтожали лозу вмѣстѣ съ другими плодовыми деревьями турки, когда имъ удавалось проникнуть внутрь страны. Вообще замѣчаютъ, что въ старое время виноградниковъ было меньше, но они давали урожая и вина больше. Отецъ Д. Пламенца рассказываетъ, что одинъ виноградникъ (*зрада*) лѣтъ 35 назадъ давалъ 20 барилъ вина; а въ послѣднее

время не даетъ больше 2—3; а иногда не давалъ больше 10 окъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ истощенія земли и самой лозы, и указываетъ на необходимость возобновленія и переработки виноградниковъ; но въ то же время появились и болѣзни на виноградѣ, которыхъ 30—40 лѣтъ назадъ не было вовсе, а теперь съ каждымъ годомъ онѣ все больше распространяются. Наиболѣе распространенная болѣзнь *мачи* или *пенсо* (пепель), состоящая въ томъ, что на гроздахъ, когда опадеть цвѣтъ (*оурва*), появляется бѣлый налетъ, отъ котораго зерна въ гроздѣ не развиваются, остаются твердыми, безсочными, трескаются и засыхаютъ. Въ послѣднее время стали употреблять посыпаніе сѣрой (*сумпоравати, сумпараванье*) два раза — при развертываніи листьевъ и когда образуется гроздь. Но есть и другія болѣзни, которыя народъ смѣшиваетъ съ первою, представляющія однако собою нѣчто другое и требующія потому другихъ средствъ. Ученый агрономъ, преподающій земледѣліе и естеств. науки въ учебныхъ заведеніяхъ Цетинья Ф. Терговичъ даетъ объясненіе этимъ болѣзнямъ вмѣстѣ съ указаніемъ средствъ противъ нихъ *). Онъ констатировалъ три различныхъ болѣзни на черногорскихъ лозахъ: *мачи* (*oidium Tuckeri*) — мелкій грибокъ, противъ котораго хорошее средство сѣра; *пламац* или *пламнячи* (*peronospora viticola*), также растпительный паразитъ, отъ котораго прежде всего опадаютъ листья, а потомъ сохнетъ и самая лоза и кисти винограда, и противъ котораго предлагаетъ растворъ мѣднаго купороса (*коньски камен*); и наконецъ въ томъ же родѣ *красте* или *цри* (*glueosporium ampelophagum*), при чемъ по стеблю, листьямъ и гроздьямъ появляются черныя пятна особенно во влажное время, противъ котораго совѣтуетъ употреблять растворъ желѣзнаго купороса (*карабоя*).

Относительно *мачи* Цермничане говорятъ, что она прежде

*) «Нѣки неприятель нашихъ уѣва». Грлица за 1891 г. стр. 42—48. Въ настоящее время онъ директоръ Земледѣльской школы въ Подгорицѣ (съ 1893 г.).

появилась въ Паштровичахъ (въ Приморьѣ). Фялоксера покуда еще не появилась; но правительство озабочивается о разведеніи американскихъ лозъ въ существующемъ уже единственномъ разсадникѣ въ Подгорицѣ, и такой же разсадникъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ устроенъ и въ Цермницѣ.

(О выдѣлкѣ вина будемъ говорить въ другой статьѣ).

Послѣ винограда самую важную роль въ экономіи черногорскаго народа играетъ оливковое дерево. До сихъ поръ оливковыя роцци (*маслинаде*) находятся только въ окрестностяхъ Бара и Ульцина и немного въ Краинѣ. Въ Цермницѣ тоже дѣлали попытки завести это столь полезное дерево; пока опытъ показалъ только то, что оно можетъ расти въ этой мѣстности и даетъ уже урожай, хотя небольшой, впрочемъ, это, можетъ быть, зависить отъ того, что деревья еще молоды. Въ окрестностяхъ Подгорицы (въ Момнишчахъ, подъ Горпцей, въ Долянахъ и въ Рогамъ у Пяперъ) сохранилось нѣсколько оливковыхъ деревьевъ, которыя и теперь даютъ хорошій урожай. Въ Долянахъ, гдѣ находятся главные подгорицкіе виноградники, одна мѣстность носитъ названіе *маслины*. Въ Момнишчахъ и подъ Горпцей деревья находятся изстари, и есть слѣды цѣлыхъ насажденій оливковыхъ; находятъ также камни, которые служили для выжиманія масла изъ маслинъ. На основаніи этихъ, хотя и скудныхъ указаній и народнаго преданія, существуетъ мнѣніе, что тамъ когда-то было много маслинъ, которыя уничтожены во время многочисленныхъ переворотовъ въ томъ краю. Какъ бы то ни было, князь Николай самъ посадилъ 1.000 деревьевъ на своей землѣ въ Подгорицѣ и хочетъ еще садить; а въ то же время пригласилъ и народъ, которымъ вслѣдствіе этого весной посажено болѣе 3,000 деревьевъ въ различныхъ мѣстностяхъ *). Такимъ образомъ область маслинъ въ Черногоріи можетъ значительно расширяться.

*) Черезъ два гѣта послѣ того всѣ маслины въ томъ краю померзли отъ небывало суровой зимы; но большая часть отростаетъ отъ корня.

Относительно Бара и Ульцина существует мнѣніе, что маслины тамъ насажены венеціанцами; но это опровергается тѣмъ, что прежде еще чѣмъ утвердилось въ этихъ краяхъ венеціанское господство, во время господства сербскихъ краевъ, здѣсь уже были маслины. Онѣ, безъ сомнѣнія, насажены еще греками и римлянами, первыми культурными поселенцами въ этихъ краяхъ. Есть маслины, особенно въ Барѣ, которымъ приписываютъ большую древность; а о большинствѣ деревьевъ можно сказать съ увѣренностію, что вслѣдствіе давности неизвѣстно, когда и кто ихъ сажалъ. И еще вѣрнѣе то, что всѣ эти насаженія, хотя бы и новѣйшія, произошли отъ тѣхъ, которыя были здѣсь искони, такъ какъ размноженіе маслинъ идетъ посадкой тѣхъ молодыхъ деревьевъ, которыя выросли отъ корней старыхъ.

Подготовленіе земли подъ *маслинады* такое же, какъ для винограда, т. е. вскапывается глубоко и образуются террасы, которыя снизу поддерживаются отъ обсыпанія сложенными изъ камня стѣнками; но мѣстность выбирается болѣе ровная и, кромѣ того, при посадкѣ выкапывается круглая яма до 1 метра глубины и двухъ въ діаметрѣ; въ мѣстности, гдѣ возможно изъ-подъ низа скопленіе воды, какъ въ Барѣ, на дно ямы кладутся камни, между которыми уходила бы вода, и корни дерева не касались бы ея; требуется и удобреніе. Для посадки берутъ экземпляры довольно крупные, иногда настоящія деревья, при чемъ обрѣзываютъ не только всѣ вѣтви, но и всѣ корни, такъ что дерево внизу имѣетъ видъ ампутированной ноги. Самое удобное время посадки конецъ марта и до конца апрѣля, когда дерево, освободившись отъ плодовъ прошлаго года, готовится къ цвѣтенію и воспроизведенію новаго плода. Посаженное такимъ образомъ дерево дастъ ростки черезъ мѣсяцъ, черезъ два, а иногда только въ концѣ лѣта, а приносить плодъ начинаетъ только на седьмой годъ; а случается и раньше. Уходъ за ними требуется значительный; но онъ облегчается тѣмъ, что вы можете работать въ продолженіи всего года. Работы эти состоятъ главнымъ образомъ въ вскапываніи около нихъ земли и гноеніи, но не каждый годъ. Вслѣдствіе

стремленія ихъ корней выбиваться наружу, требуется иногда около нихъ насыпать землю и обкладывать невысокимъ барьеромъ изъ камней. Необходимо также ихъ обрѣзывать отъ времени до времени, потому что онѣ слишкомъ вѣтвятся и много тонкихъ вѣтвей сохнутъ; это называется *красити* или *кастрити* (castrare). Вслѣдствіе такой обрѣзки въ первый годъ плода бываетъ меньше; но за то въ слѣдующій годъ всѣ вѣтви будутъ полнѣе и самый плодъ крупнѣе. Тѣмъ не менѣе здѣшніе жители прибѣгаютъ къ такой обрѣзкѣ весьма неохотно и рѣдко; да и вскапывали землю также мало и только въ послѣднее время стали ухаживать прилежнѣе. Цвѣтеніе бываетъ въ концѣ марта и началѣ апрѣля, а въ половинѣ апрѣля обозначается уже плодъ; созрѣваніе же плодовъ начинается съ половины ноября и тогда же идетъ ихъ уборка, состоящая въ собираніи тѣхъ, которые упали на землю, и продолжается до марта; но и тогда плодъ не опадываетъ весь и его необходимо сбивать палками или, лучше, стрясать съ вѣтвей, взобравшись на самое дерево. Полный урожай бываетъ каждый третій или четвертый годъ; а въ другіе годы плодъ даетъ одна какая-нибудь сторона; одинъ же годъ въ продолженіе 4-хъ или 5-ти бываетъ совсѣмъ неурожайный.

Маслинады имѣютъ множество друзей изъ мелкаго пернатого царства: бекасы любятъ подъ ихъ тѣнью ловить разнаго рода червяковъ и насѣкомыхъ, а сѣрый и черный дроздъ особенно любятъ лакомиться ихъ плодами. Когда же начинается сборъ плодовъ, хозяева маслинадъ отправляются туда цѣлыми семействами: одни собираютъ, а другіе, нагрузивъ ихъ въ корзинкахъ на осликовъ, отправляются съ ними домой и снова возвращаются за новою добычей. Тогда всюду мелькаютъ люди, слышится веселый говоръ и раздается пѣсня. Нѣсколько дней въ началѣ сбора и въ концѣ уступаются цыганамъ и вообще бѣднякамъ.

Вмѣстѣ со зрѣлыми плодами падаетъ много и зеленыхъ, и кто заботится о хорошемъ качествѣ масла, тотъ не мелетъ ихъ вмѣстѣ, а сортируетъ. Для лучшаго качества масла не нужно

также маслинамъ много залеживаться, иначе онѣ сопрѣютъ и загниютъ, и отъ того масло приобретаетъ тотъ непріятный запахъ, который непременно сопровождаетъ деревянное масло у насъ въ Россіи, употребляемое для лампадъ въ церквахъ и въ домахъ передъ иконами.

Народъ полагаетъ, что маслинное дерево можетъ расти и приносить плодъ только близъ моря, при томъ мѣстность та должна быть обращена къ морю. Такъ, за Ульциномъ есть невысокій хребетъ Можура; по склону его, обращенному къ морю, на $\frac{2}{3}$ его высоты находятся маслинады, которыя хорошо родятъ; а подлѣ самаго моря есть небольшой кряжъ Пинешъ, и маслины, посаженныя на сторонѣ противоположной морю, растутъ хорошо, но плода не даютъ.

Вообще маслина не любитъ крутой зимы; но, если упадетъ небольшой снѣгъ, который, конечно, не держится болѣе двухъ-трехъ дней, тогда урожай бываетъ лучше.

Болѣе обширную область занимаетъ тутовое дерево (*мурова*): оно хорошо растетъ не только въ самыхъ теплыхъ предѣлахъ Приморья, но и по всей Катунской нахіи на высотѣ 2,000 и болѣе ф. надъ моремъ; притомъ не требуетъ ни особенно хорошей земли, ни большого ухода; часто увидите роскошнѣйшее тутовое дерево возлѣ дома среди голыхъ скалъ, и подъ его густыми вѣтвями въ лѣтніе жары, какъ подъ шатромъ, отдыхаютъ люди и скотина. Рано созрѣвающій плодъ его составляетъ первое лакомство для черногорца. Но главное его назначеніе, конечно, воспитывать шелковичнаго червя (*свилена буба*).

Сравнительно съ областью распространенія этого дерева, шелководство въ Черногоріи находится въ совершенномъ пренебреженіи. Только въ Подгорицѣ, Бѣлопавличахъ, Барѣ и Ульцинѣ женщины занимаются воспитаніемъ шелковичнаго червя, коконы котораго потомъ разматываютъ, придуть шелкъ и ткуть изъ нихъ весьма тонкія матеріи, называемыя *бурунджук*.

Больше же всего коконы (*каданице, чаурице, махунице*) продаются за границу, и собирается ихъ до 10,000 килогр. Больше

всего даютъ Бѣлонавличи. Покупаютъ ихъ подгорицкіе торговцы по 80 с. за кяло; по просушкѣ отъ нихъ останется только $\frac{1}{3}$, и тогда они продаются въ Триестъ по 2 ф. 40 с.

Когда въ Италіи появилась болѣзнь на червей, тогда Черногорія поставляла туда большое количество сѣмянъ, такъ какъ этой болѣзни въ Черногоріи не было; но въ послѣднее время болѣзнь эта появилась и здѣсь, вслѣдствіе того, что нѣкоторые сами брали сѣмена изъ Италіи, и этой торговли теперь не существуетъ.

Нераздѣлимо отъ сельскаго хозяйства и земледѣлія и пчеловодство. Оно когда-то имѣло большое развитіе въ Черногоріи, но всегда находилось въ первобытномъ состояніи. Нѣтъ, кажется, и теперь ни одного сельскаго дома, который не имѣлъ бы нѣсколькихъ ульевъ. Для нихъ не требуется, какъ у насъ, ни пасѣки, ни теплаго помѣщенія на зиму (*мианика*); ульи все время стоятъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ возлѣ дома; ихъ засыпаютъ снѣгомъ, и они ждутъ, пока этотъ снѣгъ самъ собою стаетъ. Рѣдкій хозяинъ, и то въ особенно сухой и вообще неблагоприятный годъ, поставитъ имъ корму на зиму. А между тѣмъ они приносятъ немнѣрно большое количество меда: до 30 окъ или 45 кялогр., что составляетъ немного менѣе двухъ пудовъ въ лѣто.

Колодка или улей (незанятый пчелами *ульнитс*, а полный *суд*), во множ. *суди*: «колько *суда* имате?»; называется также *кошница*, *трика*) просто выдолбленный внутри обрубокъ дерева; лучший изъ липы, а по прочности самый лучший изъ *медвѣжьей тьсковины* (*соруillus colugna*); сбоку летокъ и внизу отверстіе для выемки меда и для чистки улья; сверху покрываютъ доской или корой какого-нибудь дерева; привалаютъ этотъ кровъ камнями, и улей готовъ. Когда ставится новый улей, то внутри его прикрѣпляется готовый сотъ, къ которому послѣ пчелы будутъ прилагать свою работу; это называется *заставни сам*. Для приманки пчелъ улей внутри натираютъ особенною травой (челянска любца) родъ медясы. Здѣсь пчелы много роятся (*нуштаю*), если

особенно благоприятный годъ. Первый вылетѣвшій рой называется *првенац*; отъ этого можетъ быть новый рой *парояк*, въ Подгорицѣ *друненац*; бываетъ наконецъ, что и отъ этого послѣдняго вылетитъ рой, который въ Подгорицѣ называется *третьснац*. Такое роенье зависитъ, конечно, отъ продолжительности лѣта и вообще теплаго времени. Мы видѣли на Цетинѣ, что иногда во второй половинѣ января, когда особенно пригрѣетъ, пчелы вылетаютъ изъ ульевъ и носятся въ воздухѣ. Продолжительностью же лѣта объясняется и большое количество вынимаемаго меда. Главное количество меда даетъ послѣдній лѣтній мѣсяцъ; если же онъ сухой и цвѣтовъ мало, то мало будетъ и меду. Если пчелы сильно нападаютъ на виноградъ при уборкѣ его, это значитъ, что пчмъ нѣтъ взятка въ полѣ.

При окончательной выемкѣ меда нѣкоторые рои, какъ и у насъ, убиваютъ. Торговля медомъ и воскомъ незначительна; часть продается въ города, а часть оставляется для себя. Изъ меда дѣлаютъ медовину или употребляютъ его, какъ лакомство; подмѣшиваютъ въ кушанье, напр. въ скорупъ, заслащиваютъ ракію и употребляютъ, какъ лѣкарство. Часть воска оставляютъ для приготовления свѣчей, чтобы ставить въ церкви или зажигать дома въ особенные дни; но теперь и этого мало, а все ищутъ въ лавкѣ. Въ Васоевичахъ покупаютъ воскъ и медъ Гусинцы, платя за оку меда 34 с., а за воскъ около 2-хъ флор. По статистикѣ за 1880 г. въ Черногоріи было 15,000 ульевъ приблизительно на 20,000 домовъ.

Къ сельскому же хозяйству должно быть причислено и собираніе персидской ромашки (бухарнца), руя и лавроваго листа, такъ какъ въ томъ участвуютъ исключительно поселяне и собираютъ эти предметы со своихъ собственныхъ участковъ.

Отъ ромашки собирается цвѣтъ, который закупаютъ по-мелочи торговцы въ городахъ, высушиваютъ на солнцѣ, и когда сборъ окончится, продаютъ свои партіи какому-нибудь главному скупщику, а тотъ продаетъ ромашку гуртомъ въ Триестъ. Она собирается въ гористыхъ и притомъ солнечныхъ мѣстахъ Катун-

ской, Рѣцкой и Лѣшанской нахій, частью въ Цермницѣ, въ Кучахъ и окрестностяхъ Подгорицы, въ Бѣлопавличахъ и около Никшича; но есть и въ другихъ мѣстахъ, даже въ глубокихъ долинахъ р. Пивы. Ея много стали разводить искусственно въ Далмаціи и Приморьѣ, потому что явился большой спросъ; глядя на то, стали было нѣкоторые разводить её и въ Черногоріи; но дикая черногорская ромашка всегда цѣнилась выше, и теряла иногда цѣну, если главный скупщикъ смѣшивалъ ту и другую. Въ послѣднее же время сильный запросъ на неё упалъ, а потому упали и цѣны. Это обстоятельство должно остановить начавшееся было въ Черногоріи культивированье этого растенія; но запросъ на природную, черногорскую не останавливается, хотя цѣна на нѣкоторое время и понизилась. Выше также цѣнится ромашка съ неразвернувшимся еще цвѣткомъ.

Руй или сумакъ (*rhus cottinus* изъ семейства *terebinthaceae*; итальянское *scotano*, нѣмецкое *Perückenbaum*) служитъ для краски и выдѣлки сафьяновъ и другихъ кожъ; а изъ Черногоріи сталъ вывозиться за границу только съ 1868 г. Это кустарникъ достигающій иногда роста маленькаго деревца, съ прекрасными овальной формы листьями, пмѣющими смолистый, бальзамическій запахъ; цвѣтъ его выходитъ пучкомъ, какъ на бузинѣ, который потомъ обращается въ бѣлыя пуховыя кисти, по которымъ нѣмцы и дали ему названіе. Онъ растетъ всюду по Черногоріи между известковыми скалами, особенно, по замѣчанію черногорцевъ, по такъ называемому бѣлому известняку (*біели крии*), если только мѣстность не обращена прямо къ сѣверу. Но больше всего собираютъ его въ Рѣцкой нахій, особенно въ Люботинѣ, гдѣ его оберегаютъ отъ скота, какъ и поля, потому что мелкій скотъ, особенно козы, его охотно ѣдятъ. Его сборъ съ Николина дня (9-го мая) и до Малой госпожи (8-го сентября). Срѣзываютъ вѣтви косіеромъ, сушатъ ихъ, потомъ опшмыгиваютъ листь и молотятъ палками на чистомъ каменномъ гумѣ или на

погу въ домѣ, и когда листь достаточно измельченъ, его просѣиваютъ на рѣшетѣ, чтобы очистить отъ мелкаго порошка и пыли, ссыпаютъ въ мѣшки и свозятъ на Рѣку въ магазинъ, гдѣ онъ и остается до тѣхъ поръ, пока не найдется скупщикъ на весь руѣ, покупая его у правительства на аукціонѣ. Первымъ его хозяевамъ, въ то же время сборщикамъ (нѣкоторые даютъ собирать изъ половины) платится за мѣру въ 20 окъ 1 ф. 70 с. или за 1 оку 10 с. Иногда его продается на 200,000 флоринновъ.

Злоупотребленія нѣкоторыхъ сборщиковъ или покупателей, состоящія въ томъ, что подмѣшиваютъ и другія листья, а для тяжести прибавляютъ мелкіе камушки, заставили триестскихъ покупателей поставить условіемъ, чтобы доставляли руѣ цѣльными листьями и съ вѣточками, причемъ, конечно, насколько облегчается уборка, настолько понижается и цѣна; поэтому въ послѣднее время сборъ его приостановился. Да и вообще цѣна на руѣ падаетъ, вслѣдствіе того что найдены его суррогаты.

Собираніе лавроваго листа началось недавно, а теперь требуется онъ въ вѣтвяхъ, такъ какъ предназначается исключительно для вѣнковъ на гроба и въ другихъ случаяхъ. Лавра множество въ окрестностяхъ Бара и Ульцина, а также въ устьяхъ рѣки Черноевича, на ея островахъ; а на Горнемъ-Блатѣ островокъ Космачъ весь покрытъ лавромъ.

Въ недавнее же время появился спросъ на дерево *киселу* (*celtis australis*), о которомъ мы говорили въ I т. нашего сочиненія (стр. 225—296), объяснивъ въ то же время, для чего оно служитъ. Здѣсь дополнимъ свѣдѣніемъ, въ какомъ видѣ оно требуется за границу. Одинъ торговецъ продалъ 800 квинталовъ (8 т. кплогр.) дерева по слѣдующимъ размѣрамъ: въ окружности должно имѣть не больше 1 метра и не меньше 20 с.; а длина обрубоквъ отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 3 метровъ; значить, уничтожаются самыя

лучшіе экземпляры, молодые и свѣжіе для того, чтобы получить только одинъ хорошій обрубокъ, а остальное бросить. Такую эксплуатацію правительство, кажется, остановило; а въ то же время обратило вниманіе на размноженіе этого дерева, для чего въ подгорицкомъ разсадникѣ отведено мѣсто и для него.

5. Лѣсъ.

Марино Болица (1614 г.) говоритъ, что въ его время ботаники Италіи и другихъ странъ Европы пріѣзжали въ Которъ для закупки въ Черногоріи различныхъ лѣкарственныхъ травъ, и что въ то же время тамъ добывалась «мягкая смола, называемая *катрамъ*, которую торговцы отправляли большею частью въ Венецію» (Т. I, прилож. стр. 792). Это былъ, конечно, лѣсной продуктъ; а въ настоящее время не собирается больше лѣкарственныхъ травъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, нашлось бы много и теперь, не производится гонки смолы, прекратившейся вслѣдствіе истребленія лѣсовъ. Впрочемъ, вывозится изъ Черногоріи небольшое количество корня горечавки (*gentiana*, по-черногорски линцура).

Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о лѣсномъ хозяйствѣ, какъ объ отрасли сельской экономіи.

Собственно лѣсного хозяйства въ Черногоріи не существуетъ и все оно заключается въ одной эксплуатаціи лѣсовъ. Для означенія лѣса въ Черногоріи существуютъ два слова *гора* и *шума* безъ разлчія, занимаетъ онъ большое пространство или малое. Французскій инженеръ Деларжъ, лѣтомъ 1891 г. путешествовавшій по Черногоріи для изслѣдованія ея лѣсныхъ богатствъ съ цѣлью ихъ эксплуатаціи, воротившись изъ путешествія, выразился объ нихъ такъ: «То, что мы разумѣемъ подъ именемъ лѣса (*la forêt*), я здѣсь не нашелъ». Дѣйствительно въ извѣстныхъ частяхъ Черногоріи (Васоевичи, Ппва, окрестности Колашина, частью Ппперы, Бѣлопавличы, Дробняки, окрестность

Никшича, кое-гдѣ въ Кучахъ) есть достаточно лѣсовъ; но они не представляютъ собою такой сплошной массы на большомъ неогладномъ пространствѣ. Мѣстами они тянутся вдоль какой-нибудь долины часа на 1½, (до 8 килом.); но вы видите сейчасъ надъ нею совершенно голые ея края. Отдалившись и ставъ на возвышеніи, вы увидите эти лѣса островами на голомъ фонѣ изъ скалъ или травянистыхъ плато. Тѣмъ не менѣе есть, такъ сказать, отдѣльныя дачи, въ которыхъ лѣсъ густой, темный, гдѣ сряду можно найти прекрасныя строевыя деревья. Густому лѣсу есть названіе *халуа* или *амра*, а также *тмор*; *воозд*—тоже лѣсъ въ скалистой мѣстности, а есть мѣста, называющіяся этимъ именемъ, и гдѣ нѣтъ вовсе лѣсу, который, безъ сомнѣнія, когда-то былъ и исчезъ. Лѣсъ, составляющій чью-либо собственность, называется *дубрава*; отдѣльный лѣсокъ — *чай*; *кита* — лѣсокъ на вершинѣ горы; густой лѣсъ, хотя бы и не высокій, гдѣ больше кустарника (грменье) называется *рамеж*; (срв. стар. рус. *рамень*) говорятъ: «у оном *рамежу* ми смо изгубили путъ». Иногда и *лу*, собственно травянистое низкое мѣсто, означаетъ мѣстность съ лѣсомъ, оттуда особенная порода дуба *лужник*, *лушки ясен* (тоже *лучкоясен*). Лѣсъ, изъ котораго берутъ дрова или гдѣ рубятъ вѣтви для корма скоту называется *забіо*, *забель* и *листо-ськ* *). По несчастію (а можетъ быть, и по счастію) всѣ эти лѣса находятся въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ и лежатъ втунѣ; а Черногорія всякій брусъ или балку, доски и другой строевой и подѣлочный матеріалъ получаетъ изъ Триеста и Фіуме. Впрочемъ, отчасти тутъ впрочемато и неумѣніе черногорца пользоваться этими богатствами. Распилкою, напр., деревьевъ на доски занимаются въ Черногоріи пильщики, приходящіе изъ Турціи (*шегари* или *шгачи*, также *пилари*); а сами черногорцы раскалываютъ дерево съ помощью топора и клиньевъ, и при этомъ получаютъ

*) Даничиичъ толкуеть: *забель* — *silva septa*; а въ Душановомъ законникѣ означаетъ чью-либо собственность *забрак*: «Село селомъ да пасе, коудѣ едно село, тоудѣи и друго, развѣ *забель* законитыгъ (отъ *забѣла*) и ливадъ законитихъ, никто да не пасе» (ст. 16).

одну только доску (шириною 15, а толщиною 5 с.). Передъ послѣднею войной начата была эксплуатація лѣса надъ р. Морачей, при чемъ сплавливали бревна по этой послѣдней рѣкѣ и послѣ доводили ихъ тоже водой до Рѣки, гдѣ и устроены были пилы, дѣйствовавшія водяною силою. Вскорѣ однако началась война, и работа прекратилась. Взятая за это дѣло французская компанія обанкротилась, оставивъ черногорцамъ устроенную ею лѣсопилню, остатки которой можно видѣть и теперь; а на мѣстѣ эксплуатаціи въ Ивачевомъ-долѣ и Трманьѣ (въ Ровцахъ) мы видѣли еще массу срубленнаго лѣса, валяющагося и гнющаго на мѣстѣ. О лѣсопильной мельницѣ, устроенной близъ Никшича княземъ Николаемъ, мы уже говорили; она работаетъ до сихъ поръ, и отсюда доски и бревна доставляются уже и на Цетинье. Въ этомъ (1892) году произведены новыя изслѣдованія лѣсныхъ богатствъ Черногоріи французскимъ инженеромъ Леларжемъ, командированнымъ отъ общества желѣзныхъ дорогъ Дековилля, для чего проектированы были и желѣзныя дороги этой системы; одна — по направленію къ Никшичу, другая отъ Подгорицы въ Васоевичи и Колашинъ. Дѣло это однако не состоялось, потому что взаимная польза не отвѣчала бы громаднымъ затратамъ.

А между тѣмъ до настоящаго времени идетъ эксплуатаціе лѣса для народныхъ нуждъ и народными способами.

У правительства есть мысль облѣснить нѣкоторыя мѣстности и уже дѣланы попытки разсаживать лѣсъ (на Горицѣ возлѣ Подгорицы); но, чтобы водворить какой-нибудь порядокъ въ лѣсномъ хозяйствѣ, необходимо прежде всего привести въ извѣстность по крайней мѣрѣ, какое пространство занимаютъ лѣса, какъ то сдѣлано относительно пашни и покосовъ. А куда этого нѣтъ, далеко не достигаютъ цѣли всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ для охраненія существующихъ лѣсовъ, и попытки для ихъ рациональной эксплуатаціи.

Итакъ нашему разсмотрѣнію подлежитъ только чисто народное лѣсное хозяйство, основанное на способахъ, усвоенныхъ народомъ изстари отъ его предковъ.

Говоря о подготовкѣ земли подѣ пашню, мы уже упоминали, что для этого извѣстный участокъ вырубается, и этотъ вырубленный лѣсъ называется *лаз*, а если онъ вырубленъ узкою полосой, то — *лазина*. Иногда, особенно въ старое время, такой *лазъ* снова запускался подѣ лѣсъ, на что указываютъ носящія это названіе мѣстности, въ настоящее время снова покрытыя лѣсомъ, какъ Царев-лазъ въ Рѣцкой-нахиі, гдѣ происходила знаменитая битва (1714 г.), и нѣсколько лазовъ близъ Колашина, въ Пивѣ и др. мѣстахъ. Это названіе часто упоминается въ старинныхъ грамотахъ. Такъ въ дарственной грамотѣ Иванбега цетинскому монастырю говорится, что отъ земель обработанныхъ, съ нивъ или покосовъ церкви дается четвертая часть, «а отъ *лаза* седма»; а если кто самовольно «посиче *лазъ* или посиче лѣсь у халугу, да му црква све узме».

Приведемъ и еще мѣста изъ той же грамоты: «приложихъ — гору и дубраву и лазе»; «дубраву кастрить или лазе или дрва»; «оттолѣ на връхъ старе лазине». Изъ этого видно, что *лазъ* былъ не только вырубленное уже мѣсто, но и такое, которое было покрыто лѣсомъ и его можно было рубить, какъ и дубраву. Въ настоящее же время однажды срубленный лѣсъ никогда больше не возобновляется, потому что по срубку тотчасъ же пускаютъ скотину, которая и уничтожаетъ всю молодую поросль. Иногда нарочно срубаютъ большія деревья единственно для того только, чтобы дать стаду объѣсть свѣжіе листья и обглодать молодую кору (*брстити*). Нерѣдко случается, что срубить часть лѣса на какомъ-нибудь крутомъ склонѣ, затѣмъ ударить сильный вѣтеръ и повалить все остальное. Есть особый способъ подготовленія деревьевъ на срубку для построекъ: на немъ обдираютъ кругомъ кожу въ видѣ широкаго пояса и оставляютъ до слѣдующаго года, пока засохнетъ, и тогда его срубаютъ; это называютъ *лубодер*.

Въ послѣднее время правительство издало строгіе указы противъ истребленія лѣса, и самъ народъ начинаетъ воздерживаться отъ того. Больше всего важность и полезность этихъ

распоряженій сознана въ мѣстахъ, гдѣ давно уже чувствуется недостатокъ въ лѣсѣ. На моихъ глазахъ находящееся надъ Цетинскимъ полемъ (въ южномъ его концѣ) Днивообрдо покрылось частымъ молодымъ лѣсомъ, бывши прежде почти совсѣмъ оголеннымъ. Прекрасно также охраняютъ свой лѣсъ на Ловченѣ Нѣгуши, не давая никому срубить ни одного дерева безъ вѣдома общины. Во многихъ мѣстахъ истребленъ лѣсъ турками, какъ въ Дугѣ-никшицкой и на южной сторонѣ Сутормана, чтобы удобнѣе открывать непріятели и дѣйствовать противъ него. Много его также истреблено и черногорскими войсками въ послѣднюю войну, а также семействами усташей изъ Герцеговины и Васоевичей, когда они обречены были проводить жизнь въ этихъ лѣсахъ, не имѣя никакого крова.

Въ старой Черногоріи, кромѣ высокихъ горъ, какъ Ловчень, Суторманъ, Пустя-лисанъ, Цуцкая Буковица, не только не существуетъ лѣса, но и вообще нѣтъ большихъ деревьевъ, годныхъ для постройки. Это большею частью рѣдколѣсье, состоящее изъ дуба, граба и ясеня. Лѣсъ этотъ служитъ для мелкихъ домашнихъ подѣлокъ, для дровъ и для корма скоту. Обыкновенно съ конца іюля и въ продолженіе августа обрубаютъ вѣтви преимущественно дуба и складываютъ ихъ въ стожки вокругъ высокой жерди, какъ сѣно, обращая комельки наружу. Листъ на этихъ вѣтвяхъ во всю зиму сохраняется зеленымъ и тогда, постепенно разбирая эти стожки, имъ кормятъ мелкую скотину. Чтобы не проникла снизу влага, подъ ними выстилается слой изъ одного ряда камней. Уборка вѣтвей называется *сѣчи лист*, и отсюда названіе *листосѣкъ*; иначе говорятъ *пкастрити* лѣсъ или дерево; но это больше въ смыслѣ подрѣзки дерева, чтобы усыпить корни и главный стволъ, послѣ чего дерево еще больше вѣтвится и покрывается болѣе густою листвою (*подмладити*). И это слово встрѣчается въ старыхъ грамотахъ. Такого рода обрубаніе вѣтвей для корма скота мы встрѣчали въ Сербіи, а также въ нѣкоторыхъ австрійскихъ провинціяхъ, какъ Крайна, Штирія и Тироль. Дерево, конечно, этимъ увѣчатся

и представляет собою сначала какую-то рогатую соху, а потом, одѣвшись снова листомъ, имѣетъ видъ зеленаго столба; тѣмъ не менѣе оно остается живымъ. Иногда вырубается цѣлый участокъ до корня; это дѣлается для выжиганія извести; но и тогда, если не пускаютъ скотину, черезъ пять лѣтъ лѣсокъ вырастаетъ настолько, что дѣлается опять годнымъ для той же цѣли; а черезъ 10 лѣтъ будутъ уже деревья, годныя для кола и нетолстыхъ сохъ. Такого рода неизбежное истребленіе нельзя запрещать, и оно не приноситъ общаго ущерба, если только послѣ того не пускаютъ козъ, что, къ сожалѣнію, часто не соблюдается; и тогда лѣсъ погибаетъ навсегда. Это дѣлается вслѣдствіе того, что нѣтъ хорошихъ пастбищъ; но и въ такихъ мѣстахъ, какъ Васоевичи, гдѣ достаточно пастбищъ, заготавливается мало сѣна, а потому и тамъ практикуется листосѣкъ. Тамъ для этого рубятъ преимущественно буковыя вѣтви и, кромѣ того, среди зимы при недостаткѣ тѣхъ запасовъ, рубятъ вѣтви хвойныхъ деревъ, особенно молики (*pinus peuce*), и ихъ ѣсть скотина. Къ нѣкоторымъ лѣснымъ породамъ черногорецъ чувствуетъ особенную любовь. Буковый лѣсъ черногорецъ особенно любить, потому, во-первыхъ, что онъ даетъ самую густую тѣнь, такъ какъ листья на тонкихъ вѣточкахъ располагаются горизонтально надъ землею; во-вторыхъ, онъ занимаетъ, послѣ хвойныхъ, самую высокую, слѣдовательно самую холодную зону, которую считаютъ и самую здоровою. Изъ буковаго лѣса вытекаютъ самые здоровые ключи, и если ключъ пробивается гдѣ-нибудь далеко отъ всякаго лѣса и въ мѣстности совсѣмъ низкой, какъ, напримѣръ, въ Каручѣ (Рѣцкой нахив, гдѣ производится цеклинская рыболовля), какъ скоро онъ выноситъ иногда буковыя листья, вода его считается здоровою. Для скота—буковыя деревья лучшее *пландиште* (полуденное отдохновеніе стада), тѣмъ болѣе, что букъ никогда почти не бываетъ одинокимъ деревомъ, а всегда въ группѣ, что зависитъ отъ его плода, заключающаго въ себѣ нѣсколько зеренъ, которыя такъ и вырастаютъ кучкой или семьей. Группа деревъ, выросшихъ изъ сѣмянъ кучкой, называется *олар*; а если

рошица образуется изъ корней, то — *изданци* (арнаут. *контале*).

Любить черногорцы и сль, потому что подъ ея вѣтвями, спускающимися шатромъ до земли, всегда можно найти сухое убѣжище отъ дождя, какъ и отъ снѣга. Въ постройкѣ она называется *сладко древо* и считается непрочнымъ.

О косцелѣ мы уже говорили, что она въ чести за густую тѣнь, которую она даетъ въ самой голой мѣстности, при томъ на такой каменистой почвѣ, гдѣ не растетъ никакое другое дерево. Кленъ и тисъ почитаются за свою твердую древесину, вслѣдствіе чего изъ нихъ можно вырѣзывать по народному вкусу изящныя вещи. Вязъ почитается, кажется, единственно за то, что сильно растетъ, широко раскидывая свои вѣтви, хотя бы стоялъ на скалахъ, такъ какъ корни его пропикаютъ далеко и глубоко въ щели этихъ скалъ и находятъ тамъ для себя обильную пищу. Нравится черногорцу и липа съ ея густою мягкою листвою и ароматомъ ея цвѣта; но съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относится онъ къ ея слишкомъ мягкой древесинѣ, хотя и находятъ въ томъ удобство при выдалбливаніи колодокъ для ульевъ или для какойнибудь посуды. Въ большомъ уваженіи дубъ. Церъ въ особенности даетъ много жара и потому говорятъ: «нема жара безъ церова паня». Другія породы дуба цѣнятся за твердость дерева, его прочность въ издѣльяхъ разнаго рода и особенно за способность противостоять атмосфернымъ вліяніямъ. Въ Васоевичахъ самый твердый дубъ названъ *бьлюшум* или *срчево древо*; въ другихъ мѣстахъ — *сирж*.

Во всякомъ деревѣ въ его стволѣ различаютъ слѣдующія части: *кора*, потомъ *бѣлика*, *бѣлотина* или *бак*, *баковина* — первый слой подъ корой, обыкновенно бѣлаго цвѣта и слабый въ издѣліи, и *сирж* или *срчевина* — середина красноватаго цвѣта или темная и самая твердая.

Вырубленный изъ дерева брусъ или бревно называютъ *шуль*, *шуляк* (во множ. ч. шулеви); а короткій обрубокъ *трубац* (во

мн. ч. трубчеве). Оставшаяся на корню часть ствола на корнѣ называютъ *пань* или *пемат*.

Червь, уничтожающій срубленное дерево, называютъ *сита* или *ситац*, отъ котораго оно обращается въ мелкій порошокъ, и это называютъ *дроо бишид*. Есть и особенная муха, которая такимъ же образомъ точитъ дерево.

Х.

СКОТОВОДСТВО.

1. Значеніе скота вообще въ экономической жизни черногорца.— Различные виды домашняго скота.— Лошади: опредѣленіе хорошихъ и дурныхъ качествъ; примѣты; все, что относится къ ѣздѣ на лошади.— Крупный рогатый скотъ; его качества; уходъ за нимъ, пастьба.

Общее названіе скота — *живо*, *стока*, *марва* и *маз*: «Имате ли што живо или имате ли што стоке?» спрашиваютъ, на что отвѣчаютъ: «он има велпки мал.» Первое — означаетъ самое малое количество скота, хотя бы двѣ-три козы; второе — когда набирается стадо, состоящее изъ овецъ и козъ; *марва* — заключаетъ въ себѣ общее понятіе о скотѣ; отсюда *марвени тькар*, а *маз* — множество скота, въ которомъ выражается уже богатство дома. Этимъ словомъ иногда означается вообще имущество: «дїелити мал» значить дѣлить все имѣнье, состоящее изъ скота и движимости *). Это послѣднее выраженіе и даетъ намъ понять, что главное богатство свое черногорець

*) Въ одной записи 1582 г. стоитъ такое выраженіе: «утверждено подъ страшномъ клетвомъ и кастивіомъ ферманима отъ цетиня и тапіяма ни *мама* *насти*, ни орати, ни лаза сѣщи безъ упроста церковнаго».

Срв. у монголъ *маз* — скотъ и тоже главное имущество.

полагаетъ въ скотѣ, и всякій скажетъ вамъ: «мы живимо о стоци». Поэтому недородъ хлѣба черногорцу легче перенести, чѣмъ недостатокъ въ травѣ для паствы лѣтомъ и въ сѣнѣ на зиму. И въ этомъ отношеніи жители приморской половины, загромажденной скалами и совершенно лишеной сѣнокосовъ, страдаютъ меньше; такъ какъ они и не рассчитываютъ на сѣно, кормя свой скотъ листомъ и вѣтками, и сообразно съ тѣмъ не держатъ много скота. Но тяжело бываетъ въ этомъ случаѣ жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ зима продолжительнѣе, а скота держится много въ расчетѣ на сборъ сѣна (въ этомъ 1892 г. въ Пивѣ впервые начали рубить вѣтки для корма скота). Поэтому обѣднѣніе въ Черногоріи сказалося больше въ тѣхъ краяхъ, гдѣ держали много скота, какъ Баняны съ Опутной Рудной, Никшицкая околина, частью Пива, Дробняки, Васоевичи, Кучи и Бѣлопавлячи. Такое явленіе, очевидно, указываетъ, что скотоводство составляетъ главное богатство, по крайней мѣрѣ, для половины Черногоріи. Оно такъ срослось съ бытомъ черногорца, что нахія, не имѣющія своихъ планинъ, какъ Лѣшанская, Команы, Цермница, и потому не имѣющія возможности хорошо прокормить свой скотъ лѣтомъ дома, отдаютъ его на лѣто въ чужія руки, гдѣ есть планины и иногда очень далеко, чтобы получить только половину отъ приплода и отъ молочныхъ скоповъ. Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы видѣли, что продуктамъ скотоводства черногорецъ самъ питается и одѣвается; а отъ продажи ихъ приобретаетъ средство для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ своихъ потребностей, начиная съ уплаты государственной подати и оканчивая высшими потребностямъ, какъ содержаніе церкви и школы и т. п. И, несмотря на такую роль скотоводства въ жизни черногорца, оно, можетъ быть, еще больше, чѣмъ земледѣліе, остается при старыхъ способахъ и напоминаетъ собою пастушескій бытъ кочевниковъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе вообще культурную степень, на которой находится Черногорія, главнымъ образомъ вследствие вышнихъ обстоятельствъ, заключающихся въ ея географическомъ и политическомъ положеніи, врядъ ли и возможны

радикальнѣя измѣненія въ дѣлѣ, слившемся, такъ сказать, въ одно съ жизнью народа. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, князь Николай дѣлалъ попытку поставить на рациональную ногу свое собственное скотоводство и соединенное съ нимъ молочное хозяйство, чтобы тѣмъ показать примѣръ народу; но практика не оправдала этихъ приѣмовъ и дала, напротивъ, указанія, что та система на теперешней черногорской почвѣ и нераціональна.

Основу въ черногорскомъ скотоводствѣ составляютъ овцы и козы; крупный рогатый скотъ держится въ томъ только размѣрѣ, въ какомъ онъ необходимъ при хлѣбопашествѣ, какъ рабочая сила. Лошадей держать главнымъ образомъ для переноски тяжестей, а затѣмъ и для болѣе легкихъ передвиженій. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держать ословъ и муловъ или лошаковъ. Начнемъ наше изложеніе въ обратномъ порядкѣ, т. е. съ той породы, которая меньше распространена, чтобы потомъ съ бѣльшимъ вниманіемъ остановиться на породѣ, составляющей основу скотоводства.

Ословъ держать больше всего въ Ульцинѣ, потомъ въ Барѣ, въ окрестности Подгорицы, въ Цермницѣ и въ окрестности Цетинья исключительно въ селѣ Бѣлошахъ. Это животное на короткихъ разстояніяхъ по каменистымъ дорогамъ могло бы съ большою пользою служить не только по всей Катунской нахіи, но и въ прилегающихъ къ ней другихъ нахіяхъ до герцеговинской границы и до Никшича, тѣмъ болѣе, что содержаніе его стоитъ дешевле всякаго другого животнаго; но противъ него существуетъ у черногорцевъ предубѣжденіе, и если бы кто-нибудь изъ непоняменныхъ выше мѣстностей купилъ осла, его подняли бы на смѣхъ (въ послѣднее время, конечно, это измѣнилось). Такого предубѣжденія однако не существуетъ противъ лошаковъ (*маска* или *масак* и *мулин*; *муле*—осленокъ), которыхъ держатъ и Нѣгуши, и Байцы, и Рѣцкая нахіа, и др. Въ Байцахъ существуетъ даже обычай, что, если у кого-нибудь издох-

нетъ лошакъ, цѣлое племя покупаетъ ему новаго. Лошаки дорого цѣнятся, потому что дѣйствительно въ каменистыхъ горахъ это животное незамѣнимо: лошакъ несетъ на себѣ тяжесть такую же, какъ лошадь, а копыта у него тверже, чѣмъ у лошади, и потому ходъ по скаламъ вѣрнѣе; онъ можетъ проходить по такой мѣстности, гдѣ лошадь не можетъ пройти, и при томъ шагъ его весьма скорый. Одинъ недостатокъ лошаковъ — это то, что они всегда злы и капризны: бьютъ ногами и кусаютъ зубами, но только чужого человѣка, по отношенію же къ своимъ, даже по отношенію къ дѣтямъ это самое покорное животное; а придетъ поровъ, то сброситъ выюкъ, несмотря ни на кого, и такой лошакъ называется *убома маска*.

Что касается лошадей, то цѣлая старая Черногорія не имѣетъ еще и теперь всѣхъ условій для ихъ содержанія, а прежде и вовсе ихъ не для чего было держать и негдѣ. Дороги были таковы, что по нимъ можно было только проходить пѣшкомъ или на лошахъ; и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ если спросите о разстояніи, то вамъ отвѣтятъ: «пѣшкомъ часть, а на лошади полтора». Въ Цермницѣ и теперь вы не можете найти ни одной наемной лошади, такъ какъ онѣ имѣются только у весьма немногихъ главарей, которые и держатъ ихъ единственно для своего удовольствія. То же самое въ Цуцахъ, въ Лѣшанской нахіи и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ устроенныхъ въ последнее время шоссеиныхъ дорогъ, по которымъ проходятъ легкія коляски съ пассажирами и тяжело нагруженныя телеги, и одной дороги отъ Цетинья до Грахова, по которой можно легко проѣхать на лошади, всюду легче пройти пѣшкомъ, чѣмъ проѣхать. Дорого также и содержаніе лошади въ этихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ собственнаго сѣна, кромѣ съ большимъ трудомъ собираемаго *виша*. А середѣ лѣта часто не достаетъ и воды; даже на Цетиньѣ до проведенія воды съ горъ, прибывающіе изъ Подгорицы извозчики съ вьючными лошадьми предпочитали въ тотъ же день къ вечеру возвращаться на Рѣку. Одно лѣто имъ было приказано тотчасъ удалиться, вслѣдствіе недостатка воды. Въ послѣднее

время однако на Цетиньѣ завелось нѣсколько колясокъ, а иные держать и верховыхъ лошадей, потому что имѣють заработокъ по новымъ дорогамъ. Больше лошадей держать въ другой половинѣ, къ сѣверу отъ Подгорицы и Никшича, потому что тамъ есть обширныя равнины, по которымъ можно проѣхать, и достаточно корма. Больше же всего держали и держатъ лошадей въ Пивѣ, Дробнякахъ и Васоевичахъ, гдѣ нѣтъ скалъ, и горы, какъ ни высоки, всегда покрыты землею, всюду есть вода и отличныя пастбища.

До послѣдней войны въ этихъ мѣстахъ не было почти дома, который не имѣлъ бы лошади, а иные имѣли *эзелу*, т. е. десятковъ и больше лошадей или цѣлый заводъ. Главный жеребецъ въ ней назывался *пастух*, который и оберегалъ ввѣренное ему стадо. Тогда была своя порода лошадей и отсюда покупали въ Черную-Гору. Но война совсѣмъ разорила эти края; особенно пострадали Васоевичи, гдѣ всѣ села были сожжены и въ нихъ все имущество, крупный и мелкій рогатый скотъ былъ съѣденъ, а лошадей часть погибла, часть должны были отъ нужды распродать. Потомъ стали опять обзаводиться лошадьми и появилась своя доморощенная порода; но въ общемъ они еще не могутъ обойтись безъ покупки лошадей извнѣ, главнымъ образомъ изъ Герцеговины и Старой Сербіи. Это небольшія, но плотныя лошади, одинаково годныя подъ верхъ и подъ вьюкъ. Отсюда эта порода распространяется и по остальной Черногоріи; но болѣе красивыхъ, горячихъ, легкихъ, верховыхъ лошадей, хорошихъ въ тоже время для ѣзды по камнямъ, получаютъ изъ албанскихъ краевъ, гдѣ есть своя хорошая порода, въ которой есть примѣсь, хотя и отдаленная арабской расы (*сустримак*, собственно помѣсь вообще хорошаго, породистаго жеребца съ простою расой; брашно такъ называютъ и человѣка).

Надобно сказать правду, черногорецъ не искусный ѣздокъ, не умѣетъ онъ ни хорошо выѣздить коня, ни держать его, какъ слѣдуетъ, и въ этомъ отношеніи отдастъ преимущество турку; но онъ любитъ гарцовать на конѣ, и при его вообщемъ хорошемъ фи-

зическомъ развитіи и смѣлости, держится на самомъ дикомъ конѣ; часто случается, что онъ падаетъ и убивается, и при всемъ томъ ему пріятно, чтобы конь подъ нимъ скакалъ и бѣсился; не умѣетъ онъ однако довести коня до полного послушанія.

Кромѣ различія по полу *ждрибац* и *кобила*, различаютъ *хате* и *парипе*, первые породистые жеребцы, вторые — меринь; потому въ пѣснѣ дары распредѣляются такъ:

«Кнезовима хате покланяйте
Кметовима осреднѣ парипе».

Кобыла въ болѣе благородномъ смыслѣ называется *бедевія*.

Вотъ характеристичныя черты коня боевого:

Добар доро на колаче скаче:
У пријeko дванаест аршина,
У дужину двадесет и четири,
У висину три копля јуначка.

— * —

Дој ми, царе, коня *разломаена*,
Нејахана тридесет година;
И дај мене саблу *посталицу*,
Невадъену тридесет година.

Между именами лошадей кромѣ названія по масти, часто коня называютъ лебедемъ:

А пред нима Скоич барјактаре
На *лабуда*, ка на горску вилу».

Иногда называютъ и журавлемъ — *ждрал*, *ждралине*; и *ластаница*:

Салт не шетъе змију *ластаницу* (коня),
Само јој се шета по авліи.

Послѣ быстроты и легкости скока цѣнятся въ конѣ его сила и выносливость, что выражается въ широкой груди:

«Пред војском је од Острога бане (игуменъ)
На негова *широка дорина*».

Конь съ широкою шеей и грудью и вообще крѣпкій, какъ сбитый, называется *токмак*.

Масти различаются слѣдующія: *дьогат* или *бжелаш*—бѣлый, *зслен*—сѣрый (рѣдко *сури*, только *сура бедевѣжа* въ пѣсняхъ); *алат*—рыжій, *дорат*—гнѣдой (есть и смѣсь), *оранац*—вороной, *мржов*—карій и темногнѣдой, *кулаш*—чалый, если при томъ среди темныхъ или сѣрыхъ волосъ много рыжихъ; а если больше темныхъ, то *чилаш*, въ родѣ этого — *инед*, *бряши*—съ небольшою лысиной на лбу, *баласт*—съ лысиной во всю морду; *путам*—бѣлоногій; *пулат* (дьогат)—съ черными круглыми пятнами по бѣлой шерсти; *шарац*—пегій; *тъетамъ*—со звѣздочкой на лбу; *чакараст*—бѣлоглазый и др. По мастямъ даются и имена: *дього*, *доро*, *зекан* и т. д.

Есть примѣты, по которымъ опредѣляются различныя качества коня: если темя между ушами выдается острое и вообще сухая голова или, если уши наострены и съ малою шерстью на нихъ, то конь живой, быстрый и вообще хорошій; въ противномъ случаѣ—лѣнливый; чѣмъ больше глаза на выкатѣ, тѣмъ конь лучше; а со ввалившимися глазами—негодный; бѣлоглазый конь всегда хорошъ, но часто бываетъ бѣшенный; чѣмъ шире челюсти, тѣмъ лучше онъ пьетъ и лучше набираетъ тѣла и силы; если бабки поставлены прямо—конь хорошій и счастливый; если не прямо, то—противное; негодится конь, задѣвающій задними ногами одна о другую; это называется *конь се коси*; когда копыта ставятъ, оборачивая внутрь,—хорошій и счастливый; а въ противномъ случаѣ—*опачац* (несчастливый); хорошій же конь, если широко разбрасываетъ заднія ноги; чѣмъ болѣе открыты ноздри и чѣмъ больше черного внутри ихъ, тѣмъ онъ неустойчивѣе въ скаку, и полагаютъ, что у такого коня внутри ноздрей по 3 и 4 отверстия, отчего у него легче дыханіе; когда подъ горломъ шерсть завивается кружечками, что называется *цощет*, то конь недолговѣчный, особенно если это идетъ отъ груди подъ самое горло; но конь самый лучший, если *цощетъ* идетъ по шеѣ подъ гривой или съ другой стороны къ крупу; и это назыв.

сабля. Чѣмъ рѣже волосы въ хвостѣ, тѣмъ живѣе конь; для того, вѣроятно, нѣкоторые и выщипываютъ ихъ; *калансуз* — не держитъ хорошо подпруги.

Въ Васоевичахъ больше всего любятъ бѣлую масть и гнѣдую; рыжая — самая худшая: изъ сотни рыжихъ коней выберется одинъ только хорошій. Вороной всегда имѣетъ какой нибудь порокъ: пугливъ, кидается въ сторону, не дается ковать и т. п.; когда же этого нѣтъ, то онъ самый лучший конь; бѣлоногій конь — если бѣлая одна нога, стоитъ *кесу* денегъ (500 грошей, около 35 руб.); если двѣ, то 2 кесы, если три, то 3 кесы, если всѣ четыре ноги, — не стоитъ ничего; самое лучшее, если бѣлая задняя лѣвая нога; хорошъ, крѣпокъ карій конь (мрковъ), а никуда не годны *чилаш* и *инд*.

Есть наконецъ примѣты, въ которыхъ заключается нѣчто роковое или для ѣздока, или для того, кто ему встрѣтится на пути: если лысина идетъ только по лбу, то опасность угрожаетъ встрѣчному; а если лысина переходитъ и на нижнюю челюсть, то опасность его ѣздоку, и такой конь *баксуз*; также если два *цотта* на лбу рядомъ (*цифтелія*); а если вдоль головы, одинъ выше другого, то ничего. Вообще съ верховымъ конемъ связывается судьба человѣка. Есть конь счастливый, а есть и несчастный, называемый *пунник*, на которомъ всаднику суждено погибнуть, гдѣ бы то ни было, и конь останется *пуст* т. е. безъ всадника.

Если коню *вилы* заплетаютъ гриву (у насъ домовою), то его хозяинъ счастливъ въ лошадахъ.

Различныя дѣйствія коня также обращаютъ на себя вниманіе и толкуются въ ту или другую сторону, особенно при отправленіи въ путь. Такъ, если конь заднею ногою почешетъ за ухомъ, то переѣмнится хозяинъ (*саубія*) т. е. умретъ или продастъ коня другому; тоже самое, если при переѣздѣ черезъ рѣку или потокъ конь пуститъ воду; когда при отправленіи изъ дома конь тотчасъ испражнится, значить, что хозяинъ воротится скоро; если конь ступитъ прежде правою ногой, то путь будетъ счастливъ.

Если конь долго стоять и послѣ не идетъ хорошо, норовится, говорятъ *нохаруміо се, арум конь*, (тоже самое говорятъ и о человѣкѣ, когда онъ долго засидится на одномъ мѣстѣ, и послѣ, тронувшись въ путь, чувствуетъ усталость и тяжесть въ ногахъ).

Помѣщается лошадь выючная вмѣстѣ съ другимъ скотомъ въ *конобъ* или подъ какимъ нибудь навѣсомъ; а для верхового особенное помѣщеніе *хар* или *подрум*, какъ мы уже говорили выше. Въ поле выпускаютъ лошадь на паству или прямо на свободу, или спутываютъ переднія ноги, или же вяжутъ за одну ногу веревкой (*урибакъ*) за приколъ (*сиджим*). Общее названіе всего, что относится къ ковкѣ лошади, называется *ков*; а затѣмъ идутъ: *пюча* — подкова, покрывающая почти всю подошву съ оставленіемъ маленькаго отверстія посрединѣ, безъ шиповъ *подкова* или *нама*, какъ и наша, съ шипами; ею куются лошади весьма рѣдко, только на ледъ. Мелкіе гвозди, которыми подкова прикрѣпляется къ ногѣ, *клинци*; если же отпадетъ шляпка, а цѣлый гвоздь остался въ ногѣ, то называется *очиняк*.

Кириджей, (возчикъ), отправляясь въ далекій путь, всегда имѣютъ при себѣ *ков* т. е. гвозди, запасную подкову, молотокъ и щипцы для вытаскиванія гвоздей. Если потеряется подкова, говорятъ *конь мије обосно*.

Уходъ за лошадыю, кромѣ даванія корма, т. е. вытереть потъ, вычистить и выгладить, обмыть и т. п., назыв. *тимарити*.

Вся конская сбруя называется *коньска округта*. Узда также назыв. и у черногорцевъ; а педоуздокъ — *олава, банлук, улар* или *юлар*; поводья — *онзини* или *водниц*; удила — *вождое* или *дьем*; чумбуръ — *јѣдница* или *улар*; нагрудникъ — *селембет*; похви — *кускут, подрепача* или *подрекитца*. Всѣ принадлежности для верховой ѣзды — *пусат*, и осѣдлатъ вполнѣ, чтобы только сѣсть и поѣхать, *опусатити*:

Из подрума изведе кулаша,
Оседла га и опусати га.

Сѣдла въ родѣ нашихъ козачьихъ, только шире и съ широкими низкими луками, причемъ передняя называется *ябука*, а задняя — *улкаш* и *облук*; стремсна (*узения*, *стремси*) съ широкою подпозною частью, часто мѣдныя (*бакрачлѣ*); потпяки подъ нимъ — *тѣбе*; а сверху *абавѣ*, иначе *сиджаде* и *всленац*; подпруги — *колане* и *попруге*; торока — *тркѣ*; для привязыванья легкаго багажа сзади сѣдла; а для большого переметная сума — *бисази* или *бисаге*. На уздѣ множество украшеній: шелковыя малиноваго цвѣта кисти съ металлическими головками на шнуркахъ, съ цвѣтными бисерными низками и разнаго рода бляхами. Это бываетъ, конечно, во время какихъ нибудь торжественныхъ поѣздовъ, напримѣръ во время свадьбы. Во всемъ этомъ стараются подражать туркамъ.

Отправляясь въ дальній, трудный путь, когда нужно поспѣшить, берутъ съ собою заводныхъ коней (*једечи*), и это больше у турокъ, при томъ султановыхъ экстренныхъ посыльныхъ.

Для погонянья лошади служить плеть (*канджѣя*); но я еще не видѣлъ у черногорца.

Для выюка на лошадь кладется тоже родъ сѣдла — *самар*, составныя части котораго слѣд. *): *бабе* — двѣ нары по два бруска длиною около 45 сантим., скрѣпленныхъ вверху подъ угломъ накрестъ; передняя нара называется *космак* и также *глава* или *главар*, а задняя — *крсти*; они связываются между собою по обѣ стороны узкими тремя дощечками, называемыми *драснице* или *ребрнице*; пзъ нихъ верхняя, нѣсколько выгнутая, называется *рбатнице* или *натарнице*. Какъ подъ сѣдломъ потпяки, такъ и подъ самаромъ подкладывается — *стеля*, состоящая пзъ подушечекъ, набитыхъ соломой. Съ обѣихъ сторонъ его привязаны концами

*) Въ Старой Сербіи передняя часть самара называется *челица*, задняя — *касмак*; а верхнія дощечки — *седелице*. Чтобы онъ не сдвигался впередъ, на ося надѣвается *подремница* (подхвостникъ), въ которомъ задняя ея часть въ видѣ деревянной дужки называется *ялдерм*, и тоже самое надѣваютъ на грудь люди, когда тянутъ лодку бичевой. Весь задъ навьюченнаго животнаго покрывается попоной, называемой *насалница* и *бѣрна*.

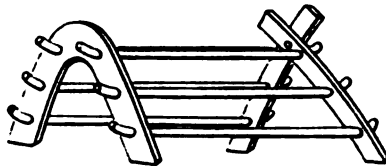
веревки, спускающіяся дугой внизъ, это — *праѣ*, которыя служатъ для прикрѣпленія вьюка и могутъ удлиняться и укорачиваться; а когда кто ѣдетъ верхомъ, то онѣ же служатъ вмѣсто стремянъ. Этого однако недостаточно, чтобы удержать вьюкъ, состоящій иногда изъ нѣсколькихъ тюковъ, и не дать ему перевернуться; для этого употребляется еще веревка, длиною въ 6 маховыхъ сажень, называемая *орендія* или *товарніне*. Вмѣсто войлочнаго потника кладется подъ самаръ *стеля* — изъ подушекъ, набитыхъ соломой. Иначе самаръ называется *дремница*.

Такъ, въ одной пѣснѣ черногорцы, ухвативши пашу изъ Плевля, хотѣли его убить; но одинъ изъ участниковъ боя предложилъ такую потѣху:

«Свежимо му руке наопако,
Нань метнимо *коньску дремницу*,
Пуштимо га у турску ордију».

Предложеніе было принято, и дальше говорится въ пѣснѣ:

«Бјежи, јадан пашо, *осамарен*».

Дѣлаются эти самары дома; но лучшіе мастера (*самардѣжін*) приходятъ въ Черногорію и работаютъ изъ Босніи и Старой Сербіи.

Гораздо меньше ухода и вообще заботы о крупномъ рогатомъ скотѣ (общес названіе *юведа*, множ. *юведа*, вообще крупная скотина называется и *дебели зуб*), хотя вола пахаря и называютъ *хранитель*, т. е. кормилецъ (отъ *храна* — пища). Обь улучшенія расы здѣсь меньше всего заботы, такъ какъ тащить

радо по давно вспаханной землѣ могутъ и мелкіе бычки; а что касается молока, то черногорецъ наилучшимъ почитаетъ овечье и козье, да и не даетъ коровѣ молоко такъ много сыра и другихъ скоповъ. Что касается каменистой части Черногоріи, то тутъ нѣтъ и условій для крупнаго рогатаго скота, и не можетъ онъ быть крупный, потому что ему негдѣ пастись, такъ какъ едва достаетъ пастбища для мелкаго скота. О крупной расѣ здѣсь и говорить нечего. Мы уже упоминали о попыткѣ князя Николая улучшить породу и поставить на рациональную ногу свое молочное хозяйство. Завѣдываніе было поручено известному въ Швейцаріи специалисту въ молочномъ хозяйствѣ L. Chevalley.

И дѣйствительно, получали хорошее свѣжее масло и отличный сыръ въ родѣ швейцарскаго, который поступилъ уже въ продажу, и былъ спросъ на него; всякій любовался прекраснымъ устройствомъ этого заведенія (въ Никшичѣ), особенно превосходными экземплярами коровъ и бугаевъ швейцарской и тирольской породы, отъ которыхъ было уже и новое поколѣніе. Но все это такъ дорого стоило, что игра не стоила свѣчъ, и потому заведеніе хотя и осталось, но превратилось въ обычное черногорское, нѣсколько усовершенствованное. Въ томъ же заведеніи было нѣсколько коровъ домашней породы, и оказалось при томъ, что эти послѣднія давали молока больше, а корму съѣдали меньше, чѣмъ заграничныя. И понятно: тяжелыя коровы, привыкшія къ мягкимъ лугамъ и сочнымъ травамъ Тироля и Швейцаріи, не въ состояніи даже ходить по каменистымъ холмамъ и между скалъ выщипывать сухія, часто колючія травы, и потому съ пастбища приходили голодными, а кормились только въ стойлѣ; тогда какъ корова домашней породы всюду идетъ и находитъ себѣ пищу, какъ овца. Гораздо лучше условія были бы въ Пивѣ, Дробнякахъ и Васоевичахъ, которые по характеру мѣстности больше отвѣчаютъ условіямъ Швейцаріи и Тироля; но тамъ мѣшаетъ удаленность и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ хорошихъ путей сообщенія. Итакъ, вслѣдствіе осо-

бенныхъ условій мѣстныхъ и культурныхъ, Черногорія покуда должна остаться при прежней системѣ этой отрасли хозяйства, что однако не исключаетъ возможности улучшенія расы, и это необходимо въ виду продажи скота за границу на мясо. Но, по мнѣнію мѣстнаго агронома г. Ерговича, прежде нужно улучшить расу подборомъ лучшихъ экземпляровъ пзъ своей домашней расы и уже послѣ того приступить къ смѣшенію съ другими высшими расами, выбирая однако по возможности болѣе соответствующія.

Вообще въ настоящее время лучшую породу этого скота можно найти тамъ же, гдѣ и лучшія лошади, и сверхъ того въ Зетѣ. Средній вѣсъ воловей туши въ Черногоріи 70 окъ; а самый большой до 120 (отъ 4 до 8 пудовъ). Въ другихъ же мѣстахъ существуетъ болѣе мелкая порода; а въ городахъ, какъ Цетинье, Подгорица и др., коровъ держатъ часто бѣдняки, которые живутъ тѣмъ, что продаютъ молоко зажиточнымъ людямъ и, конечно, не имѣя средствъ и перебиваясь кое-какъ со дня на день, не могутъ прежде всего хорошо кормить ихъ, тогда какъ и пастбище составляетъ выбитый общій выгонъ; а объ остальномъ уходѣ и говорить нечего. Довольно коровъ держатъ въ Жаблякѣ, главнымъ образомъ при томъ для молока. Особенно цѣнятся въ этомъ случаѣ *озимачна крава*, которая доится безъ теленка, оставшись яловая или если его убили или продали. А когда есть теленокъ, то въ Васоевичахъ есть особый приборъ въ который ставятъ его во время доенья, *телиука*: это развилина въ деревѣ близко къ землѣ, которая вытесывается, чтобъ была гладкою, и туда вставляютъ теленка головой, заперши сверху поперечною палкой. Надѣваютъ также намордникъ изъ рогульки.

Теленокъ (теле), достигшій году мужского пола называется *юне*, *юнац*, а женскаго *юница*; отъ 3—4 *волловодак*, а телушка, только что отелившаяся *волловодка*.

Сообщимъ при этомъ нѣсколько именъ, которыя даются тамъ животнымъ по масти и другимъ наружнымъ признакамъ:

Галоня — черный, хотя и не совсѣмъ, а только сильно темный; совсѣмъ же черный — *чавоня* (отъ *чавка* — галка); *мрконя* или *тумоъ* бурый или темно-рыжий; *ридъ* — *рыжій*; *желоня* и *плавоня* — (жут) — свѣтло-желтый, у малорос. *половый*; *мацоня* — сѣрый, сивый; *колоня* — съ полосами вдоль его тѣла; *прутона* — когда по хребту идетъ темная полоса и отъ нея, какъ вѣтви, идутъ полосы поперекъ боковъ; *рамоня* — имѣетъ по шеѣ свѣтлыя полосы; *крилоня* — имѣющій особенный отъ остального тѣла цвѣтъ на пахахъ; *шароня* — пестрый, съ черными или рыжими пятнами по бѣлому; *шуконя* — съ малыми рогами; *китоня* — съ густымъ хвостомъ на концѣ; *средуля* — корова родившаяся въ среду.

Теперь пора сказать объ организаціи стада. Весь скотъ дѣлится на нѣсколько стадъ: крупный рогатый скотъ отдѣльно, также и телята, затѣмъ отдѣльно овцы и ягнята, козы и козлята; и каждое стадо должно имѣть своего особаго пастуха. Понятно, что тутъ довольно дѣла для цѣлой семьи; если же семья одинокая, то и нельзя имѣть столько скота, а нужно ограничиться однимъ чѣмъ-нибудь, т. е. одними овцами или одними козами, или же нанимать пастуховъ, что и дѣлается. Мальчики и дѣвочки 7—8 лѣтъ уже настоящіе пастухи; а начинаютъ пріучаться еще раньше съ 4—5 лѣтъ, помогая своимъ старшимъ братьямъ или сестрамъ при ягнятахъ, гдѣ отвернуть ихъ отъ засѣянной нивы, гдѣ подогнать отсталого. Самое легкое пасти ягнятъ и козлятъ; потомъ телятъ, пока совсѣмъ маленькіе, и послѣ всего старыхъ овецъ и козъ, такъ какъ этихъ пасутъ въ болѣе удаленныхъ отъ дома мѣстахъ и нужно умѣть выбрать для нихъ мѣстность. Самое непокорное стадо представляютъ коровы, и вообще съ крупнымъ рогатымъ скотомъ много хлопотъ, когда онъ дрочится (*штрока се*) отъ извѣстнаго подкожнаго червя. Если этого скота много, какъ то бываетъ у скупщиковъ или у богатыхъ людей, какъ напр. въ Пивѣ воев. Лазарь Сочница, то тутъ требуются пастухи взрослые, при томъ сильные и искусные.

Въ Кучахъ въ былое время, когда наставала пора париться, цѣлое село отгоняло своихъ коровъ въ извѣстное мѣсто и между ними пускали бугаевъ, это назыв. пустить *у буж*, да се бужаю. Тогда эта скотина, и безъ того въ тѣхъ краяхъ довольно дикая, дѣлается какъ бы бѣшеною. Вы слышите непрерывно страшный ревъ (*буж*) быковъ и видите бой ихъ между собою; коровы тоже ревуть и гоняются, и въ ярости бѣшеное стадо кидается и на челоуѣка посторонняго. Тогда къ стаду страшно подойти, и неопасно оно только своимъ неустрашимымъ пастухамъ; впрочемъ, тогда его оставляютъ и безъ пастуха, такъ какъ не страшеть ему ни волкъ и никакой другой хищникъ.

2. Мелкій рогатый скотъ.— Овцы: различные ихъ виды по величинѣ, качеству шерсти и вкусу мяса; домашній уходъ за ними; имена, которыя даются имъ по различнымъ ихъ качествамъ; ягненье и различіе по возрасту.— Отправленіе на катуны.— Устройство катуна.— Пастъба.— Молочное хозяйство.— Вообще жизнь на катунѣ.— Возвращеніе съ катуна.— Вліяніе жизни на катунѣ на здоровье и характеръ; общественная сторона этой жизни; пѣсни, относящіяся къ ней.

Мелкая рогатая скотина носятъ общее названіе *брав*, *брави*. Выражая свою простоту, черногорецъ изъ крайней скромности говорить: «Мп смо бравн: ништа не знамо, не разуміемо и не уміемо» или: «Што си се уставно, као *брав*?» Это отвѣчаетъ и нашему «глупъ, какъ баранъ». Такое неуваженіе къ уму этого жпвотнаго не мѣшаетъ однако черногорцу оказывать ему любовь и относиться съ такою заботливостью, какой онъ не оказываетъ другимъ жпвотнымъ и никакой другой отрасли хозяйства. И ни въ чемъ, какъ въ уходѣ за стадомъ, черногорецъ не проявляетъ столько наблюдательности и вниманія ко всему, начиная съ внѣшнихъ признаковъ жпвотнаго и оканчивая тонкимъ пониманіемъ всѣхъ его нуждъ и потребностей. Объ устройствѣ

помѣщеній для этихъ стадъ мы уже говорили; но и кромѣ того, хозяинъ не щадитъ для нихъ никакихъ издержекъ: косить ли онъ сѣно или покупаетъ его, рубить вѣтки, покупаетъ соли, платитъ иногда за пастбище, устраиваетъ водоной и т. п. все это главнымъ образомъ дѣлается для овецъ.

Въ Черногоріи существуютъ только двѣ домашнія породы овецъ: мелкая—въ старой Черногоріи, также въ Кучахъ, Зетѣ и окрестностяхъ Подгорицы, и крупная—въ Васоевичахъ, Дробнякахъ, Пивѣ, Никшицкой Жупѣ, Банянахъ. Но, кромѣ того, онѣ различаются по качествамъ шерсти и по вкусу мяса. Мелкая порода не отличается хорошими качествами шерсти; но зато отличнаго вкуса ся мясо, особенно самое сладкое мясо считается въ Кучахъ и Пѣшевцахъ. На васоевицкихъ овцахъ прекрасная шерсть, которая въ влзанныхъ издѣльяхъ, напр., въ чулкахъ, чѣмъ больше моется, тѣмъ становится лучше и приобретаетъ лоскъ шелка; но мясо у нихъ очень безвкусное и на видъ какое-то темное. Шерсть ихъ приближается къ сорту, который называется *руйица*, не такъ длинная, потому что нѣсколько вьстется, и мягка; самая лучшая въ этомъ отношеніи считается шерсть овецъ въ Шаранцахъ. Овца съ длинною, грубою шерстью называется *рея*, *реаста*. Отъ васоевицкихъ овецъ и кожа при вывозѣ за границу считается худшею, хуже пивскихъ и дробняцкихъ. Въ благополучное время, т. е. когда на скотъ нѣтъ никакой эпидеміи, кожи эти, кромѣ небольшого количества, употребляемаго дома на одежду и мѣха, всѣ продаются въ Австрію. Точно такъ туда же идетъ и шерсть, для чего существуютъ мойки въ Подгорицѣ, Никшичѣ и Колашинѣ, принадлежація скупщикамъ ел.

На козахъ также стригутъ понемногу шерсть; но никогда не оголяютъ ихъ, какъ овецъ, потому что онѣ очень нѣжны на холодъ. Шерсть ихъ идетъ на изготовленіе матеріи для мѣшковъ и простиранія на полу или подъ постелью; а также она применяется въ струки и особеннаго рода верхнюю одежду (кабанца), какъ не пропускающая дождь. Въ Васоевичахъ отдѣльно

беруть съ нея пухъ (пріемор, памук, мах или махор). Мясо ихъ ѣдятъ, какъ и овечье, и изъ него собственно готовится *кастрадаина*.

Перейдемъ теперь къ уходу за ними. Прежде всего наше вниманіе останавливаетъ пастухъ (*пастир*, *чобан*, *овчар*). Обязанность пастуха въ старое время заключалось не только въ уходѣ за скотомъ, но и въ охраненіи его отъ вѣшнихъ непріятелей-турокъ, которые часто на нихъ нападали. Они составляли, такъ сказать, передовую черногорскую стражу и съ нихъ всегда почти начинался бой; они сами всегда бились и отличались въ битвахъ; изъ нихъ же выходили и первые юнаки. Они лучше другихъ умѣютъ пѣть «уз гусле», больше знаютъ пѣсенъ и даже часто составляютъ свои собственныя. У черногорца самое пріятное воспоминаніе о томъ времени, когда онъ, какъ пастухъ, ходилъ со своимъ стадомъ. Но не ходитъ онъ даромъ, безъ дѣла; напротивъ, онъ не спускаетъ съ глазъ своего стада. Мало того, что онъ выбираетъ мѣсто, куда погнать скотину; онъ и въ этомъ опредѣленномъ мѣстѣ видитъ, гдѣ больше травы, и туда направляетъ стадо. Если видитъ, что овцы или козы слишкомъ разбрелись, онъ, стоя на какомъ-нибудь возвышеніи или на скалѣ, крикнетъ, издастъ какой-то особенный звукъ губами, и все стадо обращается къ нему и понемногу собирается около него. Вы часто увидите эту картину сидящаго на скалѣ пастуха или пастушку, работающую что-нибудь руками и въ то же время поющую. Пастухъ или пастушка цѣлый день живутъ кускомъ сухого хлѣба и такого же сухого сыра, выбирая мѣстечки, гдѣ бы лучше попасть свое стадо. Онъ знаетъ, когда и гдѣ нужно отдохнуть въ полдень. Для этого выбираютъ какую нибудь рощицу и, если есть, близъ воды, а то просто подъ густымъ, раскидистымъ вязомъ или подъ косцелой; иногда собираются вмѣстѣ нѣсколько пастуховъ со своими стадами. У самого корня дерева ютятся пастухи, а кругомъ нихъ овцы, сбившись въ кучу головами вмѣстѣ, чтобы защитить голову отъ мухъ. Иногда пастухи тутъ протягиваются и засыпаютъ немного послѣ своего

болѣе чѣмъ скромнаго обѣда, и всѣхъ ихъ не видите изъ-за стада. Къ вечеру, лишь только зажглась на небѣ первая звѣздочка, *вечерняя* или *даница* (венера), стадо *ведутъ* домой. Мы говоримъ ведутъ, а не гонять, потому что пастухъ идетъ впереди, а стадо идетъ за нимъ; для приманки онъ иногда несетъ зеленую вѣтку. Тутъ вы видите полное осуществленіе евангельскаго изреченія, что «хорошій пастухъ знаетъ овецъ своихъ, и овцы знаютъ его».

Если овцы и ихъ ягнята узнаютъ другъ друга по *блѣку* (блѣнію), то пастухъ знаетъ каждую овцу и каждую козу въ своемъ стадѣ по физиономіи и различнымъ внѣшнимъ примѣтамъ; и каждой есть свое имя, сколько бы ихъ ни было — 100, 300 и болѣе. Въ этомъ случаѣ не знаешь, чему больше удивляться — памяти или наблюдательности; конечно, тому и другому. Приведемъ рядъ этихъ именъ, чтобъ дать понятіе, по какимъ признакамъ они даются. По цвѣту шерсти на всемъ тѣлѣ или на частяхъ: 1) *сапунка* — вся бѣлая, всегда чистая, точно вымыта; 2) *чалъ* — вся черная; 3) *голубица* (голубая) — спвая, иначе зовутъ *арбанашка*; 4) *шара* — пестрая—черное съ бѣлымъ; 5) *лабуда* — морда чисто бѣлая; 6) *гаруша* — вся голова и уши черныя; 7) *златка* — морда рыжая; 8) *баца* — голова бѣлая и при томъ голая; 9) *балюша* — голова черная, носъ бѣлый; 10) *жуя* — желтая голова; 11) *калуша* — на щекахъ черное или рыжее, точно намазано (такъ у Дробн., а у Васоев. — глаза сѣрые и черное около глазъ); 12) *кружа* — (Дробн.) около глазъ черные ободки; у Васоев. *колоока*, тоже самое *сука*, *суйка*, *суйкаста*; и глаза непремѣнно черныя; 13) *макомя*, *макомоса* — черное по носу; 14) *кривобала* — у бѣлой овцы черное на одной сторонѣ перешло съ головы на щеку, а съ другой нѣтъ, тоже самое у черной наоборотъ; 15) *зрня* — по бѣлой головѣ разсыпаны черныя пятнышки, какъ фасоль; а если только около глазъ, то — *чарнозка*; 16) *суза* (Дроб.), *насулица* (Вас.) — подъ глазами проточники, будто текутъ слезы; 17) *меда* — желтыя полоски по носу; *каранфилька* — морда рыжая (цвѣтъ гвоздики); 18) *бля* — вся морда будто запачкана; 19) *еранокка* — около глазъ

сплошь черное; 20) *медока* — около глазъ черно-рыжеватое; 21) *платоока* — въ родѣ предыдущей, только свѣтлѣе; 22) *чизмонога*, *делинога* — черныя ноги; 23) *путонога* — ноги до половины черныя; 24) *елекоша* — черное по плечамъ; 25) *джемаданоша*, — черная грудь, а горло и вся шея бѣлая; 26) *футузуа* — черное на задней части спины до хвоста; по количеству и расположенію шерсти на различныхъ мѣстахъ: 27) *грива*, *гриваста* — вся бѣлая, а шея черная; 28) *лабаста* — на головѣ особенная большая шерсть, коза — *марамоша*; 29) *чубаста* — съ чубомъ или хохолкомъ на головѣ; по хвосту: 30) *дугорена* — хвостъ почти до земли; 31) *куса*, *курорена* — съ очень малымъ хвостомъ, какъ у козы; по ушамъ: 32) *чуля* — съ очень малыми ушами; по вымени: 33) *чина* — малое вымя, противоположное 34) *трумбоса* — вымя большое; 35) *јозовача* — вымя большое и длинное, такъ что спускается чуть не до земли (*јоза-се*); по рогамъ: 36) *розуша* — съ рогами, что бываетъ очень рѣдко, изъ 100 одна; 37) *пѣнда* — широкіе рога, и вся широкая, тушистая; по формѣ головы: 38) *равноглава* — съ короткою мордой и *дугоглава* — съ длинною; по выраженію глазъ: 39) *шаторка* — глаза блестящіе, живые, такъ и играютъ; по живости характера: 40) *срна* — проворная и все скачетъ; по времени рожденія: 41) *ранька* — которая родилась между Николинымъ и Савинимъ днями (6 дек. — 14 янв.); *божана*, *божуля* — родилась въ Рож. Х.; по ея собственному ягненію: 42) *младунка*, *младуница* — которая объягнётся между Вознесеніемъ и Петровымъ днемъ; 43) *конилица* — которая рождена и сама ягнится прежде времени, прежде Юрьева дня (23 апр.); 44) *близникиня* — всегда приноситъ близнецовъ; 45) *штирка*, *штиркиня* — которая совѣмъ не ягнится (то же говорятъ и о женщинѣ); 46) *виорога* — коза съ закрученными рогами; *бидзе* — козы близнецы; наконецъ, по тому, отъ кого или откуда приобрѣтена: црногорка, васоевка, кучка и т. п.

Надобно замѣтить, что это собственно не племя, придуманная или данная прозвательно, а названія, характеризующія тотъ или другой типъ животнаго, которыя во всей Черногоріи

одинаковы настолько, насколько одинаковъ языкъ, т. е. въ различныхъ мѣстахъ названія эти только варьируются. Для пастуховъ-дѣтей эти имена замѣняютъ счетъ.

Однажды князь, проѣзжая черезъ Загарачъ, увидѣлъ на дорогѣ мальчика, заинтересовался имъ и послѣ вопроса, откуда онъ и чей, спросилъ, есть ли у него овцы и козы. «Есть» — отвѣчалъ мальчуганъ. — А много? — продолжалъ спрашивать князь. «Постой, скажу тебѣ: вотъ какія»... и начинаетъ перечислять каждую овцу и козу по имени.

И то еще нужно добавить, что по черногорскому повѣрью не слѣдуетъ считать скотину, иначе она не будетъ умножаться. Потому черногорецъ, если и знаетъ, сколько у него того или другого скота, никогда не отвѣтитъ точно, а все приблизительно. Иной и на вопросъ о дѣтяхъ его отвѣтитъ: «Имамъ двое-трое-пятеро». Мы сказали, что для овецъ и козъ есть общее названіе *брави*; но для различія тѣхъ и другихъ прибавляется: для первыхъ *вуны*, которые приносятъ волну (вуна), шерсть, а для вторыхъ — *козы*.

Они группируются въ *стадо*, которое иначе называется *крд* (*крд оваца*), откуда произведенъ глаголъ *крдитисе* — распложаться; а большое стадо — *булюк*.

Есть время, когда всѣ овцы и козы, старыя и молодыя, бываютъ вмѣстѣ, въ одномъ стадѣ, а въ другое время ихъ раздѣляютъ.

Чтобы прослѣдить весь уходъ за ними, мы должны будемъ начать съ момента, когда онѣ котятся. Это въ свою очередь, конечно, зависитъ отъ того, когда онѣ парятся (*мркаю се*): если рано, напр. въ началѣ августа, тогда ягнятся въ началѣ декабря, и это очень неудобно, потому что тогда какъ разъ наступаетъ самая суровая зима. Самое правильное, если начинаютъ ягниться послѣ Рождества и послѣ Савина дня (14 янв.) и до марта. Эти ягнята ранніе и самыя лучшіе; зато молока будетъ меньше. Въ Пивѣ противъ несвоевременнаго ягненя приѣбаютъ къ искусственному выбросу зародыша (*замет*) посредствомъ можжевельника (*сомина*), и потомъ дѣлаютъ новый спускъ (*принуст*) въ

концѣ октября или позже, и тогда даютъ имъ траву *тетивичу* въ родѣ нашего хвоща. Время ягненья называется *принос*, и отсюда приплодъ — *приноша*; или говорятъ о самомъ дѣйстви, что овцы *яне се, коте се* или *младе се*. Позднее ягненье бываетъ въ мартѣ и даже апрѣлѣ, когда нарастаетъ трава, и то, по породному мнѣнію, губитъ ягненка; мать кормится обильно, а потому слишкомъ обильно кормится ея молокомъ и ягненокъ, отчего захварываетъ и умираетъ. Но если поздній ягненокъ выходитъ, онъ будетъ крупнѣе ранняго, и особенно хороша будетъ на немъ шерсть, длиннѣе и шелковистѣе. Раннему ягненку есть названіе *ранче*, а позднему — *трзе* и *трзунче*.

Сначала все молоко идетъ ягнятамъ; и въ это время доятъ овецъ единственно для того, чтобы онѣ не отвыкли отъ доенья; а потомъ съ Пасхи или около Юрьева дня начинаютъ пасти ягнять отдѣльно, и доятъ овецъ утромъ; но все еще мало; только около Петрова дня отгоняютъ на планину прежде всего ягнять; тогда овецъ доятъ два раза въ день и начинается правильное доенье во все лѣто вечеромъ и утромъ. Последнее производится или прямо въ торѣ рано утромъ, или сначала выпускаютъ овецъ на *попасахъ, да попаскую*, и доятъ только послѣ. Съ этимъ связана и стрижка овецъ: въ теплыхъ мѣстахъ большихъ овецъ стригутъ около Троицына дня; а ягнять около Петрова дня; въ холодныхъ же, какъ Пива, Дробняки и др. первыхъ въ іюнѣ, а вторыхъ въ концѣ іюля, при этомъ, постригши ягнять, пускаютъ въ общее стадо съ ихъ матерями: послѣднія не узнаютъ своихъ дѣтей и не даютъ имъ сосать, и съ того времени они могутъ пастись вмѣстѣ.

Въ овечьемъ стадѣ обыкновенно выбираютъ самаго крупнаго и бойкаго нехолощенаго барана (могъ быть и валухъ, если быгъ крупный и бойкій, что бываетъ рѣже) (ован, угич или балабан), который всегда идетъ впереди стада и потому дѣлается его вожакомъ. Его не стригутъ, какъ другихъ овецъ, сплошь; а только выстригаютъ шерсть снизу; поэтому шерсть со спины свѣшивается почти до земли, и на шеѣ образуется грива. На шею ему

надѣваютъ бубенчикъ въ родѣ довольно большого мѣднаго колпачка съ язычкомъ внутри (звоно, чактар, кленетар), который прикрѣпляется посредствомъ дуги или обруча изъ толстаго прута (лучац). Такой баранъ цѣнится гораздо дороже другихъ, и потому кто-то въ видѣ особаго дара обѣщаль:

А даћу ти од пмаѣа брѣва,
А угича пснод кленетара.

Въ коземъ стадѣ для того выбираютъ лучшаго козла (*јарѣц*, *пич*). Иногда вмѣсто одного большого бубенчика навѣшиваютъ по два и даже по три меньшей величины. Это — вожаки въ настоящемъ смыслѣ, и стадо слушается ихъ и идетъ за ними, отыскивая ихъ по звуку.

Въ прежнее время былъ обычай, что хозяева стадъ въ извѣстные дни собиравлись на опредѣленныхъ мѣстахъ и смѣшивали свои стада, какъ бы въ знакъ дружбы и согласія, существовавшихъ между ними. Собиравось при этомъ скота до тысячи головъ и болѣе; и, когда расходился, всякое стадо отдѣлялось, идя за своимъ вожакомъ; а этотъ слушалъ голоса своего пастыря.

Чактаръ надѣваютъ иногда и на козу, но никогда — на овцу. Для козъ есть и еще особенный звонокъ *мѣденица* или *цигара*, гораздо меньше и легче.

Ягненокъ, покуда не остригутъ съ него шерсть, называется *ягне*, *младунѣк*, *младунѣ*; а послѣ — *шмѣ*, *шмѣже*; хорошій барашекъ — *трзунѣ*; отъ Юрьева дня — *ошѣ*, *ошѣже*; а у васоевичей *ошѣзѣк* и *ошѣзѣ* — козленокъ и козочка двухъ лѣтъ; четырехлѣтній баранчикъ — *четортѣк* и *маторѣк*, а совѣтъ старый — *дѣветѣк*; яловая овца — *ушѣтка*; а которая вообще не ягнится — *шѣтка*.

Мясо молодыхъ животныхъ полагается ѣсть только послѣ Юрьева дня, собственно на Марковъ день (25 апр.), когда они уже нанасились травы; но и въ этомъ случаѣ только ради обычая заколывать какое-либо животное и то только тогда, если этотъ день

празднують или если нужно угостить дорогого гостя. Обычно-же молодыхъ животныхъ не колятъ, потому что еще мало въ нихъ мяса, а содержаніе ихъ съ того времени ничего не стоитъ. Пастухъ же не смѣетъ вообще ѣсть мяса до Спасова дня (Вознесеніе Господне). Въ Церквичахъ (въ Пивѣ), когда колятъ скотину на зиму, то говяжіи языкъ оставляютъ до Спасова дня и тогда его ѣдятъ, особенно пастухи. Оттого скоть лучше плодится (*болѣе се крди*).

Операция кастрированья (*тучи, устроить, оскопнн*) совершается инымъ способомъ, чѣмъ у насъ: извѣстныя части не вырѣзываютъ, а кладутъ между двумя брусочками и сверху колотятъ по нимъ (оттуда *тучи*, т. е. колотить, и *тучен*).

Покуда идутъ горячія полевая работы, какъ пахота и посѣвъ, иногда уборка озимаго хлѣба, поправка разныхъ построекъ, и т. п. стада находятся при селѣ, и заботятся о стадѣ больше всего маленькіе пастухи и пастушки и ихъ помощники, малыя дѣти, которыя все время проводятъ въ *стамъ*, лакомясь понемногу собираемымъ молокомъ.

Наконецъ нивы посѣяны, луга заповѣжены; огорожены они или неогорожены, нужно беречь стада, чтобы не попали въ поправу (*потра, погрести*), а если попадутъ, сейчасъ тяжба и судъ.

Становится тѣсно для стадъ, съѣденъ кормъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ посматриваютъ на свои планины, остается ли тамъ еще снѣгъ; да если и сойдетъ снѣгъ, а холодное время, не можетъ нарости травы; поэтому ждуть болѣе жаркаго времени, настоящаго лѣта.

Отъ нетерпѣнія (и нужда!) кое-кто побываетъ уже на планинѣ, чтобы посмотреть, какъ обстоитъ дѣло съ травой; и вотъ узнаютъ, что снѣгъ остается только въ ямахъ, а трава уже растеть, и во всякомъ случаѣ близко время, когда можно будетъ туда отправиться со скотомъ.

Пришла наконецъ пора *издизати на планину*, и всѣ повеселѣли. За недѣлю до того времени все село собирается на скупштиную для опредѣленія дня, когда отправятся.

Отправляются сначала для того, чтобы покрыть свои стабы, такъ какъ на зиму доски, составляющія крышу снимаютъ, иначе навалившійся на нихъ снѣгъ раздавилъ бы и самую постройку. Нужно также вообще все поправить, начиная съ огороди торовъ, которую иногда разламываютъ какіе-нибудь заповдалые путники, проходившіе тамъ, когда народъ со стадами скочевалъ внизъ.

Время отправленія стадъ зависитъ отъ того, съ какой мѣстности и на какую планину отправляются. На Ловченѣ напр. есть село Майсторы, которое лежитъ выше нѣкоторыхъ нѣгушскихъ катуновъ, и потому на катунахъ иные имѣютъ почти постоянные дома, напр. на Бостурѣ, въ которые иногда и переходятъ вскорѣ послѣ Пасхи. Но общій терминъ для отправленія на катуны—Троицынъ день, когда часть нѣгушанъ (Ераковичи) носятъ и образа (*крсте*) на Ловченѣ. Нѣкоторыя села Катунской и Рѣцкой нахій, Цермницы и др. планинъ въ настоящемъ смыслѣ не имѣютъ; а только незначительныя возвышенія, которыя большую часть года доступны для пастбы, а если не пасутъ въ нихъ, то единственно, чтобы дать нарости травѣ. Въ такихъ мѣстахъ катунской жизни въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ и потому нѣтъ всеобщаго, такъ сказать, торжественнаго отправленія на планины. Эта своеобразная жизнь существуетъ только тамъ, гдѣ находятся высокія горы, какъ Комъ, Дурмяторъ, Лукавица, Яворье, Бѣластица, Синявица и др. у племенъ Пива, Дробняки, Морачане, Ровчане, Бѣлопавличи, Пиперы, Кучи, Васоевичи.

Въ этихъ мѣстахъ снѣгъ даже на обширныхъ открытыхъ равнинахъ лежитъ до конца мая. Поэтому самый ранній срокъ для отправленія на эти высокія планины—середина іюня или даже конецъ его. Обычно считаютъ настоящее время около Петрова дня (29 іюня). Отправляются раньше въ томъ только случаѣ, если около села послѣ сухой осени совсѣмъ мало корма. Когда день назначенъ, то накануне *паничка* (женщина завѣдующая молочнымъ хозяйствомъ на катунѣ) стряпаетъ обѣдъ, какъ для тѣхъ, которые отправляются на катуны (*станари*), такъ и оста-

ющимся дома (*домарн*). А на другой день, еще ночью, чобаны отправляются со скотомъ. Позже, когда уже развидѣть, хозяйнѣ дома снаряжаетъ планинку съ ея вещамп, въ число которыхъ входятъ: котлы, *карлицы*, въ которыхъ разливается молоко, кадушки для сыра и скоруна, *разливача* — большая ложка отъ 2—4 окъ, которою сваренное молоко изъ котла разливаютъ по карлицамъ, *сириньяк*—сосудъ отъ 2—4 литръ, въ которомъ находится *сиринште*, закваска для сыра, и въ немъ, конечно, самая закваска, которою служатъ: часть желудка (*сиринште*) овечьяго, говяжьяго, свиного, а самое лучшее отъ круной *форезп* (*младница*). Туда же входитъ и различная рухлядь: куски холста, полотенца, всревки и т. п. Это необходимо для различныхъ операций при дѣланіи сыра и собираніи другихъ молочныхъ скоповъ. Само собою разумѣется, берется все, что необходимо для приготовления ѣды: мука, соль и т. д., а также одежда и постели. Все это нагружается или сразу на двухъ-трехъ лошадей, или отправляется въ нѣсколько разъ, тѣмъ болѣе что вначалѣ стоять на ближнихъ катунахъ, которые лежатъ не такъ высоко. Если есть грудной ребенокъ у женщины, отправляющейся на катуны, то переносятъ туда и его съ колыбелькой. Планинкой обыкновенно бываетъ старшая въ домѣ, свекровь; а если свекрови нѣтъ или она очень оstarѣла, такъ что не въ состояніи хорошо вести это дѣло, то самая младшая сноха (*жетрова*), а мужъ ея, какъ младшій изъ братьевъ, будетъ главный чобанъ. Старшая сноха остается хозяйкой дома (*доматьца*) въ селѣ, а ея мужъ — хозяйнѣ (*доматьнѣ*), и на нихъ лежитъ главная забота по дому: главамъ же семьи остаются старшіе по лѣтамъ, свекоръ и свекровь: послѣдняя большею частью возпетъ съ внучатамп, такъ какъ это для нея легче, да и лучше умѣетъ она держать дѣтей, научившись, пока росла своихъ собственныхъ. Иногда и она отправляется на катуны, особенно если тамъ большинство малыхъ дѣтей. И такъ семья на цѣлое лѣто раздѣляется, и одни говорятъ: «я иду домой», когда изъ катуна возвращаются въ село; а другіе напротивъ, когда возвращаются на катуны.

Какія постройки (стан, колиба, глад) на катунѣ мы уже говорили въ отдѣлѣ о жилищѣ (стр. 246); теперь скажемъ о расположеніи ихъ на мѣстѣ. О раздѣлѣ планинъ въ племени мы также говорили.

Каждое село имѣетъ свою планину или часть ея; такъ, въ Васоевичахъ село Краље держитъ Обло-брдо, Трешкевикъ и западные склоны Лысой планины; Слатина и Забрдье занимаютъ Градишницу, Бачъ, Криво-брдо, часть Бѣластицы до границы колашинской, съ ними же и Црешнево. Между этими послѣдними тремя селами опять раздѣленъ просторъ, гдѣ чье, такъ какъ тамъ не только пастбище, но и покось; а есть и пашня. Село также дѣлитъ свою планину по узкимъ братствамъ; а братства занимаютъ катуны въ нѣсколькихъ группахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ (5—20) колибъ, находящихся одна возлѣ другой, точно малый хуторокъ или поселокъ. Въ этомъ тѣсномъ кругу, состоящемъ изъ одной только группы, пастбище не подѣлено, и стада ихъ ходятъ вмѣстѣ, хотя и имѣютъ каждое своего чобана.

Группа колибъ, которая собственно и называется — *катун*, а всѣ вмѣстѣ — *катуны*, всегда отдѣляется отъ такой же другой группы. Случается иногда, что катунъ составляетъ одна колиба. Это бываетъ, когда человѣкъ купилъ или прибрѣлъ землю какимъ бы то ни было способомъ въ собственность и основалъ на ней свой отдѣльный катунъ. Но и онъ, хотя и отдѣленъ отъ другихъ, а все-таки держится неподалеку отъ нихъ и какъ бы считается въ ихъ группѣ. Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ турецкой границы, напримѣръ на Ловченѣ у нѣгушанъ, на Ставорѣ у бѣлицъ, на Гарчѣ у загарчанъ, на Буковицѣ у цуцъ и др. нерѣдко можно встрѣтить колибы въ нѣкоторомъ отдаленіи одна отъ другой, представляющія собою цѣлый катунъ; а въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ Васоевичи, Кучи, Пишеры — это до нѣкоторой степени стало возможнымъ только въ послѣднее время, когда меньше боялся нападенія отъ сосѣднихъ арнаутъ или другихъ безпокойныхъ сосѣдей съ турецкой границы. Здѣсь, впрочемъ,

и теперь нѣтъ полной безопасности, а потому всѣ и держатся въ кучкѣ.

Для облегченія при досмотрѣ за скотомъ и для другихъ дѣлъ, иногда двое хозяевъ (два катуна) дѣлаютъ *супону*, т. е. соединяютъ однородный скотъ въ одно стадо и смотрятъ каждый не за своимъ только, а за смѣшаннымъ стадомъ. Гдѣ *супоны* не уговорено между хозяевами, то дѣлаютъ её самѣ чобаны между собою, соединяя стада отъ нѣсколькихъ катуновъ, такъ какъ у нихъ общая планина, а слѣдовательно сообща и пастбище.

Что касается уговоренной супоны, то тутъ есть нѣсколько условій, которыми обязываются между собою та и другая сторона. Такъ какъ всегда имѣется въ виду скотомъ нагноить какую-нибудь мѣстность, будетъ ли то служить для пашни или для покоса, которые подѣлены, то они наблюдаютъ, чтобы въ одинаковой степени и сообразно съ количествомъ скота доставалось гноя на землю того и другого; сообща также дается соль, тоже сообразно количеству того и другого (въ законникѣ см. §§ 442—445, стр. 146—147). Къ этому мы еще возвратимся ниже. Пастьба скота обуславливается его доеньемъ, безъ чего онъ пасся бы цѣлый день, возвращаясь на станъ только вечеромъ. Но овца не можетъ цѣлый день носить молоко, особенно вначалѣ, когда трава слишкомъ сочна (*вельна*); поэтому стадо выгоняютъ рано утромъ *на понасак*; а когда солнце порядочно пригрѣетъ, его пригоняютъ въ торъ (*прияве*) и доить, а затѣмъ 2—3 часа скотъ лежитъ въ холодкѣ (*пландуе*) и тогда опять выпускаютъ его на паству (*изжавлю*), гдѣ и остается до того времени, когда засвѣтло могутъ дойти на мѣсто и опять подоить.

Доенье происходитъ такимъ образомъ: когда стадо вошло въ торъ, приходитъ туда планинка и еще кто-нибудь въ помощь; а чобаны, конечно, присутствуютъ тутъ же; подоенную овцу выпускаютъ *на стругу*, т. е. вынимаютъ двѣ жерди изъ прясла, составляющаго огорожу, что назыв. *остружити*; и такъ переберутъ всѣхъ овецъ до послѣдней, выпуская вонъ изъ тора, а послѣ

опять загоняя въ него. «Овце му се остружише саме» говорится въ одной пѣснѣ, т. е. вышли изъ тора.

Попасак продолжается только до половины іюля, а съ того времени его нѣтъ; тогда доенье происходитъ рано утромъ, и стадо цѣлый день не приходитъ домой, оставаясь на пастбищѣ, гдѣ и *мандуетъ*. Причина заключается въ томъ, что дни становятся короче, трава по близости вся съѣдена и нужно гонять стадо дальше.

Къ концу лѣта кормъ становится суше и вообще скуднѣе, времени для паствы меньше, и, несмотря на то, а можетъ быть, именно вслѣдствіе того молоко становится гуще и слаще. Съ августа это молоко, когда сварится, при чемъ въ него кладутъ немножко соли, и охладится, становится такъ густо, какъ наша сметана и сладко до приторности. Вообще вареное молоко назыв. *вареника* или *варесина*; а съ этого времени *јардум* или *јрушазина*, потому что *сјруша се* — сгустится. Все это молоко обращается въ скорупъ и сыръ; но частью имъ же питаются обитатели катуна, и для нихъ именно дѣлается кислое молоко, которое и носить названіе *млеика* безъ всякаго другого эпитета. Его потребляется большое количество и бываетъ оно двухъ видовъ: густое, которое нужно ѣсть ложкой, и жидкое, которое пьютъ прямо изъ сосуда. Кромѣ того, въ видѣ особеннаго лакомства дѣлается *замлаз*: для этого въ кислое молоко, иногда со снѣгомъ, подоятъ овцу, отчего густая масса осаживается, а сверху образуется тоже густая пѣна, какъ взбитыя сливки; при кислотѣ, оно приобретаетъ и сладость. Вообще молоко на планинѣ имѣетъ особенный вкусъ, который черногорецъ выражаетъ однимъ словомъ *мелемю је*: оно значитъ густо, маслянисто, съ какимъ-то неопредѣлимымъ ароматомъ и дѣйствуетъ на человѣка цѣлительнымъ образомъ (*мелем* — лѣкарство которое утоляетъ страданіе не только физическое, но и нравственное; «мелем души». Балк. Цар.).

Впрочемъ все это дѣло второстепенное; а главное состоитъ въ томъ, чтобы собрать побольше скоповъ, которыхъ хватило бы на зиму для своего потребленія и чтобы можно было часть

продать. Обратимся теперь къ планинкѣ, на которой всецѣло лежитъ эта работа и отъ которой зависятъ какъ количество, такъ и качество молочныхъ скоповъ. На ней лежитъ много обязанностей.

Прежде всего она должна два раза въ день подоить всѣхъ овецъ, козъ и коровъ; доить она въ *штруму*; молоко это она сейчасъ же сливаетъ въ котель, который, когда будетъ полонъ (а бываетъ и два котла), навѣшивается надъ огнемъ. Когда молоко сварится, громадною ложкой она разливаетъ его въ карлицы и разставляетъ ихъ по полкамъ: бываетъ штукъ 20 и больше. Потомъ идетъ съемка скорупа, квашенье оставшагося молока для сыра и варенье сыра. Она же готовитъ и ѣду для всѣхъ *станарей*. Въ то же время она наблюдаетъ, чтобы стадо прибывало въ - время, и вся-ли скотина на лицо; а наконецъ она должна принести травы телятамъ и накормить собакъ. Какова планинка, главнымъ образомъ узнается по тому, каковы у ней телята и собаки. Скажемъ теперь о молочныхъ скопахъ въ отдѣльности, какъ они собируются. Ихъ только два вида: скорупъ, который, перетопивши, можно обратить въ масло, и сыръ различныхъ видовъ.

Когда вареника въ карлицахъ постоитъ два дня, на третій день нужно спать съ нею скорупъ и дѣлать сыръ. Можно это сдѣлать и раньше, но никакъ не позже, потому что тогда молоко само собою приходитъ въ броженіе (*уздрти се*), и изъ него не можетъ быть ни хорошаго скорупа, ни сыра. Скорупъ составляетъ толстая пѣнка (*корница* или *повлака*), снимаемая съ молока въ карлицѣ, послѣ чего это молоко выливаютъ въ котель, и затѣмъ съ краевъ и дна карлицы еще собираютъ ложкой и пальцемъ густую массу, и все это складывается въ кадущку (*кадуч*) и слегка при этомъ солится. Съ вареники же, пока она не остыла, снимаютъ и еще тонкую пѣнку (*смака*), которая не идетъ въ скорупъ, а служитъ тутъ же для лакомства.

Скорупъ здѣсь замѣняетъ масло, которое только въ рѣдкихъ случаяхъ и въ небольшомъ количествѣ готовится отдѣльно

изъ цѣльнаго молока посредствомъ сбиванія его въ особомъ сосудѣ (*стан*), который мы описали выше.

Послѣ снятія скорупа молоко сливается въ котель для приготовления сыра. Кромѣ упомянутыхъ выше матеріаловъ, служащихъ закваскою, употребляютъ еще и желудокъ зайца, и это послѣ рыбьяго, который не портится все лѣто, самая лучшая закваска. Надобно замѣтить, что эти *сырища* разныхъ родовъ, какъ только начинается доенье стада, продаются на базарахъ. Когда же совершенно нѣтъ ничего, то въ молоко кладутъ огниво, кусочекъ трута и свинца или австрійскую монету цванцигеръ. И еще способъ приготовленія его: берутъ кусокъ домашняго бѣлаго сукна величиною въ ладонь; вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ и кладутъ въ готовое кислое молоко; потомъ вынимаютъ, высушиваютъ и, завернувъ въ чистую тряпку, хранятъ цѣлую зиму до новаго молока; а когда подучится первая *вареника*, кладутъ въ нее это сукно, чтобы размокло, и послѣ имъ квасятъ молоко. Въ городахъ, конечно, можно пріобрѣтать имъ отъ хлѣбопековъ хлѣбныя дрожжи.

Сырѣ здѣсь собственно не варятъ, а только заквашенное молоко слегка согрѣваютъ на огнѣ, при чемъ оно начинаетъ свертываться, и тогда его мѣшаютъ мѣшалкой крестообразно, пока не образуется совсѣмъ густая масса. Массу эту вынимаютъ руками и отжимаютъ въ видѣ небольшихъ комковъ или цѣлую массу складываютъ въ широкій обручъ на чистой доскѣ, откуда она послѣ вынимается въ видѣ большого круга. Кромѣ отжиманія, жидкія части процеживаютъ еще и сквозь рѣдкое полотно (*на цыдию*). Такой большой комъ сыра называется *зруда* или *киза сира*, а также *рукавица*, *віенац смока*; а маленькій просто *сир*, *сирнич*.

Въ герцеговинскихъ краяхъ Черногоріи, какъ Пива, Дробняки, его растягиваютъ въ видѣ лепешки, которую потомъ свертываютъ въ комокъ, и этотъ сырѣ назыв. *пресужача* (славится невесиинская).

Получается сырѣ также изъ неваренаго молока, которое

называется *ямужа* *). Онъ не имѣетъ ни малѣйшей кислоты, сладкій, мягкій и упругій, на зубахъ скрипитъ. Онъ употребляется для варенья ццвары вмѣстѣ со скоруномъ и дѣлаетъ се такую тягучую массу, что при ѣдѣ тянущуюся ленту трудно перервать.

Въ Черногоріи нѣтъ особенныхъ сортовъ сыра, потому что всѣ они приготовляются одинаковымъ способомъ, и качества его зависятъ отъ того, сняты предварительно или нѣтъ жирныя вещества съ молока и вообще отъ качествъ молока. Изъ всѣхъ сортовъ отличается нѣгушскій, приближающійся и видомъ и вкусомъ къ швейцарскому: сверху покрытъ твердою коркою, а внутри желтый, довольно маслянистый, съ дырочками по всей массѣ, въ которыхъ также содержится маслянистая жидкость, пока сыръ еще свѣжъ. Но онъ скоро черствѣетъ и тогда бываетъ хорошъ для приправы къ кушаньямъ измельченный на теркѣ (*за вратанье*). Но съ истощеніемъ пастбищъ эти хорошіе сыры становятся рѣдки и теряютъ свои прежнія качества. Отличаются сыры цермницкій и краинскій бѣлизною и сладостью; въ послѣднее время хорошіи сыръ приготовляютъ въ Никшичѣ; да и въ другихъ мѣстахъ, вынося свои произведенія на продажу, стали заботиться о чистотѣ сыра и меньше извлекаютъ изъ него маслянистаго вещества.

Дѣлаютъ также сыръ и изъ сыворотки; онъ всегда сильно соленый. Это самый тощій и самый плохой сыръ, про который говорятъ, что онъ три года молилъ Бога, чтобы позволилъ ему назваться *смокомъ*. Онъ хранится въ прокѣ, разрѣзанный на ломти (*феліе*), въ кадушкѣ, посоленный сверху еще, а потомъ на него накладывается деревянный кругъ съ камнями.

Обыкновенный, добрый сыръ готовится въ прокѣ въ грудкахъ такъ: посолятъ грудку сверху солью и оставятъ два

*) Его дѣлаютъ такъ: съ подоеннаго вечеромъ молока на другой день снимаютъ только тонкій слой (повлака); потомъ подоятъ въ него свѣжаго молока, сливаютъ въ котелъ, заквашиваютъ, подогрѣваютъ, и сыръ готовъ.

на три; потомъ обмоютъ и опять посолятъ, и такъ дѣлаютъ до трехъ разъ, послѣ чего онъ можетъ держаться нѣсколько лѣтъ и не испортится.

И еще способъ заготовленія сыра въ прокъ. Грудки соленого сыра разрѣзываютъ на 4—5 частей и набиваютъ ихъ въ мѣхъ до 30 окъ и больше, потомъ заливаютъ его свѣжимъ молокомъ и оставляютъ. Сыръ при этомъ распухаетъ и смѣшается съ молокомъ, изъ чего образуется масса, средняя между скорупомъ и сыркомъ и весьма вкусная. Это назыв. *сир у миех*. Его не подвѣшиваютъ, потому что слишкомъ тяжелъ, а кладутъ на черенъ или на полки. Невыгода та, что, начавши мѣхъ, нужно его скоро окончить, иначе онъ попортится; съ нимъ дѣлается то же, что и со скорупомъ.

При приготовленіи сыра получаютъ и еще побочные продукты, которые тоже имѣютъ свое употребленіе.

Изъ сыворотки (*сурутка, ура*), которую пьютъ и въ чистомъ видѣ, готовятъ еще два продукта. Ее варятъ, при чемъ постоянно образуется гѣнка, которую снимаютъ, и это назыв. *урда*. Или же вскипятятъ и потомъ смѣшаютъ съ одною третью цѣльнаго молока, что и составляетъ нѣчто въ родѣ кислаго молока, довольно сладкаго. Молоко недавно отелившейся коровы считаютъ нездоровымъ, и потому, конечно, не ѣдятъ, и ему есть особенное названіе *клявина* или *спра*.

Кромѣ собранія молочныхъ сконовъ, на планинкѣ лежитъ обязанность наярять шерсти, чтобы потомъ зимой изъ нея вязать чулки и ткать сукна. И дѣйствительно къ концу катунской жизни одинъ уголь въ колибѣ наполняется цѣлою кучею громадныхъ клубковъ.

Жители катуновъ отъ времени до времени посылаютъ своимъ въ село продукты своего хозяйства; а тѣ посылаютъ имъ муки, соли. Когда же *домари* приходятъ на катуны въ гости и посмотрѣть, что дѣлается, то приносятъ съ собою также что-нибудь изъ своего хозяйства, что-нибудь изъ овощей, кофе, сахару, а иногда бутылочку водочки, которую вмѣстѣ и разопьютъ, угощаясь въ

то же время, сколько душѣ угодно, молокомъ въ разныхъ видахъ, молодымъ сыромъ, цвцварой.

Трудясь и работая съ ранняго утра и до ночи, находясь въ вѣчной заботѣ, обитатели катуновъ вспоминають то время, какъ самое пріятное и веселое, не говоря уже о томъ, что здѣсь всякій запасается здоровьемъ: «Ко одно лѣто проведе на планини, тай продужи себи два лѣта живота» — по васоевицкой пословицѣ.

Лучшею характеристикою катунской жизни могутъ служить слова непосредственнаго ея участника. По нашей просьбѣ учитель въ Васоевичахъ Захарій Вуковичъ, составилъ небольшую записку о жизни въ катунахъ, и вотъ какъ онъ характеризуетъ ее: «Жизнь на катунахъ — говорить онъ — полна радости и веселья. Планинки отъ времени до времени посѣщаютъ одна другую, а также и чобаны; дѣти тоже сходятся отдѣльно; жизнь въ селѣ чисто, какъ заточенье, а здѣсь — свобода. Когда свѣтлыя ночи, — нарни и дѣвушки сходятся для игръ въ какомъ-нибудь удобномъ для того мѣстечкѣ. Эти сходки имъ такъ пріятны, что едва могутъ дожидаться, пока окончатъ свой ужинъ; иногда, увидавши другихъ, идущихъ на сходку, оставляють ужинъ на половинѣ. До зори играютъ въ различныя игры, водять хороводы, поють, пляшуть и веселятся. Не смотря на темноту ночи и играютъ все равно, какъ при мѣсяцѣ; только когда начнется дождь, тогда выберуть какой-нибудь станъ попросторнѣе и тамъ въ счастіи и полномъ удовольствіи проводятъ время. (Я самъ вспоминаю эти счастливыя ночи съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ балы и театральныя представленія въ Бѣлградѣ, хотя школьная жизнь и считается самою пріятною). Хорошо проводятъ время чобаны п днемъ; они всегда собираются вмѣстѣ; вмѣстѣ полудную (*ужинаю*), а питье ихъ — холодная ключевая вода; и тутъ они играютъ въ разныя игры, поють, бросаютъ камни, скачуть и стрѣляютъ въ цѣль. Въ нѣкоторые праздники, а особенно на Петровъ день и Ильинъ день, на катуны приходятъ всѣ изъ села; одни наканунѣ праздника, а другіе въ тотъ самый день. Послѣ обильнаго обѣда, какой только могутъ при-

готовить на катуиѣ, всѣ безъ различія пола и возраста собираются на одно мѣсто внѣ катуна и тутъ проводятъ цѣлый день: молодежь веселится, а пожилые люди любятъся ими и ведутъ свою бесѣду, а иной, развалившись на травѣ, предается отдохновенію. Тутъ собираются иногда нѣсколько катуновъ вмѣстѣ. Повеселившись досыта, отправляются на катуиѣ полудновать, при чемъ опорожняютъ у планинки не одну *карлицу*. Потомъ веселятся на катуиѣ; затѣмъ ужинаютъ и, переночевавши, гости рано утромъ отправляются домой, въ села, также весело, какъ и пришли. И то нужно сказать, что планинка на катуиѣ гораздо гостепріимнѣе, чѣмъ въ селѣ. Это, я полагаю, вслѣдствіе того, что на катуиѣ все приписывается ей лично, а въ селѣ — хозяйну дома». Между 15—25 августа планину оставляютъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что выпасется трава, а на ближнихъ къ селу мѣстахъ къ тому времени трава уже успѣетъ отрасти. Въ высокихъ планинахъ, какъ Дурмиторъ, Комъ и Лукавица, въ это время начинаются сильные холода и даже снѣгъ. Однажды, идя на Лукавицу 17-го августа, я встрѣтилъ мятель и долженъ былъ заночевать въ пустой колибѣ, гдѣ уже никого не было, въ то же время замерзло нѣсколько козъ.

Возвращеніе изъ планинъ (*зѡнг, сјао.мванье стоке*), какъ и отправленіе на планину (*изди*), рѣшается опять скупштипой.

Въ мѣстахъ, куда приходятъ со скотомъ теперь, есть уже убранныя нивы, и каждый хозяинъ имѣетъ стапъ на своей *баштинѣ*. *Супонники*, по смыслу сдѣланнаго между ними договора, стоняютъ скоть попеременно на землю то одного, то другого ради удобрения. При этомъ точно наблюдаютъ количество скота, рассчитывая по головамъ мелкаго скота, а на одну крупную рогатую скотину считаютъ 5 мелкихъ. Это бываетъ уже близъ села.

Постоявъ здѣсь нѣкоторое время, отправляются опять на планину, но не на самую высокую, напримѣръ, въ Васоевпахъ села Забрдье, Прешнево, Требча, и изъ турецкой границы, Виница и Буче отгоняютъ скотину въ Еловицу, глубокую

долину; Кралье, Слатина, Сальчи, Присое и нѣкоторые лѣворѣчаче въ долину Враештицы Божичи на Штавну и т. д. Это называется отпрапляться *у пооратке*. Тамъ частью осталась старая трава, а частью за мѣсяць, если было благопріятное время, т. е. перепадали дожди и было довольно тепло, нарастаетъ новая; это бываетъ отъ половины сентября до половины октября. Кромѣ пастбы, требуются и запасы сѣна и сообразно съ этими запасами одни стоятъ тамъ до Рождества, другіе до февраля или марта, а иные и цѣлую зиму до Юрьева дня. Иногда изъ долины отпрапляются на высокую планину, потому что тамъ до Савина дня (14 января) теплѣе, чѣмъ внизу, а снѣгу меньше; а послѣ — наоборотъ. Иные остаются на этихъ планинахъ и и цѣлую зиму, не имѣя сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ, какъ напримѣръ, съ Синявиной (см. нашу характеристику Т. I, стр. 67 и Т. II, въ отдѣлѣ жилища стр. 466—67). Когда отпрапляются *у пооратке* и падетъ снѣгъ, чобанъ беретъ доску, посреди которой продѣта палка, какъ дышло (*гресло*), и ею сгребаютъ снѣгъ до травы, и пускаетъ на это мѣсто скотину. Говорятъ при этомъ: «Да явимо или изъявимо стоку *у ровило*» (*ровити*— разгребать снѣгъ; говорится также: *овце рове снег*). Отъ времени до времени даютъ скотинѣ и соль (крупному рогатому скоту по 5 окъ на голову на годъ, а мелкому по 1 окѣ) изъ корытца или сыплютъ её по снѣгу, предварительно утоптавши его.

День св. Ѳомы (6 октября) считается терминомъ, когда со скотомъ приходятъ въ село на зимнее положеніе: «Свети Тома, тѣрай жене са стапом дома», т. е. овцы перестаютъ доняться и женщинамъ нечего дѣлать.

На сколько радостно отправленіе на катуны, на столько печально ихъ оставленіе.

Когда рѣшено общее время отправленія съ катуновъ, (*зди, здизанье*), за нѣсколько дней передъ тѣмъ начинаютъ отпраплять имущество. До послѣдняго дня остается только самое необходимое. И вотъ какъ происходило при мнѣ это разставаніе съ катуномъ.

Вечеромъ подошли стадо немного, и съ вечера же планинка сдѣлала распоряженіе на завтра: кому что дѣлать, кому идти впереди, кому за нимъ, а кто долженъ остаться послѣднимъ для приборки. Рано утромъ началась эта приборка. Всѣ вещи забираются и увязываются; подъ вьюки опредѣлены двѣ лошади, а одна подъ сѣдомъ. Эта лошадь назначается для планинки-старухи, за которой пріѣхалъ ея сынъ Ефремъ.

Прежде всего отправляются стада. Каждый чобанъ, поровнявъ свое стадо со сталомъ, перекрестится, поклонится передъ нимъ и отходить. Впереди всѣхъ одна сноха гонитъ коровъ и быковъ; за нею маленькая Юша (лѣтъ 8) гонитъ телятъ; потомъ съ овцами отправляется молодой паренъ Дьюканъ съ маленькимъ Пекомъ (6 лѣтъ).

Изъ уютной логотники, гдѣ расположенъ катуиъ, выступаетъ стадо, поднимается на первый зеленѣющій холмъ и, по обычаю, овцы останавливаются и сворачиваютъ въ сторону, чтобы понастись; но имъ не даютъ настись, а гонять далѣе, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ онѣ вытянулись въ линію по тропинкѣ и покорно шествуютъ впередъ. Коровы и телята скрылись уже изъ вида, переваливъ за холмъ, а овцы растянулись и извилились словно жемчужное ожерелье, рѣзко отдѣляясь своею бѣлизной на фонѣ чернѣющей тропинки и противъ яркой зелени холмовъ, покрытыхъ травой, только что выступившей послѣ недавнихъ теплыхъ дождей. Шествіе заключаетъ косматый несъ *муртанъ*, весело прыгающій около своего хозяина Пека.

А въ станѣ идетъ уборка. Наконецъ все готово. Дѣвушка Митра (лѣтъ 16-ти) вычистила и вымыла станъ, точно въ ожиданіи гостей; наложила свѣжихъ дровъ на огнище и раздула потухавшее пламя. Пламя живо вспыхнуло; громко раздается трескъ пылающихъ дровъ въ опустѣломъ, ничѣмъ не загроможденномъ пространствѣ; такъ чисто и свѣтло, только нѣмко и пусто. Митра и ея двоюродная сестра Шагра (лѣтъ 12-ти) помолились Богу и вышли къ навьюченнымъ уже лошадямъ. За

ними вошла въ станъ старуха-планинка. Она также помолилась; осмотрѣла еще разъ, не осталось ли чего изъ вещей; постояла съ минуту въ раздумьи и вышла тихо, хорошо притворивъ дверь и запереувъ ее палочкой. Затѣмъ она обошла вокругъ стана; не знаю, было ли то прощаніе съ нимъ или просто осмотръ, все ли въ порядкѣ. Ворота въ торахъ также аккуратно заложены жердями, какъ будто бы тамъ еще стояла скотина. Теперь можно и въ путь. Старуха садится на осѣдланную лошадь верхомъ, помужски; ей подають двухлѣтнюю внучку, капризную Бару, которая безъ *малы* (такъ она прозвала свою бабушку) ни на шагъ. Двѣ дѣвушки, нагрузившись ведерками съ молокомъ и различными узелками, погнади передъ собою лошадей съ выюками. И чего только тутъ нѣтъ! кадушечки, корытца, препуля, въ которой пекутъ хлѣбъ, мѣха, набитые скоруномъ, одѣла и веретья, въ которыя завернута разная мелочь; тамъ, какъ приподнятая рука, торчатъ длинный деревянный половникъ и рядомъ съ нимъ *преслица* съ неспряденной еще и неснятой шерстью; на самомъ верху посаженъ большой котель дномъ кверху, весь почернѣвшій; подъ нимъ болтаются и колотятъ въ бока какіе-то твердые предметы. Ефремъ ѣдетъ рядомъ съ бабушкой и внучкой. Послѣднія, прижавшись къ груди старухи, смотрятъ на все молча въ какомъ-то недоумѣніи; видно, что и ей не хотѣлось бы оставлять мѣста, гдѣ всѣмъ было такъ весело и привольно. Прощай, катушъ и станъ! прощай, привольное гѣто!

Катунская жизнь, какъ мы уже замѣчали, главнымъ образомъ распространена была въ мѣстахъ пограничныхъ съ Турціей. Озриничи и цуцы стояли лицомъ къ лицу съ пикшипцкими турками, а также и пинеры; васоевичи съ колашпнцами и гусинянами, кучи съ гусинянами же и климентами; между кучами и васоевичами тоже шла борьба изъ-за пастбищъ. Изъ историческаго очерка этихъ племенъ можно видѣть общій ходъ этой борьбы, а катуны имѣють свою исторію, полную крова-

выхъ эпизодовъ, изъ которыхъ и возникъ цѣлый катунскій или чобанскій эпосъ.

Теперь эти условія совершенно измѣнились; не бываетъ уже тѣхъ жестокихъ схватокъ, въ которыхъ принимало участіе цѣлое племя; но тѣмъ не менѣе въ отдѣльности всегда можно ожидать нападенія какой-нибудь турецкой четы и угона скота, при чемъ не обходится дѣло и безъ кровавыхъ жертвъ. Такое положеніе развиваетъ духъ неустрашимости не только въ мужчинахъ, но и въ женщинахъ.

Дѣвочка лѣтъ 12—14 идетъ съ катуна въ село, неся молоко или что нибудь изъ молочныхъ скоповъ верстъ за 15 черезъ совершенно пустынную мѣстность, да еще и безъ торной дороги. Нерѣдко въ тѣхъ мѣстахъ падаетъ густой туманъ, и тогда весьма трудно не заблудиться; кромѣ того тамъ всегда можно наткнуться на звѣря или на злого человѣка. Все это ни по чемъ. Въ бытность мою въ Васоевичахъ былъ неурожай сѣна, и одинъ, купивши сѣна въ турецкой границѣ (верстъ 40 отъ границы Черногоріи), отправилъ туда изъ семьи со скотомъ одну пожилую женщину и свою сестру, шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку. Помѣстившись тамъ въ домѣ одного христіанина, онѣ старались всячески не попадаться на глаза туркамъ; но тѣмъ не менѣе турки провѣдали о красавой дѣвушкѣ и задумали овладѣть ею. Она была предупреждена и нѣсколько разъ убѣжала въ то самое время, когда они подходили къ тому дому. Не найдя ее дома днемъ, турки рѣшили подкараулить вечеромъ; но въ тотъ-же вечеръ она одна-однешенька отправилась домой и прибѣжала въ Черногорію благополучно. Видѣвши ее вскорѣ послѣ того, я спрашиваю. «Что сдѣлала бы ты, еслибъ турки захватили тебя? — Я не далась-бы имъ — отвѣтила она совершенно обдуманно и спокойно — сначала побѣжала бы, а потомъ сдѣлала-бы то же, что и Стане съ Полицы.—При этомъ мнѣ рассказали слѣдующій эпизодъ изъ послѣдней войны. Въ одной мѣстности, называемой Полица, всѣ жители (васоевичи), зажгли свои дома и отправились на соединеніе съ васоевицкимъ войскомъ въ чер-

ногорскихъ предѣлахъ. Мужчины отправились впередъ, а семьи тянулись за ними со своими стадами и имуществомъ. Турки отправились за этими семьями, чтобы отнять у нихъ имущество. Въ этой погонѣ, они увидѣли въ одной семьѣ очень красивую дѣвушку и кинулись къ ней. Тогда она помчалась отъ нихъ, какъ серна; но ихъ было нѣсколько человѣкъ и они могли, что называется, загонять ее. И вотъ она наконецъ утомилась, бѣгъ замедлился; турокъ ее догоняетъ; онъ протянулъ уже руку, чтобы схватить ее и въ полной увѣренности закричалъ: «Стой, дивзка (двухгодовая козочка)! теперь ты моя!» Но дѣвушка дѣлаетъ еще усиліе, вскакиваетъ на край утеса, потомъ кидается съ него внизъ съ большой высоты и смертью избавляется отъ наруганія.

Даже въ совсѣмъ маленькихъ дѣтяхъ развивается какой-то инстинктъ, научающій ихъ скрывать отъ непріятеля. Въ одномъ катунѣ произошла тревога; думали, что напали колашинцы. Тревога однако была фальшивая; но во время ея исчезъ мальчикъ четырехъ лѣтъ. Долго его искали, но не могли найти, пока онъ, понявъ, что все обстоитъ благополучно, самъ не выгѣзъ изъ своего убѣжища.

Еще важнѣе, по нашему мнѣнію, то вліяніе, которое катунская жизнь оказываетъ не только на здоровье, но и на душевное расположеніе и даже на умственное развитіе.

Что касается перваго, то лучше всего это вліяніе можно замѣтить на дѣтяхъ, которыя тамъ крѣпнутъ, вырастаютъ и возвращаются въ село просто неузнаваемыми. То же самое и на взрослыхъ. Совершенно больные люди, иногда уже старые, страдающіе кашлемъ и одышкой, возвращаются оттуда поправившимися и помолодѣвшими. Все это дѣлаетъ горный воздухъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ примѣсей, кромѣ аромата лѣса и луговъ, исключительно молочная пища и образъ жизни, не допускающій никакихъ излишествъ, дѣятельный безъ крайняго напряженія и утомленія, соединенный со спокойствіемъ душевнымъ, къ которому располагаетъ чистая природа и вся обстановка жизни.

Мы указали, какой трудъ выносить на катуиѣ планинка; за то она здѣсь не знаетъ надъ собою никакой власти; она не обязана, безпрестанно отрываясь отъ дѣла, вскакивать для того только, чтобы всякому мужчинѣ то принести горячій уголь для трубки, то подать воды, когда ему самому ближе протянуть руку и т. п. Здѣсь ея царство; въ ея дѣло никто не мѣшается и для пустяковъ не отрываетъ отъ него; она здѣсь ѣсть слаще и спать спокойнѣе, и, какъ справедливо замѣчаетъ упомянутый нами выше участникъ этой жизни, она здѣсь гостеприимнѣе и добрѣе. Для дѣтей здѣсь также наслажденіе, хотя и они цѣлый день заняты, при томъ одинаково мальчики и дѣвочки. Шестилѣтній Пеко, крѣпкій мальчуганъ, о которомъ мы уже говорили, баловень дома въ селѣ, здѣсь цѣлый день съ кускомъ хлѣба и сыра пасеть табунокъ ягнать; а восьмилѣтняя Юша пасеть телятъ, и придя на станъ, они еще не свободны: имъ все время нужно держать свое мелкое стадо, которое рвется, чтобы поскорѣе воспользоваться своимъ правомъ на оставшееся послѣ доенья молоко. Пеко, кромѣ того, какъ настоящій пастухъ, долго не спитъ съ вечера и нѣсколько разъ выходитъ посмотреть, мирно ли лежитъ стадо, а иногда встанетъ ночью, выйдетъ на дворъ, поκληчетъ собакъ и прокричитъ дикимъ голосомъ, чтобы поугатъ волковъ. То же самое дѣлають, конечно, и большіе пастухи. При этомъ, если замѣтятъ по лаю собакъ, что онѣ гонятъ волка, онъ закричитъ: «Одальи, одальи, голичу»!

Кромѣ здоровья, здѣсь дѣти становятся какъ-то серьезнѣе, между собой же держатся дружнѣе; не говоримъ уже о молодежи, для которой эта жизнь — праздникъ. Пастушеская жизнь развиваетъ въ человѣкѣ наблюдательность, наводитъ на размышленіе и вообще возбуждаетъ духовную дѣятельность, вследствие чего, какъ мы уже замѣчали, пастухи лучшіе знатоки пѣсенъ и первые затѣйщики въ разныхъ играхъ; а многіе изъ нихъ здѣсь выучиваются одинъ отъ другого грамотѣ, и нерѣдко въ горной глуши вы услышите громкое чтеніе букваря или какой-нибудь «пѣсмарицы».

Далеко не послѣднюю роль тутъ играютъ и интимныя отношенія между молодежью обоого пола. Тутъ молодые люди ближе узнаютъ другъ друга, раскрываютъ другъ другу свои мысли и чувства и въ концѣ концовъ иногда дѣлаются женихомъ и невѣстой.

Не входя въ разоблаченіе этихъ отношеній, остановимся на нѣсколькихъ характеризующихъ ихъ пѣсняхъ.

1.

Благо мене и тебе, ђевојко!
 Наши - ваши оте у супаши;
 Мене и те оте за овцама,
 Да јавимо гором крај ливада.
 Овце те ни пландовати лада,
 Ми ћемо се пољубити, млада,
 Под лијепо дрво јаворово.

2.

Засјало се момче и ђевојка,
 Као сунце кроз јелове гране.
 Момче с' држи за зелену грану,
 А ђевојка у зелену траву.
 Она сједи и пртено руби,
 А момче јој тихо проговара:
 «Вала, драга, вала си ми љепа!
 Љепша си ми од жаркога сунца
 И мјесеца, брата сунчевога».
 А ђевојка момку одговара:
 «Вала, драги, вала си ми мио!
 Милјј си ми од оца и мајке
 И од моје брата сва четире

3.

«Чобанинс, кићена јабуко!
 Еси л' овце водом напою?»
 — Двјеста јесам, а двјеста нијесам;
 Још толико иза брда јави(х),
 За њими су три дивне ђевојке:
 За једном ме заболела глава,
 А за другом срце испуцало,
 А за трећом оће умријети.

Есть еще пѣсня, заключающая въ себѣ цѣлую, хотя неоконченную сцену, въ которой при томъ тоже находятся черты изъ чобанской жизни.

4.

Овце пасла Дука Манделина,
 Овце пасла, бога замолила:
 «Дај ми, боже, једну росну кишу,
 А у кишу један прамен магле,
 Да замаглим дворе Кралевића,
 Да му пуштим овце у ливаде».
 Бог јој пушти једну росну кишу,
 А у кишу један прамен магле,
 Да замагли дворе Кралевића,
 Да му пушти овце у ливаде.
 Таман пушти овце у ливаде,
 Кад ето ти Кралевићу Марко:
 «Божа помоћ, лијепа ђевојко!»
 — Бог да' добро, незнана делија! —
 «Чије овце, чије л'су ливаде?»
 Она њему ријеч одговара:
 — Бјеле овце Мандушића Вука,
 А ливаде Кралевића Марка. —
 Он удари около оваца

И уфати овна деветака,
 И на овну звоно од хиљаде,
 А у звону зрнце ђинџерово.
 — Не чала ти, Кралевићу Марко,
 Што ми узе моча деветака
 И на овну звоно од хиљаде
 И у звону зрнце ђинџерово.
 А ја имам овцу - разблудницу:
 Родиће ми овна деветака;
 А ја имам брата кујунцију:
 Сковаће ми звоно од хиљаде,
 И у звону зрнце ђинџерово.

Изъ пѣсни о Вукѣ Брајотичѣ мы узнаемъ, что главарь всѣхъ
 кучъ Лале сынъ Дрекала (родоначальника кучъ-дрекаловичей)
 самъ находился при своемъ скотѣ на планинѣ; а когда требин-
 скій паша прибылъ въ Кучи, чтобы взять харачъ, и всѣ главари
 явились къ нему, кромѣ Лала, присутствовавшіе такъ объясняютъ
 пашѣ, почему онъ еще не прибылъ:

«Није ти се Лале одметнуо,
 Но све овце у планину чува:
 Брата нема, братучеда нема,
 Нема код ког' оставити браве».

А затѣмъ слѣдуетъ:

У то мало не тија врпјеме,
 Те се гора преобуче листом,
 Земља црна травом и цвијѣтом;
 Стаса јагње бјело за пециво,
 Бјела грудиа стаса за једило,
 Сјави Лале овце од планине,
 До Медуна дојави до града;

Ту је шњима ноћцу коначно;
 Ту помузи три стотине брава;
 Те ту груду вељу усирно,
 Која макла до дванаест ока.
 Те у јутру код паше отидне,
 Доведе му краву јаловицу
 И штиркињу овцу о' девет година;
 Два товара бијеле пшенице,
 Један товар масла и скорупа,
 Груду сира о дванаест ока,
 Доцкан дође Дрекаловић Лале,
 Доцкан дође, ама добро дође.

3. Зимовна снота въ чужихъ краяхъ.—Различныя условія отдачи снота на зимовку или на лѣтнюю пастбу внутри Черногоріи. — Враги и болѣзни снота и средства противъ нихъ.—Самноводство.

Мы уже говорили, что во многихъ частяхъ Черногоріи ощущается большой недостатокъ сѣна; мѣстами негдѣ косою махнуть. Такъ въ большей части старой Черногоріи, гдѣ вслѣдствіе того больше держатъ козъ и для нихъ запасаютъ на зиму листь. Часто весной рѣжутъ тонкія вѣтви различныхъ деревьевъ, когда уже надуется почка, и даютъ овцамъ, а также ягнѣтамъ глодать (брстити), что считается очень здоровымъ; главная же причина заключается въ томъ, что не достаетъ другого корма. Поэтому въ такихъ мѣстахъ обыкновенно говорится *наскубсти траге или натрати*—косіеромъ. Въ старое время (до 1860 г.) въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не принадлежали Черногоріи, какъ Баяны, Пива, Езера, Васоевичи, былъ обычай отправляться на зимовку въ Боснію, нынѣшнее корол. Сербію и Старую Сербію. Отправлялись туда около Петкова дня (15 окт.), а возвращались къ Юрьеву дню (23 апр.). Въ этой кочевкѣ есть также черты своеобразныя, характеризующія при томъ вообще быть

тѣхъ племень въ то время, которыя могутъ намъ объяснить кое-что и въ современномъ ихъ положеніи.

Вотъ какъ то происходило у васоевичей, которые обыкновенно отправлялись въ Посавину (въ Босніи) и въ Сербію.

Соберется *булок* (большое стадо) отъ 1000 до 15.000 овецъ, и гонять ихъ сообща нѣсколько хозяевъ. Кто имѣетъ сотню, тотъ идетъ самъ, какъ хозяинъ, и можетъ взять съ собою маленькаго сына; а имѣющіе меньше составляются до сотни и выбираютъ, кому идти со скотомъ. Цѣлымъ булокомъ завѣдуетъ одинъ *тѣхалъ*, у котораго на рукахъ деньги и онъ ведетъ всѣ счета. Затѣмъ выбирается *чобанбаша*, который управляетъ всѣми чобанами и скотомъ, рѣшаетъ, гдѣ и какъ стать, какъ кормить и т. п. Наконецъ выбирается *мѣшая*—общій поварь, на рукахъ у котораго вся провизія, и безъ его вѣдома не смѣетъ никто ни куска хлѣба взять.

Всякій хозяинъ помѣчаетъ своихъ овецъ особою краской или другими какими-либо знаками. Раздѣляютъ овецъ, ягнятъ и барановъ, но по хозяевамъ не дѣлятся, и все содержаніе ихъ смѣшано, такъ что ничѣмъ овцамъ нельзя дать ни больше, ни меньше.

Плата за зимовку 5 грошей съ головы; содержаніе людей особо; но оно весьма незначительно, тѣмъ болѣе, что съ конца января начинается свое молочное продовольствіе.

Интересно самое путешествіе.

Обыкновенно васоевичи шли заодно съ гусиньянами и павлянами и принимали при томъ турецкія имена. По пути, гдѣ были ночлеги, ихъ приглашали въ турецкіе дома на *прело* (супрядки), гдѣ собирались дѣвушки и неженатые парни; еслибъ узнали, кто женатъ, того сейчасъ прогоняли. Это была исключительно сходка неженатой и незамужней молодежи, при чемъ молодые люди, раздѣлившись на пары, проводили цѣлую ночь въ интимныхъ разговорахъ, не позволяя однако себѣ никакихъ вольностей. Такъ какъ пары подбирались по взаимному вкусу, то и разговоры состояли въ комплиментахъ и любезностяхъ другъ другу, доходившихъ иногда до объясненія въ любви, а нерѣдко тутъ же со-

вершался и договоръ о бракѣ. Васоевичи въ этомъ случаѣ держались совершенно, какъ турки, не отставали отъ нихъ и въ крайнихъ объясненіяхъ, при чемъ, конечно, обманывали молодыхъ турчаоковъ. Они допускали себѣ иногда и нѣкоторыя неприличія; но все это какъ-то прощалось имъ, какъ гостямъ, во имя гостепріимства. Впрочемъ, и сами женщины бывали довольно свободныхъ нравовъ; иначе онѣ легко могли узнать васоевича немагометанина; но имъ не было до того дѣла, только бы пріятно провести время. Надобно замѣтить, что всѣ онѣ при томъ одѣвались очень нарядно; старались не отстать отъ нихъ въ томъ и ихъ гости.

Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ кочевокъ, характеризующихъ обычай и нравы, обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что часть этого населенія, проведя цѣлое лѣто внѣ дома, на зиму опять отправлялась изъ дома. Такимъ образомъ это было совершенно кочевое населеніе. При томъ это была зимовка не только для скота, но и для людей. Въ Посавину постоянно отправлялись герцеговинцы нѣкоторыхъ мѣстностей, между прочимъ изъ Билечи—почти цѣлыми семействами, чтобы тамъ прокормиться и самимъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, во-первыхъ, все богатство народа заключалось въ скотѣ, который не могъ прозимовать дома, и, во-вторыхъ, эти кочевья силы не существовали для земледѣлія, да и не было заботы о собственныхъ запасахъ хлѣба, когда можно было и самимъ прокормиться въ тѣхъ же краяхъ, куда отгоняли свой скоть.

Со строгимъ проведеніемъ и охраненіемъ политическихъ границъ, опредѣленныхъ международными трактатами, такія перекочевки сдѣлались невозможны. Австрія остановила эти перекочевки даже въ предѣлахъ оккупированныхъ ею земель. Такъ, два года назадъ жители Билечскаго округа, пострадавшіе отъ неурожая и не получая помощи отъ правительства, хотѣли по старому обычаю отправиться въ Посавину. А когда правительство это запретило, они всѣ поднялись къ выселенію въ Россію;

и тогда правительство дозволило только одной части съ различными ограниченіями отправиться туда, обязавъ давать продовольствіе оставшимся дома. Тѣмъ менѣе возможны теперь эти перекочевки для Черногоріи, когда даже отдѣльнымъ лицамъ затрудненъ всякій переходъ границы ея сосѣдями. Но колебаніе между земледѣліемъ и скотоводствомъ въ этихъ краяхъ все еще продолжается и, конечно, оказываетъ вліяніе вообще на ихъ экономическое состояніе. До сихъ поръ покуда преобладаетъ послѣднее, при томъ въ такомъ видѣ, въ которомъ веденіе его приближается къ быту кочевому.

Эти обстоятельства необходимо нужно имѣть въ виду при объясненіи нѣкоторыхъ явленій въ жизни населенія тѣхъ краевъ, и между прочимъ, появившееся одно время стремленіе къ выселенію. И еще больше съ этимъ должно сообразоваться правительство при распредѣленіи различныхъ повинностей и заботъ объ улучшеніи народнаго хозяйства.

Даютъ скотину на зимовку и между собою. Это бываетъ, когда у кого-либо не родилось сѣна; тогда платится приблизительно за голову по 1 пванцигеру; а если то бѣднякъ или вообще человѣкъ любимый или уважаемый, то разбираютъ его скотину, кто 2, кто 3, 5 и т. д. и за то не берутъ ничего. Этимъ пользовались иногда главари, и потому князь зимовку такого рода запретилъ. Иные отдаютъ свою скотину на лѣто, такъ какъ не имѣютъ своей пашни. Такъ, команы и лѣшняне отдаютъ свою скотину (только овецъ) въ Кучи. И это дѣлается такъ. Приходитъ знакомый кучъ къ 15 іюня и угоняетъ скотину, а къ 15 авг. пригоняетъ ее обратно и сдаетъ хозяину, при чемъ даетъ ему отъ каждой головы по 1 окѣ сыра, а ему выдается впередъ по $\frac{1}{2}$ оки соли. Содержатель же пользуется только остальными молочными скопами; при томъ его отвѣтственность за цѣлость вручаемой скотины состоитъ въ слѣдующемъ: если заѣстъ волкъ, онъ не отвѣчаетъ, но долженъ принести въ доказательство того

хотя бы кусокъ кожи; въ противномъ же случаѣ платитъ за всякую погибшую скотину.

Даютъ скотъ на зимовку и на такихъ условіяхъ: продержавъ его до Юрьева дня, возвращаютъ хозяину половину старыхъ овецъ и весь приплодъ оставляютъ себѣ, при томъ и съ первыхъ снимаютъ шерсть и изъ молочныхъ скоповъ тоже не дается ничего; затѣмъ на Митровъ день (26 окт.) возвращаютъ остальныхъ старыхъ, попользовавшись за лѣто молокомъ; изъ приплода, уже совершенно взросло, возвращается тоже половина.

Отдаютъ также на содержаніе исполу (наполица), при чемъ хозяину принадлежитъ только то, что сдано (*мастина*), а приплодъ, шерсть, молоко — все содержателю, который однако отвѣчаетъ за каждую скотину; если же издохнетъ, то содержатель долженъ заплатить или замѣнить издохшую изъ приплода. Это называется *на кесам* или *у непомиб*. Даютъ такимъ образомъ не меньше, какъ на 3 года, а то на 5, 15 и больше. По уговору содержатель иногда и платитъ хозяину по 1 цванцигеру больше или меньше въ годъ.

Эти отношенія въ послѣднее время урегулированы закономъ (см. ст. 313—326), что и было необходимо. Законникъ однако въ этомъ случаѣ принялъ во вниманіе только свободную сдѣлку между сторонами, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъ: одинъ имѣетъ достаточно скотины, можетъ ее и купить для торговли, а другой не имѣетъ достаточно скотины, но имѣетъ средства или готовъ положить свой трудъ, чтобы заработать что-нибудь. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ свободнаго договора. Но въ основѣ этого обычая лежитъ необходимость, принудившая одну сторону ради сбереженія главнаго своего имущества, состоящаго въ скотѣ, прибѣгнуть къ помощи ближняго до перемѣны обстоятельствъ. Тутъ идетъ дѣло не о прибыляхъ, а только о сохраненіи главнаго и единственнаго капитала, вслѣдствіе чего дающій не выговариваетъ себѣ никакихъ выгодъ, а только чтобы онъ со временемъ могъ получить въ цѣлости то, что имѣлъ. Это имѣло видъ *аманета*, т. е. оставленія капитала на сохраненіе

безъ процентовъ, вслѣдствіе чего *испоиби* здѣсь доводится до крайности: отъ какой бы причины ни пздохла скотина, содержатель долженъ поставить на мѣсто ея другую, такъ какъ бесплатно пользуется приплодомъ и всѣми выгодами, получаемыми имъ отъ скота, принятого на содержаніе. Этотъ обычай игнорируется закономъ и на практикѣ исчезаетъ; но недавно на основаніи его возникъ процессъ въ судѣ, въ которомъ содержатель, ссылаясь на давность, хотѣлъ совсѣмъ присвоить себѣ стадо, не давая въ немъ никакой отчетности; а хозяину хотѣлось, пользуясь новымъ закономъ, получить отъ того выгоды, на которыя по старому обычаю онъ не имѣлъ никакого права. Есть на Цетиньѣ одна нищенка, которая только недавно разсталась съ семью козами, державши ихъ такимъ образомъ въ чужихъ рукахъ дѣтъ двадцать. Она же—надобно замѣтить—нѣкоторое время и пасла ихъ, передавши другому на содержаніе. Ею тутъ не руководили какіслибо расчеты, а только привычка къ стаду, съ которымъ она сжилась съ дѣтства и когда оно было значительное. И какъ ее знало это стадо! Случалось, что стадо ея забредеть на чужую землю, и хозяинъ идетъ, чтобъ его захватить на мѣстѣ преступленія; она дастъ ему знакъ голосомъ, и все стадо соберется около нея, какъ будто не было ни въ какой потравѣ.

Въ своей заботѣ о скотѣ черногорецъ очень внимателенъ ко всему, что можетъ повліять на него хорошо или худо. Такъ онъ различаетъ планины, изъ которыхъ одна хороша для пагула скота, для его ожирѣнія, другая — для молока. Когда бываютъ росы, онъ разбираетъ безвредную отъ вредной: въ первомъ случаѣ онъ свободно выгоняетъ стадо на паству, а во второмъ дожидается, пока ее не осушитъ солнце. Знаетъ онъ и травы, вредно дѣйствующія на скотъ и даже отравляющія его, и потому бережется ихъ; а въ случаѣ совершившагося отравленія умѣетъ и помочь. Такъ, есть трава *блор* (видъ *sorgum*, родъ дикаго проса съ болѣе плоскими сѣменами), на которую охотно накиды-

вается крупная рогатая скотина, но объѣдается ею, вслѣдствіе чего вздувается животъ, развивается сильный жаръ, и скотина издыхаетъ, если не захватить во время. Лучшее средство противъ того положить животное въ холодный потокъ или поливать холодной водой. Другая трава *хроолочина*, дѣйствующая тоже на крупный рогатый скоть и производящая смертельный кровавый поносъ. Траву эту никто не знаетъ, но знаютъ мѣста, гдѣ она растеть, и потому ихъ избѣгаютъ.

Изъ травы же, по народному мнѣнію, овцы получаютъ въ печени паразитовъ двухъ видовъ: *шаренац* — на пастбищахъ подь Комомъ и на другихъ высокихъ горахъ, который однако проходитъ самъ собой; а другой *метиль*, отъ котораго овцы дохнутъ. Живой онъ имѣетъ форму сердца съ головкой на широкой части, а мертвый удлинняется. Есть такія мѣста, гдѣ овцы заражаются имъ; это мѣста мокрыя, особенно находящіяся подь поливой. Въ Васоевичахъ говорятъ, что онъ сначала былъ только въ равнинѣ Хаса (около Беранъ), затѣмъ появился въ сс. Машницѣ и Лугахъ (въ Полимьѣ); позже распространился на равнинѣ, которая стелется подь Андриевницей, по р. Крайштицѣ, особенно гдѣ сс. Салевичи и Пеовацъ. Это — все мѣста, потопляемые половодьемъ и находящіяся въ то же время подь искусственнымъ орошеніемъ. Замѣчаютъ при томъ, что покуда вода идетъ по ливадамъ, его нѣтъ; а когда воду пустятъ на кукурузу, послѣ Петрова дня и до Ильина дня, на скоть нападаетъ метиль, а въ то же время на людей лихорадка. И та, и другая болѣзнь ослабѣваютъ при сѣверномъ вѣтрѣ и вообще, когда наступитъ холодъ. Пастухи хорошо знаютъ такія мѣста и отклоняютъ отъ нихъ овецъ, которыя съ жадностью кидаются на покрывающую ихъ сочную траву и сначала жирѣютъ, а потомъ умираютъ. Зная это, иногда пускаютъ ихъ на такія мѣста и нарочно, для нагула, если имѣется въ виду скорая продажа на заколь. Это называется пустить у *метиль*. Съ того времени, какъ овцы *ометеле се* (примутъ въ себя этого червя), онъ живетъ 91 день, не хвораая; а затѣмъ начинаютъ чахнуть и потомъ скоро

издыхаютъ. Впрочемъ, если овца захватила немного метиля, она не издыхаетъ, и случалось, что, заколовши здоровую овцу, находили безвредно для нея проживавшаго въ ней метиля, особенно, если зима не суровая и безсніжная, такъ что овцы могутъ грызть землю.

На овецъ же и особенно на козъ бываетъ болѣзнь *шула* (парши), а на лошадей *зуба* (тоже), отъ которой, кромѣ различныхъ средствъ, излѣчиваютъ водой извѣстныхъ потоковъ или озеръ напр. въ Езерахъ такое цѣлебное озеро *Сарабье* (подъ Дурмиторомъ). Особенныхъ качествъ этой воды, безъ химическаго анализа, опредѣлить нельзя, кромѣ того, что она очень холодна; но есть и другія озера тамъ же и такъ же холодныя, но никакихъ цѣлебныхъ свойствъ не имѣютъ. Въ немъ же купаются и люди, страдающіе тою же болѣзнью.

Всякій хозяинъ скота имѣетъ при себѣ *убоити камен* (herapat, лучшая желѣзная руда), которымъ лѣчатъ скотъ отъ ушиба, когда на томъ мѣстѣ образуются кровавые подтеки. Для этого, опустивъ камень въ воду, трутъ его брускомъ, отчего вода дѣлается красною, и эту воду даютъ пить. Имъ же лѣчатъ и людей. Камень этотъ въ Черногоріи находится рѣдко; а больше получаютъ его изъ Старой Сербіи. Опасная болѣзнь на крупный и мелкій рогатый скотъ *пришт* (опаки пришт, злич, anthrax, febris carbunculosa *), при которой, если заколотъ скотину и поѣсть того мяса, люди заражаются и умираютъ. Въ с. Подахъ (въ Васоев.) однажды такимъ образомъ отравилось и умерло пять человекъ, а многіе хворали и едва остались живы.

Поэтому черногорецъ вообще остерегается мяса отъ больной скотины, а когда скотина издохнетъ, всегда подвергаютъ её вскрытію. При мнѣ въ одномъ селѣ въ Васоевичахъ прирѣзали почти издыхавшую корову и нашли въ ея желудкѣ около 5 окъ

*) Сборникъ правила, прописа и наредба у санитарској струци клежевине Црие-Горе. (Изданье мнн-ства унутр. дѣла). Цетинье 1891. Составл. д-ромъ Миланничемъ. стр. 35.

фасоли съ шелухой и травой, много капусты и воды; значить, она объѣлась и потомъ опилась. Мясо ея не бросили, а посолили и потомъ высушили; но пробовали и въ свѣжемъ видѣ; при этомъ мать дала его поѣсть сначала только дѣвочкамъ и, когда увидѣла, что по прошествіи нѣкотораго времени имъ ничего не сдѣлалось, тогда дала и сыну.

На лошадахъ есть болѣзнь *баиа* (мокрецы) и говорится *конь баалив*, *абаливио*; и *саканя*, *чутунар* или *рмя* — опухоль подъ горломъ и прыщи по кожѣ *); *сипа*, *сиплиоз конь* — сапъ; затѣмъ идутъ болѣзни: *сичія* (чахотка) — воспаление легкихъ; часто приписываютъ болѣзнь тому, что въ сѣно попалъ куриный пометъ или перо (*какошиняк* или *перушина*). У народа есть свои лѣкаря, которые лѣчатъ скотъ; а въ то же время и правительство держитъ одного ветеринара (*мароени лѣкар*), назначеніе котораго главнымъ образомъ санитарно-полицейское: на его обязанности лежитъ принятіе мѣръ противъ распространенія эпизоотіи, свидѣтельствовать скотъ, прибывающій изъ-за границы, а также выдавать свидѣтельства на домашній скотъ, отправляемый за границу, для чего и изданъ сборникъ правилъ (см. выше). Для лѣченія же скота къ нему прибѣгаютъ весьма рѣдко.

Кромѣ враговъ скотоводства, воспринимаемыхъ скотомъ въ пищу изъ растительнаго царства, есть враги, приносящіе ему вредъ, болѣзни и даже смерть непосредственнымъ нападеніемъ на него. Есть породы змѣй, укушеніе которыхъ для всякой скотины, крупной или мелкой, всегда сопровождается смертью, при томъ очень быстрою, черезъ четверть или полчаса. Ядовито также укушеніе скорпиона; но оно рѣдко сопровождается смертью животнаго, а только, если мелкая скотина, то она вся опухаетъ, а потомъ съ нея слѣзаетъ кожа. Есть много мелкихъ враговъ, которые своимъ ужаленіемъ беспокоятъ и мучатъ скотъ: овода, слѣпни, которыхъ, впрочемъ, немного; такъ назыв. *конская муха* — плоская и необыкновенно твердая; *штрока* — подкожный червь

*) Сборник стр. 38.

у крупной рогатой скотины, отъ котораго она бѣсится (*штрока се*); различные виды клеща (*кришель*) и другое животное въ родѣ конской мухи, только безъ крыльевъ, *крелица* или *криняк*, которое впивается особенно въ тѣло ягнать, а у старыхъ овецъ только на мѣстахъ безъ шерсти.

Особую статью составляетъ свиноводство, которое, надобно замѣтить, мало распространено въ Черногоріи, потому что дубовыхъ лѣсовъ нѣтъ, чтобы кормить свиней желудями (*жир*), а хлѣба и отбросковъ, годныхъ для ихъ корма, также весьма мало. Главнымъ образомъ держатъ ихъ лѣшняне, которые вообще отличаются хозяйственностью; за тѣмъ въ нижнихъ частяхъ Рѣцкой нахи и въ окрестности Жабляка, гдѣ подолгу застаивается вода, и потому есть болотныя травы, кореньями которыхъ и могутъ питаться эти животныя; откармливаютъ ихъ такъ же въ изобиліи родящимися тыквами. На озерѣ же собирается чилимъ (рогатый орѣхъ, касароня, *trapa natans*), и еще есть одно водяное растеніе, выбрасывающее три сросшихся вмѣстѣ орѣшка, назыв. по-черног. *водени жир* или *жирок* (*potamogeton natans*); оба эти плода также служатъ для корма свиней.

Главнымъ базаромъ служитъ Рѣка и частью Подгорница, гдѣ другіе покупаютъ поросятъ или побольше подсвинковъ для того только, чтобы, прокормивши два-три мѣсяца, убить.

Поросенка малаго или побольше и даже взрослога кабанчика называютъ *буар*, нисколько однако не относя это къ болгарской народности, а выражая тѣмъ ихъ особенный визгъ, что назыв. *буарити*. Большого кабана зовутъ *сенар*, а свинью *расица* или *джора* и стадо свиней — *джезен*.

Поражаетъ и ихъ особенная горловая болѣзнь *иронца* (можетъ быть отъ *ирло*, *иро*).

4. Заботливость черногорца о скотѣ, выражающаяся при отправленіи многихъ праздниковъ, въ различныхъ обычаяхъ и обрядахъ.— Сравненіе между собою земледѣлія и скотоводства въ Черногоріи съ нѣсколькими относящимися къ тому статистическими данными.

Насколько жизнь черногорца связана съ судьбою его стада, видно изъ того, что, какъ мы знаемъ уже изъ описанія жилища, онъ половину его и даже больше отдаетъ скоту и отводитъ ему мѣсто при празднованіи особенныхъ дней, дѣлая его участникомъ въ обрядовой жизни своей семьи. По нему гадаютъ черногорецъ о погодѣ и о добромъ или худомъ годѣ.

Самый важный въ Черногоріи праздникъ *божич* (Рождество) не проводится безъ того, чтобы не дать въ немъ участія и домашней скотинѣ.

Въ Васоевичахъ наканунѣ его (бадни вечер), когда положить *бадняк* (рождественское дерево), его поливаютъ виномъ и кладутъ на него хлѣбъ съ такимъ изображеніемъ: съ одного края рало и передъ нимъ два кружка, изображающіе пару воловъ, а сзади *ратай* (пахарь); на другомъ краю *тор* въ видѣ полукруга и внутри его овцы; передъ воротами — *чобан*, а у самыхъ воротъ собака. Когда пройдетъ нѣкоторое время, окончатъ ужинъ и развеселятся, кто-нибудь изъ старшихъ домашнихъ незамѣтно уходитъ къ скотинѣ, беретъ вола, непременно того, который запрягается съ правой стороны, покрываетъ всего различною одеждой, а голову убираютъ платками и какими-нибудь цвѣтными лоскутками, и въ такомъ нарядѣ вводятъ его въ домъ. Старшіе крикнуть: «Божичъ идетъ!» Дѣти всполошатся и съ напряженіемъ ждутъ появленія божича, а увидавъ всѣмъ имъ знакомаго быка, простодушно кричатъ: «Какавъ то божичъ, то е наш мацоня (имя быка)!» Затѣмъ подводятъ его къ огнищу и хозяйка дома надѣваетъ ему на одинъ рогъ хлѣбъ, и тутъ гадаютъ, смотря по тому, стоятъ ли животное смирно или старается стрях-

нуть хлѣбъ, и поднимаетъ ли рогъ съ хлѣбомъ кверху, или опускаетъ его. Иные зажигаютъ свѣчи у воротныхъ столбовъ передъ помѣщеніемъ скота, и пропускаютъ между ними весь скотъ, а потомъ надъ нимъ дѣлаютъ нѣсколько выстрѣловъ.

Въ тотъ же *бадній демъ* пастухъ срѣзываетъ пруть, а гдѣ есть виноградъ, то виноградную лозу, и носитъ его цѣлый день такъ, чтобы не дотронуться до земли, и не садится, пока не внесутъ баднякъ, послѣ чего приходитъ домой, кладетъ пруть на порогъ воротъ и перегоняетъ черезъ него все стадо. Совершивши это, онъ затыкаетъ пруть гдѣ-нибудь подъ крышей или потолкомъ, и если захвораетъ животное, то онъ ударяетъ его этимъ прутомъ или обовьетъ имъ шею животнаго, и животное отъ того должно выздоровѣть. Въ герцеговинскихъ краяхъ на другой или на третій день божича собирались чобаны, чловѣкъ 50 и до 100, въ какомъ-нибудь мѣстѣ въ селѣ со всѣми своими стадами и смѣшивали ихъ вмѣстѣ; разбрасывали имъ тутъ по немногу сѣна и давали соли, и стрѣляли черезъ нихъ; а послѣ, наѣвшись вдоволь сами, опять раздѣляли весь скотъ, при чемъ каждый чобанъ выгонялъ только своего *умча*, который, звоня своимъ *чактаромъ*, направлялся своей дорогой, и все его стадо шло за нимъ.

Когда приходитъ кто въ домъ, непременно долженъ подтолкнуть баднякъ на огнищѣ такъ, чтобы искры поднялись кверху, и между всѣми пожеланьями главное состоитъ въ томъ, чтобы больше было ягнятъ, козлятъ и т. д. На баднякъ сажаютъ дѣвочку, чтобы покачалась на немъ, и тогда въ стадахъ будетъ рождать больше женскаго пола. На Васильевъ день въ Васоевичахъ пекутъ плоскіе небольшіе калачики по одному на каждого ребенка мужскаго и женскаго пола, и на нижней части ихъ кругомъ и по срединѣ продавливаются кружочки палкой изъ шиповника, у котораго вынута сердцевина, или горлышкомъ бутылки. Эти калачики называются *василице*. Взявши ихъ, дѣти рано утромъ отправляются къ скоту и сначала кричатъ разными голосами у разныхъ животныхъ: у однихъ ревуть, у другихъ блеютъ, у третьихъ кудах-

чуть, и при томъ кладутъ на что нибудь по кусочку, выщипнутому изъ дна колачика, гдѣ уже намѣчено было кружочками. Потомъ дѣти хвалятся одинъ передъ другимъ, кто поставилъ больше василицъ; а иной маленькій возвращается съ плачемъ, поморозивши руки и ноги. Въ продолженіе февраля и за три дня до марта нельзя сновать сукно, потому что тогда стаду не было бы житья отъ волка. Въ тѣхъ же видахъ иные постятся всякую среду и пятницу, хотя бы то было и на всеядной недѣлѣ.

На Юрьевъ день до восхода солнца пастухъ выходитъ на какое нибудь возвышеніе подалеже отъ дома и произноситъ слѣдующее заклинанье: «Я видю зелену букву, предаемъ ти лѣтню муку; я видю зелен бор, предаемъ ти лѣтни мор; я видю зелен дриен, предаемъ ти лѣтни дриемъ» т. е. тяжесть отъ лѣтняго жара онъ передаетъ буку; утомленье — бору, а дремливость дереву дрену, для того чтобы всегда бодрствовать и лучше беречь свое стадо. Это дѣлаютъ маленькіе пастухи, увидѣвши и стараясь предупредить другого пастуха.

Затѣмъ весь скоть выгоняютъ изъ стойла на чистую полянку и тутъ даютъ ему соли, а въ то же время черезъ него стрѣляютъ. Пруть, которымъ гонять скотину, непременно долженъ быть свѣжій, не отъ сухого дерева. Въ Морачѣ на Спасовъ день (Вознесенье) срѣзываютъ двѣ вѣтки и, провертѣвши въ одной изъ нихъ дырочку, другую продѣваютъ такъ, чтобы образовался крестъ, который и ставятъ надъ стойломъ. Тамъ же накануне Тройцы и въ этотъ самый день обходятъ вокругъ стана съ зажженною восковою свѣчею.

На *врачее* (1-го ноября) въ Граховѣ шкото не работаетъ ничего изъ шерсти; а пастухи на этотъ день непременно закаляютъ козу, пекутъ её и ѣдятъ съ гостями. Это тоже ради благополучія стада.

На Петковъ день (14 окт.), а иные на Лукинъ д. (18 окт.) или же на Митровъ (26 окт.) наблюдаютъ ночью или на разсвѣтѣ, какъ лежатъ овцы, и по тому гадаютъ о времени: если

переднія ноги вытянуты, то зима будетъ мягкая; если поджаты подъ себя, то — суровая.

Наконецъ по лопаткѣ (*плетка*) ягненка гадаютъ вообще о судьбѣ человѣка, но для этого ягненокъ долженъ быть такой, который уже пасется на травѣ.

Женщины 1-го марта непременно сбиваютъ масло, приговаривая: «Мени гука (комокъ), нека цѣломъ свѣту мука»; тогда цѣлое лѣто молоко будетъ гуще, и изъ него будетъ выходить больше масла и сыра.

Эти общія наблюденія надъ жизнію могли бы получить болѣе опредѣленный и точный обликъ въ статистическихъ данныхъ; но такихъ данныхъ, какъ мы уже не разъ упоминали, не имѣется, вслѣдствіе того, что правительство черногорское не считаетъ нужнымъ ихъ публиковать. Поэтому ограничимся тѣми немногими данными, которыя попали намъ въ руки случайно, и на основаніи ихъ постараемся хотя до нѣкоторой степени подойти къ опредѣленію того, какой отрасли экономической жизни черногорскій народъ отдается больше, какой меньше.

За 1880 г. мы имѣемъ слѣдующія данныя:

пахотной земли было	109.000	ралъ
покосовъ (лываде)	59.000	косъ
овецъ и козъ	530.000	головъ
коровъ и быковъ	70.000	»
лошадей, муловъ и ословъ.	10.000	»
свиной	21.000	»

Разсчитывая все это на бывшія въ то время 150.000 душъ или на 25.000 домовъ, считая на каждый домъ по 6 душъ, мы получимъ слѣдующее распредѣленіе:

пахотной земли на 1 душу	0,72	рала	на 1 домъ	4,36
покосовъ » » » »	0,39	косы	» » »	2,36
мелкаго рог. ск. » » »	3,53	головы	» » »	21,20

крупнаго рог. ск. на 1 душу	0,43	головы на 1 домъ	2,80
лошадей и проч.	» » »	0,06	» » » » 0,4
свиней	» » »	0,14	» » » » 0,84.

Послѣ того, само собою разумѣется, увеличилось количество пахотной земли, такъ какъ по нашему личному наблюденію въ пашни обращены значительныя пространства, лежавшія до того времени пустыми, какъ Косовилугъ въ Бѣлопавличахъ, окрестности Подгорицы, а также много мѣстъ въ Васоевичахъ, Дробнякахъ, Пивѣ и въ Ульчинѣ. Но рядомъ съ этимъ одно время послѣдовало значительное увеличеніе и скота: такъ, 1884 г. было 768.000 овецъ и козъ, 140.000 крупн. рогат. скота и 18.000 лошадей.

Къ несчастію, въ слѣдующихъ годахъ число головъ скота стало сильно упадать, частью отъ болѣзни, а главнымъ образомъ отъ безкормицы. Въ Банянахъ, напр., въ одномъ году послѣ того изъ 45.000 мелкаго скота погибло 10.000. Вообще послѣдніе 3—4 года скотоводство въ Черногоріи сильно упало, и если эта зима, несмотря на урожай сѣна, прошла для скота благополучно, то благодаря тому только, что вообще скота осталось мало; но не меньше, чѣмъ было въ 1880 г.; а число лошадей во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ значительно увеличилось, потому что въ нихъ являлась большая потребность, а потому онѣ больше и зарабатываютъ; по Катунской, Рѣцкой, Цермницкой нахіямъ и въ Приморьи значительно увеличилось число муловъ и ословъ; всюду стали также больше держать свиней.

Какъ бы то ни было, земледѣліе идетъ впередъ безповоротно, и особенно усиливается виноградарство; но скотоводство, при всѣхъ колебаніяхъ все еще значительно преобладаетъ, и въ полной силѣ остается старое убѣжденіе черногорца, что главное его богатство состоитъ въ скотѣ, о которомъ онъ больше всего и заботится.

Въ смыслѣ этнографическомъ въ высшей степени интересно получить данныя относительно этого распредѣленія по отдѣльнымъ

племенамъ. Но тутъ мы имѣемъ еще менѣе данныхъ или, сказать по правдѣ, вовсе никакихъ. Только случайно намъ попались слѣдующія данныя за 1882 г. относительно васоевичей, обладающихъ громадными планинами и пастбищами, и лѣшнянъ, вовсе не имѣющихъ планинъ и вынужденныхъ потому даже на лѣто отдавать свой скотъ въ другое племя; у васоевичей въ то время было: мелкаго рогат. скота по 3,2 на 1 душу или почти 20 на домъ; а у лѣшнянъ по 5 на 1 душу или по 30 на домъ.

У васоевичей, надобно при томъ замѣтить, и земли приходится гораздо больше, чѣмъ въ общемъ числѣ по Черногоріи; именно: на 1 домъ болѣе, чѣмъ по 5 разъ пахотной земли, и по 6 косъ ливады.

За 1891 г. мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно Цуць въ Катунской нахи (Глас Црног. 1892 г. № 6): на 450 хозяевъ приходится земли 1427 разъ пахоты, 368 косъ ливады, ок. 20.000 мелк. скота, немного менѣе 1600 крупнаго и ок. 110 лошадей; что значитъ: на 1 домъ — 3,18 разъ и 0,8 косъ; ок. 44½ мелк. скота, 3½ крупнаго и 1 лошадь на 4 дома.

Эти скудныя данныя намѣчаютъ намъ слѣдующія указанія относительно сельскаго хозяйства двухъ половинъ Черногоріи — приморской или вообще той, гдѣ преобладаетъ каменистая почва, и другой, удаленной отъ моря съ преобладаніемъ высокихъ съ мягкою почвою и лѣсистымъ характеромъ горъ: въ первой при недостаткѣ простора характеръ хозяйства болѣе интенсивный, чѣмъ во второй; не говоря уже о томъ, что въ первой же болѣе развиты и другія отрасли сельскаго хозяйства, какъ садоводство и особенно виноградарство.

XI.

ОБРАБОТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

При описаніи жилища черногорца мы показали вмѣстѣ съ тѣмъ его, какъ зодчаго, указавши также способы и средства, съ помощью которыхъ онъ производитъ различныя постройки. Тамъ же мы указали и на производство кирпича и черепицы. При описаніи домашней утвари, посуды и другихъ принадлежностей въ домашней обстановкѣ жилища познакомились мы съ его издѣліями изъ дерева и глины. Затѣмъ мы знаемъ уже приготовленіе матеріала для различныхъ видовъ одежды и шитье самой одежды, что производится дома, главнымъ образомъ руками женщины. Винодѣліе мы соединили съ виноградарствомъ въ отдѣлѣ земледѣлія. Теперь мы остановимся на производствѣ исключительно мужскомъ при помощи различныхъ снарядовъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ только мельницы мукомольныя, сукновальныя и для оливковаго масла.

Устройство мельницы бываетъ различно, смотря по тому, стоитъ она на малой водѣ, на какомъ-нибудь потоцкѣ, или на

большой, какъ рѣки: Черноевича, Зета, Рыбница, Злорѣчица и др.

Въ первомъ случаѣ всегда устраивается прудъ (*устава*), иногда въ видѣ крупнаго каменнаго блюда или черногорскаго гумна съ прямыми закраинами; въ немъ вода сначала прикопляется и потомъ по мѣрѣ накопленія пускается на водяное колесо черезъ трубу изъ выдолбленнаго дерева (*бадань*). Такія мельницы находятся въ Кучахъ, Цермницѣ, Барѣ, Ульцинѣ и др. (Въ цѣломъ Приморьѣ то же самое.)

Если же мельница строится на большой водѣ, то сначала устраивается запруда поперекъ рѣки въ видѣ каменной плотины, черезъ которую однако вода переливается въ видѣ порога, и эта часть приподнятой воды называется *лава* или *бенг*; отъ этого мѣста прокапывается каналъ, или онъ выкладывается изъ камня надъ поверхностью земли, чтобы вести воду къ мельницѣ; это *яз* или *яжа*.

Амбаръ мельничный можетъ быть каменный или деревянный, при чемъ сзади сдѣланы отверстія для водяныхъ колесъ, а спереди входъ въ верхній этажъ, гдѣ находятся жернова.

Водяное колесо всегда горизонтальное на вертикальной оси такого устройства: въ деревянный валъ (*оретено*) при нижней части вставляются крестообразно нѣсколько спиць (*пѣра*), имѣющихъ на концахъ углубленныя расширенія въ родѣ ложки (оттуда и называется иногда *кашикара*, то что въ Сибири—*мутовка*). Валъ этотъ со спицами вставляется вертикально между двумя балками въ продѣланныя въ нихъ гнѣзда безъ желѣзной пяты или шпилья. Вода, падая сверху, бьетъ въ эти ложкообразныя спицы и поворачиваетъ валъ, на верхній конецъ котораго и насаживается жерновъ, приводимый такимъ образомъ въ движеніе непосредственно, безъ всякихъ передаточныхъ средствъ (зубчатаго колеса и шестерни).

Верхній приборъ состоитъ изъ двухъ жернововъ (*минн*, *ждрвань*), изъ которыхъ нижній—неподвижный, а верхній приводится въ движеніе валомъ водяного колеса, на конецъ кото-

раго онъ насаженъ и укрѣпленъ посредствомъ желѣзной угластой втулки (*пдприца*, иначе *рогелица*), самое же отверстіе въ камнѣ называется *копанница*. Этотъ верхній конецъ вала имѣетъ особенное названіе *ле* (род. п. *леа*, дат. *леу*). Каждый камень окованъ желѣзнымъ обручемъ, особенно если составленъ изъ нѣсколькихъ кусковъ. Вокругъ нихъ обичайка или обшивка изъ дощечекъ (*лубе*); а сверху всего деревянный четверугольный ящикъ, узкій внизу, ковшъ (*кош*), висящій на веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ толстой балкѣ подъ потолкомъ; въ него сыплется зерно, проваливающееся черезъ отверстіе внизу (*корито*) въ соответствующее отверстіе въ жерновѣ. Чтобы ковшъ приходилъ въ сотрясеніе и находящееся въ немъ зерно высыпалось, служитъ особый приборъ, состоящій изъ палочки, прикрѣпленной однимъ концомъ къ ковшу, а другимъ къ лежащей на краю обичайки, и къ ней въ свою очередь прикрѣплена тонкая дощечка, касающаяся жернова (*чектало*); бороздки, сдѣланныя на камнѣ, задѣваютъ эту дощечку, и тѣмъ потрясается ковшъ. Ниже жернова сбоку поставленъ деревянный ящикъ, въ который сыплется мука (*мушня*, *мучница*). Кромѣ того, съ боковъ этого ящика и жернововъ есть особый приборъ для поднятія или опусканія верхняго жернова (*крст*). Прилагаемъ при томъ чертежъ верхняго снаряда. (См. стр. 696).

Маленькія сельскія мельницы всегда объ одномъ поставѣ (*виттао*, род. п. *витта*); а большія о нѣсколькихъ, отъ 6—10.

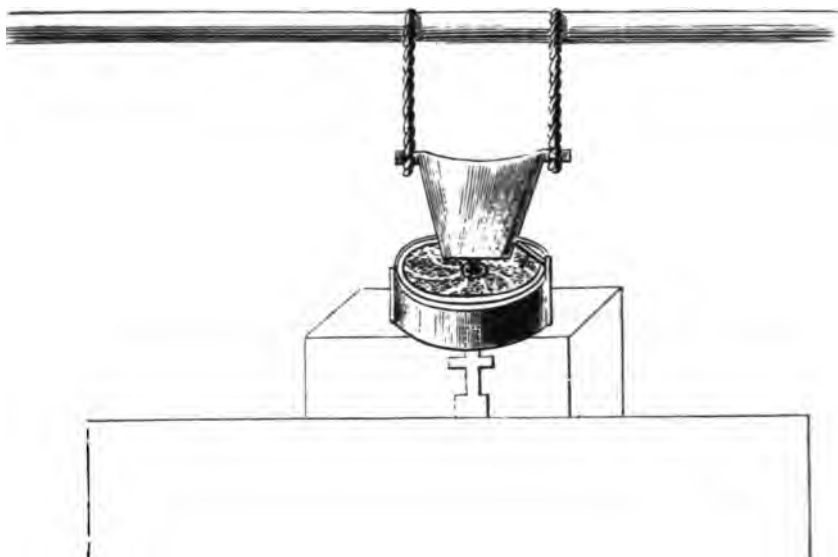
Мельницы въ Васоевичахъ и Дробнякахъ смалываютъ за 24 ч. самое меньшее 100, а самое большее до 300 окъ или среднимъ числомъ 150—200. Но мельница при Пивскомъ мон. мелеть въ сутки до 10 неполныхъ товаровъ, что составляетъ около 700 окъ; въ Подгорицѣ же до 17 тов. полныхъ или до 1700 окъ.

За помоль (*уям*) берется 5 на сто; а въ Васоевичахъ съ 15—20 окъ берется 1 ока, что составляетъ почти то же.

Всѣ мельницы въ старое время принадлежали обществамъ, селу или просто товариществу изъ нѣсколькихъ хозяевъ. Напр., въ Шавникѣ на рѣкѣ того же названія, при самомъ ея истокѣ,

главная, такъ сказать, мельница (теперь, впрочемъ, не работающая, хотя мѣсто ея еще не упразднено) принадлежитъ 70-ти домохозяевамъ села Превиша; въ Васоевичахъ есть мельница на Злорѣчицѣ, въ которой участвуютъ 20 домовъ села Божичей. Въ Подгорицѣ на Рыбницѣ есть такъ называемый *нови-манн* (построенъ онъ однако давно, турецкій,) о шести поставахъ, принадлежащій 30-ти хозяевамъ; а есть тамъ же мельницы, имѣю-

Мельница на Рыбницѣ въ Подгорицѣ.

щія по 6—10 хозяевъ. На рѣкѣ Черноевича есть мельница, принадлежащая государству; монастыри имѣютъ также свои мельницы. Въ послѣднее время всѣ почти вновь строящіяся мельницы принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ; такъ, на Рѣкѣ мельница воев. Д. Матаевича; на Зетѣ, близъ ея соединенія съ Морачей, воев. пипер. Михайла Нишина; на Рыбницѣ въ Подгорицѣ — Богича, на Цѣвнѣ — его же и воев. Станка Радонича и т. д.

Въ малыхъ сельскихъ мельницахъ обыкновенно не бываетъ особыхъ мельниковъ; а кто принесетъ хлѣбъ, тотъ самъ его и мелетъ. Иные хозяева, чтобы не могъ безъ спроса смолотъ никто изъ не участвующихъ въ долѣ, вынимаютъ изъ жернова желѣзную *напреницу*. Но въ Пивѣ одинъ ухитрился сдѣлать напреницу деревянную и смолотъ такимъ образомъ безъ спроса хозяевъ 90 окъ. За это онъ былъ приговоренъ кметомъ (сельскимъ старшиною) къ штрафу въ 4 флор. и двухдневному аресту; но послѣднее ему было сокращено на одну ночь изъ уваженія къ его искусству.

На мельницахъ же большихъ всегда держится мельникъ или нѣсколько ихъ. Такъ въ Пивѣ въ монастырской мельницѣ есть особый мельникъ, который получаетъ, въ годъ 80 флор. на хозяйскомъ содержаніи. Въ Новомъ-млинѣ въ Подгорицѣ, кромѣ главнаго,—по одному мельнику (*шерт*) на каждый поставъ, которымъ онъ и завѣдуетъ, за что получаетъ $\frac{1}{2}$ отъ помола (*уйма*); а ночью надо всѣми 6-ю поставами находятся двое слугъ для наблюденія за особую плату. Сверхъ того есть 1 *баждар*, котораго должность мѣрять хлѣбъ. Обдирать зерна, находящіяся въ шелухѣ, какъ просо, ячмень, овесъ, греча — здѣсь не умѣютъ.

При мукомольныхъ же мельницахъ обычно находится всегда и одинъ приводъ для валянья сукна (*стута*, *валяница*).

Валяница (сукновальная мельница).

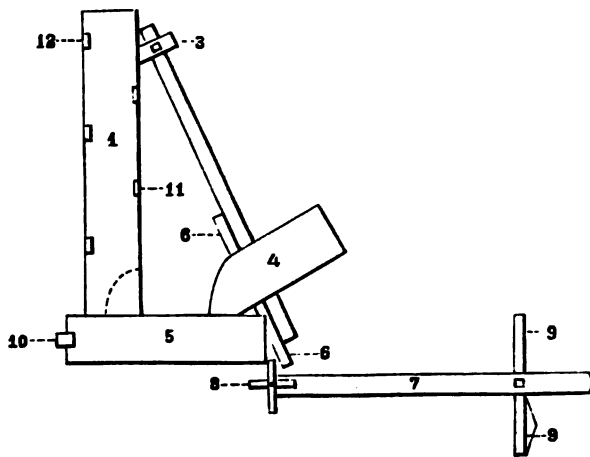
(въ Шавникахъ).

Отдѣльные части:

1. *казан*—состоитъ изъ двухъ брусевъ, связанныхъ спереди и сзади поперечными брусками, № 11 (сзади 3, спереди 2).
 2. *чукаль*—черенокъ, на который насаженъ молотъ № 4.
 3. *ребен*—два бруска, между которыми вставленъ чукаль, свободно колеблющійся на деревянномъ гвоздѣ, называющемся — *ключаница*.
 4. *малъ* — голова молота.
- Всего такихъ два молота.

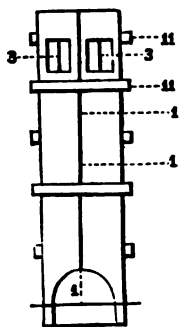
5. *окошечница*—двѣ толстыя доски, между которыми вставленъ казанъ; онѣ связаны сзади брускомъ.
6. *подлоца*—брусокъ, которымъ заклинивается голова молота на черенѣ.

I. бокъ.

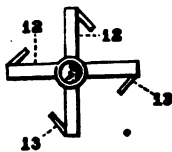

Колеблясь, эти два молота бьютъ въ отверстіе казана (II, № 1), куда положено сукно, смоченное горячею водою и потомъ отъ времени до времени поливаемое. Далѣе слѣдуетъ часть, приводящая въ колебательное движеніе молоты.

II. фасъ.

7. *вращено*—валъ, на которомъ на концѣ насаженъ крестъ изъ двухъ брусковъ (№ 8); а на другомъ концѣ приводящее его въ движеніе водяное колесо (№ 9); при этомъ крестъ концами ударяется въ брусокъ (№ 6) и вскидываетъ молотъ вверхъ, который послѣ самъ опускается и бьетъ сукно.
8. *крестъ*.
9. *точак* или *коло*, которое состоитъ изъ двухъ брусковъ крестообразно пропущенныхъ сквозь валъ: 4 конца этого креста называются—*юбеле* (12); и на концахъ ихъ укрѣплены плечи—*пера* (13).
10. *мач*—брусокъ связывающій двѣ доски № 5.
11. *хумак*—брусокъ, связывающій двѣ половины казана.

За 24 часа валяютъ до 100 локтей сукна, взямая за то по 10 паръ (ок. 4 крейцер.) за локоть. Въ продажѣ такое сукно два цванцигера (70 крейцеровъ). Въ Шавникахъ 8 такихъ сукновальни.

Приводить въ движеніе вода, отведенная сначала канавой (язь), потомъ направленная въ деревянную трубу, которая называется *бадамъ*. Труба эта положена косо, такъ что вода изъ нея бьетъ въ плицы колеса.

Тамъ же находятся 12 поставовъ мельницъ.

На Зетѣ у Данилова-града есть одна мельница пловучая, принадлежащая братьямъ Шобанчамъ. Она совершенно такого же устройства, какъ на Дунаѣ и Савѣ (*долан*) или у насъ на Уралѣ и на Дону (байдаки).

Есть одна лѣсопильная мельница близъ Никшича, принадлежащая кн. Николаю и построенная мастеромъ изъ Австріи.

Выжимка оливковаго масла производится только въ Барѣ, Ульцинѣ и немного въ Краинѣ. Въ этомъ производствѣ заключаются двѣ главныя операціи: превращеніе маслиновыхъ зеренъ въ массу и затѣмъ выжимка масла изъ этой массы.

Первое производится такимъ образомъ. Кладется большой круглый камень въ родѣ большого жернова, середина котораго углублена, такъ что образуются закромки; это называется *кадь*, въ которую насыпаются маслины; посрединѣ его находится столбъ, вокругъ котораго на вертикальной оси вращаются одинъ или два круглыхъ камня и давятъ маслины, обращая ихъ въ массу, называемую *миза*. Кладется обыкновенно 10—12 багажей, а когда смелютъ такимъ образомъ 20 багажей, это называется *млин*. Эта масса потомъ идетъ подъ пресель, въ которомъ нажимъ производится посредствомъ винта обыкновенно деревяннаго, а нѣкоторые въ новѣйшее время заводятъ и чугунные винты, неудобные въ томъ отношеніи, что въ случаѣ поломки ихъ здѣсь некому поправить, вслѣдствіе чего и держатся больше деревянныхъ.

Масса эта потомъ кладется въ круглые мѣшечки (*кош*, *ретница*), сплетенные изъ тамошняго растенія *зума* (*junceum*) собственнаго производства или лучшіе изъ Дубровника.

Наполненные массой, они кладутся на толстый деревянный

кружокъ, который въ свою очередь лежитъ на чугунной, круглой же формы, плитѣ съ высокими закромками, и съ однимъ желобкомъ. Накладываютъ такимъ образомъ 15 кошей (до 12 багажей) одинъ на другой и начинаютъ жать посредствомъ винта, который ворочаютъ при помощи рычаговъ 4 человѣка. Масло стекаетъ на нижній чугунный кружокъ, а оттуда по желобку въ устроенный подъ нимъ резервуаръ. Когда сожмутъ все это на $\frac{1}{3}$ вышины винта, его развинчиваютъ, коши вынимаютъ, находящуюся въ нихъ массу переворачиваютъ и снова кладутъ подъ прессъ; но, прежде чѣмъ начать сжимать, обливаютъ горячею водою, которая помогаетъ выдѣленію оставшихся частицъ масла, и этимъ вся операція выжимки окончена. Эти послѣдніе выжимки, называемые *брача*, выбрасываются. Её можно употреблять для отопленія, и тутъ же въ маслобойнѣ ею топятъ печь для нагрѣванія вмазаннаго въ неё котла съ водою.

Жернова, служащія для давленія маслинъ, чтобы обратить ихъ въ массу, приводятся въ движеніе животною силою, большею частью ослами, а въ усовершенствованныхъ маслобойняхъ водянымъ приводомъ, какъ на мельницѣ. Вода, вытекающая вмѣстѣ съ масломъ, называется *мура*. Самое лучшее масло, конечно, то, которое вытекаетъ прежде поливанія массы горячею водою, и это, какъ въ ракин, называется *проток*. Готовое масло сливается въ большіе деревянные четырёхугольные ящики, обложенные внутри жстью и называемые *кашун*.

За одинъ день могутъ обработать 48 и до 98 багажей; а 1 багажъ даётъ до 3-хъ окъ масла.

Лучшая маслобойня была устроена воев. Машою Врбицей въ Барѣ; и при этомъ изъ остатковъ массы приготавлилось простое бѣлое мыло, которое было весьма хорошаго качества. Выдѣлка мыла однако прекратилась.

ХІІ.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ.

1. Сухопутные.

Въ настоящее время въ Черногоріи довольно шоссеиныхъ дорогъ, строившихся сначала съ помощью инженера изъ Австріи, а потомъ черногорцы научились строить ихъ сами.

Австрія, заинтересованная въ сбытѣ своихъ произведеній въ Черногоріи, сначала давала ей извѣстную денежную субсидію и своего инженера; но въ послѣднее время черногорцы въ этомъ отношеніи совершенно предоставлены собственнымъ средствамъ, и дѣло не останавливается.

Вотъ эти уже готовыя и дѣйствующія дороги:

Отъ Котора до Цетинья	42 км.
(въ томъ числѣ на долю Черногоріи
приходится болѣе)	28 »
Отъ Цетинья до рѣки Черноевича около .	17 »
» Рѣки Ч. до Подгорицы	28 »
» Подгорицы до Данилова-града	22 »
» Данилова-града до Никшича	28 »

Кромѣ того, отъ Подгорицы до Плавницы,
пристани на Скадарскомъ озерѣ.	18 км.
Отъ Вирбазара до Бара	35 »
» Бара до пристани на морѣ, около.	5 »

Всего значить 195 км.

По этимъ дорогамъ идутъ большія телѣги съ товаромъ и коляски съ пассажирами.

Кромѣ того, есть дороги конныя, которыя устроены съ чрезвычайно малыми наклонами и потому легко могутъ быть обращены въ колесныя; таковы: отъ Цетинья черезъ Цуцы на Грахово около 60 км.; отъ Ульцина до св. Николая (на устьѣ Бояны) около 30 км. и до половины дороги къ св. Георгію (на Боянѣ же по направленію къ Скадру). Остальныя дороги служатъ для проѣзда верхомъ на лошади и для вьючной переноски различныхъ тяжестей. Наконецъ есть дороги, по которымъ можно проходить только пѣшкомъ.

Впрочемъ, здѣшнія лошади и особенно мулы способны проходить по дорогамъ, которыя въ другой странѣ считались бы непроходимыми. Есть однако такія мѣста на этихъ дорогахъ, гдѣ вы поднимаетесь или спускаетесь по ступенькамъ, кое-какъ высѣченнымъ въ почти отвѣсныхъ скалахъ или настолько высокимъ, что подняться можно только при помощи рукъ. Эти мѣста такъ и называются *скала* (отъ итальянск. *scala* — лѣстница): Біела - скала на высокомъ перевалѣ черезъ Румію между Баромъ и Скадарскимъ озеромъ; Скала-од-Мокре-планине въ Кучахъ; Скала-Смедец и Зломештит при спускахъ отъ Затребча въ долину р. Цѣвны и др.

Многія изъ этихъ дорогъ проторены просто ногами чело-вѣка съ весьма малыми поправками для устраненія непреодолимыхъ препятствій; а есть проложенныя искусственно въ давнее время трудомъ цѣлаго племени или нѣсколькими племенами вмѣстѣ. При этомъ можно видѣть, какъ искусно умѣеть черно-

горець трассировать дорогу, избѣгая излишнихъ спусковъ и подъемовъ или большихъ обходовъ.

На дорогахъ болѣе проходныхъ, по которымъ приходится носить и тяжести, есть мѣста отдохновеній, природныя въ видѣ какого-нибудь плоскаго камня или устроенныя искусственно изъ камней, сложенныхъ въ видѣ плоскаго возвышенія, иногда съ известью, на которое можно прежде всего спустить со спины тяжесть, а потомъ и самому сѣсть; особенно большое облегченіе это представляетъ при подъемѣ тяжести на спину; это такъ называемыя *почивала*: Мулино-почивало при соединеніи цупкой дороги съ чевской; между Косіерами и Цетиньемъ; на большомъ подъемѣ отъ Цетинья въ Угни; по старой дорогѣ отъ Рѣки на Метеризы и мн. др.

Черезъ лѣса для дорогъ дѣлаютъ просѣки и считается великимъ грѣхомъ завалить ее срубленными деревьями, что называется «засѣчи путь», хотя сплошь и рядомъ это святое правило пренебрегается, и часто большія деревья, срубленные для того только, чтобы дать объѣсть ихъ листья скоту, перегораживаютъ дорогу поперекъ и дѣлаютъ ее совершенно непроходимую для ѣдущаго на лошади. Иногда *застыкали* дороги нарочно, чтобы закрыть путь непріятельской конницѣ, напр. въ окрестностяхъ Никшича въ Дугѣ и по дорогѣ въ Рудины, и др.

Для перехода черезъ потоки и рѣки существуютъ различные способы. Если вода не глубока, то кладутъ черезъ нее большіе камни, по которымъ и переходятъ, иногда дѣлая скачки; это назыв. *скакала* или *крокала*. Если же вода глубокая, а русло, по которому она идетъ узкое, то перекидываютъ бревно (это назыв. *лаз*) или доску (*сушица*), или же полотно, сплетенное изъ хвороста (*месе*).

Послѣдній способъ составляетъ уже переходъ къ мосту, при чемъ на берегу полотна кладутся на устои, и посрединѣ иногда ставится какая-нибудь подпорка, а чтобы не понесла вода, при высокомъ ея подъемѣ, на края навалываютъ каменья.

Черезъ большія рѣки строятся настоящіе мосты—каменные

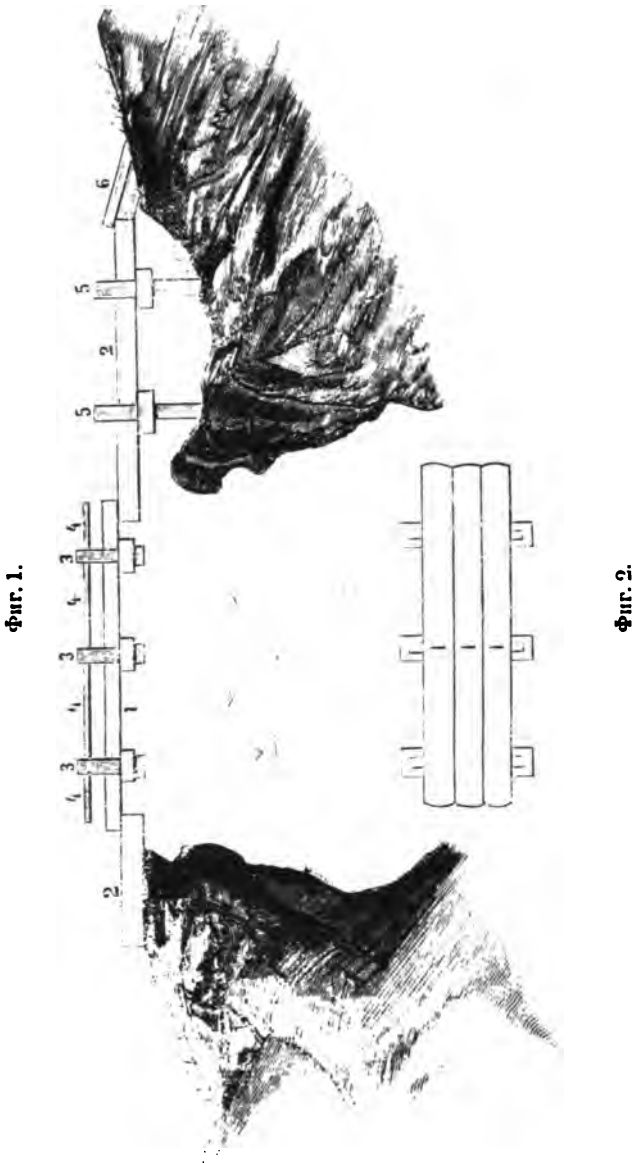
и деревянные. Первые строятся мастерами-каменщиками из обдѣланных камней, со сводами и пролетами, или на построенных из камня столбахъ намащиваютъ доски. Большіе мосты черезъ Зету въ Даниловомъ-градѣ и черезъ нее же Пиперскій мостъ между Подгорицей и Спужемъ; затѣмъ Везировъ мостъ черезъ Морачу въ Подгорицѣ, Мирковъ мостъ черезъ р. Ситницу на дорогѣ отъ Подгорицы къ Цетинью; въ самое послѣднее время построенъ мостъ черезъ р. Зету въ Никшицкой равнинѣ длиною ок. 870 метровъ съ 20-ю пролетами; открытіе его происходило 20 окт. 1894 г. и названъ онъ мостомъ Императора Александра III, и народъ зоветъ его Царевъ мостъ. Есть другіе мосты небольшіе, иногда дощатые на каменныхъ устояхъ, какъ напр. въ Спужѣ черезъ р. Зету и др. Нѣсколько мостовъ пахотятся въ самой Подгорицѣ черезъ р. Рыбницу. Всѣ эти мосты построены уже въ новѣйшее время Черногоріей, а отъ турецкаго времени остались только Везировъ мостъ и два моста черезъ Рыбницу. Въ мѣстечкѣ Шавникахъ (въ племени дробняковъ) есть каменный мостъ черезъ р. Буковицу не безъ основанія, кажется, приписываемый римлянамъ.

Оригинальную постройку, производящуюся своими домашними мастерами, представляютъ мосты деревянные. Эти мосты можно назвать висячими, потому что они въ дѣйствительности висятъ надъ водой, не поддерживаемые посрединѣ никакими столбами, а имѣя въ длину до 20-ти и болѣе метровъ, и краями держатся тоже на висячихъ концахъ толстыхъ балоковъ. Когда идете по такому мосту, онъ подъ вами качается; а между тѣмъ черезъ него прогоняютъ скотъ и проходятъ цѣлые караваны лошадей съ вьюками. Чтобы познакомиться съ устройствомъ такого моста въ деталяхъ, опишемъ одинъ изъ нихъ, напр. черезъ р. Злорѣчицу въ Андриевичѣ (въ Васоевичяхъ) и для ясности прилагаемъ чертежъ. (См. стр. 705).

Длина его надъ водой ок. 15 метровъ, а вышина въ обычный уровень воды ок. 8 м.

Полотно его составляютъ три толстыя доски, (1) назыв.

мртвице: въ Ф. 1 представлено сбоку, а на 2-й сверху. Доски

эти скрѣплены одними брусками, проходящими подъ ними, и другими, вставленными въ пухъ края (3), чѣмъ онѣ держатся очень

плотно одна къ другой, и эти бруска назыв. *стеги*. Полотно это лежитъ концами на концахъ такого же помоста (2), лежащаго частью на землѣ, и другого на столбахъ (5); этотъ второй помость назыв. *помоле*, а столбы *ражнеои*. Въ брускахъ, возвышающихся надъ мостомъ, вставлены тонкія дощечки для перилъ (4), назыв. *баские*. Съ правой стороны еще положены толстыя доски (6), прижимающія *помоле*, и на нихъ наваливаютъ камни, чтобы не понесло водою, когда она поднимается очень высоко.

Гдѣ большая вода, а нѣтъ моста, тамъ устраиваются перевозы. Самый простой перевозъ — маленькая лодочка (*чун*) съ однимъ или двумя веслами. Есть такія малыя, а при томъ неуклюжія и продырявленныя, что можно перевести только одного человѣка, двоихъ же съ большимъ рискомъ; а между тѣмъ на такихъ челнокахъ переѣзжаютъ р. Морачу, которая круто падаетъ и образуетъ каскады и водовороты между торчащими со дна громадными камнями. Такое сообщеніе было на Морачѣ между Подгорицей и Пиперами до постройки Пиперскаго моста, и нерѣдко люди тонули.

Въ Пивѣ черезъ рѣку того же названія существуютъ для перевоза *плуты*: это 5—6 бревенъ, связанныхъ вмѣстѣ, съ однимъ рулемъ и большимъ весломъ, или на канатѣ. На немъ нужно непремѣнно стоять и при томъ снять обувь, потому что та часть, на которой вы стоите, погружается въ воду. Впрочемъ, въ послѣднее время дѣлаютъ ихъ прочнѣе и намащиваютъ сверху нѣсколько чурбановъ, чтобы не стоять въ водѣ. Подобный же перевозъ и близъ Никшича черезъ р. Суомуть (разливъ Зеты), и называется онъ *кереп*. Черезъ Зету же подъ Острогомъ устроенъ паромъ изъ двухъ лодокъ, связанныхъ вмѣстѣ и покрытыхъ помостомъ, — это называется *трап*. Онъ двигается по канату, укрѣпленному концами на обоихъ берегахъ и продѣтому въ столбы на самомъ паромѣ.

На р. Боянѣ въ турецкой части есть паромъ изъ большого дощаника, который движется посредствомъ веселъ. На немъ же перевозятся и лошади, и всякій скоть.

За этимъ слѣдуютъ сухопутныя перевозочныя средства, изъ которыхъ съ сѣдломъ ѣздовымъ и вьючнымъ мы уже познакомились; перейдемъ теперь къ телѣгѣ.

До проведения шоссеиныхъ дорогъ телѣги были только о двухъ колесахъ въ Зетѣ и въ окрестностяхъ Подгорицы, и назывались *кола* и *араба*.

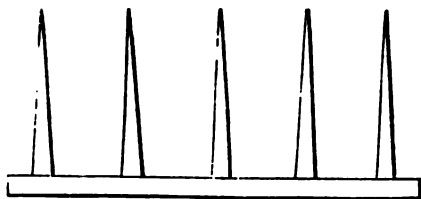
Телѣга такого рода оригинальна по своей первобытной простотѣ. Мнѣ привелось видѣть 15 лѣтъ назадъ колеса (*коло*, *точак* или *текун*) даже не совсѣмъ круглыя, при чемъ ободъ представляютъ четыре сегмента (*четвертине*) съ 8-ю спицами, приблизительно такой формы:

Оковки не было никакой, потому весь расчетъ былъ на массивность. Теперь однако эти первобытныя колеса исчезаютъ и ихъ замѣняютъ настоящимъ ободомъ съ желѣзною шиною изъ кусковъ (4—6), назыв. *клетка*. Ступица (*лавина*) непремѣнно изъ сосноваго дерева, тогда какъ ободъ (*коло*) и ось (*осовина*) изъ буковаго; спицы (*спице*) числомъ 12 изъ тутоваго дерева.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Вышина колеса или діаметръ до $1\frac{1}{2}$ метр. Сверху на оси кладется помость изъ досокъ, а чаще всего изъ трехъ рядковъ, связанныхъ попереку планками и переплетенныхъ тонкими прутьями. Это называется *под* и имѣетъ такую форму:

На Ф. 1 *подъ* этотъ представленъ сверху въ плоскости: двѣ крайнія рядки назыв. *обрамце*, а середняя — *мачков*, черезъ который проходятъ планки — *стице*; по бокамъ отверстія, въ кото-

рыя вставляются рожки, назыв. *смычками* и служащие для того, чтобы предметы, наложенные на него, не сваливались на бокъ.

На ф. 2 *под* начертанъ сбоку видѣтъ съ рожками. Кладется ось на ось между колесами и на дышло (*руда*), за которое пара воловъ и тащитъ телѣгу посредствомъ ярма (*гарам*).

Чтобы не терло шею быкамъ сверху, подкладывается кусочекъ овчинки.

На такихъ телѣгахъ перевозятъ снопы, сѣно, солому, дрова, мѣшки съ зерномъ или съ солью и т. п., а для початковъ кукурузы или картофеля сверху ставится большая плетенка (*ком*). *)

Смазывать колеса, чѣмъ бы то ни было, нѣтъ обычая; потому они всегда издаютъ скрипъ; а во время уборки хлѣба, когда идутъ цѣлые обозы по разнымъ дорогамъ, возвращаясь домой, скрипъ этотъ слышится болѣе, чѣмъ за версту.

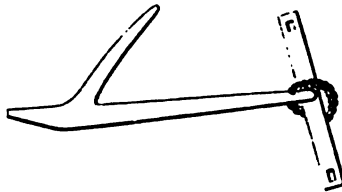
Для зимы, гдѣ падаетъ достаточно снѣгу, служатъ сани (*саоне*, *саонице*). Но вообще они употребляются весьма мало, и нерѣдко можно видѣть, что на нихъ перевозятъ что-нибудь по травѣ, мокрой или покрытой инеемъ; а только выпадетъ побольше снѣгъ, санный путь не прокладывается и остается только для пѣшеходовъ; тогда какъ сани весьма пригодны бы были и на Цетиньѣ для подвозки

*) Въ Призренѣ маленькая телѣжка, служащая для легкой ѣзды, назыв. *срем*.

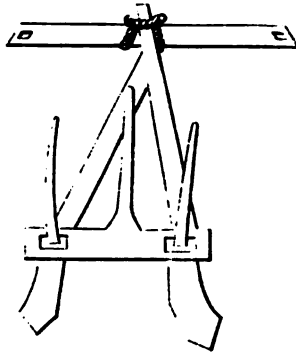
дровъ, напр., изъ поля или изъ Байць внутрь города. Въ этомъ случаѣ виновата просто непривычка къ нимъ черногорцевъ, которые до такой степени имѣютъ смутное понятіе о нихъ, что называли *саоницами* рессорную телѣжку, запряженную въ одну лошадь, когда на ней князь съ кѣмъ-нибудь изъ своего семейства катался по цетинскому полю, самъ управляя лошадью.

Сани эти имѣютъ видъ и устройство почти такое же, какъ у насъ такъ называемыя дровни.

Для перевозки бревенъ или толстыхъ досокъ (*поднице*) служатъ *куки*:

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Къ одному концу прилаживается ярмо; а на другомъ находится рогъ, на который и надѣвается обтесанное бревно отверстіемъ, нарочно для того продѣланнымъ на одномъ концѣ; а другой волочится по землѣ; досокъ можно надѣть до трехъ. Двѣ такихъ *куки* могутъ быть соединены въ одно цѣлое, при чемъ ровные концы связываются съ ярмомъ, а съ рогами соединяются посредствомъ доски съ однимъ рогомъ посрединѣ, какъ показано на чертежѣ фиг. 2.

Это назыв. въ Васоев. *крчеле*, а въ Дробн.—*шедрне* и *крче*; доска, которою связываются два рога, назыв. *праз*; а разстояніе между *куками* немного болѣе метра. На нихъ, конечно, можно перевезти досокъ и бревень вдвое больше; а въ то же время они служатъ для перевозки дровъ, сѣна, соломы, мѣшковъ, съ чѣмъ бы то ни было, для чего только подъ низъ намащиваютъ доски или хворостъ; а рога, чтобы не расходились, поверху стягиваютъ вербовыми прутьями.

Для носки земли или мелкихъ камней и щебня служатъ плетенныя изъ прутьевъ носилки (*тране*); иногда специально для земли дѣлаются они въ родѣ продолговатой, снизу круглой корзинки.

Для переноски больныхъ или раненыхъ устраиваются особыя носилки, назыв. *јаранца*. Онѣ состоятъ изъ двухъ длинныхъ, но не очень толстыхъ жердей (*паллице*), а между ними нѣсколько поперечныхъ (*патарлице, пречешлице*). Если человекъ не можетъ лежать совсѣмъ протянувшись, то сзади придѣлывается спинка (*наслопяча*). На такія носилки постилаютъ что-нибудь изъ одежды, иногда соломы или папортника, и постель готова. Уложивши на нее человекъ, покрываютъ струкой или одеяломъ; а иногда его и привязываютъ къ носилкамъ, чтобы онъ не свалился при скоромъ ходѣ носильщиковъ, особенно по неровностямъ. Если несутъ на далекое разстояніе, то носильщиковъ полагается 8—12 чел., которые дорогой смѣняются.

2. Сообщение по водѣ.

Относительно плаванія по морю мы уже говорили (Т. I, стр. 203—205), и оно не составляетъ коренной принадлежности собственно черногорской жизни, находясь исключительно въ рукахъ новыхъ подданныхъ Черногоріи арнаутовъ изъ Ульцина.

Плаванье же по внутреннимъ водамъ производится только по Скадарскому озеру и по Рѣкѣ Черноевича. И объ этомъ мы также говорили (стр. 221—223), поименовавши всѣ виды суще-

ствующихъ лодокъ и лодочекъ, какъ: *ладья*, (*лондра*), *поладьяк*, или *ладьяца*, *фркет*, *чун* или *чамац*, пояснивши въ то же время и особенности ихъ конструкціи. Тамъ мы пропустили только еще родъ челнока, назыв. *шишкара*, въ который могутъ помѣститься только двое и никакъ не болѣе трохъ; такія употребляются въ тихихъ водахъ рукавовъ Морачи близъ ея устья.

Строятся всѣ эти лодки въ Скадрѣ, при томъ большія изъ различнаго дерева; у чуна же бока непременно изъ тутоваго дерева; такъ какъ оно легко и не впитываетъ въ себя много воды; а дно непременно изъ бука, потому что онъ также не пропускаетъ воду и не легко подвергается гніенію; не дѣлаютъ всего челнока изъ бука потому только, что тогда онъ былъ бы очень тяжелъ.

Въ каждой лодкѣ отличаютъ двѣ главныя части: *крма* и *прова* (носъ), въ Зетѣ называемая *кип*; сидя на скамеечкѣ изъ дощечки, положенной поперекъ, гребецъ упирается ногами въ поперечинку, нарочно для того сдѣланную и назыв. *подногача*.

Весла вставляются въ кольца, свитыя изъ тальника или другихъ гибкихъ прутьевъ, назыв. *чужве*. Челнокъ гонятъ обыкновенно двое: одинъ сидитъ на кормѣ и не только правитъ, но и гребетъ отъ себя, закидывая весло впередъ, а другой на носу и гребетъ къ себѣ. На большихъ лодкахъ гребутъ всегда стоя и обращенные лицами къ носу и рѣдко который сидитъ на носу и гребетъ иначе. Руля и на большихъ лодкахъ нѣтъ; а только весло, которымъ кормчій тоже работаетъ.

Черногорскихъ гребцовъ не нужно понукать, чтобы гребли живѣе; они сами стараются дойти до мѣста скорѣе и работаютъ всегда съ азартомъ, особенно если попадется другая лодка, идущая въ томъ же направленіи; тогда они непременно гребутъ на перегонку. Любо смотрѣть, когда нѣсколько гребцовъ, далеко выставивши одну ногу впередъ, полнымъ размахомъ вытягиваютъ руки, наклоняясь за ними всѣмъ корпусомъ, и быстро, съ силой притягиваютъ ихъ обратно къ себѣ, чтобы дать веслу большій упоръ въ водѣ, покрикивая другъ друга: «мичи! мичи!»...

Тутъ вполнѣ выказывается стройность стана, сила мышцъ и энергія, качества, которыми особенно отличается цеклинянинъ. Кормчій также работаетъ со всею силой, чтобы не дать пересилить ни той, ни другой сторонѣ. Отдыхъ для нихъ составляетъ только переѣзна мѣста съ одной стороны на другую; или же на четырехчасовомъ пути отъ Рѣки до Вирбазара дѣлаютъ небольшой привалъ на Плочѣ, находящійся на половинѣ пути; иногда противъ Лесендры пристають къ матеріку, чтобы набрать воды изъ ключа, назыв. *Гавриловацъ*.

Парусъ употребляется только въ открытомъ озерѣ и то только прямой, при чемъ нижніе углы, назыв. *ноге*, привязываютъ къ бокамъ лодки, а при сильномъ вѣтрѣ держатъ въ рукахъ, чтобы тотчасъ же опустить при порывахъ. Въ зимнее время на большомъ пути отъ Рѣки до Скадра берутъ угля и разжигаютъ его въ мангалѣ, чтобы грѣться, сварить кофе или испечь колбасицы, суджукі, изрѣзанное на кусочки мясо и т. п.

Хорошо также посмотрѣть, когда до сотни челноковъ, нагруженные рыбой, дровами, сѣномъ или другимъ чѣмъ, пробираются къ базарному дню на Рѣку, то разбросавшіеся по широкому устью рѣки, загроможденному скалистыми островами или во всю ширь заросшему высокимъ тростникомъ и окугой, или же покрытому широкими глянцовитыми листьями водяной лиліи, такъ что остается только узкая дорожка; то вступая въ узкое русло, между громоздящимися съ обѣихъ боковъ, упирающимся въ небо утесами. Еще веселѣе картина, когда вся эта мелкая флотилія возвращается назадъ: всѣ лодки и лодченки полны людей; онѣ или тянутся вереницей одна за другою, или стараются одна другую обогнать, на что гребцы употребляютъ всѣ свои усилія; обогнавшіе раздражаются веселыми криками, посылая отставшимъ насмѣшки; а отставшіе, молча напрягая усилія, смотрятъ, какъ бы улучшить минуту, когда тѣ ослабѣютъ, и также обогнать: нелегко уступаетъ черногорецъ первенство, въ чемъ бы то ни было и кому бы то ни было. Или же, спокойно подойдя другъ къ другу, они весело разговариваютъ и поютъ; а отъ времени до времени раз-

даются выстрѣлы по какой-нибудь птицѣ или просто въ воздухъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, черногорецъ любитъ отдохнуть и пользоваться *fag niente* на счетъ женщины, и заставляетъ ее грестъ; а иногда и на кормѣ также работаетъ женщина.

ХІІІ.

ОХОТА НА ЗВѢРЕЙ И ПТИЦЪ И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Охотой въ Черногоріи занимается мало кто, кромѣ княжескаго двора, который подобно прежнимъ королямъ сербскимъ и зетскимъ владѣтелямъ, имѣеть для того свои заповѣдныя мѣста не только для ловли звѣрей и птицъ, но и для рыбы. Вообще же черногорець бьетъ хищныхъ звѣрей, какъ медвѣдя и волка *), прежде всего потому, что они наносятъ вредъ его скотоводству; а затѣмъ пользуется и ихъ шкурами. Бьетъ онъ также и другихъ мелкихъ хищниковъ, наносящихъ вредъ его посѣвамъ, какъ язвецъ, сильно уничтожающій кукурузу, или уничтожающихъ естественныя произведенія, которыми пользуется человѣкъ, какъ напр. *мыш* — большая лѣсная мышь съ очень густымъ волосистымъ хвостомъ, поѣдающій простые и грецкіе орѣхи и другіе плоды (арнауты его ѣдятъ), больше, впрочемъ, питающійся червячками въ гнилыхъ деревьяхъ и орѣшками бука, въ дуплахъ котораго онъ и живетъ. Кромѣ истребленія этихъ животныхъ, какъ вредныхъ, имѣется въ виду и выгода отъ продажи ихъ

*) Въ старое время бывало, что, убивши волка, сдерутъ съ него шкуру, распялятъ на палки и носятъ по селу, и всякій давалъ что-нибудь убившему. Этотъ обычай уничтоженъ кн. Даніиломъ.

кожи. Ради мѣха бьютъ бѣлку, которая однако здѣсь попадаетъ очень рѣдко; куницу, особенно такъ называемую каменную, мѣхъ которой цѣнится довольно дорого; выдру, выхухоль (послѣднихъ ловятъ вершами); изрѣдка попадаетъ дикая кошка и рысь.

Въ видѣ охоты и ради стоимости шкурки нѣкоторые бьютъ лисицу и зайца. Мясо послѣдняго, впрочемъ, многіе черногорцы не ѣдятъ, а продаютъ въ городахъ. Красную дичь составляютъ дикая коза и серна, которыхъ прежде много били, а теперь охота на нихъ ограничена; на серну же и вовсе запрещена. Ихъ иногда ловятъ живыми и приручаютъ, держа съ домашними животными. Кромѣ ружья для ловли нѣкоторыхъ звѣрей служитъ *кюсица* или *вожодѣ* — это нашъ капканъ. Изрѣдка попадаютъ и дикіе кабаны, которыхъ также бьютъ.

Изъ птицъ больше всего бьютъ утокъ и другихъ сродныхъ имъ водяныхъ птицъ, въ Зетѣ, въ нижнихъ частяхъ Рѣки Черноевича и на зетскихъ и ульцинскихъ болотахъ и разливахъ; ихъ не только бьютъ изъ ружей, но ловятъ петлями, сѣтями и удочками. Это бываетъ зимою, когда, пролетая на сѣверъ и обратно, вся эта птица падаетъ на упомянутыя обильныя водою мѣста для отдыха и прокормленія. Рѣдко бьютъ и гусей, которые болѣе осторожны. Мелкую дичь, какъ бекасы, вальдшнепы и кулики разныхъ видовъ, бьютъ мало. Бьютъ и голубей, подкарауливая по зарямъ, когда они вылетаютъ изъ пещеръ (*юлубиняк*), или возвращаются къ нимъ. Въ мѣстахъ, гдѣ много смоквъ, какъ около Рѣки, Подгорицы, Бара, въ Ульцинѣ и Бѣлопавличахъ охотятся на смоковую яволгу, называемую *фуа* или *вуа* (*besfigue*, *bessofico*).

Въ Ульцинѣ существуетъ особенная охота на горлицъ и перепелокъ во время ихъ возвращенія съ сѣвера на югъ. Первыхъ бьютъ изъ ружья, когда онѣ сотнями садятся на какое-нибудь дерево съ сухими вѣтвями, а иногда для нихъ нарочно устриваютъ такое дерево и даютъ его въ пользованіе на время охоты за 10 и болѣе флоринновъ; и плата эта возвращается съ большою прибылью, такъ какъ убиваютъ ихъ такимъ образомъ сотни.

Перепелокъ же ловятъ ночью со свѣтомъ, накрывая сѣтью. Вся масса этой дичи поѣдается Ульциномъ и Баромъ съ ихъ окрестностью, и только незначительная часть относится на Рѣку и Цегинье для продажи. Куропатокъ ловятъ преимущественно зимой западней, состоящей изъ доски или корзинки, подпертыхъ прутикомъ, падающимъ при махѣишемъ прикосновеніи къ нему, или вслѣдствіе того, что его потянуть за нитку засѣвший ловець. Торговцы-арнауты любятъ держать ихъ живыхъ передъ своими лавками въ клѣткахъ; отчасти подражаютъ имъ и черногорцы. Ловли мелкихъ птичекъ для того, чтобъ держать ихъ въ клѣткѣ, почти не существуетъ; тѣмъ не менѣе дѣти ловятъ ихъ иногда посредствомъ западни, называемой *шкрокала*, составная часть которой слѣдующія: *итица* (доска), *сова* (*соха*, *софа*), подпорка подъ нею, и потомъ *клетка* и *пружало* — деревянный крючекъ, и еще тонкая палочка, роняющая доску; ловятъ ихъ также *на томоте* — силки въ видѣ петель изъ конскаго волоса.

Совсѣмъ другое представляетъ собою рыболовство. Оно составляетъ не только важное подспорье въ домашней экономіи черногорца; но въ то же время и статью вывозной торговли. Въ отдѣлѣ географіи мы уже говорили, какія породы рыбъ находятся въ Черногоріи (т. I, стр. 199—203 и 219); теперь прямо можемъ приступить къ описанію лова и начнемъ съ форели, лучшей рыбы въ прѣсныхъ водахъ по вкусу и наиболѣе распространенной.

Настоящая форель или каменная, небольшая съ красными пятнышками по темной кожѣ, находится въ каждомъ почти горномъ потокѣ и озерѣ. Въ рѣкахъ Морачѣ, Тарѣ и Лимѣ въ среднемъ ихъ теченіи она мѣшается съ другою породой ласкъ-форелью; но въ Пивѣ, покуда она течетъ въ Черногоріи, нѣтъ другой форели, кромѣ каменной. Она встрѣчается даже въ потокахъ пещерныхъ и подземными путями проплываетъ изъ одной рѣки въ другую, такъ напр. изъ р. Ибришницы къ Морачскому монастырю. Особенно богато ею Біоградское озеро,

находящееся близъ Колашина и составляющее съ окружающимъ его лѣсомъ собственность князя.

Несмотря на обиліе и высокія качества этой рыбы, ловъ ея незначительный, потому что въ тѣхъ мѣстахъ больше всего держать скота, слѣдовательно имѣютъ достаточно мяса и молочныхъ скоповъ; сбывать же её некому, такъ какъ нѣтъ большихъ базаровъ. Ловятъ её удочкой и маленькими вершами. Последними ловятъ такъ: перегораживаютъ рѣчку на мелкомъ мѣстѣ камнями и оставляютъ узкія воротца, передъ которыми и укрѣпляютъ вершу (*орша, кошик, кошица*); иногда она сама заходитъ въ вершу, а иногда её нагоняютъ. Часто стрѣляютъ её изъ ружья или изъ револьвера, стараясь попасть ей подъ брюхо, при чемъ она, ошеломленная сотрясеніемъ воды, тотчасъ всплываетъ. Говорятъ, что у нея тогда лопаются плавательный пузырь; но мнѣ случалось видѣть, что она оживаетъ на низкѣ, слѣдовательно никакого органическаго поврежденія, кромѣ ошеломленія нѣтъ. Чаще всего однако прямо пробиваютъ её пулей. Тотъ же родъ, но нѣсколько другой видъ ея попадаетъ и въ нижнемъ теченіи Морачи у Подгорицы, гдѣ она называется *липленъ*, у турокъ — *мерджанбалык*: она съ желтымъ мясомъ, очень жирная и вкусная.

Дѣлая различіе между крупною и мелкою форелью, въ Подгорицѣ, Рѣкѣ и окрестности *пастрва* называютъ крупною, а мелкую *младница*; въ Васоевичахъ же, Дробнякахъ и Пивѣ наоборотъ.

Крупная, или лаксъ-форель ловится, въ р. Тарѣ около Колашина, но не въ большомъ количествѣ; а также и въ Лямѣ въ Васоевичахъ; но главный ловъ ея въ Морачѣ и Зетѣ. Здѣсь онѣ бывають до пуда и болѣе вѣсомъ и ловятся въ большомъ количествѣ. Ловятъ её крючками и вершами, которыя ставятъ передъ забойками между скалами, гдѣ ей главный ловъ. Одинъ владѣтель мельницы устроилъ такъ, что изъ яза (канавка для отвода воды изъ рѣки на мельницу) продѣлалъ отверстіе, черезъ которое свободно шла вода въ бокъ къ рѣкѣ, но тамъ была за-

горожа, и все то пространство наполнялось крупною рыбой, съ которой некуда было дѣваться. Въ послѣднее время ему это запрещено, потому что было просто истребленіемъ рыбы.

У Пиперъ есть еще способъ ловить крупную рыбу, ныряя за нею въ глубь. Послѣ Петрова дня эта рыба обыкновенно собирается кучами въ глубокихъ мѣстахъ, въ ямахъ подъ скалами, ища тамъ прохлады. Туда-то и ныряетъ ловець (*ронац*), взявши въ руки *прифатиниу* — крюкъ съ зазубриной на палкѣ длиною меньше метра, и хватаетъ рыбу на выборъ, благодаря тому, что тогда вода прозрачная; искусный нырокъ успѣваетъ иногда за одинъ разъ ухватить двѣ и три рыбы. Ловъ этотъ продолжается до того времени, какъ пойдутъ дожди и вода сдѣлается мутною. А иные продолжаютъ такъ ловить и зимой, если нѣтъ большой воды. Особенно этимъ ловомъ занимается село *Мрке* (въ Пиперахъ), гдѣ находится до 10 такихъ ловцовъ, и между ними самымъ искуснымъ считался Іованъ Мигуровъ, который нырялъ даже тогда, когда у него была вынута одна кость изъ голени и когда онъ едва могъ ходить, опираясь на палку.

Ловъ этотъ сопряженъ съ рискомъ, потому что можно завязнуть между камнями; а иногда рыбы бываетъ такъ много и все крупная, что всполошившись можетъ часто забить, затолкать человѣка, если онъ недостаточно крѣпокъ.

Бьютъ её также *остю*, или острогой, ночью съ подсвѣтомъ.

Большими массами сѣтями ловится рыба *скобаль*, въ родѣ нашей волжской сельди или бѣшенки, особенно въ р. Сѣтницѣ— въ Лѣшкополѣ.

Много также ловится сазановъ (*кран*) въ рѣкахъ и Скадарскомъ озерѣ. Мелкіе сазаны ловятся такъ называемыми, *котцами* (*котац*) на мелкихъ мѣстахъ среди разливовъ Скадарскаго озера. Для этого устраивается забойка изъ кольшковъ въ формѣ верши съ узкимъ горломъ для входа рыбы внутрь (срв. въ Астраханской губерніи тоже *котцы*). Наконецъ масса ловится угрей (*жетуля*), которые бываютъ тонкіе, какъ зигя, и толстые, въ человѣческую руку. Ихъ ловятъ крючками, вершами

и просто руками вытаскиваютъ изъ-подъ камней. *Ловъ на наре*— то же, что нашъ переметь: на длинномъ шнурѣ 79 удицъ съ наживой.

Изъ приборовъ, посредствомъ которыхъ ловятъ рыбу, очень употребителенъ *притисакъ или карич*, родъ большого сака, распяленного на двѣ согнутыя дугой накрестъ длинныхъ и тонкихъ жерди въ діаметрѣ до 2 метровъ, который привязанъ къ концу другой длинной жерди; онъ опускается съ лодки или съ берега на дно и потомъ, когда увидятъ надъ нимъ стайку рыбы, быстро поднимаютъ вверхъ.

Въ прежнее время и отравляли рыбу главнымъ образомъ вербаской (*дивизма* или *млеч*), для чего брали это растеніе и растирали въ водѣ между двумя камнями; вода дѣлается отъ того бѣлою, молочнаго цвѣта, и рыба дохнетъ, какъ только попадетъ въ эту струю. Её конечно тутъ же хватаютъ и вынимаютъ изъ воды просто руками, саками и малыми сѣтями. Масса такимъ образомъ отравленной рыбы спускается далеко внизъ по теченью рѣки километровъ на 10 и больше, гдѣ её перехватываютъ другіе.

Вмѣсто вербаски служить и другое растеніе, порода дикаго лука (*бамючка*); но это средство гораздо слабѣе. Употребляли также и динамитъ. Всѣ эти средства, производящія ужасныя опустошенія въ рыбномъ царствѣ, черногорскимъ правительствомъ строжайше запрещены, и никѣмъ уже больше такая ловля не практикуется.

Вся описанная до сихъ поръ ловля производится отдѣльными личностями въ своихъ или никому особо не принадлежащихъ водахъ, какъ кто умѣетъ и можетъ; но есть ловъ, который принадлежитъ исключительно одному племени (*Цеклинъ*) и имѣетъ свою особенную организацію. Этотъ ловъ производится въ нижнихъ частяхъ Рѣки Черноевича, гдѣ она, соединяясь въ одно со Скадарскимъ озеромъ и разливаясь въ ширину до двухъ и болѣе километровъ, образуетъ множество заливовъ или, вѣрнѣе сказать, уютныхъ для рыбы уголковъ между островами въ видѣ плаваю-

щих скалистыхъ горъ, голыхъ или покрытыхъ кустарникомъ, и скалистыми же берегами материка. Сюда отъ времени до времени и заходитъ массою мелкая рыбка, называемая черногорцами *уклева*, а итальянцами *scoromla* (родъ мелкой сельди). Разсыпаясь весною и лѣтомъ по цѣлому озеру и доходя даже вверхъ Морачи до Подгорицы, эта рыбка зимой или позднею осенью, когда наступитъ холода, собирается въ стан и устремляется въ упоманутую рѣку, гдѣ главнымъ образомъ держится въ глубокихъ ямахъ, сохраняющихъ большую теплоту, чѣмъ на остальномъ пространствѣ, вслѣдствіе своей глубины и бьющихъ изнутри земли ключей, всегда имѣющихъ въ зимнее время болѣе высокую температуру. Эти ямы называются *ока*, а пространство вокругъ каждаго ока, на которомъ прогуливается рыба и производится ея ловъ, называется *брод*, по нашему тоня.

Главныя тони Плоча, Рань и Базатуръ принадлежатъ племени цеклянцамъ, затѣмъ Волочь и Калудерово-око подъ селомъ Каручемъ подарены ими митрополиту св. Петру и съ тѣхъ поръ считаются монастырскими; кромѣ того, дупляне (Церминаца) имѣютъ Модро-око въ заливѣ Гусанцѣ; вранияне ловятъ рыбу въ своихъ водахъ около острововъ Большой и Малой Чакавицы, а въ послѣднее время данъ ловъ и маботинцамъ. Но все это не касается лова цеклянцъ, которые отъ старины владѣя своими водами и не мѣшаясь ни съ какими другими племенемъ, держатъ свой ловъ независимо и сохраняя свою изстари выработанную организацію.

Въ этой организаціи заключаются прежде всего правовыя отношенія племени къ лову и затѣмъ устройство самого лова.

Цѣлое племя имѣетъ участіе во всѣхъ выгодахъ и убыткахъ, приносимыхъ ловомъ, и зато должно принимать участіе и въ сопряженномъ съ нимъ трудѣ и расходахъ. Все, что приноситъ ловъ, рассчитывается на мужскія головы, не исключая и новорожденныхъ дѣтей, приблизительно на 2000 головъ.

Прежде всего приходъ дѣлится на пая (*лозе*), которыхъ считается 190 или около 200, именно: въ Плочѣ — 62 пая, въ

Ранѣ — 53, а въ Базагурѣ — 75; каждый пай въ свою очередь заключаетъ въ себѣ 10 частей (*дѣлоши*). Распределение этого, а также и веденіе всего дѣла возложено на троихъ избранныхъ народомъ главарей (*бродски главар*), остающихся безсмѣнно, пока они по какимъ-нибудь причинамъ сами не отступятъ или не будутъ отставлены народомъ. Такими главарями до послѣдняго времени были: Стево Дайчинъ на Плочѣ, попъ Мато на Ранѣ и Лука Митюповъ на Базагурѣ. Передъ началомъ лова обыкновенно собирается скупщина, на которой приводится въ извѣстность, сколько въ каждомъ домѣ мужскихъ душъ, чтобы сообразно съ тѣмъ дѣлить пай. Всякій показываетъ по совѣсти; а за обманъ полагается 10 талеровъ за каждую приписанную свыше мужскую душу. Если человѣкъ находится въ отдаленной отлучкѣ, въ Цареградѣ или гдѣ бы ни было, пай его тогда остается за нимъ и передается въ его домъ. Онъ можетъ однако продать его другому, тоже однако цеклинянину, о чемъ долженъ заявить скупщинѣ черезъ кого либо изъ членовъ его семьи или чрезъ другого; если же къ полученію пая никто не является, то скупщина продаетъ его, кому хочетъ, и купившій передаетъ деньги, кому слѣдуетъ, т. е. кому либо изъ членовъ той семьи, которой принадлежалъ пай, и этотъ пай называется *мртви діо*.

Пользуясь приходами, пайщики обязаны нести всѣ труды и расходы, сопряженные съ ловомъ. Первая затрата дѣлается на покупку невода; затѣмъ всякій долженъ принимать участіе и въ самомъ ловѣ, жертвуя свой личный трудъ или нанимая за себя другого.

Заблаговременно, еще лѣтомъ или съ весны готовится неводъ (*гриб*)*, одинъ на всѣ три тони. Самая сѣть изъ тонкихъ конопляныхъ нитокъ съ мелкими очками (*окна*) покупается въ Неаполѣ и въ кускахъ привозится на Цеклинь, гдѣ составляется

*) Въ статьѣ Рачкога «Nutarnje stanje Hrvatske prije XII st.» мы находимъ слѣд. мѣсто, относящееся къ рыбной ловлѣ и этому слову: «Рыболовы имѣли свои лодки *рыбарини*, которыя извѣстны подъ своимъ особеннымъ именемъ: *grippus*, *grippa*, откуда *grippatores* = *piscatores* (*piscatores*, *qui etiam grippatores nominantur*). Rad. jugosl. Akad. 1891. Knj. CV, стр. 236.

и посаживается искусными въ томъ людьми, которые и получаютъ за то особую плату. Составныя части его слѣдующія: посредникъ мотня или куль (*куляр*); отъ нея идутъ два крыла (*крыла*), прикрѣпляемыя къ двумъ клячамъ (*кленик* или въ Цермницѣ *драга*); по верхнему шнуру (*юрня обрва*) вмѣсто поплавковъ изъ легкой и мягкой древесной коры (балберки изъ коры пробковаго дуба или на Волгѣ осокоря) привязываются высушенныя кубышки (*тикое*); а по нижнему шнуру (*доня обрва*) грузило изъ камней (*мловиче*); подъ мотней одинъ большой камень; тоже самое и на клячахъ, которые сверхъ того скрѣпляются съ другою болѣе толстою палкой. Длина такого невода между клячами до 260 метровъ, высота противъ мотни до 17, а при клячахъ до 1½ метра. Стоитъ онъ до 100 наполеондоровъ или около 950 флориновъ; а служитъ только одинъ годъ, послѣ чего онъ разрѣзывается на куски и раздается пайщикамъ, которые пользуются ими, какъ полотенцемъ. Сѣть эта сначала коричневаго цвѣта, безъ сомнѣнія продубленная, дѣлается при концѣ лова бѣлою и очень мягкой.

На каждой тонѣ устроены дома, собственно колибы, какъ для уборки и сушенья рыбы, такъ и для убѣжища рыболовамъ; такихъ колибъ на Плотѣ болѣе 59, на Базагурѣ болѣе 40, а на Ранѣ 53 и сверхъ того тамъ же вблизи село Превлака. При каждомъ домѣ устраивается *котаня* для соленія рыбы: это крытце изъ прекрасно вытесанныхъ и плотно пригнанныхъ каменныхъ плитъ, четверугольное, длиною до 1½ метра, а въ ширину вдвое меньше; сверху надъ нимъ сдѣланъ соломенный навѣсъ, а также закрыто оно и съ боковъ съ трехъ сторонъ, и съ одной только открыто, чтобы можно было свободно входить.

Въ этихъ колибахъ иные живутъ постоянно зимой для лова, а остальное время работая на своихъ поляхъ, находящихся тутъ же по близости; поэтому около нихъ виднѣются стожки союмы и коши съ кукурузой. Въ одномъ изъ домовъ хранится неводъ, пока еще не составленъ и послѣ, когда лова нѣтъ и онъ достаточно просушенъ. Отъ недосмотра онъ можетъ слитъ, и

тогда случается, что съ обильнымъ уловомъ онъ прорывается и вся рыба уходитъ. Впрочемъ, это случается весьма рѣдко. Уловъ зависитъ отъ многихъ условій; во 1-хъ, отъ погоды: если холодно, морозно и нѣтъ вѣтра, то рыба живо идетъ въ упомянутыя *ока* и тогда легко наблюдать ея ходъ; во-2-хъ, вода должна выйти изъ обычнаго уровня, чтобы было больше воднаго простора и чтобы было гдѣ рыбѣ разгуляться, чтобы на пути ей не стали сплошныя мели, которыхъ она остерегается; но не должна быть вода и слишкомъ высока, потому что тогда неводъ будетъ погружаться верхнимъ шнуромъ ниже поверхности воды, и вся рыба будетъ уходить черезъ верхъ; при томъ слишкомъ высокая вода затопляетъ отлогости, на которыя вытягиваютъ неводъ, и тогда приходится его поднимать на крутой каменный край; въ-3-хъ, уловъ зависитъ и отъ того, въ какой степени рыба въ тотъ годъ плодилась; различна бываетъ и величина рыбы и различныхъ качествъ: когда жирнѣе и вкуснѣе, когда суше и безвкуснѣе, смотря по тому, какъ она кормилась въ продолженіе лѣта.

Въ зависимости отъ этихъ условій бросаютъ и неводъ чаще или рѣже, среднимъ числомъ всѣ три тони до 15 разъ; а иногда не удается бросить его ни разу вслѣдствіе того, что рано вода поднимается высоко и остается такою въ продолженіе цѣлаго рыболовнаго сезона или вслѣдствіе слишкомъ теплой и пасмурной погоды рыба не сбивалась въ кучи, а разсыпалась и гуляла по цѣлому обширному водному пространству. Поэтому въ одинъ забродъ могутъ вытянуть 5, 10, 20 лодокъ; а однажды, говорятъ, потребовалось 96 лодокъ вмѣстимостью по 40 товаровъ или 4000 окъ, слѣдовательно всего было поймано рыбы 384,000 окъ или приблизительно болѣе 25,000 пудовъ. Въ 1891 году въ декабрѣ однажды ухватили 60 миллиардовъ, такъ что выбирали её изъ гриба три дня.

Принимаются однако мѣры, чтобы по возможности обезпечить ловъ. Такъ съ 14-го сентября (крстов-дан) запрещается всякій ловъ рыбы и ни одинъ рыбацкій челнокъ не смѣетъ

пройти на всемъ пространствѣ, гдѣ послѣ будутъ бросать неводъ (это пространство называется *зрибиште*); кромѣ того, съ этого же времени на каждой тонѣ на какомъ-нибудь возвышеніи каждую ночь раскладываютъ огонь такъ, чтобъ онъ отражался въ водѣ близъ тони; на него и идетъ рыба ночью и постепенно собирается все больше и больше и навикаетъ прогуливаться по этому мѣсту. Это продолжается все время до конца лова, и отбываютъ эту работу поочередно братствами по 4 человекъ на каждой тонѣ, за что имъ позволено держать по одной сѣти и ловить ею.

Собралось ли рыбы довольно, можно отчасти видѣть по прилету множества баклановъ, чаекъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыхъ однако стрѣляютъ, такъ какъ онѣ насколько уничтожаютъ рыбу, еще больше её распугиваютъ. Но видно съ высоты и безъ того, какъ она идетъ длинными полосами, при чемъ вода по временамъ какъ бы вскипаетъ: это уклева уходитъ отъ погони за нею хищныхъ большихъ лаксфорелей и угрей. И тогда главари, принявъ во вниманіе погоду, выбираютъ удобный для лова моментъ и оповѣщаютъ о томъ цѣлое племя, назначивъ день лова и на какой тонѣ.

Получивъ эту повѣстку, цеклиняне отправляются по одному отъ cadaго пая или посылаютъ кого взамѣнъ за плату, или по какому бы то ни было уговору. Всего слѣдовательно должно собраться до 200 человекъ; но бываетъ и больше. Должна быть непременно одна большая лодка, на которую неводъ набирается и съ которой онъ бросается въ воду. И еще нѣсколько большихъ лодокъ необходимы для переноски рыбы; такія лодки вмѣщаютъ до 600 багажей или 6000 окъ (около 400 пудовъ). Имъ платится обыкновенно по 4 фл.; если же нѣтъ большихъ, то плата опредѣляется соразмѣрно ея вмѣстимости; такъ, если она вмѣщаетъ только 200 багажей, то получаетъ $\frac{1}{3}$, или 2 цванцигера, т. е. 68 сольдовъ. Собирается множество мелкихъ лодокъ и челноковъ до 50 и болѣе, которыя также исполняютъ службу, только бесплатно.

Сначала идет набирание невода в лодку, которая стоит вплоть у края (это назыв. *пречиняти уриб*). В лодкѣ находятся 8—10 человекъ, которые принимаютъ неводъ, раскладывая его по всей лодкѣ такъ, чтобы не запутался при выбрасываніи его; двое или трое съ берега держатъ её, чтобы не отчалила, а когда при нагрузкѣ осядетъ до дна, сталкиваютъ её, чтобы потомъ ей легче было сняться; еще двое подаютъ неводъ; а одинъ, главный руководитель осматриваетъ его: не прорванъ ли гдѣ, не нужно ли гдѣ навязать камень или поплавокъ. Когда весь неводъ набранъ на лодку, къ клячу привязываютъ длинную бичеву (*коноп*), тогда какъ къ первому она уже привязана прежде. Работа эта длится около двухъ часовъ. Передъ отчаливаніемъ лодки вскакиваютъ въ неё еще нѣсколько человекъ, такъ чтобы въ ней было всего 15 человекъ. Отъ мѣста нагрузки идутъ вдоль берега, толкаясь веслами и шестами, до мѣста, гдѣ будутъ вытаскивать на берегъ. Тамъ нѣсколько человекъ принимаютъ конецъ бичевы, а лодка отправляется вширь, выпуская сначала бичеву, а потомъ выбрасываютъ неводъ. Это исполняютъ 8 или 10 человекъ, ставши въ рядъ по командѣ главнаго распорядителя. Тогда вы видите, какъ поднимаются и опускаются руки, а коричневая масса летитъ съ ихъ рукъ въ воду и тонетъ, оставляя за собою только мутный слѣдъ вслѣдствіе оставшейся на неводѣ грязи. Гребцы работаютъ быстро изо всѣхъ силъ; а кормчій направляетъ лодку такъ, чтобы она шла по дугѣ, захватывая сколько возможно большее пространство, на которомъ виднѣется рыба. Въ то же время одинъ, стоящій на высотѣ, кричитъ, какъ имъ идти: больше ли впередъ или загибать, смотря по тому, какъ идетъ рыба, которая ему видна лучше, чѣмъ сидящимъ въ лодкѣ. Когда неводъ выброшенъ, лодка идетъ къ берегу, гдѣ, передавъ конецъ бичевы, отправляется назадъ, чтобы наблюдать за правильнымъ ходомъ невода, чтобы клячи держались прямо, иначе рыба ушла бы между берегомъ и клячами. Для послѣдней цѣли нѣсколько десятковъ лодочекъ выстраиваются въ рядъ вдоль

бичевъ и, когда раздается команда: «айде муля!»*), начинают запугивать рыбу; для этого бросают весла сторчъ; онѣ стремительно летятъ внизъ до дна и опять вылетаютъ, при чемъ ихъ схватываютъ и опять бросаютъ; а стоящій на высотѣ продолжаетъ кричать, куда пошла рыба, гдѣ должно больше пугнуть и т. д. До 8 лодокъ идутъ за мотней, тоже наблюдая за правильностью ея хода; а когда она вступитъ на мелкое мѣсто, то верхній шнуръ ея берутъ на носъ лодокъ и такимъ образомъ тащатся вмѣстѣ съ неводомъ и не даютъ рыбѣ скакать черезъ верхъ. На берегу между тѣмъ тянутъ крылья невода, на каждомъ человѣкѣ по 20; тянутъ живо и въ тактъ, передавая одинъ другому; только и слышится при этомъ; «мичи — мичи — мичи!» и «рука на руку! рука на руку!». Когда мотня подошла близко, тогда по двое съ каждой стороны вскакиваютъ въ воду и грузятъ ногами нижній шнуръ, чтобы подъ нимъ не могла пройти рыба, тѣмъ болѣе, что выбродъ крутой, уступомъ (этого не было бы, еслибъ вода была ниже). Стоя на шнурахъ, они опираются на весла, потому что при сильномъ натягиваніи шнуръ выпрямляется и поднимаетъ ихъ кверху, и имъ приходится балансировать; поддерживаютъ ихъ и другіе, когда угрожаетъ опасность свалиться, и при всемъ томъ иной свалится прямо головой въ воду; но моментъ такъ важенъ, что ни пострадавшій не разразится по обычаю руганью, ни товарищи его смѣхотъ. Все устремлено къ неводу, гдѣ начинаетъ показываться рыба. Прежде всего она показывается въ крыльяхъ: это все мелкая уклева, завязнувшая въ частой сѣти и трепещущая тамъ какъ серебряныя бляшки. Потомъ она даетъ себя знать и въ самой серединѣ невода, въ мотнѣ, стоящей еще на глубинѣ 2—3 метровъ, гдѣ отъ обилія рыбы вода то вскипитъ, то поднимается цѣлою волной; а рыба устремляется какъ бы на проломъ въ бока невода и будучи не въ состояніи пробить прочную сѣть, вся струей полететъ вдоль шнура обратно. Въ цѣломъ неводѣ видна

*) Здѣсь это означаетъ весло; а собственно это палка, которою давятъ виноградъ въ кадлушкахъ.

какая-то суетня; несчастныя животныя бьются изо всѣхъ силъ, ища выхода, душатъ другъ друга; ныня уже мертвыя плаваютъ кверху своими серебристыми брюшками. Крупной рыбы не видать, потому что она вся скрылась въ глубинѣ, только отъ времени до времени прокунетъ черный угорь, извиваясь, какъ змѣя, и протиснувшись сквозь гущу мелкой рыбы. Когда довольно подтянули и нижній шнуръ мотни, тогда дальше не тянуть, потому что неводъ прорвался бы; а въ середину черезъ верхній шнуръ входитъ лодка, и съ нея двое, держа за два края корзинку, черпаютъ ею рыбу, которую вываливаютъ въ лодку, куда она льется какъ вода.

Лодка постепенно наполняется, и лодочникъ ходитъ въ этой рыбной массѣ, достигающей ему почти до пояса, словно по растопленному серебру. Наполнилась одна лодка, на ея мѣсто входитъ другая, и такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока неводъ облегчится; тогда его подтягиваютъ еще, еще нѣсколько приподнимаютъ и вынимаютъ крупную рыбу, которую бросаютъ въ особую лодку. Отдѣльно также выбираютъ и скобала, о которомъ мы говорили раньше и котораго также можетъ набратся половина лодки или даже цѣлая. Если особенно удачный ловъ, то эта выгрузка рыбы продолжается до слѣдующаго дня и больше.

Вся эта рыба дѣлится прежде всего между главарями тоней багажами, а эти дѣлятъ её между своими пайщиками для сушки, и окончательный раздѣлъ будетъ сухой уже рыбы. Это относится однако только къ уклевѣ и скобалу; а другая рыба, особенно крупная тутъ же покупается кѣмъ-либо свѣжею или отвозится на Рѣку.

Приходятъ на эту ловлю и люди, не имѣющіе въ ней никакого участія, которымъ также дается отъ 5 до 10 окъ, а иногда цѣлое бремя (до 20 окъ), смотря по улову. Почетнымъ гостямъ, прибывшимъ по приглашенію и даже безъ того (*стидан юст*) выбирается болѣе крупная рыба. Я нѣсколько разъ присутствовалъ при вытягиваніи невода; но вполне прослѣдилъ весь ловъ

отъ начала до конца только одинъ разъ на Ранѣ. Тогда уловъ былъ небольшой: наполнили уклевою только 5 лодокъ и положили лодки скобаля; а крупную рыбу тутъ же одинъ купилъ всю за 40 талеровъ, и мнѣ тогда дали одну большую лаксфорель, пять угрей и цѣлую корзину уклеи; принявши только лаксфорель, я едва могъ отказаться отъ остальной рыбы. Г. В. Богшичъ говоритъ, что почетному гостю, бывало, давали, смотря по его «рангу и почету, половину лодки и даже цѣлую, которую онъ, будучи не въ состояніи взять съ собою, обычно тутъ же продавалъ безъ всякаго зазора, а деньги (50—60 талеровъ) спускалъ въ карманъ» *).

Онъ же сообщаетъ и слѣдующее: «Въ дни, когда на водѣ было мало работы, случалось въ прежнее время, что изъ рыболововъ составитъ чета, которая отправляется четовать въ Албанию; а когда эти люди возвращались, они должны были приобрести добычу раздѣлить съ оставшимися ловить и сушить рыбу» **).

Сверхъ извѣстнаго пая въ сушеной уклевѣ для своихъ главарей и другихъ вменитыхъ личностей часто посылаютъ имъ въ даръ сколько-нибудь изъ крупной рыбы, а также и уклеи, чтобы полакомились ею свѣжею; а что касается присутствовавшихъ на ловѣ, то тутъ, конечно, ѣдятъ рыбы, сколько угодно.

Покончивши такимъ образомъ съ раздѣломъ рыбы, приступаютъ къ ея приготовленію, собственно только уклеи. Её кладутъ въ описанное выше корытце, которое бываетъ различной вместимости, отъ 50 до 150 багажей или отъ 500 до 1500 окъ. Положивши въ корыто, её посыпаютъ солью въ размѣрѣ 1 окъ на 10 окъ рыбы; потомъ одинъ влѣзаетъ въ корыто и начинаетъ мѣсить рыбу ногами, чтобы она лучше перемѣшалась съ солью и образовался бы разсолъ. Въ разсолѣ рыба стоитъ ровно двое

*) Zbornik sadašnjih pravnih obiçaja u južnih Slovena. Kn. I. Zagreb. 1874. стр. 497.

**) Тамъ же, стр. 498.

сутокъ; потомъ её вынимають и нанизываютъ на тонкія вербовые прутья (*срэмиче*) по 100—150 штукъ; концы связываются и образуется удлиненное кольцо, и такія кольца развѣшиваются въ колибѣ надъ огнищемъ; для болѣе равномернаго просушыванья кольца эти то и дѣло перевѣшиваются такъ, чтобы верхняя часть попала внизъ и наоборотъ; за 4 дня она уже готова.

Сбытъ этой сушеной рыбы прежде былъ какому-нибудь случайному покупателю, или отвозили её въ Скадаръ и продавали тамъ. Случалось, что сдѣлають одинъ забродъ и ждутъ, пока продадутъ тотъ уловъ, потому что безъ того не на что купить соли и некуда дѣваться съ рыбой, еслибъ былъ новый уловъ; да мало и покупалась она. Въ послѣднее же время ей открылся хорошій сбытъ въ южную Италію, и цѣна ея была тѣмъ выше, чѣмъ больше родилось маслинъ въ Италиі; а недавно нѣсколько торговцевъ открыли ей путь и въ королевство Сербію. Поэтому сбытъ ея обезпеченъ, и её обыкновенно впередъ закупаетъ какой нибудь торговецъ, условившись въ цѣнѣ за мильяръ сушеной уклевъ отъ 40 до 80 флор. Взаимное обязательство такое, что онъ принимаетъ всю рыбу, сколько бы ея ни было; а они также не имѣють права ни одной оки продать другому. Отъ улова и сбыта зависитъ цѣна рыбы и вообще доходъ отъ этого рыболовства.

Въ 1884—1885 г. (берется вся зима) продано уклевъ 400 мильяровъ по 66 фл., слѣдовательно получено прихода 26,000 флор., а за отчисленіемъ расхода, не превышающаго впрочемъ, 6000, на каждую мужскую душу прійдется по 10 фл.

Крупной рыбы хотя и меньше ловится, за то она продается дороже и безъ всякихъ хлопотъ; такъ что отъ нея можно считать почти такой же доходъ. Бываютъ годы, что получаютъ дохода 60 и до 120 тысячъ; а бываетъ 10—20 т., или остаются вовсе безъ лова.

Время этого лова считается отъ *мратинскихъ поклада* (рождественское заговѣнье 14 ноября) до марта.

Замѣчательно, что, если уловъ сданъ одному откупщику, отъ

него не берутъ за счетъ улова впередъ ни копейки вплоть до марта; иногда только онъ купитъ для нихъ въ Италиі части для невода. Расплата совершается между 1 марта и Юрьевымъ-днемъ (23 апрѣля).

До вывоза за границу рыба эта хранится въ магазинѣ на Рѣкѣ, а затѣмъ везутъ её въ большихъ лодкахъ до Оботъ на Боянѣ, гдѣ перегружаютъ въ морскія суда; для Сербіи же её сухопутно доставляютъ въ Которъ или Баръ, откуда идетъ дальнѣйшая отправка на пароходѣ и послѣ по желѣзной дорогѣ.

Есть еще ловъ малымъ неводомъ (*мали зриб*), который производится не одиночками, но малыми товариществами. Ихъ на Враниянѣ—4, въ Додошахъ—2, на Превлакѣ—1, въ Сеоцѣ—1, а принадлежать они 10 или болѣе домамъ. Длина этого невода почти такая же, какъ и большого, но онъ гораздо ниже и очки крупнѣе, потому что предназначается для ловли болѣе крупной рыбы, въ томъ числѣ и скобала. Эти 10 или болѣе домовъ владѣютъ 8-ю неводами вмѣстѣ и приготавливаютъ ихъ сообща. Они покупаютъ ленъ (*ноотсмо*) въ Триестѣ или Италиі по 1 флор. 53 с. за оку, всего 12 окъ; сами прядутъ его и потомъ плетутъ сѣть, покупаютъ веревки и еще кое-что, и вся стоимость такого невода доходить до 10 наполеондоровъ, не считая, конечно, своего труда.

Внѣ этого времени съ 14-го сентября до 1-го марта производится ловля рыбы отдѣльными личностями и различными способами, о которыхъ мы говорили выше, и уклева, покупаемая отъ этихъ отдѣльныхъ ловцовъ, называется *мрежарица*, которая всегда крупнѣе, потому что крупнѣе сѣть. Впрочемъ этотъ розничный ловъ производится одинаково и зимой, а запрещается ловить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловятъ большимъ неводомъ; въ другихъ же мѣстахъ полная свобода ловить каждому изъ цеклинскаго племени, и, какъ мы видѣли, на основаніи этой свободы, держится ловъ малымъ неводомъ не цѣлымъ племенемъ, а отдѣльными лицами, составляющими товарищество.

Такимъ образомъ и во владѣннн водами, какъ во владѣннн землею, въ основаннн лежитъ начало племенное: опѣ принадлежатъ цѣлому племени безъ различнн, прилегаеть ли у кого земля къ водѣ или нѣтъ, и на этомъ основаннн организованъ ловъ въ большомъ размѣрѣ; въ области же цѣлаго племени открывається путь и промыслу индивидуальному, изъ котораго возникли товарищества.

Первый способъ организацин имѣеть нѣкоторое сходство у насъ въ Росснн съ уральскимъ; а второй напоминаетъ наши рыболовннн артели на Ладожскомъ озерѣ, Бѣломъ озерѣ, Пейпусѣ и др., а въ Сибири на озерѣ Байкалѣ.

Въ Горнемъ-блатѣ также много рыбы и тамъ находятся два ока: Шуйца и Биво, оба церковннн, которыя сдаются въ аренду за 2000 талеровъ на 3 года.

Не лишнимъ считаемъ напомннть описаннн этой самой рыбной ловли, какъ оно практиковалось въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ 300 лѣтъ назадъ у Марина Болицы которое мы приводимъ въ I т. стр. 800—803.

Свой особый ловъ имѣють также жители Вирбазара (въ Цермницѣ); но ловятъ только мелкими сѣтями и другими снастями, а не грибомъ. Жители Крницъ (Крайна) ловятъ рыбу въ озерѣ, имѣя свои лиманы или затоны, и, кромѣ мелкихъ сѣтей, которыя сами плетуть изъ сырцоваго шелка, небольшимъ грибомъ, который покупають въ с. Додошахъ (близъ Жабляка), за что отдають половину улова.

Зегяне также имѣють малый ловъ въ озерѣ, а больше всего по его разливамъ и главнымъ образомъ ловятъ карповъ, угрей, скобелей и др.; но эта рыба меньшей цѣнности, потому что отзывается пломъ.

Рыба играетъ такую важную роль въ жизни цеклинскаго

племени, что на Рождество, прежде чѣмъ разговѣться, цеклинянигъ съѣдаетъ сухую уклеву, произнося при этомъ пожеланія, какъ при здравницѣ съ чашею въ рукахъ. Между прочимъ и въ Васоевичахъ есть повѣрье, что, если кто поймаетъ рыбу, хотя бы самую мелкую въ бадній-день, цѣлый годъ будетъ хорошій ловъ (то же самое въ охотѣ на зайца и другого звѣря).

Рыбу различаютъ по вкусу, зависящему отъ свойства воды: такъ скакавица, морская рыба, ловится и въ Скадарскомъ озерѣ, но заходитъ она и въ Морачу, и тутъ самая вкусная; форели, конечно, самыя лучшія въ горныхъ потокахъ и озерахъ. Въ уклевѣ различаютъ *матичу*, за которой идетъ цѣлое стадо, и она больше и толще другихъ; а *рауля* — послѣ выметыванья икры, тощая и невкусная. Мужского пола лаксъ-форель, называемая *струн*, самая вкусная. Въ карпахъ отличаютъ одинъ сортъ *оначан*; у него голова особенно большая, а тѣло сравнительно тонкое, и когда сварятъ, вся чешуя завернется, кожа при томъ твердая, сморщенная; это низшій сортъ; есть особенный сортъ *крап моянскій* въ Нижней Зетѣ (по мѣсту), особенно крупный; заходитъ въ прѣсныя воды рыба, специально считающаяся морскою: кромѣ кефала, *морски-юлуб* или *полуроба*, по-албански *моис* (камбола)*). Иногда попадаетса осетръ, называемый по-турецки *домуз-балык*, а по-албански *блин*, котораго прежде не ѣли, и недавно только въ Скадрѣ стали вынимать изъ него икру, которую выбрасывали; судя по описанію та же рыба въ Зетѣ называется *красан*, ловающаяся тамъ очень рѣдко. Объ угрѣ говорить, что ловащіеся въ здѣшнихъ прѣсныхъ водахъ — исключительно самки; а самцы приходятъ временно для оплодотворенія. Есть рыбы, которымъ не можемъ дать никакого опредѣленія: *дерач* въ Васоевичахъ, судя по описанію, въ родѣ налима; *к-іен* — въ родѣ нашего леща (если не то же самое, что *липлен*, родъ форели); *сврара* — съ бѣлою чешуею и выдающеюся впередъ нижней челюстью (названіе напоминаетъ нашу сорогу).

*) Въ Дубровникѣ еѣ называютъ *лиси*; а въ Герцоговинѣ, кажется, она же именована и ловится въ Неретѣ.

Кромѣ уклевы, заготавливаютъ въ прокъ еще скобаля, распластавши его, слегка посоливши и вывѣсивши сушиться на солнцѣ. Въ томъ же видѣ, но весьма мало, заготавливаютъ лаксъ-форель, а также и мелкую каменную форель. Изъ-за границы же получаютъ довольно большое количество сухой трески (бакалай), которая считается необходимою принадлежностью каждаго торжественнаго постнаго обѣда.

Икру вынимаютъ и сушатъ исключительно только изъ кефала, и называютъ её по-итальянски *бутарна*. Вообще же икру называютъ *патрва*; а *икре*, *икрице* — чешуя на рыбѣ (черную икру, привозимую главнымъ образомъ изъ Россіи называютъ *кавьяр* или *айсар*). О морской рыбной ловлѣ мы уже говорили въ I т. (стр. 199—202); тамъ же мы говоримъ и о различныхъ видахъ рыбы. Въ дополненіе сдѣлаемъ здѣсь одно замѣчаніе, какъ иногда различныя названія присвоиваются одной и той же рыбѣ. Такъ *бранцин* или *леврек* въ Ульцинѣ и Барѣ, иначе называютъ и *бар*; въ Боккѣ *люблен*; въ Будвѣ — *цмолут*; *смудут* въ Дубровникѣ; *лубин* — на островѣ Брачѣ; *дут* — въ Скрадинѣ. Все равно какъ форель въ Черногоріи называется *пастрва* и *младница*, и чуть ли не она же въ Герцоговинѣ называется *мавитница*, откуда и названіе мѣстности Главатичево на Неретвѣ выше Коньнца; тамъ же, кажется, тотъ же видъ форели называется *мекосница*; *скакавица*, *кефал* и *щипол*; (*x*) *робитница* и *осмона* (octopus).

Для оцѣнки рыболовства въ Черногоріи мы имѣемъ нѣкоторыя данныя только относительно уклевы и то только той части, которая ловится большимъ неводомъ; а сколько ловится такъ называемой мрежарицы и насколько продается для внутренняго употребленія всякой другой рыбы, которая гораздо цѣннѣе, какъ лаксъ-форель, угорь, карпъ, того мы не можемъ знать; но навѣрное можно сказать, что цѣнность этой рыбы должна быть много больше. Поэтому, считая, что уклева даетъ дохода отъ 20.000 до 60.000 флор. или среднее 40.000, весь

доходъ отъ рыбы въ бассейнѣ Скадарскаго озера можно считать превышающимъ 100.000. Надобно замѣтить при этомъ, что большая часть озера до сихъ поръ находится во владѣніи Турціи и принадлежитъ Скадру.

Доходъ этотъ незначителенъ въ сравненіи съ доходомъ на русскихъ озерахъ, изъ которыхъ даютъ напр.: Ильмень до 100.000 рублей, Псковское 400.000, а Ладожское до 600.000 *); но нужно имѣть въ виду слишкомъ малое пространство черногорской части озера въ сравненіи съ русскими озерами, между которыми Ладожское пространствомъ больше цѣлой Черногоріи.

Сообразно съ тѣмъ различны размѣры и во всемъ: на Ильменѣ работаютъ до 100 артелей, каждая въ 20 до 31 чел., или 2000—3100 чел.; а неводъ имѣетъ въ длину до 300 сажень; тогда какъ въ Черногоріи работаютъ до 200 чел., а неводъ короче больше, чѣмъ вдвое.

Но помимо прибылей и размѣровъ, сходство — въ способѣ лова: тамъ и тутъ ловъ основанъ на ассоціаціи; управляютъ выборные люди — тамъ *ватаманъ*, тутъ *брадски мавар*; раздѣлъ прибылей производится на паи или семьи и на души; а бѣднякамъ, даже не принадлежащимъ въ Россіи артели, а въ Черногоріи племени, дается даромъ. Для устройства невода покупается матеріалъ, пенька или конопля, которую сами прядутъ и послѣ изъ этой пряжи вяжутъ сѣти. Впрочемъ, въ Черногоріи въ последнее время начали покупать готовые сѣти въ Италіи, въ кускахъ, которые потомъ сшиваютъ и посаживаютъ. Найдется много сходства и въ деталяхъ самого лова.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать особо о рыбкѣ уклевѣ, которая составляетъ специальность Черногоріи.

Она постоянно обращала на себя вниманіе путешественниковъ, посѣщавшихъ Черногорію; но изъ специалистовъ мы знаемъ только одного изъ новѣйшаго времени, профессора

*) Сазоновъ—Озерныя рыболовныя артели на Сѣверѣ. (Русская Мысль, 1876 г. июль и сентябрь).

сплѣтской гимназіи (въ Далмаціи) Катурича, который изучалъ специально черногорскихъ рыбъ и написалъ о нихъ сочиненіе, до насъ однако не дошедшее. Но между посѣтителями Черногоріи были и въ старое время натуралисты, которые и старались опредѣлить эту рыбку. Одни относятъ её къ сельдямъ, другіе къ другой породѣ. Итальянцы называютъ её *scoganza*, а французы (Фриляй) *tuigil*. Намъ извѣстно одно, болѣе точное описаніе ея д-ра Біазолетто *), который при этомъ въ свою очередь ссылается на таблицы Блоха, и былъ въ Черногоріи, сопровождая саксонскаго короля Фридриха Августа въ 1841 г.

Воспользуемся его описаніемъ и мы.

«Эта рыба—*surginus alburnus* (Bloch. таб. 8, ф. 5); имѣетъ длину отъ 6 до 8 дюймовъ; голова немного остроконечна; спина немного изогнута, простая, цвѣта оливковаго; нижняя челюсть длиннѣе верхней. Лобъ плоскій оливковаго цвѣта съ черными пятнышками; бока и все тѣло цвѣта серебристо-бѣлаго. Плавники грудные и брюшные тоже бѣлые съ розоватымъ оттѣнкомъ, у хвоста зеленоватые, а на спинѣ оливковые. Чешуя тонкая, легкая, удобно снимается и прекраснаго серебристаго блеска (стр. 109). Пограничные жители называютъ её *scorjénze*; по-нѣмецки *Uklei* или *Uekelei*, также *Weissfisch*, *kleiner Albing* и др. (108). Изъ чешуи этой рыбы дѣлаютъ искусственный жемчугъ (*perle false*), отдѣляя съ нея покрывающій её серебристый порошокъ посредствомъ полосканья въ водѣ (*agitazione nell' aqua*). Порошокъ этотъ осаждается, имѣя свою специфическую большую тяжесть, затѣмъ его собираютъ и, смѣшавъ съ рыбнымъ клеемъ, посредствомъ трубочки покрываютъ имъ изнутри стѣнки стеклянныхъ бусъ, которыя потомъ для тяжести наполняютъ воскомъ, сквозь который дѣлаютъ отверстіе и вводятъ туда трубочки изъ бумаги, а наконецъ нанизываютъ, какъ и другія монпсты» (стр. 109).

*) *Bartolomeo Biasoletto*. — *Viaggio di S. M. Federico Augusto re di Sassonia—1841*.

Къ этому считаемъ долгомъ сдѣлать нѣкоторую поправку въ описаніи рыбки. Во-первыхъ, она не такихъ размѣровъ, какіе даетъ г. Біазолетто; именно длина ея съ хвостомъ 5—6 дюймовъ или 12—15 сантиметровъ; цвѣтъ спинки оливковый или собственно зеленоватый съ золотистымъ отливомъ, а къ серебристо-бѣлой серединѣ тѣла смежно съ нимъ оттѣняется сѣрымъ или черноватымъ цвѣтомъ; смежно съ брюшкомъ дѣйствительно оттѣнокъ розоватый; двѣ продольныя линіи, раздѣляющія спинку, середину и брюшко, обозначаются слегка какъ-бы кровяными подтеками. Плавники всѣ прозрачно-бесцвѣтные, слегка отливающіе розовымъ на груди и брюшкѣ и черноватымъ на спинкѣ и хвостѣ. Голова скорѣе коричневаго, чѣмъ оливковаго цвѣта, и вверху ея два поперечныхъ темныхъ пятна, а ниже (ближе къ носу) такая же полоска розовая и розовыя же ноздри; глаза черные, прозрачные съ серебряными ободками.

О производствѣ же изъ ея чешуи бусъ или фальшиваго жемчуга въ Черногоріи никому не было извѣстно; оно было извѣстно только за границей.

XIV.

ДОСУГЪ

(игры, пляска, пѣнье и другія забавы).

Мы уже видѣли, какъ проходить у черногорца трудовая жизнь; теперь посмотримъ, чѣмъ онъ наполняетъ свои досуги, которыхъ у него набирается много. Не говоря уже о праздникахъ, въ которые нельзя работать, и о тѣхъ глухихъ періодахъ въ различныя времена года, когда нельзя работать въ полѣ, черногорецъ вслѣдствіе того, что почти половину своей жизни проводить бродя со своими стадами, имѣетъ слишкомъ много досуга, который и посвящается различному способу препровожденія времени. Поэтому чобаны больше всѣхъ знаютъ различныя игры и самые искусные ихъ исполнители; они первые затѣйщики и выдумщики различныхъ игоръ; они же лучшіе рассказчики; тутъ же складываются многія пѣсни и образуются гусляры. Проходя черезъ планины, когда тамъ стоитъ народъ со скотомъ, вы встрѣтите всюду сходбища чобановъ и чобанокъ, коротающихъ свое время въ игрѣ, пѣснѣ или разговорахъ.

Общепородныя же, большія сборища бывають почти исключительно при монастыряхъ, и эти сборища состоятъ изъ людей, пришедшихъ не только изъ различныхъ племенъ, но и изъ предѣловъ внѣ Черногоріи. Племя же исключительно въ цѣломъ

своемъ составѣ собирается на скупштинны въ извѣстные дни только на планинахъ, о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Тутъ поются пѣсни, водятся хороводы, пляшутъ, предаются гимнастическимъ упражненіямъ и играмъ, требующимъ широкаго простора подъ открытымъ небомъ. Села, гдѣ дома, глѣпящіяся около скалъ, а все окружающее ихъ пространство разбито на мелкіе клочки, огороженные каменными стѣнками, съ наваленными на нихъ колючками, далеко не благопріятствуютъ такого рода играмъ. Веселье переносится въ села только зимой, когда планины погребаются подъ снѣгомъ, и ихъ лѣтніе жители не ищутъ уже простора, а сбиваются въ кучу, чтобы было только уютнѣе и теплѣе. Тутъ, прибравши въ корзины, закрома и мѣшки разнаго рода хлѣба, картофель, лукъ; наполнивши кадучки капустой, прикопавши за лѣто сыра и масла и заколовши нѣсколько штукъ барановъ для сушеннаго мяса и достаточно корма для скота, черногорецъ спокойно ждетъ божича или своего домашняго праздника, чтобы повеселиться со своими домашними и пріятелями; тутъ затѣваются и совершаются и свадьбы. Весельемъ и обильною трапезой завершаются мясоѣды передъ филипповками и еще веселѣе передъ великимъ постомъ на такъ называемые *бѣлые поклады* (заговѣнье), чтобы потомъ опять ожидать розговѣнья. Все это время полно праздниковъ, дающихъ черногорцу много досуга, который онъ и старается наполнить сходбищами днемъ на какой-нибудь площадкѣ среди села, преимущественно на хорошо устроенномъ каменномъ гумнѣ, а вечеромъ вокругъ домашняго очага. Сообразно съ имѣющимся просторомъ устраиваются игры и разнаго рода забавы. На Нѣгушахъ, напр., гдѣ имѣется достаточно ровнаго поля, на *бѣлые поклады* днемъ устраиваются игры, въ которыхъ собираются сотни молодыхъ людей обоого пола, ведутъ хороводы и бѣгаютъ на версту и далѣе; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ такого простора, всѣ сбиваются на тѣсномъ кружкѣ гумна, разсѣвшись по его краю, въ то время какъ посрединѣ одна или двѣ пары пляшутъ.

По вечерамъ собираются на такъ называемыя *село или съдник* и *прело* въ домѣ. Въ сущности это одно и то же, такъ какъ то и другое вытекаетъ прежде всего изъ потребности взаимнаго общенія, а потомъ имѣется въ виду соединить пріятное съ полезнымъ, и потому въ первомъ случаѣ приглашеніе дѣлается со стороны мужчинъ подъ предлогомъ потолковать о дѣлахъ, а во второмъ оно идетъ отъ женской половины, главнымъ образомъ отъ дѣвушекъ дѣвушкамъ, чтобъ онѣ пришли помочь пряхъ; это то же самое, что у насъ зовутъ на сѹпрядки.

Строгой формы приглашеній тутъ не соблюдается. Одинъ изъ домохозяевъ, встрѣтившись гдѣ нибудь днемъ съ сосѣдомъ или пріятелемъ, говоритъ ему: «Додыте вечерась да посѣдимо», и тотъ отвѣчаетъ согласіемъ, если что нибудь не задерживаетъ его дома или если онъ не общался куда нибудь въ другое мѣсто. Приглашенный, встрѣтившись передъ вечеромъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ, зоветъ и этого: «Айдемо да посѣдимо кадъ тога или тога». Поужинавши пораньше, приглашенные отправляются, запасшись достаточнымъ количествомъ табаку, чтобы хватило на цѣлый вечеръ курить безъ перерыва свою трубку. Съ мужчинами отправляются и женщины, замужнія или дѣвушки, и дѣти, смотря по тому, въ какую семью идутъ, т. е. есть ли для нихъ тамъ компанія. Прійдя въ домъ, усаживаются вокругъ огня и ведутъ разговоры сначала дѣловые и о вопросахъ дня, о новостяхъ изъ Цетинья и о политикѣ, о знакомыхъ и пріятеляхъ, о своихъ знаменитыхъ людяхъ изъ современности и изъ прошлаго, о юнакахъ и юначествѣ и т. д. и, когда весь матерьялъ для разговора исчерпанъ, заставляютъ кого-нибудь спѣть пѣсню «уз гусле». Если пѣвецъ искусный и пѣсня его интересна, то водворяется полная тишина, только слышится трескъ пламени на огнищѣ да пыхтѣнье тянущихъ свои чибуки и безпрестанные плевки, сопровождающіе непремѣнно куренье. Особенно дѣти, мальчики слухомъ и зрѣніемъ и всѣмъ своимъ существомъ вливаются въ гусляра, ловя каждое его слово, каждый стонъ и движеніе и какъ бы отпечатывая все въ своей головѣ и сердцѣ. Съ боль-

шимъ вниманіемъ слушаютъ и женщины, не отрывая рукъ отъ своей работы. Пѣснямъ этимъ иногда не бываетъ конца: только что спѣта одна, просятъ спѣть другую и при этомъ даютъ пѣвцу чѣмъ нибудь промочить горло — кофеемъ, ракіей или виномъ, если есть, а то предлагать только трубку табаку.

Если же пѣніе неудачно, то прерывается послѣ первой законченной пѣсни да и въ продолженіе самаго пѣнія старшіе изъ мужчинъ потихоньку ведутъ свои разговоры, а женщины шепотомъ перебрасываются рѣчами, сопровождаемыми незамѣтнымъ для всѣхъ смѣхомъ. Прерывать же пѣсню никто не станетъ, и какъ бы ни было пѣніе продолжительно, а время поздно, — никто изъ присутствующихъ не задремлетъ и не зѣвнетъ, точно онъ въ эти моменты, самъ живетъ и дѣйствуетъ.

Гусли, впрочемъ, въ этомъ случаѣ являются какъ бы на выручку, когда всѣ темы разговора истощены, а нѣтъ никакого другого увеселенія. Но въ большей части случаевъ на сѣдникахъ подъ серьезные разговоры людей пожилыхъ молодежь затѣваетъ свои игры, которыми часто увлекается и старшее поколѣніе, смотря по тому, какая игра, т. е. насколько она ему приличествуетъ.

Прело главнымъ образомъ дѣвничій вечеръ, хотя приглашеніе дѣлаетъ обыкновенно замужняя женщина, жена хозяина или старшаго въ домѣ; дѣвушки же приглашаютъ своихъ подругъ, исполняя тѣмъ какъ бы возложенное на нихъ порученіе. Въ то же время являются туда и молодые парни, кто сопровождая свою сестру, кто по приглашенію домохозяевъ, а кто въ договорѣ съ приглашенною дѣвушкой. Дѣвушки приходятъ раньше и тотчасъ принимаются за работу, за что иногда получаютъ какое нибудь угощеніе. Затѣмъ приходятъ парни, которые понемногу отрываютъ дѣвушекъ отъ работы, портятъ имъ дѣло, и въ концѣ концовъ мало-по-малу всѣ отъ работы переходятъ къ забавамъ.

Не входя пока въ нравственную оцѣнку этихъ вечеринокъ и забавъ, замѣтимъ только предварительно, что въ нихъ про-

глядываешь иногда грубость и даже нѣкоторая суровость, но не можетъ быть ничего, что нарушило бы по-своему понимаемое приличіе и особенно оскорбляло бы дѣвичью стыдливость.

Перейдемъ теперь къ описанію этихъ игръ и забавъ. Характеръ игры, конечно, зависитъ въ значительной степени отъ внѣшней обстановки: для хоровода нѣтъ мѣста въ избѣ; все равно какъ жмурки или прятки неудобны въ полѣ. И кромѣ того, нѣкоторыя игры или забавы представляютъ собою гимнастическія упражненія, въ которыхъ имѣется въ виду исключительно только развитіе силы, быстроты движеній и ловкости. Эти игры представляютъ собою гимнастическія упражненія съ характеромъ состязаній.

Самое элементарное упражненіе этого рода, кто шире шагнетъ, при томъ просто или въ припрыжку. Затѣмъ идетъ скокъ вдаль или на высоту. Скачутъ отъ извѣстной линіи сначала одинъ, и отмѣчается, гдѣ онъ ступилъ; затѣмъ другой, третій и т. д. и каждому скачку дѣлается отмѣтка. Въ томъ же направленіи идетъ перескакиванье черезъ ровъ, при чемъ для усиленія инерціи берутъ въ обѣ руки по камню, тяжесть которыхъ и увлекаетъ скачущаго впередъ. И потомъ въ дѣйствительной жизни черногорець, если ему нужно перескочить слишкомъ широкій ровъ, всегда совершаетъ это съ помощью взятыхъ въ руки камней.

Для скаканья въ высоту избираютъ обыкновенно какой-нибудь высокій камень съ отвѣсными боками, и самое трудное вскочить на него *трупачки* сразу обѣими ногами безъ малѣйшаго разбѣга, а ставши какъ разъ вплотъ него. Затѣмъ перескакиваютъ лошадь и даже двѣ лошади или человѣка съ разбѣгомъ или безъ разбѣга; черезъ лошадь иногда перескакиваютъ вдоль. Большой скачекъ съ разгона называется *амтрешет*. Перескакиваютъ веревку, которую держатъ двое или ровно съ поясомъ, или съ плеча на плечо или наконецъ съ головы на голову, при томъ выбираютъ самыхъ высокихъ людей. Это послѣднее доставляетъ исполнителю большую славу.

При этомъ замѣчаютъ, что одинъ лучше скачетъ вдоль, другой ввысь. На ловкости въ скаканіи держится игра *семер-кобила* или *сеймен-кобила* (въ Воеводинѣ *соч-кобила*), преимущественно дѣтская, въ родѣ нашей чехарды. Въ ней играющіе дѣлятся на двѣ партіи: одна изъ нихъ вадитъ, для чего, держась другъ за друга, такъ чтобы голова задняго приходилась подъ руку переднему, всѣ стараются, сколько возможно, прижаться плотнѣе другъ къ другу и меньше согнуться, чтобы для другой партіи было меньше пространства вдоль и приходилось бы скакать выше другъ на друга. Послѣдній, вскочивши выше всѣхъ, чтобы выиграть партію, долженъ ударить въ ладоши и проговорить: *чала-ала-алаге, досташе ме чалаге; ач-кач-будюкач, штице-копье буторесъ*, или сосчитать до двадцати и потомъ соскочить; а если свернется раньше, то партія проиграна. Послѣ прыганья идетъ бѣгъ, на короткое или дальнее разстояніе, по ровному или въ гору, иногда съ какими-нибудь препятствіями въ родѣ канавы на пути, скалы, каменной стѣнки или цѣлаго ряда подобнаго рода преградъ.

Въ прежнее время князь Николай устраивалъ такого рода состязанія для учениковъ бывшей учительско-богословской семинаріи, а также и вообще для народа, при чемъ отличившимся давались призы: револьверы, часы, одежда, какая-нибудь золотая монета и т. п. При такихъ бѣгахъ черногорецъ раздѣвается до нижняго бѣлья, а главнымъ образомъ скидаетъ обувь. Благодаря такимъ упражненіямъ черногорецъ выработалъ изъ себя замѣчательнаго ходока, какъ мы уже говорили о томъ выше (гл. IV, стр. 291—293).

Упражненіе и укрѣпленіе ручныхъ мышцъ достигается бросаніемъ камней, чему черногорецъ почти безъ различія возраста предается въ первую досужую минуту, если только найдется мѣсто.

Главною задачею при этомъ ставится бросаніе, сколько возможно, большихъ камней, при чемъ, схвативъ камень въ руку, черногорецъ поднимаетъ его на плечо и потомъ, разбѣжавшись

бросаетъ его впередъ, какъ бы толчкомъ. Здѣсь, какъ и при скаканіи, опредѣляется линія, до которой допускается разбѣгъ, и потомъ замѣчается, кто бросилъ дальше одинъ и тотъ же камень. Это называется *играми камня-рамена* или *каменотур* и въ пѣсняхъ часто встрѣтите, что —

Скок скакаху, а камень метяху,
А гадяху нишан на бьелегу.

Приучившись такимъ образомъ дѣйствовать большими и тяжелыми камнями, вѣсомъ отъ 10 до 16 килогр., черногорецъ создалъ себѣ изъ камня такое оружіе, которымъ онъ можетъ сильно поражать своего непріятеля, при томъ на довольно далекое разстояніе. Такъ онъ и теперь въ ярости убиваетъ камнемъ сразу корову, лошадь или другое крупное животное. Ядра въ 2 пуда бросаютъ обѣими руками. При бросаніи камня бросающій тяжестью его увлекается впередъ, и рассказываютъ про одного куча, что онъ, бросивши камень, пробѣгалъ впередъ съ такою стремительностью, что камень надалѣ за нимъ *).

Есть еще другой способъ бросанья камней, называемый *пловканье* (въ родѣ римскаго бросанья диска). Это производится небольшими камнями, при томъ выбираютъ болѣе плоскіе въ родѣ плитокъ; бросаютъ по низу и отъ себя рукой, цѣлясь въ какой-нибудь предметъ. Въ этомъ способѣ бросанья развивается необыкновенная мѣткость. Есть дни, въ которые исключительно играютъ *на плойку* или *пловке*: это въ чистый понедѣльникъ на Рѣкѣ и въ Подгорицѣ, при чемъ проигравшій угощаетъ водкой. Зимой, гдѣ падаетъ снѣгъ, распространена игра въ снѣжки (*грудати се*) между отдѣльными лицами или партія на партію.

*) Въ сербской пѣснѣ «Смрт војводе Камце» (Вука Карджича, II, 81) облачивъ Раде выдерживаетъ состязаніе съ маджарами въ слѣдующихъ играхъ: «пру игру, *трка немачкога*; другу игру, *кола маджарскога*; трећу игру, *скока јуначкога*; 4. *камена с рамена*, а наконецъ воевода Сибинскій вызываетъ воев. Камцу: «Од' јуначе, да с' надстрелујемо, да бијемо нишан за облакомъ»; но вмѣсто цѣли вверху убиваетъ воев. Камцу.

На Цетиньѣ въ старое время игру эту иногда начиналъ самъ князь со своею свитой, а потомъ присоединялся и цѣлый городъ. Въ Васоевичахъ дѣти упражняются въ ходьбѣ на ходуляхъ, называемыхъ *чигале*. Особенно они любятъ это дѣлать по снѣгу, когда нападаетъ ровный и довольно глубокой. Лазаніе по скаламъ и деревьямъ самое обычное дѣло не только для мужчинъ, но и для женщинъ.

Кромѣ этого, тянутся за пальцы, за шею, за палку, продѣтую между ногъ и т. д. и все это производится съ такою энергіей, что вы слышите трескъ суставовъ, въ которыхъ у тянувшихся и послѣ того долго чувствуется боль. Точно такъ же происходитъ и борьба (*рвати се*) съ ожесточеніемъ. Всѣ эти игры носятъ на себѣ характеръ чисто гимнастическихъ упражненій, при чемъ всякая изъ нихъ направлена спеціально на развитіе извѣстныхъ органовъ. Но есть игры, которымъ совершенно чужда эта, такъ сказать, педагогическая цѣль, и въ которыхъ видно только желаніе провести время въ забавѣ, и въ которыхъ однако все основано на силѣ и ловкости, какъ на матеріалѣ, приобрѣтенномъ предшествовавшими упражненіями.

Однѣ изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ упражненія тѣхъ же мышцъ: это игры, такъ сказать, полугимнастическія; въ другихъ же разыгрывается цѣлая сцена; кромѣ простаго движенія, въ нихъ есть и дѣйствіе, въ которомъ нѣкоторое участіе принимаютъ и душевныя силы, проявляется изобрѣтательность и веселое настроеніе духа.

Къ первымъ мы относимъ игру въ мячъ (*лопте, ловте* или *слонице*), который дѣлается изъ свернутого въ комокъ и связаннаго платка или тряпки. При этомъ или просто перебрасываются мячемъ, подбрасываютъ его вверхъ и ловятъ, или устраивается полная игра, какъ у насъ въ лапту, при чемъ одна партія бьетъ мячъ и бѣгаетъ до определенной линіи, а другая ловитъ и старается ударить кого либо изъ бѣгущихъ, и если попадетъ, то роли мѣняются. Такая же игра въ чижъ, называемая *к.мс*, въ ямки и т. п.

На планинахъ устраиваютъ, такъ называемую *ортіемьку*: это столбъ, на который, какъ на ось, насажена длинная доска, вертящаяся вокругъ него и въ то же время балансирующая кверху и книзу. Двое стаиваются у концовъ доски и, взявши ихъ въ руки, стараются развертѣть, какъ можно больше, бѣгая вокругъ столба, и потомъ садятся каждый на свой конецъ — и по инерціи продолжаютъ вертѣться. Или же одни сидятъ, а другіе ихъ заверчиваютъ, и потомъ пускаютъ.

Качаются, на доскѣ, положивъ её серединой на какую-нибудь перекладину: это называется *цечка* или *чечка* и *цумька*, а дѣйствіе — *цечатисе*, *ипати се* (собственно скакать), *цумлятисе*. Подъ тѣмъ же названіемъ иауть и качели, какъ дѣтская забава, устраиваемая изъ веревокъ между деревьями. Но качели, въ видѣ игры обрядовой, устраиваются и въ домахъ и при томъ въ извѣстное только время, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Чисто дѣтскую забаву представляютъ жмурки (*тутумуше*) и прятки; въ нихъ однако принимаютъ участіе и взрослые.

Между играми, представляющими сцену, прежде всего упомянемъ тѣ, въ которыхъ сцены представляютъ нѣчто второстепенное и придуманы единственно съ цѣлью проявить въ нихъ тѣ же тѣлесныя упражненія, какъ и въ гимнастикѣ, въ примѣненіи яко бы къ житейскимъ фактамъ, проявить силу, ловкость и терпѣніе или выносливость; а иногда просто произвести смѣхъ и потѣху.

Это игры преимущественно мужскія, и въ нихъ обыкновенно участвуютъ только двое, трое или четверо.

Вотъ нѣсколько изъ нихъ.

Еж. Двое садятся на полъ, согнувши колѣни, куда продѣваютъ палку, а послѣ подъ торчащія вѣр колѣнъ концы палки продѣваютъ руки, которыя и привязываютъ къ ней. Въ такомъ положеніи толкаются ногами, стараясь главнымъ образомъ ударить сбоку, чтобы повалить противника на сторону, послѣ чего онъ уже не въ состояніи больше подняться; а тогда побѣдитель толкаетъ его сколько душѣ угодно, по всей комнатѣ, пыхтя при

этомъ, какъ ежъ. Эта игра часто практикуется на планинѣ, и тамъ побѣдитель толкаетъ побѣжденнаго до тѣхъ поръ, пока не свалить куда-нибудь въ яму или подъ гору.

Бити се овна. Одинъ становится на четвереньки, но поднимается высоко, чтобы другой также на четверенькахъ могъ свободно пройти подъ нимъ; другіе два представляютъ собою барановъ и, ставъ на четвереньки подъ первымъ, стараются ударить одинъ другого головою; иногда ударятъ одинъ другого и, кто слабѣе, тотъ ретируется, а тотъ его гонитъ; иногда же одинъ изъ нихъ проскользнетъ подъ первымъ и налетѣвшій на него ударяется въ полъ.

Дриѣт мечку. Въ комнатѣ изъ угла въ уголь протягиваютъ толстую веревку и натягиваютъ ее такъ, чтобы она посрединѣ возвышалась отъ пола до половины груди. На ней садится одинъ верхомъ, скрестивши ноги, и, чтобы не упасть, держится за веревку одною рукою, продѣвши ее между ногъ, а въ другой держитъ палку, на которую тоже опирается и тѣмъ сохраняетъ равновѣсіе. Въ одномъ углу къ веревкѣ прикрѣпляютъ капницу, перегнувши ее. И затѣмъ другой спрашиваетъ его: «Куд си кренуо?» а тотъ отвѣчаетъ: — У лов, да гаѣам мечку. — «Јел' ти ковь спреман? има-ли оглав?» Сидящій на веревкѣ ударитъ передъ собой. «Јеси г', турно самар?» — тотъ ударитъ подъ собой. «Колико има плоча, клинаца?» тотъ отсчитываетъ ударами палки. «Имаш ли силав?» тотъ ударитъ палкой по себѣ по поясу. Затѣмъ спрашиваютъ, есть ли у него ружье, патроны и т. д. и на все онъ долженъ отвѣчать ударами палки, при чемъ, конечно, весьма легко упасть, и падаютъ, возбуждая общій смѣхъ; а если не упадетъ, то на послѣдній вопросъ: «ђе је мечка?» — онъ указываетъ палкой на капницу и въ то же время бросаетъ въ нее палку и сбиваетъ, и тогда онъ выигралъ; а въ заключеніе *размира конья*, т. е. раскачается на веревкѣ, и послѣ слѣзаетъ; а на веревку садится спрашивавшій.

Мачке. Становятся трое: одинъ посрединѣ, двое по бокамъ. Средній старается, сколько возможно, больше расширить ноги,

чтобы дальше отъ себя держать своихъ сосѣдей, и въ то же время, мяуча и фыркая, какъ котъ, долженъ одного изъ нихъ ударить, собственно дать пощечину; а тѣ въ защиту держать руки передъ лицомъ ладонями кнаружи, чтобы отпарировать ударъ и въ свою очередь ударить середняго и сбить съ него шапку, и пока это не удастся одному изъ нихъ, середній продолжаетъ ихъ бить; въ противномъ же случаѣ мѣняются мѣстами.

Посјеѣи с конья. Двое становятся на четвереньки, а двое садятся на нихъ верхомъ. Это два всадника, которые сходятся и стараются одинъ другого ударить сбоку, при чемъ оба держатъ руки при лицѣ для отраженія удара и чтобы въ свою очередь тотчасъ ударить противника. Бьются до тѣхъ поръ, пока одинъ другого ударомъ не повалитъ на землю.

Усо. Двое садятся на полъ и обимъ завязываютъ глаза, а между ними кладется подушка, за уголь которой каждый долженъ держаться рукою. Одному даютъ въ руки жгутъ (*тура*), и онъ спрашиваетъ: «Усо! гдѣ си?». А тотъ, отвѣтивъ «Ево ме!», старается перемѣнить мѣсто и, сколько возможно, отдалиться, вытянувшись и прильнувши пластомъ къ полу, чтобы имѣющій жгутъ не попалъ по немъ. Спрашивающій по голосу и по легчайшему шуму отъ передвиженія старается угадать, гдѣ онъ, и бьетъ его со всею силой. Такъ продолжается до промаха жгутомъ, послѣ чего роли мѣняются. Въ этомъ случаѣ иные проявляютъ удивительную тонкость слуха. Очень смѣшно бываетъ, когда старающійся отдалиться, приближается къ противнику и какъ разъ нарывается на жестокой ударъ жгутомъ.

Трице. Садятся двое на полъ, обимъ завязываютъ глаза, а между ними ставятъ чашку съ мукой или мякиной и при томъ ложка. Одинъ беретъ ложку, набираетъ ею изъ чашки муки и зоветъ товарища: «Куме! зини, да те заложим». Тотъ открываетъ ротъ, а другой хочетъ попасть ему въ ротъ ложкой и, если попадетъ, тотъ долженъ принять всыпанное ему въ ротъ, а этотъ продолжаетъ и опять его кормить; но чаще бываетъ, что съ ложкой не попадаетъ, а пронесетъ ее мимо въ сторону или про-

сыплеть муку по одеждѣ, и тогда ложка переходитъ въ руки другого. Смѣшны бываютъ оба.

Цар и субаша или цар и везир. Играютъ трое. Берутъ круглую палочку до 7 сантим. длиной и въ палецъ толщиной и раскальваютъ вдоль на двѣ равныя половинки. Потомъ одинъ беретъ ихъ, составляетъ обѣ половинки вмѣстѣ и бросаетъ сверху: если обѣ половинки лягутъ разсѣченными сторонами кверху, то онъ — царь; если книзу, то — субаша или визирь; если же одна такъ, а другая иначе, то *кривац* (виноватый). То же самое продѣлываютъ въ другой разъ и третій. Если двоимъ упадетъ одинаково, то бросаютъ вновь, и царь можетъ сдѣлаться виноватымъ. Бросаютъ до тѣхъ поръ, пока установятся всѣ три личности. Тогда царь присуждаетъ, сколько ударовъ жгутомъ дать виноватому, а исполняетъ то субаша. Если царь хочетъ смягчить, то говоритъ: «дай ему млаку» (тепленькую), чтобы усилить «врућу (горячую)». Жгутъ, надо замѣтить, свивается изъ полотенца и очень круто; поэтому послѣ *горячихъ* ударовъ по рукѣ или по спинѣ остается опухоль и синева.

Паша. Спрашиваютъ одного, чѣмъ онъ хочетъ быть: *пашой* или *бизинном* (борзою собакой)? Одинъ по незнанію, а другой, увѣренный въ своей силѣ, называется пашой; тогда еще двое называются бизинами. Этыхъ бизиновъ привязываютъ къ его ногамъ, и если онъ много сильнѣе ихъ, то можетъ ихъ сбить съ ногъ и тащить за собою; а въ противномъ случаѣ они его растягиваютъ и волочатъ по землѣ.

Есть еще игры въ томъ же родѣ, въ которыхъ участвуетъ большее число лицъ.

Зузар (большая муха, вѣчно жужжащая). Образуется кругъ, въ середину котораго входитъ одинъ и, ударяя себя пальцемъ по ноздрѣ, жужжитъ: «зу-зу-зу . . .», и въ то же время старается ударить кого-нибудь по щекѣ, а тѣ — каждый держитъ руку при его шеѣ, чтобы отвѣтить на ударъ. Но тотъ, уда-

ривши, падаетъ или присѣдаетъ на землю и такимъ образомъ ускользаетъ отъ готоваго для него удара, а внизу его бить не смѣютъ, и за этимъ получившій ударъ заступаетъ его мѣсто.

Зец. Привяжутъ кому-нибудь къ головѣ перчатки въ родѣ ушей, завяжутъ глаза и дадутъ въ руки иглу, которою онъ долженъ кого-либо уколоть. Если ему это удастся, то онъ уколотому показывается, «какъ зецъ посе» (сосеть). Для этого возьметъ его за одинъ палецъ, стискиваетъ его крѣпко между своими пальцами и немилосердно вертитъ туда и сюда. Если нарвется сильный на слабого, то послѣднему придется испытать боль ужасную, а долженъ претерпѣть.

Пух (большая лѣсная мышь, съ длинною шерстью*). Человѣкъ 10—20 садятся въ два ряда на полъ, протянувши ноги, но такъ, что бы колѣнки были нѣсколько приподняты, и подъ ними пропускаютъ жгутъ одинъ къ другому; а одинъ ходитъ между ними и старается его найти и схватить, и если успѣетъ, то бьетъ того, у кого нашель, а самъ садится на его мѣсто; въ противномъ же случаѣ его бьютъ въ догонку, какъ сквозь строй, крича при томъ: «пу-пу-пу . . .».

Прстен. Составляются двѣ партіи человѣкъ по десяти. Въ одной партіи прячутъ перстень въ руки другъ другу или за поясъ; а другая отгадываетъ. Каждая неотгаданная партія считается по 4, и такъ продолжается до ста. Выпгравшая партія бьетъ проигравшихъ пальцемъ по ушамъ, и это называется *клемне*. Исполняетъ одинъ, а приговариваетъ, по сколько ударовъ, цѣлая партія.

То же, только иначе. Одинъ прячетъ перстень, суя его въ руки каждому, но оставляя у одного, и въ то же время носить жгутъ. Спрятавши его, спрашиваетъ каждаго по порядку, у кого перстень. Тотъ отвѣчаетъ, а въ то же время протягиваетъ

*) Такъ называется онъ не по большой шерсти, а по издаваемому имъ крику.

руку для полученія удара жгутомъ отъ спрятавшаго, угадаетъ или не угадаетъ, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ онъ становится на мѣсто спрятавшаго и, принявъ жгутъ, бьетъ съ своей стороны и его; а во второмъ остается на своемъ мѣстѣ. Если спрятавшій ударить больно, то отгадавшій старается ударить его еще больнѣе, и такимъ образомъ играющіе начинаютъ мстить и бьютъ одинъ другого съ азартомъ, стараясь свить жгутъ покруче. Впрочемъ, и безъ того черногорцы никакихъ поблажекъ въ этомъ случаѣ не любятъ, и коли бьютъ, то бьютъ жестоко.

Есть наконецъ и еще третій способъ прятанья перстня, и эта игра называется *козе или под капице*, при чемъ козь представляетъ перстень, скрывааемый подъ капицу или подъ что другое.

Для этого постилаютъ на полу шерстяное одѣяло и одна партія человекъ въ 10 садится на немъ въ кругъ, и каждый передъ собой кладетъ капицу или рукавицу шерстяную, или носокъ отъ чулка и т. п., подъ которые скрываютъ перстень. Одинъ изъ этой партіи прячетъ перстень, приподнимая лѣвою рукой по порядку упомянутые выше предметы, а правую съ перстнемъ подсовывая подъ нихъ. Противная партія стоитъ тутъ же и наблюдаетъ за прятаньемъ, и послѣ отыскиваетъ его. Прятанье совершается очень быстро и энергично; но прячущій можетъ удержать перстень у себя въ рукѣ; за то и угадывающимъ по уговору не считаются до четырехъ неугаданныхъ капицъ; большею частью прощается только одна, и со второй идетъ уже счетъ, за каждую присчитывается другой партіи по единицѣ, а за козу—4, пока не наберется сто, и тогда партія выиграна. Если угадываютъ сразу, то угадавшая партія получаетъ 10 и прячетъ перстень; если не сразу, то допускается до послѣднихъ двухъ, и если угадаютъ въ одномъ изъ двухъ мѣстъ, то также беретъ перстень въ свои руки, но не получаетъ никакой прибыли.

Дѣлается еще *прикрижеванье* (перепрятанье): это когда пря-

чушій удержитъ перстень въ рукѣ, а другая партія начала напрасные поиски.

Когда партія кончена, тогда выигравшая опредѣляетъ, что долженъ продѣлать каждый изъ партіи проигравшей. Въ Васоевичахъ обыкновеннѣе всего проигравшихъ усаживаютъ въ рядъ, повязываютъ имъ головы чалмами, даютъ въ руки по полѣну вмѣсто чубука и будто бы подають огня, чтобы закурить трубку, и вообще относятся къ нимъ, какъ къ туркамъ, титулуя именами *ага* или *бей*. Потомъ угощаютъ ихъ кофеемъ, т. е. берутъ доску вмѣсто подноса и насыпаютъ на ней столько кучекъ муки, сколько людей въ проигравшей партіи, и подносятъ каждому поочередно близко къ лицу и щелчкомъ пальца сыплютъ ему эту муку въ лицо. Послѣ того старшаго изъ нихъ по лѣтамъ выбираютъ за ходжу (мулла), который обходитъ всѣхъ своихъ, читаетъ имъ молитвы, поливаетъ водой и т. п. Иногда проигравшихъ ставятъ на четвереньки и сажаютъ на нихъ, какъ на лошадей, старыхъ женщинъ, которыя будто бы отправляются на планину. Грубыя и оскорбляющія самолюбіе издѣванія надъ проигравшими въ старое время доводили до ссоръ, оканчивавшихся иногда боемъ и убійствами.

Въ послѣднее время вмѣсто капищъ и другихъ предметовъ, подъ которыми прячутъ перстень, употребляютъ *фильджаны*, (круглыя кофейныя чашечки изъ фарфора) и прятать даютъ какому-нибудь лицу, не участвующему въ игрѣ, который, спрятавши подъ одну изъ нихъ перстень и перемѣшавши ихъ, выносятъ ихъ на *тепси* (жестяное или мѣдное плоское блюдо), откуда и стали говорить: *шрати на фильджане*.

Есть и другія игры, какъ: *удже*, или *уджашица*, *шрати скроба*, *шришкана*, *пити вино*, *продавати уље*, *квочка*, *фен*, *фус*, *баржак*, *град*, *парада*, *жребница* (малорос. *дова лоза*), *ичеле* и т. д.; есть наконецъ игры, заимствованныя изъ Приморья птальянскія, какъ, напр., *пасарела* въ родѣ нашей игры въ почту съ фантами, которыя извѣстны только въ селахъ смежныхъ съ Приморьемъ. Изъ описанія ихъ составилъ бы цѣлый сборникъ;

но мы, имѣя въ виду затронуть всѣ стороны народной жизни, должны поставить границу въ этомъ отношеніи и пользуемся только частью этого матеріала, чтобы только дать общее понятіе и объ этой сторонѣ народной жизни.

Перейдемъ теперь къ играмъ, въ которыхъ участіе женщинъ не только умѣстно, но и необходимо, потому что самыя сцены выражаютъ отношенія между болѣе сильными и слабыми существами, какъ волки и овцы, при чемъ послѣднихъ представляютъ собою женщины, или же сцены эти прямо взяты изъ отношенія двухъ половъ.

Волки и овцы. Всѣ женщины, случившіяся на сѣдникѣ, овцы, а мужчины — волки. Тѣ и другіе становятся въ рядъ другъ противъ друга. Кто-нибудь изъ мужчинъ вскакиваетъ между женщинами и схватываетъ одну изъ нихъ, которая ему больше нравится; затѣмъ другой, третій и т. д., пока не переберутъ всѣхъ женщинъ, и тогда всякая пара поетъ свои различныя пѣсни.

Кобыла. Собираются мужчины и женщины и раздѣляются на двѣ половины (это большею частью на планинѣ). Тогда одна женщина, болѣе пожилая, выступаетъ впередъ, а молодая, держась за нее, образуютъ сзади цѣлую цѣпь. Она выкрикиваетъ, что у нея есть хорошія кобылицы, хорошія и для ѣзды, и для приплода, и вызываетъ купца. Тогда выходитъ купецъ и осматриваетъ ихъ, при чемъ останавливается на одной, хватая ее за плечи, за ноги и за другія части тѣла, а она отбивается, держась за другихъ, и всѣ держатъ ее; наконецъ ему удается ее отбить и онъ ее уводитъ; а за нимъ является другой и такимъ образомъ переберутъ всѣхъ. Старая женщина остается одна, и, если игра понравилась, набираетъ другое стадо.

Представляютъ иногда прямо отношенія между мужчиной и женщиной, какъ въ сценѣ, называемой *васосеничко коло*. Выходятъ на средину двое — мужчина и женщина. Мужчина прива-

ряжается: надѣваетъ чалму, закручиваетъ усы, охорашивается и начинаетъ ухаживать за женщиной. Та его отгоняетъ; онъ въ отчаяніи. Потомъ онъ присматривается къ другимъ, выбираетъ одну изъ нихъ и вводитъ въ кругъ. Тогда роли мѣняются: первой женщинѣ обидно и она ухаживаетъ за мужчиной; тотъ отворачивается; она его умоляетъ; и въ концѣ концовъ онъ прогоняетъ вторую женщину, а съ первою обнимаются и пускаются въ пляску. Все это выражается одною мимикой. Еще игра *свадба или сватови*, въ которой одними женщинами воспроизводятся всѣ свадебные обряды, начиная со сватовства и заканчивая отводомъ невѣсты въ домъ жениха.

Въ другихъ играхъ эти отношенія выражаются аллегорично.

Міена на мјесец. Садятся всѣ въ кругъ въ разстояніи одинъ отъ другого на одинъ шагъ; а посрединѣ двое — обѣ женщины или мужчина и женщина. Женщина держитъ въ рукѣ палку и гоняетъ своего друга, приговаривая: «Ахъ, ты негодный! Что ты не сидишь дома, не стережешь стадо? волки забѣжали, овецъ подушили» и т. д. и все гоняетъ его по кругу, а потомъ крикнетъ: «мјена на мјесец!». Всякій вскакиваетъ со своего мѣста и старается занять ближайшее сосѣдское; а бывшіе въ кругу кидаются также занять одно изъ оставленныхъ мѣстъ; кто-же останется безъ мѣста, того будутъ гонять.

Сижати бимбер. Образуются двѣ партіи и становятся одна передъ другой. Изъ одной изъ нихъ выходятъ двѣ женщины и, подвигаясь потихоньку впередъ, поютъ: «Овако се бимбер сије, овако, овако» и при этомъ показываютъ руками, какъ пашутъ; потомъ кланяются и уходятъ; а на мѣсто ихъ выходятъ двѣ изъ другой партіи и поютъ: «Није тако, но овако» — продѣлываютъ то же, что и первыя, кланяются и уходятъ, а на ихъ мѣсто выступаютъ опять изъ первой партіи и поютъ: «овако се бимбер сије, овако се влачи, жанье, носе, се веже, се врши, се меле, се пече», и продѣлываютъ всѣ отвѣчающія словамъ манипуляціи; а изъ противной партіи на то отвѣчаютъ «Није тако, но овако».

Пары мѣняются, а если недостаетъ, то чередуются. Это главнымъ образомъ женская игра, хотя участвуютъ и мужчины.

Пауыз. Составляется кругъ, въ которомъ всѣ, положа руки на плеча другъ другу, плотно держатся одинъ къ другому; а посрединѣ мужчина. Всѣ поютъ: «Пауна ми глава боли, пауна ми глава боли, ој пауне мој!» Находящійся въ срединѣ хватается за голову и показываетъ, какъ у него болитъ голова. Затѣмъ: «пауну ми плеће боле», «ноге боле» и т. д., а наконецъ: «Паун лети, да полети» и онъ кидается, чтобы разорвать кругъ.

Стамена. Растянется длинный рядъ, а передъ нимъ двое мужчинъ поютъ: «Ој Стамене, Стамене» (2 раза).

Хоръ спрашиваетъ: Зовете-ли овамо? (2)

Али тамо те тамо (2)

Што оћете овамо? (2).

Двое: Ојте да састанемо!

Всѣ: А ми с вама нећемо!

Двое: Ви оћете и силом.

Всѣ: Силу, Боже, саломи!

Двое: А сад, Боже, помози!

При этомъ кидаются, схватываютъ дѣвушку, уводятъ съ собою и поютъ: «О, благо сига нама, ми добро доведосмо!»

А всѣ: «Ај леле сига нама, ми добро изгубисмо!» Затѣмъ повторяется пѣнье и похищенье, пока останутся только двое.

Прометач. Эта игра требуетъ большого простора и множества людей; собираются 50 до 100 и болѣе мужчинъ и женщинъ, иногда цѣлое село, и, схватившись руками въ формѣ незамкнутаго круга, выступаютъ полемъ съ какой-нибудь пѣсней. Потомъ одинъ край запоетъ: «Отворте ми врата од бијела града» и ринется къ другому, гдѣ крайнія двѣ пары поднимаютъ руки въ родѣ воротъ, куда и летятъ первые такъ стремительно, что составляющіе ворота только съ большимъ усиліемъ могутъ удерживать руки. Если ворота устоятъ, то эта пара тѣмъ же способомъ устремляется на другой край; а если разорвутся руки, то

эта пара выбрасывается. И такъ продолжается отъ Цетинья, напр., до Динова-брда или отъ Дольняго-края до Байць, на разстояніи двухъ или больше километровъ, гдѣ начинаются новыя игры и пѣсни.

Эти послѣднія игры, требующія большого простора и множества участвующихъ въ ней, а еще больше единодушія и беззавѣтнаго веселья, въ послѣднее время почти прекратились, потому что всѣ, какъ будто, постарѣли; всѣми завладѣли узко-практическіе расчеты и интересы. Болѣе тѣсное соприкосновеніе съ общеевропейскими государственными порядками отразилось на общественномъ строѣ и нравахъ Черногоріи, отнявъ у нея прежнюю простоту и свободу; а введеніе въ довольно широкихъ размѣрахъ чиновничества и различныхъ знаковъ отличій уничтожило всеобщее равенство и положило конецъ прежнимъ нравамъ.

Есть еще игра, которой не знаю названія, а производится она такъ.

Собираются женщины и поютъ:

Честе мале гомлице;
 Проз нпх руже раслс.
 Да је, коме руже брати,
 Бпх имала коме дати.
 Коме буде за ружицу,
 Нѣму ћу је дати.
 Бабо није за ружицу,
 Не ћу му је дати.
 Честе мале голмпце и т. д.

Не даеъ ни матерп, ни сестрѣ, ни брату, но

Драги мп је за ружицу,
 Нѣму ћу је дати.

Всякая дѣвушка выбираетъ себѣ друга и даритъ ему цвѣтокъ. Это продолжается, пока всѣ парни не будутъ обдарены цвѣтами. Иногда цвѣтокъ замѣняется платкомъ или другою какою-либо мелкою вещью.

Приведемъ въ заключеніе и еще одну игру, которая производится однѣми женщинами и носитъ на себѣ характеръ нѣсколько скабресный.

Это игра — *Рамадан*. Всѣ женщины раздѣляются на двѣ половины. Одна половина поетъ: «Рамадане копиlane, ђе си, што чиниш?» На это съ другой стороны выходитъ женщина, которая, представляя изъ себя старика и держась за воображаемую бороду, дрожащимъ голосомъ поетъ: «Ја ме ево у авлију, ево ђе дрктим». Опять обращаются къ нему:

«Попримак се па овамо, па не дркти ту». Рамаданъ немного приблизится, и опять ему поютъ: «Рамадане, копиlane, ђе си, што чиниш?». Рамаданъ: «А ме ево наврх стубе, ево ђе дрктим». Ему: «Попримак се па овамо, те не дркти ту». Онъ: — «Благо мени, благо мени, кад ми то велиш» — и прискочитъ какъ бы на двѣ ступеньки. Опять ему повторяютъ прежнее; а онъ на то: — «Ја те ево крај кревета, ево ђе дрктим». Ему отвѣчаютъ: «попримак се», на что онъ: «Благо мени, благо мени, кад ми то велиш», и въ тотъ же моментъ вскакиваетъ на кровать, схватываетъ одну изъ дѣвушекъ, повалитъ её, цѣлуетъ и вообще имитируетъ любовныя отношенія.

О такой игрѣ я знаю только въ Васоевичахъ, и, кромѣ ихъ, ни у какого другого черногорскаго племени, можетъ быть, она и не существуетъ. Очевидно, что игра эта навѣяна близкою жизнію съ турками и представляетъ собою насмѣшку надъ столь обычною у нихъ женитьбою стариковъ, на что указываетъ имя Рамадана и носимая имъ борода.

Надо при этомъ помнить, что народъ не умѣетъ и не любитъ называть вещи не своимъ именемъ и грязной вещи, когда её нужно выставить во всей наготѣ и безобразіи, давать личную оболочку; а потому въ этой игрѣ, скандальной по внѣш-

ности, мы видимъ лежащее внутри ея намѣреніе возбудить омерзѣніе къ турецкому обычаю и косвенное осужденіе вообще женитьбы стариковъ. Такое же осужденіе стариковъ, выступающихъ въ роли жениховъ, мы находимъ и во множествѣ пѣсень. Отчасти въ этомъ видится и вообще нерасположеніе къ туркамъ, которыхъ, какъ мы видѣли и въ другихъ играхъ, стараются представить въ смѣшномъ или ненавистномъ видѣ. Такимъ образомъ эту игру можно считать сатирою на турецкіе нравы.

Рождественскій мясоѣдъ, составляющій въ цѣлой Европѣ самое веселое время, вѣнцомъ котораго служатъ наша масляница и западноевропейскій карнавалъ, такимъ же веселымъ временемъ былъ и въ Черногоріи; но теперь отъ него остались только *біели поклади* (нашъ прощеньй день), когда вспыхиваетъ еще искра прежняго веселья, и то не вездѣ. На Цетиньѣ, напр., это веселье вовсе незамѣтно; но пойдите на Нѣгуши и тамъ вы найдете его: цѣлый день игры происходятъ на различныхъ мѣстахъ въ полѣ, а съ вечера до полночи продолжаются въ домахъ. Въ городахъ и городкахъ, какъ Рѣка, Подгорица, Никшичъ и др. тоже въ этотъ день большое веселье; но что касается *сѣдниковъ*, то они главнымъ образомъ принадлежность сель, гдѣ въ нихъ ощущается и наибольшая потребность въ слѣдствіе разбросанности жилищъ.

Перейдемъ теперь къ пляскѣ, хотя правильнѣе было бы прежде сказать о музыкѣ; но пляски въ Черногоріи собственно и нѣтъ, а то, что можно назвать пляской, совершается подъ пѣнье, иногда вовсе не плясовое. Первое мѣсто дадимъ черногорскому *оро*, собственно *хоро*, гдѣ звукъ *х* по духу сербскаго языка не выговаривается *). Это просто скаканье двухъ мужчинъ или мужчины и женщины въ кругу, образуемомъ собравшимся народомъ, преимущественно на гумнѣ, подъ пѣсню двояхъ

*) Многие ошибочно предполагаютъ, что это названіе происходитъ отъ *оро* или *орао* (орелъ), и въ самой пляскѣ видятъ какъ бы подраженіе взмахамъ его крыльевъ, когда онъ собирается взлетѣть.

или троихъ изъ того же сидящаго кругомъ народа, пѣнье при томъ протяжное съ сильнымъ вибрированьемъ голоса и однообразнымъ переходомъ отъ одной высокой ноты къ низкой, заканчивающей короткую скалу.

Это бываетъ такъ.

Всѣ сидятъ по краю каменнаго гумна; вдругъ одинъ изъ сидящихъ, съ крикомъ «и-и!» и взмахивая руками, выскакиваетъ на средину гумна. Черезъ минуту съ такою же стремительностью выскакиваетъ къ нему женщина, дѣлая крутой обороть, такъ что полы корета и концы платка на головѣ летятъ въ другую сторону; она тоже размахиваетъ руками, то вскидывая ихъ кверху, то опуская вдоль своего тѣла. Мужчина все время гикаетъ: «и-ха». Такимъ образомъ они обскакиваютъ другъ друга, то сближаясь, то отдѣляясь, и, напрыгавшись вдоволь, кидаются другъ къ другу, обнимаются, т. е. берутъ другъ друга за плечи и цѣлуются въ щеку; а на сцену выметаетъ другая пара, или же смѣняется только одинъ мужчина, а потомъ такимъ же порядкомъ мѣняются и женщины. Вся суть этой пляски состоитъ въ томъ, чтобы, держа корпусъ совершенно прямо и почти не сгибая ногъ въ колѣнахъ, прыгнуть какъ можно выше; маханье рукъ въ этомъ случаѣ помогаетъ усилению прыжка.

Легкій стройный парень скачетъ иногда съ такою эластичностью, что кажется, будто онъ слегка только ударяетъ пальцами ногъ въ каменный полъ, и полъ самъ подбрасываетъ его кверху, какъ резиновый мячикъ; а онъ только переменяетъ то ту, то другую ногу; не слышится крѣпкаго топанья, а только какой-то шелестъ изъ-подъ ногъ да бряцанье развѣшенныхъ на груди орденовъ. Взлетая на высоту передъ обскакивающей его женщиной и сверху любясь ею, онъ въ увлеченнн выхватываетъ изъ-за пояса револьверъ, дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и снова скачетъ, пока не влетитъ другая пара на смѣну. Женщина, смотря по тому, дѣвушка она или замужняя, держится скромнѣе или смѣлѣе, слегка уклоняясь отъ налетающаго на

неё мужчины или сама наскакиваетъ на него, что, впрочемъ, зависитъ и отъ характера личности. Иная, опустивши глаза и держа руки внизъ, не сгибаясь и не колебля станомъ, скачетъ передъ вами точно на картинѣ; потомъ вдругъ взмахнетъ руками, сдѣлаетъ оборотъ и точно полетитъ по направленію къ своей парѣ, вскинувъ на него глаза съ легкою улыбкой и снова опуститъ ихъ, и снова скачетъ на одномъ мѣстѣ, предоставивъ обскакивать себя своему другу. Другая, напротивъ: съ сильными размахами рукъ влетаетъ въ середину и крупными скачками носится по цѣлому кругу; налетая на мужчину и раскрывъ во всю орбиту глаза, она будто ловитъ его въ свои объятія и пожираетъ страстными глазами; потомъ вдругъ, какъ бы отвергнутая, съ такою же силой отскакиваетъ и отворачивается отъ него, чтобы черезъ моментъ снова устремиться къ нему. Въ довершеніе ко всему платью и головной уборъ мотаются за ея движеньями туда и сюда; подъ ногами тяжело раздается топотъ, а изъ груди выносятся стѣсненное дыханье.

Часто бываетъ, что пляшутъ мужчина съ женщиной или женщина съ женщиной; но это уже отступленіе, стоящее въ явномъ противорѣчїи со смысломъ и духомъ разыгрываемой, такъ сказать, житейской сцены. Парни наперерывъ смѣняются одинъ другого, чтобы поскакать съ красивою дѣвушкой, а также и дѣвушки *).

Для хорошаго выполненія этой пляски требуется сильное развитіе мышцъ стопы и икоръ, потому что отъ нихъ идетъ весь импульсъ цѣлому тѣлу, и потому при этой пляскѣ случается иногда разрывъ мелкой артерїи въ икрѣ. Нога въ колѣнѣ, кажется, совершенно безъ напряженія — то сгибается слегка, то снова

*) Дентонъ (A Ride through Montenegro, 1866) говоритъ, что совершенно такая же пляска, старинная, есть у шотландцевъ; а далѣе, описывая видѣнное имъ черногорское коло, замѣчаетъ, что оно требуетъ слишкомъ большого напряженія, и потомъ выражаетъ удивленіе одной дѣвушкѣ, «сельской красавицѣ», играя съ которою то и дѣло мѣнялись парни, а она плясала безсмысленно болѣе часу. (По сербск. переводу въ журн. *Вила*, 1867 г., № 11, стр. 175).

выправляется. Не безъ участія тутъ и мышцы цѣлаго стана, такъ какъ и онѣ помогаютъ его взлету, сжимаясь и разжимаясь, хотя и безъ замѣтнаго напряженія. Иные, впрочемъ, сгибаются и очень замѣтно, чтобы сдѣлать сильнѣе прыжокъ; но это уже не красиво. Вся прелесть этой пляски заключается въ легкости и непринужденности прыжковъ, а также и въ манерѣ, въ умѣннѣ держаться спокойно и умѣряя движенія и только по временамъ обнаруживая съ энергіей бьющія въ человѣкъ жизненныя силы.

Слишкомъ азартное, доходящее до дикости увлеченіе не только некрасиво, но и опасно, особенно когда пляшущій въ то время стрѣляетъ: вмѣсто того, чтобы направить дуло вверхъ, онъ направляетъ его въ сторону и кого-нибудь убиваетъ. Такихъ несчастій бывало довольно, и потому теперь запрещается во время пляски стрѣлять иначе, какъ холостыми зарядами.

Дѣти, ни въ чемъ не отстающія отъ взрослыхъ, составляютъ свое *оро*, и мило смотрѣть, какъ они съ весьма ускореннымъ тактомъ продѣлываютъ тѣ же фигуры, какъ и взрослые, и въ заключеніе также обнимаются и цѣлуются, ретируясь изъ круга.

Оро играютъ иногда и въ домѣ; но для этого, конечно, нуженъ домъ болѣе просторный, а главное прочный полъ; иначе случается, что и проваливаются.

Затѣмъ слѣдуетъ *цермичкое коло*, въ которомъ участвуютъ одни мужчины. Человѣкъ 20 и болѣе, положивши другъ другу руки на плеча, составляютъ кругъ и начинаютъ вертѣться подъ какую-нибудь пѣсню съ тактомъ довольно скорымъ, напр., «У Вукића Бранковића» и т. д. Сначала подвигаются довольно медленно: прискочивши шагъ впередъ, одну ногу приподнимаютъ внутрь круга, а на другую упираются, какъ бы отдавая немного назадъ, и дѣлаютъ короткую паузу; потомъ опять шагъ впередъ и перемѣняютъ ногу. Все это дѣлается въ тактъ одновременно, такъ что вы видите, какъ всѣ сразу приподнимаютъ ноги, откинувши корпусъ назадъ, и затѣмъ, какъ-бы, собравшись съ силой, ринутся впередъ. Послѣ тактъ ускоряется и цѣлая масса быстро вертится въ одномъ направленіи съ крикомъ

«хай-хай-хай», которымъ они понукають другъ друга къ болѣ скорому вращенію. Потомъ приостанавливаются, впадаютъ въ прежній медленный тактъ и выдѣлываютъ прежнюю фигуру ногами. И такъ продолжается, пока споется вся пѣсня, а иногда нѣсколько пѣсенъ составляются въ одну, и потому у цермничанъ это коло тянется очень долго. Лучше всего можно видѣть это коло ночью на 15-е августа (день Успенья Богородицы) на остр. Комѣ (близъ Жабляка) подъ монастыремъ, славящимъ тотъ день, гдѣ собирается масса народу изъ Рѣцкой, Цермницкой и Лѣшанской-нахій, изъ Зеты и изъ другихъ болѣ отдаленныхъ мѣстностей. Веселье продолжается за полночь среди разложенныхъ всюду костровъ, на которыхъ на вертелахъ пекутся цѣлые бараны, въ то время какъ въ котлахъ варится мясо и приготовляются различныя кушанья, чтобы на другой день тотчасъ послѣ обѣдни достойнымъ образомъ разговѣться. Веселье затихаетъ часа на три, и тогда все поле покрывается кучками спящихъ, замотавшихся въ бѣлыя шерстяныя понявы или въ струки; а то кому какъ Богъ послалъ.

Коло цермницкое бываетъ и двухъэтажное, при чемъ другое коло образуютъ, взобравшись на плеча нижнимъ и держась руками другъ съ другомъ, но въ числѣ меньшемъ вдвое; и еще три или до 5 человекъ взбираются на нихъ, образуя собою третій этажъ. Это послѣднее представляетъ собою уже искусство акробатовъ.

Кромѣ того, есть кола, носящее названіе герцеговинскаго, въ которомъ участвуютъ мужчины и женщины: взявшись просто за руки, за платки или за пояса, они образуютъ кругъ и медленно вращаются подъ пѣсню любовнаго содержанія, которую сами же и поютъ. Это совершенно какъ наши хороводы.

Есть и другіе виды кола, заимствованныя изъ Сербскаго королевства или другихъ сербскихъ земель; но эти виды не распространены въ народѣ.

Въ родѣ черногорскаго оро, есть кучское коло, всегда мужское, въ которомъ участвуютъ только двое. Это чисто военная,

боевая пляска: двое входятъ въ кругъ, скачутъ, сильно присѣдая на одну ногу, а другую протягивая впередъ, и манипулируютъ длинными ножами, то закидывая ихъ на плеча, какъ бы заноса ударъ, то махая пошву, будто, стараясь подсѣчь одинъ другому ноги, то вертятъ ими надъ головой, вертятся въ то же время и сами. Глядя на нихъ, такъ и ждешь, что дѣло кончится рѣзней, чего, конечно, не бываетъ. Сообразно съ манипуляціями играющіе настраиваютъ и свои фізіономіи какъ-то дико и страшно. Особенно эффектна эта игра ночью при освѣщеніи костромъ или луною: головы обмотаны бѣлыми полотенцами, бѣлыя куртки и такіе же узкіе панталоны, а ноги въ опанкахъ и черныхъ чулкахъ выше щиколки; все это придаетъ играющимъ какой-то дико-фантастическій видъ. Это собственно коло арнаутъ, съ которыми кучи живутъ въ сосѣдствѣ и постоянномъ общеніи, а частью состоятъ и въ родствѣ.

Наконецъ васоевицкія женщины придумали женское оро, въ которомъ двѣ женщины выдѣлываютъ тѣ же фигуры, какъ и мужчины, только въ присядку: такъ же обскакиваютъ одна другую, хлопаютъ въ ладоши, поднявъ руки кверху, и въ заключеніе цѣлуются. Остальныя женщины поютъ пмъ. Оно играется, конечно, въ домѣ зимой.

Музыки инструментальной у черногорскаго народа, можно сказать, не существуетъ, такъ какъ изъ музыкальныхъ инструментовъ они знаютъ только пастушескую свирѣль (*свирала, дитле, кавала* *) и *гусли*, служащія акомпаниментомъ пѣснѣ, которая при томъ не поется въ настоящемъ смыслѣ слова, а только нараспѣвъ разсказывается.

Гусли составляютъ необходимую принадлежность каждаго

*) Поэтому на какомъ бы инструментѣ ни исполнялась музыка, хотя бы цѣлымъ оркестромъ, къ ней прилагается глаголъ *свирами*, а сама музыка — *свирика*. Для гуслей, кромѣ обычно употребляемаго выраженія, *удраами уз гусле*, употребляется еще глаголъ *зундѣти* безъ добавленія «уз гусле», что показываетъ на происхожденіе и самаго слова *гусли* отъ этого глагола, при томъ съ сохраненіемъ носового произношенія.

черногорскаго дома, и рѣдкій черногорець не умѣетъ хоть сколько-нибудь играть на гусяхъ, а еще рѣже найдется домъ черногорскій, въ которомъ кто-нибудь не игралъ бы на нихъ. Съ гусями черногорець отдыхаетъ и отводитъ душу; имъ онъ впервые ввѣряетъ запавшія въ его душу поэтическія строфы; ими наполняетъ онъ досугъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ и занимаетъ гостей; на нихъ, какъ на звуки оркестра, обыкновенно собирается народъ и не расходится, пока гусярь не положить своего смычка; поетъ часто черногорець и одинъ, для самого себя. Вотъ почему мы должны остановиться на этомъ инструментѣ и дать нѣкоторое понятіе объ игрѣ на немъ.

Въ основѣ его устройства лежитъ та же форма, какъ въ скрипкѣ, гитарѣ, балалайкѣ, мандолинѣ и другихъ струнныхъ инструментахъ т. е. широкая круглая, трехугольная или съ вырѣзками голова, болѣе округленная или плоская съ пустотою внутри, и удлиненная ручка или грифъ, на которомъ не означены лады, а на концѣ колки для натягиванья струнъ; только форма гуслей доведена до возможнѣйшей простоты. Въ то время, какъ въ упомянутыхъ инструментахъ всѣ части ихъ составныя, здѣсь инструментъ весь состоитъ изъ одного куска дерева, изъ котораго вырѣзана фигура въ родѣ большой деревянной ложки или ковша на длинной ручкѣ и широкая часть также, какъ ложка, выдолблена. Затѣмъ открытая часть сверху обтягивается сырою овечью кожей, очищенною только отъ шерсти, и края ея по краямъ, вокругъ головы прибиваются деревянными гвоздочками; въ концѣ ручки просверливается отверстіе, въ которое вставляется колокъ толщиною въ мизинецъ; и инструментъ готовъ; остается только натянуть струны. Для этого берутъ пучекъ конскихъ волосъ, прикрѣпляютъ его сзади широкой части и натягиваютъ на колокъ, поставивши при началѣ кобылку, чтобы волосы нигдѣ не касались поверхности, и поднимаютъ ихъ довольно высоко, близь колка сантим. на 3—4. Длина всего инструмента около 60 сант., больше или меньше, а ширина круглой части около 20 сантиметровъ.

Такъ же просто и устройство смычка (*удало, смичац*): срубается вѣтка, сгибается и черезъ концы протягивается тоже пукъ конскихъ волосъ; выбираютъ такую вѣтку, чтобы на одномъ концѣ выходило нѣчто въ родѣ ручки. Волосы смычка, чтобы не скользили по гусямъ беззвучно, намазываются кускомъ сосновой смолы или ладономъ, замѣняющими кашефоль (а иногда сургучъ). Играя, музыкантъ садится или просто на полъ, скрестивши по обычаю ноги, или на маленькую о трехъ ногахъ скамеечку, и устанавливаетъ свой инструментъ широкою частью между колѣнями, а грифъ держитъ въ лѣвой рукѣ, положивши пальцы на единственную струну. Смычекъ держитъ онъ въ правой рукѣ такъ, что, держа ручку подъ ладонью, указательнымъ пальцемъ напираетъ на дугу сверху. Лѣвая рука держитъ грифъ на большомъ пальцѣ, а остальные держатся надъ струною и, чтобы переимѣнять тоны; гусярь ими чуть только прикасается къ струнѣ, не задерживая ихъ нисколько, а какъ будто только барабанятъ ими; поэтому слышится постоянно одинаково дрожащій звукъ различныхъ тоновъ, которыхъ, впрочемъ, весьма немного. Главнымъ образомъ тутъ дѣйствуютъ три середніе пальца, а иногда только мизинцемъ касается струны до нижней части грифа, чтобы издать какой-нибудь высокій звукъ. Въ противоположность пальцамъ, едва касающимся струны, смычекъ налегаетъ на нее и движется съ силой, потому звукъ выходитъ густой, какой-то ревущій или скрипучій и стонущій. Въ то время, какъ пальцы барабанятъ по струнѣ вѣчно одинаково, съ однимъ тактомъ, смычекъ, смотря по одушевленію пѣвца, зависящему, конечно, отъ содержанія пѣсни, движется медленнѣе или быстрѣе, какъ-бы стараясь догнать быстрый речитативъ пѣсни, и съ ускореніемъ такта напираетъ на струну все тяжеле и тяжеле.

Подъ гусли поются исключительно такъ называемыя *юмацкія пѣсни*, т. е. пѣсни эпическаго содержанія, воспѣвающія того или другого героя, то или другое событіе, имѣвшее значеніе въ жизни сербскаго народа и оставившее какое-либо сильное впе-

чатлѣніе въ его памяти *). Ни одна изъ этихъ пѣсенъ не только не миновала гуслей, но и не возникла безъ нихъ; такъ тѣсно онѣ связаны между собою. Мы остановимся нѣсколько на музыкальной сторонѣ этихъ пѣсенъ, не касаясь содержанія, которое мы рассмотримъ въ другомъ отдѣлѣ. Здѣсь мы объяснимъ только, какъ онѣ поются.

Всякій стихъ состоитъ изъ десяти слоговъ или изъ пяти трохенческихъ стопъ съ легкимъ сѣченіемъ посрединѣ. Гусларь въ быстромъ речитативѣ выговариваетъ всѣ слоги одинаково, дѣлая удареніе на предпоследнемъ слогѣ, а послѣдній слогъ спускаетъ при этомъ на одинъ тонъ ниже и какъ бы проглатываетъ или задерживаетъ въ себѣ. Разнообразится этотъ речитативъ только тѣмъ, что отъ времени до времени пѣвецъ дѣлаетъ передышку, передъ тѣмъ возвысивши голосъ на послѣднемъ произнесенномъ имъ стихѣ, и протянувши его послѣдній слогъ въ видѣ какого-то стона, который смолкаетъ, а гусли, какъ бы, не примѣчая того, продолжаютъ свой акомпаниментъ, наполняя тѣмъ перерывъ голоса. Пауза эта необходима, какъ для того, чтобы пѣвцу перевести духъ, такъ и для того, чтобы отгѣнить, такъ сказать, болѣе важные моменты въ пѣснѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ придать больше разнообразія монотоніи речитатива. Она необходима и для слушателей, чтобы дать отдыхъ ихъ вниманію и дать возможность остановиться на важнѣйшемъ моментѣ и больше прочувствовать; при чемъ и изъ среды окаменѣвшихъ отъ напряженія слушателей вылетаетъ навстрѣчу вздохъ, одобреніе, иногда какое-нибудь замѣчаніе. Точно опредѣленнаго мѣста для этой паузы не существуетъ **).

*) Въ одномъ селѣ близъ Шибеника (въ Далмаціи) намъ привелось слышать, какъ двое гуслей играли вмѣстѣ, при томъ пѣсня шла скабрзнаго содержанія.

**) *W. Ebel*, путешествовавшій по Черногоріи въ 1841 г., даетъ описаніе игры на гусляхъ въ техническихъ музыкальныхъ терминахъ (*Zwölf Tage auf Montenegro*. 1842, стр. 87); а въ новѣйшее время нѣкоторые старались прямо положить эту музыку на ноты; но въ печати намъ этого еще не привелось видѣть.

Все дѣло зависить тутъ отъ вкуса пѣвца и отъ того, какому моменту онъ желаетъ придать больше значенія; иногда онъ останавливается именно вслѣдствіе усталости или необходимости собраться съ духомъ, для чего однако также выбираетъ болѣе удобный моментъ. Вообще говоря, въ томъ состоитъ манера пѣвца: иной цѣлую почти пѣсню пропоеть, не сдѣлавши паузы; другой останавливается слишкомъ часто; но есть конечно мѣра, которою и опредѣляется искусство пѣнія. *Певати уз цуле таврамі* (тур. слово) — значить живо, весело; а не уныло, какъ тужбалица.

Искусство и, такъ сказать, прелесть этого пѣнія заключается въ томъ, чтобы отчетливо слышать каждое слово, не глотать окончанія и не растягивать слишкомъ, что дѣлаютъ многіе, чтобы речитативъ шелъ скоро, но безъ торопливости, и чтобы во всемъ соблюдена была мѣра и по возможности было бы меньше монотоніи. Что и говорить, что играетъ роль тутъ и самый голосъ, способный захватывать съ легкостью болѣе широкую скалу тоновъ, болѣе чистый и симпатичный. Много зависить также и отъ самого инструмента, а еще больше отъ умѣнья гусяра: у много, чѣмъ лучше, чѣмъ звучнѣе инструментъ, тѣмъ грубѣе извлекаются звуки; онъ реветъ и деретъ слухъ; тогда какъ въ рукахъ умѣлаго и плохія гусли поютъ: пальцы ли слишкомъ легко дотрогиваются до струны, смычекъ ли движется по ней очень нѣжными штрихами, нельзя опредѣлить; но вы не слышите тяжелаго скрипа, а только какое-то гудѣнье чистаго, какъ человѣческій голосъ, звука и, во время паузы, въ продолжающихся звукахъ гуслей вы слышите какъ-бы продолженіе голоса смолкшаго пѣвца. Самой пѣснѣ обыкновенно предшествуетъ *попичевка* (прелюдія), состоящая въ обращеніи къ Богу или прославленіи русскаго царя и черногорскаго князя; въ послѣднее время почти исключительно князя и его семейства. Лучшія гусли дѣлаются изъ явора (клена), за непмѣніемъ его берется дерево косцелы (*celtis australis*), но нногда гусли не дѣлаются изъ вербы, липы или другого какого мягкаго дерева.

Снаружи инструментъ большею частью украшается рѣзбою, особенно грифъ, конецъ котораго иногда представляетъ какую-нибудь фигуру — козы съ искусно сдѣланными рогами, змѣи со вставленными въ глаза блестящими камушками или стеклянными бусами и т. п. Иногда онѣ покрываются лакомъ или полируются, но никогда не красятся; большею же частію они приобрѣтаютъ лоскъ отъ рукъ играющихъ и темный цвѣтъ въ родѣ смутлаго тѣла отъ дыма. Самыя лучшія привозятся изъ Цареграда. Смола для смычка прикрѣпляется сзади, гдѣ соединяется грифъ съ широкою частію; иногда её замѣняетъ сургучъ. На кожѣ пробивается нѣсколько дырочекъ; а зимой, если она висѣла на стѣнкѣ, кожу эту непременно нужно немного согрѣть передъ огнемъ.

Женщины также знаютъ многія юнацкія пѣсни и не рѣдко подсказываютъ пѣвцу, если онъ что-либо забудеть; но онѣ ихъ никогда не поютъ, потому что это не женское дѣло. Онѣ имѣютъ свои особенныя пѣсни, кромѣ тѣхъ, которыя поются на сборищахъ при веселомъ настроеніи духа: это *тужбалицы*, пѣсни объ умершихъ или погибшихъ въ бою своихъ родныхъ и близкихъ. Женщина поетъ эту пѣсню не только при совершеніи обряда погребенія или вообще подъ живымъ впечатлѣніемъ постигшаго её горя; но вообще, когда остается одна: идетъ ли подалеже за водой или за дровами, несетъ ли какую-нибудь тяжесть, стережетъ ли стадо, — она, не выпуская изъ рукъ своей ручной работы, поетъ тужбалицу, въ которой описываетъ наружную красоту и нравственныя добродѣтели потеряннаго ею человѣка, воспоминаетъ свои отношенія къ нему и что онъ дѣлалъ для нея и т. п.

Если это поется при другихъ при сопровожденіи печальнаго обряда, то поется громко и оканчивается стопами и рыдающими до болѣзненности кликами: «ох! ох! ох!»; если же того нѣтъ, то женщина поетъ или въ то же время и сочиняетъ тужбалицу тихимъ голосомъ, речитативомъ, похожимъ на пѣнье подъ гусли съ болѣе печальнымъ протяженіемъ голоса на паузахъ.

Кромѣ того, есть у женщинъ пѣсни, которыя поются *на пре-*

душке, т. е. съ короткими паузами послѣ каждого стиха, какъ и подь гусли.

Наконецъ въ Васоевичахъ женщины поютъ *уз тепсію* (мѣдное или жестяное блюдо, круглое, съ невысокими закраинами, на которомъ пекутъ питу). *Тепсію* эту ставятъ на софру (низкій круглый столъ), и одна женщина, поставивъ её на ребро, начинаетъ вертѣть между пальцами, отъ времени до времени ударяя въ бокъ перстнемъ на рукѣ. Вертятся очень быстро, тепсія издаетъ какой-то жужжащій или гудящій звукъ на подобіе гуслей, которымъ и стараются подражать. Другія женщины подь этотъ звукъ поютъ безразлично, какую-бы то ни было пѣсню.

Кромѣ всего этого досугъ черногорца наполняется различнаго рода рассказами изъ народной исторіи, изъ дѣйствительной жизни или фантастическими, рассказами анекдотовъ, шутками, скороговорками, прибаутками, задаваніемъ другъ другу загадокъ и т. д., о чемъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ произведеній ума. А здѣсь для полноты упомянемъ нѣкоторыя игры, въ которыхъ къ забавѣ примѣшивается и интересъ.

Дѣти играютъ грецкими орѣхами, бросая и стараясь попасть въ чужую ставку; это игра на *куле*; *чит* или *чифт* и *лія* въ четъ или нечетъ; катаютъ яйца или бьются ими; подставляютъ другъ другу ударить въ яйцо какою-нибудь монетою ребромъ, при чемъ, если она хорошо врѣжется, бросавшій пріобрѣтаетъ и его, а въ противномъ случаѣ теряетъ монету; вмѣсто яйца употребляютъ иногда апельсинъ или лимонъ; это послѣднее, впрочемъ, только въ городахъ, новое и своего рода выманиваніе денегъ у взрослыхъ. Взрослые играютъ въ кости, назыв. *заре* или *тавла*, преимущественно турецкая игра; на *даме* — въ шашки; нѣкоторые играютъ и въ шахматы — *на шах*.

Практикуется также итальянская игра *погга* (по-франц. *поигте*), состоящая въ томъ, что двое встрѣчно другъ другу открываютъ пальцы, при чемъ одинъ изъ нихъ долженъ угадать,

сколько открыто пальцевъ у обоихъ вмѣстѣ; почерногорски играть на шије (отъ sei—шесть). При этой игрѣ вы издали слышите неистовые крики: cinque, sette, otto и до десяти, раздающиеся въ видѣ какого-то лая. Занесли её марангуны (мастера) изъ Далмаціи и Италіи, и больше всего она практикуется на Цетиньѣ; а также перешла и въ другіе города. Замѣчаю однако, что въ послѣднее время ея не слышать. Э. Тайлоръ говоритъ, что игра эта была распространена и у римлянъ и называлась micare digitis; и главнымъ образомъ практиковалась мясниками съ ихъ обычными покупателями, при чемъ на ставку шли куски мяса. Въ Черногоріи играютъ на вино.

Но всѣ эти игры, конечно, уступаютъ мѣсто картамъ. Нѣтъ надобности перечислять и описывать всѣ игры, заимствованныя изъ западной Европы и главнымъ образомъ изъ Австріи и Италіи, какъ — бришкуня, джандар, фирцик, маус и т. д., мы сообщимъ только народныя названія картъ и употребляемую при игрѣ терминологию.

Колода картъ называется *тестя*; 4 масти — 4 *суме*: *крсти* (трефы), *куте* (черви), *динарт* (бубны) и *маче* или *арапи* (пика); затѣмъ названія отдѣльныхъ картъ: *аш* (тузъ), *дошца*, *трици*, *четворка*, *петница*, *шестница*, *седмица*, *осмица*, *двѣстица*, *десетница*, *фанат* или *джандар* (валетъ), *дѣсвойка* (дама), *краль*. Сдавать карты *дыгити*, сыграть — *сычи*, *посычи* или *прекннуги*. Отдѣльная взятка — *штит* или *пошат* (point); козырь называется *бришкуня* или *адут* (глагол. *бришкунати* или *адутирати*).

Дополненіе къ главѣ XI.

Въ главѣ «Обрабатывающая промышленность» мы случайно пропустили два весьма важныя производства—выжиганіе извести и винодѣліе, предположивъ, что первое могло войти въ главу о постройкахъ, а второе въ виноградарство.

1. Выжиганіе извести.

Добываніе извести изъ мѣстнаго камня важно въ экономической жизни Черногоріи въ двухъ отношеніяхъ: какъ производство матеріала, безъ котораго невозможна никакая болѣе или менѣе важная каменная постройка, и какъ доходная статья, такъ какъ людямъ, имѣющимъ въ своемъ владѣніи большую часть скалы съ мелкою лѣсною растительностью, даетъ возможность извлекать изъ того нѣкоторую выгоду.

Собираясь выжигать известь, прежде всего запасаются дровами, для чего срубаютъ цѣлый лѣсокъ и даютъ ему нѣсколько просохнуть; а затѣмъ уже устраивается известковая печь (*кличина*). Для этого выкапываютъ круглую яму въ 6 метр. въ діаметрѣ, а въ глубину 2 м. Надъ нею заплетаютъ изъ кольевъ и хвороста круглую же корзину (*ком*) одного діаметра съ ямой и въ вышину 6 м. Бока ямы выкладываются камнями въ видѣ стѣнки, а сверху дѣлается сводъ. Стѣнки корзины также вокругъ обкладываются двумя слоями изъ мелкихъ камней и изъ земли; но эта обкладка производится одновременно съ насыпаніемъ внутренности камнями, подлежащими выжиганію. Земляной слой здѣсь играетъ роль изолятора между раскаленными внутри камнями и стѣнками корзины, а слой камня вокругъ ихъ

не даетъ землѣ высыпаться наружу и называется *кошулица*. Корзина такимъ образомъ наполняется до самаго верха и тамъ посрединѣ ставится отдѣльный камень въ видѣ столбика, назыв. *циль*, который, когда весь камень перегорѣлъ, опускается внизъ и тѣмъ даетъ знать, что выжиганіе окончено.

Внизу корзины съ одной стороны у самой земли оставляется четверугольное отверстіе, черезъ которое бросаютъ въ яму дрова.

Когда все это готово, зажигаютъ дрова, и операція началась: дрова принесены уже и разложены вокругъ корзины, и ихъ то и дѣло подкладываютъ въ печь. При этомъ, такъ какъ дрова состоятъ изъ хвороста и цѣлыхъ деревьевъ съ вѣтвями, ихъ засовываютъ туда посредствомъ жердей съ развиликами на концѣ.

Работаютъ при этомъ 8 человекъ, раздѣлившись на двѣ смѣны по 4 часа каждая. Выжиганіе продолжается отъ 5 до 7 дней, что зависитъ отъ качества камня, отъ дровъ и отъ погоды, такъ какъ дождь замедляетъ горѣніе, а иногда можетъ и совсѣмъ испортить дѣло.

Когда *циль* опускается, тогда перестаютъ подкладывать дрова, потомъ даютъ печи совсѣмъ охладиться и тогда начинаютъ разбирать стѣнки. Когда ихъ разберутъ, то посрединѣ открывается бѣлый столбъ извести, который потомъ постепенно обсыпался, превращается въ конусъ и наконецъ въ безформенную кучу.

Изъ такой печи выходитъ до 10.000 багажей или 150.000 килогр. чистой извести, представляющія цѣнность до 1.300 флор. *). Считая, что половина этого пойдетъ на ломку камня, рубку лѣса, плату рабочимъ за устройство печи и работу во время выжиганія, получится чистаго дохода болѣе 600 фл., и это съ пространства не болѣе одной десятины, при томъ ни для чего другого непригоднаго; а срубленный лѣсокъ между тѣмъ

*) При продажѣ въ розницу багажъ цѣнится по 20 сольдовъ; а отомъ за 1 талеръ (2 флор.) 15 багажей.

черезъ 5 и самое большое черезъ 7 лѣтъ является въ томъ же видѣ, въ какомъ и былъ, если только по срубкѣ его по нему не пасутъ скота, въ особенности козъ, которыя уничтожаютъ молодую поросль.

Какъ ни просто это производство и какъ оно ни распространено въ Черногоріи, есть мастера, которые особенно искусны въ этомъ дѣлѣ или научились этому искусству внѣ Черногоріи; имъ оно и поручается; но при всемъ томъ, какъ мы уже упоминали выше, всѣ постройки отличаются тѣмъ, что дождь проникаетъ черезъ стѣны домовъ, которые отъ того вѣчно влажны, и это приписываютъ именно извести, которую, загасявши въ ямахъ, оставляютъ въ нихъ, отчего она теряетъ свои хорошія качества. Впрочемъ, въ Ульцинѣ и Барѣ еѣ засыпаютъ толстымъ слоемъ земли, оставляя на годъ и больше, и она не только не терлетъ своихъ качествъ, а еще становится лучше. И то сказать, новыя постройки, особенно на Цетинѣ, производятся крайне слѣшно и небрежно, и всѣ почти негодны, тогда какъ есть старые дома, отличающіеся сухостью и прочностью.

2. Винодѣліе и приготовленіе водки.

Относительно винодѣлія мы возьмемъ за общій типъ производство его въ Цермницѣ, которая до сихъ поръ удерживаетъ за собою славу вина лучшаго въ Черногоріи, хотя производство его съ годами распространяется все больше и въ другихъ ея краяхъ и повсемѣстно стараются объ улучшеніи его качества.

Производится это слѣдующимъ образомъ:

Виноградъ, приретенный домой въ корзинокъ, ссыпается въ большую кадушку или высокій чагъ (бадапъ), который можетъ вмѣщать 300 и даже до 800 окъ винограда. Не подвергая тисненью, а только слегка сбивши, оставляютъ его на 4 и до 5 дней, и въ это время самъ собой отцѣживается сокъ, изъ котораго потомъ образуется вино — *самоток*.

Изъ этого самотока дѣлаютъ такъ называемое *преварено*

вино. Для этого его варятъ въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока не останется только $\frac{1}{2}$ жидкости, послѣ чего снимается съ огня, охлаждается и потомъ разливается въ боченки. Въ такомъ видѣ оно можетъ оставаться много лѣтъ и не испортиться, хотя бы и не было хорошаго подвала. Это вино въ продажу не поступаетъ, а хранится для дома на случай какого-либо домашняго праздника или для угощенія дорогого гостя.

Когда этотъ самотокъ извлеченъ, оставшійся въ кадушкѣ виноградъ предается тисненію (*мечити*), которое производится слѣдующимъ образомъ: обмывши хорошо ноги, человекъ влѣзаетъ въ чанъ и начинаетъ топтать массу *); а когда часть сока отдѣлится и соберется на поверхности (эта жидкость на поверхности называется *локва*), тогда онъ беретъ корзину и погружаетъ въ массу, изъ которой тотчасъ припикаетъ въ неё жидкость, свободная отъ твердыхъ частицъ; жидкость эта изъ корзины вычерпывается и вливается въ порожнія, придвинутыя къ главному чану кадушки. Послѣ этого опять идетъ тисненіе массы ногами, снова опускаются корзины и вычерпывается сокъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не останутся однѣ выжимки (*трон*), не дающіе уже никакой жидкости.

Этотъ сокъ (*маст*, *мастика*, *шира*, въ Печи *ташли-шира*, то же, что въ Швейцаріи *Sauser*) пьютъ и считаютъ очень полезнымъ. Всю эту отцѣженную жидкость возвращаютъ въ прежній чанъ на оставшіеся въ немъ, почти сухіе выжимки. Тогда начнется броженіе, при которомъ выжимки поднимаются кверху, гдѣ могутъ плѣсневѣть и вообще портиться; чтобы этого не было, ихъ прижимаютъ по три раза въ день особенною палкой съ рогулькама на концѣ (*рюза*). Въ такомъ видѣ сокъ этотъ оставляютъ отъ 7 до 8 дней, когда густая масса опустится внизъ — знакъ, что броженіе кончилось, а сокъ дѣлается прозрачнымъ, и тогда его нужно переливать (*прстачати*) въ бочки, что и производится

*) Чанъ этотъ не столько высокъ, сколько широкъ, такъ что человекъ, топчя виноградъ, не погружаетъ ногъ выше колѣна; при томъ кипзу онъ нѣсколько уже.

черезъ отверстіе, находящееся внизу чана (*руна, чан*), и тогда же происходитъ измѣреніе вина боченками по 48 окъ (*барило*) и меньшими въ 24 окъ (*сідрю*) для уплаты казенной пошлины по 40 сольдовъ съ барила.

Надобно замѣтить, что при этомъ измѣреніи не присутствуетъ никакой чиновникъ; но хозяинъ измѣряетъ самъ, сообщаетъ капитану, а тотъ заноситъ въ протоколъ и потомъ взимаетъ пошлину. И обмана никогда не бываетъ.

Бочки, въ которыя такимъ образомъ перелито вино изъ кадѣй или чановъ, въ продолженіе 3 до 4 дней остаются съ открытыми отверстіями сверху (*орань*), которое потомъ плотно затыкается, и въ такомъ положеніи вино остается до весны. Если вино не продается, то его нужно переливать въ чистыя бочки два раза въ году: когда лоза начинаетъ развертываться (*эбанье*) и во время уборки винограда (*сманье*). Обыкновенно рассчитываютъ, что двѣ окы винограда даютъ одну оку вина или 100 окъ винограда — 50 окъ вина и 4 окы ракин.

Разница съ Подгорицей состоитъ въ томъ, что здѣсь сваливаютъ виноградъ въ большую, высокую кадуюшку и мнутъ его посредствомъ особой толстой палки, въ родѣ песта, назыв. *ммуна* и дѣйствіе — *ммулами*. Давши постоять однѣ сутки, выпускаютъ первый сокъ черезъ отверстіе внизу кадуюшки и сливаютъ въ другую, въ которой оно должно добродить, а послѣ уже переливается въ бочку. Оставшемуся же въ первой бочкѣ винограду даютъ еще бродить 3—4 дня. Броженіе это выражается кипѣньемъ съ шумомъ; а когда этотъ шумъ замолкаетъ, то значить, что все перебродило, и сокъ этотъ сливаютъ въ бочки.

Есть, конечно, разница въ пріемахъ и въ другихъ мѣстахъ; но для насъ достаточно и этого. А теперь скажемъ еще о посудѣ для вина, держась тоже главнымъ образомъ Цервинцы.

Прежде всѣ эти сосуды производились дома и были для того свои мастера, которые остаются и теперь, но больше служатъ для починки, чѣмъ для производства новыхъ сосудовъ, которые

теперь большею частью покупаются изъ-за границы, потому что домашнее производство обходилось очень дорого и необходимаго для того дѣсу становится мало.

При домашнемъ производствѣ самый малый боченокъ стоитъ около 10 флор., большія бочки 60 до 70 ф., а кади бывали и за 100 ф. Теперь же покупаютъ ихъ въ Скадрѣ, Будвѣ и Которѣ изъ-подъ различныхъ напитковъ, привозимыхъ изъ-за границы, при томъ съ желѣзными обручами, при чемъ стоимость малыхъ 3—4 ф., а большихъ, вмѣстимостью 10—15 ведеръ (цермницкихъ въ 24 оки), 10—12 ф. Тѣмъ не менѣе большія кади и чаны и теперь производятся домашними средствами и своими мастерами. При этомъ для трости (*дуце*) и дна употребляются дубовыя доски, и дно составляется изъ двухъ или нѣсколькихъ кусковъ. Зарѣзы въ трости съ внутренней стороны, въ которые дно вставляется называются *кастрѣ*. Обручи дѣлаются изъ дерева косцелы (*celtis australis*) и концы ихъ связываются лыкомъ съ вяза или другого дерева. Изъ нихъ два по краямъ бочекъ называются *уторни обручи* (срв. наши *уторы* — закраины трости при днѣ бочки или боченка). Широкое отверстие въ боку бочки, черезъ которое она наполняется виномъ, называется *грамъ*; а въ днѣ для выпуска вина изъ нея — *чан* (множ. ч. *чанови*).

Отъ чистоты сосудовъ зависитъ отчасти и качество вина; поэтому хорошіе хозяева очень старательно вымываютъ бочки внутри, передъ тѣмъ какъ вливать въ нихъ вино, для чего опариваютъ горячею водою съ различными растворами, уничтожающими всякіе организмы, морскою водою или обжигаютъ.

Для помѣщенія бочекъ съ виномъ нѣкоторые имѣютъ подъ домомъ особое отдѣленіе, называемое *оинитица*, въ которомъ нѣтъ мѣста ни для чего другого; большинство же держитъ ихъ, хотя и подъ домомъ для холода, но вмѣстѣ съ другими предметами и даже близъ скотскаго стойла, отчего, конечно, вино скоро подвергается порчѣ.

Есть два вида порчи: или вино *уцти-се*, т. е., не мѣняя цвѣта

и прозрачности, пріобрѣтаетъ острый, кислый вкусъ, какъ уксусъ (*оцат*), а потомъ и совсѣмъ обратится въ него; или *ублута*, когда сдѣлается мутнымъ, изъ самаго темнаго порыжѣеть, становится совершенно безвкуснымъ, съ какимъ-то особеннымъ запахомъ плѣсени.

Считается, что, чѣмъ больше виноградникъ изложенъ солнцу и лежитъ ниже, тѣмъ слаще виноградъ и лучше вино; поэтому въ Цермницѣ лучшее вино считается въ Сотонячахъ, особенно въ мѣстности, называемой Мачуге, въ Годипняхъ, Болевичахъ, въ нижнихъ частяхъ Лимлянъ и Брчелей; зато въ мѣстахъ, лежащихъ выше, какъ Подгоръ, Горнія-Брчели, Буковикъ, Глуви-до, лучше ракія. Лучшею ракіею считается изъ сравнительно высоко лежащихъ Люботиня, Цекляна, Добрскаго-села и др.

Въ послѣднее время вина все больше и больше производится въ Подгорицѣ, не всегда впрочемъ самими хозяевами виноградниковъ, а торговцами или содержателями корчемъ, которые покупаютъ виноградъ. Оно отличается крѣпостью и особеннымъ вкусомъ, которое многимъ не нравится; а главное—оно скоро портится, что зависитъ, можетъ быть, отъ не вполне хорошей сортировки винограда и вообще отъ выдѣлки и отъ недостатка хорошихъ помѣщеній.

Близъ Подгорицы славится виномъ с. Берн, тоже очень крѣпкое. Прекрасное вино въ Ившивцахъ въ мѣстности Отокъ (при впадениі р. Дреновштицы въ Зету); но его такъ мало, что закупается двоими-троими зажиточными людьми для своего потребленія, а въ продажу не поступаетъ. Въ Барѣ и особенно въ Ульцинѣ съ поселеньемъ тамъ черногорцевъ и поборъ (ускоковъ изъ австрійскаго приморья) посадка лозы принимаетъ значительные размѣры; но куда немногіе выдѣлываютъ хорошее вино. Достаточное количество его производится въ Краинѣ: оно не густого цвѣта, легкое и пріятное; въ томъ же родѣ, болѣе приближающееся къ цермницкому, въ Цеклинской-Жупѣ.

Мы поименовали только главныя мѣстности, въ которыхъ вино составляетъ предметъ торговли; но область, гдѣ оно производится, какъ мы уже видѣли (стр. 609), гораздо обширнѣе.

Другой продуктъ, получаемый изъ винограда,—ракія, которая, какъ мы уже упоминали, гонится изъ выжимокъ, оставшихся послѣ вина. Въ этихъ выжимкахъ оставляютъ нѣсколько жидкости, чтобы онѣ не были совсѣмъ сухи, и въ такомъ видѣ кладутъ ихъ въ мѣдный луженый котелъ (*казан*), вмазанный въ печь, специально для того сбитую изъ глины. Его покрываютъ такою же крышкою (*капан*), вышиною на половину меньше котла и съ трубкой (*лула*) въ видѣ большого носка. Края котла и крышки на смычкѣ обмазываются глиной. Къ трубкѣ въ крышкѣ приставляется другая, такая же, какъ-бы ея продолженіе, которая проводится сквозь кадушечку (*чабар*), наполненную водой, которая служитъ для охлажденія идущаго по ней изъ котла пара и превращенія въ жидкость. Поэтому вода въ кадушечкахъ часто перемѣняется; если есть близко какая-нибудь текучая вода, то она посредствомъ канавки и желобка проводится прямо въ кадушечку. Подъ концомъ упомянутой трубки ставится сосудъ, въ который и течетъ ракія. Изъ котла выгоняется 12—15 окъ ракіи; первая ока, самая крѣпкая отдѣляется и называется *проіенац* и *проток*. Это то же, что спиртъ, 'только при несовершенствѣ способа гонки и простотѣ аппарата далеко не высокихъ градусовъ и отвѣчаетъ нашей крѣпкой водкѣ до 45°. Чтобы сдѣлать еще крѣпче, её перегоняютъ второй разъ, и эта ракія назыв. *препечена*, такъ какъ вообще гнать её говорится *печи* (въ Подгорицѣ, а также въ Барѣ и Ульцинѣ *варити*).

Какъ ни проста и доступна всякому эта манипуляція, а и въ ней нужно искусство, и есть такіе мастера, изъ своихъ же, которые нарочно для того приглашаются. И дѣло это нелегкое въ томъ отношеніи, что производство идетъ день и ночь безостановочно, и на болѣе продолжительное время главному мастеру придается помощникъ. И здѣсь, какъ въ винѣ, требуется большая чистота котла и трубокъ и первый долженъ быть хорошо луженъ; иначе ракія приобрѣтетъ посторонній, всегда непріятный вкусъ. Цѣна ракіи опредѣляется количествомъ градусовъ по австрійскому ареометру. Поэтому нѣкоторые, пока еще не-

многіс, чтобы поднять крѣпость ракіи, въ самый котелъ на выжимки вливають спирта. Это портитъ ракію и знатоки умѣютъ отличить по вкусу.

Тѣмъ же способомъ гонять водку изъ ягодъ тута, изъ смоквъ (винная ягода), изъ дрена; но это только суррогаты, и къ нимъ прибѣгаютъ только тамъ, гдѣ недостаточно или совсѣмъ нѣтъ винограда.

Гонится водка также изъ сливъ въ Васоевичахъ, Колашинѣ, Морачѣ, Никшицкой-жупѣ, частью въ Бѣлопавличахъ, и нѣкоторые на Цетиньѣ. Это — *слива* или *сливовица* (собственно выговариваютъ *шлива* и *шлиловица*).

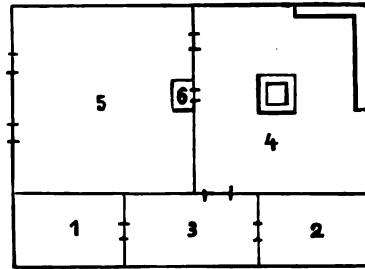
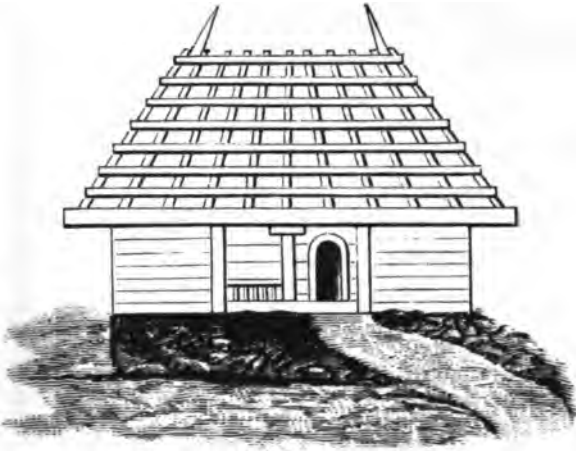
Для этого, какъ и для винограда, берутъ большія кади, которыя наполняютъ сливами, только ихъ не давятъ, а отъ времени до времени промѣшиваютъ палкою. И здѣсь происходитъ броженье, выражающееся кипѣньемъ и шумомъ; а когда броженье окончится, всякое движенье внутри стихаетъ и наверху поднимается сокъ (*шмоик*), а густая масса падаетъ внизъ. Это продолжается нѣсколько недѣль; а тогда вся эта жидкость и густая масса кладутся въ котелъ, и гонка идетъ тѣмъ же способомъ, какъ и изъ винограда.

Въ Васоевичахъ кадучечка, служащая холодильникомъ, называется *крбля*, *каца* или *табарка*; и особый сарайчикъ или только отдѣленіе въ домѣ, гдѣ устроенъ этотъ аппаратъ — *качара*.

Въ сливовицѣ также различается *првенац* или *првоток*, котораго оставляютъ мало; а остальная гораздо слабѣе; мѣстное же населеніе употребляетъ совсѣмъ слабую въ родѣ кислой водицы и пьютъ её не рюмками, а маленькими бутылочками 25 и 50 драмовъ.

Лучшая слива даетъ изъ 1 оки плодовъ 1 литру или $\frac{1}{4}$ оки ракіи въ 15° (австр. ареом.).

Остовъ васоевицкаго дома и планъ (съ размѣрами).

длина всего дома	9 метровъ 82 сантим.
ширина	6 » 87 »
вышина подъ крышу	2 » 20 »

отдѣльныя части:

1 и 2., коморки налѣво и направо отъ дверей (<i>клетъ</i> и <i>тмысел</i>) по . . .	2	»	92	»
3., диванана или триемъ	1	»	55	»
пространство передъ дверьми по длинѣ	1	»	79	»
ширина галлерей или крыльца (<i>триемъ</i>), находящагося подъ на-
вѣсомъ крыши (<i>стража</i>)	1	»	30	»
4., внутри <i>кутъа</i> , гдѣ огнище, занимаетъ по ширинѣ дома	5	»	57	»
а по длинѣ	4	»	88	»
5., тогда для <i>камары</i> при той-же ширинѣ, остается по длинѣ	4	»	94	»
высота передней входной двери	1	»	63	»
6., печь.				

Положеніе оконъ можно видѣть на слѣдующихъ рисункахъ, а также и мѣбу, имѣю-щую до 1 м. 50 с. высоты и служащую стойломъ для скота и погребомъ или складомъ.

Важнѣйшія опечатки и мелкіе авторскіе недосмотры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
I	6 св.	сестрой:	сестрой;
II	18 св.	ума:	ума;
—	3 св.	полати	полача
—	2 »	сельскія	сельскіе
—	1 »	городскія	городскіе
III	1 св.	деревенскіе	деревянныя
—	18 »	— крашеніе:	крашеніе;
IV	2 »	кацела celtis (australis)	косцела (celtis australis)
—	20 »	скота или	скота на зимонку или

ВВЕДЕНІЕ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
XIV	12 св.	(босіока basilica	(босинок, осцим, basilica
XV	3 »	культъ,	культъ;
XX	12 »	ргхемтіо	ргасемтіо

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
9	15 св.	кранной	Кранной
11	4 »	существующія	существующіе
17	въ спискѣ	Ѣ.	Ъ.
22	8 св.	господина	господиу
26	18 »	апрѣля!	апрѣля.

II

<i>Стран.</i>	<i>Строчк.</i>	<i>Намечтано.</i>	<i>Должно быть.</i>
29	17 св.	ђурђевић	ђурђевић
30	11 св.	Банякахъ	Банянахъ
34	14 »	Кралева	Кралоца
—	5 »	канюси	конюси
—	4 »	срѣскаго	срѣскаго
35	4 св.	меѣами	меѣами
—	12 и 18 »		тоже
36	5 »	мече	меге
37	въ сноскѣ	Казнца	Казнца,
—	»	Росовац	Расовац
39	1 св.	изнаѡх меѣи	изнаѡх меѣи
—	10 »	Млаѣе	Млаѣе =
47	2 св.	Жаблякѣ	Жаблякѣ
53	13 »	Но дѣло	Дѣло
55	7 »	Парцаздецомъ	Парца з децомъ
57	1 св.	сего	всего
—	7 св.	Прогановичахъ	Прогоновичахъ
58	въ сноскѣ	Дукљанину	Дукљанину
60	»	ялычаны	лычаныя
66	14 св.	скодранъ	скадранъ
—	7 »	погибули	погибули
71	4 »	Раделю	Радела
76	въ заглавiи	Кучисъ	Кучи съ
86	8 св.	Герцоговины	Герцеговины
90	5	смежность	смежность
92	7 »	Колба	колба
106	14 »	дровнякъ	дровнякъ
108	въ сноскѣ	на	въ
111	11 св.	нее	нея
117	16 »	Когда-то	Когда
123	1 св.	временъ	временъ,
126	8 св.	рѣйшихъ	рѣйшихъ
133	6 »	указывая	указывая,
134	5 »	одною	одною
137	2 »	родьякати	родьякати
140	16 »	правленiемъ	правиломъ
145	14 »	слившихъ	слившихся
149	4 »	кляни	кляни,
—	въ сноскѣ	обратно	обратно
151	4 св.	игнадыше	изнадыше
152	5 св.	и	о
153	9 »	Гласси.	Гласи.
—	въ сноскѣ	Милочевичемъ	Милочевичемъ
158	14 св.	котиранинъ	которанинъ
159	6 »	Никшичѣ	Никшичѣ
161	4 »	Рогаховичъ	Рогановичъ

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
161	3 св.	Вуядникъ	Вуядникъ
167	5 св.	оружје!	оружје,
—	6 »	оружје,	оружје!
168	13 »	Которскіе	Котарскіе
174	16 св.	находеть и	находетьи
175	16 »	но	но и
183	1 »	Валий	Волій
185	3 »	куда	куда,
195	1 »	Баняхъ	Банянахъ
197	3 »	былъ ли	былъ
200	1 св.	по средній	посредній
—	15 св.	случай	случаи
207	8 св.	положеніе	положеніе, какъ
—	9 »	ее	ея
213	9 »	за махи	замахни
223	въ сноскѣ:	отличныя	отличные
228	15 св.	Текла	Тьетна
—	6 »	»	»
229	15 »	казни	казни
233	3 »	болѣе,	болѣе
237	13 св.	завуть	зовуть
238	12 св.	самая семья	въ самой семьѣ
239	2 св.	напоминаеть на	напоминаеть
241	16 »	случаевъ	случаевъ,
243	8 св.	«Ој»	«Ој
252	1 св.	Текла	Тьетна
—	8 св.	такимъ	такимъ
—	4 »	ней	нея
257	6 »	родъ	родъ
260	11 »	Какво	Каква
279	12 »	быто,	быта
293	13 св.	подъ	надъ
301	7 »	мелодіи	мелодіи,
303	5 св.	Чермичане	Цермичане
307	1 св.	барьян —	барьяк —
309	5 св.	различаютъ	различаютъ:
—	4 »	а	и
310	2 »	изводно	изводно
311	7 »	то	тотъ
312	11 св.	пркомаѣастога	пркомаѣастога
324	13 св.	траковица	траковица
326	18 »	козеници	казеници
327	4 »	только	тоже
328	7 »	цвѣтомъ болѣзни	цвѣтомъ
329	1 св.	?	г
—	10 »	горлѣ	шеѣ

IV

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
329	14 св.	pustula	pustula
—	18 »	effassa	effassa
336	6 св.	hypermanganicum	hypermanganicum
351	8 »	«Забрдыя	Забрдыя
353	18 и 14 св.	българица, българска	българица, българска
354	16 св.	carpella	carpella,
—	13 »	zatura	zaturea
—	12 »	centaureum	centaurea
355	16 »	Цермиць	Цермицу
—	15 »	ова	от
371	5 »	нось:	нось и
375	16 »	заводно	заводно
378	2 »	ятель	ятель;
380	1 св.	все	все,
—	7 »	челяде, —	челяде
381	17 »	провести	провести
384	16 св.	нужду	жажду
387	8 »	усмиреніи	умиреніи
391	13 »	боги	беги
403	7 св.	Славинъ-куръ	Славинъ-кукъ
404	9 »	Кранны	Кранны
—	6 св.	1698	1692
420	13 »	одно	едно
421	8 »	низа	ни за
422	13 св.	деміе	деліе
423	8 »	ните	нити
425	7 св.	штану	уштану или уштинцима
426	12 »	узгорнице	узгорнице
431	14 »	слабодити	слабодити
433	4 св.	Голаноц	Голанац
436	1 и 2 »	жилицемъ	огнищемъ
444	въ сноскѣ:	үерлар:	хеллар:
446	2 св.	отворять	отворять
448	6 св.	копетану	капетану
450	6 св.	города:	города
451	5 св.	и въ др. м.)	и въ др. м.) или въ-за гра-
ницы.
453	4 »	для спанья.	для спанья (<i>миндер</i>).
454	14 »	балкамъ	бокамъ
455	3 »	дворами	дворанами
457	6 св.	10 с.	70 с.
462	15 »	стоборове	стоборье
473	11 »	пламя	пламя,
479	10 »	Божигѣ	Божичѣ
—	5 »	саджай	саджакъ
—	4 »	тигонь	тигань

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
480	3 св.	каганецъ).	каганецъ); на ночь зажига-
ютъ лампадку (лумин).
480	3 св.	скемліе	скемліе,
482	12 св.	придѣлано	продѣлано
489	14 св.	Вуксамъ	Вуковичъ
490	11 св.	6 разъ;	6 разъ (италь. <i>vesta</i>).
505	1 »	которая и	которая
516	15 св.	япуджа	япунджа
517	14 »	ногу	ноги
519	въ сноскѣ:	табар	табар,
522	3 св.	когѣна	когѣнъ
524	14 »	расковала?»	расковала.
529	5 св.	обматываютъ	обшиваютъ
531	3 св.	простотой	пестротой
532	3 »	на	ми
536	6 »	припасы	приправы
—	4 »	называется коѣгана	и назыв. каѣгана
541	20 »	головокъ	головъ и ногъ
547	19 »	гловато	главато
548	1 »	майдана	майданость
—	1 »	(копар)	(копар, морач)
551	14 св.	боченокъ	боченокъ наливаютъ водой
552	въ сноскѣ:	штѣто	штѣта
554	7 св.	закаляетъ	закалываетъ
560	1 »	Омерпашна	Омерпашине
560	10 »	јесенась.	јесенась, зимусь.
—	15 »	дня	вечера
561	9 »	(въ Герцоговинѣ: красехъ)	(въ Герцоговинѣ: краяхъ)
563	13 св.	ще	що
564	14 »	подъ	подъ
—	4 »	діонница	діонице
565	2 св.	на мирисмо	намирисмо
569	12 »	Большичей	Бальшичей
575	2 св.	живая	жива
584	15 »	2 м.	1 м.
—	14 »	1/2 м.	17 с.
597	9 св.	Platterbse)	Platterbse
598	14 св.	существуетъ	существовалъ
599	16 »	иѣстахъ	иѣстахъ
—	13 »	сморщивается	сморщивается
608	6 св.	чрница	чрница
609	въ сноскѣ:	вѣшаютъ	вѣшаютъ на садовыя деревья
613	9 св.	завргла	завргла).
615	17 »	иѣстарѣ	иѣстахъ
618	13 »	небольшой	небольшой;
630	15 »	лсакъ	лсацъ

VI

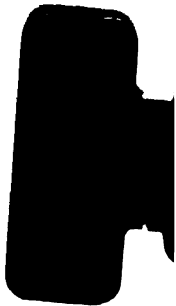
<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
633	1 св.	оставшаяся	оставшююся
640	14 св.	пъеть	ѣсть
642	14 св.	шиповъ	шиповъ;
—	15 св.	кирджей	кирджіѣ
—	12 »	мије обосно	ми је обосмо
—	7 »	гвождое	гвождѣ
—	5 »	подренница	подренница
643	6 св.	тркіе;	тркіе
651	15 св.	рыжая:	рыжая;
659	6 св.	Трешневикъ	Трешневикъ.
—	8 »	Криво-брдо	Криви-до
668	2 »	Вранештицы	Вранештицы;
669	7 св.	вымыла	вымела
676	5 »	моча	мога
699	10 »	пресеть	престъ
700	10 св.		тоже
717	18 св.	ошеломленія	ошеломленія,
—	9 »	крупная,	крупная
—	— »	ловится,	ловится
—	4 »	ловъ	ходъ
720	4 св.	всогопза	всогопза
—	16 »	Волочъ	Волачъ
—	14 св.	маботинянамъ	люботинянамъ
722	2 »	составленъ	составленъ,
723	1 »	рыбы	рыбы,
734	14 »	брадски	бродски
758	9 »	сије	оре
—	3 »	носе	косо
758	14 св.	отдѣляясь	отдаляясь
761	10 св.	кола	коло
771	6 »	также вокругъ	внутри также.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458

1155922

PG
2013
A65
v.63

Akademiia nauk SSSR. Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti.

Сборник. т. 1-101; 1867-1928. Ленинград (Петроград, Санктпетербургъ)

101 v. illuz., plates, ports, maps. 24-27 cm. irregular.

Title varies: v. 1-7, Сборникъ статей, читаныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Includes the proceedings, annual reports and monographs with special title pages and separate paging, most of them containing biographies and bibliographies of members and men of letters, etc.

"О Второмъ отдѣленіи Академіи наукъ Академикъ Я. К. Грота": v. 1, no. 5.

"Исторія Россійской академіи": v. 11, 14, 16, 19, 22, 31, 37, 41

Сухоминова":
Sbornik.

